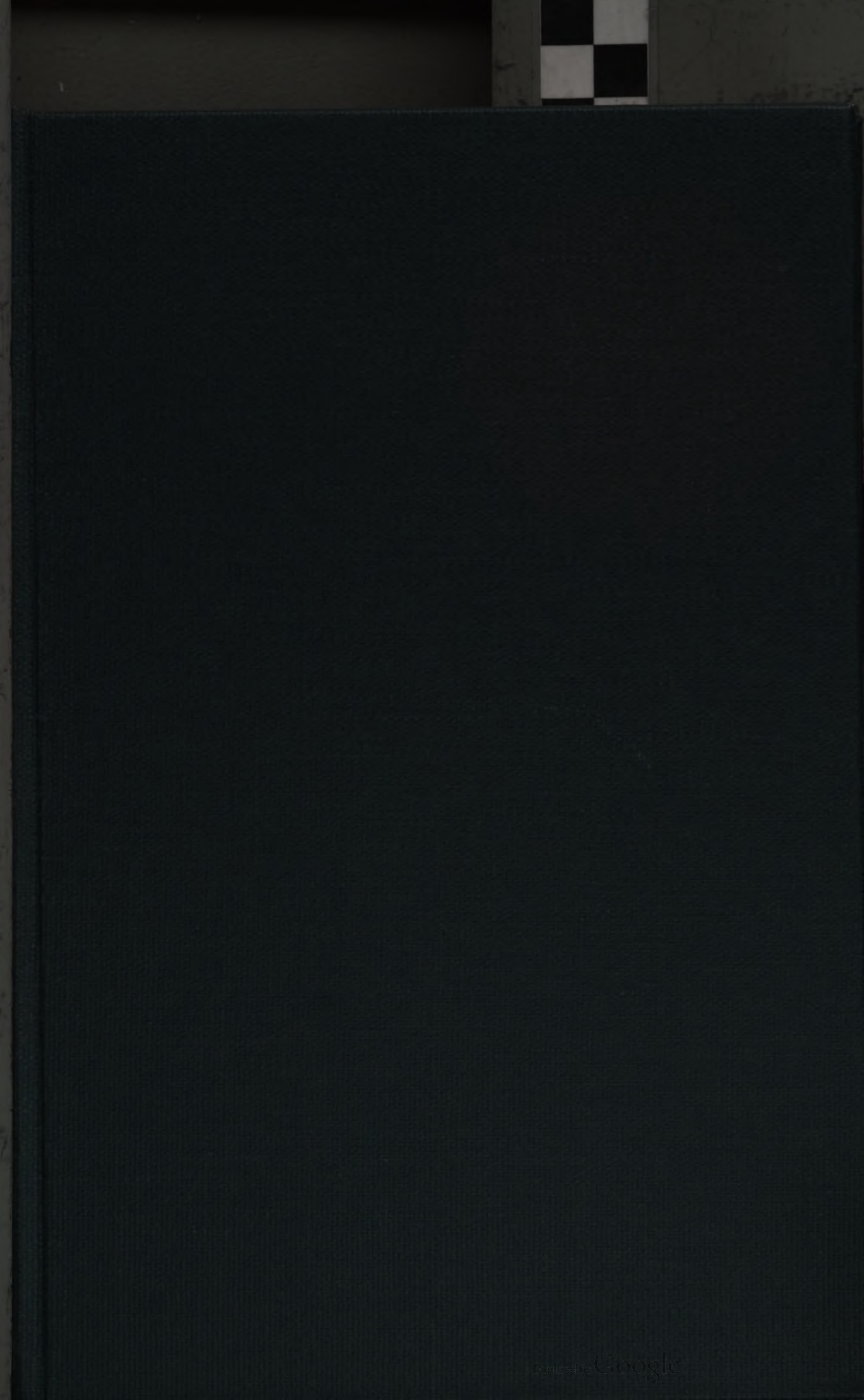

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1861

ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

1861

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Цѣны на серебро.

ТРУДЫ И ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА исторіи и древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 40 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ. Часть 1-я. 1815 г., ц. 30 сер., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я Русская Правда. 1843 г., ц. 75 к., пер. за 2 ф.; Ч. 3-я Слово о Полку Игоревѣ. 1844 г., ц. 75 к., пер. за 2 ф.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ для Россійской исторіи, г. Эверса, пер. съ Нѣм. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 75 к., перес. за 2 ф.

ДРЕВНОСТИ СѢВЕРНАГО БЕРЕГА ПОНТА, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣм. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

ОБОЗРѢНІЕ КОРМЧЕЙ КНИГИ въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

КОРСУНСКІЯ ВРАТА въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмецкаго П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3. ф.

СУПРАСЛЬСКАЯ РУКОПИСЬ, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ. М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

ПСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.

РУССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. на 3 ф. за каждый.

ПОВѢСТВОВАНІЕ О РОССІИ, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбышева. М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 р., перес. за 13 ф.

КНИГА ПОСОЛЬСКАЯ МЕТРИКИ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданныя Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ф.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ временныхъ лѣтъ Червонной или **ГАЛИЦКОЙ РУСИ** до конца XV столѣтія, соч. Д. Зубрицкаго; пер. съ Польскаго О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

КНИГА, БОЛЬШОЙ ЧЕРТЕЖЪ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книг. Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О РУССКОМЪ ВОЙСКѢ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его до Петра 1-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп.. перес. за 2 ф.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ЗАМѢЧАНІЯ И ЛЕКЦІИ о Русской исторіи, М. Погодина М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, ц. 4 р., перес. за 6 ф.

ИСТОРІЯ О ДОНСКИХЪ КОЗАКАХЪ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2.

ОБЪЯВЛЕНІЕ
ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1862 ГОДУ ЖУРНАЛА:
ЧТЕНІЯ
ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ
ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ
ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ будутъ издаваться и въ наступающемъ 1862 году, какъ повременное изданіе, четыре раза, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря, по книжкѣ отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ сжатаго набора. Содержаніе каждой изъ нихъ составятъ: I. Изслѣдованія, II. Матеріялы: Отечественные, III. Славянскіе, IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Четвертая книжка выйдетъ въ самомъ непродолжительномъ времени, еще въ Декабрѣ.

ПОДПИСКА ГОДОВАЯ:

Пять рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкою въ другія мѣста *шесть*.

Съ требованіями обращаться:

1. Въ самое Общество, или

2. Къ Коммиссіонеру Общества, Московскому книгопродавцу, Ивану Васильевичу Базунову, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, противъ Университетской Типографіи.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1861.

ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Января 21-го дня, 1862 года.

Цензоръ Гиляровъ-Платоновъ.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О

РУССКИХЪ ШКОЛЬНЫХЪ КНИГАХЪ

XVII ВѢКА.

Въ послѣднее время въ Русской литературѣ появилось нѣсколько трактатовъ относительно обученія юношества въ до-Петровской Руси. Но такъ какъ почти до настоящей поры предметъ этотъ мало обращалъ на себя вниманіе нашихъ археологовъ, и отъ того мало подвергался ихъ изслѣдованію, то и эти послѣдніе трактаты, не имѣя возможности опереться на какіе либо выводы, полученные прежними изыскателями Русскихъ древностей и исторіи нашего образованія, имѣютъ интересъ только, какъ попытки къ объясненію того, что такъ важно для исторіи нашего развитія. Это происходитъ отъ того, что ученые воспользовались далеко не всѣмъ, что предлагаетъ намъ наша древняя письменность и что хранится еще по разнымъ библіотекамъ въ неизданныхъ, но почти всѣмъ доступныхъ, рукописяхъ, ожидающихъ нашей разработки. Конечно, матеріалы эти не такъ богаты, чтобы по нимъ можно было надѣяться отчетливо уяснить и способы нашего обученія и методъ, и даже объемъ его; однако, если бы мы по возможности воспользовались всѣмъ, что намъ доступно, то свѣдѣнія наши относительно образованія до-Петровской Руси были бы не такъ скудны, какъ въ настоящую пору. Основываясь большею частію на однихъ догадкахъ, тогда какъ, съ небольшими усиліями, можно было бы найти и положительные факты касательно тогдашняго обученія юношества, одни изъ изыскателей ограничиваютъ объемъ этого обученія чтеніемъ Часословца

1

и Псалтыри, другіе, напротивъ, мало-мало не заставляютъ дѣтей до-Монгольской Руси изучать философію во всѣхъ ея метафизическихъ тонкостяхъ. Разумѣется, и то и другое — крайность, происходящая отъ того, что изыскатели упустили изъ виду одно обстоятельство, именно: они не хотѣли обратить должнаго вниманія на памятники нашей древней письменности, которая одна въ состояніи рѣшить недоумѣнія и привести насъ, хотя немного ближе, къ истинѣ, чѣмъ всѣ простыя догадки.

Въ настоящее время я имѣю возможность пользоваться нѣсколькими драгоцѣнными памятниками нашей письменности XVII-го вѣка, которые еще нигдѣ не были ни напечатаны, ни упомянуты, и которые могутъ служить къ объясненію многихъ интересныхъ сторонъ древней Русской педагогики. Матеріалы эти заключаются въ пространной рукописи, носящей названіе «Азбуковника» и вмѣщающей въ себѣ нѣсколько разныхъ учебниковъ того времени, сочиненныхъ какимъ-то «первостранникомъ», и отчасти списанныхъ имъ съ другихъ тогдашнихъ изданій, которыя всѣ озаглавлены тѣмъ же именемъ, хотя и различны по содержанію и имѣютъ особенный счетъ листовъ.[1] Въ нихъ нѣтъ собственно азбукъ, букварей, тѣхъ первоначальныхъ учебниковъ, въ которыхъ помѣщались—весь алфавитъ, потомъ склады и слова поучительныя съ чтеніемъ нѣкоторыхъ молитвъ; но Азбуковники эти заключаютъ въ себѣ, по видимому, руководства къ чтенію для дѣтей, уже отчасти грамотныхъ, и руководства для самихъ учителей. Въ нихъ находятся даже правила для учащихъ и учащихся, что въ наше время обыкновенно входитъ въ кругъ «Уставовъ объ училищахъ»; за тѣмъ въ нихъ помѣщены въ образцы сочиненія писемъ, посланій къ высшимъ лицамъ и благодѣтелямъ, что теперь мы можемъ найти въ нашихъ образцовыхъ письмовникахъ.

Одна половина этого Азбуковника, имѣющая особенный счетъ листовъ, имѣетъ и свое предисловіе и оглавленіе статей, въ ней помѣщенныхъ. Предисловіе это довольно оригинально и заключаетъ въ себѣ отъ первой до послѣдней строки панегирикъ розгѣ, которою будто бы самъ Духъ Святый велитъ бить дѣтище; въ немъ есть

---

[1] Рукопись эту довѣрилъ мнѣ Преосвященнѣйшій Аѳанасій, Епископъ Саратовскій, которому считаю долгомъ свидѣтельствовать глубокую признательность за его великодушное снисхожденіе. Я пользуюсь этими матеріалами, на сколько они могутъ служить поясненіемъ предмета, взятаго цѣлью моей статьи.

даже призываніе благословенія Божія на тѣ лѣса, которые родятъ добрыя розги, и, по мнѣнію сочинителя Азбуковника, самая лучшая розга «черемховая двоюлѣтняя» для малыхъ дѣтей, а для болѣе взрослыхъ березовая; по его же словамъ, одна розга ведетъ дѣтей прямымъ путемъ до неба. Впрочемъ, для интересующихся предметомъ, мы позволяемъ себѣ выписать все это обращеніе къ розгѣ, написанное стихами. Вотъ оно:

«Въ предисловія мѣсто сіе полагаемъ.
Розгою Духъ Святый дѣтище бити велитъ,
Розга убо ниже мало здравія вредитъ.
Розга разумъ во главу дѣтемъ вгоняетъ,
Учитъ молитвѣ и злыхъ всѣхъ встягаетъ.
Розга родителемъ послушны дѣти творитъ,
Розга Божественнаго писанія учи́тъ.
Розга аще и біетъ, но не ломитъ, кости,
А дѣтище отставляетъ отъ всякія злости.
Розгою аще отецъ и мати часто біютъ дѣтище свое,
Избавляютъ душу его отъ всякаго грѣха.
Розга учитъ дѣлати вся присно ради хлѣба,
Розга дѣти ведетъ правымъ путемъ до неба.
Розга убо всякимъ добротамъ научаетъ,
Розга и злыхъ дѣтей въ преблагія претворяетъ.
Розгою отецъ и мати еже дѣтище не біютъ,
Удаву на выю его скоро увіютъ.
Вразуми, Боже; матери и учители,
Розгою малыхъ дѣтей быти ранители.
Благослови, Боже, оные лѣса,
Иже розги добрые родятъ на долгія времена.
Малымъ дѣтемъ розга черемховая двоюлѣтняя,
Сверстнымъ же брезовая къ воумленію,
Черемховая же къ страхованію ученія,
Старымъ же дубовый жезлъ къ подкрѣпленію.
Младъ бо безъ розги не можетъ ся воумити,
Старый же безъ жезла не можетъ ходити.
Аще ли же безъ розги изъ млада возрастится,
Старости не достигъ, удобь скончится.»

Подобное обращеніе къ розгѣ очень обыкновенно въ нашихъ старинныхъ учебникахъ. Въ печатной азбукѣ 1679 года находится такое же увѣщаніе о пользѣ наказанія, гдѣ говорится, что розга умъ остритъ, возбуждаетъ память и вообще исправляетъ «глупыхъ» и лѣнивыхъ дѣтей; между прочимъ увѣщаніе это говоритъ къ дѣтямъ:

«Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте:
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте!» [1]

Вообще надо замѣтить, что наша древняя педагогія считала необходимымъ на первой разъ показывать себя дѣтямъ съ такой стороны, которая и пріохотила бы ихъ къ ученію и въ то же время вложила бы въ сердце ихъ страхъ наказанія за лѣность и нерадѣніе, и рѣдкое предисловіе учебной книги оставалось безъ этой обыкновенной угрозы, хотя самое обученіе не было такъ сурово и жестоко, какъ нѣкоторые предполагають, основываясь на однихъ этихъ увѣщаніяхъ. А увѣщанія были дѣйствительно суровы. Такъ, этотъ же самый Азбуковникъ, предисловіе котораго приведено нами выше, въ самомъ первомъ отдѣлѣ, передъ началомъ алфавита, озаглавливается слѣдующими словами: «Школьное благочиніе, всеспасительное ученіе:»

«Хотящимъ Божественныхъ книгъ навыкати,
Умомъ и сердцемъ прилѣжно внимати,
Должно есть всѣмъ сіе сохраняти,
Учителево приказаніе опасно соблюдати.
Не покаряющимся полагаемъ клейпотъ —
Учителевъ ремень плѣтной.»

Послѣ этого заглавія, которое все написано киноварью, слѣдуетъ стихотворное наставленіе, обращающее къ дѣтямъ слѣдующую рѣчь:

«Младоумный и маловозрастный отрочà,
Въ дѣтскихъ глумленіихъ борзо скачà:
Въ сердцы своемъ скрый словеса сія,
Да насладится сердце твое беседы сея;
Еще азъ тебѣ хощу сказати,
Тебе младаго отрока во благое наказати:
Малая моя словеса присно внимай,
Ты же ими ко исправленію ся взимай,
И добрѣ сохраняй.»

Содержаніе самихъ Азбуковниковъ соотвѣтствуетъ характеру тогдашняго образованія, нося на себѣ печать нравственно религіознаго направленія ума нашихъ предковъ. Но это содержаніе само по себѣ драгоцѣнно для насъ многими указаніями на способъ обученія юно-

---

[1] Статья г. Забѣлина: «Домашній бытъ Русскихъ Царей». VII, От. Зап. за 1854 г. N. 12, Отд. II, стр. 99, 100.

шества, школьную дисциплину, на порядки, какіе были заведены въ тогдашнихъ Русскихъ училищахъ; въ немъ мы находимъ, хотя безъ системы и разбросанными по разнымъ учебникамъ, правила для учащихся, наставленія, какъ вести себя дома, въ училищѣ, въ церкви и на улицѣ, и, наконецъ, указанія на тѣ школьные обычаи, которые существовали у нашихъ предковъ, нѣкоторые сохранились еще и до настоящаго времени.

Прежде всего я постараюсь собрать, сколько могу, разсѣянныя въ этихъ Азбуковникахъ указанія на тотъ порядокъ, которому слѣдовали педагоги тогдашняго времени въ наученіи дѣтей книжному разумѣнію, и на правила, которыми руководствовались они, слѣдуя больше принятому обычаю и примѣру своихъ предшественниковъ и не имѣя законныхъ постановленій (какъ это существуетъ теперь), на которыхъ бы могли основать школьную дисциплину.

Самое первое, что мы видимъ при чтеніи Азбуковниковъ, это существованіе отдѣльныхъ училищъ, особыхъ домовъ, гдѣ собиралось Русское юношество для наученія «книжному дѣлу.» Были ли для этого устроены особенныя зданія на общественный счетъ, или на частномъ иждивеніи, или мѣстомъ обученія были дома и квартиры самихъ наставниковъ, положительно этого мы рѣшить не смѣемъ; но что дѣти собирались въ извѣстномъ домѣ, въ училищѣ, и занимались тамъ ученіемъ до вечера или до вечеренъ, потомъ расходились по домамъ, это достовѣрно и доказывается очень многими мѣстами Азбуковниковъ, Впрочемъ, въ опредѣленіи Стоглава постановлено быть училищамъ при домахъ духовныхъ лицъ. Не рѣшаемся утверждать также и того, чтобы дѣти, во все время своего обученія, находились безотлучно въ самыхъ зданіяхъ училищъ [1]; можетъ быть, это было прежде, но въ XVII вѣкѣ этого не было, или, по крайней мѣрѣ, существовали и такія училища, въ которыхъ дѣти не жили постоянно, какъ въ пансіонахъ, а приходили изъ дому утромъ и послѣ обѣда, находясь въ остальное время при родителяхъ. Этому мы найдемъ нѣсколько подтвержденій въ нашихъ же Азбуковникахъ. Важное свидѣтельство читаемъ мы въ нихъ относительно того, въ какихъ слояхъ Русскаго общества было распространено, если не образованіе, приличное тому времени, то, по крайней мѣрѣ, гра-

---

[1] О древне-Русскихъ училищахъ, Н. Лавровскаго. Харьковъ, 1854, стр. 105, 107.

мотность. Въ одномъ азбуковникѣ, сама мудрость, поучая юношество и совѣтуя родителямъ всѣхъ состояній и званій, даже земледѣльцамъ, отдавать своихъ дѣтей въ наученіе къ ней, «прехитрой словесницѣ», говоритъ между прочимъ: «сего ради присно глаголю и глаголя непрестану людямъ благочестивымъ во слышаніе, всякаго чина же и сана, славнымъ и худороднымъ, богатымъ и убогимъ, даже и до послѣднихъ земледѣльцевъ, да своя неискусолюбныя дѣти на таковое славословіе всесильнаго Бога и благоразумное ученіе вдаютъ; не оскорбляйтеся убо, ниже печаль си имѣютъ о невѣжествующихъ и грубородныхъ отроковъ, но и сихъ удобь отдавайте.» Конечно, по этимъ словамъ мы не можемъ еще судить и дѣлать приговоръ о распространеніи грамотности между поселянами (этимъ нельзя еще и теперь похвалиться); но что такое явленіе считалось уже возможнымъ въ то время, въ нашей старой Руси, это неоспоримо. Впрочемъ, намъ довольно и того, если мы знаемъ, что въ школахъ до-Петровской Руси могло обучаться юношество всякого состоянія и всѣхъ сословій, начиная отъ знати до самыхъ послѣднихъ земледѣльцевъ.

Весь день, по правиламъ Азбуковниковъ, распредѣленъ былъ для дѣтей слѣдующимъ образомъ. (Не надо забывать, что правила эти были въ самихъ учебникахъ и выучивались дѣтьми при упражненіяхъ въ чтеніи):

«Въ дому своемъ, отъ сна воставъ, умыйся,
Прилучившагося плата краемъ добрѣ утрися,
Въ поклоненіи святымъ образомъ продолжися,
Отцу и матери низко поклонися.
Въ школу тщательно иди,
И товарища своего веди,
Въ школу съ молитвою входи,
Тако же и вонъ исходи.»

Въ другомъ Азбуковникѣ эти же самыя правила выражены нѣсколько иначе, съ указаніемъ на то, что въ заграничныхъ училищахъ приняты другіе школьные обычаи, но что у насъ, «въ Словенороссіи сіе зазорно мнится.» Все же остальное почти дословно сходно съ правилами перваго Азбуковника, только написано не стихами, а прозой, какъ весь этотъ Азбуковникъ. «Прилѣпляющійся мнѣ, глаголетъ мудрость, и ищущій отъ мене благаго разума, въ домѣхъ своихъ рано востаютъ, и умывся, образу Божію нижай-

шимъ поклоненіемъ съ продолженіемъ да поклонится, и у рождшихъ благословеніе испросивъ, утренюетъ ко мнѣ, си есть порану ко учителю приходитъ... Въ храмъ учителевъ, си есть въ школу, съ молитвою благоискусно да входиши и, по нижайшихъ образу Божію поклоненіихъ, учителю достодолжнымъ нижайшимъ поклоненіемъ и дружинѣ твоей обычно да поклонишися, и за мя любезную тобою мудрость пріимися, и изученное проглаголати не спѣшно потщися. Аще нѣцыи и въ навечерій во время вечерняго пѣнія говорити повелѣваютъ и тако расходитися и о семъ писаніе повѣствуетъ, яко во иностранныхъ мѣстахъ тако творится, у насъ же въ Словенороссіи сіе зазорно мнится».

Это значитъ, что уроки прослушивались въ обычное время утромъ, такъ что; сказавъ старый урокъ ученикъ принимался за изученіе «новаго стиха» до самаго «вечерняго пѣснопѣнія», съ тѣмъ, чтобъ назавтра знать выученное и утромъ сказать его учителю. Все это расположено было такъ, съ той цѣлью, чтобъ вечеромъ можно было ученикамъ итти къ вечерни, чего въ иностранныхъ школахъ не соблюдали. Далѣе продолжаетъ: «Егда же дойдеши, его же учиши стиха, подобаетъ тебѣ, любезный мой, прежде, предъ образомъ Божіимъ ставъ, помолитися молитвою сею: «Господи Іисусе Христе Боже нашъ, содѣтелю всея твари, вразуми мя и научи книжнаго писанія, и симъ увѣмъ хотѣнія твоя, яко да славлю тя во вѣки вѣковъ аминь.» И поклонився трижды съ молитвою Іисусовою, начинай стихъ тихо, а не борзяся.»

Собравшись въ школу и сказавъ учителю прежде выученные уроки, юношество начинало учиться. При этомъ, конечно, произносились всѣмъ классомъ общія молитвы за успѣхъ ученія, съ соблюденіемъ тѣхъ требованій, которыя помѣщены въ Азбуковникахъ:

> «Молитвы ваши со умѣреннымъ гласомъ купно да бываютъ,
> Кричаніе же и верескаліе пользы и умиленія отнюдъ не подаваютъ.»

Каждый ученикъ потомъ занималъ назначенное ему мѣсто, при чемъ, какъ видно, садились по достоинству, т. е., каждый занималъ мѣсто, указанное ему дидаскаломъ. Относительно поведенія во время классовъ, въ Азбуковникахъ находимъ слѣдующія правила и увѣщанія:

> «Малін въ васъ и велицыи вси равни,
> Ученій же ради вящшихъ мѣстомъ да будутъ знатни.»

Далѣе, въ другомъ мѣстѣ:

«Не потѣсняй мѣстомъ ближняго твоего,
И не называй прозвищемъ товарища своего.»

Или:

«Тѣснотою другъ ко другу не согнѣтайтеся,
Колѣнями и лядвіями не присвояйтеся.»

Въ другомъ мѣстѣ:

«Данное тебѣ учителемъ кое мѣсто,
Ту житіе твое да будетъ вмѣстно;
Дружняго мѣста не восхищай,
И товарищевъ своихъ не утѣсняй.»

Тѣ же самые совѣты даетъ «Мудрость» юношеству въ другомъ Азбуковникѣ. Сказавши учителю свой урокъ и прочитавъ молитву, которую мы видѣли выше, ученикъ долженъ былъ сѣсть на свое мѣсто и поступать такъ, какъ совѣтуетъ «Мудрость»: «Во дружинѣ твоей и братіи смиренъ буди и благоискусенъ во всемъ, не празднослови, не смѣйся, очима не намизай, ниже озирайся сѣмо и овамо, яко изумленный; ближняго не уничижи и не утѣсни; полуименемъ, паче же прозваніемъ, никого не называй.»

По нѣкоторымъ отрывкамъ, разсѣяннымъ безъ всякой связи въ этихъ учебникахъ, можно видѣть, какъ строго наблюдалось, чтобъ ученики вели себя благопристойно и въ школѣ и внѣ школы; правила благопристойности и простаго приличія мѣшаются здѣсь съ правилами нравственными. Хотя трудно привести въ систему эти отрывки, однако мы постараемся выписать ихъ въ возможномъ порядкѣ. Касательно поведенія учениковъ въ школѣ и вообще наблюденія за ихъ поступками и нравственностью, находимъ слѣдующія увѣщанія:

«Въ школу съ молитвою входи,
Тако же и вонъ исходи;
Въ школу добрую рѣчь вноси,
Изъ нея же словеснаго сору не износи.
Въ домъ отходя, школьныхъ бытностей не кажи,
Сему и всякаго товарыща своего накажи.»

Въ другомъ мѣстѣ:

«Добро́ты ближняго страстнѣ не зри,
И близъ единъ другаго не спи.»

Духомъ смраднымъ никто же изъ васъ да зловонитъ,
Таковая отъ того страсть біеніемъ ся да отгонитъ.
Данный урокъ кійждо васъ изъучивъ,
И, изъ школы исходя, отъ учителя прощеніе получивъ,
Двери школы, входяй и исходяй,
Тихо и благоискусно отворяй и затворяй.
Деннаго ли урока кто не изъучитъ,
Таковый отъ біенія свободы не получитъ.»

Надо замѣтить, что два Азбуковника, совершенно различные, и по содержанію и по формѣ, въ отношеніи правилъ о нравственности и наставленій къ учащимся, совершенно сходны между собою. Въ самомъ дѣлѣ, что въ одномъ изъ нихъ говорилось касательно поведенія учащихся дома, то же самое сказано и въ другомъ; потомъ, какъ въ прозаическомъ Азбуковникѣ учащіеся предостерегаются отъ разныхъ неприличныхъ поступковъ, именно, чтобъ не тѣсниться къ товарищамъ, глазами «не намизать», не давать товарищамъ кличекъ, такъ точно и въ риѳмованномъ Азбуковникѣ находимъ это же самое, только выраженное другими словами:

«Егда кто ближняго будетъ назирати
И очима своима страстнѣ намизати,
Ему же біеніе будетъ нещадно,
Да инымъ къ тому будетъ не повадно.»

Или:

«Не потѣсняй мѣстомъ ближняго твоего,
И не называй прозвищемъ товарыща своего.»

На счетъ обращенія съ книгами, въ риѳмованномъ Азбуковникѣ говорится къ ученикамъ, чтобы они, «замкнувъ» книгу, всегда клали ее печатью кверху и не оставляли бы въ ней указки, которая называется здѣсь «указательнымъ древцомъ»; чтобъ книгъ не бросали на скамейкахъ, а отдавали бы ихъ «старостѣ» (старшій въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ), который долженъ класть ихъ въ назначенное мѣсто; чтобъ ученики не очень разгибали книги и безъ дѣла не перелистывали бы ихъ; чтобъ не забавлялись книжными украшеніями, «паволоками», а старались бы понять написанное въ нихъ.

«Книги ваши добре храните
И опасно на мѣсто свое кладите;
Книгу, замкнувъ, печатію къ высотѣ полагай,

Указательнаго же древца въ ню отнюдъ не влагай;
Книги къ старостѣ въ соблюденіе съ молитвою приносите,
Тако же и заутро пріимая съ поклоненіемъ относите;
Книги своя не вельми разгибайте,
И листовъ въ нихъ туне не пребирайте;
Книгъ на сѣдалищномъ мѣстѣ не оставляйте,
Но на уготованномъ столѣ добрѣ поставляйте.
Книгъ аще кто не брежетъ,
Таковый души своея не стрежетъ.
Книжными паволоками не забавляйтеся,
Но написанными въ нихъ вразумляйтеся.»

То же самое выражено въ другомъ Азбуковникѣ, чѣмъ еще больше доказывается, что эти школьные обычаи были во всеобщемъ употребленіи и вошли въ правила школьной дисциплины, выражаясь въ разныхъ учебникахъ одними и тѣми же фразами, какъ видимъ изъ слѣдующихъ отрывковъ: «Аще гдѣ пойдеши, книгу твою вышшею страною, внизъ не клади, ниже горнею, си есть вышшею страною, яко бы стремоглавно поставивши, но долнею страною во обоихъ и ставляй и полагай: оно бо есть незнающихъ и невѣжествующихъ дѣло. Древца указательнаго въ книгу не клади, но тако просто, или чимъ тончайшимъ преложивъ, замкни, и на уготованномъ мѣстѣ честно полагай.» [1]

Самая одинаковость выраженія этихъ мѣстъ въ томъ и другомъ Азбуковникѣ, тожество фразъ и повтореніе ихъ въ разныхъ мѣстахъ одинаковымъ образомъ, все доказываетъ, что фразы эти имѣли полное гражданство въ правилахъ нашей древней школьной дисциплины и, по всей вѣроятности, составляли часть, если можно такъ сказать, цѣлаго уложенія объ училищахъ до-Петровской Руси, которое, если и не было писано, то, по крайней мѣрѣ, въ полномъ составѣ сохранялось въ памяти самихъ наставниковъ, и частью изустно, частью въ рукописныхъ учебникахъ, передавалось юношамъ въ назиданіе. Такъ, строжайшее приказаніе ученикамъ не пересказывать внѣ школы того, что говорилось имъ семейнымъ образомъ, или вообще не выносить за порогъ школы словеснаго сору повторяется одинаковымъ образомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и не въ одномъ Азбуковникѣ, а въ разныхъ, на примѣръ, въ одномъ мѣстѣ сказано:

---

[1] Въ другомъ мѣстѣ велѣно передавать книги книгохранителю.

«Въ школу добрую рѣчь вноси,
Изъ нея же словеснаго сору не износи.
Въ домъ отходя, школьныхъ бытностей не кажи,
Сему и всякаго товарища своего накажи.»

Въ другомъ мѣстѣ:

«Словесъ смѣхотворныхъ и подражненіе въ школу не вноси,
Дѣлъ же бываемыхъ въ ней отнюдъ не износи.»

Въ третьемъ:

«Школьный соръ вонъ износите,
Бытностей же и рѣчей отнюдъ не износите.»

Не останавливаясь долго на каждомъ изъ такихъ мѣстъ, отдѣльно взятыхъ, я буду продолжать указывать на тѣ правила учебниковъ, которыя сами приведутъ насъ, хотя отчасти, къ результатамъ, которыхъ мы ищемъ и которыхъ въ правѣ ожидать. Азбуковники велятъ ученикамъ бережно обращаться съ школьной посудой; на ихъ обязанности возложено было попеченіе, чтобы приносить въ школу свѣжую воду и выносить вонъ лахань съ водою настоялой; они должны были мыть столъ и лавки своей школы и пр., что выражено въ слѣдующихъ осьми стихахъ:

«Сосуды прилучающіяся въ школѣ ставляйте и кладите тихо,
Да небреженія ради приключится вамъ малое лихо;
Сосудъ воды свѣжія въ школу приносити,
Лахань же съ настоялою водою вонъ износити;
Столъ и лавки часто вами да мыются,
Да приходящимъ въ школу не гнюсно видится,
Симъ бо познается ваша личная лѣпота,
Аще у васъ будетъ школьная чистота.»

О значеніи этой обязанности—мыть и выносить лахани и пр., которая въ наше время кажется такою странною, мы не будемъ теперь разсуждать, а лучше взглянемъ на другія, подобныя же правила и обязанности, возлагаемыя на учениковъ до-Петровской Руси, и увидимъ, что онѣ были, по тогдашней порѣ, своевременны, и нисколько не странны, какъ не странны, слѣдующія, на примѣръ, требованія:

«Хараканія и иныя волглости вонъ да исплюеши,
Предъ ближнимъ и среди школы да не повержеши;
Хрипленія горлянаго и сопѣнія носоваго не имѣйте,
Но яснорѣчно учимое и всякое реченіе имѣйте.»

Или эти правила:

«Отнюдъ не обнажай при товарыщахъ руки и ноги твоея,
Тако же и самъ не зри страстнѣ наготы своея.
. . . .
. . . .
Отнюдъ не прикасайтеся къ чесому любосластнѣ,
И доброты ближняго не зрите любострастнѣ.»

Строго запрещается шумъ и крикъ, чтобы, де, сосѣди не подумали о насъ дурно; шапки велѣно класть на грядку; велѣно мести школу и выносить «соръ», только не «словесный»; на обязанности учениковъ лежало поочередно топить школу, и «школу кто нагрѣваетъ, той и все въ ней пристрояетъ». Впрочемъ, приведемъ и это мѣсто:

«Школьнымъ ученикомъ всѣмъ приказъ,
Ослушникомъ же и огурщикомъ будетъ указъ:
Шумъ и крикъ не полезный здѣ да не явится,
Любяй сіе, съ нами таковый не водворится,
Шутка и глумленіе въ васъ отнюдъ да не услышится,
Да не ближними нѣкоими зло о насъ помыслится.
Шапки и одежды на грядку да полагаете,
И оттуду паки бережено взимаете;
Школа всегда у васъ чиста да пребываетъ,
Подметена же и безпорошна и исчищена да бываетъ;
Школьный соръ вонъ износите,
Бытностей же и рѣчей отнюдъ не износяте.
Школьныя недостатки третій староста [1] да знаетъ
И вся потребы прилѣжно да сматряетъ;
Школу нагрѣвайте и метите повсядневно,
Староста же сему нарежаетъ почередно;
Школу кто нагрѣваетъ,
Той и все въ ней пристрояетъ;
Школу кто хощетъ нагрѣвати,
Всякое дѣло съ молитвою начинати;
Школы двери и окна напрасно не отворяйте,
Но паче тепло въ ней зберегайте.»

За тѣмъ ученики предостерегаются отъ воровства, отъ неприличнаго обращенія съ «дружиной», т. е., съ товарищами; запрещается класть руки на книгу; ради нужди гдѣ кому отходити—

[1] О «старостахъ» въ нашихъ древнихъ училищахъ будетъ сказано ниже: сколько ихъ было, изъ кого выбирались они, и ихъ обязанности.

позволено только четырежды на день, и не иначе какъ съ позволенія старосты; за тѣмъ велѣно вымыть руки и садиться за ученье:

«Руки своя храните отъ краденія
И на книги ваша кладенія;
Рукою ближняго отнюдъ не ухващай
И льстивымъ словомъ отнюдъ не увѣщай.
. . . .
. . . .
Ради нужди кому отходити,
Къ старостѣ для отпусту съ молитвою приходити;
Ради того четырежды днемъ ходите,
Немедленно же паки оттуду приходите;
Руки для чистоты да измываете,
Егда тамо когда бываете.»

То же самое есть и въ неримованномъ Азбуковникѣ: «аще камо ходиши, не долго медли, но скоро возвращайся, и измывъ руцѣ, настоящему ученію касайся.»

Пить позволялось три раза на день и позволеніе это зависѣло также отъ старосты:

«Кажди ради по трижды днемъ да испиваете,
И сихъ ради у старосты съ молитвою бываете.»

Наконецъ, относительно наказанія лѣнивыхъ, въ древнихъ учебникахъ находимъ довольно много указаній, потому что лоза, розга и жезлъ были любимыми темами, надъ которыми изощряли свое остроуміе словоохотливые въ этомъ случаѣ предки; ни одна статья школьныхъ уставовъ до-Петровской Россіи не развита такъ подробно и не изукрашена всѣми хитрословесными вымыслами, какъ статья о наказаніяхъ. Но изъ этого мы не въ правѣ заключать, что въ древне-Русскомъ обученіи преобладала жестокость и неумѣренно-суровое обращеніе съ учениками: суровость, съ необходимыми спутниками жезломъ, ремнемъ, плетью, лозою и розгой, и, вдобавокъ, съ ужасающимъ школьнымъ козломъ, выражалась искусно сплетенными виршами, и каждый «списатель» учебника фантазировалъ на эту тему, сколько его душѣ было угодно; это было простое словесное устрашеніе, которое, конечно, не всегда и не во всей мѣрѣ выполнялось, но все таки выполнялось, хотя и не такъ часто, какъ оно встрѣчается въ учебникахъ при всякомъ удобномъ случаѣ и почти на каждой страницѣ; не говорю уже о томъ, что предисловія

и послѣсловія рѣдко забывали эту словесную угрозу и всегда почти были исполнены указаніями на страхъ жезла и учителя. Но какъ бы то ни было, г. Забѣлинъ гораздо прямѣе взглянулъ на способъ обученія нашего юношества въ древней Руси, чѣмъ гг. Купріяновъ и Лавровскій, по мнѣнію которыхъ, въ обращеніи съ дѣтьми, у нашихъ предковъ господствовали въ высшей степени гуманныя начала: первый изъ нихъ опирается на выраженіе Стоглава, что велѣно, де, учить дѣтей «не яростію, ни жестокостію, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ, и любовнымъ обычаемъ, и сладкимъ поученіемъ и ласковымъ утѣшеніемъ» [1], а больше никакъ; по мнѣнію втораго, педагогъ древней Руси никогда не былъ суровъ, а чрезвычайно ласковъ и всегда младенцы сладостно кутіею кормляше. [2] Можетъ быть, дѣтей и кормили кутьей, но за то и сѣкли такъ же, какъ предполагаетъ г. Забѣлинъ, особенно въ той Руси, въ которой необходимы были правежи и батоги, [3] и гдѣ и въ наше еще время воспитаніе дѣтей, какъ домашнее, такъ и общественное, по большей части, не обходится безъ розогъ.

Выше мы видѣли уже предисловіе, гдѣ говорится, что будто бы самъ Духъ Святый велитъ бить дѣтище розгою, что только розга ведетъ дѣтей прямымъ путемъ до неба, и тому подобные доводы; видѣли также и другія указанія на то, что юношеству нашему часто повторялось увѣщаніе о розгѣ и ремнѣ, о уваженіи къ бичу и жезлу. Это въ предисловіяхъ. Но и въ самихъ учебникахъ, между серьознымъ содержаніемъ, посвящалось довольно много страницъ предмету о наказаніяхъ, и всѣ такія разглагольствованія очень забавны, тѣмъ болѣе, что въ нихъ мы видимъ нашихъ предковъ, съ ихъ взглядами на вещи и привычками, съ ихъ понятіями о воспитаніи и обученіи. На примѣръ, въ одномъ мѣстѣ риѳмованнаго Азбуковника говорится, что лѣнивыхъ писаніе велитъ бить лозами, и въ слѣдъ за тѣмъ самой лозѣ посвящается почти такое же похвальное слово, какъ и розгѣ въ приведенномъ выше предисловіи:

«Лѣнивыхъ писаніе велитъ бити лозами,
Отъ нихъ же то изводится бываемыми слезами;

---

1 Купріяновъ: «Замѣтки для исторіи просвѣщенія въ Россіи», въ Спб. Вѣд. N. 163 (изъ «Степен. книги»).

2 Лавровскій: «О древне-Русск. училищахъ», стр. 103 (тоже изъ «Степен. книги»).

3 Забѣлинъ: «Характеръ древняго народнаго образованія въ Россіи», въ Отечеств. Записк. 1856 г., N. 3, Отд. II, стр. 6.

Лѣнивымъ здѣ является лоза,
Его же налагается имъ гроза.
Лѣнивіи внимайте,
Наказаніе мое пріимайте.
Лоза дѣтемъ разумъ во главу вгоняетъ.
И отъ злыхъ на добрая дѣла возставляетъ,
Лоза родителемъ дѣти послушными сотворяетъ,
Божественнаго разума премудрѣ научаетъ;
Лоза дѣтей всякимъ добротамъ научаетъ
И злый обычай удобь отлучаетъ;
Лозою кая мати дѣтище не бьетъ,
Удаву на шію скоро ему свіетъ.»

Изъ этого отрывка всякій можетъ видѣть, что даже правила о наказаніяхъ такъ дословно сходны въ разныхъ мѣстахъ учебниковъ, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ прочности тѣхъ положеній касательно училищной дисциплины, которыя разсѣяны по тогдашнимъ учебникамъ и которыя мы отчасти привели въ возможномъ порядкѣ: выраженія какъ въ тѣхъ, такъ и въ этихъ послѣднихъ правилахъ о наказаніи, ясно говорятъ, что они переходили изъ устъ[1] въ уста, какъ пословицы, какъ нравственныя сентенціи, не чуждыя для всякаго Русскаго. Выпишемъ еще нѣсколько такихъ правилъ о наказаніи учащихся.

Въ одномъ мѣстѣ говорится:

«Естьли кто ученіемъ облѣнится,
Таковый ранъ терпѣти не постыдится.»

Въ другомъ:

«Внимайте словамъ моимъ учительскимъ,
Да не будете повинни ранамъ мучительскимъ.»

Сами ученики говорятъ учителю:

«Бываемъ всегда страшни тебе,
И тѣмъ отъ побой соблюдаемъ себе.
Безъ наказанія ли твоего пребудемъ,
Воистину честни нигдѣ не будемъ.»

Учитель говоритъ ученикамъ:

«Аще въ наказаніяхъ моихъ пребудеши,
То вездѣ честенъ будеши;
Аще въ данныхъ тебѣ урокахъ облѣнишся,

[1] Опять то же самое выраженіе, которое ученики говорятъ учителю.

То и ранъ терпѣти не постыдишися.

. . . .

. . . .

Аще хощеши ранъ избыти,
Всегда надобно учливу быти;
Аще въ написанныхъ сихъ словесѣхъ не пребудеши,
Вѣстно буди, яко безъ побой не пробудеши.»

Въ Азбуковникѣ нериемованномъ нѣтъ такихъ обильныхъ разглагольствованій о наказаніяхъ, и о нерадивыхъ «Мудрость» говоритъ очень немного, именно: «посѣтити имамъ таковаго жезломъ наказанія и ранами смирити имамъ даже до плача и слезъ», и пугаетъ лѣнивыхъ тѣмъ, что они не только «въ настоящемъ семъ ученіи множицею біени будутъ», но «и вся дни живота своего въ злостраданіи и убожествѣ поживутъ и, злѣ дни своя скончавъ, вѣчно мучеми будутъ.»

Въ числѣ наказаній, бывшихъ въ употребленіи у нашихъ предковъ, упоминается и обыкновенный въ настоящее время способъ оставлять лѣниваго безъ обѣда:

«Егда кто урока даннаго не изъучитъ,
Таковый изъ школы свободнаго отпуста не получитъ.»

Не забыта также и скамейка, этотъ «школный козелъ», на которомъ «посѣщали лѣнивыхъ жезломъ наказанія и ранами смиряли даже до плача и слезъ», какъ сказано:

«Егда кто другъ друга злѣ уничижитъ,
Таковый съ терпѣніемъ на школномъ козлѣ полежитъ.»

Упоминается еще одно наказаніе, но признаться, мы его рѣшительно не можемъ понять:

«Школьныхъ всѣхъ жителей утробное испражненіе
Вступающимъ на лавку ученикомъ будетъ устрашеніе.»

Догадываться можно, однако, что извѣстное мѣсто, въ то время, исправляло должность карцера.

Въ Азбуковникахъ нѣтъ никакихъ доказательствъ на то, чтобы школьные фискалы пользовались почетомъ: но если товарищамъ и приходилось выдавать проступокъ одного какого либо шалуна, то это дѣлалось съобща и такъ, что самъ учитель находилъ виновнаго. На примѣръ, ученики такъ говорятъ своему наставнику:

Въ нѣкоторыхъ изъ насъ есть вина,
Которая не предъ многими деньми была;
Виновніи, слышавъ сіе, лицемъ рдятся,
Понеже они нами смиренными гордятся.

И дѣйствительно, по нѣкоторымъ отрывкамъ Азбуковниковъ, можно видѣть что между юношествомъ училищъ до-Петровской Руси, товарищество считалось дѣломъ похвальнымъ и благороднымъ, и возстановить противъ себя товарищей наушничествомъ и подлостью никто не осмѣливался. За то, изъ числа самихъ учениковъ, учитель избиралъ надсмотрщиковъ за нравственностью и поведеніемъ товарищей; надсмотрщики эти назывались **старостами**, что, кажется, вполнѣ соотвѣтствуетъ школьному выраженію нынѣшнихъ среднеучебныхъ заведеній, именно слову **старшій**. Старосты избирались изъ воспитанниковъ прилежныхъ и самой безукоризненной нравственности; правила требовали, чтобъ старосты «**не были къ ядѣнію любосластны**: таковіи бываютъ и къ возрѣнію любострастни.» По словамъ одного Азбуковника, избирались они на томъ основаніи, что такъ какъ пастыри безсловесныхъ скотовъ сзываютъ свое стадо голосомъ и словомъ устрашаютъ его и «отвращаютъ отъ пути, амо же не лѣпо имъ ходити», да кромѣ того имѣютъ и «псовъ добрѣйшихъ, могущихъ олаяти стадо, да гласъ его нѣцыи отъ звѣрей слышавъ, не внидутъ во стадо, во еже восхитити что и стадо разпудити;» такъ какъ еще «множицею и пастырь отъ труда усыпаетъ, или отходитъ,» а «бодрый песъ единъ стережетъ добрѣ,» то тѣмъ болѣе пастырю словесныхъ овецъ, учителю, подобаетъ блюсти учениковъ и «хранити ихъ, яко зѣницу ока» (**много бо несмысльства и всякого неразумія привязано суть къ души отрочати**), и для этого, говоритъ къ учителю мудрость: «имѣй у себе, въ остереганіе ихъ, добрѣйшихъ и искусныхъ учениковъ, могущихъ и безъ тебе оглашати ихъ пастырскимъ твоимъ словомъ... Аще суть добри пристави, да не по твоемъ отшествіи, или снѣ, ученицы твои уклонятся въ развращенія и бесѣды пустошныя, и не точію ученіе оставятъ, но и на ина нѣкая злая діаволъ научитъ.»

О количествѣ старостъ можно предполагать различно. Есть указанія на то, что староста былъ одинъ, по словамъ Азбуковника: «единаго изъ васъ въ старосты изберу.» Но вѣроятнѣе всего, что ихъ избиралось **трое**, какъ говорятъ многія мѣста Азбуковниковъ: «тріехъ старостъ вамъ устраяю, коему коемуждо особное приказаніе уставляю.»

Касательно обязанности старостъ есть много указаній въ Азбуковникахъ. Прежде всего и главнѣе обязанность ихъ была наблюдать за нравственностью товарищей во время отсутствія учителя, почему они имѣли право даже наказывать виновныхъ, по своему усмотрѣнію; старосты должны были прослушивать уроки прочихъ учениковъ, слѣдовательно, исполняли должность нынѣшнихъ авдиторовъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ; они должны были смотрѣть за книгами учащихся, отпускать учениковъ пить и для другихъ нуждъ, должны были наблюдать, есть ли въ школѣ вода для питья, вытоплена ли печь, подметена ли комната, для чего назначался отъ старосты одинъ изъ учениковъ поочередно; наконецъ, на одного старосту возложена была обязанность, ради нужди, учениковъ на дворъ отпущати и зловоннаго духа ощущати. Но я постараюсь всѣ обязанности старостъ передать, сколько возможно, словами самихъ Азбуковниковъ. Главное мѣсто слѣдующее:

Тріехъ старостъ вамъ устраяю,
Коемуждо особное приказаніе уставляю:
Тіи вся бывающая въ васъ да смотряютъ,
Виноватыхъ, по винѣ смотря, безъ мене да смиряютъ;
Тіи должны суть: единъ книги пріимати и отдавати,
Другій недостатки воды досмотряти и пить отпускати;
Третій нужди ради на дворъ отпущати
И зловоннаго духа долженъ есть ощущати.
Тіи должны быть безпристрастни,
Да не, на нихъ зря, иніи будутъ страстни.

Нѣсколько ниже, въ этомъ же Азбуковникѣ, учитель, обращаясь къ одному изъ старостъ, говоритъ ему о надсмотрѣ за книгами и велитъ чаще прослушивать учениковъ:

Часто тебѣ, староста, приказываю,
И всѣмъ вамъ прилѣжно наказываю:
Честію книги всегда пріимай,
И на уготованное мѣсто благоискусно полагай,
Честно же и за утро взимай
И съ молитвою всѣмъ отдавай;
Часто безъ мене учениковъ прослушай,
И всякому благоискуству ихъ поучай.
Чинно въ приказаніихъ моихъ пребудете,
То никогда отъ мене біени будете.

Еще ниже:

Школные недостатки третій староста да знаетъ,
И вся потребы прилѣжно да сматряетъ;
Школу нагрѣвайте и метите повсядневно,
Староста же сему нарежаетъ почередно, и т. д.

Слѣдующее мѣсто говоритъ въ пользу того, что могъ быть и одинъ староста въ школѣ, и тогда онъ или исполнялъ, вѣроятно, свою обязанность за троихъ старостъ и былъ представителемъ учителя, или, можетъ быть, онъ уже не исполнялъ вовсе обязанностей трехъ старостъ, а былъ просто только представителемъ учителя:

Единаго изъ васъ въ старосты изберу,
Ему же васъ въ повиновеніе приведу,
Ему же вси вы покоряйтеся
И ученія своими у него прослушайтеся;
Егда же самъ азъ буду въ дому,
Не лѣнивъ буду и азъ къ тому. [1]

Наконецъ, послѣднее мѣсто:

Жажди ради по трижды днемъ да испиваете,
И сихъ ради у старосты съ любовію бываете, и т. д.

Такими правилами руководствовались педагоги до-Петровской Руси, въ отношеніи нравственнаго наставленія своихъ питомцевъ и въ отношеніи школьныхъ обычаевъ, которые отчасти высказались въ приведенныхъ нами отрывкахъ. Изъ нихъ мы нѣсколько узнаемъ, какіе обычаи приняты были въ тогдашнихъ школахъ, какъ должны были вести себя ученики въ школѣ и дома, какія лица наблюдали за нравственностію юношества и проч. Еще надо прибавить къ этому, что правила тогдашнихъ училищъ строго слѣдили за религіознымъ направленіемъ учащихся и училищная дисциплина тѣсно была связана съ ученіемъ о вѣрѣ, съ уваженіемъ догматовъ Православной религіи; хожденіе въ церковь для слушанія божественной литургіи вмѣнено было въ непремѣнную обязанность обучающемуся юношеству, и нерадѣніе къ догматамъ вѣры наказывалось въ юношахъ гораздо строже, чѣмъ въ другихъ возрастахъ. [2] Можно

[1] Не вѣрнѣе ли будетъ предположить, что это былъ особенный, такъ сказать, экстраординарный староста, наряжавшійся собственно замѣнять отсутствующаго учителя?

[2] О хожденіи въ церковь сказано: «Се бо есть ваше дѣтское въ школѣ учащихся дѣло, паче же совершенныхъ въ возрастѣ.»

думать, что ученики обязаны были непремѣнно ходить въ церковь, не только въ воскресенье и въ праздничные дни, но и въ простые дни слушать вечернюю службу: благовѣстъ къ вечерни возвѣщалъ имъ окончаніе классовъ. Передъ этимъ окончаніемъ ученія, воспитанники прослушавались старостами и учителемъ. За тѣмъ, говоритъ мудрость, «егда отпущени будете, вси купно воставше и книги своя книгохранителю вдавше, умѣреннымъ возглашеніемъ вси купно и единогласно воспѣвайте всегда молитву Преподобнаго Симеона Богопріимца: ««Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко»», и пр.,[2] и Пресвятѣй Богородицѣ о пріятіи ученія и молитвъ вашихъ глаголите: ««Преславная присно Дѣво»» и пр.

Вспомнимъ, что эту же самую молитву: «Нынѣ отпущаеши», еще до сихъ поръ продолжаютъ читать въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ; въ гимназіяхъ и другихъ казенныхъ училищахъ этотъ обычай вывелся и, вмѣсто древней молитвы, читаютъ сочиненную въ новѣйшее время: «Преблагій Господи», при началѣ классовъ, и: «Благодарю Тебя, Создателю», въ концѣ; въ Университетахъ же ни то, ни другое; но «Нынѣ отпущаеши» еще и теперь читаютъ въ нашихъ сельскихъ, домашнихъ школахъ, гдѣ старина, конечно, нашла себѣ пріютъ на долгое время. Какъ бы то ни было, но мы знаемъ, какъ въ школахъ XVII вѣка начиналось и оканчивалось ученіе, и какъ должны были вести себя дѣти въ самихъ училищахъ. Нѣтъ въ этихъ Азбуковникахъ ясныхъ указаній, въ какое время распускали учащихся къ обѣду; впрочемъ, это не важно для исторіи образованія въ Россіи, если бы мы даже и знали точно этотъ часъ; но насъ приводитъ въ сомнѣніе одно мѣсто Азбуковника, гдѣ говорится, между прочимъ, что учитель долженъ читать часто своимъ ученикамъ «полезная писанія», относящіяся къ ихъ настоящему положенію, или о мудрости, для поощренія къ ученію, или о школьной дисциплинѣ, или о праздникахъ, и это онъ обязанъ прочитывать имъ каждый день, преимущественно же во время хлѣбоядения и полуденнаго отъ ученія престанія. Но какъ могли слушать эти правила ученики, когда они распускались по домамъ и обѣдали каждый съ своими родителями? Для того, чтобы ученики

---

[1] Въ риѳмованномъ Азбуковникѣ:

Хощете ли при вечерѣ въ домы своя отходити,
Молитву: «Нынѣ отпущаеши» лѣповозгласно проговорити.

имѣли возможность за обѣдомъ слушать эти учительскія чтенія, остается предположить, что къ обѣду ихъ не распускали. Тогда явится необходимость дѣлать заключенія о томъ, что они обѣдали въ школѣ; а это предположеніе ведетъ за собой новую догадку, что они имѣли въ школѣ общій столъ. Такъ, на чей счетъ готовился этотъ столъ? На общественныя деньги? Но эти догадки заведутъ насъ слишкомъ далеко и поднимутъ такіе вопросы, на рѣшеніе которыхъ мы не надѣемся при настоящихъ средствахъ. Остается допустить, что эти непонятныя выраженія Азбуковника сказаны только относительно тѣхъ немногихъ учениковъ, которые постоянно находились при учителѣ, особенно когда многія школы существовали при монастыряхъ, и тогда для насъ сдѣлается яснѣе еще одно выраженіе изъ другаго Азбуковника, гдѣ слагатель дѣлаетъ такое предостереженіе учителю: «Лягутъ ли гдѣ ученицы твоя когда спати, дивися, аще не на тѣхъ же мѣстахъ имутъ востати.» Какимъ образомъ учитель могъ видѣть спящихъ учениковъ и наблюдать за ихъ нравственностью во время сна, если они не жили при самихъ школахъ? Но не беремся рѣшать этихъ недоумѣній съ помощью однихъ Азбуковниковъ, находящихся въ нашихъ рукахъ; а предполагать, вѣроятно, можетъ всякій болѣе или менѣе правдоподобно, и потому мы не утверждаемъ своихъ предположеній. Можетъ быть, послѣ сами собой разрѣшатся эти недоумѣнія.

Мы остановились на томъ, что звонъ къ церковной службѣ былъ знакомъ окончанія классовъ; ученики должны были итти къ вечерни, и учитель въ этомъ случаѣ предостерегаетъ ихъ, чтобъ они стояли въ церкви благопристойно, «потому что, прибавляетъ онъ, всѣ знаютъ, что вы учитесь въ школѣ!» [1] Не только въ церкви ученики должны были вести себя пристойно своему званію, но училищныя правила требовали, чтобъ и по улицамъ они ходили тихо и прилично, какъ говоритъ премудрость: «Егда же учитель отпуститъ васъ въ подобное время, со всякимъ смиреніемъ до дому своего идите; шутокъ и кощунствъ, пханіа же другъ друга и біеніа, и рѣзваго бѣганіа, и каменоверженіа, и всякихъ не подобныхъ дѣт-

[1] Звонъ къ церковному пѣнію егда слышите,
Ученіе оставльше, усердно тамо поспѣшите;
Знаеми всѣмъ тамо кроткимъ стояніемъ бывайте,
Понеже вси знаютъ, яко въ школѣ пребываете.

скихъ глумленій да не водворится въ васъ: творяй бо таковая нѣсть отъ овецъ моихъ, но отъ непотребныхъ и смрадныхъ козлищъ, любящихъ строптное хожденіе, отъ нихъ имъ бываетъ паденіе и сокрушеніе.... И егда минуете святую церковь и узритъ кто образъ Христовъ, не мини, еже не помолитися со изреченіемъ симъ: ««Пречистому Твоему образу покланяемся, Благій»», и ту стоя, или идя, точію скончай. Аще ли не умѣеши первое, довольно ти есть, дондеже изучиши. Такожде и Пресвятыя Богородицы образу помолишися со изреченіемъ: ««Подъ Твое благоутробіе прибѣгаемъ, Богородице Дѣво»», и прочее. Вѣдый буди, яко скорая на помощь всѣхъ насъ умолитъ Сына своего, Христа Бога нашего, еже дати тебѣ истинное познаніе во святыхъ писаніихъ.» Запрещено было также ученикамъ ходить безъ надобности по улицамъ, въ особенности же бѣгать туда, гдѣ по какому либо случаю собирается народъ.

На обрѣтающееся позорище отнюдъ не ходите,
Но паче въ домы своя со смиреніемъ ходите.

Оканчивая объясненіе школьныхъ обычаевъ, какими находимъ ихъ въ Азбуковникахъ, мы должны еще прибавить, что въ воскресные и праздничные дни ученики собирались утромъ въ школу, но уже не учились, а должны были «точію выученное изговорити и настоящій стихъ трижды,» и до начатія литургіи слушали разныя поученія и объясненія праздниковъ, за тѣмъ отходили въ церковь. Этотъ обычай сходенъ съ существующимъ еще въ настоящее время обыкновеніемъ въ окружныхъ (т. е., уѣздныхъ) училищахъ Войска Донскаго, гдѣ воспитанники по воскресеньямъ обязаны собираться въ заведеніе и слушать чтеніе Евангелія, которое должно читаться въ тотъ день въ церкви; а учитель объясняетъ имъ значеніе и смыслъ сказаннаго въ Евангеліи. Послѣ того всѣ учащіеся и наставники идутъ въ церковь.

Училищныя правила въ до-Петровской Россіи требовали непремѣннаго исполненія еще нѣкоторыхъ обычаевъ, которые въ наше время сохранились не вездѣ. Мудрость, совѣтуя учителю не возноситься борзоучащимися учениками и не оскорбляться грубоучащимися, велитъ ему заставлять тѣхъ и другихъ ежедневно прославлять мудрость, призывать на помощь Бога и «любезный много стихъ купно глаголати: «Премудрости наставниче и смыслу Давче»», и прочее до конца. Потомъ ученики должны читать слѣдующую ученическую молитву: «Господи помози, Господи поспѣши, Господи вразуми рабъ

своихъ грамотѣ учитися и добрѣ писати. Даруй намъ, Господи Боже, разумъ истинный, очима прилѣжное зрѣніе, помыслъ не мятеженъ и умъ достаточенъ; всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.» Если же который нибудь изъ учениковъ лѣнится, или, какъ говоритъ Азбуковникъ,» болитъ грубоученіемъ и невниманіемъ учимаго», то учитель долженъ призвать священника и прочитать молитвы, какія обыкновенно читаются надъ неудобоучащимися грамотѣ; но кромѣ молитвы онъ долженъ читать ему разныя полезныя наставленія «отъ писаній», или разсказывать «просторѣчнымъ сказаніемъ» о тѣхъ лѣнивыхъ, о которыхъ говорится въ житіяхъ Святыхъ, какъ на примѣръ, у Сергія Радонежскаго, Александра Свирскаго и другихъ; преимущественно же онъ долженъ разсказывать ему о томъ отрокѣ, который каждый день читалъ молитву Пресвятой Богородицѣ, прося ее о дарованіи ему памяти, вниманія и способностей къ ученію, и которому она явилась и сказала: ««Не точію грамотѣ отсюду будеши умѣти, но и главу твою скорбную улѣчу.»» Также точно учитель долженъ передавать лѣнивымъ ученикамъ разсказъ о нѣкоемъ Удонѣ, которому тоже Богородица въ видѣніи сказала: «Отселе будеши грамоте умѣти.» Цѣлью этихъ разсказовъ, конечно, было пріохотить нерадиваго къ ученію и возбудить въ немъ ревность и охоту къ наукамъ, и, намъ кажется, въ этихъ разсказахъ гораздо больше смысла, чѣмъ въ тѣхъ выдуманныхъ сказкахъ, которыми наполнены нынѣшнія дѣтскія книжки, или еще болѣе—въ подаркахъ и игрушкахъ, которыми нынѣшняя педагогика обыкновенно возбуждаетъ въ дѣтяхъ желаніе учиться, и учиться больше изъ за того, что въ перспективѣ ожидаетъ ихъ, за каждую выученную букву алфавита, или пушка, или барабанъ.

Святые, покровительствующіе книжному наученію, считались у насъ Косма и Даміанъ, Пророкъ Наумъ и тотъ Святой, въ честь котораго дано имя учащемуся при крещеніи. Относительно двухъ первыхъ покровителей ученія у насъ достовѣрно до сихъ поръ не было извѣстно; по крайней мѣрѣ г. Лавровскій, въ разсужденіи своемъ: «О Древне-Русскихъ училищахъ», говоритъ, что письменнаго свидѣтельства о призываніи учащимися этихъ Святыхъ онъ не находитъ нигдѣ, а по аналогіи съ Греческими школьными обычаями заключаетъ, что, вѣроятно, и у насъ почитались эти святые, какъ патроны учащихся. Предположеніе г. Лавровскаго оправдывается нашими Азбуковниками, въ которыхъ прямо сказано, что «есть обычай

многимъ (учащимся) совершати любезная святымъ Безсребренникомъ Космѣ и Даміану, и святому Пророку Науму, и ангелу своему, его же святаго тезоименитство имать.» [1] Относительно Пророка Наума нашъ Азбуковникъ открываетъ новый фактъ, именно то, что и въ древней Россіи учащіеся призывали на помощь этого Святаго, какъ покровителя наукъ, чѣмъ и объясняется существующее даже до сихъ поръ обыкновеніе у нашего простонародія и въ среднихъ сословіяхъ передъ началомъ ученія молиться Пророку Науму, такъ же какъ объ успѣшномъ ученіи молятся Іоанну Богослову (въ Азбуковникахъ о немъ же упомянуто, какъ о покровителѣ собственно письма); въ Семинаріяхъ же въ день сего Святаго всѣ богословы отъ ученія свободны.

Наконецъ, самый послѣдній школьный обычай, изъ котораго мы можемъ отчасти усмотрѣть состояніе тогдашняго ученаго сословія, т. е., класса учащихъ и его отношенія къ другимъ классамъ, это—обычай кормить учителя, показывающій зависимость его въ матеріяльномъ отношеніи отъ тѣхъ сословій, которыя вручали ему дѣтей своихъ для наученія книжному разумѣнію. Такъ, изъ Азбуковниковъ мы видимъ, что учители нуждались иногда въ самыхъ необходимыхъ предметахъ жизни, и ученики должны были по праздникамъ приносить своему дидаскалу съѣстныхъ припасовъ, кто что могъ, какъ говоритъ къ нимъ самъ учитель:

Ко учителю въ день недѣлный на поклонъ приходите,
И отъ снѣдныхъ брашенъ и питія ему приносите.

Или:

Честь достойную учителю воздавайте,
И отъ домовъ своихъ брашна и питія ему приношайте

---

[1] Г. Лавровскій приводитъ даже изъ Дюканжа (Constantinopolis Chrstiana. Lib. III, p. 122) стихи Іоанна Евхаитскаго ко храму Космы и Даміана:

Καθ' ἣν ὁμοῦ σύνεισιν οἱ γεγράμενοι
Ἀνάργυρος μὲν ὁ τρόπος τοῖς σ·γγόνοις.
Τέχνῃ διατροὶ, θαυματουργοὶ τε πλέον.
Ἣν οὖν θέλεις, ἄμισθον ἐξαιτοῦ χάριν,
Θεῖα γὰρ ἐγγὺς, εὐτυχὴς δὲ καὶ τέχνη.

«О Древне-Русскихъ училищахъ», стр. 119. Значитъ, у Грековъ Косма и Даміанъ считались покровителями учащихся. Но съ какого времени и по какому случаю сдѣлались они покровителями наукъ, намъ неизвѣстно.

Эти приношенія натурой, впрочемъ, очень естественны въ такомъ обществѣ, которое еще не имѣло низшихъ учебныхъ заведеній, устроенныхъ на общественный счетъ, и потому между учителемъ и учениками, по необходимости, должны были дѣлаться договоры относительно платы за ученіе, и эта плата была отчасти натурой, отчасти деньгами; приношеніе же съѣстныхъ припасовъ въ праздничные дни было, вѣроятно, школьнымъ обычаемъ, который и записанъ въ правилахъ училищъ. Что эти приношенія были добровольныя, какъ приношенія, освященныя обычаемъ и временемъ, видно изъ нѣкоторыхъ образцовыхъ писемъ, въ которыхъ педагоги обращаются за помощью къ родителямъ своихъ воспитанниковъ. Эти письма также помѣщены въ Азбуковникахъ. Въ одномъ изъ нихъ, которое начинается словами: Государю такому-то (т. е., имя рекъ) бьетъ челомъ и плачется работничишко твой такой-то» и пр., говорится, между прочимъ: «Помяни благоутробіе свое ко мнѣ, работничишку, Господа ради и благоцвѣтущія отрасли благонаслажденнаго древа, единороднаго своего и любезнѣйшаго сына, и пресладкаго ради божественнаго ученія, благоцвѣтущія ради отрасли твоей наученія, а тебѣ, Государю, на душевное утѣшеніе: пожалуй мнѣ, работничишку твоему, на школное строеніе, мнѣ же съ домашними на пропитаніе, благоутробне смилуйся!» Мы не выписали всѣхъ любезностей, которыми наполнено письмо отъ первой до послѣдней строчки: всѣ его высокія выраженія клонятся единственно къ тому, чтобъ, въ концѣ письма, попросить на пропитаніе и на «школьное строеніе.» Въ чемъ состояло это «школьное строеніе,» мы не знаемъ. Еще одно изъ такихъ писемъ до того оригинально, что мы никакъ не можемъ удержаться, чтобъ не выписать изъ него нѣсколько любопытныхъ выраженій. Послѣ великолѣпнаго предисловія, проситель говоритъ такими словами:

Прикажи, Государь, намъ отъ класорасленыхъ плодовъ запасцу дати,
И отъ пресвѣтлыя твоея трапезы говядъ и тинолюбящія свиніи преподати;
Со всѣми же сими желаемъ и птахъ водоплавныхъ,
Иже обрѣтаются въ домѣхъ вашихъ преславныхъ,
Отъ млекъ згущеннаго и отъ семенъ изгнетеннаго масла,
Да въ приходящій праздникъ усладятъ наша брашна.
Возъодари происходящимъ сквозѣ огнь и воду,
Да благопотребно будетъ нашему дому.
Высокорасленнымъ огорченнаго пива добрѣйшаго,

4

Пчелодѣлнаго меду сладчайшаго.
Молимъ Бога, дабы о сихъ всѣхъ тебѣ, Государю, извѣстилъ,
Насъ же, богомолцовъ своихъ, всѣми сими посѣтилъ. [1]

Я не буду вдаваться въ разысканіе подробностей касательно опредѣленія возраста, въ который начиналось у насъ обученіе грамотѣ; не стану также объяснять методъ и способъ, принятые нашими древними педагогами въ наученіи дѣтей азбукѣ, начиная отъ алфавита и складовъ до чтенія по верхамъ, не зная, какой былъ составъ древнихъ букварей. Незнаніе это не наноситъ, впрочемъ, большаго вреда наукѣ и, вѣроятно, не для многихъ любопытны эти подробности, не важныя для исторіи педагогіи вообще и для исторіи образованія Россіи въ особенности, и мы оставляемъ ихъ тѣмъ болѣе, что не могли почерпнуть ихъ изъ нашихъ Азбуковниковъ, да и въ другихъ историческихъ памятникахъ древней Руси ихъ не много. Напротивъ того, о школьной дисциплинѣ, о школьныхъ обычаяхъ мы сочли необходимостью сказать, сколько могли. До-Петровская Русь была такъ своеобычна, жила такой своеобразной жизнью, что для разгадки ея, намъ мало аналогіи нашего отечества со всѣмъ остальнымъ Западомъ; уясненію древней Россіи не поможетъ вся полная исторія обычаевъ и жизни Западныхъ народовъ: для этого безсильна даже, такъ близкая намъ по всему, исторія Византіи. До Петра Россія стояла и развивалась, если только можно назвать развитіемъ ея медленный ростъ, слишкомъ отдѣльно отъ всего, ее окружающаго, и этого постепеннаго, едва замѣтнаго, перехода отъ Руси до-Монгольской къ Руси временъ Іоанновъ, отъ Руси временъ Годунова къ Руси, воспитавшей Петра, этого нравственнаго окрѣпленія Руси мы не знаемъ, а видимъ только,—и то слишкомъ слабо,—что до Монголовъ Россія была такою-то, при Іоаннахъ такою-то, въ XVII-мъ вѣкѣ такою-то. И семнадцатый вѣкъ мы знаемъ всего менѣе, а еще менѣе оцѣнили его. Движеніе впередъ (и при томъ энергическое движеніе), какое сдѣлала Россія въ этомъ вѣкѣ, и котораго мы еще не поняли и, кажется, не хотимъ понять, одно это движеніе объясняетъ намъ появленіе Петра: личность его не выросла сама изъ себя, отдѣльно

---

[1] О крѣпкихъ напиткахъ просили еще болѣе вычурно и замысловато, такъ что и догадаться трудно, о чемъ идетъ рѣчь: «Прикажи, Государь, сосудъ наполнити питія именитаго, званіемъ втораго и осмаго и пятдесятъ—перваго»! Это—вина (в=2, и 8, н=50, а—1!).

и самобытно, какъ у насъ принято понимать, а явленіе ея вполнѣ подготовлено XVII-мъ вѣкомъ, и такая личность необходимо должна была явиться, если не съ державой, то, по крайней мѣрѣ, съ перомъ въ рукахъ. И не эта одна личность начала преобразованіе Россіи: его началъ XVII-й вѣкъ, хотя не такъ быстро и дружно, какъ Петръ, не разрушая вѣковыхъ «забобоновъ», какъ ломалъ ихъ Петръ, и не отнимая у народа того, что ему дорого — народности. Если бы событія шли своимъ чередомъ, то, безъ потрясенія основныхъ началъ народности, Россія едва ли бы скоро достигла тѣхъ итоговъ, къ которымъ она приведена была насильно. Къ сожалѣнію, это правда и, можетъ быть, своего, національнаго, утратила бы меньше. Повторяемъ: въ исторіи развитія нравственныхъ силъ нашего отечества XVII-й вѣкъ занимаетъ едва ли не первое мѣсто.

Отъ того такъ важно для насъ все, что сколько нибудь объясняетъ это, едва замѣчаемое теперь нами, броженіе умственныхъ силъ Россіи въ періодъ, предшествовавшій явленію Петра Великаго. Потому болѣе это важно, что еще и теперь мы смотримъ на свою старину съ высоты величія XIX-го вѣка: изъ снисхожденія мы, пожалуй, не отказываемъ ей въ грамотности, даже болѣе, говоримъ, что предки наши очень любили читать и слушать Священное Писаніе. Но это снисходительное признаніе грамотности нашихъ предковъ слишкомъ недостаточно: хотя мы и не видимъ въ немъ упрека и обвиненія до-Петровской Руси въ варварствѣ, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить въ этихъ отзывахъ того покровительственнаго тона, съ какимъ молодой студентъ хвалитъ мальчика, читающаго бойко по складамъ, не болѣе. Жалко только, что мы не хотимъ безпристрастно оцѣнить того, что въ самомъ дѣлѣ было у насъ на Руси хорошаго, что принадлежало ей по праву, добыто ея силами: то ставимъ ее въ уровень съ Востокомъ, съ неподвижнымъ Китаемъ, то ужъ, напротивъ, даемъ ей мѣсто превыше всѣхъ странъ земнаго шара, выше всего образованнаго Запада. Одни говорятъ, что до самаго Петра у насъ не было даже школъ, другіе едва ли не находятъ у насъ существованіе Университетовъ во время Монгольскаго владычества. Настоящей же оцѣнки хоть бы и XVII-го вѣка мы почти не находимъ ни у кого, хотя этому времени давно бы пора отдать должное. Если мы высоко ставимъ заслуги Петра Великаго, то тѣмъ скорѣе обязаны почтить еще болѣе доброй памятью XVII-й вѣкъ который приготовилъ насъ къ переходу въ вѣкъ осьмнадцатый и

въ отношеніи котораго Петръ былъ не что иное, какъ итогъ, какъ явленіе, необходимо вытекавшее изъ переходнаго настроенія умственной дѣятельности Россіи.

Въ слѣдствіе этихъ причинъ, мы должны дорожить каждымъ проявленіемъ дѣятельности въ XVII-мъ вѣкѣ, особенно такимъ, въ которомъ хоть сколько нибудь высказалось самобытное развитіе нашихъ нравственныхъ силъ. Все, что касается движенія образованія въ нашемъ отечествѣ, въ эту важную эпоху, имѣетъ не меньшее значеніе въ глазахъ людей, занимающихся Русской стариной: съ этой точки зрѣнія, наши Азбуковники становятся довольно важными документами въ лѣтописяхъ нашей образованности, и довольно сильными опроверженіями тѣхъ несправедливостей, которыя мы сами сочиняемъ про нашу до-Петровскую Русь.

Прежде всего Азбуковники очень ясно говорятъ о существованіи у насъ въ XVII-мъ вѣкѣ училищъ для первоначальнаго обученія, въ чемъ, кажется, еще и теперь не перестали сомнѣваться наши ученые, и притомъ такіе, которые, по всей видимости, знаютъ древнюю Русь и любятъ ее безъ всякаго невыгоднаго для нея преувеличенія и излишняго пристрастія ко всему до-Петровскому. Въ одной недавно вышедшей небольшой статейкѣ: «О воспитаніи въ древней Россіи» прямо говорится, что будто бы у насъ училищъ, даже и для самаго начальнаго обученія, почти вовсе не было. [1] И это говорится о XVII-мъ вѣкѣ, о томъ времени, когда существовала уже въ Москвѣ Славено-Греко-Латинская Академія. Можетъ быть, почтенный авторъ не досказалъ своей мысли, или хотѣлъ сказать иначе, какъ мы и ожидали отъ него, при его знаніяхъ и, кажется, добросовѣстномъ изученіи нашей исторіи и нашего образованія; но сказано именно такъ, какъ мы привели здѣсь, сказано такъ послѣ тѣхъ дѣльныхъ замѣчаній, которыя мы прочитали у него на первыхъ двухъ страничкахъ. Послѣ этого мы еще больше дорожимъ каждымъ новымъ фактомъ, каждымъ новымъ свидѣтельствомъ, которыми сама древняя Россія, чрезъ уцѣлѣвшіе памятники своей умственной жизни, разрушаетъ наши, ни на чемъ неоснованныя, догадки.

Чему и въ какой мѣрѣ обучали въ нашихъ древнихъ училищахъ, мы все таки и теперь еще не можемъ сказать положительно; но уже

[1] «О воспитаніи въ Россіи въ XVI—XVII-мъ вѣкѣ», А. Рудневъ (Библ. для чт., 1855 г., N. 8, Смѣсь, стр. 136).

не такъ вѣдь теменъ для насъ неразгаданный XVII-й вѣкъ, чтобъ объ немъ ровно ничего нельзя было сказать, кромѣ того, что у насъ вовсе не было училищъ; училища были, и мы даже знаемъ отчасти обычаи этихъ училищъ, ихъ уставы о учащихъ и учащихся. Согласенъ, что по Азбуковникамъ мы не можемъ судить объ объемѣ тогдашняго обученія. Пожалуй, въ одномъ Азбуковникѣ намекается на то, какое широкое поле постояннаго ученія открывается обучающимся грамотѣ; но говорить, что все то, что перечисляетъ «мудрость», входило въ объемъ преподаванія, мы не въ правѣ, пока другіе факты не рѣшатъ нашего сомнѣнія. Объ изученіи азбуки «мудрость» говоритъ дѣтямъ, что какихъ бы они ни были родителей, богатыхъ ли матерей, или дѣти «тысящна отца», она не требуетъ отъ богатствъ «родичовъ» ихъ почти ничего, «кольми же паче отъ нища,» но отъ всѣхъ вмѣстѣ, богатыхъ и убогихъ, славныхъ и худородныхъ, проситъ одинъ только пѣнязь, «имъ же могу,» говоритъ, «малѣйшую и, мнится, ничто же имущую разума азбуку купити, и тебѣ съ любовію, яко бы главу умащая, вручити, и показовати тебѣ тамо написанныя литеры, або слова, едино по единому, дондеже мало по малу внимати будеши, и яко по лѣствицѣ на высоту, слово по слову, и строка по строкѣ, поступовая, изучаеши.» Вотъ все, что говорится здѣсь о способѣ преподаванія азбуки; этого очень недостаточно. Но «мудрость» продолжаетъ говорить ученику, что, когда онъ выучитъ эту азбуку и будетъ ужь знать ее въ совершенствѣ, долженъ выучить потомъ Часословъ и Псалтырь, и относительно этихъ двухъ послѣднихъ выражается такъ, что безъ нихъ и ученія никогда не бываетъ, что это самыя необходимыя первоначальныя книги, что объ нихъ ужь и упоминать не слѣдуетъ, потому что всякій это знаетъ: «ктому не глаголю ти о Часословѣ и Псалтыри, безъ нихъ же сіе не бываетъ.» «Но се тебѣ едино реку,» продолжаетъ она, т. е., вотъ на что обрати вниманіе, вотъ что еще нужно тебѣ, кромѣ Часослова и Псалтыри: «вниди умомъ внутрь себе и всею сердечною мыслію обноси вся книги тисненыя и писменыя, великія и малыя, славныя и не славныя, и еже пристойно царской власти, во всѣхъ судебныхъ полатахъ, тако же и во всемъ духовенствѣ чинахъ, и во всенародномъ множествѣ, и до поселянъ, всякія дѣла и крѣпости откуду вразумляются и вчиневаются, и чимъ устраяются.»

Преподавалось ли все это въ тогдашнихъ школахъ, хотя поверхностно, изъ Азбуковниковъ рѣшить невозможно, и мы не беремъ на свою отвѣтственность рѣшенія ни за, ни противъ. Довольно того, что въ школахъ нашихъ упоминали о томъ, что еще предстоитъ узнать обучающему грамотѣ, что еще есть важнѣе знанія Часословца и Псалтыри. (Странно было бы послѣ этого утверждать, что цѣль наученія юношей книжному разумѣнію была единственно та, чтобъ приготовить изъ нихъ церковно-служителей, могшихъ свободно читать въ церкви часы и ирмосы съ тропарями—и только). Дѣйствительно, Часословецъ и Псалтырь были необходимыми книгами въ начальномъ обученіи; но умѣнье читать ихъ не было единственною цѣлію и итогомъ ученія: эти книги были ни больше, ни меньше, какъ первоначальныя руководства, служившія и для упражненія въ чтеніи, и для внушенія юношеству тѣхъ нравственныхъ правилъ, которыя въ нихъ заключаются. Религіозно-нравственное направленіе умовъ нашихъ предковъ необходимо требовало отъ юношества знанія молитвъ, приличныхъ доброму Христіанину,—и, естественно, молитвы этѣ находились въ тѣхъ книгахъ, которыя были необходимыми книгами въ богослуженіи. Вотъ почему первыми учебниками нашими явились Часословъ и Псалтырь, какъ собраніе и догматовъ вѣры, и правилъ объ обязанностяхъ человѣка и гражданина.

Но, кромѣ Часослова и Псалтыри, входили въ объемъ изученія и прочія «Божественныя книги», малыя и великія, рукописныя и тѣ немногія печатныя, которыя мы уже имѣли въ то время.

Какъ бы то ни было, обученіе въ до-Петровской Руси не ограничивалось кругомъ однихъ церковныхъ и богослужебныхъ книгъ. Я это говорю о школахъ для первоначальнаго обученія, но не о Московской Академіи: въ этой послѣдней, — всякій знаетъ, — требованія были выше и обширнѣе; но и въ училищахъ, для начальнаго обученія, въ училищахъ, которыхъ, вѣроятно, было у насъ не такъ мало, какъ принято думать, ученье не ограничивалось умѣньемъ читать Часословъ и Псалтырь, а распространялось на другія знанія, бывшія внѣ круга церковныхъ книгъ. Не знаю положительно, учили ли наше юношество философіи Дамаскина, преподавались ли ему тѣ знанія, которыя уже были усвоены нашими предками и остались въ нашихъ древнихъ памятникахъ, но то вѣрно, что часть познаній нашихъ предковъ сообщалась уже юношеству и въ школахъ, въ чемъ мы можемъ удостовѣриться, читая тѣ

трактаты о ходѣ образованія въ древней Руси и о воспитаніи нашего юношества, которые вышли въ послѣднее время.[1] Разумѣется, въ этихъ трактатахъ многое основано на догадкахъ, еще больше выведено, по законамъ аналогіи, изъ какихъ нибудь намековъ; но есть и нѣсколько фактовъ, имѣющихъ историческую важность.

Но Азбуковниками, которые мы имѣемъ теперь въ рукахъ, еще никто не воспользовался должнымъ образомъ, да и немногіе, кажется, знаютъ о ихъ существованіи, между тѣмъ какъ содержаніе ихъ очень разнообразно и имѣетъ интересъ не только педагогическій, но и литературный; главное же достоинство ихъ состоитъ въ томъ, что они, хотя въ малой мѣрѣ, объясняютъ намъ, какими знаніями обогащалось Русское юношество, прежде чѣмъ вступало въ общество и начинало гражданскую жизнь, пополняя опытомъ и чтеніемъ тѣ свѣдѣнія, которыя пріобрѣтены имъ въ школахъ.

Прежде всего надо замѣтить, что значеніе Азбуковника для насъ теперь не совсѣмъ понятно, но видно, что этимъ словомъ обозначали не букварь, не азбуку и не Алфавиты, замѣнявшіе у насъ Словари, какъ можно бы ожидать по названію, но подъ этимъ именемъ предки понимали, кажется, всякій учебникъ, всякое руководство, предназначенныя для обученія юношества, тѣмъ болѣе, что и содержаніе ихъ ни сколько не соотвѣтствовало названіямъ, и каждый Азбуковникъ былъ отчасти отдѣльнымъ учебникомъ, не имѣвшимъ въ себѣ ничего общаго съ прочими. Первый Азбуковникъ нашего сборника, озаглавленный словами: «Школное благочиніе» и пр., въ общемъ оглавленіи стоитъ какъ бы отдѣльнымъ учебникомъ, содержаніе котораго главнымъ образомъ состоитъ изъ собранія школьныхъ правилъ и учительскихъ наставленій, какъ сказано: «въ первомъ азбуковникѣ учителево ученикомъ наказаніе, да въ школѣ о всемъ благочинствуютъ.» И дѣйствительно, изо всего Азбуковника вы видите, что правила благопристойности учащихся, школьные порядки и обычаи и вообще вся училищная дисциплина стоятъ здѣсь на первомъ планѣ, и только изрѣдка Азбуковникъ уклоняется отъ своего содержанія и передаетъ ученикамъ нѣкоторыя постороннія свѣдѣнія. Впрочемъ, по тому, можетъ быть, эти учебники называются Азбуковниками, что содержаніе ихъ располагается большею

[1] См. Разсужденіе г. Лавровскаго (Николая): «О Древне-Русскихъ училищахъ.» Харьковъ, 1854.

частію въ алфавитномъ порядкѣ: такъ первый изъ нихъ, состоящій изъ правилъ касательно школьныхъ порядковъ, располагаетъ эти правила по счету буквъ алфавита, и какъ всѣ его изреченія очень кратки и состоятъ больше изъ двустишій, или четверостишій, то прежде, подъ буквою *а*, помѣщены изреченія, начинающіяся съ этой буквы; подъ буквою *б*, тѣ, которыя начинаются съ этой буквы и т. д.; и такъ какъ этихъ изреченій очень много, то каждая буква въ началѣ такихъ изреченій повторяется довольно часто. Въ другомъ Азбуковникѣ эта форма еще страннѣе: тамъ только первая буква цѣлой главы принадлежитъ къ алфавиту; въ прочихъ же Азбуковникахъ нѣтъ даже и этого.

Постараюсь показать, въ чемъ состоитъ первый изъ Азбуковниковъ, содержаніемъ котораго взяты правила касательно школьной дисциплины.

Послѣ предисловія, которое я выписалъ выше, и которое начинается словами: «Школьное благочиніе, всеспасительное ученіе,» потомъ стихами: «Младоумный и маловозрастный отроча» и пр., слѣдуетъ самый Азбуковникъ. На полѣ рукописи изображено киноварью большое А, а противъ него помѣщено начало изреченій на эту же букву:

Азъ есмь начало премудрости,
И податель есмь всякой благости.
Азъ славящаго мя прославлю,
И предъ человѣки честна его поставлю.
Азъ есмь Богъ кающихся,
Пристанище и спасеніе ко мнѣ тщащихся.
Азъ есмь начало и конецъ,
Ищущимъ мене слава и вѣнецъ.

Это—введеніе къ тѣмъ изреченіямъ, которыя разсѣяны по всему Азбуковнику. Какъ всякій можетъ видѣть, это только общія выраженія, которыми должно начаться скучное и томительное дѣло ученія школьныхъ правилъ. За тѣмъ киноварью написано: **Учитель.** Это значитъ, что слѣдующія за этимъ изреченія влагаются въ уста учителю, который яко бы говоритъ:

Азъ ко онѣмъ вышеписаннымъ тя направляю,
Книжному разумѣнію прилежно тя наставляю.
Азъ въ книжномъ разумѣніи даю тебѣ смыслъ,
Дабы ты во благомъ ученіи былъ быстръ.

И такъ далѣе. Подобныхъ двустишій, начинающихся непремѣнно буквою *а*, говоритъ отъ себя учитель много, и всѣ они отчасти сходны между собою и не что иное, какъ разглагольствованіе на одну тему. За тѣмъ киноварью снова написано: ученицы. Это значитъ, что слѣдующія за симъ сентенціи говорятъ къ учителю сами воспитанники; всѣ они въ родѣ слѣдующихъ:

Аще благимъ ученіемъ насъ наслаждаеши,
Страхъ Божій въ сердца наша всаждаеши,
. . . .
Аще нѣкогда и біеніе отъ тебя терпимъ,
Но мы тѣмъ умы своя крѣпимъ.
Аще нынѣ намъ и не мнится радость,
Послѣдиже уразумѣемъ въ себѣ душевную сладость.

И далѣе въ подобномъ же родѣ. И все это упражненія на букву *а*, которая стоитъ въ главѣ каждаго двустишія. Потомъ, наконецъ, написано киноварью: здѣсь слагатель имя свое являетъ. Что значитъ эта фраза? Какой слагатель объявляетъ о своемъ имени? Какъ видно, это лице не должно быть смѣшиваемо ни съ учителемъ, ни съ учениками: его назначеніе какое-то совершенно отдѣльное. Здѣсь, при буквѣ *а*, послѣ сентенцій, сказанныхъ учителемъ, и послѣ отвѣта на нихъ со стороны учащихся, этотъ слагатель, объявивъ свое имя, говоритъ къ ученикамъ такими словами, которыя ясно показываютъ, что самъ онъ не принадлежитъ къ средѣ ихъ.

Твое отроческое что о семъ написаніи разсужденіе,
Реченное мною благое къ тебѣ любезнѣ умышленіе.

Изъ другихъ мѣстъ Азбуковника также нельзя понять значеніе этого лица. Послѣ послѣдняго двустишія, сказаннаго отъ лица слагателя, начинаются сентенціи на букву *б*, противъ которыхъ опять на полѣ выставлена эта же буква. Надо замѣтить, что первыя сентенціи на каждую букву говоритъ яко бы слагатель отъ себя; такъ и здѣсь, при буквѣ *б*, сначала обращаетъ къ ученикамъ рѣчь свою слагатель; за нимъ говоритъ учитель; потомъ опять этому послѣднему отвѣчаютъ ученики приличными двустишіями. Послѣ всего этого, при переходѣ къ буквѣ *в*, снова является слагатель. Изъ всего, что говоритъ онъ въ цѣломъ Азбуковникѣ (а говоритъ онъ большею частію общими выраженіями) и изъ того, что онъ и къ учителю обращается иногда наставительнымъ тономъ, видно, что слагатель былъ не кто иной, какъ

составитель или списатель самого Азбуковника, сочинитель, потому что ему одному прилично говорить къ учителю наставленіями въ родѣ слѣдующихъ:

Учи дѣти благоразумно все говорити,
Тебе бо сіе прилично есть творити.

Или:

Лягутъ ли гдѣ ученицы твоя когда спати,
Дивися, аще не на тѣхъ мѣстахъ имутъ возстати.

Непонятно только, къ чему въ Азбуковникахъ приплетать имя, отчество и даже чинъ слагателя. Такъ послѣ буквы *а* написано киноварью: здѣ слагатель имя свое являетъ, хотя онъ и не дѣлаетъ этого, и мы не знаемъ его имени.

Послѣ двустишій на букву *ж*, которыя всѣ состоятъ въ наставленіи юношества приличнымъ поступкамъ и благонравію, слагатель говоритъ:

Радостно сіе завѣщаніе, о учениче, пріими,
Ко учителю святыхъ ради писаній усердно пріиди,
Въ первой строкѣ слагателево имя совершися,
Во второй началное слово отечеству положися.

О какой это строкѣ говорится, понять нельзя: о первомъ ли двустишіи, или о второмъ, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, мы не можемъ догадаться о его имени и отчествѣ. Послѣ же буквы *л*, въ рукописи отставлено нѣсколько строкъ и на нихъ ничего не написано; но тутъ же сказано далѣе:

«Въ вышеупомянутомъ убо словеси слагателево имя, чинъ и отечество совершися,
Здѣ, его же ради писася, о имени и чинѣ вѣдомость положися.»

Надо полагать, въ этомъ-то пропускѣ послѣ буквы *л* и должно было находиться имя слагателя; но оно не написано, по той, вѣроятно, причинѣ, что должно было писаться киноварью; а киноварныя слова въ рукописяхъ иногда пропускаются, потому что они писались не вмѣстѣ съ другими словами, а вписывались послѣ другимъ перомъ, особенно заглавныя киноварныя буквы. И такъ мы не знаемъ, зачѣмъ оно требовалось въ Азбуковникѣ? Развѣ какъ имя автора предыдущихъ сентенцій?

Всѣ риѳмованныя наставленія ученикамъ касательно поведенія ихъ въ школѣ, дома и на улицѣ, касательно нравственности и наружнаго приличія, приведены мною при разборѣ училищной дисциплины въ нашихъ до-Петровскихъ школахъ. Кромѣ этого первый Азбуковникъ не представляетъ ничего занимательнаго. Относительно же формы его замѣчу, что только: при первыхъ трехъ литерахъ алфавита, ученики говорятъ отъ себя къ учителю нѣсколько двустишій; при прочихъ же литерахъ говорятъ только слагатель и учитель. Назначеніе этого Азбуковника было, кажется, такое, чтобы юношество, читая его, затверживало тѣ правила, соблюденіе которыхъ требовалось очень строго; можетъ быть, ученикамъ вмѣнялось въ обязанность выучивать его наизусть, и никто не могъ тогда отзываться незнаніемъ школьныхъ требованій, тѣмъ болѣе, что въ этихъ требованіяхъ, между правилами о благопристойности, объ умѣньи обходиться съ книгами, объ обязанностяхъ учащихъ и учащихся, разсѣяны приличныя нравственныя наставленія и поученія общечеловѣческія.

И такъ, видимъ, что назначеніе этого Азбуковника спеціальное, какъ можно было предполагать по самому его названію—«Школьное благочиніе.»

За тѣмъ въ нашемъ сборникѣ слѣдуетъ другой Азбуковникъ съ надписью: «Азбуковникъ вторый». Но это только отрывокъ Азбуковника, потому что содержаніе его очень бѣдно; да и въ общемъ оглавленіи сборника значится: «Азбуковника полъ.» Какъ и въ первомъ, здѣсь нѣтъ ничего, относящагося до науки; а составъ этого отрывка слѣдующій: въ первой главѣ помѣщено наставленіе, какими словами ученики должны привѣтствовать всякого посѣтителя. Когда входитъ въ школу новое, постороннее лице, всѣ должны встать при его появленіи, и одинъ изъ прилежнѣйшихъ учениковъ, поклонившись посѣтителю, говоритъ рѣчь, приличную мѣсту и времени:

Азъ, мнiй рабъ учителя моего,
Зрю тя, благодѣтеля своего,
Пришедша, посѣщенія ради, въ школу къ намъ;
Сего ради простираю слово къ вамъ.
Благоволи у насъ, смиренныхъ, сѣсти
И повѣждь намъ благія вѣсти, и т. д.

Въ Азбуковникѣ этомъ помѣщено нѣсколько такихъ рѣчей, въ которыхъ, конечно, на первомъ мѣстѣ наборъ словъ и разглагольствованіе на одну и ту же тему. Каждая рѣчь оканчивается словами:

«Нынѣ и присно.» Когда ученики сядутъ на мѣста, ораторъ продолжаетъ:

Гряди, всечестный отче, гряди,
Настоящаго ученія нашего погляди, и проч.

Такія рѣчи называются «предусрѣтательными словами» или «предусрѣтательными привѣтствіями.» Ихъ предоставлялось выучивать только первымъ ученикамъ, «острѣйшимъ и ключимѣйшимъ,» чтобъ приходящій легко могъ самъ видѣть, что это лучшіе ученики; относительно же «грубыхъ и неключимыхъ во ученіихъ», говорится, чтобъ они не печалились и не приходили въ отчаяніе отъ такого предпочтенія другихъ, да и родителей таковыхъ дѣтей Азбуковникъ утѣшаетъ и совѣтуетъ заставлять дѣтей прилежнѣе молиться. При этомъ написана и молитва для грубоучащихся.

Кромѣ всего этого, въ Азбуковникѣ сказано, что и «приходящіи глаголютъ къ таковымъ (т. е., къ прилежнымъ ученикамъ) удобопристойная нѣкая рѣченіа, въ вящшее ума ихъ къ настоящему ученію возставленіе.» Рѣченій этихъ въ Азбуковникѣ помѣщено нѣсколько, но всѣ они сходны между собою и имѣютъ характеръ слѣдующій:

Отъ устъ твоихъ слышу слово произносимое,
Моей нищетѣ отъ любве твоея приносимое;
Сіе слыша, яко нѣкое сладчайшее питіе пью,
За любовь твою отроческую премного челомъ бью, и т. д.

Или:

Глаголю вамъ, благочестивымъ отрокомъ,
И всѣмъ, иже суть здѣ, ученикомъ:
Хотяй кто въ сихъ быти мудръ,
Въ дѣтскихъ глумленіихъ да будетъ глупъ.
Чистотою тѣлесною сіе стяжите,
Юже, яко гривну злату, на ся возложите, и т. д.

До сихъ поръ мы видѣли въ Азбуковникахъ почти одни школьныя правила и постановленія, относящіяся до тогдашней педагогики; но объ ученіи, о передачѣ знаній учащимся, не сказано еще почти ни слова. Виною этому самое содержаніе нѣкоторыхъ Азбуковниковъ, на которые я и обратилъ прежде всего вниманіе по той причинѣ, что мнѣ хотѣлось показать прежде по этимъ Азбуковникамъ тѣ пріемы и обычаи, которые существовали въ нашихъ школахъ до Петра. Въ Азбуковникѣ же, который въ сборникѣ слѣдуетъ за вторымъ, есть статьи, относящіяся до обученія юношества каллиграфіи, что

у насъ принято теперь называть Прописями и что въ Азбуковникѣ названо Надписями.

Въ то время, конечно, прописи существовали рукописныя, за неимѣніемъ литографированныхъ, и состояли изъ краткихъ двустишій нравственно-религіознаго содержанія. Изъ нашего руководства видно, что учитель долженъ былъ прежде самъ писать эти прописи, а ученики уже списывали съ нихъ, примѣняясь къ его почерку. Это руководство каллиграфіи носитъ особое названіе «Азбуковника наказательнаго», и состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ или «наказаній»; въ каждомъ такомъ наказаніи заключается по четырнадцати сентенцій или двустишій, по два двустишія на каждую букву алфавита. Наказаніе первое о чести родителей и о воспоминаніи добра своихъ благодѣтелей вмѣщаетъ въ себѣ двустишія на первыя семь литеръ азбуки, т. е., до *ж* включительно. Наказаніе второе о непочитающихъ своя родители въ настоящемъ семъ житіи, и о небрегущихъ благословеніе ихъ въ своемъ зломъ бытіи, заключаетъ въ себѣ двустишія на слѣдующія семь буквъ; въ остальныхъ двухъ наказаніяхъ остается тоже по семи буквъ, чѣмъ и оканчивается руководство каллиграфіи. Но передъ началомъ этого алфавита помѣщенъ родъ предисловія, которое, вѣроятно, также служило ученикамъ образцомъ для списыванія, и изъ этого-то предисловія можно видѣть, что прописи писались, для образца, учителями, и что располагались онѣ въ алфавитномъ порядкѣ, и даже очень часто состояли изъ стихотворныхъ сентенцій (писались виршею).

Надписи по азбуцѣ виршею положены,
И строки нравоучительнѣ главизнами расположены.

Прибавимъ къ этому, что патронами каллиграфіи, или какъ въ Азбуковникѣ сказано, руководствія, были Іоаннъ Богословъ и Пророкъ Наумъ: первый изъ нихъ, какъ видно, признавался патрономъ письма, на основаніи преданія, а послѣдній уже и по тому, что былъ главнымъ покровителемъ всѣхъ учащихся. Въ прописяхъ къ этимъ двумъ лицамъ относятся такъ:

Святый Апостоле и Евангелисте Іоанне Богослове,
На Тайной Вечери возлегій на перси Христовѣ,
Вразуми мя и научи добрѣ писати,
Яко же онаго Гусаря на песцѣ образъ твой изображати.
Святый Пророче Божій, Науме, вразуми мя и накажи своею
Милостію и благодатію, добрѣ руководствію навыкати.

Теперь я не буду долго останавливаться надъ значеніемъ каждаго Азбуковника, и не стану дѣлать окончательныхъ выводовъ на основаніи ихъ содержанія. Я намѣренъ прежде познакомить читателя съ тѣмъ, что имѣютъ эти памятники до-Петровской Руси; я разберу ихъ такъ, какъ будто бы они составляли отдѣльное явленіе въ литературѣ того времени, безъ всякаго отношенія къ прочимъ тогдашнимъ памятникамъ, не дѣлая никакихъ заключеній относительно того, какое мѣсто они занимаютъ въ исторіи нашего развитія. Согласенъ, что такой перечень главъ и содержаній Азбуковниковъ будетъ довольно сухою работой: но я этимъ не кончу. Значеніе этихъ памятниковъ, ихъ важность въ связи со всѣмъ тѣмъ, что у насъ уже сдѣлано для объясненія древней Руси, все это намѣренъ я показать уже тогда, когда намъ будетъ извѣстно содержаніе самихъ Азбуковниковъ. Тогда мы увидимъ, что они заключаютъ въ себѣ новаго и что прибавляютъ къ исторіи нашего образованія, неразлучнаго съ исторіей педагогики. До сихъ поръ покуда мы познакомились нѣсколько съ содержаніемъ трехъ только Азбуковниковъ, а ихъ въ нашемъ сборникѣ находится еще нѣсколько, и содержаніе этихъ послѣднихъ гораздо богаче и разнообразнѣе, чѣмъ Азбуковниковъ, уже извѣстныхъ намъ. Такъ въ сборникѣ нашемъ есть одинъ полный Азбуковникъ, довольно разнообразный и занимательный по содержанію. Этотъ Азбуковникъ нѣсколько болѣе проясняетъ нашъ взглядъ на объемъ и способъ обученія въ до-Петровскихъ школахъ.

Въ общемъ оглавленіи сборника упомянутый Азбуковникъ носитъ названіе: «Азбуковникъ полный, имущій въ себѣ увѣщанія ученія, наказанія ученикомъ отъ многихъ книгъ, множае же отъ грамматики.» Самое названіе даетъ знать, что здѣсь содержаніе выходитъ уже изъ круга обыкновенныхъ Азбуковниковъ, какіе мы до сихъ поръ видѣли; что здѣсь говорится о другихъ предметахъ, кромѣ наставленій, касающихся нравственности и приличій, именно здѣсь содержаніе касается уже положительныхъ знаній. Просмотримъ же содержаніе этого Азбуковника.

Кромѣ заглавія въ общемъ оглавленіи сборника, самый Азбуковникъ называется еще иначе. На первомъ листѣ его значится: Азбуковникъ, его же должно есть добрымъ учителемъ повседневно прочитовати въ наказаніе ученикомъ. Значитъ, учитель обязанъ былъ ежедневно читать этотъ Азбуковникъ для своихъ учениковъ. Положимъ, этому дословно нельзя вѣрить: Азбуков-

никъ слишкомъ великъ, чтобъ его можно было прочитывать отъ начала до конца, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, дѣти учились въ школѣ еще чему нибудь другому, кромѣ этого Азбуковника; но вѣрно то, что хотя по частямъ, онъ читался въ школѣ, и содержаніе его было извѣстнымъ учащимся и, какъ кажется, они знали его наизусть. Да иначе и предполагать трудно: въ этомъ же Азбуковникѣ говорится, что если учитель и не можетъ читать самъ для учениковъ, во всякое свободное отъ ученія время, то долженъ имѣть у себя помощниковъ изъ своихъ же воспитанниковъ, и они въ этомъ случаѣ должны замѣнять, для товарищей своихъ, учителя и читать имъ этотъ Азбуковникъ, или что велитъ учитель. И все это сказано такъ, что если въ школѣ найдутся и невнимательные мальчики, которые нерадиво будутъ слушать читаемое, или даже ничего не услышатъ, то все таки учителю вмѣнено въ обязанность не обращать на это никакого вниманія, а читать, потому что дѣти несмысленны, не понимаютъ своихъ пользъ, и учителя это не должно печалить; если иные воспитанники, сказано, «отъ грубости разума, и не сладостно слушаютъ, ниже внемлютъ,» то учитель не долженъ отчаяваться въ ихъ исправленіи и въ пользѣ для нихъ своего ученія: «прочитовай, сказано, твое бо есть точію еже сѣяти», и что, какъ бы они ни были невнимательны къ нему слушатели, все же когда нибудь, хоть навыкомъ, они узнаютъ то, что имъ читаютъ, и даже безъ желанія учиться, выучатся тому, что имъ будутъ повторять изъ Азбуковника каждый день.

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ методѣ обученія, даже съ самымъ малымъ прилежаніемъ и самыми ограниченными, воспитанники должны были знать, хотя отчасти, то, что отъ нихъ требовалось. Естественно, что этотъ Азбуковникъ, отъ частаго повторенія, они выучивали довольно твердо и отчетливо знали его содержаніе. А вотъ о содержаніи-то именно мы и хотимъ поговорить нѣсколько подробнѣе.

Весь Азбуковникъ состоитъ изъ главъ, которыхъ число соотвѣтствуетъ числу буквъ Славянскаго алфавита, кромѣ тѣхъ, коими не можетъ начинаться слово, какъ ъ, ь, и др. Надъ каждой главой выставлена большая киноварская буква алфавита: надъ первой *а*, надъ второй *б* и т. д.; но, кромѣ того, какая буква выставлена надъ главой, той же самой буквой и глава начинается. Сверхъ этого каждая глава снабжена чѣмъ-то въ родѣ стихотворнаго преди-

словія, состоящаго изъ четырехъ двустишій, въ которыхъ сокращенно излагается содержаніе главы; самыя же главы писаны прозою, изукрашенною всѣми риторическими хитростями и вычурною до крайности. Только передъ нѣкоторыми главами недостаетъ стихотворнаго предувѣдомленія; но для нихъ оставлено мѣсто, какъ будто бы авторъ, или переписчикъ, намѣревался добавить ихъ послѣ. Азбуковникъ написанъ такъ, что въ немъ говоритъ отъ своего лица сама мудрость, называя себя Софіею и Словесницею: «Софія же азъ есмь премудрость: тако бо нарицаюся Греческимъ языкомъ, Словенскимъ же, въ немъ же вы нынѣ живете (говоритъ она къ Русскимъ ученикамъ), нарицаюся мудрость»: въ другомъ мѣстѣ она говоритъ о своей особѣ такими словами: «Се азъ прехитрая словесница мудрость». Именуясь мудрой, словесница эта старается оправдывать свое названіе, и въ самомъ дѣлѣ говоритъ очень хитро и затѣйливо: отъ этого много теряетъ содержаніе Азбуковника, потому что мудрость, прежде чѣмъ скажетъ дѣльное слово, наговоритъ столько пустыхъ фразъ, такъ разбавитъ водой свои поученія, что за фразами съ трудомъ можно понять, что дѣйствительно она желаетъ сказать. Въ этомъ, конечно, виновато отчасти общее направленіе того времени, когда фраза, распространенная приличными словесы и достойно украшенная, дѣлала честь своему творцу; но главная причина такого явленія въ языкѣ — бѣдность идей, недостаточность знаній: потому что нищету мысли мы всегда стараемся прикрыть фразой, и если ничего не имѣемъ сказать положительнаго, хоть, на примѣръ, объ Ариѳметикѣ, то говоримъ о ней такъ, какъ говоритъ мудрость: «Еллинскимъ языкомъ Ариѳметика нарицаюся, сладчайшимъ же мнѣ, рекше Русскимъ языкомъ, Числительница, понеже многочисленныя науки разумѣти научаю....... на высоту небесную воспаряю, и тамо превыспренняя исчитаю, въ широту земли сія простираю и заочная дѣла исправляю, во глубину моря снисхожду и водныя пучины прямо измѣряю, и путь къ шествію кораблемъ безъ претыканія излагаю» и пр. Конечно, такими словами она не научила учениковъ сложенію и вычитанію, а наговорила много.

Азбуковникъ начинается стихотворнымъ предисловіемъ къ тому содержанію, которое находится въ главѣ подъ буквою *а*. Рѣчь обращена здѣсь къ ученикамъ, собравшимся въ школу для ученія. Для образца выпишемъ это первое предисловіе:

Духовніи мои о Господѣ и любезная братіа,
Собравшіися здѣ духовнаго ради наказаніа,
Ушеса ваша усердно ко мнѣ приклоните,
О мудрости слову прилѣжно внемлите,
Которая изначала дній съ Богомъ бѣ и есть и будетъ,
Сія въ чистыхъ душею и тѣломъ человѣцѣхъ пребудетъ;
Сія хощетъ въ ваша благочестивыя сердца вселитися,
Въ вѣчное селеніе со Отцемъ и Сыномъ и Духомъ Святымъ водворитися.

За тѣмъ изображено большое *А*, а подъ нимъ начинается самый Азбуковникъ: «Азъ есмь альфа и Ѡ, начатокъ и конецъ, глаголетъ Господь, сый, и бѣ, и грядый, Вседержитель. Всяка Премудрость отъ Господа и съ нимъ есть во вѣки. Прежде всѣхъ создася премудрость, и разумъ мудрости отъ вѣка; самъ Богъ превѣчный созда ю, и видѣ, и почте ю, и проліа ю на вся дѣла своя со всякою плотію по данію Его и дарова ю любящимъ Его.» Въ такомъ духѣ написана вся глава—великолѣпный панегирикъ мудрости. Мудрость здѣсь на первомъ планѣ, и нѣтъ ничего больше, какъ желаніе видѣть учениковъ мудрыми. Всѣ похвалы мудрости, конечно, взяты больше изъ Священнаго Писанія и какъ нарочно подобраны мѣста, самыя лестныя для мудрости и преимущественно для мудрыхъ: «Премудрому глава въ народѣхъ и честь предъ старцы, юноша остръ обрящется въ судѣ и вѣщающему внимаютъ; сею Царіе царствуютъ» и проч.

Кто не захочетъ послѣ этого быть мудрымъ? Все это въ одномъ тонѣ повторяется и въ другихъ главахъ, и отъ того теряетъ свою силу, становится натянутымъ, скучнымъ и, естественно, не всякій могъ рѣшиться искать мудрости такой утомительной, дорогой. Свѣдѣній здѣсь не передано никакихъ; въ слѣдующихъ трехъ главахъ опять то же, опять похвала мудрости, но уже похвала, какъ видно, сочиненная у насъ, на Руси, нашими учеными предками; здѣсь взываютъ къ дѣтямъ, чтобъ они звали къ себѣ мудрость, какъ госпожу и любезную невѣсту, чтобъ любили ее выше всего. Во второй главѣ приложена и молитва, которую ученики должны были почаще прочитывать, прося у Бога мудрости. Это молитва Соломона, въ которой онъ молилъ Бога о дарованіи ему мудрости

Въ четвертой главѣ, подъ буквою *Г*, ученики якобы обращаются къ мудрости и просятъ ее объяснить имъ свое начало. Она любезно объясняетъ имъ свое начало и источникъ въ Вѣрѣ, Надеждѣ

и Любви; за тѣмъ развиваетъ эту мысль подробнѣе. Для XVII-го вѣка, и притомъ для дѣтей, подобныя объясненія мудрости и ея началъ очень удовлетворительны: по крайней мѣрѣ, мы видимъ желаніе заохотить дѣтей къ слушанію и пониманію того, что имъ будутъ объяснять въ слѣдующихъ главахъ. Здѣсь мы замѣчаемъ что-то въ родѣ системы; здѣсь есть переходъ отъ легчайшаго къ труднѣйшему, отъ общихъ мѣстъ къ знаніямъ положительнымъ. Этотъ Азбуковникъ, какъ дѣтская книга, или вообще какъ учебникъ для Русскаго юношества XVII-го вѣка не безъ достоинствъ, какъ мы увидимъ, разбирая постепенно его содержаніе.

Послѣ объясненія началъ мудрости и того источника, изъ котораго она проистекаетъ, вниманіе дѣтей обращали къ другому предмету, передавая имъ важность первоначальнаго обученія и послѣдствія, могущія произойти отъ пріобрѣтенія тѣхъ или другихъ знаній. Все это пока можно назвать нѣкоторымъ образомъ введеніемъ въ науку, по крайней мѣрѣ, въ томъ ограниченномъ смыслѣ, какъ понимали ее наши предки въ общей массѣ, исключая тѣ немногія личности, которыя ярко свѣтятъ въ Руси XVII-го вѣка, т. е., въ Руси, не видѣвшей еще Петра Великаго; повторяю, это ни больше, ни меньше, какъ введеніе, приспособленное притомъ къ понятіямъ дѣтей и, не забудемъ, писанное лицемъ духовнаго сана. И такъ въ этомъ введеніи мало помалу развивали взглядъ дѣтей на предстоящее ученіе Потомъ уже давали имъ понять значеніе и важность науки (опять таки какъ понимали ее предки). Здѣсь-то давали имъ знать, что наука — общее достояніе, и какъ пріятно знаніе само по себѣ, такъ же точно полезно и необходимо примѣненіе знаній въ практической жизни и на службѣ государственной; здѣсь-то именно говорится, что ученіе необходимо для всѣхъ, какъ для дѣтей богатыхъ родителей и даже тысящна отца, такъ для бѣдныхъ и самыхъ нищихъ, для дѣтей изъ хорошихъ фамилій и для дѣтей послѣдняго мужика (земледѣльцевъ, какъ мы уже видѣли выше въ этой статьѣ), и что единственный расходъ для этихъ бѣдняковъ будетъ цѣна азбуки—пѣнязь, на который можно было бы мальчику пріобрѣсти себѣ учебникъ; здѣсь же говорится, что за изученіемъ азбуки слѣдуетъ изученіе часослова и псалтыри, безъ знанія которыхъ и ученія не бываетъ; потомъ взору учащагося представляется все богатство свѣдѣній и книгъ тисненыхъ и писменыхъ, великихъ и малыхъ, славныхъ и неславныхъ; за тѣмъ, все, отно-

сящееся до царской власти, все что касается службы гражданской и судебныхъ дѣлъ «во всѣхъ судебныхъ полатахъ»: все, что относится до дѣлъ духовнаго вѣдомства, до народа и «до поселянъ»; кѣ «дѣла и крѣпости,» ихъ порядокъ и производство, ко всему этому ведетъ азбука, «юже ты единѣмъ пѣняземъ купилъ еси», какъ преддверіе къ тѣмъ обширнымъ знаніямъ, которыя предстоитъ познать обучающемуся юношеству

Повторяю снова, что изо всего этого нельзя заключать, чтобъ въ до-Петровской Руси цѣлью обученія дѣтей было желаніе сдѣлать изъ нихъ церковнослужителей, могущихъ свободно читать службы и каноны, и только. Достойно замѣчанія, что въ это же самое время, когда открывали передъ глазами юношества то широкое поле дѣятельности, которое предстоитъ имъ въ общественной жизни, если они будутъ образованы, въ это же самое время ихъ предостерегали различать въ ученіи и во всѣхъ книгахъ пшеницу отъ плевелъ, истину отъ лжи и раскола. «Есть,» сказано въ Азбуковникѣ, «во всѣхъ книгахъ и въ писаніи, кромѣ тисненіемъ изданныхъ, (?) посреди доброй духовной пшеницы насѣянъ непотребный плевелъ, какъ куколь въ пшеницѣ; не плевелъ, глаголю, Римскій,» т. е., отступленіе отъ Православно-Каѳолическія вѣры, «но другой, внесенный къ намъ еще мудренными, безумными людьми, иже во многихъ градѣхъ и весехъ, паче же рещи въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, елико за таковая плевеліа двояко, си есть, душевнѣ и тѣлеснѣ страждутъ.» И вотъ, во избѣжаніе всего этого, дѣтямъ совѣтовали убѣгать отъ такихъ неблагонамѣренныхъ людей. Если, продолжаетъ мудрость, и скажетъ кто нибудь тебѣ, что вотъ это для юноши хорошо и полезно, то ты отвѣть тому совѣтнику, что я, де, еще глупенькое дитя, ничего не смыслю и не знаю, полезно ли для меня, или вредно то, что ты предлагаешь; «но аще хощеши, да даси мнѣ сіе, и азъ шедъ, покажу моему учителю», и онъ мнѣ объяснитъ все.

Въ самомъ дѣлѣ, для обучающейся молодежи это было необходимое предостереженіе, особенно въ то смутное время, когда дѣло исправленія священныхъ книгъ, начатое Никономъ, произвело такой разладъ между мнѣніями приверженцевъ старыхъ книгъ и книгъ исправленныхъ; обличительныя воззванія противныхъ партій находили себѣ ревностныхъ защитниковъ, и юношество, особенно нѣсколько развившееся, могло быть увлечено всѣмъ, потому что и тогда

молодость не жила безъ увлеченій. Вотъ почему необходимо было учителю предостеречь воспитанниковъ, начинавшихъ свое образованіе подъ его присмотромъ.

Знаніе своихъ обязанностей и школьныхъ уставовъ считалось также необходимою принадлежностью первоначальнаго образованія. Хотя въ предлежащемъ Азбуковникѣ все это изображено очень кратко; однако, сличая его съ другими учебниками того времени, намъ удалось собрать довольно фактовъ относительно этого предмета; другіе Азбуковники пополняютъ то, чего недостаетъ въ разбираемомъ нами учебникѣ. Мы разобрали выше все, относящееся до школьной дисциплины, такъ что изъ всѣхъ выписокъ составился довольно полный уставъ, которымъ руководствовались наши до-Петровскіе педагоги. Въ настоящемъ Азбуковникѣ училищныя правила помѣщены послѣ разсмотрѣннаго нами введенія и слѣдуютъ какъ разъ за объясненіемъ важности и обширности знаній, какія предлагала тогдашняя письменность, и за предостереженіемъ юношества не вѣрить всему и не увлекаться всѣмъ, что есть въ книгахъ. Я считаю излишнимъ передавать читателю всѣ правила, которыя преподавались нашему юношеству, тѣмъ болѣе, что они уже отчасти извѣстны изъ тѣхъ отрывковъ, которые приведены въ началѣ статьи. Въ настоящее время, въ нашъ XIX-й вѣкъ, училищныя правила входятъ въ особенное руководство, преподаваемое дѣтямъ, или по крайней мѣрѣ преподававшееся лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ нашихъ уѣздныхъ училищахъ, подъ названіемъ «Правила для учащихся»; въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ, на пр., въ Университетахъ, правила другія, и суть не что иное, какъ извлеченія изъ Свода Росс. Законовъ, изъ Устава объ училищахъ; въ XVII-й же вѣкъ Правительство еще не касалось въ своихъ законоположеніяхъ этой отрасли народнаго образованія (въ 1682 только дана была привиллегія Московской Славено-Греко-Латинской Академіи, но больше ничего), и потому народъ самъ, а особенно духовенство, понимая необходимость образованія, каково бы оно ни было, сами о себѣ заботились и въ своихъ школахъ руководствовались своими правилами, семейнымъ или домашнимъ образомъ, и правила эти были—простой обычай, руководимый здравымъ смысломъ нашихъ доморощеныхъ педагоговъ. Спасибо имъ и за это.

Выучивъ школьныя правила, дѣти переходили постепенно къ принятію другихъ свѣдѣній. Ихъ начинали знакомить хотя энци-

клопедически съ тѣмъ, что вообще отличаетъ образованнаго человѣка отъ неуча. Такъ какъ, конечно, ученіе распредѣлялось по днямъ недѣли, а воскресные и праздничные дни посвящались отдохновенію, то естественнѣе всего было объяснить имъ происхожденіе и значеніе недѣли. Здѣсь ученики узнавали, что седмица установлена еще издавна философами (т. е., вообще учеными), сообразно съ солнечнымъ и луннымъ теченіемъ: что ею мѣряются мѣсяцы, мѣсяцами годы, а годами вѣка; что у разныхъ народовъ и названія дней различны. Здѣсь же истолковано было дѣтямъ, что значило у Евреевъ «во едину отъ субботъ», что значило у нихъ «предсубботіе», и какъ назывались остальные дни недѣли. Такимъ образомъ ученики знакомились уже съ предметами, которые были внѣ ихъ понятій. За тѣмъ, послѣ объясненія субботы и дня успокоенія, имъ опять напоминали о дисциплинѣ и о томъ, что они должны были дѣлать въ праздничные дни.

Съ объясненіемъ значенія дней недѣли, натурально связаны были первыя начала Священной исторіи: дѣтямъ разсказывалось, изъ книги Бытія, сотвореніе міра и человѣка. Надо думать, что на знаніе Священной исторіи обращали у насъ преимущественное вниманіе, потому что значеніе Священнаго Писанія было непослѣдней цѣлью образованія до-Петровской Руси. Но посмотримъ лучше, какимъ путемъ шли наши педагоги въ послѣдующемъ обученіи своихъ воспитанниковъ, и на что еще обращали вниманіе учащихся.

Объясненіе дней недѣльныхъ влекло за собою знакомство съ происхожденіемъ календаря и исторіей лѣтосчисленія. Впрочемъ, знакомство было очень не важное. Дѣти узнавали только, что съ воскресеніемъ Христа отложено празднованіе субботы, а принятъ день воскресный, какъ память искупленія: что все это сдѣлано Сильвестромъ, Папою Римскимъ, «украшеннымъ всякою премудростію Еллинскою и Римскою;»[1] что онъ назвалъ дни Греческими именами: кіакинъ, воскресенье, девтеранъ, тритинъ и т. д. Но очень

---

[1] Это событіе обозначено въ Азбуковникѣ годомъ «5843, инде 5856,» а отъ Р. Х. въ 343 или 356 году. Странно, какъ это здѣсь сосчитано. Если, положимъ, 5843 г., отъ Сотв. міра, то это будетъ 335 по Р. Х.; а если 5856, то 348. Въ Азбуковникѣ же сказано, что эта перемѣна произошла при Константинѣ Великомъ; но онъ царствовалъ до 337 года. Ужъ вѣрнѣе 5843 г., отъ Сотвор. міра, но не 343 по Р. Х. За чѣмъ вездѣ взято по осьми лѣтъ?

занимательно здѣсь обращеніе къ ученикамъ. Разсказывая исторію перемѣны названій, какія имѣли прежде дни недѣли, учитель убѣдительно проситъ воспитанниковъ слушать его съ любовію и усердно внимать, «да добрѣ навыкнувъ, довольни будете, и въ домѣхъ вашихъ рождшимъ васъ и прочимъ всѣмъ знаемымъ и незнаемымъ разумно сказати,» потому что, если вы «отъ сицевыя юныя и дѣтскія версты превеликія сія таинства остроумне, начасте слышавше навыкнете и въ домѣхъ вашихъ и индѣ гдѣ прилично сказовати будете, кто васъ не похвалитъ или кто не ублажитъ, таковая любомудрая таинства отъ тебе малаго дѣтища слышавъ: мнози бо отъ человѣкъ и совершенніи возрастомъ и сѣдинами цвѣтущіи не вѣдятъ сего, еже вамъ, любимицы мои, днесь туне даруется. Хотѣлъ бых ъ азъ къ сицевому любомудрію до толика себе по вся дни изнуряти, еже бы и хлѣбъ мой снѣсти забывати» и пр. Конечно, эти «превеликія таинства,» переданныя ученикамъ, не такъ велики, но и то хорошо, что ихъ передавали дѣтямъ; желаніе же принести пользу своихъ питомцамъ истинно похвальное.

Пропуская нѣсколько главъ Азбуковника, въ которыхъ объясняются ученикамъ разные предметы относительно мудрости и знаній, но въ которыхъ все это разсѣяно безъ всякой системы, я обращаюсь прямо къ тому, что необходимо для всякого грамотнаго и тѣмъ болѣе для ищущаго образованія, именно къ тому, въ какой степени являются намъ изъ Азбуковниковъ успѣхи въ обученіи юношества грамматикѣ роднаго языка или, вѣрнѣе, церковнаго, то есть, если у насъ до Петра были училища, то преподавалась ли въ нихъ грамматика и въ какой мѣрѣ, и преподавались ли, кромѣ ея, еще и другіе предметы? Вопросъ этотъ естественно возникаетъ самъ по себѣ, когда мы обращаемся къ рѣшенію того, на какой степени развитія стояли наши училища до Петра.

Существованіе въ Россіи грамматикъ съ самыхъ древнихъ временъ не подвержено никакому сомнѣнію; но это еще не даетъ права заключать, что у насъ были свои грамматики, тѣмъ менѣе можно предполагать, что если въ XI-мъ вѣкѣ была у насъ въ переводѣ грамматика Дамаскина, то и въ училищахъ она преподавалась. Но если мы находимъ толкованіе грамматики въ дѣтскомъ учебникѣ, который учили въ школахъ наизусть, то само собою надо полагать, что въ нашихъ училищахъ преподавалась и грамматика. Да и изъ самаго Азбуковника видно, что ее учили дѣти въ немъ прямо и

положительно говорится объ этомъ. Намъ только остается разсмотрѣть, какова была эта грамматика, что узнавали изъ нея воспитанники, однимъ словомъ, какъ преподавалась она въ Россіи до преобразованій Петровыхъ. Само собою разумѣется, что мы не коснемся здѣсь ни грамматики Смотрицкаго, ни Зизанія, хоть, можетъ быть, ими отчасти и руководствовались наши педагоги; но то были не учебники, не для школъ: а намъ нужно знать, что именно узнавали дѣти на школьныхъ скамьяхъ, хотя послѣ они могли знать прекрасно и грамматику Зизанія и Смотрицкаго, и даже Греческую грамматику братьевъ Лихудіевъ.

Прежде всего надо замѣтить, что системы въ преподаваніи грамматики почти не было, или очень мало; правила излагались такъ, какъ казалось удобнѣе для учителя, и потому объясненіе значенія и важности грамматики помѣщалось послѣ правилъ правописанія; склоненія и падежи очень сбивчивы; прочія части рѣчи почти вовсе не принимались въ соображеніе. За то внѣ этого Азбуковника есть довольно большой трактатъ о силлогизмахъ, потомъ о правописаніи, гдѣ разобраны подробно всѣ буквы алфавита и употребленіе каждой изъ нихъ; за тѣмъ большой отрывокъ о стихосложеніи съ объясненіемъ стопъ, метровъ, родовъ стихотворныхъ, начиная отъ ироическаго и ироэлегійскаго до ямвійскаго и сафійскаго съ приведеніемъ примѣровъ изъ тогдашнихъ Русскихъ поэтовъ.

Но обратимся къ грамматикѣ Азбуковника.

Сначала, въ главѣ подъ буквою м, находятся фонетическія объясненія Славянской азбуки, объяснено значеніе буквъ, письменъ и ихъ назначеніе. Число буквъ въ Славянскомъ языкѣ принято сорокъ два. Вся эта глава состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ: ученикъ спрашиваетъ, а учитель объясняетъ. На вопросъ ученика, всѣ ли буквы алфавита имѣютъ равную силу, учитель говоритъ, что не всѣ, «по разньству каяждо въ своемъ изложеніи пребываетъ,» и объ изложеніи говоритъ, что это — особая часть слогини; а слогиня толкуется имъ: «отъ всеа буквы составленіе писменъ по вѣщаніямъ всякаго реченія,» — и это толкованіе не совсѣмъ понятно. На вопросъ ученика, сколько «изложеній въ слогинѣ,» отвѣчаетъ, что четыре: звательство, полузвательство, возразительство и накончаніе, и объясняетъ смыслъ этихъ четырехъ названій. Но это не что иное, какъ раздѣленіе буквъ на гласныя, согласныя и полугласныя; но въ Азбуковникѣ очень мудреное объясненіе звательства

ства и полузвательства, т. е., гласныхъ и согласныхъ, и мы не передаемъ его, какъ не важное. Звательныхъ буквъ считается четырнадцать: а, є, и, ї, ѹ, оу, ѿ, ы, ѣ є, ю, ѫ, ѧ, ѽ, и три изъ нихъ прикладнія, и ихъ собственно нѣтъ въ азбукѣ, а узнать ихъ можно въ книгахъ по связи съ другими: это суть: ѧ, оу̑ и ѵ. Здѣсь же прибавлено, что слогомъ называется то, когда послѣ одного, или двухъ, или трехъ полузвательныхъ стоитъ звательное «писмя;» а если звательное стоитъ предъ полузвательнымъ, то будетъ предложеніе; если звательное послѣ звательнаго, то это значитъ приложеніе; если же полузвательное послѣ полузвательнаго, то это утѣсненіе.

Полузвательныхъ насчитано двадцать четыре: б, в, г, д, ж, ѕ, ꙁ, к, л, м, н. п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ, ѯ, ѱ, ѳ; изъ нихъ грубыя: б, в, г, д; шепетливы: ж, ч, ш; синавы: ѕ, ꙁ, п, с; нѣмы: л, м, н; громны: к, р, т, ц; натужливы: ф, х, ѳ; ясны: щ, ѱ, ѯ.

Возразительныхъ и накончательныхъ двѣ: ъ-толстое и ь тонкое.

Потомъ ученикъ спрашиваетъ о количествѣ гласныхъ, и получаетъ въ отвѣтъ, что ихъ одиннадцать; оказывается, что это тѣ самыя гласныя, которыя на предыдущей страницѣ онъ назвалъ звательными, именно: а, є, и, ї, о, оу, ѣ, ѫ, ѡ. ѵ. и раздѣляетъ ихъ на долгія: и, ѣ, ѡ, ю; краткія: є о, ү, и двовременныя: а, ї, ѫ, ѵ. Замѣтно, что здѣсь многое перепутано, потому что между гласными не поименованы всѣ, а потомъ оказались лишнія буквы. Видно, что у писавшаго были сбивчивыя понятія о фонетикѣ и особенно о раздѣленіи буквъ. Кромѣ того кстати или не кстати замѣчено, что если въ концѣ слова встрѣтится ѧѧ, то надо писать ѧѧ̀ съ варіею (т, е., съ тяжелымъ удареніемъ), или безъ нея: также пиши: ѧѧ, жю, а послѣ ї всегда ставь ѧ.

И такъ, это были первыя знанія, какія пріобрѣтало наше юношество въ школахъ, и первое его знакомство съ грамматикою роднаго языка. Можетъ быть, эта сбивчивость въ изложеніи зависитъ отъ писца, который самъ не былъ силенъ въ филологіи: но это все таки не мѣшало дѣтямъ знать по возможности грамматику языка, на которомъ они должны были излагать свои мысли. Впрочемъ, мы увидимъ дальше, что филологическія свѣдѣнія въ до-Петровскихъ училищахъ были очень хороши для того времени, особенно

для дѣтей, имѣвшихъ возможность развить свои знанія и внѣ школьныхъ стѣнъ. Только системой и стройностью въ своихъ изложеніяхъ не могли похвалиться наши педагоги.

Послѣ правилъ фонетики слѣдуетъ передача дѣтямъ свѣдѣній касательно исторіи изобрѣтенія письменъ, какъ и вездѣ. Передъ этой главой то же есть стихотворное предувѣдомленіе, въ которомъ, между прочимъ, говорится:

О первобытной азбуцѣ отъ Сиѳа, сына Адамля, сложенной,
Отдревле и до нынѣ извѣстіемъ нигдѣ же ей явленной,
Истинною жъ отъ Моисея пророка зачало ей пріемлемъ,
Подобнѣ и о Латинстѣй и Еллиногречестѣй начало вземлемъ,
О Словенстѣй Святымъ Кирилломъ сложенной вѣщати починаемъ,
И отъ Святаго Стефана Епископа сложенной Пермскою азбукою совершаемъ.

Сказавъ, что первобытная азбука была изобрѣтена Сиѳомъ, но что объ этомъ событіи не упомянуто ни въ какихъ достовѣрныхъ книгахъ, Азбуковникъ переходитъ къ сказанію объ изобрѣтеніи Римской азбуки нѣкоею царевною Арфаксадою, которая царствовала «во странахъ западныхъ» съ своимъ братомъ, убившимъ отца; за отцеубійство они были прогнаны своимъ народомъ и поселились на Тигрѣ (не Тибрѣ ли?), основавъ тамъ городъ. Азбука изобрѣтена Арфаксадою въ 4735 году отъ Сотворенія міра, или въ 773 году до Рождества Христова. Греческая азбука изобрѣтена семидесятью двумя философами. «Нашу же Христіанскую и Словенороссійскую азбуку сочини и сложи.... Константинъ» и т. д.,—повторяется извѣстное всѣмъ мѣсто, записанное и въ лѣтописяхъ и въ житіяхъ. Событіе это означено годомъ 7366 или 866 по Р. Х. [1]

Кромѣ всего этого, дѣтямъ разсказывали объ изобрѣтеніи у насъ, у Славянъ, другой азбуки—Пермской, для Пермскаго языка, «иже

[1] Опять невѣрность хронологическая (ср. предыдущую сноску). О Константинѣ сказано: «иже научи Моравлянъ, и Болгаръ, и Славянъ, си есть насъ, вѣрѣ Христовѣ и преложи грамоту Греческую на Россійскій языкъ прежде крещенія Россійския земли за 130 лѣтъ, и преставися въ лѣто 6377.... и погребенъ бысть въ Каталонѣ (?) градѣ лѣта 131. — Царь Михаилъ, по прошенію Болгаровъ и Славянъ, даде имъ архіерея, еже крестити Русы; они же унывъ, рекоша: «Кое знаменіе твориши ты, да крестимся?» И рече имъ: «просите, что хощете.» И рекоша: «да ввержеши Евангеліе во огнь, имъ же ны учиши.» Се же и бысть и не згорѣ. И тако вси крестишася съ радостію.»

бѣ грубѣйше еще отъ насъ рѣчію»; что изобрѣлъ ее Стефанъ. Епископъ Пермскій, начавъ отъ перваго слова *а*, какъ у Римлянъ; вторую же букву, вмѣсто Латинскаго бе, назвалъ буръ [1] и т. д. Всѣхъ буквъ Пермской азбуки двадцать четыре. Книгъ же, писанныхъ на этомъ языкѣ, въ Россіи не обрѣтается, «развѣ точію въ Перьмской странѣ.»

Конечно, всѣ эти свѣдѣнія имѣли свое достоинство, особенно будучи переданы дѣтямъ въ ихъ обыденномъ руководствѣ, которое, какъ кажется, было ихъ настольною книгою. Подобные матеріалы, помѣщенные и въ нынѣшнемъ учебникѣ, не повредили бы его достоинству. Но мы посмотримъ далѣе, что еще передавалось дѣтямъ относительно грамматики.

Въ слѣдующей главѣ рѣчь снова идетъ о правописаніи, объ удареніяхъ и пр. Особенно требовалось знаніе, какъ «ять съ естемъ различати», чтобы никакъ не писать вмѣсто пѣніе—пеніе, сѣсти—сести и пр. «Сіе бо, прибавлено, вельми зазорно и укорно, еже ять вмѣсто ести глаголати, такоже и есть вмѣсто яти. Отъ сего бываетъ веліе несмысльство ученію.» Потомъ отъ учителя требовалось, чтобы научалъ своихъ воспитанниковъ, гдѣ и какія ставить ударенія: гдѣ оксія или острая, гдѣ варія или тяжкая, а гдѣ камора облеченная; за тѣмъ еще два знака: краткая и исо. Кто учился грамотѣ по Церковнославянскому букварю, тотъ, вѣроятно, помнитъ эти знаки въ концѣ букваря, употребляющагося и теперь у простонародія: тамъ есть и оксія, и исо, и варія. Въ Азбуковникѣ истолковано, когда употребляется каждый изъ этихъ знаковъ, и приведены примѣры, но тутъ же прибавлено, что объ этомъ говорится и въ грамматикѣ. Значитъ, кромѣ грамматическихъ правилъ, помѣщенныхъ въ Азбуковникѣ, ученикамъ были извѣстны, хотя отчасти, самыя грамматики, отдѣльныя сочиненія, изъ которыхъ заимствовались, или которыми руководствовались, преподаватели, и съ которыми, вѣроятно, знакомили своихъ воспитанниковъ.

Между этими грамматическими толкованіями опять вставлена цѣлая глава, которой содержаніе нисколько не соотвѣтствуетъ ни предыдущей, ни послѣдующей. Глава эта, по какому-то случаю, обращается къ Русской исторіи и передаетъ дѣтямъ свѣдѣнія о томъ, что до крещенія Руси имена давались у насъ по произволу, т. е.,

[1] См. Описаніе рукописей Румянц. Музея, подъ N CCCLIX-мъ, гдѣ вся Пермская азбука и гдѣ вторая буква не буръ, а бувъ, и т. д., стр. 514.

какъ хотѣли родители назвать свое дитя, такъ и называли; отъ того у насъ существовали имена: Богданъ, Бажѣнъ, Жданъ, Второй, Третьякъ, Мѣсоѣдъ, Подрогъ и другія, [1] которыя въ настоящее время обратились въ прозвища. Но потомъ В. К. Владиміръ, «который всею страною, въ ней же мы нынѣ жительствуемъ, владѣлъ,» принялъ Христіянскую вѣру и крестилъ свой народъ, и съ тѣхъ поръ имена у насъ давались въ честь угодниковъ. За тѣмъ слѣдуетъ объясненіе многихъ собственныхъ именъ, взятыхъ съ Греческаго и съ Еврейскаго языковъ. Конечно, всѣ подобныя свѣдѣнія очень поверхностны и лишены ученой формы, даже такое изложеніе нисколько не систематично; но все же, хоть разсѣянно и не въ порядкѣ, а передавались юношеству понятія о самыхъ необходимыхъ вещахъ, и того довольно. Этотъ Азбуковникъ вообще представляетъ что-то въ родѣ энциклопедіи, сообразной съ понятіями нашихъ предковъ и не лишенной интереса для дѣтей, только начинающихъ свое образованіе: такъ, послѣ этой главы, вниманіе учащихся снова переносили къ грамматикѣ и снова объясняли имъ особенности языка Славянскаго.

О верхней просодіи и строчномъ препинаніи,
Приглашаю всѣхъ васъ со умными вниманіи,
Въ тисненой азбуцѣ любомудро положенныхъ,
Многими книжными реченіи разведенныхъ,
Вся же со извѣстіемъ разумно явленно,
Краткимъ сведѣніемъ вельми удивленно.
Должни суть учители сами сія знати
И всѣхъ учимыхъ у себе добрѣ научати.

Здѣсь прежде всего останавливаетъ наше вниманіе то, что содержаніе послѣдующей главы взято изъ печатной азбуки, въ которой все это, какъ видно, разведено многими книжными реченіями; а здѣсь, въ Азбуковникѣ, какъ сказывается, это же самое «краткимъ сведѣніемъ вельми удивленно,» т. е., сокращено и упрощено. О существованіи печатныхъ азбукъ въ XVII-мъ вѣкѣ мы знаемъ. [2] Но здѣсь, оказывается, старались примѣняться къ дѣтскимъ понятіямъ, и эта обязанность лежала на учителяхъ. Такимъ образомъ, изо всего, что находилось въ печатныхъ азбукахъ и другихъ «тисненыхъ» книгахъ, на примѣръ, относительно знаковъ строч-

---

[1] См. подобное мѣсто у Востокова: Опис. рукоп. Румянц. Музея, стр. 2, 6—7.

[2] См. Домаш. бытъ Русск. Цар., Забѣлина.

ныхъ и надстрочныхъ, изо всего этого дѣлался краткій сводъ, и имъ-то руководствовались воспитанники, при помощи учителя. Замѣтно, что на знаки, и вообще на правописаніе, было обращаемо большое вниманіе, и потому дѣтямъ пояснялись всѣ знаки надстрочные и строчные, не только Славянскаго письма, но и книгъ иностранныхъ и языческихъ (вѣроятно, Греческихъ?). Достаточно выписать одни названія этихъ знаковъ, чтобы видѣть, сколько труда стоило мальчику понять значеніе каждаго изъ нихъ, особенно когда объясненія этихъ значеній такъ темны и сбивчивы. Вотъ знаки, которые были тогда приняты «во Словенороссійстѣй азбуцѣ печатно», и сохранились еще до сихъ поръ въ нашей церковной печати и въ букваряхъ: оксія, исо, варія, камора, краткая, звательцо, титла, словотитла, апострофъ, кавыка, ерокъ, запятая, двоеточіе, точка, вопросительная, удивительная, вмѣстительная. Не стану выписывать толкованій, гдѣ каждый изъ знаковъ ставится; но замѣчу, что касательно титла сказано: «титло сіе есть покрытіе или взметъ; пишется надъ святыми рѣчьми, величества ради, славы и святбы» и т. д., ерокъ иначе называется ертица; вопросительная или подіостоліа (вѣроятно, ииодіастола?); удивительная иначе называется прибыльца, а вмѣстительная «въ Кіевскихъ переводѣхъ» именуется клямра. Но это еще не все: эти знаки приняты были въ печатныхъ Славянскихъ книгахъ; но сколько еще было такихъ знаковъ (взятыхъ изъ древнихъ, изъ иностранныхъ и изъ языческихъ книгъ, — слова Азбуковника), которыхъ «аще и не нужно кому мнится угодно быти, но обаче вѣдомости ради должно есть вѣдети и знати» И вотъ, вѣдомости ради, ученики должны были знакомиться съ этимъ безконечнымъ рядомъ надстрочныхъ и междустрочныхъ знаковъ; однако, со стороны учителя въ этомъ видна хорошая цѣль: знать эти подробности необходимо всѣмъ «хотящимъ преписовати святыя книги,» и потому онъ совѣтуетъ своимъ воспитанникамъ на всякій случай помнить ихъ значеніе и употребленіе. Эти знаки суть: раздвижка (не буду передавать ихъ начертаній, потому что для напечатанія они не удобны), атрикаль, слогіа, вторая, стяга или кекдима, чашка, дасія, статіа и сквады. Употребленіе ихъ тоже не считаю нужнымъ объяснять, потому что статья моя удлиннилась бы много, не много выигравъ отъ поясненія мелочей, которыя важны, можетъ быть, въ спеціально-филологическомъ трудѣ, но не въ объясненіи состоянія нашихъ

школъ. Далѣе, учитель передаетъ дѣтямъ значеніе просодій, взятыхъ имъ изъ осмочастной книги, т. е., изъ грамматики. Просодіи были слѣдующія: оксія, варія, периспомени, макра, врахія, дасія, псили, апострофосъ, уфенъ, уподіастоли. Относительно макра, врахія, апострофосъ и уфенъ замѣчено, что они «у насъ Русовъ никакоже потребны,» у Грековъ же «потребны зѣло, подобнѣ и у Латинъ;» но уподіастола «у Русовъ потребна.» Кромѣ этихъ просодій, учитель прибавлялъ еще отъ себя о нововвводимомъ знакѣ, котораго въ прежнихъ Славянскихъ рукописяхъ не было. Кто знакомъ съ рукописными памятниками древней Руси, тотъ, вѣроятно, помнитъ, что наши писцы не употребляли переноснаго знака (—, или =, или нѣмец. -) и переносили часть слова въ другую строку, не означая ничѣмъ переноса. Такъ вотъ относительно этого предмета и говоритъ Азбуковникъ: «недотяга или недоступка =, которая ставится въ концѣ строки, недоконченой ради рѣчи, которая во второй строкѣ скончатися имать; ея же прежде Словяне, или вѣденіемъ или невѣденіемъ, точію отнюдъ не полагаху въ строкахъ; нынѣ же благодатію Христовою радостно пріемлютъ и исправляютъ, навыкше зрѣніемъ въ иноязычныхъ, си есть во Еллиногреческихъ и Латинскихъ, паче же Кіевскихъ книгахъ.»

Но довольно о правописаніи и строчныхъ знакахъ. Кстати замѣчу, что многіе изъ этихъ знаковъ имѣютъ общее названіе и подобное же начертаніе съ нашими крюковыми нотами, какъ это можно видѣть у Востокова, въ Опис. рукоп. Румянц. муз., на стр. 650, 651, 652, 653, 654.

Есть также общее и съ крюковыми нотами Грековъ, какъ это видно изъ Греческаго нотнаго стихираря XIV в., который также довѣрилъ мнѣ Преосвященнѣйшій Аѳанасій.

Что касается другихъ частей грамматики, то, какъ оказывается изъ Азбуковника, ихъ преподавали довольно кратко, больше практически объясняя грамматическія особенности, нежели уча грамматикѣ теоретически. Такъ въ Азбуковникѣ дѣлали разборъ фразъ, и по этому разбору воспитанники навыкали въ грамматическихъ правилахъ. Падежи назывались паденіями, которыя были: именовательное, родственное, дательное, виновное, звательное и отрицательное, употреблявшееся съ предлогомъ *отъ* и *о*. Средній родъ назывался посредникъ, мѣстоименія назывались проименіями,

къ которымъ, кажется, причислялись и прилагательныя; спряженія поименованы супружествами. Склоненія въ Азбуковникѣ состоятъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, и на каждый родъ приведены особые примѣры. Я не намѣренъ разбирать достоинства и недостатки грамматики, преподававшейся въ нашихъ древнихъ школахъ: тогдашнія руководства, конечно, были хуже нынѣшнихъ. Но для насъ довольно одной увѣренности въ томъ, что эти руководства—были, что грамматику въ нашихъ до-Петровскихъ школахъ знали, и что ученикамъ ставилось въ непремѣнную обязанность—знать составъ и строй своего языка, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ смотрѣли на него въ свое время. Свѣдѣніями этими обязаны мы Азбуковнику, который разбираемъ въ настоящее время. Эти свѣдѣнія очень утѣшительны и бросаютъ новый свѣтъ на исторію нашего развитія до начала Петровскихъ преобразованій.

Не вдаваясь въ болѣе подробное обозрѣніе Азбуковника, я умолчу о содержаніи прочихъ его главъ, изъ боязни, чтобъ статья моя не показалась единственно разборовъ содержанія учебниковъ, которыми руководствовались воспитанники въ нашихъ школахъ XVII-го вѣка; для насъ довольно знать, чему и въ какой степени обучалось наше юношество въ частныхъ школахъ. Но я не могу не сказать нѣсколько словъ о томъ, что передавалось въ школахъ ученикамъ относительно личности извѣстнаго Максима Грека, и добавлю еще извѣстіемъ о томъ, что въ этихъ же школахъ давалось дѣтямъ понятіе о семи мудростяхъ, о такъ называемыхъ Septem artes liberales, которыя въ школахъ западной Европы и въ ея Университетахъ входили въ кругъ ихъ знаменитыхъ наукъ Trivium и Quadrivium.

Въ главѣ подъ буквою Х, учитель обращается къ ученикамъ и говоритъ, что намѣренъ показать имъ истиннаго и совершеннаго философа, именно Максима Грека, «иже бѣ у насъ въ Россіи пресловущій философъ и изящный преводникъ Божественнымъ книгамъ.» «Этотъ Максимъ Грекъ,—продолжаетъ,—оставилъ по себѣ память Словенороссійскому роду, какимъ способомъ можно узнать настоящаго философа.» Онъ говоритъ: «мнози убо обходятъ грады и земли, овы убо куплею, овы же художествомъ всякимъ, ремествомъ и книжнымъ искуствомъ, Греческимъ или Латинскимъ; есть же и Ерусалимскимъ (значитъ и тогда тоже было, что теперь дѣлается); изъ этихъ-то гостей, одни совершенны суть, другіе отчасти, иніи же отнюдъ не вкусивше художнаго вѣденія книжнаго, рекше грамматикійскаго

и риторскаго, и прочихъ чюдныхъ учительствъ Еллинскихъ, обаче хвалятся вѣдети вся, користоватися желающе и кормитися.» И потому Максимъ Грекъ оставилъ по себѣ «мало строкъ списанныхъ Еллинскимъ образомъ мудрымъ на искушеніе всякаго хвалящагося.» Этими строками онъ завѣщалъ испытывать всѣхъ иностранцевъ, всѣхъ chevaliers d'industrie, которыхъ и тогда уже можно было встрѣтить на Руси, хотя, вѣроятно, не такъ много, какъ теперь; испытаніе это должно было состоять въ слѣдующемъ, какъ говоритъ самъ Максимъ Грекъ въ нашемъ Азбуковникѣ: «Аще нѣкто по моемъ умертвіи пріидетъ къ вамъ въ Афетороссію.... первѣе вопросите его: коею мѣрою сложени суть строки тѣ: и аще речетъ иройскою и елигійскою мѣрою, истиненъ есть и льсти въ немъ нѣсть. Еще рцыте ему: коликими ногами обоя мѣра совершается. И аще отвѣщаетъ, яко иройская убо шестію, а елигійска пятію, ничто же прочее сумнится о немъ: предобръ есть! Пріимите его съ любовію и честію, и елико у васъ живетъ, жалуйте его нещадно. И егда хощетъ возвратися во свое, отпустите его съ миромъ, силою не держите у себе таковыхъ: нѣсть бо похвально.... яко же и Омиръ глаголетъ премудрый, законополагая страннолюбію: лѣпо есть любити гостя у насъ живущаго, и хотящаго отъити пустите. Простая же рѣчь глаголется: «то есть гостю почесть, что воля; аще неволя гостю, то есть плѣнникъ, а не гость». Еще потому можно было узнать совершеннаго философа, если кто къ нашей азбукѣ могъ прибавить хоть одну еще новую букву, какъ Кириллъ прибавилъ ихъ четырнадцать противъ Греческаго алфавита. Дѣйствительно, не трудно доставался и тогда пришельцами дипломъ совершеннаго философа. А это доказываетъ только скудость нашихъ познаній въ то время, съ одной стороны, а съ другой, можетъ быть, наше всегдашнее гостепріимство.

Толкованіе семи свободныхъ мудростей помѣщено въ концѣ Азбуковника, въ семи отдѣльныхъ главахъ. Это не что иное, какъ предисловія къ каждой мудрости, но предословія такія, въ которыхъ кратко излагается сущность и значеніе самаго предмета. По обыкновенію, все это написано въ высшей степени высокопарно, потому что каждая изъ семи мудростей старается выказать ученикамъ свои достоинства и хвалитъ обширность своихъ примѣненій, т. е, гдѣ, и какъ, и почему каждая мудрость полезна и необходима.

Г. Востоковъ отчасти познакомилъ уже свѣтъ съ каждымъ изъ такихъ предисловій, выписавъ начало ихъ въ своемъ «Описаніи рукописей Румянцевскаго Музея;» но выписки его заключаютъ только первыя слова предисловій, первыя фразы каждой мудрости; сущности же предисловій нельзя узнать изъ такихъ коротенькихъ отрывковъ. Потому я намѣренъ показать здѣсь, что именно находится въ предисловіи каждой мудрости, что именно пріобрѣтали ученики, выучивъ всѣ семь главъ о мудростяхъ и ихъ примѣненіи. Само собою разумѣется, что на содержаніе ихъ я буду смотрѣть глазами того вѣка, примѣняясь къ понятіямъ, которыя уже теперь для насъ чужды и кажутся слишкомъ ограниченными. О семи мудростяхъ начинали бесѣдовать въ школѣ уже тогда, когда понятія юношей были къ тому, по мнѣнію учителя, достаточно подготовлены: «сію нынѣ совершеннымъ самъ въ любомудромъ разумѣ являю премудрую въ философіи грамматику.» И этимъ начинается изложеніе этой первой мудрости.

1. Первая изъ семи свободныхъ мудростей—грамматика. Такъ какъ мы уже отчасти познакомились и съ содержаніемъ и съ способомъ преподаванія грамматики, то здѣсь и не будемъ останавливаться долго на этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе еще, что все предисловіе исполнено общихъ мѣстъ и витіеватыхъ фразъ, которыхъ содержаніе, однако же, клонится къ одной мысли, что грамматика полезна сама по себѣ и важна для учащихся. «Много вси мудрыи витіи,—говоритъ она,—ритори же, реку, и философи, достойныя славы и великіе почести себѣ достизаютъ, яко же и древній Панамидъ и мудрый Промефусъ, съ ними же и Комодъ: сіи бо мя начертаніемъ во Еллинѣхъ составиша» и пр. Вотъ потому-то всякій, желающій быть мудрымъ и ученымъ, долженъ знать грамматику: «кто книжная писмена устраяетъ, или стихи сплетаетъ, или повѣсти изъясняетъ, или посланіа посылаетъ, или что таковыхъ составляетъ: то все мною, грамматикою, снискаетъ. Понеже на времена развожду и на числа разочту, и на лицо роскажу, и на паденіа уклоню (т. е. просклоняю), и на супружества сведу (т. е., проспрягаю), степени разсужду и роды разберу» и пр. 2. Вторая изъ семи мудростей—Діалектика, которая обращается къ юношеству съ такими словами: «Что чюдитеся и на мя зряще помышляете, и ко мнѣ мнимаго ради строптивства не приступаете? Не ѣсмь такова, еже вы мните мнительствомъ, но есмь мудрая зрительствомъ, есмь бо велика и честна и естествомъ свободна, едина отъ седми мудростей Діале-

ктика по Еллинѣхъ, по сладчайшему же ми Словенскому языку Словесница нарицаюся, селеніе же имамъ и соузъ общаго рачителства со премудрою грамматикою и со красовитою риторикою: одесную мене первая и ошуюю другая. Егда убо согласимся уставы, тогда чинно всяку стихамъ красоту полагаемъ, реченіе же и ученіе приличнымъ подобіемъ и ямвійскою мѣрою украшаемъ» и пр. Вообще назначеніе Діалектики, по ея собственнымъ словамъ, очень важное; ни одна высокая мысль, ни убѣжденіе, ни совѣтъ, ничто не можетъ имѣть настоящей силы безъ участія Діалектики. Она во всемъ: «Мудрый отъ Еллинъ Омиръ, и Платонъ, и похвалный во вратѣхъ (ἐν στοαῖς?) Аристотель и прочіи вси о мнѣ Діалектицѣ познашася въ мірѣ.» Въ жизни практической, и преимущественно въ кругу общественной дѣятельности, Діалектика едвали не важнѣе всѣхъ прочихъ семи мудростей: она необходима въ народныхъ собраніяхъ «на соборѣхъ людскихъ»; если на нихъ приметъ участіе Діалектика, всѣ ей внимають, и жалѣютъ, если замолчитъ она; если кто имѣетъ тяжбу въ судѣ, то съ помощью Діалектики ни правый не обвинится, ни «виноватый не потягнется, ниже судяй погрѣшити въ чесомъ можетъ»; спорщикъ и суесловъ откажутся отъ своей привычки спорить и туне глаголати, потому что Діалектика научаетъ истинѣ. Вотъ почти такого содержанія всѣ фразы, влагаемыя въ уста второй изъ семи мудростей. Дѣти узнавали только, что есть какая-то Діалектика, и что учитъ она такимъ-то и такимъ-то хитростямъ, но какъ учитъ, какъ пріобрѣтается знаніе этой мудрости, того они не вѣдали.

3. Риторика объясняетъ свое значеніе еще болѣе высокими словами: «Есмь бо отъ седми честная и великая свободная мудрость, Риторика нарицаюся, сирѣчь хитрорѣчія источникъ. Тѣмъ пріимите мя съ любовнымъ вожделѣніемъ, азъ же дамся вамъ съ быстрымъ свѣтлорѣчіемъ: азъ бо есмь мудрость сладкогласнаго рѣченіа, азъ сладость дивнаго сказанія, азъ доброта неоскудѣваемаго богатьства, азъ сокровище некрадомаго стяжательства, азъ велерѣчіе не отягчающее ушеса» и пр. и пр. Конечно, эти фразы кажутся до того высокопарными, что какъ будто въ нихъ нельзя подозрѣвать и смысла, кромѣ разглагольствованій; но смыслъ есть, и очень понятный, хотя тонъ самаго объясненія и напоминаетъ что-то въ родѣ акаѳиста. Но въ этомъ опять таки виновато общее риторическое направленіе въ письменности того времени, направленіе, надъ кото-

рымъ не всегда возвышаются и самые великіе умы, тѣмъ болѣе, что для каждаго вѣка существуетъ своя высокопарность, своего рода реторика, которая рѣдко замѣчается самими современниками, а черезъ десятки лѣтъ всплываетъ наверхъ и дѣлается замѣтною для послѣдующихъ поколѣній: такъ для насъ уже кажется анахронизмомъ многое въ Реторикѣ Кошанскаго, которую мы же, 5 — 10 лѣтъ назадъ, обязывались считать нормою и образцомъ ученія о стихѣ; у самихъ же у насъ, стыдящихся всякой реторики, есть своя реторика, своя вычурность, изысканность и натяжка, отъ которыхъ откажутся наши потомки, какъ отъ чего-то ложнаго и даже смѣшнаго. Естественно же, что въ XVII-мъ вѣкѣ, Реторика говоритъ о себѣ такъ: «селеніе и удобное совокупленіе имамъ съ Діалектикою; похвалная же и златострунная Грамматика съ нами же и начало намъ.» Этимъ, разумѣется, хотѣли выразить связь и взаимную между собой зависимость этихъ мудростей, и выразились свысока: тѣмъ не менѣе были поняты учениками, привыкшими и къ тому языку и къ способу тогдашняго выраженія .. Ученикамъ давали знать, что Риторика, по понятіямъ того вѣка, была необходима во всякомъ писаніи, и въ стихахъ, и въ посланіяхъ, и въ бесѣдахъ, и въ сочиненіяхъ, имѣющихъ разговорную форму, что ее изучали всѣ знаменитые люди и ученые. «Мною, говоритъ Риторика, и Димостенъ, древній онъ честный философъ, славенъ ся учини, той бо мя исперва поиска, и обрѣте, и по немъ прочіи Ритори, которіи чюдни разумомъ въ человѣцѣхъ явишася и хитрорѣчію начальницы бына и Риторику мя нарекоша» и пр. Но это только объясненіе Реторики, собственно ея предисловіе; а какъ она преподавалась и въ какомъ объемѣ, да и преподавалась ли даже, изъ Азбуковника рѣшить невозможно. Конечно, въ нашемъ сборникѣ есть и реторическіе отдѣлы, есть довольно пространная метрика Славянскаго, или Русскаго, стихосложенія, есть образцовыя письма и посланія, для составленія по нимъ какихъ угодно сочиненій въ стихахъ и прозѣ; но какъ положительно нельзя рѣшить, преподавалось ли все это въ нашихъ школахъ для начальнаго обученія, то и не смѣю сказать, что преподавалось; основываться же на однихъ предположеніяхъ не слѣдуетъ, хотя и можно бы предположить, что безполезно было бы говорить о значеніи предмета, не имѣя въ виду объяснить послѣ и его сущность. Но оставимъ предположенія и воспользуемся пока тѣми немногими матеріалами относительно препо-

даванія въ нашихъ школахъ свѣдѣній о семи свободныхъ художествахъ, которыя мы находимъ въ Азбуковникахъ, и обратимся къ изъясненію слѣдующаго свободнаго художества.

4. Четвертое свободное художество — музыка. Надо замѣтить, что предисловія семи свободныхъ художествъ, упомянутыя у Востокова, всѣ находятся въ нашемъ Азбуковникѣ, съ тою значительною разницею, что предисловія, помѣщенныя въ Азбуковникѣ, имѣютъ свои собственныя вступленія и предувѣдомленія, которыхъ недостаетъ въ предисловіяхъ Востокова, извѣстныхъ по начальнымъ фразамъ. Предисловія Азбуковника, по этому, лучше и полнѣе другихъ. Такъ къ предисловію о Музыкѣ прибавлено почти двѣ страницы объясненій о значеніи и происхожденіи Музыки, что, вѣроятно, считали необходимымъ пояснить юношеству. Это вступленіе начинается такъ: «Щедраго и Преблагаго Бога, давшаго намъ разумъ, познаніе своея истины, восхвалимъ вси не въ варганы, и тимпаны, и мусикіи, въ нихъ же беззаконный онъ Папа Петръ Гугнивый повелѣ въ церкви играти и есть начальникъ богомерзкому сему гуденію и игранію; мусику же и азъ предлагаю, но не руками человѣческими, ниже теслы и ножами устроени (у?), но гласомъ изъ гортани нерукотворенныя происходящимъ восхвалимъ Господа, и поемъ Ему разумно во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ, не отъ Петра онаго начинаемую, но отъ Іоавава, бывшаго въ первыхъ родѣхъ, изобрѣтеную и составленую, яко же бытейскія книги повѣдуютъ, во дни же Іисуса, сына Навина, паки Епимифеусомъ, философомъ Еллинскимъ, обрѣтеную. Сія мудрость, или муза, или музикіа имя есть нарицательное, рода женска, числа единственнаго, образа единороднаго, еже есть простаго, паденіа именователнаго и звательнаго, и отрицательнаго. И по философіи деветь музы, си есть деветь угодій, или деветь сосудовъ или органовъ ко глаголанію, еже есть двѣ губы или устнѣ, четыре зубы начальные, послѣдняя, си есть конечная часть языка, горло дыхателное, гортани тщина и паючи, и сіи деветь угодіа глаголются музы, амоисъ, еже есть вода, зане безъ волготы онѣхъ, еже есть безъ мокротъ, не можетъ родитися гласъ, паки музикіа глаголется нѣкогда пѣтіе, и нѣкогда мудрость, и отъ музы глаголется музика, си есть умѣтель тоя хитрости.» И вотъ, только послѣ этого предварительнаго вступленія, начинается предисловіе, которое есть и у Востокова: «Утверждайте очи, отверзите слухи,

ускоряйте духи, егда убо возшумлю, тогда вси умы возбужду» и т. д. Предисловіе это довольно пространно и занимательно по тѣмъ понятіямъ о музыкѣ, какія господствовали между нашими предками. хоть бы, на примѣръ, о пѣніи неуставнымъ гласомъ невѣждъ и поселянъ; но мы не рѣшаемся обременять своей статьи еще большими выписками, въ надеждѣ, что все это будетъ въ послѣдствіи извѣстно всѣмъ желающимъ, если Русская наука, обращающая теперь вниманіе на наши древности, приметъ участіе въ этомъ дѣлѣ.

5. Ариѳметика имѣетъ такое же пространное предисловіе, въ которомъ перечислены случаи, гдѣ знаніе Ариѳметики необходимо, и чему собственно научаетъ эта мудрость. О своемъ имени она говоритъ, что «Еллинскимъ языкомъ Ариѳметика нарицаюся, сладчайшимъ же мнѣ, рекши Русскимъ языкомъ, Числительница.» Она исчисляетъ широту земли и высоту небесъ, измѣряетъ пучины моря, назначаетъ вѣрный и безопасный путь кораблямъ, управляетъ всѣми дѣлами, царскими и болярскими, уставляетъ всему правильную мѣру и всѣ чиновныя числа, и мѣры, и вѣсы соединяетъ и раздѣляетъ, слагаетъ, вычитаетъ, на доли раздѣляетъ, долю къ долямъ прилагаетъ, и все въ дроби раздробляетъ; она имѣетъ неразрывную связь съ Геометріей и Астрономіей, а въ музыкѣ устанавливаетъ степени, стоянія, стоны и движенія; она необходима для Грамматики, Риторики и Діалектики. Изобрѣлъ ее отъ Еллинъ мудрый Пиѳагоръ. Цѣль ея—счисленіе всѣхъ возможныхъ величинъ и измѣреній: пространства она считаетъ локтями, пшеницу мѣрами, вино чашами, полки тысячами и сотнями. Важность Ариѳметики очень хорошо понимали наши предки, знали ее довольно основательно и дѣлали вычисленія, почти невозможныя для того времени. Это подтверждаютъ громадныя вычисленія Кирика еще въ XII-мъ вѣкѣ. [1] Послѣ того странно думать, чтобъ въ нашихъ школахъ не преподавалась Ариѳметика въ XVII-мъ вѣкѣ, когда въ XII-мъ мы могли похвалиться знатоками этого предмета, и когда знаемъ, что уже въ XVI-мъ вѣкѣ были у насъ свои руководства по этому предмету. [2]

6. Геометрія, шестое изъ свободныхъ художествъ, имѣетъ въ нашемъ Азбуковникѣ то значеніе, какого уже въ настоящее время не имѣетъ: въ объясненіи ея сбиваются то на Космографію, то на

[1] Чтенія въ Общ. ист. и древн. Росс., 1847, N 6. Смѣсь, стр. 25—40.
[2] Энцикл. Лекс. т. III, стр. 101; Карамз. т. X, стр. 259.

Математическую Географію, то на Географію Политическую, однимъ словомъ, здѣсь понимаютъ буквально, что Геометрія есть землемѣріе во всѣхъ отношеніяхъ. Отъ того вступленіе въ предисловіе къ Геометріи начинается такъ: «Юже видиши землю, отъ нея же и ты созданъ еси, по писанному, яко земля еси и въ землю паки пойдеши, амо же вси тлѣнніи отходимъ, помысли, кто сію измѣри и предѣлы положи, точію одинъ Богъ, Той бо измѣривый пядію небо и дланію землю, намъ же созданію Своему—человѣкомъ тлѣннымъ, даде сея широту, и долготу, и толстоту доброумѣренною вервію любомудрыя Геометріи измѣряти и тѣмъ комуждо данныя предѣлы познавати, ей же нынѣ предисловіе полагаю, на видѣніе доброты ея васъ призываю.» И послѣ этого предварительнаго вступленія раскрывалось самое значеніе Геометріи, ея важность и предметъ, т. е., польза и цѣль ея знанія. Знаніе этой мудрости свойственно одному человѣку; хотя и, между животными есть владѣтельныя породы, какъ орелъ между птицами и левъ между звѣрями, но они безсловесны и не землемѣрительны; одинъ человѣкъ, хотя такое же животное, но разумное и словесное, а потому онъ животное землемѣрительное и не отъ того, что можетъ все измѣрить ногами и руками, но по существу своему человѣкъ есть животное геометрическое, или землемѣрительное: голова и сердце его изображаютъ востокъ, нижняя часть тѣла западъ, правая рука—югъ, лѣвая—сѣверъ; середина земли есть середина тѣла человѣческаго: «высока бо есть и плоска, и на все случившееся пріятелна и отвсюду помыслами населяема, аки водами обливаема и наводняема.» Высказавъ нѣсколько мыслей относительно физическихъ явленій на землѣ, относительно явленія цвѣтовъ и относительно стихій, предисловіе входитъ въ область Математической и Политической Географіи: оно говоритъ, что Греческіе ученые, по обращенію солнца и луны, измѣрили кругъ земли, который равенъ 20,601 Итальянской милѣ; что изъ Едема исходитъ источникъ въ четыре страны и отсюда Греки раздѣлили землю на-четверо. Впрочемъ, гораздо лучше будетъ выписать остальную часть предисловія, какъ она есть въ Азбуковникѣ, и тогда всякій будетъ въ правѣ вывести заключеніе о познаніяхъ нашихъ предковъ въ Географіи, если только можно на свидѣтельствѣ одного дѣтскаго руководства, дѣлать заключеніе о невѣжествѣ нашемъ по этой части. Вотъ конецъ предисловія: «Ова отъ сихъ Африка, ова же Асіа, и ина Европа, каяжда бо отъ дѣйства своего вину званія пріятъ. Асіа бо первая часть

земли студености ради тако именуема, отъ Европы бо къ Северному морю рекою Дономъ отделяется, а къ Среднему морю рекою Истмою; къ ней прилегъ великій кругъ Акіяна-моря. Въ той убо части Асіи великаго благочестія светлосіятелное государство Россійскаго царства [1], пресветлая и Богомъ снабдимая великая держава, ея же кто и Востокомъ обыкнувши нарицати не погрешитъ: солнце бо праведное Христосъ Богъ нашъ не точію на всякъ день еже чювственное, но присно всехъ верныхъ сердца теплотою Духа Божія просвещаетъ всехъ; край же царства того въ Европстей части, еже къ западу и полунощію достизаше, иеже Студенымъ моремъ, отъ Сгранскихъ Королей пределъ, рекше рубежъ, полагается, и паки отъ другихъ странъ еже къ востокомъ и полудни, внизъ Катаинскія реки и Хвалижскимъ моремъ до Истьмы реки, въ той же части обону страну тоя же Катаинскія реки, рекше Волги [2], прилегли рубежи Татарскихъ царей, а къ темъ Татарскимъ рубежамъ прилегло Арапское море, что Сенфанъ атаманъ обладалъ и Казылбашемъ назвался, оттого же и донынѣ государство Кизылбаское именовася; пятая доля Асіи, что осталося за четвертыми государствы и тою долею владеетъ Шпанской Король, а по потопе та часть была Сима, сына Ноева, юже наричутъ Асіа. Африка же теплоты ради великія прозвася, пределъ же размеру ея сказуется Среднимъ моремъ и Аглинскимъ, и Ефіопскимъ, и рекою Ниломъ; въ той части Африке государство Палестинское, идеже Авраамовы наследницы быша, и Египетъ и Еѳіопіа и Пустыня великая, которая пошла отъ реки Нубы къ восточней стране, и оттуда ко Атланскому морю, еже противу запада и мало погнувшися къ северу; а по потопе та часть земли Африка была Хама, сына Ноева, юже ныне Африку наричутъ. Европа же третіа часть земли отъ дщери Агенаря царя именовася, юже Юпитеръ волхвъ, Зевесовъ сынъ, въ Крите на поли восхити. Сія Европіа местомъ своимъ по размеренію моему, рекше Геометріи, и по числу степенемъ потескотнейши Асіи, людми же и всякими плоды зело изъобилна есть: и та Европа отдалася къ полунощи и западу; отъ полунощи же обошло Акіянъ-море, и отъ

[1] Россія, значитъ, считалась Азіатскимъ государствомъ?

[2] Мы не знаемъ, почему Волга называлась Катаинскою рекой. Разве потому, что въ иныхъ рукоп. она еще смешивается съ Танаисомъ: «Танаоусъ или Волга,» см. Опис. рук. Р. М., стр. 762?

запада Среднимъ моремъ Африкіи отдѣлися, а отъ Востока Понтскимъ моремъ и рѣкою Дономъ и Истмою, которая въ то же Понтское море вошла. Въ сей Европіи великіи государства, которые въ древнихъ лѣтехъ всею землею владѣли: Римское, реку, и Македонское и преславное Седмохолміе, еже есть великій градъ Констяньтинъ, и прочая мѣста государствъ, ихъ же описуетъ Космографіа. А по потопѣ та Европа часть земли была Афета, сына Ноева!... Море глаголется всѣмъ водамъ общее имя, его же Латини фретумъ (fretum) нарицаютъ, Греки же портфмолъ; а гдѣ разливается по мѣстомъ, тогда иная имена пріемлютъ, якоже убо и первая узина отъ истояника Еллеспонтъ именуема; гдѣ же паки во другія увится, Тратибосфоръ именуется, а гдѣ во другіа мѣста въ ширину разливается, Понтъ Ексинонъ именуется. Егда же ко озеру пріидетъ, Аймерикъ (?) Бофоръ (Босфоръ ?) именуется, само же то езеро Меотисъ зовется и двѣма великими рѣками Дономъ и Ниломъ во всѣ три части вселенныя раздѣляется; Донъ убо отъ полунощи къ полудни течетъ, вореди Меодета езера вливается; супротивъ же тому Нилъ отъ полудни къ полунощи въ море вливается. А что земли лежитъ отъ моря къ тѣмъ рѣкамъ, отъ единыя страны Африка именуется, а отъ другіа Европа къ Нилу, прочее же что ни есть Асіа именуется, а Америка во Асіи же и во Европѣ. Таковымъ размѣреніемъ моимъ геометрійнымъ по всему лицу земли вся мѣста и предѣлы Государствъ размѣряемы и раздѣляемы и се все мною могутъ разумѣти: чѣмъ которое Государство больше или меньше, такоже и градовомъ всѣмъ разстояніе, и сихъ основаніе, и домовное по межамъ огражденіе, и всякихъ нивъ и поль, горы же и долы, и вся винограды и вертограды, и всѣ пути и дубравы, и все что ни есть даже до послѣдніа хлѣвины сограждения и премѣреніа, все моимъ геометрійскимъ досужствомъ и наукою совершается. Тако есмь въ шестомъ мѣстѣ учиняема мудрость свободная.» На этомъ предисловіи нельзя основывать предположенія, что въ древней Россіи ошибочно понимали значеніе Геометріи: такъ понимала ее тогда и вся Европа. Геометрія отъ начала прежде то, что въ настоящее время называется Геодезіею, или просто Землемѣрствомъ; до извѣстнаго времени и Землемѣрство и отвлеченная Геометрія смѣшивались въ понятіяхъ ученыхъ, потому что послѣдняя, казалось, не имѣла другой цѣли, кромѣ измѣренія земли; когда же открыты были многія неизмѣнныя правила или истины, на которыхъ утверждается всякое измѣреніе,

то Геометрія стала достояніемъ отвлеченнаго разума, какъ и Чистая Математика, а то, что прежде считали Геометріей, перешло въ вѣдѣніе отдѣльной науки — Геодезіи. Въ XVII-мъ вѣкѣ у насъ на Геометрію смотрѣли еще съ старой точки зрѣнія и потому смѣшивали ее съ Геодезіей и съ Географіей, свѣдѣнія географическія вертѣлись все еще около Меркатора, переводы котораго были въ большемъ ходу въ до-Петровской Руси: тутъ мѣшались и Географія и Космографія, орбисъ террарумъ и чертежъ свѣта [1]. Дѣтямъ, конечно, преподавались только начальныя понятія объ этой мудрости, какъ мы и видимъ изъ Азбуковника.

7. «Послѣдняя мѣстомъ, первая же дѣйствомъ» свободная мудрость есть Астрономія «ю Еллинѣхъ, Звѣздозаконіе же по Словянехъ.» Предисловіе ея интересно въ такой же степени, какъ и предисловія прочихъ мудростей, т. е., въ немъ поверхностно и съ своей точки зрѣнія показана цѣль Астрономіи и опредѣлена ея важность. Конечно, все это очень недостаточно и поверхностно, но для дѣтской книги, для школьнаго учебника XVII-го вѣка, и этого довольно: Азбуковникъ не преподаетъ дѣтямъ Астрономіи, а только говоритъ о ней и возбуждаетъ желаніе заняться этой высокой мудростью; Астрономія сама сознается, что не здѣсь, не въ Азбуковникѣ, можно найти ея содержаніе, но гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, въ какой-то «въ книзѣ своей шестьвіемъ и дѣйствомъ являюся всяко.» Что это за книга, рѣшить трудно; можетъ быть, здѣсь намекаютъ о какой ни будь Астрономіи, о руководствѣ, или просто объ астрономическомъ сочиненіи, изъ котораго взято содержаніе предисловія.» Можетъ быть, и тѣмъ больше достовѣрно это предположеніе, что сей часъ же, за этимъ упоминаніемъ о какой-то своей книгѣ, Астрономія какъ будто заимствуетъ содержаніе изъ этой книги, говоря о знакахъ зодіака: «Овенъ мой хребтомъ на полнощь, главою же на востокъ; къ солнцу восходитъ и Левъ, да восходитъ и заходитъ обращаяся; Стрѣлецъ же восходитъ право и заходитъ стремглавъ, яко низверженный,» и прочая... Содержаніе этой науки, разумѣется, солнце, луна, планеты и звѣзды (какъ видно, понималось различіе между звѣздами и планетами); за тѣмъ, предметы ея — счисленіе времени

---

[1] См. Описаніе рукоп. Графа Толстова, Отд. II, 287; Отд. I, 67, 117, 191, 210; Отд. II, 368; Отд. III, 68. — Опис. рукоп. Румянц. Музея, стр. 542, 567, 724, 658, 762 и пр.

по солнечному и лунному обращенію. Періодъ обращенія луны въ Азбуковникѣ опредѣленъ въ 29 дней и въ полъ дня и въ пять часовъ, и еще съ получасомъ и съ пятой частью часа (т. е., 29 дн. 17 час. и 42 $^6/_7$ мин.?). Въ предисловіи, кромѣ того, есть ссылка на извѣстнаго древняго Астронома Атланта («премудрый Атланъ, иже въ небо біетъ»). [1]

Здѣсь оканчиваются объясненія семи свободнымъ художествъ и, послѣ небольшой главы, въ которой находится обращеніе къ дѣтямъ и желаніе пользы отъ пріобрѣтенныхъ ими свѣдѣній, оканчивается самый Азбуковникъ.

Какъ видимъ, содержаніе этого учебника довольно разнообразно и имѣетъ свои достоинства, которыя выигрываютъ въ нашихъ глазахъ еще больше, когда мы примемъ во вниманіе, что Азбуковникъ этотъ служилъ только вспомогательной книгой при другихъ руководствахъ, преподававшихся въ школахъ; что свѣдѣнія, собираемыя въ немъ, не были окончательными итогами обученія юношества, а оно пріобрѣтало познанія болѣе обширныя, училось еще многому, чего нѣтъ въ Азбуковникѣ, какъ это доказываютъ нѣкоторыя мѣста его. Азбуковникъ этотъ читался ученикамъ, что называется, *между дѣломъ*, какъ читались и другія книги разнообразнаго содержанія, и читались во *всякое свободное отъ ученія* время (во время, на пр. «*хлѣбоядѣнія и отъ ученія престатія*»), читались и учителемъ, и *старостами*, за отсутствіемъ учителя. А ученіе шло своимъ чередомъ, и юношество въ урочные часы училось письму, Славянской Грамматикѣ, Риторикѣ и стихотворному искуству; занималось силлогизмами со всѣми хитростями тогдашняго обученія; изучало *целя́бы*, знаніе которыхъ считалось необходимымъ *для виршеслагательства*; знакомилось съ нововведеннымъ тогда *риѳмомъ*, находя его у *доскональго казнодѣя Симеона Полоцкаго*; [2] узнавало «степени стихотворныя мѣры» и «единъ на десять родовъ стиха» и иройскій, и ямвійскій, и сафійскій, и гликонскій и пр.; [3] наконецъ, какъ надо полагать, *училось сочинять*

---

[1] Атлантъ, въ честь своихъ астрономическихъ открытій, изображался упирающимся въ небо, или поддерживающимъ небо на своихъ плечахъ.

[2] Изъ Азбуковника, изданнаго въ Соловецкой обители; Азбуковникъ этотъ тоже находится въ нашемъ сборникѣ.

[3] Изъ другой статьи сборника, которую я разберу послѣ.

сначала сентенціи и двустишія, потомъ «привѣтства,» преимущественно же посланія въ стихахъ (по краегранесію) и въ прозѣ, что все подтверждается разнообразными статьями нашего сборника и находящимися въ немъ Азбуковниками, которыхъ можно насчитать до десяти.

Въ нашихъ до-Петровскихъ школахъ преимущественное вниманіе обращалось, по всѣмъ вѣроятіямъ, на изученіе правилъ и свойствъ Славянскаго языка, и вообще на то, что мы называемъ Словесностью въ обширномъ смыслѣ, т. е., собственно какъ понимали это слово въ нашей старой Руси; конечно, на первомъ планѣ были божественныя книги; но и знаніе Грамматики сильно занимало умы. Не надо забывать при этомъ, что объемъ Грамматики былъ гораздо обширнѣе того, въ какомъ принято понимать ее въ настоящее время: извѣстно, что чѣмъ больше развивается какая либо наука, тѣмъ болѣе дробится она на отдѣльныя части, и каждая часть, въ свою очередь, становится почти самостоятельной наукой. Изъ семи свободныхъ искуствъ, изъ семи, если можно такъ выразиться, наукъ, которыя были въ древности достояніемъ человѣческаго разума, развилось теперь столько отдѣльныхъ отраслей, столько независимыхъ наукъ, что число ихъ становится даже невѣроятнымъ. Наши отцы, подъ словомъ «Грамматика» разумѣли очень многое и требовали отъ Грамматики всего, чему учитъ теперь вся теорія Словесныхъ наукъ; и потому съ изученіемъ Грамматики соединяли они и Риторику, и Стилистику, и даже Піитику. Я сказалъ, что, по всей вѣроятности, на Грамматику обращали преимущественное вниманіе,—и это очень естественно, отъ того въ нашемъ сборникѣ, между разными Азбуковниками и руководствами, попадается очень много грамматическихъ отдѣловъ, и притомъ очень различнаго содержанія. Въ числѣ ихъ видимъ мы большія выписки изъ Грамматики Смотрицкаго, съ означеніемъ, на поляхъ, листовъ ея изданія. Хотя имя автора и не названо здѣсь, но по содержанію можно удостовѣриться, что это отрывки изъ Смотрицкаго. Такъ, между прочимъ, въ отдѣлѣ стихосложенія находится его знаменитый гекзаметръ:

Сарматски новорастныя Мусы стопу перву,
Тщащуюся Парнасъ въ обитель вѣчну заяти, и пр.

На основаніи этихъ выписокъ, можно полагать, что руководство Грамматики Смотрицкаго не было чуждо и нашимъ школамъ. Я говорю о школахъ Великороссійскихъ. Что же касается до училищъ

Югозападной Россіи, то къ нимъ нельзя примѣнять того, что говорится о Великорусскихъ школахъ; въ Югозападной Россіи образованіе шло инымъ путемъ, и училища ея стояли на высшей степени развитія: тамъ, конечно, Грамматика Смотрицкаго была на своемъ мѣстѣ, потому что тамъ ея и родина. Но я говорю относительно того, что она не была чужда и для школъ Великой Россіи, особенно если примемъ во вниманіе то, что собраніе Азбуковниковъ, которыми я теперь пользуюсь, сдѣлано въ Соловецкой обители, на самомъ дальнемъ сѣверѣ Великороссіи.

Кромѣ Смотрицкаго, въ Азбуковникахъ находятся отдѣлы изъ Грамматикъ неизвѣстныхъ сочинителей. Такъ, на примѣръ, здѣсь есть еще цѣлый Азбуковникъ однозвучныхъ словъ и синонимовъ, которые всѣ истолкованы помощью грамматическихъ правилъ и объяснены примѣрами въ родѣ слѣдующихъ: рака имѣетъ три значенія, и какъ Сирское рака значитъ ты, плюю на тя, а ракъ—животное, какъ говорится, поималъ рака, и рака въ значеніи гроба; шила тоже: «шила жена портище,» или «шила сапожнаго дѣла»; «шилъ сапоги» и «шилъ подшивалныхъ или начальныхъ кузнецъ». Есть здѣсь Азбуковникъ неудоборазумѣваемымъ рѣчемъ, которые въ другихъ рукописяхъ носятъ названіе «Алфавитовъ» и замѣняютъ наши Словари. Этотъ Азбуковникъ довольно пространный и вмѣщаетъ въ себѣ слова не только стараго Славянскаго языка, но Греческаго, Латинскаго, слова Южнорусскія и Польскія (по Памвѣ Берындѣ, какъ кажется), Чешскія, Сербскія, Болгарскія и другія. Въ особенности для учащихся эти Словари были необходимыми руководствами. Есть, наконецъ, правила и толкованія силлабическаго стихосложенія, сочиненныя, какъ видно, нашимъ составителемъ и списателемъ сборника.

И такъ нѣтъ сомнѣнія, что объемъ преподаванія въ нашихъ до-Петровскихъ школахъ очень достаточенъ для того времени. По Азбуковникамъ нельзя рѣшить положительно, преподавались ли еще какіе либо другіе предметы; но для школъ, имѣвшихъ цѣлію первоначальное обученіе юношества, довольно очень и того, что̀ преподавалось, т. е., что отыскали мы въ Азбуковникахъ. Наше юношество возвращалось изъ школъ въ домъ родительскій съ такими познаніями, которыя дѣлаютъ честь имъ самимъ, ихъ педагогамъ и школамъ, въ которыхъ они воспитывались; а это лучшее мѣрило степени нашего развитія въ періодъ, предшествовавшій Петровымъ преобразованіямъ. Такимъ образомъ XVII-й вѣкъ еще

нѣсколько выигрываетъ въ нашихъ глазахъ и пріобрѣтаетъ новыя права на вниманіе.

Достойно замѣчанія, что въ Азбуковникахъ есть образцовыя посланія въ стихахъ и прозѣ и разныя привѣтственныя двустишія, которыя можно было и говорить наизусть, и писать кому либо. Съ какой цѣлью прилагалось это къ Азбуковникамъ? И надо прибавить, что самыя «привѣтства» и посланія носятъ тоже названіе Азбуковниковъ. Еще бы оно было понятно въ какомъ нибудь сборникѣ разнообразнаго содержанія, и притомъ въ особенномъ отдѣлѣ, а то, напротивъ, эти посланія составляютъ какъ бы часть школьныхъ учебниковъ, необходимую принадлежность этихъ руководствъ; и сверхъ всего, этихъ образцовыхъ сочиненій въ нашемъ сборникѣ нѣсколько: письма занимаютъ больше ста листовъ и «привѣтства» столько же. Не были ли эти сочиненія образцами для учащихся? Не училось ли по нимъ само юношество сочинять подобныя посланія и «привѣтства»? Положимъ, «привѣтства» учились воспитанниками наизусть, тогда остается неразгаданною цѣль, съ которой помѣщались въ Азбуковникахъ образцовыя письма. Развѣ съ такой, съ какой издаются въ настоящее время «Письмовники» и «Опытные Секретари»? Можетъ быть. Тогда дѣйствительно воспитанники могли учиться по нимъ сами сочинять. Намъ кажется, что это предположеніе не лишено вѣроятія.

Образцовыя «привѣтства» разсѣяны по разнымъ отдѣламъ нашего сборника. Многія изъ нихъ чрезвычайно наивны и характеризуютъ эпоху, въ которую мы еще нуждались въ такихъ вспомогательныхъ средствахъ; большая часть «привѣтствъ» есть не что иное, какъ комплименты и bons-mots тогдашняго Русскаго общества. Такъ, на примѣръ, если я хочу сказать комплиментъ имени моего знакомаго, или благодѣтеля, то Азбуковникъ совѣтуетъ писать риѳмы: «Прохору: во отвѣтехъ тихому говору;» или: «любящему житіемъ пустынную гору;» «Данилу: не любящему весма рѣчь гнилу;» «Давиду: на неправыхъ жестокому виду;» «Марку: готовящемуся къ небесному браку,» или: «разрушающему злобную драку», и проч. Знакомыхъ же свѣтскаго званія учили привѣтствовать риѳмой «на отеческое имя»; на примѣръ: Сидору Павловичу: «небеснаго и нерукотвореннаго Іерусалима написанному гражданичю»! Конечно, это очень забавно, но въ свое время считалось остроумнымъ и деликатнымъ, а главное необходимымъ для всякаго свѣтскаго и образо-

ваннаго человѣка, а съ тѣмъ вмѣстѣ, вѣроятно, и для всякого обучающагося книжной мудрости. Въ нашихъ Азбуковникахъ есть «привѣтства» на всѣ возможные случаи въ жизни. Для примѣра приведу изъ одного Азбуковника образцовыя фразы, которыя говорятся къ гостямъ:

Хлѣбомъ и сему подобными Бога ради кормитеся,
Отъ прилучившихся говядъ и баранъ, или водоплавныхъ посилитеся,
Цѣжденнымъ двоякимъ или троякимъ питіемъ прохладитеся,
Ради утренняго похмѣлья не скорбите,
Скоро порану до здѣ приходите,
Тѣми же избытки заутро мы уготовимся,
Утро съ приходящими во славу Божію опохмелимся.
Хотяй кто пресѣкати чюжія рѣчи,
Отсылаемъ таковаго къ теплой печи,
Цѣлбы мѣсто грѣть плечи,
Чтобъ не пресѣкалъ чюжія рѣчи;
Рядовое же питіе всѣмъ въ подносѣ,
Стоящій тамо не будетъ въ обносѣ;
Тамо ему егда прискучитъ,
Узнавъ себе, не будетъ инѣмъ докучить.

Въ подобныхъ произведеніяхъ всего живѣе рисуется характеръ времени, удаленнаго отъ насъ двумя, или болѣе, столѣтіями. Всѣ эти фразы сами по себѣ очень забавны. Изъ образцовыхъ привѣтствій мы видимъ, что когда наши предки собирались къ кому на пиръ и послѣ пира приходили опохмеляться, то соблюдали должную благопристойность: перебивающаго чужія слова, въ наказаніе, лишали мѣста и ставили къ печи, чтобъ онъ, говоря иронически, грѣлъ тамъ плечи; впрочемъ, угощеніемъ его не обносили, а потчивали наравнѣ съ другими гостями. Притомъ надо сказать, что всѣ «привѣтства» Азбуковниковъ имѣютъ свой интересъ, и иныя изъ нихъ не глупы, иныя же очень поучительны. Надо думать, что на подобныхъ фразахъ юношество въ первый разъ упражнялось въ сочиненіяхъ, переходя отъ легкаго къ болѣе трудному и важному.

Особенно замѣчателенъ одинъ Азбуковникъ этого содержанія. Онъ написанъ по слѣдующему случаю: Псково-Печерскія обители Келарь, Іеродіаконъ Өеодосій, повелѣлъ какому-то Іеромонаху, называющему себя «убогимъ первостранникомъ,» приписать къ однострочному Азбуковнику свой собственный, т. е., къ Азбуковнику, состоящему изъ одностишій и писанному на оборотахъ листовъ, присо-

чинить на другихъ половинахъ листовъ риѳмованныя двустишія, чтобъ они имѣли съ первыми одностишіями и общую мысль и риѳму. Кто писалъ начальный, однострочный, Азбуковникъ, неизвѣстно: кажется, что писалъ его самъ Келарь Ѳеодосій, находясь, вѣроятно, прежде келарства своего, въ Соловецкой обители, потому что въ Азбуковникѣ однострочномъ такъ и сказано, что изданъ въ Соловецкой обители въ 1660 году. [1] Къ этому-то своему Азбуковнику

[1] Сборникъ нашъ, какъ сказано, состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ: въ первомъ помѣщено нѣсколько Азбуковниковъ съ особеннымъ счетомъ тетрадокъ; вторая половина сборника состоитъ изъ двухъ большихъ отдѣловъ: въ первомъ заключается 26 тетрадокъ, или 208 листовъ, во второмъ 171 листъ. Эти оба отдѣла второй половины писаны однимъ лицомъ, именно «убогимъ первостранникомъ;» да и все остальное, кажется, его же трудъ; при первомъ отдѣлѣ второй половины авторъ помѣстилъ предисловіе, въ которомъ объясняетъ цѣль своего труда и тутъ-то говоритъ, что Келарь Ѳеодосій велѣлъ ему приписать къ однострочному Азбуковнику риѳмованныя двустишія. Предисловіе довольно интересное и очень пространное. Въ концѣ онъ обращается «до повелителя,» т. е., до Келаря, и оканчиваетъ свое предисловіе словами: «повелителево же и имя, и чинъ, и граду, и обители, и имъ же (т. е., «убогимъ первостранникомъ») ко единострочному Азбуковнику вторая строка приложися, въ четвероконечнѣй надписи имена явленни, яко же самая и истинная очевидность на обороте сего листа объявитъ.» И дѣйствительно, на оборотѣ листа четвероконечной тайнописью написано: «Пъсковопечерскія обители Келаря Іеродіакона Ѳеодосія повелѣніемъ вновонаписася убогимъ первостранникомъ.» За тѣмъ, послѣ оглавленія статей этого отдѣла, киноварью написанъ заглавный листъ: «Азбуковникъ, имѣяй въ себѣ слоги единострочныи до великославныхъ предъ скиптродержавнымъ Царемъ близостоятелей и коимъ же иночинныхъ въ пишемыхъ грамоткахъ писати годствуетъ. Въ Соловецкой честнѣй обители, что въ Океанскомъ отоцѣ, въ лѣтѣ отъ Созданія міра 7168-мъ (т. е., въ 1660 г.) слова Божія любительми изданный.» И на этомъ же листѣ, этой же руки другое заглавіе: «Азбуковникъ пристойный оному до опыхъ же великославныхъ чиновъ и коимъ же годствуетъ виршными слоги писати. Въ лѣто отъ Созданія міра 7192-е (т. е., 1684 г.), грубымъ нѣкоимъ Іеромонахомъ ново (ко оному) приписася.» Потомъ одной рукой, и одними чернилами, исписанъ весь этотъ отдѣлъ, состоящій изъ Азбуковниковъ, Письмовниковъ, «Школьныхъ благочиній» и пр., — до 208-го листа. Отсюда, этой же рукой, но другими чернилами и мельче, начинается другая половина Сборника съ своимъ предисловіемъ и оканчивается опять хитрой четвероконечной тайнописью на 171-мъ листѣ: »Начато въ Соловецкой пустынѣ. Тожде совершено на Костромѣ, что въ Морчюкахъ подъ Москвою во Ипатской честнѣй обители тѣмъ же первостранникомъ въ лѣто міробытіа 7191-е (т. е., 1683).» Все это, какъ видно, подлинное писаніе «первостранника.»

онъ и велѣлъ «убогому первостраннику» присочинить приличныя двустишія, что тотъ и сдѣлалъ добросовѣстно, написавъ до шести сотъ одностишій. Впрочемъ, какъ видно, съ нѣкоторыми онъ не могъ совладѣть, не имѣя возможности подобрать риѳмы, и оставилъ пустыя мѣста для этого: кто можетъ — пусть пишетъ. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вѣрно позднѣйшими читателями, сдѣланы прибавки. Двустишія, какъ я сказалъ, риѳмованныя и, какъ эпиграфы, пригодны во всѣхъ случаяхъ жизни; риѳмы очень оригинальны, какъ, на примѣръ, пастырь риѳмуетъ постоянно съ словомъ пластырь и пр. Но такъ какъ содержаніе двустишій очень разнообразно, то къ этому Азбуковнику приложенъ родъ таблицы, по которой можно отыскать, въ какомъ случаѣ, при какихъ обстоятельствахъ, можно говорить то, или другое, двустишіе, и что по образцу ихъ можно самому писать подобныя вещи и пріучаться къ сочиненію всего, что можетъ сочинить и написать человѣкъ ученый и «въ писаніи искусный.»

Такимъ образомъ, Азбуковники эти служили руководствомъ для желающихъ сочинять.

Тутъ же приложено и наставленіе, какъ писать эти двустишія, т. е., какимъ метромъ и размѣромъ. Размѣръ былъ принятъ силлабическій.

Я уже говорилъ прежде, что въ нашемъ сборникѣ находятся и образцовые Письмовники. Самый большой изъ нихъ помѣщенъ вслѣдъ за этимъ двустрочнымъ Азбуковникомъ и имѣетъ слѣдующее названіе: «Посланіа или написаніа отъ разностранныхъ за вины своя отсланцовъ, которіи по долговременномъ тамо терпѣніи, о избавленіи своемъ ко знаемымъ и могущимъ десницу помощи имъ подати, писали», и за тѣмъ прибавлено, что можно эти письма «и о иныхъ нуждахъ писати.» Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ очень замѣчательны и напоминаютъ собой умное «Посланіе Даніила Заточника,» который былъ точно въ такихъ же обстоятельствахъ, какъ и сочинители этихъ писемъ. Писаны они различно: и стихами, и прозой. Выпишу два изъ нихъ: одно, писанное къ частному лицу, другое къ Государю. Первое исполнено неподдѣльныхъ красотъ и очень умно, хотя и скучновато по началу.

1.

Именованіе твое, Государь мой, нынѣ премину,
Да не поставиши намъ нищимъ сего въ вину,

Зане не у время нынѣ вкростѣ сего изъявити,
Но токмо подобаетъ намъ у тебе милости просити:
Молимъ, Государь, твое честное преподобіе, или достояніе,
Тезоименито бо есть во твое званіе:
Многогрѣшный нѣкто въ монахехъ ниско метаніе творитъ,
Тебѣ, Государю, припадая и Бога моля, много челомъ бьетъ.
Обнадежася, Государь, на твою великую милость,
Сего ради дерзнулъ явити свою бѣдность,
Къ твоей честности сіе написати,
Чтобы тебѣ, Государь мой, на насъ нищихъ милость свою изліяти,
Въ нынѣшней нашей въ настоящей скорби и печали.
И самъ, Государь мой, зриши, что тяжки времена настали,
Къ тому же по грѣхомъ моимъ постигла конечная бѣдность (или — немощь),
Не имѣю, кто бы показалъ ко мнѣ сердечную (или — отческую) свою милость,
Напиталъ бы насъ умягченною своею браздою,
И напоилъ бы, аки въ знойный день, студеною водою,
И подалъ бы намъ нынѣ поне малу отъ скорбей нашихъ отраду,
Негли бы и самъ сподобленъ былъ отъ Бога небесному винограду;
Ничто же бо ино тако пріятно Спасу нашему и Богу,
Иже кто творитъ къ нему добродѣтель свою премногу,
Паче же въ скорби и печали бѣднаго не презираетъ,
И елико мощно по силѣ своей, тако ему и помогаетъ.
И что намъ о томъ нынѣ многая словеса продолжати
И твоя, Государь, честная слуха отягчати?
Время нынѣ, Государь, о настоящей нашей скорби къ тебѣ рещи
И доброразсудіе твое на милость къ себѣ привлещи,
Негли милостивый твой ѳіалъ на насъ изліется
И яко благодатною водою душа наша напіется.
Мнози, Государь мой, твоимъ благодѣяніемъ хвалятся,
Понеже въ добрыхъ путехъ отъ тебе ставятся,
И того ради похваляютъ твой благодатный нравъ,
Аки нѣкій цвѣтъ отъ различныхъ травъ.
И много ми писати, Государь, къ тебѣ нынѣ не у время;
Богъ человѣколюбецъ да исправитъ твое душевное бремя,
Воистину, Государь, всю тебѣ истину изорцемъ,
Яко въ многобурной суетѣ всегда течемъ,
И яко же нѣкій корабль носимъ многими волнами,
Тако и мы многими своими скорбьми и бѣдами,
Потому и довол (?) намъ побити челомъ вамъ не доходитъ,
Что все убогое житіе наше въ суетѣ исходитъ.
Нынѣ же мы нищіе молимъ, Государь, твое человѣколюбіе (или преподобіе),

И во всемъ приступное душевное благородіе:
Простри намъ, нищимъ, руку своего поможенія,
И отеческаго твоего великаго милосердія;
Призри на насъ нынѣ своею великою милостію
И благонравною и разсудною тихостію.
Вся тебѣ, Государь мой, возможно сія сотворити,
И бѣдности моей съ Богомъ пособити;
И аще мы недостойніи и не имамы что тебѣ воздати,
И ты, Государь, отъ Бога многу мзду за то имаши воспріяти;
Богъ бо любитъ таковыхъ благодатныхъ нравы,
Которыя ищутъ небесныя и вѣчныя славы
И бѣднымъ и безпомощнымъ помогаютъ,
И никогда же ихъ въ скорбѣхъ и печалѣхъ презираютъ;
И что имамъ вящше того къ тебѣ, Государь, писати
И многими словесы воздухъ наполняти;
Аще сердечная твоя нива добродѣяніемъ умягчится,
Тогда и малыми словесы благодать твоя намъ явится,
И аще и аеръ наполнити многихъ словесъ.
А къ немилостивому сердцу не достанетъ въ превѣсъ.
Милостивіи и малыми словесы услаждаются
И къ нищимъ и къ бѣднымъ простираются;
И паки милостивіи помилованы будутъ,
А немилостивіи въ тѣхъ обителехъ не будутъ.
Того ради на землю предъ тобою себя пометаю
И моленіе къ тебѣ, Государь мой, отъ сердца простираю:
Буди, Государь, помощникъ и заступникъ въ таковой мнѣ тузѣ,
Не обрѣтаю бо иного никого такова помощника себѣ;
Тѣмъ и припадаю ко общей матери нашей земли,
Вѣмъ бо тя паки, яко многимъ ты людямъ помогаешь вельми.
Сего ради и азъ нищій, не престая слезами землю мочà,
Скорбь, Государь, сердечная и скудость потребы тѣлесныя уязвляетъ мя не менѣе мечà;
Уныніемъ и печалію и иною болѣзнію до зѣла нищій изнемогаю.
А помощника крѣпкаго себѣ, кромѣ Бога, никого не обрѣтаю,
Яко рабъ непотребный отъ всѣхъ попираемъ,
И яко извергъ бездушный поверзаемъ,
И яко трость уныннымъ вѣтромъ колеблема,
Или яко лоза, стоящая при пути, объемлема,
И совершеннѣ рещи, отъ человѣкъ ни отъ кого небрегомъ,
Токмо смѣхъ и поношеніе бываю своимъ врагомъ,
Во дни, аки въ нощи, во уныніи и въ печали пребываю
И разумѣньишка своего до конца отбываю,
Всегда хожу въ велицемъ своемъ забвеніи,

Яко нѣкоемъ зѣло темномъ помраченіи;
Того ради нынѣ хапляся твоихъ честныхъ стопъ,
Услыши, Государь, сердечный и болѣзненный мой вопль,
Аще и не въ слухъ тебѣ, Государю моему, вопію,
Но отъ болѣзни сердца и горести души, аки пелынь со оцтомъ пію.
Тридесять лѣтъ, Государь, уже и больши въ монастырѣ пожихъ
И вкладишко по силѣ и трудишка свои положихъ.
И нынѣ, яко птица худая, по чужой странѣ превитаю
И нигдѣ своей бѣдности покоя не обрѣтаю,
Понеже любовнаго душа всегда въ душѣ любимаго,
А вѣрнаго друга подобаетъ всегда имѣти, аки столпа непоколебимаго.
Писано есть: другу вѣрну измѣны нѣсть,
А сердца наша и мысли Богъ единъ вѣсть;
Другъ вѣренъ — кровъ крѣпокъ,
А не вѣренъ — аки оплотъ лѣпокъ;
Другъ лестенъ, аки ножъ помазанъ медомъ,
Приводитъ бо всегда къ душевнымъ вредомъ.
Такова друга подобаетъ отъ себе отсѣкати
И никоего отъ него совѣта не пріимати;
О добрыхъ же друзѣхъ лѣпо пишется,
Яко же нѣкое оружіе бисеромъ нижется;
Другъ вѣренъ подобенъ противу злата и сребра мѣрити,
А льстивымъ и лукавымъ другомъ не подобаетъ вѣрити;
Яко жѐ земныя плоды отъ лѣта до лѣта рождаются,
А добріи друзи по вся дни пригождаются;
Истинніи друзи познаваются во время напасти,
Льстивіи же и лютіи во своей суетнѣй власти;
И мы были нищіи прежде сего времени не въ лишке,
Тѣже были Соловецкія, а стали яко Кузовецкія, [1] покоя себѣ добилися.
Аще убо молю, Государь, твое во всемъ благоразуміе,
Да не позазриши на наше неискусное грубоуміе;
Обнадежася, Государь, на твою милость, тако плетемъ:
Вѣмъ бо тя разумна суща и изящна во всемъ.
Буди, Государь, намъ помощникъ и присвой насъ къ себѣ;
Иного бо заступника такова не обрѣтаемъ себѣ;
Яко же твое благоутробіе преже сего къ намъ бывало,
А нынѣ не вѣмъ, почему милосердіе твое отъ насъ поотстало.
Судитъ Богъ нѣкоторому человѣку лиходѣю,
Чтобъ ему то смыслити своему добродѣю,
Чѣмъ тебѣ, Государь, неправедно мене огласилъ
И добродѣяніе твое прежнее отъ мене отщетилъ;

---

[1] Не совсѣмъ понятныя выраженія.

Богъ ему по дѣломъ его судіа и Пречистая Богомати,
А ума его суетнаго и устенъ неправедныхъ не уняти;
Что хощетъ по ненависти своей, то и глаголетъ,
Понеже въ сердце его всегда зависть колетъ.
И ты, Государь мой, не іми вѣры лживу слову,
По великому Апостолу святому Іоанну Богослову:
Не всякому духу вѣрити онъ повелѣваетъ,
Но паче духи искушати съ разсмотреніемъ подобаетъ,
Лжа убо истинѣ всегда сопротивляется
И имѣяй ю, едва въ рай вселяется.
Богъ таковому судіа и по дѣломъ его воздатель;
Злый доброму никогда же не бываетъ пріятель,
Всегда поощряетъ злая творити,
Чѣмъ бы ему брата своего погубити;
Обаче не брату своему зло сотворяетъ,
Но свою душу злодѣйствомъ во адъ посылаетъ.
Писано есть: злаго зло и постигнетъ,
А избранныхъ и добродѣтелныхъ мужей въ мѣсто не постигнетъ.
И вящши того ино что недоумѣюся тебѣ, Государю, рещи,
И како бы милосердіе твое къ себѣ привлещи.
Писано есть: отъ самыхъ Христовыхъ божественныхъ устъ,
Томужде послѣдуя и великій Іоаннъ Златоустъ,
И иніи мнози божественніи и святіи наши отцы,
На нихъ же нынѣ сіяютъ нетлѣнніи и свѣтліи вѣнцы,
Ищите, рекоша, прежде всего царства небеснаго,
А не любите свѣта сего и міра прелеснаго,
И сія вся вамъ приложáтся
И воономъ вѣцѣ мзды воздадятся.
И да не положиши, Государь, въ забвеніе нашего къ тебѣ моленія
И самъ да сподобишися отъ Бога вѣчнаго веселія,
Да воздастъ ти Господь за то вся благая многими краты
И непреборимъ будеши никоторыми своими супостаты.
И сему писанейцу мы нищіи сотворимъ конецъ,
А всѣмъ намъ всещедрый Богъ Создатель и Творецъ,
Ему же нынѣ отъ Ангелъ и человѣкъ непремѣнная слава,
А намъ буди отъ всѣхъ злыхъ конечная избава.
Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

2.

Великихъ превысочайшихъ Государей превосходящему Властодержцу,
Елика въ Европѣ и Азіи и многихъ государствъ Самодержцу,
Любителю и хранителю изрядну заповѣдей богословныхъ
И доброопасному Правителю законъ православныхъ,

Которое таковому нынѣ принесу многое благодареніе,
Иже древнихъ во благочестіи Сіятельныхъ Царей превосходитъ милосердіе,
Имъ же Россійскій Скипетръ преславно украшается,
Государямъ пограничнымъ выну страшенъ именуется;
О немъ же велелѣпная хвала въ концы вселенныя истекаетъ,
Славна, и богомудра, и милостива всяка страна того нарицаетъ,
Предивна и храбра, и всякими благостынями цвѣтуща,
Основаніе незыблемо въ вѣрѣ Христовѣ по премногу имуща;
Добротою бо цѣломудрія чистоты выну украшается,
Аще и Царскою багряницею преславно облачается;
Россійскаго царствія народомъ богоданный пастырь,
Благочестія державнымъ цѣломудріа пластырь;
Любовію жъ къ Богу всякими добродѣтельми наипаче превосходитъ,
Аще и земнаго царствія скиптроправленія повсюду проходитъ,
Готова себѣ тѣмъ Бога въ помощехъ выну обрѣтаетъ,
О немъ же вездѣ упованіе наше со усердіемъ полагаетъ.
Честно убо во звѣздахъ пресвѣтлое солнце,
Его же ко всѣмъ милосердіемъ наполнено сердце.
Свѣтло же и преславно на тверди озареніе лунное,
Того же милосердіе сіяетъ ко всѣмъ намъ непремѣнное,
Имъ же власти и саны благороднымъ даруются,
Вышней же чести достойніи отъ него сподобляются;
И всѣхъ, подъ властію сущихъ, всякія благости наслаждая,
Царское же свое благосердіе въ нихъ умножая,
Аще и многія ему отъ враговъ приключаются кручины,
Рѣки проливаетъ молитвъ къ Богу отъ сердечныя пучины.
Проситъ царствіи своей державѣ быти немятежнѣй,
Отъ вражіихъ прилогъ сохранитися невреждённѣй.
Щадитъ же многіа враги своя вездѣ и повинны,
Аще нѣцыи являются и смерти достойны,
Даруя имъ свою Царскую благосердую милость.
И свою огненную уставляетъ отъ нихъ ярость.
Хощетъ бо враги на любовь мирну обратити,
О ней же и впредь вѣрнымъ въ соединеніи жити.
Льсти и лукавства отнюдъ въ нихъ не именоватися,
Обще же единовластію его всѣмъ повиноватися.
Прошу и азъ твоего Царскаго милосердія пріяти,
А свое рабское страданіе тебѣ, Государю, явити;
Свѣтлость твоего милосердія выну на мнѣ сіяетъ,
Всяческихъ презѣльною милостію всегда озаряетъ;
О всѣхъ же на тебе, Государя, единаго упованіе возлагаю,
Еже твое Царское къ себѣ обѣщаніе поминаю.

Государское Ваше слово непремѣнно бываетъ,
О немъ же кто на Бога надежду свою возлагаетъ...
Мнѣ холопу и писать къ тебѣ, Государю, невмѣстно,
И самому тебѣ, Государю, много о мнѣ извѣстно:
Хощетъ ми ся тебѣ, Государю, усердно послужити,
А отъ Царскаго ти Величества милость получити.
Лѣпо намъ работати тебѣ Государю, аки Богу,
Коя намъ работа приноситъ радость многу;
Аще и главы своя за тебе, Государю, полагаемъ,
Твое Царьское крестное цѣлованіе исполняемъ;
Аще котораго изъ насъ вина предъ тобою Государемъ явится,
Твоимъ Царскимъ праведнымъ судомъ таковый казни́тся,
И да не начнутъ таковіи впредь злая дерзати,
Щедроты твоя Царскія на гнѣвъ подвизати.
Еже нѣкимъ слышимъ зломудреныя совѣты ухищряютъ,
Вину законопреступну неповиннымъ полагаютъ;
А многое въ мірѣ отъ таковыхъ выну содѣвается,
Въ нихъ же правда и слово истинное не обрѣтается.
Аще кто со усердіемъ выну на Бога уповаетъ,
Ложна совѣта и льстива того Богъ объявляетъ.
Истина же предъ лицемъ лжи не стыдится,
Глаголати и дѣйствовати отнюдъ не срамится.
О прочихъ же нынѣ писати къ тебѣ, Государю, не смѣю,
Свою рабскую работишку тебѣ, Государю, объявити дерзновенія не имѣю.
Прошу еже на ны суетна слуха и лести не пріимати,
О нихъ же Царьскому ти богомудрому сердцу въ печали не пребывати.
Да во всѣхъ устнѣхъ слава будетъ непрестанна,
Аще твоя Царская ушеса къ таковымъ будетъ неуклонна;
Рука твоя Царская тогда на враги укрѣпится,
Бывшая злая отъ среды всяко егда изженутся;
Тебѣ, Государю, истиннѣ и правдѣ подобаетъ внимати,
И лжу суемудреныхъ наношеній всяко отревати;
Правда правыхъ всегда отъ смерти избавляетъ,
Разуму истинну хотящихъ пріяти сподобляетъ,
Имъ не кто (Божественный Апостолъ глаголетъ) поработится,
Сему и рабъ быти всяко не усрамится.
Ваше Царское еже о подручныхъ попеченіе имѣти,
О всѣхъ же подобаетъ доброопасно смотрѣти.
Ими же кто пріобрѣтаетъ честныя себѣ славы,
Хулныя и тщетныя глаголы произноситъ на ны.
Царьскому ти остроумію словамъ онымъ
Не подобаетъ внимати рѣчемъ хулнымъ.
Когда кто глаголати на васъ не посрамится,

Сей и многа зла дѣйствовати не стыдится.
Конечную скорбь содѣваетъ радости Вашей
И непремѣнное сѣтованіе худости нашей.
Христоподобное же твое Царское молю милосердіе,
Свое отъ души предлагаю молебное усердіе:
Величества Царскія свѣтлости видѣти хощу,
Еже милость твою совершенну самъ улучу,
Да убо, Государь, въ насъ всяка истинна и лжа явится,
Лыста ногъ моихъ предстати тебѣ укрѣпится;
Хитрости же въ насъ ни которые никто не обрящетъ,
О нихъ же кто на ны и многая клевещетъ.
Что же, Государь, впредь имамъ сотворити,
Еже Царскую твою милость къ себѣ получити,
Хулы же и поношенія отъ всѣхъ ненавидящихъ мя избыти,
И о семъ Всемилостиваго Бога хвалити. Аминь.

Я не рѣшаюсь утверждать, чтобы эти посланія помѣщались въ Азбуковникахъ съ прямой цѣлью — служить образцами для юношества, упражняющагося въ первоначальныхъ сочиненіяхъ; но также не имѣю право говорить и противнаго. Могло быть, что они въ самомъ дѣлѣ писались въ Азбуковникахъ съ цѣлью педагогической; могло и не быть этого. Но то вѣрно, что если они и не служили образцами для сочиняющей молодежи, то были образцами для взрослыхъ, для пожилыхъ, пожалуй, для стариковъ, все равно, для кого бы то ни было, только были образцами. Это говорятъ сами письма, въ которыхъ, какъ обыкновенно во всякихъ образцовыхъ статьяхъ, нѣтъ фамилій, и именъ, къ кому пишутъ, а есть «имя рекъ», подъ которымъ можно ставить какое угодно имя; это говоритъ само предисловіе «первостранника», который, упомянувъ о томъ, что у насъ, де, большею частію письма пишутся очень просто, что если, на примѣръ, пишутъ къ родителямъ, то всегда употребляютъ извѣстныя фразы, въ родѣ того, что «молитвами ваю я живъ и здоровъ» и пр., говоритъ, что гораздо приличнѣе въ этомъ случаѣ писать болѣе высокимъ слогомъ, объяснять свои желанія болѣе возвышенно, и вотъ для этой-то причины онъ предлагаетъ образцы такихъ писемъ. Ясно, что цѣль этихъ писемъ, хоть косвенно, была отчасти педагогическая. Положимъ, въ школахъ не учили дѣтей искуству излагать свои мысли, не показывали имъ этихъ образцовъ, которые были тутъ

же, въ дѣтскихъ учебникахъ; но что въ нѣкоторыхъ школахъ преподавалось Реторика, можетъ быть только не подъ своимъ именемъ, это несомнѣнно. Реторику смѣшивали съ Грамматикой (какъ мы недавно еще путали вмѣстѣ Физику съ Химіей и Механикой), и потому Реторика входила въ число предметовъ преподаванія: въ нашихъ Азбуковникахъ есть Реторика, но она идетъ въ урядъ съ Грамматикой. Но не смотря на то, что въ нашихъ же Азбуковникахъ помѣщались вмѣстѣ и привѣтственныя рѣчи къ посѣтителямъ, выучиваемыя наизусть и произносимыя «острѣйшими» учениками, и правила школьной дисциплины и тутъ же образцовыя посланія, мы не въ правѣ утверждать, что дѣтей учили сочинянь эти письма. Можетъ быть, и учили, а можетъ и не учили: только этого въ Азбуковникахъ не сказано, и потому, въ дѣлѣ науки, догадку мы считаемъ, если не неумѣстной, то во всякомъ случаѣ самообольщеніемъ. Я привелъ эти два письма, какъ образецъ витійства нашихъ предковъ, витійства, которому предлагали подражать, если не юношамъ на школьной скамейкѣ, то людямъ пожилымъ, нуждающимся иногда въ краснорѣчивомъ посланіи къ начальнику, или благодѣтелю, и нельзя не согласиться, что первое изъ этихъ посланій было бы вполнѣ прекрасно по тому времени, когда бъ не было такъ растянуто.

Всякій согласится, что матеріалы, представляемые Азбуковниками, относительно объема обученія въ Россіи XVII-го вѣка, не очень сильное свидѣтельство въ пользу нашего образованія; но всякій знаетъ, что предки наши были много образованнѣе и знали гораздо больше того, что пріобрѣтали въ школахъ: все таки школьное ихъ обученіе было очень ограниченно, и если было нѣсколько пространнѣе того, какъ мы находимъ въ Азбуковникахъ, то развѣ только Ариѳметикою, т. е., цифирью, Географіею, т. е., Космографіею, и Исторіею, имѣвшею лѣтописный, или хронографическій, характеръ. Всего же того, что представляетъ намъ наша богатая письменность XVII-го вѣка, всего, что знали спеціалисты-предки (а у насъ въ XVII-мъ вѣкѣ были и спеціалисты), всѣхъ познаній, обращавшихся тогда въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества, конечно, не преподавали въ школахъ, особенно въ школахъ для первоначальнаго обученія. Впрочемъ, надо и то сказать, что предметъ этотъ, т. е., исторія нашего развитія или, вѣрнѣе, исторія развитія нашихъ школъ и вліяніе ихъ на ходъ нашего образованія, только въ послѣднее время сдѣлался цѣлью ученыхъ разысканій; только въ послѣдніе два года вышло

нѣсколько специальныхъ изслѣдованій по этой части; и отъ того въ этомъ дѣлѣ еще нѣтъ ничего рѣшеннаго, нѣтъ еще почти никакихъ положительныхъ итоговъ Вѣрнаго, окончательнаго приговора еще не сказано никѣмъ, по той причинѣ, что предметъ изслѣдывался покуда односторонне: не взяты еще въ помощь, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, многіе памятники до-Петровской письменности; многое лежитъ въ нашихъ книгохранилищахъ совершенно еще нетронутымъ; однимъ словомъ много еще предстоитъ труда на обработку разсѣянныхъ матеріаловъ, относящихся къ этому предмету. А между тѣмъ, мнѣнія объ этомъ интересномъ предметѣ уже высказаны, и, какъ это обыкновенно бываетъ въ началѣ всякаго дѣла, мнѣнія высказаны совершенно противуположныя одно другому. Но какъ бы горячо ни защищали мнѣнія, говорящаго въ пользу цвѣтущаго состоянія нашихъ школъ, въ пользу полноты преподаваемыхъ предметовъ, мнѣніе это будетъ прекрасной и утѣшительной, но тѣмъ не менѣе недоказанной, фразой, до тѣхъ поръ, пока намъ осязательно не покажутъ ея справедливости, пока сама старина своими словами не скажетъ намъ утвердительно, что мы должны вѣрить этому утѣшительному мнѣнію. Мы знаемъ изъ нашихъ памятниковъ только одно, что объемъ преподаванія въ школахъ до-Петровской Руси былъ довольно ограниченъ, — и только. Но чрезъ это до-Петровская Русь не должна ничего терять въ нашемъ мнѣніи: она стояла на очень высокой степени развитія умственныхъ сихъ своихъ, но только не со стороны школъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ Россія вступала въ новую колею своего образованія и успѣла пройти уже много къ высокой цѣли развитія; а школы шли медленнѣе ея, хотя тоже начинали жить новою жизнью Однимъ словомъ: Россія развивалась быстрѣе, чѣмъ тѣ источники, изъ которыхъ должно было проистекать ея развитіе.

Въ самомъ дѣлѣ, состояніе нашихъ школъ въ XVII-мъ вѣкѣ было еще на такой младенческой степени, что мы, во многомъ уже понявъ выгоды образованія и уже отчасти усвоивъ его, въ отношеніи обученія своего юношества оставались еще много ниже тѣхъ державъ, которыя мы превышали и стройностью политическаго состоянія, и правильнымъ гражданскимъ устройствомъ, и сознаніемъ выгодъ гражданственности. Что ни говори о преимуществахъ до-Петровской Россіи предъ варварскимъ Востокомъ, что ни говори о ея гуманныхъ началахъ, все таки, въ отношеніи образованія новаго

поколѣнія, въ отношеніи педагогическомъ она уступала даже той странѣ, которую давно превышала во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Хоть бы взять въ примѣръ состояніе тогдашнихъ школъ въ Турціи, не говорю уже о Западной и Южной Россіи, — даже Турціи мы должны отдать преимущество, когда вопросъ коснется того, какія мѣры принимали мы тогда для образованія новаго поколѣнія, для приготовленія отечеству полезныхъ слугъ на разныхъ ступеняхъ его гражданской жизни. Не смотря на то, что многіе изъ нашихъ предковъ учились многому, — они учились единственно для себя, изъ простой любознательности, между тѣмъ какъ другая половина насъ занималась писаніемъ, безъ всякой сознательной цѣли. Только одно почти духовенство имѣло цѣль въ своихъ занятіяхъ и съ этой же цѣлью воспитывало своихъ дѣтей. Отъ того и характеръ обученія въ древней Руси былъ единственно только религіозный, какъ это было прежде и на Западѣ, при его религіозномъ направленіи, когда высшее сословіе готовило дѣтей своихъ только къ двумъ поприщамъ: или быть вассаломъ, владѣтельнымъ, необразованнымъ барономъ, или образованнымъ епископомъ, ученымъ монахомъ. На Западѣ это было очень давно; у насъ же перестало быть очень недавно.

Я упомянулъ о Турціи, говоря, что въ XVII вѣкѣ она очень хорошо, хотя съ своей точки зрѣнія, понимала необходимость образованія юношества, могущаго быть полезнымъ на службѣ государству, тогда какъ Россія, можетъ быть, понимала это не хуже ея, однако не успѣла сдѣлать по этому предмету ничего замѣчательнаго; а, можетъ быть, даже и много сдѣлала, только мы до сихъ поръ не знаемъ этого, не находя нигдѣ свидѣтельствъ въ ея пользу. То же, что передаетъ намъ очевидецъ о состояніи преподаванія разныхъ наукъ въ Турціи XVII вѣка, очень замѣчательно и не можетъ не поразить всякого, кто сравнитъ это свидѣтельство съ тѣми фактами, которыя намъ извѣстны изъ исторіи развитія наукъ, или обученія въ Россіи того же вѣка. Сравненіе очень не утѣшительное для нашего національнаго чувства. Очевидецъ этотъ — Секретарь Англійскаго Посольства при Оттоманской Портѣ, г. Рикотъ, изучавшій состояніе Турціи въ половинѣ XVII столѣтія и издавшій объ этомъ предметѣ довольно пространный трактатъ [1].

---

[1] Книга Рикота переведена на Русскій языкъ съ Польскаго въ 1741 году, подъ названіемъ: «Монархія Турецкая, описанная чрезъ Рикота, бывшаго

Рикотъ пишетъ именно о тѣхъ юношахъ, которые предназначались для отправленія разныхъ должностей въ государствѣ. Онъ разсказываетъ сначала, изъ какого званія были эти юноши. Разсказъ его очень занимателенъ. Рикотъ говоритъ, что Султанъ обладаетъ великимъ искуствомъ возвышать на первыя государственныя степени только лица искусныя и разумныя, но не тѣхъ, которые знатны по рожденію; потому что, по его мнѣнію, «не потребно пріимати въ дѣла тѣхъ, которыхъ благородство крови, богатство и неучтивое похлѣбство (лесть) чинитъ славными.» Для того Султанъ давалъ образованіе плѣннымъ христіянскимъ дѣтямъ, надѣясь, что забывъ родину и всякія привязанности, они будутъ всею душою преданы тому, кому обязаны своимъ воспитаніемъ и почестями. [1] Сказавъ объ устройствѣ школъ, или каморъ, назначенныхъ для воспитанія этихъ юношей, и послѣ подробнаго разсказа о ихъ гимнастическихъ упражненіяхъ и о пріученіи къ веденію войны, переходитъ къ описанію того, чему и въ какой мѣрѣ они учились. Изъ его разсказа мы узнаемъ слѣдующее: для воспитанія этого юношества у Турокъ назначены были особые учители, называемые Калфасами, которые прежде всего научали своихъ воспитанниковъ читать и писать, чтобъ они сами могли понимать книги, содержащія въ себѣ изложеніе Корана, ихъ вѣры и закбновъ, необходимыхъ въ администраціи. Какъ только они узнавали азбуку и склады, тотчасъ переходили къ изученію Арабскаго языка, «понеже въ томъ языкѣ сокровище и богатство ихъ закона и вѣры,» и знаніе Арабскаго языка давало имъ возможность толковать и подбирать статьи Закона, объяснять предписанія и сентенціи Кади, судить о ихъ законности, или незаконности. Потомъ юношамъ преподавался языкъ Персидскій съ цѣлью уже литературною, потому что богатство Персидскаго языка, его «изрядныя» слова и «сладкость въ глаголаніи» пополняли собою скудость и малоплодность языка Турецкаго, что считалось очень необходимымъ при дворѣ Султана. За тѣмъ разсказывали имъ обычаи старины, возбуждая желаніе подражать высокимъ историческимъ личностямъ, и прочитывали имъ «книги

Англинскаго Секретаря Посольства при Оттоманской Портѣ. Переведена съ Польскаго на Россійской языкъ. Въ Санктпетербургѣ 1741 года.»

[1] Рикотъ, стр. 33—40.

любовническія и новописанныя на Персидскомъ языкѣ.» Изъ Персидскихъ сочиненій обыкновенно преподавались въ школахъ Данистанъ Шанди, Пондата, Джулістінъ, Бостанъ, Кафіцъ, прозаическія и стихотворныя. «Сіи книги суть сладостны, исполнены веселости изряднымъ произношеніемъ; изъ таковыхъ книгъ бываютъ прочитаны часто сіи: Кіркъ Везіръ, Умаюмнаме, или Деліде, и Рекимине, и Фулкаде Сеітбаталъ, и иные многіе книги любовническіе.» [1] Рикотъ прибавляетъ при этомъ, что любовническія книги изучаются «разумнѣйшими младыми», а которые изъ юношей мелянколіки и многомышленные, тѣ занимаются книгами серьезнаго содержанія, съ цѣлью достигнуть званія Государственнаго Канцлера, начальника публичныхъ доходовъ и т. п.; иные же желаютъ быть каніфіци или хранителями Корана, для чего обязаны были выучить весь Коранъ наизусть; эти послѣдніе очень уважались народомъ; наконецъ, нѣкоторые занимались философіей, т. е., толкованіемъ смысла священныхъ книгъ, и носили названіе «Талібулей;» низшая степень философовъ называлась »Джучкони:» они читали Коранъ по душѣ тѣхъ правовѣрныхъ, которые оставили денегъ на свое поминовеніе и на толкованіе ихъ Катехизиса, т. е., книгъ — Карутъ, Сальтъ, Мукадъ, Мутока, Гідане и другія. Кромѣ того, у нихъ есть Персидскія и Турецкія стихотворныя произведенія, съ риѳмами и размѣромъ, въ родѣ Пиѳагорійскаго, и эти стихотворенія учатъ юноши наизусть и очень искусно ихъ декламируютъ. Науки же, «которые суть между нами,» говоритъ Рикотъ, именно Логика, Физика, Метафизика и Математика, «не имѣютъ ні единыя свѣтлости,» и только Музыку изучаютъ прилежно. Есть между Турками и знатоки Астрологіи. Географія и изученіе другихъ государствъ находятся въ плохомъ состояніи: морскихъ картъ хорошихъ очень мало, а въ морскихъ путешествіяхъ помогаютъ имъ только глаза и опытъ. [2] Хотя Турки, говоритъ, не имѣютъ хорошихъ историковъ, однако достаточно знаютъ исторію своей Имперіи и прочихъ государствъ, и въ политикѣ очень хорошо пользуются примѣрами прошедшихъ временъ, или, какъ говоритъ Рикотъ, «употребляютъ яко образцы и осторожности въ ихъ потребнѣйшихъ дѣлѣхъ.»

---

[1] Знатоки Восточныхъ литературъ, вѣроятно, знакомы съ нѣкоторыми изъ упоминаемыхъ здѣсь книгъ.

[2] Монархія Турецкая, Рикотъ, стр. 41 43.

Эти свидѣтельства очевидца о состояніи педагогики въ Турціи до того поразительны, что становятся какъ будто невѣроятными. Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть даже и сравненія съ тѣмъ, что сдѣлала въ то время педагогика въ Россіи: къ стыду нашему, Русская педагогика сдѣлала, вѣроятно, не многимъ больше того, что мы уже видѣли, и чѣмъ не можемъ похвастаться даже предъ Турціей. Турція, или, вѣрнѣе, ея правительство очень хорошо понимало для своего времени необходимость спеціальныхъ познаній для людей, готовящихся къ государственнымъ должностямъ, и потому заботливо смотрѣло за воспитаніемъ юношества; у насъ же одно духовенство, и притомъ слишкомъ односторонне, понимало важность «книжнаго наученія,» изрѣдка напоминая Государству о томъ, что духовному сословію необходимо учиться грамотѣ. Вспомнимъ опредѣленіе «Стоглава» по этому предмету. Напротивъ, Турки уже тогда многостороннѣе смотрѣли на важность обученія юношества, и смотрѣли на педагогику съ болѣе развитыми понятіями. Въ самомъ дѣлѣ, это какъ будто невѣроятно, но къ несчастію нашему справедливо. Ужь одно то говорить въ пользу Турціи, что ея юношество изучало, въ своихъ школахъ, необходимые языки, догматы религіи и законы, знакомилось съ формами администраціи, однимъ словомъ, заранѣе готовилось къ служебной дѣятельности; но, сверхъ всего этого, оно не было чуждо и свѣдѣній литературныхъ, потому что читало и изучало произведенія лучшихъ Восточныхъ писателей, узнавало исторію своей литературы и поэзіи. Если Турція и не была образована на Европейскій ладъ, такъ, по крайней мѣрѣ, была образована по своему, чѣмъ, конечно, не могло похвалиться наше отечество.

Или хотя бы взять теперь тогдашнюю Южную и Западную Россію. Правда, тамъ во всемъ отражалось вліяніе Польской образованности; но я не говорю о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; я не говорю о Кіевской Академіи и другихъ учрежденіяхъ: выключая всего этого, даже простыя школы Южной Россіи, безъ всякаго Польскаго вліянія, стояли на высшей степени развитія, чѣмъ школы Великой Россіи. Южнорусскія элементарныя школы имѣли прочное органическое устройство, и объемъ наукъ, преподававшихся въ нихъ, былъ много пространнѣе, чѣмъ въ первоначальныхъ Великорусскихъ училищахъ, о которыхъ мы говоримъ въ настоящей статьѣ. На примѣръ, въ Уставѣ школы, учрежденной, въ началѣ XVII-го вѣка, при

монастырѣ извѣстнаго Луцкаго Братства, видны такія опредѣленныя начала и такое положительное направленіе, о какомъ едва ли могла думать, въ концѣ XVII-го вѣка, наша Заиконоспасская Академія, и какое всего менѣе могло существовать тогда въ элементарныхъ Великорусскихъ школахъ. Замѣчательно, что этотъ школьный уставъ поясняетъ для насъ значеніе Азбуковниковъ; что мы принимали въ этихъ послѣднихъ за мѣстныя обыкновенія, то повторяется и въ правилахъ Луцкой школы, и эти правила до того сходны съ правилами Азбуковниковъ, что какъ будто писаны въ одно время и для одной школы, или заимствованы Великорусскими школами изъ правилъ, давно уже существовавшихъ въ школахъ Южной Россіи. Всего вѣроятнѣе, что наши Азбуковники отчасти перенесены къ намъ съ юга Россіи, на что намекаетъ самый языкъ ихъ, въ которомъ встрѣчаются такія слова, какъ вирши, клейнотъ, або и пр. Сверхъ всего этого, значеніе Азбуковниковъ много увеличивается тѣмъ, что правила, помѣщенныя въ нихъ, не простыя разглагольствованія, а принятые и утвердившіеся школьные обычаи, и что все содержаніе Азбуковниковъ не случайное, а такое, какое именно необходимо было тогда въ школьныхъ дѣтскихъ руководствахъ.

Интересно будетъ сравнить нѣкоторыя статьи Азбуковниковъ съ подобными положеніями въ Уставѣ Луцкой школы.[1] Это сравненіе необходимо и тѣмъ, что, не смотря на неодинаковость состоянія училищъ въ Великой Россіи и училищъ въ южной ея части и на Волыни, все же эти послѣднія были отчасти наши училища, Русскія, и потому само по себѣ интересно знать ихъ устройство, которое, можетъ быть, нѣсколько объяснитъ намъ состояніе нашихъ Великорусскихъ школъ и покажетъ новыя стороны, еще неизвѣстныя изслѣдователямъ старинной Русской педагогики.

Прежде всего надо сказать, что Луцкая школа была не частнымъ, а общественнымъ заведеніемъ, и потому правила ея имѣли особыя статьи, не могущія итти въ сравненіе съ правилами частныхъ школъ, какія были въ то время въ Великороссіи. Въ слѣдствіе этого, разумѣется, въ Азбуковникахъ мы не нашли статьи относительно пріема воспитанниковъ, что въ Южнорусскихъ училищахъ дѣлалось

[1] Уставъ этотъ имѣлъ двѣ редакціи, изъ которыхъ каждая обозначена однимъ годомъ, 1624-мъ. Онъ напечатанъ въ «Памятникахъ, издаваемыхъ Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ.» Кіевъ, 1848. Изданіе 2-е. т. II, отд. I.

съ разными предварительными условіями. Уставъ говоритъ: «Каждый, кто поступаетъ въ наши школы для обученія, долженъ, явившись Ректору, съ его дозволенія, присматриваться сначала три дня къ ученію, порядку, а бѣдный (въ подлинникѣ: «нищій») и къ содержанію, [1] не бывъ еще допущенъ вполнѣ ни къ какому занятію школьному. Сіе для того, чтобы, поспѣшно начавъ, скоро не раскаялся и не оставилъ предпріятія: ибо каждый долженъ ходить въ школу не одну четверть и не годъ, но пока не окончитъ наукъ: и только съ такимъ условіемъ принимаемъ будетъ.» [2] Присмотрѣвшись, если не захочетъ вступить въ школу, то отходитъ съ благословеніемъ; а если согласится, то долженъ объявить объ этомъ Старшему и, внесши въ школьную кружку четыре гроша, зачисляемъ былъ отъ Пенитарха въ число учениковъ и вносился въ большой школьный списокъ.

Какъ въ нашихъ Азбуковникахъ, такъ и здѣсь, есть Старшіе, которымъ воспитанники обязаны были повиноваться, какъ и самому учителю, потому что, прибавляетъ Уставъ, «если добродѣтель послушанія и въ ремеслахъ, даже самыхъ низкихъ, имѣетъ мѣсто, и притомъ первѣйшее, тѣмъ болѣе въ наукахъ свободныхъ («въ наукахъ вызволенныхъ»), которыя всѣ прочія науки, искуства и ремесла далеко превышаютъ. [3]

Но такъ какъ въ школѣ обучали «разнымъ діалектамъ.» и опредѣлены были особые часы, въ какіе чему должно учиться, то воспитанникъ, поступивши въ школу и «не могучи и наукъ, которыи ся тутъ традуютъ, и себе до котории есть способенъ рыхло зрозумѣти,» долженъ посовѣтоваться съ начальникомъ школы, «за якую науку взятися маетъ.» И что присовѣтуетъ ему начальникъ (сообразивши его лѣта, наклонности и способности), за то онъ и долженъ приняться съ охотою, если только сами родители не назначили уже его къ извѣстной отрасли науки; да и тѣмъ, говоритъ, нужно совѣтовать полезнѣйшее.

---

[1] Въ переводѣ, изданномъ въ Кіевѣ, это мѣсто не имѣетъ смысла: будто бы нищій «присматривался къ содержанію,» вмѣсто «допускался».

[2] Памят. Врем. Коммис., т. I, отд. I, стран. 83—84. Я взялъ переводъ, приложенный при этомъ изданіи.

[3] Памят. Вр. Ком., т. I, отд. I, стр. 84—85.

Вотъ предварительныя условія, которыхъ мы не встрѣтили въ правилахъ Великорусскихъ школъ, или, можетъ быть, не встрѣтили только въ нашихъ Азбуковникахъ.

За тѣмъ всѣ другія статьи Устава болѣе и менѣе сходны съ правилами, помѣщенными въ Азбуковникахъ. Въ числѣ самыхъ первыхъ статей помѣщены правила о наказаніяхъ, которыя такъ подробно изображены въ Азбуковникахъ; здѣсь они написаны болѣе спокойнымъ тономъ: за непослушаніе наказывать, но не тирански, а наставнически: не сверхъ мѣры, а по силамъ; не съ буйствомъ, а кротко и тихо: не только мірски, но и выше мірскаго. Въ другой статьѣ добавлено, что для внушенія дѣтямъ хорошихъ правилъ,[1]

«И памятного маетъ не боронити,
По чаши школной испити».

Это было, вѣроятно, нѣчто въ родѣ извѣстныхъ въ Малороссійскихъ школахъ субитокъ, — когда каждую субботу сѣкли школьниковъ, что называется, въ запасъ, чтобъ они были умны и на будущее время; вѣроятно, памятное и было въ этомъ случаѣ запаснымъ предостереженіемъ отъ дурныхъ поступковъ.

Слѣдующія за симъ статьи имѣютъ также много общаго съ правилами «Школьнаго благочинія» Азбуковниковъ. Изъ этихъ послѣднихъ мы знаемъ, что ни богатство, ни знатность происхожденія не давали воспитанникамъ правъ на предпочтеніе ихъ передъ дѣтьми бѣдныхъ родителей; что ученики сидѣли въ классахъ по достоинству, на мѣстахъ, указанныхъ учителемъ. Въ Уставѣ Луцкой школы выражено то же самое, что каждый ученикъ долженъ садиться на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, назначенномъ по мѣрѣ его успѣховъ: «Который болшей умѣти будетъ, сидѣти вышшей маетъ, бы и барзо нищъ былъ; который меншей умѣти будетъ, на подлѣйшомъ мѣсцу сидѣти будетъ. Богатый надъ убогихъ у школѣ нѣчимъ вышшіи не маютъ быти, толко самою наукою: плотію же равно вси.» Учителю же вмѣнялось въ обязанность одинаково заботиться о своихъ воспитанникахъ, какого бы званія и состоянія ни были они, и каждому удѣлять своихъ трудовъ поровну: «Учити даскалъ[2] и любити маетъ дѣти всѣ за ровно, якъ сыновъ богатыхъ,

---

[1] Пам. Вр. Комм., т. I, отд. I, стр. 108.

[2] Даскалъ — такъ называется въ Уставѣ дидаскалъ, учитель.

такъ и сиротъ убогихъ, и которые ходятъ по улицамъ живности просечи.»[1]

Собираться въ школу положено было къ 9-му часу. Каждое утро учитель обязанъ былъ наблюдать, чтобъ собирались всѣ воспитанники; а если который изъ нихъ не приходилъ, то посылали узнать о причинѣ: или «забавилъ ся инде игранемъ, или дома ся облѣнилъ, или надъ потребу спалъ.»[2] Обязанность смотрѣть за приходящими возложена была на тѣхъ изъ учениковъ, которые въ Азбуковникѣ называются «Старостами», и которые должны были сидѣть у дверей школы и наблюдать за входящими и выходящими, записывая тѣхъ, которые позволяли себѣ шалости и непристойные поступки.[3] Собравшись въ классъ, ученики до тѣхъ поръ не начинали учиться, пока не были прочтены молитвы и предисловіе обычны. Тоже самое видѣли мы въ Азбуковникахъ. Мы знаемъ, что въ Великорусскихъ училищахъ положено было прослушивать уроки утромъ, въ противность обычаямъ заграничныхъ школъ; въ Славенороссіи заграничная школьная дисциплина считалась зазорною. Въ Южной Россіи это дѣлалось такъ же, какъ и въ Великороссіи, именно: прочитавъ обычныя молитвы, ученики прослушивались, показывали за тѣмъ свое писанье, что каждый успѣлъ написать дома, и дѣлали выкладъ науки своей, то есть, вѣроятно, истолковывали то, что было имъ задано. Потомъ, конечно, должны были учиться по частямъ Псалтыри, или Грамматикѣ съ разборами и «иныимъ многимъ потребнымъ наукамъ.» Послѣ обѣда каждый долженъ списывать для себя на таблицу свой урокъ, а малолѣтнымъ обязанъ былъ писать самъ учитель. Выучивъ въ школѣ «трудныя слова,» ученики должны были другъ друга спрашивать, отходя домой, или собираясь въ школу; дома же обязаны были говорить свои уроки или родителямъ, или хозяину, у кого живутъ на квартирѣ. Это мѣсто Устава Луцкой школы даетъ намъ возможность рѣшить недоумѣніе г. Лавровскаго, который ни въ какихъ древнихъ памятникахъ не находитъ свидѣтельства о томъ, диктовалъ ли учитель своимъ воспитанникомъ назначенный урокъ, или давалъ имъ готовыя тетрадки,

---

1 Уставъ Луц., III, стр. 100 — 101.

2 Тамъ же, стр. 102.

3 Тамъ же, Ш. стр. 109—110.

съ которыхъ они списывали, что имъ было задано. [1] Хотя рѣшеніе этого вопроса не принесетъ большой пользы наукѣ, однако, по Уставу Луцкой школы, можно догадываться, что уроки, по крайней мѣрѣ, въ Южной Россіи, диктовались учителемъ и записывались учениками на табличкахъ; малолѣтнымъ же писалъ самъ учитель. [2] Можетъ быть, то же самое было и въ Великорусскихъ школахъ, за неимѣніемъ печатныхъ руководствъ.

Въ правилахъ Азбуковниковъ строго запрещалось ученикамъ разсказывать то, что происходило въ школѣ, то есть, не выносить сору изъ избы, или, какъ сказано въ Азбуковникѣ, «не выносить за порогъ школы словеснаго сору.» То же самое помѣщено и въ Луцкомъ Уставѣ: «Въ школѣ што ся колвекъ мовити, албо дѣяти будетъ, жаденъ за порогъ школный выносити не маетъ.» [3]

Что запрещалось Азбуковниками въ отношеніи правилъ благопристойности — не толкаться, не подмигивать глазами, не перешептываться, то же самое видимъ мы и въ Луцкомъ Уставѣ: сидѣть въ классѣ смирно, «безъ розмовъ и шептовъ, миговъ, и до себе прехажокъ» и пр.

Въ Великорусскихъ школахъ назначалось поочередно нѣсколько учениковъ, на которыхъ возлагали обязанность мести школу, топить печь, носить воду и пр.; воспитанники Южнорусскихъ школъ также не были избавлены отъ подобныхъ обязанностей. Въ «артикулѣ» 16-мъ постановлено избирать по очереди двухъ, или четырехъ, мальчиковъ въ слѣдующія должности: «дѣло ихъ будетъ ранѣй до школы прійти, школу помести, въ печи запалити, и у дверей сидѣти; а которые выходятъ и входятъ, о всѣхъ вѣдати, и которые бы ся не учили, пустовали, или въ церкви не рядне стояли, или до дому идучи обычайне бы ся не заховали, написовати и оповѣдати ихъ маютъ.» [4]

По правиламъ Азбуковниковъ полагалось въ субботу заниматься повтореніемъ всего выученнаго въ продолженіе недѣли; въ этотъ же день учитель читалъ въ школѣ разныя поучительныя наставленія

---

[1] О древне-Рус. учил., стр. 111.

[2] Пам. Вр. Ком., т. I, стр. 87 и 105.

[3] Тамъ же, стр. 88. Въ уставѣ первой редакціи, краткой.

[4] Пам. Вр. Ком., стр. 109.

о благопристойности, о почитаніи родителей, о праздникахъ и пр.; въ воскресенье утромъ воспитанники собирались снова въ школу и слушали толкованіе Литургіи, Евангелія и пр. до той поры, пока звонъ колокола не призывалъ ихъ къ слушанію Божественной службы. Тѣ же самыя правила изложены и въ Уставѣ: «Въ субботу должны повторять все, чему учились въ продолженіи недѣли. Послѣ же обѣда учитель обязанъ не малое время и гораздо больше, чѣмъ въ прочіе дни, бесѣдовать съ дѣтьми, поучая ихъ страху Божію и чистымъ юношескимъ нравамъ: какъ они должны быть въ церкви предъ Богомъ, въ домѣ предъ родными своими, и какъ имъ вездѣ сохранить добродѣтель и цѣломудріе» и т. д. Потомъ: «Въ воскресенье и въ праздники господскіе, пока пойдутъ къ литургіи, учитель обязанъ со всѣми бесѣдовать и наставлять ихъ о томъ праздникѣ, или святомъ дѣлѣ, и учить ихъ волѣ Божіей. А послѣ обѣда долженъ всѣмъ изъяснить праздничное Евангеліе и Апостолъ.»

Не вдаваясь въ излишнія подробности о школьныхъ порядкахъ и сходствѣ ихъ, замѣчу, что объемъ обученія въ Луцкой школѣ былъ гораздо обширнѣе, чѣмъ въ Великорусскихъ школахъ, какъ мы знаемъ о нихъ изъ Азбуковниковъ и другихъ памятниковъ старины. Это снова доказываетъ, что элементарныя Южнорусскія школы стояли гораздо на высшей степени развитія, чѣмъ школы Великой Россіи. Составъ наукъ, преподававшихся въ Луцкой школѣ, былъ слѣдующій: такъ какъ школа носила названіе Греко-Латино-Словенской, то, конечно, воспитанники ея не были чужды знанія этихъ языковъ; но, кромѣ языковъ, преподавались и другіе предметы, о чемъ говоритъ самъ Уставъ: «Напервѣй, научившися складовъ, литеръ, потомъ Грамматики учатъ, притомъ же и церковному чину учать, читаню, спѣваню: также учатъ на каждый день, абы дѣти единъ другаго пыталъ по Грецку, абы ему отповѣдалъ по Словенску, и ты жъ пытаются по Словенску, абы имъ отповѣдали по простой мовѣ. И ты жъ не маютъ зъ собою мовити простою мовою, ено Словенскою и Грецкою, а такъ нынѣ тому учатся, до болшихъ приступаючи, къ Діалектице и Реторице, которые науки по Словенску переведенные, Русскимъ языкомъ списано, Діалектику и Реторику и иные философъскіе писма школѣ належачіе.» [2] Это свидѣтельство о нашихъ школахъ очень

[1] Пам. Вр. Ком., стр. 107—109.
[2] Пам. Вр. Ком., стр. 114—115.

важно. Въ другомъ мѣстѣ Устава говорится о предметахъ, преподававшихся въ Луцкой школѣ: «Повиненъ будетъ даскалъ учити и на писмѣ подавати отъ святого Евангеліа, отъ книгъ Апостольскихъ, отъ Пророковъ всѣхъ, отъ Отецъ Святыхъ ученія, отъ философовъ, отъ поетовъ, отъ гисториковъ и прочая.» Только какіе это были «философы, поэты историки,» мы не знаемъ: всего скорѣе Латинскіе, потому что Горацій и Тацитъ—любимые авторы, которыхъ знала старая образованная Малороссія. За тѣмъ учились пасхаліи, лунному теченію, личбѣ (т. е., счисленію), рахованю (почти то же счисленіе: не Ариѳметика ли?) и мусикѣ церковнаго пѣнія» (Уставъ, стр. 106—107).

Какъ видимъ, составъ школьнаго образованія въ элементарномъ училищѣ Южной Россіи былъ далеко не бѣденъ, и если прочія школы хоть сколько нибудь были похожи на Луцкую, то юношество того края было довольно хорошо образовано по своему времени. Не смѣю утверждать, что такое же образованіе давалось и въ Великорусскихъ школахъ до-Петровскаго времени: этого не видно изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ; но всего вѣроятнѣе, что Великая Россія и въ этомъ отношеніи далеко уступала Малороссіи.

И такъ мы невольно приходимъ къ тому заключенію, что состояніе нашихъ школъ, этихъ источниковъ народнаго образованія, не соотвѣтствовало, въ XVII-мъ вѣкѣ, тому, проявлявшемуся у насъ, стремленію впередъ, тому разцвѣту нашей умственной жизни, однимъ словомъ, — тому прогрессу Россіи XVII-го вѣка, прогрессу, итогомъ котораго былъ Петръ Великій. А что печать прогресса лежитъ на XVII-мъ столѣтіи, что было уже тогда это стремленіе впередъ, это отрадное броженіе умовъ передъ явленіемъ Петра, что до Петра еще начинала уже Россія искать чего-то новаго, разрѣшенія болѣе важныхъ и глубокихъ вопросовъ,—это вѣрно, и мы, можетъ быть, скоро сознаемъ это окончательно, когда лучше изучимъ темный для насъ XVII-й вѣкъ. Мы больше знаемъ Россію временъ Ольги, Святослава, временъ Ярослава и даже Монголовъ, чѣмъ Россію послѣ обоихъ Іоанновъ и особенно послѣ Самозванцевъ. На этомъ періодѣ времени мы не останавливаемся долго, какъ будто утомленные смутными временами конца XVI и начала XVII-го вѣковъ, и всѣ спѣшимъ обратиться къ одной личности Петра, забывая, что промежутокъ между Самозванцами и Петромъ былъ

именно тѣмъ великимъ и знаменательнымъ періодомъ въ исторіи развитія нашей умственной жизни, который рѣдко повторяется въ жизни народовъ. Періодъ этотъ ждетъ еще своей разработки. Нельзя сказать, чтобъ старина не оставила намъ ни какой возможности изучить ее въ подробностяхъ: она сохранила для насъ цѣлую литературу, на столько богатую и разнообразную, чтобы узнать тотъ періодъ времени, которому она служитъ выраженіемъ, котораго идеи она сохранила для насъ. А эта литература очень богата въ сравненіи съ тѣмъ, что представляютъ въ этомъ отношеніи предыдущія столѣтія. Кто сколько нибудь знакомъ съ нашей письменностью прошедшихъ вѣковъ, особенно XVI и XVII, тотъ не безъ удивленія остановится на этомъ послѣднемъ столѣтіи, которое слишкомъ рѣзко отдѣляется отъ XVI-го и имѣетъ свой отличительный характеръ—стремленія впередъ. Можетъ быть, для многихъ это покажется страннымъ. особенно когда мы привыкли считать только XVIII-й вѣкъ временемъ созданія нашего отечества, началомъ его Европейской жизни и нашего вочеловѣченія; но когда мы познакомимся также съ XVII-мъ вѣкомъ, какъ знакомы съ XVIII-мъ; когда мы безъ предубѣжденія взглянемъ на мнѣніе: не начала ли Россія бытіе свое, не довольно ли уже были мы развиты, какъ люди, а не варвары, въ XVII-мъ вѣкѣ? когда мы постараемся представить живую картину этого времеми, то увидимъ, что XVII-й вѣкъ былъ именно тотъ періодъ, въ который мы начали свое самобытное развитіе и котораго Петръ былъ только итогомъ. Не послѣднюю роль играло въ этомъ случаѣ присоединеніе Малороссіи, которая какъ будто придвинула насъ къ образованной Польшѣ и къ самой Европѣ, начавъ передавать намъ тѣ знанія, какими сама уже обладала: отъ того, въ концѣ XVII-го вѣка, всѣ дѣятели на литературномъ поприщѣ были у насъ Малороссы, которыхъ воспитали Кіевская Академія и Польша. Приводить примѣры считаю излишнимъ, потому что и помощники Петра въ преобразованіяхъ Россіи были тѣ же питомцы Малороссіи: Өеофанъ Прокоповичъ, Гавріилъ Бужинскій, Стефанъ Яворскій; передъ ними Симеонъ Полоцкій, Лазарь Барановичъ и другіе. Письменность XVII-вѣка имѣетъ совершенно различный характеръ съ тѣми немногими памятниками, которые дошли къ намъ отъ XVI-го вѣка; стоитъ только сравнить остатки письменности того и другого столѣтія, чтобъ видѣть громадную разницу между Россіей XVI-го вѣка и Россіей XVII-го вѣка.

На примѣръ, я беру для этого «Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея» и «Описаніе рукописей библіотеки Гр. Толстова»; замѣчаю статьи и книги, принадлежащія XVI-му вѣку, и книги, обозначенныя вѣковъ XVII-мъ. Какой утѣшительный перевѣсъ на сторонѣ этого послѣдняго столѣтія! Въ XVI-мъ вѣкѣ я встрѣчаю только Евангелія, Минеи служебныя, Минеи праздничныя, Тріоди цвѣтныя, Тріоди постныя, Паремьи, Келейныя правила, Псалтири Слѣдованныя, Апостолы, Служебники, Трефолои, Октоихи, Коричія и Житія святыхъ. Рукописей другаго содержанія почти нѣтъ. Пересматриваю XVII-й вѣкъ, и вниманіе постоянно останавливается на такихъ памятникахъ: Космографія Мартына Бѣльскаго; [1] Космографія, размѣреніе и росписаніе всеа земли противъ слонневъ и знаменъ въ кругахъ небесныхъ; [2] Космографія Герарда Меркатора; [3] О конской ѣздѣ (въ 4-хъ книг., перев. въ Москвѣ, 1685 г.); [4] Великая и предивная наука Раймунда Люлія (въ 8 частяхъ); [5] Книга о Сивиллахъ, колика быша и коими имяны и о предреченіихъ ихъ, переведена по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича; [6] Книга о началѣ Россійскихъ Государей и ихъ титулѣ въ сношеніяхъ съ Великими Государями Христіанскими и Мусульманскими, и какъ писали къ нимъ тѣ иностранные Государи, и каковы котораго Государя ихъ государскія персоны и гербы, состроена повелѣніемъ Царя Алексѣя Михайловича въ 1672 году; [7] Родословіе и Геральдика Россійскихъ Государей, сост. Лаврентіемъ Херуличемъ по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича; [8] Хрисмологіонъ, родъ Всеобщей исторіи съ пророчествами; переведена повел. Царя Алексѣя Михайловича; [9] Хронографъ, переведенъ повел. Царя Алексѣя Михайловича; [10] Рус-

[1] Оп. рук. Гр. Толст., I, 205, 206.
[2] Тамъ же I, 210.
[3] Оп. рук. Рум. М., N CCLXXII.
[4] Гр. Тол. I, 209.
[5] Тамъ же, I, 211.
[6] Рум. М., N CCXXVII.
[7] Гр. Тол., I, 215;
[8] Рум. М. N 466.
[9] Гр. Тол., I, 56. Рум. М., N CCCLXV.
[10] Гр. Т., I, 77.

ская исторія, соч. Дьякомъ Ѳ. Грибоѣдовымъ; и за ту книгу дано ему Государева Царева и В. Кн. Алексѣя Михайловича жалованье: 40 соболей, да въ Приказѣ 50 рублевъ денегъ, отласъ, камку да придачи къ помѣстному окладу 50 четей 10 рублей. А книга взята къ Великому Государю вверхъ.[1] За тѣмъ встрѣчаются Алфавиты съ Словарями и съ другими статьями грамматическаго и реторическаго содержанія;[2] Ариѳметика и Астрономія;[3] Описаніе о Персидскомъ государствѣ и о тѣхъ жителѣхъ;[4] Исторія Сарматіи Европской и хроника земли Сарматской, Александра Гваньини;[5] Описаніе Китайскаго Государства;[6] О предуготовленіи вещей къ войнѣ надобныхъ, и воинская книга о всякой стрѣльбѣ и о огненныхъ хитростяхъ по Геометрійскому прямому обычаю (здѣсь и военная Технологія, и Баллистика, и Тактика и пр.);[7] Наука о конскомъ заводѣ (гдѣ говорится объ устройствѣ конюшень, дворовъ конскихъ, о кормѣ, присмотрѣ, о породѣ коней иностранныхъ, о конюшняхъ, коновалахъ, прислугѣ и пр.;[8] довольно большое Описаніе Голландіи и города Амстердама;[9] довольно интересное и обстоятельное Описаніе Сибири въ 1658 и 1683 годахъ;[10] Писцовыя книги разныхъ городовъ;[11] Хроника Литовская Стриковскаго;[12] Историческія записки Павла Пясецкаго (Piasecii).[13] Припомнимъ, что въ это время начинаетъ расходиться по Великороссіи Синопсисъ; свѣдѣнія во Всеобщей Исторіи начинаютъ принимать болѣе широкій объемъ, съ измѣненіемъ и распространеніемъ содержанія нашихъ сборниковъ. Медицинскія познанія перестаютъ считаться колдовствомъ и входятъ въ кругъ нашей письменности, что

---

1 Рум. М., NN LXXXII, LXXXIII, LXXXIV. Гр. Толст., II, 39, 269, 412.
2 Гр. Толст., II, 44, 139, 146, 343. 371, 373; III, 27. Рум. М., I, II, III, и др.
3 Рум. М., N XII.
4 Гр. Толст., I, 246.
5 Тамъ же, I, 153, 161.
6 Тамъ же, I, 162.
7 Тамъ же, I, 68.
8 Рум. М., N CCLXXXII.
9 Рум. М., CCXCII.
10 Рум. М., CCXCIV.
11 Рум. М., N CCCVIII, CCCIX, CCCX, CCCXI, CCCXII.
12 Гр. Толст., I. 186, 244.
13 Гр. Толст., I, 17.

видно изъ разныхъ статей и книгъ Медицинскаго содержанія, въ родѣ слѣдующихъ: а) Книга, глаголемая Прохладный Вертоградъ.... о различныхъ врачевскихъ вещахъ ко здравію человѣческому пристоящихъ, [1] въ которой находится 341 глава: о кровопусканіи, о птицахъ всякихъ, къ лѣкарству угодныхъ, о мясѣхъ всякихъ, о водахъ, о рыбахъ речныхъ и морскихъ, о пчелѣ и о меду и о воске, о заморскихъ и о Русскихъ зеліяхъ, и о древесехъ, и о травахъ, и о водахъ изъ травъ перепущенныхъ, о уксусе, о маслехъ, о солехъ, о сахарехъ, о сыропехъ и пр., и пр., и пр., гдѣ исчерпаны знанія, относящіяся и къ Гигіенѣ, и къ Фармакогнозіи, и къ Физіологіи, и къ Фармакопеѣ, и къ естественнымъ наукамъ другихъ отраслей; б) Проблемата.... великаго философа Аристотеля и иныхъ мудрецовъ, яко прирожденныи, такожде и лѣкарскія науки, о свойствѣ и о поставленіи удовъ человѣческихъ, такожде и о звѣриныхъ; [2] в) Славныхъ великихъ и цвѣтныхъ доктуровъ подлинное изѣщеніе о мору; [3] г) О приготовленіи лѣкарствъ, о дѣланіи красокъ и т. п., [4] родъ Технологіи и Фармакопеи, и отрывки Лѣчебника; д) статьи физіологическаго содержанія; [5] е) Лѣчебникъ съ раскрашенными изображеніями травъ, [6] и нѣсколько Лѣчебниковъ для всеобщаго пользованія. Въ это время чаще начинаютъ являться статьи, въ которыхъ видны уже начатки литературныхъ потребностей въ обществѣ: это переводы сказокъ, романовъ, и т. п. литературныхъ произведеній другихъ народовъ; [7] въ это время мы встрѣчаемъ переводы Басень Езопа («Писанія философа Ессопа Индѣянина»), переводъ [8] произведеній Персидскаго поэта Шихсади («Персидской крынной долъ, въ которомъ много веселыхъ и пріятныхъ исторей, остроумныя речи, прибыльные ученіи... и славнаго Локмана

---

[1] Рум. М., N CCLXIII, Гр. Толст., II, 42.

[2] Гр. Толст. II, 166.

[3] Тамъ же, II, 168.

[4] Тамъ же, II, 195.

[5] Тамъ же, II, 213.

[6] Тамъ же, III, 338.

[7] Съ этимъ предметомъ насъ уже познакомилъ нѣсколько Г. Пыпинъ.

[8] Гр. Толст. II, 181.

склади и примѣры»), [1] съ Нѣмецкаго переложенія; читаемъ, къ удивленію нашему, повѣсти въ родѣ слѣдующихъ: Повѣсти смѣхотворны, есть же и злыхъ обыклостей обличительны; повѣсть утѣшная о купцѣ, который заложился съ другимъ о добродѣтели жены своея,»[2] и т. п. Это еще не все: это—самая ничтожная часть того, что разсѣяно по нашимъ библіотекамъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ постоянно встрѣчаются интересные переводы съ иностранныхъ языковъ, съ Латинскаго, Нѣмецкаго, Греческаго, Итальянскаго, но преимущественно — съ Польскаго: все, что являлось замѣчательнаго въ Польшѣ, переводилось на Русскій языкъ. Кругъ свѣдѣній видимо расширяется; прежнія свѣдѣнія оказываются недостаточными; въ обществѣ возникаютъ другіе вопросы, помимо вопросовъ богословскихъ. Не удивительно явленіе въ этомъ обществѣ такихъ людей, какъ Бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, котораго ученые иностранцы назвали великимъ, и Царевна Софія; не удивительно явленіе такихъ Государей, какъ Алексѣй Михайловичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ съ ихъ дипломатами, Тяпкинымъ, Зотовымъ, извѣстнымъ, кромѣ того, своими педагогическими талантами; не удивительно, наконецъ, что у такого Государя, какъ Алексѣй Михайловичъ, который давалъ ходъ и жизнь начинавшей разцвѣтать нашей умственной жизни, нашимъ наукамъ, нашей литературѣ, [3] не удивительно, повторяю, что у Государя, имѣвшаго достойныхъ дѣтей въ Ѳеодорѣ и Софіи, былъ еще и сынъ Петръ, положившій начало преобразованія Россіи. Россія, если не вся, не

---

[1] Гр. Толст. I, 111.

[2] Гр. Толст. II, 47.

[3] Что Царь Алексѣй Михайловичъ заботился о распространеніи знаній, объ образованіи своей страны, видно изъ того, что почти все, что писалось достойнаго вниманія въ его время, посвящалось его особѣ и было принимаемо благосклонно, какъ мы видимъ изъ ласковаго пріема «Исторіи» Грибоѣдова, переводовъ Спафарія и другихъ сочинителей, которыхъ онъ дарилъ очень щедро за ихъ труды. Исправленіе книгъ вмѣстѣ съ Никономъ, печатаніе многихъ необходимыхъ сочиненій,—все говоритъ въ пользу этого Государя, котораго заслуги въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи еще не оцѣнены, потому что всѣ историки, очарованные личностью сына его, Петра, не берутъ на себя труда объяснить значеніе Царя Алексѣя Михайловича. Разработка нашей до-Петровской письменности докажетъ, что этотъ Царь началъ подготовку царствованія Петра, и Россія, вмѣстѣ съ умнымъ Царемъ, охотно принимала идеи, которыя осуществилъ только Петръ.

цѣлой массой, то въ лицѣ многихъ замѣчательныхъ особъ своего времени, понимавшихъ высокое значеніе образованія, ждала уже Петра; и только слишкомъ энергическія мѣры этого Государя вооружили массу противъ нововведеній, противъ внезапнаго и отчасти насильственнаго движенія впередъ, къ чему, впрочемъ, само подвигалось наше отечество во все XVII столѣтіе.

Неудивительно послѣ всего этого, если мы скажемъ, что одна педагогика наша отстала отъ общаго стремленія, одни школы недостаточно подвинулись впередъ, чтобы приготовлять юношество для полнаго сочувствія стремленіямъ возрождавшейся Россіи, для быстрѣйшаго восприятія тѣхъ идей, которыя уже вращались между немногими избранными.

Въ слѣдствіе всего этого, намъ кажется болѣе правильнымъ взглядъ Г. Забѣлина на характеръ древняго образованія въ Россіи, чѣмъ взглядъ г. Купріянова. Г. Забѣлинъ, любя Русскую старину, не увлекается предположеніями относительно успѣховъ педагогики въ до-Петровской Руси, и не дѣлаетъ выводовъ, въ сущности прекрасныхъ и утѣшительныхъ, но несогласныхъ съ дѣйствительностію, какіе дѣлаетъ Г. Купріяновъ, увлеченный той же любовью къ старинѣ, [1] Г. Забѣлинъ даже слишкомъ строгъ, слишкомъ недовѣрчивъ и скупъ на заключенія, какъ это всегда бываетъ, когда больше и разностороннѣе знакомишься съ предметомъ. Онъ слишкомъ хорошо знаетъ нашу старую Русь, чтобъ рѣшиться дѣлать серьезные выводы, касательно важнѣйшихъ вопросовъ въ наукѣ, основываясь только на теоріи вѣроятностей. Въ слѣдствіе этого прекраснаго убѣжденія, вѣроятно, Г. Забѣлинъ отвергаетъ все, чего не можетъ доказать, какъ онъ говоритъ, точно, документально, т. е., самими фактами старины, ея словами, ея собственнымъ, неопровержимымъ, свидѣтельствомъ; это необходимое правило въ наукѣ, которому слѣдуютъ рѣдкіе изъ насъ; только оно не всегда примѣнимо. Бываетъ и такъ, что это, необходимое въ наукѣ, правило не достигаетъ цѣли и дѣлается своего рода пристрастіемъ; это бываетъ тогда, когда мы и изъ этого благоразумнаго правила сдѣлаемъ крайность—неизбѣжное слѣдствіе увлеченія. Хотя у Г. Забѣлина не замѣчаемъ этой крайности, но онъ держится своего благоразумнаго правила не безъ

---

[1] «Замѣтки для исторіи просвѣщенія въ Россіи,» Купріянова (Спб. Вѣд., 1855 г., N. 163, и Москвитянинъ 1855, N. 10).

увлеченія. Ни чѣмъ больше, какъ увлеченіемъ, можемъ мы объяснить его, въ высшей степени осторожные, выводы (которые Г. Купріяновъ, совершенно несправедливо называетъ рѣзкими и односторонними), относительно образованія нашихъ предковъ. По мнѣнію Г. Забѣлина, въ школахъ до-Петровской Руси знанія юношества не простирались далѣе азбуки, часословца и псалтыри, за тѣмъ письма и церковнаго пѣнія; по его мнѣнію, въ школахъ этихъ не принято было даже преподаваніе Грамматики отечественнаго или, пожалуй, Церковно-Славянскаго языка. Держась своихъ осторожныхъ правилъ въ выводахъ и заключеніяхъ, онъ приводитъ одно извѣстное мѣсто изъ пѣсьни про Ваську Буслаева, что, когда мать отдала его учиться грамотѣ,

Грамота ему въ наукъ пошла;
Посадила его перомъ писать,
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала его пѣтью учить,
Пѣтье Василью въ наукъ пошло....

и рѣшаетъ, что «это мѣсто, объясняя значеніе науки въ нашей старинѣ, любопытно и въ томъ отношеніи, что указываетъ на составъ тогдашняго общаго школьнаго образованія». [1] Напрасно Г. Забѣлинъ, такъ добросовѣстно изучающій Русскую старину, на слово вѣритъ народной пѣсьнѣ, особенно былинѣ, гдѣ, по обыкновенію, передается не самое дѣло, не фактъ, а только взглядъ народа на этотъ фактъ, гдѣ фантазія на первомъ планѣ. Не думаю, чтобъ Г. Забѣлинъ, знающій нашу старину, какъ немногіе знаютъ ее, рѣшился дѣлать такіе же выводы, какіе онъ здѣсь дѣлаетъ, основываясь на томъ, что если въ былинѣ сказано, будто В. К. Владиміръ и богатыри его выпивали турьи рога зелена вина въ полтора ведра и въ полтретья, то они въ самомъ дѣлѣ пили именно столько, сколько сказано въ пѣснѣ, то есть, полтора и по два съ половиной ведра залпомъ. Вѣроятно, меньше. Не думаю также, чтобъ и пѣсьня про Буслая знала навѣрное, что именно преподавалось въ нашихъ школахъ. Притомъ, эта пѣсьня какого вѣка? Она Новгородская.

Признавая вполнѣ важность памятниковъ народной мысли, мы не должны, однако же, слова и свидѣтельства какой-нибудь пѣсьни

[1] «Характеръ древняго народ. образ. въ Россіи.» Забѣлинъ (От. Зап., 1856 г., N. 3, отд. II, стр. 19).

(хоть бы она была и историческая) считать непреложными законами, которыми можно рѣшать всякое ученое недоразумѣніе, а должны смотрѣть на нихъ, какъ на выраженія народной мысли, народныхъ понятій, народныхъ впечатлѣній, по преимуществу; мѣрить же все впечатлѣніями и понятіями народа, и притомъ простаго народа — недостойно науки. Народъ имѣетъ всегда свой взглядъ на вещи, и въ пѣсняхъ именно выражаетъ этотъ взглядъ, или то понятіе, какое онъ составилъ себѣ относительно какого либо предмета, или событія. Пѣснями можетъ пользоваться наука, но только какъ средствомъ къ узнанію взгляда народа, въ извѣстное время, на извѣстный фактъ, но ужъ отнюдь не какъ историческими матеріялами. Такъ и пѣсню о Буслаѣ нельзя принять за историческія данныя: въ ней выразился, можетъ быть, взглядъ, или понятіе, народа объ ученіи въ школахъ, и только. И если народъ такъ понималъ наше древнее обученіе, то это не значитъ, что онъ правильно понималъ его; онъ понималъ по своему. Въ извѣстной пѣснѣ, которую и теперь пропоетъ любой мужикъ, разсказывается о кончинѣ Императора Александра Павловича, который сказалъ своей родимой матушкѣ, что уѣзжаетъ на годъ, а не пріѣхалъ и черезъ три. Родимая матушка выбѣгала на большую дорожку, встрѣтила кульера и спрашивала: «Не знаешь ли, молъ, кульерчикъ, что съ сыномъ?» Тотъ объявилъ ей, что онъ умеръ. Потомъ описываются похороны, какихъ, конечно, въ дѣйствительности не бывало, и между тѣмъ упоминается, какъ

Молодую его хозяюшку подъ бѣлы руки ведутъ,
А малыихъ его дѣтушекъ во колясочкѣ везутъ....

Слѣдуетъ ли изъ этого, что Императрица не могла иначе узнать о сынѣ, какъ выбѣгая на дорогу, выспрашивать курьера, и должна ли исторія стать въ тупикъ, по случаю «малыихъ дѣтушекъ», или признать ихъ дѣйствительно существовавшими? Ясно ли, что народъ въ пѣсняхъ своихъ передаетъ не самые факты, а свои впечатлѣнія, по поводу ихъ? И въ этой пѣснѣ народъ вѣренъ самому себѣ: онъ зналъ, что Императоръ имѣлъ мать и по своему, примѣняясь къ своему быту, выразилъ горесть ея ожиданій; предположилъ, что должны же быть и сироты послѣ смерти женатаго человѣка, или просто, ради большаго эффекта, подарилъ дѣтьми Александра Павловича. И въ древней Россіи, какъ и въ настоящей, простой народъ стоялъ на низшей ступени образованія, слѣ-

довательно, также вѣрно могъ объяснять пѣснями состояніе училищъ, какъ вѣрно изобразилъ погребеніе Императора Александра 1-го. А что это правда, такъ видно изъ того, что и въ древности на народъ смотрѣли, какъ на невѣгласовъ, по мнѣнію которыхъ, затмѣніе солнца означало то, что нѣкіи «влъкодлаци поѣдали солнце» и пр. Подобные же невѣгласы отправили въ заточеніе боярина Матвѣева за чернокнижіе, а послѣ того съ суевѣрнымъ страхомъ смотрѣли на Сухареву башню, на которой производились астрономическія наблюденія. [1] О Россіи этого не могъ сказать Г. Забѣлинъ, потому что Россію онъ знаетъ лучше другихъ, а увлекшись отрицаніемъ мнѣній г. Купріянова и, слѣдуя правиламъ осторожности, дошелъ до крайности и обвинилъ Россію въ томъ, въ чемъ виноватъ былъ только народъ, подъ именемъ котораго я разумѣю гораздо больше сословій, чѣмъ сколько принадлежитъ ихъ къ народу въ настоящую, болѣе развитую, пору. Такой народъ обвинилъ Матвѣева въ чернокнижіи и считалъ колдовствомъ астрономическія предсказанія на Сухаревой башнѣ. Невѣгласы въ состояніи сдѣлать то же самое и въ нынѣшній XIX-й вѣкъ, и въ пѣсняхъ своихъ характеризуютъ современную науку, всѣ тонкости просвѣщеннаго XIX-го вѣка, ни больше, ни меньше, какъ тѣмъ же многозначительнымъ «четьемъ-пѣтьемъ церковнымъ.» А изъ этой фразы развѣ слѣдуетъ вывести заключеніе, что и теперь у насъ больше ничему не обучаютъ, кромѣ «четья-пѣтья церковнаго?» Конечно, не слѣдуетъ. Не слѣдовало также и г. Забѣлину на словахъ пѣсни про Ваську Буслаева строить своихъ догадокъ, что пѣсенная фраза есть не что иное, какъ выраженіе состоянія нашихъ древнихъ школъ и что въ школахъ этихъ не преподавалась даже Грамматика Славянскаго языка. Съ этимъ очень трудно согласиться, тѣмъ болѣе, что и въ нашихъ Азбуковникахъ есть грамматическія правила, преподававшіяся въ школахъ и, кромѣ того, мы имѣемъ одну Грамматику отъ XVII-го вѣка, въ которой именно сказано, что ее учили новоначальные ученики послѣ азбуки. Вотъ заглавіе этого школьнаго учебника: «Книга глаголема Аданатосъ, (Донатъ) въ ней же бесѣдуетъ о осми частѣхъ и вѣщанія, сирѣчь о имени, о проимени, о словѣ, о предлозѣ слова, о причастіи слова и имяни, о союзѣ, о представленіи и о различіи, еа же учатъ ученицы

[1] Характеръ древн. народ. образ. въ Россіи (От. Зап., 1856 г., N. 3).

новоначалніи послѣ азбукѣ, зане же то есть основаціе первое и подошва хитрости грамматичной, а Граматикія есть основаніе и подошва всѣмъ свободнымъ хитростямъ.» [1]

Но опять таки повторяемъ повторенное нами нѣсколько разъ въ этой статьѣ, что въ XVII-мъ вѣкѣ педагогика отстала отъ общаго стремленія къ прогрессу и самосознанію; что Россія, въ лицѣ многихъ особъ, понимавшихъ уже нѣсколько высокое значеніе образованія, далеко оставила за собой наши школы съ ихъ старыми понятіями и привычками, съ ихъ ограниченнымъ кругомъ воззрѣнія на способъ и объемъ обученія. Да и не легко было этимъ школамъ итти шагъ за шагомъ по слѣдамъ нашего развитія, когда онѣ вмѣщали въ себѣ только самыя начатки образованія и, будучи частными заведеніями, держались правилъ старины, какъ въ объемѣ преподаванія, такъ точно и въ методѣ, и когда, напротивъ того, Россія, — хотя не всей массой, а въ числѣ немногихъ образованныхъ личностей, добывала себѣ новыя знанія и идеи, отвергала то, что привилось къ ней отъ старины, прежде чѣмъ молодой Петръ успѣлъ познакомиться съ Лефортомъ, какъ предразсудки, начинала учиться у Запада; когда вся Россія, успокоившись отъ политическихъ бурь (подъ державой Алексѣя Михайловича), начинала вглядываться въ то, что дѣлалось тогда на Западѣ, расширяла кругъ своей письменности, вводя въ него новыя Европейскія знанія, помимо знаній богословскихъ, и естественно далеко оставила за собою нашу скудную «премудрость,» какую добыла въ стѣнахъ своихъ училищъ, находившихся въ рукахъ частнаго духовенства. Напрасно стали бы мы обвинять Россію, особенно Россію конца XVII-го вѣка, въ неподвижности и умственномъ застоѣ: при болѣе строгомъ изученіи той эпохи, мы увѣримся совершенно въ противномъ. Исторія начинаетъ уже возвышать голосъ въ пользу XVII-го вѣка, и намъ отрадно было встрѣтить полное сочувствіе нашимъ мыслямъ, въ историческомъ обозрѣніи «Правленіе Царевны Софіи» г. Щебальскаго, который говоритъ: «Царствованіе Петра представляется намъ безо всякой почти связи съ предшествующими; мы слишкомъ буквально пріучились понимать слова: ««Петръ создалъ Россію»». Петръ произвелъ въ ней огромную реформу, переворотъ, готовы мы сказать, государственный и общественный; но

[1] Опис. рук. Гр. Толстова, IV, 27.

въ исторіи нѣтъ скачковъ и перерывовъ и при внимательномъ изученіи предшествующей Петровымъ преобразованіямъ эпохи, при болѣе глубокомъ изслѣдованіи самаго царствованія Петрова, безъ всякаго сомнѣнія откроется связь, соединяющая, такъ называемую, древнюю, до-Петровскую Русь, съ Россіей новою, Европейскою.»[1] И эта связь есть: она — умственное движеніе Россіи во все XVII-е столѣтіе, отрадное стремленіе впередъ, замѣтное отрицаніе старыхъ предразсудковъ. Дѣйствительно, въ концѣ XVII-го вѣка, Россія могла уже сказать о себѣ: «Егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ смышляхъ; егда же быхъ мужъ — отвергохъ младенческая.» И въ самомъ дѣлѣ, до Петра еще начала мужать наша Россія; она успѣла отвергнуть много младенческаго въ своихъ понятіяхъ, прежде чѣмъ молодой Царь успѣлъ познакомиться съ Лефортомъ; не могла только одного сдѣлать — провести за собой свои школы, влить новыя живительныя идеи въ скудные свои учебники.

Послѣдовавшій на дняхъ переводъ Преосвященнѣйшаго Аѳанасія въ Астраханскую Епархію лишилъ меня возможности окончательно разработать интересную рукопись, и потому, не имѣя подъ рукою Азбуковниковъ, я принужденъ кончить свою статью тѣмъ, на чемъ остановился.

Даніилъ Мордовцевъ.

Саратовъ, 1856 г.

---

1 Правленіе Цар. Софіи, IV, 69—70 (ст. Щебальскаго въ Рус. Вѣстникѣ, 1856 г., N. 9).

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

Отъ всякой смерти не набережешься.

За смерть нѣтъ поруки. На жизнь, на смерть, поруки нѣтъ.

Опасью хорониться — смерти не оборониться.

На вѣкъ не наѣшься, передъ смертью не наживешься.

Передъ судьей, да передъ смертью замолчишь.

На смерть, что на солнце, во всѣ глаза не взглянешь.

Не на животъ раждаемся, а на смерть.

Что не родится, то и не умираетъ.

Родится человѣкъ на смерть, а умретъ на животъ.

Не на животъ, а нà смерть (бьютъ, обижаютъ и пр).

Какъ ни вертись, а въ могилку ложись.

Смерть ни на что не глядитъ. Смерть сò слѣпу лютуетъ.

Живи, да не заживайся! Жить живи, да честь знай: чужаго вѣка не заѣдай!

Впередъ смерти наживайся! Жилъ, не жилъ, а помирай!

Люди мрутъ, намъ дорогу трутъ. Передній заднему мостъ на погостъ.

Кабы до насъ люди не мерли, и мы бы на тотъ свѣтъ дорòги не нашли.

Смерть живота не любитъ. Животъ смерти не любитъ.

Смерть плотью живетъ. Смерть съ костьми сгложетъ.

Кабы люди не мерли — землѣ бы не сносить.

На смерть дѣтей не нарожаешься.

На рать сѣна не накосишься, на сметрь дѣтей не нарожаешься.

Жизнь даетъ одинъ только Богъ, а отнимаетъ всякая гадина.

Два раза молоду не быть, а смерти не отбыть.

Много бы взялъ, да не надобно (умирая).

Невинная (неповинная) душа не пристрашна (не боится) къ смерти.

Бойся, не бойся, а смерть у порога.

Богъ души не вынетъ, сама душа не выйдетъ.

Безъ поры̀ душа не выйдетъ. Кто вложилъ душу, тотъ и вынетъ.

Не своя воля, самъ собой не помрешь. Живому нѣтъ могилы.

Смерти бояться — на свѣтѣ не жить.

Кого Богъ накажетъ, тотъ самъ помретъ; а другаго, любя приберетъ.

Поколѣ Богъ грѣхамъ терпитъ, да голова на плечахъ.
Покуда на своихъ ногахъ хожу. Покуда душа жива.
Игла служитъ, пока уши, а люди, пока ду̀ши.
Кто чаще смерть поминаетъ, тотъ меньше согрѣшаетъ.
Смерть по грѣхамъ страшна. Не бойся смерти, бойся грѣховъ!
Бойся жить, а умирать не бойся! Жить страшнѣе, чѣмъ умереть.
Бойся, не бойся, а безъ року нѣтъ смерти!
Жди, какъ волъ обуха, а не дрогни!
Умѣлъ пожить, умѣй и умереть! Не умѣлъ жить, такъ съумѣй умереть!
Кто жить не умѣлъ, того помирать не выучишь.
Жизнь — копейка, голова — наживное дѣло.
Убьютъ — забота не наша. Убьютъ, такъ закопаютъ.
Кто посылаетъ (т. е., на смерть), тотъ и отвѣчаетъ.
Помрешь, такъ прощай бѣлый свѣтъ — и наша деревня!
Узка дверь въ могилу, а вонъ, и той нѣтъ.
Жизнь на ниткѣ, а думаетъ о прибыткѣ.
Думка за горами, а смерть за плечами.
Смерть не за горами, а за плечами.
Умъ за̀ моремъ, а смерть за̀ воротомъ.
Самъ на ладань дышетъ — а туда же.
Поживетъ — нажметъ, умретъ — надавитъ (о плохомъ мужѣ).
Никому не вѣдомъ часъ Страшнаго Суда.
Никто живой предѣла своего не извѣдалъ.
Бойся Бога: смерть у порога.
Смерть за порогомъ. Смерть на носу. Смерть на пядень.
На волосокъ отъ смерти. Голова на кону.
Жизнь на волоскѣ виситъ, — висѣла.
Чуть живъ, чуть живъ, а все не померъ.
Рубаха къ тѣлу близка, а смерть ближе.
Рубаха на тѣлѣ — смерть въ плоти.
На небо крылъ нѣтъ, а въ землю путь близокъ.
Больше жить — больше грѣшить.
Не тотъ живетъ больше, кто живетъ дольше.

Жизнь дана на добрыя дѣла̀.
Меньше жить — меньше грѣшить. Умрешь, такъ меньше врешь.
Житейское дѣлай, а смерть помни! Смерть недосуговъ не знаетъ.
Не грѣшитъ, кто гніетъ (кто въ землѣ лежитъ).
Отъ смерти не спрячешься (не уйдешь). Отъ смерти некуда дѣваться.
Живи живи, да и помирать собирайся (да и помри).
Тяни, тяни, да отдай; живи, живи, да и помри (матроская).
Жили, жили, да и жилы порвали.
Когда ни будь умирать надо. Сколько ни живи, а умирать надо.
Закрыть гла̀зки, да лечь на салазки.
Тѣло въ тѣсноту, а душу на просторъ.
Сколько ни жить, а смерти не отбыть (не миновать).
Придетъ время, всѣ лягутъ въ могилку.
Не жилой—не живой (о хиломъ дѣтищѣ).
Сколько (какъ) ни ликовать, а смерти (а гроба) не миновать.
Когда ни умирать, а день терять (а не миновать).
Свѣтъ милъ, да растаться съ нимъ (а смерть постыла, да не отбыть ее).
Вволю наѣшься, а вволю не наживешься.
Смерть беззачурное (окладно̀е) дѣло.
Отъ смерти ни отмолишься, ни открестишься.
Отъ смерти ни крестомъ, ни пестомъ.
Бѣгать смерти — не убѣгать (т. е., не уйти).
Пришла смерть по бабу — не указывай на дѣда!
Какъ ни тяни, а чужаго вѣку не заѣшь.
Сколько ни тяни, а быть, что надорваться.
Верти, не верти — а надо умерти (Воронеж.).
Придетъ пора — турнетъ курносая со двора.
Отъ смерти не откупишься (окупа не дашь).
Грунью (рысью) отъ смерти не уйдешь.
Отъ смерти и подъ камнемъ не укроешься.
И то будетъ, что и насъ не будетъ.
Много людей на свѣтѣ, а было еще больше, да перемерли.
Всѣмъ тамъ быть: кому раньше, кому позже.

По дважды не умираютъ, а однова́ не миновать.

Бойся, не бойся, а гробъ теши! Домъ строй, а домовину ладь!

Избу крой, пѣсни пой, а шесть досокъ паси!

Житейское (мірское) твори, а къ смерти гребись!

Тяни, гужи порви, павъ, да умри!

Одинъ разъ мать родила, одинъ разъ и умирать.

По многу живутъ, а все умираютъ.

Царь и народъ — все въ землю пойдетъ.

У смерти на глазахъ всѣ равны. Смерть всѣхъ поровняетъ.

Смерть голову откуситъ — всѣхъ поровняетъ.

И пономарь и владыка въ землѣ равны.

Знать будемъ мы и на томъ свѣтѣ на баръ служить: они будутъ въ котлѣ кипѣть, а мы дрова подкладывать.

Смерть дорогу сыщетъ. Смерть причину найдетъ.

Какъ жилъ, такъ и умеръ. Каково поживется, таково и отрыгнется.

Жилъ собакой, околѣлъ псомъ. Собакѣ — собачья и смерть.

Жилъ — не сосѣдъ; померъ — не крестьянинъ (не покойникъ).

Живется — поется; умирается — дрягается.

Ногой дрягаетъ — деньги отказываетъ.

Сегодня вѣнчался, а завтра скончался.

Гдѣ вѣнчаютъ, тутъ и погребаютъ (или: отпѣваютъ).

Былъ (жилъ) — полковникъ; померъ — покойникъ.

Нынѣ полковникъ, завтра покойникъ.

Хорошъ былъ человѣкъ, да послѣ смерти часу не жилъ.

Жилъ, нѐ жилъ, а умеръ — покойникъ.

Жилъ-былъ пожилъ, да и ножки съежилъ.

Никто не увидитъ, какъ душа выйдетъ.

Мертвый у воротъ не сто́итъ, а свое возметъ (отъ платы за головщины, за кости—вира; нынѣ: мертвое тѣло).

Гдѣ ни стать, ни сѣсть. Деревянный тулупъ. Вотчина въ косую сажень. Подъ дерновое одѣяльцо. Домокъ въ шесть досокъ. Въ холодокъ, въ темный уголокъ. Подъ заступъ, подъ лопатку.

Въ могилкѣ, что въ перинкѣ: не просторно, да улежно.

Отмежуемъ землю тебѣ лопатой (о недостаткѣ пашни).

Ложись, скажемъ отцу-матери, что по здорову похоронили.

Всякому мертвецу земля — гробъ.

Смерть о саванѣ не тужитъ. Смерти саваномъ не ублажишь.

Несутъ гостя до погоста. Хозяинъ новой землячочки.

Утѣшь батьку (попа), помри. Отъ попа не уйдешь: похоронитъ.

Думай о смерти, а гробъ всякому готовъ.

Дома нѣтъ, а домовище (гробъ) будетъ.

И бездомникъ не безъ домовища.

Живой безъ сапогъ обойдется, а мертвый безъ гроба не обойдется.

Живи, поколѣ Господь грѣхамъ терпитъ. Поколѣ Господь съ рукъ своихъ не сдалъ.

Не бойся смертей, бойся чертей!

Не столько смертей, сколько скорбей.

Вѣку мало, да горя много. Вѣкъ коротокъ, да погудка долга.

И не долго на свѣтѣ побыть, да не дадутъ и вѣку изжить.

Плохо живется, а живетъ и того плоше.

Не житье, а каторга. Житье — вставши, да за вытье.

Море житейское подводныхъ каменьевъ преисполнено.

Времена переходчивы, а злыдни общіе.

Охай, не охай, а вези до упаду (т. е., до смерти)!

Охъ, да охъ, поколѣ терпитъ Богъ.

Тяни лямку, пока не выкопаютъ ямку!

Мудрена ты на вольномъ свѣту, а какъ-то умирать станешь.

Какъ жилъ на свѣтѣ — видѣли; какъ помирать станешь — увидимъ.

Не даетъ Богъ ни смерти, ни живота. Ни живота, ни смерти.

Ни жить, ни умереть не даютъ. Ни протянуться, ни душй испустить.

На небо не вскочешь, и въ землю не закопаешься.

И радъ бы смерти, да гдѣ ее взять?

Жизнь жизни рознь. Житье на житье не приходится.

Эта жизнь хуже смерти. Эта жизнь и смерти не стóитъ.

День ото дня живи, а отъ часу не легче.

Живемъ не на радость, а пришибить некому.

Живется, что въ убродъ бредется (убродъ — рыхлый снѣгъ).

Поколь нога ногу минуетъ — ладно.

Тихо не лихо: бреди нога по̀ ногу!

Говори: ладно, бѣги да падай; гдѣ убьешься, похоронимъ.

Отдо̀хнешь, когда издо̀хнешь. Помрешь, такъ отдохнешь.

Поживешь на вѣку, достанется и хохряку (загорбку).

Плакаться станешь, Богъ больше жить заставитъ.

Бога прогнѣвишь, и смерти не дастъ.

Лучше смерть, нежели золъ животъ.

Чѣмъ жить, да вѣкъ плакать, лучше спѣть, да умереть. Чѣмъ съ плачемъ жить, такъ съ пѣснями умереть.

И на погостѣ бываютъ гости. Эти гости ночуютъ (покойники).

Не море топитъ, лужа. Переплылъ море, да въ лужѣ утонулъ.

Отъ всего вылечишься, кромѣ смерти.

Отъ смерти нѣтъ зелья. Нѣтъ ли, баушка, отмогильнаго зелья?

Мертвой-живой воды испить, да живучимъ корешкомъ закусить.

На тотъ свѣтъ отовсюду одна дорога.

Легче всѣхъ нечаянная смерть. Нежданая смерть — находка.

Смерть безъ покаянія — собачья смерть.

Дай Богъ умереть, да дай Богъ покаяться!

Избави Богъ отъ наглой смерти!

Пора костямъ на мѣсто (на покой). Свое взяли, пожили.

Умираетъ не старый, а поспѣлый. Не годы мрутъ, люди.

По безлюдью смерть не ходитъ.

Знаетъ Богъ, кого на племя пустить.

У стараго до смерти душа не вынута, а у молодаго не запечатана.

Не молодостью живемъ, не старостью умираемъ.

Только бы помолодѣть, а тамъ, пожалуй, хоть и умереть.

Времени (молодости прошлаго) не воротишь.

Пожитое, что пролитое — не воротишь.

Не льсти въ болѣсти; больше сляжешь, все скажешь.

Одна смерть правдива (не разбираетъ богатаго).

Смерть всѣхъ сравняетъ. На всѣхъ одна смерть.

Родился малъ, выросъ пьянъ, померъ старъ—и свѣту не видалъ.

Только во снѣ сдалося, будто на свѣтѣ жилося.

Онъ уже подъ святыми лежитъ. И крестъ въ рукахъ.

Свѣтъ изъ очей выкатился. Ясны очи закатились. Померкъ свѣтъ въ очахъ. Глаза̀ посоловѣли.

Жилъ долго, а умеръ скоро. Жилъ помаленьку, а померъ вдругъ.

Господь вѣку не далъ. Не ссудилъ Господь житья (вѣку).

Срядился, да и умеръ. Собрался жить, взялъ да и померъ.

Ни думалъ, ни гадалъ, а померъ. Жилъ, жилъ, да сразу и померъ.

Взялъ, да и померъ. Легъ, зѣвнулъ (вздохнулъ), да и ножки протянулъ.

День нашъ—вѣкъ нашъ, а недѣля—и весь животъ (и всѣ животы).

Собираемся жить съ локоть, а живемъ съ ноготь.

И не много жить, да не дожить.

Нынѣ на ногахъ, завтра въ могилѣ.

Седни живъ, а завтра—жилъ.

Поколѣ живешь, все живъ; а какъ померъ, такъ и не стало.

Жизнь пережить, не поле перейти.

Жизнь прожить, что море переплыть.

Жизнь изжить—и другихъ бить, и биту быть.

Смерть не все возметъ, только свое возметъ (т. е., плоть).

Смерть животы кажетъ (и какъ жить покажетъ).

Животъ животы даетъ, а смерть все отберетъ.

Дѣдушка умретъ—ничего съ собою не возметъ.

Умремъ, ничего съ собою не возмемъ.

Что копили, того не заберемъ, а о чемъ не пеклись, то съ собой понесемъ.

Хочешь жить, такъ потягивайся: а станешь умирать, такъ сказывайся!

Промежъ жизни и смерти и блошка не проскочетъ.

Отъ жизни до смерти — шато̀къ.

Отъ бани до маза̀рокъ (могилокъ) недалече.

Умрется — все минется. Помремъ — все хорошо будетъ.

День дологъ, а вѣкъ коротокъ. Смерть досуговъ не разбираетъ.

Живучи — до всего доживешь. Живи — и не то еще увидишь.

Поживи подольше, такъ увидишь побольше!

Поживи съ наше — увидишь еще краше.

Поживешь — и Кузьму отцомъ назовешь.

Поживи на свѣтѣ, погляди чудесъ!

Вѣкъ живи, вѣкъ учись (а умри дуракомъ).

На долгомъ вѣку накланяешься и падогу (посоху).

Поживешь на вѣку — поклонишься и быку (и Кореляку).

Вѣкъ протянется, на всякаго (всякому) достанется.

Вѣкъ долгъ — всѣмъ полонъ. Жить вѣкъ — и такъ и э'къ.

И наплачешься, и напляшешься, накашляешься и начихаешься.

Въ водѣ черти, въ землѣ черви, въ Крыму Татары, въ Москвѣ бояре, въ лѣсу сучки, въ городѣ крючки: лѣзть къ мужику (къ мерину) въ пузо: тамъ оконце вставишь, да и зимовать себѣ станешь.

Жизнь изжить — не лапоть сплесть. Вѣкъ изжить — не мѣхъ сшить.

Вѣкъ изжить — не рукой махнуть (не рукавицей тряхнуть).

Жить — не сѣно трясти, а надо домокъ свести.

Поѣзжай, хоть куда: вездѣ доля худа (одна).

Надобно жить, какъ набѣжитъ (т. е., довольствововаться, изворачиваться).

Не надобно жить, какъ набѣжитъ (т. е., стараться, искать лучшаго).

Вѣкъ — долга недѣля. На вѣку — что на долгомъ волоку.

Однимъ во̀локомъ (разомъ, пріемомъ) вѣка не проживешь.

Въ однупрядь (отъ прясть) вѣку не переживешь. Въ однупряжку (отъ упряжка) вѣку не проживешь.

Пришло чернецу къ одному концу.

Па̀хнуть ладаномъ; дышать на ладанъ.

Въ немъ смерть уже гнѣздо свила.

Только за саваномъ не умираетъ.

Сложить голову, — головушку, — буйну головушку.

Нитъ жизни. Отрѣзать, отсѣчь нить жизни (книжн.).

Порѣшили (уходили, укачали) бурку крутыя горки.

Онъ исподъ святыхъ всталъ (т. е., ожилъ отъ тяжкой болѣзни).

И изъ навей встають. Помиралъ, да не померъ—живъ.
Горькія похороны, когда жена мужа хоронитъ.
На кого ты насъ покидаешь, кому насъ поручаешь (плачъ)?
Плачу, плачу, а въ землю прячу.
Умеръ да лежитъ, а некому потужить.
Умирать—не лапти ковырять (т. е., не мудрено): легъ подъ образа, да выпучилъ глаза, и дѣло съ концомъ.
Воры не бывали, а батюшку украли.
На томъ свѣтѣ,—въ лазаретѣ (Кадетск.).
Приказалъ (кланяться и) долго жить. Поминай, какъ звали!
Курносая со двора потурила. Турнула курноска со двора.
Ушелъ въ Ершову слободу (утонулъ).
Припиши его въ поминальную книжку (т. е., онъ скончался)!
Подняла хвостъ, да пошла на погостъ.
Плетью (розгой) въ могилу не вгонишь, а калачемъ не выгонишь (не выманишь).
Мертвые съ погоста не ходятъ.
Мертвымъ (мерзлымъ) тѣломъ хоть заборъ подпирай!
Мертвыхъ на погостъ, хоть и въ великій постъ.
Въ мертвой животинѣ яду нѣтъ (т. е., ѣсть можно).
Изъ за гроба нѣтъ голоса (нѣтъ вѣсти).
Мертвому тимпанъ не погудка.
Лѣниваго дошлешься, сонливаго добудишься, а мертваго не докличешься.
Померъ, такъ погнилъ. Умеръ—не грызетъ.
Усопшему миръ, а лекарю пиръ.
Земной бытъ—не всему конецъ. Смерть—душѣ просторъ.
Тебѣ, тѣлу, во землѣ лежать, а мнѣ, душѣ, на отвѣтъ итти.
Что припасла душа, то и на тотъ свѣтъ понесла.
Грѣхъ—не смѣхъ, когда придетъ смерть.
Смерть злымъ, а добрымъ вѣчная память.
Злому—смерть, а доброму—воскресеніе.
Каково житье, таково и на томъ свѣтѣ вытье.

Каково житье, такова и смерть.

О шую да о десную не по чинамъ пойдутъ.

Комуждо по заслугамъ его воздастся.

Проси Творца, чтобъ не лишилъ добраго конца!

Мѵромъ покрытъ (т. е., помазанъ), съ миромъ заспитъ.

Пропѣли: «Со святыми упокой»! такъ всему конецъ.

Царство небесное, вѣчный покой; вѣчная память!

Дай Богъ, чтобъ земля на немъ легкимъ пухомъ лежала!

Упокой, Господи, душеньку, прими земля косточки!

Дай Богъ легко въ землѣ лежать, въ очи Христа видать (на поминкахъ)!

Какъ живемъ, такъ и умираемъ. Кто какъ живетъ, такъ и умираетъ.

Послѣдніе будутъ первыми.

Не ной его косточка во сырой землѣ!

Покойника не поминай лихомъ! Не тѣмъ будь помянутъ покойникъ!

Костями не шевели! Миръ праху, костямъ упокой!

Дадимъ мертвымъ покой! О покойникѣ худа не молви!

Мертвымъ покой, а живымъ живое (а живому забота).

Насилу Неннлу свалили въ могилу.

Онъ чужой вѣкъ живетъ (доживаетъ). Онъ чужой вѣкъ заѣдаетъ.

За него ужъ на томъ свѣтѣ провіантъ получаютъ (солдатск.)

Не отъ зелья умираютъ, отъ смерти.

Приживчивое дерево изъ тычка растетъ.

Живучъ какъ кошка. Живучій сразу не умираетъ.

Его ни что не беретъ (и пуля не беретъ).

Не беретъ его ни отваръ, ни присыпка.

Его съ разу не похоронишь.

Онъ какъ застрахованный. Ровно двухжильный.

Жизнь — сказка, смерть — развязка, гробъ — коляска, покойна не тряска, садись да катись (книжн.)!

Обмывать мертваго грѣшно: нечистый на тотъ свѣтъ уйдетъ (Ворон.).

Напередъ покойника въ могилу бросаютъ грошъ, для выкупа мѣста на томъ свѣтѣ (Воронежск.).

Кто печетъ блины на поминки, печется о насыщенiи души покойника.

Молодость молодостью и провожай!

Если умретъ дѣвица, на похоронахъ раздаютъ дары (т. е., какъ на сватьбѣ. Тверск.).

За кѣмъ долгiй конецъ, тому долго и жить (когда ломаютъ вдвоемъ косточку, или пирогъ).

Сколько разъ чихнешь въ именины свои, столько лѣтъ проживешь.

Сколько разъ кукушка на тощакъ кого окукуетъ, столько лѣтъ жить.

У кого крошки изо рта валятся, тотъ скоро умретъ.

Коли ноги теплы у покойника, то зоветъ за собою.

Переносье свербитъ — къ смерти родни.

Дятелъ избу долбитъ — къ смерти семейнаго.

Шелкова трава заплетаетъ слѣдъ, — знать моего милаго въ живыхъ нѣтъ.

Три свѣчи на столѣ — къ покойнику.

Кто скоро засыпаетъ, не долго проживетъ.

Покуда покойникъ въ домѣ, ставить чашечку водицы на переднее окно, на обмывку души.

За упокойной трапезой ничего хмельнаго не подаютъ (?).

Въ сороковины покойникъ обѣдаетъ въ послѣднiй разъ за хозяйскимъ столомъ (для чего и ставятъ ему приборъ, кладутъ ложку. Яросл.).

Знать онъ покойника перешелъ (т. е., путь его, передъ гробомъ; отъ этого болѣзнь его входитъ въ того человѣка).

Душа умершаго шесть недѣль на землѣ живетъ (почему, по истеченiи этого времени, пекутъ лѣсенки, чтобы душѣ лѣзть на небо).

Сорокъ недѣль въ тюрмѣ сидѣлъ, да годъ со днемъ на висѣлицѣ висѣлъ (человѣкъ, родясь).

Сидитъ утка на плоту, хвалится Казаку: никто меня не пройдетъ, ни царь, ни царица, ни красна дѣвица (смерть).

Несутъ корыто, другимъ покрыто (гробъ).

Женихъ отъ рубля (гробъ, по цѣнѣ гроба у крестьянъ).

Тяпъ-тяпкомъ, подъ бѣлымъ платкомъ (смерть).

Вселенная — тлѣнъ — суета.

Мудрено сотворено. Премудры дѣла Твои, Господи.

На семи поясахъ Богъ поставилъ звѣздное теченіе.

Надъ семью поясами небесными самъ Богъ, превыше Его Покровъ.

На первомъ поясѣ небесные ангелы, на второмъ архангелы, на 3-мъ начала, на 4-мъ власти, на 5-мъ силы, на 6-мъ господства, на 7-мъ херувимы, серафимы и многочестія.

Міръ — нетлѣнная риза. Небо — нетлѣнная риза Господня.

Небо — престолъ Бога, земля — подножіе.

Небо — теремъ Божій; звѣзды — окна, откуда ангелы смотрятъ.

Земля на трехъ китахъ (рыбахъ) стоитъ.

Китъ-рыба подъ землей дрожитъ (или: на другой бокъ переваливается; о землетрясеніи).

Солнце — князь земли, луна — княжна.

Мѣсяцъ — Казачье солнышко.

Хорошо солнышко: лѣтомъ печетъ, а зимой не грѣетъ.

Старый мѣсяцъ Богъ на звѣзды крошитъ.

Что это за мѣсяцъ? Когда свѣтитъ, а когда нѣтъ.

Свѣтитъ, да не грѣетъ; только напрасно у Бога хлѣбъ ѣстъ.

По звѣздамъ карабли ходятъ.

Мѣтлы (кометы) небо подметаютъ передъ Божьими стопами.

Земля мать — подаетъ кладъ.

Міръ, что огородъ: въ немъ все растетъ.

Земля, вода — останутся, а насъ не будетъ.

Іерусалимъ есть пупъ земли.

Всѣмъ рѣкамъ рѣка Ератъ (Ефратъ). Всѣмъ горамъ гора Аворъ (Ѳаворъ). Всѣмъ древамъ древо кипарисъ. Левъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ царь. Всѣмъ птицамъ птица орелъ.

Изъ свѣтлаго рая, да на трудную землю.
Этотъ свѣтъ, что маковъ цвѣтъ: днемъ цвѣтетъ, а ночью опадаетъ.
Всякая слава человѣческая яко цвѣтъ цвѣтетъ.
Суета суетъ и всяческая суета. На суету и смерти нѣтъ.
И сей день не безъ завтрашняго.
Это все травой поросло (поростетъ).
Міръ — волна. Мірская волна — морская волна.
Въ міру, что въ пиру: всего много (т. е., и добра и худа).
Вольный свѣтъ на волю данъ. Въ мірѣ, что въ морѣ.
Въ міру, что на юру (на тору).
Все на свѣтѣ творится благостію Божіею, да глупостію человѣческою.
На человѣческую дурость есть Божья премудрость.
Міряне — родомъ дворяне: на шеѣ креста нѣтъ, а табакерка серебряная.
Свѣтъ великъ, а дѣться некуда. Великъ свѣтъ, а тѣсенъ.
Не милъ бѣлый свѣтъ — бѣги въ темный лѣсъ!
Въ мірѣ жить — мірское (рядовое) и творить.
Боже мой, Боже, всякій день тоже: солнце встанетъ — хочется ѣсть.
Боже мой, Боже, всякій день тоже: полдень приходитъ, обѣдать пора.
Боже мой, Боже, поѣдимъ, поспимъ, да опять за тоже.
Одно нынче лучше двухъ завтра.
Брюхо злодѣй: стараго добра не помнитъ.
Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше.
Недосуги замяли — ничего не видали; а будетъ досугъ, когда вонъ понесутъ.
Досугъ будетъ, когда насъ не будетъ.
Полно спать: пора на тотъ свѣтъ запасать.
За недосугомъ, когда ни-будь безъ покаянія умрешь.
Многая лѣта, а многихъ ужъ и нѣту.
Проживемъ на свѣтѣ — не долги наши вѣки.
На семъ свѣтѣ мы въ гостяхъ гостимъ.
Здѣшній цвѣтъ линущій. Подъ нами тлею (тлѣномъ) пахнетъ.
Земля еси и въ землю отыдеши.

Червь капусту съѣдаетъ, а самъ прежде пропадаетъ.

Въ одномъ перьѣ вѣку не изживешь. И гусь (и лошадь) линяетъ.

Въ одной шерсти и собака не проживетъ. Въ одной шерсти не пробыть.

Въ одной шкурѣ выходишь, въ одной шерсти не выживешь.

Все минется, одна правда останется.

Это вешній ледъ (т. е., не надежно). Все вдругъ пропало, какъ вешній ледъ (какъ вѣкъ не бывало).

Нынѣ корова, а завтра стерва. Нынѣ конь конемъ, а завтра — колъ коломъ.

Изъ большихъ хоромъ — не знаемъ, куда попадемъ.

Изъ палатъ въ землянку, а душеньку въ лямку.

Была хорошая, да по буднямъ изношена (заношена).

Снова сарафанъ на колочкѣ, а обносится — въ комочкѣ.

Нашъ народъ по буднямъ затасканъ.

Какъ ни было (или: болѣло), да умерло.

Всякая могила травой зарастаетъ.

По вечеру пороша выпадала; ко бѣлу свѣту и порошица пропала.

И быстрой (и большой) рѣкѣ слава дò моря.

Годъ нà годъ не работникъ (не порука).

Который день прошелъ, тотъ до насъ дошелъ.

Не нажить тѣхъ дней, кои прошли. Пролетѣла пуля — не вернется.

За ночью, что зà годомъ. За годомъ, что зà вѣкомъ

Къ веснѣ — куда хлеснетъ (т. е., будущее неизвѣстно).

Все на свѣтѣ крыто корытомъ (или: корытомъ покрыто).

Сколько клѣтокъ поставилъ, знаю; а сколько куницъ поймаю, не знаю.

Когда занялъ — знаю, когда отдамъ — не знаю.

Почемъ знать, чего не знаешь.

Старуха на двое сказала. Всякая вещь о двухъ концахъ.

Баба ворожила, да на двое положила. Тетка Арина на двое говорила.

Либо дождь, либо снѣгъ, либо будетъ, либо нѣтъ.

Это вилами писано (нà двое), да еще и на водѣ.

Палка о двухъ концахъ: либо ты меня, либо я тебя.

Кинь бобами, будетъ ли за нами? Чѣмъ то Богъ порадуетъ?

Знать бы знать — не ходить бы въ рать (не ложиться бъ спать).

Знать бы, гдѣ пасть, такъ бы соломки подостлать.

Не угадаешь, гдѣ упадешь, гдѣ встанешь.

Ни отъ сумы, ни отъ тюрмы не отрекайся!

Съ сумой да съ тюрмой никогда не бранясь (самъ попадешь)!

Съ сумой да съ тюрмой не напрощаешься.

Годъ — житейскій, день — въ святцахъ, а мѣсяцъ на небѣ (т. е., неизвѣстно когда, о будущемъ).

Еще до той поры много воды утечетъ.

Жениться — не чихнуть: можно напередъ сказать.

Пока травка подростетъ, воды много утечетъ.

Поколѣ солнышко взойдетъ, роса выѣстъ глаза.

Пока жирный исхудаетъ, изъ худаго духъ вонъ (худаго чортъ возметъ).

Тогда плясать придется, когда ужъ ногъ не станетъ.

Дуга моя въ лѣсу растетъ, вожжи на лутошкѣ.

Дней много, а все впереди. Дни впереди, да защипаны пироги.

Чѣмъ чортъ не шутитъ. Нѐкошный пошутитъ — чего не нашутитъ.

Послѣ дождика въ четвергъ.

На то лѣто, не на это, а на третій годъ, когда чортъ умретъ.

Въ Вознесенье, когда будетъ оно въ воскресенье (т. е., никогда).

Дожидайся Юрьева дня, когда ракъ свиснетъ.

Когда волкъ будетъ овцой, медвѣдь стадоводникомъ, свинья огородникомъ.

Когда на морѣ камень всплыветъ, да камень травой поростетъ, а на травѣ цвѣты расцвѣтутъ.

Когда песокъ на камнѣ взойдетъ.

Когда чортъ помретъ; а онъ еще и не хворалъ.

Тогда иму̀ жениться, когда быки имутъ телиться.

Спаленое (пожарище) долго пахнетъ. Нѣтъ огня, да огнище знать.

Ни огня безъ дыму, ни дыму безъ огня. Полымя не безъ дыму.

Отъ этого гусара долго чихаться будетъ (гусаръ — былинка въ носъ).

Гдѣ деготь побываетъ — не скоро духъ выведешь.

Тридцать лѣтъ, какъ видѣлъ коровій слѣдъ, а все молокомъ отрыгается.

Что-то рыгается, вспоминается — знать коровъ доить пора.

Схватилась мачиха о пасынкѣ, когда ледъ прошелъ.

Старая любовь долго помнится.

Ѣшь конь сѣно, поминай красное лѣто!

По старой памяти, какъ по грамотѣ.

Много помнится, да не воротится.

Попомни, поповна, какъ по пожнѣ шла (чистоговорка).

Про волка рѣчь, а онъ навстрѣчь. Сѣраго помянули, а сѣрый здѣсь.

На поминѣ легокъ. Въ руку сонъ.

Пѣтухи запѣли: жениться пора!

Отъ слова не сбудется, а по слову сбывается.

Гулять пойдешь, проста домой не придешь (ворожба Цыганки).

Что ни будь да будетъ (да выйдетъ).

Такъ не будетъ, а ужъ какъ ни будь да будетъ.

Шипитъ да дуетъ, что-то будетъ. Мужъ куетъ, жена дуетъ, что-то будетъ.

Что безъ насъ было — слышали, что при насъ будетъ — увидимъ.

Далекая пора, старина. Мохомъ поросло, не видать.

Видѣли друга, увидимъ и недруга.

Что было, то видѣли; что будетъ, увидимъ.

Увидимъ, сказалъ слѣпой; услышимъ, поправилъ глухой (а покойникъ, на столѣ лежа, прибавилъ: до всего доживемъ).

Жили люди до насъ, будутъ жить и послѣ насъ.

Что было, то видѣли; что будетъ — увидимъ; а еще и то будетъ, что и насъ не будетъ (что ничего не будетъ).

Что было, то прошло; что будетъ, придетъ.

Что было, видѣли дѣды; что будетъ, увидятъ внуки.

Посмотримъ, а впредь загадывать нечего. Напередъ не загадывай!

Дастъ Богъ доживемъ, такъ увидимъ.

Это были одни цвѣтики, теперь пойдутъ ягодки.

Не то мудрено, что переговорено, а то, что не договорено.

Не угадаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.

Напередъ не угадаешь, кому по комъ плакать.

Предки у Бога въ рукахъ (т. е., будущее).

Спущенъ корабль на̀ воду, сданъ (отданъ) Богу на̀ руки.

На чану (на суслѣ) пива не угадаешь.

Теперь такъ, да послѣ то какъ?

Такъ-то такъ, да вонъ-то какъ (мужикъ борону изладилъ въ избѣ, а она въ дверь не идетъ).

Обойдется, оботрется — все по старому пойдетъ.

Перемелется, — все мука̀ будетъ. Перекуется — сварится.

Еще какъ-то перемелется, и какова-то мука̀ будетъ.

Не то смелется, не то скрупится. Не то скипится, не то разсыплется.

Что ни день, то новость (то радость).

И знать по цвѣту̀ (хлѣбъ), что идетъ къ мату̀.

Завтрешнему дню не вѣрь! Завтрему не вовсе вѣрь!

Завтра — воръ авоська, обманетъ, въ лѣсъ уйдетъ.

Кой день пришелъ, тотъ до насъ дошелъ, а кой впереди, тотъ и береги (того и берегись)!

Не много денъ до полденъ. Пождемъ до вечера, поѣдимъ печива.

Долго ль до вечера, кричала квакушка? Долго ль до зо̀реньки тосковалъ соловушекъ.

И масляна не на̀ вѣкъ достается. Не на вѣкъ и Святая недѣля.

Какъ ни ликовать, а бѣды (а смерти) не миновать.

Сей день не безъ завтра. Седни (сегодня) не безъ заутрія.

У завтра нѣтъ конца. Завтраками свѣтъ стоитъ.

Завтраками не кормятъ. Завтраками сытъ не будешь.

И новая пѣсня старѣется. Одно золото не старѣется.

Старое старѣется, а молодое растетъ.

Какова ни будь красна дѣвка, а придетъ пора — выцвѣтетъ.

Ощипалъ было голубка, да опять летки подросли.

Весна все покажетъ. Весна да лѣто, пройдетъ и не это.

Чрево (утроба) всѣ грѣхи скажетъ (т. е., беременность).

Не отвалится (не отсохни) голова, выростетъ и борода.

Была бы голова, будетъ и борода (и булава).

Дѣло-то забывчиво, а тѣло-то заплывчиво.

Была шуба — въ шубѣ хаживали; нѣтъ шубы — шубу нашивали.

Былъ бы быкъ, а мясо будетъ. Былъ бы лѣсъ, а топоръ сыщемъ.

Были бы хоромцы, будутъ и знакомцы (и питомцы).

Было бы болото, а черти будутъ. Былъ бы лѣсъ, будетъ и лѣшій.

Была бы изба, будутъ и тараканы. Была бы шуба, а вши будутъ.

Было бы толоконце, а толоконнички будутъ.

Были бы пирожки, будутъ и дружки. Были бы бобры, а ловцы будутъ.

Была бы невѣста, а сваха будетъ (и на оборотъ).

Было бы сѣмячко, будетъ и пѣночка.

Была бы собака, а палку найдемъ (и на оборотъ).

Была бы голова, а шолуди будутъ (а петля будетъ).

Была бы голова, а хвостъ будетъ. Была бы голова, доищемся и хвоста.

Была бы нитка, дойдемъ и до клубка.

Было бы кому врать (была бы охота врать), а слушать станутъ (и на оборотъ).

Были бы врали, а что врать, сыщутъ.

Были бы игрушки (побрякушки), будутъ и прислужки.

Былъ бы мѣшокъ, а деньги будутъ (и на обор.).

Была бы охота — найдемъ и доброхота.

Былъ бы крюкъ, а веревку найдемъ (чтобъ удавиться).

Была бы шея, а веревку сыщемъ.

Были бъ пѣсни, будутъ и пляски. Кто плясать охочъ, погудку сыщетъ.

Было бы суслице, доживемъ и до бражки.

Было бы вино, а пьяны будемъ.

Была бы брага, а во что слить найдемъ.

Была бы свинка, будутъ и поросятки (будетъ и щетинка).

Было бы начало, будетъ и конецъ.

Встарь люди были умнѣе, а нынѣ стали веселѣе.

Жили старые дураки — поживутъ и молодые.

Хоть по старому, хоть по новому, а безъ хлѣба не прожить.

Новыхъ друзей наживай, а старыхъ не теряй!

Своихъ друзей наживай, а отцовскихъ не утрачивай!

Новаго счастья ищи, а стараго не теряй!

Новаго друга желай, а стараго (счастья) не избывай!

Добро помни, а зло забывай! Старое добро и во снѣ хорошо.

Кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ.

Кто старое (т. е., зло) вспомянетъ, того чортъ на расправу потянетъ.

Что прошло—поминать на что?

Поминать старое — шевелить костьми.

Бывали были: и бояре волкомъ выли.

Встарь бывало, собака съ волкомъ живала.

Приходящее сегодня, сего дня и да отыдетъ!

Не поминай лихомъ! Не безчести поминомъ!

Лучше насъ найдешь — насъ забудешь; а хуже насъ найдешь — насъ вспомянешь.

Предать волѣ Божьей (т. е., забыть, оставить безъ послѣдствій).

Грѣхъ въ орѣхъ, а ядро — въ ротъ.

Грѣхъ въ мѣхъ, да въ мѣшокъ, да въ лубокъ, да подъ лавку.

Куда ночь, туда и день. Пора — проточная вода.

Быль молодцу не безчестье (не укора). Была вина, да прощена.

Была подъ вѣнцомъ — и дѣло съ концомъ.

До свадьбы заживетъ. Засохнетъ, какъ на собакѣ.

Сколько лѣтъ, сколько зимъ прошло! Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались.

Давно ль не видались? Да какъ расталось.

Загнуть палецъ; завязать узелокъ; нарубить себѣ на носъ; положить бумажку въ табакерку (не забыть, припомнить).

Быть тебѣ (ему) семь вѣковъ на людскихъ памятяхъ.

Которая корова пала, та по два удоя давала (т. е., ее долго поминаютъ).

Что ни лучшая корова — ту и волкъ зарѣзалъ (медвѣдь задралъ).

Ждемъ, пождемъ, авось и мы свое найдемъ.

Въ кои вѣки разъ, да и то не про насъ.

Хоть рѣдко, да мѣтко. Хоть жду, да дождусь.

Сплошь да рядомъ; разъ въ разъ.

Все до поры до времени. До поры — у норы, а въ пору — въ нору.

Старое по старому, а вновь ничего.

Гдѣ былъ, тамъ нѣтъ, а гдѣ шелъ, тутъ слѣдъ.

Былъ — не былъ, жилъ — не жилъ, знать, что пропалъ.

Блины пекла, да со двора стекла.

Была и капуста, а стало пусто. Было густо, стало пусто.

Былъ снопъ казистъ, да вымолоченъ, кажись.

Была липка, стала лутошка.

Лихо полегло, добро не приспѣло.

Красно̀, да полиняло; умно, да поветшало.

Еще мѣсто тепло. Еще и мѣсто не простыло. Только слѣдъ простылъ.

А гдѣ наши саночки? Либо пропали, либо ихъ не бывало.

Гнѣздо цѣло, а птицы улетѣли.

Пѣвали и мы эту пѣсню, да устали.

Экъ куда хватилъ! Семибоярщину припомнилъ (на Москвѣ).

Этотъ сарафанъ давно по ниткамъ разобранъ.

Эта дыра при старомъ воеводѣ была.

Дошли до глухаго вѣсти (что украли пѣтуха съ насѣсти).

А что мнѣ (а что кому забота) до ланскаго снѣга?

Не страшны злыдни за горами (прошлое).

Не страшны злыдни въ три дни, страшны въ три года (впереди).

Что на людяхъ живетъ, то и насъ не минетъ.

И крута гора, да забывчива, и лиха бѣда, да сбывчива,

Всякому свой вѣкъ правенъ (или: не правенъ, т. е., прежде лучше было).

Живи по старому, а говори по новому!

Живи по старому, проживешь дольше; мели по новому, намелешь больше (объ улучшеніяхъ въ хозяйствѣ).

Стараго дурака не перемолаживать стать.

Стараго не молодить, а лобанить.

Старо — упрямо, несдружливо; молодо — гулливо, незаботливо.

Старый гудочникъ на старый ладъ.

Ходитъ по старинѣ, а парикъ на сторонѣ.

Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро.

Что старѣе, то глупѣе (то хуже). Старые дураки глупѣе молодыхъ.

Старь у старухи осталась, да съ нею и умреть.

Отъ старыхъ дураковъ и молодымъ житья нѣтъ.

Старые дураки молодыхъ со свѣту сживаютъ,

Отъ ветоши молодой травѣ ходу нѣтъ. Ветошь глушитъ.

Добра была голова, да слава Богу, что земля прибрала!

На нови хлѣбъ сѣютъ, на старь навозъ возятъ.

Снова и ложка красна, а охлебается, подъ лавкой (подъ горой) наваляется.

Новая ложка — съ полочки на полочку, а состарѣется — по полавочью наваляется.

Снова сарафанъ на все пригожается, а обносится — по подлавочью наваляется.

Снова ситецъ на колочкѣ нависится, состарѣется — подъ лавкой наваляется.

Старая плетка подъ лавкой лежитъ, а новая на стѣнкѣ виситъ.

Чѣмъ старый серпъ зубрить, не лучше ли новый купить?

Лапоть на ногахъ, ошметокъ на задахъ.

Времена и лѣта нынѣшняго свѣта.

Много новаго, да мало хорошаго. Что новизна, то и кривизна.

Всегда новизна, да рѣдко правизна. Много новизны, да мало прямизны. Все по новому — а когда жъ по правому?

Первыхъ щенятъ за тынъ бросаютъ. Первую пѣсенку зардѣвшись спѣть.

Даромъ что сегодній (сегодпишній), а никуда не годный.

Нынѣ хлѣбамъ-то не родъ, а баламъ-то не водъ.

Не мятое тѣло попало въ дѣло. Первинка нѣженкѣ горька.

Пропадай и тотъ, кто это выдумалъ!

Кафтанъ-то новый, да дыры-тѣ стары.

Крой новый кафтанъ, а къ старому примѣряй!

На новоселье всегда живетъ веселье.

Новая новинка, первая первинка (при новинѣ, новомъ хлѣбѣ).

И попъ новину любитъ (ѣздитъ по дворамъ собирать хлѣбъ).

Нову новинку на стару брюшинку.

Съ обновкой поздравляю. Дай Богъ носить, не изнашивать! Здорово носить! Дай Богъ износить, да еще много перекроить!

Конямъ бы не изъѣзживаться, цвѣтну платью не изнашиваться.

Мало ли что бывало, за кѣмъ наше не пропадало?

Молодъ былъ, конемъ слылъ; старъ сталъ, одеръ сталъ.

И отопокъ сапогомъ, и ошметокъ лаптемъ слыли.

Былъ конь, да уѣздился (изъѣздился). Уходили (укачали, умыкали) бурку крутыя горки.

Было, да на низъ сплыло. Было, да сплыло. Что было, то сплыло.

Было, было, да на низъ поворотило.

Гдѣ былъ, теперь нѣтъ; гдѣ шелъ, тамъ слѣдъ; гдѣ былъ, тамъ нѣтъ.

Было, да быльемъ поросло. Мало ли что было, да быльемъ поросло.

Былое (наше былое) быльемъ поросло (поростаетъ).

И могила дерномъ поростаетъ. Всякая могила задернѣетъ.

Было мыло, стало сало. Сало было, стало мыло.

Было стрижено, а теперь брито. Бывало стригали, а нынѣ подбриваютъ.

Много съ тѣхъ поръ воды утекло; много воды утечетъ до того.

Французу давно слѣдъ простылъ (1812 г.)

Чьего поля Французы костьми своими не усѣяли?

Была пора, а теперь время. То было время, а нынѣ пора.

Хороша слобода, да крапивой поросла.

Это было при дѣдушкѣ Мирошкѣ, когда денегъ было трошки (немножко).

Давно, когда царь Горохъ съ грибами воевалъ.

Вспомнила баба свой дѣвичникъ. Давно, когда еще баба дѣвкой была.

Давно, когда еще бабушка внучкой слыла. Когда на бабушкины кстины кашу варили.

Была когда-то баба дѣвкой, да давно.

Бывало и я (говоритъ старушка) косу заплету, межъ ногъ пропущу, да въ зубы возьму.

Этой ягодѣ сорокъ два года. Былъ хлѣбъ, да сталъ засушенкою.

Тотъ же блинъ, да подмазанъ. Тотъ же Савка, на тѣхъ же санкахъ.

Тѣхъ же щей, да пожиже влей!

Старая пѣсня (погудка, дудары) на̀ новый ладъ.

Слышали мы эту пѣсенку. Пѣта бяху (семинарск.)

Говоритъ ба́лы семигодовалы.

Эта пословица послѣ (отъ) Ивана Петровича.

Медвѣдь-то новый, да поводильщикъ-то старый.

Эти козы (рога) были на нашемъ торгу.

Это насиженыя яйца. Про это ужъ и собаки не лаютъ.

Наши отцы и дѣды того не дѣлали, да и намъ не велѣли.

Старики, чай, не меньше нашего знали (отвѣтъ на всякое нововведеніе, вразумленіе).

Какъ жили дѣды да прадѣды, такъ и намъ жить велѣли.

Не сегодншіне, вчерашне, да и не нами сталось.

Не нами уставлено, не нами и переставится.

Жили дѣды такъ, и мы поживемъ. Такъ жили отцы и дѣды наши.

Какъ отцы и дѣды наши, такъ и мы. Отцы и дѣды наши не знали этого, да жили же не хуже нашего.

Спокопъ вѣку, какъ свѣтъ стоитъ, такъ истари повелось.

Пускай будетъ по старому, какъ мать поставила.

Прошлому не кайся: скоро состарѣешься.

Склееная (сколоченая, битая) посуда два вѣка живетъ.

Города̀ чинятъ, не только рубашки.

Царь-Государь и города̀ платитъ (т. е., чинитъ).

Далъ бы Богъ помолодѣть, зналъ бы какъ состарѣться.

Кабы старыхъ (бывалыхъ, т. е., искусившихся) стали рожать, такъ бы и житья не было.

Битаго, пролитаго, да прожитаго не воротишь.

Прожитаго не пережить, а прошедшаго не воротить.

Прошлаго не воротишь (не на коняхъ, не заворотишь).

Вчера не догонишь, а отъ завтра не уйдешь.

Было у бабы съ рубль, да не вдругъ.

Былъ и медъ, да гости выпили.

Была и кошурка, да ушла въ печурку.

Выпили пиво о Маслянѣ, а съ похмелья ломало послѣ Радуницы.

Были веселы, да головушки повѣсили.

Были и кости, да всѣ на погостѣ. Были кости, да легли на погостѣ

Было и масло, да все изгасло.

Былъ и конь по двѣнадцати мордокъ (по преданію, мордка — полуполушка).

А гдѣ тотъ хлѣбъ, что вчера съѣли?

Было варено, было и говорено.

Вчера варена, вчера и выхлебана.

Были хлѣба̀, да полеглѝ (были и скирды, да перетрясли).

Восейка, какъ родился Мосейка.

Была сила, какъ за крюкишемъ носила (т. е., за плечами).

Хороша была покойница. Хороша шла, не поклонилася; грошъ давалъ, не воротилася.

Поминай какъ звали, кого вчера погребали!

Кудри вилѝсь, да долой сваливѝсь. Были кудри, да посѣклись.

Былъ и панъ, да пропалъ. Былъ городъ, осталось городище.

Былъ мужичокъ, да померъ; была и кляча, да изъѣздилась.

Была правда, когда-то, да извелась (излежалась).

Была, сказываютъ, и правда на свѣтѣ, да не за нашу память

Что съ возу упало, то пропало. Юркнуло, такъ потонуло.

То пропало, что въ море упало. То прошло, что въ воду ушло

Былъ со всѣмъ, а сталъ ни съ чѣмъ.

Пало теля, миновалося племя. Хорь воръ, перевелъ кур .

Бывали у воро̀ны большія хоромы, а нынѣ и кола нѣтъ.

Быкъ да козелъ — былъ, да пошелъ.

Хоть и наше бывало, да къ намъ не попало.

Зацѣпилъ — поволокъ, а сорвалось — не годило̀сь.

Зацѣпилъ — потащилъ, а сорвалось — не ко двору пришлось.

Давность — не малый свидѣтель (старый свидѣтель).

Чья воля старѣе, та и правѣе (т. е., право владѣнія).

Прадѣды ѣли просто, да жили лѣтъ по сту.

Дѣды наши жили просто, да лѣтъ со сто, а мы пятьдесятъ, да и то на собачью стать.

Наши прадѣды живали—медъ пиво пивали, а какъ бражки жбанъ—старичокъ нашъ панъ.

Дѣды наши живали—медъ пиво пивали, а внуки живутъ—и хлѣба не жуютъ.

Наши дѣды живали, да медъ пивали, а мы живемъ—ни ѣдимъ, ни пьемъ.

Было житье, ѣда да питье; нынѣ житья—ни ѣды, ни питья.

Прежде жили—не тужили; теперь живемъ—не плачемъ, такъ ревемъ.

Было житье, ѣда да питье; нынѣ житье—какъ всталъ, такъ и за вытье.

Умерла та курица, что несла золотыя яйца.

Дѣды не знали бѣды, да внуки набрались мук̀и.

Старики вымерли—насъ не дождались; молодые родились—насъ не спросились.

Старые пророки вымерли, а новые не нараждаются (а новые правды не сказываютъ).

Было добро, да давно; ждать добра, да долго (да гдѣ оно?).

Было добро—миновалося; будетъ добро—того ждать долг̀о.

Было добро, да давно; а будетъ впередъ, да горе беретъ.

Старое добро миновалося, до новаго дожить не досталося.

Было добро, да давно; опять будетъ—да ужъ насъ не будетъ.

За короля Саса (Саксонскаго) было и хлѣба и мяса, а сталъ Понятовскій—и хлѣбъ не таковскій (и все по чертовски. Въ Бѣлоруссіи и Литвѣ).

Въ старые годы бывало, и баба кашу ѣдала.

Было времечко, ѣла кума (клевала кура) сѣмечко; а теперь поѣла бы и лузги, да боится мужа брюзги.

Бывало времечко, и мы ѣли сѣмечко; а теперь и толкутъ, да намъ не даютъ.

Было времечко, цѣловали насъ дѣтей въ темечко, а нынѣ въ уста, да и то ради Христа.

Старина, старина, да до насъ не дошла.

Была нажива, осталась недожива.

Что старина, то и дѣянье. Старина, что диво.

Старина съ мозгомъ. Гдѣ старья, тамъ и статья. Добрая старина, святая.

На старый хмель хоть воды взлей, пьянъ будешь (хоть дрожди слей — и брага).

Хороша живетъ и старая погулка. Лѣтось (прошлое) нынѣшняго лучше. Старинка посдобнѣе была.

Стариннаго закалу (покрою; старосвѣтскій человѣкъ).

Тряхнуть стариной. Повытрясти старинушку.

Не нами началось, да на насъ оборвалось.

Человѣкъ.

Рыбамъ вода, птицамъ воздухъ, а человѣку вся земля.

Въ мірѣ, что въ морѣ. Въ мірѣ, что въ омутѣ: ни дна, ни покрышки.

Міръ во злѣ (во лжи) лежитъ. Міръ въ суетахъ, человѣкъ во грѣхахъ.

Богъ — что захочетъ, человѣкъ — что сможетъ.

Всѣ мы люди, всѣ человѣки. Что ни человѣкъ, то и я.

И я (и онъ) такой же человѣкъ.

Всѣ мы по поясъ люди (т. е., на половину, а тамъ, скоты).

Пьемъ, ѣдимъ, какъ люди: чѣмъ мы нелюди?

Духъ бодръ, да плоть немощна.

Человѣкъ — не ангелъ (не Богъ). Каковы вѣки, таковы и человѣки.

Старое вымерло, а новое не нараждается.

Человѣкъ бы человѣкомъ, да облика Господня въ немъ не стало.

Человѣкъ человѣка стóитъ. Человѣкъ не для себя родится.

Трижды человѣкъ дивенъ бываетъ: родится, женится, умираетъ.

Малъ родился, а выросъ — пригодился.

Родился малъ, выросъ глупъ, померъ старъ (пьянъ) — ничего не знаю (ступай душа въ рай! Запорожская).

Въ уймѣ (чернолѣсьѣ) не безъ звѣря, въ людяхъ не безъ лиха.

Люди солгали, да и мы правды не сказали.

Люди лгутъ, а намъ вѣры не имутъ.

Живутъ же люди неправдой, такъ и намъ не лопнуть стать.

Всѣ люди ложь, и мы тожъ. Всякъ человѣкъ ложь — и я тожъ.

Не одно пузище смышляетъ о пищѣ; и тонкій животъ безъ ѣды не живетъ.

Брюхо вытрясло, да и совѣсть вынесло.

Чистота духовная паче тѣлесной.

Тѣлу просторъ — душѣ тѣснота (и на оборотъ).

Что тѣлу любо, то душѣ грубо.

Душа на прохладу, а плоть въ баню (т. е., просятся).

Душа прохладу любитъ, а плоть паръ.

Не объ одномъ хлѣбѣ сыты бываемъ.

Память въ тѣлѣ, мысль во лбу, а хотѣніе въ сердцѣ.

Душа Божья, тѣло Государево, а спина барская.

Весь, какъ есть: съ начинкой и съ потрохами.

Душка — не сучка: не выплешь вонъ, когда Богъ не возметъ.

Сырое мясо хоть морщится, да тянется (тѣло человѣка живуче).

Плоть немощна, а душа грѣшна. Плоть грѣшна, да душа хороша.

Лучше жить бѣднякомъ, чѣмъ разбогатѣть со грѣхомъ.

Не изъ такихъ, чтобы грабить нагихъ.

У бѣднаго шуба овечья, а таже душа человѣчья.

Обидѣть (сгубить) легко, да душѣ каково.

И худой человѣкъ проживетъ свой вѣкъ.

Хоть онъ и свинья (и скотина), а все таки человѣкъ.

Сидень сидитъ, а все растетъ (а часть его растетъ).

Человѣкъ не грибокъ, въ день не выростетъ (или: не растетъ подъ дожжокъ).

Человѣкъ не скотина, а и ту не долго испортить.

Отъ живаго человѣка добра не жди, а отъ мертваго подавно.

Отъ мертваго худа не бываетъ, а отъ живаго добра.

Тѣло безъ души; бездушное тѣло; бездушный человѣкъ.

Приказная, судейская, служивая, солдатская, драгунская, гусарская совѣсть (душа).

Душа всему мѣра. Душа мѣру знаетъ. Душа не принимаетъ; съ души прётъ, скидываетъ.

Душа душу знаетъ, а сердце сердцу вѣсть подаетъ.

Онъ въ немъ души не слышитъ. Отъ души (душою) радъ.

Мы съ нимъ живемъ душа въ душу.

Этотъ человѣкъ до дна маслянъ (хорошъ).

Никто же вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ.

Сердце вѣщунъ, а душа мѣра. Сердце пѣстунъ, душа дядька.

Сердце душу бережетъ и душу мутитъ.

Душа всего дороже. Душа завѣтное дѣло.

Покривилъ ты душой. Не пожалѣлъ ты души своей.

Грѣшное тѣло и душу съѣло. Душѣ съ тѣломъ мука.

Нѣтъ такихъ травъ, чтобъ знать чужой нравъ.

Въ сердце не влѣзешь. Въ сердцѣ нѣтъ окна̀.

Есть сердце, да закрыто дверцей. Не клѣтка сердце, не переставишь.

Сердце не лукошко, не прорѣжешь (не пробьешь) окошка.

Чужая душа — темный лѣсъ. Чужая душа — потемки.

Въ чужую душу не влѣзешь.

Брата роднаго знаешь, а ума его не знаешь.

У всякаго въ дому (въ чужомъ дому) невѣдомо никому.

Что у брата въ рукахъ, вижу; что у него на умѣ, не вижу.

Всякій домъ потолкомъ крытъ.

Вѣру къ дѣлу примѣняй, а дѣло къ вѣрѣ.

Душа душу знаетъ. Душа съ душой бесѣдуетъ.

Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Сердце чуетъ (слышитъ). У сердца уши есть. Вѣщее чудко, спитъ будко.

За чужую душу одна сваха божится (да Цыганъ).

Чужи люди — дремучій лѣсъ. Чужая совѣсть — могила.

Какъ въ кремнѣ огонь не виденъ, такъ въ человѣкѣ душа.

Рѣчи слышимъ, а сердца не видимъ. Языкъ видимъ, рѣчи слышимъ, а сердца ни видимъ, ни слышимъ.

Человѣка видимъ, а души (ума) его не видимъ.

Тебя то видимъ, да въ тебѣ то не видимъ.

Я у него на разумѣ не бывалъ.

Сынъ у меня мой (братъ онъ мой), а умъ у него свой.

У него паспортъ на лбу не прописанъ. На немъ клейма нѣтъ, не узнаешь. Думка его на билетѣ не прописана.

Сердце безъ тайности — пустая грамота.

Не спождивъ, друга не узнаешь.

Чтобы узнать человѣка, надо съ нимъ пудъ соли съѣсть.

Человѣка узнаешь, когда съ нимъ пудъ соли ложкой расхлебаешь.

Раскуси-ка ты его хорошенько. Его не скоро раскусишь.

Рысь пестра сверху, а человѣкъ лукавъ изнутри.

Такъ въ душу и вьется. Безъ сальца (мыла) въ душу влѣзетъ.

Людей-то много, да человѣка нѣтъ. Людина не человѣкъ.

Людно-то людно, да человѣка нѣтъ. Много народу, да мало людей.

Не нашли Богъ ворога, а добрые люди найдутся (иронич).

Ни праведный безъ порока, ни грѣшникъ безъ покаянія.

Въ комъ есть страхъ, въ томъ есть и Богъ.

Въ комъ есть Богъ, въ томъ есть и стыдъ.

Это дѣло у меня на душѣ (на совѣсти). Это мнѣ на душу легло. Что-то на душѣ тяжело. Что-то душа заныватъ.

Добрая совѣсть — глазъ Божій. Добрая совѣсть любитъ обличеніе.

У меня подушка подъ головой не вертится (т. е., совѣсть чиста).

Есть совѣсть, есть и стыдъ, а стыда нѣтъ, и совѣсти нѣтъ.

Въ комъ стыдъ, въ томъ и совѣсть (и страхъ).

Тому не гребжится (не думается), кто Бога не боится.

Бей того, кто плачетъ; жури того, кто слушаетъ!

Добро того бить, кто плачетъ, а журить, кто слушаетъ.

Кто Бога не боится, тотъ и людей не стыдится.

Совѣсть безъ зубовъ, а загрызетъ. Злая совѣсть стоитъ палача.

Съ совѣстью не разминуться. Душа не сосѣдъ, не обойдешь.

Виноватый винится, а правый ничего не боится.

Не боюсь богатыхъ грозъ, боюсь убогихъ слезъ.

Какъ ни мудри, а совѣсти не перемудришь.

Самъ отъ себя не утаишь, самъ себя и обличишь.

Совѣсть съ молоточкомъ: и постукиваетъ и наслушиваетъ.

Напередъ спросись самъ у себя (у совѣсти)!

Молчи (лежи), когда Богъ убилъ!

Плохое дѣло, коли жена не велѣла. Не смѣю на глаза показаться.

Сгорѣлъ со стыда. Съ ногъ срѣзалъ. Чего боимся, того и стыдимся.

Они стыдъ за угломъ дѣлили (да подъ угломъ и схоронили).

Не краснѣй, дѣвка, коровъ доючи, краснѣй, дѣвка, съ парнемъ стоючи (въ овинъ ходючи)!

Лучше понести на гривну убытку, нежели на алтынъ стыда.

Руку, ногу переломишь, сживется; а душу переломишь, не сживется.

Не криви душой: кривобокъ на тотъ свѣтъ уйдешь.

Береги честь смолода, а здоровье подъ старость!

Береги платье снова, а честь смолоду.

За честь (за стыдъ) голова гинетъ (погибаетъ)!

За честь — хоть голову съ плечъ (хоть голову снесть).

За совѣсть, да за честь, хоть голову снесть.

Пора и честь (стыдъ, совѣсть) знать. Стыдъ (позоръ) таже смерть.

Душа согрѣшила, а ноги виноваты (отъ правежа).

Душа согрѣшила, а спина виновата.

Похлебалъ молочка наканунѣ Рождества, да нѣчто вздрагивается.

Богъ на помочь добрымъ женамъ и гулливымъ! — а гулливая и скажется (т. е., забранится).

Здравствуйте, тетки, здравствуй, лебедки, здравствуй шатуньи! — а шатунья-то и вынщется.

Знаетъ кошка, чье мясо съѣла. На ворѣ шапка горитъ.

На татѣ шапка горитъ: а тать и хвать за нее.

Кто поросенка укралъ, у того въ ушахъ верещитъ.

У кого въ пальцахъ вязнетъ, у того руки не чисты.

У кого на сердцѣ ненастно, у того и въ ясный день дождь.

Тенетникъ и на усъ садится. Рыльце въ пуху (Крыловъ).

За кѣмъ нѣтъ погони, тотъ и не бѣжитъ.

Трясется, что Каинъ, что осиновый листъ.

Охти мнѣ! всѣ товарищи въ тюрмѣ; что то будетъ и мнѣ!

Кошачьи глаза̀ дыму не боятся.
Стыдъ не дымъ: глазъ не ѣстъ. Бестыжихъ глазъ и дымъ не ѝметъ.
Стыдливый покраснѣетъ, а бестыжій поблѣднѣетъ.
Нашего Мины не проймешь и въ три дубины.
У него такой желудокъ, что все переваритъ.
Хоть наплюй въ глаза̀: ему все Божья роса.
И старику не дастъ выговорить (не дастъ слова молвить).
На немъ хоть дрова коли (хоть поѣзжай),
Имъ хоть полы̀ мой, да пороги подтирай!
Имъ хоть лавки мой, да дресвы подсыпай!
Онъ какъ оса лѣзетъ въ глаза̀.
Сорокъ лѣтъ, а сорому нѣтъ. Жили, жили, а стыда не нажили.
У него ни на полушку совѣсти нѣтъ.
Ни стыда, ни сорому, ни въ котору сторону.
Стыдъ подъ каблукъ, а совѣсть подъ подошву.
Павлушка — мѣдный лобъ. Бестыжій лоботрясъ.
Умри, коли стыда нѣтъ!
Убей Богъ стыдъ, все пойдетъ хорошо (все ни по чемъ).
Отыми Богъ стыдъ, такъ будешь сытъ.
Первое счастье — коли стыда въ глазахъ нѣтъ.
Первый даръ на роду, коли нѣтъ въ глазахъ стыду.
Глазамъ-то стыдно, а душа-то рада (а душѣ отрадно).
Безъ стыда лица̀ не износишь. Безъ позору рожи не износить.
Коли стыдно, такъ закройся (такъ зажмурься)!
Не стыдно, коли никому не обидно.
Стыдиться жены, такъ и дѣтей не видать (не видать дѣтей).
Хоть чортомъ зови, да хлѣбомъ корми!
Хоть стыдно, да сытно. Стыдливому удачи не видать.
Стыдливый изза стола голодный встаетъ.
Стыдливый кусочекъ со стола цѣлъ сходитъ.
Какъ сытъ сталъ, такъ и стыдъ взялъ.
Сталъ сытъ, такъ взялъ стыдъ (такъ и узналъ стыдъ).
Когда наѣлся, тогда и застыдился. Стыдненько, да сытненько.

И стыдливый кусочекъ (т. е., послѣдній) до поры лежитъ.

Какъ нѣтъ души, такъ что хошь пиши!

Семь въ тебѣ душъ, да ни въ одной пути нѣтъ (двуличенъ).

У него совѣсть еще въ прошломъ году въ бутылкѣ задохлась.

Про его совѣсть можно сказать повѣсть.

У него совѣсть въ рукавичкахъ ходитъ.

У него совѣсть — дырявое рѣшето. Заскарузлой совѣсти не проймешь.

У тебя совѣсть — что розвальни: садись — да катись (просторно).

Ни Бога не боится, ни людей не стыдится.

Твоя совѣсть, какъ лихая болѣсть. (Всякъ ее бѣгаетъ).

Душа Христіянская, да совѣсть-то Цыганская.

У него совѣсть въ голикѣ (въ кулакѣ, подъ порогомъ и пр.).

Съ его совѣстью и помирать не надо.

Съ его совѣстью жить хорошо, да умирать плохо.

Бестужа гостя пивомъ не выгнать. Бестыжаго гостя не пивомъ выживать.

Кто слова не боится, тому и плеть не страшна.

Свинья не боится креста, а боится песта.

Что душа, была бы пустошь хороша (о неправой тяжбѣ).

Чего нѣтъ за кожей, того не пришьешь къ кожѣ.

Къ кафтану (къ кожѣ) совѣсти не пришьешь.

Невинная душа не причастна грѣху.

Неповинна душа не пристрашна грѣху.

Не ѣла душа чесноку — не будетъ и вонять.

Сухая рубашка къ тѣлу не льнетъ. Не было дегтю, такъ и не горчитъ.

Кто и пива не пьетъ, тотъ пьянъ не живетъ.

Кто это такой — немазаный, сухой? (Человѣкъ).

Съ рожи — снаружи, съ души — снутри.

Янга (жбанъ) костяныя клёпки (т. е., человѣкъ).

Имя свое всякъ знаетъ, а въ лицо себя никто не помнитъ.

Человѣкъ Божій обшитъ кожей.

За кожей панцыря нѣтъ. Терпи голова, въ кости скована.

Въ лѣсу лѣсъ не ровенъ, въ міру люди.

Человѣка подъ стать и масть не подберешь.

На станъ, на обликъ нѣтъ образца.

Не ростомъ взялъ, такъ дородствомъ.

Не великъ да широкъ, кафтанъ коротокъ.

Наша попадья, что широкая ладья.

Самъ копной, брюхо горой. Копна копной — такъ и переваливается.

Толстъ, какъ бочка. Майорское брюхо (пузо).

Его чортъ ядрами кормитъ. Копной набитъ, въ кожу зашитъ

Поперегъ себя толще. Пяти четвертей въ отрубѣ.

И бородавка тѣлу прибавка. Бородавка — и то тѣлу прибавка.

Какъ похудѣлъ, чуть не лопнетъ.

Ровна (пряма), какъ талька; какъ веретенце, какъ сосенка.

Выросла, какъ тополька. Вытянулся въ струнку (въ хворостинку, въ лутоху). Жердяй, въ плечахъ лба по уже.

Худъ—какъ треска, какъ жердь, какъ спичка; въ спичку высохъ, въ щепку, въ нитку.

Въ нитку вытянулся. Кости да кожа. Глиста глистой.

Хорошъ, пригожъ, на лиху болѣсть похожъ.

Въ чемъ душа держится. Краше въ гробъ кладутъ.

Какъ яичко сквозитъ. На солнышкѣ просвѣчиваетъ.

Сморщился, какъ грибъ. Сморчокъ сморчкомъ.

Костлява, какъ тарань. Кости, что крючья; хоть хомуты вѣшай.

Кости глядятъ, а мяса не видать. Однѣ кости да кожа.

Хоть костлива, да счастлива. И не красива, да счастлива.

Кость да жила, а все сила. Пожилина туга, и лукъ крѣпокъ.

Какъ чубукъ въ чехлѣ болтается.

Блѣденъ, какъ смерть. Поблѣднѣлъ, ровно скатерть.

Рожа красная, хоть онучи суши. Рожа клюковка, глаза луковки.

Коломенская верста (отъ старыхъ, семисотныхъ верстъ).

Экой большой, съ недѣлю выросъ!

Словно аршинъ проглотилъ. Такъ торцемъ и ходитъ.

Много ль тебя въ землѣ, а на землѣ не много.

Коротышъ тянется — не дотянется; долгай гнется — пояснице тяжко.

Бѣда пыжику: на него и съ кровли каплетъ; бѣда и остолопу: рукъ-ногъ дѣвать некуда.

Спереди пирогъ, сзади коровай (двугорбый).

Рыломъ не вышелъ (т. е., не красивъ).

Гороховое чучело. Воронье пугало. Поставить, да воробьевъ пугать.

Торчитъ межъ людей, какъ пугало въ горохѣ.

Попалъ въ люди, какъ пестъ въ ложки.

Такъ торчиломъ межъ людей и торчитъ.

Съ твоей рожей только дѣтей пугать.

Хорошъ, передъ чортомъ, какъ куколка.

Такая красава, что въ окно глянетъ — конь прянетъ: на дворъ выйдетъ — три дня собаки лаютъ.

Знать его подмѣнили, урода подкинули.

Рябъ, будто черти у него на рожѣ въ свайку играли. Будто черти на немъ горохъ молотили.

На харѣ хоть топоры точи. Рожа теркою, носъ бороздиломъ.

Рожа — хоть рѣпу сѣй, хоть морковь сажай (щедровитая)!

Рожа вспахана, только посѣять, да заборонить.

Рожа моя рожа — на что ты похожа (на чорта похожа)!

Такая рожа, что только сама на себя и похожа (и дружки не подберешь).

На рябомъ хлѣбъ сѣютъ, а на гладкомъ навозъ кладутъ (о пашнѣ).

Щедровитъ, да не болитъ (т. е., здоровъ).

Гладкіе-то есть, а рытые-то въ честь (и на оборотъ).

Много красы: однѣ скулы да усы.

Хорожа рожа—коли есть на ней кожа (а безъ кожи непригожа).

Экой красавецъ: подъ носомъ румянецъ, во всю щеку липай.

Шитая рожа, вязеный носъ.

На лихомъ кожа, а на хорошемъ лопни рожа (т. е., тотъ тощъ, а этотъ плотенъ).

Съ твоей бы рожей—сидѣлъ бы подъ рогожей.

Съ посконной рожей въ красные ряды не суйся!
Съ рожей исподъ рогожи, да бархатъ гладитъ.
Съ твоей ли рожей въ соборъ къ обѣднѣ? Шелъ бы въ приходскую.
Не свинымъ рыломъ лимоны нюхать.
Не къ рожѣ платочекъ, утрись рукавичкой!
Ни рожи, ни кожи, ни видѣнья.
Во что поцѣловать — и на то наплевать.
Во рту калина, а въ носу малина.
Носъ курносъ, а рыло дудкой. Носъ крючкомъ, борода клочкомъ.
Упрямому дубина, горбатому (т. е., уроду) могила.
Упрямаго исправитъ дубина, а горбатаго могила.
Горбатъ, такъ виноватъ, да Богъ проститъ.
Горбунъ прямка перехитритъ. Горбунъ съ запасцемъ.
Горбатый—вороватый. Чѣмъ горбатѣе, тѣмъ вороватѣе.
Кто коноплястъ, кто голенастъ — а все Божій да Государевъ.
У коннаго солдата ноги лучкомъ. Кривоногаго — въ свинопасы.
Не будь изроденъ, а будь пригоденъ.
Личекомъ бѣленекъ, да душой черненекъ.
Рожа крива (черна), да душа пряма (бѣла).
Плоха рожа, да душа гожа. Рожа не гожа, да душа пригожа.
Цѣлуй и курноску, какъ пряничну доску!
Кто гладёнекъ, тотъ и милёнекъ.
Молодецъ, хоть во дворецъ. Красёнъ человѣкъ статью.
Будто кровь съ молокомъ. Не спрашивай здоровья, гляди въ лицо.
Красна, какъ маковъ цвѣтъ. Кругла, бѣла, какъ мытая рѣпка.
Дѣвичье тѣльце — натрушено сѣнцо. Пухъ въ атласѣ.
Краше цвѣту алаго, бѣлѣе снѣгу бѣлаго.
Алый цвѣтъ по лицу растилается, бѣлый пухъ по груди разсыпается.
Изъ косточки въ косточку мозжечокъ переливается (т. е., сквозитъ).
Грудь лебедина, походка павлина.
Сама собой милёнька, личекомъ бѣлёнька.
Очи сокольи, брови собольи. Звѣздисты очи, разсыпчаты.
Глаза съ поволокой, ротокъ съ позѣвотой.

Постоянная дама Варвара, съ поволокою глазà; Василиса — кислый квасъ (съ лубоч. карт.).

Фетинья — бѣлыя бѣлилы; Афимья — алыя румяна (тоже).

Руса коса до шелкòва пояса. Коса — дѣвичья краса.

Русы волосы сто рублей, буйна голова — тысяча, а всему молодцу и цѣны нѣтъ.

Видно она съ серебра умывается (т. е., бѣла).

Голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ, ноги съ подходомъ, рỳки съ подносомъ.

Молодецъ къ молодцу. Молодцами хоть мостъ мости.

Изъ кута по лавкѣ — шелудякъ наголо (о гостяхъ).

Басокъ, да червоватъ (т. е., щеголь, да хилъ, плохъ).

Голова съ пивной котелъ. Голова, что булава.

Семи пяденей во лбу. Промежъ глазъ каленà стрѣла ляжетъ.

Хоть на головѣ то густо, да въ головѣ пусто.

У худой рожи — худой обычай. Обличье — улика.

Худое дерево растетъ въ сукъ, да въ бòлону, а худой человѣкъ въ волосъ (въ брюхо), да въ бороду.

Каковъ чортъ отъ люльки, таковъ и въ могилку.

Вся рожа наружу. Вывѣска не хороша.

Такая рожа, что сама на оплеуху напрашивается.

Рожа, сама на себя не похожа. Глянешь, такъ съ души воротитъ.

И по рожѣ знать, что Созономъ звать.

Вавила, красное рыло. Иванъ болванъ. Андрей ротозѣй. Ѳедулъ губы надулъ. Пахомъ — вся рожа въ одинъ комъ.

И по рылу знать, что не простыхъ свиней.

Рыжій да красный — человѣкъ опасный.

Рыжихъ и во святыхъ нѣтъ. Рыжему во святыхъ не бывать.

Избави насъ, Боже, отъ лыса, коса, рыжа и кривоноса!

Черный волосъ — звонкій голосъ.

Съ чернымъ въ лѣсъ не ходи, съ рыжимъ бани не топи!

Съ чернымъ въ лѣсъ не ходи, рыжему пальца въ ротъ не клади, лысому не вѣрь, а съ курчавымъ не вяжись!

Жесткій волосъ сварливъ живетъ.

У тетушки Василисы дыбомъ вòлосы свилися.

За правду Богъ лицà набавляетъ (т. е., доживая до старости лысѣешь).

Плѣшивый — человѣкъ фальшивый.

На меринѣ лысина — не порокъ; на дѣтинѣ плѣшь — не укоръ.

Курчавый вòлосъ — кудрявыя мысли.

Брови, что медвѣди лежатъ (густыя). Брови застрѣхой (навѣсомъ).

Брови нависли — злоба (дума) на мысли.

Перегораживать ротъ рукой (таинничать).

Глядитъ въ бокъ, а говоритъ въ сторону.

Ртомъ болѣзнь входитъ, а бѣда выходитъ.

Криворотый себѣ на умѣ. Криворотъ у воротъ.

Кабы не дыра во рту — жилъ бы жилъ, ни о чемъ бы не тужилъ.

Одинъ ротъ — и тотъ деретъ. Одна была у волка пѣсенка, и ту переняли (о позѣвотѣ).

У него пѣтухъ въ горлѣ засѣлъ (охрипъ).

Что брылы распустилъ? Подбери губы-тѣ, городничій ѣдетъ.

Брылы (губы) — хоть студень вари (велики, толсты).

Какъ козодой, коровье вымя обыметъ.

Рыло пòрото по самое ухо. Ласточкинъ ротокъ.

Ротъ до ушей, хоть лягушку пришей.

Губы толсты — въ трубачи ступай. Толстогубый курносому сродни.

Зубы — копылья, губы — кобыльи.

Носъ крючкомъ, брови шатромъ, ротъ жемòчкомъ.

Этотъ носъ — черезъ Волгу мостъ. Этотъ носъ сто лѣтъ росъ.

Носъ крючкомъ, борода клочкомъ. Носъ, что и багра не надо.

То-то носина, словно соборное гасило.

Тотъ человѣкъ и дорогъ, у кого носъ дологъ.

Эко чутье: этотъ носъ собакой натертъ.

Долгоносый себѣ на умѣ. Долгоносъ не простъ.

Сидоръ да Борисъ за носы подрались.

Носомъ къ носу встрѣтилиcь.

Чихнулъ — и головой вихнулъ (вильнулъ).

Чохъ на правду. Спица въ носъ, не велика съ перстъ (на чиханье).
Лобъ широкъ, да мозгу мало. У него труха въ головѣ.
Великъ тѣломъ, да малъ дѣломъ. Хорошъ, на поглядѣнье.
Толста, толста, проста, проста. Въ родню толстъ, да не въ родню простъ.
Его на тощакъ (не пообѣдавъ) не обойдешь (т. е., толстъ).
Его въ три охвата не обнимешь.
Рожей хорошъ, да не лизать ее стать.
Съ лица не воду пить. Хорошаго не лизать, дурнаго не тесать.
На красиваго глядѣть хорошо, съ умнымъ жить легко.
Красота приглядится, а умъ впередъ пригодится.
Далъ бы Богъ дородство, а красоту сама добуду (румяна).
Съ поглядѣнья сытъ не будешь.
Жить за чужой головою (подъ отвѣтомъ, защитой, порукой).
Головушка, голова: буйная, удалая, разудалая, молодецкая, забубенная, беззаботная и пр.
Когда бъ не зубы, такъ бы и душа вонъ.
Желудокъ не овчина: его не выворотишь.
Печенки отбить, отлежать. Не сердись: печенку испортишь.
Не хватило легкихъ, такъ заговорилъ печенкой.
По становой (т. е., жилѣ) не бей!
Плеча могучія, широкія, молодецкія, богатырскія.
У него руки долги (т. е., власти много). Рукй не наставишь.
У него руки (пальцы) длинны (т. е., воръ). Онъ нечистъ на руку.
Быть у кого подъ рукою (въ подчиненіи, подданствѣ).
Своя рука владыка (т. е., своя воля). Отъ рукъ отбиться.
Онъ у него правая рука (т. е., нужный, главный человѣкъ)
Быть въ рукѣ; быть за рукой. Моя рукà (очередь).
Легкая, тяжелая рука. Свинцовая рука, желѣзная лапа.
У меня легка рука, была бы шея толста (крѣпка).
У него въ кулакѣ пудъ. У него пудовой кулакъ.
У широкой лапы и плечо широко. Лапища по плечищу.
Бьетъ, какъ молотомъ куетъ. Кулакъ, что безменъ.

Руки не поднимаются на него,—на это дѣло.
И какъ у тебя на него рука поднялась?
Руки не дошли, не доходятъ до дѣла (недосугъ).
Наложить на себя руку (быть самоубійцей).
Рука руку моетъ (очищаетъ). Дружлива рука съ рукавичкой.
Рука объ руку; рука въ руку (дружно, за одно).
Прийтись по рукѣ. Не къ рукамъ пришлось. Не у рукъ дѣло (товаръ).
У него всякое дѣло изъ рукъ валится (не валится).
Онъ работаетъ только поконецъ пальцевъ; только бъ съ рукъ долой.
Намъ только съ рукъ долой, а съ ногъ — хоть собаки тащи.
Эта вещь (товаръ) намъ рука, или не рука (годна, негодна).
Крупной, мелкой руки; первой, второй руки (разбора).
Руки золотыя, да рыло поганое (пьетъ).
Далеко ли? Рукой подать. Рукой достать. Руку протянуть.
Рука ногѣ работница (или: батракъ: обувь дѣлаетъ и обуваетъ).
Руки, какъ крюки. Руки — что грабли (словно бороны).
Адамова вилка (или: ложка, т. е., пальцы, горсть).
Руки граблями, ноги вилами. Руки сковородникомъ, ноги ухватомъ.
Наложить на кого руку. Загрести кого (что) подъ свою лапу.
Бить кого чужою рукою. Чужими руками жаръ загребать.
У него хороша (не хороша) рука (т. е., письмо).
Сидѣть (стоять) поджавъ руки. Руки въ боки, глаза въ потолоки,
Кто голенастъ, а кто бедерчатъ. Развилистый долгоногъ.
У него ножки, какъ сошки. Ножки, что сошки, брюшко, какъ волыночка. Ножки тоненьки, душа коротенька (курилка).
Ноги да руки — вотъ мои муки; а брюхо да животъ — сохрани, Господь (о ѣдѣ и работѣ)!
Ударить по рукамъ (дать слово, кончить дѣло).
Приложить руку (подписать). Отобрать заручную (подпись, согласіе).
Гдѣ рука, тамъ и голова (т. е., далъ слово—и отвѣчай).
Отбиваться отъ чего (противиться) и руками и ногами.
По рукамъ, по ногамъ связать (стѣснить, отнять средства).
Онъ беретъ руками, а отдаетъ ногами.

Черезъ руку наливать (выворачивая кисть; дурная примѣта).

Она у насъ глядитъ изъ рукъ (угождаетъ).

Руки работаютъ, а голова кормитъ.

Въ добрую голову сто рукъ (укащикъ и работникъ).

Глаза стращаютъ, а руки дѣлаютъ. Съ руками нигдѣ не пропадешь

Рукамъ воли не давай! Языкомъ болтай, а рукамъ воли не давай!

Не все сходитъ съ рукъ. Что, до поры, съ рукъ не сходило.

Которая рука крестъ кладетъ, та и ножъ точитъ.

Ноги обманутъ (т. е., не уйдешь), а руки до бѣды доведутъ (если имъ волю дать).

Рука отъ руки погибаетъ, а нога ногу подымаетъ.

Нога ногѣ другъ, а рука рукѣ ворогъ.

Ноги носятъ, а руки кормятъ. Ноги съ побѣжкой, руки съ подхватой

И рука спитъ, и нога спитъ (о крѣпкомъ снѣ).

Рѣзвы ноги (колѣни) подломились, подсѣклись, подкосились.

Скоморошьи ноги. Стрекозьи, паучиныя ножки.

Въ ногахъ правды нѣтъ (отъ правежа? или о бѣгствѣ?)

На водѣ ноги жидки (не держатъ).

Не ноги кормятъ брюхо, а брюхо ноги.

Топтать кого ногами; затоптать въ грязь.

Изъ милости башмачкомъ до травки-муравки дотрогивается.

Конь бѣжитъ, земля дрожитъ (въ шутку о неуклюжемъ топтыгѣ).

Рѣдьку садить (присѣдать на ходу).

Ножки, какъ лутошки (соломенны ножки).

Ножки скобками (или: оникомъ) и ножки херомъ.

Борода — образъ и подобіе Божіе (раскольн.)

Борода въ честь, а усы и у кошки есть. Усъ въ честь, а борода и у козла есть.

Бородой въ люди не выйдешь. Борода — трава, скосить можно.

Безъ рубля, бороды не отростишь (соврем. Петр. 1).

Борода дѣлу не помѣха.

Борода дороже головы (раскол.)

Рѣжь наши головы, не тронь наши бороды (раскол.)!

Желѣзо глупо, а тѣло забористо (о бритьѣ).

Борода лишняя тягота (Петръ I).

Волосъ глупъ, вездѣ растетъ.

У нашей Ѳедосьи изъ глазъ растутъ волосьи.

Мудрость въ головѣ, а не въ бородѣ.

Борода—съ посконное повесмо. Усъ молодитъ, борода ста́ритъ.

Мужичокъ съ ноготокъ, а борода съ локотокъ.

Борода съ ворота, а ума и съ прикалитокъ нѣту.

Самъ съ пядь, а борода съ локоть. Самъ съ носъ, борода съ возъ.

Старичокъ съ кувшинъ, борода съ аршинъ.

Борода выросла, а ума не вынесла. Бородастѣе Бѣлевскаго раскольника.

По бородѣ Авраамъ, а по дѣламъ Хамъ.

Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро.

Борода Нижегородка, а усъ Макарьевскій.

Подъ носомъ взошло, а въ головѣ и не засѣяно.

Волосъ дологъ (у бабы), а умъ коротокъ.

Ни голосу, ни волосу не вѣрь! Шерстью все прикроешь.

Подавайся по рукамъ (когда дерутъ), легче будетъ волосамъ.

Волосы становятся дыбомъ. Ощетинился волосъ.

Ухватиться за̀ волосы; рвать волосы (вытти изъ себя).

Волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ. Волосъ въ волосъ, лицо въ лицо.

Глядитъ, какъ сова, выпучивъ глаза.

Одинъ глазъ на полицу, другой въ солоницу (о косомъ).

Одинъ глазъ на̀ печь, другой въ Галичъ.

Одинъ глазъ на насъ, другой на Арзамасъ (стар. о Мордвѣ).

Одинъ въ Кесово, другой въ Разлисово (два села Каш. у. Твер. губ.).

Одинъ глазъ на мельницу, другой на кузницу.

И косое око видитъ далеко. Смотритъ въ кучку, а глядитъ врозь.

Косъ, да дома росъ (т. е., свой).

Косые счастливы. Кривые моты. Нѣмые говорливы. Слѣпые мудрены. Хромые баски (т. е., щеголи). Косолапые драчливы.

Косъ, какъ Соловей-разбойникъ (который однимъ глазомъ на Кiевъ, другимъ на Черниговъ глядѣлъ).

Плесъ крутой, глазъ кривой — далече берутъ.

Слѣпому все копеечки. Слѣпой курицѣ все пшеница.

Слѣпъ, какъ кротъ, какъ мѣдяница (змѣя, о коей говорили, что она слѣпа).

Дальше носу не видитъ. Слѣпая курица.

Надѣнь очки! Возьми глаза въ руки (въ зубы)!

Косой — не кривой. Косой — не слѣпой. Кривой — не слѣпой.

Кривой не бѣда, а горе криводушный.

Съ косымъ не толкуй о кривомъ! Съ кривымъ о косомъ не бесѣдуй!

У криваго одинъ глазъ, а видитъ больше (дальше) насъ.

Слѣпой и въ горшкѣ дороги не найдетъ.

Не вѣрь ушамъ, вѣрь очамъ! Не вѣрь рѣчамъ, вѣрь своимъ глазамъ!

Паче слуха видѣнiе. Свой глазъ алмазъ (или: смотрокъ).

Глазъ не видитъ, и ухо не слышитъ. Не видишь, такъ и не бредишь.

Глаза̀, что плошки, а не видятъ ни крошки.

Глаза̀ сусальнаго золота (тупоумые). Оловянные глаза.

Зрячiй не видитъ, а невишной (слѣпой) налапаетъ (нащупаетъ).

Подслѣповатый съ придурью, пучеглазый съ дурью.

Аль глаза въ очешникъ схоронилъ? Аль глаза̀ отсидѣлъ?

Гляди въ оба! Слушай въ оба, зри въ три!

Вынь глаза-то съ ножней (изъ ноженъ)!

Говоритъ слѣпъ, а въ избѣ печь нащупалъ. Еще то не слѣпъ, коли въ избѣ печь нащупалъ.

Овинъ прогорѣлъ, а слѣпой проглядѣлъ.

Хорошiй, дурной глазъ. Черный глазъ, карiй глазъ — минуй насъ!

Глазъ черный, взглядъ бойкiй, обычай волчiй.

Какъ воронъ зыритъ (зорко глядитъ). Соколомъ глядитъ.

Ты зенокъ мой, зеница ока, ненаглядный.

Какъ глазъ береги. Дороже глаза. Око мое ненаглядное.

Правда глаза колетъ. Правда, какъ оса, лѣзетъ въ глаза̀.

Ни глаза во лбу, ни зуба во рту.

На глазъ (т. е., на глазомѣръ). Пройти на глазъ (или: на проглядъ, по уровню).

Заглазное дѣло — не слышно. За глазами дѣло.

За глазами, что за горами. Позаочью — что ночью.

Сытыхъ глазъ на свѣтѣ нѣтъ. Брюхо сыто, да глаза̀ голодны.

Видомъ не видать, слыхомъ не слыхать.

Глазами гляди (языкомъ болтай), а рукамъ воли не давай!

Не глаза видятъ, а человѣкъ; не ухо слышитъ, а душа.

Уши — какъ папуши, а глаза̀ — какъ бураки.

На то два уха, чтобъ больше слухать.

Глухой — половина спасенья (не слышитъ беззаконій).

Уши — благодать Божія, языкъ — проклятіе.

Глухому много чуется, а слѣпому много видится.

Про глухаго семью̀ (семь разъ) обѣдни не служатъ.

Заросли, что ль, у тебя уши? Аль ты бородой обросъ, не слышишь?

Расковырять, что ль, тебѣ уши-тѣ! Давно, видно оплеухъ не ѣдалъ, такъ уши залегли?

Затоковалъ, что глухарь (т. е., свое толкуетъ, не слышитъ).

Глухому съ нѣмымъ нечего толковать.

Глухъ, какъ тетеревъ (какъ мошникъ). Глухая тетеря.

Онъ ухомъ задернулъ (т. е., не хочетъ слушать). Онъ на это ухо глухъ.

У него на эту рѣчь ухо заложило. Онъ заложилъ уши.

Глухой не дослышитъ, такъ догадается.

Носомъ (рыломъ) смѣрять (т. е., упасть). Носомъ наткнулся.

Это пахнетъ бѣдой (или: тѣмъ и тѣмъ).

А знаешь ли чѣмъ это пахнетъ? (т. е., чего ожидать). Понюхай, чѣмъ пахнетъ (прочхайся, да оклемайся)!

Не разѣвай рта: ворона влетитъ (и карета четверней въѣдетъ).

Суконный языкъ; языкъ съ подбоемъ (о картавомъ или косноязычномъ).

И зайка ложку мимо ушей не проноситъ.

У него языкъ длиненъ (дологъ). Языкъ свой, врагъ злой.

Языкъ мой, врагъ мой (напередъ ума лепечетъ).

Ни на мѣру, ни на вѣсъ, а при всякомъ есть (языкъ, рѣчь).

Чего за̀все хочется? (Дышать). Чего всегда хочется? (Ничего не дѣлать).

Чего надъ собою не видишь? (Росту).

Что въ водѣ не тонетъ, на огнѣ не горитъ? (Имя).

Безъ чего человѣку жить нельзя! (Безъ имени).

На полѣ Арскомъ, на рубежѣ Татарскомъ, два орла орлуютъ, однимъ языкомъ балуютъ (Крестины).

Во̀ полѣ Епифанскомъ, подъ деревомъ Царскимъ, три орла орлуютъ, однимъ яйцомъ даруютъ (Крестины).

Чѣмъ тебя мать родила (отвѣтъ: мальчикомъ, либо дѣвочкой).

Стои́тъ градъ, ни на водѣ, ни на землѣ, въ томъ градѣ воевода нѣмъ (Ребенокъ въ зыбкѣ).

Лубенъ городъ, отрепьинъ городъ, а въ томъ городѣ воевода нѣмъ (Ребенокъ въ зыбкѣ).

Утромъ на четырехъ ногахъ, въ полдень на двухъ, подъ вечеръ на трехъ (Человѣкъ).

Чего хочешь, того не купишь; чего не надо, того не продашь (Молодость, старость).

Три года—яйцо, тридцать лѣтъ—медвѣдь, шестдесятъ лѣтъ—курица (Младенецъ, середовой и старикъ).

Одного не знаю, другаго не вижу, третьяго не помню (Смерть, возрастъ и рожденіе).

Ни рыба, ни баранъ; сахаръ не бывалъ, на блюдѣ не лежалъ, всякъ меня ѣдалъ (Кушалъ груди).

Ни гусь, ни баранъ, ножемъ не рушанъ, на блюдѣ не лежалъ, всякъ его ѣдалъ (Груди).

Пришелъ гость изъ гостей, съѣлъ барана безъ костей: гость сытъ и баранъ цѣлъ (То же).

Пришли гости безъ вѣстей, убили барана безъ костей; гости сыты, баранъ цѣлъ (Кормилица съ ребенкомъ).

Ни печёно, ни варёно, на блюдѣ не бывало, ножомъ не рушано, а всякимъ кушано (Груди).

Сахарный кусочекъ, на блюдѣ не лежалъ, всякъ его ѣдалъ (Груди).

Бѣлый лебедь, ни кѣмъ не рушанъ, всякъ его кушалъ (Грудь).

Два комка, третья лакомка (Груди и младенецъ).

Разница между школьникомъ и огнемъ? (Огонь высѣкутъ, да и разложатъ; а школьника сперва разложатъ, а тамъ высѣкутъ).

Разница между каретой и деревней? (Карету заложатъ, да поѣдутъ, а деревню—поѣдутъ, да и заложатъ).

Что слаще, и что горче? (Слово).

Царь видитъ рѣдко, Богъ никогда, а мы завсегда (Своего брата).

Пришелъ милый, да и повалилъ силой (Сонъ).

Сорокъ недѣль въ тюрмѣ сидѣлъ, два года на висѣлицѣ висѣлъ (Человѣкъ).

Сорокъ недѣль сидѣлъ я въ темницѣ, шесть недѣль въ больницѣ, двадцать недѣль меня вязали, да годъ на висѣлицѣ держали (Человѣкъ).

Сидитъ живая живуличка, на живомъ стульчикѣ, теребитъ живое мясцо (Младенецъ).

За стѣной, стѣной барабанщикъ (или: каравашекъ) костяной (Младенецъ въ утробѣ).

Стоитъ дубъ, на дубу клубъ, на клубѣ семь дыръ (Человѣкъ).

Шелковъ клубъ, семь дыръ вокругъ (То же).

Стоятъ вилы, на вилахъ-то зѣвало, на зѣвалѣ-то мочало, на мочалѣ кочка, а въ кочкѣ-то роются дочки (т. е., свиньи, по Вятски; человѣкъ).

Стоятъ вилы, на вилахъ коробъ, на коробѣ махалы (грабли), на махалахъ хапало (кивало, на кивалѣ зѣвало), на хапалѣ нюхало, на нюхалѣ мигало, на мигалѣ роща, а въ рощѣ-то свиньи роются (Человѣкъ).

Стоятъ вилы, на вилахъ грабли, на грабляхъ ревунъ, на ревунѣ сапунъ, на сапунѣ глядунъ, на глядунѣ роща, а въ рощѣ свиньи роются (Человѣкъ).

Стоятъ вилы, на вилахъ-то бочка, на бочкѣ-то кочка, у кочки махало, на кочкѣ зѣвало, повыше мигала, а тамъ лядина, въ лядинѣ скотина (Человѣкъ).

Стоитъ расоха, на расохѣ бебень, на бебенѣ махало, на махалѣ зѣвало, на зѣвалѣ чихало, на чихалѣ мигало, на мигалѣ островъ (лѣсъ), въ острову звѣри (Человѣкъ).

У двухъ матерей по пяти сыновей (Пальцы). У двухъ матерей по пяти сыновей, всѣ въ одно имя (То же).

Пять братьевъ родныхъ, пять двоюродныхъ, у нихъ по пяти внучатныхъ (Пальцы).

Между двухъ свѣтилъ я въ серединѣ одинъ (Носъ).

Въ чистомъ полѣ двѣ трубы трубили, два соболя играли (Лицо, ротъ, носъ, глаза).

Кругло, горбато, около мохнато; придетъ бѣда — потечетъ вода (Глазъ).

Кругленькимъ, маленькимъ до неба докинешь (Глазъ).

На полкѣ въ кошличкѣ лежатъ два яичка (Глаза).

Два клубка черезъ грядку висятъ (Глаза).

Два двачка, два очка, два корытечка (Глаза).

Подъ мостомъ, мостищемъ, подъ соболемъ, соболищемъ два соболька разыгрались (Глаза).

Подъ дугамъ, дугамъ, виситъ яблоко съ кругамъ (Глазъ).

Кругъ гӧрода станетъ, кругъ головы̀ недостанетъ (Свои глаза).

Возжи долги; вокругъ поля достаютъ, только вкругъ кола не достаютъ (Глаза).

Возжи, вкругъ свѣта обовьются, вкругъ головы не обовьются (Глаза).

Возжи мои, возжи! Все поле извозжали, вокругъ головушки не стали (Глаза).

Долги, долги возжечки: до неба станутъ, а вкругъ головы не станутъ (Глаза).

Вокругъ земли обведу, а вокругъ головы не обвести (Глаза).

Два яичка въ моху, да морковка на верху (Глаза и носъ).

Лежитъ доска середи мостка, не гніетъ и не сохнетъ (Языкъ).

Лежитъ доска въ болотѣ: ни сохнетъ, ни мокнетъ, ни вѣтрѣетъ (ни куржавѣетъ. Языкъ).

Подъ небомъ дощечка, не сохнетъ, не мокнетъ и не куржавѣетъ (Языкъ).

Въ морѣ доска — не гніетъ, не сохнетъ (Языкъ).

Мокренькой теленочекъ подъ лавкой лежитъ (Языкъ).

Въ темномъ подпольѣ мокрый теленокъ лежитъ (Языкъ).

За бѣлыми березами тарара живетъ (Языкъ).

Сѣчка сѣчетъ, деревяшка везетъ, самъ Мартынъ поворачиваетъ (Зубы, ложка и языкъ).

Деревяшка везетъ, костяшка сѣчетъ, мокрый Мартынъ подкладываетъ (То же).

Деревяшка возитъ, костяшка рубитъ, холезовъ сынъ заворачиваетъ (То же).

Ротъ до ушей — хоть завязки пришей!

Полно корыто гусей-лебедей намыто (Зубы).

Полно подполье гусей-лебедей (То же).

Полонъ полòвень бѣлыхъ голубей (То же).

Полонъ кутникъ бѣлыхъ курокъ (То же).

Полонъ хлѣвецъ бѣлыхъ овецъ (То же).

Бисеръ мой, бисеръ, борочкомъ снизанъ, алымъ бархатомъ опушенъ, подъ завѣтомъ заложенъ (То же).

Плосконька дощечка, по краямъ обшивочка, а въ середкѣ дырочка (Ухо).

Вокругъ носу вьется, а въ руки не дается (Запахъ).

Хоть дворянскій носъ, да песьяго не стòитъ (По чутью).

Шесть ногъ, двѣ головы и одинъ хвостъ (Вершникъ).

Двѣ головы, одинъ хвостъ, двѣ руки и шесть ногъ (То же).

Въ лѣсъ ѣду — клѣтки кладу, изъ лѣсу ѣду — перекладываю (Лапотный слѣдъ).

Кабы всталъ, кабы всталъ, такъ бы до неба досталъ; кабы рỳки да нòги, такъ бы вора связалъ; кабы ротъ да глазà, такъ бы много расказалъ (Дорòга).

Ѣду, ѣду, слѣду нѣту; рѣжу, рѣжу, крови нѣту; рублю, рублю, щепокъ нѣту (Плаваніе на лодкѣ греблею).

Ниже Бога, выше царя (Смерть).

Ходитъ Хамъ по горамъ, беретъ ягоды съ грибамъ (Смерть).

На горѣ горынской, стоитъ дубъ Сарацынской: никто его не обойдетъ, не объѣдетъ, ни царь, ни царица, ни красна дѣвица (Смерть).

Стои́тъ въ полѣ столбъ: этого столба ни перейти, ни переѣхать, хлѣбомъ не отманить, деньгами не откупить (Смерть).

Стои́тъ столбъ: на столбу цвѣтъ, подъ цвѣтами котелъ, надъ цвѣтами орелъ: цвѣты срываетъ, въ котелъ бросаетъ, цвѣтовъ не убываетъ, въ котлѣ не прибываетъ (Вѣкъ, смерть и родъ человѣческій).

Стои́тъ дерево, на деревѣ птица цвѣты хватаетъ, въ корыто бросаетъ, корыта не наполняетъ и цвѣтовъ не умаляетъ (То же).

Летитъ орелъ черезъ Нѣмецки города, беретъ ягоды зрѣлы и не зрѣлы (Смерть).

Печь день и ночь печетъ, а невидимка дошлую коврыгу выхватываетъ (То же).

Летѣла птица орелъ, садилась на престолъ, говорила со Христомъ: «Гой еси истинный Христосъ! Далъ ты мнѣ волю надъ всѣми: надъ царями, надъ царевичами, надъ королями, надъ королевичами; не далъ ты мнѣ воли ни въ лѣсѣ, ни въ полѣ, ни на синемъ морѣ» (Смерть).

Всталъ я не ладно, умылся не ладно, лошадь запрягъ, поѣхалъ не такъ, заѣхалъ въ ухабъ, не выѣхать никакъ (Покойникъ).

Умылся не такъ, пріодѣлся не такъ, и сѣлъ не такъ и поѣхалъ не такъ: засѣлъ я въ ухабъ, не выѣхать никакъ (То же).

Сядешь не такъ, поѣдешь не какъ — заѣдешь въ ухабъ, не вылѣзешь никакъ (Похороны).

Ѣдетъ мужикъ не путемъ, ничего не видитъ кругомъ, заѣхалъ въ ухабъ, не вылѣзетъ никакъ (Покойникъ).

Ни пышетъ, ни дышетъ, въ сухомъ деревѣ лежитъ (Мертвецъ).

Поревунчики (поревунюшки) ревутъ, потекунчики текутъ, сухо (красно) дерево несутъ: ни пышетъ, ни дышетъ, ни ворохнется (Похороны).

Деревянный пирогъ, начинка мясная (Гробъ съ тѣломъ).

Кто дѣлаетъ, тотъ не хочетъ; кому дѣлаютъ, тотъ не знаетъ (гробъ).

Всякому надо, а никто самъ на себя не работаетъ (Гробъ).

Сработанъ кафтанъ не на себя, купленъ не про себя, а кѣмъ изношенъ, тѣмъ не виданъ (Гробъ).

Село заселено: пѣтухи не поютъ, и люди не встаютъ (Кладбище).

Человѣкъ — примѣты.

В голове свербитъ — бранить будутъ.

Голова свербитъ, къ головомойкѣ. Голова къ мылу свербитъ.

Чело свербитъ — челомъ бить.

Лобъ чешется — спесивому кланяться.

Правый глазъ чешется — на милаго глядѣть.

Правый глазъ чешется — радоваться; лѣвый — плакать.

Правый глазъ чешется къ смѣху, лѣвый къ слезамъ.

У кого глаза горятъ, о томъ молва идетъ.

Бровь чешется — кланяться.

Правая бровь чешется — къ радости, лѣвая — на потныхъ коней смотрѣть (къ дорогѣ).

Рѣсница выпадетъ — къ подарку.

Губы чешутся — къ гостинцу. Уста свербятъ — гостинцы ѣсть.

Зубы во время ѣды скрыпятъ — на чужой хлѣбъ.

Губы чешутся — цѣловаться.

Усы чешутся — къ гостинцу.

Переносье чешется — о покойникѣ слышать.

Чешется кончикъ носа — вино пить, либо къ вѣстямъ.

Правая ладонь чешется — получать деньги, лѣвая — отдавать.

Правая ладонь чешется — къ корысти, лѣвая — къ ущербу.

Правое ухо горитъ — хвалятъ, или правду говорятъ, лѣвое — напраслину.

Ладонь горитъ — кого нибудь бить.

Бѣляки по ногтю — къ гостинцу, къ обновѣ.

Заусеницы — злой человѣкъ замышляетъ.

Подошвы чешутся — къ дорогѣ. Ноги горятъ — къ пути.

Правая ягодица чешется — къ болѣзни и печали, лѣвая — къ корысти.

Въ ушахъ звенитъ — кто нибудь поминаетъ лихомъ.

Гдѣ зазвенитъ (т. е., на право, на лѣво), туда сердце лежитъ.

Икается — на поминъ (поминается). Икнулось — помянулось.

Икнулось — по добру ли вспомянулось?

Кто коритъ меня, не знаю, а икота напала.

Отрыжка — душа съ Богомъ бесѣдуетъ.

Горло поетъ (отрыжка): либо брагу пить, либо битымъ быть.

Кто не крестится во время зѣвоты, у того перекоситъ ротъ.

Не тянись на другаго: лѣнь на него нападетъ.

Никогда не плюй на правый бокъ, на праву сторону (потому что Ангелъ Хранитель при правомъ бокѣ, а дьяволъ при лѣвомъ: на него и плюй, говори: аминь, и растирай ногой).

На отданье Пасхи не плюй подъ окошко: нищаго убьешь.

Чихнулъ — такъ правда. Чохъ на правду.

На правду чихается, на сонъ позѣвается (вмѣсто: позѣвывается).

Что-то позѣва'тся, знать наши спать ложатся, либо ужинать садятся.

Помяни, Господи, Царя Давида и всю кротость его (поговорка, когда икается, или зѣвается)!

Кто щекотливъ, тотъ и ревнивъ.

Руки въ головы не клади — память проспишь (заспишь).

Кто на правомъ боку спитъ, заспитъ своего Ангела Хранителя

Кто спитъ съ застегнутымъ воротомъ рубашки, успитъ свою душу.

Спитъ, ровно кто его мертвой рукой обвелъ (отъ повѣрья).

Родина.

Гдѣ жить, тѣмъ и слыть.

Въ какомъ народѣ живешь, того и обычья держись.

Въ какой народъ придешь, таку и шапку надѣнешь.

Хвали заморье (чужую сторону), а сиди дома!

Славны бубны за горами, а къ намъ придутъ, что лукошко.

Ладно слушать скомороха на гуселькахъ, а самъ играть станешь — анъ не по насъ.

Не бери дальнюю хвáленку, бери ближнюю хáянку!

Нахвалу повѣришь, въ охулъ попадешь.

Хвалитъ чужъ-чуженинъ чужу сторону, а мы слушаемъ, на полатяхъ лежучи.

Чужая сторонушка нахваломъ живетъ, а наша хайкою стоитъ.

Милуетъ Богъ и на своей сторонѣ.

Хоть не уѣдно (дома), такъ улежно.

Мила та сторона (не забудешь ту сторону), гдѣ пупокъ рѣзанъ (т. е., родина).

Заморемъ теплѣе, а у насъ свѣтлѣе (веселѣе).

Заморемъ веселье, да чужое, а у насъ и горе, да свое.

Своя печаль чужой радости дороже.

Не зачѣмъ далеко, и здѣсь хорошо. Зачѣмъ далеко, и здѣсь хорошо.

Чужую сторону хвалитъ (сваха), а сама ни ногою (а сама туда ни нѡ ногу).

Одна сваха чужу сторону нахваливаетъ (а сама дома сидитъ).

Скучно Аѳонюшкѣ на чужой сторонушкѣ.

Худая та птица, которая гнѣздо свое мараетъ.

Глупа та птица, которой гнѣздо свое не мило.

О томъ кукушка и кукуетъ, что своего гнѣзда нѣтъ.

Кукушка кукуетъ, по бездомью горюетъ.

И кости по родинѣ плачутъ (по преданію, что въ нѣкоторыхъ могилахъ слышенъ вой костей).

Выду на путь — слезки текутъ; вспомню своихъ — и тошно по нихъ.

Съ родной сторонки и ворона (и собачка) мила.

И Пензенцы въ Москвѣ свою ворону узнали.

На чужой сторонушкѣ радъ своей воронушкѣ.

И хлѣбъ по своей сторонѣ скучаетъ (т. е., привозный, портится).

На родной сторонѣ и камешекъ знакомъ.

Всякому мила своя сторона. Любитъ и нищій свое хламовище.

Своя земля и въ горсти мила. Своя земля — свой прахъ.

Безъ корня и полынь не растетъ.

Всякъ куликъ свое болото хвалитъ. Свой бытъ милѣе.

Чего не знаешь, туда и не тянетъ.

Жернова говорятъ: въ Кіевѣ лучше, а ступа говоритъ: что тутъ, что тамъ.

Донъ, Донъ, а лучше домъ. Хорошъ Парижъ, а живетъ и Курмышъ.

Каково на дому, таково и на Дону.

Дóма все спорo, а въ чужѣ житье хуже.

На чужой сторонѣ и весна не красна. Наша весна краснымъ красна.

Въ чужомъ мѣстѣ, что въ лѣсу. Чужая сторона дремучъ боръ.

На чужбинкѣ, словно въ домовинкѣ (и одиноко и нѣмо).

Горе въ чужой землѣ безъязыкому.

Своя ноша не тянетъ, свой домъ глазъ не ѣстъ.

На чужой сторонѣ и сокола зовутъ вороною.

Чужой человѣкъ не на утѣху, на просмѣхъ.

Сторонушка и не дальняя, да печальная.

На чужбинкѣ—и то Божій даръ (все Божій даръ).

На чужой сторонѣ и старушка Божій даръ.

Землякъ, избилъ всѣхъ въ одинъ синякъ.

Жилъ былъ молодецъ: въ своей деревнѣ не видалъ веселья, на чужбину вышелъ—заплакалъ.

Научитъ горюна чужая сторона (и вымучитъ, и выучитъ).

Чужая сторона—воръ (разбойникъ). Чужбина не потачлива.

Чужая сторона прибавитъ ума. На сторонѣ обтолкутъ бока.

На чужой сторонѣ и ребенокъ ворогъ.

Чужая сторона — мачиха. Чужбинка не пó шерсти гладитъ.

Родимая сторона—мать, чужая мачиха.

Своя сторона по шерсткѣ гладитъ, чужая насупротивъ.

На чужбинѣ и собака тоскуетъ. Чужбина слезамъ не вѣритъ.

Степнаго коня на конюшнѣ не удержишь.

И конь на свою сторону рвется, а собака отгрызется, да уйдетъ.

Родныхъ нѣтъ, а по родимой сторонкѣ сердце ноетъ.

Своя сторонушка и собакѣ мила. И собака свою сторону знаетъ.

Недавно изъ двора, а вошь изняла.

Ерема, Ерема! Сидѣлъ бы ты дома, да точилъ веретена.

Гдѣ сосна взросла, тамъ она и красна.

Всякая сосна своему бору шумитъ (своему лѣсу вѣсть подаетъ).

Далеко сосна стоитъ, а своему лѣсу вѣетъ (шумитъ, говоритъ).

Гдѣ кто родится, тамъ и пригодится.

Что гдѣ родится, то тамъ и годится. Что гдѣ рожается, то тамъ и пригожается.

Сиди, какъ медъ кисни! Кисни, опара, на своемъ квасу!

Съ родной (родительской) земли — умри, не сходи!

Дома сидѣть, ничего не высидѣть.

Подъ лежачъ камень и вода не течетъ.

На одномъ мѣстѣ и камень мохомъ обростаетъ.

Соколъ на одномъ мѣстѣ не сидитъ, а гдѣ птицу видитъ, туда и летитъ

Гдѣ дуракова семья, тутъ ему своя земля.

Жить въ деревнѣ — не видать веселья.

Городское теля мудренѣй деревенскаго пономаря.

Грибы растутъ въ деревнѣ, а ихъ и въ городѣ знаютъ.

Городъ — царство, а деревня — рай. Москва — царство, а наша деревня — рай.

Хороша Москва, да не дома. Нашъ городокъ Москвы уголокъ.

Городъ затѣйный: что ни шагъ, то съѣстной да питейный.

Богъ далъ городъ — что за деревня (т. е., не чета ей).

Безъ денегъ въ городъ — самъ себѣ ворогъ.

Хорошъ городъ домами, да плохъ головами.

Деревня большая: четыре двора, восемь улицъ.

Шуми деревня: четыре двора, двое воротъ, одна труба.

Шибель на погибель воротами. Воротами въ уголъ (живетъ въ закоулкѣ, въ захолустьи).

Дóмы-то, домы, ровно заячьи лóмы.

Это село чортъ въ кузовѣ несъ, да кучками растрясъ. Словно чортъ изъ кузова насѣялъ.

Это село клиномъ свело. Село, что животы подвело.

Стоитъ деревенька на горкѣ, а хлѣба въ ней ни корки.

Изъ села Помелова, изъ деревни Вѣниковой.

Живетъ Ерошка подлѣ большой дорожки.

То горбъ, то долина. Вертепижины насижены.

Всѣмъ деревня не выйдетъ: вода близко, инъ лѣсъ далеко.

Лѣсъ къ селу крестъ, а безлѣсье не угоже помѣстье.

Лѣса̀ да зѐмли — какъ корову дой.

Ни прута, ни лѣсинки, ни барабанной палки.

Кнутовища негдѣ вырѣзать. Лыкодеры есть, да не съ чего драть.

Такая голь, что парня нечѣмъ высѣчь.

Степь лѣсу не лучше. Вь степи просторъ, въ лѣсу угодье.

Пока подъ чужой крышей не побываешь, своя, гдѣ течетъ, не узнаешь.

Въ чужомъ домѣ побывать — въ своемъ гнилое бревно увидать.

И за рѣкой люди живутъ. И за горами люди.

Изза многихъ горъ вышелъ дядя Егоръ.

Люди заѣзжіе, а хлѣбы завозные (на мельницѣ?).

Людей (на людей) поглядѣть и себя показать. И самъ обернусь, и кругомъ оглянусь.

Къ намъ люди ѣздятъ — къ себѣ въ гости зовутъ.

И куликъ чужу сторону знаетъ. И журавль тепла ищетъ.

Прощай, матушка Русь: я къ теплу потянусь (говоритъ журавль на отлетѣ).

Прилетѣлъ гусь на Русь — погоститъ, да улетитъ.

Гусь съ полдѐнъ — мужикъ съ печи; гусь на̀полдни — мужикъ на печь.

Воръ воробей домосѣдъ, а люди не хвалятъ.

Полетѣли за̀-море гуси, прилетѣли тожъ не лебеди (прилетѣли ни чѣмъ не хуже).

Гдѣ ни жить, а одному Царю служить.

Пойду туда, гдѣ про меня рожь молотятъ. Куда глаза глядятъ.

Одинку̀ — гдѣ хлѣбъ, тамъ и уголъ. Одинокому — вездѣ домъ.

Въ своей землѣ никто пророкомъ не бываетъ (не бывалъ).

Гдѣ ни жить, только бы сыту быть.

Хоть въ Ордѣ, да въ добрѣ (только бы въ добрѣ).

Ищи добра на сторонѣ, а домъ люби по старинѣ.

Подушное на сторонѣ, а хлѣбъ до̀ма (ищи).

Русь.

Чу! — здѣсь Русскимъ духомъ пахнетъ.

Русскій Богъ великъ. Русскимъ Богомъ да Русскимъ Царемъ Святорусская земля стои́тъ.

Русскій народъ — царелюбивый.

Земля Русская вся подъ Богомъ.

Велика Святорусская земля, а вездѣ солнышко.

Велика Святорусская земля, а правдѣ нигдѣ нѣтъ мѣста.

Россіи и лѣту союзу нѣту. Русь подъ снѣгомъ закоченѣла.

Летитъ гусь на Святую Русь (Наполеонъ).

На Руси никто съ голоду не умирывалъ.

Руси есть веселіе пити, не можетъ безъ него быти (Владим. I).

Русская кость тепло любитъ. Паръ костей не ломитъ.

Русскій гостинецъ — кулага съ саламатой.

Русскій человѣкъ хлѣбъ-соль водитъ.

Русскаго человѣка, что паритъ (баня), то и правитъ (лечитъ).

Русскій терпѣливъ до зачипа. Русскій задо̀ра ждетъ.

Русскій ни съ мечемъ, ни съ калачемъ не шутитъ.

Русскій молодецъ — стѣ басурманамъ конецъ.

На пардонъ, на аманъ, у Русскаго и слова нѣтъ.

Русскій человѣкъ — добрый человѣкъ (Чувашскій привѣтъ).

Русакъ уменъ, да заднимъ умомъ. Русскій назадъ уменъ.

Кабы у Нѣмца напереди, что у Русскаго назади — съ нимъ бы и ладовъ не было (умъ).

Русскій народъ — глупый народъ.

Русскій народъ не боится креста, а боится песта.

Бей Русскаго, часы сдѣлаетъ. Русскій, что увидитъ, то и сдѣлаетъ.

Русакъ не дуракъ: поѣсть захочетъ — скажетъ, присѣсть захочетъ — сядетъ.

Русскій догадливъ (смѣтливъ, себѣ на умѣ).

На Руси не все караси — есть и ерши.

Русскій человѣкъ любитъ авось. Русскій на авось и взросъ.

Русскій человѣкъ любитъ авось, небось, да какъ нибудь.

Русскій крѣпокъ на трехъ сваяхъ: авось, небось, да какъ нибудь.

Русскій человѣкъ и гулливъ и хвастливъ.

Русскій аппетитъ никогда (ничему) не претитъ.

Крестьянское горло — суконное бердо: все мнетъ.

Въ Русскомъ брюхѣ и долото сгніетъ.

Что Русскому здорово, то Нѣмцу смерть.

Русскій часъ — десять, а Нѣмецкому и конца нѣтъ.

Я Русскій, на маперъ Французскій, только немного погишпанистѣе.

Православнаго обманетъ Цыганъ, Цыгана Жидъ, Жида Грекъ, Грека чортъ.

Онъ, видно, по Русски не понимаетъ (т. е., хоть ему какую правду въ глаза говори).

Родомъ не Нѣмчинъ, а указывать гораздъ.

Принять кого по Русски (т. е., или прямо и грубо, или хлѣбосольно).

Я тебѣ по Русски отрѣжу, напрямикъ.

Русь Святая, Православная, богатырская, мать Святорусская земля.

Чернолапотница прошла (прозвище нашихъ бабъ, въ опрятной Сибири, за грязный слѣдъ, выносимый ими изъ избы на снѣгъ).

Живи, живи, ребята, пока Москва не провѣдала (старин Урал. Каз.).

Русь навалила, насъ совсѣмъ задавила (Сибирск.).

Въ Сибири бабы коромыслами соболей бьютъ.

Москали (т. е., Русскіе, по присловіямъ Малоруссовъ): Московскій часъ; подожди съ Московскій часъ (отъ Русской поговорки: сей часъ). Съ Москалемъ дружись, а за саблю держись (а камень за пазухой держи). Московская правда. Отъ Москаля, хоть полы обрѣжь, да бѣги. Мамо, чортъ лѣзетъ въ хату! Дармà, дочко, абы не Москаль. Отъ чорта открестишься, а отъ Москаля и дубиной не отобьешься. Онъ такъ намоскалился, что исподъ живаго пятки рѣжетъ (воръ).

Русскій часъ — со днемъ тридцать; деревенскій мѣсяцъ — съ недѣлей десять.

Москаль ворòна, а привязчивѣе чорта.

Какъ Москаль скажетъ сухо, подпимайся подъ самое ухо!

Варилъ чортъ съ Москалемъ пиво, да и отъ солоду отрекся.

...тивъ Бога и великаго Новгорода?

...вятая Софія, тамъ и Новгородъ.

...вгородъ судится своимъ судомъ (въ древности).

Новгородъ (древній) судитъ одинъ Богъ.

Древній Новгородъ и Псковъ — Господа́ (а Новгородъ былъ даже Господинъ, Государь).

Сердце на Волховѣ (въ Новгородѣ), душа на Великой (древній Псковъ).

Новгородъ, Новгородъ, а постарше стараго.

Новгородская честь. Новгородская душа (честность въ древней торговлѣ).

Новгородъ—отецъ, Кіевъ—мать, Москва—сердце, Петербургъ—голова.

Хоть Софія и пуста, да не Крутицкимъ верста (Софія Новгородская; духовенство Новгородское не хотѣло подчиниться митрополитамъ Московскимъ, на Крутицкомъ подворьѣ).

Новгородцы такали, такали, да Новгородъ и протакали (объ уничтоженіи вѣча Новгородскаго, или о покореніи Новгорода).

Москва всѣмъ городамъ мать.

Кто въ Москвѣ не бывалъ, красоты не видалъ.

Матушка Москва бѣлокаменная, златоглавая, хлѣбосольная, православная, словоохотливая.

Питеръ — кормило, Москва—кормъ. Питеръ — голова, Москва — сердце.

Москва создана вѣками, Питеръ милліонами.

Хорошъ городъ Питеръ, да бока повытеръ (дорогъ).

Копо́рцы — копорскій чай. Иванъ - чай. Крошевники. Копорское крошево и кисло и дешево (Изъ Копорья, Петерб. г., по слухамъ, идетъ Иванъ-чай, трава кипрей).

Москва бьетъ съ носка, а Питеръ бока повытеръ.

Питеръ женится, Москва замужъ идетъ.

Славна Москва калачами, Петербургъ усачами.

Въ Москвѣ сорокъ со́роковъ Церквей (Церкви въ Москвѣ раздѣлены на благочинія по со́рокамъ).

У Спаса бьютъ, у Николы звонятъ, у стараго Егорья часы говорятъ (Московск.).

Московская правда (т. е., ложь, обманъ; придано ей, когда она впервые сдѣлалась главою Государства).

Была правда у Петра и Павла (въ застѣнкѣ Московскомъ, гдѣ была пытка).

Московскіе люди землю сѣютъ рожью, а живутъ ложью (старин.).

Въ Москву итти — голову нести (стар.).

Видно городъ великъ, что семь воеводъ (Московская семибоярщина).

Московская разнобоярщина (семибоярщина).

Не только звону, что въ Москвѣ (что въ Кіевѣ).

Въ Москвѣ толсто (густо, часто) звонятъ, да тонко (жидко, рѣдко) ѣдятъ (по дороговизнѣ для крестьянъ).

На Крестцѣ не стрѣльцамъ сборъ (т. е., не мѣсто, нейдетъ. Въ Москвѣ были особыя площади, для сходки разныхъ сословій).

Съ Масквы, съ пасада, съ аваинова ряда (дразнятъ акальщиковъ).

Москва сгорѣла отъ денежной (копеечной) свѣчи; Москва отъ искры загорѣлась (1443 г. Москва загорѣлась отъ свѣчи церковной Св. Николы на Пескахъ; 1737 г., отъ свѣчи въ домѣ Милославскаго).

Первые города̀ отъ Москвы — два девяносто верстъ (Владиміръ, Тверь, Тула, Калуга, Рязань).

Москва не клиномъ сошлась, околицы нѣтъ.

Москва горбатая; горбатая старушка (т. е., на холмахъ).

Два брата съ Арбата, а оба горбата.

Хлѣба-соли покушать, краснаго звону (матушки Москвы) послушать.

Въ Москвѣ все найдешь, кромѣ птичьяго молока.

Въ Москвѣ все найдешь, кромѣ роднаго отца, да матери.

Въ Москвѣ недорода хлѣбу не бываетъ.

Москва стоитъ на болотѣ, ржи въ ней не молотятъ, а больше деревенскаго ѣдятъ.

Славится Москва невѣстами, колоколами, да калачами.

Москва любитъ запасецъ. У Спаса не безъ запаса.

Москва людна и хлѣбна. Москва — царство, деревня — рай.

Въ Москвѣ каждый день праздникъ (по множеству церквей).

Московская грязь не марается.

Москва, что доска: спать широко, да кругомъ мететъ.

Въ Москвѣ деньгу беречь, себя не стеречь.

Въ Москву бресть (итти)—послѣднюю копейку (деньгу) несть.

Москва — кому мать, кому мачиха.

Въ Москву иттить — только деньгу добыть.

Москва слезамъ не вѣритъ (не потакаетъ, т. е., никого не разжалобишь, всѣ чужіе).

Москву не расквелишь (не разжалобишь).

Москва ни по чемъ не плачетъ (не тужитъ).

Москва по нашимъ (по чужимъ) бѣдамъ не плачетъ.

Живучи въ Москвѣ пожить и въ тоскѣ.

Живетъ на Москвѣ — въ немалой тоскѣ.

Ой, Москва! — она бьетъ съ носка. Бей въ доску, поминай Москву!

Можайцы поросятники, Можайскій вѣтеръ (ненадежные).

Коломенцы — чернонебые. Клиновцы — лапотники.

Ѣдетъ дядя изъ Серпухова: бороду гладитъ, а денегъ нѣтъ.

Верейцы — сочевники (сочи — вязенки у рыбаковъ, и хлѣбенное).

Дмитровцы — лягушечники, болотники. Рузцы — дровосѣки.

Орѣшекъ (Шлиссельбургъ) и перцу горчае (старин.).

Луговцы — разнощики. Ладожане — щуку съ яицъ согнали.

Хороши и пироги, а гуща и пуще (дразнятъ Новгородцевъ — гущеѣдовъ).

Новгородцы — долбежники. Упрямъ, какъ Новгородецъ.

Не Новгородскій дворянинъ — не великъ баринъ.

Уломскій гвоздь (Новгор. губ. Черепов. уѣзда, село Улома, гдѣ всѣ кузнецы, гвоздари).

Тихвинцы — свято мѣсто, гдѣ Тихвинца нѣтъ.

Крещане (Крестцы) лапотники. Кирилловцы — кашехлёбы.

Бѣлозерцы — Бѣлозерскіе снетки.

Кирилловскій поклонъ девяти пяденей съ хвостомъ (монаст.)

Демьянцы — горшечники; по гаршки!

Валдайскія горы, да Любанскіе воры. Колокольники.

Молодецъ, купи баранокъ, да хорошихъ какихъ — а поцѣлуй въ придачу.

Городъ Боровичи — гамъ-городъ.

Боровичане — волнушечники, водохлебы.

Боровичане — луковники. Луку, луку зеленаго!

Отъ Волока до Утки шелъ трои сутки (три версты).

Старорусцы — лошадь съѣли, да въ Новгородъ писали, чтобъ еще прислали.

Псковичи — капустники, мякинники, ершеѣды.

Пронеси Богъ Княжій мостъ да Михайловъ погостъ (Пск. гб.; мостъ и погостъ этотъ въ топяхъ, гдѣ нѣкогда много было разбоевъ).

Торопчане — табатеры. Торопчанина обманетъ Цыганъ, Цыгана — Жидъ, Жида — Грекъ, а Грека — чортъ.

Торопчане — Египчане (Египтяне?).

Торопчане: Поляки съ пушками, а мы съ клюшками (осада Серг. Лавры, при Самозванцѣ).

Псковичи — небо кольями подпирали (Три дня сходка стояла, думая, что дѣлать? Туча нависла; рѣшили подпередь кольями).

Хоцу — вскоцу, не хоцу — не вскоцу (Въ старину невѣста говорила: хочу — вскочу и, соглашаясь итти за мужъ, прыгала черезъ положенный кругомъ поясъ, или въ наставленую юбку).

Оляніцина — воровщина (Озеро, Псковской губ.).

Порховцы — толоконники.

Тверитяне — ряпушники. Забѣгай, забѣгай! а что? Не видишь, куница бѣжитъ! Это собака, съ Клементьева двора. Ну, такъ пускай себѣ.

Тверитяне въ приглядку съ сахаромъ чай пьютъ. Цуканы.

Проѣдешь Погорѣлецъ и Кушалино — ступай смѣло до Москвы.

Кушали (Твер. уѣз. с. Кушалино) — бердники, частобаи.

Кушалинскія крестьянки — тонкопряхи.

Осташи — ершеѣды, сапожники, золотошвеи; Волчьи объѣдки.

Селигерцы (Тверск.) — ершеѣды.

Кимряки — сычужники (Кимры, Твер. губ. Корчев. у.; отъ блюда: свиной сычугъ съ кашей).

Пѣтуха на канатѣ держали, чтобъ на чужую землю не ходилъ.

Кимряки — лѣтомъ штукатуры, зимой чеботари.

Города Коростеня, владѣнія Ольгина, народъ Кривичи.

Новоторы — воры (говорятъ Осташи, которымъ отвѣчаютъ): и Осташи хороши.

Воры — Новоторы, и Осташи — хороши, а свято то мѣсто, гдѣ Тихвинца нѣтъ.

Ржевцы: Ряпуха тухлая. Собачники. Отца на кобеля промѣняли. Козу сквозь заборъ пряникомъ кормили.

Старичане: Старица — дегтярница. Мазилку потеряли, да за Новъ за ней ворочались.

Возми сорокъ алтынъ! «Сороцы не сороцы, а меньше рубля не отдамъ».

Старичане — пѣтуха встрѣчали съ хлѣбомъ-солью. Пришелъ грозенъ посолъ подъ Старицу: шуба навыворотъ, самъ низенекъ, а поперекъ о пяти охватахъ; словечка не молвитъ, а только шипитъ: анъ это — Индѣйскій пѣтухъ.

Кашинцы — водохлёбы (т. е., чайники).

Кашинцы — собаку за волка убили, да деньги заплатили.

Калязинцы — свинью за бобра купили: собаку за волка купили.

У нашего Макарьи по три деньги Натальи, а грошъ дай, любую выбирай.

Калязинцы, Угличане, Вологжане — толоконники.

Семендяевщина — булочникъ, да колбасникъ, пряничникъ, да пирожникъ (Твер. губ. Коляз. у.).

Бѣжечане — колокольню рожкомъ подбили (т. е., встряхивая табакъ въ рожкѣ. Это присловье дается, впрочемъ, разнымъ уроженцамъ).

Зубчане — таракана на канатѣ на Волгу поить водили.

Демьянцы — горшечники; по гаршки!

Валдайскія горы, да Любанскіе воры. Колокольники.

Молодецъ, купи баранокъ, да хорошихъ какихъ — а поцѣлуй въ придачу.

Городъ Боровичи — гамъ-городъ.

Боровичане — волнушечники, водохлебы.

Боровичане — луковники. Луку, луку зеленаго!

Отъ Волока до Утки шелъ трои сутки (три версты).

Старорусцы — лошадь съѣли, да въ Новгородъ писали, чтобъ еще прислали.

Псковичи — капустники, мякинники, ершеѣды.

Пронеси Богъ Княжій мостъ да Михайловъ погостъ (Пск. гб.: мостъ и погостъ этотъ въ топяхъ, гдѣ нѣкогда много было разбоевъ).

Торопчане — табатеры. Торопчанина обманетъ Цыганъ, Цыгана — Жидъ, Жида — Грекъ, а Грека — чортъ.

Торопчане — Египчане (Египтяне?).

Торопчане: Поляки съ пушками, а мы съ клюшками (осада Серг. Лавры, при Самозванцѣ).

Псковичи — небо кольями подпирали (Три дня сходка стояла, думая, что дѣлать? Туча нависла; рѣшили подпередь кольями).

Хоцу — вскоцу, не хоцу — не вскоцу (Въ старину невѣста говорила: хочу — вскочу и, соглашаясь итти за мужъ, прыгала черезъ положенный кругомъ поясъ, или въ наставленую юбку).

Олянщина — воровщина (Озеро, Псковской губ.).

Порховцы — толоконники.

Тверитяне — ряпушники. Забѣгай, забѣгай! а что? Не видишь, куница бѣжитъ! Это собака, съ Клементьева двора. Ну, такъ пускай себѣ.

Тверитяне въ приглядку съ сахаромъ чай пьютъ. Цуканы.

Проѣдешь Погорѣлецъ и Кушалино — ступай смѣло до Москвы.

Кушали (Твер. уѣз. с. Кушалино) — бердники, частобаи.

Кушалинскія крестьянки — тонкопряхи.

Осташи — сычеиды, сапожники, золотошвеи, Богова обдирки.

Селигерцы (Твер.) — сычеѣды.

Кимряки — сапожники (Кимры, Твер. губ. Корчев. у.), съ Аглицкой свиной сбруей съ пятой.

Пѣтуха на канатѣ держали, чтобъ на чужую землю не улеталъ.

Кимряки — лѣтомъ штукатуры, зимой чеботари.

Города Кирилловка, владѣнія Ольгина, нарядъ Климовичи.

Новоторы — воры (говорятъ Осташамъ, которые отвѣчаютъ: а Осташи хорошки).

Воры — Новоторы, а Осташи — хорошки, а свято то мѣсто, гдѣ Тихвина нѣтъ.

Ржевцы: Ржевка гулкая. Собачники. Отца на кобелѣ проигрывали. Козу сквозь заборъ пряникомъ кормили.

Старичане: Старица — лестовница. Мазанку потеряли, да за Невь за ней погонялись.

Возили сорокъ алтынъ: «Сороцы не сороцы, а меньше рубля не отдамъ».

Старичане — пѣтуха встрѣчали съ хлѣбомъ-солью. Пришелъ грозенъ посолъ подъ Старицу: шуба навыворотъ, самъ низенекъ, а поперекъ о пяти охватахъ; словечка не молвитъ, а только шипитъ: анъ это — Индѣйскій пѣтухъ.

Кашинцы — водохлёбы (т. е., чайники).

Кашинцы — собаку за волка убили, да деньги заплатили.

Калязинцы — свинью за бобра купили: собаку за волка купили.

У нашего Макарья по три деньги Натальи, а грошъ дай, любую выбирай.

Калязинцы, Угличане, Вологжане — толоконники.

Семендяевщина — булочникъ, да колбасникъ, пряничникъ, да пирожникъ (Твер. губ. Коляз. у.).

Бѣжечане — колокольню рожкомъ подбили (т. е., встряхивая табакъ въ рожкѣ. Это присловье дается, впрочемъ, разнымъ уроженцамъ).

Зубчане — таракана на канатѣ на Волгу поить водили.

Ты чей молодечь? Зубчевскій купечъ. А гдѣ былъ? Въ Москвѣ по міру ходилъ.

Зубчане—Волочане, приходили къ намъ (Ржевцамъ) за щами: мы щей не дали, взашей прогнали.

У насъ (во Владимірѣ) много угодья: отъ Москвы два девяносто, да изъ Клязмы воду пей.

Владимірцы—каменщики; клюковники. По клюкву, по ягоду клюкву!

Наши холоны каменницы (стар. Ростовцы, Владимірцамъ).

Собирались кулики, на болотѣ сидючи—они Суздальцы и Володимірцы (изъ пѣсни).

Владиміръ: деревянныя печи, золотые ворота, желѣзныя церкви. (Деревян. печь была въ Архіерейск. домѣ Успенск. Собора; золотые ворота извѣстны; желѣзная церковь была у Рождеств. монастыря).

Владимірцы: И наши молодцы (какъ Вологодскіе) ни бьются, ни дерутся, а кто больше съѣстъ, тотъ и молодецъ. Стерлядники.

Во Владимірѣ и лапшу топоромъ кропатъ (обычай этотъ держится только въ вольныхъ, т. е., казенныхъ деревняхъ).

Суздальцы—богомазы. Георгія замѣсть Пятницы (Св. Параскевіи) промѣняли (образà не продаютъ, а мѣняютъ).

Въ Суздалѣ да въ Муромѣ Богу помолиться, въ Вязникахъ погулять, въ Шуѣ напиться. Суздальцы — сальники.

Муромцы — Святогоны (изгнали въ XIII в. Епископа Св. Василія). Вертячіе бобы; рогатые орѣхи; калачники.

Шуяне: кабы мнѣ крѣпкаго мыльца. Бѣса въ солдаты отдалъ.

Шуйскій плутъ, хоть кого впряжетъ въ хомутъ въ Питерѣ бывалъ, на полу сыпалъ, и то не упалъ.

Юрьевцы—китаешники.

Ковровцы—офени, коробейники, проходимцы: картавые (за офенскій языкъ).

Онтуфьевцы — мынки (Переясл. уѣзд. Они говорятъ мынъ, вмѣсто молъ, дескать).

Кижила (Переясл. у.) изъ ума вонъ выжила. Кижане золотую грамоту просили.

Лыченцы (Переясл. у.) — телятники.

Ярославль городокъ — Москвы уголокъ (это говорится о многихъ др. городахъ).

Ярославцы: красавцы, бѣлотѣльцы, пѣсенники, запѣвалы, чистоплюи. Пудъ мыла извели, а родимаго пятнышка у сестры не смыли. Конфетчики, кукушкины дѣтки (мужики мало дома живутъ). Спаса на воротахъ продали.

Ростовцы: вислоухіе, лапшеѣды; родимые; озеро соломой зажигали. (Вислоухіе, отъ шапки съ ушами. Солому съ кровель сымали, чтобъ растопить ледъ на озерѣ, для рыболовства).

Сказываютъ, что въ вашемъ Ростовскомъ государствѣ Ростовское озеро сгорѣло.

У насъ-ти въ Ростовѣ, чесноку-ти, луку-ти, а навозъ-ти все коневій. Огородники, птичники, каплунники. Ростовскій каплунъ.

Ѣздилъ чортъ въ Ростовъ, да напугался крестовъ.

Вотъ, парья (парни), нашъ царь: шильцо въ рукахъ и щетинка въ зубахъ: звоните въ била, клепала (Галичане, о Ростовцахъ).

Пошехонцы — слѣпороды: въ трехъ соснахъ заплутались. За семь верстъ комара искали, а комаръ на носу. На сосну лазили, Москву смотрѣли. Я слушаю: кто свищетъ? Анъ это у меня въ носу. Ноги подъ столомъ перепутали. Съ краю не ложатся, а всѣ въ середину (о Пошехонцахъ Яросл. и Галичанахъ Костр. расказываютъ много въ этомъ родѣ, о чемъ издана цѣлая книжка, впрочемъ, подражаніе Нѣмецкой, о Швабахъ).

Угличане: небось, небось, батька, вѣдь это не наше (отецъ съ сыномъ пошли воровать; отецъ трусилъ, сынъ его ободрялъ).

Толокномъ Волгу замѣсили (или: перепрудили; говорится также о Вологожанахъ и др).

Романовцы — схорони концы. — Барана въ зыбкѣ закачали (укравъ спеленали и положили въ зыбку, чтобы спрятать). Вотъ вамъ правая

рука, даю черезъ милое дитя, да коли я укралъ, то и ему бы на ножѣ поторчать.

Въ Романовщинѣ (Ром. околотокъ, того же уѣзда, мелкопомѣстный), столько барскихъ дворовъ, сколько у зайца ломовъ (т. е., прыжковъ).

Даниловцы — любимые ловцы, невыдавцы. Кошкодавы: кошку не купили, а на базарѣ задавили. Всесвятская кашица, по три деньги аршинъ.

Любимцы — козу пряникомъ кормили. Водохлебы. Не учи козу, сама стянетъ съ возу, а пречиста рука все причиститъ. Двѣнадцатый часъ, а матушка съ міру не бывала (т. е., со сходки; мужики всѣ въ заработкахъ, а бабы въ десятскихъ).

Мологжане — коноводы (т. е., управляютъ коноводками по Волгѣ).

Рыбинцы: у дѣвушки родимое пятнышко смывали, нарочно баню топили.

Сицкарь съ топоромъ, что казакъ съ конемъ (на р. Сити; Яросл. Мол.). Сицкаря топоръ одѣваетъ, топоръ обуваетъ, соха кормитъ. Сицкая кокора (Сицкаря — барочники, плотники).

Нижній — сосѣдъ Москвѣ ближній: дома каменные, люди желѣзные. Воды много, а почерпнуть нечего (Нижній на двухъ рѣкахъ, но на горѣ).

Стоятъ Нижегородцы на горѣ, смотрятъ да баютъ: чай, примѣчай, куда чайки летятъ (Нижегородцы часто говор. чай).

Бородка — Нижегородка, а усъ Макарьевскій.

Нижегороды — не уроды. Нижегородцы водохлебы (т. е., чайники).

Нижегородъ — либо мотъ, либо воръ, либо пьяница, либо жена гулявица.

Будто изъ Елховки, стрижены верховки (т. е., маковки).

Кстово — Христово: чарочка маленька, да винцо хорошо.

Мы бы (Нижегородцы), не собрались да не встали, такъ вы бы поганую землю носомъ копали (намекъ на врем. К. Пожарскаго и Минина).

Татинецъ да Слопинецъ (села) ворамъ кормилецъ (старин.).

На Арать воровать, на Якшень продавать, въ Мурашкино концы хоронить (Арать Арзамаскаго, Якшень и Мурашкино Княгининскаго уѣзда).

Васильцы (на р. Сурѣ) — стерлядники.

Княгининцы — шапошники. Шапками обозъ задавили.

Мурашкинцы — тулупники; рубезокъ кислый; кислая овчина.

Ой ты, Устя Ко̀посовска! (брань; Копосово, село подъ Нижнимъ).

Кунавина слобода въ три дуги меня свела (пристанище разврата на Нижегородской ярмаркѣ).

Нынѣ пустяки-то позади Оки (о Кунавинѣ же).

Лысковцы — народъ честный: коли не воръ, такъ мошенникъ.

Сыщи въ Лысковѣ не пьяницу, не мошенника, а въ Юркинѣ не разбойника (села Макарьевскаго уѣзда).

Черновско̀е (Нижегор. г. Сергач. у.) — мѣсто воровское.

У Макарья — по деньгѣ Наталья, а на грошъ — цѣлый возъ.

Балахонцы — гагары. Балахонская гагара.

Городъ Балахна стои̇тъ по̀лы распахня (Балахна растянулась по Волгѣ версты на три).

Въ Городцѣ (Балах. у.) на горѣ, по три дѣвки во дворѣ.

Арзамасцы — гусятники, луковники; малева̀ны (иконописцы).

Арзамасцы соборъ кандалами сковали (связали обручами сводъ).

Въ Кардовили удавили, въ Понятовкѣ схоронили, въ Корино̀ по вино.

Семеновцы (Нижег.) — Заволжская кокура. Баклушники. Ложкари, ложка бурлацкая. Теплый, валеный товаръ.

Сергачи, Лукояновцы, Ардатовцы — Запьянскіе (Затешскіе) неряхи; Запьянщина — гречишныя запятки; бабы Запьянскія — чупахи, бутѐны.

Хороши Ломакинцы: Царя не кормя спать положили (Сергач. уѣзда. О Грозномъ).

Кострома — блудливая (веселая) сторона.

На Куси — выпей да закуси (Кусь, рѣка Костр. г.).

Костромичи: Лучше бы три раза погорѣла, чѣмъ разъ овдовѣла.

Костромичи въ кучу, а Ярославцы прочь (врознь).

На руку нечисты; лапти растеряли, по дворамъ искали, было шесть — стало (нашли) семь.

Костромичи (отъ Костр. внизъ, по Волгѣ, до Юрьевца)—голодраные, острокопытники, тамойки (говор. тамойко вм. тамъ).

Галичъ Кострому обманулъ на острову.

Галичане — корову на баню втащили; городъ Галивонь, озеро Миронь, а люди Кривичи. Овчинники. Мѣховщики. Толокно въ рѣкѣ весломъ мѣшали.

Що, парь, Галуньки (Галичане).

Галичане — галки набатныя. Галичья воевода (своевольникъ).

Чухломцы — Чухломскій рукосуй! Рукавицы за пазухой, а другихъ ищетъ.

Старогородцы (на р. Унжѣ, Макар. у.) — луковники.

Кинешемцы и Рѣшемцы — суконники.

Кинешма да Рѣшма кутитъ да мутитъ, а Сологда убытки платитъ. (Сологда лежитъ между Кинешмою и Рѣшмою, которые встарину ссорились).

Буевцы — домосѣды, лѣсники. Буй городокъ отбей кошелекъ.

Кадуевцы — кадочники. Кадуй — бока надуй.

Буй да Кадуй чортъ три года искалъ, а Буй да Кадуй у воротъ стоялъ (Татары искали Буй, чтобы разорить его, но не нашли къ нему дороги).

Солигаличане — известняки, бревенники.

Судиславцы — грибовники. Кологривцы — дегтярники.

Село Лупино (Нерех. уѣз.), Арменки глупые, а Нерехта на умъ наставитъ.

Не бойся по Арменской дорогѣ воровъ, а бойся въ Нерехтѣ каменныхъ домовъ.

Нерехотскіе бѣгуны (Нерехотцы ходятъ съ безменомъ по селамъ—закупать пряжу).

Ветлужане—санники. Санникъ да тележникъ, а выѣхать не на чемъ.

Варнавинцы — медовики.

Село Воронье — днемъ семидесяти господъ (мелкопомѣстное), а ночью одного (кто пойдетъ на разбой).

Къ Соли иду—ничего не несу; отъ Соли иду, полну пазуху несу (жители села Соли, Костр. губ., по обилію въ овощахъ, снабжаютъ ими пѣшихъ посѣтителей безмездно).

Вичуговцы—салфетчики. Парфентьевцы — кошкодавы.

Казань прогребли — и орду прошли.

Продай, князь, мыла (дразнятъ Татаръ)!

Казанскій сирота, Казанскій нищій (плутъ, прикидывающійся бѣднякомъ; отъ бывшихъ мурзъ Казанскихъ).

Въ Тетюшахъ городничій лапоть плететъ.

Свіяжане — лещевники. Самарцы (Саратовцы) — горчишники.

Симбирцы—гробокрады, качанники.

Виденъ (Симбирскъ), да семь денъ йдемъ.

Архангельцы—моржеѣды, кровельщики. Ивановичъ, слѣзь съ крыши, я къ тебѣ пріѣхала (жена кровельщика пріѣхала въ Петербургъ и звала съ Зимняго Дворца статую).

Помо̀ры—красныя голенища (нерпичьи).

Архангелогородцы — шанёжники; шаньга кислая.

Городъ Архангельскій, а народъ въ немъ діавольскій.

У насъ на Вагѣ и уха съ блинами. Ваганe — кособрюхіе.

Холмогорцы — заугольники (смотрѣли на Петра I изъ за угловъ).

Отъ Холмогоръ до Колы—тридцать три Николы.

Онежане— Прохо̀рята, Прохоровы дѣти.

Прохоръ письмо прислалъ, а лободырному велѣлъ деньги собирать.

Во всей Онегѣ нѣтъ телѣги. Лѣтомъ воеводу на саняхъ по городу возили, на рогахъ онучи сушили.

Пинежане—ико̀тники (общая тамъ болѣзнь; икота, кликушество).

Пинежане: Покупала по цетыре денезки, продавала по два гросыка; барыша куца куцей, а денегъ ни копіоцки.

Мезенцы — сажеѣды, черно̀тропы (неопрятны).

Шенкурцы—водохлебы (бурлаки, носятъ ложку на шляпѣ).

Разбей Богъ ладью, накорми Солозу (на лѣтнемъ берегу поморья)!

Кольская губа, что Московская тюрма (не скоро выйдешь).

Кто въ Колѣ три года проживетъ, того на Москвѣ не обмануть.

Кола—крюкъ, а люди уда. Кольско страшилище.

Коляне Господни—народъ Израильскій: что ни слово, то зазубра.

На Колѣ человѣка убить, что кринку молока испить.

Гдѣ рыба ни ходитъ, а Св. Носа не минуетъ (Кемская).

Петрозаводцы: качу̀ лавочку, качу̀ мытный дворъ, качу̀ свой торжокъ (о базарн. торговкахъ).

Боску съѣли. Боска, Боска, на̀ тебѣ костку (кличка собаки)!

Каргопольцы—Чудь бѣлоглазая. Сыроѣды.

Олончане: Олонцы — добры молодцы. Наши молодцы ни бьются, ни дерутся, а кто больше съѣстъ, тотъ и молодецъ. У насъ одинъ молодецъ съѣлъ 30 пироговъ съ пирогомъ, да все съ творогомъ. Ѣлъ, ѣлъ — что то лопнуло: не брюхо ли? Нѣтъ, ремень лопнулъ съ пряжкой.

Любезный Олонецъ — бѣлы берега̀.

Кайваны въ Олонецъ не бывали.

Вытегоры — камзольники.

Пропили воеводы Вологду.

На словахъ — какъ на маслѣ, а на дѣлѣ — какъ на Вологдѣ.

Вологодцы — теленка съ подковой съѣли. Толоконники: Волгу толокномъ замѣсили.

Устюжане.— рожечники, табачники. Колокольню рожкомъ подбили. Краснoязыкіе. Черносеребреники. Мазы.

Усольцы — огуречники.

Худъ Пермякъ, да два языка зна'тъ.

Чусовляне (Пермск.) — чеботари.

Сылвинцы — векшеѣды (Сыльвин. заводъ, Красноуф. уѣз.).

Чердынцы — щепоѣды, сухомятники (Плотники, Чердын. уѣз). Колдуны. Чортовы знахари.

Вятчане — Хлыновскіе бояре. Свистоплясы. Колдыкѝ (гов. колды̀).

Вятски — ребята хватски. Мы вятчки, ребята хватчки: семеры одного не боимси.

Вятчане на руку не чисты: вчера съ нами ночевали, онучку украли.

По Вятски: на угадъ. Вятичъ на авось и хлѣбъ сѣетъ.

Вятичи — толоконники, Вани.

Вятка всему богатству матка. Ходить Вятка съ пооглядкой.

Вятичи — Вятская баталія (съ морскимъ чудищемъ; см. лубочн. картин.).

Вятичи — слѣпороды (Устюжане пришли на помощь, а Вятичи сочли ихъ за непріятеля и стали бить. У Вотяковъ подслѣповатые глаза, у новорожденныхъ же они очень малы).

Вятичи — ротозѣи (Новгородцы подпустили подъ Болванскій городокъ (село Никулицыно) болвановъ на плотахъ, Вятичи зазѣвались на нихъ, а Новгородцы съ другой стороны взяли городокъ).

Слобожане — (Вятск.) Жидокопы (Слобожанинъ откопалъ трупъ Жида, полагая, что Жидовъ хоронятъ съ деньгами).

Хлыновцы корову въ сапоги обули (краденую, чтобы слѣду не было).

Хлыновскіе воры. Хлынъ взялъ (пропало).

Курскій воръ. Нѣтъ у Бѣлаго Царя вора супротивъ Курянина.

Крестись — Андроны ѣдутъ (Курск.).

Мы не люди, мы Абодинцы (Курск. губ.).

Орловцы — безменщики; проломанныя головы.

Орелъ да Кромы — первые воры, да и Карачевъ на поддачу.

Брянцы — куролѣсы. Брянская коза (Орлов.).

Цыгане Мценскъ десять верстъ обходили (Орл.).

Мецняне: Амченина бы тѣ во дворъ (а святыхъ вонъ)!

Ельчане — сычужники. Радуга ушатъ воды выпила.

У насъ въ Ельцѣ, на Соснѣ рѣцѣ, курица вутёнка вывела.

Въ Ельцу — дѣвка по яйцу, а позадь Ельца — половина яйца.

Елецъ всѣмъ ворамъ отецъ, и Ливны всѣмъ ворамъ дивны.

Ливенцы — саламатой мостъ обломили (Ливенцы повезли на встрѣчу воеводѣ саламаты, по горшку со двора).

Въ Сѣвскѣ поросенка на насѣсть сажали, приговаривая: Цайпайся, цайпайся, курочка о двухъ лапкахъ, да держится.

Болховитяне рака со звономъ встрѣчали: Вотъ воевода къ намъ ползетъ, и щетинку въ зубахъ несетъ.

Калужане: Калужанинъ поужина'тъ, а Тулякъ ляжетъ и такъ. Щагольники: щаголъ щаглуе, на осиновомъ на дубу, да какъ воскогуркнетъ: ткау, ткау! Козла въ соложеномъ тѣстѣ утопили (вороны каркали на деревѣ, а мужикъ, собираясь въ путь, по нимъ предсказалъ товарищамъ ведро, сказавъ: щаголъ щаглуе и пр.).

Мосали — гуторы: загуторили воеводу. Матушка Заугра (рѣчка), не потопи нашего города Мосальска, да нашего старосту Гаврюшку!

Лихвинскія горы (Кал.) да Новосильевскіе воры (Тул.).

Тулякъ — стальная душа. Блоху на цѣпь приковали. Присядь, бачка, чижи летятъ (Туляки птицеловы).

Хорошъ заяцъ — да тумакъ, хорошъ малый — да Тулякъ.

Живетъ въ Тулѣ, да ѣстъ дули.

Бей челомъ на Тулѣ, ищи на Москвѣ. Тула зипунъ сдула.

Ефремовцы — въ кошелѣ кашу варили (Тул.).

Алексинцы — стрѣльцы.

Одоевцы: Молодечъ, а молодечъ! Продай за грошъ постныхъ яицъ (огурцовъ. Тул.).

Крапивенцы — сѣно съ колокольнымъ звономъ встрѣчали (думая, что это воевода. Тул.).

Каширцы: Шапку долой! А що? Глянь, все бояре. (Проѣзжая по однодворческимъ деревнямъ и видя избы съ трубами, ворота съ растворами, сани съ козырями, мужики считали ихъ барскими усадьбами).

Понесъ чортъ однодворцевъ на базаръ, да рѣшето и опрокинулъ надъ Каширой.

Кашира въ рогожу обшила, Тула въ лапти обула.

Городъ Чернь годомъ старѣе Москвы.

Муравьятники (прозвище работящихъ жителей села Высокой Горы, Новосильск. у.).

Бѣсово, Руново — пронеси Богъ здорово, а Терново да Баскачь, хоть кругомъ обскачь (Тул. губ., Капшир уѣзда).

Рязанцы — кособрюхіе, синебрюхіе. Мѣшкомъ солнышко ловили, блинами острогъ конопатили (Синебрюхіе — отъ синихъ рубахъ. Въ битвѣ съ Москвичами солнце было въ лицо Рязанцамъ; они стали ловить его въ мѣшокъ, чтобъ выпустить на враговъ. По приказу: проконопатить острогъ, Рязанцы все откладывали дѣло — до масляницы, тутъ ихъ приструнили: они и проконопатили его блинами).

Касимовскій Бухарецъ (т. е., мошенникъ, Татаринъ, торгующій въ разноску мыломъ, халатами и пр.).

Спасцы: Откуда ты молодечъ? Спасскій купечъ. Чѣмъ торгуешь? Краснымъ товаромъ: сальными свѣчами да чистымъ дегтемъ (Ряз.).

У Спасца и деготь — красный товаръ.

Егорьевцы — коновалы, головотяпы, рудометы: самъ ножь точитъ, а говоритъ небось.

Дѣдновцы — Макары (Когда Петръ I былъ въ Рязанской губерніи, то на вопросъ его Дѣдновцы, одинъ за другимъ, назвались Макарами, потому что первому Государь сказалъ: хорошо). Цѣловальники.

Макары до икрянки рыбу вылавливаютъ.

Гдѣ Макаръ побывалъ, семь лѣтъ рыба не ловится (Они сымаютъ рыбную ловлю въ рѣчкахъ и озерахъ и мастера вылавливать всю рыбу).

Близки Гулынки, подымай дубинки (Гулынки Рязанской губерніи, Пронск. уѣзда, прежде были разбойники).

Лазаревичи-вичи, погорѣлицы-кричи, наволокъ-хохолокъ, Теплухина-хохлухина, Ялчина-гора, высоко-спечена.

Пензенцы (Пензяне) толстопятые. Въ Москвѣ свою ворону узнали.

Сура — рѣчка у насъ важная: донышко серебрянно, круты бережка позолочены.

Борисоглѣбцы — кислогнѣздые (они прежде были скорняками и клейщиками. Тамб.).

Норовчатъ, гдѣ колышки торчатъ.

Елатомцы — бабешники.

Моршанцы — сомятники.

Тамбовцы — Молоканы. Хрептуки степные, толстоногіе.

Темниковцы—совятники; сову въ озерѣ крестили (въ Совиномъ: Загулявшись, Темниковцы поймали сову и шалючи надѣли на нее гайтанъ и окунули ее въ озеро; она полетѣла и сѣла на церковный крестъ, гдѣ, запутавшись, удавилась; Темниковцамъ шалость эта дорого стоила: они должны были снять сову на свой счетъ. Тамб.).

Кадомцы—цѣловальники, сомятники: сома въ печи поймали (Мокша потопляетъ Кадомъ: когда-то и занесло сома въ открытую печь).

Астрахань арбузами, а мы голопузами (славны).

Астраханцы — чилимники (чилимъ, водяные орѣхи). Икорники. Ворвань тухлая. Бѣлужники. Разбойники. Дуванщина.

Въ Астрахани — и коровы рыбу ѣдятъ (соленую).

Красноярцы — сомятники.

Астраханцы кобылятину вмѣсто бѣлорыбицы въ Новгородъ слали.

Откуда ты, Иванъ? Съ воли, родимый (дразнятъ Астраханскіе старожилы бродягъ).

Голода́евцы — (переселенцы въ Астраханской губерніи, по бѣдности ихъ).

Долгопу́зики (Воронежскіе переселенцы въ Астрах. губерніи, подпоясывающіеся низко).

Саратовскіе мѣщане соборъ свой съ молотка продали.

Чехо́нь (рыба) черезъ соборъ перепрыгнула (въ Саратовѣ).

Мудрые Нѣмцы — Камышинцы.

Хвалынцы—головорѣзы. Сызранцы — ухорѣзы.

Ступай на Низъ — пшеничное ѣсть.

Коли нечѣмъ платить долгу, такъ ѣхать (итти) на Волгу (либо въ бурлаки, либо на разбой).

Божья коровка, полетай за Волгу: тамъ тепленько, здѣсь холодненько.

Смоляне — Польская кость, да собачьимъ мясомъ обросла.

Смоляне: Якой губерніи? Смоленьской. Якого уѣзда? Города Дорогобужска. Якой волости? Демьяновой посады. Якого села? Съ Ивановой усадьбы. Якого боярина? Про то не вѣдамъ.

Смоляне — крупенники, мезговники (мезга — сосновая бблонь, которую мѣшаютъ въ хлѣбъ).

За мезгой въ городъ ѣздилъ, въ красные ряды ходилъ.

Хоть бейся объ Малаховскіе ворота.

Смоляне міромъ блоху давили.

Воровская Писковщина (Смол. губ., Сыч. у., село Писково).

Лѣнивъ, какъ Клепенскій мужикъ (Смол. губ., Сыч. уѣзда, село Клепени, гдѣ всѣ нищіе, по обычаю).

Вязмичи — прянишники, коврижники. Мы люди неграмотные, ѣдимъ пряники неписанные.

Глупая Вязма, безтолковый Дорогобужъ.

Вязма, въ пряникахъ увязла.

Рославцы — дегтяри.

Витебцы: Волынка да гудокъ, собери нашъ домокъ; соха да борона, разорили наши дома.

Литвины — земляники, землекопы, лопатники. Бѣлошапошники, магерки (валеныя шапки).

Развѣ лихо возметъ Литвина, чтобъ онъ не дзѣкнулъ.

Кругомъ вода, а въ серединѣ бѣда (о Себежѣ, Витебск.).

Мозырь, что пузырь: кругомъ бѣда, въ серединѣ бѣда.

Въ Вильнѣ — что въ мыльнѣ.

Кто въ Вильнѣ не бывалъ, тотъ чудесъ не видалъ.

Въ Вильнѣ семь дорогъ для Жида, да три для Поляка.

Азовъ былъ славенъ, Смоленскъ грозенъ, а Вильна дивна.

Это видно рѣшета гономъ гнали (сказалъ Литвинъ, глядя на лапотный слѣдъ по дорогѣ).

Овруцкая (Ошмянская) шляхта (т. е. голышъ, оборванецъ).

Въ Луцку все не по людску: навколо вода, въ серединѣ бѣда.

Каменецъ—вѣнецъ: кругòмъ вода, а въ серединѣ бѣда (р. Смотричъ обтекаетъ вкругъ скалы, на которой Каменецъ Подольскъ).

У мужика грудь никогда не зябнетъ, у Жида пятки, у Ляха уши.

Кто въ Одессѣ не бывалъ, тотъ пыли не видалъ.

Вышелъ изъ полонỳ, да поселился на Донỳ.

Донцы—осетерники, балычники, станичники.

На Дону ни ткутъ, ни прядутъ, а хорошо ходятъ.

Крымцы—селедники, садовники. Сельди тухлые.

Крымъ—не кривъ, Азовъ—не о стѣ шаговъ.

Малороссы—Мазепинцы, хохлы, чубы; индюшка высидѣла; галушкой подавился. Индѣйка изъ одного яйца семерыхъ хохловъ высидѣла.

Чортъ съ хохла голову снялъ, да приставилъ ему индюшечью

Хохолъ глупѣе вороны, а хитрѣе чорта.

Хохлацкій цѣпъ на всѣ стороны бьетъ (Хохлы молотятъ черезъ руку).

Чтобъ тѣ хохлы да повыдохли! — А чтобъ тѣ Москали да ихъ повытаскали (отвѣтъ)!

И пò воду хохолъ, и по мякину хохолъ.

Хохолъ не совретъ, да и правды не скажетъ.

Онъ Хохолъ (т. е., хитеръ и упрямъ).

Русакъ до читанья, Хохолъ до спѣванья (Западн.).

Венгеръ изъ подъ Лохвицы (Полт. губ, коробейники).

Заднѣпровскій Итальянецъ. Задрипáнцы.

Продали съ Хохла поясъ за три деньги, а Хохолъ ни почемъ въ придачу пошелъ.

Полтава сидитъ на горѣ, какъ пава, а въ грязи, какъ жаба.

Золотонóша кругòмъ хорóша.

Роменцы — табачники (Полтавск.).

Глуховцы — папушный табачекъ (Черниг.).

Переяславцы (заозерцы) — обручники (Полтавск.).

Красный Кутъ задастъ капутъ (Харьк. губ., гдѣ нѣкогда, по преданію, велась шайка разбойниковъ).

Сибирь не мшеная. Сибирскій варнакъ.

Страшна Сибирь слухомъ, а люди лучше нашего живутъ.

Сибирь — золотое дно (отъ пушнаго и торговаго промысловъ; нынѣ это буквально оправдывается).

Русь навалила, насъ совсѣмъ задавила (Сибирская).

Чернолапотница (Русская, въ Сибири).

Охотскіе обыватели — кочемазники.

За здравіе бабушки Гугнихи! (говорятъ Уральцы, почитая ее праматерью своею, первой женщиной, оставшейся въ войскѣ.)

Радимичи — волчья хвоста бѣгаютъ (Воевода Волчій Хвостъ побилъ Радимичей).

Бѣда, что въ Роднѣ.

За Пьяною люди пьяны (рѣкою Нижег. губ., 1377 г. Русскіе поражены въ станѣ Татарами).

Пришли Казаки съ Дону, да погнали Ляховъ до дому (освобожденіе Москвы отъ Поляковъ 1612 г.).

Съ одну сторону Черемиса, а съ другой берегися (1524 г. войско на судахъ шло подъ Казань и побито въ порогахъ Черемисами).

Пропалъ, какъ Бековичъ (при Петрѣ І-мъ, посланный въ Хиву и погибшій съ отрядомъ).

Аника смотрокъ. Аника воинъ (см. лубоч. картину).

Шемякинъ судъ. Шемяка кривосудъ (1446 г. Шемяка ослѣпилъ Темнаго, завладѣвъ престоломъ).

Малюта Скуратовъ — злодѣй, мучитель.

Гришка Отрепьевъ — воръ, самозванецъ, проклятый.

Стенька Разинъ — отчаянный разбойникъ.

Стенька Разинъ на коврѣ леталъ и по водѣ плавалъ.

Ванька Каинъ — окаянный грабитель.

Мазепа — предатель.

Пугачъ — злодѣй, разбойникъ, душегубецъ.

Волга — плыть долго, а Дунай широко. Видно Дунай съ Волгой не сольются.

Волга всѣмъ рѣкамъ мать. Волга матушка широка̀ и долга̀.

Волга-матушка — глубокая, раздольная, разгульная. Днѣпръ быстрый, широкій. Донъ Ивановичъ тихій, золотой. Дунай Ивановичъ. Прутъ, Днѣстръ, Нѣманъ — порубежныя. Уралъ — золотое дно, серебряна покрышка.

Снизу до̀ верху, сверху до̀ низу (о рѣкѣ).

Голь на выдумки торовата (относительно захожихъ иноземцевъ).

На Русскомъ хлѣбѣ отъѣлся (говорятъ о сытыхъ, или богатыхъ, иностранцахъ).

Нѣмечина хитрая, безвѣрная, басурманская.

У Нѣмца на все струментъ есть.

Нѣмецъ безъ штуки съ лавки не свалится.

Нѣмецъ хитеръ: обезъяну выдумалъ.

Нѣмецъ своимъ разумомъ доходитъ (изобрѣтаетъ), а Русскій глазами (перенимаетъ).

Нѣмецкая (т. е., точная, школярная) ученость.

Настоящій Нѣмецъ (точенъ, педантъ, причудливъ).

Нѣмецъ — шмерецъ, копченый, колбаса, колбасникъ, сосиська.

Нѣмецъ Иванъ Иванычъ, Адамъ Адамычъ и пр.

Штуки — шпеки, Нѣмецки человѣки.

Шпрехенъ-зи-дейчъ? Иванъ Андреичъ.

Васъ-исъ-дасъ? Кислый квасъ.

Ноги многи, глазы быстры, а шейка шлёпъ-шлёпъ. (ракъ; такъ дразнятъ Нѣмцевъ).

Что Русскому здорово, то Нѣмцу смерть.

Русскій Нѣмцу задалъ перцу.

У Нѣмца (Француза) ножки тоненьки, душа коротенька.

Прусскій гутъ (хорошъ), а Русскій гутѣе (солдатск.).

Нѣмецъ хоть и добрый человѣкъ, а все лучше повѣсить.

Настоящій Англичанинъ (т. е., корчитъ барина, тороватъ, чудакъ, и дѣлаетъ все по своему).

Сущій Италіянецъ (т. е., пройдоха).

Французъ — кургузъ. Французскій вѣтеръ (вѣтрогонъ).

Это сущій Французъ (т. е., говорливъ и опрометчивъ).

На Француза и вилы ружье (1812 г.)

Замерзъ, какъ Французъ; замороженный Французъ.

Французъ (Полякъ) боекъ, а Русскій стоекъ.

Полякъ (Ляхъ), безмозглый, безначальный; Ляшская, Жидовская, собачья вѣра.

Ляхъ и подъ старость вретъ. Ляхъ и умираетъ, а ногами дрягаетъ.

У насъ не Польша: есть и больше (т. е., больше боярина, вельможи, своевольника).

У насъ не въ Польшѣ, мужъ жены больше.

Что дальше въ Польшу, то разбою больше (Смол.).

У Поляка и приказъ разсказъ (rozkaz).

Кѐпско коло Витѐбска, у Оршѣ горше, а у Минску по свинску (Вил.)

На всю Польшу одинъ комаръ глузду (мозгу) принесъ.

Литвинъ — колтунъ. Литовскій колтунъ.

Литва беззаконная, долгополая, сиволапая, поганая.

Къ кому Богородица, а къ намъ Литва (Икона спасла Москву отъ Тамерлана, а Витовтъ ограбилъ Смоленскъ).

Сурожцы (Черниг.) — Литвины, Литва беззаконная; мякинники, гольтепа̀.

Шведъ, не рубленая голова.

Чортова сторонушка (Финляндія, за каменья).

И у Цыгана душа не погана.

Цыгану безъ обману дня не прожить.

Гдѣ Жидъ не прошелъ, тамъ Цыганъ пролѣзетъ.

Цыганъ разъ на вѣку правду скажетъ, да и то покается.

Жидъ на ярмаркѣ — что попъ на крестинахъ.

Какъ тамъ (у васъ) холодно (сказалъ Цыганъ, закутавшись въ старый бредень и просунувъ палецъ въ ячейку).

Цыганскій потъ пронялъ (т. е., озябъ). Безпомѣстный Цыганъ.

Цыганъ, что голоднѣе, то веселѣе.

Онъ изъ нашихъ. Онъ отъ стѣны пишетъ (т. е., Жидъ).

Отъ него цыбулькой, чеснокомъ пахнетъ (онъ изъ Жидовъ).

Жидъ, свиное ухо съѣлъ.

Жида перекрести, да и подъ ледъ пусти (о крещеномъ Жидѣ).

Жидъ крещеный, волкъ кормленый, да ворогъ примиреный.

Жиды — какъ шмели: всѣ за одно стоятъ.

Жидовская душа. Скорѣе Жиду повѣрю, чѣмъ ему. Онъ и Жида обманетъ.

Кто Цыгана (Жида) обманетъ (проведетъ), трехъ дней не проживетъ.

Изъ двухъ котловъ Жидовъ черти одного Армянина выварили.

На одного Жида — два Грека, на Грека — два Армянина, на одного Армянина два Полтавскихъ дворянина.

Грекъ соленый, малосольный.

Грекъ одну маслинку съѣстъ, и то пальчики обсосетъ.

Коли Грекъ на правду пошелъ, держи ухо остро.

Грекъ скажетъ правду однажды въ годъ.

Семеро Грузинъ мухоморовъ объѣлись.

Богъ создалъ Адама, а чортъ Молдавана.

Много намъ бѣдъ надѣлали — Ханъ Крымскій, да Папа Римскій.

Алай-булай Крымскія пѣсни — да тамъ ихъ и тресни.

Перваго Татарина свинья родила, отъ того они и не ѣдятъ ее.

Гдѣ былъ, князь? Волгамъ шаталъ, базарамъ гулялъ.

Штаны сняли Турецкіе, а батоги кладутъ Русскіе.

Татаринъ — свиное ухо. Бритая плѣшь.

Ѣшь медвѣдь Татарина — оба не надобны.

Моя твоя, — твоя моя — да и только (т. е., Татаринъ, незнающій по Русски, или Калмыкъ).

У Татарина, что у собаки — души нѣтъ: одинъ паръ.

Эй, плѣшь-мурза-Булатáичъ, не видалъ ли пса, собаки Татарина?

А что, добрый человѣкъ, не видалъ ли ты злаго Татарина? (дразнятъ Татаръ.)

Князь, а князь, возми-ка тройчатки, пособи навозъ навалить!

Татарскому мясоѣду нѣтъ конца.

Злѣе злаго Татарина.

Нѣтъ проку въ Татарскихъ очахъ.

Нынѣ про Татарское счастье только въ сказкахъ слыхать.

Люблю молодца и въ Татаринѣ.

Татаринъ, либо насквозь хорошъ, либо насквозь мошенникъ.

Ай молодца: широка лица, глаза узенька, носъ пятка (Калмыкъ).

Калмыкъ — Иванъ Ивановичъ; маханникъ; подъ собою кобылу съѣлъ.

Кто тамъ? Мы. А кто вы? Калмыки. А много ли васъ? Я одна.

Гдѣ два оленя прошло, тамъ Тунгусу большая дорога.

Татаринъ (т. е., плутъ). Грекъ (т. е., мошенникъ сквозной). Жидъ (мошенникъ и скряга). Цыганъ (воръ и мошенникъ).

Чувашинъ — Василій Ивановичъ.

Попъ Васька дóма? А кто тамъ? Василій Ивановичъ (Чувашинъ).

Чуваши хоть сто человѣкъ, всѣ вмѣстѣ говорятъ.

Чувашская лопатка. — Русскій скребокъ (отвѣтъ Чувашина).

Перваго Черемиса лѣшій родилъ, отъ того они въ лѣсу сидятъ.

Черноногая барыня (Чувашка, или Черемиска, въ черныхъ онучахъ).

Былъ бы (весной) борщевникъ, да снидь, и безъ хлѣба сыты будемъ (о Чувашахъ).

Мордва полоротая.

Какъ Мордвинъ, въ коробѣ ѣдетъ (или: съ коробомъ, отъ Мордовскихъ телѣгъ).

У Мордвы двѣ морды, а шкура одна (т. е., два языка).

Разъѣздился, какъ Мордва на Богоявленье (Въ этотъ день иногда трудно проѣхать черезъ Мордовское село, гдѣ всѣ катаются, запрягая поочередно всѣхъ лошадей своихъ, чтобы шайтанъ не смѣлъ на нихъ ѣздить).

Корельскій верстень (верста) — поѣзжай на весь день.

Рыжаго Зырянина создалъ Богъ, рыжаго Татарина — чортъ.

Зырянинъ рыжъ отъ Бога, Татаринъ рыжъ отъ чорта.

Упрямъ, какъ рыжій Зырянинъ.

Чудь бѣлоглазая.

Чудь — въ землю ушла. Чудь живьемъ закопалась. Чудь подъ землей пропала. (Общее повѣрье въ Сѣверовосточной Россіи: Чудь, испугавшись Ермака, или же появившейся внезапно бѣлой березы, означавшей владычество Бѣлаго Царя, соорудила подкопы на стойкахъ, убралась туда со всѣмъ имуществомъ, подрубила стойки и погибла. Остатки ихъ находятъ въ курганахъ и городкахъ).

И въ Самоѣдахъ не безъ людей.

Баба — женщина.

Наша сестра изъ вашего брата (говор. крестьянка барину).

Бабьи сборы — гусиный вѣкъ.

Баба не квашня: встала да и пошла.

Бабѣ дорóга — отъ печи до порога.

Гдѣ двѣ бабы, тамъ суёмъ (сеймъ, сходка), а гдѣ три, тамъ содомъ.

Гдѣ баба, тамъ рынокъ; гдѣ двѣ, тамъ базаръ.

Гусь да баба — торгъ; два гуся, двѣ бабы — ярмарка.

Три бабы — базаръ, а семь — ярмарка.

Бабѣ хоть колъ на головѣ теши.

У бабы семь пятницъ на недѣлѣ. У бабы 72 увертки въ день.

Съ бабой не сговоришь. Бабу не переговоришь. За бабой покидай послѣднее словцо.

Стели бабѣ вдоль, она мѣряетъ поперекъ.

Стрижено, нѣтъ брито (отъ извѣстной прибаски).

Баба пьяна, а судъ свой помнитъ.

Бабьи-то промыслы, что неправые помыслы.

Межъ бабьимъ да и нѣтъ не продѣнешь иголки.

Волосъ дологъ, да умъ коротокъ.

Волосъ дологъ, а языкъ длиннѣй (у бабы).

Волосъ глупъ — вездѣ ростетъ.

Женскіе умы — что Татарскіе сумы (переметны).

Баба, что глиняный горшокъ: вынь изъ печи, онъ пуще шипитъ.

Собака умнѣй бабы: на хозяина не лаетъ (о брани).

Добрая кума живетъ и безъ ума.

Бабьи хоромы не долго живутъ (стоятъ).

Бабьи города̀ не долго стоя́тъ (а безъ бабъ города̀ не стоя́тъ).

Перекати-поле — бабій умъ (извѣстн. трава, которая катится полемъ по вѣтру).

Семь топоровъ вмѣстѣ лежатъ, а двѣ прялки врозь.

Двѣ косы̀ и рядомъ, и въ кучкѣ, а двѣ прялки — никакъ.

Смиренъ топоръ, да веретено бодливо.

Бабій кадыкъ не заткнешь — ни пирогомъ, ни рукавицей.

Бабій языкъ, куда ни завались, достанетъ.

Больна баба въ языкѣ, а чортъ въ бабьемъ кадыкѣ.

Бабій умъ—бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца.

Бабѣ кровь проливать не годится (отъ обычая, что бабы не колютъ птицъ).

Баба бредитъ, да чортъ ей вѣритъ.

Бабья вранья и на свиньѣ не объѣдешь.

Мужикъ тянетъ въ одну сторону, баба въ другую.

Баба съ кромою, а дѣдъ съ сумою.

Въ чемъ дѣду стыдъ, въ томъ бабѣ смѣхъ.

На женскій нравъ не угодишь (не утрафишь).

На женскій норовъ нѣтъ угадчика. Еще тотъ и не родился, кто бы бабій норовъ узналъ.

На женскія прихоти (причуды) не напасешься.

Женскихъ прихотей не перечтешь.

Пусти бабу въ рай: она и корову за собой ведетъ.

Не купи у попа лошади, не бери у вдовы̀ дочери.

Дѣвичьи (женскія) думы измѣнчивы.

Пока баба съ печи летитъ, 77 думъ передумаетъ.

Женскія немощи (бо̀лѣсти) догадки лечатъ.

Псовая болѣзнь до поля, женская до постели.

Женскій обычай — слезами бѣдѣ помогать.

Баба слезами бѣдѣ помогаетъ.

Безъ пла̀чу у бабы дѣло не спори́тся.

У бабъ да у пьяныхъ слезы дешевы.

Бабьи слезы, чѣмъ больше унимать, тѣмъ хуже.

Курица не птица, а баба не человѣкъ.

Курицѣ не быть пѣтухомъ, а бабѣ мужикомъ.

Курица гогочетъ, а пѣтухъ молчитъ.

Кобыла — не лошадь, баба — не человѣкъ.

Я думалъ идутъ двое, анъ мужикъ съ бабой.

Баба что мѣшокъ: что положишь, то и несетъ.

Баба что горшокъ: что ни влей — все кипитъ.

У насъ и баба за урядъ въ рекруты идетъ.

Борода кажетъ мужа, а жену — нужа.

Отъ нашего ребра намъ не ждать добра.

Кто бабѣ (свахѣ) повѣритъ, трехъ дней не проживетъ.

Кто съ бабой свяжется — самъ баба будетъ.

Адамъ заключи древомъ, а Ева выстонала чревомъ.

Мужикъ да собака всегда на дворѣ, а баба да кошка завсегда въ избѣ.

И то бываетъ, что кошка собаку съѣдаетъ.

Лукавой бабы и въ ступѣ не истолчешь.

Этой бабѣ (барынѣ) только бы штаны надѣть (бойка, какъ мущина).

Лучше раздразнить собаку, нежели бабу.

Женское сердце, что котелъ кипитъ.

Женское сердце — что ржа въ желѣзѣ. Баба — что жаба.

Женскій обычай, что впередъ забѣжать.

Женское слово, что клей пристаетъ.

Женская лесть безъ зубовъ, а съ костьми сгложетъ.

Женское сво́йство (норовъ) и на свиньѣ не объѣдешь.

Тугой лукъ — коромыслице, калены стрѣлы — веретеньица.
Лучше разъ въ году родить, чѣмъ день-деньской бороду брить.
Баба да бѣсъ — одинъ у (въ) нихъ вѣсъ.
Куда чортъ не поспѣетъ, туда бабу пошлетъ.
Гдѣ сатана не сможетъ, туда бабу пошлетъ.
Жена виновата искони бѣ. Бабій бытъ — за́все битъ.

Молодость — старость.

Два вѣка не изживешь, двѣ молодости не перейдешь.
Корота́ть молодость — не видать старости.
Помоложе (т. е., парень), такъ рублемъ подороже.
Поколѣ молодъ, потолѣ и дорогъ.
Золотое время — молодыя лѣта. Золотая пора — молодые годы.
Чѣмъ старѣе, тѣмъ правѣе; а чѣмъ моложе, тѣмъ дороже.
На залежь (старину) навозъ возятъ, на новинѣ хлѣбъ сѣютъ.
Не спрашиваютъ отца, спрашиваютъ молодца.
Человѣкъ два раза глупъ живетъ: старъ да малъ.
Старъ да малъ — дважды глупъ.
Старый, что малый; а малый, что глупый.
Ни по старости мрутъ, ни по молодости живутъ.
Не годы, а горе старитъ. Не старый умираетъ, а поспѣлый.
Старостію не жить, а молодостію не умереть.
Молодые по выбору мрутъ, старые поголовно.
Крючковатому носу не долго жить (т. е., старому).
Молодой работаетъ, старый умъ даетъ. Молодой на службу, старый на совѣтъ.
Старцу пакости не твори. Старую собаку не волкомъ звать.
Не смѣйся надъ старымъ, и самъ будешь старъ.
Молодость не грѣхъ, а и старость не смѣхъ.
Годы не уроды. Не годы уроды, а люди.
И старую кукушку на ястреба не промѣнять.
Не у дѣтей и сидни (сѣдина) въ честь.

Гдѣ старьё (старья), тутъ и статьё (статья).

Старшихъ и въ Ордѣ почитаютъ.

Молодой на битву, а старый на думу.

Молодъ князь — молода и дума.

И старъ да веселъ, и молодъ да угрюмъ.

И старъ, да пѣтухъ, и молодъ, да протухъ.

Самъ старъ, да душа молода.

Старый песъ не обманетъ. Старъ песъ, да вѣрно служитъ.

Старый воронъ не каркнетъ мимо (опытенъ).

Сѣдина въ бороду — умъ въ голову.

Старый конь борозды не портитъ. Старый конь мимо не ступитъ.

Старъ пестрецъ (рыба; или: старъ селезень), да уха сладка.

Старъ, да дюжъ. И свѣжъ и гожъ.

Старый солдатъ и стараться радъ.

Стараго лѣсу кочерга. Старый волкъ знаетъ толкъ.

Старина съ мозгомъ. Старина — что диво.

Поживи на свѣтѣ, погляди чудесъ.

Стараго воробья на мякинѣ не обманешь.

Стараго волка въ тенета не загонишь.

Старикъ, да лучше семерыхъ молодыхъ.

Дѣтинка съ сѣдинкой вездѣ пригодится.

У стараго козла больше рога.

Малъ да глупъ — больше бьютъ; старъ да уменъ — два угодья въ немъ.

Старое дерево трещитъ, молодое летитъ.

Ахъ, макъ, да зеленъ; хорошъ малый, да молодъ.

Молодой журавль высоко взлетѣлъ, да низко сѣлъ.

У молодаго умъ не окрѣпъ. Молодо — зелено; старо — да гнило.

Молодъ, да смородъ; а и старъ, да басокъ (Арханг.).

Молодъ, да по̀ міру ходитъ; старъ, да семью кормитъ.

Сколоченая посуда два вѣка живетъ.

Много новыхъ горшковъ перебито, а молостовъ другой вѣкъ служитъ (т. е., старый горшокъ, повитый берестою).

Молоды опенки, да черви въ нихъ (да чортъ ли въ нихъ?).

Старъ грибъ (дубъ), да корень свѣжъ.

Чего въ дѣтствѣ просимъ, то подъ старость бросимъ.

Малый проситъ, а выростетъ — броситъ.

Воевалъ молодой, а подъ старость отпустили домой.

Въ чемъ молодъ похвалится, въ томъ старъ покается.

Дитя падаетъ — Богъ перинку подстилаетъ; старъ падаетъ — чортъ борону подставляетъ.

Старые дураки глупѣе молодыхъ.

Подъ старость человѣкъ — либо умнѣй, либо глупѣй бываетъ.

Старъ сталъ — умъ кончалъ (Татарская).

Стараго учить — что мертваго лечить.

Стараго не бьютъ, мертваго не каютъ (здѣсь каять гл. дѣйств.).

Стараго пса къ цѣпи не пріучишь.

Старое мясо какъ не вари — все тянется.

Не даромъ старцы уроды. Годы калѣчатъ.

Пришлось тѣшить стараго да малаго (т. е., въ семьѣ).

Летѣла муха-горюха, да дунула въ ухо стару старику, за нову новину.

Старуха — бабушка повируха: изъ стараго ума выжила, новаго не прижила.

Изъ стараго ума выжили, новаго не нажили.

Старый разумъ проживаемъ, новаго не наживаемъ — дураками умремъ.

Расходится старуха, такъ и не убаюкаешь.

Молодой старѣетъ—умнѣетъ; старый старѣетъ — глупѣетъ (дурѣетъ).

Шестьдесятъ лѣтъ прошелъ, ума назадъ пошелъ (говорятъ Татары).

Изъ ума выжить; одурѣть годами.

Молодые дерутся — тѣшатся, старые дерутся — бѣсятся.

Вѣкъ дожилъ, а ума не нажилъ.

До лысины (до старости) дожилъ, а ума не нажилъ.

Борода глазамъ (уму) не замѣна.

Борода съ возъ, а ума съ накопыльникъ нѣту.

Не по годамъ, а по ребрамъ (бьютъ).

Не научилъ плетью, а дубиной не научишь (т. е., подъ старость).

Съ молоду прорѣшка — подъ старость дыра.

И сѣдъ, да ума нѣтъ; и молодъ, да держитъ (водитъ) волость.

Молодъ, да водитъ волость; и старъ (и сѣдъ), да въ чужѣ пасетъ.

Малъ — да уменъ, старъ — да глупъ.

Молодъ — перебѣсится, старъ не перемѣнится.

Богатому красть, а старому лгать (одинаково кстати).

Волосомъ сѣдъ, а совѣсти нѣтъ.

Сорока лѣтъ, а сорому нѣтъ.

И въ семьдесятъ лѣтъ, да совѣсти нѣтъ.

Сѣдина въ голову (или: въ бороду), а бѣсъ въ ребро.

Стараго чорта, да подперъ бѣсъ. На сѣдину бѣсъ падокъ.

Старъ котъ, а масло любитъ.

Года (старость) отъ соблазна не затулье.

Сѣдина напала — счастье пропало (отпало).

Вѣтеръ пошумитъ — да устанетъ; старая баба расходится — не скоро уймешь.

Состарѣлся, а жить не уставился. Старый хлѣбъ сѣмена переводитъ.

Черезъ старыхъ и молодымъ житья нѣтъ.

Отъ старыхъ дураковъ молодымъ житья нѣтъ.

Молодыхъ потѣшить — стариковъ перевѣшать.

Молоды-тѣ дураки разумны каки — а стары дураки глупы каки!

Дьяволъ старъ, да празднества ему нѣтъ (т. е., не чтутъ).

Старую собаку не батькой звать. Попову собаку не батькой звать.

Старость — не радость.

Старость — увѣчье; старость — неволя.

Отъ старости зелье — могила.

При старости двѣ радости: и съ горбомъ и съ бѣльмомъ (или: и горбъ и кила).

Старость не радость, горбъ не корысть.

Старость не радость, не красные дни.

Старость не радость: либо горбъ, либо кила (а инò и оба).

Старость не радость, а молодость не корысть.

Сдружилась старость съ убожествомъ, да и сама не рада.

При старости бѣдность всего хуже. Старъ да нищъ — гнилъ да свищъ.

Чужой вѣкъ живетъ (доживаетъ, заѣдаетъ). Ты чужой вѣкъ живешь, пора тебя лобанить (пора бы и честь знать).

За него давно на томъ свѣтѣ провiантъ получаютъ (Солд.).

Старше поповой собаки. Старѣе поповой кобылы.

Старъ, что собака, а малъ, что щенокъ.

Онъ живетъ Аредовы вѣки (долговѣченъ).

На стараго Потапа выросла лопата.

Дѣдушка сѣдъ, а смерти на него нѣтъ.

Дай Богъ въ молодости грызть кости, а подъ старость — мягкое.

Молодъ — кости гложи, старъ — кашу ѣшь (на печи лежи)!

Жила бабушка — не мѣшала; умерла — голбчикъ опростала.

Старыя старушки, мягкiя краюшки.

Съ молода наживай, а подъ старость проживай!

Старой бабѣ и на печи ухабы. Старыя кости перележиваются.

Старыя кости захотѣли въ гости

Въ лѣсу птицы, въ теремѣ дѣвицы, а у бражки старыя бабы.

И по лѣтамъ, и по годамъ — одно мѣсто: печь.

Въ старомъ тѣлѣ, что во льду. Въ старой кости сугрѣву нѣтъ.

Выношеная шуба не грѣетъ. Обносится тулупъ—плѣшь, да шкура.

Старый мужъ, что гнилая колода лежитъ.

Словно живой прахъ по землѣ прошелъ.

До 30-ти лѣтъ грѣетъ жена, послѣ 30-ти рюмка вина, а послѣ — и печь не грѣетъ.

Вѣкъ живучи — состарѣешься. Молодо растетъ, а старо старѣется.

Станемъ говорить про-старь, какъ доживать до-сталь.

Ужъ у меня давно хрящи срослись. Ужъ и хрящи окостенѣли.

У меня, братъ, ужъ давненько темячко окрѣпло.

Ужъ у него (изъ него) песокъ сыплется.

У Тараса на плѣши разыгралися три вши.

Дѣдушка старенекъ, а немного у него денегъ.

Бабушка старенька, а денегъ у нея маленько.

Сивому мерину смолоду цѣны не было, а подъ старость задаромъ отдали Татарамъ.

У стараго не по старому. Что-то у стараго не все по старому.

У стараго коня — не по старому хода̀.

Подъ старость все неволя. Не въ охоту съ икотой.

Съ молоду охотою, а подъ старость перхотою.

Старость придетъ — веселье на умъ не пойдетъ.

Ни съ молоду молодецъ, ни подъ старость старикъ.

Молодъ бывалъ — на крыльяхъ леталъ; старъ сталъ — на печи сижу.

Старый хочетъ спать, а молодой — играть.

Молодъ съ игрушками, старъ съ подушками.

Кабы снова на свѣтъ народиться, зналъ бы какъ состарѣться.

Только бы помолодѣть, а ужъ зналъ бы какъ состарѣться.

Адамовы лѣта сначала свѣта.

Тужи по молодости, что по большой волости.

Прошла молодость — не за холщевый мѣхъ.

Прожили вѣкъ — не за холщевый мѣхъ.

Не гребень голову чешетъ, а время. Время краску съ лица̀ сгоняетъ.

Уплыли годы, какъ вешнія во̀ды.

Молодости не воротить, а старости не избыть.

Еще первая голова на плечахъ, и шкура не ворочана.

Перва кожа, нѐвороть (не больно старъ).

Смолоду кривулина, подъ старость кокора.

Хоть кривое, да молодое; а старое — и прямое, да гнилое.

Молодое да кривое (дерево), подъ старость и вдвое.

Молода, въ Саксоніи не была (солд.).

Смолоду ворона по поднебесью не летала, не полетитъ и подъ старость.

Старику не животы наживать, а дни проживать.

Пѣтухи на насѣсть садятся, а старые люди на печь валятся.

Старикамъ по зубамъ. Не наша ѣда орѣхи, а наша — каша.

Придетъ старость — придетъ и слабость.

Старики хилѣютъ, молодые порѣютъ.

Старый старѣется, а молодой растетъ.

Старый старѣется, а молодой не молодѣетъ.

Старость съ добромъ не приходитъ. На стараго и немощи валятся.

Онъ не годится и мышей ловить. Онъ уже и мышей не ловитъ (т. е., одряхлѣлъ).

Старость не радость, а пришибить некому.

Чѣмъ молодой похваляется, тѣмъ старый остужается (стыдится).

Молодъ бывалъ — и со грѣхомъ живалъ.

Кто бабушкѣ не внукъ, кто молодъ не бывалъ?

Молодость не безъ глупости, старость не безъ дурости.

Молодой схвастаетъ, что и старый не схрястаетъ.

Молодому хвастать, старому хрястать.

Нынѣ не спрашивай стараго, а спрашивай малаго!

Старость — эх-ма! А молодость — ой-ой!

На что отецъ, коли самъ молодецъ?

Съ тебя, окаяннаго, не будетъ и старика постояннаго.

Старостью не старъ, только съ лихости пропалъ.

Не годами старъ, а норовомъ.

Хороша молодежь, а къ норѣ никого не найдешь.

Молодой старому не вѣритъ (и на оборотъ).

Нынѣ молодежь — погляди да брось.

Нынѣ старики — ужъ и невѣсть каки?

Молодость рыщетъ — отъ добра добра ищетъ.

Кто въ двадцать лѣтъ не здоровъ (не хорошъ), въ тридцать не ученъ, а въ сорокъ не богатъ, тому вѣкъ такимъ не бывать.

Малый, что глупый, а глупый, что малый.

Молодо — зелено; старо — да сбойливо.

Не зрѣлъ виноградъ — не вкусенъ, а молодъ человѣкъ — не искусенъ.

Зеленъ виноградъ не сладокъ, а молодъ человѣкъ не крѣпокъ.

Сусло не брага, молодость не человѣкъ.

Молодость плечами по крѣпче, старость головою.

48

Молодость ременны гужи рветъ, старость и на лычагѣ претъ.

Молодо — жидко, старо — круто, а середовая пора однимъ днемъ стои́тъ.

Молодому крѣпиться — впредъ пригодится.

Молодъ мѣсяцъ — не на всю ночь свѣтитъ.

Молодо — зелено, погулять велѣно.

Молоденькій умокъ, что весенній ледокъ.

Молодой умъ, что молодая брага (бродитъ).

Молодое пиво уходится. Молодой квасъ — и тотъ играетъ.

Часъ придетъ, и квасъ дойдетъ.

Молоденекъ — доживетъ до денегъ.

Молоденекъ — зелененекъ; просмѣешься, въ пастухи наймешься, а протру́бишься — и дровъ нарубишься.

Молодъ не добѣсится, такъ старъ съ ума сойдетъ.

Молодъ — просмѣется; зеленъ — дойдетъ.

Доброе дитя скорѣе пролжется.

Молодъ годами, да старъ умомъ. Умъ бороды не ждетъ.

Молодъ, да стары книги читалъ.

Не спрашивай стараго, спрашивай бывалаго!

Молодецъ молодой конь, а съ нимъ безъ хлѣба будешь (въ соху не годится).

На твоихъ родинахъ я кашу ѣлъ.

Когда ты слѣпымъ щенкомъ родился, тогда я къ отцу твоему на пиръ рядился.

Я у него на крестинахъ не бывалъ (лѣтъ его не знаю).

Поглядѣть кому въ зубы (узнать лѣта̀). Я ему въ зубы не глядѣлъ.

Его поздно учить: распашенка на немъ ужъ не сойдется (т. е., дѣтская рубашонка).

Не учили, покуда поперекъ лавки укладывался; а во всю вытянулся — не научишь.

Золотое время — молодыя лѣта. Пока молодъ, пота и веселъ.

Дважды молоду не бывать. Не по двѣ молодости жить.

Молода еще дѣвка, какъ о Спасѣ ягня.

Расцвѣтаетъ, что маковъ цвѣтъ. Кровь съ молокомъ.

Молоко на губахъ не обсохло. Я тебѣ утру молоко на губахъ.

Хоть хлѣба ни куса, да молодецъ безъ уса.

Усъ не пробился; молокососъ; щенокъ; не выкунѣлъ; давно ли лакать сталъ? (т. е., самъ ѣсть).

Парень на усу лежитъ (т. е., входитъ въ возмужалость).

Большой для страсти, малый для сласти (слушается).

Учись, поколѣ хрящи не срослись.

Добрый малый; лихой малый; отчаянный малый; умный малый; малый не глупый; малый съ деньгами и пр.

Одиночество — женитьба.

Ни роду, ни племени. Бобыль бобылемъ. Круглый сирота и сверху и снизу.

Одинку — гдѣ хлѣбъ, тамъ и уголъ.

Сиротская слеза не даромъ канетъ (не канетъ мимо).

Живетъ одинъ, какъ божедомъ (сторожъ у скудельницы).

Добрый Мордвинъ живетъ и одинъ.

Одна голова не бѣдна; а и бѣдна, да одна.

Одинъ скачетъ, одинъ и плачетъ — а все одинъ (беззаботно).

Одна голова и смѣется и плачетъ — все одна.

Мотовать, да не женатъ, одному себѣ въ накладъ.

Домовиновъ (домочадцевъ, семьи) нѣтъ, такъ есть домовой.

Одинъ сидитъ, самдругъ спитъ.

Бездѣтный умретъ, и собака не возметъ (не взвоетъ).

Живешь — не съ кѣмъ покалякать; помрешь — некому поплакать.

Жить-то прохладно, да спать не повадно.

На что мягко стлать, коли не съ кѣмъ спать?

И въ раю жить тошно одному.

Семейная кашка погуще кипитъ. Въ семьѣ и каша гуще.

Семейный горшокъ всегда кипитъ.

Гуртовая копейка виднѣе.

Добрая жена, да жирные щи — другаго добра не ищи!

Живучи одной головкой, и обѣдъ варить не ловко.

Двѣ шубы тепло, двѣ хозяйки добро (о снохѣ).

Семья воюетъ, а одинокій горюетъ.

Одна головня и въ полѣ гаснетъ, а двѣ дымятся (курятся).

Своя себѣ семейка — свой просторъ.

Холостой — что бѣшеный. Холостой — полчеловѣка.

Холостой много думаетъ, а женатый больше того.

Холостой — простой, женатъ — богатъ, а вдовецъ — что зяблецъ.

Одинокому — хоть утопиться, женатому — хоть удавиться.

Холостому ох-охъ, а женатому: ай-ай!

Холостой охаетъ, женатый ахаетъ.

Безъ жены, что безъ кошки, а безъ мужа, что безъ собаки (т. е., некому оберегать).

Дѣвка красна до замужства.

Всѣ дѣвушки хороши — а отколь берутся злыя жены?

Судьба придетъ—и ру̀ки свяжетъ (и по рукамъ свяжетъ; оженитъ).

Взялъ Ѳома Лукерью — судъ Божій пришелъ.

Кому вынется, тому сбудется (не минуется).

Суженаго ни обойти, ни объѣхать. Суженаго и конемъ (и на кривыхъ оглобляхъ) не объѣдешь.

Всякая невѣста для своего жениха родится. Кому невѣста годится, для того (въ того) и родится.

Временемъ и смердъ барыню беретъ.

Честнымъ пиркомъ, да и за свадебку.

По рукамъ, да и въ баню. Дай Богъ любовь, да совѣтъ!

Жить, поживать, да добро наживать.

Чего тутъ калякать? Давай свадьбу стряпать!

Таково̀ дѣло, что надо итти смѣло (война и женитьба).

Таково ужъ дѣло (женитьба), что всякому надоѣло.

Смерть да жена, — Богомъ суждена.

Богъ воленъ, да жена — коли волю взяла.

Не въ чью голову, въ женихову.

Не страшно жениться, страшно къ тому дѣлу приступиться (страшно къ попу приступиться).

Страшно видится: стерпится (сбудется) — слюбится.

Любовь холостаго, что вешній ледъ.

Холостой легъ — свернулся, всталъ — встряхнулся.

Одному не страшно, а двоимъ веселѣй.

О томъ и кукушка кукуетъ, что своего гнѣзда нѣтъ.

Одному спать — и одѣяльце не тепло.

Одному и топи́ться итти скучно.

Холостому помогай Боже, а женатому хозяйка поможетъ.

Тошно жить безъ милаго, а съ немилымъ тошнѣе.

Сосватавшись, да — хороша ль невѣста?

Сосватавъ невѣсту, у людей не спрашиваются.

На рѣзвомъ конѣ жениться не ѣзди!

Не купи у попа лошади, не бери у вдовы дочери!

Отъ попа кляча не ко двору, отъ вдовы дочь не по нутру.

Не покупай у ямщика лошади, а у вдовы не бери дочери: у ямщика лошадь изломана, у вдовы дочь избалована.

У ямщика лошадь надсажена, у вдовы дочка наважена.

Жениться — не лапоть надѣть.

Женишься разъ, а плачешься вѣкъ.

Жениться не долго, да Богъ накажетъ, долго жить прикажетъ.

Женитьба есть, а разженитьбы нѣтъ.

Худой попъ свѣнчаетъ — и хорошему не развѣнчать.

Вздурился, женился; гдѣ покаялся, тутъ и удавился.

Умирать, не въ помирушки играть; а свѣнчаться, не сплясаться.

Добрая женитьба къ дому пріучаетъ, худая отъ дому отлучаетъ.

Для щей люди женятся, а отъ добрыхъ женъ постригаются.

Для щей люди женятся, для мяса замужъ идутъ.

Дай Богъ — съ кѣмъ вѣнчаться, съ тѣмъ и кончаться.

Невѣста родится, а женихъ на́ конь садится (на коня сажали 3—7 лѣтъ).

Хороша парочка, какъ баранъ да ярочка.

Утопили дѣвку за парнемъ (за молодцомъ; или: за парня, за молодца).

Въ дѣвкахъ сижено—горе мыкано; за мужъ выдано—вдвое прибыло.

Въ дѣвкахъ сижено — плакано; замужъ хожено — выто.

Золотая дѣвка за лычнымъ парнемъ.

Есть дѣвка серебряна, поискать парня глинянаго.

Не плачь, дѣвка, что отдаютъ за парня: плакать бы ему, что беретъ бѣду.

Не тужи, за мужъ идучи: какъ мужъ бить станетъ, тогда наплачешься.

Невѣста безъ мѣста, женихъ безъ ума (безъ куска).

Просватали міряка за кликушу (Міря чество, въ вост. Сиб. болѣзнь или порча, по повѣрью, близкая къ бѣснованію, одержанію; кликушество тоже, на сѣверовостокѣ, особенно въ Пермской губ. Кликуши входятъ иногда въ скотское неистовство).

Отдали Хавронью за Ховрина сына.

Жаль дѣвки — погубили (потеряли) парня.

Жаль Насти, а парня изнапаститъ.

Жéнится — перемѣнится. Жени́ться — переродиться.

Напередъ перебѣситься, а тамъ и жениться.

Жениться — не все веселиться. Женился — на вѣкъ заложился.

Жениться, такъ не лѣниться; хоть не хочется, да вставай!

Станешь гадать, какъ дѣвку замужъ отдать.

Не равно замужъ выйдется; не ровенъ чортъ навяжешься (накачается).

Чѣмъ не молодецъ, коли носъ съ огурецъ?

Въ 18 лѣтъ жениться, чтобъ на тягло садиться.

Женился на скорую руку, да на долгую муку.

Не кайся — рано вставши, да молодъ женившись.

Не надолго старый женится.

На старость жениться — не себѣ корысть.

У стараго мужа молодая жена — чужая корысть.

Видима бѣда, что у стараго жена молода.

Старый мужъ, да упрямый мужъ — поперекъ постели лежитъ.

Какъ старому жениться, такъ и ночь коротка.

Здравствуй женившись, да не съ кѣмъ спать (жить)!

Либо старо-уродливое, либо молодо-спесивое, либо въ ровню упрямчивое.

Мущина, коли хоть немножко казистѣе чорта, — красавецъ.

Не уродъ, такъ и красавецъ.

Молодому жениться рано, а старому поздно.

Изъ кута по лавкѣ, все женихи.

Изъ кута по лавкѣ, шелудякъ нагoлò.

За тѣмъ дѣвкѣ не сидѣть, что ей ребятъ носить.

Много жениховъ, да суженаго нѣтъ.

Не всякъ женихъ (женится), кто присватался.

Худой женихъ сватается — доброму путь кажетъ.

Женихъ съ мѣста, другой на мѣсто.

Старый обманетъ — долго жить станетъ; молодой обманетъ — вдругъ помретъ.

Бову королевича что ли тебѣ! — Еще какого захотѣла — во лбу мѣсяцъ, въ затылкѣ ясны звѣзды!

Тотъ не хорошъ, другой не пригожъ, погляди-ка на себя, сама-то какова?

Не птицу сватать, а дѣвицу.

Хорошихъ не отдаютъ, а плохую взять не хочется.

И радъ бы женился, да некого взять (да никто нейдетъ).

Жену хорошую взять — много станутъ знать, а худую — нельзя въ люди показать.

Не ищи красоты, ищи доброты (досужества)!

Съ лица не воду пить, умѣла бы пироги печь.

Любить хоть не любила бъ, да почаще взглядывала.

Красота приглядится, а щи не прихлебаются.

Не бери жену богатую, бери не початую!

Домъ купи крытый, кафтанъ шитый, а жену не початую!

Домъ купи съ жильцомъ, а жену бери одну (для себя)!

Жену выбирай не глазами, а ушами (т. е., по славѣ)!

Жену съ почину берутъ.

Первую дочь бери — по отцу, по матери, а вторую — по сестрѣ!

Первую дочь по семьѣ бери, вторую по сестрѣ!

Выбирай корову по рогамъ, а дѣвку по родамъ!

Перваго сына женитъ отецъ-мать, втораго — сноха (т. е., отзывъ ея о свекрахъ).

Дѣвкѣ косу расплетать — пораньше вставать (т. е., не опаздывать).

На молодой жениться — съ молодцами не водиться.

Богатую взять — станетъ попрекать.

Хорошую взять — много будутъ люди знать.

Умную взять — не дастъ слова сказать.

Знатную взять — не съумѣетъ къ работѣ пристать.

Изъ дворянства взять — надо много убору держать

Изъ посадскихъ взять — много книгъ (вина) держать.

Грамотницу взять — станетъ праздники разбирать.

Церковнаго чину взять — кутейникомъ станутъ звать.

Изъ приказныхъ взять — надо приказный порядокъ знать.

Изъ холопства взять — будутъ пересмѣхать.

Изъ крестьянства взять — отъ компаніи отстать.

Худую взять — стыдно въ люди показать.

Убогую взять — нечѣмъ содержать.

Старую взять — часто съ нею хлопотать.

Фабричную взять — дома не собрать

Слѣпую взять — все растерять.

Пьяницу взять — будетъ крадучи вино покупать.

(Аще кто хочетъ по праву выбирать, то вѣкъ женатому не бывать; а надо спроситься у добрыхъ людей. Съ лубочн. карт).

Не меледа, по пальцамъ всѣхъ не переберешь.

Не перерожать стать невѣсту тебѣ, какова есть.

Не хорошихъ (о красотѣ) Богъ не дѣлаетъ, была бы досужа.

Хорошія для хорошихъ, а работящія для нашего брата.

Много невѣстъ разбирать, такъ вѣкъ женатому не бывать.

Охти-ахти! какъ-то замужъ итти?

Свои женихи не берутъ, а за чужаго итти не хочется.

За худаго за мужъ не хочется, а хорошаго негдѣ взять.

Не куй меня, мати, къ каменной палатѣ, прикуй меня, мати, къ дѣвичьей кровати (слова сына)!

Черезъ золото слезы льются.

Приданое въ сундукѣ, а дуракъ на рукѣ.

Платье на грядкѣ, а дуракъ на рукѣ.

Не съ богатствомъ жить, съ человѣкомъ.

Въ прикрытіи не стой, а приданой деревни не строй!

Богаты невѣсты — да до вѣнца. Вѣрь приданому послѣ сватьбы!

Богатую невѣсту беручи, да думай о томъ, какъ семью кормить.

Въ копнахъ не сѣно, въ приданомъ не деньги.

Въ потравѣ не хлѣбъ въ долгахъ (въ людяхъ) не деньги, въ приданомъ не животы.

Не вздыхай тяжело, не отдадимъ далеко!

Хоть за нищаго, да въ Конищево (село въ 2-хъ верстахъ отъ Рязани, т. е., отдать дѣвку по сосѣдству).

Хоть за лыску (старика), да близко (да въ Лысково; село Васил. у. Нижегород. губ.).

Невѣста съ топоромъ, а женихъ босикомъ.

Невѣста въ полъ-осьма аршина, а поперекъ себя половина.

Невѣста 14-ти вершковъ въ отрубѣ.

Невѣста съ приданымъ: у рукъ, у ногъ пальцевъ по двѣ дюжины безъ мала, только четырехъ не достало.

Два лукошка земли въ Ломовѣ, да гнилое болото въ Уколовѣ (ничего).

Сундукъ съ бѣльемъ, да невѣста съ бѣльмомъ (съ горбомъ).

Липовы два котла, да и тѣ сгорѣли до тла (приданое.).

Деревянный горшокъ, да свиной рожокъ (приданое).

Сосновый кувшинъ, да вязовое блюдо въ 6 аршинъ (приданое).

Два полотенца изъ дубоваго полѣнца (приданое).

Сито съ обечайкой, да вѣникъ съ шайкой (приданое).

Сережки двойчатки, изъ ушей лѣсной матки (приданое).

Кофта посконна, да юбка суконна (приданое).

Одѣяло стеганое алаго цвѣту, а какъ ляжешь спать, такъ его и нѣту (приданое).

Съ пачкой товаръ идетъ (т. е., свои серьги на невѣстѣ, или чужія?)
Безприданница — безобманница: что есть, то и есть.
Любо — такъ къ вѣнцу, не любо — къ отцу.
Вотъ идетъ расплети-косу, потеряй-красу (т. е., сватья).
Вѣнцомъ грѣхъ прикрыть. Была подъ вѣнцомъ и дѣло съ концомъ.
Съ вечера дѣвка, со полуночи молодка, а по зарѣ хозяюшка.
Дѣвкой меньше, такъ молодицей больше.
Вотъ тебѣ кокуй (бабій головн. уборъ), съ нимъ и ликуй!
Подъ чужой потолокъ подведутъ и другое имя дадутъ.
Добрая сватьба — недѣлю.
Съ трубами сватьба, и безъ трубъ сватьба.
Сосватаная, что обвѣнчанная (что проданная).
Запитая дочь не обвѣнчанная. Мы сказали — не завязали.
Не выбирай невѣсту, выбирай сваху!
У доброй свахи женихи съ невѣстами всѣ на перечетѣ.
У свахи неряхи и невѣсты непряхи.
Безъ нашей свахи и дѣвка не заневѣстится.
Расплети-косу, сватьюшки, потеряй-красу, друженьки!
Сваха чужу сторону нахваливала: она сахаромъ посѣяна, она медомъ поливана, виноградомъ огороженая, да тафтою покрываная.
Чужедальня сторона: она горемъ посѣяна, слезами поливана, тоскою покрывана, печалью горожена.
Хвалитъ сваха чужу сто̀рону, а сама въ нее ни по̀ ногу.
Подъ добрую сваху комаръ носа не подточитъ.
Свашка, свашенька, высватай мнѣ Пашеньку!
У нашей свахи такъ: хожено, такъ слажено, а расхлебывайте сами!
Сваха все знаетъ, только вѣрь ей! Хлопай ушами: сваха все скажетъ.
Супротивъ свахи не схвастать; а и схвастать, такъ не схрястать.
Въ свахиной хвасти — нѣтъ сласти.
На свашенькиныхъ рѣчахъ — хоть садись да катись (хоть выспись)!
Бестыжіе глаза, — ровно у свахи.
Сваха видѣла, какъ батракъ теленка родилъ (изъ сказки).
Сваха улками ходитъ, проулками, да заулками.

Сваха ходитъ собачьей тропой (т. е., тайкомъ).

Сваха на сватьбу спѣшила, на мутовкѣ рубаху сушила.

Стклянница — свахѣ пьяницѣ.

Свашенька попляши: у тебя ножки хороши.

Въ веревочку играютъ, для зачину въ кругъ сваху пускаютъ.

За приворотнымъ корнемъ не къ свахѣ итти (за деньгами, достаткомъ).

Дуракъ сваху копченымъ льдомъ угощалъ (отъ лубочн. картин.)

Посидѣть подъ матицей (т. е., сватать, быть свахой). Подъ матицу сѣла, такъ сваха.

Мы подъ матицей сиживали, отъ людей спасибо слыхивали.

Отъ свахи (отъ сватьи) зватый (въ гости зоветъ), а отъ кумы позыватый (съ тяжбой, ссорой).

Знаютъ сватью и въ старомъ (и въ новомъ) платьѣ.

Холостаго сватомъ не посылаютъ.

Пустосватъ сладилъ сватьбу: засылайте свата (пустосватъ засылается подъ рукой, на развѣдку)!

Женитьба — не гоньба, поспѣешь.

Женитьба не молотьба: не мышь зародъ подъѣдаетъ.

Такъ женился, что и самъ себѣ (на себя) подивился.

Такъ вѣнчали, что и дома (и свои) не знали.

Скорая женитьба — видимый рокъ.

Жена мужу — пѣтый кусъ. Жена — кабальный батракъ.

Не хвались замужствомъ (женитьбой) третьяго дня, а хвались третьяго года!

На хорошую глядѣть хорошо, а съ умною жить хорошо (женой).

Добрая жена домъ сбережетъ, а плохая рукавомъ разнесетъ (растрясетъ).

Одна жена плачетъ отъ жалости, другая отъ лести.

Добрая жена — веселье, а худая — злое зелье.

Больная жена мужу не мила.

Не у всякаго жена Марья, кому Богъ дастъ.

Бился, колотился, мясоѣдъ прошелъ, а все не женился.

Бился, колотился, а доброй жены не добился.

Выводное далъ, да плачется; даромъ взялъ, да любуется.

Кумишься, сватаешься — а проспишься — спохватишься.

Женился, какъ на льду обломился.

Начто было жениться, коли рожь не родится?

Хоть гайтанъ порви, да жену корми (т. е., хоть крестъ съ шеи продай)!

Что красенъ? Жениться хочу. Что блѣденъ? Да женился.

Что веселъ? Да женюсь. А что головушку повѣсилъ? Да женился.

Жениться бѣда, не жениться бѣда; третья бѣда, не дадутъ за меня.

Одинъ женился — свѣтъ увидалъ; другой женился — съ головою пропалъ.

Одному съ женою радость, другому горе.

Одному съ женою горе, другому вдвое.

Женилъ бы тебя (сказалъ мужикъ въ сердцахъ упрямому мерину, который задурилъ).

Горько, что бѣда, а мило, что жена.

Жена не сапогъ (не лапоть), съ ноги не скинешь.

Жена не рукавица, съ руки не сбросишь (за поясъ не заткнешь).

Жена не гусли: поигравъ, на стѣнку не повѣсишь.

Жена не сѣдло: со спины не сымешь.

Мужъ задуритъ, половина двора горитъ; а жена задуритъ, и весь сгоритъ.

Не столько мужъ мѣшкомъ, столько жена горшкомъ (сберегаетъ, приноситъ въ домъ).

Мужъ возомъ не навозитъ, что жена горшкомъ наноситъ.

Хорошая (пригожая) жена — лишняя сухота.

Жена красавица — безочному (слѣпому) радость.

Глупому мужу красная жена дороже краснаго яйца.

Чужая жена — лебедушка, а своя — полынь горькая.

Мужнинъ грѣхъ за порогомъ остается, а жена все домой несетъ.

Мужъ согрѣшилъ, такъ въ людяхъ грѣхъ; а жена согрѣшила, домой принесла.

На чужихъ женъ не заглядывайся, а за своею пригляди!

Чужемужнину жену любить, съ нею и плакаться.

Вольно дурить, чужихъ женъ любить.

За ревнивымъ мужемъ быть — не въ корысти свою молодость износить.

Любитъ жена и стараго мужа, коли не ревнивъ.

Старъ мужъ, такъ удушливъ; молодъ, такъ не сдружливъ.

По старомъ мужѣ молода жена не тужитъ.

Старый мужъ и на руку колодой валится.

На костяхъ мясо слаще, а подъ старость жена милѣе.

Мужъ старъ, а жена молода — дожидайся дѣтей; мужъ молодъ, а жена стара — дожидайся плетей.

И старая корова любитъ быка.

Молодица у старика — ни дѣвка, ни баба, ни вдова.

Отъ бѣла свѣта отстану, а стараго любить не стану.

Которому вы чудотворцу молитесь, что у васъ у всѣхъ молодые мужья?

Старый мужъ радъ и годовалому житнику (хлѣбу), троеденной кашѣ.

Нужа, нужа! нѣтъ ея хуже, а лучше худаго мужа.

Стужа да нужа, а лучше худаго мужа.

Плохо стужа да нужа, а все лучше худаго мужа.

Ни выпрячи-впрячи, ни въ ухабѣ сберечи, ни отъ солнышка затулье, ни отъ дождя епанча.

Какъ худая трава, только ноги оплела.

Ни въ молодости на потѣху, ни въ старости на подмогу, ни по смерти на поминъ души.

Жена мелетъ, а мужъ спитъ. Жена прядетъ, а мужъ пляшетъ.

Жена у посудника (дома); и мужъ у посудника (въ кабакѣ).

Не та счастливая, что у отца (счастлива), а что у мужа.

Худой мужъ умретъ, добрая жена по дворамъ пойдетъ.

Съ нимъ горе, а безъ него вдвое. Хоть лыками шитъ, да мужъ.

Худъ мой Устимъ, да лучше съ нимъ.

Худъ мой мужилка, а завалюсь за него — не боюсь никого.

Мужененкъ, хоть всего съ кулачекъ, да за мужниной головой не сижу сиротой.

Хоть плохъ мужененкъ, да затулье мое: завалюсь за него — не боюсь никого.

За мужа завалюсь, всѣмъ насмѣюсь, никого не боюсь.

За мужнину жену есть кому вступиться.

Возгривъ мужъ, такъ хоть не привередливъ (о невзросломъ).

У милостиваго мужа всегда жена досужа.

У умнаго мужа и глупая жена досужа.

У умнаго мужа жена выхолена, у глупаго по буднямъ затаскана.

Побереги, Богъ, мужа, вдоль и поперекъ, а я безъ него ни за порогъ.

Побереги, Богъ, мужа, не возметъ нужа.

Жена безъ мужа — всего хуже. Жена безъ мужа — вдовы хуже.

Безъ мужа жена — всегда сирота (кругомъ сирота).

Мужъ на службѣ, а жена въ нуждѣ, — оба равны.

Мужъ по лучину, а жена за кручину.

Родители берегутъ дочь до вѣнца, а мужъ жену до конца.

У плохаго мужа жена всегда дура.

Какъ придетъ на Флора неспориха, дойдетъ и Флориха до лиха.

Не хвали жену тѣломъ, а хвали дѣломъ!

Не нарядъ жену красить, домостройство.

Всякому мужу своя жена милѣе. Своя жена — своя и краса.

Князю княгиня (мила), крестьянину Марина, а всякому своя Катерина.

Не жалуй меня капраломъ, да не тронь моей жены!

Хоть родила суку да кобеля, да не тронь до меня (наказываютъ мужья, изъ дальнихъ мѣстъ, сродникамъ своимъ, о женѣ).

Помилуй, Господи, тещу да жену: а самъ-то я и какъ нибудь проживу.

Птица крыльями сильна, жена мужемъ красна.

Красна пава перьемъ, а жена мужемъ. Жена мужемъ красна.

Жена по мужѣ честна. Жена по мужѣ (прозывается, получаетъ званіе и пр.).

Жена при мужѣ хороша. Безъ мужа, не жена.

По мужѣ раба, и по рабѣ холопъ (стар. о бракахъ вольныхъ съ крѣпостными).

Жена честнѣе—мужу милѣе. Подчасъ и жена мужа краситъ.

Безъ жены, какъ безъ шапки.

Безъ мужа, что безъ головы; безъ жены, что безъ ума.

Съ мужемъ — нужа; безъ мужа — и того хуже; а вдовой да сиротой — хоть волкомъ вой.

Безъ мужа, голова не покрыта; безъ жены, домъ не крытъ.

Мужъ любитъ жену богатую, а тещу тороватую.

Будь жена хоть коза, лишь бы золотые рога (т. е., богатство).

Жены богатой лучше не брать, чѣмъ ей мужемъ владать.

Женино добро коломъ въ глоткѣ стои́тъ.

Пропади то серебро, когда жить не хорошо (придапое, либо мужнино богатство).

За плохимъ жить, только вѣкъ должить (волочить).

Былъ у меня мужъ Иванъ — не приведи, Богъ, и вамъ!

Платье сундуками, да кожа лафтуками (лафтукъ — оторванный лоскутъ. Говорится о вышедшей за богатаго, но драчливаго, мужа).

Мужнее (женино) добро, какъ зимнее тепло.

У мужа толсто (въ карманѣ), и у жены широко (въ угощеніи, хозяйствѣ).

У мужа полтина, и у жены половина.

Женинымъ богатствомъ вѣка не проживешь.

Женинымъ добромъ не сведешь домъ.

Спора̀ женина полушка — за мужниной краюшкой.

На что корова, была бы жена здорова.

Красна пава перомъ, а жена нравомъ.

Доброю женою и мужъ честенъ.

Къ мужу пришла, такъ свое нашла.

Мужъ грызетъ на свой на хребетъ.

Билъ жену денечекъ, самъ плакалъ годочекъ.

У мужа (передъ мужемъ) жена всегда виновата.

Мужъ комелько̀мъ (т. е., палкой), жена язычкомъ.

Мужъ кочадыкомъ, баба языкомъ (плетутъ).

Мужъ клиномъ, баба блиномъ, — а доймётъ.

Ужъ лаяла бы собака чужая, а не своя. Грызи меня собака, да не своя! Ѣшь меня собака, да невѣдомая!

Нѣтъ досаднѣй, какъ своя же дворняшка на тебя лаетъ.

Не всяку правду женѣ сказывай!

Не всяку правду мужъ женѣ сказываетъ, а и сказываетъ, такъ обманываетъ.

Честный мужъ одну только жену обманываетъ.

Лучше въ утлой ладьѣ по морю ѣздить, чѣмъ женѣ тайну повѣрить.

Не сказываетъ мужъ женѣ, сколько у него денегъ въ сундукѣ. да сама знаетъ.

Жена мужа не бьетъ, а подъ свой нравъ ведетъ.

У плохой бабы мужъ на печи лежитъ, а хорошая сгонитъ

Женился, да самъ себѣ подивился, что ни Богу, ни людямъ не сгодился.

Чортъ на дьяволѣ женился.

Иванъ, корова издохла! «И самъ издохнешь.» Иванъ, жена умерла! «Одной сатаной меньше!»

Хорошая жена метла, и худая метла (та въ домъ, эта изъ дому мететъ).

Три друга: отецъ, да мать, да вѣрная жена.

Жена ль моя, не баба, дѣти ль мои не ребята?

Жена, что лебедь-птица, вывела дѣтей станицу (вереницу).

Умная жена, какъ нищему сума (все сбережетъ).

Отъ плохой жены состарѣешься, отъ хорошей помолодѣешь.

Добрую жену взять — ни скуки, ни гòря не знать.

Съ доброй женой горе — полгоря, а радость вдвойнѣ. Съ доброй женой сполàгоря и горе.

Съ подружьемъ и горе пополамъ разгорюешь.

Хорошая жена — юртъ (т. е., домъ).

Всего милѣе, у кого жена всѣхъ бѣлѣе.

Подумаю съ подушкой, а послѣ спрошусь съ женушкой.

Худое дѣло, коли жена не велѣла.

Доброй женѣ домосѣдство не мука. Доброе замужство — посхименье.

У кобылы хоть семеро жеребятъ, а хомутъ ей свой (о работѣ).

Не рада баба повою, рада бъ покою.

Жена на мужа не доказчица (не послухъ).

Мое дѣло — сторона, а мужъ мой правъ.

Чуть-чуть мой мужъ да не прапорщикъ.

Не надобенъ и кладъ, коли у мужа съ женой ладъ.

Живутъ рука въ руку, душа въ душу.

Флоръ Флорихѣ не думаетъ лиха. Флоръ Флорихѣ набитый другъ.

Мужъ молоти пшеницу, а жена пеки паленицы (т. е., хлѣбъ).

Жена пряди рубашки, а мужъ тяни гужъ.

Не прядетъ мужикъ, да безъ рубахи не ходитъ; а баба и прядетъ, да не по двѣ вдругъ носитъ.

Мужа чтутъ за разумъ, жену по уму (т. е., за доброе поведеніе).

Отецъ про походы, мать про расходы (толкуютъ).

Баба да кошка въ избѣ, мужикъ да собака на дворѣ.

Отъ хозяина чтобъ пахло вѣтромъ, отъ хозяйки дымомъ.

Мужики дерутся въ расходку, бабы въ свалку.

Знай баба свое кривое веретено! Знай сверчокъ свой шестокъ!

Зѐрна мели, а много не ври! Толкѝ пестомъ, а языкъ зà щеку!

Помутилась вода съ пескомъ (о ссорѣ супруговъ).

Шутку сшутилъ: мужа съ женою смутилъ.

Не суди мужа съ женой! Жену съ мужемъ Богъ разбираетъ.

Своя собака лайся, чужая не впрядывай!

Жену съ мужемъ некому судить, кромѣ Бога.

Мужъ съ женой бранится, да подъ одну шубу ложится.

Мужъ съ женой ругайся, а третій не мѣшайся!

Плачь молода жена, да про свое горе никому не сказывай!

Мужъ да жена — одна душа. Мужъ да жена — одна сатана.

Жена да мужъ — змѣя да ужъ (т. е., одна порода, заодно).

Промежъ мужа и женѝ нитки не продернешь.

Жена досужа, добра и безъ мужа.

Гдѣ мужъ, тамъ и жена.

Жена отъ мужа на пядень, а мужъ отъ жены на сажень (т. е, условно).

Мужъ отъ жены на пядень, а жена отъ мужа на сажень.

Мужъ на вершокъ, жена на сяжòкъ; мужъ на пядень, жена на сажень.

Мужъ съ женой, что мукà съ водой (сболтать сболтаешь, а разболтать не разболтаешь).

Жить вмѣстѣ и умереть вмѣстѣ.

Мужъ въ банѣ, а жена въ амбарѣ — уговориться не могутъ.

Вмѣстѣ тѣсно, а розно тошно. Семерымъ просторно, а двоимъ тѣсно.

Онъ (мужъ) бить не бьетъ и прочь нейдетъ.

Пусть бы побился, да и утопился (говор. жена): а то бить бьетъ, а топиться нейдетъ.

Чортъ съ тобой, не живи со мной; пойдемъ въ баню, да разведемся!

Въ остаткахъ вольнà, была бы мнѣ полнà.

Мужъ женѣ отецъ, жена мужу вѣнецъ.

Жена мужу пластырь, мужъ женѣ пастырь.

Мужъ голова, жена душа.

Мужъ въ дому, что глава (что крестъ) на церкви.

Жена мужа почитай, какъ крестъ на главѣ; мужъ жену береги, какъ трубу на банѣ!

Худо мужу тому, у котораго жена большая въ дому.

Жена не мать, не бить ей стать.

Давно то было баяно, что жена не барыня.

Не въ Польшѣ жена, не больше меня.

Бабѣ спустишь — самъ баба будешь.

Женѣ спускать, добра не видать.

Женѣ спускать, такъ въ чужихъ домахъ ее искать.

Жена безъ грозы — хуже козы.

Не вѣрь коню въ полѣ (въ холѣ), а женѣ въ домѣ (въ волѣ)!

Не вѣрь вѣтру въ полѣ (въ морѣ), а женѣ въ волѣ (въ домѣ)!

Не вѣрь женѣ въ подворьѣ, а коню въ дорогѣ!

Воля и добрую жену портитъ.

Кто женѣ волю даетъ, тотъ самъ себя окрадываетъ (бьетъ).

Отъ мужа поволька — жена самоволька.

Далъ мужъ женѣ волю — не быть добру.

Нѣтъ въ лѣсу столько повертокъ, сколько у бабы (у жены) увертокъ.

За неволю станешь бѣситься, какъ жена на мужа косится.

Не пѣть курѣ пѣтухомъ, не владѣть бабѣ мужикомъ.

Любить жену — держать грозу.

Кого люблю, того и бью. Жену не бить — и милу не быть.

Обошелъ муженекъ женушку дубиннымъ корешкомъ.

Люби жену какъ душу, тряси ее какъ грушу (бей какъ шубу)!

Шубу бей — теплѣе, жену бей — милѣе.

Хоть бы въ щеку билъ, да щеголь былъ.

Жена съ сердцемъ, мужъ съ перцемъ — натирай ей носъ!

Учи жену безъ дѣтей, а дѣтей безъ людей!

Бей жену до дѣтей, бей дѣтей до людей!

Бей жену къ обѣду, а къ ужину опять (безъ боя за столъ не сядь)!

Кто вина не пьетъ, пьянъ не живетъ; кто жены не бьетъ—милъ не живетъ.

Чѣмъ больше жену бьешь, тѣмъ щи вкуснѣе (тѣмъ наварнѣй щи).

Всѣмъ бита, и объ печь бита, только печью не бита.

На злой женѣ одна только печь не побываетъ.

Бей жену обухомъ, припади, да понюхай: дышетъ да морочитъ, еще хочетъ.

Жена не горшокъ, не расшибешь (а расшибешь — берестой не перевьешь).

Не скотъ въ скотѣ — коза, не звѣрь въ звѣряхъ — ежъ, не рыба въ рыбахъ — ракъ, не птица въ птицахъ — нетопырь, не мужъ въ мужьяхъ, кѣмъ жена владѣетъ.

Не мужъ въ мужьяхъ, кѣмъ жена владаетъ; не работа въ работахъ — подъ жонками возъ возити.

Какъ такъ?—Мужъ дьякъ, а жена попадья.

Вотъ худо, какъ мужъ дьяконъ, а жена попадья (т. е., владѣетъ имъ).

Робкій мужъ и лестовокъ боится (ременныхъ четокъ).

Въ стары годы бывало — мужья женъ бивали; а нынѣ живетъ, что жена мужа бьетъ.

Не то смѣшно, что бьетъ про что; а то смѣшно, что самъ плачетъ.

Не то смѣшно — жена мужа бьетъ; а то смѣшно, что мужъ плачетъ.

Вей, муженекъ, оборы, да плети муженекъ женѣ лапти.

У нея мужъ по ниточкѣ ходитъ (т. е., она имъ помыкаетъ).

Мужъ у нея колпакъ. Баба — ай-ай; а мужъ — малахай.

Коли кочергой зубы выбила, такъ въ солдаты не возмутъ.

Онъ попался на куканъ (т. е., въ руки жены).

Жена верховодитъ, такъ мужъ по сосѣдямъ бродитъ.

Жены стыдиться — дѣтей не видать.

Жена шаловлива, такъ мужа бей!

Молчокъ: разбилъ батька горшокъ; а мать хоть два, да никто не зна'.

Не сказываетъ батька маткѣ, сколько въ кубышкѣ денегъ, да матка знаетъ.

Утро вечера мудренѣе, жена мужа удалѣе.

Женскій обычай — не мытьемъ, такъ катаньемъ (а свое возметъ).

Хрюкалка, пукалка — на свое наведетъ.

Мужикъ клиномъ, баба блиномъ, — а тожъ доймётъ.

Исподній жерновъ перемалываетъ верхній.

День (днемъ) плющитъ, а ночь (ночью) трещитъ.

День ворчитъ, ночь верещитъ — плюнь, да сдѣлай!

Ночная кукушка денную перекукуетъ.

Не кашляй! — Мужъ дома. Нишни! Старый на печи.

Жена льститъ — лихо мыслитъ (лихое норовитъ).

Жена ублажаетъ — лихое замышляетъ.

Не всякую жена мужу правду сказываетъ.

И дура-жена мужу правды не скажетъ.

Не такъ бы ты ходила, не иныхъ бы ты любила.

И мужъ не знаетъ, гдѣ жена гуляетъ.

Мужъ того не знаетъ, что жена гуляетъ.

Опричъ мужа, всякъ знаетъ, что жена гуляетъ.

Проводила мужа за овинъ — да и прощай Жидовинъ!

Жена, а жена, любишь ли меня? — А? — Аль не любишь? — Да. — Что да? — Ничего.

Чужой мужъ бы и милъ, да не жить мнѣ съ нимъ; а свой постылъ — волочиться съ нимъ.

За нужу (за неволю) съ мужемъ, когда гостя нѣтъ.

Вотъ тебѣ помои — умойся; вотъ тебѣ онучи — утрися; вотъ тебѣ лопата — помолися; вотъ тебѣ кирпичикъ — подавися! (Пѣсн.).

Дорого́й камешекъ въ три деньги, цѣпочка въ алтынъ — старому на̀ воротъ, да спущу его на̀ воду.

Чего жена не любитъ, того мужу вѣкъ не ѣдать.

Женина родня милѣе себя

Ження ѣдетъ родня — отворяй ворота, а мужня родня — запирай ворота!

Женина родня ходитъ въ ворота, мужнина въ прикалитокъ.

Всѣ мужья добры̀, покупили женамъ бобры, а мой мужъ неуклюжъ: нѐвидаль, корову купилъ.

Продай, мужъ, лошадь да корову, купи женѣ обнову! (Присказка: а зимой мужъ запрягъ жену въ сани, да и заставилъ дрова возить).

Продай, мужъ, корову съ лошадушкой: купи, мужъ, ожерелье, жемчужный борокъ!

Мужъ въ поле пахать, а жена руками махать.

Мужъ пашетъ (плачетъ), а жена пляшетъ (скачетъ).

Флоръ плачетъ, а жена скачетъ.

Жена поетъ, а мужъ волкомъ воетъ.

Мужъ за хлѣбъ да скатерть, а жена за избу, да пляшетъ.

Мужъ — какъ бы хлѣба нажить, а жена — какъ бы мужа избыть.

Мужъ въ двери ногою, а жена въ окно и съ головою.

Мужъ въ дверь, а жена въ Тверь. Мужъ въ бѣдахъ, жена въ гостяхъ.

Мужъ въ голяхъ, жена въ бусовыхъ сергахъ.

Мужъ въ тюрмѣ, а жена въ сурмѣ (въ Сѣверн. губ. вдова никогда замужъ не пойдетъ, и на вѣкъ отъ нарядовъ отказывается).

Мужъ въ шанцахъ, а жена въ танцахъ.

Мужъ по дрова, а жена со двора.

Мужъ за бороною, жена за меледою (т. е., забавляется).

Она и безъ мужа въ сергахъ щеголяетъ (въ отсутствіе мужа добрыя жены сымаютъ съ себя серги, перстни и щегольскую одежду).

У чужихъ женъ мужья гляди каки: а у насъ все вонъ-эдаки.

Горе-горе, что мужъ Григорій: хоть бы болванъ, да Иванъ.

Хорошо тебѣ, матушка, за батюшкой жить: пожила бы за чужимъ мужикомъ.

Мужъ пьетъ, а жена горшки бьетъ.

Жена взбѣсилась, и мужа не спросилась.

Какъ бы жить-пожить, мужа сжить: кожу съ него снять, да подъ себя подостлать.

Плохой мужъ умретъ, добрая жена по дворамъ пойдетъ.

Худой мужъ въ могилу — добрая жена по дворамъ.

Плохой мужъ взялъ да померъ, а добрая жена пошла по дворамъ.

Три жены́ имѣлъ, а ото всѣхъ бѣды терпѣлъ.

Было три жены, да всѣ не остриженны (т. е., волосъ дологъ, а умъ коротокъ).

Причитывай, баба, по покойнику: теперь за космы не потянетъ.

Рада бъ баба выть, да не по комъ: мужъ долго не мретъ.

Отъ пожара, отъ потопа и отъ злой жены, Боже, сохрани!

Молода годами жена, да стара норовомъ.

Жена упорна — ни мякишъ, ни корка.

Мой (мужнинъ) верхъ, а ея (жены́) ма́кушка (о большинѣ въ домѣ; шутка, отъ обычая, что по́сконь, которая стои́тъ выше конопли, женино хозяйство).

Отбилась отъ рукъ жена, такъ что твой сатана.

Мужъ жену бьетъ, а жена свое поетъ. Мужъ свое, жена свое.

Не пройдетъ безъ грѣха, у кого жена лиха.

Червь дерево тлитъ, а злая жена домъ изводитъ.

Сварливая жена въ домѣ пожаръ. Аредъ, да скаредъ, да третья ржа.

Худая жена — лишняя сухота. Худая жена — кара Господня.

Согрѣшилъ я передъ Господомъ, что люди меня оженили.

Лучше хлѣбъ ѣсть съ водою, чѣмъ жить со злою женою.

Передъ злой женою сатана — младенецъ непорочный.

Лучше жить со змѣею, чѣмъ со злою женою.

Изъ дому жена, а изъ лѣсу змѣя (т. е., выживаетъ).

Злая жена сведетъ мужа съ ума. Злая жена — засада спасенію.

Злая жена — мірской мятежъ. Злая жена — поборница грѣху.

Злая жена — таже змѣя. Злая жена — злѣе зла.

Всѣхъ злѣе злыхъ злая жена. Всѣхъ злыдней злѣе жена злая.

Лучше камень долбить, нежели злую жену учить.

Желѣзо уваришь, а злой жены не уговоришь.

Силенъ хмель, сильнѣе хмеля сонъ, сильнѣе сна злая жена (и спать не даетъ).

Злая жена — битая бѣсится, укрощаемая высится, въ богатствѣ зазнаётся, въ убожествѣ другихъ осуждаетъ.

Отъ злой жены не уйдешь. Отъ злой жены одна смерть спасаетъ, да постриженіе.

Для щей люди женятся, отъ добрыхъ женъ постригаются.

Отъ иной жены — хоть о надолбу головой.

Красныя похороны, когда мужъ жену хоронитъ.

Что гусь безъ воды̀, то мужикъ безъ жены.

Бывала ль у тебя бѣда? Умирывала ль у тебя жена?

Видалъ ли ты бѣду? Терялъ ли ты жену?

Анна семь лѣтъ съ мужемъ жила, а до 70-ти вдовоі̆ была (Пророчица Анна, встрѣтившая І. Хр. съ Симеономъ).

Не дай, Богъ, вдовѣть, да горѣть!

Лучше семью горѣть, чѣмъ однова̀ овдовѣть.

Лучше бы у собаки Татарина жена померла, чѣмъ у меня (у него двѣ).

Дай, Богъ, погорѣть, да не дай, Богъ, овдовѣть!

Дважды жена мила бываетъ: какъ въ избу введутъ, да какъ вонъ понесутъ.

Не плачетъ малый, не горюетъ убогій, а плачетъ да горюетъ вдовый.

Вдовецъ — дѣткамъ не отецъ, а самъ круглый сирота.

Возьми, вдовецъ, себѣ жену, а дѣткамъ мачиху!

На вдовѣ жениться — что старые штаны надѣвать: не вошь, такъ гнида.

По третьей вдовецъ — безъ огня кузнецъ.

Первая жена опойчата, другая стекляная, третья хрустальная (т. е., такъ береги).

Первая жена отъ Бога, вторая отъ человѣка, третья отъ чорта.

Горькіе про̀воды — жена мужа (мужъ жену) хоронитъ.

Вдовѣть — вдовье (вдовью часть) терпѣть.

Вдовье дѣло горькое. Вдовье сиротское дѣло. Сирая вдова, круглая сирота.

Въ дѣвкахъ — приторно, за мужемъ натужно, а во вдовьей чредѣ, что по горло въ водѣ.

На вдовій плачъ глядя, и мужикъ убивается.

Нѣтъ причитанья супротивъ вдовьяго.

Не кукушка кукуетъ, а жена горюетъ.

Мать плачетъ — что рѣка льется; жена плачетъ — что ручей течетъ; невѣста плачетъ — какъ роса падетъ: взойдетъ солнце — росу высушитъ.

Не дай, Богъ, возиться съ монастырями, да со вдовами, да съ малыми сиротами!

Не оставайся отъ жару головня (угоришь), отъ попа попадья (надоѣстъ)!

За вдовою (за сиротою), самъ Богъ съ калитòю.

Вдовицу Богъ бережетъ, а люди не берегутъ.

Обидны (побѣдны, бѣдовны) въ полѣ горохъ да рѣпа; завидны въ мірѣ вдова да дѣвка.

Шей, вдова, широки рукава, было бъ во что класть небылыя слова!

Худо полю безъ изгороды, а вдовѣ безъ обороны.

Горохъ да рѣпа въ полѣ — вдова да дѣвка въ людяхъ.

Вдовьи сѣни не стоятъ. Вдовій обиходъ не уходъ.

На вдовій домъ (дворъ) хоть щепку брось, и за то Богъ помилуетъ.

Мужа не стало, а женѣ не кстати (жить у свекра).

Не опасайся вдову за себя взять: будешь спокойнѣе спать.

Вдову взять — спокойнѣе спать.

Не видалъ бѣды, кто не сваталъ молодой вдовы.

У вдовушки обычай не дѣвичій.

Вдовица не дѣвица: свой обычай у всѣхъ.

Она уже (другаго, третьяго) мужа донашиваетъ.

За чорта отдай ее, и того уходитъ (переживетъ).

Два мужа наружу, да одинъ въ сундукѣ (отъ комедіи).

Дѣти.

Дѣти — благодать Божья.

У кого дѣтей много, тотъ не забытъ отъ Бога.

Сталась двоёчка (т. е., чета), такъ будетъ и троёчка.

Пошелъ весной заяцъ самъ-другъ въ поле, а воротился самъ-десятъ оттолѣ.

Бабёнка не безъ ребёнка. Не пó холосту живемъ: Богъ велѣлъ.

Животъ болитъ, а дѣтей родитъ. Горьки родины, да забывчивы.

Взяли ходины (бабку), не будутъ ли родины.

Бабка походитъ — всему дѣлу пособитъ.

Не довелось бы ей скоро поросенка манить (отъ сказки).

Богъ съ милостію, а бабка съ руками.

При мýкахъ роженицы обводятъ ее трижды вокругъ стола, растворяютъ Царскія врата, заставляютъ мужа песокъ боронить и пр.

Жена родитъ — мужъ песокъ боронитъ (отъ обычая).

Не крещенъ, такъ и Богданъ (всѣхъ ребятъ до крещенія зовутъ Богданами).

Бабка на кашу зоветъ (т. е., на крестины).

Кашка на ложки, а молодецъ на ножки (приговариваютъ).

За кашку грошъ отдать, младенецъ жить будетъ.

Дай, Богъ, вспоить, вскормить, на коня посадить (а если дочь, за пряслицу посадить).

Какъ въ полѣ туманъ, такъ ему счастье - таланъ (словà повитухи, за кашей).

Положить роженицѣ на зубокъ. Позолотить, посеребрить зубокъ.

Бабкѣ на масло (отъ обычая на крестинахъ).

Родильная ложка съ солью, съ перцемъ (отъ обычая, потчивать отца новорожденнаго ложкой каши, круто посоленой и наперченой).

Солоно и горько рожать (приговариваетъ бабка, подавая отцу новорожденнаго ложку каши съ солью и перцемъ).

Если воскъ съ закатаннымъ волосомъ, при крещеніи, тонетъ въ купели, младенецъ жить не будетъ (и на оборотъ).

Если дѣти умираютъ — пеленаютъ послѣ крещенія на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла купель (Нижегор.).

Беременная не идетъ въ кумы (крестникъ умретъ).

Если первые три мѣсяца беременности легки — родится мальчикъ: тяжелы — дѣвочка. Если плодъ на правой сторонѣ, если мать сидя протягиваетъ правую ногу, коли ѣстъ хорошо всякую пищу — родится мальчикъ; если же охотно слушаетъ пѣсни, выставляетъ лѣвую ногу, плодъ въ лѣвомъ боку и причудъ много — дѣвочка.

Мать лѣвой ногой впередъ выступаетъ — мальчикъ родится, правой — дѣвочка.

Онъ не родился: его просто ворона въ пузырѣ принесла.

Новорожденное въ крещеную вѣру вводится отъ хлѣба-соли.

Когда ребенка понесутъ крестить, то ставятъ на окнѣ, какъ для покойника, стаканъ воды (Курск.).

По̀ воду для крещенія ходятъ безъ коромысла, чтобъ крестникъ не былъ горбатъ.

Наступилъ на ногу — кумиться будешь.

Имя преподобнаго (въ крещеніи), къ счастію младенца: имя мученика — къ несчастію (Астрах.).

Дѣтей отымать отъ груди въ такой день, когда нѣтъ Св. мученика.

Внучкѣ на здоровье, а бабушкѣ (шептухѣ) пирогъ.

Размыть руки (кончить дѣло: отъ обряда на крестинахъ, гдѣ бабка и роженица размываютъ руки, прислуживая другъ другу, и вторая одариваетъ первую).

Это мое: купите, будете ѣсть (говоритъ бабка на крестинахъ, подавая кашу).

Дарить бабушку за кашу (на крестинахъ).

Выкупай каждый свою ложку (отъ обряда каши при крещеніи).

Если гости на крестинахъ не доѣдятъ каши своей, то крестникъ будетъ рябой.

Какъ видѣли подъ крестомъ, такъ бы видѣть и подъ вѣнцомъ (поздравляютъ родителей кумовья).

Дай, Богъ, всцопть, вскормить, богато запоручить (съ новорожденною дочерью)!

Стоять ему (новорожденному) и бодриться, какъ деньга торчмя торчить (на крестинахъ втыкаютъ деньги въ пирогъ. Твер.).

Чтобы крестникъ такой большой выросъ (говорятъ кумы, кладя на полку коврижку. Ворон.).

Такъ бы нашъ Ванька подпрыгивалъ (говорятъ на крестинахъ, выплескивая часть вина въ потолокъ. Астр.).

Чтобы дитя раньше ходило, провести его по полу, во время утрени Св. Пасхи.

На очепъ (колыбельный) ничего не вѣшай, ребенокъ спать не будетъ.

Для оката ребятъ водой, отъ крику, кладутъ въ воду печины (золы) изъ трехъ печей: избной, горничной и банной (Чердынь).

Отъ крику дѣтей окачиваютъ водой на родимомъ мѣстѣ (Чердын.).

Щекотиха, будиха, вотъ тебѣ лучокъ (или: прялица): играй, а младенца не буди (отъ дѣтскаго крику кладутъ ему подъ голову, мальчику лучокъ со стрѣлой, дѣвочкѣ прялицу. Чердынь).

Изъ баньки, да въ ямку (приговоръ злыхъ людей, къ смерти новорожденнаго).

Кто, пообѣдавъ и перекрестясь, опять сядетъ ѣсть, у того крестники мрутъ.

Коли дѣти не стоятъ — бери перваго встрѣчнаго въ кумовья.

У кого дѣти не стоятъ (умираютъ), надо просаживать ихъ до трехъ разъ въ хомутъ.

Не стоятъ (не живутъ) дѣти, такъ выбивать косяки (Выбивъ косяки съ дверью, заставляютъ хозяйку рожать въ сѣняхъ: бабка подаетъ младенца задомъ въ избу, и задомъ его принимаютъ Нижегор.).

У кого умретъ ребенокъ, до Преображенья не ѣсть яблокъ (чтобы дали дѣтямъ на томъ свѣтѣ).

О роженицѣ въ мукахъ никто знать не долженъ.

Родильница должна мучиться за душу каждаго человѣка, который знаетъ, что она въ родахъ (почему это и должно быть тайной).

Класть роженицѣ подъ подушку.

На родильницѣ не должно быть ни одного узла (для чего даже и косу расплетаютъ).

Не постилай скатерти вдвое: двойниковъ родишь.

Новорожденнаго принимаютъ въ рѣшето (Астрах.).

Новорожденнаго принять въ отцовскую рубаху, чтобъ отецъ любилъ — и положить на косматый тулупъ, чтобъ былъ богатъ.

Калачъ на сосокъ, да мыла кусокъ (при поднесеніи родильницѣ денегъ).

Если рубашку, въ которой крещено первое дитя, надѣвать, по очереди, на всѣхъ послѣдующихъ, то всѣ полюбятъ другъ друга (Бѣлор.).

Плодятся и множатся, что голуби. Бойконько — дѣтей многонько.

Ребята, что мокрицы: отъ сырости разводятся (о бѣднякахъ).

Былъ бы коваль, да ковалиха — будетъ и этого лиха (дѣтей).

Мальчикъ съ пальчикъ. Мальчишко съ пальчишко.

Малые ребята, косыя заплаты, черезъ напыльникъ повисли, слюни закисли.

Оленка въ пеленкахъ, Никитка у титьки.

Окульки въ люлькахъ, Оленки въ пеленкахъ.

Два сидня, два лежня, два пóползня (дѣти).

Дѣтки почаски, ѣдятъ изъ одной чашки.

Кубарики кубаришки, малые ребятишки.

Хозяйка, что лебедь-птица, вывела дѣтей станицу (вереницу).

Татьяна хромонога, народила дѣтей много.

Прежде одну свинью кормили, а теперь съ поросятами (о снохѣ).

У кого дѣтей нѣтъ — во грѣхѣ живетъ (чтобы Богъ простилъ, пріемыша берутъ).

Не умѣла родить ребенка, корми сѣраго котенка (съ лубочн. карт.).

Ласкай и котя, коли не родила дитя (то же).

Дѣтокъ родить — не вѣтокъ ломить.

Послѣ родовъ женщина десять дней въ гробу стоитъ (т. е., больна).

Дай, Богъ, кому дѣтей родить, тому ихъ и вскормить!

Чѣмъ терять, такъ лучше бъ не (такъ не дай, Богъ) рожать.

На смерть дѣтей не нарожаешься.

На яму дрязгу не нахламишься, на смерть дѣтей не нарожаешься.

На рать сѣна не накосишься, на смерть ребятъ не нарожаешься.

У самой семеро по лавкамъ и всѣ сѣдуны. Малъ мала меньше.

Много бываетъ, а лишнихъ не бываетъ. Много есть, да лишнихъ нѣтъ.

Рыбку да утку встанью взять, а малыхъ дѣтокъ Богъ даетъ.

Дѣти, дѣти, да куда жъ мнѣ васъ дѣти?

Хороши ягоды съ проборцемъ, а дѣти съ проморцемъ.

Дѣтки — радость, дѣтки жъ и горе.

Безъ дѣтей тоскливо, съ дѣтьми водливо (вередливо).

Съ ними (съ дѣтьми) горе, а безъ нихъ вдвое.

Безъ нихъ горе, а съ ними вдвое.

Безъ дѣтей сухота, съ дѣтьми перхота.

Первые дѣтки — соколятки, послѣдніе — воронятки.

Когда меня мать рожала, такъ три года дрожала (похвальба).

Первый сынъ Богу, второй Царю, третій себѣ на пропитаніе.

Одинъ сынъ — не сынъ, два — не кормильцы.

Одинъ сынъ — не сынъ, два сына — полсына, три сына—сынъ.

У кого дѣтки, у того и заботы (и бѣдки).

Не устанешь дѣтей рожаючи, устанешь на мѣсто сажаючи.

Дѣтушекъ воспитать — не курочекъ пересчитать (перещипать).

Валяй, дѣти: отецъ въ отвѣтѣ.

Маленьки дѣтки — маленькія бѣдки, а выростутъ велики — большія будутъ.

Дѣти — на рукахъ железа̀ (или: мозоль).

Дѣтки малѐньки — поѣсть не дадутъ, дѣтки велики — пожить не дадутъ.

Дѣтки поспѣли — отца мать до вѣку доспѣли.

Дѣтки подросли — батьку растрясли.

Малые дѣти съѣсть, а большія износить не дадутъ.

Малые соткать, а большіе износить не дадутъ.

Малые дѣти не даютъ спать, большіе не даютъ дышать.

Съ малыми дѣтками горе, съ большими вдвое.

Дѣтки возмужаютъ — батьку испугаютъ.

Умѣлъ дитя родить, умѣй и научить.

Отнино (отеческо) слово и по сказкѣ правдитъ (т. е., и въ сказкахъ объ этомъ говорится).

Дай, Богъ, дѣтокъ, да дай и путныхъ!

Работные дѣти отцу хлѣбы.

Не вскормивши малаго, не видать и стараго.

Наказуй дѣтей въ юности, упокоютъ тя на старости.

Не съѣлъ дѣдъ отца, не съѣстъ отецъ и тебя молодца (т. е., журьбой, или какъ нахлѣбникъ).

Розгой въ могилу ребенка не вгонишь (не упрячешь), а калачемъ не выманишь.

Сынъ отца бьетъ — не на худо учитъ.

Каковы гдѣ дядьки, таковы и дитятки.

У добраго дядьки (батьки) добры и дитятки.

Дѣтямъ — не порча игрушка, а порча худая прислужка.

Кормилица привередливѣй барыни.

Матушкинъ сынокъ. Матушкинъ запазушникъ.

Засиженое яйцо всегда болтунъ (т. е., баловень).

Дѣтки за игрушки, а матки въ ссору.

Дитятку за ручку, а матку за сердечко.

Что мать въ голову вобьетъ, того и отецъ не выбьетъ.

Мать пазуху прорвала, дѣткамъ прячучи, а дѣтки пазухи (или двѣ) прорвали — отъ матки прячучи.

Подите-тко, дѣти, въ чужія клѣти (т. е., воровать)!

Здоровы бъ были дѣтки, есть кому лѣзть въ чужія клѣтки.

Бычокъ-третьячокъ (о баловнѣ). Въ подолѣ выношенъ.

Ребенокъ, что поросенокъ. Ребенокъ — что жеребенокъ.

У ребятъ, что у зайчатъ: по два зуба.

Онъ Бога не знаетъ, а Богъ его любитъ (младенецъ).

Растетъ, какъ пшеничное тѣсто на опарѣ.

Какъ тѣсто на опарѣ киснетъ. Растетъ — какъ изъ корня идетъ.

Леженъ лежитъ, а все растетъ. Растетъ, какъ изъ воды идетъ.

Растутъ дѣтки, какъ грибки (какъ дождевички).

У младенцевъ дó году ногтей и вóлóсъ не стригутъ.

Ребенокъ растетъ въ день на одну мачинку, въ годъ на пядёньку (а каждый разъ, когда мать ударитъ его по головѣ, онъ на мачинку осѣдается; оттого упрямые малорослы).

Сосунъ — не вѣкъ сосунъ, черезъ годъ стригунъ, а тамъ пора и въ хомутъ.

Сынъ да дочь — красные дѣтки. Сынъ да дочь — домашніе гости.

Сынъ да дочь — день да ночь (и сутки полны).

Сынъ да дочь — ясно солнце, свѣтелъ мѣсяцъ.

Сынъ да дочь — да и тѣхъ кормить не вмочь.

Сынъ — домашній гость, а дочь въ люди пойдетъ.

Сынъ на сѣни не посадитъ, а дочь съ сѣней не ссадитъ (т. е., сынъ не обездомитъ, сынъ не презритъ).

Дочь — чужое сокровище. Холь да корми, учи да стереги, да въ люди отдай.

Сына корми — себѣ пригодится; дочь корми — людямъ снадобится.

Материна дочь — отцова падчерица (т. е., мать любитъ, такъ отецъ не любитъ).

Дочерьми красуются, сыновьями въ почетѣ живутъ.

Кто красенъ дочерьми, да сынами въ почетѣ, тотъ въ благодати.

На старость печальникъ, на поконъ души поминщикъ (т. е., сынъ).

Добрый сынъ, всему свѣту завидище.

Который палецъ ни укуси — все одно: все больно (дѣти).

И змѣя своихъ черевъ не ѣстъ. Огонь — горячо, а дитя — болячо.

У кошки котя — тоже дитя. У суки щеня, и то дитя.

У княгини ребя, у кошки котя — таково же дитя.

У княгини княжа (княжата), у кошки котя (котята) — тоже дитя.

Узнала, де, свинья свое порося.

Счастливая дочь — въ отца, а сынъ — въ мать.

Матушкинъ сынокъ, да батюшкинъ горбокъ (и баловень и упрямъ).

Свое дитя и горбато, да мило. Дитя хоть криво, да отцу, матери мило.

Не мы на дѣтей находимъ (походимъ), они на насъ.

На чужой горбокъ, не насмѣюся; на свой горбокъ, не нагляжуся.

Свой дуракъ дороже чужаго умника.

Дитя худенько, а отцу, матери миленько.

Свой бороноволокъ дороже чужаго работника.

Сладка бесѣда чадъ своихъ. Всякому свое дитя милѣе.

У кого дѣтки, у того и ягодки.

Каковъ ни будь сынъ, а все своихъ черевъ урывочекъ.

Болѣзнь утробы моея (сынъ или дочь).

Родился сынъ, какъ бѣлый сыръ.

У всякаго первенецъ родится: во лбу свѣтлый мѣсяцъ, за ушами ясны звѣзды.

Кто дѣвку хвалитъ? Отецъ да мать.

У кого дѣвка хороша? — У матки. У кого сынъ уменъ? — У батьки.

Хороша дочь Аннушка, коли хвалитъ мать да бабушка.

Не наказанный сынъ — бесчестіе отцу.

Гладенькая головка (щеголь) — отцу-матери не кормилецъ.

Дѣти крадутъ, отецъ прячетъ. Дѣти воруютъ, мать горюетъ.

Народила, да не научила. Нарожать нарожала, а научить не научила.

Сынъ матери солжетъ, а старой бабѣ не солжетъ.

Любимаго сына жезломъ. Далъ Богъ сыночка, далъ и дубочка.

Одно чадо, да и то чало. Отъ сына дурака, не хлѣба колоба.

Не учила сына, когда кормила, а тебя кормить станетъ, такъ не научишь.

Не учили, когда поперекъ лавки ложился; а во всю вытянулся, такъ не научишь.

Не тотъ отецъ, мать, кто родилъ, а тотъ, кто вспоилъ, вскормилъ, да добру научилъ.

Живемъ — не люди, а умремъ — не родители.

Самъ пьянъ, а дѣти голодны. Самъ шатунъ, дѣти пошаточки.

Блудный сынъ — ранняя могила отцу.

Батька горбомъ (нажилъ), а сынокъ горломъ (прожилъ).

Дѣти отца бьютъ, на себя запасъ пасутъ.

На лубѣ отца спустилъ, и самъ тогоже жди отъ сына (изъ сказки, дурачокъ отца на лубочкѣ подъ гору въ оврагъ спустилъ).

Не поживутъ дней своихъ, иже прогнѣвятъ отца и мать.

Покояй матерь свою волю Божію творитъ.

Не оставляй отца и матери на старости лѣтъ, и Богъ тебя не оставитъ.

Родительское слово мимо (на вѣтеръ) не молвится.

Хоть по старому, хоть по новому, а все отецъ старше сына.

На старости двѣ радости: одинъ сынъ воръ, другой пьяница.

Ни себѣ на радость, ни людямъ на послугу (нарожалъ).

Отцу-матери безчестье, роду-племени покоръ.

Родилось чадушко, старше бабушки (умничаетъ).

Матернее сердце въ дѣткахъ, а дѣтское въ камнѣ.

Дѣтки про щепки, а матка про дѣтки.

Дѣтки за клѣтки, а матки за вѣтки.

Дѣтки за клѣтки, матки за дѣтки, а батьки за матки.

Матка по дочкѣ плачетъ, а дочка по доскѣ скачетъ.

Высидѣла курица утятъ, да и плачется съ ними.

Дѣтки хороши — отцу матери вѣнецъ; худы — отцу матери конецъ.

Дай Богъ батюшкѣ здоровья, а дѣтки всѣ въ промыслу.

У кого дѣтки, у того и бѣдки.

Мать дѣткамъ — да вижу ихъ рѣдко: сидятъ въ разныхъ клѣткахъ.

Уродила мать, что и земля не прима'тъ.

Уродила мама, что не примаетъ и яма.

Сынъ запоетъ — и отецъ не уйметъ. Сынъ мой, а умъ у него свой.

Что за урядъ, чтобъ отца - мать не унять?

Далъ Богъ отца, что и роднаго сына не слушается.

Уродился — ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца.

Сударики братцы, пособите съ бачкой драться!

Нашъ Антонъ не тужитъ о томъ: мать умираетъ, а онъ со смѣху помираетъ.

Отца похоронилъ, — будто съ пòля убрался.

Отца-мать по пряталъ, въ свою голову завякалъ.

Не допоросятъ свиньѣ, коли самоё палятъ (смалятъ).

На что отецъ, коли самъ молодецъ?

Корми сына до поры; придетъ пора — сынъ тебя покормитъ.

Кормилъ до усовъ, корми и до бороды (изъ сказки; говорилъ сынъ отцу, т. е., корми до возмужалости).

Въ глупомъ сынѣ и отецъ не волёнъ.

Глупому сыну не въ помощь наслѣдство (не впрокъ богатство).

Глупому сыну и родной отецъ ума не пришьетъ.

Будетъ съ насъ, не дѣти у насъ; а дѣти будутъ, сами добудутъ.

Наслѣдники плачутъ — что мало имъ осталось.

Плачетъ сынъ по отцу — что мало денегъ оставилъ.

Паси, чтобъ вскормить; не паси, чтобъ озолотить.

Отцовскимъ умомъ жить дѣткамъ, а отцовскими деньгами не жить.

Тотъ не умираетъ, кто дѣтей не покидаетъ.

Отца съ матерью Господь прибираетъ, а къ дѣтямъ пристателя приставляетъ.

Богъ — заступникъ сирымъ и вдовымъ.

Сирый да вдовый плачутъ, а за сираго да вдоваго Богъ на стражѣ стои́тъ.

За сиротою самъ Богъ съ калитою.

Далъ Богъ ротокъ сиротинкѣ, дастъ и кусочекъ.

Въ сиротствѣ жить — слезы лить.

Маленькихъ сиротъ кормить не хочется (не скоро отработаютъ).

Сиротинка, поди на чужбинку! На сиротахъ свѣтъ стои́тъ.

Не подавай за ворота, коли свой есть сирота!

Не строй церкви, пристрой сироту!

Жалуй своихъ, а тамъ и чужихъ! Свой своему поневолѣ другъ.

На свѣтѣ все найдешь, кромѣ отца и матери.

Хорошо, какъ и при старости отецъ.

Все купишь, а отца-матери не купишь.

Есть старый (отецъ) — убилъ бы его; нѣтъ стараго — купилъ бы его.

Птичьяго молока хоть въ сказкѣ найдешь, а другаго отца-матери и въ сказкѣ не найдешь.

Коли умеръ бачка, не кстати и мачка.

Мать при сынѣ не наслѣдница (не вотчинница).

Безъ отца—полсироты, а безъ матери и вся сирота.

Отцовъ много, а мать одна (т. е., отца легче замѣнить).

Была кабы матка, была бъ и увятка (т. е., пища).

Пчелки безъ матки — пропащія дѣтки.

Житье сиротамъ, что гороху при дорогѣ: кто мимо идетъ, тотъ и урветъ.

Тогда сиротѣ и праздникъ, когда бѣлую рубаху дадутъ.

Нѣтъ такого дружка̀, какъ родная матушка.

При солнцѣ тепло, а при матери добро.

Какъ Богъ до людей, такъ отецъ до дѣтей.

Богъ до людей, а отецъ до дѣтей.

Держись, какъ за роднаго отца!

Птица радуется веснѣ, а младенецъ матери.

У кого есть матка, у того голова гла̀дка.

Слѣпой щенокъ, и тотъ къ матери ползетъ.

Мой крута-гора высокая, крѣпка стѣна бѣлокаменна (отецъ).

Днемъ денна̀ моя печальница, въ ночь ночная богомольница (мать).

Мать праведна — ограда каменна.

Мать плачетъ (по дѣтищу) не надъ горсточкой, а надъ пригоршней.

Молода жена плачетъ до росы утренней, сестрица до золота̀ кольца, мать до̀ вѣку.

Жена для совѣта, теща для привѣта, а нѣтъ милѣй родной матери.

Дѣтямъ не жить, коли не умомъ, да благословеніемъ родителей.

Родительское благословеніе на водѣ не тонетъ, на огнѣ не горитъ.

Живы родители — почитай; померли — поминай!

Кто родителей почитаетъ, тотъ во вѣки не погибаетъ.

Отцовская клятва сушитъ, а материна коренитъ.

Материнская молитва со дна мо̀ря вынимаетъ (достаетъ).

У отца-матери за пазушкою (т. е., въ родительскомъ домѣ).

Матерни побои не болятъ. Мать и бія не бьетъ.

Родная мать и высоко замахивается, да не больно бьетъ.

Мать и высоко подыметъ, да не больно опуститъ руку.

Наемная рука хорошо бьетъ ребенка, да плохо ласкаетъ.

Своя матка и бьетъ, да не пробьетъ, а чужая, гладя прогладитъ

Мать и бьетъ, такъ гладитъ, а чужая и гладитъ, такъ бьетъ.

Кулакомъ да въ спину—то и приголубье сыну.

Умный сынъ—отцу замѣна, глупый не помощь.

Какъ въ полѣ трава растетъ, такъ бы твое добро расло (говоритъ отецъ, благословляя и отдѣляя сына, что всегда дѣлается въ новолуніе)!

Въ своей семьѣ всякъ (отецъ, дядя) самъ большой.

На своемъ пепелищѣ и курица бьетъ.

И въ Польшѣ нѣтъ хозяина больше.

Тишь да гладь, да Божья благодать.

Тишь да крышь, миръ да благодать Божья.

Гдѣ миръ да ладъ, тамъ и Божья благодать.

На что и кладъ, коли въ семьѣ ладъ. Совѣтно жить—время коротать.

Любовь да совѣтъ—такъ и нуждочки (и горя) нѣтъ.

Вся семья вмѣстѣ, такъ и душа на мѣстѣ.

Приведи, Господи, со своимъ жить, съ чужимъ не разстаться (говор., принимая влазня, зятя въ домъ).

За совѣтъ — и въ постъ мясоѣдъ. Въ своей семьѣ какой расчетъ.

Ссора въ своей семьѣ до перваго взгляда.

Что за счеты, что намъ считаться? — Свои, сочтемся.

Родными (своими) считается, а съ женою въ разводѣ живетъ.

Чужихъ нѣтъ, а своихъ ма́ло. Чужіе не идутъ, а свои не поддаются.

Родныхъ много, а пообѣдать не у кого (или: а голова одинока).

Родня до полдня, а пообѣдать негдѣ.

Больше бабъ въ семьѣ, больше грѣха.

Кому отъ чужихъ, а намъ отъ своихъ.

Въ семьѣ не безъ урода, а на урода все не въ угоду.

Роднымъ не ссуда, а только остуда.

Безъ раздѣла (въ хозяйствѣ) спорѣе, да много грѣха на душу примешь.

Есть родня, есть и возня. Съ родней не безъ хлопотъ.

Когда не вижу своихъ, такъ тошно по нихъ; а увижу своихъ, да много худыхъ, такъ лучше бъ безъ нихъ.

Вмѣстѣ тошно, а розно скучно.

Былъ свой, а сталъ чужой (отъ рукъ отбился).

Деревенская родня, какъ зубная боль (докучаетъ).

Зубная болѣзнь, — дѣвичья сухота, да деревенская родня.

Сватьевъ — не оберешься, своякoвъ — не огребешься, а женскаго кумовства — до Москвы не перевѣшаешь.

Хоть наслѣдства и не дѣлить, а все надо своими счесться.

А ну, сочтемся своими: бабушкинъ внучатный козелъ, тещиной курицѣ какъ пришелся?

Десятая вода на киселѣ. Сёмая водина на квасинѣ. Съ боку припёка.

Ни ношено, ни рожено, не знай откуда (пріемышъ, подкидышъ, и пр.)

Не грѣло, не горѣло, да вдругъ освѣтило.

Я тебѣ сватъ, да ты-то мнѣ кто?

Чирій и въ боку сидитъ, да не родня.

За лихаго дядьку — хоть матку отдай, все не родня.

Сидоръ Карпу родной терёхъ.

Онъ нашему слесарю (слесаршѣ) троюродный кузнецъ.

Есть и братья у меня, да не свои, чужіе.

Какъ родня? Да на одно солнышко глядимъ.

Ближняя родня: на одномъ солнышкѣ онучи сушили.

На одной онучкѣ сушены. Изъ одной землицы испечены.

Это барской (генеральской) курицы племянникъ.

Твоя бабушка моего дѣдушку за носъ водила (на вопросъ: какъ родня?)

Твоя бабушка моего дѣдушку изъ Краснаго села за носъ вела.

На его бабушкѣ сарафанъ горѣлъ, а мой дѣдушка пришелъ, да руки погрѣлъ.

Родня: наши собаки изъ одного корыта лакали.

Его собаки овсянку ѣли, а наши на нихъ черезъ тынъ глядѣли.

Ваша-то Катерина да нашей Оринѣ двоюродная Прасковья.

Кумовство да свойство — ближнее родство.

Въ поѣзжанахъ былъ, такъ свой.

Погостилъ у подзастрѣшной родни.

Родня середь дня (т. е., въ обѣдъ), а какъ солнце зайдетъ — ее и чортъ не найдетъ.

Много ль родни? Кумъ да прикумокъ, ручной деверь, да два пустосвата.

Всякій мірянинъ своему брату семьянинъ.

Русскій человѣкъ безъ родни не живетъ.

Духовное родство пуще плотскаго.

Зѣвокъ пополамъ — быть въ роднѣ (съ тѣмъ, съ кѣмъ зѣвнулось).

Ай, да сватъ! и согрѣшивши святъ. Хоть и сватъ, да горбатъ.

И добрый сватъ — собакѣ братъ.

Не всякъ тому радъ, что пріѣхалъ въ гости сватъ.

Тотъ мнѣ и сватъ, кто мнѣ радъ.

Сватъ, не сватъ, былъ бы добрый человѣкъ (былъ бы таковъ).

Сватъ, не сватъ, а въ горохъ не лѣзь (а денежки не родня)!

У свата по сватѣ не болитъ голова (т. е., не слишкомъ ближнее родство и дружба).

И сватъ свату другъ, да не вдругъ.

Поколѣ пьемъ вмѣстѣ, такъ и сваты, а напились — и разошлись.

Два брата на медвѣдя, а два свата (свояка) на кисель.

Сватъ на конѣ, а разсватъ на свиньѣ.

Зятнинъ братъ тещѣ сватъ.

Что честнѣе (почетнѣе) посаженые отецъ да мать, то свадьба счастливѣе!

Отъ дяди — ни пяди (отъ кумы никуды).

Не училъ отецъ, а дядя не выучитъ.

У тороватаго дяди денегъ нѣтъ, а богатый скупъ.

Пошелъ бы охотой въ племянники — къ богатому дядѣ.

Ѣдетъ дядя изъ Серпухова: бороду гладитъ, а денегъ нѣтъ.

Охнетъ (охаетъ) дядя, на тетку глядя.

У тетки баловень племянникъ, у дяди племянница.

Гдѣ тетка, тамъ и сваха. Наша тетка и сама лебедка.
Тетка Варвара — широкіе карманы.
Варвара мнѣ—тетка, а правда—сестра.

Добрая кума прибавитъ ума. Кума да кумъ, наставятъ на умъ.
Кумушка любая — бабка суженая.
При кумѣ не жить, а и безъ кума не быть.
Объ кумѣ не жить, а и безъ кума не жить.
При доброй годинѣ и кумовья побратимы.
Четыре двора, а въ каждомъ дворѣ кумъ да кума.
Въ кумовьяхъ не быть — и пива не пить.
Не быть у кума — не пить и пива.
Не бить кума — не пить и пива. Кума не бить, такъ и пива не пить (на мировой).
Кума къ кумѣ — хоть въ рѣшетѣ, да приплыветъ.
Челомъ кумѣ! — Сядь. Почто пришла? — Да такъ.
Здорово кума!—Въ рынкѣ была.—Никакъ ты, кумушка, глуха?—Купила курицу да пѣтуха.—Прощай кума!—Пять алтынъ дала.
Пошла кума въ три села — не ночевать голубушкѣ дома.
Зашелъ къ кумѣ, да и засѣлъ какъ въ тюрмѣ.
Кумъ къ кумѣ съ мыломъ, а кума къ куму съ пряникомъ (обычай въ прощеный день).
Съ бранчивой (сварливой) кумой не напрощаешься.
Шла кума пѣша — куму легче. Кума съ возу, куму легче.
Кумъ не кумъ, а въ горохъ не лѣзь (а животы не кумовья)!
Кумиться — кумитесь, да не подеритесь!
Городскія кумы спѣсивы.
Что знаетъ кумъ, знаетъ и кумова жена, а по ней и вся деревня.
Ладно, кума, лишь бы правда была! Кума живетъ догадлива.
Кума, кума, да знала бы про себя! Кума, сойди съ ума: купи вина!
Кума свела съ ума. Сошла кума съ ума, да и меня свела.
Кума не мила — и гостинцы постылы.
Знаться (водиться) съ кумою — растаться съ женою.

Кумушка-кума, окрести мое дитя, да и не знай мо'го двора!

Лучше кума̀, нежели жена (пусть дуритъ).

Въ лихомъ свекрѣ правды нѣтъ. Журлива, что свекровь.

Свекоръ — гроза, а свекровь выѣстъ глаза̀.

Кукушка соловушку журитъ (свекровь сноху).

Свекровь на печи, что собака на цѣпи.

У лихой свекрови и сзади глаза. Невѣсткѣ на отместку.

Блудливая свекровь и невѣсткѣ не вѣритъ.

Кошку бьютъ, а невѣсткѣ навѣтки даютъ (а невѣстка гляди да казнись).

Свекровь кошку бьетъ, а невѣсткѣ навѣтки даетъ.

Первая зазнобушка — свекоръ да свекровушка; другая зазнобушка — деверь да золовушка.

Свекоръ кропотливъ, свекровь журлива, деверь пересмѣшникъ, золовка смутлива, ладушко (мужъ) ревнивъ.

Свекоръ журливъ, свекровь хлопотница, золовка смутьянка, деверь насмѣшникъ.

Свекоръ драчливъ, свекровь ворчалива, деверья журливы, невѣстки мутливы.

Свекоръ говоритъ: намъ медвѣдицу ведутъ; свекровь говоритъ: людоядицу ведутъ; деверья говорятъ: намъ неткаху ведутъ; золовки говорятъ: намъ непряху ведутъ.

Это све́крова гро́за; это свекровина гроза; это мужнина гроза (говоритъ свекровь, ударяя невѣстку слегка плеткой, на другое утро брака).

Свекоръ батюшка — застоюшка, свекровь матушка — заборонушка (говоритъ сноха, льстя).

Сношенька у свекра — госпоженка.

Сноху привели, и трубу на крышу поставили (завершили).

Смалчивай, невѣстка — сарафанъ куплю (говор., сношникъ).

Сноха свекрови — битая полоса.

Деверь невѣсткѣ — обычный другъ.

Деверья впереди, что добрые кобели; свекровь на печи, что сука на цѣпи.

Богодановы сестрицы — крапива жгучая.

Золовки колотовки, побей головки. Золовка хитра на уловки.

Золовка — зловка; золовка — колотовка; золовка — мутовка.

Мы не въ лиху сноху: что Богъ подастъ, то и людямъ (слова золовокъ).

Я не въ большую сноху, не упрямъ (говор. деверь).

Нѣтъ нужды невѣсткѣ, что деверь не ѣлъ: хоть ѣшь, хоть сохни, хоть такъ издохни (хоть жри, не жри, хоть такъ умри).

Всѣ въ семьѣ спятъ, а невѣсткѣ молоть велятъ.

Невѣстушка, полно молоть! Отдохни, потолки (говоритъ свекровь)!

Пусть бы невѣстка и дура, только бы огонь пораньше дула.

Сѣла невѣстка прясть: берегите деверья глазъ (отъ веретена)!

Два свояка: а промежъ ихъ собака. Свояки, до дѣлежа, братья.

Своякъ свояку подарилъ мертвую собаку; что жъ, своякъ, собака твоя не лаетъ? — Отъ того, своякъ, что тебя крѣпко знаетъ.

Попрекаетъ своякъ свояку: кто первый задумалъ жениться.

Тесть любитъ честь, зять любитъ взять, а шуринъ глаза щуритъ.

Сыръ калача бѣлѣе, а мать мачихи милѣе.

Тепло, да не какъ лѣто; добра, да не какъ мать.

Тепло, тепло, да не лѣто; добра, добра, да не мать родна.

Своя матка бья не пробьетъ, а чужая гладя прогладитъ.

Мать высоко замахивается, да не больно бьетъ; мачиха низко замахивается, да больно бьетъ.

Достатокъ — мать, убожество — мачиха.

Родной, да матери не одной.

Двои дѣти водить — однимъ досадить (т. е., отъ двухъ матерей).

Жить было въ совѣтѣ, да разныя дѣти.

Таланное дитя, мачихино (т. е., въ сравненіи съ пасынками).

Въ лѣсу медвѣдь, а въ дому мачиха.

Изъ дому гонитъ мачиха, а изъ лѣсу медвѣдь.

Чешетъ, что мачиха пасынка. Больно, что мачихино чесанье.

Такъ чешетъ (гладитъ) мать, а эдакъ мачиха (по и противъ шерсти).

53

Горе мачихино, что пасынокъ сметаны не ѣстъ, а порой и сыворотке радъ.

Удобрилась мачиха до пасынка: велѣла въ заговѣнье щи выхлебать.

Спохватилась мачиха пасынка, когда уже ледъ прошелъ (т. е., когда все унесло, что подъ ледъ попало).

Мамка — не матка. Мать кормилица, а кормилица не мать.

Горько живется отъ мачихи пасынку, а не сладко и мачихѣ отъ пасынка.

Дочернины дѣти милѣе своихъ.

Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожитъ.

Гдѣ бабка ни бери, а внука корми!

Коли внучекъ маю, такъ и сказку знаю (Запад.).

Кого дѣдушка любитъ, тому и косточки въ руки.

У кого есть дѣдъ, у того и обѣдъ.

Была бъ моя бабуся, никого не боюся; бабушка — щитокъ, кулакъ — молотокъ (т е., застутается).

Баба, бабушка, золотая сударушка! Бога молишь, хлѣбцемъ кормишь, домъ бережешь, добро стережешь.

Бабушка не можетъ, дѣдушка семь лѣтъ костей не гложетъ.

Дѣдушка свѣчка, лучиночка съ печки (высохъ).

Бабушка у бражки, дѣдъ на печи. Бабушка, нà печь а дѣдъ по дрова.

Разсыпался бъ дѣдушка, кабы его не подпоясывала бабушка.

Подрались дѣдушка съ бабушкой, и семеро внуковъ не разберутъ по что̀.

Молчи: дѣдушка съ бабушкой на зиму печь межуютъ.

Сиротинушка нашъ дѣдушка: ни отца, ни матери.

Бабушкѣ — одинъ только дѣдушка не внукъ.

Съѣла бабушка зубы, а остались языкъ да губы.

Не стучи: сидитъ дѣдъ на печи.

Корми дѣда на печи: и самъ будешь тамъ.

Про то дѣдушка не вѣдаетъ, гдѣ внучекъ обѣдаетъ.

Дѣдушка не зналъ, что внучекъ корову укралъ; дѣдушка спалъ, а внукъ и кожу снялъ.

Дѣдушка сѣдъ, а смерти на него нѣтъ.

Любовь братская — союзъ Христіанскій.

Братская любовь пуще (лучше) каменныхъ стѣнъ.

Одинъ братъ, одинъ свѣтъ милый. Живутъ, какъ братъ съ сестрой.

Мужъ жену любитъ здоровую, а братъ сестру богатую.

Фадя-то дядя, а Кондратъ мнѣ братъ.

Братъ брату — головой въ уплату. Братъ брату сосѣдъ.

Хотя мнѣ братъ, только я ему не радъ.

Хорошъ братъ — сестру продалъ, хороша и сестра — отъ брата ушла (отъ сватебн. обычая).

Сестра при братѣ не вотчинница (не наслѣдница).

Братъ брату не плательщикъ; братъ за брата не плательщикъ.

Братъ брату складникъ, отецъ сыну сосѣдъ.

Отецъ сына умнѣе — радость, а братъ брата — зависть.

Сынъ отца умнѣе — радость, а братъ брата умнѣе — зависть.

Сынъ отца глупѣе — жалость; сынъ отца умнѣе — радость; а братъ брата умнѣе — зависть.

Братъ — братъ, сватъ — сватъ, а денежки не родня.

Не смѣйся, братецъ, чужимъ сестрицамъ: своя въ дѣвицахъ.

Братъ онъ мой, а умъ (т. е., воля) у него свой.

Не вѣрь брату родному, вѣрь глазу своему кривому!

Братъ, такъ братъ, а не братъ — такъ отдай мой крестъ (т. е., крестовый братъ, побратимъ; они мѣняются тѣльными крестами. Дѣвки называютъ себя кумами, крестовыми сестрами).

Братъ на брата — пуще супостата (т. е., если враждуютъ).

Братъ съ братомъ на медвѣдя ходятъ.

Два брата на медвѣдя, два свата — кисель.

Чужъ — чуженинъ, а сталъ семьянинъ (зять).

Одно дитя рожено (дочь), другое суженое (зять).

У тещи-свѣта — все для зятя припѣто.

Зять да сватъ у тещи — первые гости.

Зять на дворъ — пирогъ на столъ.

Пожалуста, зятёкъ, съѣшь пирожокъ!

Для зятя и дверь пола̀ (настежъ).

Теща зятю голову маслитъ (отъ обычая сватб., гдѣ молодые ѣдутъ къ тещѣ на яичницу).

У тещи для зятя и ступа доитъ (т. е., доится).

Думала теща пятерымъ не съѣсть; а зять-то сѣлъ, да за присѣсть и съѣлъ.

На зятьевъ не напасешься, что на яму.

Наливай на гущу, зять будетъ (говор. тесть).

Зять съ тещею говоритъ день до вечера, а послушать нечего.

Былъ у тещи, да радъ утекши.

Зятекъ ѣдетъ — на похмелье зоветъ.

Не для зятя-собаки, для милаго дитяти (гов тесть).

Нынѣ зять подмазъ съѣлъ, а завтра и всю сковороду.

Не жалѣй тещина добра — колупай масло шиломъ!

Теща пышна, а противъ зятя не вышла. У тещи карманы тощи.

Ни въ сывороткѣ сметаны, ни въ зятѣ племени.

Съ сыномъ бранись, на печь ложись; а съ зятемъ бранись, за скобу берись (т. е., уходи; о тестѣ)!

У нашихъ зятей много затѣй.

Тесть, какъ ни вертись, а за зятька поплатись!

На хлѣбъ ѣдока, на печь лежня, а на себя нарядчика (о зятѣ).

Бери зятя въ домъ, неси Бога вонъ! Зять въ домъ — и иконы вонъ.

Тесть за зятя давалъ рубль, а послѣ давалъ и полтора, чтобъ свели со двора.

Прими зятя въ домъ, а самъ убирайся вонъ!

Было бы кому до смерти поить, кормить, да глаза прикрыть.

Нѣтъ чорта въ домѣ — прими зятя!

Не зять бы былъ, не чортомъ бы (не собакой и) слылъ.

Звалъ на́ честь, а посадилъ на́ печь (тестя).

Какъ у тещи зять въ гостяхъ — за семь верстъ заѣзжаютъ; какъ у своака своякъ въ гостяхъ — за семь верстъ объѣзжаютъ (брань).

Не зять бы былъ, кабы на сырной тещу не навѣстилъ.

Бѣдному зятю и тесть не радъ. У тестя въ рукахъ не приданое.

Что мнѣ тесть, коли нечего ѣсть. Что мнѣ тесть, коли собинка есть.

Въ копнахъ не сѣно (т. е., погніетъ), въ долгу не деньги, а у тестя — не приданое.

Зять по дочкѣ помилѣетъ, а сынъ по невѣсткѣ опостылѣетъ.

Шуринъ по зятѣ не наслѣдникъ.

Зять любитъ взять, тесть любитъ честь, а шуринъ глаза́ щуритъ.

Зять да шуринъ — чортъ ихъ судитъ.

Сынокъ — свой горбокъ; зятекъ — покупной щеголекъ; теща хлопочетъ, тесть кропочетъ.

Кабы не выронилъ пера, не зналъ бы и двора (т. е., не будь дочери, не бывалъ бы у зятя).

Двѣ матери, двѣ дочери, да бабушка со внучкой, а ихъ всего трое (мать, дочь и внучка)

Шли мужъ съ женой, братъ съ сестрой, да кумъ съ кумой; нашли полтора хлѣба, раздѣлили по полухлѣбу (ихъ всего трое).

Шли теща съ зятемъ, мужъ съ женой, бабка со внучкой, мать съ дочкой, да дочь съ отцомъ (всего четверо).

У меня молодца, четыре отца, пятый батюшка (Богъ, Царь, духовникъ, крестный, родитель).

Шуриновъ племянникъ какъ зятю родня? (сынъ).

Сынъ отца моего, а мнѣ не братъ (я самъ).

Его мать моей матери однѣмъ-одна дочь (онъ ей сынъ).

Онъ тебѣ отецъ и дѣдъ, ты мнѣ сынъ и братъ, я тебѣ мать и сестра (Лотова дочь, сыну).

Сынъ — дѣдъ самому себѣ (40-лѣтняя женщина вышла за 20-лѣтняго мущину, отецъ котораго женился на дочери первой: рожденный отъ первой четы сынъ — дѣдъ самому себѣ).

Здравствуйте, братцы, жены моей дѣти: скажите вашему отцу и моему отцу, что жены его мужъ пріѣхалъ (отецъ женился на невѣстկѣ, а безъ вѣсти пропавшій сынъ воротился).

Здоровье — хворь.

Здоровье всего дороже. Здоровье дороже богатства.

Здоровью цѣны нѣтъ. Здоровья не купишь.

Далъ бы Богъ здоровья, а дней впереди много (а счастье найдемъ).

Кровь съ молокомъ. Чуть не лопнетъ.

Не спрашивай здоровья, а глянь на лицо! Суди не по годамъ, а по ребрамъ (по зубамъ)!

Здоровъ какъ быкъ, какъ боровъ. Силенъ какъ лѣсникъ.

Здоровъ какъ быкъ, и не знаю, какъ быть.

Сучокъ въ кулакѣ сожметъ, такъ вода пойдетъ.

Сожму въ кулакѣ сучокъ, такъ пойдетъ изъ него сокъ.

Живъ — здоровъ, ни горѣлый, ни больной. На немъ хоть воду вози.

Да его о надолбу (о мостовую) головой не убьешь.

Отъѣлся, какъ свинья на бардѣ. Здоровьемъ боленъ.

Не всякая болѣзнь къ смерти. Не могу, а ѣмъ по пирогу.

Здоровъ на ѣду, да хилъ на работу.

Ногти распухли. На зубахъ мозоли натеръ. Волоса распухли. Волоса́ моль съѣла (т. е., притворная болѣзнь).

Заболѣлъ огурной (т. е., лѣнивой) лихорадкой.

Титъ, поди молотить!—Брюхо болитъ.—Титъ, поди кисель ѣсть!—А гдѣ моя большая ложка?

Всталъ, какъ встрепаный. Всталъ да пошелъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ.

Какъ бабушка отходила. Какъ рукой сняло.

Плохо можется, такъ и (какъ, коли) не здоровится.

Взяло кота поперекъ живота. Скоробило вдоль и поперекъ.

Что ни болитъ, все къ сердцу валитъ. Всякая болѣзнь къ сердцу.

Гдѣ больно, тамъ рука; гдѣ мило, тамъ глаза̀.

Гдѣ мило, тамъ глядь да глядь; гдѣ больно, тамъ хвать да хва̀ть.

Гдѣ больно — хвать, похвать; гдѣ мило, глядь, поглядь.

Нищій болѣзней ищетъ, а къ богатому онѣ сами идутъ.

Деньги — мѣдь, одежа — тлѣнъ, а здоровье — всего дороже.

Святъ по душѣ, а тащись на костыляхъ. Святая душа на костыляхъ.

Болѣзнь человѣка не краситъ. Болѣзнь и скотину не краситъ.

Хворь и теленка (и поросенка) не краситъ.

По̀длиння руками берутъ (дикихъ утокъ, гусей, когда линяютъ).

Подкошеная трава и въ полѣ сохнетъ.

Вешнюю корову отъ вѣтру покосѝтъ (т. е. голодную).

Весной корову за хвостъ подымай!

Сытый конь воду возитъ, тощаго на подпругахъ поитъ водятъ.

Его (ее) надо въ охлопочкахъ держать.

Горитъ, какъ свѣчка. Не горитъ, а плыветъ (а гаснетъ).

Этотъ человѣкъ не жилецъ на свѣтѣ.

Одной ногой въ могилѣ стоѝтъ. Краше въ гробъ кладутъ.

Отъ него ладаномъ пахнетъ. Онъ на ладанъ дышетъ.

Ужъ у него глаза̀ подъ лобъ закатились.

Молился бъ Богу, да просилъ себѣ деревяннаго тулупа.

Высохъ — какъ листъ, какъ спичка. Кости да кожа, однѣ ребра.

Закатить очи подъ лобъ (испугаться, обмереть, умереть).

Завела ясны глазки, опустила бѣлы ручки.

Барскаго слугу стало гнуть въ дугу (т. е., неможется).

Въ крюкъ свело, согнуло, скорчило. Эхъ другъ, согнуло тебя въ крюкъ!

Въ три погибели согнулся (согнуло).

Тоже тѣлю, да клубкомъ свертѣло.

Уходила, умучила, согнула да скрючила (болѣзнь, лихорадка).

Экъ его перекосило (покоробило, подвело).

Посинѣлъ, какъ на льду посидѣлъ.

Его муха крыломъ перешибетъ. Еле, еле душа въ тѣлѣ.

Его щелчкомъ убьешь. Его барковиной перешибешь.

Его и всего-то на кошачій обѣдъ.

Ободрать его, такъ и башмаковъ не выйдетъ (и голенищей не выкроишь).

Его можно плевкомъ убить (перешибить). Его чохомъ убьешь.

На что и родиться, коли никуда не годиться!

Въ чемъ душа держится (т. е., слабъ, худъ, хилъ).

Лежитъ — не можетъ, а что болитъ — не скажетъ.

Лежитъ — не можетъ, и кости (и корки) не гложетъ.

Больной, что ребенокъ. Больной — и самъ не свой.

Больному и золотая кровать не поможетъ.

Не радъ больной и золотой кровати.

Больному и киселя въ ротъ не вотрешь.

Больному и камень не вкусенъ, а здоровый и медъ ѣстъ.

Больному все горько. Больному и медъ горько.

Больному законъ не лежитъ. Больному посты разрѣшаются.

Больному да дорожному законъ не писанъ (о постѣ).

Боль безъ языка, а сказывается. Боль приживчива, приурочлива.

Плохо можется, что-то ёжится.

Ой, животъ болитъ, не могу на свѣтѣ жить.

У кого болятъ кости, тотъ не думаетъ въ гости.

Иноходецъ въ пути не товарищъ, а больной въ избѣ не сосѣдъ.

Лихорадка — не матка: треплетъ, не жалѣетъ.

Лихорадка пуще мачихи оттреплетъ.

Икота къ ведру, а ломота къ ненастью.

Въ холеру и лягушка не квакнетъ (замѣчаніе).

Въ холеру ни мухи, ни ласточки (замѣчаніе).

Вѣрно онъ куръ кралъ. Видно ты куроцапъ (т. е., руки трясутся).

Увѣчье — не безчестье. Не бойся, калѣка, добра человѣка!

Кашляй вѣкъ: грѣха въ томъ нѣтъ.

Кашляй по малу, чтобъ на годъ стало (чтобъ на вѣкъ стало)!

Скрыпучее дерево скрыпитъ, да стоитъ, а здоровое летитъ да летитъ.

Дуплистое дерево скрыпитъ да стоитъ, а крѣпкое валится.

Скрыпитъ дерево, да стоитъ. Скрыпучее дерево живуче.

Скрыпуче, да живуче; крѣпко, да хрупко (да хруско).

Безъ болѣзни и здоровью не радъ.

Тотъ здоровья не знаетъ, кто боленъ не бываетъ.

Богъ далъ животъ, Богъ дастъ и здоровье.

На живомъ все заживетъ. Живая кость мясомъ обростаетъ.

Были бъ кости, а мясо будетъ. Кость тѣло наживаетъ.

Засохнетъ, какъ на собакѣ. До вѣку далеко: все заживетъ.

Болитъ голова — остричь до гола̀, посыпать ежевымъ пухомъ, да ударить обухомъ.

Болятъ зубы — такъ разбить губы, наточить крови, да помазать брови.

Заболитъ носъ — высунуть на морозъ, самъ отвалится и здоровъ будетъ.

Наѣшься луку, ступай въ баню, натрись хрѣномъ, да запей квасомъ!

Дай, Господи, килу — и календарь покину.

Поддайся одной боли, да слягъ — и другую наживешь.

Дай боли волю, полежавъ, да умрешь. Дай боли волю, уморитъ.

Не поддавайся, не ложись; а сляжешь — не встанешь.

Сляжешь, хуже разломаетъ; а хоть ломайся, да обмогайся!

Кто не боится холеры, того она боится.

Самого себя лѣчить, только портить.

Играй, не отыгрывайся; лечись, не залѣчивайся!

Противное зелье лучше болѣзни. На всякую бо̀лѣсть зелье выростаетъ.

На всякую шаль выросло по лозѣ, на всякую болѣзнь по зелью.

Кромѣ смерти, отъ всего вылѣчишься.

И собака знаетъ, что травой лѣчатся.

Противнымъ (горькимъ) лѣчатъ, а сладкимъ портятъ.

Лукъ семь недуговъ лѣчитъ. Лукъ отъ семи недугъ.

Хрѣнъ да рѣдька, лукъ да капуста — лихаго не попустятъ.

Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись! Гдѣ упалъ, тамъ и плюнь (и поскреби)!

Баня — мать вторая. Кости распаришь, все тѣло направишь.

Больному въ ѣдѣ не вѣры! Не больной привередливъ, боль.

Ѣшь въ по̀лсыта, пей въ по̀лпьяна (не пей до полпьяна), проживешь вѣкъ до̀ полна.

Гдѣ пиры да чаи, тамъ и немочи. Не ѣшь масляно: ослѣпнешь.

Послѣ обѣда полѣжи, послѣ ужина походи!

Держи голову въ холодѣ, животъ въ голодѣ, а ноги въ теплѣ!

Руду пустить, въ гробъ гвоздь вколотить.

Въ банѣ пристало (болячка, чесотка и пр., говорится шутя о человѣкѣ, который заразился).

Здоровому все здорово.

Добрый жерновъ все смелетъ, плохой самъ смелется.

Здоровый урока не боится. Здороваго и призоръ не беретъ.

Здоровому и нездоровое здорово, а нездоровому и здоровое нездорово.

Брюхо больнаго умнѣе лѣкарской головы̀.

Сама болѣзнь скажетъ, чего хочетъ. Что въ ротъ полѣзло, то и полезно.

Что Русскому здорово, то Нѣмцу смерть.

Женскія немочи догадки лечатъ.

Псовая болѣзнь до поля, а женская до постели.

Больной лечится, здоровый бѣсится (дуритъ съ жиру).

Горшокъ на животъ — все заживетъ.

Горшокъ брюха не испортитъ. Горшокъ лиха не попуститъ.

Голова болитъ, заду легче. Чаще задъ посѣкать — головѣ легче.

Чѣмъ нездоровъ? А вотъ, батюшка, чѣмъ скажете (простодушный отвѣтъ больнаго врачу).

Весь нездоровъ. Всѣмъ тѣломъ (корпусомъ) нездоровъ.

Кровь ходитъ; подступило, подхватило, подвалило подъ сердце; сердцемъ, нутромъ нездоровъ. Самъ собой нездоровъ.

Въ животѣ словно на колесахъ ѣздитъ.

Трубочиста пустить (дать слабительное).

Францъ, хера̀усъ! (т. е., вырвать, сблевать. Наши солдаты въ отечественную войну пили здоровье Императора Австрійскаго; а когда Австрій-

цы не хотѣли пить здоровье Русскаго Государя, то наши, вложивъ палецъ въ глотку, скомандовали: Франць, херáусъ!).

Изъ глазъ искры (звѣзды) посыпались (т. е., отъ удара).

Кондрашка хватилъ, царапнулъ (кровавый ударъ).

Въ глазахъ позеленѣло; въ глазахъ мальчики заплясали.

Легко ранили — и головы не нашли.

Здоровье — всему голова, всего дороже.

Здоровье лучше (краше, дороже) богатства (богатырства).

Здоровье дороже денегъ. Здоровъ буду, и денегъ добуду.

Богатство да калѣчество — тоже убожество.

Здоровье всего дороже, да и деньги — тоже.

Береги платье снова, а здоровье смолода.

Человѣкъ — не скотина: испортить не долго.

Болѣзнь выходитъ пудами, а входитъ золотниками.

Здоровье выходитъ пудами, а входитъ золотниками.

Болѣзнь скачетъ въ домъ на перемѣнныхъ (на почтовыхъ), а выбирается на долгихъ.

Болѣзнь не пó лѣсу ходитъ, а по людямъ.

Не столько смертей на свѣтѣ, сколько болѣстей.

Смерть одна, да болѣзней тьма. Боль отбудешь—и такъ помрешь.

Не далъ Богъ здоровья — не дастъ и лѣкарь.

На лѣченой кобылѣ не долго наѣздишь.

На лѣченомъ конѣ недѣлю ѣздить.

Не лѣчиться худо, а лѣчиться — еще хуже.

Аптека — не на два вѣка. Не лѣчитъ аптека, калѣчитъ. Аптека и лѣчитъ, такъ калѣчитъ.

Лѣчитъ, да въ могилу мечетъ. Кого схоронили, того и вылѣчили.

Полѣчатъ, авось залѣчатъ (боль, либо больнаго).

Полѣчатъ, авось дастъ Богъ и помретѣ.

Прививная оспа — Антіева печать (раскол.).

Та душа не жива, что по лѣкарямъ пошла.

Кто лѣчитъ, тотъ и увѣчитъ. Лѣкарь свой карманъ лѣчитъ.

Гдѣ много лѣкарей, тамъ много и больныхъ (и недуговъ).

И хорошая аптека убавитъ вѣка. Аптека улѣчитъ на полвѣка.

Аптекамъ предаться (отдаться) — деньгами не жаться.

Аптекари лѣчатъ, а хворые кричатъ.

Чистый счетъ аптекарскій — темныя ночи осеннія.

Больной отъ могилы бѣжитъ, а здоровый въ могилу спѣшитъ.

Пить—помрешь, не пить—помрешь, ужъ лучше жъ умереть, да пить.

Не можется — къ смерти, а можется — къ могилѣ.

Отъ старости могила лѣчитъ.

Упрямаго вылѣчитъ дубина, а горбатаго могила.

Разоритъ, какъ больше не заболитъ (т. е., разоритъ похоронами).

Не тотъ болѣнъ, кто лежитъ, а тотъ, кто надъ болью сидитъ.

Тяжело болѣть, тяжелѣ того надъ болью сидѣть.

Не играй шапкой: голова болѣть будетъ.

Мышка, мышка, нà тебѣ зубъ костяной, а ты мнѣ дай желѣзный! (говорится, когда у дѣтей зубы падаютъ; — или: Нà тебѣ рѣпяной, а мнѣ дай костяной!).

Марья Иродовна, приходи ко мнѣ вчера (заговоръ отъ лихорадки).

Не твое — не хватайся, а возмешь — такъ и майся (говорятъ, вынося въ лѣсъ одежу лихорадочнаго, для отвода болѣзни)!

Проповѣдывалъ Іоаннъ истину въ сухомъ древѣ и въ водѣ; былъ я въ полѣ, видѣлъ мертвыхъ: у мертвыхъ зубы не болятъ; такъ и у раба бы N. не болѣли (заговоръ отъ зубной боли).

Марія, Марѳа, Пелагея — сестры Лазаря, подите къ брату своему, Лазарю, спросите у него: не болятъ ли у него зубы, не ломятъ ли кости? — Нѣтъ, сестры, не болятъ, не ломятъ; а болятъ зубы у кошки, у зайца, у крота, у быка, у овцы и барана; а чтобъ у раба N. не болѣли отнынѣ и до вѣку (тоже)!

Жи́тина, житина, возми свою жи́чину (заговоръ отъ жичины, ячменя глазнаго, при чемъ слегка колютъ его ячменнымъ зерномъ, которое отдаютъ пѣтуху)!

Св. Пятница Прасковія, помоги рабамъ Божіимъ N. безъ скорби жатву покончить: будь имъ заступница отъ колдуна и колдуницы,

еретика и еретицы, дѣвки самокрутки и бабы простоволоски, отъ всякой злой напасти! (говоритъ старуха, выбранная по легкости руки своей, для зажину, чѣмъ и отводитъ всѣ недуги).

Отъ Царя, царя отъ Рѣза шли три брата: ножами рѣзались, топорами рубились, кровь не шла, ничего не дѣялось (заговоръ отъ поруба).

Отъ сѣраго глаза, отъ караго глаза, отъ синяго глаза, отъ чернаго глаза (говор. умывая со еглазу).

Черному, черемному (рыжему), завидливому, урочливому, прикопливому — соли въ глаза̀ (говорятъ, отпуская ребенка изъ дому и насыпая ему отъ порчи соли на темя. Чердын.).

Заря, заряница, красна дѣвица, возми свою криксу, отдай намъ сонъ (говорятъ, купая младенца подъ насѣстью, чтобы онъ не плакалъ)!

До̀ма нѣтъ, приходи вчера (загов. отъ лихорадки, падежа и проч.).

Баушка, Христоправушка, Христа правила, намъ окатыши оставила (наговоръ отъ призора).

Что грызешь? Грызъ грызу. — Грызи, да гораздо (отъ грызи, т. е., ломоты)!

Подушку подъ собой перевернуть — собака выть перестанетъ.

Кто утромъ въ Великій четверкъ скупается прежде во̀рона, здоровъ будетъ.

Вечеромъ (свечера) голову чесать — болѣть станетъ.

Покуда свиньи не улягутся, — угаръ въ головѣ не пройдетъ.

Отъ глазныхъ болей — 12 разъ умываться росою.

Отъ курячей слѣпоты — смотрѣть въ дырочку доски, гдѣ выпалъ сучокъ (Чердын.).

Какъ чиста вода эта, такъ чтобы глаза мои были чисты (говорятъ, набравъ ключевой воды въ пузырекъ и бросивъ въ ключъ копейку).

Какъ здорова земля, такъ чтобы голова моя была здорова (достань изъ него горсть песку, который прикладывать къ головѣ, промывая глаза этой водой)!

Отъ больнаго горла — лизать поваренку и глотать, глядя на утреннюю зарю (Сибир.).

Отъ зубной боли: отрѣзъ рябиноваго прута, надколотый на четверо, положить на зубъ, и нѣсколько лѣтъ за тѣмъ не ѣсть рябины.

Не плюй за окно — зубы болѣть станутъ.

На чихъ кошки здравствуй, зубы болѣть не станутъ.

На чохъ лошади говори: будь здорова — и обругай.

Мышьи оглодки ѣсть — зубамъ здорово.

Добыть языка на колокольнѣ (когда отымется языкъ, то обливаютъ водой колокольный языкъ, и поятъ больнаго).

Отъ оспы: три горошины перебирать счетомъ трижды по девяти разъ, считая — ни разъ, ни два, ни три....

Оспа съ клювомъ ходитъ: оттого и пятнаетъ человѣка щедринками.

Отъ отека: овсяный кисель съ воскомъ.

Отъ живота — умыться (напиться) съ громовой стрѣлы. (Стрѣла эта 1) ископаемое, чортовъ палецъ, и 2) скипѣвшійся песокъ, отъ удара въ него молніи).

На помело не ступай: судороги потянутъ.

Скатертью руки утирать — будутъ заусеницы.

Если ходить по тому мѣсту, гдѣ валялась лошадь, будутъ лишаи на тѣлѣ.

Огонь, огонь, возми свой огникъ (приговариваютъ, присѣкая его огнивомъ).

Заря орина (зарина), заря скорина, возми съ раба Божія младенца N. зыки и рыки дневные и нощные. (Съ этими словами нагая бабка обноситъ нагаго новорожденнаго младенца вокругъ бани).

Отъ рожона, отъ попюма отступися, откачнися (заклятіе или пожеланіе — о болѣзни, бѣдѣ и пр.).

Отъ лихорадки: рака виномъ настоять и пить.

Тоже: сухую лягушку (или: нетопырь) носить въ ладонкѣ.

Тѣльной крестъ изъ могилы носятъ на шеѣ (отъ лихорадки).

Отъ лихорадки: положить подъ изголовье больнаго лошадиную голову (т. е., черепъ).

Свѣчу отъ утрени Великой Пятницы зажигаютъ, когда ребенка держитъ родимецъ.

Зажать сучокъ въ избѣ — кровь станетъ.

Народъ — міръ.

Гласъ народа — гласъ Божій.

Что міръ порядилъ, то Богъ разсудилъ.

Какъ міръ захочетъ, разсудитъ, порядитъ, поставитъ, поволитъ, приговоритъ, положитъ; мірская воля.

Что міромъ положено, тому быть такъ.

Семеры одного не ждутъ. Никто отъ міру не прочь.

Міръ — великъ человѣкъ; міръ — велико дѣло.

Мірская слава сильна (звонка). Міръ (община) столбомъ стоитъ.

Міръ за себя постоитъ. Міра не перетянешь.

Міръ заревётъ, такъ лѣсы стонутъ (лѣсъ клонится).

На міръ и суда нѣтъ. Міръ одинъ Богъ судитъ.

Міръ несудимъ — а мірянъ бьютъ.

Міръ никѣмъ не судится, однимъ Богомъ. Міръ судитъ одинъ Богъ.

Міръ съ ума сойдетъ — на цѣпь не посадишь.

На міръ ничего не смѣняютъ (т. е., начальство подорожитъ міромъ).

Кто больше міра будетъ? Съ міромъ не поспоришь.

Коли всѣ міромъ воздохнутъ, и до Царя слухи дойдутъ.

Гдѣ народъ увидитъ, тамъ и Богъ услышитъ.

Мірскіе судибоги (т. е., жалобы) далече слыхать (слышно).

Какъ міръ вздохнетъ, и временщикъ издохнетъ.

Міръ зинетъ — камень треснетъ. Соборомъ и чорта поборешь.

Міру въ окно не подашь (т. е., не проситъ, не принимаетъ подаянія).

Мірская шея толста (т. е., много снесетъ, сможетъ).

Мірская шея туга: тянется, да не рвется. Мірская шея жилиста.

Міръ тонокъ, да долгъ. У міра животы и тонки, да долги.

Міръ съ разу не похоронишь.

Вали на міръ: міръ все снесетъ.

Постылое тягло на міръ полегло (при раскладкѣ; тягло, которое никто на себя не принимаетъ).

Другъ на дружку, а всѣ на Петрушку.

Въ міру виноватаго нѣтъ. Въ міру виноватаго не сыщешь.

Міръ по слюнкѣ плюнетъ, такъ море.

Съ міромъ и бѣда — не убытокъ. Міръ — золотая гора.

Всѣ за одного и одинъ за всѣхъ. Круговая порука.

Одному страшно, а всѣмъ (міру) не страшно. Вмѣстѣ не страшно.

Гдѣ у міра рука, тамъ моя голова.

Къ міру приложился, головою заложился.

Пропадать, такъ всѣмъ (вмѣстѣ) пропадать.

Голдить, такъ всѣмъ голдить; а одному голдить, такъ пропадешь.

То не страхъ, что вмѣстяхъ; а сунься-ка одинъ.

Я затяну. только подхватывайте!

Былъ бы запѣвала, а подголоски найдутся.

Никакой мірянинъ отъ міра не прочь. Отъ міру прочь, не мірянинъ.

На старосту не челобитчикъ, а отъ міру не прочь.

Съ волками жить — по волчьи выть. Такъ и быть; съ волками выть.

Попалъ въ стаю, лай, не лай, а хвостомъ виляй (а то заѣдятъ)!

Впередъ не забѣгай, а отъ своихъ не отставай!

Берись дружно, не будетъ грузно. Нагаломъ и сваи бьютъ.

Хоть на зàдѣ (сзади), да въ томъ же стадѣ. Отсталъ, сиротою сталъ.

Царство раздѣлится, скоро разорится.

И міръ не безъ начальника (не безъ головы).

Міръ всѣхъ старше, а и міру (и въ міру) урядчикъ есть.

Снопъ безъ перевясла — солома.

Артель расходчика кормитъ. Одинъ міра не съѣсть.

Міроѣдъ, коштанъ, а безъ него не проживешь (мірской ходокъ, дѣлецъ).

Середка сыта, да концы бунтуютъ (середка — начальство; концы — народъ).

На міръ баранъ прибылъ (т. е., налогъ, тяготà).

Дорожка глохнетъ, такъ и міръ (община) сохнетъ.

На весь свѣтъ не угодишь. На всѣхъ и солнышку не угрѣть

При дорогѣ жить — всѣхъ не угостить.

Вались народъ, отъ Яузскихъ воротъ!

Крестьянская сходка — земскимъ водка.

Въ народѣ, что въ тучѣ: въ грозу все наружу выдетъ.

Быть на сходкѣ — согрѣшить (т. е., разсудить неправо, или смолчать, или побраниться).

Сходка — голдовня: дымъ коромысломъ, паръ столбомъ, а ни тепла̀, ни сугрѣву.

Сошелся міръ — хоть сей часъ воевать; разошелся міръ — на полатяхъ лежать.

Міръ на дѣло сошелся: виноватаго опить (гибельный обычай: вмѣсто правосудія, напр., за потраву, приговариваютъ: поставить міру ведро вина).

Силенъ, какъ вода, а глупъ, какъ дитя (міръ).

Народъ глупъ: все въ кучу лѣзетъ.

Артели думой не владати. Сто головъ, сто умовъ.

Міръ сутки стоялъ, небо подкоптилъ и разошелся.

Мужикъ уменъ, да міръ дуракъ.

Гласъ народа Христа предалъ (распялъ).

Языкъ — рѣчь.

Языкъ тѣлу якорь. Языкъ съ Богомъ бесѣдуетъ.

Малъ языкъ, да всѣмъ тѣломъ владѣетъ.

Языкъ малъ, великимъ человѣкомъ ворочаетъ.

Малъ языкъ — горами качаетъ. Языкомъ, что рычагомъ.

Языкъ — стягъ, дружину водитъ. Языкъ царствами ворочаетъ.

Языкъ языку вѣсть подаетъ.

Языкъ языку отвѣтъ даетъ, а голова смекаетъ.

Языкъ голову кормитъ (онъ же и до побоевъ доводитъ).

Языкъ поитъ и кормитъ, и спину поретъ.

Языкъ хлѣбомъ кормитъ, и дѣло портитъ.

До чего языкъ не договорится! Языце, супостате, губителю мой!

Что знаетъ, все скажетъ, и чего не знаетъ, и то скажетъ.

Мокрая плёчка (черпачокъ): что ни поплещетъ, то и захлещетъ (языкъ).

Языкъ одинъ, и въ будни и въ праздникъ.

Языкъ до Кіева доведетъ (и до кія, т. е., до палки, побоевъ).
Языкъ доведетъ до кабака.
Колокольню видимъ, а кабака доспроситься можно.
Красна̀ рѣчь слушаньемъ (а бесѣда смиреньемъ).
Пѣть хорошо вмѣстѣ, а говорить порознь.
Одинъ говоритъ — красно̀, двое говорятъ — пестро̀.
Во многословіи не безъ пустословія.
Во многомъ глаголаніи нѣсть спасенія.
И глухъ и нѣмъ — грѣха не вѣмъ.
Богъ далъ два уха, а одинъ языкъ.
Сижу у печи, да слушаю людскія рѣчи.
Много знай, да мало бай! Много баить не подобаетъ.
Много говорено, да мало сказано.
Много наговорено, да мало переварено̀.
Лучше не договорить, чѣмъ переговорить.
Лучше не досказать, чѣмъ пересказать.
Чѣмъ завираться, лучше молча почесаться.
На что перевирать, лучше смолчать.
Поменьше говори, побольше услышишь.
Слушай больше, а говори меньше!
Кушай вареное, да слушай говореное!
Меньше бы говорилъ, да больше бы слушалъ.
Меньше ври, больше ѣшь, спи да грезь на себя!
Меньше говори, да больше дѣлай!
Кто мало говоритъ, тотъ больше дѣлаетъ.
Кто много говоритъ, тотъ мало дѣлаетъ.
Не спѣши языкомъ, торопись дѣломъ.
Языкомъ не торопись, а дѣломъ не лѣнись!
Никто за языкъ не тянетъ. Врать — своя неволя (охота).
Разскащики не годятся въ прикащики.
Хорошій разскащикъ — плохой прикащикъ.
По разговорамъ всюды (годится), а по дѣламъ нику̀ды.
Не та хозяйка, которая говоритъ, а та, которая щи варитъ.

Я тебѣ говорю на глумъ, а ты бери на умъ!

Кто меньше толкуетъ, тотъ меньше тоскуетъ.

Зарубай, сглаживай, да никому не сказывай!

Больше говорить — больше согрѣшить. Меньше говорить — меньше грѣха. Меньше врется — спокойнѣй живется.

Говори съ другими поменьше, а съ собою побольше!

Кто говоритъ, тотъ сѣетъ; кто слушаетъ, собираетъ (пожинаетъ).

Держи языкъ короче! Держи языкъ на привязи (на веревочкѣ)!

Держи языкъ за замкомъ (за зубами)!

Языкъ блудливъ, что коза (что кошка).

Блюди хлѣбъ на обѣдъ, а слово на отвѣтъ!

Блюди хлѣба до обѣда, а слово до отвѣта!

Зёрна мели, а много (а лишняго) не ври!

Ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами!

Ѣшь больше, а говори меньше! Ѣшь калачи, да поменьше лепечи!

Щи хлебай, да поменьше бай! Ѣшь капусту, да не мели по пусту!

Языкомъ капусты не шинкуютъ. Языкомъ и лаптя не сплетешь.

Кто языкомъ штурмуетъ, не много навоюетъ.

Горломъ не возмешь. Горломъ изба не рубится (дѣло не спорится).

Верти языкомъ, что корова хвостомъ (что кочадыкомъ)!

Изъ пустаго въ порожнее переливаетъ.

О томъ, о семъ, о пятомъ, о десятомъ. О томъ, о семъ, а больше ни о чемъ.

Что про то говорить, чего нельзя воротить?

Говори еще! «Нечего, и по щелямъ вымела».

Тара-бара — и вышло ни два, ни полтора.

Всю недѣлю говорилъ ась, а въ субботу сказалъ что.

Вздоръ вздоромъ помножить, такъ и выйдетъ чепуха.

На словахъ его хоть выспись (а на дѣлѣ и головы не приклонишь).

На думахъ, что на вилахъ; на словахъ — что на саняхъ; а на дѣлѣ — что въ ямѣ.

На думѣ, что подъ дымомъ; на сказкахъ, что на салазкахъ.

Думка чадна, недоумка бѣдна, а всѣхъ тошнѣй пустословъ.

Звонко занесъ, да куда-то вынесешь! Звонко поешь, гдѣ-то сядешь!

Скоро то говорится, а не скоро дѣлается.

Скоро сказано, кабы да сдѣлано.

Много говорить — перемота положить (перевязать языкъ).

За кукушку (т. е., пустословіе) бьютъ въ макушку.

Въ лѣсу кукушка, а въ избѣ хлопушка (т. е., тамъ, что хочешь ври, а здѣсь молчи).

Эка понесла: ни конному, ни крылатому не догнать!

За тобой и на перемѣнныхъ не поспѣешь.

За твоимъ языкомъ не поспѣешь босикомъ (не поспѣешь босикомъ).

Шкуру на сапожки, языкъ на подошву.

Не все годится, что говорится. Не все то варится, что говорится.

Замолола безголова. Ври не завирайся, назадъ оглядайся!

Бай-бай, да и молви! Говори, говори, да сказывай!

Два слова басенъ — да и все дѣло тутъ.

Бормочетъ — что глухарь. Лепечетъ (сокочетъ), какъ сорóка. Тарантитъ, какъ сойка (какъ варакушка). Пищитъ, какъ цыпленокъ. Кричитъ (зѣваетъ). какъ выпь. Воркуетъ, какъ голубокъ. Поетъ, какъ канарейка. Каркаетъ, какъ ворóна. Пташкой щебечетъ.

Мелетъ день до вечера, а послушать нечего.

Говоритъ — ровно въ стѣну горохомъ сыплетъ.

Краснó говоритъ, а слушать нечего.

Чиста, личиста, да и говоритъ рѣчиста.

Говоритъ, какъ рѣкá льется. Много говорить — голова заболитъ.

Долго прялъ, да коротко оттялъ (оттяпнулъ, отрѣзалъ).

Не долгая рѣчь хороша, а долгая — поволока.

Короткую рѣчь слушать хорошо, подъ долгую рѣчь думать хорошо.

Долго говорить — тому же быть. Полно плести, пора домой брести!

Полно путать, пора узлы вязать. Полно мотать , пора узелъ вязать.

Молча отмолчишься, какъ въ саду отсидишься.

Не тебѣ бы говорить, да не мнѣ бы слушать.

Чья бы ни рычала, да твоя-то бы молчала.

Молчи глухая, меньше грѣха! Молчи, коли Богъ убилъ!

Въ добрый часъ молвить, въ худой промолчать.

Отъ слова не сбудется (не станется, не прикинется).

Словомъ человѣка не убьешь. Слово не обухъ, въ лобъ не бьетъ.

Словомъ не перелобанишь.

Не все то (творится) дѣлается, что говорится.

Всѣ мы говоримъ, да не все по говореному выходитъ.

Все скоро сказывается, да не все скоро дѣлается.

За вѣтромъ въ полѣ не угоняешься; за всякое слово не поверстаешься.

Мало-ль чего говорятъ, да не все перенять.

Не все перенять, что по водѣ несетъ; не во все вкленаться, что люди говорятъ.

Языкъ лепечетъ, а голова не вѣдаетъ.

Языкъ болтаетъ, а голова не знаетъ.

Языкъ вороча'тся, говорить хочется.

Пустая мельница и безъ вѣтру мелетъ.

Сперва подумай, а тамъ и скажи! Э, дура, не пасеная рѣчь!

Ври съ дуру, что съ дубу! Это такъ, съ морозу совралось.

Какъ сорвалось (съ языка), такъ и брякнулось (и совралось).

Вретъ, какъ водой (какъ въ убродъ) бредетъ.

Это на вѣй-вѣтеръ сказано. На пусты лѣсы звонитъ.

Языкъ напередъ ума рыщетъ.

Языкъ мой врагъ мой: напередъ ума глаголетъ.

Языкъ безъ костей — мелетъ. Язычокъ — балаболка.

Языкъ мякокъ: что хочетъ, то и лопочетъ (чего не хочетъ, и то лопочетъ).

Языкъ, что вехотка: все подтираетъ.

Языкъ — жерновъ: мелетъ, что на него ни попало.

Мелева много, да помолу нѣтъ (т. е., нѣтъ толку въ рѣчахъ).

Затвердила сорока Якова, одно про всякаго.

На языкъ нѣтъ пошлины. Со вранья пошлинъ не берутъ.

Про одни дрожди не говорятъ трожди.

И то переговорено, что еще не сварено.

Нечего про то и говорить, чего въ горшкѣ не варить!
Что о томъ и говорить, чего не варить!
Что про то говорить, чего ни па̀рить, ни варить!
Чего не видятъ, тѣмъ и не бредятъ. Не видишь, такъ и не врешь.
Есть у него шишка лишку: во рту мышка.
У него ласточкинъ ротокъ: зѣвокъ съ локотокъ.
Вавило — широкое рыло. Мила̀ воро̀на, да ротъ широкъ.
Бьетъ языкомъ (баба), что шерстобитъ струной жильной.
Плети лапти не языкомъ, а кочадыкомъ! Плететъ, что кочадыкомъ.
Языкомъ плететъ, что коклюшками. Языкомъ кружева плететъ.
Говоритъ — десятерыхъ отставитъ, да ее одноё приставитъ.
И шьетъ, и поретъ, и лощитъ, и плющитъ (языкомъ).
И клочитъ и валяетъ, и гладитъ и катаетъ (языкомъ).
За словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Пасеное словцо за щекой.
У него на всякій спросъ есть отвѣтъ.
На его спросы отвѣтовъ не напасешься.
Наговорилъ съ три короба. Лепеталось бы, да не дремалось.
Наговорили, что наварили, а глядь — анъ и нѣтъ ничего.
На словахъ — блаженъ мужъ, а на дѣлѣ — вскую шаташася!
На словахъ — что на гусляхъ, а на дѣлѣ — что на балалайкѣ.
На словахъ—что на саняхъ, а на дѣлѣ—что на копылѣ.
На словахъ, что на перинкѣ, а проснешься — на голѣ.
Говоритъ день до вечера, а слушать нечего.
Бабій языкъ — чо̀ртово помело.
Хорошо говоришь, да было бы что слушать.
Такую занесъ, что уши вянутъ (что листъ на деревѣ вянетъ).
Такъ вретъ, что съ души претъ. Вралъ бы, да мѣру зналъ бы.
Вретъ, какъ сивый меренъ. Вретъ, и не поплевываетъ.
Понесъ (занесъ) чуху, чепуху, дребедень, галиматью.
Нисени́тницу затянулъ (южное: бестолочь, ни то, ни сё).
Околесицу (неоколесную) несетъ. Не помнитъ Божьихъ дней.
Какъ станетъ городить — себя не помнитъ, людей забываетъ.
Городитъ околесную (неоколесную). Колеситъ окольную.

Мели, кривая: грошъ на полкѣ (т. е., за мною).

Ну это пошло: зачинается-починается (т. е., сказка, пустая длинная рѣчь).

Это сказка на салазкахъ. Это докучная сказка (безконечная).

Лѣзетъ съ языкомъ, что съ пирогомъ (навязчивъ).

И красно, и цвѣтно, да линюче.

И красно, и пестро (говоритъ), да пустоцвѣтомъ.

Понесъ аллилуію съ масломъ (правильнѣе: алалу̀ съ масломъ, отъ гл. алалы̀кать, картавить, говорить невнятно; болтать вздоръ, молоть).

Проврался, что прокрался. Вралъ много, а переврать не умѣетъ.

Разсказалъ, какъ размазалъ. Толкуй больной съ подлѣкаремъ!

Съ твоимъ здоровьемъ и говорить скоромно.

Съ нимъ патощакъ не сговоришь.

Съ тобой надо говорить, гороху наѣвшись.

Нечего говорить, да: а? Нечего говорить, такъ: тово̀-воно, какъ оно̀.

Примѣромъ будучи сказать.

Онъ, де, вретъ, де, а я, де, перевираю де-де.

Не для чего другаго, прочаго инаго, какъ для единой единственности и совершеннаго компанства.

Языкъ мой — врагъ мой. Свой язычокъ первый супостатъ.

Языкъ мой — врагъ мой, прежде ума (напередъ ума) глаголетъ.

Языкъ мой — врагъ мой: прежде ума рыщетъ, бѣды ищетъ.

Мужикъ ражій, да языкъ-то вражій.

Языкъ до добра не доведетъ.

Лишнее слово въ досаду (во грѣхъ, въ стыдъ) вводитъ.

Лишнее говорить — себѣ вредить (болячку вередить).

Не все сказывай, что поминается (что помнится, что отрыгается).

Ртомъ болѣзнь входитъ, а бѣда выходитъ.

Большое вяканье доводитъ до бяканья.

Отъ одного сло̀ва — да на вѣкъ ссора.

Изъ-за пустыхъ словъ, пропалъ какъ песъ.

Худое слово доведетъ до дѣла. За худыя слова̀ слетитъ и голова.

Кто говоритъ, что хочетъ, самъ услышитъ, чего и не хочетъ.

Говоря про чужихъ, услышишь и про своихъ.
Кто бы и зналъ, коли бы не самъ сказалъ.
Всякая сорòка отъ своего языка гинетъ.
Достается сы̀чкѣ, отъ своего язы̀чка.
Кабы на сойку (сороку) не свой язычокъ (вѣкъ бы по волѣ летала).
Когда бы на дятла не свой носокъ, никто бы его въ дуплѣ не нашелъ.
Сама скажетъ сорòка, гдѣ гнѣздо свила.
Птица поетъ — сама себя продаетъ.
Никто бы про тебя не зналъ, когда бы самъ не сболталъ.
Взвыла собака на свою голову.
Ты, язычокъ, смалчивай: за тебя я бѣдку плачивалъ.
Для краснаго словца не пощадитъ ни матери, ни отца.
Ради краснаго словца не пожалѣетъ роднаго отца.
Красноплюй заговоритъ, всѣхъ слушателей переморитъ.
Есть что слушать, да нечего кушать.
Кумъ да кумà (бесѣда), да кубышка вина.
Онъ рòди языкъ (т. е., онъ красно говоритъ).
Сказалъ красно—по избамъ пошло; а смолчится—себѣ пригодится.
Вѣжества не купи, умѣлось бы говорить.
Что на умѣ, то и на языкѣ. Что ни видитъ, то и бредитъ.
Говорить, такъ договаривать; а не договаривать, такъ и не говорить.
Сколько ни таѝмничать, а будетъ сказаться.
Коротко, да ясно. Отзвонилъ, да и съ колокольни.
Отрубилъ, да и въ шапку. Сказалъ, что отрубилъ.
Говоритъ на право, а глядитъ на лѣво.
Рѣчистъ, да нà руку нечистъ. И рѣчисто, да не чисто.
Говоримъ краснò, да слушать тошнò.
Безъ хлѣба, безъ соли—худая бесѣда. Вранья на зубъ не положишь.
То не обѣдъ, что соврешь въ мясоѣдъ.
Говорилъ бы много, да сосѣдъ у порога.
Говорилъ бы и про тебя, да боюся тебя.
Сказалъ бы словечко — да волкъ недалечко.
Сказалъ бы, да лишнія брёвна (сучки̇) въ стѣнѣ есть.

«Зналъ бы, такъ не сказалъ бы» то-то, не знавши говорить не надо.

Какъ тутъ говорить, гдѣ не дадутъ рта отворить?

Говорить бѣда, а молчать другая. Мать сыра земля, говорить нельзя.

Коротокъ языкъ, такъ вытянутъ, а длиненъ, такъ окоротаютъ.

За такую (за нелюбую) погудку смычкомъ по рылу бьютъ.

Ваши слова — хоть въ Библію, а наши и въ Татарскіе святцы (въ Татарскій прологъ) не годятся.

Во хмелю, что хошь намелю, а проснусь, отопрусь.

Сказать — смѣшно, утаить — грѣшно. Этого ни спѣть, ни сказать.

Смѣшно, потѣшно, разговаривать про ночешно.

Не всякому слуху вѣрь, не всякую правду сказывай!

Не все мели (ври), что помнишь. Не все ври, что помнится.

Не всякую рѣчь (правду) сказывай! Не всяку думку при людяхъ думай!

Умѣй во время сказать, во время смолчать!

Умѣй сказать, умѣй и смолчать! Не все вслухъ, да въ голосъ.

На духу сказано, такъ знай про себя! На духу сказано, такъ знай грудь да подоплека!

Не всякому сказывай, что по деньгѣ рѣдька!

Изъ избы сору не выноси, а въ уголокъ копи (а подъ лавку копи, т. е., не разноси семейныхъ вѣстей. Крестьяне сору не метутъ на дворъ, или улицу, а мечутъ въ печь, когда затопятъ ее, потому что по сору, какъ по слѣду, знахарь можетъ наслать порчу).

Какъ видитъ, такъ и бредитъ.

Ротъ на распашку, языкъ на плечо.

Говоришь по совѣту (тайкомъ, совѣтно), а выйдетъ по всему свѣту.

Свинья скажетъ борову, а боровъ всему городу.

Знала бъ насѣдка, узнаетъ и сосѣдка.

Не ждетъ баба спроса, сама все скажетъ. Что вода въ рѣшетѣ.

Каковы свойства, таковы и рѣчи. Знать сороку по язычку.

Онъ зубастъ, онъ остеръ на языкъ. У него языкъ — какъ бритва.

Не ножа бойся, языка! Бритва скребетъ, а слово рѣжетъ.

Видно у него языкъ чешется. Почесать языкъ (врать вздоръ).

У него языкъ длиненъ. У него языкъ длиннѣй лизуна (т. е., коровьяго языка).

Рѣчистъ, какъ нашъ Ѳеклистъ. Лепетливѣе (крикливѣе) насѣдки.
Когда онъ заговоритъ, то и собакѣ не даетъ слова сказать.
Бойся Вышняго, не говори лишняго!
Говори, да не проговаривайся (да не заговаривайся)!
Ври, да не завирайся! Ври, да знай мѣру!
Звони, да не зазванивайся! Звони, звони, да и перезванивай!
Зажми ротъ, да не говори съ годъ!
Безъ хлопотъ — зажать лучше ротъ. Поболталъ, да и за щеку.
Губы да зубы — два запора (забора), а удержу нѣтъ.
Иже — не ври же, Ѳита не болтай! Иже не ври же, его же не пригоже (Семинар.).
Языку каши дай! Смочи язычокъ! Накорми языкъ (замолчи)!
Прикуси языкъ! Набери въ ротъ воды!
Вотъ тебѣ сахарный кусокъ, заткни себѣ ротокъ!
Заткни ротъ рукавицей! Заткни хайло онучей! Зажмурь кадыкъ!
Загороди ротъ запоромъ, заставь заставкой!
Глотку раздерешь — не зашьешь. Нишни: квашня ушла.
Молчи, пора рожь толчи! Полно молоть, потолки!
Говоритъ (поетъ, играетъ) хорошо, а замолчитъ — еще лучше.
Долго не говоритъ — умъ копитъ; а вымолвитъ — слушать нечего.
Долго (не долго) думалъ, да хорошо совралъ.
Одинъ языкъ перемелется (примелется), другой переболтается.
Сболтнулъ бы котокъ, да языкъ коротокъ (т. е., нѣтъ воли).
Говорить было не мало, да разума (да рѣчей) не стало.
Много не договорено — да и говореное-то еще не сварено.
Замолчалъ, какъ воды въ ротъ набралъ.
Замолчалъ, будто кислымъ залило. Замолчалъ, какъ съ пахтанья.
Не доищется (не доискался) слова.
Нѣмъ (безсловесенъ), какъ рыба. Нѣмъ, какъ безголосная рыба.
Разговорчивъ, какъ устрица. Бесѣдливъ, какъ тюлень.
Тихій ангелъ пролетѣлъ (всѣ вдругъ замолчали).
Играть въ молчанки. Перемалчиваться въ запуски.
Сошлись кой о чемъ помолчать. Нѣмая бесѣдушка.

Молчанкой никого не обидишь. Кто молчитъ, не грѣшитъ.
На молчокъ не разѣвай ротокъ! Молча, губами не разводи!
Доброе молчанье чѣмъ не отвѣтъ? Тихое молчанье никому не отвѣтъ.
Не стыдно молчать, коли нечего сказать.
Доброе молчанье лучше худаго ворчанья.
Кто молчитъ, тотъ двухъ научитъ.
Молчокъ — сто рублей. Молчанье (молчокъ) — золотое словечко.
Сказаное словцо — серебряное, несказаное — золотое.
Сказано — серебро, несказано — золото. Молча легче.
Онъ на махъ (на вѣтеръ, на вѣй-вѣтеръ) слова не молвитъ.
Складно баетъ, да дѣла не знаетъ.
Кланяться гораздъ, а говорить не умѣетъ.
Онъ спроста не говоритъ: растопыритъ слово что вилы, да и молчитъ.
Онъ говоритъ въ прикуску (т. е., чопорно, осторожно).
У него слово слову костыль подаетъ.
Слово за̀ словомъ, на тараканьихъ ножкахъ ползетъ (лѣпится).
Онъ рѣчь сквозь зубы цѣдитъ. Говоритъ, что въ цѣдилку цѣдитъ.
Слово къ слову приставляетъ, словно клѣтки городитъ.
Слово за̀ словомъ въ перебой идетъ. Слово за̀ слово цѣпляется.
Говоритъ — что родитъ (съ по̀тугами)!
Слово вымолвитъ, ровно жвачку пережуетъ.
Да выплюнь, не жевамши (говори, что ли).
Слово по̀ слову, что на лопатѣ подаетъ.
Говоритъ, что клеитъ. Говоритъ, что плетень плететъ.
Прожуй слово, да и молви! Разжевавъ слова̀, да выплюнь.
Говоритъ, какъ клещами на лошадь хомутъ тащитъ.
Говоритъ, что клещами вертитъ.
Будь хоть дуракомъ, да болтай языкомъ (работаютъ)!
Мужикъ кочедычкомъ, а чистоплюйка язычкомъ.
Этого сразу не выговоришь! Съ морозу не выговоришь. Натощакъ не выговоришь. Этого прозванья, не облизнувшись, не выговоришь.
Этого, не свихнувъ языка, не проговоришь.
Свой языкъ, своя и гово̀ря (произношеніе, выговоръ).

Не подпрячь ли заикѣ, одинъ не вывезетъ.

Онъ говоритъ съ присвистомъ. Причмокиваетъ, да пришепетываетъ.

Суконный языкъ (шепелявый, картавый).

Языкомъ, что помеломъ возитъ. У него вехотка во рту.

Слово не стрѣла, а пуще стрѣлы (а разитъ).

Слово не стрѣла, а сердце сквозитъ (язвитъ).

Слово не обухъ, а отъ него люди гибнутъ.

Отъ языка не уйдешь. Языкъ вездѣ достанетъ.

Языкъ змѣиный (злобный, клеветникъ).

Чужой ротокъ—не свой хлѣвокъ, не затворишь.

Чужой ротъ — не огородъ, не притворишь.

На чужой ротокъ не накинешь платокъ.

На чужой ротъ не пуговицу нашить.

Глаза не зажать, а языку каши не дать.

Ротъ не ворота, клиномъ (запòромъ) не запрешь.

На то пасть дана, чтобъ зѣвать.

Языкомъ не раскажешь, такъ и пальцами не растычешь.

Языкомъ болтай, а рукамъ воли не давай!

Языкомъ, какъ хошь, а рукамъ' не ворошь.

Языкомъ хоть ноги лижи, а рýки покороче держи!

Нечего руками разсуждать, коли Богъ ума не далъ.

На языкъ пошлины нѣтъ. Безоброчная мельница.

Говорить не устать, да въ какую стать?

Говорить не устать, было бы что сказать.

Вымолвить не хочется, такъ и языкъ не ворочается.

Воздухъ словами не наполнить. Всего не переговоришь.

До насъ люди жили — много говорили; не помремъ, такъ и мы поврем̃ъ.

Въ прохладѣ живемъ: языкъ болтаетъ, и вѣтерокъ продуваетъ.

Сколько ни говорить, а съ разговору сытымъ не быть.

Сколько ни толковать, а всего не перетолковать (не пережевать).

Говорили сегодня, говорить и завтра.

Говори такъ, чтобъ на долго стало (всего вразъ не переврешь).

Люди говорятъ, такъ люди и слушаютъ.

Не даромъ говорится то и то.

Коли одинъ говоритъ, такъ двое глядятъ, да двое слушаютъ, (т. е., два глаза, два уха и одинъ ротъ).

Безъ языка и колоколъ нѣмъ.

Не стать говорить, такъ и Богъ не услышитъ.

Дитя не заплачетъ — мать не знаетъ.

Чье правое дѣло, тотъ говори смѣло!

За правое дѣло говори смѣло (стой смѣло)!

На великое дѣло — великое слово. Отъ избытка уста глаголютъ

Молчанъ-собака не слуга во дворѣ.

Молчать, такъ и дѣло не скончать. Твой намекъ мнѣ не вдомекъ.

О чемъ дитя плачетъ — и мать не разумѣетъ.

Не пройми копьемъ, пройми языкомъ!

Живое слово. Живымъ словомъ побѣдить.

Живое слово дороже мертвой буквы.

Хорошую рѣчь хорошо и слушать. Красную рѣчь красно и слушать.

Сядемъ рядкомъ, да поговоримъ (да перетолкуемъ) ладкомъ.

И невелика бесѣда, да честна.

Красно поле пшеномъ, а бесѣда умомъ.

Съ тобой разговориться, что меду напиться.

Твоими бы устами да медъ пить.

Что кого веселитъ, тотъ про то и говоритъ.

Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ.

Есть, словко — какъ медъ сладкò; а нѣтъ, словко — какъ полынь горькò.

Сидитъ, какъ свѣча горитъ, говоритъ, что рублемъ даритъ.

Что слово молвитъ, то рублемъ подаритъ.

Короткія рѣчи и слушать нèча (нечего).

Въ чужой бесѣдѣ всякъ ума купитъ.

Слово не ворóбей; вылетитъ — не поймаешь.

И дорого бъ далъ за словечко, да не выкупишь.

Коня на возжахъ удержишь, а слòва съ языка не воротишь.

Вертитъ перомъ, что веретеномъ (что чортъ крючкомъ, хвостомъ).

Бумажки клочекъ въ судъ волочетъ.

Читай, не вертись, а что написано, не сердись (съ лубочн. карт.)!

Вретъ по печатному. Вретъ, какъ газета. Супротивъ печатнаго (газетнаго) не соврешь.

Лучше печатнаго не скажешь. Говоритъ, какъ книга.

Это вилами писано (т. е., на двое, невѣрно).

Идетъ грамота неписана, дана читать незрячему (Ною).

Пишетъ грамотки, да проситъ памятки.

По старой памяти, что по грамотѣ. Живая грамота.

По писаному, что по тесаному. По сказаному, что по писаному.

Прочитать отъ доски до доски (переплетъ книгъ встарь былъ дощатый).

Не на пользу читать, коли только вершки хватать.

Уложенье читаетъ, а дѣла не знаетъ.

Глядитъ въ книгу, а видитъ фигу.

Немного читай, да много (да побольше) разумѣй!

Писано, переписано, село Борисово (говоритъ о письмѣ незнающій грамотѣ).

Это не при мнѣ (не при насъ) писано.

Писано на рѣшетѣ, съ подкладкой полотенца (неразборчиво).

Бумага некупленая, письмо домашнее.

Писалъ Макарка своимъ огаркомъ.

Отъ стѣны пишетъ (отъ правой къ лѣвой, Еврей, или Татаринъ).

Гдѣ чихнуть пришлось—запятая; гдѣ икнулось—двоеточіе, а гдѣ табаку понюхать — точка.

Письмо — словно куры набродили.

Курячьи ножки, крючки да присошки.

Два косяка съ притолокой, два полколеса, два стяга съ колесомъ, два стяга съ крючкомъ (покой).

Тарабарская грамота (всякое цифирное письмо).

Словно маку насѣялъ (мелкое письмо).

Пишетъ, словно разводы разводитъ (крупно и медленно).

Писали писаки, а прочтутъ собаки.

Писалъ писачка, а имя ему собачка.

Это писалъ такой, что перо за ухомъ (дока).

Пишетъ, какъ чортъ шестомъ по Неглинной (улица въ Москвѣ).

Пиши знай: кому надо — разберетъ.

Не перомъ пишутъ, умомъ.

Не складна челобитная складомъ, складна указомъ (смысломъ).

Не складна (не красна) письмомъ, складна (красна) вымысломъ.

Не красна книга письмомъ, красна умомъ.

Онъ учился на мѣдныя деньги.

Мы бѣдные учимся на мѣдныя, а богачи на рублевички.

Голову срѣзали, сердце вынули, дають пить, велятъ говорить (Перо).

Голову отрѣжу, сердце выну, дамъ пить, будетъ говорить (То же).

Сверху пушисто, снизу остро, всунешь — сухо, вынешь — мокро (То же).

Малъ малышокъ, а мудрые пути кажетъ (То же).

Родился отъ плоти, а крови нѣтъ; грамоты не знаю, а вѣкъ пишу (То же).

Чѣмъ (чего) черезъ избу не перекинешь? (Перомъ).

Сѣмя плоско, поле гладко, кто умѣетъ, тотъ и сѣетъ; сѣмя не всходитъ, а плодъ приноситъ (Письмо).

Растилается по двору бѣлое сукно: конь его топчетъ, одинъ ходитъ, другой водитъ, черныя птицы на него садятся (То же).

Земля бѣла̀, сѣмена черны: пятеро пашутъ, двое блюдутъ, одинъ управляетъ (Человѣкъ пишущій).

Поле бѣло, сѣмя черно, кто его сѣетъ, тотъ разумѣетъ (Письмо).

Ни небо, ни земля, собой бѣла: двое глядятъ, трое работаютъ, одинъ повелѣваетъ (То же).

Ни небо, ни земля, видѣніемъ бѣла; трое по ней ходятъ, одного водятъ; два соглядаютъ, одинъ повелѣваетъ (Бумага, пальцы, перо, глаза̀, умъ).

Не ѣвши блюетъ; а что выблюетъ, опять уплетаетъ (Песочница).

Въ Москвѣ рубятъ, а сюда (а къ намъ) щепки летятъ (письма, газеты).

Сказаное слово въ кадыкъ назадъ не ворочается.

Слово выпустишь, такъ и крюкомъ (и вилòмъ) не втащишь.

Что выплюнешь, того не схватишь.

И плевка на лету не перехватишь.

Молвишь—не воротишь, а плюнешь—не подымешь (не проглотишь).

Выстрѣливъ, пулю не схватишь, а слово сказавъ, не поймаешь.

Языкомъ не слизнешь.

Кстати промолчать, что большое слово сказать.

На кого проговоръ не живетъ? Обмолвка — не обида.

Ошибка въ словѣ — не споръ. Не всякое слово (лыко) въ строку.

Иное слово — пропускай мимо ушей!

Лучше ногою запнуться, нежели языкомъ.

Въ чемъ проговорился, съ тѣмъ и простился (въ рядѣ).

Въ чемъ проврался, въ томъ и поплатился.

Совралось — какъ съ языка сорвалось.

Проврался — что въ карты проигрался.

Къ пиву ѣдется, къ слову молвится.

Къ пиру пошлось, къ слову молвилось.

Слово слово родитъ, третье само бѣжитъ.

На грубое слово не сердись, на ласковое не сдавайся!

Отъ привѣтливыхъ словъ языкъ не отсохнетъ

Ласковое слово и кость ломитъ.

И собаку ласково примолвишь, такъ хвостомъ вертитъ (такъ не скоро укуситъ).

Грамота.

Грамотѣ учиться — всегда (впередъ) пригодится.

Кто грамотѣ гораздъ, тому не пропасть.

Побольше грамотныхъ, поменьше дураковъ.

Пророкъ Наумъ наставитъ на умъ (1 Декабря; съ этого дня посылаютъ дѣтей въ школу).

У Николы двѣ школы: азбуки учатъ, да кануны твердятъ.

Читать по складамъ. Читать по верхамъ, или по толка̀мъ.

Безъ складу по складамъ, безъ толку по толка̀мъ.

По складамъ, такъ не грамотѣй.

Читаетъ, какъ пономарь (какъ псалтирь).

Азбуку уча̀тъ, во всю избу кричатъ.

Ѳита да ижица — къ лѣнивому плеть близится.

Азбука наука, а ребятамъ бука (му̀ка).

За азъ да за бу̀ки, такъ и указку въ ру̀ки.

Сперва азъ да бу̀ки, а тамъ и науки.

Грамотѣ не знаетъ, а цыфирь твердитъ.

Како онъ — конъ, буки ерыкъ — быкъ, глаголь азъ — глазъ.

Еръ да еры — упали съ горы̀, ерь да ять, некому поднять.

По грамотѣ осѣкся, цыфирь не далась.

Книгами не лодыгами играть. Въ книги не въ чурки.

Нынѣ много грамотныхъ, да мало сытыхъ.

Перо сохи легче. Грамотѣй — не пахарь (не работникъ).

И самъ тому не радъ, что грамотѣ гораздъ.

Уѣла попа грамотка.

Книга-то книга — слово то слово! На-ка, пономарь, унеси ее въ алтарь (о малограмотномъ попѣ).

Эко диво: поглядишь — чистехонько; погладишь — гладехонько, а станешь читать — вездѣ задѣвается (сказалъ дьячекъ).

Гражданская грамота отъ антихриста (Раскол.).

Все товаръ, и мусоръ товаръ, а книги не товаръ (сказалъ Гр. Канкринъ, когда Смирдинъ просилъ ссуды подъ свою библіотеку)

Книга — въ ней два листа, а середка пуста.

Книга, а въ ней кукишъ да фига.

Бумага терпитъ, перо пишетъ. Перо скрыпитъ, бумага молчитъ.

Перо смѣлѣе (ходчѣе) языка. Языкъ коснѣетъ, а перо не робѣетъ.

Напишешь перомъ, не стешешь (не вырубишь) топоромъ.

Написано перомъ, не вырубить и топоромъ.

Напишешь перомъ, что не вывезешь воломъ.

Повторенье — мать ученья (школьн.)
Зады, зады! — а переды передъ тобою.
Ткали рогожку, доткались и до кра̀сенъ (полотна).
Этого не умѣть (не сдѣлать), такъ и на свѣтѣ не жить.
Наша невѣста не гусей пасла, а веретеномъ трясла.
Гибали мы вязовую (дугу̀), согнемъ и ветловую.
Не учи плясать, я и самъ скоморохъ. Учена учить, только портить.
Мастеръ мастеру не указъ (не укащикъ).
Не учи борючись, учи побораючи.
Не учи рыбу плавать! Поучи щуку плавать!
Учи Астраханца рыбу пластать. Укащику — чирей за̀ щеку.
Не учи хромаго ковылять! Не учи безногаго хромать!
Не учи хромать, у кого но̀ги болятъ!
Не учи печѝ, не указывай подмазывать!
Не указый подмазывать: сами горазды.
Косой криваго не учи! Заика заику дразнитъ (учитъ).
У вора воровать — только время терять.
Ѣсть — не учиться стать. Не учи козу, сама стянетъ съ возу.
Отъ умнаго научишься, отъ глупаго разучишься.
Вѣкъ живи, вѣкъ учись (а умри дуракомъ).
Ученая вѣдьма хуже прирожденной.
Недоученый хуже неученаго. Переученый хуже недоученаго.
Наука учитъ только умнаго. Не всякому все дается.
Стрѣльба да борьба — ученье; а конское сидѣнье — кому Богъ дастъ.
Ученье — красота, неученье — простота (сухота).
Ученье свѣтъ, а неученье тьма.
Красна птица перьемъ, а человѣкъ ученьемъ.
Божьей волей свѣтъ стои́тъ, наукой люди живутъ.
Не для му̀ки, для нау̀ки. Наука — не мука (не бука).
Ничего не смыслить — вѣкъ киснуть. Ученье лучше богатства.
Иной охочъ, да не горазд̀ъ, иной и го̀раздъ, да не охочъ.
За ученаго (битаго) двухъ неученыхъ (небитыхъ) даютъ, да и то не берутъ.

Городское телятко разумнѣе деревенскаго дитятки.

Въ городѣ живетъ, а колокольнѣ кланяется.

Чему учился, тому и пригодился. Знай больше, а говори меньше!

Что (какъ) ручки сдѣлаютъ, то (такъ) спинка износитъ.

Не уча (или: нéуча) въ попы не ставятъ.

Не учась (не умѣючи) и лаптя не сплетешь.

Не научи, да въ міръ пусти, такъ будетъ шишъ, а не куски (?).

И птица, высидѣвъ да выкормивъ птенца, его летать учитъ.

Кто больше знаетъ, тому и книги въ руки.

Не переная стрѣла въ бокъ идетъ.

Учись доброму, такъ худое на умъ не пойдетъ.

Мастерства (ремасла) за плечами не носятъ, а съ нимъ добро.

Ремесло пить, ѣсть не проситъ, а само кормитъ.

Не худое ремесло, кто умѣетъ сдѣлать и весло.

Отъ добрыхъ рукъ ничего не уходитъ (о ремеслѣ).

Ремесло вотчина. Ремесло кормилецъ.

Одной пчелѣ Богъ сроду открылъ науку.

Наука въ лѣсъ не ходитъ. Досужество дороже досуга.

Наука — вѣрнѣй золотой поруки.

Соколъ съ лету хватаетъ, а ворòна и сидячаго не поймаетъ.

Не трудно сдѣлать, да трудно задумать.

Не дорога пляска, а дорога уставка (погудка).

Не дорогà пѣсня, дорога уставка (или: уставъ).

Не поле родитъ — загонъ; не игла шьетъ, а руки.

Не земля родитъ (кормитъ), а нивка (т. е., обработанная).

Не гонкой волка бьютъ, уловкой.

Не ищи зайца въ бору: на опушкѣ сидитъ.

Держись берега, и рыба будетъ.

Гдѣ въ берегу колода, тамъ и окунь.

Дураку пò поясъ, а умный сухъ пройдетъ.

Ученый (умный) водитъ, неученый слѣдомъ ходитъ.

Въ добрую голову сто рукъ.

Не куетъ желѣза молотъ, куетъ кузнецъ.

Вертитъ перомъ, что веретеномъ (что чортъ крючкомъ, хвостомъ).

Бумажки клочекъ въ судъ волочетъ.

Читай, не вертись, а что написано, не сердись (съ лубочн. карт.)!

Вретъ по печатному. Вретъ, какъ газета. Супротивъ печатнаго (газетнаго) не соврешь.

Лучше печатнаго не скажешь. Говоритъ, какъ книга.

Это вилами писано (т. е., на двое, невѣрно).

Идетъ грамота неписана, дана читать незрячему (Пою).

Пишетъ грамотки, да проситъ памятки.

По старой памяти, что по грамотѣ. Живая грамота.

По писаному, что по тесаному. По сказаному, что по писаному.

Прочитать отъ доски до доски (переплетъ книгъ встарь былъ дощатый).

Не на пользу читать, коли только вершки хватать.

Уложенье читаетъ, а дѣла не знаетъ.

Глядитъ въ книгу, а видитъ фигу.

Немного читай, да много (да побольше) разумѣй!

Писано, переписано, село Борисово (говоритъ о письмѣ незнающій грамотѣ).

Это не при мнѣ (не при насъ) писано.

Писано на рѣшетѣ, съ подкладкой полотенца (неразборчиво).

Бумага некупленая, письмо домашнее.

Писалъ Макарка своимъ огаркомъ.

Отъ стѣны пишетъ (отъ правой къ лѣвой, Еврей, или Татаринъ).

Гдѣ чихнуть пришлось—запятая; гдѣ икнулось—двоеточіе, а гдѣ табаку понюхать — точка.

Письмо — словно куры набродили.

Курячьи ножки, крючки да присошки.

Два косяка съ притолокой, два полколеса, два стяга съ колесомъ, два стяга съ крючкомъ (покой).

Тарабарская грамота (всякое цифирное письмо).

Словно маку насѣялъ (мелкое письмо).

Пишетъ, словно разводы разводитъ (крупно и медленно).

Писали писаки, а прочтутъ собаки.

Писалъ писачка, а имя ему собачка.

Это писалъ такой, что перо за ухомъ (дока).

Пишетъ, какъ чортъ шестомъ по Неглинной (улица въ Москвѣ).

Пиши знай: кому надо — разберетъ.

Не перомъ пишутъ, умомъ.

Не складна челобитная складомъ, складна указомъ (смысломъ).

Не складна (не красна) письмомъ, складна (красна) вымысломъ.

Не красна книга письмомъ, красна умомъ.

Онъ учился на мѣдныя деньги.

Мы бѣдные учимся на мѣдныя, а богачи на рублевички.

Голову срѣзали, сердце вынули, дають пить, велятъ говорить (Перо).

Голову отрѣжу, сердце выну, дамъ пить, будетъ говорить (То же).

Сверху пушисто, снизу остро, всунешь — сухо, вынешь — мокро (То же).

Малъ малышокъ, а мудрые пути кажетъ (То же).

Родился отъ плоти, а крови нѣтъ; грамоты не знаю, а вѣкъ пишу (То же).

Чѣмъ (чего) черезъ избу не перекинешь? (Перомъ).

Сѣмя плоско, поле гладко, кто умѣетъ, тотъ и сѣетъ; сѣмя не всходитъ, а плодъ приноситъ (Письмо).

Растилается по двору бѣлое сукно: конь его топчетъ, одинъ ходитъ, другой водитъ, черныя птицы на него садятся (То же).

Земля бѣла̀, сѣмена черны: пятеро пашутъ, двое блюдутъ, одинъ управляетъ (Человѣкъ пишущій).

Поле бѣло, сѣмя черно, кто его сѣетъ, тотъ разумѣетъ (Письмо).

Ни небо, ни земля, собой бѣла: двое глядятъ, трое работаютъ, одинъ повелѣваетъ (То же).

Ни небо, ни земля, видѣніемъ бѣла; трое по ней ходятъ, одного водятъ; два соглядаютъ, одинъ повелѣваетъ (Бумага, пальцы, перо, глаза̀, умъ).

Не ѣвши блюетъ; а что выблюетъ, опять уплетаетъ (Песочница).

Въ Москвѣ рубятъ, а сюда (а къ намъ) щепки летятъ (письма, газеты).

Въ лѣсу (въ Питерѣ, въ Москвѣ, въ городѣ) дрова рубятъ, а къ намъ (а по всѣмъ городамъ, деревнямъ) щепки летятъ (То же).

Идетъ не мужикъ, не баба, несетъ ни пирогъ, ни сгибень (Письмо).

Посолъ, что мѣхъ: что въ него вложишь, то и несетъ.

Умному послу не великъ наказъ, а за глупымъ посломъ не лѣнись самъ итти.

Дурака пошли, да самъ слѣдомъ иди!

Пошли дурнаго, а за нимъ и другаго (Малоросс.).

Его пошли, да и самъ за нимъ иди!

Пошли Ивана, за Иваномъ болвана, за болваномъ еще дурака, такъ и самъ иди туда!

Семерыхъ пошли, да самъ вслѣдъ иди!

Чѣмъ семерыхъ посылать — инъ самому побывать.

Не кота обувать, да за вами посылать (коли всѣ ушли).

Его хорошо за смертью посылать.

Ушелъ Вавило по мотовило, да видно лѣсомъ задавило.

Ушелъ посолъ и утонулъ въ росолъ. Коли не удавится, то назадъ явится.

Лукъ — что царь, стрѣлы — что посланнички.

По посольству и почетъ. По посольству и отвѣтъ держать.

Посла ни казнятъ, ни рубятъ. Посла ни куютъ, ни вяжутъ.

Посла ни сѣкутъ, ни рубятъ, а только жалуютъ.

Чей посолъ, того (тому) и почетъ (и честь).

Ученье — наука.

Кто хочетъ много знать, тому надо мало спать.

Итти въ науку, терпѣть муку. Безъ муки нѣтъ и науки.

Учить въ долбежку, долбить, зубрить, вызубрить отъ доски до доски.

Учился читать, да писать, а выучился пѣть, да плясать.

Кто по толкамъ, а кто по складамъ.

Всякъ мастеръ на выучку беретъ, да не всякъ доучиваетъ.

По выучкѣ мастера знать.

Молодому учиться рано, старому поздно.

Съ чорта выросъ, а кнутомъ не битъ (т. е., глупъ).

Не учили поперекъ лавочки, а во всю вытянулся — не научишь.

Женатому учиться — времячко ушло.

Не хочу учиться, хочу жениться.

Опустя время учиться, что по ушлому гонять.

Парень и теперь рубля сто́итъ, а какъ ему бока надуть, — и два дадутъ.

За одного битаго двухъ небитыхъ даютъ, да и то не берутъ.

Кнутъ (плетъ) не му́ка, а впередъ наука.

Безъ палки нѣтъ ученья. Не для сѣченья, для ученья.

Дерево нѣмо, а вѣжеству учитъ.

Много ученъ, а не досѣченъ. Жернова̀ куютъ, какъ они не имутъ.

Не побивши, не выучишь. Ожечь не ожжетъ, а выпаритъ важно.

Вольно тому шалить, кто смолоду не битъ.

И медвѣдя бьютъ, да учатъ. И медвѣдя люди учатъ.

Умъ да умецъ, да третій дубецъ. Побои не медъ, коня учатъ.

Неукъ бьетъ, а обойдется, смирнѣй коровы идетъ.

Конь добръ, да не ѣзженъ; дорогъ парень, да не ученъ.

Это не ученье, а мученье. Что скоро скучитъ, то скоро научитъ.

Что міръ учитъ, то людей мучитъ.

Корень ученія горекъ, да плодъ его сладокъ.

Не выучитъ школа, выучитъ охота. Сытое брюхо къ ученію глухо.

Мѣха не надуть, а раба не научить.

Добро того бить, кто плачетъ, а учить, кто слушаетъ.

Задъ похлещешь, а въ голову не набьешь.

Чего нѣтъ за шкурой (за кожей), къ шкурѣ не пришьешь.

Наука не пиво, въ ротъ не вольешь.

Мудрено тому учить, чего сами не знаемъ (не умѣемъ).

Учи другихъ — и самъ поймешь.

Повторенье — мать ученья (школьн.)

Зады, зады! — а переды передъ тобою.

Ткали рогожку, доткались и до крáсенъ (полотна).

Этого не умѣть (не сдѣлать), такъ и на свѣтѣ не жить.

Наша невѣста не гусей пасла, а веретеномъ трясла.

Гибали мы вязовую (дугу), согнемъ и ветловую.

Не учи плясать, я и самъ скоморохъ. Учена учить, только портить.

Мастеръ мастеру не указъ (не укащикъ).

Не учи борючись, учи побораючи.

Не учи рыбу плавать! Поучи щуку плавать!

Учи Астраханца рыбу пластать. Укащику — чирей зá щеку.

Не учи хромаго ковылять! Не учи безногаго хромать!

Не учи хромать, у кого нóги болятъ!

Не учи печи, не указывай подмазывать!

Не указый подмазывать: сами горазды.

Косой криваго не учи! Заика заику дразнитъ (учитъ).

У вора воровать — только время терять.

Ѣсть — не учиться стать. Не учи козу, сама стянетъ съ возу.

Отъ умнаго научишься, отъ глупаго разучишься.

Вѣкъ живи, вѣкъ учись (а умри дуракомъ).

Ученая вѣдьма хуже прирожденной.

Недоученый хуже неученаго. Переученый хуже недоученаго.

Наука учитъ только умнаго. Не всякому все дается.

Стрѣльба да борьба — ученье; а конское сидѣнье — кому Богъ дастъ.

Ученье — красота, неученье — простота (сухота).

Ученье свѣтъ, а неученье тьма.

Красна птица перьемъ, а человѣкъ ученьемъ.

Божьей волей свѣтъ стойтъ, наукой люди живутъ.

Не для мýки, для нáуки. Наука — не мука (не бука).

Ничего не смыслить — вѣкъ киснуть. Ученье лучше богатства.

Иной охочъ, да не гораздъ, иной и гóраздъ, да не охочъ.

За ученаго (битаго) двухъ неученыхъ (небитыхъ) даютъ, да и то не берутъ.

Городское телятко разумнѣе деревенскаго дитятки.
Въ городѣ живетъ, а колокольнѣ кланяется.
Чему учился, тому и пригодился. Знай больше, а говори меньше!
Что (какъ) ручки сдѣлаютъ, то (такъ) спинка износитъ.
Не уча (или: нéуча) въ попы не ставятъ.
Не учась (не умѣючи) и лаптя не сплетешь.
Не научи, да въ міръ пусти, такъ будетъ шишъ, а не куски (?).
И птица, высидѣвъ да выкормивъ птенца, его летать учитъ.
Кто больше знаетъ, тому и книги въ руки.
Не переная стрѣла въ бокъ идетъ.
Учись доброму, такъ худое на умъ не пойдетъ.
Мастерства (ремасла) за плечами не носятъ, а съ нимъ добро.
Ремесло пить, ѣсть не проситъ, а само кормитъ.
Не худое ремесло, кто умѣетъ сдѣлать и весло.
Отъ добрыхъ рукъ ничего не уходитъ (о ремеслѣ).
Ремесло вотчина. Ремесло кормилецъ.
Одной пчелѣ Богъ сроду открылъ науку.
Наука въ лѣсъ не ходитъ. Досужество дороже досуга.
Наука — вѣрнѣй золотой поруки.
Соколъ съ лету хватаетъ, а ворòна и сидячаго не поймаетъ.
Не трудно сдѣлать, да трудно задумать.
Не дорога пляска, а дорога уставка (погудка).
Не дорогà пѣсня, дорога уставка (или: уставъ).
Не поле родитъ — загонъ; не игла шьетъ, а руки.
Не земля родитъ (кормитъ), а нивка (т. е., обработанная).
Не гонкой волка бьютъ, уловкой.
Не ищи зайца въ бору: на опушкѣ сидитъ.
Держись берега, и рыба будетъ.
Гдѣ въ берегу колода, тамъ и окунь.
Дураку пò поясъ, а умный сухъ пройдетъ.
Ученый (умный) водитъ, неученый слѣдомъ ходитъ.
Въ добрую голову сто рукъ.
Не куетъ желѣза молотъ, куетъ кузнецъ.

Не топоръ тешетъ, а плотникъ.

Не силою дерутся, умѣньемъ. Не работа дорогà, умѣнье.

Работнику полтина, мастеру (нарядчику) рубль.

Швецу гривна, закройщику рубль.

Не за шило платятъ, за правило (т. е., не чернорабочему, а десятнику).

Мастеръ одинъ, а подносчиковъ десять.

На одного стрѣлкà по десятку загонщиковъ.

Изъ одного дерева икона и лопата.

Строгановскаго пòшиба, да Суздальскаго мастерства (икона).

Не то дорого, что краснаго золота, а дорого, что добраго мастерства.

Золото не въ золото, не побывъ подъ молотомъ.

Звѣря травятъ не собаками, выѣздомъ.

Былъ бы ловецъ, а ружье будетъ. На ловца и звѣрь бѣжитъ.

Поддать, да выиграть: вотъ то и мастеръ.

По закладкѣ (по закалкѣ) мастера знать.

Добрый портной съ запасомъ шьетъ.

Старая кобыла борозды не портитъ.

Иной стрѣляетъ рѣдко, да попадаетъ мѣтко.

Фасонъ дороже приклада. Портной за фасонъ беретъ.

Хорошій закройщикъ все выкроитъ. По мастерству и закрой.

Чего не достанетъ, зубами натянетъ.

Всякій спляшетъ, да не какъ скоморохъ.

Тѣсные сапоги разносятся, широкіе ссядутся.

Портной гадитъ, а утюгъ гладитъ.

Все закрасится, хорошо будетъ.

Клинъ тесать — мастерство казать (сразу вытесать вѣрный клинъ, безъ подтески, такое жъ мастерство для плотника, какъ выточить вѣрный шаръ отъ рукѝ и для токаря).

Игралъ бы игрокъ въ бараній рогъ.

Сажаетъ въ печь хлѣбы, какъ пышки, а вынимаетъ, какъ крышки.

«Хоть бы ты укралъ гдѣ пшеничной мучицы на кòлобы!» — Дура, вѣдь всѣ знаютъ, что у насъ пшеничной-то нѣтъ! — «Ничего, я такъ испеку, что ото ржаной не узнаютъ».

Пекла, кажись, пирожки, а вышли покрышки на горшки.

Отрѣжешь, такъ осёлка (осёлокъ, камень), а откусишь, такъ гребенка (т. е., хлѣбъ съ закаломъ, зубы знать).

Баба пекла пироги на дрозжахъ, а вынимала ихъ на возжахъ.

Добрый поваренокъ на чумичкѣ вши бьетъ, а язычкомъ тарелки третъ.

Изъ одной мучки, да не однѣ ручки.

Хороша мучка, да не хороши ручки.

Замѣсила прѣсно, да посадила тѣсно (и вышла одна лепешка).

Хороша книга, да начетчики плохи.

Не клей держитъ, а фуганокъ (т. е., пригонка).

Собаку съѣлъ, только хвостомъ подавился.

За вкусъ не берусь, а горяченько, да мокренько будетъ.

Не все пономари, а рѣдко кто не званивалъ.

Коли не коваль (кузнецъ), такъ и рукъ не погань!

Не у рукъ стряпня — пачкотня.

Всякій мастеръ про себя смастеритъ (про себя маслитъ).

Не боги и горшки обжигаютъ (а тѣ жъ люди).

Жигуча крапива родится, да во щахъ уварится.

Не ловецъ, да молодецъ. И не ученъ, да толченъ.

У него дѣло, какъ гусли идетъ (гудетъ).

Какъ ниткой ударить (прямо). У Левки все ловко.

Онъ на всѣ руки. Золотой человѣкъ, золотыя руки.

Онъ на это собаку съѣлъ.

Къ чему рукъ не приложитъ, все кипитъ (горитъ).

Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ.

Жердочка тонка, да козочка прытка (и перебѣжитъ).

Его и въ ступѣ пестомъ не устрѣлишь (не попадешь, не утолчешь; не попадешь, говор. о ловкости, увертливости; не утолчешь, о упрямствѣ).

Онъ сухъ изъ воды выйдетъ. Онъ и въ огнѣ не сгоритъ.

Ни сучка, ни задоринки. Все гладко, шито и крыто.

Комаръ носу не подточитъ. Иголки не подсунешь (не подобьешь).

Голосомъ пляшетъ, а ногами поетъ.

На обухѣ рожь молотитъ, зерна̀ не уронитъ.

Онъ изъ песку веревки вьетъ.

Гдѣ сухо, тутъ брюхомъ, а гдѣ мокро, на колѣнкахъ.

Гдѣ верхо̀мъ, гдѣ пѣшкомъ, а гдѣ и на карачкахъ.

Гдѣ скокомъ, гдѣ летомъ, гдѣ бочко̀мъ, а гдѣ и ползкомъ.

Знай смѣтку, умирай скорчась!

Кто услуженъ (кто досуженъ), тотъ и нуженъ.

Коза сыта, и капуста цѣла (отъ извѣстной задачи: перевощикъ, волкъ, коза и кочанъ).

И овцы цѣлы, и волки сыты. Два угодья: и сытъ, и пьянъ.

Одной шапкой двоихъ накрылъ.

Однимъ шлепкомъ. Пару на зарядъ.

Корову на двое разрубили: задъ доили, а передъ во щахъ варили.

Хитрѣе теленка не будешь (онъ языкомъ подъ хвостъ достаетъ).

Дѣло сдѣлалъ, какъ пить далъ.

Это сдѣлано (построено, устроено) со словцомъ. Это не спроста сказано, сдѣлано (т. е., хитро, съ замысломъ, или съ заговоромъ).

Каковъ строитель, такова и обитель.

Дѣло мастера боится (а иной мастеръ дѣла боится).

Всякая работа мастера хвалитъ. Всякое дѣло за себя постои́тъ.

Не всякому дураку кладъ дается. На кладъ — знахаря (надо).

Умѣючи и заклятой кладъ вынимаютъ.

Кладъ положенъ, головою наложенъ, а кто знаетъ, достанетъ (на прим., кладъ положенъ на 12 головъ молодецкіихъ: вѣдунъ принесъ 12 воробьиныхъ головъ и взялъ кладъ; воробей чѣмъ не молодецъ ?).

Умѣючи и вѣдьму бьютъ (наотмашь).

Какъ—Отче нашъ знаетъ. Аллилуйя у Гурья давно тверда.

Никола святоша: все наизустъ. Великій богословъ: весь Прологъ наизустъ.

Онъ ему въ подметки не годится. Онъ его за̀ поясъ заткнетъ.

Онъ пальца (ногтя, волоска) его не сто́итъ.

Ни въ затычки, ни въ подтычку ему не годится.

Онъ по яйцамъ пройдетъ, ни одного не раздавитъ.

Онъ безъ снасти встрѣчь воды (противъ воды) поплыветъ.

Какъ мизгирь изъ себя нитку тянетъ.

Изъ печенаго яйца живаго цыпленка высидитъ.

Лицомъ въ грязь не ударитъ. Не дастъ маха (промашки).

Не штука промашка, штука поправка.

Охулки на свою руку не положитъ. На свою руку не дамъ охулки.

И гладко стружитъ, и стружки кудрявы.

Докѣ честь, докѣ слава, дока денежку беретъ.

Такъ сработано, что хоть въ ухо вздѣнь (тонко).

Онъ все: и поваръ, и ямщикъ, и съ баклажкой сбитенщикъ.

Онъ кучеръ, онъ и кухарь, и косарь и маляръ.

Тотъ и господинъ, кто все можетъ сдѣлать одинъ.

Дай, Боже, все самому умѣть, да не все самому дѣлать!

Ладно, коли все самъ умѣешь; не ладно, коли все самъ дѣлаешь (во первыхъ, это трудно; во вторыхъ, безтолково).

Концы съ концами сводить. Онъ умѣетъ концы сводить. Мы только что концы съ концами сводимъ (о расходѣ).

Не далась ему эта наука. Ни аза въ глаза́ не знаетъ,

Индюшки отъ воробья не распозна́етъ.

Въ зубъ толкнуть не смыслитъ. Оборищка свить не умѣетъ.

Ни постлать, ни въ го́ловы подмостить (нечего, или не умѣетъ).

Палецъ о палецъ не умѣетъ ударить. Ни уха, ни рыла не смыслитъ.

Ни въ дудочку, ни въ сопѣлочку.

Въ свирѣлку играетъ, а ладу (т. е., такту, мѣры) не знаетъ.

Комкомъ да въ кучку, на крестьянску ручку.

Давалъ Богъ кладъ, да не умѣли взять.

Не умѣла воро́на сокола щипать (Изъ преданія, будто Платовъ былъ въ гостяхъ у непріятелей, Французовъ, и отъѣзжая, сказалъ это).

Лапти плететъ, а концовъ хоронить не умѣетъ.

Не умѣетъ ни прожить, ни добыть.

Не пори́, когда шить не знаешь.

Не учись воровать, коли не умѣешь концовъ прятать (хоронить).

Нечѣмъ хвалиться, какъ все изъ рукъ валится.

За прогулъ, да за неумѣнье нѣтъ платы.

За безручье по головкѣ не гладятъ (за неумѣнье).

Хлѣбъ ѣсть умѣешь? «Умѣю». А еще что? «Да коли поднесешь, такъ выпью».

И поѣдимъ, и спляшемъ — только пашни не напашемъ.

Съ неумѣнья руки не болятъ (спина не болитъ).

Не похвала соколу, что на гнѣздѣ бьетъ (соколъ бьетъ только на лету, а ястребъ хватаетъ сидячую).

Взвалился на лошадь, такъ раскинь клешни (т. е., ноги).

Шей да пори, не будетъ глухой поры.

Крой, да пѣсни пой — шить станешь, наплачешься.

Гдѣ сшито на живую нитку, тамъ жди прорѣхи.

Швецъ Данило, что ни шьетъ, то гнило.

Шить гораздъ, и подшивать гораздъ, а щетинку всукать — надо мастера искать.

Всему ученъ, только не изловченъ.

Хорошо плаваютъ, лишь пузыри прядаютъ.

Мы плаваемъ по топорному (какъ ключъ ко дну).

Плаваетъ, какъ жерновъ.

Нырять онъ умѣетъ, только выныривать не умѣетъ.

Лапти плесть. Онъ лапти плететъ (путаетъ, портитъ дѣло).

Риѳмоплетъ — не поэтъ. Кропаетъ, и табачкомъ занюхиваетъ.

Топорной (штыковой) работы.

И медвѣдь костоправъ, да самоучка.

Какъ медвѣдь въ лѣсу дуги гнетъ.

Гнетъ — не паритъ, переломитъ — не тужитъ.

Дуй бѣлку въ хвостъ (пушистый хвостъ обманываетъ неопытнаго стрѣлка).

Съ хвоста хомута не надѣваютъ.

Путаетъ, словно кашу въ лапти обуваетъ.

И куетъ, и дуетъ, и самъ не знаетъ, что будетъ.

Слѣпаго въ вожаки не берутъ. Слѣпой зрячаго не водитъ.

Слѣпой живописецъ, да безграмотный стряпчій.

Слѣпой слѣпаго водитъ, оба зги не видятъ.

Слѣпой курицѣ все пшеница.

За все берется, да все не удается.

Эта грамота мнѣ (ему, тебѣ) не далась.

Это не при насъ писано.

Ладитъ по горничному, а родится по голбичцому (горница чистой отдѣлки, нарядъ избы, а голбецъ, часовенка, грубой плотницкой).

И не плотникъ, да стучать охотникъ.

Не тотъ дуракъ, кто въ фофаны играетъ, а кому быть доведется.

Знай свою руку! Ты, видно, руки не знаешь? (отъѣзды, гдѣ встрѣчные должны держать вправо).

Знаетъ вкусъ (толкъ), какъ свинья въ апельсинахъ.

Зайка немогузнайка (трусишка).

Мы люди неграмотные, ѣдимъ пряники неписаные.

Мы люди простые, ѣдимъ пряники толстые.

Даромъ, не грамотный, а пряники ѣстъ писаные.

Ни ткать, ни прясть, ни початки мотать.

Сѣла невѣстка прясть: берегите, деверья, глазъ!

Ни на пяты приступить. Ни изручъ, ни въ руки.

На что намъ ружье, коли стрѣлять не умѣемъ?

Дураку (т. е., готовому на все дурное) наука, что ребенку огонь.

Не выучитъ школа, выучитъ охота (нужда).

Кто много знаетъ, съ того много и спрашивается.

Пошелъ въ кравчіе, такъ наливай по край!

Кто больше знаетъ, тотъ меньше спитъ.

Линь по̀ дну, а щука по̀ верху.

Незнайка лежитъ, а знайка далеко бѣжитъ.

Знайка дорожкой бѣжитъ, незнайка на печкѣ лежитъ.

Всезнанія (все знать) Богъ человѣку не далъ.

Сѣвецъ не угодитъ, коли Богъ не уродитъ.

Всю хитрость не изучишь, а себя измучишь.

На разсушку мастера не найдешь (на пр., о солодѣ).

Всякъ годится, да не на всякое дѣло.

Кто къ чему родится, тотъ къ тому и пригодится.

За все браться — ничего не сдѣлать.

Богатые-тѣ деньги учатъ, а бѣдные-тѣ книги мучатъ.

Какъ щука ни остра, а не возметъ ерша съ хвоста.

Не нуженъ ученый, а нуженъ смышленый.

Дай, Богъ, самому не разумѣть, а людей не слушать!

Самъ не смысли, добрыхъ людей не слушай, пойдетъ дѣло на ладъ.

Всѣмъ добро, да не всякому на пользу (ученье).

Добра не смыслишь, такъ худа не дѣлай!

Будто тяпъ, ляпъ, да и клѣтка (да и корабль).

Не всякъ по канату пропляшетъ: иному дай Богъ и по одной половицѣ пройти (хоть бы пьяному).

Су́рово не бѣлье, да свое рукодѣлье.

Кто какъ знаетъ, такъ и тачаетъ. Всякъ мастеръ на свой ладъ.

Какъ умѣю, такъ и брѣю. Какъ заложу, такъ и скребу.

Кто какъ умѣетъ, тотъ такъ и брѣетъ (и бредитъ).

Кто какъ знаетъ, такъ и гадитъ. Всякъ на свой салтыкъ.

Удастся голубецъ, не надобенъ и дубецъ (?).

Угря, и не масливъ руки, упустишь.

Люди ступаютъ, никто ихъ не слышитъ; а мы какъ въ ступѣ: что ни ступимъ, то стукнемъ.

Мѣтко стрѣляетъ: въ чистое поле, какъ въ копейку.

Такой стрѣлокъ, что пьяный въ овинъ головой попадетъ.

Мимо Сидора, да въ стѣну.

Мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову.

Хорошо бьетъ ружье: съ полки упало — семь горшковъ разбило.

Рука легка: была бы шея крѣпка.

Не вороши, коли палки (пальцы) не хороши.

Ловокъ, кабы локти не цѣплялись.

Пріемистъ: за что ни возмется, все исковеркаетъ.

Гоняется за мухой съ обухомъ. Ловитъ, какъ медвѣдь перепелку.

Гоняется, какъ медвѣдь за воробьями.

Поворотливъ, что гиря (что медвѣдь, что колода, какъ печь и проч.).

Умъ — глупость.

Всякая мудрость отъ Бога. Начало премудрости страхъ Божій.

Нѣтъ рожёнаго (ума), не дашь и ученаго.

Тупо сковано — не наточишь; глупо рòжено — не научишь.

Разумъ — душѣ во спасенье, Богу на славу.

Все въ мірѣ творится не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ.

Отыми, Господи, руки, ноги, да опокинь разумъ!

Голова всему начало. Гдѣ умъ, тамъ и толкъ.

Разумный видитъ, что за чѣмъ (что къ чему) идетъ.

Противъ умнаго остережешься, а противъ глупаго оплошаешь.

Мудрый (умный) слышитъ въ полслова (въ полголоса).

Глупый-то свиснетъ, а умный-то и смыслитъ.

Умный попъ только губами шевели, а ужъ мы и догадаемся.

Умному попу лишь кукишъ покажи, а ужъ онъ и знаетъ, какой грѣхъ.

И сила уму уступаетъ.

Премудрость одна, а мудростей много (т. е., хитростей).

Умный, что староста губный: всякъ его боится.

Умную (хорошую) рѣчь хорошо и слушать.

Умная (добрая) голова сто головъ кормитъ, а худая и себя не прокормитъ.

Въ умной бесѣдѣ быть — ума прикупить (а въ глупой, и свой растерять).

Кто умнѣе, тотъ достанетъ (денегъ про нужду) поскорѣе.

Глупый киснетъ, а умный все промыслитъ.

Не копьемъ побиваютъ, а умомъ (т. е., умѣньемъ).

Былъ бы умъ, будетъ и рубль; не будетъ ума, не будетъ и рубля.

Ѳома не купитъ ума, своего продастъ.

Ѳома не безъ ума, Ерема не безъ промысла.

У мужика кафтанъ сѣръ, да умъ у него не волкъ (не чортъ) съѣлъ.

У него ума палата. Это голова! Ума палата, да другая не почата.

Его умный попъ кстилъ (крестилъ).

Живи съ разумомъ, такъ и лѣкàрокъ не надо.

Не купи гумна, купи ума! Не добивайся знахарства, добивайся разума!

И я въ темя не колоченъ (т. е., не дуракъ).

Въ ученіи не могъ, да въ разумѣ твердъ.

Нашелъ дурака. Дался тебѣ дуракъ. Поди, поищи другаго дурака!

Старые умники вымерли, а молодые не нарождаются.

Доброта безъ разума пуста. Добра̀ и надолба приворотная.

Много на свѣтѣ умнаго, да хорошаго мало.

Умъ любитъ просторъ. Ума городьбой не обгородишь.

Сила — уму могила. Сила умъ ломаетъ.

Понятливу дѣвку не долго учить (добру, или худу).

Женскій умъ лучше всякихъ думъ. Худо дѣло, коли жена не велѣла.

Видитъ око далеко, а умъ (думка) еще дальше.

Умъ сяжкомъ подъ небеса уходитъ (сягаетъ).

Голова прикована (приросла), а уму воля дана.

Умъ да разумъ надоумятъ сразу.

Доходитъ умъ и до Бога.

Дума кума, не лишитъ ума.

Кто думаетъ, до чего нибудь додумается.

Люди думаютъ, до чего нибудь додумываются; а мы думаемъ, изъ раздумья не выходимъ (не выла̀зимъ).

Складно думаетъ, да подслѣповато рожаетъ.

Сперва подумай, а тамъ и намъ скажи!

Хорони думку въ пазушкѣ, не носи въ люди!

Думаютъ думу безъ шуму. Отъ думы голова трещитъ.

Ждутъ Ѳому: чаютъ быть уму.

Дума крѣпкая, раздумьеце великое.

Не говоритъ — умъ копитъ; а скажетъ — нечего слушать.

И за молчанье гостинцы даютъ.

Спать не сплю, дремать не дремлю, а все думаю думу.

Мало ли что на умъ приходитъ. На умъ взбрело.

Дума за горами, а смерть за плечами.

Раздумаешь умомъ, такъ волосы дыбо̀мъ.

За своею думкою и самъ не поспѣешь.

Прямой, что дурной (глупый).
Малый, что глупый: что видитъ, то и бредитъ.
Думать хорошо, а отгадать и того лучше. Догадка лучше ума.
Вразуми его, Господи! Наставь на умъ!
Пророкъ Наумъ, наставь насъ на умъ (покровитель ученья)!
Изъ пальца не высосать этого. Я бы и радъ, да невдогадъ.
У меня этого и на умѣ не бывало. И не думано, и не гадано.
Ума не приложу. Думаю, не надумаюсь.
Хоть сто лѣтъ думай, лучше этого не выдумаешь.
Высоко поднялъ (умомъ), да низко опустилъ.
Долго думалъ, да ничего не выдумалъ.
Долго сидѣлъ (корпѣлъ), да ничего не высидѣлъ.
«Да ты бы напередъ подумалъ»; пробовалъ, братецъ, хуже.
Думалъ много, да вошь и поймалъ.
Передумкой не воротишь. Рожаютъ, такъ не думаютъ.
Думай, да чтобы не передумывать.
Думай такъ, чтобъ сразу выдумать. Думка — надоумка.
Думай, да чтобъ не было передумки. Передумка — недоумка.
Товаръ полюбится, такъ и умъ разступится.
Раздумье, что развилье; а скорохватъ, что копылъ.
За добра ума по здорову убираться.
Всякъ уменъ: кто сперва, кто опосля.
Догадался, какъ проигрался (какъ проголодался).
Русакъ задомъ (заднимъ умомъ) крѣпокъ.
Заднимъ умомъ дѣла не поправишь.
Не удержался за гриву, а за хвостъ не удержишься.
Кабы мнѣ тотъ разумъ напередъ, что приходитъ опосля.
Кабы Цыгану (тотъ умъ) напереди, что у мужика назади.
Думаютъ думные люди (думцы). Думаетъ Индѣйскій пѣтухъ.
Думаетъ плотникъ съ топоромъ (да писака съ перомъ).
А кто тебѣ велѣлъ думать? (отвѣтъ на умничанье).
Я бы ему именнымъ указомъ запретилъ думать.
Не дѣлай своего хорошаго, дѣлай мое худое (не умничай)!

Глупому на что умъ: у него дума сдумана, работа сро́блена.
Дума, что борода: лишняя тягота.
Что долго думать: отрубилъ, да и въ шапку.
Думай, не думай, а сто рублей деньги.
Что больше думать, то хуже. Много думать — голову кружить.
Долго думать—тому же быть. Думай не думай—тому же быть.
Какъ сложено, такъ и тачай!
Не умничай: умнѣе тебя въ тюрмѣ сидятъ.
Лишнія догадки не впопадъ живутъ.
Не много думано, да хорошо сказано.
Не долго думалъ, да ладно молвилъ..
Съ твоимъ умомъ, только въ горохѣ сидѣть (т. е., пугаломъ).
Отъ большаго ума досталась сума.
По твоему уму носить будетъ суму.
Глупому сыну не въ помощь богатство.
Не далъ Богъ ума, найдется сума.
Глупый разумъ по міру пускаетъ.
Нѣтъ въ головѣ, нѣтъ и въ мошнѣ.
Башка чиста, такъ и мошна пуста.
Съ умомъ торговать, безъ ума горевать.
Съ умомъ собину нажить, а безъ ума все растерять.
Съ умомъ собинка нажита, а безъ ума прожита.
Безъ ума суму таскать, а съ умомъ деньги считать.
Безъ ума — не въ пользу и сума.
Съ умомъ суму носить, а безъ ума и суму потерять.
Съ умомъ сума кроить, безъ ума, только кожу травить.
Умный суму наживаетъ, глупый и ту проживаетъ.
Умный и согрѣшитъ, и поправитъ.
Съ умомъ и найти и потерять.
Глупый осудитъ, а умный разсудитъ.
Дуракъ не разсудитъ, а умный не осудитъ.
Умный не осудитъ, а глупый не разсудитъ.
Умный на судъ не ходитъ, а дурень съ суда не сходитъ.

Глупый ищетъ большаго мѣста, а умнаго и въ углу знать.

Глупый умнаго, пьяница трезваго не любятъ.

Мужикъ уменъ — пить воленъ; мужикъ глупъ — пропьетъ и тулупъ.

Съ умомъ пьютъ, а безъ ума и трезвыхъ бьютъ.

Пьянъ да уменъ, два угодья въ немъ; пьянъ да глупъ, больше бьютъ.

И толстъ — да простъ, и не тѣленъ — да дѣленъ.

Великъ пень, да дуплистъ; малъ золотникъ, да дорогъ.

Великъ да глупъ — такъ больше бьютъ.

Великъ да дуракъ; а иной и маленекъ, да чортъ ли въ немъ?

Два фонаря на пустой каланчѣ (красивые глаза, да пустая голова).

Голова безъ ума, что фонарь безъ свѣчи.

За очками свѣта Божьяго не видитъ.

На глазахъ окошки, а не видитъ ни крошки.

Лобъ широкъ, да мозгу мало. Лобъ широкъ, а въ головѣ тѣсно.

Узколобый человѣкъ; лободыроватый, лоботрясъ.

Умный одно слово вымолвитъ, и то скажется.

Три года не баилъ парнишко, да: «дура мать».

Возьми рѣшето въ зубы, да встряхни голову (въ Сибири такъ лечатъ отъ головной боли).

Голова, что чанъ, а ума ни на капустный кочанъ.

Голова съ пивной котелъ, а ума (мозгу) ни ложки.

Голова съ лукошко, а мозгу ни крошки.

Мозговина (голова) съ коробъ, а ума съ орѣхъ.

Голова съ печное чело, а мозгу совсѣмъ ничего.

Великъ бакланъ (голова), да есть изъянъ.

Безъ ума голова — шелыга (или: шебала).

Безъ ума голова — пивной котелъ (кочка, лукошко, и пр.).

То-то голова: только туловище заняла; а кабы ее сбилъ, такъ бы стулъ былъ (стулъ — чурбанъ).

Для счету и у насъ голова на плечахъ.

Не для шапки только голова на плечахъ.

Голова не колышекъ: не шапку на нее вѣшать.

И умъ твой, кумъ, по баклану (по большой головѣ).

Надо голова дыра вертѣть, мозга лить (Татарск.).
Не всякъ уменъ, кто съ головою.
Умъ самъ по себѣ, голова сама по себѣ.
У него въ головѣ ни полэолотника мозгу.
У него въ головѣ рѣденько засѣяно.
У него въ головѣ — колосъ отъ колоса, что не слышно и голоса.
На него временемъ находитъ. Круговая нашла. Дурману объѣлся.
Онъ дурью отбываетъ (придуриваетъ, прикидывается).
Онъ, временемъ, дурь на себя напускаетъ.
Подъ носомъ взошло, а въ головѣ и не посѣяно.
До лысины дожилъ, а ума не нажилъ.
До сумета (могилы) выжито, а ума не прижито.
Борода выросла, а ума не вынесла.
Борода съ ворота, а ума съ прикалитокъ нѣтъ.
Борода съ возъ, а ума съ накопыльникъ нѣту.
Носъ съ локоть, а ума съ ноготь.
Носъ (борода) съ локотокъ, а ума съ ноготокъ.
Борода широка, да душа молода.
Лѣтами ушелъ, а умомъ не дошелъ.
Выросги, выросъ, а ума не вынесъ.
Съ лѣшаго (съ чорта) выросъ, а ума-то не вынесъ.
Съ чорта выросъ, а кнутомъ не битъ (т. е., глупъ).
Ростомъ съ Ивана, а умомъ съ болвана.
Лѣтами ушелъ, а умомъ не дошелъ.
Съ осину (съ оглоблю) выросъ, а ума не вынесъ.
Молодецъ (или: самъ) съ возъ, а ума съ накопыльникъ нѣтъ.
Великъ бы дѣтина, да дешевъ.
Отъ чего мужикъ дешевъ? — Отъ того, что глупъ.
Личеко бѣленько, да ума маленько.
Рахманный (т. е., вялый, разиня) пополамъ съ дурью.
Собой-то краля, а умомъ-то фаля.
Волосъ дологъ, да умъ короткокъ (у бабы).
Волосу многонько, а разуму малёнько.

На головѣ густо, а въ головѣ пусто.

По платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ.

Ума — два гумна, да баня безъ верху.

У дурака что на умѣ, то и на гумнѣ (т. е., пусто).

Онъ пороху не выдумаетъ. У него отъ думы голова не болитъ.

Онъ яйца на носокъ не поставитъ.

Онъ трехъ не перечтетъ. На рукѣ пальцевъ не сочтетъ.

Этотъ человѣкъ — пустяковъ беремя. Не человѣкъ, а беремя пустяковъ.

Онъ безъ спотычки пяти пальцевъ не сосчитаетъ.

На трехъ свиней корму не раздѣлитъ.

У него одной клёпки нѣтъ; не всѣ дома.

У него изъ голубятни голуби улетѣли.

У него башка изъ табачнаго горшка.

Не какъ голова у тебя не съ того конца зарублена?

Онъ прибитъ на цвѣту. Смолоду запуганъ.

Онъ изъ-за угла пустымъ мѣшкомъ прибитъ.

Онъ въ щенкахъ заморенъ (т. е., смолоду глупъ).

Какъ рожены, такъ и заморожены (дураки).

Черезъ дурака переросъ, до умницы не доросъ.

Въ умницы попалъ, а изъ дураковъ не вышелъ.

Въ умницы не попалъ и изъ дураковъ не вышелъ.

У него на вышкѣ обстоитъ неблагополучно.

У него чердакъ безъ верху: одного стропильца нѣтъ.

Простъ, какъ дроздъ. Толстъ-то толстъ, а ужъ простъ-то простъ.

Въ родню толстъ, да не въ родню простъ.

Глупъ, какъ пупъ (какъ хлупъ), какъ печка, какъ пробка, какъ пень, какъ надолба и пр.

Глупъ, по самый пупъ, а что выше, то пуще.

Глупъ, какъ Сибирскій туесъ (буракъ).

Годится подъ Св. Симеона столпника (т. е., въ столбы).

Посади дурака за столъ, онъ и ноги на столъ.

Дуракъ, что мутовка: куда ни поверни, а сукъ напереди.

Дуракъ, что мутовка: куда выросла рогуля, туда и торчитъ.
Стои́тъ, какъ дубина, какъ надолба, какъ пень и пр.
Глупѣе надолбы приворотной. Пестъ пестомъ.
Умница — какъ попова (какъ пестрая) курица.
Знать тебя разумный пыринъ (индюкъ) высидѣлъ.
Глупъ, какъ оселъ, какъ Индѣйскій пѣтухъ, какъ осетровая башка.
Цѣлыхъ два чина: дуракъ да дурачина.
Два дурака сошлись въ однѣ ворота.
Дуракъ съ дуракомъ съѣдутся, инно лошади одурѣютъ.
Дуракъ съ дуракомъ сходилися, другъ на̀ друга дивилися.
Поглядѣлъ дуракъ на дурака, да и плюнулъ: Эка, де, невидаль!
Два дурака, да у каждаго по два кулака.
Двѣ бараньи головы въ одинъ котелъ не лѣзутъ.
Дуракъ на дурака нашелъ, и вышло два.
Дуракъ по дуру далеко ходилъ.
Дуракъ съ дуракомъ сходилися, да оба никуда не годилися.
Связался дуракъ съ дуракомъ — не разрубишь ихъ и топоромъ.
Дуракъ на дуракѣ ѣдетъ, дуракомъ погоняетъ.
И такъ дуракъ, и сякъ дуракъ, и эдакъ не такъ, и всячески дуракъ.
Олухъ царя небеснаго. Нашего бога дурень.
Умомъ больно обносился. Не заплатана башка.
Дома панъ, а въ людяхъ болванъ.
На другихъ уменъ, на себя глупъ.
Дома не такъ, а въ людяхъ дуракъ.
Два дурака дерутся, третій смотритъ (надпись на лубочной картинѣ, гдѣ третьяго не видно).
Дуракъ давку любитъ. Свалка дураковъ просторъ.
Олухъ на олухѣ ѣдетъ, олухомъ погоняетъ.
Оселъ на ослѣ, дуракъ на дуракѣ.
Дураками свѣтъ стои́тъ (или: красится).
У нихъ, у всѣхъ, некакъ, мозги́ на бекрень.
Что ни дурень, то и бабинъ.
Съ дуру, что съ дубу. Спроста̀, что съ большаго ума.

Какъ слѣпой о краскахъ разсуждаетъ.

Спереди дуракъ, да и сзади такъ.

Много видитъ, да мало смыслитъ.

Человѣкъ онъ умный, только мало смыслитъ.

Что онъ дуракъ, такъ это и мать его родная скажетъ.

Такой дуракъ, что только уши пришить.

Тюхъ-тюхъ, перепентюхъ, выпентюхъ.

Онъ дуракъ прирожденный, самородковый, круглый, зеленый.

Дурацкую голову и хмель не беретъ.

Разошелся умъ по закоулкамъ, а въ середкѣ ничего не осталось.

Мало мудрости, много дурости. Умъ разбѣжался по дуростямъ.

Толкъ-этъ есть, да не втолканъ весь.

Ума много, да вонъ нейдетъ. Есть умъ, да вонъ не лѣзетъ.

Умный тебя попъ крестилъ, да напрасно не утопилъ.

Большой руки дуракъ; невступно дуракъ,—съ замочкой; въ притруску, въ нагнетъ, отпѣтый дуракъ (Съ замочкой: сверхъ мѣры, мѣтки, которая обмакивается вся въ воду).

Глупъ по самый клячъ (клячъ, на Волгѣ, замѣтка на шестѣ осадки судна; стало быть: глупъ во всю глубину, во всю огрузку).

Дураковъ ни орутъ, ни сѣютъ, а сами родятся.

Для дураковъ, не за море ѣздить, и дома есть.

На нашъ вѣкъ дураковъ станетъ (да и на вашъ хватитъ).

На Руси, слава Богу, дураковъ лѣтъ на сто припасено.

Дураки да бѣшены не всѣ перевѣшаны.

Бѣшена собака и хозяина кусаетъ.

У насъ дураковъ не початой уголъ (или: косякъ).

Нашихъ дураковъ отсель до Москвы не перевѣшаешь.

У насъ дураковъ семь байдаковъ — да еще и уголъ не початъ.

Сколько дней у Бога впереди, столько и дураковъ.

Недозрѣлый умокъ, что вешній ледокъ.

Молодъ, глупъ съ придурью; старъ да глупъ—насквозь проросъ.

Во всѣхъ годахъ, да не во всѣхъ умахъ.

Умъ бороды не ждетъ (не спрашиваетъ).

Умъ не въ бородѣ, а въ головѣ.

Старъ годами, да молодъ умомъ. Долго пожилъ, а ума не нажилъ.

Изъ ума выжилъ. Онъ умъ свой прожилъ.

Старый—что старѣетъ, то дурѣетъ. Старые дураки глупѣе молодыхъ.

Отъ старыхъ дураковъ молодымъ житья нѣтъ.

Отбить, отшибить кому послѣдній умъ.

Онъ сошелъ, спятилъ съ ума. Дуракомъ поперхнулся, и рехнулся.

Ума нѣтъ, а сердце (т. е., злость) есть.

Хорошъ домами (городъ), да плохъ головами.

Съѣсть дурака (быть обругану).

Постричь, поправить — въ дураки поставить.

И глупый умнаго одурачитъ.

По образу — какъ я, а по уму — свинья.

Ростомъ съ тебя, а умомъ съ теля.

Гусиный разумъ, да свиное хрюкальце.

Смотритъ, какъ баранъ въ гумно.

Эй, человѣкъ, сведи меня на водопой!

Обычай — бычій, а умъ телячій.

Голова, какъ у вола, а все кажетъ мала̀

Какихъ дураковъ нѣтъ: и послѣ бани чешутся.

Уменъ, какъ попъ Семенъ: книги продалъ, а карты купилъ.

Съ колокольни отца блиномъ убилъ (изъ сказки).

Нагнули, да и воткнули (отвѣчали мужику, на вопросъ: какъ въ Ивана Великаго крестъ вколотили).

Всѣхъ дураковъ на свѣтѣ не переучишь (не перечтешь).

Много на свѣтѣ дураковъ: всѣхъ не перечтешь, не токма̀ что не переучишь.

Про всякаго дурака ума не напасешься.

Неразумнаго учить — въ бездонную кадку воду лить.

Ни мертвеца расмѣшить, ни дурака научить.

Дурака учить — что мертваго лечить (или: вмучить и вылечить).

Безумнаго волей не научишь.

Что въ утлый мѣхъ воду лить, то безумнаго уму-ра̀зуму учить.

Дурака учить (съ дуракомъ говорить) — рѣшетомъ воду носить.

Дурака учить, что на водѣ писать.

Дыряваго мѣха не надуть, а безумнаго не научить.

Пустаго мѣха не поставишь.

Дурака учить — только портить.

Похвали дурака, а онъ и радъ.

Умный любитъ учиться, а дуракъ учить.

Умный смиряется, глупый надувается.

Дураку хоть колъ теши: онъ своихъ два ставитъ.

Дуракъ дурака учитъ, а оба ничего не смыслятъ (а оба глаза пучатъ).

Стало плохо: указщикомъ Аноха (т. е., дуракъ).

Умнѣй себя наставлять — въ рѣку воду таскать; дурака учить — въ рѣшетѣ воду носить.

Когда солнце орла пожретъ, камень на водѣ всплываетъ, свинья на бѣлку залаетъ, тогда дуракъ поумнѣетъ.

Пьянъ проспится, а дуракъ никогда.

Дурь-то изъ тебя повыколотятъ.

Я тебѣ дамъ ума. Благодаримъ покорно за умъ (говорятъ послѣ наказанія).

Ума дадутъ (побьютъ), не возъ навьютъ (или: не весь вобьютъ, т. е., сразу не поумнѣетъ)

Жаль кулака—а ударить дурака. Бей дурака, не жалѣй кулака!

Лося бьютъ въ осень, а дурака завсегда.

Учить дураковъ — не жалѣть кулаковъ.

Дуракъ не боится креста, а боится песта.

Дуракъ не глядитъ и на кулакъ. Съ дурака—только горсть волосъ.

Про всѣхъ дураковъ не напасешься кулаковъ.

Наши дураки безъ пастуха бродятъ.

Дураковъ въ одинъ бы косякъ сбить, да съ кнутищемъ пастуха приставить.

Не вольна въ дуракѣ и дубинка (ничего не выбьетъ).

Умный слова боится, глупый — пуги (плети).

На дураковъ кнутья. Умному слово пуще дубины.

Для умнаго печать, для глупаго замо́къ.
Умный молчитъ, когда дуракъ ворчитъ.
Умъ, да умецъ, да у гужа рубецъ.
Не тотъ глупъ, кто на слова̀ скупъ, а тотъ глупъ, кто на дѣлѣ тупъ.
Умъ хорошо, а два лучше (лучше того).
Трое осудятъ, десятеро разсудятъ.
На то человѣкъ на свѣтъ родится, чтобъ жить своимъ умомъ.
Заниматься умомъ (брать взаймы) — не управиться.
Нажить своимъ (чужимъ) умомъ. Свой умокъ, скопи-домокъ.
Своимъ умкомъ — своимъ домкомъ.
Свой умокъ — свой домокъ, свой уголокъ.
Чужимъ умомъ жить — добра не нажить (своего не нажить).
Чужимъ умомъ въ люди не выйдешь.
Чужимъ умомъ не долго жить (до порога жить).
Наказаннымъ умомъ, да приданымъ животомъ не долго наживешь.
Чужими умами только бураки подшиваютъ.
Въ сосѣди за умомъ не пойдешь.
Ума за моремъ не купишь, коли его дома нѣтъ.
Поѣхалъ за̀ море теленкомъ, воротился бычкомъ.
Воро̀на и за̀ море летала, да вороной и вернулась.
Журавли за море летаютъ, а все одно курлы̀.
Всякъ Аксенъ про себя уменъ (смышленъ).
Всякъ Еремѣй про себя разумѣй! Всякая кривая про себя смекаетъ.
У каждаго свой царь въ головѣ. Свой умъ — царь въ головѣ.
Помяни, Господи, царя Соломона, и всю премудрость его (говор. о дуракѣ; или: Царя Давида и всю кротость его, относя это къ терпѣнію слушателей).
Живи всякъ своимъ умомъ! Слушай людей, а дѣлай свое!
Не видалъ я такого ума, какъ твой: либо уже, либо шире.
Я у него на разумѣ не бывалъ. Я на чужомъ разумѣ не бывалъ.
Умъ не односумъ: вмѣстѣ не живетъ (т. е., у всякаго свой).
Братъ онъ мой, а умъ у него не свой.
Шуба на сынѣ отцовская, а умъ у него свой.

Умъ на умъ не приходится. Дурь на дурь не приходится.

Про всякаго дурака своя пѣсня поется (сложена̀).

Въ умѣ концовъ не выровняешь. Не свести вамъ умовъ.

Сколько головъ, столько умовъ. Сто головъ, сто умовъ.

Мужикъ уменъ, да міръ дуракъ.

Всѣ мы говоримъ, да слушать-то некому (да не все по говореному выходитъ).

Наживемся, кума̀ — наберемся ума.

И на большіе умы живетъ расходъ (оплошка, промашка).

Умъ найдетъ, да пора уйдетъ (пройдетъ).

Ахъ, ахъ! а пособить нечѣмъ. Бѣда привалила, ума не хватило.

Пора бы за умъ хватиться. Насилу-то за умъ взялся.

На всякаго мудреца довольно простоты.

На часъ ума не станетъ, да и на вѣкъ въ дуракахъ (а на вѣкъ дуракомъ прослывешь).

Ежеденъ не будешь уменъ. Денъ-то много, а умъ-этъ одинъ.

Про всякъ часъ ума не напасешься.

На грѣхъ мастера нѣтъ. И на старуху живетъ (бываетъ) проруха.

Глупый да малый, что ни увидятъ, то и просятъ (бредятъ).

Глупый да малый всегда говорятъ правду.

Счастье велико, да ума мало. Дураку вездѣ счастье.

Дураку счастье, а умному Богъ дастъ (т. е., отказъ).

Счастье ѣдетъ въ каретѣ, а съ умомъ идетъ пѣшкомъ.

Хоть дуракъ, да съѣлъ буракъ, а умный и такъ.

Умный самъ по себѣ, а дураку Богъ на̀ помочь.

На дурака у Бога милости много. Дуракъ — Божій человѣкъ.

Много ума — много грѣха, а на дурнѣ не взыщутъ.

Съ умомъ въ отвѣтѣ, а на дуракѣ нечего взять.

Родился малъ, выросъ глупъ (пьянъ), померъ старъ — ничего не знаю (отвѣтъ Запорожца на томъ свѣтѣ).

Родился малъ, выросъ пьянъ, померъ глупъ.

Попа да дурака — въ передній уголъ сажаютъ.

Дуракъ и въ бочкѣ сидя волка за хвостъ поймалъ (изъ сказки).

Богатый на деньги, голь на выдумки (на умъ).
Голь мудрена, голь на выдумки торовата.
Чѣмъ голѣе, тѣмъ умнѣе (хитрѣе, мудренѣе).
Дураку-то и отсталаго даютъ (на торгахъ, чтобъ не мѣшалъ).
Дурень, да фигуренъ: въ потемкахъ хорошъ.
Не будь дураковъ на свѣтѣ, не стало бъ и разума.
Дуракъ домъ построилъ, а умница купилъ.
Онъ на себя дурь напустилъ (прикидывается дуракомъ).
Ума палата, а спина горбата. Въ горбу разумъ.
Безъ денегъ и разума нѣтъ.
Ума много, да денегъ не такъ — и вѣкъ дуракъ.
Хоть умненекъ, а не проживетъ безъ денегъ.
Уменъ, да безъ жировы̀ (состоянія), хуже гнилой травы.
Ума-разума много, а рукъ приложить не къ чему.
Ума-то пола, да не покрыта (да гола̀: т. е., бѣденъ).
Ума палата, да денегъ ни полу полы.
И съ умомъ, да съ сумой. Уменъ, да карманъ не ядренъ.
Разуму много, да денегъ нѣтъ.
Есть умъ, да пустосумъ; нѣтъ ума, да туга (полна) сума.
Голова пуста, да туга сума. Умомъ тупъ, да кошелемъ тугъ.
Не штука разумъ, штука деньги.
Будетъ имѣнье, будетъ и умѣнье. Съ богатствомъ умъ приходитъ.
Горе деньги нажить, а съ деньгами и дураку можно жить.
У богатаго гумна и свинья умна (т. е., съумѣетъ наѣсться).
Есть рубль, есть и умъ. Деньга умъ родитъ.
Денегъ много, да разума нѣтъ.
Богатый безъ ума — туло (туловище) безъ головы̀.
На деньги ума не купишь. За умомъ — не въ рынокъ.
Была бы булава, будетъ и голова (и на оборотъ).
Честь умъ раждаетъ.
Въ холѣ да въ почетѣ и всякъ уменъ.
У богатаго мужика — уроди Богъ сына дурака (прокормитъ).
Не дуракъ, а родомъ такъ.

Отъ сына дурака не хлѣбы, а колоба̀.
Дураки да нищіе не родомъ ведутся, а кому Богъ дастъ.
Чужіе дура̀ки — заглядѣнье каки; а наши дураки — нѐвѣсть каки.
У людей и дураки — вишь ты каки; а наши дураки — невѣсть каки.
Чужой ду́ракъ — смѣхъ, а свой дуракъ — стыдъ.
Бываютъ дураки средней руки, а наши дураки послѣдней руки.
И глупый ино молвитъ слово въ ладъ.
Временемъ и дуракъ правду скажетъ.
Бѣсъ всѣхъ умнѣе, а злой духъ (а люди не хвалятъ).
Умная ложь лучше глупой правды.
Глупый про себя согрѣшитъ, а умный многихъ соблазнитъ.
На доброе дѣло ума не станетъ, а на худое станетъ.
На всякую дурость умъ найдется.
И отъ ума сходятъ съ ума. И отъ лишня ума сухота.
Держи на умѣ (т. е., помня) — коли есть на чемъ.
Отъ ума сходятъ съ ума, а безъ ума не сойдешь съ ума.
Отъ большаго ума сходятъ съ ума.
Не отъ безумья съ ума сходятъ. Отъ думки съ ума сошелъ.
Его люди (горе, заботы и пр.) съ ума свели.
Онъ сошелъ съ ума, да не со своего, а съ чужаго.
Ему не съ чего сойти. Этотъ не сойдетъ съ ума: не съ чего.
Отбили дураку и послѣднюю память.
Съ ума сошелъ (спятилъ), да на разумъ набрелъ.
Глупому не страшно и съ ума сойти.
Отъ великаго разума съ ума сошелъ.
У него на вышкѣ обстоитъ не благополучно.
Посадить въ желтый домъ. На седьмую версту (Петерб.).
Дурману, белены объѣлся (одурѣлъ, ошалѣлъ).
Столбнякъ нашелъ (опѣшалъ, одурѣлъ).
Поутру рѣзвился, а къ вечеру взбѣсился.
Бѣсится, на стѣну (на лаву) лѣзетъ.
Съ умомъ жить — мучиться, а безъ ума жить — тѣшиться.
Гдѣ умному горе, тамъ глупому веселье.

Умный плачетъ, а глупый скачетъ.

Дураку все смѣхъ на умѣ. Дураку все смѣшно.

Дурацкій смѣхъ, не смѣхъ, а плачъ.

Дураку что глупо, то и потѣшно (то и любо).

Изъ дурака и плачъ смѣхомъ претъ.

Бабьи басни, а дуракъ то и любитъ.

Нашъ Филатъ тому и радъ. Дуракъ дураку и радъ.

Радъ дуракъ, что пирогъ великъ; радъ пирогъ, что у дурака ротъ великъ.

Обѣщана цесарка — и то дураку радость (т. е., пестрая игрушка, бездоходная въ хозяйствѣ птица).

Радъ дуракъ, что напасть прошла.

Дураку хоть плюй въ глаза, а онъ: это Божья роса.

Любо дураку, что чирій (дыра) на боку.

Радъ дуракъ, что нашелъ глупѣе себя. Радъ дуракъ, что дурня (дуру) нашелъ.

Радъ дуракъ своей масти. Нашелъ дурень своего поля ягодку.

Радъ, какъ дуракъ красной шапкѣ (изъ сказки).

Радъ дуракъ красному. Что пестро, то дураку и красно̀.

Дуракъ времени не знаетъ. Дураку, что ни время, то и пора.

Дуракъ Божьихъ дней не знаетъ (не разбираетъ).

Играй дудка: пляши дурень!

Безъ ума житье — рай. Дурака хоть въ ступѣ толки.

Надъ дураками нѣтъ старосты. Въ родѣ дураковъ старшаго нѣтъ.

На дуракѣ не что возмешь. Съ дурака гладки взятки.

Дураку законъ не писанъ. Дураку и Богъ проститъ.

Въ дуракѣ и Царь (и Богъ) не воленъ. На дуракѣ и Богъ не ищетъ.

Пшеничка кормитъ по выбору, а матушка рожь всѣхъ дураковъ сплошь.

Матушка рожь, за что кормишь дураковъ?

Малому да глупому все съ рукъ сходитъ.

Дуракъ дурака и хвалитъ. Дуракъ дуракомъ и тѣшится.

Дуракъ дураку и потакаетъ. Дуракъ дурацкое и дѣлаетъ (и вретъ).

У дурака дурацкая и рѣчь.

Глупость — не порокъ (а несчастье).

За глупость Богъ проститъ, а за дурость бьютъ.

Говорить было не мало, да разума не стало.

Молчи, коли Богъ разуму не далъ! Молчи, коли Богъ убилъ!

Когда Богъ ума не далъ, такъ руками не разсуждай (такъ руками нечего разсуждать)!

Лучше не бай, глазами мигай, будто смыслишь.

Ртомъ глядитъ, ничего не слышитъ.

Кому Богъ ума не далъ, тому кузнецъ не прикуетъ.

Къ кожѣ (въ шубѣ) ума не пришьешь.

Нѣтъ за кожей, такъ не пришьешь къ кожѣ.

Лучше слыть озорникомъ, чѣмъ дуракомъ.

Простота хуже воровства.

Простите на глупости, не осудите (не взыщите) на простотѣ!

Отъ чего ты такъ глупъ? «У насъ вода такая.»

И дуракъ знаетъ, что Христовъ день праздникъ

Съ дуракомъ поневолѣ согрѣшишь. Отъ дурака добра не жди!

Ни отъ камени меду, ни отъ фофана плоду.

Дурака крести, а онъ въ воду лѣзетъ.

Дикая (блажная) собака и на небо лаетъ.

Сунуло Еремушку къ семи чертямъ.

У худой головы не благо (не бόлого) и ногамъ.

За худой (глупой) головой и ногамъ не покой (не упокой).

Дурака и въ алтарѣ бьютъ. Дураку и въ алтарѣ не спускаютъ.

Дурака бьютъ, а умный не суйся!

Глупому въ полѣ не давай воли!

Начто того болѣ, коли дураку дана воля.

Голосомъ тянетъ, да умомъ не достанетъ.

Смыслъ (толкъ) не селянка: ложкой не расхлебаешь.

Умъ да умецъ, да третій дубецъ (т. е., поучить, да посѣчь, такъ поумнѣетъ).

Умъ съ умомъ сходилися, дураками расходилися.

Съ умомъ задумано, да безъ ума сдѣлано.

Съ умомъ — подумаемъ, а безъ ума — сдѣлаемъ.

Пускай умъ напередъ: отстанетъ, не догонитъ (т. е., думай напередъ дѣла, а не послѣ).

Уменъ, да не разуменъ. Умъ безъ разума — бѣда.

Умъ разумомъ крѣпокъ (красенъ). Умъ за разумомъ не ходитъ.

Разумъ не велитъ — ума не спрашивайся!

Умъ разуму — не укоръ (не указъ?). Умъ разуму подспорье.

Умъ доводитъ до безумья, разумъ до раздумья.

Умъ за разумъ заходитъ. У него умъ за разумъ зашелъ.

Гдѣ ума не хватитъ, спроси разума!

Смѣшай, Господь, умъ съ разумомъ!

Дуракъ самъ скажется. Дураку только волю дай — скажется.

Рыба отъ головы тухнетъ (а дуракъ отъ ума).

Дураки о добычѣ спорятъ, а умные ее дѣлятъ.

Далъ дураку яичко: что покатилъ, то и разбилъ.

Заставь дурака Богу молиться, онъ и лобъ разобьетъ (расшибетъ).

Умомъ обносился, ни съ кѣмъ не спросился.

На дурака и мухи садятся. На дурака и муха падка.

Глупый ищетъ мѣста, а разумнаго и въ углу видно.

Умной спеси не бываетъ. Съ умомъ носу не подымешь.

Порожній колосъ выше стоитъ. Порожній мѣхъ надувается.

Не дай, Богъ, съ дуракомъ связаться.

Не ума набраться, съ дуракомъ связаться (подраться).

Съ умнымъ браниться — ума набраться; съ дуракомъ мириться (дружиться) — свой растерять.

Встань бѣда, не лягъ: замѣшался дуракъ.

Дураку вѣчная память. Слѣпому да глупому вѣчная память.

Мертвому, вѣчная память; дураку, со святыми упокой.

Бываетъ и простота хуже воровства.

Мужикъ простой, какъ кисель густой.

Съ дуракомъ говорить — въ стѣну молотить (солому молотить).

Съ дуракомъ говорить, что въ стѣну горохъ лѣпить.

Дурака пошлешь, а за нимъ и самъ пойдешь.

Съ дуракомъ связаться — вѣчная память.

Съ дуракомъ дружись, а обухъ за̀ поясомъ держи!

Съ дуракомъ пива (каши) не сваришь.

Съ дуракомъ пива не сваришь; а и сваришь, такъ не разопьешь.

Съ дуракомъ пиво варить(т. е., складчиною) — отъ солоду отказаться.

Съ дуракомъ — ни поплакать, ни посмѣяться.

Глупый (худой) попъ свѣнчаетъ, умному (хорошему) не развѣнчать.

Одинъ дуракъ, а умныхъ пятерыхъ ссоритъ.

Дуракъ въ воду камень закинетъ, десятеро умныхъ не вытащатъ.

Дуракъ закинетъ, а умный доставай.

Однимъ камнемъ много горшковъ перебьешь.

Дуракъ завяжетъ — и умный не развяжетъ.

Лѣниваго дошлюсь, сонливаго добужусь, а съ дуракомъ ничѣмъ не развяжусь (а съ дуракомъ не совладаю).

Въ ворѣ, что въ морѣ, а въ дуракѣ, что въ прѣсномъ молокѣ.

Плутъ на закваскѣ (испеченъ), а дуракъ на прѣсной водичкѣ.

Дай, Богъ, съ умнымъ найти и потерять!

Не дай, Богъ, съ дуракомъ ни найти, ни потерять!

Съ глупымъ и найдешь — не раздѣлишь.

Лучше съ умнымъ потерять, чѣмъ съ глупымъ найти.

Лучше съ умнымъ въ аду, чѣмъ съ глупымъ въ раю.

Дай. Богъ, нѐдруга, да умнаго; а другъ, да дуракъ — наплачешься съ нимъ.

Съ пьянымъ подъ ручку — хмельнымъ назовутъ, а съ глупымъ въ рѣчи — дуракомъ почтутъ.

Дуракъ, кто съ дуракомъ свяжется.

Отъ чорта крестомъ, отъ медвѣдя пестомъ, а отъ дурака — ничѣмъ.

Съ умнымъ сочтешься, а дурню — хоть подари, да прогони!

Отъ дурака, хоть полу отрѣжь, да уйди!

Дай шальному дорòгу! Дай дураку просторъ!

Дураку, что большому чину, вездѣ просторъ (вездѣ дорòга).

Отъ дурака, плюнь, да отойди!

Ни на мѣру, ни на вѣсъ, а у всѣхъ людей есть (Умъ).
Чѣмъ напередъ ходимъ? (Думой).
Когда дуракъ уменъ бываетъ? (Когда молчитъ).

Память — Поминъ.

Будешь во времени — и насъ вспомяни!
Дай, Богъ, сказать, да не солгать! Дай, Богъ, память!
И старикамъ не въ память. До отцовскихъ памятей (давно).
Давно — не причина (не оправданіе). Тѣмъ не правъ, что давно.
Память въ темени, мысль во лбу, а хотѣніе въ сердцѣ.
Ломать голову. Надорвать память.
Такъ вотъ на умѣ и вертится. Въ головѣ (на памяти) захлеснуло.
Вотъ былъ на памяти, да выскочилъ.
Не будь грамотенъ, будь памятенъ!
Не будь тороплявъ, будь памятливъ!
Чортовы грабли! (сказалъ семинаристъ, когда наступилъ на нихъ, и онѣ его ударили по̀ лбу; а то и не зналъ, какъ ихъ по Русски назвать).
И не грамотенъ, да памятенъ. И безтолковъ, да памятливъ.
Тридцать лѣтъ, какъ видѣлъ коровій слѣдъ, а молокомъ отрыгается.
Ему еще по лѣтошнему молоку вздрагивается.
По старой памяти, что по грамотѣ.
Онъ помнитъ еще царя Гороха (царя Мамая и всю кротость его).
Намотай себѣ это на усъ! Намотай на усъ кольцомъ!
Надо бы ему зады напомнить (или: протвердить).
Засѣки (заруби) на бирку (на носъ).
Это надо въ трубѣ мѣлкомъ (уголькомъ) записать.
Пиши на водѣ, на пескѣ и пр.
Считать на умахъ (т. е., на память, не по счетамъ и не на бумагѣ).
Живъ буду — не забуду. До вѣку помнить стану.
Раскинуть умомъ-разумомъ.
Помни своихъ, не забывай нашихъ!

Добро помни, а зло забывай! Дружбу помни, а злобу забывай!

Кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ.

Тому тяжело, кто помнитъ зло.

Не поминай лихомъ, а добромъ — какъ хочешь!

Всѣ бѣсы въ воду — и пузыри вверхъ.

О волкѣ помолвка, а волкъ и тутъ.

Не тѣмъ будь помянутъ (говоря о комъ недоброе).

Кто вспоминаетъ (когда икнется)? Свинка за угломъ.

Брюхо — злодѣй: стараго добра не помнитъ.

И отца мать забудешь, а ѣсть не позабудешь.

Тюхъ-тюрюрюхъ тюрюрюшеньки, а гдѣ-то теперь мои душеньки?

Кто ѣстъ и читаетъ, память зачитаетъ.

Дали память, что до новыхъ вѣниковъ не забудетъ.

Не запомнить свиньѣ полѣна: не забыть ей, гдѣ поѣла (не запомнить, здѣсь, не забыть).

Отбить кому память. Ему послѣднюю память отшибло.

Сшибся съ памяти. Съ толковъ сбился.

Память намозолилъ, все перезабылъ.

Иванъ непомнящій (родства и родины, т. е., бродяга).

Забылъ, что женился, да и пошелъ спать на сѣнникъ.

И того не помню, какъ крестился; а какъ родился, совсѣмъ забылъ.

И то забыли, что вчерась говорили.

Безпамятливъ, что кукушка. Куриная память.

У него дѣвичья (женская) память.

Дѣвичья память, да дѣвичій стыдъ — до порога (переступила — и забыла).

У меня (у него) голова, что рѣшето.

Хоть лобъ взрѣшь, ничего не помню.

Что ни лучшій пирогъ въ печи забыла.

Чего не воротить, про то лучше забыть.

Лихо избудешь, всю кручину забудешь.

И крута гора, да забывчива (и лиха бѣда, да сбывчива).

61

Толкъ — безтолочь.

Перекрестись, да выспись!

Макару поклонъ, а Макаръ на семь сторонъ.

Началъ духомъ, а кончилъ брюхомъ (Галат. III. 3).

Въ бѣдѣ сидитъ, а бѣду куритъ.

Зачалъ за здравіе, а свелъ за упокой.

По церковному запѣлъ, да на плясовую свелъ.

Панихиду пѣли, а кутьи не ѣли.

Не до обѣдни, коли много бредней (искажена: коли много обрядни, хлопотъ, стряпни по хозяйству, какъ видно изъ слѣд.):

Либо обрядню водить (быть хозяйкою), либо къ обѣднѣ ходить.

Давидъ молится да плачетъ, а Саулъ веселится и скачетъ.

Холоду не любитъ, а въ жару не спитъ.

И жарко, и зябко, и холодно, и парко, и костоломно.

Когда ржи немного, толки пшеницу, да пеки паленицу!

Ѣшь пироги, а хлѣбъ впередъ береги! (Безтолочь мнимая: проживай такъ, чтобы всегда про нужду оставалось).

Ѣхалъ не путемъ, погонялъ не кнутомъ.

Ѣхалъ не путемъ, погонялъ кулакомъ: куда ни поѣдетъ, семи верстъ не доѣдетъ.

Ни въ дышло, ни въ оглоблю. Ни въ корень, ни въ пристяжку.

Ѣхалъ къ Ѳомѣ, а заѣхалъ къ кумѣ.

Ѣхалъ въ Казань, а заѣхалъ въ Рязань.

Ты ему ложки, а онъ тебѣ плошки.

Одна врала̀, другая не разобрала̀, третья по своему переврала.

Ты на безменъ, а онъ съ аршиномъ.

Ты ближе къ дѣлу — а онъ про козу бѣлу.

Ты ему вдоль, а онъ поперегъ.

Растилай ему вдоль, а онъ мѣряетъ поперегъ.

Что больше натягивать, то скорѣе лопнетъ.

Съ концевъ обрѣзалъ, а въ середкѣ ничего не оставилъ.

Съ концовъ зубами натянулъ, въ середкѣ лопнуло.

Блошка банюшку топила, вошка парилася, съ полка̀ ударилася.

Кошка въ лукошкѣ ширинки шьетъ, котъ на печи сухари толчетъ.

Ѣхалъ лѣтникомъ, а своротилъ на зимникъ.

Ѣхалъ доро̀гою, да вертъ цѣликомъ

Саней нѣтъ, впрячи нечего, ѣхать некуда — да поѣдемъ.

Поѣхали съ орѣхами, прiѣдутъ ни съ чѣмъ.

Ѣхала кума, да не вѣдомо куда. Поѣхалъ въ Крымъ по капусту.

Уклонися отъ зла, да купи козла!

Зимой съ бороной, а лѣтомъ въ извозѣ.

Горой — водой, лѣсомъ — парусомъ.

Толки воду, до мелкой пыли! Толки воду, чтобъ пыль шла!

Воду толчешь? «Толку». А пыль идетъ? «Нѣтъ». Толки еще!

На ступѣ струны̀ (шерстобитной) не перебивай!

Доитъ шибко, да молоко жидко.

Ударить въ бобра — не видать добра.

Ударила погодка — началась молотьба.

Онъ пишетъ черезъ Югъ на Маткому (т. е., околицей, рѣка Югъ Черепов., Маткома Пошехон. уѣзд.).

Ни везетъ, ни ѣдетъ. Ни мычитъ, ни телится.

Ни нача̀ла, ни конца, ходи какъ вкругъ кольца.

Ни ползетъ, ни лѣзетъ, ни вонъ нейдетъ.

Ни то, ни сё. Ни туда, ни сюда. Ни взадъ, ни впередъ. Ни вонъ, ни въ ѝзбу. Ни идетъ, ни ѣдетъ. Идетъ не идетъ, ѣдетъ не ѣдетъ.

Ни ѝзъ короба, ни въ коробъ. Въ коробъ не лѣзетъ, изъ короба нейдетъ, и короба не отдаетъ.

Ни сана̀, ни мана̀ нѣтъ (т. е., ничего, вѣроятно съ Татарскаго: ни тебѣ, ни мнѣ. Каз.).

Одинъ про Ѳому, другой про Ерему.

Не грози, Кузьма, не дрожитъ корчма.

Болитъ бокъ девятый годъ, не знаю которо мѣсто. Богъ мой, Богъ, болитъ мой бокъ девятый и пр.

Дома ль хозяинъ? Собака дома, а хозяинъ привязанъ.

Тѐнти-брѐнти — коза въ лентѣ.

Ставъ на лавку, да въ полъ головой.

Пеки блины! «Рада бъ пекла, да нѣтъ муки». Ну, нѣтъ муки, такъ и такъ пеки.

Догадливъ крестьянинъ — на печи избу поставилъ.

Сбиться съ пахвы, съ пантелыку, съ толку.

Очертя голову. Сбухты барахты. Торчмя головой.

Поетъ куролесу (Греч. Господи помилуй), а несетъ аллилую.

Шиворотъ на выворотъ, вонъ на тараты.

Поретъ горячку; понесъ, закусилъ удила.

Мечется, что угорѣлая кошка.

Бьетъ не по дѣлу, учитъ не уму.

Пошла стряпня, рукава стряхня.

Мужъ куетъ, жена дуетъ, — что-то будетъ.

Самъ куетъ, жена дуетъ, да Богъ вѣсть, что будетъ.

Шипитъ да дуетъ — что-то будетъ.

Не ставь наши сѣти булдыремъ (ставь высокимъ теремомъ)!

Не торопися ткать, посмотри въ бердо!

Безтолково село, такъ не по что въ него.

Куда торопишься? Все одно тебѣ здѣсь нечего дѣлать — посиди!

Заведи сперва хлѣвину, а тамъ и животину!

Когда рожь, тогда и мѣра.

Не надѣйся на счастье: не купи коня хромаго!

Не все лови, что плыветъ! Не все уди, что клюетъ!

Не купи на сто, купи на стать!

По дѣлу и совѣтъ держатъ.

Дикая собака на вѣтеръ лаетъ. Вольно собакѣ и на владыку брехать.

Хлопотъ полонъ ротъ. Съ сука на сукъ (т. е., прыгаетъ), а все недосугъ.

Какъ куры бродятъ. Какъ слѣпень снуетъ.

Скачетъ просвирня за церковью: людямъ не видно, инъ Богу въ честь.

Скачетъ баба задомъ и передомъ, а дѣло идетъ своимъ чередомъ.

Стой, не бѣжи: укажи рубежи! Стой не бѣги, подай мои пироги!

Не смѣйся, нòги-тѣ свѣся; подожми, да и говори (да и подожди)!

Это не резонъ: изъ гвардіи, да въ гарнизонъ.

Не о томъ рѣчь, что виноватаго сѣчь, а о томъ, что гдѣ онъ?

Не про то говорятъ, что много ѣдятъ, а про то, что мякишь съѣли, да куда корочку дѣли?

Не про то говорятъ, что много ѣдятъ, а про то, куда крошки (объѣдки) дѣваютъ

Не про то говорятъ, что съѣли, а про то, что куда дѣвали, чего не доѣли.

Не о томъ, что много въ печь, а о томъ, куда изъ печи идетъ.

Не въ томъ сила, что кобыла сива, а въ томъ, что не везетъ.

Не въ томъ дѣло, что овца волка съѣла, а въ томъ дѣло, какъ она его ѣла.

А дѣло бывало: и коза волка съѣдала.

Рано (невѣстка) встала, да мало напряла.

Рано всталось, да мало наткàлось.

Рано запрягши, да поздно поѣхалъ.

Рано осѣдлали, да поздно поскакали.

Толкỳ вѣкъ — а тòлку нѣтъ. Вѣкъ мелемъ, а посыпàть не умѣемъ.

Доступали, что гòрода, а избываютъ, что вòрога.

Кучился, мучился, а упросилъ, такъ и бросилъ.

Пошло дѣло на ладъ, и самъ ему не радъ.

Пошло дѣло на ладъ: словно одинъ держитъ, другой не пускаетъ.

Дѣло не богато, да сдѣлано рогато. Не порато богато, да рогато.

Глазами гусей паси, голосомъ пѣсни пой, руками пряжу пряди, ногами дитя качай (говоритъ, въ пѣснѣ, вышедшая изъ Татарскаго полону женка).

Одно дѣло дѣлай, а другаго не порть!

Одно дѣло дѣлай, а отъ другаго не бѣгай!

Дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай!

На дѣло (на службу) не напрашивайся, и отъ дѣла (отъ службы) не отпрашивайся.

Кто ѣдетъ, тотъ не стои́тъ; а кто стои́тъ — не ѣдетъ.

Торчитъ себѣ, что торчокъ. Какъ торчило торчитъ.

И самъ тонетъ, и другихъ топитъ.

Я и такъ, я и эдакъ, а онъ ни такъ, ни сякъ.

Воду варить — вода и будетъ. Воду толочь — вода и будетъ.

Что не варится, того и въ горшокъ не кладутъ.

Мѣху урѣзать, да мѣхъ же и платить.

Свой носъ рѣзать — свое лицо безчестить.

Шапку выигралъ, а кафтанъ проигралъ (изъ анекд.).

Подъ лѣсомъ видишь, а подъ носомъ нѣтъ.

Два только глаза, да и тѣ за̀ носомъ.

Летаетъ хорошо, а садиться не умѣетъ.

Хорошо летаешь, да гдѣ-то сядешь.

Воровъ въ лѣсу сторожили, а они изъ дому выносили.

Въ избѣ стережетъ, а въ клѣти не вѣдаетъ.

Запремъ калачемъ, запечатаемъ пряникомъ.

Тащи корову на баню, травы много (изъ прибаски о Пошехонцахъ).

Прорубь высокая, такъ конямъ ноги подрубилъ (чтобъ напоить).

Изъ колодца выкинуло, соломой затушили.

Три коровушки есть, отелятся — будетъ шесть.

Деревня велика, да доходу нѣтъ.

Худо сѣно — половина травы. Много травы, да мало сѣна.

Что за сѣно — одна сухая трава.

Не́видаль, — корову купилъ: будетъ ли на лѣто трава?

Щеголь-собака: что ни годъ, то рубаха; а портамъ и смѣны нѣтъ.

Корми съ осени коровъ сытнѣе, весна будетъ прибыльнѣе.

Когда на охоту (въ поле) ѣхать, тогда и собакъ кормить.

Когда коней сѣдлать, тогда овсянку заваривать.

Не торопись ѣхать, торопись кормить.

Не кони везутъ, овесъ везетъ. Не лошадь, а кормъ везетъ.

Не выменъ доитъ корова, а рыломъ (т. е., кормомъ).

За каждую выть, да руки мыть (выть—пора ѣды).

Не ощипывайся, дома отряхнешься.

Аршинъ на кафтанъ, да два на заплаты.

Идетъ, мимо кровати, спать на полати.

Узда дороже лошади. Прошва дороже товару.

Алтынная кошка полтинную часть тянетъ.

За семь верстъ киселя ѣсть. За̀ море по еловы шишки.

Изъ пушки да по воробьямъ. По горностайкѣ съ облавой.

За мухой—не съ обухомъ, за комаромъ—не съ кнутомъ (съ топоромъ).

За мухой не угоняешься съ обухомъ.

Не въ коня кормъ тратить (травить).

День иноходитъ, а два со двора не сходитъ (о щегольской лошади, негодной въ работу).

День мечется, другой бѣсится, третій на карачкахъ лазитъ.

Изъ бани идетъ чешется, а изъ кабака не шатается.

По утру нѣжится, а по вечерамъ бѣсится.

Въ домѣ ворочаетъ, какъ лукавый въ болотѣ.

Меньше строй, да чаще крой! Сверху крой—съ боку не потечетъ.

Застроенъ теремъ, да не достало бревенъ.

Есть на чемъ ѣхать, да нечего ѣсть (да некуда).

Молебенъ пѣтъ, а пользы нѣтъ.

Семеро воротъ, да всѣ въ огородъ.

И отливали, и отдували, и на полокъ клали — а легче нѣтъ.

Къ зяблому лицу да снѣгъ подсыпаешь.

Мерзлой рожѣ да мятель въ глаза̀.

Не тѣмъ моются, чѣмъ мараются.

Огонь масломъ не тушатъ. Не съ огнемъ къ пожару соваться.

Что мнѣ прясть, коли готоваго страсть?

Не пехай, что само катится.

Не подбивай клинъ, подъ овсяный блинъ: поджарится, самъ свалится.

За чѣмъ мягко стлать, коли не съ кѣмъ спать?

Начто траву сѣять, коли сама растетъ (отвѣтъ мужиковъ)?

Не въ лѣсъ гонятъ, а изъ лѣсу.

Сколько воду ни пить, а пьяну не быть.

Отъ дождя да въ воду. Отъ воды не въ огонь.

Отъ дождя не въ воду; отъ огня не въ поломя.

Изъ огня да въ полымя.

Утопшій пить не проситъ.

Спроси у вѣтра совѣта, не будетъ ли отвѣта?

Пускай голосъ по̀ вѣтру: хоть толку нѣтъ, инъ далече унесетъ.

Голова у ногъ ума не проситъ. За совѣтомъ — не въ рынокъ итти.

Хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ. Ясли къ лошади не ходятъ.

Рѣшетомъ въ водѣ звѣздъ ловить.

Лѣсомъ шелъ, а дровъ не видалъ. Въ Римѣ былъ, а Папы не видалъ.

Въ кунсткамерѣ былъ, а слона не видалъ (не замѣтилъ).

По избѣ ходитъ, а дверей не найдетъ.

Изза лѣса стоячаго не видать лѣсу лежачаго.

Съ малинника лыки не велики, да ягоды сладки; а съ калинника лыкъ надерешь, да ягодъ въ ротъ не возмешь.

Иглой доро̀ги не мѣряютъ.

Мѣряла старуха клюкой, да и махнула рукой (о разстояніи).

Сѣялъ — не смѣрялъ, ѣлъ — не считалъ.

Не было у бабы писку, такъ купила шелудивое порося.

Не знала баба го̀ря, купила (родила) баба порося.

Купилъ лихо за свои деньги (гроши).

Копилъ, копилъ, да бѣду и купилъ (да чорта и купилъ).

Денегъ накопилъ, да дури накупилъ (да чорта и купилъ).

Давно занялъ грошъ на перевозъ, да некуда ѣхать.

Не учись пиво варить, учись солодъ растить!

Не учись пиво пить, учись деньги копить!

Горевать, во что пиво сливать: ни посудинки, ни браги.

Деньги дѣвать некуда, кошелька купить не на что.

Чортъ стригъ свинью — визгу много, а шерсти нѣтъ.

Худое колесо больше (пуще) скрыпитъ.

Шелудиваго брить — не лучше ль опалить?

Здравствуй, плѣшивый, — не припали воло̀съ!

Чѣмъ срывать кочку, лучше объѣхать.

Безтолковаго учить — только трудить.

Ему не втемяшешь этого въ голову. Ему въ башку этого не вдолбишь (и клиномъ не вобьешь).

Аль тебѣ въ лѣсу̀ лѣсу мало? Аль въ людяхъ людей нѣтъ?

Въ лѣсу дровъ не нашелъ. Изза лѣсу дерева не видитъ.

Ходитъ, какъ въ лѣсу (т. е., не спознается).

Ходитъ, какъ пальцы растерявши.

Въ водѣ по горло, а пить проситъ. Стоитъ у воды, а пить проситъ.

По̀ хлѣбу ходить, а хлѣба нѣтъ. По хлѣбу ходить, да хлѣба не ѣсть (т. е., коли кому довѣренъ надзоръ).

Проситъ осетръ дождя, въ Волгѣ лежа.

Въ лѣсъ дровъ не возятъ, въ колодезь воды не льютъ.

Рукавицъ ищетъ, а двои за̀ поясомъ.

У нашего у Фали рукавицы спали.

Читаетъ книгу, а видитъ фигу.

Въ воскресенье оретъ, а въ понедѣльникъ кобылы ищетъ.

Безъ складу по складамъ, безъ толку по толкамъ.

Въ пожаръ квартиръ не разводятъ.

Перегоняетъ съ мѣста на мѣсто, какъ лѣшій звѣря.

Нѐ почто тутъ съ ножемъ, гдѣ топоръ заложенъ.

Послѣ скобеля топоромъ, послѣ полотенчика онучей.

Ѣшь съ голоду, а люби смолоду.

Отъ добра худа (добра) не ищуть.

Много по́ту, да мало проку. Много то́лковъ, да мало то́лку.

Много шуму (крику), мало проку (толку).

Стой, баталіонъ — пуговку нашелъ! Маршъ, маршъ — безъ ушка!

Всѣ люди на коняхъ, а конный пѣшъ.

Всѣ люди, какъ люди, одинъ чортъ въ колпакѣ.

Добро того бить, кто плачетъ, а учить, кто слушаетъ.

Пронялъ, какъ плетью по водѣ.

Ни пьянагѡ молитва, ни голоднаго постъ.

Нѣмому рѣчь, нагому гулянье, голодному гусельки.

Кой день прошелъ, тотъ до насъ дошелъ.

Ни глазъ подъ бровями, ни ушей за висками, ни языка за щеками.

Не столько намолотилъ, сколько цѣпомъ голову наколотилъ.

[redacted] было (бабамъ, на пожарѣ): а мы, подхвативъ животы, да ну выть.

Соваться (метаться) во всѣ углы.

Пришла кума, такъ сядь; а почто пришла? «Да такъ.»

Челомъ кумѣ: сядь; почто пришла? «Такъ».

Не мѣшай грибамъ цвѣсти! Не сгоняй щуку съ яицъ!

Спасибо на парку̀, не бывши на полку̀.

Челомъ, а невѣдомо о чемъ.

Всякое брашно гортань разсудитъ.

Зубы разжуютъ, языкъ разберетъ.

Который часъ ударитъ, тотъ и сосчитаемъ.

Сколько ударитъ, то и сочтемъ.

Ѳомка не помѣха, и при немъ спосмъ.

Слонъ добро къ слову, а ладья — къ перевозу.

Па̀ра: куликъ да гагара. Па̀рочка: свинья да ярочка.

Всякому встрѣчному и поперечному.

И глядѣть тошно. И не глядѣлъ бы. Инно одурь беретъ. Плюнь да отойди!

Всѣ люди, какъ люди, а мы — какъ мыслѣте.

Знаешь ты съ рѣдькой десять (Тамб. т. е., ничего не смыслишь).

Не смыслитъ ни бельмеса, а суется бѣсомъ.

Не смыслитъ Вавила ни уха, ни рыла.

Парень-то тороватъ, да дѣла не зна'тъ.

Не по разуму рвеніе. Охота смертная, да участь горькая.

Пятое колесо въ телегѣ (переводная).

Не къ рожѣ румяна, не къ рукамъ пироги.

Переливать изъ пустаго въ порожнее. Меледу меледить.

Въ рѣшетѣ воду носить. Воду толочь. Строить водотолчу.

Ведрами вѣтра не смѣряешь. Солнышка въ мѣшокъ не поймаешь.

Мрежею души не ловятъ.

Какъ въ грязь кинулъ. Какъ въ воду утопилъ. Какъ въ яму бросилъ.

На яму не напасешься хламу.

Какъ псу (мерину) подъ хвостъ (безъ пользы). Какъ въ бездонную кадку.

Не подъ тотъ уголъ клинъ колотишь.

Воду варить, вода и будетъ. Отъ воды навару не будетъ.

Чего не варить, того нéпошто въ горшокъ класть.

На кукушкиныхъ яйцахъ не высидишь цыплятъ.

Молоть вздоръ. Городить чуху, чепуху.

Ни складу, ни ладу, ни толку. Ни ладовъ, ни толкòвъ.

Хлопать глазами. Хлопать ушами.

Межъ глазъ носъ пропалъ. Межъ глазъ деревня сгорѣла.

Одинъ мутитъ, другой прѣсноводитъ (верховодитъ).

Дѣло толковано, что сивая подкована; надобно толковать, какъ бы карую подковать.

Не пò горю плачутъ, òтъ горя.

Бай, бай, да и молви. Городи, городи, да выгораживай.

Дѣло толкомъ красно.

Говори все: и какова собою трава, и на что пригодна.

Толкъ-этъ есть, да не втолканъ весь.

Знаетъ толкъ, какъ слѣпой знаетъ бѣлое молоко, пощупавъ гуся. (Вожатый похвалился, что похлебалъ молока; а какое оно, спросилъ слѣпой: «Сладкое, да бѣлое.» А что такое бѣлое? «Какъ гусь.» А что такое гусь? Вожатый согнулъ руку костылемъ: «Вотъ такой». Слѣпой ощупалъ и понялъ, что такое молоко).

Безтолковъ да памятливъ.

Жди толку, положа зубы на полку!

Добрый песъ на вѣтеръ не лаетъ.

Стрѣлять на вѣтеръ. Стрѣлять холостыми зарядами.

Луканька (бѣсъ) хвостомъ покрылъ (когда ищешь вещь, а она передъ тобой).

Кто раньше всталъ, да палку взялъ, тотъ и капралъ.

Не умѣешь шить, такъ не пори! Ни шьетъ, ни поретъ.

Шей да пори: не будетъ глухой поры.

«Окуля, что шьешь не оттуля»? А я, матушка, еще пороть буду.

Широко растопырилъ, да вверхъ не поднялъ.

Высоко поднялъ, да снизу не подперъ.

Пошелъ черныхъ кобелей на бѣло перемывать.

Пошелъ на собакахъ шерсть бить.

Сколько ни мой гагару (баклана), бѣлѣе не будетъ.

Орломъ комара не травятъ. Мыши зародомъ не задавишь.

На комара съ рогатиной. На комара съ кистенемъ; на таракана съ рогатиной.

За свинкой не съ ширинкой. За свинкой не находишься съ ширинкой (утирая ей рыло).

Корми пѣтуха сѣномъ. Щупаетъ пѣтуха, не будетъ ли яйца.

Еще не родилось, а ужъ окрестилось.

Попалась ворона въ сѣть: попытаюсь, не станетъ ли пѣть.

Знаютъ всѣ, что кутью варятъ изъ гречихи.

Выше клотика не лазить (флотск.).

Вздоръ на вздоръ помножь, чепухой подложь, и выйдетъ ералашъ.

Съ нимъ не сваришь пива; а сваришь — не разопьешь.

Жилъ нѐ жилъ, былъ не былъ.

Съ нимъ по Русски не сговоришь.

Ряжено промежкомъ, сойдено посмѣшкой.

И мято, и жато, да ничего не добыто.

Разверстали, да на прежнемъ и стали.

Ворочаетъ, какъ чортъ въ болотѣ. Ломаетъ дѣло, какъ лутошку.

Пошло, какъ кривое колесо.

Съ промыслу, да на лѣтнемъ ходу.

Скачемъ по пеньямъ, по кореньямъ (безъ толку).

Какъ черезъ пень колоду валитъ. Черезъ пень, черезъ колоду.

По мхамъ, по борамъ. По мхамъ, по болотамъ.

По мхамъ, по пнямъ, по кочкамъ, по болотамъ.

Во снѣ Бога молить (говорить вздоръ).

Ты ему самъ-семъ, а онъ тебѣ: самъ съѣмъ.

Въ углу палка стоитъ, оттого на дворѣ дождь идетъ (перевода.).

Ты какъ бы ближе къ дѣлу, а онъ — про козу бѣлу.

Толкуй, что откуль. Толкуй, да напередъ самъ разжуй!

Вяжи да путай, верти да кутай, мотай, да плутай!

Мужъ съ огнемъ, жена съ водою.

Пиши, записывай, набѣло переписывай!

Я про сапоги, а онъ про пироги. Кто шьетъ, а кто поретъ.

Пустилъ козла въ огородъ. Какъ волка въ хлѣвъ пустить.

Я говорю про Ивана, а ты про болвана.

Ему говори про попа, а онъ про Емелю дурака.

Я говорю про попа, ты про попадью, а онъ про попову дочку.

У насъ съ нимъ полтора разговора (всякъ свое несетъ).

Рушай варѐно, да слушай говорѐно.

Про глухаго попа — не разбить колокола.

Стряпали про попа, а съѣлъ кто попалъ.

Мы Греки, цесны целовѣки, купили рыбы для мы, а онъ съѣлъ для я (дразнятъ Грековъ).

Стали было къ вечернѣ звонить, да попадья не велитъ.

Не поглядѣвъ въ святцы, да бухъ въ колоколъ.

Не поглядѣвъ въ святцы, да въ большой колоколъ.

По ненастью лыко дралъ, по ведру лапти плелъ.

Сѣй хоть въ ненастье, да убирай въ ведро!

Дѣло по дѣлу, а судъ по формѣ.

Въ подрукавныхъ рукавицахъ за кодолъ не берись!

Не наслѣдишь по черностопу, а по порошѣ.

Не загачивай, промолачивай (т. е., не валя безъ толку)!

Живемъ въ лѣсу, а дрова съ вѣсу.

Въ приданомъ печь топить, а въ своемъ въ церковь ходить.

Вымѣнялъ слѣпой у глухаго зеркало на гусли.

Вымѣнялъ кукушку на ястреба.

Наѣлась собака травы, да не надолго (вырвало).

Тѣмъ не подспоришь, что пожиже растворишь (на замѣсъ больше пойдетъ).

Подъ гору вскачь, а въ гору — хоть плачь.

Ты его на берегъ, а онъ въ воду. Просится на̀ берегъ, а лѣзетъ въ воду.

На льду не строятся. Ледяныя хоромы въ сказкахъ.

Не для лѣта изба рубится, для зимы.

Не изо рту неси, а въ ротъ!

Ему разжуй, принеси, да и въ ротъ положи.

Про одни дрожди посылай трожды.

Толкуй, Фетинья Савишна, про ботвинью давишню.

И глядитъ, да не видитъ.

Что слѣпой по пряслу ходитъ (бродитъ).

Слѣпой зрячаго ведетъ (а зрячій ни стоитъ, ни идетъ).

Слѣпой курицѣ все пшеница. Слѣпому Емелѣ все копейки.

Слѣпой слѣпому не указчикъ. Слѣпой зрячему не указчикъ.

Слѣпецъ слѣпца водитъ — оба ни зги не видятъ.

Два Демида, да оба не видятъ.

Слѣпому давай дугу неписаную.

Нѣмой караулъ закричалъ, безногій на пожаръ побѣжалъ.

Толкуй больной съ подлѣкаремъ.

Толкуй Макаръ съ пьяной бабой, а больной съ подлѣкаремъ.

Толкуй про сосновый, а еловый крѣпче. (Въ нижег. губ. за Волгой, ель прочнѣе сосны).

Ты ему про дубовый, а онъ свое: осиновый крѣпче.

Толкуй съ глухимъ хоть до завтра!

Глухому крикни, а онъ говоритъ: обѣдни.

Глухаго бранятъ, а онъ говоритъ: къ обѣднѣ звонятъ.

Не то корова рычитъ, не то въ животѣ бурчитъ.

Съ бороной по̀ воду поѣхалъ, а цѣпомъ рыбу удитъ.

Топоръ обуваетъ, топорищемъ подпоясывается.

Суетливъ больно: обувшись парится.

Одна нога въ лаптѣ, другая въ сапогѣ. Одна нога обута, другая разута; а кабы третья была — не знаю, какъ бы пошла.

На праву руку, на лѣву сторону. На правый бокъ, на лѣву сторону.

Засупонь (зануздай) кобылу подъ хвостомъ!

По чаркѣ говядины, по фунту вина (Солдатск.).

Стопу денегъ, да рѣшето вина. Рѣшето вина и вязанку денегъ.

Который часъ? Ячный квасъ. Сколько минутъ? И ковшикъ тутъ.

Который часъ? Первый послѣ давишняго.

Сколько (часовъ) било? Одинъ билъ, два держилъ (отвѣчалъ Нѣмецъ, котораго наказали).

Здравствуй, сватъ! «Да по дрова поѣхалъ».

Что везешь? «Сѣно». Какое сѣно, вѣдь это дрова? «А коли видишь, такъ что спрашиваешь?»

Здорова кума! «Да на рынкѣ была». Не какъ глуха? «Купила пѣтуха (потроха)». Прощай кума! «Пять алтынъ дала».

Ѳедулъ, что губы надулъ? «Да кафтанъ прожогъ». Зачинить можно. «Да иглы нѣтъ». А велика дыра? «Да одинъ воротъ остался.»

Полы коротаетъ, да плеча латаетъ.

Можно поправить, да будетъ хуже.

Чулки новы, а пятки голы.

Помочь не устать, такъ надо дѣло знать.

Не козыряй подъ ясли, не убьешь масти.

Ни въ сукъ, ни въ пень (въ корень).

Ни въ бокъ, ни въ жохъ, ни въ плоцку (отъ конанья, въ игрѣ въ бабки).

Въ анбаръ, по муку; а онъ: въ баню, по клюку.

Ему о дѣлѣ, а онъ: приходи на недѣлѣ.

Спрашиваютъ китайки, а разбираютъ кумачи (т. е., покупатели).

Въ зубъ рубитъ, а въ замокъ пригоняетъ (плотницк.).

Кто въ лѣсъ, кто по дрова; кто рубль, кто полтора.

Кто кричитъ аманъ, а кто атланъ (т. е., кто сдается, пощады проситъ, а кто на̀ конь садится)

Одинъ ура кричитъ, другой караулъ.

Сѣдлай порты, надѣвай коня!

Топчется на одномъ мѣстѣ, какъ тетеревъ на току.

Ну-ну! а самъ ни съ мѣста. Стоючи на мѣстѣ, ночь пронукали.

Какъ на Польскомъ сеймѣ (шумъ и безтолочь).

Гдѣ двѣ бабы, тамъ суёмъ (сеймъ? или отъ со-иматься, схватиться, схватка?); гдѣ три, тамъ содомъ.

Двое плѣшивыхъ за гребень дерутся.

У мертвыхъ пчелъ меду захотѣлъ.

Въ раменье (чернолѣсье) по сосновыя шишки.

Зайца на барабанъ не выманить.

Маланьины сборы, (или: счеты, т. е., безтолковые).

Я влѣзъ, и онъ въ лѣсъ; я завязъ, и онъ за вязъ (игра словъ: влѣзъ и въ лѣсъ, завязъ — засѣлъ, и за вязъ — дерево вязъ).

Такъ-то такъ, да вонъ-то какъ? (спросилъ мужикъ, изладивъ борону въ избѣ, и увидавъ, что она въ дверь не лѣзетъ).

Пошелъ козелъ по лыки, коза по орѣхи (т. е., ни толку, ни ладу, ни конца дѣлу).

Гдѣ шатался?—На базарѣ, все про Француза слушалъ! — Что жъ?— Да далече стоялъ, не слыхать было (1812 г.).

Ходилъ за дѣломъ, а пришелъ съ бездѣльемъ.

Ходилъ (ѣздилъ) ни по̀что, принесъ (привезъ) ничего.

Пошелъ завтра, пришелъ вчера.

Какъ колышка въ проруби болтается (о человѣкѣ праздномъ).

Искать вчерашняго дня. Вчерашняго дня ищетъ, а онъ ушелъ.

Заруби деревомъ на желѣзѣ! Помѣть на ногтѣ!

Всѣ кузни исходилъ, а некованъ воротился.

Иди туда, невѣдомо куда; ищи того, невѣдомо чего.

Увидишь своихъ, такъ кланяйся нашимъ!

Пришелъ кто-то, взялъ что-то; пошелъ бы за нимъ, да не знаю за кѣмъ.

Бѣчи за нимъ, да не знать за чѣмъ. Надо бъ гнать, да не знать куда.

Пошелъ такъ, а попалъ въ кабакъ.

Тотъ-воно женится, ту-воно беретъ; а я бы и не зналъ, да мнѣ тотъ-воно сказалъ.

Увидалъ, что на уткахъ озеро плаваетъ.

Утки летѣли, гуси летѣли, коровы летѣли, козы летѣли (игра, гдѣ вслѣдъ за однимъ, всѣ подымаютъ руки, коли что летное летитъ, а за ошибку даютъ окупъ).

Деревня переѣхала поперегъ мужика.

На морѣ овинъ горитъ, по небу медвѣдь летитъ.

Лодка безъ набоевъ (бортовъ), ботня (челнокъ) безо дна.

Сверху небо, снизу земля, а съ боковъ-то ничего нѣтъ: оно и продува'тъ (объясненіе матроса, отъ чего на морѣ вѣтеръ бываетъ).

Курочка бычка родила, поросенокъ яичко снесъ.

Свинья ваша пестрая—сыну моему мать крестная; сынъ мой женится, такъ отпустите ее въ свахи.

Жаба у рака гнѣздо отбила́.

Поросенокъ яичко снесъ, курочка объягнилась.

На дубу свинья гнѣздо свила, а овца пришла, яйцо снесла.

Комаръ парню ногу отдавилъ.

Бѣды натворилъ, щуку съ яицъ согналъ.

Двѣ лошади бѣлыя, третья голая.

Меринъ гнѣдъ, а шерсти на немъ нѣтъ.

Ворота пестрыя, собаки новыя, окна соломенны, крыша волокомъ.

Радуга ушатъ воды выпила (изъ прибасенки).

Однажды шелъ дождикъ дважды.

Семь рѣкъ осушила, холста не смочила.

Спросилъ бы у гуся, не зябнутъ ли ноги.

Подпояшьте гуся на морозъ.

Подкуй козла: лошадямъ легче. Пришей кобылѣ хвостъ!

Холмъ высокъ, а все песокъ — безъ подковъ не взойдёшь.

Безъ толку мо́литесь, безъ мѣры согрѣшаете.

Въ рай просятся, а смерти боятся.

Смерти боятся, въ рай просятся, а въ адъ лѣзутъ.

Снялъ голову съ плечъ, да положилъ за пазуху, такъ и цѣла будетъ.

Будто голову за пазушку схоронишь.

Взялъ голову подъ мышки — и правъ.

Снявъ голову, по волосамъ не плачутъ.

Въ лѣсу живутъ, пенью Богу молятся.

Въ лѣсу живемъ, въ кулакъ жнемъ, пенью кланяемся, лопатѣ молимся.

Въ городѣ живешь, а колокольнѣ кланяешься.

Поле въ три переклика, а онъ гонца шлетъ.

Нѐ почто гонца, гдѣ рукой подать, до конца.

Сашка, позови Машку; Машка, подай платокъ — а платокъ подлѣ боку.

Претитъ, а въ горло летитъ. Ѣмъ неволькой — а еще бы столько.

Богатому воровать, а больному въ присядку плясать (кстати).

Корова реветъ, медвѣдь реветъ; а кто кого деретъ, самъ чортъ не разберетъ.

Быкъ реветъ, корова реветъ; а кто кого бодетъ, самъ чортъ не разберетъ.

Корова телится, а быкъ реветъ.

Корова родитъ, а у быка хвостъ болитъ.

Чѣмъ было салу (волу) рычать, анъ телѣга скрыпитъ.

Чѣмъ быку ревѣть, такъ телѣга скрыпитъ.

Люблю сѣрка за обычай: хоть не везетъ, да ржетъ.

На одной недѣлѣ четверга четыре, а деревенскій мѣсяцъ съ недѣлей десять.

Семь пятницъ (семь праздниковъ) на недѣлѣ.

На всякой недѣлѣ по три пятницы.

На одномъ дню семь пятницъ.

Нечего попусту въ плѣшь колотить.

Нечего дѣлать, такъ на морозъ плѣшивыхъ поминаетъ (повѣрье, что на двѣнадцатой плѣши морозъ лопнетъ).

Ѣхала кума — не вѣдомо куда.

Ходилъ три дни, принесъ (выходилъ) злыдни.

Пошелъ по солому, принесъ мякины.

Погонную послали, да примѣтъ не дописали.

Вавилонское смѣшеніе языковъ (безтолочь, гдѣ другъ друга не понимаютъ).

Пошелъ посолъ нѣмъ, принесъ грамоту неписаную (т. е., безтолочь; но это въ тоже время загадка: голубь съ вѣткой къ Ною).

Съ Богомъ думалъ (т. е., хорошо).

Охулки нà руку не кладемъ. Онъ на свою руку охулки не положитъ.

Наша дуда и туда и сюда (т. е., или на все годится, или двулична).

Хорошъ солодъ, хорошо и смолотъ.

Булатъ рѣжетъ и желѣзо, и кисель.

Любо-дорого смотрѣть. Дѣло гладко, инъ глядѣть сладко.

Эго дѣло на зубу (прочно, твердо, надежно).

Такое сѣно, что самъ бы ѣлъ, да деньги нужны.

Что твой бархатъ! Что твоя малина!

Что дѣло, то дѣло. Толкъ да ладъ — тутъ и кладъ.

Коротко да ясно, отъ того и прекрасно.

Живетъ и эта пѣсня для почину.

Живетъ старуха за бариномъ.

Живетъ Домка за Еремкой. Живетъ дѣвка за парнемъ.

Гдѣ хлѣбно да тепло, тамъ и жить добро.

Не надо и на Яикъ итти (такъ хорошо жить).

Ладно — живетъ, и не ладно — живетъ.

Говори, что ладно: бѣги, да падай!

Таковъ, сяковъ, а все лучше приказныхъ дьяковъ.

Лыки да мочалы, туда жъ помчали (о упряжи).

Худо — лычная пуга (кнутъ), а безъ нея и того хуже.

Худа ременная плеть, а все лучше мочальной.

Въ лàтаномъ, да въ плàтаномъ—худо, а хуже, какъ платàть нечего.

Плохо жить по ненастью, а въ вёдро голодать и того хуже.

Плохо, что нѣтъ праздничнаго, а плоше живетъ, какъ буднишняго не стаётъ.

Вѣдь не на базаръ, какъ ни навязалъ (т. е., не далече ѣхать, ладно, какъ нибудь).

На базаръ, какъ ни навязалъ (т. е., на продажу, все ладно).

Комкомъ да въ кучку — на крестьянску ручку.

Въ лужѣ и самъ себя не признàешь. Въ лужу глядѣться — и на себя не походить.

Лучше хромать, чѣмъ сиднемъ сидѣть.

Не осудишь и лапшицу; а прозѣваешь — и воду хлебаешь.

Съ лихой собаки хоть шерсти клокъ.

Всѣхъ угодій къ одной полосѣ не подберешь.

Изъ двухъ золъ выбирай меньшее!

Лучше воротиться, чѣмъ блудиться

Лучше — слава Богу, нежели — дай Богъ! Дай Богъ — хорошо, а слава Богу — лучше (есть лучше нѣта).

Либо коня хорошаго держать, либо плеть.

На свѣтѣ съ худомъ худо, а безъ худа и вовсе худо.

Не то худо, на что кривымъ глазомъ взглянулъ, а то, что худо и есть.

То лучше всего, что есть у кого.

Все хорошо, что есть; чего нѣтъ, то худо.

Не къ лицу пироги разбирать, коли и хлѣба нѣтъ.

Что хорошо, то хорошо; а что лучше, то лучше.

Пиво не пьяно — и то грѣшно, пиво пьяно — грѣшнѣй того; а пива не станетъ — тошнѣй всего.

Хороша кашка, да мала чашка. И сладко, да не сытно.

Кривы дрова, да прямо горятъ.

Хоть криво впрягъ, да поѣхалъ такъ.

Запрягъ прямо, да поѣхалъ криво. Запрягъ криво, да поѣхалъ прямо.

Криво, да игриво; прямо, да упрямо.

Не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ.

Худой (глупый) попъ свѣнчаетъ, хорошему (умному) не развѣнчать.

Не для пригожества, для крѣпости. Хоть не складно, да ладно.

И не въ ладъ, да ладно. И не пòрно, да задорно.

Не складна челобитная складомъ, а складна указомъ.

Будь хоть песъ (хоть чортъ), лишь бы яйца несъ.

Худъ торжокъ, да не пустъ горшокъ.

Курнà изба, да печь теплà.

У насъ, что ни попъ, то и батька. Не попъ, да обычаемъ добръ.

Не долго думалъ, да хорошо молвилъ.

За одно: благо рука развернулась.

Хотя поздно, да навозно. Однимъ днемъ лѣто не оповдано.

Хотя изба елова, да сердце здорово.

Гоже не гоже, а на гоже-то похоже.

Истина хороша, да и правда не худа.

Одному на всѣхъ не угодить. И дуракъ на всѣхъ не угодитъ.

На всѣхъ угождать — самому въ дуракахъ сидѣть.

Ни тебѣ на людей, ни людямъ на тебя, не угодить.

И Богъ на всѣхъ не угодитъ.

На весь міръ (на всѣхъ) не угодишь.

На весь міръ и солнышку не угрѣть (не упечь).

Не солнышко, на всѣхъ не угрѣешь.

Не свой ножъ, не любой кусъ.

Не то хорошо, что хорошо, а то, что нравно.

Когда хотѣлось, тогда и кряхтѣлось. Когда хотѣлось, тогда и на умѣ вертѣлось.

Иной любитъ попа, иной попадью, иной попову дочку.

Кто горницу, а кто дворницу (хвалитъ, любитъ).

Для матушки княгини угодны дыни, а для батюшкина пуза надо арбуза.

Хоть гнило, да намъ мило. И гнило, да мило.

Чего не любишь, того и не купишь. Что полюбилъ, то и купилъ.

Что кому трéбитъ, тотъ то и теребитъ.

Кто не милъ тѣломъ, тотъ не милъ и дѣломъ.

Кому не приглядишься лицомъ, тому дѣломъ приробишься.

Понравится (полюбится) сатана, лучше яснаго сокола.

Не пó хорошу милъ, а пó милу хорошъ.

Товаръ полюбится, и умъ разступится.

Хоть Кузмишна, да не корыстна; и Ивановна, да намъ надобна.

Что кому нравно, то и забавно (то и любо).

На вкусъ. на цвѣтъ мастера нѣтъ.

Врешь, не то поешь; пой: «По мосту, мосту.»

Нашего пономоря не перепономаривать стать (частоговорка).

Прямаго нечего править, а править — испортить.

Можно поправить, да будетъ хуже.

Дурной хулитъ нехорошаго.

Въ чужомъ глазу порошинку видишь, а въ своемъ пенька не видишь

Въ чужомъ глазу сучокъ великъ. Въ чужихъ рукахъ ломоть великъ.

Въ чужомъ глазу — порошинка великъ сучецъ; въ своемъ — и бревна не видать.

Отойдемъ, да поглядимъ, каково-то (хорошо ли) мы сидимъ.

Незнаемая прямизна наводитъ на кривизну.

Большіе порядки доводятъ до безпорядковъ.

Пропалъ Авдѣй отъ злыхъ людей.

Отъ лихаго зелья и порча живетъ.

Гдѣ худо, оттуда бѣгутъ добрые люди.

Не летитъ пчела отъ меду, а летитъ отъ дыму.

Худое житье: встань — побѣжи; а хорошее — лягъ, полежи!

Не гребень голову гладитъ (чешетъ), а время.

Не гребень холитъ, а холитъ время. Сила во времени.

Сладокъ медъ, да не по двѣ (ложки) въ ротъ. Сладокъ медъ, да не съ чилякомъ въ ротъ (чилякъ — лагунъ, дуплянка).

Дорогà борозда къ загону.

Это нашему козырю въ (подъ) масть. Это нашему брату на руку.

Это нашего поля (бора) ягода. Одной руки пальцы.

Горница хороша, да òкна кривы.

Палата бѣлà, да дверьми утла (худая слава, слухи).

Добръ молодецъ, да есть норовецъ.

Шуба новà, да въ подолѣ дыра (да въ серединѣ дыра).

И на добраго коня бываетъ спотычка. И на добра коня спотычка живетъ. Конь о четырехъ ногахъ, да спотыкается.

Во всякомъ хлѣбѣ не безъ мякины.

Въ умолотѣ не безъ ухвостья.

И въ хорошей капустѣ гнилые кочни есть.

Нѣтъ дерева, на которое бы птица не садилась.

И въ Іерусалимѣ собаки есть.

Ни праведный безъ порока, ни грѣшный безъ покаянія.

Во всякой избушкѣ свои поскрыпушки (поклапушки).

Во всякой избушкѣ свои поскрыпушки, а въ иной и двои.

Кому все не годится, тотъ и самъ не годится.

Кто говоритъ: «не годится», тотъ и самъ туда жъ.

Глупый осудитъ, а умный разсудитъ.

Спесивый не взглянетъ, слѣпой не разглядитъ, а умный не осудитъ.

Нѣтъ такой вещи, чтобы не пригодилась къ мѣсту.

Что не родится, то и не годится. Что гдѣ родится, тамъ и пригодится. Все что родится, то и годится.

Все на свѣтѣ годится; только то не годится, что не родится.

Все на свѣтѣ годится: только тотъ не годится, кому все не годится.

Что цѣло, то и годно въ дѣло.

Все годится, только не годится съ чортомъ водиться.

Пригодится ребятишкамъ на молочишко.

Улица широка — инъ хороводу просторъ.

Пашни меньше — простору больше; и́збы не крыты, да звонъ хорошъ.

Хлѣбца купить нѐ на что: съ горя чаекъ попиваемъ (говор. о подмосковщинѣ).

Не станетъ на одёвку, инъ станетъ на обутку.

Коли голова протухла въ рыбѣ, такъ ино плескъ еще годенъ.

Не годится на лавку, инъ полежитъ подъ лавкой.

Не годится Богу молиться, годится горшки покрывать (дразнятъ Суздальскихъ богомазовъ).

Гдѣ выросла сосна, тамъ она и красна.

Старый мѣсяцъ тожъ въ дѣло идетъ: Богъ на звѣзды крошитъ.

Красному яблоку червоточинка не укоръ.

На здоровье, когда не скоромно!

Баня не заговѣнье (т. е., можно во всякое время).

Худое дѣло вездѣ поспѣло.

Всякая небылица въ три года пригодится.

Хорошаго мало на свѣтѣ, а худаго всюду много.

На всякаго міранина по семи жидовиновъ.

Много милости (въ людяхъ), а вдвое лихости.

У нашего копытца (корытца) ничего не добиться.

Посѣй хлѣбъ, уродится и куколь.

Не я полынь-траву садилъ, сама, окаянная, уродилась.

Чертополохъ, да осотъ, отъ сосѣда къ сосѣду подъ тыномъ пробирается. Словно хрѣнъ: не изведешь.

Есть чернецы и на Симоновѣ, да ими не хвалятся.

Доброе дѣло одно одного лучше, худое — одно одного хуже.

Много худа на свѣтѣ, а нѣтъ хуже худаго разума.

Первое худо — худой разумъ (т. е., худая воля, худое дѣло).

Беззаконнымъ законъ не писанъ.

Зло злымъ исполнить.

Не дай, Богъ, никому въ палачахъ быть, — а нельзя и безъ него.

Добрый Иванъ — и людямъ, и намъ; худой Иванъ — ни людямъ, ни намъ.

Отъ одного тухлаго яйца семеро мужиковъ бѣжало.

Лихо помнится, а добро забывается. Лихое споро: не умретъ скоро.

Лихое долго помнится, а хорошее скоро забудется.

Добро помнится долго, а лихое вдвое.

Лихое зелье не скоро пойдетъ въ землю.

Хорошее лежитъ, а худое бѣжитъ. Доброе смолчится, а худое молвится.

Лобъ, или затылокъ (годно, или негодно; да, или нѣтъ, отъ прiема рекрутъ).

Что не складно, то и не ладно.

То не складно, что сшито (что скроѐно) не ладно.

Не годится водиться: матушка бить грозится.

Никому не мило, когда дѣло хило (гнило).

Худо лѣто, когда солнца (сѣна) нѣту.

Худое дерево въ сукъ растетъ.

Безъ голомени, не дерево (голо̀мя, пень, лѣсина, бревно, дерево отъ комля до разсохи, до сучьевъ).

Труда много, а добычи мало.

Рано снарядились, да поздно въ путь пустились.

Рано встала, да мало напряла.

Немного меду въ пустыхъ вощинахъ.

Вощина — не соты, голдо̀вня (болтовня) — не толкъ.

Изъ худаго хорошаго не сдѣлаешь. Вощина не соты, голдо́вня (болтовня) не толкъ.

Изъ пуста судна ни пьютъ, ни ѣдятъ.

Что дурно, что худо — все равно. Что хило, что гнило — все не годно.

На лѣченой кобылѣ немного наѣздишь.

Хоть вдвое, хоть втрое, а не споро худое.

Тутъ нечего портить, нечего поправлять. Тутъ ни испортить, ни поправить, а бросить.

Этого ни забѣлить, ни закрасить.

Этотъ конь корму не сто́итъ. Эта игра не стоитъ свѣчъ.

Эта шуба не сто́итъ вычинки. Овчинка вычинки не сто́итъ.

Шуба прошвы не сто́итъ. Сапогъ подметки не сто́итъ.

Ударить было дурака, да жаль кулака.

Гнилаго болота и чортъ боится.

Худая трава изъ поля (съ корнемъ) вонъ.

Волчій зубъ и съ корнемъ вонъ (лишній зубъ, не на мѣстѣ).

Обитый голикъ — въ печку.

Обитый вѣникъ — только парня посѣчь, да и въ печь.

Не можно исцѣлить, такъ лучше отрубить.

Не потрафлено, такъ прикинуто (т. е., не впору сшито, такъ отдается мастеру).

Поплевать, да бросить. Похваля, да подъ лавку.

То не соль, что не солитъ; то не клей, что не клеитъ.

Волка на собакъ въ помощь не зови (т. е., непріятеля на друга)!

Бездонную кадку водой не наполнить.

На безпутной работѣ и спасиба нѣтъ.

Что мертвому ладанъ (та же польза).

Кчему бѣло умываться, коли не съ кѣмъ цѣловаться?

И доброе слово не уйметъ злаго.

Какъ въ стѣну горохъ (не льнетъ). Какъ горохомъ объ стѣну.

Будто на пусты лѣсы. Какъ на вѣтеръ.

По сажѣ хоть гладь, хоть бей — все одно (все черно).

Ариемъ лихаго не избудешь. Моря пескомъ не засыплешь.

Худое нечего хвалить. Худое хвалить — не исправить.

Хорошо, да не играетъ. Хорошо да не очень (не больно).

Хороша дудка, да не гудётъ (не дудитъ). Хороша музыка, да не играетъ.

Оно бы и очень хорошо, да никуда не годится.

Онъ бы человѣкъ и очень хорошій, да никуда не годится.

Изъ куля въ рогожу. Поправился изъ кулька въ рогожку.

Изъ саней, да въ дровни. Съ полавочья, да въ подла́вочье.

По зимѣ въ китаешномъ, по лѣту въ дубленомъ.

За сохой въ сапогахъ, по селу въ лаптяхъ, въ церковь босой

Промѣнялъ тебеньки на войлочки (тебеньки, кожаныя боковыя лопасти у Казачьяго сѣдла).

Пособили нужѣ, да сдѣлали хуже.

Ломоту хромотою исцѣляютъ (отбываютъ).

Чирья вырѣзываетъ, да болячки вставляетъ.

По живому мясу — хоть гладь, хоть скреби (т. е., все больно).

Въ мутные глаза̀ песокъ сыплешь.

Отъ горя бѣжалъ, да въ бѣду попалъ.

Отъ бѣды бѣжалъ, да въ другую попалъ.

Отъ бѣды бѣжалъ, да въ яму (омутъ, пропасть) попалъ.

Изъ огня, да въ воду (въ полымя).

Изъ поповъ, да въ дьяконы.

Изъ сапогъ, да въ лапти. Переобуться, переобуть кого изъ сапогъ въ лапти.

Изъ хомута, да въ шлейку. Изъ хомута въ ярмо.

Изъ короба въ крошни, изъ терема въ овинъ.

Изъ кобылъ, да въ клячи.

Отняли хорошее, да жалуютъ худымъ.

Соколъ съ мѣста, а ворона на мѣсто.

Хороша бы хлѣбъ-соль, да однѣ корочки.

Славна Николавна, только подслѣповата. Ѳедо̀ра, да чортъ ей радъ.

Кто ее возметъ (невѣсту, или кто купитъ эту лошадь, или корову)? Развѣ изза Вѣдомши, не вѣдавши (село Вѣдомша въ Заболотьѣ, Переясл. уѣзд.).

Выбираешь выборыши, а выберешь оборыши (обмѣныши).

Эти оборыши лучше выборышей.

Одинъ одного лучше (одинъ одного хуже). Словно на подборъ.

Пѣнку снять. Ужъ пѣнки сняты. Съ этого добра пѣнки не сымешь.

Взойдетъ красно солнце — прощай свѣтелъ мѣсяцъ!

Таки-сяки вареничи, а все лучше галушекъ (Южн.).

Малашка Акульку не выпередитъ.

Бываютъ и квартиры хуже лагеря (солд.).

И криво, и косо, и нá сторону. Фикъ-фокъ, на одинъ бокъ.

Пошлò — какъ кривое колесо.

Добредетъ какъ Ханъ до Крыма (т. е., разбитый въ набѣгѣ).

Поскрыпитъ, да дойдетъ; а не дойдетъ, такъ докатится.

Сзади, — Христа ради.

Какъ гнилой пень, подъ заступъ глядитъ.

Стрень-брень, стрынь-брынь (всякая дрянь, хламъ).

Не ахти мнѣ (т. е., не слишкомъ хорошо). Изъ рукъ вонъ (дурно).

Вещь вещи (дѣло дѣлу) рознь, а иную (а иное) — хоть брось.

Вали Кострому въ Волгу (память язычества: Кострома — чучело).

Камень — не угодье, песъ — не баранъ.

Поешь хорошо, а перестанешь — еще лучше.

Умный бы ты былъ человѣкъ, — кабы не дуракъ.

Похулить — грѣхъ, а похвалить — Богъ убьетъ.

Между слѣпыми и кривой король. Промежъ слѣпыхъ и кривой въ чести.

Не у дѣтей (не при дѣтяхъ, у бездѣтныхъ) и сидни въ честь. (Переиначена: не у дѣтей — т. е., у разумныхъ людей — и сѣдни въ чести).

На безрыбьи и ракъ рыба. Въ полѣ — и жукъ мясо.

И у жука рогъ, да пѣтушьяго бодня не стóитъ.

Ворона совѣ не оборона.

И то зубы, что кисель ѣдятъ.

Товаръ сгнилъ, такъ и хозяину не милъ.

Сýрово, не гладко, и смотрѣть на него гадко.

У нашей свахи всѣ невѣсты непряхи.

Вашъ колоколъ, хоть разбей его объ уголъ. Данъ попу колоколъ, хоть разбей его объ уголъ.

Цѣлешенекъ, какъ колокольчикъ.

Эта мельница — только чорту табакъ молоть.

Не мельница, а мутовка. Молоть не мелетъ, а только воду мутитъ.

Отъ твоего бобра никому нѣтъ добра.

Онъ и весь-то пять рублевъ. Его и всего-то за пять рублевъ купить.

За него рубль дать — передать.

За него грошъ дать — не додать, а два дать — передать.

Прибавка, что на четвертый калачъ.

Даромъ даютъ, да и съ придачей не берутъ.

Даромъ не берутъ, придачи дать не хочется.

Онъ изъ такихъ, что по 13-ти на дюжину кладутъ, да и то не берутъ.

По 13-ти на дюжину, да грошъ придачи.

Всѣхъ въ одинъ кулакъ сожми, такъ только то и выжмешь, что съѣдено.

Съ борку, да съ сошки (да съ сосенки).

Оба лучше. Обо̀е рябо̀е. Оба похуже.

Одинъ не годится, другой хоть брось, третій маленько похуже обоихъ.

Пригожествомъ свинья, умомъ надолба приворотная.

Нашъ Тарасъ не хуже васъ.

Леонъ — не Леонъ, а изъ ряду не вонъ.

Не сто́итъ мизинца его. Не сто́итъ подметокъ его; въ подметки ему не годится.

Ты не достоинъ послушать его краемъ уха.

Ни ро̀сту, ни дородства, ни видѣнья.

Лучшихъ нѣтъ, такъ хорошъ и этотъ.

Всѣ мы не годимся, а всѣ на свѣтѣ живемъ.

Людямъ не годимся, а Богу всѣ годимся.

Пошла старуха за молодуху. За маркитанта и блинникъ.

Въ коляскѣ тряско, въ саняхъ валко: ѣхать въ телегѣ.

Не ходи плясать кузовкомъ, ходи ребромъ!

Не гляди на меня комомъ, гляди розсыпью!

Хорошо на хорошо — ровно медъ съ калачемъ; а худо на худо — ровно съ похмелья батожьемъ.

Дядя Трифонъ — съ неба спиханъ.

У нашего Филата спина горбата. Что старый грибъ на болотѣ.

Хорошъ: кабы чуть получше, никуда бы не годился.

Посадить на лопату, да вынести за хату.

Лыками шитъ. Хуже лапотнаго лыка.

Желѣзнаго гроша не сто́итъ. Ломанаго гроша не сто́итъ.

Выѣденнаго яйца не сто́итъ.

Много въ немъ блохъ. Хорошъ гусь.

Экой сахаръ! Хорошъ сахаръ! Сахаръ медовичъ.

Онъ не туда смотритъ (глядитъ); не тѣмъ смотритъ; не такъ смотритъ.

Перваго десятка, да не первой сотни.

И первой сотни, да не первой тысячи.

Дѣтина добръ: купилъ бы ему гробъ.

Одна душа, и та не хороша. Со всѣмъ приборомъ сатана.

Съ нимъ водиться, что въ крапиву садиться.

Ни съ уха, ни съ рыла. Ни съ очей, ни съ рѣчей.

Ни ухомъ, ни рыломъ, ни очми, ни рѣчми.

Вода не вода, уха не уха.

Хороша у курицы хода, да переломлена (перешибена) нога.

Отъ воро́нъ отстала, а къ павамъ не пристала.

Отъ насъ отшатнулся, а къ вамъ не пришатнулся.

Постился, да въ воду и спустился.

Не годится ни въ мѣхъ, ни въ торока.

Ни сукъ, ни крюкъ, ни каракуля.

Ни везетъ, ни ѣдетъ; ни везетъ, ни погоняетъ.

Ни мычитъ, ни телется.

Ни сытъ, ни голоденъ; ни тепелъ, ни холоденъ.

Все легче, не каждая капля канетъ (сказалъ мужикъ, укрывшись отъ дождя подъ бороною).

Не роди мать — сыра земля (т. е., не дай Богъ)!

Ему бы надо брюшко вспороть, всѣ кишечки перемыть, да межъ двухъ пальчиковъ пропустить (т. е., передѣлать на ново—таковъ онъ негодяй).

Ни въ честь, ни въ славу, ни въ доброе слово.

Ни Богу свѣча, ни чорту ожогъ (кочерга).

Ни песъ, ни хортъ, ни выжлецъ.

Ни къ Богу, ни къ людямъ (не присталъ).

Ни себѣ не гожъ, ни людямъ не пригожъ.

Ни Богу, ни людямъ, ни намъ, мужикамъ.

Ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ.

Ни въ городѣ порукой, ни въ дорогѣ товарищъ, ни въ деревнѣ сосѣдъ.

Жилъ не крестьяниномъ, умеръ не родитель.

Ни въ рай, ни въ муку, ни на среднюю руку.

Живъ былъ — никому не досадилъ; умеръ — кобылу пересадилъ (т. е., тяжело было везти, дороденъ).

Жилъ — ни о чемъ не тужилъ; померъ — и о немъ не тужатъ.

Ни туда, ни сюда Фетинья. Ни Миша, ни Гриша.

Ни съ плечъ, ни на плеча. Ни изъ короба, ни въ коробъ.

Изъ короба нейдетъ, въ коробъ не лѣзетъ, и короба не отдаетъ.

Ни въ хомутъ, ни на козлы.

Ни поскакать, ни поплясать, ни въ дудочку поиграть.

Ни въ дудочку, ни въ сопѣлочку.

Ни въ пиръ, ни въ міръ, ни въ люди.

Ни сшить, ни распороть. Ни шьетъ, ни поретъ.

Ни носитъ, ни броситъ, а волокомъ волочетъ.

Ни складу по складамъ, ни толку по толкамъ.

Шутокъ не шутитъ, а дѣла не дѣлаетъ.

Не чихнетъ, а только морщится.

Съ него, что съ козла — ни шерсти, ни молока.

Идетъ нейдетъ, да и ѣдетъ — не ѣдетъ (т. е., тихо).

Идетъ воевать, да не хочетъ сабли вынимать.

Отъ одного берега отсталъ, а къ другому не присталъ.

Отъ берега отстанешь, къ другому не пристанешь, ни такъ ни сякъ и станешь.

Отъ друга отсталъ, а къ недругу не присталъ.

Отъ своихъ отсталъ, а къ чужимъ не присталъ.

Отъ Русской отстали, а къ Прусской не пристали.

Отъ Русскихъ отсталъ, а къ Нѣмцамъ не присталъ.

Тутъ отшатнулся, а туда не приткнулся.

Отъ чорта отсталъ, а къ людямъ не присталъ.

Помогай Богъ и нашимъ, и вашимъ!

Отъ меня отвелъ, а къ себѣ не привелъ.

Она — ни вдова, ни замужня жена.

Ни то, ни сё. Ни то, ни сё, а чортъ знаетъ что.

Дрянца съ пыльцой.

Ни рыба, ни мясо. Ни пестъ, ни ложка.

Ни рыба, ни мясо — ни кафтанъ, ни ряса.

Ни ракъ, ни рыба. Ни волкъ, ни песъ.

Ни масло, ни кашка; ни квасокъ, ни закваска.

Ни шагу, ни рыси; ни ходу, ни спотычки.

Ни ходы̀, ни ступы̀, ни ходу, ни престу́пу.

Ни ухо, ни рыло; ни съ рожи, ни съ кожи; ни голосомъ, ни волосомъ.

Ни шло, ни ѣхало, ни сѣло, ни пало.

Ни брито, ни стрижено. Ни сѣчетъ, ни па̀ритъ.

Ни мыто, ни катано. Ни катано, ни глажено.

Ни даръ, ни купля.

Ни въ снопъ, ни въ горсть.

Ни туда, ни сюда. Ни тпру, ни ну.

Ни солоно, ни сладко. Ни кисло, ни сладко. Ни сладко, ни горько.

Ни тепло, ни холодно; ни жареное, ни печеное.

Говоритъ въ смятку (ни такъ, ни иначе; ни то, ни сё).

Ни на волка, ни по волкѣ. Ни грѣха, ни спасенья.

Ни душѣ поминовенья, ни тѣлу погребенья.

Пополамъ съ грѣхомъ (такъ и сякъ, кой-какъ).

Ни яманъ, ни якши, ни средней руки (съ Татарск.).

Не скажу я ни добра, ни худа. Ни похулить, ни похвалить.

Середка на половинкѣ. Промежъ того-сего.

Цвѣтъ — масть.

На вкусъ, на цвѣтъ мастера нѣтъ (т. е., такого мастера, который бы однимъ на всѣхъ угодилъ).

Бѣла, какъ колпица, какъ лебедь.

Бѣла, румяна—ровно кровь съ молокомъ.

Бѣлыя ручки чужіе труды любятъ.

Мыло сѣро, да моетъ бѣло.

Черная коровка даетъ бѣлое молочко.

Не краса̀ коровѣ, что часты пестрины.

Бѣлъ, какъ лунь, какъ платъ (полотно, скатерть, полотенце), — какъ стѣна, какъ снѣгъ. Бѣлѣе снѣга бѣлаго.

Рубашка бѣлёнька, да душа черненька.

Свѣтъ бѣлъ, да люди черны.

Черенъ, какъ сажа, какъ уголь, какъ смоль, какъ воронъ, какъ ночь, какъ земля; чернѣе грязи, сажи, угля и пр.

Черный глазъ, карій глазъ — минуй насъ!

Бѣлое — вѣнчальное, черное — печальное.

Черёнъ макъ, да бояре ѣдятъ.

Полюби-ка насъ вчернѣ, а вбѣлѣ-то (вкраснѣ) и всякъ полюбитъ.

Дѣла̀, какъ сажа черны (или: бѣлы̀).

Черныхъ кобелей на бѣло перемывать.

Алъ цвѣтъ милъ на весь свѣтъ. Алый малый—синь кафтанъ.

Красенъ, какъ свекла, какъ кровь, какъ клюква, какъ маковъ цвѣтъ.

Красно поле рожью, а рѣчь ложью (т. е., краснымъ словцомъ).

Рыжій, какъ огонь. Покраснѣлъ, какъ ракъ.

Рыжій да красный — человѣкъ опасный.
Красное солнышко на бѣломъ свѣтѣ черную землю грѣетъ.
Зеленъ, какъ трава. Зеленѣй горькой полыни.
Желтъ, какъ инбирь. Желтѣй желта̀ золота.
Синій, какъ китайка (какъ кумачъ).
Синя пороху во рту не было.
Сѣдой, какъ лунь (птица, родъ ястреба), какъ ковыль, какъ иней.
Казенная краска (трехцвѣтная; или сѣрая, желтая, какъ заборы красятъ).
Краснымъ-краснешенекъ; желтымъ-желтехонекъ, и пр.

Оплошность — расторопность.

На Бога надѣйся, а самъ не плошай (не зѣвай)!
На Бога уповай, да самъ не оплошай!
Веселися, смѣйся, на Бога надѣйся, а самъ не плошись!
Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ!
Коли самъ плохъ, такъ не дастъ и Богъ.
Будешь плохъ, не дастъ и Богъ. Богу молись, а самъ не плошись!
Богу молись, а къ берегу гребись!
Говори: Господи подай, а самъ руками хватай (доставай)!
Чай, примѣчай, куда чайки летятъ (вѣстницы весны и хода рыбы)!
Заломить было вѣтку, да поставить мѣтку.
Слушай дуброва, что лѣсъ говоритъ!
Глупый говоритъ (люди говорятъ) на глумъ, а ты бери на умъ!
Говорятъ на обумъ, а ты бери на умъ!
Кумъ говоритъ на обумъ, а кума̀ бери на умъ!
Кошку бьютъ, а невѣсткѣ навѣтки даютъ.
Помяни рѣпу, чтобъ дали капусты!
Помяни соль, чтобъ дали хлѣба!
Куда покляпо, туда и гни!
Догадка не хуже (дороже, лучше, сто̀итъ) разума.
Умъ безъ догадки — чортъ ли въ немъ.

Была бы догадка, а на Москвѣ денегъ кадка.

Счастье дороже богатырства, а смѣтка обоихъ обманетъ.

Не то смѣтка, что бродитъ; а то смѣтка, что другихъ водитъ.

Парень догадливъ: голову за пазушку положилъ.

На угадъ, по Вятски. Думать хорошо, а отгадать лучше того.

Читать между строкъ (т. е., по догадкамъ).

Не пророкъ, да угадчикъ.

Нечто въ лѣсу трещитъ: волкъ барана тащитъ.

Вотъ моя рука, что изо ржи будетъ мукà.

Понимаешь, такъ понимаешь; а не понимаешь, такъ какъ знаешь.

Держи рыльце огнивцемъ, а глаза буравцомъ.

Води ушами, ворочай глазами!

Сиди высоко, да плюй далеко!

Дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай!

Встать пораньше, да шагнуть подальше.

За добрà ума убраться. Хвать за скобу, шасть за косякъ.

Итти лучше домой, не дождавшись побой.

Чтобъ и здѣсь найти, и тамъ не потерять.

У насъ и нѣтъ, да есть. Нѣтъ, нѣтъ — а все есть.

Кто первѣе, тотъ правѣе. Чья старѣе, та и правѣе.

Кто перебьетъ, тотъ и ведетъ (въ танцахъ).

Добыча ловца не ждетъ (прибавл.: а ловецъ ее поджидаетъ).

Одно дѣло дѣлай, другаго не порть!

Не гляди на ватолу, а гляди подъ ватолу (одѣяло, веретье, рядно, чѣмъ возы покрываютъ).

Пошла выволока (летъ птицы), такъ не зѣвай!

Клюетъ, такъ не зѣвай! Береги горячаго!

Рѣжь, да ѣшь, когда подкладываютъ!

Рѣжь да ѣшь, ломай, да и намъ давай!

Куй желѣзо, пока не остыло (пока кипитъ)!

Чужія собаки дерутся, а свои не зѣвай!

Корыстенъ сонъ, такъ было зачураться.

На счетахъ прокидываешь, такъ рукава засучивай!

На ловца и звѣрь бѣжитъ. Боль врача ищетъ.
Кто зачѣмъ пойдетъ, то и найдетъ.
Что плыветъ, то уди (то бери)!
Кто смѣлъ, два съѣлъ; кто проворенъ, тотъ доволенъ.
Знаетъ про то игуменъ, который звонокъ бубенъ.
Прищуривай, Агашка, на лѣвый глазъ!
Лядюшка Онисимъ, гдѣ твоя Онисья?
Худа та мышь, которая одну только лазею знаетъ.
Мостъ — не великій постъ, можно и объѣхать.
Бей въ рѣшето, когда въ сито не пошло!
Упалъ, такъ вставай! Свой поправкой красенъ (о лошади).
У горя и догадки. Бѣда умъ родитъ.
Не два мѣсяца свѣтятъ, не два солнышка грѣютъ.
Будь примѣтливъ, да не будь извѣтливъ!
Гости на печь глядятъ, видно каши хотятъ.
Это не тѣмъ пахнетъ. Я слышу, чѣмъ это пахнетъ.
Ты съ бородой, да я и самъ съ усамъ.
И мы не въ лѣсу родились, не пенью молились.
И мы не въ уголъ рожей-то, а впередъ.
Мы и сами съ усами. Парень не промахъ.
Лицемъ въ грязь не ударимъ.
Умѣемъ перешерститься: въ будень изнанкой, въ праздникъ лицомъ.
На свои руки топора не уронитъ.
И мы не на руку лапоть обуваемъ.
Онъ на усъ мотаетъ. Не клади ему пальца въ ротъ!
Простъ, а головой объ стѣну не ударитъ.
Онъ тоже не лѣвшой (не лѣвой ногой) сморкается.
Его на кривыхъ оглобляхъ не объѣдешь.
Стой, Ѳомка — не плохъ и Еремка.
За отвѣтомъ за пазуху не полѣзетъ.
За словомъ въ карманъ не ходитъ.
Онъ на всѣ руки. И въ пиръ, и въ міръ.

Хоть на колъ, такъ соколъ. Онъ сквозь жерновъ видитъ.

Наши ребята не вислоняты: идутъ по два въ рядъ, не обьютъ пять.

Рябѣе сусличка, голосистѣе сверчка.

Одинъ на семерыхъ.

Въ немъ есть молодца клокъ. Люблю молодца за обычай.

Легъ — свернулся, а всталъ — встрепенулся (встряхнулся).

Ходи — не шатайся, говори — не заикайся, ѣшь — не объѣдайся, стой — не качайся!

Знай смѣтку — умирай скорчась!

Прямой напорется, кривой пройдетъ.

Для того кузнецъ клещи куетъ, чтобы рукъ не ожечь.

Чортъ Ваньку не обманетъ: Ванька самъ про него молитву знаетъ.

Попъ Ваньку не обманетъ, а Ванька попу правды не скажетъ.

Поворачивается, словно добрый воръ на ярмаркѣ.

Какъ основу снуетъ, такъ и ходитъ.

Онъ огонь и воду прошелъ. Онъ прошелъ сквозь мѣдныя трубы.

Это травленая лиса. Онъ ужъ всѣми псами травленъ.

Отъ семи собакъ на распутьи отгрызется.

Лихи зарѣцкія собаки, а наша одна отъ семерыхъ отъѣлась.

Онъ и мертвый изъ петли вывернется.

Онъ изъ мертвой петли вывернется.

Стоя ѣдетъ, семерыхъ везетъ. Онъ стоя ѣдетъ, ноги везетъ.

Какъ коза, на кровлю мостится.

Какъ Брянская коза вверхъ глядитъ.

Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ.

Что не ошибся, то не ошибся. Что такъ, то такъ; что знаю, то знаю.

Ѳома не безъ ума, Ерема не безъ промыслу.

Ты воровать, а я узловать.

Не силой борятся, а сноровкой (а умѣньемъ)

Не тотъ борецъ, что поборолъ, а тотъ, что вывернулся.

Находчивъ парень: на крутую кашу распоясался.

Подай палецъ, а за руку и самъ возьму.

Мнѣ дай только присѣсть на̀ возъ, а но̀ги и самъ подберу.

То-то собачій носъ: лишь чарку на подносъ, а его лукавый и принесъ.

Знать, гдѣ раки зимуютъ.

Плохо не клади, въ грѣхъ не вводи!

Чужаго не тронь, да и своего плохо не клади!

Коли не станетъ, такъ зубомъ натянетъ.

Въ старое гнѣздо стойку ставить — новаго не долбить.

Кто въ карты играетъ, тотъ масть примѣчаетъ.

Онъ и спитъ не жмурится.

Кто горитъ (въ горѣлкахъ), не зѣваетъ.

Я и самъ съ Волги. Здѣсь народъ Волга (т. е., бурлаки, бойкій).

Не считай звѣзды, а гляди въ ноги: чего не найдешь, такъ хоть не упадешь.

Чего не смѣть (не умѣть): киселя доспѣть. Была бы мука̀ да кадушка, а по воду и самъ схожу.

Тутъ и комаръ носу не подточитъ.

Тутъ иглы̀ не подточишь (не подобьешь).

Незнайка на печи сидитъ, а знайку на веревочкѣ ведутъ.

Незнайка дома сидитъ, знайку (свидѣтеля) въ судъ ведутъ.

Ходитъ, будто три дня не ѣвши.

Сидитъ, какъ курица на яйцахъ. Сидячаго Татары берутъ.

Развѣсить уши. Хлопать ушами.

Растопырь пальцы пошире (т. е., зѣвай)!

Что глядишь, аль къ себѣ манишь?

Туда, сюда, взадъ да впередъ, въ бокъ, да въ другой и пр.

Поешь по строкамъ, такъ не гляди по сторонамъ!

Ему на боку дыру вертятъ, а онъ: ха, ха!

Поворачивается, какъ исподній жерновъ.

Не поворотливъ, какъ медвѣдь, какъ колода, чурбанъ, пень и пр.

Что ступитъ, то и стукнетъ. Что слово, то комъ.

Посторонись, вѣдь ты не просвирнинъ сынъ: сквозь тебя не видно.

Идетъ, какъ слѣпой по пряслу (по изгородѣ).

Ползетъ, какъ ракъ. Черепахой ѣдетъ.

Зацѣпился за пень, да и стои́тъ день.
Пошелъ по вязьё, да и самъ увязнулъ.
Хорошо бы тебя по смерть посылать.
Желаетъ, а руки поджимаетъ.
Куда ворона летитъ, туда и глядитъ.
Всякому по калачу, а зѣвакамъ по зѣвку.
Всякому по толчку, а зѣвакамъ по два.
Много чаешь, да ничего не знаешь.
Плохъ соколъ, что на воронье мѣсто сѣлъ.
Кобылка бѣжитъ, а Ивашка лежитъ.
Спи, государь денежки пришлетъ.
Сиди на печи: царь казны̀ вышлетъ.
Что виситъ, то только и теребитъ.
Прощай, развозжай: розиня поѣхала.
Подъ лѣсомъ видитъ, а подъ носомъ не видитъ.
Зиня, не ходи розинеи!
Кто поздно ходитъ, самъ себѣ шкодитъ (Бѣлоруск.)
Меньше жмурься, такъ больше увидишь.
Моргачу кости (зѣвакѣ, опоздавшему).
Свищи въ кулакъ, такъ и будетъ такъ.
Ввалился, какъ мышь въ коробъ.
Ѣхалъ прямо, да попалъ въ яму.
Поправился — съ печи на̀ лобъ.
Влѣзъ, что въ морду (вентеръ): ни взадъ, ни впередъ.
Ладила баба въ Ладогу, а попала въ Тихвинъ.
Чортъ понесъ, не помазавши колесъ.
Чортъ (песъ) ли несъ, на худой на мостъ.
Погналъ лѣсъ розсыпью, такъ не плачься недочету.
Лапти плетешь, а концовъ хоронить не умѣешь.
Грудь на распашку, языкъ на плечо.
Ротъ на опашку, языкъ на отмашку.
Не твоимъ рыломъ мышей ловить.
Крадетъ, а концовъ хоронить не умѣетъ.

Молодецъ противъ овецъ, а на молодца — и самъ овца.

Паршивому поросенку и въ Петровки морозъ.

Плохое порося и въ Петровки зябнетъ.

Подыми брови-то: салазки ѣдутъ.

Подыми брови-тѣ: разсвѣло. Смотри, губы не пристегни!

Подбери губы-тѣ: городничій ѣдетъ.

Дай, Боже, (удалось) нашему теляти волка поймати!

Мокрая (слѣпая) курица. Смирнѣе теленка.

Его одинъ лѣнивый не бьетъ.

Его накрыли мокрымъ рядномъ. Попалъ въ просакъ.

Во снѣ видѣлъ, да на яву прозѣвалъ.

Видѣлъ Татаринъ во снѣ кисель, такъ не было ложки; легъ спать съ ложкой — не видалъ киселя.

Проскочило сквозь пальцы.

Забрелъ въ заманиху (т. е., за косу, за подводную отмель; Волжск.).

Натянулъ туго, да намѣтилъ худо.

За лѣсомъ видитъ, а подъ лѣсомъ нѣтъ (а подъ носомъ не видитъ).

Туда бы глядѣлъ, куда рой полетѣлъ.

Лѣсомъ шелъ, а дровъ не видалъ.

Чурило — свиное рыло: по лѣсу ходитъ, дровъ не найдетъ.

Фалалей — не нашелъ въ избѣ дверей.

Эхъ, Кирей, не нашелъ ты дверей!

Смотритъ въ книгу, а видитъ фигу.

Сапожникъ всегда безъ сапоговъ.

Портной безъ портовъ, сапожникъ безъ сапоговъ.

Захотѣлъ у калачника дрождей!

Санникъ, да колесникъ (телѣжникъ), а выѣхать не на чемъ.

При этомъ огнѣ семь шатровъ Цыганъ вымерзло (говорятъ, когда кто долго огня не вырубитъ).

Самъ сёмъ сойдутся, огня не вырубятъ.

Другъ всѣмъ Макарамъ (т. е., Рязанск. рыболовамъ), а ухи не видалъ.

Яганова пушка своихъ побиваетъ (у Витовта, при осадѣ Порхова 1431 г., разорвало большую пушку).

Своя своихъ не познаша. Севастьянъ—не узналъ своихъ крестьянъ.

Бей своихъ, чужіе бояться будутъ.

Вѣтры дули — шапку сдули; кафтанъ сняли, рукавицы сами спали.

Якимъ простота: рукавицы за̀ поясомъ, а другихъ ищетъ.

Емеля — простота! Хвать, похвать, нѣтъ рукавицъ: а онѣ у него за поясомъ.

Чухломскій рукосуй: рукавицъ ищетъ, а онѣ за̀ поясомъ.

Шутъ Мартынъ: рукавицъ ищетъ, а двои за поясомъ торчатъ.

Долго шарили, а головню оставили.

Вотъ спохватился, вѣдь и я не вчера родился.

Попалъ — пальцемъ въ небо (прибавл.: въ самую середку).

На этой масти не выѣдешь. Этою выступкой не спляшешь.

Дуй бѣлку въ хвостъ, пока топорщится (пока вертится).

Хватился Малахъ, анъ пусто въ головахъ!

Хватился монахъ, когда смерть въ головахъ.

Хватился шапки, какъ головы не стало.

Овчинку сняли, а хозяева спали.

Цѣлы ль сани, а лошади пропали.

Цѣла ль голова, а шапку Богъ дастъ.

И гость не слыхалъ, какъ хозяинъ вздыхалъ.

И гости не знали, какъ хозяина связали.

Дѣдушка не зналъ, какъ внукъ корову укралъ; дѣдушка спалъ, а внукъ и кожу снялъ.

Нашъ инвалидъ и безъ пороху палитъ.

Хоть голъ, да исправенъ (отъ извѣстн. анекд.).

Солдатъ безъ ружья — тотъ же баранъ.

Солдатъ безъ шпаги — хуже бабы

Въ строю стоять, такъ по ружью держать.

Постой, Татаринъ — дай саблю вынуть (или: отточить)!

Кто йдетъ! говори, убью: не дай домой за ружьемъ сбѣгать!

Погоди, не роди: дай по бабушку сходить!

За хвостъ не удержаться, коли гриву упустилъ.

Не держался за гриву, а за хвостъ не удержишься.

Въ зубахъ не удержалъ, а въ губахъ не удержишь.

Возжи упустишь, не скоро изловишь.

Не возмешь дойкой, не возмешь и нацѣдкой.

Тѣмъ не подспоришь, что пожиже растворишь (на замѣсъ больше пойдетъ).

Прозѣвалъ, такъ облизня взялъ. Позднему гостю — кости.

Прогуляешь (прозѣваешь), такъ и воду хлебаешь.

Проспалъ, прогулялъ, — на кашеварѣ не спрашивай!

Не осудишь — и лапшицу удишь; а прозѣваешь — и кашицу хлебаешь.

Не осуди на лапшицѣ: а ушица въ водицѣ (т. е., рыба).

Назѣваешься, такъ и воды нахлебаешься.

Что къ сосѣду на дворъ упало, то пропало. Что съ возу упало, то пропало.

Окоротишь, такъ не воротишь. Кроенаго не перекроишь.

Не купи лошади слѣпой, такъ не споткнется ногой.

Каково приспѣла, таково и съѣла. Каково посадила, таково и вынула.

Каково испекла, таково и подала. Какъ замѣшалъ, такъ и выхлебай!

Продешевилъ, такъ не купецъ (такъ карманомъ доплатилъ).

Чего не досмотришь, то доплатишь.

Прочапилъ (пролилъ), такъ собакѣ корысть.

Пропили воеводы Вологду (когда Поляки въ расплохъ ее взяли).

Хватилъ шиломъ патоки. Шиломъ моря не нагрѣешь.

Купилъ мужикъ корову, привелъ домой, сталъ доить: анъ быкъ; да такъ и быть.

Сбилъ, сколотилъ — вотъ колесо; сѣлъ, да поѣхалъ — ахъ хорошо! Оглянулся назадъ, однѣ спицы лежатъ (оглянулся назадъ — нѣтъ ничего).

Вымѣнялъ кукушку на ястреба. Промѣнялъ сапоги на лапти.

Хватилась Настя (хватились Насти), когда ворота настежъ.

Гость по гостю, а ложки не мыты.

Застала зима въ лѣтнемъ платьѣ: а мы чаяли, и зимы не будетъ.

Подкрались будни подъ праздникъ, застали спохмелья.

66

Подкрала (исплошила) Софона Великая суббота.
Хвать похвать, анъ нечего взять.
Хвать въ карманъ, анъ дыра въ горсти.
На покляпое дерево и козы скачутъ.
Плохъ соколъ, что ворȯна съ мѣста сбила.
На то щука, чтобъ карась не дремалъ.
Держи руками! Бери въ обѣ руки!
Къ сонному попу на исповѣдь не ходятъ.
Говоритъ, какъ спитъ. Говоритъ, что на себя грезитъ.
Не привыкать човукать (кувыкать, ковылять).
Жить заднимъ умомъ (т. е., сперва сдѣлать, а послѣ подумать).
Кабы знать, гдѣ упасть, такъ бы соломки подостлалъ.
Кабы знать да вѣдать, гдѣ нынѣ обѣдать.
Послѣ обѣда и Ляхъ мудеръ (т. е , сытый).
Когда бъ Цыгану тотъ разумъ напереди, что у мужика назади.
Кайка-то есть, да воротьки-то нѣту.
Авось, да небось, да какъ нибудь.
Кто авосьничаетъ, тотъ и постничаетъ (голодаетъ).
Съ авосьникомъ нė хотя согрѣшишь (или: попадешь въ бѣду).
Авось да небось доводятъ до того, что хоть брось.
Авоськалъ, авоськалъ, да и доавоськался.
Авоська веревку вьетъ, небоська петлю накидываетъ.
Спола-горя. Очертя голову. Спола-горя — своя воля.
На смирнаго Богъ нанесетъ, а рѣзвый самъ набѣжитъ.
На смирнаго Богъ бѣду шлетъ, а бойкій самъ наскочитъ.
Дока на доку напалъ.
Это что-то не спроста. Что-то не даромъ. Что нибудь да значитъ.
Кому невдомекъ, тотъ добрый человѣкъ.
Мнѣ и невдомекъ, что ты добрый человѣкъ.
Выть тебѣ волкомъ за свою овечью простоту.
Не прикидывайся овцою: волкъ съѣстъ.
Стать овцою — волки найдутся.
Закинуть обиняка. Заѣхать околицею.

Говорить, такъ договаривать, а не договаривать, такъ лучше не говорить.

Бить, такъ бить; а не бить, такъ нечего и рукъ марать.

Бить, такъ добивать; а не добивать, такъ и не почипать.

Гдѣ во̀локомъ, гдѣ переносомъ.

Мало штыка, такъ дадимъ приклада.

Не ловокъ штыкъ, такъ впередъ прикладъ.

Либо слушать, либо ничего не слышать.

Вахромѣй, разумѣй: кого корятъ, а тебѣ въ глаза говорятъ.

Вамъ поютъ, а намъ навѣтки даютъ.

Бѣглому одна доро̀га, а погонщикамъ сто.

Не жареное — не пахнетъ. Не собачій носъ, не услышишь.

Не уга̀нешь (не угадаешь), гдѣ упадешь, гдѣ утонешь.

Хозяинъ не заплачетъ, гостей не расжалобитъ.

Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ?

Надъ грѣхомъ старосты нѣтъ (а надъ старостой грѣхъ живетъ).

На грѣхъ мастера нѣтъ (а на бѣду и курица пѣтухомъ споетъ).

На всякій часъ ума не напасешься.

Разъ маху дашь — годъ не справишься.

На часъ ума не стало, а на вѣкъ въ дураки попалъ.

На всякаго мудреца довольно простоты.

Кто не пишетъ, тотъ не описывается (не записывается).

И на старуху бываетъ проруха. Живетъ и на старуху проруха.

На (не) всякое ремесло по злыднямъ.

И на Машку живетъ промашка. Живетъ и на Машку промашка.

И на молодца оплохъ (расплохъ) живетъ.

На кого проговоръ (оплохъ, расплохъ, промашка) не живетъ?

Безъ притчи вѣку не изживешь.

Доро̀гой идешь, и то споткнешься.

Самъ Абрамъ дался въ обманъ.

И на добра коня спотычка живетъ.

И плавной рысакъ ину пору съ ноги сбивается.

Рысаку цѣна тысяча рублей, а за сбой поруки нѣтъ.

Конь о четырехъ ногахъ, да (да и тотъ) спотыкается.

Нѣтъ такой лошади, чтобы не спотыкалась.

На грѣхъ и курица свиснетъ (кашлянетъ).

Кто бѣжитъ, тотъ и спотыкается.

Вѣкъ живучи, спотыкнешься идучи.

Не ошибается тотъ, кто ничего ни дѣлаетъ: а кто дѣлаетъ—ошибается.

Кто не пашетъ, у того и огрѣховъ нѣтъ.

Огонь безъ дыму, человѣкъ безъ ошибки (безъ грѣха) не бываетъ.

Нѣтъ такого дерева, на которое бы птица не садилась.

Другимъ дивились, а сами на льду обломились.

И въ солнцѣ есть пятна. И солнце не безъ пятенъ (переводн.).

На одну ногу храмлетъ. Кто не прихрамывалъ?

Заикнулся, что споткнулся. Недоговорка — спотычка.

Попасть въ просакъ. Дать маху. Дать зѣвка, зѣвуна.

Не опознавшись, обознаешься.

Маха дашь, такъ годъ не справишься.

Не тетеревъ (иное дѣло): по промаху не усидитъ.

Зашелъ я не съ тѣхъ улицъ: обобралъ бы всѣхъ курицъ.

Не умѣлъ играть яйцомъ (комомъ), играй желвакомъ.

Ошибка въ фальшь не ставится.

Не всяко лыко въ строку. Не все лыкомъ, да въ строку.

Умѣлъ ошибиться, умѣй и поправиться.

Упалъ, такъ цѣлуй мать сыру землю, да становись на̀ ноги!

Держи ухо остро! Ушки на макушкѣ.

Слушай ухомъ, а не брюхомъ! Аль ты уши отсидѣлъ?

Онъ однимъ только ухомъ слушаетъ.

Онъ только краемъ уха слушаетъ.

Въ одно ухо слушаетъ, въ другое выпускаетъ.

Въ одно ухо впустилъ, въ другое выпустилъ.

Не слушалъ начала, такъ жди конца (говор. перебивающему разсказъ).

Мудрый слышитъ въ полслова.

Умный попъ хоть губами шевели, а мы грѣшные догадываемся.

Чего глухой не дослышитъ, самъ догадается.

Для (про) глухаго двухъ обѣденъ не служатъ. Про глухаго не двѣ обѣдни служить.

Про глухаго попа, не разбить колокола̀.

Протри себѣ глаза! Возми глаза въ зубы (въ руки)!

Одно око, да видитъ далеко. Кривой видитъ и однимъ глазомъ.

Слѣпой хоть ощупью, да бродитъ; а зря, и зрячій спотыкается.

Не вѣрь брату родному, вѣрь своему глазу кривому!

Глаженый лучше хваленаго (т. е., смотреный конь, котораго самъ рукою ощупалъ, гладилъ).

Свой глазъ лучше чужаго нахвалу.

Нашъ Демидъ прямо глядитъ (или: не туда глядитъ).

Два Демида, а оба не видятъ.

Глаза — какъ плошки, а не видятъ ни крошки.

Глядитъ, какъ въ рѣшето (какъ въ пальцы).

Глядитъ, ровно смотритъ, а все мимо.

И хлопаетъ глазами, и разсуждаетъ руками, а все не впрокъ.

Глядѣть глядимъ, а видѣть, ничего не видимъ.

Гляди въ оба, зри въ три (а придетъ пора, наглядишься и въ полтора).

Гляди въ два, а не въ полтора!

Однимъ глазомъ спи, а другимъ стереги!

У него глаза въ затылкѣ. Пальцы растопырилъ, а уши развѣсилъ.

Чѣмъ пальцы топырить, такъ бы уши насторожилъ.

Журавль летаетъ высоко, да видитъ далеко.

Гость немного гоститъ, да много видитъ.

Умному намекъ, глупому толчекъ.

Кому перстомъ киваютъ, а намъ всѣмъ глазомъ (въ два глаза) мигаютъ.

Одному глазкомъ мигни, другаго дубинкой толкни (или: подъ бока толкни)!

Кому глазкомъ мигаютъ, а намъ руками машутъ.

Одному мигнулъ, другому кивнулъ, а третій самъ догадывайся (или: самъ догадался)!

Знаешь счетъ, такъ и самъ сочтешь.

Самъ смекни, по чемъ снетки, по томъ и маленька рыбка.

Самъ смекай, гдѣ берегъ, гдѣ край!

Ты только свисни, а я и самъ смыслю.

Умному свисни, а онъ ужъ и смыслитъ.

Разумный только свиснетъ, а кто догадливъ, смыслитъ.

Глупый только свиснетъ, а умный ужъ и смыслитъ.

Всякая слѣпая про себя смекаетъ.

Твой намекъ мнѣ не вдомекъ.

Я тебѣ челомъ, а ужъ ты знаешь о чемъ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

Не оставляй назавтра дѣла, а оставляй хлѣба.

Не покидай въ запасъ дѣла, а покидай въ запасъ хлѣба!

Помни ребята: рожь не жата, а овесъ не кошенъ.

Мужикъ хлопочетъ, себѣ добра хочетъ.

Всякій человѣкъ впередъ смотритъ.

На свой пай самъ промышляй!

Работы безъ заботы нѣтъ; а забота и безъ работы живетъ.

Всякій уходъ не живетъ безъ заботъ (безъ хлопотъ).

Легко — да заботно, измаитъ пуще лому (тяжелой работы).

Торговая баня всѣхъ моетъ, а сама вся въ грязи.

Любить — хоть не люби, да почаще взглядывай!

Мойся бѣленько, гости близенько!

Кто до денегъ охочъ, тотъ не спитъ и ночь.

Доходъ не живетъ безъ хлопотъ.

Самъ мокнетъ, такъ конь сохнетъ.

Хорошо смазалъ, хорошо и поѣхалъ.

Табориться, не съ тороками кориться (т. е., держи сбрую исправну).

Не въ петлю лѣзть, что нечего ѣсть; а лучше погадать, какъ вѣкъ коротать (гдѣ что достать).

Что припасешь, то и на столъ понесешь.

Лежа пищи не добудешь. Не печь кормитъ, а нивка.

Дремалъ, дремалъ, да и выдремалъ.

Не собравъ клёпокъ, не собьешь и бочки.

Безъ ладовъ и ведра не соберешь.

Кто любитъ медъ, заводи пчелъ!

Себя покоить — дому не пристроить.

Хлопотъ полонъ ротъ, а перекусить нечего

У Сидора попа̀ не одна хлопота̀ (дочь пристроить, да жену уберечь).

Не уно̀сится, какъ курица (какъ пава) съ яйцомъ.

Носится, какъ кошка съ котятами.

Какъ боярыня передъ мыльнею (хлопочетъ).

Баба скачетъ и задомъ, и передомъ, а дѣло идетъ своимъ чередомъ

Не загадывай въ годъ, а загадывай въ ротъ!

Умъ есть, какъ бы сладко съѣсть; а надо потужить, какъ бы пожить.

День мой — вѣкъ мой, а недѣля — и весь животъ.

Дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ. Дѣло не соколъ, не улетитъ.

Дѣло (забота) — не ворона: не каркнетъ, а скажется.

Сѣй рожь, а греча — не печа (не забота).

Не вѣкъ вѣковать, одну ночь ночевать.

Лягъ опочинься, ни о чемъ не кручинься.

Дорожный ночлега съ собою неноситъ (не возитъ).

Всякому нуженъ (гробъ), да никто на себя не строитъ.

Лишній сборъ, лишняя и склока.

Сорочѝ не сорочи, а безъ рубля будешь (о безтолковомъ бабьемъ счетѣ, со̀роками).

Далъ Богъ ротикъ, дастъ и кусочекъ.

День пришелъ, такъ и ѣсть принесъ; день прошелъ, заботу унесъ.

Птица ни сѣетъ, ни оретъ, а сыта живетъ.

По (про, на) нашъ вѣкъ будетъ.

По нашъ вѣкъ будетъ; а дѣти будутъ, сами добудутъ.

Будетъ съ насъ, не дѣти у насъ; а дѣти будутъ, сами добудутъ.

У неряхи, да непряхи, нѣтъ и путной рубахи.

Видно непряха, коли утла рубаха.

Какъ медвѣдь въ лѣсу дуги гнетъ.

Гнетъ — не паритъ, переломитъ — не тужитъ.

Намъ бы съ рукъ, а съ ногъ — хоть собаки тащи (гложи)!

Мнѣ бы съ плечъ долой, а съ рукъ и самъ стряхну.

День да ночь — и сутки прочь; такъ и отваливаемъ.

Была корова — такъ чортъ бы ее midралъ: а издохла, такъ и къ молоку добра была.

Ему все ничего; ему все ни по чемъ.

Мнѣ все трынъ-трава; все щавель-дудка.

Онъ себѣ и ухомъ не ведетъ. И въ усъ себѣ не дуетъ.

Спустя рукава, какъ ни попало.

Живи, Устя, рукава спустя.

Пошла стряпня, рукава стряхня.

Онъ и рукой махнулъ. Махни рукой (т. е., пусть такъ будетъ)!

Махни рукой, да ступай домой! Покинь молотило, возми дудку!

Положь да покинь, не замай лежитъ.

Веселая голова живетъ спустя рукава.

Нашъ Антонъ не горюетъ (не тужитъ) о томъ.

Какъ Богу угодно Какъ (что) будетъ, такъ (то) и будетъ.

На людей надѣется, какъ на Бога; а на себя, какъ на чорта (о беззаботномъ).

За чужой головою сполагоря жить.

Руки подъ голову — заботливый спитъ (повѣрье)

Не велика бы напасть, да спать не дастъ.

Ни сонъ, ни ѣда, на умъ нейдутъ. Отбило ото сна, отъ ѣды.

Подумаешь умомъ — и головушка кругомъ. Голова кругомъ идетъ.

День деньской — какъ за языкъ повѣшеный (т. е., или кричитъ или суетится).

Таскаютъ, что повивальную бабку.

Что исхудалъ? самъ лежалъ, аль надъ болью сидѣлъ?

На нашу семью хлѣба не наямишься (не напасешься).

Плохо молиться, какъ на умѣ двоится (т. е., коли заботно).

Спокойной ночи, спать до полночи, вытаращивъ очи.

Больше знать, такъ меньше спать. Много знать — мало спать.

Много знать—скоро состарѣться. Дѣдушка много зналъ, да померъ.

Подъ лежачій камень (подъ лежачую колоду) и вода не течетъ.

Спи да лежи, съ богатствомъ сиди, а сердце чуетъ, что въ нищихъ быть.

Спи да лежи, Государь денежки пришлетъ; а не пришлетъ, такъ и насъ не сыщетъ (т. е., не будешь въ отвѣтѣ).

Пристроила дѣтей: одного по міру пустила, другаго въ науку отдала — свинопасу.

Что намъ хлѣбъ! были бы пироги.

Въ среду съѣдимъ, такъ въ четвергъ не глядимъ (поглядимъ).

Нынѣ съѣдимъ, завтра поглядимъ, а тамъ — споемъ, да спляшемъ.

Запасъ закромы ломитъ, а пусто — легче.

Много сыпать — задохнется въ закромахъ, а порожнія лучше продуваетъ.

Лысаго чесать, такъ и масла не надо.

Нѣтъ бороды, такъ нечего и стричь (скоблить).

Ладонкой не загородишь (на пр., двора).

Ясли за конемъ не ходятъ. Хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ.

Руки за ложкой не протянешь, такъ не придетъ сама.

Косолапый не кукса, что надо ухватитъ.

Захочетъ коза сѣна — будетъ у воза.

Захотятъ булавокъ — будутъ у нашихъ лавокъ.

Проголодается, такъ самъ догадается.

Многаго захочешь, пораньше съ постели вскочишь.

Лиса рано встаетъ. На печи промысловъ не водятъ.

Изъ семи печей хлѣбы ѣдалъ (т. е., опытенъ).

Не первую волку зиму зимовать. Не первая зима волку зимовать.

Волку зима за обычай. Мошнику (глухарю) вся зима за одну ночь.

Не первый снѣгъ на голову. Соколу лѣсъ не въ диво.

Онъ тутъ свой (дома), какъ Цыганъ на конной.

Его всѣ знаютъ, какъ мѣченый грошъ (какъ щербатую деньгу, какъ рябую собаку, какъ попову собаку).

Не спрашивай стараго, спрашивай бывалаго.

Кто больше бывалъ (видалъ), тому и книги въ руки.

Ни стараго, ни малаго, а середоваго да бывалаго (спрашивай совѣта).

Вы диву дивуетесь, а мы ужъ дивовались.
Поживешь съ мое, не то еще заговоришь.
Отвѣдаешь самъ, повѣришь и намъ.
Поживешь съ мое, да пожуешь съ мое, узнаешь.
Поживи съ наше, да пожуй каши, тогда узнаешь.
Поживешь — увидишь, да и мнѣ скажешь.
Впредь на это ума купи (т. е., цѣною нынѣшней ошибки)!
Впредь тѣ баушка наука: не ходи по внука (не ходи замужъ за внука)!
Бывалые въ людяхъ говорятъ, небывалые дома сидятъ.
Незнайка лежитъ, а знайка бѣжитъ.
Не погнетши пчелъ, меду не ѣсть (не добудешь).
Много муки перенесетъ пшеница до калача.
До кого что не доходило, тотъ того и не знаетъ.
Коли братня смерть не накажетъ, своею ужъ не накажешься.
Что наскучитъ, то и научитъ. Что докучаетъ, то и поучаетъ.
Не околѣло (дитя), такъ наторѣло.
Жгуча крапива родится, да во щахъ уварится.
Иному горе — ученье, иному (глупому) — мученье.
Битому псу только плеть покажи. Битый песъ догадливъ сталъ.
На ухѣ ожегся, такъ на воду подуешь.
Обожжешься на молокѣ, станешь дуть и на воду.
Былъ онъ и въ кольяхъ, и въ мяльяхъ.
Видалъ свѣту, не только что въ окошкѣ.
Не козыристъ парень, да мастистъ (находчивъ, догадливъ).
Кого медвѣдь дралъ, тотъ и пня боится.
Стараго воробья и на мякинѣ не обманешь.
Старая крыса ловушку обходитъ.
Пугана ворона и куста боится. Пуганый звѣрь далеко бѣжитъ.
Убытокъ учитъ нажить прибытокъ.
Мы на томъ стоимъ. Я на этомъ зубы съѣлъ.
Старый воронъ не мимо каркнетъ.
Старый воронъ не каркнетъ даромъ: либо было что, либо будетъ что.
Старый конь борозды не портитъ (т. е., въ сохѣ, при пашнѣ).

Вѣкъ мелетъ, а посыпать не умѣетъ (т. е., сыпать подъ жерновъ).
Вѣкъ играетъ, а ладовъ (а ладу) не знаетъ.
Застарѣлую болѣзнь трудно лечить.
Первую пѣсенку зардѣвшись спѣть (т. е., робѣя).
Ушелъ, не ушелъ, а побѣжать можно.
Попытка не штука (не шутка), а спросъ не бѣда.
Запросъ въ мошну (въ карманъ) не лѣзетъ.
Не испортивъ дѣла, мастеромъ не будешь.
Чѣмъ больше ѣздить, тѣмъ торнѣй дорожка.
Набить руку. Насобачиться, наблошниться (навыкнуть).
Видно пёршину работу: и персты знать.
Первоучка — какъ ни скучкалъ. Первоученка — первомученка.
Молодъ: въ кампаніи не бывалъ (или: въ Саксоніи не бывалъ; солд.).
Въ людяхъ живалъ, свѣту видалъ: топоръ на ногу обувалъ, топорищемъ подпоясывался.
Не бывалъ я тамъ, и не знаю какъ тамъ дверь отворяется.
Въ первый, и дай Богъ въ послѣдній!
Видывали мы виды. Мы на этомъ зубы съѣли.
Стараго лѣсу кочерга. Тертый калачъ. Мозоли на зубахъ.
Мы и сами съ усами. Стара штука (шутка).
Сказывай тому, кто не знаетъ Ѳому, а я родной братъ ему.
Про это и я тебѣ (я и самъ тебѣ) пѣсенку спою.
Не учи сороку въ присядку плясать. Ученаго учить—только портить.
Младъ годами, да старъ бѣдами. Молодъ лѣтами, да старъ дѣлами.
Я и самъ обозженый кирпичъ. Этотъ ловецъ старыхъ овецъ.
Слышали и мы, какъ дубровушка шумитъ.
Это травленый звѣрь (бывалый человѣкъ).
И на конѣ бывалъ, и подъ конемъ бывалъ.
Вездѣ бывалъ: не былъ только у чорта на рогахъ.
У меня ужъ терто полозомъ по шеѣ. Щедровитый оспы не боится.
Кто въ морѣ бывалъ, тотъ лужи не боится.
Былъ на морѣ, былъ и за моремъ. Бывалъ у моря, бывалъ и за моремъ.

Запасъ.

Хлѣбъ въ пути не тягость. Запасъ мѣшку не порча.

Лишняя денежка карману не тяга.

Лишняя деньга не продеретъ кармана.

Подпоръ сѣна не сгноитъ. Подпора сѣна (корму) не проситъ.

Зародомъ (скирдой) мыши не задавитъ.

Паси сѣно не для зимы, для отзимка (или: позимка, т. е., для холодной, суровой весны).

Поѣзжай на недѣлю, а хлѣба бери на двѣ!

Ѣдешь на день, бери хлѣба на недѣлю.

Помни мостъ да перевозъ (о мытахъ: бери про запасъ деньгу въ путь).

Хлѣбъ-соль, да камень за пазухой, носи.

Въ вёдро епанчу возятъ, а въ дождь (въ ненастье) и сама ѣдетъ.

Въ дождь избы не кроютъ, а въ вёдро и сама не каплетъ.

Калачъ брось въ островъ, назадъ пойдешь — возмешь.

Кинь калачъ на̀ лѣсъ (за̀ лѣсъ), назадъ пойдешь — найдешь.

Кинь хлѣбъ-соль назади, очутится впереди.

Кинь добро назади, очутится напереди.

Брось назади, оно станетъ впереди.

Кинь за собою, найдешь передъ собою.

Кинь передъ собою, найдешь за собою (эти послов. говорятся о запасѣ и объ одолженіи, услугѣ).

Дальше спрячешь, скорѣе (ближе) найдешь.

Положи далеко, возмешь близко (т. е., спрячь).

Подальше положишь, поближе возмешь.

Что глубже сѣмя схоронится, то лучше уродится.

Не плюй въ колодезь: случится напиться.

Не плюй въ водицу: пригодится напиться.

Что припасешь, то и сосешь.

И медвѣдь изъ запасу лапу сосетъ.

Гдѣ положилъ, тутъ и выворожилъ.

Не паси дѣла, паси хлѣба (т. е., дѣла въ запасъ не покидай)!

Покидай на утро хлѣба, не покидай на утро дѣла!

Надо хлѣба и на послѣ обѣда.

Отъ добраго обѣда и къ ужину останется.

Не гложи костей, береги для гостей!

Ѣшь пироги, а хлѣбъ впередъ береги!

Блюди хлѣбъ про ѣду, а копейку про бѣду.

Не худо, что просвира въ полпуда.

Великъ сапогъ — на ногѣ; малъ — подъ лавкой (о запасѣ, излишкѣ).

Добрый портной съ запасомъ шьетъ.

Припасай клюку, пока не сгорбило въ дугу!

Запасливый лучше богатаго.

Запасъ мѣшка не деретъ. Запасъ бѣды не чинитъ.

Сума нищему не помѣха.

Въ доброй порядкѣ (хозяйствѣ) не въ торгъ, а въ клѣть (ступай).

Въ запасъ не наглядишься (т. е., глядѣть все снова хочется, на то, что любо, мило).

Пусть не будетъ муки въ закромѣ, не переводился бы печеный хлѣбъ.

Люблю дружка: укуся пирожка, да въ запазушку.

Укусивъ пирожка, да въ пазушку — помяни Богъ бабушку!

Запасливый нужды не терпитъ (не знаетъ).

Запасливый гость безъ ложки не ходитъ (а бурлакъ ее на шляпѣ носитъ).

Бѣлая деньга про черный день. Залилъ за шкурку сала (запасся).

Припасти себѣ калиточку (лазейку).

Плоха мышь, что одинъ только лазъ (одну лазею) знаетъ.

У молодца—не безъ долотца. Есть и шильце, и мыльце, и брильце.

У Варвары все въ карманѣ (о запасливомъ человѣкѣ).

За чѣмъ домой, какъ все съ собой?

Пришелъ Спасъ — держи рукавички про запасъ!

Время времени не работаетъ (т. е., каждому дню свой трудъ).

Годъ на годъ (время на время) не работникъ (т. е., запасай все вновь).

Зимою сгожается (пригожается), что лѣтомъ урожается.

Не будь въ осень тороватъ, будь къ веснѣ богатъ.

Не выливай помоевъ, не подготовивъ чистой воды!

Это запасная спица (т. е., пригодится, береги).

Не запасшись лыкомъ, ходить въ ошметкахъ.

Есть шило, да въ сумѣ. Есть медокъ, да засѣченъ въ ледокъ.

Пришлось на печи сидѣть сватьѣ: застала зима въ лѣтнемъ платьѣ.

Хлѣба до обѣда, а щей до ужина (достало).

Всякаго нѣта запасено съ лѣта.

Раздумье — рѣшимость.

Ни да, ни нѣтъ; ни туда, ни сюда; ни туда, ни оттуда; ни то, ни се; ни такъ, ни сякъ, ни этакъ.

Ни вонъ, ни въ избу; ни со двора, ни во дворъ.

Шить ли, бѣлить ли, а завтра великъ-день.

Не то стоя простоять, не то сидя просидѣть, не то лежа пролежать.

Жмется, мнется, переминается. Что-то онъ пожимается.

Что-то онъ будто не туда глядитъ.

Я любить не люблю, отказать не могу (не хочу).

Жаль парня, да не погубить бы дѣвки (и наоборотъ).

Батюшкой назвать не хочется, свекромъ назвать — разсердится.

И хочется, и колется, и матушка не велитъ.

Молодому жениться рано, а старому поздно.

Дать ли, взять ли, — раздумье беретъ.

Думалъ было дать, да раздумалъ опять.

И ку́ма жаль, и пива жаль. И свата жаль, и себя-то жаль.

Думка недоумка. Думка надоумка (т. е., и недоумѣваетъ, и надоумливаетъ).

Не то тыкать, не то выкать (ты и вы).

Пустили дурака на распутье (изъ сказочн. быта).

Сбить (сбиться) съ пахвы, съ толку, съ панталыку.

Тутъ по неволѣ зачешешь затылокъ.

И вижу, да не вижу; и слышу, да не слышу (не хочу).

Не купить — горе, а купить — вдвое (другое).

Кусать ногти; теперь вотъ и грызи ногти!

Раскидывай (разводи) на бобахъ! Раскинь умомъ!

Умомъ не раскинешь, пальцами не растычешь.

Хороша бы присказка, да думчива. По небу облака, по челу дума.

Собралися думу думать кулики, на болотѣ сидючи.

Тяжелъ на подъемъ. Его сразу не сдвинешь.

Какъ быть, какъ жить—не то стричь, не то брить, не то опалить.

Чѣмъ шелудиваго брить, не лучше ль опалить?

Озадачилъ, словно перелобанилъ.

Озадачилъ, какъ полѣномъ въ лобъ (какъ обухомъ по лбу).

Огорошилъ, что и на ногахъ не устоялъ.

Словно щелчка поднесъ. Какъ палкой по носу.

Сталъ какъ быкъ, и не знаю какъ быть. Сталъ въ пень.

Съ горы вскачь, а въ гору — хоть плачь!

Подъ гору-то такъ, да въ гору то какъ?

Сталъ на думахъ, какъ на вилахъ.

Сталъ (пришелъ) въ тупикъ, что некуда (что не знаешь куда) ступить.

Сталъ (отошелъ, глядитъ), словно нéсолоно хлебалъ.

Глядитъ, словно въ первóй видитъ (будто родясь не видалъ, будто сроду въ первые видитъ).

Что глядишь, ротъ разинувъ? Что бѣльма уставилъ? Что буркала выпучилъ? Что талы́ (шары) катаешь? Что уши развѣсилъ?

Глядитъ, да глазами хлопаетъ; молчитъ, да руками разводитъ.

У него рожа по шестую пуговицу вытянулась.

Аль ты слова не доищешься?

Глядитъ, будто глоткомъ подавился.

Опѣшалъ, словно столбнякъ нашелъ.

Сталъ, словно вкопаный, словно къ землѣ приросъ.

Удалой долго не думаетъ.

На булатѣ ни написать, ни стереть.

Быть такъ, приму грѣхъ на душу, а ужъ сдѣлаю то и то.

Ужъ что ни будетъ, а поставлю на своемъ.

Долго думать — тому же быть. Раздумье на грѣхъ наводитъ.

Долгая дума — лишняя скорбь. Чѣмъ думать, такъ дѣлай!

Думай двояко, а дѣлай одинàко (т. е., рѣшайся, да не измѣняй опять)!

Заваря пива, не угадывай (каково будетъ), а сваря, не отгадывай (не отдумывай)!

Какъ ни ворочай, а одно одного короче. Какъ ни кинь, все клинъ.

Какъ ни мудровать, а клюшву съ клюшвой тачать (клюшва—боковая часть башмака).

Какъ Богъ на сердце положитъ.

Помилуй мя, Боже, да и на олтарь твой тельцы (т. е., кончай)!

Толкованое — не перетолковывать стать.

Пережеваннаго не варить. Что сдѣлано, то свято.

Аминь тому дѣлу. Конецъ концовъ, и дѣлу тому аминь.

Ухо рѣжь, а кровь не канетъ (т. е., крѣпокъ въ словѣ).

Начало — конецъ.

Благослови Богъ починъ!

Благослови Богъ встать, а ляжемъ и сами.

Все дѣло въ починѣ. Починъ всего дороже.

Гдѣ не было начала, не будетъ и конца.

У насъ еще и конь не валялся (т. е., дѣло и не начато).

Не для барыша, ради почину. Починомъ торгъ стоитъ.

Починъ дороже рубля (денегъ). Малъ починъ, да дорогъ.

Зачинъ (начинъ, починъ) дѣло краситъ.

Лиха бѣда начало. Лиха бѣда починъ.

Лиха бѣда починъ: есть дыра, будетъ и прорѣха.

Доброе начало—полдѣла откачало. Доброе начало—половина дѣла.

Полпѣсенки спѣла — половина дѣла.

Лихо заложить киль, а кокоры и добрые люди вставятъ (Матрос.).

Лиха бѣда полы шинели завернуть, а тамъ пошелъ (Солдатск.).

Стать починать, стать сказывать (т. е., надо начинать дѣло).

Начинай сначала, гдѣ голова торчала.

Зачинается, починается, отъ начала начинается.

Сначала думай, а подъ конецъ дѣлай!

Начать, не то что кончить. Зачать легко, а родить трудно.

Не начавши думай, а начавши дѣлай!

Тонко запряла, да скоро оборвала (да толсто вытянула).

Плохое начало — и дѣло стало (все назадъ помчало).

Плохое начало, что не видать конца. Начать — не кончать.

Иду — не иду, пошелъ — не иду, а пришелъ, такъ иду.

Ѣду, не ѣду, поѣхалъ не ѣду, а пріѣхалъ, такъ ѣду.

Голова хвоста не ждетъ.

Гдѣ хвостъ начало, тамъ голова мочало.

Новая метла (голикъ) чисто мететъ (переводная).

Перваго покупателя не обѣгай! Первая волвянка въ кузовъ.

Первую пѣсенку зардѣвшись спѣть (поютъ).

Первая рюмка коломъ, другая соколомъ, прочія мелкими пташками.

Первую (рюмку) перхотою, а третью охотою.

Первый кусъ разбойникъ (т. е., на голодный желудокъ).

Первому кону не радуйся (выигрышу)!

Первому дураку не вѣрь (первому вралю вѣры не давай)!

Первыхъ щенятъ за заборъ мечутъ (т. е., щенятъ перваго помету).

Первый звонъ — червямъ разгонъ.

Не смотри начала, смотри конца.

Не бойся начала, а жди конца (а бойся, берегися конца)!

Не хитро съ насѣсти слетѣть, было бы гдѣ сѣсть.

Хорошо летаешь, да гдѣ-то сядешь? Летаетъ, какъ и быть, а сѣсть не умѣетъ.

Не вѣрь началу, а вѣрь концу (а жди конца)!

Начало трудно, а конецъ мудренъ.

Начиная дѣло, о концѣ помышляй!

Не дорого начало, а похваленъ конецъ.

Хорошо городишь, да какова-то весна будетъ (не снесетъ ли?)?

Упалъ-то больно, да всталъ здорово.

Осенняя муха (поздняя) больнѣе кусаетъ.

Долго ждутъ, да больно бьютъ.

Богъ долго терпитъ, да больно бьетъ.

Не дочитавъ сказки, не кидай указки!

Не дорога засидка, дорога отсидка (или: высидка, т. е., дегтя).

Остатки сладки. Послѣдочки милѣе. На днѣ гуще.

Стыдливый (останный) кусокъ на блюдѣ лежитъ.

Не хвались отъѣздомъ, хвались пріѣздомъ!

Не вѣрь выѣзду, вѣрь пріѣзду!

Не суди по пріѣзду, суди по отъѣзду!

Не радуйся пріѣзду, радуйся отъѣзду!

Это присказка, а сказка будетъ впереди.

Это еще только цвѣточки, а ягодки будутъ впереди.

Это однѣ запѣвки, а послушаемъ подголосковъ, да выносныго.

Твоя рѣчь впереди (говорятъ, перебивая слово, т. е., я еще не кончилъ)

У всякаго словца ожидай конца!

Умѣлъ начать, умѣй и кончать! Какъ началъ, такъ и кончай!

Какъ заварилъ кашу, такъ и выхлебай (или: кто заварилъ — самъ заварилъ).

Какъ проволоку тянетъ. Этой ниткѣ (канители) конца не будетъ.

Совсѣмъ? Совсѣмъ, только масломъ пособоровать.

Совсѣмъ, только голову приставить.

Совсѣмъ Максимъ, и шапка съ нимъ (и Аксинья съ нимъ).

Не мудрено запыхнуть мутовку, мудрено вытащить.

Шабашъ, міряне, обѣдня вся. Отпѣли (покойника), нигдѣ не задѣли.

Отзвонилъ, да и съ колокольни долой.

Азъ да буки, да и конецъ науки.

Жилъ былъ царь Тофута — и сказка вся тута.

Жилъ былъ царь, у царя псарь, да не было пса: и сказка вся.

Сказка вся, больше сказывать нельзя. Пѣсня вся, больше пѣть нельзя.

Вотъ тебѣ и вся недолга. Съ концомъ, что съ узломъ.

У кого не долго, а у насъ какъ разъ (у кого скоро, а у насъ сей часъ готово).

Дѣло въ шляпѣ (отъ жеребья, коего знаки въ старину, какъ и нынѣ, клались въ шляпу.

Отрубилъ, да и въ шапку (отъ обычая прятать все въ шапку).

Денежки на столъ, а изба на просторъ. (Отъ сватовства: на столъ, столовыя, кладка, деньги по уговору, съ женихова отца, за отпускъ изъ дому дѣвки, работницы).

Деньги на столъ, да и ступай домой!

Бей по рукамъ! Ударили по рукамъ! Бери полу: бей рука объ руку!

Коли могарычи выпиты, и дѣло покончено.

Совсѣмъ Максимъ, и съ килой и съ горбомъ.

Кобыла вся (сказалъ Жидъ, сидя на забедрахъ за Цыганомъ, который помаленьку его спыхивалъ).

Камень на шею, да въ прудъ головой (да въ воду).

Концы въ воду, а пузырья въ гору.

Всѣ бѣсы въ воду, да и пузырья вверхъ (о ссорѣ).

Въ куль, да въ воду (Мордовскій судъ).

Какъ рукой сняло. Какъ мыломъ (какъ водой) взяло. Какъ не бывало. И слѣду нѣтъ. Какъ вѣтромъ сдуло.

Онъ допѣваетъ послѣднюю свою пѣсенку.

Лебединую пѣсню спѣть (переводн.).

Хлебнулъ, да и ложку на полати метнулъ. (Отъ обычая на крестинахъ, подносить отцу ложку каши съ солью, перцемъ, хрѣномъ и проч.).

Догорѣла свѣчка до полочки.

Ярко лучина горѣла, да гдѣ она?

Горѣли дрова жарко, было въ банѣ парко; дровъ не стало, и все пропало.

Дошла ветчинка до лычка (на которомъ она подвѣшена).

Что ни болѣло, да умерло. Какъ ни болѣло, да прикинѣло.

Не опять затѣвать. Не снова здорово.

Рѣшено веретено. Рѣшено и повершено.

Одному началу одинъ и конецъ. Одному началу не два конца.

Дѣло рѣшено и подъ лавку брошено.

Прогналъ батюшкину полосу до самаго до лѣсу (промотался).

Шаханья много, да мат одинъ. Шаховъ много, да мать одинъ.

По рукамъ, да и въ баню. Рѣпа продана и возъ накрытъ.

Дѣло сдѣлали, Маланью за мужъ выдали.

Дѣлавши смѣялись, а сдѣлавши плачемъ.

Конецъ дѣлу вѣнецъ. Конецъ дѣло вѣнчаетъ (краситъ).

Добрый конецъ всему дѣлу вѣнецъ.

Пора спать, коли некого ждать.

Зови (хвали) день по вечеру.

Красному утру не вѣрь! Хвались вечеромъ, днемъ не сѣченый.

Не видавъ вечера, и хвалиться нечего.

Весенней озими въ засѣкъ не сыплютъ.

Весна говоритъ: уключу; а осень говоритъ: а я еще погляжу (о хорошихъ всходахъ).

Когда хлѣбъ, тогда и мѣра; когда деньги, тогда и вѣра.

Что въ дѣвкахъ ни было, да теперь замужемъ.

Была подъ вѣнцомъ, такъ и дѣло съ концомъ.

Грѣхъ покрытъ (платкомъ, кикой, повоемъ).

Началъ за здравіе, а свелъ на упокой.

Горячъ на починѣ, да скоро остылъ.

Горячій надорвался, дома не сказался.

Начали гладью (гладко), а кончили гадью (гадко).

Сначала густо, а подъ конецъ пусто.

Въ стрѣльцы добра̀ ставка, да выставка плоха (не скоро отдѣлаешься).

Замѣсила густо, да вынула пусто; въ середку подуло, такъ и къ верху вздуло.

Дѣло середкой крѣпко. Середка всему дѣлу корень.

Недѣля середою крѣпка, вѣкъ (жизнь) половиною.

Середовой крѣпче. Молодой зеленъ, старый сѣдъ, а середовой въ масть.

Середка на половинѣ — никто не въ обидѣ.

Дожили до средокрестной середы — и Святая недалечко.

Держись кончики за середку!

Ру́ки, но́ги и голова къ туловищу приставлены.

Кто въ субботу смѣется, въ воскресенье плакать будетъ.

Безъ кольца, да безъ вѣнца, въ дѣлѣ не живетъ конца.

Пошло дѣло въ завязку, дойдетъ до конца.

Плохъ конецъ, что невидать и начала.

Не стращай началомъ, покажи конецъ!

Начало благо, и конецъ потребенъ. Путному началу благой конецъ.

Доброе начало не безъ конца.

Началъ погудкой, такъ и кончилъ дудкой.

Каково нача̀ло, таковъ и конецъ.

Какимъ лѣтомъ пошелъ, такимъ не воротишься.

Звономъ началось, звономъ и кончилось (Вологод. г. Ник. уѣзд. на Вохмѣ построена въ 1784 г. церковь, на мѣстѣ, гдѣ слышали звонъ; въ 1845 г. она сгорѣла со звономъ).

Годъ кончается (кончился), другой начинается (начался).

Поѣдимъ, попьемъ, да и домой пойдемъ.

Кормилъ до уса, корми и до бороды (т. е., потерпи, не гони малаго со двора, дай возмужать).

Долга эта пѣсня. Намъ конца этоїі пѣсни не дождаться (не дожить до конца).

Улита ѣдетъ, да когда-то будетъ.

Поколѣ солнце взойдетъ, а роса глаза̀ выѣстъ.

Онъ какъ расхо́дится, такъ не уймешь.

Отъ норда къ весту, откачалъ да и къ мѣсту (Матроск.).

Трудно раскачаться, а тамъ пошелъ.

Что ни бай, а писать вѣди надо.

Всякое дѣло съ концомъ хорошо.

Дѣло безъ конца — что кобыла безъ хвоста.

Заговорилъ, такъ надо договаривать. Какъ ни верти, да дѣло верши!

Какъ ни мять, какъ ни валять — а въ печь сажать.

Дѣло задѣлано, надо додѣлывать.

Не круто (горячо, спѣшно) начинай, а круто кончай!

Начали ленъ трепать, такъ надъ нимъ не стоять.

Стали молотить — не въ колотушки играть.

Початую кладушку домолачивай, упрямую бабу доколачивай!

Коли мять ленъ, такъ ужъ доминать.

Коли бить, такъ ужъ добивай! Бить, такъ бей, чтобъ не очнулся.

Недорубленый лѣсъ скоро выростаетъ.

Долго ли, скоро ли, а все будетъ конецъ.

Сколько веревку ни вить, а концу быть.

Сколько цвѣту ни цвѣсть, а быть опадать.

Струны готовы, не далеко и до пѣсенъ.

Сколько ни пѣть, а аминемъ вершить.

Не мы увидимъ (доживемъ), такъ дѣти наши.

Заварилъ кашу, такъ не жалѣй и молока (и масла)!

Задумалъ бѣжать, такъ не лежать.

Добивай шило въ черенъ! Осаживай обручи до мѣста!

Заварили кашу, что и въ ротъ не лѣзетъ (что и не знаютъ какъ расхлебать).

Не тужи о пнѣ, отрасли есть.

Живъ Курилка, не померъ. Не тужи по головѣ: душа есть.

У кольца, да у вѣнца, не найдешь конца. У кольца нѣтъ конца.

Концы рубить — только снасть изводить, а все концамъ быть.

Гдѣ конецъ веревки этой? «Нѣтъ его, отрубили!»

У нашего словца не дождешься конца.

На̀ вѣкъ протянется, на всякаго достанется.

Тянется, какъ глиста, какъ слюна.

Протянулось, какъ голодное лѣто.

Аминемъ дѣла не вершить (т. е., словомъ).

Не всякая пѣсня до конца допѣвается.

Работа — праздность.

Плохо жить безъ заботъ, худо безъ добраго слова.

Скученъ день до вечера, коли дѣлать нечего.

Не работа сушитъ, а забота.

Не то забота, что много работы, а то забота, какъ ея нѣтъ.

Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, проживешь вѣкъ съ весельемъ (или: съ ума не сойдешь).

Шевелись, работай — ночь будетъ короче (т. е., хорошо уснешь).

Работать — день коротать; отдыхать — ночь избывать.

Моты мотать — дни коротать (т. е., отъ бездѣлья).

Праздность — мать пороковъ (перевод.).

Отъ нечего дѣлать и тараканъ на полати лѣзетъ.

Безъ дѣла жить — только небо коптить.

Лѣнтяй да шалапай — два родныхъ брата.

Когда тотъ день придетъ, что съ лавки не встанешь?

Права ножка, лѣва ножка — подымайся по немножку!

Трутни горазды на плутни.

Изъ лука — не мы, изъ пищали — не мы, а попить, поплясать — противъ насъ не сыскать.

Изъ лука — не мы, изъ пищали — не мы; а зубы поскалить, языкъ почесать — противъ насъ не сыскать.

Изъ лука не мы, изъ пищали — не мы, а чарочку винца — и установочка чиста.

Собака собаку въ гости звала: «Нѣтъ нельзя, недосугъ.» А что? «Да завтра хозяинъ за сѣномъ ѣдетъ, такъ надо впередъ забѣгать, да лаять.»

И козлу недосугъ: надо лошадей на водопой провожать.

Ходитъ, да походя бобы разводитъ. Что ты ходишь, да бобы разводишь?

Кнуты вьетъ, да собакъ бьетъ. Пошелъ слоновъ продавать,

Пошелъ черныхъ кобелей на бѣло перемывать.

Бить баклуши (чурбаны, изъ которыхъ точатъ деревянныя чашки).

Онъ состоитъ въ комитетѣ по утаптыванію мостовой.
Онъ служитъ за козла на конюшнѣ.
Семъ-пересемъ, и день перешелъ.
Сень-пересень, какъ бы день прошелъ.
Пойду похожу, на добрыхъ людей погляжу.
Пойду погулять, на бѣлый свѣтъ позѣвать.
На людей поглядѣть и себя показать.
Прѣсная шлея (лѣнтяй). У него руки вися отболтались.
Сидѣть поджавъ руки. Въ переборочку играть.
Мухъ бить. Меледу меледить. Въ лапоть звонить.
Сидитъ Елеся, ноги свѣся.
Лежитъ на боку, да глядитъ за рѣку. Лежа не работаютъ.
Какъ ни мечи—а лучше на печи. Отъ бездѣлья и то рукодѣлье.
Глядитъ въ окно, да ѣстъ толокно. Браги частыя, а руки одинакія.
Пилось бы да ѣлось, да работа на умъ не шла.
Спишь, спишь, а отдохнуть некогда (не дадутъ).
Подать оплачена, хлѣбъ есть, и лежи на печи.
Ѣстъ руками, а работаетъ брюхомъ.
Видывали мы сидней (безногихъ), поглядимъ на лежня.
И дуракъ праздники знаетъ, да будней не помнитъ.
Онъ въ святцы не глядитъ: ему душа праздники сказываетъ.
День къ вечеру, а работа къ завтрему.
Всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь. Нашей работы не переработаешь.
Всѣхъ работъ не переработаешь.
Господской (барской) работы не переработаешь.
На міръ не наработаешься. Работа молчитъ, а плеча кряхтятъ.
Дѣло не малина, въ лѣто не опадетъ. Дѣло не голуби, не разлетятся.
Работа не чортъ, въ воду не уйдетъ.
Дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ.
У Бога дней впереди много: наработаемся.
Была бы охота, а впереди еще много работы.
Безъ погулки день потеряешь, не воротишь, а работа всегда передъ тобой.

На работу позадь послѣднихъ, на ѣду напередъ первыхъ.

Въ работѣ заяцъ, а въ ѣдѣ Жидовинъ.

Рòбить — ребята, а ѣсть жеребята (рòбить, Сѣвер. работать).

Не наше дѣло горшки лѣпить, а наше дѣло горшки колотить.

Не наше дѣло тесать да гладить, а наше дѣло готовое владить.

Не наше дѣло ставцы (чашки) точить, наше дѣло изъ ставца хлебать.

Ѣсть — такъ губа титькой, а работать — такъ носъ окованъ.

На нивѣ потѣй, въ клѣти молись, съ голоду не помрешь.

Лѣсъ сѣчь — не жалѣть плечъ.

Орать (пахать), такъ въ дуду не играть.

У матушки сошки (сохи̇) золотые рожки.

На поле съ дермомъ, поле съ добромъ.

Сѣютъ — плачутъ, молотятъ — скачутъ.

Пашешь — плачешь, жнешь — скачешь.

На дворѣ молòтится, такъ въ избѣ не колòтится.

Что помолотишь, то и въ закромъ положишь.

Печка дрочитъ, долги клочитъ (т. е., лакомая ѣда).

Съ печи сытъ не будешь. Не печь кормитъ, а руки (а нивка).

Лѣнь лѣни и за ложку взяться, а не лѣнь лѣни обѣдать.

Поваля Богъ кормитъ (т. е., лежимъ, да ѣдимъ).

Хочешь ѣсть калачи, такъ не сиди на печи!

Послѣ хлѣба, послѣ соли, отдохнуть часокъ, такъ завернется сала кусокъ, да лѣни мѣшокъ.

Хоть чего не доѣшь, такъ долежишь (о лѣнтяѣ).

Хорошо на печи пахать, да заворачивать круто.

Лежа на печи, прогладилъ кирпичи. Печь не пролежишь.

Замерзла тетка, на печи лежа (свинья дверь растворила, а ей лѣнь было сойти да притворить).

Отлежавъ бока, не любо за молотило взяться.

Руки отвисли, плеча оттянули. Руки отвисли, губы окисли.

Пролѣниться — и хлѣба лишиться. Ѣлъ бы да пилъ, вотъ мое дѣло.

Три дня мололъ, а въ полтора съѣлъ.

У лѣниваго, что на дворѣ, то и на столѣ (ничего).

Не уѣдно, да улежно; не корыстно, да вольно.

У нашей пряхи (непряхи) — ни одежи, ни рубахи.

Курица на сѣдало, худа прялья за пряслицу.

И лѣнивому свое брюхо не докучаетъ (не надокучитъ).

Ѣсть потѣшно, а работать докучно.

Въ пашнѣ огрѣхи, о на кафтанѣ прорѣхи.

Не много работниковъ, да много ломотниковъ (ѣдоковъ).

Семеро одну соломенку подымаютъ.

Одинъ рубитъ, семеры въ кулаки трубятъ.

Двое пашутъ, а семеро руками машутъ.

Семеро лежать въ кучѣ, а одинъ всѣхъ растаскаетъ.

Нужда учитъ, а барщина мучитъ.

День въ день, а топоръ въ пень; смотрю не на работу, а на солнышко (о барщинѣ: т. е., не пора ли кончать).

Подъ однимъ окномъ постучитъ, подъ другимъ выпроситъ, подъ третьимъ отдохнетъ — поддёвочка-то сѣра̀, да волюшка своя.

Хоть корку (хвойку) глодать, да не пенья ломать.

Кобыла за дѣломъ, а жеребенокъ и такъ.

Кляча воду возитъ, а козелъ бородкой потряхиваетъ.

Сидитъ, какъ гость. Сидитъ руки склавши. Сидитъ, да глазами хлопаетъ.

Лежи на боку, да гляди за Оку!

Такой работящій, что померъ съ кочедыкомъ въ рукахъ.

Ты отъ дѣла на пядень, а оно отъ тебя на сажень.

У него дѣло изъ рукъ валится. Работа въ рукахъ плеснѣетъ (гніетъ).

Послалъ Богъ работу, да отнялъ чортъ охоту.

Работа съ зубами, а лѣность съ языкомъ.

Дѣло пытаемъ, а отъ дѣла лытаемъ.

Журавль ходитъ по болоту, нанимается въ работу.

Пошелъ бы журавль въ мѣрщики, такъ не берутъ, а въ молотильщики, не хочется.

Кто дятла прозвалъ дровосѣкомъ, желну бортникомъ?

Люди пахать, а мы руками махать.

Люди жать, а мы подъ межою лежать.

Два брата на медвѣдя, а два свата на кисель.

Пѣсню играть — не поле орать.

Либо ткать, либо прясть, либо пѣсни пѣть.

Лакома кошка до рыбки, да въ воду лѣзть не хочется.

Хочется ѣсть, да не хочется лѣзть (въ подполье).

Ѣхалъ бы воевать, да лѣнивъ вставать.

Шелъ бы воевать, да лѣнь сабли вынимать.

Голова удатна, да лѣнь перекатна.

Проглотить то хочется, да прожевать лѣнь.

Не кстати спесивъ: ему замѣси, да и въ ротъ понеси.

Ему дай яичко, да еще и облупленое.

Всякъ хочетъ къ скопцу, а никто къ весельцу (скопъ — запасъ).

Всякъ къ скопцу, а никто къ веслу.

Ѣмъ, а дѣла не вѣмъ. Ѣдимъ, ѣдимъ — а работа впереди.

Одинъ сбираетъ, другой зѣваетъ.

Одинъ съ сошкой (т е., работникъ), а семеро съ ложкой.

Семеро стоятъ да слушаютъ, семеро ѣдятъ да кушаютъ.

Ты что дѣлаешь? Ничего. А ты что? Да я ему помощникъ.

Что дѣлаешь? Ничего. А онъ что? Помогать пришелъ.

Мельникъ не бездѣльникъ, хоть дѣла нѣтъ, а изъ рукъ топоръ нейдетъ.

Не все работа у мельника, а стуку вволю.

Работаетъ, какъ ребенокъ, а ѣстъ какъ дѣтина.

Сытое брюхо къ работѣ (къ ученью) туго.

Легко поѣлъ, легко и сдѣлалъ.

Не по работѣ ѣда. И того не намолотитъ, что проглотитъ.

По промыслу кишки дѣли (изъ побаски, о лисѣ)!

Не отъ росы (урожай), а отъ поту. Не столько роса, сколько потъ.

Работать не заставятъ, и ѣсть не посадятъ.

Не выработаешь плечемъ, такъ не убьешь и клячемъ (бурлацк.).

Столъ поставятъ, такъ и работать заставятъ.

Съ отказною Богъ по дворамъ не ходитъ.

Бобы не грибы: не посѣявъ не взойдутъ. Масло само не родится.

Хозяину хлѣба ворошокъ, а молотильщикамъ каши горшокъ.

Что людямъ радѣешь, то и самъ добудешь.

Жнецы мои жнецы, да они жъ и нахлѣбнички.

Ретивому коню тотъ же кормъ, а работы вдвое.

Чисто мои жницы жнутъ, что изъ печи подадутъ.

Гдѣ бабы гладки, тамъ нѣтъ и воды въ кадкѣ.

Пусть невѣстка и дура, только бъ огонь поранѣ дула.

Титъ, поди молотить! —«Спина болитъ.»—Титъ, поди вино пить! — «Дай кафтанишко захватить»!

Титъ, поди молотить! «Брюхо болитъ.»—Титъ, пойдемъ пить!— «Бабенка, подай шубенку!»

Титъ, поди молотить! —«Брюхо болитъ.»—Титъ, поди кисель ѣсть! «А гдѣ моя большая ложка?»

Худое житье — встань, побѣги; хорошее — лягъ, полежи!

Лѣнивый къ обѣду, ретивый къ работѣ.

О добрѣ трудиться, есть чѣмъ похвалиться.

На Бога уповай, а безъ дѣла не бывай!

Поваля, Богъ не кормитъ. Спи: Государь казны пришлетъ.

Лѣнь добра не дѣетъ. Лѣнь къ добру не приставитъ.

Лѣнь безъ соли хлебаетъ. Лѣнь одежу бережетъ.

Лѣнь, отвори дверь, сгоришь! «Хоть сгорю, да не отворю.»

Лѣнь, отвори дверь! «Подай кочергу (т. е., чтобы достать съ печи)!»

Кто много лежитъ, у того и бокъ болитъ.

Сидячій стоячаго перетянетъ (повѣрье, будто человѣкъ сидя тяжеле).

Лѣнивому не болитъ въ хребтѣ.

Лѣнивому и грибъ поклона не стóитъ.

На полатяхъ лежать, такъ и ломтя (и хлѣба) не видать.

Лѣнивый и могилы не стóитъ.

Не потрудиться, такъ и хлѣба не родится (не добиться).

Золото не золото, не бывъ (не побывавъ) подъ молотомъ.

Короче насѣчь (на пр., дрова), легче везть.

Каково руки родятъ, таково плеча носятъ.

Каково ручки скроятъ, таково спинка износитъ.

Кто толчетъ, тотъ и хлѣбъ печетъ.

Мни лёнъ долѣ, волокна̀ будетъ болѣ (волокно будетъ долѣ).

Кто бѣжитъ, тотъ и догоняетъ (т. е., догонитъ).

Гребень (прялка) не Богъ, а рубаху даетъ.

За тонкимъ посидѣть, а за толстымъ полежать.

Пряди, дѣвица, не лѣнись, по лавкамъ не тянись!

Абинное сукно (Кавказск. домотканина) окончина въ окно.

Глаза глядятъ (страшатъ), а руки дѣлаютъ.

Не пугай молодца работой, а сыпь ему молу (т. е., что молоть)!

Страшно видится: сробится, слюбится.

Не ударишь въ дудку, не налетитъ и перепелъ,

Налога (отъ гл. налегать) въ работѣ беретъ.

Заржавѣть у дѣла. Завалиться за дѣломъ. Умирать за дѣломъ.

Такъ работаемъ, что недосугъ носу утереть.

За вешней пашней — шапка съ головы свалится, не подыму.

Люблю сивка за обычай: кряхтитъ да везетъ.

Умыкали бурку крутыя горки. Уходили (укачали) сивку крутыя горки.

Умыкали савраску горы да овражки.

Потъ ключемъ льетъ, а жнецъ свое беретъ.

Одна пора: страда̀ (время покоса и уборки хлѣба).

Кинуло въ потъ: голова, что медъ, а языкъ, хоть выжми.

Нѣмъ, да свое ѣмъ; а рѣчистъ, да не плечистъ — голодный сидитъ.

Добывай всякъ своимъ горбомъ! Нѣтъ мошны, такъ есть спина.

Работай до поту, такъ поѣшь въ охоту. Ѣшь хлѣбъ въ потѣ лица̀!

Робити до поту, выробити кабалу (Арханг.).

Нивка, нивка, отдай мою силку (говорятъ жнецы, катаясь по нивѣ, когда выжнутъ хлѣбъ)!

Камни ворочать. Землю копать. Воду толочь.

Бѣлыя ручки чужіе труды любятъ.

Холопа послать боюсь, а самъ итти лѣнюсь.

Намъ бы лошадка ружье везла, а мы бы за ней и пѣши шли.

Рада бъ я пряла, да лѣнь напала.

Лѣнь прежде насъ родилась. Лѣнь старше насъ.

Я еще въ пеленкахъ, а лѣнь моя была ужъ съ теленка.

Въ просѣ на печи лежать (Южн.). Лежи на печи, да ѣшь калачи!

У него лѣнь за пазухой гнѣздо свила.

Отъ лѣни мохомъ обросъ. Отъ лѣни губы блиномъ обвисли.

Отъ лѣни опузырился (распухъ). Кто лѣнивъ, тотъ и сонливъ.

Сонливый да лѣнивый — два родные братца.

Сонливаго не добудишься, а лѣниваго не дошлешься.

Хорошо лѣниваго по смерть посылать.

Гдѣ ночь ночуетъ, тутъ и годъ годуетъ.

Наши пряли, а ваши спали.

Давай взапуски прясть! «Что за неволя?» А ну, взапуски спать! «Ложись!»

Хоть три дни не ѣсть, а съ печи не лѣзть.

Были бъ хлѣбъ да одежа, такъ и ѣлъ бы лежа.

Когда бъ не ѣда, да не одежа, такъ мы бы лежа отдувались.

Коли бъ не ѣда, да не оде́жа—такъ мы бъ и опузырились лежа.

Когда бъ не брюхо, такъ бы лежа всѣ опузырились.

Живетъ, да хлѣбъ жуетъ. Живемъ, да хлѣбъ жуемъ; спимъ, да небо коптимъ.

Лѣнь мужика не кормитъ.

Трудъ человѣка кормитъ, а лѣнь портитъ.

Артели брюхо да руки — нѣтъ иной поруки.

Лѣнь не кормитъ, а только пучитъ (портитъ).

Встань мужа кормитъ, а лѣнь портитъ.

Кабы мужикъ на печи не лежалъ, корабли бы за море снаряжалъ.

На одномъ мѣстѣ лежа и камень мохомъ обростаетъ.

Лежа пищи не добудешь. Вѣкъ дологъ, да часъ дорогъ.

Лежитъ лежень до вечера, а поѣсть нечего.

Не разгрызешь орѣха, такъ не съѣшь и ядра.

Въ полѣ серпомъ, да вилой, такъ и дома ножемъ, да вилкой.

Чтобы рыбку съѣсть, надо въ воду лѣзть.

Безъ труда не вынешь и рыбку изъ пруда.
Сложа ручки, не пойдешь и по обабки (а лукошечко неси).
Не терши, не мявши — не будетъ и калачъ.
Не тертъ, не мятъ — не будетъ калачъ.
Нетолченое, такъ и не пшено; не молотъ хлѣбъ, не мука̀.
Молоть мелко — постоять; прясть тонко — посидѣть.
Что потрудимся, то и поѣдимъ.
Въ лѣсъ не съѣздимъ, такъ и на полатяхъ замерзнемъ.
Покуда цѣпъ въ рукахъ, потуду и хлѣбъ въ зубахъ.
Держись сохи плотнѣе, такъ будетъ прибыльнѣе.
Орать пашню — копить квашню.
Не вспахалъ (не передвоилъ) такъ не дивись и сурепицѣ.
Станешь лѣниться, будешь съ сумой волочиться.
Хорошая ѣжа не придетъ лежа.
Лежа цѣла одежа, да брюхо со свищемъ.
На полатяхъ лежать, ломтя не видать.
Видѣлъ лѣнивый мужикъ хомутъ во снѣ, не видать ему кобылки до смерти (до вѣку).
Хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ.
Слава тебѣ, Господи, до бѣла свѣта проспали!
Господи, Господи! До обѣда проспали, встали, да обѣдать стали: наѣлись, помолились, да опять спать повалились.
Кто долго спитъ, тому Богъ проститъ.
Больше спишь, меньше грѣшишь. Кто спитъ, не грѣшитъ.
Кто пьетъ, тотъ и спитъ; а кто спитъ, не грѣшитъ.
Заря деньгу родитъ. Заря золотомъ осыплетъ.
Ранняя птичка носокъ прочищаетъ, а поздняя глаза продираетъ.
Муравей не великъ, а горы копаетъ.
Пыхъ, пыхъ, по горамъ, не спи по зорямъ!
Раньше вставай, да самъ наживай! Наживать, такъ раньше вставать.
Кто рано встаетъ, тому Богъ подаетъ.
Сегодняшней работы на завтра не покидай!
Рано вставать — некогда пировать.

Дѣло во время не беремя. Своя ноша не тянетъ.

Не пиры пировать, коли хлѣбъ засѣвать.

Время деньгу даетъ, а на деньги и времени не купишь.

Хоть хлѣбà и хороши, а пашню паши!

Готовые хлѣбы хороши, а на лѣто, по старому, пашню паши!

Въ полѣ Маланья, не ради гулянья, а спинушку гнетъ для запаса впередъ.

Кобылка маленькая, а сѣдлу (сѣделкѣ) мѣсто есть (или: найдемъ).

У кобылки семеро жеребятъ, а хомутъ свой.

Сколько кобылка жеребятъ ни рожала, а хомута не миновала.

Не поле кормитъ, нива. Не загонъ кормитъ, а нивка.

Кто не лѣнивъ пахать, тотъ будетъ богатъ.

Кто пахать не лѣнится, у того и хлѣбъ родится.

Гдѣ работно, тамъ и густо, а въ лѣнивомъ дому пусто.

Чего наберешь, то и понесéшь (то и домой повезешь).

Что припасешь, то и понесешь (то и пожуешь).

Что умолотишь, то и въ зàсѣкъ положишь.

И красёнъ, и годистъ, а за деньгой тянись!

Добро за готовымъ хлѣбомъ на печи лежать.

Работой не выробишь, такъ рядой не вырядишь (и наоборотъ).

Рядись, не стыдись, а работай, не лѣнись!

Съ разговоровъ сытъ не будешь. Сладка бесѣда, да голодна.

Хоть устанешь потолокши, а не съѣшь не моловши.

Глядѣньемъ пива не выпьешь.

На чужую работу глядя, сытъ не будешь.

Съ погляденья сытъ не будешь (не насытишься).

Свѣсивъ руки (сложа руки), снопа не обмолотишь.

Глядя на лѣсъ не выростешь, а смотря на людей богатъ не будешь.

Похваля (клячу), да въ соху.

Не бравшись за топоръ, избы не срубишь.

Рукѝ не протянешь, такъ и съ полки не достанешь.

Нужда и голодъ погонятъ на холодъ. Выгонитъ голодъ на холодъ.

Вышла нужда на морозъ. Ходитъ и бóсъ на морозъ.

Голодъ моритъ, по свѣту гонитъ.

Нечѣмъ платить долгу, такъ итти на Волгу (т. е., либо въ бурлаки на заработку, либо на грабежъ).

Лямку три, налегай, да при! Кобылку въ хомутъ, а бурлака въ лямку.

Терпѣніе и трудъ — все перетрутъ.

Богъ далъ здоровье въ дань, а деньги самъ достань!

Далъ Богъ руки, а веревки самъ вей!

По готовой работѣ вкусенъ обѣдъ.

Работа лучшій приварокъ. По работѣ ѣда вкуснѣй.

Вразумись здраво, начни рано, исполни прилежно!

Работа да руки — надежныя въ людяхъ поруки.

Рано встала, да мало напряла. Была игла, да спать легла.

Въ красный день прясть лѣнно.

Весной день долгъ, да нитка коротка.

Дни-то долгіе (весной), да нитки-то короткія (т. е., лѣнь прясть).

Лежи моя куделя, хоть цѣлую недѣлю!

Прощай, квашня, я гулять ушла!

Отъ кикиморы не дождемся рубахи (хотя онъ и прядетъ).

Что напрядешь, то и протрясешь.

Что Машка напряла, то мышка скрала.

Эка прядева-то страсть, что некуда и класть!

Дѣвушка Гагула, сѣла прясть, да и заснула.

Клубъ въ лубъ, нити не вити; весна близка, безъ рубахъ тепла.

У лѣнивой пряхи и про себя нѣтъ рубахи.

Матушкины рубашки изношены, отцовска указка новёхонька.

Что намъ въ пряжѣ? Пойдемъ да ляжемъ: придетъ весна, поставитъ краснà (холсты), а прилетятъ кукушки, принесутъ мотушки.

Въ изгороду ткали, коломъ прибивали.

Что намъ прясть? Пряли бы волки по закустью, да намъ початки приносили.

Что намъ въ пряжѣ? Пойдемъ да ляжемъ.

На что прясть, коли готоваго страсть?

Прялицу въ подлавицу, а сама — бухъ въ пухъ!

У непрядохи ленъ цѣлъ (выгода).

Лѣнивый сидя спитъ, лежа работаетъ.

Швея Софья — на печи засохла (Соня, сонливая).

Длинная (долгая) нитка — лѣнивая швея.

Не пеняй на сосѣда, когда спишь до обѣда.

Спишь до обѣда, такъ пеняй на сосѣда, что рано встаетъ, да въ гости не зоветъ!

Пеняй на сосѣда, что спится до обѣда; а онъ рано встаетъ, дрова рубитъ, а насъ не разбудитъ.

Спать долго — жить съ долгомъ.

Дѣла пытаешь, аль отъ дѣла лытаешь?

Хорошо бы орать, да рукъ не марать.

Намъ бы такъ пахать, чтобъ мозолей не набивать.

Не гляди на дѣло, гляди на отдѣлку!

Работнику работа, хозяину забота.

Ковки часъ, а ладки день.

Побить да подуть, вскочить да поточить — а дѣлъ нѣту (гов. кузнецъ).

По работѣ и работника (и мастера) знать.

Какъ скроишь, такъ и тачать станешь.

Какъ шьется, такъ и порется (и носится).

Пахать, такъ не дремать. Либо пахать, либо пѣсни играть.

Крой, да пѣсни пой; шить станешь, наплачешься.

Меньше строй, да больше крой (т. е., работай, а не затѣвай)!

Не домнешь мялкой, такъ не возмешь и прялкой.

И шьетъ, и поретъ. Ни шьетъ, ни поретъ.

Валитъ, какъ пень черезъ колоду.

Берется за дѣло, ровно нетесаный (словно самъ недодѣланъ).

Около помолимся (т. е., какъ нибудь, поскорѣе).

Фикъ-фокъ на одинъ бокъ.

Дѣлать какъ нибудь, такъ ни какъ и не будетъ.

Спать такъ спать, а не спать, такъ вставать.

Дѣло шутки не любитъ. Съ дѣломъ не шути!

Дѣлай дѣло не по конецъ пальцевъ!

Коли орать, такъ въ дуду не играть. Когда орать, такъ не играть.

Пашню пашутъ — руками не машутъ.

Чѣмъ эдакъ пахать, такъ лучше выпрягать.

Бредетъ, какъ Ивашкинъ лапоть.

Ѣдетъ, какъ съ горшками, какъ по горшки, какъ съ простоквашей.

Ѣдетъ, будто съ яйцами въ торгъ.

Время на дудку не идетъ (не вабится).

Пока ѣдетъ до овина, пота дня половина; пока ѣдетъ до двора, пота завтракать пора.

Дѣло учитъ и мучитъ, и кормитъ.

Ты отъ дѣла на пяденьку, а оно отъ тебя на саженку.

Либо ткать, либо прясть, либо пѣсенки пѣть.

Либо трынка-волынка, либо прялка-моталка.

Тереть пилою — дуться (гнуться) спиною.

За одинъ разъ дерева не срубишь.

Не срубишь дуба, не отдувъ губы.

Не отрубить дубка, не надсадя пупка.

Просо полоть — руки колоть.

Перевести духъ (отдохнуть, тѣлесно или духовно).

Сѣлъ на лодыгу (отдыхъ).

Коровки съ поля — и пастуху воля.

Работѣ время, а досугу часъ. Послѣ дѣла и гулять хорошо.

Гуляй, да дѣло не забывай (а дѣло знай)! Молодецъ гуляй, да самъ себя знай!

Дѣвушка гуляй, а своего дѣла не забывай (а дѣло помни)!

Гулять, дѣвушка, гуляй, а дѣльца не забывай (а дѣльце помни)!

Полно балы точить, пора голенища строчить.

Гулять гуляй, да не загуливайся!

Въ страдную пору и лежникъ дѣльникомъ, а въ жиру — и дѣльникъ дородный лежникъ.

Лежебоку и солнце не въ пору всходитъ.

Лѣнивому всегда праздникъ. Лѣнивому будень чѣмъ не праздникъ?

Великій богословъ: всѣ праздники знаетъ по перстамъ (всѣ праздники наизустъ, на перечетѣ).

Праздники помнитъ, а будни забываетъ.

Праздники памятны, а будни забывчивы.

Праздники частыя, а руки одинакія.

Нынѣ гуляшки и завтра гуляшки — находишься безъ рубашки.

Отъ шаты да баты (т. е., болтовни) не будемъ богаты.

Не посѣявъ ни горсти, да пошли Богъ пригоршни!

Уроди, Боже, побольше; а не посѣянаго — ни горсти.

Уроди Богъ много — а не посѣяно ничего!

Жнетъ не сѣявъ, молотитъ по чужимъ токамъ.

Посѣяно съ лукошко, такъ и выросло немножко.

Аминемъ квашни не замѣсишь; молитву твори, да муку́ клади!

Боже, поможи, а ты на боку не лежи! Богу молись, а самъ трудись!

Не сиди, сложа руки, такъ не будетъ и скуки!

Съ Богомъ начинай, а руками кончай!

Ори, да Бога моли; паши, ни о чемъ не тужи!

Богу молись, крѣпись, да за-соху держись!

Съ молитвой въ устахъ, съ работой въ рукахъ.

Трудовая денежка всегда крѣпка. Трудовая денежка плотно лежитъ, чужая ребромъ торчитъ.

Трудовая (праведная) денежка до вѣку живетъ (кормитъ, служитъ).

Горька работа, да хлѣбъ сладокъ. Сладкая ѣжа не придетъ лежа.

Вертя пришло, да вертя и пошло. Какъ пришло, такъ и ушло.

Съ вѣтру пришло, на вѣтеръ и пошло.

Легко добыто, легко и прожито. Легко пришло, легко и ушло.

Даровой рубль дешевъ, наживной дорогъ.

Чай ты усталъ, на мнѣ сидя?

Сперва ты меня повози, а тамъ я на тебѣ поѣзжу.

Сама себя раба бьетъ, что (коли) не чисто жнетъ.

Лѣнь на ремень, Лѣниваго подвеселить (батожкомъ).

Богъ труды любитъ. Божья тварь, Богу и работаетъ.

Пчела трудится — для Бога свѣча пригодится.

Не на себя пчела работаетъ.

У работящаго въ рукахъ дѣло огнемъ горитъ

Принялся за дѣло, какъ вошь за тѣло. Изъ кожи вонъ лѣзетъ.
Сѣръ мужичекъ, да сердитъ на работу. И сѣро, да сбойливо.
Претъ, какъ сивый меринъ.
Люблю сѣрка за обычай: кряхтитъ, да везетъ.
Понурая свинка глубокъ корень роетъ.
До́ма не лежу, а въ людяхъ не стою̀.
Вполплеча работа тяжела: оба подставишь—легче справишь.
Наши пошли зажинати ржи.
Шила и мыла, гладила и катала, пряла и лощила (а все языкомъ).
На острую косу много сѣнокосу (покосу).
На крѣпкій сукъ — острый топоръ.
Попъ не усталъ, что рано къ заутрени всталъ.
Не устала кобыла, что до Кіева сходила.
Не тяжело суму носить, коли хлѣбъ въ ней есть.
Своя ноша не тянетъ. На себя работа — не барщина.
Спинка въ мякинкѣ, а грошъ въ пясти.
Работа черна, да денежка бѣла.
Легче руками работать, чѣмъ головой.
На ретивую лошадку не кнутъ, а возжи.
Ни на какое дѣло не называйся, и ни отъ какого дѣла не отзывайся!
На дѣло не набивайся, и отъ дѣла на отбивайся!
Ретивая лошадка не долго живетъ.
Ретивый надсадится. Горяченькій скоро надорвется.
Ой-ой-опеньки! болятъ бо́ченьки; бока болятъ, а лежать не велятъ.
Лѣто работалъ, зиму хлопоталъ; пришла весна — счелся, такъ жолвъ сшелся (т. е., въ ничью работалъ).
Жилами не нажить (не натянешь), чего Богъ не дастъ.
Отъ трудовъ праведныхъ не нажить палатъ каменныхъ.
Отъ трудовъ своихъ сытъ будешь, а богатъ не будешь.
Отъ работы не будешь богатъ, а будешь горбатъ.
Мужикъ не живетъ богатъ, а живетъ горбатъ.
И съ топора не богатѣютъ, а горбатѣютъ.
Не столько богачей на свѣтѣ, сколько горбуновъ (т. е., сутулыхъ).
Изза хлѣба на квасъ не заработаешь.

На наши заработки и годовой псалтири не закажешь.

Эти отрепья не стоятъ трешки.

Далеко шелъ, а добра не нашелъ.

Съ берегу хорошо глядѣть на гребцовъ.

Любо глядѣть на молотильщиковъ (только бы самого не заставили).

Господской работы никогда не переработаешь.

Были бы руки, а молотило дадутъ (найдемъ).

Работы столько, что куры не клюютъ.

За недосугами не ѣвши сидимъ. За недосугомъ и работа лежитъ.

А когда досугъ-то будетъ? А когда насъ не будетъ.

Будетъ досугъ, когда вонъ понесутъ (т. е., какъ помрешь).

Египетская работа. Каторжная работа.

Вози (жни) хлѣбъ, а ѣшь мякину! Сѣй хлѣбъ, а ѣшь мякину!

Нажилъ — чирій на боку.

Оремъ землю до глины — а ѣдимъ мякину.

Заработали чирій, да болячку, да третій горбъ.

Не рада баба новою, рада бъ покою.

Не лиха тишина, лиха гребь.

Худая стоянка лучше добраго походу (солд.).

Конь съ запинкой, да мужикъ съ заминкой, не надорвутся.

Пиво съ кваскомъ (съ кислотой), лошадь съ запинкой, да человѣкъ съ лѣнцой — два вѣка живутъ.

Лошадка съ лѣнцой хозяина бережетъ (не надорвется и не введетъ его въ убытокъ).

Сытъ да богатъ, не хочу работать; а дѣти будутъ, — сами добудутъ.

Муравей не по себѣ ношу тащитъ, да никто спасиба ему не молвитъ; а пчела по искоркѣ носитъ, да Богу и людямъ угождаетъ.

Что дѣло, дѣло не соколъ, — не улетитъ.

Отъ чего котъ гладокъ? Поѣлъ, да и на бокъ.

Поѣлъ казакъ да и на бокъ, отъ того казакъ и гладокъ.

Медвѣдь легъ — игра стала (т. е., покуда работаешь, дѣло спорится; устанешь — дѣло стоитъ).

Умеръ медвѣдь — и пляска стала.

Покой — движеніе.

Бѣжма́ (бѣгомъ) бѣжать. Накивать пятками.

Пуститься во весь духъ, сломя голову, безъ оглядки, безъ памяти.

Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей полымя валитъ

Топаетъ, какъ лошадь; топаетъ, словно кованый волкъ.

Съ ногъ сгорѣлъ. Рѣзвы ноги подломились (подкосились).

Упалъ, какъ снопъ. Свалился, какъ съ корня срѣзанъ.

Ровно его громомъ пришибло. Ровно его кто обухомъ въ лобъ.

Словно кто его перелобанилъ.

Лежма лежать; пластомъ лежать. Лежать въ растяжку. Лежа легче.

Засѣлъ, какъ гвоздь въ стѣнѣ.

Завязъ, что въ лещедкѣ (или: въ капканѣ, въ дрязгу́, въ болотѣ и пр.).

Его оттуда ломомъ не выломишь; шиломъ не выковырнешь.

Сидитъ, какъ сычъ; какъ курица на яйцахъ.

Сидитъ, какъ чортъ на пенькѣ. Разсѣлся, что куль муки.

Сидитъ, раскисъ, по бокамъ развисъ.

Стои́тъ, какъ свѣча. Стойма стои́тъ. Стои́тъ, какъ верста, какъ надолба, какъ пень.

Торчиломъ (рожномъ, коломъ, копыломъ) торчитъ.

Стоя съѣшь вдвое. Стоя, ростешь вдвое.

За постой деньги платятъ, а посидѣлки даромъ (гов., приглашая сѣсть).

Согнуться въ три погибели, въ крюкъ, въ дугу

Течма течетъ. Ливмя льетъ. Летомъ летитъ.

Сидитъ, какъ на огнѣ, на угольяхъ, на иголкахъ, какъ на жаровнѣ.

Вертится, словно на ежа сѣлъ.

Вертится, какъ зуй (куликомъ); живчикомъ бѣгаетъ; вертится дергунчикомъ.

Вертится, какъ на шилѣ. Какъ сорока на колу.

Вертится, коробится какъ береста (подметка) на огнѣ.

Мечется, какъ воръ на ярмаркѣ; какъ угорѣлый, какъ угорѣлая кошка. Какъ основу снуетъ.

Онъ плаваетъ по топорному.
Какъ камень (ключъ, топоръ) ко дну.
Юркнулъ въ воду — только пузыри вгору.
Онъ далъ кувырколегію (т. е., упалъ, полетѣлъ торчмя головой).
Полетѣлъ отъ Машки вверхъ-тормашки.

Тишина — шумъ, крикъ.

Тихій Ангелъ пролетѣлъ (общее молчаніе).
Молчитъ, — какъ стѣна; какъ пень, какъ воды̀ въ ротъ набралъ.
Молчитъ, какъ мертвый; какъ не живой. Въ молчанку играетъ.
Кто тихо ходитъ, тотъ густо мѣситъ. Тише тѣни прошелъ.
Молчанъ собака исподтишка хватаетъ.
Не говоря худаго слова, да хвать (о кусливой собакѣ, о драчунѣ).
Въ тихомъ болотѣ (омутѣ) черти водятся.
Молчалъ, да и вымолчалъ. Кстати смолчалъ, да и вымолчалъ.
Тихъ, да лихъ; крикливъ, да отходчивъ.
По́ползень втихомо́лочку нашелъ себѣ богомолочку.
Не кричи: гости на полатяхъ. Тише кричи: бояре на печи.
Кабы крикомъ брать — кого бъ мы къ рукамъ не прибрали?
Кричи по малу, чтобъ на̀ вѣкъ стало.
Какъ ни надсѣдайся, а доброй свиньи не переголосишь.
Нашумѣть нашумѣли, да тѣмъ и дѣло повершили.
Звону много, да толку мало. Много шуму (крику), мало толку.
Гдѣ много толковъ, тамъ мало толку.
Кто много грозитъ, тотъ мало вредитъ.
Береза не угроза: гдѣ стои́тъ, тамъ и шумитъ.
Осина и безъ вѣтра шумитъ. Осина все шепчется, а проклятое дерево.
Зашумѣла мать зеленая дубравушка.
Разбушевалася Божья погодушка — только ревъ стои́тъ.
Расходится взводень (волна), такъ далече гудетъ.
Шумитъ, какъ вѣтеръ въ пустую трубу.
Шумятъ, какъ воробьи на дождь.

Это буря въ лоханкѣ. Это потопъ въ ложкѣ.

Гора мышь родила (переводн.).

Отъ свиньи визгу много, а шерсти нѣтъ.

Не мутясь, и море не становится (не станетъ).

Дѣло дѣлать и за себя не сможетъ, а кричитъ одинъ за всѣхъ.

Крикомъ изба не рубится, шумомъ дѣло не спорится.

Съ голосу изба не встанетъ. Горломъ (глоткой) немного навоюешь.

Звонъ не молитва, крикъ не бесѣда.

Корье не мальё — а дуба не стало (малье, колотыя доски).

Лѣсъ по дереву не плачетъ.

Подай косаря — казнить, рубить комара.

Не боится волкъ собаки, а боится звяги.

Взялъ бы въ руки дудку, да заигралъ бы побудку (Солдат.).

Бей сполохъ, Татаринъ идетъ.

Трубитъ, какъ въ рогъ; колотитъ, какъ въ барабанъ, какъ въ лукошко.

Крикъ, какъ въ Жидовской школѣ. Отъ крику пыль столбомъ.

Воломъ рычитъ; туромъ, медвѣдемъ реветъ. Взвыть волкомъ.

Кричитъ какъ лѣшій.

Какъ лѣшій Перовскій зоветъ Куликовскаго въ гости къ родительской (подмосковн. село Перово и Куликово поле).

Эка пасть — хоть бы ей пропасть.

У Михайлы хайло — что твои звонкія трубы.

Кадыкъ не великъ, а рёву много.

И земля, и небо стонутъ (такой шумъ, крикъ, гамъ и пр.)

Расходился, да размайорился, что и не приступишься.

Звонитъ во всѣ колокола.

Что за шумъ, коли драки нѣтъ? Что за шумъ, а драки нѣтъ.

Не всякаго бьютъ, кто кричитъ. Не всякъ кричитъ, кого бьютъ.

Полно браниться, не пора ли подраться.

Не своимъ голосомъ кричитъ (взвылъ, закричалъ).

Кричитъ, будто чортъ съ него лыка деретъ.

Душа, что въ вѣникѣ, а голосъ что въ теремѣ.

У тебя голосокъ, что бабій волосокъ (тонокъ да долгъ).

У нея голосокъ — не кишка, а волосокъ.

Голосъ, словно изъ бочки. Гробовымъ голосомъ.

Голосъ соловьиный, да рыло свиное.

Вынь, а выпь! Полно тебѣ выть.

Курица яйцо снесла, да кудахъ-тахъ-тахъ!

Заткни ротъ рукавицей! Заткни хайло онучей!

Поднялъ весь домъ коромысломъ. Съ посвисту пыль столбомъ.

Такой содомъ, что дымъ (пыль) коромысломъ (столбомъ).

Пыль столбомъ, дымъ коромысломъ — не то отъ таски, не то отъ пляски!

Сыръ боръ загорѣлся (бѣда, шумъ изъ пустяковъ).

Весь домъ вверхъ дномъ.

Сонъ

Каково живется (можется), таково и спится.

Спать соловьинымъ (будкимъ) сномъ.

Гдѣ ночевали? Подъ шапкой.

Гдѣ ходимъ, тутъ и спимъ. Гдѣ сталъ, тамъ спалъ.

Чую, гдѣ ночую, да не знаю, гдѣ сплю.

Ни на волосъ не уснулъ. Однимъ ухомъ спитъ, другимъ слышитъ.

Подъ головы кулакъ, а подъ бока и такъ.

Ходитъ сонъ по сѣнюшкамъ, дрема по новымъ (колыбельн. пѣсн.).

Прошлась дрема по сѣнюшкамъ, а до насъ не дошла.

Кто больше всѣхъ спитъ, тотъ меньше всѣхъ живетъ.

Много спать — мало жить: что проспано, то прожито.

Сонъ, что богатство: что больше спишь, то больше хочется.

Кто живетъ на волѣ, тотъ спитъ болѣ (спитъ до воли).

Много спать — дѣла не знать (добра не видать).

Со сна головушку разломило; со сна распухъ.

Кто долго спитъ, тому денегъ не скопить.

Долго спать — съ долгомъ встать. Спать долго — встать съ долгомъ.

Кто поздно встаетъ, у того хлѣба не стаетъ.

Сонливъ, такъ и лѣнивъ. Сонъ не богатитъ.

Пришелъ сонъ изъ семи селъ, пришла и лѣнь изъ семи деревень.

Заря деньгу даетъ. Зарю проспать — рубля не достать.

Рано вставши, больше наработаешь: рано женившись, скорѣе помощь будетъ.

Спитъ, какъ коней продавши (т. е., и напившись съ могарычей).

Спитъ, какъ маковой воды напившись (снотворнаго настòю маковокъ).

Спитъ. что съ него паръ валитъ.

Спитъ, какъ мертвый (мертвецкимъ сномъ).

Спи, да не съ перепòю. Коли проспался, такъ надо опохмелиться.

Первый (лучшій) спень (сонъ) до полуночи.

Сонный хлѣба не проситъ. Не доѣлъ, такъ долежу.

Послѣ хлѣба-соли отдохнуть часокъ — завернется сала кусокъ, да лѣни мѣшокъ.

Хлѣбъ спитъ въ человѣкѣ.

Хлѣбъ спитъ, а не человѣкъ (пища сонъ даетъ).

Сонное царство (т. е., всѣ спятъ).

Спячка напала, всѣхъ пòкатомъ повалила.

Сонъ смерти братъ. Уснулъ—померъ. Спитъ человѣкъ—не живой.

Сонный, что мертвый. Уснешь, что умрешь.

Сонъ милѣе отца и матери. Милая подружка подушка.

Сонъ лучше всякаго лѣкарства. Сонъ дороже лѣкаря.

Лягъ да усни, встань да будь здоровъ! Выспишься—помолодѣешь.

Лягъ опочинься, ни о чемъ ни кручинься!

Спать не писать — только глазà зажать (т. е., не мудрено).

Ночь матка — выспишься, все гладко. Ночь матка, все гладко.

Совѣсть спать не даетъ. Не живется, такъ и не спится.

У меня подушка въ головахъ не вертится (совѣсть чиста).

Перинка совѣсти не замѣна. Не всяку кручину заспать можно.

Безпечальному сонъ сладокъ. И рука спитъ, и нога спитъ.

Свищи, душа, через носъ! Спитъ — хоть изъ пушекъ пали.

Такъ спитъ, что хоть клади въ гробъ, да хорони!

Вздремнуть не вздремнулъ, а всхрапнулъ, да присвиснулъ.

Сонъ да дрема на кого не живетъ?

За сонъ не ручись (не знаешь, долго ли проспишь, и что пригрезится)!

Хмельной да сонный, не свою думу думаютъ.

Во хмелю, да во снѣ, человѣкъ самъ въ себѣ не волѐнъ.

Сонный, да пьяный—божевѡльный (не въ своемъ умѣ).

Спать я не сплю, и дремать не дремлю; а думаю я думу (изъ сказки).

Носомъ окуней ловитъ (дремлетъ).

Вѣщій сонъ не обманетъ. Какъ сонъ въ руку.

Себѣ спитъ, себѣ (на себя) и грезитъ.

На кого спитъ, на того и грезитъ.

Много спалъ, да мало во снѣ видѣлъ (и наоборотъ).

Сонъ правду скажетъ, да не всякому.

Дѣвичьи сны, да бабьи сказки. Хвали сонъ, когда сбудется.

Что на яву дѣется, то и во снѣ грезится.

Что на яву дѣлаютъ, того не боятся; а что во снѣ видятъ, того боятся.

Куда ночь, туда и сонъ.

Грозенъ сонъ (чортъ), да милостивъ Богъ.

Видѣлъ мужикъ во снѣ хомутъ — не видать ему лошадки до вѣку.

Видѣлъ во снѣ коровій слѣдъ: инъ на яву масломъ отрыгается.

Видѣлъ Мордвинъ (Татаринъ) во снѣ кисель — такъ не было ложки; положилъ за пазуху ложку, не видалъ киселя.

Коли чудится, такъ перекрестись! Манȧ манитъ, да Богъ хранитъ.

Морочила морока, а пророчила сорȯка.

Не во снѣ, на яву бредитъ. Во снѣ видитъ, на яву бредитъ.

Во снѣ видѣлъ маковники, такъ во снѣ и ѣшь.

Кого не осилитъ ни князь, ни псарь, ни княжій выжлокъ? (Сонъ).

Пришелъ милый, да и повалилъ силой (Сонъ).

И рать и воеводу въ одинъ махъ переваляль (Сонъ).

Ремесло — снарядъ.

Бездушенъ колоколъ, а благовѣститъ во славу Господню.

Въ гору-то семеро тащатъ, а съ горы и одинъ столкнетъ.

Безъ клиньевъ кафтана не сошьешь.

Безъ клина и плахи не расколешь. Клинъ плотнику товарищъ.

Кабы не клинъ, да не мохъ, такъ бы плотникъ издохъ (такъ никто бы плотнику помогъ).

Крестомъ да желѣзомъ хоромы подымаютъ.

Клинъ клиномъ выживается, воръ воромъ губится.

Колъ коломъ выбивай! Колъ да броденъ всюду годенъ.

Безъ топора не плотникъ, безъ иглы не портной.

Безъ сала, дегтя (смолы) не отмоешь.

Безъ веретена пряжи не спрядешь.

Не припася основы, ткать (за станъ) не садятся.

Безъ закваски хлѣба не мѣсятъ. Безъ косы и сѣна не накосишь.

Безъ клещей кузнецъ, что безъ рукъ.

Безъ собаки зайца не поймаешь.

Безъ снасти только блохъ ловить.

Безъ снасти и вши не поймаешь (не убьешь, т. е., безъ гребня).

Не припася снасти, не жди сласти!

Изъ одной муки хлѣба не испечешь.

Изъ водицы, да изъ мучицы, баба пироги печетъ.

Безъ ложки и добрый ѣдокъ станетъ.

Переставъ (сѣть) поставишь, такъ хоть ложкой вычерпай!

Рыба худа — не наварна уха, рыба жирна̀ — янтарна уха̀.

Щелока не варить, и рубашки не мыть.

Безъ огня, овина (т. е., хлѣба въ овинѣ) не высушишь.

Не огонь желѣзо калитъ, а мѣхъ.

Ружье не выстрѣлитъ — и птицы не убьешь.

На всякую гадину есть рогатина. На всякаго звѣря по снасти.

Безъ снаряда и лаптя не сплетешь. Безъ топора по дрова.

Въ лѣсъ идутъ, а на троихъ одинъ топоръ берутъ.

Рубить семерымъ, а топоръ одинъ.

Безъ шпаги — что безъ шапки.

Безъ шпаги, что безъ жены (и на оборотъ).

Въ строю стоять — по ружью держать.

Безкосый — не косецъ. Безконный не Казакъ.

Безъ коня Казакъ кругомъ сирота (хоть плачь сирота).

Булатъ желѣзо и кисель рѣжетъ.

На добрый жерновъ что ни засыпь, все смелется.

У насъ и шило брѣетъ (а шубы нѣтъ, такъ палка грѣетъ Солд.)

Зубами супони не натянешь. Голыми руками ежа не ухватишь.

Коли гужи плохи, кладь береги!

Надсаженъ конь недалеко везетъ.

На лѣченой кобылѣ недалеко уѣдешь.

На худой лошадкѣ поскорѣй въ сторонку.

На хорошей лошадкѣ по дорожкѣ, а на худой по сторонкѣ.

Тотъ тужи, у кого ременны гужи, а у насъ лыки да мочалы, да туда жь помчали (а ременныхъ дорогою не починишь).

И не смазалъ, да поѣхалъ.

Худая сбруя — несчастный (не хорошъ) выѣздъ.

Худая снасть и отдохнуть не дастъ.

Надсадно коню — надсадно и гужамъ.

Надсадно бурлаку, надсадно и лямкѣ.

Стрень-брень на лычкахъ (дурная, непрочная сбруя).

Кто можетъ, тотъ и ѣдетъ; а не можетъ, такъ ползетъ.

Не лошадь ѣдетъ (везетъ), а дорога (а кормъ, т. е., гладкая дорога, да сытый конь).

Корабли спускаютъ, такъ саломъ подмазываютъ.

Этимъ ножемъ хорошо бы стараго на печь подсаживать (тупъ).

На этотъ ножъ — хоть верхомъ охлябь (безъ сѣдла).

На этомъ ножѣ — хоть верхомъ, да вскачь.

У плохаго мастера такова и пила.

У кого больно чистъ струментъ, тотъ плохой мастеръ (плохой работникъ).

Спать долго — жить съ долгомъ. Долго спать — долгъ наспать.

Топоръ острѣе, такъ и дѣло спорѣе. Топоръ кормилецъ.

Съ топоромъ весь свѣтъ пройдешь. Топоръ всему дѣлу голова.

Топоръ одѣваетъ, топоръ обуваетъ.

Отъ топора щепки летятъ, подати оплачиваютъ.

Кабы Богъ не далъ топора, такъ бы топиться давно пора.

Клеёкъ да рубанокъ, столяру отцы родные.

Черезъ низкое прясло и овца прыгаетъ.

Гвоздемъ (шиломъ) моря не нагрѣешь.

Съ камня лыкъ не надерешь. Аминемъ отъ бѣса не отбудешь.

Отъ бѣса крестомъ, а отъ свиньи пестомъ.

У Нѣмца на все струментъ есть.

Остеръ мечъ, да некого сѣчь.

Хорошъ бы день, да не кого бить. Не побивши, ровно не поѣвши.

Есть и руки, да нѣтъ рукамъ мѣста.

Все есть, да не къ чему рукъ приложить (нѣтъ работы)

Есть и орало, да нечего орать. Есть и топорище, да нѣтъ топоришка.

Есть кусало, да нечего укусить. И зубы есть, да нечего ѣсть.

Дали орѣховъ бѣлкѣ, когда зубовъ не стало (Крыловъ).

Нынѣ топору на свѣтѣ мѣста нѣтъ (не даютъ лѣсу рубить).

По нынѣшнимъ порядкамъ, мужику топора не оплатить (тоже).

На то лѣсничему лѣсъ данъ, чтобъ мужики голѣли.

Вино ремеслу не товарищъ. Винцо не снасть: дѣла не управитъ.

Знай одно ремесло, да блюди, чтобъ хмелемъ не поросло!

Было ремесло, да хмелемъ поросло. Ремесло къ собакамъ занесло.

Вотъ то ремесло, что весь домъ растрясло.

Свинопасъ и рубаху пропасъ.

Руки золотыя, да рыло поганое.

Фабричный, столичный: проведетъ и выведетъ.

Мастеровой, что курица: что ступитъ, то и клюнетъ (и стукнетъ).

Мастеровой — что курица: гдѣ ходитъ, тутъ и напьется (походя напьется)

Дѣло знаетъ, да зашибаетъ (т. е., пьетъ).

Портной безъ кафтана, сапожникъ безъ сапоговъ, а плотникъ безъ дверей.

Портной безъ портокъ, сапожникъ безъ сапогъ.

Не проси у кузнеца угольевъ (либо нѣтъ, либо самому надо).

Захотѣлъ отъ калашника дрожжей (тоже).

Санникъ да колесникъ (тележникъ), а выѣхать не на чемъ.

У портнаго и локотокъ на отлетѣ.

Портной на грошъ украдетъ, а на рубль изъяну сдѣлаетъ.

Нѣтъ воровъ, супротивъ портныхъ мастеровъ (они пьютъ-ѣдятъ готовое, носятъ краденое).

Унести на ножницахъ (украсть; о портномъ).

Портные — воры клѣтные (деревенскіе, бродячіе портные).

Иглой выстегать, выковырять. Онъ выстегалъ иглой каменный домъ

Фасонъ дороже приклада. Не за работу платятъ, за фасонъ.

Намъ лишь бы мѣрку снять, да задатокъ взять.

Каково полотно, такова и строчка.

Тѣсные сапоги разносятся, а узкіе ссядутся.

Кривое закрасится. Лачкомъ прикроется.

По рублю ступаетъ, рубль подымаетъ, на полтину глядитъ, сто рублей говоритъ (знахарь и коновалъ).

У кузнеца — что стукнулъ, то гривна.

Портной — воръ, сапожникъ — буянъ, кузнецъ — пьяница.

Умудряетъ Богъ слѣпца, а чортъ кузнеца.

Что за ковъ (т. е., за ковку, работу), то и за ножъ.

Жарко ковать, холодно торговать (кузня и базаръ; или самое желѣзо: въ кузнѣ жарко, на морозѣ холодно).

Кузнецу, что козлу — вездѣ огородъ

У кузнеца рука легка: была бы шея крѣпка.

Новую одежу кроятъ, къ старой примѣряютъ.

Крой, да пѣсни пой: шить станешь — наплачешься.

Кроить, не шить: послѣ не распоришь.

Проварился на сахарѣ, на пивѣ, на мылѣ и пр.

Три табакъ, а сбыту нѣтъ — самъ нюхай!

Прикинули, такъ самъ носи (обувь, платье, сшитыя не по мѣркѣ).

Шорникъ — полковникъ; портной — майоръ; а сапожникъ, въ грязь — такъ князь; а сухо — пали его въ ухо! (потому что можно обойтись и безъ него).

Нѣмецкая, Англійская работа (похвала). Русская работа (хула).

Живой не безъ промысла.

Ремесло за плечами не виситъ (не тяготитъ).

Ремесло — не коромысло, плечъ не оттянетъ.

Ремесла за плечами не носятъ (не носить), а съ нимъ добро.

Ремесло пить-ѣсть не проситъ, а съ нимъ добро.

Не проситъ ремесло хлѣба, а само кормитъ.

Ремеслу вездѣ почетъ. Мастерство вездѣ въ почетѣ.

Худое ремесло лучше хорошаго воровства.

По ремеслу и промыселъ. У ремесла не безъ промысла.

Не всякое ремесло по злыднямъ.

Съ ремесломъ и увѣчный хлѣба добудетъ.

Не горшокъ угодникъ, а стряпуха.

Алтыномъ постановка спора̀.

Не учи бездѣлью, учи рукодѣлью!

Чѣмъ кормимся, тѣмъ и поимся (о ремеслѣ).

Человѣкъ сытъ однимъ хлѣбомъ, да не однимъ ремесломъ.

Одна работа (одно ремесло) не кормитъ.

За ремесломъ ходить — землю сиротить.

Лапти плесть — однова̀ въ день ѣсть (больше не выработаешь).

Что ни рукомесло, то и промыселъ.

Кто что знаетъ, тѣмъ и хлѣбъ добываетъ.

Всяко ремесло честно, кромѣ воровства.

Воровство — и то ремесло (на рель заноситъ).

Цыганъ варганы куетъ, и то ему ремесло.

Не безъ ума, такъ и не безъ промысла.

Пилить пилой, гнуться (дуться) спиной.

Столяры да плотники отъ Бога прокляты; за то ихъ прокляли, что много лѣсу перевели (Шуточ.).

Рыбу ловить — край смерти ходить.

Подлѣ пчелки — въ медокъ, а подлѣ жука — въ навозъ.

Отъ козла псиной, отъ скорняка кислятиной (несетъ).

Отъ дегтярнаго торгаша дегтемъ и воняетъ.

Ходить въ лѣсу — видѣть смерть на носу (либо деревомъ убьетъ, либо медвѣдь задеретъ).

Подлѣ огня обожжешься, подлѣ воды обмочишься.

Ходить у огня — обжечься, у воды — замочиться, а у сажи — замараться.

Ловцы рыбные — люди гиблые.

Кто съ дерева убился? Бортникъ; а утонулъ? Рыбакъ; а въ полѣ убитый лежитъ? Служилый человѣкъ.

Отъ работы (отъ сохи) не будешь богатъ, а будешь горбатъ.

Пашнёй, изза хлѣба на квасъ не заработаешь.

Промежъ сохи да бороны не схоронишься. Межъ сохой, да межъ бороной не ухорониться.

Умѣешь ли ткать и прясть? У насъ матушка ткала и пряла, да не по двѣ рубахи нашивала; а въ городѣ ни орутъ, ни пашутъ, да калачи ѣдятъ.

Въ городѣ ни ткутъ, ни прядутъ, да тоньше нашего ходятъ (эта пословица старѣе фабрикъ нашихъ).

Не всякъ толчетъ, а всякъ ѣстъ. Не хлѣбопеки, а хлѣбъ ѣдимъ.

Будто одни шубники (скорняки) въ шубахъ ходятъ?

Въ городѣ не пашутъ, да калачи ѣдятъ.

Въ деревнѣ пашутъ, да мякинный хлѣбъ ѣдятъ (мѣсятъ).

Мужикъ не прядетъ, а безъ рубашки не ходитъ; а баба и прядетъ, да не по двѣ носитъ.

Хоть ни точимъ, ни прядемъ, а наги не ходимъ.

Сидитъ на овчинахъ, а бьетъ соболей (о Сибирск. лѣсникѣ).

Москва стоитъ на болотѣ, ржи въ ней не молотятъ, а больше (а лучше) деревенскаго ѣдятъ.

Не всякъ пашню пашетъ, а всякъ хлѣбъ ѣстъ.

Не всякъ пашетъ, кто хлѣбъ ѣстъ.

Скотинку водить, не разиня ротъ ходить.

Много хлѣба—держи свиней; а много денегъ — заводи мельницу!

Конемъ ѣзжу — не выѣзжу, перомъ пишу — не выпишу.

Перо легче сохи. Перо легче цѣпа. Грамота не соха.

И сѣть да весло — тожъ ремесло. Тесло да весло — и то ремесло.

Такое ремесло, что къ чорту занесло (хмель).

И то ремесло, кто умѣетъ сдѣлать весло.

Хоть кадило, да деньгу бьетъ.

Хоть ладаномъ надымить, только бъ деньгу добыть.

Хоть долото, да рыбу удитъ (Ѳомка зѣвакъ дурачилъ, на долото удилъ, а помощники его въ это время обирали карманы).

Господь повелѣлъ отъ земли кормиться.

Сошка — золотыя ножки. Сошка сошенька, золотые роженьки!

Держись за сошеньку, за кривую ноженьку!

Держись крѣпче сохи да бороны!

Полюби Андревну (соху), будешь съ хлѣбомъ.

Кто лѣнивъ съ сохой, тому все годъ плохой.

Полà мокрà, такъ и брюхо сыто (Арханг. рыболовы).

Была бы рыба, а хлѣбъ будетъ (тоже).

Море — наше поле (тоже).

Мѣрка дѣло краситъ. По мѣркѣ мастера знать.

Безъ мѣры и лаптя не сплетешь. И гробъ по мѣркѣ тешутъ.

Плотнику (работнику) копейку, подрядчику (парядчику) рубль.

Хороши торги, что-то скажетъ переторжка?

Дать или взять слазу; дать или взять отсталаго.

Пой, корми, со двора найми!

Торговля.

Хорошій товаръ самъ себя хвалитъ.

Хорошо, дешево не бываетъ. Цѣна по товару, и товаръ по цѣнѣ.

Купи коня, и хода твоя (а хода даромъ).

Конь конемъ, а хода (а побѣжка) даромъ.

Баранъ бараномъ, а рога даромъ. Кафтанъ кафтаномъ, а бора даромъ.

Умереть не хочется, а продать хочется.

Лучше не бывает-съ (отзывъ сидѣльца о товарѣ).

Не побожившись, и иглы не продать. Безъ божбы не продашь.

Не солгать, такъ и не продать.

Отъ нахвалу (навалу) люди разживаются.

Покупатель дома похвалитъ, а купецъ въ лавкѣ.

Не похваля — не продашь; не похуля — не купишь.

Намъ товару не хвалить, такъ и не свалить.

Товаръ полюбится — умъраступится.

Товаръ лицемъ продаютъ. Товаръ лицемъ кажутъ.

Не подкрасивъ (не подцвѣтивъ) товару, не продашь.

Не у продажи дѣло стало (поговорка купцовъ, при уступкѣ товара).

Торговаться одному, а конаться всѣмъ (отъ обычая, не перебивать другъ у друга цѣны, а когда приторговано, метать жеребій).

Илія пророкъ выбиваетъ градомъ хлѣбъ у тѣхъ, кто обмѣряетъ.

Передать поводъ (коня) изъ полы въ полу.

Удержать денегъ на поводъ (выключить, при уплатѣ за покупку, нѣсколько денегъ и удержать ихъ).

Пора деньгу беретъ (куетъ). Товаръ мѣста не пролежитъ.

Нужда придетъ — стала не стала цѣна, а продавай.

Нужда цѣны не ждетъ.

Куплей да продажей (запросомъ да подачей) торгъ стоитъ.

Ты съ запросомъ, а я съ подачей.

Не по запросу (не по товару) подача.

Не запросъ корыстенъ, а подача.

Продавецъ пожалѣетъ — новокупка не ко двору.

Купилъ не купилъ, а поторговать можно.

Проси много, а бери, что даютъ!

Запросъ въ карманъ не лѣзетъ. Спросъ не бьетъ въ носъ.

Продавцу воля, покупателю другая. Запросъ въ подачѣ не воленъ.

Мой запросъ, твоя подача. Ваши деньги, нашъ товаръ.

У купца расчетъ, у покупателя другой (свой).

У купца цѣна, у покупателя другая. У купца своя цѣна, у покупателя своя.

Торгуется, какъ Жидъ, какъ Цыганъ.

Базаръ (торгъ) на умъ наведетъ (ума дастъ, т. е., надоумитъ о цѣнахъ).

Худъ торжокъ, да не худъ горшокъ.

Продавецъ въ красныхъ сапожкахъ ходитъ (щеголяетъ).

Кто о барышахъ, а кто о могарычахъ (хлопочетъ).

Барышъ барышемъ, а могарычи даромъ.

Хоть въ убытокъ продать, а могарычи пить.

Съ прибытку голова не болитъ (головушку не разломитъ).

Отъ изъяну нигдѣ не уйдешь. Убытокъ наводитъ на прибытокъ.

Корова пала, стойло опростала. Пало теля, прибыло хлѣва̀.

Деньга счетъ любитъ, а хлѣбъ мѣру. Безъ счету и денегъ нѣту.

Не все съ вѣрою—ино и мѣрою. Кому какъ вѣрятъ, такъ и мѣрятъ.

Никому не вѣрь, только счету вѣрь!

Счетъ не обманетъ. Счетъ всю правду скажетъ.

Чаще счетъ, дольше (крѣпче) дружба.

Счетъ дружбы не теряетъ (не портитъ).

Дружба дружбой, а въ карманъ (а въ горохъ) не лѣзь!

Дружба дружбой, а денежкамъ счетъ.

Кумъ — кумъ, а деньги — не кумъ.

Братъ братомъ, сватъ сватомъ, а денежки не родня.

Братъ, не братъ, а въ горохъ не лѣзь!

Сватъ не сватъ, а денежки не сватьи (а товарецъ не засватанъ).

Родство дѣло святое, а торговля — дѣло иное.

Конецъ игры расчетъ. Игра расчетомъ красна.

Сколько ни должаться, а будетъ расчитаться.

Обчетъ не вычетъ. Обчетъ не въ зачетъ. Обчетъ не въ счетъ.

Свои (свои люди) — сочтемся. Что за счеты промежъ своихъ?

Что выпито, что вылито, тому счетовъ не сведешь.

Что девять сороковъ, что четыре девяноста — все одно.

По удоямъ молока не считать, и молока не видать.

Неправедная корысть впрокъ нейдетъ.

Неправедно (неправдою) нажитое, бокомъ (ребромъ) выпретъ.

Неправедная нажива — огонь. Неправедная нажива—не расжива.

Торгуй правдою, больше барыша будетъ.

Хоть нѣтъ барыша, да слава хороша.

Не до барыша, была бы слава хороша.

Обманомъ барыша не наторгуешь.

Не возмешь товаромъ, не возмешь и талапомъ (и божбою).

Дорожится: хочетъ расжиться.

Продорожилъ, ничего не нажилъ; а продешевилъ, да два раза оборотилъ — нажива и есть.

Крѣпился, дорожился, да вешней водой все пронесло.

Дорожиться — товаръ залежится; продешевить — барышей не нажить.

Намъ, лишь бы сбыть, да на покупателя угодить.

Нашъ Мишка не беретъ лишка.

Отдать за даромъ. Взять (купить) за даромъ (за ничто, за шаль, ни почемъ).

Не продажное, а завѣтное.

Не продажному коню и цѣны нѣтъ.

Лучше торговать, чѣмъ воровать.

Лучше воровать, чѣмъ торговать (о плохой торговлѣ).

Одинъ прикащикъ — одинъ воръ; два прикащика — два вора.

Кто чѣмъ торгуетъ, тотъ тѣмъ и воруетъ.

Кто торгуетъ, тотъ и горюетъ. Торговать, такъ и горевать (и воровать).

Торговать — не горевать. Торговать — не попа звать.

Что за людьми, то и за нами (о барышахъ и пр.).

Одно купи, другое продай! Одно продай, другое купи!

Есть сѣно, такъ есть и хлѣбъ.

Пріѣхалъ къ торгу Романъ, привезъ денегъ полонъ карманъ.

Отъ иглы расторговался. Игла да булавочка, а не пуста лавочка.

Онъ таки зашибъ (зашибетъ) копейку.

Около этого дѣла онъ таки погрѣлъ руки (карманъ).

Взять барыша башъ на башъ (рубль на рубль).

Богаты не будемъ, а сыты будемъ.

Цѣна хороша, а не будетъ барыша.

Денегъ много взято, а барыша нѣтъ.

Хоть не корыстно, да и не обидно.

У грошеваго товара не наживешь (не уторгуешь) рубля.

Наши барыши — одни мѣдные гроши.

Тара (укупорка) дороже товара.

И дешево продаютъ, да наживаются; и дорого продаютъ, да проживаются.

Прибыль съ убылью смѣшалась, дома ничего не осталось.

Какъ счелся, такъ при своихъ и остался.

Сошлись, да разочлись, такъ ни съ чѣмъ (не при чемъ) и разошлись.

Дѣло такъ-сякъ волочится, да отстать не хочется

То не извозъ, коли въ путину на кнутъ не заработаешь.

Разочлись — какъ вода разлилась (оба не при чемъ).

Сыгралъ въ ничью. Что далъ, то и взялъ.

Нажитки — жидки. Прибытки не прытки.

Славу кладемъ, будто деньги считаемъ, а только ими побрякиваемъ.

То не ростъ, что изъ горсти въ горсть.

Изъ праваго кармана въ лѣвый. Пересыпать изъ мѣшка въ мѣшокъ

Покупала по четыре денежки, а продавала пару по два грошика.

Что не наживешь, все проживешь. То и убытокъ, что нѣтъ прибытка.

Что наживешь, то и проживешь.

Наживаемъ, да проживаемъ, такъ концы съ концами и сводимъ.

Легче прожить, чѣмъ нажить. Скоро проживается, не скоро наживается.

Что привезъ, то продалъ; что продалъ, то проѣлъ (пропилъ).

Продалъ на рубль, пропилъ полтину, пробуянилъ другую — только и барыша, что болитъ голова.

Продаетъ съ барышемъ, а ходитъ нагишемъ.

На этотъ барышъ и мочки не построишь (привязки, ремешка).

Съ этимъ барышомъ находишься нагишомъ.

Наше наживное — по дырѣ въ карманѣ.

Торговалъ и кирпичемъ, да остался не при чемъ.

Ѣхалъ наживать, а пришлось и свое проживать.

Продалъ на деньгу, а проѣлъ на алтынъ.

Безъ накладу барышъ не живетъ.

Въ накладѣ воленъ Богъ, а въ убыткѣ батюшка (говор. сынъ, торгуя за отца).

Въ паю́ — въ бою, а не въ добычѣ (т. е., неизвѣстно еще, будетъ ли барышъ).

Не бойся убытка, такъ придутъ барыши.

Барышу накладъ большой (родной, старшій) братъ.

Барышъ съ накладомъ на однихъ саняхъ ѣздятъ.

Прибытокъ съ убыткомъ на одномъ полозу ѣздятъ.

Барышъ съ накладомъ дворъ обо дворъ живутъ.

Прибыль съ убылью въ одномъ дворѣ живутъ.

Барышъ съ накладомъ въ однихъ сапожкахъ ходятъ.

Барышъ съ накладомъ въ одномъ карманѣ живутъ.

Барышъ съ накладомъ одного гнѣзда птенцы.

Прибытки съ убытками на смычкѣ ходятъ (т. е., неразлучны).

Барышъ, для подкраски, вверху лежитъ; а убытки всѣ на исподи.

Корабли за̀ моремъ, а бирка (долговая) у сосѣда.

Пошлины взяты, а товаръ утонулъ.

Малаго пожалѣешь, большое потеряешь.

Пропадай яйцо, а не курица!

Истóра дешева, да корысть дорога̀.

И то зерно (яйцо) что мышь снесла.

Большая добыча хуже малой (и люди позавидуютъ, и самому не впрокъ)

Маленька добычка лучше большаго наклада.

Маленькій прибытокъ, да большая (большой) бережь.

Ма̀ленька добычка, да большой бережь — вѣкъ проживешь.

Не доходомъ наживаются, а расходомъ.

Если бъ прибытки, да не убытки, то и дѣвать бы некуда.

Торговля — кого выручитъ, а кого выучитъ.

Не купля учитъ, продажа. Убытки умъ даютъ.

Торгу на три алтына, а долгу на пять.

Когдабъ не проигрался (не проторговался), такъ бы и не догадался.

Не тогда товаръ запасать, когда покупатель на торгу стои́тъ.

Товаръ не медвѣдь, всѣхъ денегъ не съѣстъ.

Золотомъ товара не выкупишь.

Деньга деньгу достаетъ (или: зоветъ, родитъ, куетъ, добываетъ).

Лежачій товаръ не кормитъ.

Товаръ — работникъ: лежа, на себя наѣдаетъ.

Лежачій хлѣбъ ни поитъ, ни кормитъ.

То не купецъ, у кого деньги до́ма (на лицо).

Торгъ яма: стой прямо!

Торгъ—яма: стой прямо; берегись, не ввались, упадешь—пропадешь.

Прибылью хвались, а убыли берегись!

Торговать, такъ по сторонамъ не зѣвать.

Въ складчинѣ торгъ — не барыши (о торговлѣ товариществомъ).

Въ су́прядкѣ не пряжа, а въ складчинѣ не торгъ.

Въ прибыткѣ нѣтъ передѣлу.

Безъ ума торговать, только деньги терять.

Безъ ума торговать — сума нажить (долги́ наживать).

Не оборотишь (не сдѣлаешь оборота), такъ и своего не воротишь.

Торгъ безъ глазъ, а деньги слѣпы: за что отдаешь, не видятъ.

Въ убытокъ торговать (продавать) нельзя.

Торговать, такъ барыши получать (наживать).

За показъ денегъ не берутъ.

Перваго купца (покупателя) не упускай (не обѣгай)!

Для почину всякаго почту́ и уважу.

Починъ всего дороже. На починъ, для почину.

Купцы на порогѣ въ лавкѣ не сто́ятъ (покупателей отгонишь).

За моремъ телушка полушка, да перевозу рубль.

Богъ цѣну строитъ. Базаръ цѣну скажетъ.

Ничему самъ собою цѣны не уставишь.

На базаръ ѣхать, съ собой цѣны не возить.

На торгъ со своей цѣной не ѣздятъ.

На торгъ поѣхалъ, свою цѣну дома покинулъ.

Вольнѣе торгу нѣтъ, а и тамъ неволя живетъ (о цѣнѣ).

Чего нѣтъ (мало), то дорого; чего много, то дешево.

Мало въ привозѣ — много въ запросѣ.

То и дешево, чего не надо; а что нужно, то дорого.

Дешевизна передъ дороговизной.

На что спросъ, на то и цѣна. На что запросъ, то и дорого.

Въ пустѣ городѣ и сидни дороги.

Отъ навалу люди расживаются. Насиженое мѣсто полпочина.

Народъ какъ волна, такъ и шапка полна (т. е., у торговца).

На бойкомъ мѣстѣ торговать сподручно.

Денежкой торгъ стоитъ (т. е., цѣной).

На торгу деньга проказлива.

Деньга торгу большакъ (голова, староста).

На торгу, деньга на волѣ, а купцы и продавцы всѣ подъ неволей.

Торгъ любитъ счетъ. Торгъ самъ счеты сводитъ (не на бумагѣ, такъ въ карманѣ).

Торгъ потѣху любитъ. Товаръ подачу любитъ.

Торгъ любитъ волю, а умъ просторъ.

Торгъ любое дѣло. Торгъ знаетъ мѣру, вѣсъ, да счетъ.

На запретный товаръ весь базаръ.

На опальный товаръ много купцовъ.

Не только въ торгу, что телячья голова на полку (т. е., на прилавкѣ).

Хоть въ отгонъ, хоть на убой, лишь деньги отдай!

Базаръ любитъ деньгу (копейку).

Торгъ дружбы не знаетъ. Торгъ торгомъ, а дружба даромъ.

Въ торгу другъ деньга. Въ торгу другъ, кто деньги платитъ.

Дешевъ хлѣбъ, коли деньги есть.

Деньги дороги, а калачи дешевы.

Дорогъ хлѣбъ, когда денегъ нѣтъ.

Купить дорого, продать дешево. Купишь, платишь; продаешь, плачешь.

Хлѣбъ продать — дешевъ; хлѣбъ купить — дорогъ. (Мужикъ продаетъ хлѣбъ осенью и зимой, послѣ сбора, когда деньги нужны на повинности; а покупаетъ, какъ не хватитъ, весной).

Купить, что вошь убить; а продать, что блоху поймать.

Купить-то и внучекъ купитъ, а продать, и дѣдъ намаится.

На нашемъ торгу все сойдетъ.

Въ убытокъ отдаю, только для васъ.

За эту бородку давали двѣ новгородки, третью ладожанку.

Торгуешь — хаишь; купишь, похвалишь.

Гляди, торгуй, а потомъ не мудруй!

Твои деньги, твои и глаза: гляди самъ, что покупаешь.

Дорого — не купи, жалобы (безчестья) не клади!

Дорого — не купи, а даромъ не бери!

Не сходно — не сходись, а на торгъ не сердись!

Сердилась баба на торгъ, а торгъ того и не знаетъ (не вѣдалъ).

На торгу два дурака: одинъ дешево даетъ; другой дорого проситъ.

Есть и вода, что стóитъ крови. Иная вода стóитъ крови (слезы).

Добраго солдата выбираютъ, а не покупаютъ.

И дорогóй товаръ изъ земли растетъ.

Завѣтнаго не продаютъ. На завѣтъ и цѣны нѣтъ.

Нѣтъ хлѣба дороже, какъ въ просвирѣ; а золота, какъ въ кольцѣ (или: въ крестѣ, въ медали).

У хорошаго товару не бываетъ накладу.

Отъ своихъ рукъ накладу нѣтъ.

Не товаръ кормитъ, купецъ (т. е., покупатель).

Не товаромъ Богъ кормитъ, а купцомъ (т. е., покупателемъ).

Богъ поможетъ, и купца пошлетъ.

Купецъ, что стрѣлецъ: попалъ, такъ съ полемъ; а не попалъ, такъ зарядъ пропалъ.

Купецъ, что стрѣлецъ: оплошнаго ждетъ.

Купецъ — ловецъ; а на ловца и звѣрь бѣжитъ.

Купчикъ купецъ, разудалый молодецъ. Купецъ—плутецъ. Купчикъ голубчикъ. Купчикъ — деньголýпчикъ (деньгу лупитъ).

На прилавкѣ булавки, на полкѣ иголки; сѣра горюча, покромка линюча (дразнятъ Офеней).

Хозяинъ за товаромъ, а Богъ съ накладомъ.

Продавецъ за товаромъ, а купецъ за накладомъ.

Купецъ торгомъ, попъ горломъ, мужикъ горбомъ (беретъ).

Самъ бы ѣлъ (товаръ), да деньги надо.

Продавцовой божбѣ не ввѣряйся (не вѣрь)!

Купецъ божится, а про себя отрекается.

На гнилой товаръ, да слѣпой купецъ (т. е., покупщикъ).

Заглазнаго купца кнутомъ бей (т. е., покупателя, за его глупость).

За очи коня не купятъ (не купуютъ, не покупаютъ).

За очи только яйца торгуютъ. За глаза только калачъ купить: не полюбится — самъ съѣшь.

За̀ море вѣсомъ, сызморя мѣстомъ (Арханг. о товарѣ).

Не передать, такъ и не купить.

Своя цѣна дороже; себѣ дороже; въ закупкѣ дороже; сами дороже платимъ.

Даромъ отдать, такъ дороже стóитъ.

Тутъ и голова не цѣна: себѣ дороже.

Дешевыя покупательницы (которыя ходятъ по лавкамъ, и только смотрятъ, или сулятъ несходныя цѣны).

Чего не додашь (не доплатишь), того и не доносишь

Оптовой купецъ: отъ крючка петелки не рознитъ

Оптовой торговецъ: въ ниткахъ пасмы не разбиваетъ.

Купить (продать) съ молотка (исподъ молотка).

Нѐ въ пору купить — хоть въ тридорога, да и кусъ не милъ.

Пустить на вольной свѣтъ, грамотѣ учиться (продать вещь).

Продалъ — прожилъ; купилъ — нажилъ.

Купить — найтить; продать — потерять.

Проданная скотинка не своя животинка.

Купленому золотой верхъ (т. е., всегда хвалится; также о могарычахъ).

Обмыть копыта (выпить могарычи за лошадь).

Кусъ деньга, кусъ гривна. Мѣра одна, да добрòта не та.

По деньгамъ товаръ; по товару деньги.

По товару цѣна, и по цѣнѣ товаръ.

Какова пелена, такова ей и цѣна.

Дешевому товару дешева и цѣна.

У тонкой пряжи и нить задорого.

Не та земля дорога, гдѣ медвѣдь живетъ; а та, гдѣ курица скребетъ.

Дешевъ хрѣнъ, да чортъ ли въ немъ?

Купишь ордашъ (плохой Шемаханскій шелкъ), даромъ деньги отдашь.

Хоть дорого купи, только было бы въ пути.

Дорого да мило, дешево да гнило. Дешево да гнило, дорого да мило.

Дорого да любо, дешево да грубо.

Корову по удоямъ считать — и цѣны ей не будетъ.

Корову по удоямъ считать — молока не видать.

Мѣдь дороже серебра: серебро — чортово ребро, а мѣдь Богу служитъ, царю честь воздаетъ (колоколъ).

Не дорого купилъ, да не больно и жаль.

Много ерша и на деньгу, да столько не съѣшь, сколько расплюешь.

Сигъ — алтынъ, а уха подъ тынъ (т. е., не вкусна).

Дешева рыба — дешева и уха.

Цѣну забылъ, да дорого купилъ.

Дороже каменнаго моста (на Москвѣ рѣкѣ).

Дороже головы не стóитъ.

Дороже себя. И насъ то продать, такъ этого не купить.

Не возьму и того, чѣмъ глядишь.

Въ котахъ щеголяетъ (говорится въ Сибири о всякой вещи, рѣдкой или дорогой: Нынѣ молоко въ котахъ щеголяетъ).

Шейка — копейка, алтынъ — голова, по три деньги нога, а душка — полушка.

Въ большой цѣнѣ пойдетъ, коли въ карты проиграть.

Кормъ коня дороже. Этотъ конь корму не стóитъ. Не въ коня кормъ травить.

Ломанаго гроша (шворня, чеки) не стóитъ.

Не стóитъ ни деньги; ни гроша; ни копейки; ни полушки; ни шелега; не стóитъ выѣденаго яйца.

Хоть и жаловать не сталъ (насъ), да дорого не ставь (на счетъ)!

Дешевле пареной рѣпы, за даромъ отдаютъ. Это просто шаль.

Хоть даромъ бери, да еще и придачи даютъ.

Всего въ мірѣ не выкупишь.

И дешево и сердито. И товаръ хорошъ, и цѣна веселая.

Ни почемъ. Задаромъ. Не купля, а даровое.

Эка шаль: по три деньги шваль (т. е., дрянь дешева).

Не дешево, а мало денегъ стóитъ (т. е., не нужно, не годится).

Не въ счетѣ деньги, а въ цѣнѣ.

Купишь лишнее — продашь нужное.

Пиво добро — по три деньги ведро: пьютъ похваливаютъ.

Кому доживать, тому и покупать (отвѣтъ стариковъ).

Питеръ бока повытеръ, да и Москва бьетъ съ носка (т. е., все дорого, убыточно).

Въ Москвѣ толсто (густо, часто) звонятъ, да тонко (жидко, рѣдко) ѣдятъ (т. е., все дорого).

Даромъ и чирей не сядетъ (все хоть почесаться надо).

Даромъ — скворецъ гнѣздо вьетъ (да и ему скворешницу поставь).

Кукишъ и безъ денегъ купишь.

Дешевое на дорогое наведетъ. Дешевое доводитъ до дорогаго.

Гдѣ дешево, тамъ и дорого.

Промѣнялъ сѣрка на волка. Вымѣнять шило на свайку.

Былъ кумачный, да промѣняла на бумажный (сарафанъ).

Пустое на порожнее промѣнялъ

Самъ мѣняешь, на себя пеняешь. Мѣна мана, придача ложь.

Кто мѣняетъ — дурака на придачу беретъ.

Мѣна мана̀, мѣнка ма̀нка; а назади-то, поглядишь — ямка.

Не въ мѣнѣ сила, въ придачѣ.

Мѣняючи только Цыганъ расживается (да и то на три дня).

Мѣнять ухо на ухо. Рыло на рыло. Башъ на башъ.

Мѣнять, не пенять (а ѣхать, принанять).

Мѣняй взадъ-впередъ сто рублей — ничего не останется.

Мѣняло — гладкая бородка (скопецъ).

Займы.

Долгъ платежемъ красенъ.

Красны займы отдачею (а наймы уплатою).

Всякіе займы платежемъ красны.

Долгъ платежемъ красенъ, а займы отдачею.

Бери да помни! Не штука занять, штука отдать.

Торгуйся — давись; плати, хоть топись!

Доставай мошну, вытряхай казну!

Взяха любитъ даху. Будь взяхой, будь и дàхой!

Умѣй взять, умѣй и отдать! Не хитро взять, хитро отдать.

Не думай взять, а думай отдать! Бери, да помни!

Не думай, какъ бы взять, а думай, какъ бы отдать!

Берешь, такъ чванься; а взялъ, такъ кланяйся!

Долгъ отдать — не бѣда заплатить.

Какъ ни вертись, а съ должникомъ расплатись!

Сколько ни заниматься, а не миновать своимъ обзаводиться.

Сколько ни занимать, а быть платить.

Продай хоть ржи, а долгу не держи!

Долговать (должать) на Дону̀ (на чужбинѣ), закладывать жену.

Заплатить долгъ скорѣе, такъ будетъ веселѣе.

Пятница суботѣ повѣщала, субота бы долги считала (отъ обычая, собирать долги по суботамъ).

Долгъ первый наслѣдникъ. Долгъ не ждетъ завѣщанія.

Долгъ не реветъ, а спать не даетъ. Долгъ стои́тъ у порога.

Чужія денежки ночью хлѣбъ ѣдятъ. Чужія денежки зубасты.

Чужія денежки свои поѣдаютъ.

Займомъ богатъ не будешь. Долгъ не расжива.

Возмешь лычко, а отдашь ремешекъ.

Взялъ лычко, а отдай ремешекъ.

Радъ будешь, какъ долгъ избудешь.

Баранъ бараномъ (т. е., гостинецъ), а денежки (или: а должокъ) даромъ (т. е., самъ по себѣ, его уплати).

Хоть въ долгъ, хоть въ по̀колоть. Вдолгъ да впо̀колоть.

И радъ бы не занялъ, такъ въ приносъ не несутъ (т. е., въ подарокъ).
И радъ не занималъ бы, такъ въ боръ (въ долгъ, припасами) не даютъ.
Въ долгъ не продать, такъ и хлѣба не видать.
Въ долгъ не взять, такъ вѣкъ не ѣдать.
Въ долгъ не давать, такъ и на деньги не продать.
Въ пастухи наймешься, весь міръ (вся деревня) въ долгу.
Голодъ мутитъ, а долгъ крушитъ.
Вошь, что заемный грошъ, спать не даетъ.
Больше сроку, больше и росту (т. е., при займѣ).
На рубль долгу, три полтины росту.
Лихву сбирать — тяжело воздыхать.
Заниматься (т. е., брать въ займы) — что побираться.
Въ займы не бравъ, хоть голъ — да правъ.
Займы — та же кабала. Заниматься — самому продаться.
Слава тебѣ, Господи: и сытъ, и пьянъ, и никому не долженъ.
Нечѣмъ платить долгу — ступай на Волгу (прежде о разбоѣ, нынѣ о бурлачествѣ)!
Когда нечѣмъ заплатить долгу, ѣхать будетъ на Волгу.
Въ долгъ не лѣземъ, изъ долгу не выходимъ.
Въ долгу, какъ въ шелку. Въ долгахъ, что въ репьяхъ.
Каждый волосъ въ долгу. Все заложено, перезаложено.
Долги — что тля (моль) въ мѣху. Съѣдаютъ долги и богатаго.
Въ долгу — что въ морѣ: ни дна, ни береговъ.
Столько долгу, сколько волосъ на головѣ.
По уши въ долгу. Въ долгахъ по горло. Весь, и волосъ въ долгу.
Долговъ, что блохъ — не оберешься.
Чѣмъ живешь? Долгами. (А что ѣшь? Щи съ пирогами).
Съ бирки срѣзать (уничтожить долгъ).
Отдать вещь въ ученье (заложить).
Въ копнахъ не сѣно, въ кабалахъ (въ людяхъ) не деньги.
Въ копнахъ не сѣно, а въ долгахъ не деньги.
Въ потравѣ не хлѣбъ, въ судѣ не вотчина, въ долгахъ не деньги.
Въ приданомъ, въ судѣ, да въ займахъ — не деньги, а счеты.

Въ долгъ давать—подъ гору метать: долги собирать—въ гору таскать.
По долги, не по грибы. По долги не съ кузовочкомъ.
Бери долгъ — чѣмъ даютъ, а не чѣмъ хочется!
Долги собирать—что по міру итти: бери, что даютъ, да кланяйся!
Долги собирать — и ошурками брать.
Долги и соломой (и мякиной) собираютъ.
Отъ худаго должника и мякиною (и битымъ стекомъ) бери!
Старый долгъ за находку.
Старый долгъ собрать, что кладъ найти.
Дать — не устать, да было бы что.
Бравши рука не устанетъ (не приберется).
Не мудрено данство, мудрено бранство (т. е., безсовѣстность)
Не мудрено дать, мудрено взять (и наобор.).
Отдай жену въ люди, а самъ такъ живи!
Взаймы отдай, да самъ занимай!
Дать другу въ долгъ, а у недруга самому взять.
Не таранти, дорогой, нынѣ годъ не такой: займы градомъ выбило.
Нынѣ лясамъ-то не годъ, а денежкамъ не водъ, всѣ попрятались.
И радъ бы дать, да кабалить не велятъ (а займы — кабала).
Въ зиму шубы не занимаютъ.
Есть медокъ, да засѣченъ въ ледокъ.
Есть и квасъ, да не про васъ.
Мало ли что есть, да коли нѣтъ. Есть, да про себя.
Ружья, жены и собаки на подержаніе не даютъ.
Въ ссуду жена никогда не дается, а лошадь, смотря по человѣку.
Отдать-то не напасть, да чтобъ отдавши не пропасть.
Не тужи, кто беретъ; тужи, кто въ займы даетъ.
Плутъ, кто беретъ; а глупъ, кто даетъ.
Отдано въ займы, такъ подожди! Безъ поджиду, не займы.
Старъ долгъ, да кто жъ его помнитъ?
У долга и вѣкъ дологъ. Долги живучи.
Что съ нимъ дѣлать (съ должникомъ)? Шапки не сымешь съ него (съ кого, въ старину, сымали на торгу шапку, тотъ былъ опозоренъ на вѣкъ и лишался всякой вѣры).

Коли взято давно, такъ и забыто оно.
Друга не теряй, денегъ не давай (т. е., ему)!
Чаще счетъ — крѣпче дружба.
Въ долгъ давать — дружбу терять.
Коли надоѣлъ человѣкъ, такъ дай ему въ займы!
Въ займы деньги давать — что волка накормить.
Сегодня на деньги, а завтра въ долгъ (Переводн.).
Дать денегъ въ долгъ, а порукой будетъ волкъ.
Собрать не соберемъ, а счесть сочтемъ (деньги).
Вамъ дорожнымъ, а намъ домашнимъ (нужно).
Наша нессуда—остуда. Нессуда—остуда; а ссуда—вѣчная ссора.
Въ займы брать — другихъ учить; въ займы давать — себя казнить.
Взявши, другихъ поучишь; отдавши, самъ въ науку пойдешь.
Легко людей учить: легко долговъ не платить.
Раструсивъ хлѣбъ, да по зерну подбирай.
Отдашь ломтемъ, а собираешь крохами.
Сильнѣе себя въ займы давать — добро потерять.
Если хочешь врага нажить, такъ дай въ долгъ денегъ!
Съ кѣмъ знаться не хочешь, тому дай денегъ въ займы!
Не дать въ займы—остуда на время; а дать въ займы—ссора на вѣкъ.
Что жъ, дружокъ, когда должекъ? «Да за мною.»
Дай въ займы, да назадъ не проси! Въ займы безъ отдачи.
Дай денегъ въ займы, такъ и поклонись имъ!
Поклоны за поклоны отдавай: кланялись тебѣ занимаючи, накланяешься собираючи.
Далъ денежку Минѣ — и не держи ее въ поминѣ!
Взялъ на часъ, да и въ добрый часъ.
На свои долги забытчики, на чужіе памятчики.
Большому барину товаръ отдай, а деньги послѣ.
Что ни лучше (больше) баринъ, то хуже долги платитъ.
Долженъ вѣкъ, а платежу нѣтъ.
Беретъ — такъ кланяется, а возметъ, такъ чванится.
У заемщика сокольи очи, у плательщика и вороньихъ нѣтъ.

Долженъ, не спорю, отдамъ не скоро; когда захочу, тогда и заплачу.
Пиши долгъ на стѣнку, а не покажется — смарай!
Пиши на дверь, получай съ притолоки.
Пиши долгъ на двери, а получать будешь въ Твери.
Пиши долгъ на заборъ: заборъ упадетъ, и долгъ пропадетъ.
На томъ свѣтѣ угольемъ отдамъ (долгъ).
Отдашь деньги руками, а ходишь за ними ногами.
Отдай руками, а не выходишь и ногами.
Растопыря пальцы отдалъ, растопыря ноги выхаживай!
Беретъ руками, а отдаетъ ногами.
На заемъ память, на отдачу другая.
Займуетъ — ходитъ, а платитъ — такъ кругомъ обходитъ.
Займуетъ, такъ сватушка сватъ; а занялъ, такъ и чортъ не братъ.
Заемщикъ на конѣ ѣздитъ, плательщикъ, на свиньѣ.
Долги помнитъ не тотъ, кто беретъ, а кто даетъ.
Ссуды пишутъ на желѣзной доскѣ, а долги на пескѣ.
Въ долгъ брать легко, да платить тяжело.
Должища — что печища: сколько ни клади дровъ, все мало.
Даромъ брать хорошо, а отдавать худо.
Нѣтъ тяжеле — Богу молиться, да старый долгъ платить.
Нѣтъ труднѣе: Богу молиться, родителей почитать, да долги отдавать.
Отца, мать кормить, да долги платить (трудно).
Займуетъ одинъ, а отдаетъ всѣмъ.
Тотъ въ нищіе пошелъ, на комъ долгъ тяжелъ.
Отъ долговъ и въ подполье уходятъ.
Отъ долговъ — хоть въ воду (хоть удавиться, хоть петлю на шею).
Не платить долговъ, такъ и дверь съ пяты полетитъ.
За Богомъ должекъ не пропадетъ.
Закладъ — носи до заплатъ (т. е., не надѣйся на выкупъ).
Не весь накладъ, коли есть закладъ.
Не въ накладъ, коли есть закладъ.
Займы, что путина: знаешь, когда поѣхалъ, не знаешь, когда пріѣхалъ.
Нужда — мизгирь (паукъ), а заемщикъ, что муха.

Кличъ носячихъ.

Эхъ, съ коричкой, съ гвоздичкой, съ лимонной корочкой, наливаемъ, чтоли-съ?

Сбитень горячъ! Кипитъ горячъ! Вотъ сбитень, вотъ горячій — пьетъ приказный, пьетъ подъячій и пр.

По клюкву ягоду, по клюкву! Ягода клюква, ягода крупна, подснѣжная ягода клюква.

По ягоду по клюкву, по хорошу, крупну: я изъ города Мурома, я барина бураго; я изъ города Ростова, я барина толстова! По ягоду по клюкву, подснѣжную, по крупну!

По клюкву, по клюкву: я изъ города Можаю, продаю уважаю, ягодки дѣвки брали, съ кочки на кочку скакали и пр.

Садовыя, медовыя, наливчатыя, разсыпчатыя (яблоки).

Черепенники горячіе съ масломъ (съ припѣвомъ): Поливай кубышка, не жалѣй кубышка хозяйскаго добришка, за хозяйской головой, лей масломъ, что водой!

Патока съ инбиремъ, вареная съ инбиремъ, варилъ дядя Симеонъ; тетушка Арина кушала, хвалила; дядя Елизаръ пальчики облизалъ.

Постричь, поголить, усъ поправить, молодцомъ поставить

У насъ бритовки Ростовскія, молодчики Московскіе, мыльце Грецкое, вода Москворѣцкая: чирьи вынимаютъ, болячки вставляютъ. Вались народъ отъ Яузскихъ воротъ!

Въ баню, въ баню — на просторъ.

Помыть, попарить, молодцомъ поставить.

Аль забыли, какъ въ старину любили (какъ прежде любили).

Съ горки на горку, дастъ баринъ на водку!

Эхъ, вы; баринъ не скупъ — дастъ и рубль.

Ахъ вы голубчики, сивыя буланыя, постромки рваныя!

Эхъ, дружки, нагрѣвай брюшки, эхъ соколы, соколы!

По всѣмъ по тремъ, коренной не тронь, а кромѣ коренной нѣтъ ни одной.

Эхъ, что жъ тутъ, родные! (По всей Нижг. губ. ямская приговорка: что жъ тутъ). Эхъ, соколики, ударю! Эхъ вы, горькія!

Дуй Дунька, подувай Акулька, считай разы (по ухабамъ)!

Рви кочки, равняй бугры, держи хвосты козыремъ!

Махни, махни — не далече до Балахны.

Шатай — болтай, не далечко Валдай.

Болтай, болтай, недалеко до Валдай.

Ой, избоины маковой, подъ окошками плакала, на грошъ два кома! — Тащи чугунъ, желѣзо, худы голицы, хрусталь, кости! (дурандашники).

Подь-дойди: эхъ вкусъ Французскій, гусь заморскій, баранинка низовая, мучка сортовая: подь-дойди (пирожники).

Пироги! Пирогъ Арзамаскій съ рыбой Астраханской.

Загадки.

Стоитъ соха и ноги развела: міръ кормитъ, сама не ѣстъ (Соха).

Стоитъ Потапъ, о четырехъ лапъ, изъ году въ годъ воду пьетъ (Разсадникъ).

Кланяется, кланяется: придетъ домой растянется (Топоръ).

Кочетъ голенастъ, кланяться горазд̀ъ (То же).

Маится, маится — придетъ домой, растянется (То же).

Лежитъ красавица лицомъ въ подлавицу (То же).

Въ лѣсъ идетъ — домой глядитъ; изъ лѣсу идетъ, въ лѣсъ глядитъ (Онъ же, за поясомъ).

Скоро ѣстъ и мелко жуетъ, сама не глотаетъ и другимъ не даетъ (Пила).

Сквозь лошадь и корову, свинью и ленъ волокутъ (Тачанье сапоговъ).

Шла свинья сквозь быка, по желѣзному слѣдку, хвостъ смолевой (То же)

Самъ голъ (нагъ), а рубашка въ пазухѣ (Свѣча и свѣтильня).

День спитъ, ночь глядитъ, утромъ умираетъ, другой смѣняетъ (Свѣча).

Кто ни крещенъ, ни рожденъ а правдой живетъ? (Безменъ).

Чернышъ, огарышъ, куда ѣдешь? Молчи, продолбаная, и тебѣ тамъ быть (Пивной котелъ и чанъ).

Боровище въ черномъ хлѣвищѣ (Деготь въ бочкѣ).

Вкругъ поля хожу, въ одну жердь колочу (Набивка обручей).

Въ избу ворономъ, изъ избы лебедемъ (Лутошка).

Сухая пятница кости грызетъ (Чесалка, гребень).

Бабье ремесло хворостомъ поросло (Намычка пряжи).

Подъ пе́редомъ, передо̂мъ сидитъ баринъ съ бородой (Гребень съ мочкой).

На осинѣ (липѣ) сижу, сквозь клену гляжу, березой трясу (Пряденье).

Пять, пять овечекъ зародъ подъѣдаютъ, пять, пять ове́чекъ (или: шестой барашекъ) прочь отбѣга̂ютъ (То же).

Пять, пять овечекъ зародъ подъѣдаютъ, пять, пять овечекъ труху подбираютъ (То же).

Пять братовъ по дорогѣ бѣгутъ, да сухи; пять братовъ подъ олоньемъ стоя̂тъ, да мокры (Пальцы обѣихъ рукъ, во время пряжи).

Пять подъѣдаютъ, а пять подгоняютъ (пальцы и пряжа).

Четыре сестрицы вокругъ гоняются, одна другой не догонитъ (Воробы, мотовило).

Загануть ли тѣ загадку—перекинуть черезъ грядку, черезъ плетень, черезъ барскій дворъ (Гребень, мочка).

Маленько, кругленько, а за хвостъ не поднять (Клубокъ).

Ногой топчу, животомъ нажму, рукой шмыгну, два раза колону и опять начну (Тканье).

Брюхомъ тру, ногами пру, гдѣ разинется, тутъ и ткну (Тканье).

Слѣпой поросенокъ возлѣ тыну ползетъ (Челнокъ).

Деревянныя ноги, хоть все лѣто стой (Ткацкій станъ).

Два конца, два кольца, а въ середкѣ гвоздикъ (Ножницы).

Синенька, маленька по городу скачетъ, всѣхъ людей краситъ (Иголка).

Маленька, синенька—всему свѣту миленька (То же).

Маленько-свѣтленько, весь миръ одѣваетъ (То же).

Синяя синичька весь бѣлый свѣтъ одѣла (То же)

Свинка, золота щетинка, льняный хвостъ, по бѣлу свѣту скачетъ, весь свѣтъ краситъ (или: одѣваетъ. Иголка съ ниткой).

Звѣрокъ съ вершокъ, а хвостъ семи верстъ (То же).

Самъ желѣзный, а хвостъ портяной (Иголка съ ниткой).

Бычокъ кованый, а хвостъ ворбвеный (То же).

Конь стальной, хвостъ льняной (То же).

Желѣзный конь, посконный хвостъ (То же).

Быкъ желѣзный, хвостъ кудельный (То же).

Волкъ желѣзный, хвостъ конопляный (То же).

Шмыгъ подъ ворота, посконная борода (То же).

Бѣжитъ свинья изъ Питера — вся истыкана (Наперстокъ).

На ямѣ, ямѣ, сто ямъ съ ямой (Наперстокъ).

На ямкѣ, ямкѣ, сто ямокъ со пріямкомъ (То же).

Тиnякъ (пиктель) бьетъ, ревякъ (жерновъ) реветъ, трубы (колеса) трещатъ, вòды плещутъ (Мельница).

Летятъ колпчики и говорятъ: у нашей матушки сердце каменное, грудь желѣзная (То же).

Затопали кони въ Кириловскомъ полѣ, залаяла собачка на Муромскомъ, заревѣлъ медвѣдь на Ивановскомъ (Романовскомъ). (Кони, мельничные песты; собачка, порхлица; медвѣдь, жерновъ).

За ельничкомъ, за березничкомъ, кобылка ржетъ, жеребенка ждетъ (Мельница).

Вò полѣ, пòлѣ затопали кони, заревѣлъ медвѣдь на ярмаркѣ (То же).

Сидитъ баба на юру, ноги свѣсила въ рѣку (То же).

Птица-юстрица, на вѣтеръ глядитъ, крыльями машетъ, сама ни съ мѣста (То же).

Безъ рукъ, безъ ногъ, лапшу крошитъ (То же).

Тахъ-тарарахъ, стоитъ домъ на горахъ, вода брызжется, борода трясется (То же).

Стучитъ, бренчитъ, сто коней бѣжитъ: что есть въ околоткѣ, весь хлѣбъ поѣстъ (То же).

Весь міръ кормитъ, сама не ѣстъ (То же).

Лежитъ монахъ въ крутыхъ горахъ; выдетъ наружу, кормитъ вѣрныхъ и невѣрныхъ (Жернова).

Два борова дерутся, промежъ ихъ пѣна валитъ (То же).

Каменное море кругомъ вертится, бѣлый заяцъ подлѣ ложится, всему міру годится (Жернова и мука).

Бык бурчитъ, старикъ стучитъ: быкъ побѣжитъ пѣна повалитъ (Жернова).

Въ темной избѣ медвѣдь реветъ (То же).

Братъ брата третъ, бѣлая кровь течетъ (То же).

Одинъ говоритъ — побѣжимъ, другой говоритъ — полежимъ, третій говоритъ — покачаемся (Вода, жерновъ, колесо).

Шило, мотовило, по подлавочью ходило, по Нѣмецки говорило (Журавль?).

Семь Семіоновъ, одна Матрена (Песты и ступа въ мельницѣ).

Стучитъ, бренчитъ, вертится, страху Божьяго не боится (Толчея).

Безъ ногъ прытко, безъ жилъ сильно, безъ разума хитро (Мельница).

Зайду я въ топотушку, загляну въ работушку, стоитъ пузырь съ побрякушкой (Кузня).

Замолола, безголова (Коловоротъ).

Много, мало.

Изъ многихъ малыхъ выходитъ одно большое.

Изъ малаго выходитъ великое.

Двѣ ярочки — та же овца.

Безъ копейки рубля не живетъ.

У рубля копейки нѣтъ — и рубля нѣтъ (не полонъ рубль).

Копейками рубль крѣпокъ (держится).

Безъ одной, не сотня. Не полна сотня — и сотни нѣтъ.

Не постой за клинъ (земли), не станетъ и осминника.

Щипкомъ шкуры не добудешь, а все шерсти клокъ

Съ лихой собаки — хоть шерсти клокъ.

По волоску всю бороду выщиплешь.

Не постой за волосокъ — бороды не станетъ.

Съ міру по ниткѣ — голому рубаха.

По крупицѣ и птица собираетъ, а сыта бываетъ.

Курица по зернышку (по крупицѣ) клюетъ, да сыта живетъ.

Курица по одному яйцу носитъ.

По капелькѣ море, по зернышку ворохъ.

По капелькѣ море, по волоткѣ (былинкѣ) стогъ

Полѣно къ полѣну — костеръ. Полѣшко къ полѣшку, и дрова.

Капля по каплѣ и камень долбитъ.

Не величка капля, а камень долбитъ.

Капля — воробью глотка нѣтъ, а камень долбитъ.

По каплѣ дождь, по росинкѣ роса.

По каплѣ дождь, а дождь рѣки поитъ: рѣками море стоитъ.

Живетъ и меньшое лучше большаго.

Много — сытно, мало — честно.

Благословенный баранъ лучше неблагословеннаго быка.

Мало — да честно, а и не много, да сытно.

Рѣдко да мѣтко. Разъ да гораздъ.

Есть притча, короче носа птичья (а хороша).

И одинъ глазъ, да зорокъ, не надобно сорокъ.

И одна корова, да жрать здоров а

Мелка рѣка, да круты берега́. Не широкъ потокъ, а держитъ.

Не великъ да широкъ — кафтанъ коротóкъ.

Поперекъ себя толще: и малъ, да на то же наведетъ.

Малъ соловей, да голосъ великъ.

Соловей — птичка не величка, а заголоситъ, такъ лѣсъ дрожитъ.

Соколъ малъ, да удалъ Малъ, да удалъ. Маленькій, да удаленькій.

Малъ языкъ, да всѣмъ тѣломъ владѣетъ.

Малъ языкъ, да человѣкомъ ворочаетъ.

Не величка птичка, да ноготокъ остеръ.

Малъ ноготокъ, да остеръ. Не видно пылинки, а глаза̀ выѣдаетъ.

Не величка мышка, да зубокъ остеръ.

На мышку, и кошка звѣрь. Не великъ звѣрь, да лапистъ.

Ящерка маленька, да зубы остры (ложное повѣрье: у ящерицы вовсе нѣтъ зубовъ).

И муха укуситъ, такъ вспухнетъ.

Блошка куснетъ, и то зудитъ; а отъ мошки — волдыри.

Блошка, да мошка, да третья вошка — а отъ нихъ упокою нѣтъ.

Ино отъ комара, да въ двѣ руки не отмашешься.

И комары лошадей заѣдаютъ (въ южныхъ камышахъ).

Мошка — крошка, а человѣческую кровь пьетъ.

Куликъ не великъ, а все таки птичка.

Всякъ куликъ на своей кочкѣ (въ своемъ болотѣ) великъ.

Не великъ сверчокъ, да громко поетъ.

Не великъ сверчокъ, да поганитъ горшокъ

Сверчокъ тму тараканъ (Тмутаракань) побѣдилъ (говорили послѣ побѣды Ярослава надъ Игоремъ, который сказалъ ему прежде: «Не шуми за печью, сверчокъ!»)

Мала блошка, да колодой ворочаетъ. Не плоха и блоха.

Не величка блошка, а спать не даетъ.

Малъ носóкъ, да загибаетъ кусокъ.

Иголка маленька, да больно уколетъ.

Комаръ тонко, да звонко. Слепень толстъ, да простъ.

Малъ золотникъ, да увѣсистъ. И малъ золотникъ, да дóрогъ.

Малъ горшокъ, да мясо варитъ. Малъ горшокъ, да угодникъ.

Вотъ тебѣ ершокъ, свари ухи горшокъ!

Маленька собачка до старости щенокъ.

Сѣдло ниже собаки, а выше лошади.

Коза на горѣ — выше коровы въ полѣ.

Худая вязанка лучше доброй горсти.

Не велика пригоршня, да много въ ней щепотей.

Не великъ королекъ, да дорогъ (т. е., выплавленное серебро, золото).

Не великъ, да туго набитъ. Не обозъ кормитъ, а возъ.

Рыба мелка, да уха сладка. Съ мелкой рыбы уха сладка.

Маленекъ, да удаленекъ. Маленекъ, да умненекъ.

Не долга оглобля, а до Москвы достаетъ.

Не высокъ водопускъ, да рѣки держитъ (сыртъ, водораздѣлъ).

Не великъ кувшинъ, да емокъ. Коробья не велика, да укладиста.

Не величка, да замѣшана на яичкѣ.

Не величка, да Кузминишна.

Кобылка маленька, а сѣдлу мѣсто есть.

Не завозно, да корыстно (завозно на мельницѣ, когда много мелева).

И маленькая рыбка лучше большаго таракана.

Коровушка съ кошку, надоила съ ложку.

Не величка синичка, да та же птичка.

Не много синичка изъ моря упьетъ.

Кадка (бочка) меду, ложка дегтю: все испортитъ.

Коротко, да узловато. Не много словъ, да много дѣла.

Не все и въ соборѣ поется. Не все заразъ: покинь въ запасъ!

Спасибо на той, да другую запой!

Не великъ узелокъ, да крѣпко затянутъ (да туго связанъ).

Не ищи мо̀ря, и въ лужѣ утонешь. Не море топитъ, а лужа.

Отъ малаго большое зараждается.

Отъ искры пожаръ раждается (разгарается).

Отъ искры сыръ боръ загорался.

Отъ малой искры, да большой пожаръ.

Отъ копеечной свѣчки (отъ искры) Москва загорѣлась (два большіе пожара, по преданію).

Мало спалось, да много видѣлось.

Голова, какъ у вола, а все, вишь, мала̀ (т. е., глупъ).

Для добраго довольно, а для худаго и того жаль.

Съ добраго будетъ, а завистливому шишъ.

Аминь письмомъ не великъ, да дѣло вершитъ.

Одно слово — аминь, а святыя дѣла̀ вершитъ.

Малъ соколъ, да на рукѣ носить; великъ верблюдъ, да воду возить.

Великъ верблюдъ, да воду возятъ; малъ соболь, да на головѣ носятъ.

Малъ золотникъ, да золото вѣсятъ; великъ верблюдъ, да воду возятъ.

Малъ золотникъ, да дорогъ; великъ пень, да дуплясть.

Соломы возъ, а сахару кусъ (одна цѣна).

Великъ дубъ, да дуплястъ, а малъ дубъ, да здоровъ.

Великъ, да слюнявъ, малъ, да сердитъ (да красёнъ).

Толсть, да простъ; тонокъ, да звонокъ.

Великъ тѣломъ, да малъ дѣломъ.

И велика, да метлика; и мала, да трава (т. е., съѣдомая трава).

Много трухи, да мало сѣна. Много ржи, да все лебеда.

Однимъ гусемъ поля не вытопчешь.

Велика крома, да несъ ли въ ней (т. е., сума нищаго)!

Велико, да болото; мала, да нивка.

Малъ, да конопляникъ; велика, да моховина.

Много мяса, да все шеина; и туша, да коровятина.

Высокъ репей, да чортъ ему радъ!

Великъ Мордвинъ (или: татаринъ, т. е., репейникъ), да чортъ ли въ немъ?

Великъ жердяй, да жидокъ; малъ коротышъ, да крѣпышъ.

Много шуму, мало толку. Звяги много, толку (проку) мало.

И велика лѣсина, да обухомъ бить (ее)

Велика сарынь (толпа), да некого послать.

И великъ, да дикъ, и малъ, да удалъ. Великонекъ, да диконекъ.

Выросъ нашъ жукъ съ медвѣдя.

Экой большой: съ недѣлю выросъ.

На экой ниткѣ слѣпыхъ водятъ (т. е., на длинной).

Этотъ волокъ больно дологъ (долго ждать, конца нѣтъ).

Повыше высокаго. Выше Ивана Великаго.

Выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго (сказочн.).

Тише воды, ниже травы (то же).

Какъ теремъ ни высокъ, а повалуша (старин. почивальня) выше.

Великонекъ, да плохонекъ; а маленекъ, да умненекъ.

Велико прясло, да объ огородъ имъ хрястать.

Велика Өедора, да дура.

Велика Өедора, да дура, а Иванъ малъ, да удалъ.

Кирикъ и Улита (говорится о двухъ неровныхъ людяхъ, или вещахъ).

У нашей матушки все печево, а поѣсть нечего.

Курячье вымя, свиные рожки (т, е., ничего).

Великъ сапогъ—на ногѣ живетъ; малъ сапогъ—подъ лавкой лежитъ.

Изъ большой посуды не выльется, а изъ малой проплеснешь.

И велика была мошна, да вся изошла.

Остатокъ лучше недостатка. Изъ большаго убавить можно.

Изъ большаго не мудрено убавить, а изъ малаго?

На лишку, только крышку, а мѣста не пролежитъ.

Ни изъ кнутовища топорища, ни изъ блохи голенища.

Изъ большаго выкроишь, а изъ малаго зубами не натянешь.

Изъ большаго не выпадетъ.

Изъ большаго осла все не выйдетъ слона.

Какъ ни дуйся лягушка, а до вола далеко.

Не дуйся (не дмись) коровка, не быть бычкомъ.

И большой тараканъ не мерину чета.

У хлѣба и крохи. Гдѣ дрова, тамъ и щепа.

Коровушка непочатой полотокъ.

У (вкругъ) костра хорошо щепу огребать.

Радъ Аника, что крома велика.

Великъ языкъ у коровы, не даетъ говорить.

Великъ коровій языкъ, да лизуномъ прозвали (а не языкомъ).

Пересолъ хуже недосола. Недосолъ на столѣ, пересолъ на спинѣ.

Намолили вёдра, анъ изняла засуха.

Да не всѣ разомъ (сказалъ хмельной Казакъ, который полѣзъ на коня, прося помощи угодниковъ, и перекинулся черезъ сѣдло наземь).

Спорина противъ спорины не приходится: ржи десять мѣръ на десятину, а маку — мужичью шапку.

Много думается, мало сбывается. Много бредится (чудится), мало сбудется.

Много сулятъ, да мало даютъ. Много говорятъ, да мало дѣлаютъ.

Много хочется, мало сможется.

Хорошаго по немногу. Хорошаго трижды не сказываютъ.

Все лучше того, какъ нѣтъ ничего (хоть и мало).

Много — хорошо, а больше, лучше того.

Много бываетъ, а лишнихъ (лишку) не бываетъ (дѣтей, денегъ).

Мало ли дровъ: гдѣ печь, тутъ и прячь (тутъ и тычь)!

И соколъ выше солнца не летаетъ. Выше лба уши не растутъ.
Для двоихъ готово, а троихъ не накормишь.
На триста пусто, на пять сотъ ничего.
Двое одному рать. Не много, что двое, а много, что на одного.
Сила по силѣ — осилишь; а сила не подъ силу — осядешь.
Много и того, какъ два на одного; а мало того, какъ двое на троихъ.
На тяжелый возъ и рукавицы положишь, такъ потянутъ.
Курицѣ по холку, свиньѣ по хвостъ. Кобылкѣ бродъ, курицѣ потопъ.
Кусочекъ—съ коровій носочекъ. Не велика краюшка, да спора.
Мелокъ бродъ: по самый ротъ. Сухо: по самое ухо.
Старому воробью по колѣни. Курицы бродятъ; куры пѣши бродятъ.
Безъ жернова на шеѣ—дна не достать.
Легка рана, и головы не доискались (не сыскали, не нашли).
Легко ранили, и головы не нашли.
По звѣрю и рана. На большую яму больше и хламу (пойдетъ).
Мальчикъ съ пальчикъ. Не большая спица въ колесницѣ.
Не велика штука, да мудровата (мотовата).
Одно чадо, и то чадо. Одинъ сынище, и тотъ Ѳомище.
Одно ухо—и то глухо. Одинъ глазъ, да и тотъ на Арзамасъ (косъ).
Одинъ у Мирона сынъ, да и тотъ Миронычъ.
Одинъ сынъ—не сынъ, два сына—не сынъ, три сына сынъ.
На что мать, когда нечего дать (т. е., коли не кормитъ).
Тутъ не стóитъ (не у чего) рукъ марать.
Изъ порожняго ни пьютъ, ни ѣдятъ (а только губы дуютъ).
Въ пустую хоромину воръ не подламывается.
Пустъ мѣшокъ стоять не будетъ.
Пусто не густо: вѣтеръ ходитъ, а мышь не скребетъ.
Не много брано, что разъ хожено.
Одинъ (первый) разъ не въ счетъ. Разокъ не въ счетъ.
Это комаръ на себѣ унесетъ. Тутъ нечего нести.
Легче пробки, пера, пуха. Своя ноша не тянетъ.
Легко ли дѣло. Муха не прокуситъ брюха.
Что за скоромъ — одна коровенка.

Много лѣсу темнаго, да нѣтъ дерева годнаго.
Не тяжело свое тягло, а какъ два потянешь, такъ устанешь.
Семь безъ четырехъ, да три улетѣло.
Безъ четверти съ осьмухою три осмины (т. е., ничего).
Ино густо, ино и пусто. Мало — честно, много — зорно (зазорно).
Нѣтъ, нѣтъ, а все таки есть. Ѣшь, не кроши, а больше не проси!
И малое не мало, коли столько и есть (коли больше нѣтъ).
У старца въ кельѣ — чѣмъ Богъ послалъ.
Слѣпой на нищемъ ничего не взыщетъ.
У добраго молодца только и золотца (что оловянна пуговка).
Всѣхъ и вся, и обѣдня вся. Концы съ концами и середка пуста.
По суткамъ (по рукамъ, по угламъ) разошлось (т. е., въ разныя руки).
Кому ничего, а намъ столько же (а намъ не больше того).
У кого ничего, а у насъ пуще того.
Ничего-то у насъ и дома много. Ничего-то и у насъ припасено.
Всякаго нѣта припасено съ лѣта.
До самаго нѣта все было есть.
Нѣтъ ни чорта, ни дьявола (никого, ничего).
Нѣтъ ни вороху, ни пороху. Ни синя пороху нѣтъ.
Ни зги нѣтъ. Ни крохи, ни зерна, ни капли, ни волосу.
Ничѣмъ ничего. Голымъ голо, хоть шаромъ покати.
По нѣтовому полю незримы цвѣточки (узоръ на платьѣ).
Нѣтовое поле, пустая трава (То же).
Хвать похвать, анъ мягкихъ пять.
Хвать въ карманъ, анъ дыра въ горсти.
Съ одного конца нѣтъ, и съ другаго нѣтъ, а въ середкѣ и не бывало.
Что мухино сало, разошлось по персту.
Ни жнитва, ни полотья (нѣтъ ничего).
Колосъ отъ колоса — не слыхать и голоса.
Колосъ съ волосъ, и колосу колосъ подаетъ голосъ.
Гдѣ ты, гдѣ я (т. е., кой гдѣ, мало, рѣдко).
На семи верстахъ одинъ съ денежкой Акимъ.
Ни бороды, ни усовъ, ни на головѣ волосовъ.

Ни сѣдла, ни уздицы, ни той вещицы, на что сѣдло положить.
Всего много, да въ людяхъ. За ничто ничего не купишь.
Все и вся—и опара вся. На нѣтъ и суда нѣтъ.
Приложи копейку, такъ калачъ купишь.
Изъ ничего одинъ только Богъ свѣтъ создалъ.
Чего нѣтъ, того и не надо (то и не годится).
Киселъ виноградъ, да зеленъ.
Середка на половинѣ. Ни много, ни мало.
Придерживаться середины. Держаться на перевѣсѣ.
За глаза довольно. И этого дѣвать некуда.
По нашему умишку и того залишку.
Видимо не видимо. Тьмы темъ, тьма тьмущая.
Этого добра не огребешься.
Несмѣтная сила. Валитъ сила сильная. Кишма кишитъ.
Ѣшь не хочу. Куры не клюютъ. До отвалу.
Хоть пруды пруди; хоть мосты мости; какъ собакъ (много).
Какъ овинъ насаженный. Всякаго жита по лопатѣ.
Вали, что въ мѣшокъ. Сыпь, что въ закромъ.
Повѣсить кому на шею, взвалить на плеча.
Этого и на возъ не навьешь (на пр., много брани).
Это руки (плеча) оттянетъ. Напячено всякой всячины.
Чего нѣтъ, такъ хоть этого вдоволь.
Велика птица журавица, да мала птичка перепеличка.
Не только людей, что Ѳома да Ѳадей.
Ихъ отсюда до Москвы всѣхъ не перевѣшать.
Вашу братью и до Москвы не перевѣшаешь.
Некуда изъ тучи каплѣ дождя кануть (людно).
Густо, рясно, что не куда мачинкѣ пасть.
Не то по клочку, по волоску на брата не достанетъ (не досталось).
Не толченая труба народу. Ѣдутъ — дуга на дугѣ (много).
Какъ маку (рѣпы) насѣяно. Головы, ровно кочни (толпа).
Народъ, какъ вода на ночвахъ переливается.
Какъ въ трубу, всѣ въ одно мѣсто. Какъ изъ трубы валитъ.

Отъ аза до ижицы. И вдоль и поперекъ. Изъ конца въ конецъ!
Всѣ съ головы на голову (голова по головѣ, поголовно)
Съ головы до ногъ (съ ногъ до головы, отъ головы до пятокъ)
Съ руками и съ ногами. Съ ногами и съ головою.
Съ руками, съ ногами и съ начинкою.
Что капля въ морѣ. Пылинка придачи. Что волотка къ стогу.
Челномъ (щепкой) моря не переѣхать. Шиломъ моря не нагрѣешь.
Мòря весломъ не расплещешь (не раскропить)
Однимъ конемъ всего пòля не изъѣздишь.
Изъ одной муки хлѣба не испечешь.
Одинъ мосолъ во щахъ не варятъ. Съ голаго мослà не наваръ.
Голой кости и собака не гложетъ. Межъ пальцевъ немного мяса.
Изъ пуста судна ни пьютъ, ни ѣдятъ.
Нѣтомъ не возмешь и лѣтомъ (хотя лѣтомъ и не голодаютъ).
Глаза стращаютъ, а руки дѣлаютъ.
Страшенъ кусъ на блюдѣ, а съѣстся — слюбится.
Горшокъ большой, а мѣста не много.
Въ лѣсу и сковорода звонка.
Въ лѣсу — дубъ рубль: въ столицѣ — по рублю спица.
Дальше въ лѣсъ, больше дровъ.
Первая волвянка (волнушка) въ кузовъ.
На безлюдьѣ и сидни въ честь. На безмірьи и Ѳома дворянинъ.
Отъ Покрова до Покрова кашлянулъ однова, да и говоритъ, что кашель (что чахотка).
Бабушка Мосеевна! Не поле насъ насѣяно.
Одна ягода въ сорокъ два года.
Годы въ роды (рѣдко); въ кои вѣки разъ.
Въ одну ночь зима становится.
Пора (надо) и честь знать.
Всѣ пѣсни перепѣли, одного шершня не допѣли.
Большому кораблю большое плаванье.
Съ корову стало, такъ и съ подойникъ станетъ.
На корову стало, хватитъ и на подойникъ.

Денегъ нѣтъ — рубль почнемъ; вина нѣтъ, съ браги начнемъ.

Доброму вору все впору.

На босую ногу всякій башмакъ впору.

Впору, какъ вылито по немъ. Какъ разъ рихтихъ, акуратъ.

Однѣ лапти безъ мѣры плетутся, да на всякую ногу приходятся.

Тѣсное разносится, широкое ссядется.

Не потрафлено (по мѣркѣ), такъ прикинуто (обращено мастеру).

Маленькой малъ, большой великъ, а средній бы и въ рядъ, да гдѣ его взять (жениха).

Для одной выти, да руки мыти. За каждую выть, да руки мыть.

Не дорого дано, не больно и жаль (пропажи).

Легко, что дурню подгору (т. е., подгору вскачь, а вгору, хоть плачь).

Мѣра всякому дѣлу вѣра. Счетъ да мѣра — безгрѣшная вѣра.

Глаза да мѣра — прямая вѣра. Глазъ — мѣра.

Вѣсъ (счетъ) да мѣра до грѣха (до лиха) не допустятъ (т. е., до обмана, до ошибки, подозрѣнія).

Деньгамъ счетъ, а хлѣбу мѣра.

Деньги счетъ любятъ, а хлѣбъ мѣру.

Деньги на безменъ, а товаръ на промѣнъ.

Въ цѣнѣ воленъ, а въ вѣсѣ не воленъ. Въ цѣнѣ воля, а въ вѣсѣ (въ мѣрѣ) неволя.

Цѣна своя, а вѣсы государевы.

Безъ мѣры и лаптя не сплетешь.

И деревянный тулупъ (гробъ) по мѣркѣ шьютъ.

Десять разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь!

Десятью примѣрь, однова отрѣжь.

Перемѣръ одному накладъ (т. е., хозяину), недомѣръ двоимъ (т. е., хозяину и покупателю).

Около — четыре, а прямо — шесть.

На аршинѣ унести (обмѣрять).

Что въ письмѣ и въ счетѣ (записано и сочтено), въ томъ ни грѣха, ни поклепу.

Когда смѣрилъ, такъ и повѣрилъ.

Что мѣра, то и вѣра. Гдѣ мѣра, тамъ и вѣра.

Перемѣрено и перевѣрено — вѣрно и мѣрно.

Безменъ не попова душа, не обманетъ.

Поживемъ какъ братья, посчитаемся какъ Жиды.

Не всюду съ вѣрою, а индѣ съ мѣрою.

Пиши не пиши: отъ этого не прибудетъ (т. е., расходъ и приходъ).

Далеко — близко.

Славны бубны за горами.

«За горами» (пѣсню: за горами, за долами) пѣть хорошо, а дома жить хорошо.

Зачѣмъ далеко? И здѣсь хорошо.

Ближняя соломка лучше дальняго сѣнца.

Ближняя хаянка лучше дальней хваленки.

Не бери дальной хваленки, бери ближнюю хаянку!

Домъ — корень, а сторона — похвальба.

Грозенъ врагъ за горами, а грознѣй за плечами.

Отъ Рѣшмы до Кинешмы глазами докинешь ли?

Въ лѣсу рубятъ, а къ намъ щепки летятъ (говор. о слухахъ, молвѣ и о письмахъ).

Близко видать, да далеко мигать (или: кивать, шагать).

Близко видно, да ногамъ обидно.

Вода близка, да гора склизка.

Вода-то и близко, да ходить склизко.

Мѣряла старуха клюкой, да махнула рукой (о проселочной дорогѣ).

Далеко околицей, да напрямикъ не попадешь.

Низко—такъ близко, а высоко — такъ далеко.

Хоть и далеко, да полетно.

Хоть далеко, да легко; а близко, да склизко.

Какъ изъ лука стрѣла (прямо).

Ворона прямо летаетъ, да за море не попадаетъ; косатка крюками летаетъ, да за море попадаетъ.

Прямо ворона летаетъ, да и та на куканъ попадаетъ.

Кто прямо ѣздитъ, въ полѣ ночуетъ (или: дома не ночуетъ, т. е., кто пускается проселками, ближнимъ путемъ).

Проселкомъ (околицей)— къ ночи; а прямо — дай Богъ къ свѣту!

По небу широко, по землѣ далеко. Еще до берегу далеко.

Далече да близко. Дальше положь, ближе возмешь.

На край свѣта (далеко). По край крещенаго свѣта (міра).

Не за горами, а за дворами (за плечами).

За спиной (тайно); за плечами; передъ носомъ; у воротъ; у порога: не за горами (близко).

Рукой подать (т. е., близко). На лоткѣ подать.

Горшокъ со щами на ухватѣ передать.

Бабы черезъ улицу изъ окна въ окно горшки ухватомъ передаютъ (такъ узка улица).

Просторъ — тѣснота.

Двоимъ сѣсть, такъ нельзя и гресть.

Двоимъ за нужду влѣзть, и то ни стать, ни сѣсть (Крыловъ).

Въ большомъ углу сами живемъ, а печь да полати въ наемъ отдаемъ.

И тѣсенъ домъ, да просторенъ онъ.

Не просторно, да дворно. Дворно, да не просторно.

Въ тѣснотѣ люди живутъ. Гдѣ тѣсно, тамъ и ложись.

Въ тѣснотѣ люди живутъ, а на просторѣ волка гоняютъ.

Въ тѣснотѣ люди пѣсни поютъ, на просторѣ волки воютъ.

Лучше жить въ тѣснотѣ, чѣмъ въ обидѣ (чѣмъ въ лихотѣ).

Мѣста много, а привалиться негдѣ.

Вмѣстѣ — тѣсно, розно — тошно (скучно).

Не изойметъ тѣснота, не изняла бы (не одолѣла бы) лихота.

Не тѣснота губитъ (тѣснитъ), а лихота.

Коли тѣсно, такъ и курица курицу съ насѣсти сталкиваетъ.

На одномъ гвоздѣ всего не повѣсишь.

И всѣмъ было бъ мѣсто, коли бъ не было тѣсно.

Киселю да царю — всегда мѣсто есть.

Кому тѣсно, а намъ будетъ мѣсто.

Коли тѣсно, такъ подвинься (насмѣшка)!

На каждаго вора много простора.

Свѣтъ-то не угломъ (не клиномъ) сошелся (найдешь себѣ мѣсто).

На свѣту не на клину—мѣста будетъ (т. е., для всѣхъ).

Свѣтъ не то, что клинъ (земли)—одинъ весь не захватитъ.

Свѣтъ—не баня, для всѣхъ мѣста будетъ (или: не семерымъ только мѣсто; о банѣ крестьянской).

Передъ нами свѣтъ не клиномъ сошелся.

Не только свѣту, что въ окнѣ: на улицу выйдешь, больше увидишь.

На прозорномъ мѣстѣ (откуда далекій видъ) стоять хорошо.

Давка, что руки не продерешь (что локтями не продерешься).

Такая тѣснота, что яблоку пасть негдѣ.

Терпѣть я не могу этой тѣсноты! (сказалъ Хохолъ, доставая огня на трубку и опрокинувъ котелокъ на треножникѣ, въ чистой степи).

Проклятые Москали: понаставили столбовъ, что и проѣхать негдѣ (сказалъ Хохолъ, зацѣпивъ возомъ за верстовой столбъ, среди степи).

Когда бъ не тѣсно, пошелъ бы плясать (пустился бы въ присядку).

Въ чистомъ полѣ тѣснота: одинъ кашу варитъ, да и ту пролилъ.

ГДѢ.

Вездѣ и нигдѣ. Старикъ вездѣ и нигдѣ.

Ворона въ пузырѣ занесла (отвѣтъ на вопросъ: ты какъ сюда попалъ).

И костей его сѣдая ворона сюда не занашивала.

У чорта на кулижкахъ. Гдѣ? Противъ неба на землѣ.

Противъ неба на землѣ, въ непокрытой улицѣ.

У всѣхъ святыхъ на Кулижкахъ, что въ Кожуховѣ за Пречистенскими вороты, въ Тверской ямской Слободѣ, не доходя Таганки, на Ваганкѣ, въ малыхъ Лужникахъ, что въ Гончарахъ, на Воргунихѣ, у Николы въ Толмачахъ, на Трехъ горахъ и пр. (т. е., нигдѣ).

За Яузой на Арбатѣ, на Воронцовскомъ полѣ близъ Вшивой горки, на Петровкѣ, не доходя Покровки. За Серпуховскими воротами, позади Якиманской, не доходя Мѣщанской, въ Кожевникахъ, прошедши Котельниковъ, въ Кисловкѣ подъ Дѣвичьимъ, въ Гончарахъ, на Трехъ горахъ, въ самыхъ Пушкаряхъ, на Лубянкѣ, на самой Полянкѣ и пр. и пр. (т. е., нигдѣ: шутка надъ Москвою).

Счетъ.

Одинъ: какъ Богъ, какъ перстъ, какъ порохъ въ глазу, какъ верста въ полѣ, какъ маковъ цвѣтъ.

Однова́ не въ счетъ. Разъ не въ разъ.

Одна правда (т. е., не двѣ) на свѣтѣ живетъ.

У Бога правда одна.

Парочка, баранъ да ярочка.

Третій (игрокъ, слушатель, спорщикъ) подъ столъ.

Двое дерутся, третій не мѣшайся!

Двѣ собаки дерутся (грызутся), третья не суйся!

Тринадцать несчастное число (отъ Іуды предателя).

Третины, девятины, сороковины, да годовщины.

Рускимъ счетомъ будетъ всего столько-то.

Четъ, или нечетъ? Богъ нечетку любитъ. Нечетка счастливая.

Одинъ, другой — обчелся. Разъ, два, три — обчелся.

Курицу подсыпаютъ нечетомъ яицъ.

Кнутъ да пушка (при салютѣ) любятъ нечетъ.

Нечетъ счастливая. Чета́ться, такъ не́чета держаться.

Одинцу нѣтъ дружки. Одинецъ дороже сорока соболей.

Двойчатка счастливая. Самдругъ—любовь да совѣтъ.

Богъ любитъ Троицу. Святой счетъ, что Троица. Три перста крестъ кладутъ.

Безъ Троицы домъ не строится, безъ четырехъ угловъ изба не становится.

Безъ четырехъ угловъ изба не рубится. Домъ о четырехъ углахъ.

Четыре страны свѣта, на четырехъ моряхъ положены.

Четыре угла дому на строеніе, четыре времени году на совершеніе.

Въ рукѣ пять перстовъ. На пяти просвирахъ обѣдня.

Православная церковь о пяти главахъ.

Безъ пяти просвиръ обѣдни нѣтъ, а шестая въ запасѣ.

На борту шесть пуговицъ. Шестоперъ — атаманская булава.

Шестерня — бригадирская ѣзда.

На недѣлѣ семь дней. Семь мудрецовъ на свѣтѣ было.

Семь планидъ на небѣ. Семеро одного не ждутъ.

Осьмый день, что первый.

Девятый мѣсяцъ на свѣтъ нараждаетъ. Девятый валъ роковой.

На рукахъ, на ногахъ по десяти перстовъ. Безъ десятковъ и счету нѣтъ.

Одиннадцать, ради нечета.

Въ году двѣнадцать мѣсяцовъ. Двѣнадцать Апостоловъ и колѣнъ Израильскихъ.

Тринадцатый подъ столъ. Плохихъ по тринадцати на дюжину кладутъ (да и то не берутъ).

Единъ Богъ; два тавля Моисеевыхъ; три Патріарха на землѣ; четыре листа Евангельска; пять ранъ Господь претерпѣлъ; шесть крылъ Херувимскіихъ; семь чиновъ Ангельскихъ; восемь круговъ солнечныхъ; девять въ году радостей; десять Божьихъ заповѣдей; единдесять Праотецъ; дванадесять Апостоловъ.

Двѣ тысячи вѣниковъ, пятьсотъ голиковъ, по три денежки сотня — много ли рублевъ?

Пять денегъ да грошъ, пять копеекъ, да денежка стара — много ли стало?

У полусемыхъ мышей много ли ногъ да ушей?

Мужикъ купилъ три козы, заплатилъ за нихъ двѣнадцать рублей, по чему каждая коза пришла? (По землѣ).

Купить на сто рублей сто скотинъ, платить—и по десяти рублей за одну, и по пяти рублей, и по пятидесяти копеекъ: по скольку скотинъ придется на каждую цѣну? (По пятидесяти копеекъ девяносто скотинъ, по пяти рублей девять скотинъ, по десяти рублей одна скотина).

Летѣло стадо птицъ на рощу: сѣли по двѣ на дерево — одно дерево осталось; сѣли по одной — одного не достало. Много ль птицъ и деревъ? (Три дерева и четыре птицы).

Летѣло сто гусей, на встрѣчу имъ одинъ гусь: здравствуйте, говоритъ, сто гусей! Нѣтъ, насъ не сто гусей: кабы было еще столько, да полстолька, да четверть столька, да ты гусь, такъ бы насъ было сто гусей. Сколько ихъ летѣло? (36 гусей).

Шелъ мужъ съ женой, братъ съ сестрой, да шуринъ съ зятемъ: много ль всѣхъ? (Трое).

Шли столбцомъ, сынъ съ отцомъ, да дѣдъ со внукомъ: сколько ихъ? (Трое).

У семерыхъ братьевъ по одной сестрицѣ, много ли всѣхъ? (Одна).

Шли двѣ матери съ дочерьми, да бабушка со внучкой, нашли полтора пирога, по многу ль достанется? (По половинкѣ).

Шелъ одинъ, нашелъ пять рублей; трое пойдутъ, много ли найдутъ?

У Ноя три сына: Симъ, Хамъ и Афетъ — кто имъ былъ отецъ? (Василій Кузнецъ).

Сидятъ три кошки, противъ каждой кошки двѣ кошки, много ль всѣхъ? (Три).

Пудъ муки по три рубли: во что обойдется пятачная булка?

Грошъ, да три деньги отложь.

Семь безъ четырехъ, да три улетѣло.

На сто пусто, на пять сотъ ничего.

Полтина безъ алтына, безъ сорокà семи копеекъ.

Сорочи не сорочи, а какъ сорокъ безъ одной, такъ ступай домой!

Конанье (жеребій).

Одіанъ, другіанъ, тройчанъ, черичанъ, па́данъ, ладанъ, сукманъ, дукманъ, левурда, дыкса.

Одино, попино, двикикиры, гайнамъ, дайнамъ, споведось, сподалось, рыбчинъ, дыбчинъ, клекъ (Конаются въ игрѣ).

Краюшка, горбушка, ломтикъ (То же).

Разъ, два—упала гора; три, четыре—прицѣпило; пять, шесть—бьютъ шерсть; семь, восемь — сѣно косимъ; девять, десять,—деньги вѣсить (То же).

Сѣку, сѣку двадцать, высѣку пятнадцать, стану честь, всѣ пятнадцать есть (или: здѣсь. То же).

Сѣку, сѣку двадцать, высѣку пятнадцать, будь мои пятнадцать всѣ сполна (Рубятъ ножемъ по щепкѣ 15 зарубокъ).

Сѣку, сѣку двадцать, высѣку пятнадцать, всѣ сполна до едина пятна (То же).

Сѣку, сѣку двадцать, высѣку пятнадцать, сѣкъ, пересѣкъ, до пятнадцати досѣкъ.

Первой, другой, согнулъ дугой; три, четыре, прискочили; пять шесть, бьютъ шерсть; семь восемь, сѣно косимъ; девять десять, дѣвокъ вѣсить; одинадцать, двѣнадцать, некуда дѣваться (Конаются).

Перводанъ, другоданъ, на колодѣ барабанъ: свистель, коростель, пятерка, шестерка, утюгъ (То же).

Первончики, другончики, на жолобѣ, на колодѣ, ставка, пленка, сучокъ, каблучокъ, заяцъ, мѣсяцъ, вырвалъ травку, положилъ на лавку, кто взялъ? Ты (То же).

Первинчики, другинчики, на колодѣ котышки, ни попъ, ни горохъ, мотовильце, рожокъ, испеки пирожокъ, поѣзжай въ Торжокъ, купи горшокъ—ни малъ, ни великъ, въ полтора ведра, тараканья дыра, въ подпольи была, не заплесневѣла (То же).

Первачики, другачики, на колодѣ лодачики; перводанъ, другоданъ, на колодѣ угадалъ, пять сотъ судья, пономарь ладья, Акулина кошка,

голубина ножка, прѣла, горѣла, по морю летала, за моремъ пала, церковь стала, кумъ, да кума, полкубышки вина, онъ, да соломка, луковка дикая—вонъ (То же).

Перванчики, друганчики, катали колобанчики, на пять костровъ половину дровъ, ѣхалъ шуринъ, высѣкъ черепъ, черепъ лысый — тотъ и вышелъ, вонъ пошелъ (То же).

Перводанъ, другоданъ, на четыре угадалъ, пять сотъ судья, пономарь ладья, щеголева теща, самъ щеголекъ (То же).

Перводанъ, другоданъ, на колодѣ угадалъ, пять сотъ судья, пономарь ладья, Катерина кочка, сломана ножка, прѣла горѣла, за море летѣла, въ церкви стала, кумъ да кума, на кубышкѣ дыра, на стѣну воронъ, жилъ соколъ колоколъ; ведра, ножницы, вонъ (То же).

Чей ты? Сѣчкинъ, запечкинъ, сѣренькой овечки ягненокъ.

Летѣла сова изъ краснаго села, сѣла сова на четыре кола.

Беру ягодку, черную смородинку, батюшкѣ въ стаканчикъ, матушкѣ въ рукавчикъ, сѣрому медвѣдю меду на лопатку; усь, медвѣдь, побѣгай за мной (То же).

Сказка, присказка, прикована невѣстка къ сундуку за ручку, за ножку, за синь сарафанъ.

Сказка, присказка, прикована невѣстка къ стульцу, къ ножкѣ, къ липовой лутошкѣ, къ собачей норѣ.

Чашечка маленька, медокъ сладокъ, чѣмъ конь кормитъ? сладкимъ пытомъ, подъ копытомъ—брысь!

Чики, чики, чикалочки, одинъ ѣдетъ на палочкѣ, другой на тележкѣ, щелкаетъ орѣшки.

Асикъ, масикъ, винный жолобъ, князь, король, чашки, ложки, медокъ, сахарокъ.

Яблочко катилося вкругъ огорода, кто его поднялъ, тотъ воевода, тотъ воеводъ, воеводскій сынъ: пишелъ, вышелъ, вонъ пошелъ!

Катилося яблоко вкругъ огорода, кто его подыметъ, тотъ вонъ выдетъ.

Свинка ходитъ по бору, щиплетъ лебеду траву: она рветъ, не беретъ, подъ березку кладетъ.

Пляши, Вантя, не виляй, на ужину добывай: не добудешь—битый будешь, а добудешь—сытый будешь.

Чирики мигирики, пò кусту, по насту, по липову мосту, по лебедю крыласту, жучикъ, крючикъ.

Кова нова, чѣмъ подкованъ? златомъ битымъ, подполитымъ, мѣдянъ палецъ, руки за печь.

Уточка маленька, зачѣмъ долго не была? Бояршна родила, чухманъ, лухманъ, сыворотка, творогъ.

Плыла пѣна изза моря, стали пѣну бити, колотити, стали спрашивати, кто васъ болѣ, кто васъ менѣ: чашка, ложка, медокъ, сахарокъ.

Прѣло, горѣло, осиново полѣно, за море летѣло, за моремъ церква, въ церкви икона, живопись куликова: шишелъ, вышелъ, вонъ пошелъ.

Чигирики, мигирики, шаранды баранды, пò мосту, по мòсту, по лыкову мосту̀: шишелъ, вышелъ, вонъ пошелъ.

Иванъ болванъ, молоко болталъ, да не выболталъ, женѣ отдалъ, жена пролила, бычка родила, быкъ свиснулъ, за курами тряснулъ, куры летаютъ, головы ломаютъ, Иванъ подбираетъ.

Мѣсяцъ, мѣсяцъ, гдѣ ты былъ? Въ лѣсу. Что ты дѣлалъ? Лыки дралъ. Куда клалъ? Подъ колоду. Кто взялъ? Родіонъ. Поди вонъ!

Гори дрова жарко, пріѣдетъ Захарка, на писаныхъ санкахъ, самъ на кобылѣ, жена на коровѣ, дѣтки на телятках, на рябыхъ, на пѣгихъ собачкахъ.

Кулю, кулю баба, не выколи глаза, поди въ кутъ, тамъ дѣвки ткутъ, тебѣ денежку дадутъ, либо мочки клокъ, либо гребнемъ въ лобъ.

Первечики, другечики, лебеди по насту, кустикъ, свистикъ, свинка, полянка, шишелъ, вышелъ, онъ, Родіонъ, ступай вонъ!

Кузька да Васька, ѣздили на Вятку, купили двѣ шапки, о четырехъ углахъ — туда уголъ, сюда уголъ, по середкѣ кисть, по затылку хлысть (дерутъ за волосы въ карточной игрѣ).

Чичеръ, ячеръ, сходитеся нàдеръ; кто не деретъ, того (пуще) за власы драть, за косицы, за власицы, за единый волосокъ; не учись

грѣшить, учись Богу молиться, Христу поклониться (Дерутъ волосы за проступокъ).

Ярка не ярка, баранъ не баранъ, старая овечка не ягнится, тутъ крестъ, тутъ крестъ, а тутъ, чтобы чортъ не влѣзъ (Въ игрѣ, приговаривая, бьютъ мячемъ въ голову).

Пера, эра, чуха, рюха, пята, сота, ива, дуба, мака, крестъ (Шуточный счетъ до десяти).

Пора — мѣра — спѣхъ.

Пора, что желѣзо: куй, поколѣ кипитъ!

Не время дорого, пора.

Пора придетъ и часть мою принесетъ.

День мой — вѣкъ; мой что до насъ дошло, то и къ намъ пришло.

Всякому дню подобаетъ забота своя.

День придетъ — и заботу принесетъ.

Много дней впереди, много и назади.

Вѣкъ мой впереди, вѣкъ мой назади, а на рукѣ нѣтъ ничего.

У Бога дней много. Впереди дней много.

У Бога дней не рѣшето. Божьи дни не вымерли.

Часъ часовать — не ночь ночевать (не вѣкъ вѣковать).

Ночь ночевать—не вѣкъ вѣковать. Годъ годовать, не вѣкъ вѣковать.

Три года — не три вѣка. Три дня не три года.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ (или: утечетъ до того).

Солнышко насъ не дожидается.

Солнышко восходитъ, барскихъ часовъ не спрашивается.

Сорокъ лѣтъ — бабій вѣкъ.

Двадцать пять лѣтъ — солдатскій вѣкъ.

Часъ лучше мастера. Безъ досугу, ни досужества.

Не дологъ часъ временемъ, а дорогъ часъ улучкой.

Пороть горячку (отъ суеты и недосуга).

Когда завтра будетъ. Послѣ дождика въ четверкъ.

Когда песокъ по камню взойдетъ.

Душа мѣру знаетъ.

Черезъ край не лей! Бухай, да не у́хай!

Черезъ край польешь, черезъ край и пойдетъ.

Отъ избытка уста глаголютъ.

Перерóдъ хуже недорода (цѣ́ны низки).

Незнаемая прямизна наводитъ на кривизну.

Повадишься къ вечернѣ — не хуже харчевни: нынѣ свѣча, завтра свѣча, анъ и шуба съ плеча.

Богу молись, а добрà ума держись (а къ берегу гребись)!

Пей, кума, да не пропей ума!

Черезъ край пила, да пьяна не была.

Говори, да не заговаривайся! Ври, да не завирайся!

Ѣшь и пироги, да хлѣбъ впередъ береги!

Пей, не напивайся; люби, да не влюбляйся; играй, да не отыгрывайся!

Худо — какъ печь дымитъ, худо какъ и толсто сложена.

Малыя птички свиваютъ малыя гнѣ́зда.

Большому кораблю — большое плаванье.

Противъ клѣтки и истопка.

По Сенькѣ и шапка, по бабѣ и шлыкъ.

Медвѣдь по коровѣ съѣдаетъ, да голоденъ бываетъ; а кура по зерну клюетъ, да сыта живетъ.

Бездонной кадки водою не наполнишь.

На волчью (на нашу) яму не напасешься хламу.

На нашу яму (семью) хлѣба не наямишься.

Не скоро, да здорово (да споро).

Хоть не скоро, только бъ споро; не ворово, да здорово.

Что хорошо, то не скоро. Что хорошо, то съ поотдышкой.

Поспѣшить, да людей насмѣшить.

Не устать поспѣшить, да людей бы не насмѣшить.

Не устать поспѣшать: было бы кого догонять.

Спѣшить не спѣши, а поторапливайся!

Скораго дѣла не хвалятъ. Нáскорѣ слѣпыхъ рожаютъ.

Дай срокъ — не сбей съ ногъ!

Дай отсрочку: будетъ дѣло въ точку.

На хотѣнье — есть терпѣнье.

Постой, да и Господь съ тобой! Постой; а не хочешь стоять — Господь съ тобой!

Сóвокъ, да не ловокъ; спѣшливъ, да смѣшливъ.

Погоди, пусть прояснится; вишь заволокло!

Ты шестой, у воротъ постой!

Постой холостой, дай подумать женатому!

Онъ нигдѣ мѣста не пригрѣетъ (непосѣдъ; — не нагрѣетъ, его не держатъ).

Нечего нукать, и самъ свезешь (не торопи).

Скороспѣлка до поры загниваетъ. Пиши, да не спѣши!

Дуй до горы, а въ гору принаймемъ, да подпряжемъ.

Скоробогаткѣ не сдобровать. Жарко ковать — холодно торговать.

Торопомъ вороху не вывѣешь. Поспѣшать — за зайцемъ гнать.

Сметать дѣло на живую нитку. Сдѣлать на скорую руку.

Вали валомъ (или: клади въ мѣшокъ), послѣ разберемъ.

На скору ручку—комкомъ да въ кучку.

Нáскоро дѣлать, передѣлывать. На оживѣ, для расживы.

Сватья на свадьбу спѣшила, на мутовкѣ рубаху сушила, на порогѣ повойникъ катала.

Кто отсталъ? Скорый; кто дошелъ? Спорый.

Горяченькій скоро надсѣдается (надрывается).

Не торопко кади, святыхъ не опали! Густо кадишь, святыхъ задымишь.

Дымно кадишь, святыхъ зачадишь.

Тише ѣдешь, далѣ будешь.

Сперва не прытко, а тамъ потише.

Скоро поѣдешь, не скоро доѣдешь.

Не переведя духу, дальше воротъ не добѣжишь

Прытко бѣгаютъ, такъ часто пáдаютъ.

Съ горы безъ хомута, а въ гору въ три кнута.

Подъ гору вскачь, а на̀ гору хоть плачь.

Не вдругъ подъ гору, а съ понаровочкой.

Возъ подъ горою, а возжи въ рукахъ.

Не торопи ѣздой, торопи кормомъ!

Не погоняй кнутомъ, погоняй мѣшкомъ (овсомъ)!

Не торопись отвѣчать, торопись слушать!

Не спѣши ѣхать, спѣши кормить!

Не въ два кулака (молота), не желѣзо кипитъ.

Не торопись (не спѣши) корова: конь воровѣй (бойчѣе).

Не спѣши, коза, всѣ волки твои будутъ.

Не спѣши, куманекъ, не вздутъ огонекъ.

За̀торопомъ не возьмешь. За̀торопки не удатливы.

Грунью лѣта не избѣгаешь. За̀торопка со спотычкой живетъ.

Всего вдругъ не сдѣлаешь.

Не подъ дождемъ: постоимъ, да подождемъ.

Сколько ни бѣжать, а не миновать отдыхать (стоять).

Тихій возъ будетъ на горѣ. Шагомъ обозы идутъ.

Который конь скоро бѣжитъ, тотъ (послѣ) долѣ стоитъ.

Быстрая лошадь скорѣе станетъ.

Ѣдь да гони — голени голы. Зелено косить.

Валяй, кургузка, не далече до Курска: семь верстъ отъѣхали, семь сотъ ѣхать.

Понукалъ, понукалъ, да и волкомъ взвылъ.

Нукали, нукали, да и стали птрукать.

Нукать нукай, да не пришлось бы птрукать.

Зацѣпившись за пень, простоялъ весь день.

Скоро, хорошо не родится. Поспѣшай, да не торопись!

Что скоро, то и не споро. Скоро — не споро.

Скоро блины пекутъ. Это — не блинъ испечь. Не блинъ — не испечешь.

Съ пылу хватать — не наѣсться, а обжечься.

Будто — тяпъ-ляпъ, да и корабль. Тонко прясть — долго ждать.

Дѣлать, что огонь (т. е., спѣшно), такъ и съ дѣломъ-то въ огонь.
Онъ на дѣло-то огонь, да и съ дѣломъ-то въ огонь.
На работу огонь, а работу хоть въ огонь.
Дѣлаютъ какъ нибудь, такъ и выходитъ какъ нибудь.
Дѣлать какъ нибудь, такъ ни какъ и не будетъ.
И готово, да безтолково. Совсѣмъ: хоть сей часъ брось.
Не возжой трясутъ (т. е., не погоняютъ тебя).
Не Спасъ обыденный, поспѣешь (обыденныя церкви строились міромъ. по обѣту, въ одни сутки).
Не обыденное дѣло: не уйдетъ.
Годъ—не недѣля, Покровъ—не теперя, до Петрова дня—не два дня.
Рядись (т. е., торгуйся)—не торопись, а послѣ не вертись!
Спѣшливъ, суетливъ: обувшись парится.
Сѣдлай порты, надѣвай коня!
Не мудрено голову срубить, мудрено приставить.
Не спѣши съ козами на торгъ: козъ продаси и деньги проѣси (продашь, проѣшь. Смоленск.).
Не спѣши языкомъ, не лѣнись дѣломъ (а торопись дѣломъ)!
Не спѣши языкомъ, торопись кочадыкомъ!
Когда смелемъ, тогда и домой поѣдемъ.
Не торопись: смелешь, такъ въ ту пору и уѣдешь.
Не торопись: когда смелешь, тогда и доѣдешь.
Погоди: въ старомъ походи. Погоди дуть, еще какъ дадутъ.
Не спѣши къ капустѣ, какъ припустятъ.
Не спѣши хватать: оботри руки!
Не торопись хватать: одуй пальцы!
Того не берутъ, чего въ руки не даютъ.
Не выносивши, не родишь, а выкинешь.
Скоро дѣлаютъ, такъ слѣпо выходитъ. Скоро блохъ ловятъ.
Годится и торопиться, коли подъ пальцами шевелится.
Родился — не торопился, а теперь не за чѣмъ.
Родился, не торопился: не спѣшить стать и умереть.
Постой, холостой, дай поправиться женатому!

Ваша рѣчь впереди (т. е., подожди).
Не торопи: дай умыться, да помолиться, да перекусить!
Не торопи умирать, дай состарѣться!
Торопись на побѣжкахъ, да торопись на погонѣ (всугонь).
Слѣпой въ баню торопится, а баня не топится.
Торопится, какъ слѣпой въ баню.
Баня не топится, а кривая все торопится.
Торопыга—босомыга, а съ толкомъ при животахъ.
Не торопомъ на мерина (нà конь), не по два вдругъ.
Не торопко поповна, не по два вдругъ.
Постой, Татаринъ: дай саблю выхватить (или: отточить)!
Не торопко по клюкву, когда морозъ.
Подожди, еще кукушка не прилетѣла.
Не угадывай въ три дня, угадывай въ три года!
Скоро огонь горитъ, да вода бѣжитъ.
Скорое кушанье — толокно: замѣси, да и въ ротъ понеси.
Побѣги, да не зашиби ноги! Скоро пойдешь — ногу зашибешь.
Не малина—не опадетъ. Марина не малина, въ одно лѣто не опадетъ.
Не отлагаетъ свѣтъ заутрени, ни тьма вечерни.
За спѣхомъ не угоняться.
Часомъ мòря не переѣдешь.
Часомъ не нажиться. Кусомъ не наѣсться (не подавиться).
Въ коровѣ молоко не прокиснетъ.
Не разомъ (не въ день, не въ сутки) Москва построена.
Москва вѣками строилась.
Солнце пригрѣетъ — все поспѣетъ.
Слегка, да до сыта. Въ день на годъ не наѣшься.
Пора пройдетъ — другая придетъ.
Мало по малу птичка гнѣздо свиваетъ.
Мѣнялъ тихо, а вымѣнялъ лихо.
Сзади идешь — больше найдешь.
Былъ такой, что торопился, да скоро умеръ.
Торопиться жить — скоро умереть.

У меня дядя все спѣшилъ, да и померъ.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается.

Скоро шары перекатываются, не скоро королька подбиваютъ.

Откладывать въ долгій ящикъ.

Положить въ долгій ящикъ (при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, ящикъ для просьбъ?)

Пошла кишка по урядью (затянулось дѣло по степенямъ).

Его не скоро раскачаешь. Его не скоро на ноги подымешь. Не скоро расшевелишь.

Поворачивается, какъ исподній жерновъ.

Помчался на волахъ по почтѣ.

Сѣю, вѣю, не поспѣю. Часы на стѣнѣ, а время на спинѣ.

Что ты меня, какъ покойника, везешь?

Словно горшки на торгъ везетъ. Словно горшки, по гѳршки!

Пошли его, да и кланяйся. Не нукнешь, и не уѣдешь.

Пошли Ѳомой, да и сами ходой (стар. кѣмъ послать).

Видно Арсенья ждать до воскресенья.

Жди Арсенья, съ дорогимъ горохомъ.

Его за смертью посылать. Гдѣ онъ? Пошелъ пропадать.

Пошла по масло, а въ печи погасло.

Пошелъ по канунъ, да тамъ и потонулъ.

Пошелъ по вязье, да и завязнулъ.

Пошелъ провѣдать, да и остался обѣдать.

Сталъ, какъ ракъ на мели. Сталъ, какъ вкопаный.

Сталъ, какъ быкъ въ стѣну рогами.

Протянулъ, что голодное лѣто.

Съ Татарскій прологъ (коранъ). Какъ кошачій мясоѣдъ тянется.

Совсѣмъ готово, только хомутъ надѣть.

Совсѣмъ, только голову приставить.

Улита ѣдетъ, когда-то будетъ. Ѣдетъ Емеля—ждать его недѣлю.

Ѣдемъ мы изъ Зарядья въ Кремль, девятый день.

Девять днёнъ, девять верстъ — какъ соколъ летѣлъ.

Ананьинъ внукъ ѣдетъ изъ Великихъ Лукъ.

Сидитъ надувается, три дня въ лапти обувается.

Наряжается, что Маланья на свадьбу.

Маланьины (Афросиньины) сборы. Маланьина свадьба.

Ждучи попъ усопшихъ, да и самъ уснулъ.

Нечего годить, когда попъ кадитъ.

То, да сё, да пятое, да десятое.

Это долга пѣсня. Этой пѣсни конца нѣтъ.

Слышали мы эту пѣсню.

Мы не доживемъ до конца этой пѣсни.

Пока у бабы поспѣютъ кныши, а у дѣда не будетъ души.

Баба по бору ходила, трои лапти износила.

Помрутъ и дѣти (внуки) наши, а конца пѣсни этой не дождутся.

Не копайся, ровно не ѣмши (не ѣвши).

Засиженное яйцо — всегда болтунъ.

Не дай Богъ — ни ждать, ни гнать (т. е., гнаться за кѣмъ).

Жди до втораго пришествія, до преставленія свѣта; до скончанія вѣка.

Подожди съ Московскій часъ (Московскую годинку).

Русскій часъ — все сейчасъ. Русскій часъ дологъ.

Русскій часъ — со днемъ тридцать (а Нѣмецкому и конца нѣтъ).

Русскій мѣсяцъ подождетъ (потому что отсталъ, по старому счисленію).

Въ Русскій часъ много воды утечетъ (сейчасъ).

На одной недѣлѣ четверка четыре, а деревенскій мѣсяцъ — съ недѣлей десять.

Сутки съ недѣлей безъ семи дней. Безъ году годъ со днемъ.

Годъ со днемъ. Безъ году недѣля.

Годъ — не недѣля: все будетъ, да не теперя.

Гость не долго гоститъ, да много видитъ.

Обыденкѣ сутки — и то вѣкъ.

Дважды (по дважды) въ годъ лѣто не бываетъ.

Долго ходить — мертваго родить (повѣрье).

Рядился на годъ, а завтра срокъ.

Думалъ въ годъ, анъ завтра срокъ (т. е., занималъ на годъ, а срокъ исполнилъ).

У Бога не долго, а у насъ тотчасъ.
У кого не долго, а у насъ какъ разъ.
Какъ вскипѣло, такъ и поспѣло.
Хомутъ да дуга, и вся ва́га (и вся не долга̀).
Какъ родился, такъ и явился (скоро).
Одна нога тутъ, другая тамъ (говорится о быстротѣ поѣздки).
Шапки съ головы ухватить не успѣешь.
Не успѣетъ стриженая дѣвка косы̀ заплести.
Кто по годамъ, а мы по часамъ. Не по днямъ, по часамъ.
Ровно изъ огня хватаетъ. Духомъ сдѣлаю.
Мои сборы — онучи до оборы (т. е., немного).
Досужа кума: ложки вымыла, и щей налила (и во щи слила).
Вкругъ пальца (около пальца) обмотать (т. е., сдѣлать дѣло скоро и споро).
Это не долго: не пиво варить, не вино курить.
Тутъ хожено перехожено, и дорожка проторена.
Гости позваны, и постели посланы.
Совсѣмъ молодые: отпирайте клѣть (отъ свадебнаго обычая)!
Со всѣмъ Максимъ и котомка (и шапка) съ нимъ.
Со всѣмъ: кони на козлахъ и хомуты на кучерахъ.
Все наготовѣ: сани въ Казани, хомутъ на базарѣ.
Голова на плечахъ и шапка нахлобучена.
Дѣло это хоть въ рукавички обуй (т. е., готово).
Яйцо на лицо. На лицо, какъ яйцо (готово).
Какъ облупленное яичко. Наше дѣло въ рукавичкахъ.
Вотъ тебѣ луковка попова, облуплена готова.
Хозяинъ на куту, а ружье на крюку.
Отрубилъ, да и въ шапку. Сказано — сдѣлано.
У меня дѣло на чекѣ, на мази; дѣло въ шапкѣ.
Сгорѣло, такъ поспѣло (т. е., кончено). Поспѣло, что сгорѣло.
Разъ, два, три (т. е., живо, скоро, проворно).
Скоро, такъ ладно; а споро, такъ спасибо.
Скоро, такъ спасибо; а споро, такъ и два.
Не долго мѣтилъ, да хорошо попалъ.

Не долго думалъ, да хорошо сдѣлалъ (сказалъ).
Не долго думано, да хорошо сказано.
Далеко ѣхали, да скоро (да ладно, кстати) пріѣхали.
Не скоро запрягъ, да скоро пріѣхалъ.
Долго разсуждай, да скоро дѣлай!
Сперва думай, а принялся (а надумался), такъ дѣлай!
Сколько ни куковать, а къ зимѣ отлетать.
Сколько веревку ни вить, а концу быть.
Кипитъ, прѣетъ, къ обѣду спѣетъ.
Хоть нагишомъ, да съ палашомъ.
Хоть тѣлешомъ да въ шапкѣ Голъ, да исправенъ.
Постой! «За постой деньги платятъ» (а посидѣлки даромъ).
Скоро бѣгутъ, такъ заднихъ не ждутъ.
Семеро одного не ждутъ. Большой меньшаго не дожидается.
Пришло по та, что подай попа. Вынь да положь! Роди да подай!
Гнать въ хвостъ и въ голову. Дуй во всю Ивановскую.
Сломя голову Очертя голову. Безъ оглядки. Во всѣ лопатки.
Тихо идешь — бѣда догонитъ; шибко пойдешь, бѣду догонишь.
Родить — нельзя годить. Окачивайся, да поворачивайся!
Часомъ опоздано, годомъ не поверстаешь.
Наше дѣло на срокъ не поспѣло.

Нечаянность — расплохъ.

Расплохъ тороватъ. Расплохъ, какъ удой подсѣчетъ.
Взяли, какъ Мартына съ гулянья (внезапно).
Вотъ тебѣ разъ, другой бабушка дастъ.
Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день! (въ старину, срокъ вольнаго перехода крестьянъ отъ барина къ барину, уничтоженный Годуновымъ).
Поколь живъ — все живъ: а какъ померъ, такъ и не стало.
Поутру рѣзвился, а къ вечеру взбѣсился.
Жилъ, жилъ, да вдругъ и померъ (да и жилы порвалъ).

Недавно ослѣпъ, а ни зги не видитъ.
Недавно померъ, а ужъ и не живой.
Померъ, такъ не вѣнчать, а отпѣвать надо.
Какъ померъ, такъ и часу нѐ жилъ
Не думано, не гадано. Не чаяно, не вѣдано.
Не туда несено, да тутъ уронено.
Вскочилъ, какъ дождевой пузырь (какъ волдырь).
И во снѣ не видывалъ. И во снѣ не грезилось (не видѣлось).
Чего не чаешь, то скорѣе сбудется.
Какъ снѣгъ на голову. Словно съ печи свалился.
Мухой на кого пасть: я мухой паду (вдругъ, нежданно).
Какъ съ неба свалился. Какъ съ горы скатился.
Какъ съ крыши (съ полки, съ полкà, съ полатей) свалился.
Ровно его водой принесло. Бултыхъ, яко прославися (Семинарск.).
Какъ изъ яичка вылупился. Будто съ лука спрянулъ.
Жилъ на дому, а очутился на Дону (т. е., въ бѣгахъ).
Ровно кто его жегаломъ жеганулъ. Его, какъ шиломъ подняло.
Какъ огнемъ обхватило. Какъ варомъ (паромъ) обдало.
Хоть обварило, хоть ошпарило, а все не усидишь.
Ни свѣти́ло, ни горѣло, да вдругъ и припекло.
Ни грѣло, ни горѣло, да вдругъ и освѣтило.
Ждали теленка — а далъ Богъ ребенка.
Ждали протока, анъ весь матерой (о руслѣ рѣки?).
Ждали прибылаго, анъ весь матерòй (анъ семи осеней. Охотн.).
Ждала сова галку, а выждала палку.
И по заячьему слѣду доходятъ до медвѣдя.
Хвать, похвать, анъ волкъ хохлатъ (изъ сказки).
Не изъ тучи громъ грянулъ (изъ навозной кучи).
Не жданый карась въ вершу попалъ.
Не чаяно, не вѣдано, (не думано, не гадано), а бѣда на дворѣ.
Не успѣла кошка умыться, а гости наѣхали.
Не было сорòки, а гости у порога (отъ повѣрья).
Намъ думалось завьяли, анъ съ возомъ на дворъ.

Не гуляла и не жаловала — ни въ Рождество, ни въ масляницу, а привелъ Богъ въ Великій постъ.

Встрѣтиться носомъ къ носу (рыломъ къ рылу).

Сошлись (столкнулись), какъ клинъ съ обухомъ.

Сошелся, какъ съ запрягомъ изза угла.

Экія вѣсти! Укралъ воръ пѣтуха съ насѣсти.

Не видалъ, какъ упалъ; погляжу — анъ лежу.

Я креститься, что не спится? Погляжу, анъ не ужинавши лежу.

Шелъ въ баню на ногахъ, а изъ бани на дровняхъ (угорѣлъ).

Схватился, какъ съ горы скатился.

А ты бы схватился, какъ на лубочекъ садился: а то, спохватился, какъ съ горы скатился.

И гости не знали (не видали), какъ (что) хозяина связали.

Чудо — диво — мудреное.

Родясь не видалъ, умру не увижу.

Не видывалъ очми (такого дива), не то, что глазами (шутка).

Въ очью диво совершается (сказочн.).

Диковинная птица — черный лебедь. Диковина ежъ: а и его много.

Дивное диво, что не пьется пиво.

Дивная вещь, девятинскаго попа по плѣши ударить.

Не видала Москва таракана. Эка невидаль, что каша ѣстся.

Будто ты родясь на пляскѣ не бывалъ?

И мы видали, какъ бояре (медъ) ѣдали.

Хорошая нива — всякому въ диво.

Чудеса, а не колеса: сами катятся (только повези).

Эки чудеса: передокъ везу, задокъ самъ катится.

Эка диковина — рыба сиговина!

Никонецъ, съ того свѣта выходецъ.

Это диковиннѣе кукушечьяго гнѣзда.

Не диковина, что кукушка въ чужое гнѣздо полѣзла; а вотъ то бъ диковина, кабы свое свила.

Чудныя чудеса — шиломъ небеса.

Чего мало, то и въ диковину. Чего нѣтъ, то и на диво.

Гдѣ нищій не бывалъ, тамъ по двѣ милостыни даютъ.

Подкатила (подкатилась) середа подъ четверкъ.

Исплошилъ четвертокъ пятницу.

Исплошилъ понедѣльникъ воскреснаго пьяницу.

Давно ли ослѣпъ, да ужъ и не видитъ.

Недавно ослѣпъ, а ничего (ни зги) не видитъ.

Далъ Богъ нашему сидню ноги.

Не было ни деньги, да вдругъ алтынъ.

Не было ни чарки, да вдругъ ендовой.

Бываетъ, что и вошь кашляетъ. И курица пѣтухомъ поетъ.

Мужъ родилъ, жену удивилъ. На дураковъ не надивоваться.

Живетъ порою—течетъ и вода горою.

Ждали съ горъ, анъ подплыло низомъ.

Соколу лѣсъ не въ диво. Былъ въ лѣсѣ, а сталъ здѣся.

Какъ просватали невѣсту, такъ всѣ сотскіе да тысяцкіе.

На сватьбѣ всѣ бояре (а женихъ съ невѣстою князь да княгиня).

То мудрено, что на льду сварено.

Что значитъ, медвѣдь черезъ колоду скачетъ? Значитъ: либо пень не высокъ, либо медвѣдь сердитъ.

Эки чудны толки, что съѣли овцу волки.

Какъ такъ: корова черная, а молоко бѣлое? Вотъ диво: черная коровка, бѣлое молочко.

Вешнее яичко, да осеннее молочко (диво).

Осенью любаго гостя молокомъ потчуютъ, нелюбаго пивомъ.

Чудеса въ рѣшетѣ: дыръ много, а вылѣзть негдѣ (а выскочить некуда).

Кто домовины (долбленаго гроба, изъ колоды) не видывалъ, тому и корыто за диво.

Не велика штука, да мотовата (т. е., мудрена).

Людямъ на потѣшенье, всему свѣту на удивленье.

Людямъ на потѣшку, бѣлому свѣту на диво (на посмѣшку).

Богу не угодишь, такъ хоть людей удивишь.

Тому не дивись, что пьяные свалились (подрались).

Что тому дивиться, что земля вертится: напейся пьянъ, увидишь и самъ.

То не диво, что мужикъ сварилъ пиво, а то диво, что не даютъ варить (объ откупахъ).

То не диво, что у богатаго много пива.

Экая Пасха—шире Рождества.

Масляна широко разлилась: затопила Великій постъ.

Рѣка протекла, такъ подо всѣ города подошла.

Не ждалъ я отъ него такой рыси (прыти)

Это бываетъ сплошь да рядомъ. Слонъ родился, слонъ и есть.

Разводить руками (разсуждать, удивляться).

Этого днемъ со свѣчею поискать (такое диво, рѣдкость).

Кто всему дивится, на того и люди дивятся.

Это какъ лапоть сплесть. Что мутовку облизать.

Сверху легко плевать, попробуй-ка снизу.

Легко сказать, не легко доказать. Это не мутовку облизать.

Это—не возжей трясти (т. е., помудренѣе будетъ).

Для нашего брата—дѣло рогато. Коротко да узловато.

Это печать премудрости Соломоновой, съ семью (9-ю, 12-ю) столпами (говорится о чемъ либо таинственномъ, или непонятномъ).

Не при мнѣ (при тебѣ, при немъ) писано (т. е., не понимаю).

При насъ читано, да не при насъ писано.

Тарабарская грамота. Съ похмелья не выговоришь.

Легко начать, да нелегко кончать. Начать-то такъ, да кончать какъ?

За этой работой когда нибудь безъ покаянія умрешь (на пр., читая безграмотное письмо, нечеткую руку и пр.).

Заживо чудеса творитъ.

Съ него станется этого. Съ него всякихъ чудесъ станется.

Не штука дѣло, штука разумъ. Что хитро, то и не просто.

Что хитро, то и просто: девятью десять девяносто.

Отъ сухаго сырта вода бѣжитъ (диво).

А ларчикъ просто открывался (Крыловъ).

Глядитъ, какъ гусь на зарево.

Смотритъ, что корова на писаные ворòта.

И дуракъ кашу съѣсть, было бы масло.

Не устать доспѣть, было бы что съѣсть.

И дурень кашу сваритъ, была бы крупица, да водица.

То не мудрено, что пиво сварено, а мудрено, что (не) выпито.

Мостъ не великій постъ, можно и объѣхать.

Не дивья́ Богородицѣ, коли сынъ Христосъ.

Не диво, что у Царя жена хороша (отъ древняго обычая избирать жену)

Что больше живешь на свѣтѣ, то больше увидишь.

Гòры падаютъ, долы встаютъ.

Поживи съ наше, еще и не то увидишь.

Эко диво! Эка невидаль! Что это за невидаль!

Не боги же и горшки обжигаютъ.

По сытому брюху хоть обухомъ. Сытый ничему не дивуется.

Такіе чудеса, что дыбомъ волоса.

Съ одного конца хитро, съ другаго мудренѣй того; а въ середкѣ— умъ за разумъ заходитъ (о машинѣ).

Мудрено, что тѣло голо; а шерсть растетъ—мудренѣй того.

Хитеръ бычокъ: языкомъ подъ рѣпицу достаетъ.

Хитрѣе теленка не будешь: языкомъ вкругъ себя не достанешь.

Мудеръ, а не какъ теленокъ: какъ онъ, языкомъ не достанешь.

Хитро, сколотить ведро: клепки подъ лавку, а обручи въ печь. и не будетъ течь.

Въ голову не вколотишь (не втемяшишь)

Долбней въ голову не вобьешь (т. е., что мудрено кажется)

Смыслъ не солянка: его ложкой не расхлебаешь.

Понимаешь, такъ понимаешь, а не понимаешь, такъ какъ знаешь.

Все на лицо, какъ выѣденное яйцо.

Чуденъ свѣтъ — дивны люди. Дивны дѣла твои, Господи!

Тайна — любопытство.

Что скажешь? А что спросишь.

Отгадай, въ которомъ ухѣ звенитъ (въ любомъ. Да чай слышалъ?).

Что знаешь, того и знать не хочется.

То не лестно, что извѣстно. Завѣдомое не спрашиваютъ.

За показъ (товара) денегъ не берутъ.

За косу выкупъ, а смотрины даромъ (свадеб. обычай).

И за поглядъ деньги берутъ (на цр., фигляры).

Много знать — скоро состарѣешься. Много знать — мало спать.

Кабы все ты зналъ, такъ бы мельницы ломалъ (дѣло знахаря).

Одинъ всего не узнаетъ. Одному всей премудрости не пройти.

Богъ вѣсть. Богъ знаетъ. Богу извѣстно (вѣдомо).

Какъ выростешь съ мать, все будешь знать.

Закрыты гостинцы, а открыты пироги (свадебн.).

Не все узнаешь, что въ городѣ творится.

Богъ про то вѣсть, что въ котомѣ то есть; а вѣдомо и тому, кто несетъ котому (изъ сказки).

Гдѣ два дурака дерутся, тамъ третій смотритъ.

Въ избѣ драка — народъ у воротъ.

На что? На спросъ; а кто спроситъ, тому чихирю въ носъ.

Отъ чего мужикъ въ кафтанѣ, баба въ сарафанѣ?

Вѣдь ты не духовный отецъ, а и мой не послѣдній конецъ?

Заглядываетъ, какъ собака въ кувшинъ. Заглядываетъ, какъ пыринъ (Индѣйскій пѣтухъ) на повѣть.

Ему позадверью лобъ набили (т. е., онъ подслушиваетъ).

О чемъ не сказываютъ, о томъ не допытывайся!

Въ ино время не надо знать, что люди говорятъ.

Что дальше (больше) разбирать, то хуже.

Знайку на судъ ведутъ, а незнайка дома сидитъ.

Знай меньше, а дѣлай (а спи) больше!

Соръ мети, да въ уголокъ хорони! Изъ избы сору не выноси!

Чужой тайны не повѣряй (не продавай)!

Открыть тайну — погубить вѣрность.

Знаетъ грудь одна, да подоплека (рубашечная подкладка).

Всякая тайна грудью крыта, а грудь подоплекой.

Какъ въ кремнѣ огонь скрытъ. Какъ въ кремнѣ огня не видать.

Снѣжокъ подпалъ, и слѣдокъ застлалъ (запалъ).

Снѣгу нѣту, и слѣду нѣту.

Какъ роса упадетъ, такъ и слѣдъ пропадетъ (по травѣ).

Выживу, какъ зайца изъ куста.

Какъ ни крыться, а будетъ повиниться.

Какъ ни жаться, а будетъ признаться.

Да ужъ я, что знаю, то знаю. Будь это промежъ насъ! Знай ты, да я!

Будь между нами сказано! Знай ты, да я (да онъ, да дядя Семенъ)!

Говоритъ съ уха на ухо, а слышно съ угла на уголъ.

Шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Чего не поищешь, того не сыщешь (того и не найдешь).

Ищай обрящетъ, а толкущему отверзется. Ищите и обрящете, толцыте и отверзется.

Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь. Кто за чѣмъ пойдетъ, то и найдетъ.

За худымъ пойдешь, худое и найдешь.

Языкъ до Кіева доведетъ. По ниткѣ дойдешь до клубка.

На ловца и звѣрь бѣжитъ. На сыщика воръ наскакиваетъ

Копнешь, такъ и найдешь. Тотъ и сыщетъ, кто ищетъ.

Копни поглубже, найдешь погуще.

Клещъ не вещь, гдѣ упалъ, тамъ и пропалъ.

Ищи, какъ хлѣба ищутъ!

Ищи, какъ собака блохъ ищетъ (т. е., перебирай по шерстинкѣ).

Давайте ребячью работу робить, но подлавочью ползать (искать).

Вымети подъ лавками, такъ скажется соръ.

Застятъ деревья — и лѣсу не видать.

Не только свѣту, что въ окнѣ: на улицу пойдешь, больше найдешь (на улицу выйдешь, больше увидишь).

Не только звону, что въ Звенигородѣ (есть и въ Москвѣ).

Искать по горячимъ слѣдамъ. Напасть на слѣдъ.

Ищетъ, какъ иголки. Это не булавка, можно найти.

Не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.

Не знаешь, что найдешь, а что потеряешь.

Не всякая находка кладъ. Не всякой находкѣ радуйся!

Охоча сорока до находки (т. е., воровка).

Нашелъ чортъ ботало, да и самъ ему не радъ (ботало, колокольчикъ вѣшаемый скоту на шею).

Нашелъ чортъ клубокъ, да боится взять.

Нашелъ чортъ клобукъ, да на рога не лѣзетъ.

Кладъ добудешь, да домой не будешь.

Умѣлъ найти, умѣй и потерять. Умѣлъ потерять, умѣй и найти.

Нашелъ — молчи; потерялъ — молчи (т. е., убоясь розысковъ).

Потерялъ — не сказывай, нашелъ — не показывай!

До того доживемъ, что авось еще наживемъ.

Поживемъ, такъ шубу наживемъ; а не наживемъ, хоть скажемъ, что было нажили.

Съ умнымъ, можно и найти и потерять.

Лучше съ умнымъ потерять, чѣмъ съ дуракомъ найти.

Лучше съ добрымъ потерять, чѣмъ съ благимъ найти.

Съ дуракомъ и найдешь, да не раздѣлишь.

Дай Богъ съ умнымъ потерять; не дай Богъ съ дуракомъ найти!

Не дай Богъ съ дуракомъ, ни найти, ни потерять!

Нашелъ чернецъ клобукъ — не скачетъ, а потерялъ, не плачетъ.

Прибыло мало, какъ изъ мошны пропало.

Лучше найти, нежели потерять.

Не далеко пошелъ, да рой нашелъ.

То не пропало, что въ руки попало.

Что по водѣ плыветъ, то Богъ даетъ.

Чѣмъ терять, такъ лучше не наживать (не рожать).

У кого пропало, у того бы въ горлѣ торчало; а кто нашелъ (укралъ), тому на здоровье.

У кого пропало, тому больше грѣха (т. е., отъ поклепа).

Кто взялъ, на томъ одинъ грѣхъ; кто потерялъ, на томъ сто.

Хлынъ взялъ (пропало). Что съ возу упало, то пропало.
Пришли, да взяли, такъ поминай какъ звали!
Былъ не былъ, жилъ не жилъ — знать, что пропалъ.
Что прошло, въ воду ушло. Махни рукой, да ступай домой!
Игла въ стогъ упала, пиши пропала.
Ищи въ шерсти, пиши пропало. Поминай, какъ звали!
Въ рукахъ было, да по пальцамъ сплыло.
Рой вился, да кверху поднялся. Пало теля, миновалося племя.
Пропало бабье трепало.
Пропало бабино трепало, а не воскресло доброе весло.
Я потерялъ платокъ. «А какой онъ былъ?» Рябенькой (синенькій).
«Ну, по рябенькой (синенькой, красненькой) дорожкѣ побѣжалъ.»
Разсыпался, будто кладъ отъ аминя.
Сгинулъ, да пропалъ, словно въ воду упалъ.
Будто корова языкомъ слизнула.
Какъ камень въ воду. Какъ ключъ ко дну.
Пропалъ, какъ камень на дно упалъ.
Ищи на орлѣ, на правомъ крылѣ.
Будто Дунай побралъ. Словно водой снесло.
Пропалъ, какъ мышь на подтопѣ.
Сквозь землю провалился. Какъ мыломъ взяло.
Пропалъ, какъ молодой мѣсяцъ.
Побѣжала дороженька черезъ горку.
Снесло боярскіе хоромы, по самые пороги.
Съ водою уплыло. По водѣ пошло. Паводкомъ взяло.
Пошло поле въ лѣсъ. Ушло польце подъ гору.
Слѣдъ (поминъ) простылъ. Былъ таковъ.
Ровно сгорѣлъ. Сгинулъ съ глазъ. Изъ глазъ пропалъ.
Ни слуху, ни духу. Ни слуху, ни помину.
Пропалъ, какъ съ возу упалъ. Пропало, какъ не бывало.
Будто прахомъ подняло. Какъ святымъ духомъ взято.
Запалъ, что осенній слѣдъ. Забился, какъ козырь въ колоду.
Зарылся, что свинья въ навозѣ (въ солому).

Всѣ по норамъ, что мыши по щелямъ.

Завалилась суббота за пятницу.

Какъ въ Камской мохъ провалился. Словно игла во щель.

Какъ волкъ (лиса) хвостомъ мелькнулъ (вильнулъ).

Какъ мень лизнулъ (мень, налимъ рыба).

Пропалъ (погубили), ни за грошъ.

Пропалъ, какъ мыльный пузырь.

Пропалъ (сгинулъ), какъ Французъ въ Москвѣ.

Пропалъ, какъ Шведъ подъ Полтавой

Прячется, какъ собака отъ мухъ.

Здорово, да безъ коровы. Здравствуй безъ шапки (безъ кафтана и пр., шутятъ надъ тѣмъ, у кого вещь пропала).

Не заворачивай рожу подъ рогожу (т, е., не прячься)!

Его искать, и днемъ, такъ съ огнемъ

Найди, такъ я укажу. Укажи, такъ найду.

Стоя, не валяй, а лежа, подбирай (вм. стоячее, лежачее)!

Ау, подай голосокъ черезъ темный лѣсокъ.

Хоть плюнь, хоть дунь, хоть чихни, хоть кашляни (т. е., откликнись).

Шутъ (бѣсъ), шутъ, поиграй, да опять отдай (приговариваютъ, потерявъ что нибудь)!

Луканька (т. е., лукавый) хвостомъ накрылъ (говор., коли что въ глазахъ пропадетъ, а послѣ найдется).

Луканька, поиграй, да и намъ (да опять) отдай!

Чужую похоронку никто не найдетъ (т. е., самъ ищи). Чужой похоронки не найдешь.

Нашелъ, да не объявилъ, все равно, что утаилъ.

Лапти растеряли, по дворамъ искали: было пять, а стало шесть.

Потерялъ пять, а нашелъ семь.

Ни скобленъ, ни тесанъ, такъ и брошенъ.

Не положа, не ищутъ. Нашелъ шапку на колочкѣ (т. е., укралъ).

Отъ добра не ищутъ добра.

Добра ищи, а худо само придетъ.

Не искалъ бы въ селѣ, а искалъ бы въ себѣ.

Цѣну вещи узнаешь, какъ потеряешь.

Искать вчерашняго дня. Ходитъ, какъ вчерашняго дня.

Ходитъ, какъ пальцы растерявши.

На конѣ сидитъ, а коня ищетъ.

Рукавицы за поясомъ, а онъ ихъ ищетъ.

Чего ищешь? «Да рукавицъ». А много ль ихъ было? «Да однѣ». А однѣ, такъ на рукахъ.

Словно въ потьмахъ ложкой рта ищетъ.

Наслѣдство — подарокъ.

Наслѣдство — ни даръ, ни купля.

Меньшому сыну отцовскій дворъ, старшему новоселье (т. е., по смерти отца; это, въ крестьянствѣ, обычай).

Меньшой сынъ на корню сидитъ (То же).

Гдѣ ровный бой (два брата), тамъ все (отцовское) пополамъ.

Сестра при братѣ не вотчинница (не наслѣдница).

Имѣнье идетъ не въ кольцо, а въ свайку (не сберегается, а проматывается; достается сыну).

На выморочное нѣтъ наслѣдства. Выморочное на міръ пошло.

Отцовщина и дѣдовщина — храновщина; а милъ животокъ, коли самъ наживешь.

Бабушка, что ты мнѣ откажешь? «Не знаю, развѣ дорогу до церкви.

Достались по наслѣдству перья, послѣ бабушки Лукерьи, послѣ старушки, отъ курочки пеструшки.

Отказала мнѣ бабушка четки, да лестовки, да подлокотничекъ.

Чѣмъ дарятъ, тѣмъ не корятъ.

Съ кѣмъ обсылаешься (подарками), съ тѣмъ и посчитаешься.

Кого люблю, того и дарю.

Кого любишь, того самъ даришь; а не любишь, и отъ него не примешь.

Отъ мила куманька черепокъ да латка, и то подарочекъ.

Поднести золотое яблочко на серебряномъ блюдѣ (т. е., хорошій гостинецъ, или вѣсть).

Даровому коню въ зубы не смотрятъ.

Малое принимайте, а большому сроку дайте (При гостинцѣ, подаркѣ).

На маломъ не взыщите, большаго не ищите (То же).

Даръ — не купля: не хаятъ, а хвалятъ.

Всякъ даръ въ строку (т. е., припомнится подарившимъ).

Подарки принимать, такъ отдариваться.

Подарки любятъ отдарки. Даръ дара ждетъ.

И малый подарокъ не накладъ.

До̀ма-то и не голодъ, да подарокъ дорогъ.

Нѐ дорогъ подарокъ, дорога любовь.

Дорогъ подарочекъ не выпрошенный.

Кума не мила — и гостинцы постылы.

Не люба кума, и гостинцы не милы.

Даровое лычко лучше купленаго ремешка.

Не пей, кума, дароваго вина: придетъ дороже купленаго (надо отпотчивать).

Подаришь уѣхалъ въ Парижъ (а остался одинъ купи̇шь).

Подари-то померъ, а остался въ живыхъ братъ его, купи!

Шаромъ, да даромъ хорошъ табачекъ, а на денежку купишь—зеленъ.

Что намъ не мило, то попу въ кадило.

Отъ матушки ото̀почки, отъ батюшки ошметочки, и то почти за подарочекъ.

Удобрилась мачиха до пасынка: велѣла въ заговѣнье всѣ щи выхлебать.

Вотъ тебѣ луковка попова, облуплена, готова: знай, почитай, а умру, поминай (говоритъ отецъ, надѣляя сына)!

Разорился парень бѣдный: купилъ дѣвкѣ перстень мѣдный.

На ногтяхъ обновы показались (бѣляки, означающія, по суевѣрію, подарки).

—

Надзоръ — хозяинъ.

Отъ безпорядка (непорядка) и сильная рать погибаетъ.
Не купи села, купи прикащика.
Добрый пастухъ не о себѣ печется, о скотинѣ.
Разскащики не годятся въ прикащики. Разскащикъ не прикащикъ.
Полицейскій (или: хозяйскій) глазъ зорокъ — не надо сорокъ.
Дѣлальщику полтина, а нарядчику рубль.
Работнику алтынъ, а нарядчику рубль.
У кого есть дядька, у того цѣло дитятко.
У семи нянекъ дитя безъ глазу. У семи пастуховъ не стало
Наѣздомъ хлѣба не напашешь (о дальней пустоши).
Приставили козла къ огороду. Пустили козла въ огородъ.
Нанялся волкъ въ пастухи, говоритъ: какъ быть, послужить надо.
Дешево волкъ въ пастухи нанимается, да міръ подумываетъ.
Пошла свинья въ огородники: на морковь, на рѣпу, на бѣлу капусту.
Плакалась свинья, что, де, огородники хлѣбъ отбиваютъ.
Волкъ не пастухъ, а свинья не огородникъ.
Пришла изъ лѣсу птичница, въ лисьей шубкѣ, цыплятъ посчитать.
Нанималась лиса на птичій дворъ, беречь отъ коршуна, отъ ястреба.
Тутъ волкъ въ пастухахъ, а лиса въ птичницахъ.
Погналъ гонку (лѣса) розсыпью, такъ по берегамъ не зѣвай
Розсыпью гнать, раструски не миновать.
Чего глазомъ не досмотришь, то мошною доплатишь.
Не доглядишь окомъ, такъ заплатишь бокомъ.
Свой глазъ — что̀ твой алмазъ. Свой глазокъ — смотрокъ.
Свой глазъ — алмазъ, а чужой — стекло.
Свой глазъ — миленькій дружокъ, а чужой — воръ (ворогъ).
Свой глазъ лучше роднаго брата. Свой глазъ дороже нахва̀ла.
Свой глазъ нажива. Хозяйскій глазъ всего дороже.
Не свой глазъ (ножъ), не любой кусъ.
И одинъ глазъ (Свой глазъ), да зорокъ, не надо и со̀рокъ.
Отъ хозяйскаго глаза жирѣетъ и котъ.

Отъ хозяйскаго глаза и конь добрѣетъ.

Гдѣ хозяинъ ходитъ (прошелъ), тамъ и хлѣбъ родится (уродился)

Хозяинъ по двору пройдетъ, рубль найдетъ; назадъ пойдетъ, другой (два) найдетъ.

Глазъ господскій (хозяйскій) угобжаетъ землю (ниву).

Не вѣрь брату родному, вѣрь своему глазу кривому.

Гляженое лучше хваленаго (или: глаженое, т. е., что самъ осмотрѣлъ и ощупалъ).

Безъ хозяина и товаръ плачетъ (товаръ сирота).

Безъ пригляду одни только муравьи плодятся.

На что мнѣ прикащикъ? Я самъ укащикъ.

Таково-то безъ самого-то; я и самъ-то тутъ, да проворъ-то худъ.

Хоть и самъ тутъ, да толкъ худъ.

У хорошаго барина и дворня хороша.

Ребята, ребята, коли хотите жить богато, покупайте нитки, да зашивайте дырки (пригов. коробейниковъ)!

Безъ ухода нѣтъ обихода. Общая овечка волку корысть.

Безъ кота мышамъ масляница.

Попъ въ гости, черти на погостѣ.

Попъ со двора, пономари въ колокола̀.

Баба блудитъ, а дѣду грѣхъ.

Гуляй, ребята, поколѣ я гуляю (сказалъ вахмистръ, глядя на нечищеныхъ коней).

Не вѣришь повару, самъ ступай по воду?

Не вѣритъ баринъ повару, самъ идетъ по̀воду.

Никому не вѣритъ, а самъ мѣритъ.

Людямъ не вѣритъ, а самъ мелетъ.

По за-о̀чи кошку купить — дѣлево (трудно? Арханг.).

За глаза яйца торгуютъ (да и то болтуны живутъ).

За глаза калачъ купить не полюбится, самъ съѣшь.

Заглазнаго купца кнутомъ бей!

Чалаго коня за рѣкой купи (т. е., не ощупавъ; чалые кони, по повѣрью, крѣпки).

Всякій домъ хозяиномъ хорошъ (красится, славится).

Всякъ пѣтухъ (всякая курица) на своемъ пепелищѣ хозяинъ.

Всякъ куликъ въ своемъ болотѣ великъ.

Своя избушка — свой просторъ.

Домъ дому (хозяинъ хозяину) не указъ (не указчикъ).

Всякъ хозяинъ въ своемъ дому большой.

Хозяинъ добръ — и домъ хорошъ; хозяинъ худъ, и въ домѣ тожъ.

Хозяйка лежитъ — и все лежитъ; хозяйка съ постели — и все на ногахъ (и всѣ вскочили).

Хозяинъ, что ступитъ, до дѣло найдетъ.

Хозяинъ лычкомъ подвяжетъ, и то впрокъ.

Безъ расчистки и лѣсъ не стоитъ (не растетъ).

Люди на лѣсъ не зинутъ, лѣсъ не сгинетъ.

Не стриженый ноготь въ мясо растетъ.

Не подожги дрова, такъ и не горятъ. И дрова безъ поджогу (безъ подтопки) не горятъ.

Не накормленъ конь—скотина; не пожалованъ холопъ—сиротина.

Порядокъ дѣла не портитъ. Отъ порядка не нищаютъ.

Порядкомъ стоитъ домъ, непорядкомъ, содомъ.

Не донимаетъ порядокъ, не доняли бъ порядки (т. е., новыя распоряженія).

Хорошій замокъ надежный другъ.

Домомъ жить — не разиня ротъ ходить.

Домъ не великъ, да лежать не велитъ.

Дальше положишь — ближе возмешь.

Запасъ человѣка не портитъ. Запасъ мѣшку не порча.

Что лѣтомъ родится, то зимою пригодится (или: рожается, пригожается).

Не надѣйся, дѣдъ, на чужой обѣдъ (а свой паси)!

Домовитый больше продаетъ, чѣмъ купитъ (т. е., чѣмъ покупаетъ; старинный оборотъ).

Бережливость лучше прибытка. Барышамъ за бережью не угоняться.

Денежка рубля бережетъ (а рубль голову стережетъ).

Что бережно, то нѐдолжно. Бережно — нѐдолжно.

Домашняя гривна лучше заѣзжаго рубля.

Прибытки въ людяхъ, а скопъ, — въ своихъ рукахъ.

Что Богъ дастъ, бери; а свое, самъ береги!

Прожить-то мы и дома проживемъ, а наживать, въ люди пойдемъ.

Старое проживай, а новое наживай!

Шерсть стриги, а шкуры не дери!

Пріѣхала холя, привезла гребень.

Все разсовано по сучкамъ, да по вѣточкамъ.

Хлѣбъ по возамъ, деньги по мѣстамъ.

Гдѣ положилъ, тутъ и выворожилъ. Какъ заведеные часы.

Сдать съ рукъ на руки. Передать изъ полы въ полу.

Перевернуть вверхъ дномъ. Все на копылъ подняли.

Въ домѣ-то у нихъ словно Мамай воевалъ. Настоящее Мамаево побоище.

Здѣсь обозъ съ мочалами пропадетъ.

Оставилъ возъ на дорогѣ, да Никола береги!

Положилъ денежки на пенекъ — авось цѣлы будутъ.

Кинулъ кафтанъ при дорогѣ — святой Никола, побереги!

Чортъ чесалъ, да и чесалку-то потерялъ.

Чортъ ногу сломитъ. Гдѣ клинъ, гдѣ рукава.

Посудникъ подъ лавкой, клѣть на полатяхъ, а курятникъ въ красномъ углу.

У нея и мужъ-то подъ лавкой валяется.

Непорядки въ дому — не урядки.

Стряпаетъ день до вечера, а поѣсть нечего.

Худу быть, кто не умѣетъ домомъ жить.

Каша пригорѣла, щи ушли: былъ посолъ, да собаки унесли.

Наша стряпня рукава стряхня (а кабы басни хлебать, всѣ бы сыты были).

Не каша кормитъ, ложка; не припасъ стряпаетъ, а руки.

Горе тому, кто непорядкомъ живетъ въ дому.

Не хлопочи, когда нѣтъ ничего въ печи.

До того дожили, что все прожили (что и ножки съёжили).

До того дошло, что и въ суму не пошло (что и въ сумѣ ничего).

Дошли до того, что нѣтъ ничего (что ничѣмъ ничего).

До того дожилось, что ничего не случилось.

И сума отощала, а въ брюхѣ, и не бывало.

Домъ (т. е., хозяйство): одни буйны вѣтры по угламъ перекликаются.

Овса полны ясли, а кони всѣ изгасли.

Два хлыста, а ни у одного нѣтъ конца (хвоста).

Ключи въ карманѣ, а гумно сгорѣло (а амбаръ сгорѣлъ).

Одна дверь на замокъ, другая настежь.

Спереди печать, а сзади мыши точатъ (анбаръ).

Самъ корову за рога держитъ, а сторонніе люди молоко доятъ.

Отъ великихъ порядковъ бываютъ большіе безпорядки.

Излишніе порядки тѣже безпорядки (доводятъ до беспорядковъ).

Не ищи жилья, ищи хозяина!

Застроили теремъ, да не стало бревенъ.

Опрятность.

Какъ жукъ въ навозѣ копается. Зарылся, какъ жукъ въ навозѣ.

Ходитъ какъ русалка (о дѣвкѣ; т. е., нечесаная).

Не та хозяйка, которая говоритъ, а которая щи варитъ.

Хозяюшка въ дому — оладышекъ въ меду.

На семью чисто не настряпаешься

Вымыла ложки, да вылила во щи.

Только жукъ, въ навозѣ живучи, да чисто обихаживается.

Замѣсила прѣсно, посадила тѣсно, вынула, подула и кверху вздула.

Ты учи жениха щи варить, да на уполовникѣ вшей давить (говорятъ дѣвкѣ, которая умничаетъ)

Грязью играть — руки марать. Каковъ комъ, такова отъ него и вонь.

Поганое къ чистому не пристанетъ. Черное къ бѣлому не пристанетъ.

Мойся, хоть кожу сотри, а бѣлѣе воды не будешь.

Бѣлъ снѣгъ, да не вкусенъ; черенъ макъ, да бояре ѣдятъ.

За свой хлѣбъ и неумойкою (сажусь).

Волкъ и медвѣдь не умываючись здоровы живутъ.

Съ чистаго пуще завернетъ (говорится, намекая на чистую водку, если кто брезгливъ, и многое называетъ поганымъ).

Съ погани не треснешь, съ чистоты не воскреснешь.

Съ погани не умереть, а съ чистоты, какъ съ лубка свернешься.

Грязь не сало, помялъ (потеръ), она и отстала.

Брюхо не зеркало: что попало въ него, то и чисто

Гдѣ молоко, тутъ и волокно. Вехотка вездѣ слѣдъ покидаетъ.

Баранъ безъ шерсти не живетъ (говор. коли шерсть во щахъ попадется).

Огонь чиститъ, вода моетъ (оправданіе тѣхъ, кои ѣдятъ то, что другими считается поганымъ).

Баня паритъ, баня правитъ. Баня все правитъ.

Когда бъ не баня, всѣ бъ мы пропали. Баня—мать вторая.

За паромъ глазъ не знать. Паръ столбомъ, дымъ коромысломъ.

Игагонница поспѣла, ерохвоститься пора (баня — париться).

Безсрочную амуничку побѣлить (солд., т. е., сходить въ баню).

И въ банѣ болячка садится. Изъ бани почесушку принесъ.

Въ банѣ пристало. Баня не заговѣнье.

Не то червь, что человѣкъ ненарокомъ съѣстъ; а то червь, что человѣка ѣстъ.

Родилъ бы разъ въ году, чтобъ день за день не бриться.

Умная умница—свѣтлая пуговица.

Ясенъ, какъ солнце, какъ звѣздочка, какъ пуговка, какъ золото.

Какъ стеклышко (чистъ, или трезвъ). Чистъ, какъ трубочистъ.

Чистую посуду легко и полоскать.

Всякъ несетъ уста, гдѣ вода чиста.

Хоть лыкомъ (шиломъ) шитъ, да мыломъ мытъ.

Наше добро на огнѣ не горитъ, на водѣ не тонетъ, и въ землѣ не гніетъ.

Не дамъ мошкѣ сѣсть, ни пылинкѣ лечь (беречь буду).

Поганое судно и въ богатомъ дому не осудно.

И въ богатомъ домѣ нечистая посуда есть.

Щегольство.

Худая слава, что безъ кафтана Сава.

Сапогъ не ломаетъ, чулокъ не мараетъ (щеголь).

Суббота дольше воскресенья (или: пятница субботы, говорятъ, на пр., если исподъ платья видна юбка).

Фата коноватна, а голь перекатна.

Деньжонокъ-то на малѣ, да руки въ карманѣ.

Шапочка съ ушами, молодчикъ съ кудрями.

Дома — щи безъ крупъ; въ людяхъ — шапка въ рубль.

Голъ, да въ шляпѣ, — тотъ же шляхта.

Въ брюхѣ солома, а шапка съ заломомъ

На брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ-то щелкъ.

Въ брюхѣ хоть щелкъ, да на брюхѣ шелкъ.

И толста, и пестра, а рыло свиное.

Пустъ карманъ, да синь кафтанъ (щеголь).

Хоть дуренъ, да фигуренъ. Каковъ ни есть, а въ синемъ.

Не на долго шуту хохолъ: ходя стрясетъ.

Утка въ юбкѣ, курочка въ сапожкахъ, селезень въ сережкахъ, корова въ рогожѣ, да всѣхъ дороже.

Наряди пня, и пень хорошъ будетъ.

Наряди пень въ вешній день, и пень будетъ красавчикъ.

Въ рогожу одѣться, отъ людей отречься.

Сорока въ платьѣ, ворона въ платьѣ, будетъ платье и на нашей братьѣ.

Кто въ камкѣ, кто въ парчѣ, а мы въ холсту — по тому жъ мосту.

Пóлы да черти одной шерсти.

Бабьи рубашки тѣ же мѣшки: рукава завяжи, да что хошь положи.

У него шубка домъ стережетъ (т. е., сторожковая, собачья).

Шапка на немъ такъ копылъ копыломъ и торчитъ.

Красная шапка — воръ мужикъ. Алый малый, зеленъ кафтанъ.

У меня рогожка — та же одежка, да куль праздничный.

Нашъ чинъ не любитъ овчинъ (а и тѣхъ нѣтъ).

Купи шубку крытую, а одежу шитую.

Купи шубу шитую, а избу крытую.

Словно съ иголочки. Какъ сейчасъ съ колóчка снялъ.

Заново — на колкѣ, а обносится — подъ лавкой.

Одежка врядъ (т. е., средней руки) не обобьетъ пятъ.

Холоднò (худо тому), на комъ платье одно; а и двое, да худое, не лучше (не теплѣе) того.

Холоднò, на комъ платьеце одно, а и вдвое, да худое, все одно.

Видитъ и кривой, на комъ кафтанъ плохой (или: съ дырой).

Курочка Ивашка о семидесяти рубашкахъ: вѣтеръ дунулъ — и задъ знать.

Кафтанъ (сапогъ, лапоть) каши проситъ (т. е., разорванъ).

Рубаха холщевая — хоть огня присѣки. Рубаха, хоть огня присѣчь.

Рубàха — трутъ трутомъ, на плечахъ перегорѣла.

Съ плечъ, да въ печь.

Голодный поле перейдетъ, а нагъ, ни съ мѣста.

Запили заплатки, загуляли лоскутки.

Въ чемъ мать родила. Какъ рожено, такъ и хожено.

Какъ обута нога, такъ всѣмъ слуга. Безъ сапогъ не слуга.

Погодье вольно, у кого шубъ довольно.

Помянешь и лѣто, какъ шубы нѣту.

Есть шуба и на волкѣ, да пришита.

Принесли на тарелѣ, да края обгорѣли.

Щеголь, да ноги коровьи. Щеголь — хвостъ веретеномъ (фракъ).

Сударь не сударь, а пуговки лоснятся.

Набѣлилась нарумянилась, насурмилася и раздушилася.

Краснà дѣвица до грядъ, въ сарафанѣ до пятъ.

Фу ты, ну ты, оглобли гнуты.

Нарядъ соколій, а походка воронья.

Стрижена бородка, подпаленый усъ.

Одна кудря стóитъ рубля, другая тысячи.

Рожей подгулялъ (дуренъ), такъ зàпонкой взялъ.

Возми борону, да расчеши бороду!

Шпынь голова, поѣзжай по дрова (о нечесанномъ)!

У него голова тесомъ крыта (о стрижкѣ подъ верховку).

Одѣлся клушей, окутался кувалдой.

Аѳанасьи безпоясны (кто опояски по рубахѣ не носитъ).

Въ нынѣшнихъ обрядахъ и Фофаны въ нарядахъ.

Не гляди на ватолу (чѣмъ возъ покрытъ), а гляди подъ ватолу!

Масляна головка (щеголь) — отцу матери не кормилецъ.

Шаркать по паркетамъ. Шаркунъ не дѣлецъ.

По платью видятъ, кто таковъ и́детъ.

Хвалятъ (хорошъ) на дѣвкѣ шелкъ, коли въ дѣвкѣ толкъ.

Честенъ перстень на дворянской рукѣ.

Какъ смердъ ни нарядится, а кусъ дерма на себѣ унесетъ.

Султанъ на парадѣ тутъ (на головѣ), а въ сраженьи тамъ (назади).

Свинья въ золотомъ ошейникѣ, все свинья.

Кто ожерелья носитъ, у того на томъ свѣтѣ змѣи вокругъ шеи обовьются (Раскольн.).

Въ чемъ призванъ, въ томъ и пребывай!

Сторожковая да колотковая, а грѣетъ не хуже собольей (т. е., шуба собачья, кошачья).

Церковь не построй, а голову прикрой (т. е., пристрой дѣвку)!

Щеголь, собака: что ни годъ, то рубаха, а портамъ и смѣны нѣтъ.

Въ чемъ къ обѣднѣ, въ томъ и по сельди.

Чулки новы, пятки голы. Чулочки съ изюминками.

Семеры чулки, да все паголенки.

Писаные лапотки, да пестрыя онучи, такъ и подымай ноги покруче!

Одна нога въ сапогѣ, другая въ постолѣ.

Лапти дирявы, да оборы долги.

Сапоги смазаны и дыры замазаны.

Сапоги ѣсть просятъ (каши просятъ).

Ходитъ франтомъ: сапоги съ рантомъ.

Я шама̀ шама̀рка, шемрафанъ шъ оборкой (дразнятъ Самарокъ, по говору ихъ).

И наша дура коты обула. И мы въ Нѣмцахъ (т. е., по платью).

Глазки на локтяхъ. Локотки пролокотнулися.
Сапогъ-то скрыпитъ, да въ горшкѣ не кипитъ.
Хоть жмутъ — да коты, просторны — да лапти.
Сапожки подъ скрыпомъ, а каша безъ масла.
Камзолы зеленые, а щи не соленые.
Шапка въ рубль, а щи безъ крупъ.
Шапочка въ двѣ денежки — и то набекрень.
Пронести шляпу на ухѣ (пройтись щеголемъ).
Драгунъ бѣжитъ, земля дрожитъ; оглянулся — въ грязи лежитъ.
Растегаемъ одѣлся, да шлыкъ набекрень.
Умыселъ боярскій, да разумъ крестьянскій.
Пологъ браный, да весь драный. Хоть тряпичка, да тафтичка.
Ковры семи шелковъ, а рубаха и не прядена.
Живемъ въ нѣгѣ, а ѣздимъ въ телегѣ.
Пряжки съ искорками, да вонъ повыскакали.
Слуги въ шелкахъ — бояре въ долгахъ.
Всякаго нищаго не перещеголяешь.
Ухо пронято, да руки не мыты (у холопа).
Знай честь, утирай бороду съ усами!
Онъ въ перчаткахъ моется (говорится о щеголѣ).
Хоть голо, да щепетко. Хмѣлекъ щеголекъ.
Хоть бы въ щеку билъ, да щеголь былъ (говор. жена).
Щеголь Матрешка: полтора рубля застежка.
По модѣ, и мышь въ комодѣ.
Щеголялъ съ молоду, а подъ старость умираетъ съ голоду.
Щеголь съ погосту и—гробъ за плечами.
Лбомъ красится, а затылокъ вши ѣдятъ.
Кудри не мудры, да вши хороши.
Кудри-тѣ вьются, а шолуди не отстаютъ.
Моя роденька обувается гладенько.
Моя роденька личикомъ бѣленька.
Въ долгомъ платьѣ, да въ короткомъ разумѣ (о женск. Нѣмецк. платьѣ).
Наряжается, что баба на Юрья. Сряжается, что Маланья на сватьбу.

Перышки рябеньки, голова гладенька.

Широки рукава, видно, что съ Трубецкаго двора.

Черезъ улицу сѣрой утицей, черезъ садъ перепелкою, черезъ широкъ дворъ краснымъ кочетомъ, а въ высокъ теремъ добрымъ молодцемъ.

Пуговки литыя, петелки витыя (на сарафанѣ, т. е., щеголиха).

Ножка объ ножку постукиваетъ, сапогъ о сапогъ пощелкиваетъ.

Въ Бородинскомъ полку носятъ шапки на боку.

Тотъ щеголекъ, у кого на носу горбокъ.

Хоть не богаты, да носы горбаты.

Пей, ѣшь какъ хочется, а носи, какъ сможется.

На шильце, на мыльце, на кривое веретенце (деньги).

Надо молодымъ гуню собрать (о сватебныхъ подаркахъ).

Дворъ — домъ.

Держись друга стараго, а дома новаго!

Изба Ильинскимъ тесомъ крыта (т. е., соломой).

Купи хоромину житую, а шубу шитую!

Купилъ домъ и съ домовыми. Домъ домомъ, а домовой даромъ.

Наживи хлѣвину, а тамъ и скотину!

Что воскресенье, то новоселье (т. е., шатается).

Подъ капѐль избы не ставятъ (повѣрье, на какое мѣсто капало съ кровли).

Свой уголокъ — свой просторъ. Своя хатка — родная матка.

Хоть худъ домъ, да крыша крѣпка.

Приведи Богъ и собачкѣ свою конуру!

Въ добру пору воробью ненастье, коли стрѣха подъ бокомъ.

Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше.

Гдѣ оконенки брюшинны, тутъ и жители кручинны; гдѣ оконницы стекляны, тутъ и жители ветляны (веселы, привѣтливы).

Дымно, да сытно (да тепло).

Не красна изба углами, красна пирогами.

Не уѣдно, да улежно.

Дворъ — что городъ, изба — что теремъ.

Тепло (въ избѣ), какъ самъ Богъ живетъ.

Добрая то рѣчь, что въ избѣ есть печь.

Печь намъ мать родная. На печи все красное лѣто.

Паръ костей не ломитъ, вонъ души не гонитъ.

Кумово мотовило подъ небеса уходило (дымъ).

Ни ху́ху, ни ду́ху, ни третьяго тепла.

Наша горница съ Богомъ не спорница: на дворѣ тепло, и у насъ тепло.

Наша горница съ Богомъ не спорница: какъ на дворѣ холодненько, такъ и въ ней не тепленько; а на дворѣ тепло, такъ и на печи припекло.

На дворѣ капе́ль, такъ и у насъ тепе́ль.

Наша изба не ровно тепла: на печи тепло, на полу холодно.

На улицѣ Петровки, въ избѣ Рождество (когда на дворѣ тепло, а стекла густо намерзнутъ).

Лѣтомъ не прѣетъ, а зимой не грѣетъ.

Небомъ покрыто, полемъ огорожено.

Дождемъ покрыто, вѣтромъ огорожено.

Цыганскій домъ: три кола, да по середкѣ головня.

И надо всѣми не покрыто (т. е., одно небо).

Жилья съ локотокъ, а житья съ ноготокъ.

Что такое? Три покоя, а жить негдѣ.

Избушка на курьихъ ножкахъ. Свиная закута, соломой заткнута.

Избушка на курьихъ ножкахъ, пирогомъ подперта, блиномъ покрыта (Изъ сказки).

Хорошъ бы домъ, да чортъ живетъ въ немъ.

Хоромишки, что горшки стоя́тъ: ни кола, ни двора (т. е., необгорожены).

При семи дворахъ восемь улицъ.

Банѣ не сгорѣть, а овина не потушить (повѣрье).

Овина не отнимывать, а банѣ не сгарывать.

Чуланъ — другая изба. Безъ ухожей не домъ, а булдырь.

Въ полѣ въ покатѣ, въ каменной палатѣ, сидитъ молодецъ, играетъ въ щелкунецъ: всѣхъ перебилъ, и царю не спустилъ (вѣникъ въ банѣ).

Дуга золоченая, сбруя ременная, а лошадь некормленая.

Хороши хоромы, да нѣтъ обороны.

Ни кола, ни двора, а вереи точеныя.

Голыдьба, голыдьба, а подворотня рѣшетчатая.

Всякій домъ хозяиномъ держится.

Всякій домъ — по большу́ голову стои́тъ.

Домъ красится хозяиномъ.

Безъ хозяина домъ — сирота.

Безъ хозяина дворъ и сиръ и вдовъ.

Не по дому господинъ, а домъ по господину.

Не домъ хозяина краситъ, а хозяинъ домъ.

Каково на дому, таково и самому.

Свой домъ — не чужой: изъ него не уйдешь.

До́ма — не въ гостяхъ: посидѣвъ, не уйдешь.

На чужой коровай ротъ не розѣвай, а пораньше вставай, да свой затѣвай (затирай)!

И мышь въ свою норку тащитъ корку.

Изъ песку веревки (не) вьютъ.

На обухѣ рожь молачивалъ, зерна не утрачивалъ.

На обухѣ рожь молотилъ, зерна не уронилъ.

Кабы на скопидомку не крысы, такъ съ нею бъ и ладовъ не было.

Добрая жена домъ сбережетъ, а худая рукавомъ растрясетъ.

Хозяинъ веселъ, и гости радостны (радошны).

Обѣдъ не въ обѣдъ, какъ хозяина (хозяюшки) нѣтъ.

Кто хвалитъ горницу, тотъ хвалитъ дворницу.

Пиво не диво, и медъ не хвала; а всему голова, что любовь дорога́.

Домъ, какъ полная чаша. Домъ — чаша чашей.

У Маланьи съ масломъ и оладьи.

Хозяйка въ дому — что оладьи (оладышекъ) въ меду.

Хохлатыя курицы дворомъ ведутся, а веселыя дѣвушки хозяйкой.

Горе тому, кто непорядкомъ живетъ въ дому.

Подержись за мотовило, подержись за молотило, а дудка сама придетъ.

Нашъ Ерема не сказался дома (отъ гостей, или отъ работы).

Растворя горницу, да: «Ступай вся вольница!»

Бѣгаетъ отъ дому, будто чортъ отъ грому.

Уйдемъ всѣмъ дворомъ, опричъ хоромъ, а домъ подопремъ коломъ.

Въ людяхъ Илья, а дома свинья. Въ людяхъ Ананья, дома каналья.

Въ людяхъ: «Радуйся, царице!» а дома: «Не рыдай мене, мати!»

Въ людяхъ-то за хоромы, а дома то — за порогъ.

Продаетъ съ барышемъ, а ходитъ нагишемъ.

Пока уставится, а въ карманѣ не много останется.

Сведемъ домокъ въ одинъ уголокъ.

Сведемъ такъ домокъ, что не нуженъ и замокъ.

Сведемъ домокъ въ орѣхову скорлупу.

Чистъ молодецъ: ни стада (ни козъ), ни овецъ.

То-то и гулять, какъ нечего загонять.

Стряпай день до вечера, а поѣсть нечего.

Была бъ мука̀ да сито, и сама бъ я была сыта.

Дома не пекутъ, а въ людяхъ не даютъ.

Сосна кормитъ (мезга), липа одѣваетъ (лыко).

Куль да рогожа — вотъ т'ѣ и одежа.

Жилъ, жилъ, да и прожился. Живучи, проживаются.

Копилъ, копилъ, да чорта и купилъ.

Денегъ много — мельницу строй; хлѣба много — свиней заводи!

У него въ домѣ, ни удавиться, ни зарѣзаться не чѣмъ.

Ни ножа, ни топора, ни помолиться, ни зарѣзаться.

Ни кола, ни вола, ни села, ни двора, ни мила живота, ни образа помолиться, ни хлѣба чѣмъ подавиться, ни ножа чѣмъ зарѣзаться.

Дворъ кольцомъ, три жердины конецъ съ концомъ: три кола забито, три хворостины завито, небомъ накрыто, свѣтомъ обгорожено.

У него въ домѣ не чѣмъ собаки заманить.

Въ большомъ дому, чего ни хватишься, того (всего) нѣтъ.

За что ни хватись, все въ люди катись.

Хвать за ухватъ, анъ въ люди бѣжать.

Мужъ возомъ не навозитъ, а жена рукавомъ не разноситъ.

Худая матка всему дому смятка. Бабьи умы разоряютъ домы.

Гдѣ бабы гладки, тамъ воды нѣтъ въ кадкѣ.

Живетъ, изъ кулака да въ ротъ. Живетъ не въ годъ, а въ ротъ.

Живетъ на горкѣ, а хлѣба ни корки (о причтѣ).

Что купитъ, то и лупитъ.

Не плачь, рожь, что продамъ за грошъ: весна придетъ — вдвое заплачу, а назадъ ворочу (о нерасчетливомъ хозяинѣ).

Жить домкомъ — не ломать хлѣбъ ломкомъ (а рѣзать ломтемъ).

Посѣялъ — не смѣрялъ; ѣстъ — не считаетъ.

Голь перекатная — безъ вѣсу и мѣры живетъ.

Дома нѣтъ хлѣба, такъ въ людяхъ до нови будетъ.

Съ голоднымъ брюхомъ, да по добрымъ людямъ.

Нѣтъ дома муки, такъ попроси у Луки.

Вдругъ густо, вдругъ и пусто.

Туда-сюда рубль, такъ-сякъ два, за корову полтора (отчетъ хозяйки).

Грошъ за рыбу, грошъ на рыбу, да за нее же грошъ. «Все ты врешь!» да бишь, за врешь отдала грошъ.

Коли изба крива — хозяйка плоха.

Домовать на дому — закладать жену (т. е., жена порукой въ хозяйствѣ; переиначено изъ: долговать на Дону, закладать жену, т. е., коли должать на чужбинѣ).

Прощай, квашня! я гулять пошла.

Се букъ, се платье, се квашня, се хлѣбы, се ребенокъ плачетъ.

У нашей хозяюшки всѣ въ работѣ: и собаки посуду моютъ.

Не припасла хозяйка обѣду, такъ видно толкнуться къ сосѣду.

Какова Устинья, таково у ней ботвинье.

У нашего дяди все рѣдька: триха рѣдька, ломтиха рѣдька, рѣдька съ масломъ, да рѣдечка съ квасомъ.

Щи, горохъ, да горохъ со щамъ, маленькій горохъ, да большой горохъ.

Что и сварили, и то въ печи забыли (застудили).

Сорока подъ порогомъ, и кошка умылась, а въ домѣ ни мучицы, и крупицы.

Гости за гостями (гость по гостю), а ложки не мыты.

Корова на дворѣ, а вода на столѣ.

За навозомъ проѣзду (провороту) нѣтъ, а молока купить не сыщешь.

Порогъ поскребла, да пирогъ испекла.

Только то и есть въ сусѣкѣ, что мыши нагадили.

Садила пять, вынула шесть; одного нѣтъ, какъ нѣтъ.

Откусишь — гребенка, посадишь — перепелка, сидитъ, не летитъ (насмѣшка надъ хлѣбомъ плохой хозяйки).

Отрѣжешь — оселка (оселокъ, брусокъ), откусишь — гребенка.

Хозяйка, изъ села Помелова, изъ деревни Вѣниковой: пирожокъ испечетъ, и корова не ѣстъ; да поставитъ (растворитъ) три, посадитъ (въ печь) два, а вынетъ одинъ.

Какъ хлѣбъ дошелъ, такъ пирогъ пошелъ; а пирогъ дошелъ, такъ блинъ пошелъ; а блинъ дошелъ, такъ въ міръ пошелъ.

Затѣяла кумица трубицы, а нѣтъ ни соли, ни мучицы.

Тетушка Варвара, меня матушка послала: дай сковороды, да сковородничка, мучки да подмазочки; вода въ печи, хочетъ блины печи.

Дуракъ домъ строитъ (о горожанахъ): подъ солдатовъ возьмутъ.

Изъ пустой хоромины либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана.

Два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ (не уживутся).

Ковригу рѣзать (о братьяхъ въ крестьянствѣ: раздѣлиться, разойтись, отъ обычая при этомъ дѣлить хлѣбъ), двоимъ накладъ.

Кошка да баба завсегда въ избѣ, а мужикъ да собака завсегда на дворѣ.

Семь топоровъ вмѣстѣ лежатъ, а двѣ прялки врозь.

Прялка рогата, топоръ комоватъ (мужикъ уживчивѣе бабы, въ дому).

Домъ вести, не бородой (не возжей) трясти.

Домъ вести — не лапти плести.

Животинку водить — не разиня ротъ ходить.

Домомъ жить — обо всемъ тужить.

Дворомъ жить — не лукошко шить (какъ ни сшилъ, все ладно).

Домомъ жить — не развѣся уши ходить.

Домокъ вести — не задомъ трясти (т. е., не плясать).

Куръ пасти — добра не обрѣсти.

Крестьянинъ скотинкой живъ.

Хлѣбъ да животъ (т. е., скотъ) и безъ денегъ живетъ.

Въ худаго коня кормъ не тратятъ (не травятъ).

Животину водить, хлѣбу не угодить (не хлѣба скопить).

Кто солому покупаетъ, тотъ хлѣбъ продаетъ.

Домъ яма: никогда не наполнишь. Домъ яма: стой прямо!

Домъ невеликъ, да стоять (лежать) не велитъ.

Что въ полѣ ни родится, все въ домѣ пригодится.

Запасливый лучше богатаго.

Что дома скоплю, за тѣмъ въ люди не пойду.

Мѣшокъ — что осметокъ: и вскинется, да не опрокинется.

По приходу и расходъ держать.

Каковъ приходъ, таковъ и расходъ (или: обиходъ).

По естю старецъ келью строитъ.

Шире себя (не смѣтя себя) жить, не добра нажить.

Паси (береги) денежку про (на) черный день.

Деньга на будень, деньга на праздникъ, да деньга про черный день.

Деньга про бѣлый день, деньга про красный день, да деньга про черный день.

На свѣчу Богу, на рукавицы, на соль, на деготь, на ковъ, на приваръ, на штофъ вина (крестьянскіе денежные расходы).

Не хозяинъ, кто своего хозяйства не знаетъ.

Не мѣстомъ ведется (порядокъ, достатокъ), а хозяиномъ.

Домомъ не управилъ, такъ и волостью (городомъ) не управитъ.

Не потакай своимъ, чтобъ задать страха чужимъ.

Бей своихъ, чужіе бояться будутъ.

Всякій страхъ въ дому хорошъ (страхъ, въ знач. любви, почитанія, послушанія).

Одинъ съ сошкой (съ сохою), а семеро съ ложкой.

Не пилось бы, не ѣлось, ни куда бъ и добро дѣлось.

Только что концы съ концами сводимъ (т. е., приходъ съ расходомъ).

Дрова да вода — бесчастнымъ Богъ даетъ.

Чтобъ было дворно (ко двору, споро) и не проторно.

Чтобъ варево уварилось, изба тепломъ поскопилась.

Изба жиломъ (жильемъ, жилымъ мѣстомъ) пахнетъ.

Жиломъ жить, не чуму (очагу, замѣстъ печи) молиться (Арханг.).

И стѣны въ домѣ помогаютъ. Дома и солома съѣдома.

Кто умѣетъ домомъ жить, тотъ не ходитъ ворожить.

Не хожу я въ міръ по всякій блинъ.

Своя ноша не тянетъ. Своя сермяга — не тяга.

Наварила, напекла, Акулина про Петра.

Она прибираетъ, она подаваетъ, однимъ одна за всѣхъ отвѣчаетъ.

Спорынья въ квашню! «Сто рублей въ мошну!» (пожеланіе гостя и отвѣтъ хозяйки).

Ищи добра (ищи оброкъ) на сторонѣ, а домъ люби по старинѣ!

Всего дороже: честь сытая, да изба крытая (мшеная).

Крывъ да ухитка — шуба избѣ.

Въ своемъ дворѣ и щенка бьетъ.

Всякой чортъ въ своемъ болотѣ ворочай!

Всякъ куликъ въ своемъ болотѣ великъ.

Всякій бухаленъ (бугай, выпь) въ своемъ болотѣ голосистъ.

Вольно чорту въ своемъ болотѣ орать.

Твой домъ, твои и гости (твоя и воля).

Всякъ въ своемъ добрѣ воленъ. Нѣтъ большака супротивъ хозяина.

Въ своей семьѣ самъ большой (всякъ самъ воленъ).

Мышь въ коробѣ, какъ воевода въ городѣ.

Большой въ дому, что ханъ въ Крыму.

Хозяинъ въ дому — что медвѣдь въ бору (что какъ хочетъ, такъ и ворочаетъ).

На своей улочкѣ и курочка храбра.

На своемъ пепелищѣ и курица бьетъ (а пѣтухъ, никому спуску не даетъ).

И кротъ въ своемъ углу зорокъ.

Великъ бояринъ — свинья на болотѣ.

Своя воля во щахъ (да въ банѣ, да въ женѣ).

Щей горшокъ, да самъ большой.

Горшокъ на всю семью большой.

Горшокъ упо̀льникъ, вездѣ угодникъ: въ колья и мялья и въ лѣсъ по помѐлье.

Пустъ (худъ, малъ) горшокъ, да самъ большой.

Хоть не пышно, да затишно.

Хлѣбъ-соль кушай, а хозяина слушай!

Что поставятъ, то и кушай, а хозяина до̀ма слушай!

Нѣтъ большака супротивъ хозяина.

Всякій домъ большакомъ простъ, а горшокъ большухой (простъ, въ знач. сердечной простоты, радушія).

Хозяинъ въ дому, что медвѣдь въ бору; хозяюшка въ дому, что оладышекъ въ меду.

И въ Польшѣ нѣтъ хозяина больше.

Хозяинъ въ дому, какъ Авраамъ въ раю.

Хозяинъ, что чирій: гдѣ захотѣлъ, тамъ и сѣлъ.

Стои̇тъ бычище, проклеваны бочища (Домъ и окна).

Осно̀ва сосно̀ва, уто̀къ соломенный (Крыша).

Снаружи рогата, изнутри комола (Углы въ избѣ).

Марья царевна сама въ избѣ, рукава на дворѣ (Матица).

Что ни гость, то постелька (Вѣнцы и мохъ въ пазахъ).

У насъ да у васъ поросенокъ увязъ (Мохъ).

Сто гостей, сто постелей: у каждаго гостя своя постеля (Бревна избы).

Сто гостей, сто постелей — одному гостю нѣтъ постели (Матица).

Сто молодцевъ на одномъ головищѣ (изголовьѣ) спятъ (Накатъ на матицѣ).

Всѣ кишки въ одномъ горшкѣ, одна кишка поперекъ горшка (Матица).

На улицѣ кромушка, въ избѣ ломотокъ (Бревно въ стѣнѣ).

Два братца глядятся, а вмѣстѣ не сойдутся (Полъ и потолокъ).

Кумъ съ кумой видятся, а близко не сходятся (Полъ и потолокъ).

Дарья съ Марьей видятся, да не сходятся (Полъ и потолокъ).

Стои́тъ сыръ дубъ, въ сыру дубу ящикъ, въ ящикѣ синь платъ, въ платѣ золото (Домъ, сундукъ, платье, деньги).

Сидитъ Микитъ, сквозь стѣны глядитъ (Сучокъ).

Кривой Сысой за печкой сидитъ: на улицу глядитъ и въ избѣ стережетъ (Сквозной сучокъ).

Медвѣжій (коровій) глазъ въ избѣ (Сучокъ).

Сквозь стѣну торчокъ (Сучокъ въ бревнѣ).

На лавкѣ кутакъ, ни повернешь никакъ (Сучокъ въ лавкѣ).

Что въ избѣ самодѣлъ? (Щель).

Самъ самодѣлъ, само дѣлается (Щель, трещина).

Два стоя́тъ, два лежатъ, пятый ходитъ, шестой водитъ, седьмой пѣсенки поетъ (Дверь: косяки, притолока и порогъ, полотно, рука, пята̀).

По сѣнямъ и такъ и сякъ, а въ избу никакъ (Дверь).

По сѣнямъ ходитъ, а въ избу не йдетъ (Дверь).

Дерну, подерну Егора за горло (Дверь).

Стару бабу за пупъ тянутъ (Дверь). Не шагаетъ, а ходитъ (Дверь).

Ходитъ безъ ногъ, держитъ безъ рукъ; кто идетъ, тотъ за воротъ беретъ (Дверь въ избѣ).

Два подъячихъ водятъ Марью вертячу (Крючья и дверь).

Маленькій, удаленькій въ кулачкѣ увязъ (Крюкъ и петли).

Ни въ избѣ, ни на дворѣ, соловьино гнѣздо (Дверная петля).

Баранъ въ хлѣвѣ, нога въ стѣнѣ (Крюкъ дверной).

Стои́тъ мальчикъ, скривя пальчикъ (Крюкъ).

На рѣкѣ на Клязмѣ, два борова увязли: пришелъ спасъ, да ткнулъ въ Николинъ глазъ (Пробой и замокъ).

Молчанъ-собака весь домъ стережетъ (Замокъ).

Верхоглядъ въ избѣ (Крюкъ, гвоздь, на который вѣшаютъ).

Маленькій мальчикъ всѣмъ подноги смотритъ (Порогъ).

Дерну, подерну по бѣлому Леонтью, Леонтій взглянетъ — и ротъ растянетъ (Подъемное оконце).

Поля̀ стекляны, межи деревянны (Окно и рамы).

Зябъ перезябъ въ одниxъ ферезяхъ (Окно).

Безъ рукъ, безъ ногъ по стѣнѣ ползетъ (Ставень, въ волоковомъ окнѣ).

Двину, подвину по бѣлому Трофиму: спитъ Трофимъ—не ворохнется (Волоковое окно).

У насъ въ избушкѣ все поползушки (Волоковыя окна).

И зиму, и лѣто на одномъ полозу ѣздитъ (Волоковое окно).

По стѣнѣ ползетъ—то къ свѣту, то отъ свѣту (Задвижной ставень).

Конь саврасъ по колѣно увязъ (Воротный столбъ).

Нашъ Фофанъ въ землю вкопанъ (Столбъ).

Курица (или старица) Софья весь вѣкъ сохла, не пила, не ѣла, все вверхъ глядѣла (Колъ).

У церкви, у двери притолки изъѣли (Изъ ели).

Стоитъ теремъ, въ теремѣ ящикъ, въ ящикѣ мучка, въ мучкѣ жучка (Изба, печь, зола, уголь).

Хожу я по топотихѣ, загляну я въ жукотиху, въ жукотихѣ топыра, грохотихою укрыта (Полъ, чело, печи, дрова, печь).

Мать толста, дочь красна, сынъ храберъ (кудреватъ), въ поднебесье ушелъ (Печь, огонь и дымъ).

Мать чернà, дочь краснà, сынъголенастъ, выгибаться гораздъ (Тоже).

Зимой все жретъ, а лѣтомъ спитъ; тѣло теплое, а крови нѣтъ; сѣсть на него сядешь, а съ мѣста тебя не свезетъ (Печь).

Зимой нѣтъ теплѣй, лѣтомъ нѣтъ холоднѣй (Печь и погребъ).

Старая Варвара, да сухой Матвѣй: привязался къ ней, и теперь у ней (Печь и голбецъ).

Толстая Фетинья, сухой Матвѣй привалился къ ней (Печь и голбецъ).

У нашей у буренушки на боку жбанъ къ ней (Печь и казенка, голбецъ).

Два вòрона летятъ, одну голову ѣдятъ (Грядки и голбецъ).

Стоитъ яга, во лбу рога (Печной столбъ съ воронцами).

У насъ въ печурочкѣ золотыя чурочки (Дрова въ печи).

Полна коробочка золотыхъ воробышковъ (Жаръ въ печи).

Что въ избѣ запримѣтка? (Загнетка).

Сохнетъ Софья, ни пьетъ, ни ѣстъ, все на небо глядитъ (Труба).

Сидитъ Арина, ротъ розиня (Печная труба).

Сидитъ барыня (баба) на печкѣ, въ бѣлой епанечкѣ (Труба).

Два свояка, между ихъ черна собака (Чело, труба, дымъ).

Два бѣлыша ведутъ черныша (Чело, печи и очелышъ).

Ходитъ Хамъ по лавкѣ въ Хамовой рубашкѣ; открою окошко, выдь, Хамъ, вонъ (Дымъ, въ черной избѣ).

Сидитъ мужикъ на полатяхъ, на немъ синенькій халатикъ (Дымъ въ черной избѣ).

Сѣрое сукно тянется въ окно (Дымъ изъ курно̀й избы̀).

Чортъ голенастъ, выгибаться горяздъ (Дымъ).

Кверху корнемъ растетъ (Сажа).

Полонъ засѣчекъ красныхъ яичекъ (Уголья въ порску).

Закопай — не гніетъ, кинь въ воду — поплыветъ (Уголь)

Не ходи канда (котъ) въ пенду (печь), въ пендѣ ка̀нда (каша) про̀-лонда (для гостя. Новгор. Уст. весьма обычная шутка).

Поле маленько, распахано гладенько, ни сохой, ни бороной, чортовой бородой (Подъ въ печи).

День корпитъ, ночь корпитъ, подъ затопомъ (или: одно утро) спитъ (Заслонъ).

Гдѣ Самсонъ въ избѣ? (Заслонъ).

Матушка Софья день и ночь сохнетъ: утро настанетъ, прочь отстанетъ (Заслонка печная).

Стои̂тъ волкъ — опаленый бокъ (Заслонъ).

Чортова бабка вся въ заплаткахъ (Каменка въ банѣ).

Полна повѣтка воробышковъ: сидятъ, не летятъ, почирикиваютъ (Камни на каменкѣ шипятъ при поддачѣ).

Черная корова цѣлый ушатъ воды выпила (Банная каменка).

Шапка Татарка (чортова шапка), вся въ заплаткахъ (Каменка).

Стои̂тъ свинка, золота̀ щетинка (Накаленная каменка).

Безъ рукъ, безъ ногъ, Богу молится (Очепъ, журавецъ).

Ни роженъ, ни ряженъ — Богу молится (Очепъ).

Старикъ надъ водой, трясетъ головой (Журавецъ съ бадьей).

Быкъ реветъ, на повѣть хвостъ деретъ (Очепъ).

Козелъ реветъ, вверхъ хвостъ деретъ (Очепъ).

Стои̂тъ въ водѣ по горло, а не напьется (Колъ).

Два братца однимъ пояскомъ опоясаны (Два кола).

Сто одинъ братъ, всѣ въ одинъ рядъ, вмѣстѣ связаны стоятъ (Частоколъ).

Криво-лукаво къ лѣсу бѣжало, зелено-кудряво спрашивало: криво-лукаво, куда ты бѣжишь? Зелено-кудряво, тебя беречи (стеречи: Загородь вокругъ поля).

Криво-лукаво, куда побѣжало? Зелено-кудряво, тебя беречи (Изгородь).

Цѣпь за цѣпь до самаго лѣсу (Изгорода).

Шелъ я мимо декоськи, видѣлъ дѣло такоське: вологa вологу ѣстъ: я пришелъ, разландалъ, выландалъ и заландалъ (т. е., шелъ мимо огорода и увидѣвъ тамъ овцу, отворилъ заворы, выгналъ ее и заперъ заворы).

На свѣтѣ три кривобоины (Дорога, рѣка, изгорода).

Бѣжитъ волчокъ, выхваченъ бочокъ (Залавокъ).

Въ избѣ доской, въ сѣняхъ трубой (Постель).

Днемъ трубой, ночью полосой: въ избѣ доской, въ сѣняхъ трубой (Войлокъ, постель).

Безъ рукъ, безъ ногъ — рубашки проситъ (Подушка).

Два брюшка, четыре рожка (Подушка).

Подъ одной шляпой четыре брата стоятъ (Столъ).

Четыре сестрицы подъ одной фатицей (Столъ).

Четыре братца подъ однимъ шатромъ стоятъ (Столъ).

Два Анисима, четыре Максима, седьмая Софья (Стулъ: спинка, ножки, сидѣнье).

Лежитъ баранъ: не столько шерсти на немъ, сколько ранъ (Колода, на которой дрова рубятъ).

Самъ худъ, голова въ (съ) пудъ (Безменъ).

Два бога увязло, пришелъ спасъ, да Миколѣ въ глазъ (Пробои, замокъ и ключъ).

Черненька собачка свернувшись лежитъ: ни лаетъ, ни кусаетъ, а въ домъ не пускаетъ (Замокъ).

Черная собачка весь дворъ стережетъ (Замокъ).

Маленька собачка (маленькій, пузатенькій) весь домъ бережетъ (Замокъ).

Узелокъ Кузьма, развязать нельзя: имячко хорошо—Алексѣемъ зовутъ (Замокъ).

Тычу, потычу, ночью не вижу; дай-ка днемъ попытать (Замокъ).

Днемъ виситъ, болтается, къ ночи въ норку собирается (Болтъ у окна).

Самъ дубовый, поясъ вязовый, носъ липовый (Бочка, обручи, гвозды).

Новая посудина вся въ дырахъ (Корзина).

Узловатъ Кузьма, развязать нельзя (Цѣпь).

Два ушка, два рожка, по середкѣ прòрость (Крестьянск. рукомойникъ).

Курочка съ хохломъ, да кажинному поклонъ (Рукомойникъ).

Виситъ килка на одной жилкѣ (Рукомойникъ).

Встану я рано, пойду къ барану пустой головѣ (Рукомойникъ).

Сидитъ сова на примѣтѣ, нельзя ее напоити (Рукомойникъ).

Виситъ (вѣсится), болтается, всякъ за него хватается (Полотенце).

Маленькій шарикъ подъ лавкой шаритъ (Вѣникъ).

Старый (маленькій) Аѳанасій лычкомъ подпоясанъ (Вѣникъ).

Маленькій Ерофейка подпоясанъ коротенько (Вѣникъ).

Скрученъ, связанъ, по избѣ скачетъ (Вѣникъ).

Маленькій, удаленькій, по полу елòзитъ, заду не занозитъ (Вѣникъ).

По полу скокъ, и по лавкамъ скокъ; сядетъ въ уголокъ, не ворохнется (Вѣникъ).

Кургузъ, коротокъ, обѣжалъ весь городокъ и прижался въ уголокъ (Вѣникъ, голикъ).

Днемъ куражится, ребрится, а къ ночи въ уголокъ ложится (Вѣникъ).

По полу гудокъ, по подлавочью гудокъ — тотъ же гудокъ сѣлъ въ уголокъ (Вѣникъ).

Скокъ-поскокъ, пò полу гудокъ, по подлавочью гудокъ: наиграется гудокъ, да и сядетъ въ уголокъ (Вѣникъ).

Туда Митя, сюда Митя, и подъ лавку ушелъ (Вѣникъ).

Малъ да удалъ: всѣхъ людей перебилъ, и царю не спустилъ (Вѣникъ банный и платяной).

Маленькій пузанчикъ по городу ходилъ, всѣхъ ребятъ перебилъ (Вѣникъ банный).

Вечоръ меня зеленушка уползалъ, уерзалъ и спать укралъ (То же).

По сараю (по повѣти) хожу, ерыкалу ищу, ерыкаться хочу (Вѣника ищу париться).

Медвѣжья лапа въ избѣ (Помело).

Медвѣжья лапа жаръ загребаетъ (Помело).

Вышла туторья изъ подполья, зачала золото загребать (Помело).

Подъ поломъ, подъ середой, сидитъ баба съ бородой (Помело).

Старая старуха безъ ногъ, безъ рукъ, на стѣну лѣзетъ (Пыль).

Рога въ хлѣву, а хвостъ въ рукахъ (Ухватъ).

Въ хлѣву у быка копна на рогахъ, а хвостъ на дворѣ у бабы въ рукахъ (Ухватъ съ горшкомъ).

Кривая собака въ печку глядитъ (Кочерга).

Взятъ отъ земли, яко же Адамъ; посаженъ на колесницу, яко Илія Пророкъ; вверженъ въ печь огненную, яко три отрока; брошенъ въ Чермное море, яко же и Фараонъ; кости и составы мои разсыпались; взявъ меня нѣкая жена, одѣла въ пестрыя ризы и нача второй вѣкъ жити (Горшокъ).

Взятъ отъ земли, яко же Адамъ; посаженъ въ колесницу, яко Илія; вверженъ въ пещь, яко три отроки; возжалився нѣкая рабыня, облекоше его въ пестрыя ризы, и застави его второй вѣкъ жити. Егда же пріидетъ разслабленіе костемъ его, тогда поверженъ бываетъ на распутіе, и земля костей его не пріемлетъ (Горшокъ).

Взятъ отъ земли, яко же Адамъ; вверженъ въ пещь огненную, яко три отроки; взятъ отъ пещи и возложенъ на колесницу, яко Илія, везенъ бысть на торжище, яко же Іосифъ; ставленъ на лобное мѣсто и біенъ по главѣ, яко же Іисусъ; возопи веліимъ гласомъ, и на гласъ его пріиде нѣкая жена, яко же Марія Магдалина, и купивши его за мѣдницу, принесе домой; но расплакася по своей матери, умре, и донынѣ его кости лежатъ не погребены (Горшокъ).

Родился я въ каменной горѣ, крестился въ огненной рѣкѣ, вывели меня на торжище; пришла дѣвица, ударила золотымъ кольцомъ; мои кости разсыпучія, въ гробъ не кладучія, блинами не помянучія (Горшокъ)

Родился окатъ земной: крестился въ огненной рѣкѣ; привезли его на торговище, поставили въ сторонище; пришла стара матерà жена, ударила его златымъ кольцомъ: «Гой еси, окатъ земной, отзывайся! кости твои не оберущи, въ землю не кладущи» (Горшокъ).

Вили меня, повивали меня, бросили меня за перегороду — ни тѣлу погребенья, ни душѣ поминовенья (Горшокъ).

Вился, родился, мучился, крестился, пошелъ — замялся, весь міръ засмѣялся (Горшокъ).

Купилъ я гагана, онъ разнѣжился и расплакался; кинулъ я его за окно, никто не беретъ: собаки не ѣдятъ и вороны не клюютъ (Горшокъ).

Родился на кружалѣ, росъ вертѣлся, живучи парился, живучи жарился; померъ — выкинули въ поле; тамъ меня звѣрь не ѣстъ и птица не клюетъ (Горшокъ).

Молодъ былъ, людей кормилъ; старъ сталъ, пеленаться сталъ; умеръ, мои кости не годящія бросили въ ямку, и собаки не ѣдятъ (Горшокъ).

Былъ я на копанцѣ, былъ я на хлопанцѣ, былъ на пожарѣ, былъ на базарѣ; молодъ былъ — людей кормилъ: старъ сталъ — пеленаться сталъ; умеръ, мои кости негодящія бросили въ ямку, и собаки не гложутъ (Горшокъ).

Былъ на копкѣ, былъ на топкѣ, былъ на кружалѣ, былъ на пожарѣ, сталъ на базарѣ; молодъ былъ, сто головъ кормилъ; старъ сталъ, пеленаться сталъ (Горшокъ).

Свѣтъ Кощей, господинъ Кощей: сто людей кормилъ, гулять ходилъ, головку сломилъ; кости выкинули, псы не понюхали (Горшокъ).

Есть ли таковъ, какъ Иванъ Русаковъ? Сѣлъ на конь, да и поѣхалъ въ огонь (Горшокъ, чугунъ).

Ни кто таковъ, какъ Иванъ Колпаковъ (Токмачовъ): сядетъ на конь, да поѣдетъ въ огонь (Горшокъ, чугунъ).

Чернышъ, загарышъ, куда поѣхалъ? Молчи, кручено-верчено, тамъ же будешь (Чугунъ и корчага).

Стоитъ Егорій на осѣку, пересѣлся со смѣху (Горшокъ въ печи).

Родился вертяся, а умретъ взбѣсяся (Горшокъ; лопнетъ кния).

Былъ ребенокъ, не зналъ пеленокъ; старъ сталъ, пеленаться сталъ (Молостовъ, горшокъ повитый берестой).

Родится — вертится, растетъ — бѣсится (кипитъ), помретъ — туда дорога (Горшокъ).

Родится — вертится, живетъ — всѣмъ кормилецъ; смерть его — эхма! (Горшокъ).

Померъ Адамъ — ни Богу, ни намъ: ни душа на небо, ни кости въ землю (Разбитый горшокъ).

Разсыпался Черкасъ, никому его не складть: ни попамъ, ни дьякамъ, ни серебряникамъ (Горшокъ).

Плотники безъ топоровъ, срубили горенку безъ угловъ (Горшокъ).

Сидитъ баба на грядкахъ, вся въ заплаткахъ (Корчага въ берестѣ).

Что стомъ вито, обвито, повито? Кто то отганетъ, тому сто все (Кринка въ берестѣ или молостовъ).

Стоитъ молодецъ — по колѣни въ золотѣ (Горшокъ въ угляхъ).

Въ печерскомъ, въ горшенскомъ, подъ крышенскимъ, сидитъ курлипъ курлиповичъ (Гусь въ горшкѣ подъ крышкой).

Церковка, соловейковка — сама гладка, будто ягодка (Бутылка).

Выше дерева растетъ (Квашня).

Безъ рукъ, безъ ногъ въ гору лѣзетъ (Квашня; вѣтеръ).

Безъ рукъ безъ ногъ, всѣмъ голова (Квашня).

Безъ рукъ безъ ногъ, а на печь лазитъ (Квашня).

Не живой, а дышетъ (Квашня).

Безъ души, безъ костей, безъ рукъ, а дерется на стѣну (Квашня).

Слушаю, послушаю: вздохъ за вздохомъ, а въ избѣ ни души (Квашня).

Свечера заторкалъ, со полуночи захоркалъ, поутру всталъ, до локтей заскалъ (Квашня).

Выпашу чисто поле, нагоню черныхъ овецъ (Хлѣбъ въ печи).

Выпашу, выпашу чистое поле; нагоню, нагоню бѣлыхъ лебедей (Хлѣбы въ печь сажать).

Распашу, распашу чисто поле, нагоню бѣлыхъ лебедей; посажу, посажу рядышкомъ, а послѣ лебедей всѣхъ переѣмъ (Хлѣбы).

Полонъ хлѣвъ безхвостыхъ овецъ: одна была съ хвостомъ — и та ушла (Хлѣбы и лопата),

Черненька собачка вкругъ, да вкругъ (Сковорода).

Маслено, воложно, подъ лавкой положено (Сковорода).

Сорока въ кустъ, Алексѣй за хвостъ (Сковорода и сковородникъ).

Берегà желѣзны, рыба безъ костей, вода дорогà (Сковорода, блины и масло).

Сидитъ курочка на золотыхъ яичкахъ, а хвостъ деревянный (Сковорода на угляхъ и сковородникъ).

Сидитъ царица (царь-птица) на золотыхъ яичкахъ (Сковорода).

Полъ желѣзный, половикъ нетканый (Сковорода съ блиномъ).

Токъ желѣзный, посадъ яровой (Блинъ на сковородѣ).

На желѣзномъ мосту коковяки растутъ (Блинъ на сковородѣ).

На плѣшь капнешь, ставишь, попаришь, вынешь, поправишь (Печь блины).

Бился Лука съ Петромъ, помутилась вода съ пескомъ (Затирка киселя).

Катились каточки по липову мосточку, увидѣли зòрю, бросились въ воду (Горохъ варятъ).

Дерется пѣтъ съ орломъ, прилетѣлъ коршунъ съ хвостомъ, разнимать пѣта съ орломъ (Вода въ чугунѣ, огонь и уполовникъ).

Весь лѣсъ въ обрѣзъ, два дерева выше всѣхъ (Ушатъ).

У туши уши, а головы нѣту (Ушатъ).

Три ноги, два уха, да шестое брюхо (Лохань).

Промежъ двухъ морей, по мяснымъ горамъ, гнутый мостикъ лежитъ (Коромысло съ ведрами).

Два братца купаются, а третій насмѣхается (Ведра и коромысло).

Двое купаются, а третій дивуется (Коромысло съ ведрами).

Два братца хотятъ подраться, да рỳки коротки (Коромысло).

Два братца пошли въ воду (въ рай) купаться (Ведра).

Сто полѣнъ въ запасѣ, а на истопку не будетъ (Вѐдра).

Черезъ море котовій хвостъ (Перевясло у ведра).

Черезъ сине море журавлиное горло (Перевясло на посудѣ).

Щука въ морѣ, хвостъ на угорьѣ (Ковшъ).

Утка въ морѣ, хвостъ на горѣ (на волѣ; или: на заборѣ; Ковшъ).

У насъ въ избушкѣ красны бабỳшки (т. е., игрушки; ложки).

Вокругъ пролубки все голубки (Ложки вкругъ горшка).

Выну изо рту ягодку, оближу и опять положу (Ложка).

Идетъ коза, бьетъ рогамъ по всѣмъ угламъ (Мутовка въ квашнѣ).

Щука въ водѣ, а хвостъ наружи (Уполовникъ).

Сорóка подъ пылъ летала (Уполовникъ).

Ширну, пырну, — выдерну, ырну (Веселко).

Въ лѣсу снята, въ дому гнута, по середкѣ заплетена (Сито).

Есть свято, съ липы снято; по краишкамъ ремешки (по краямъ штрусеньки), а въ середкѣ штру (Сито).

Сивая кобыла по торгу (по полю, по городу) ходила, по дворамъ бродила, къ намъ пришла, по рукамъ пошла (Сито).

Въ лѣсу гнуто, въ торгу брато, по краямъ штру, по серединкѣ штрусё (Сито).

Чѣмъ въ избу воды не принесешь? (Рѣшетомъ).

Чудо чудомъ, сошлось кругомъ: дыръ много, а выскочить нѣкуда (Рѣшето, сито).

Таръ-тарары, дворъ дверовать, а нѣкуда ни вытти, ни выѣхать (Сито).

Свинка—вырѣзана спинка (Ночевка, лотокъ).

Идетъ свинья изъ овина, съ обоихъ концовъ по рылу (Нóчвы).

Бока да спина, а брюха нѣтъ (Нóчвы, ночевка).

Бѣжитъ свинья изъ Саратова, вся исцарапана (Терка).

Выведу коня изъ задняго хлѣва: копыты бѣлы, да и подковы (Пахтъ).

Бился баранъ съ козломъ, помутилась вода съ пескомъ (Мѣшать масло).

Четыре сестрицы въ одну лунку цѣдятъ (Доить корову).

Молóдочка, оберчена головочка (Дойникъ съ цѣдилкою).

Стои́тъ козелокъ на маленькихъ ножкахъ; онъ пышетъ и дышетъ, а души нѣтъ (Самоваръ).

Въ небо дыра, въ землю дыра, посередь огонь да вода (Самоваръ).

Чурило, закуреное рыло (Свѣтецъ).

Поставлю, стоитъ; положу, лежитъ; домъ держитъ (Свѣтецъ).

Стои́тъ Гаврило замарано рыло (Свѣтецъ).

Стои́тъ старецъ, крошитъ тюрю въ ставецъ (Свѣтецъ и лучина).

Старый старичокъ, подъ себя тюрю мнетъ (Свѣтецъ съ лучиной).

Стоитъ Трошка на одной ножкѣ, крошитъ крошки (Свѣтецъ).

Четыре Василисы въ одно мѣсто свилися (Свѣтецъ).

Стои́тъ Куземка, крошитъ крошатку — ни себѣ, ни другу (Свѣтецъ).

Стои́тъ Ермошка на одной ножкѣ, крошитъ крошатку, ни себѣ, ни мнѣ, ни другу (Свѣтецъ).

Мышка ходитъ по брусочку, роняетъ по кусочку (Горящая лучина).

Безъ рукъ, безъ ногъ — лапшу крошитъ (Горящая лучина).

Бѣлое ѣстъ, черное роняетъ (Лучина горитъ).

Красненькій кочетокъ по жерди ходитъ (Горящая лучина).

Раскладу я клѣтку—и царю не скласть: ни попамъ, ни дьякамъ, ни богатымъ мужикамъ (Щепать лучину).

Разберу бѣляну (т. е., судно) одними руками, не соберешь бѣляны всѣми городами (Щепать лучину).

Раскладу я клѣтку, не скласть эту клѣтку, ни попамъ, ни дьякáмъ, ни серебряникамъ (Лучина).

Колокольня нова̀, колокольня бѣла, подъ маковкой черно, маковка золота̀ (Свѣча).

Слизко не ловко, въ середкѣ веревка (Свѣча сальная).

Горитъ столбъ, а уголья нѣтъ (Свѣча).

Тѣло сальное, душа бумажная (Свѣча).

Самъ нагъ, а рубашка въ пазушкѣ (въ запазушкѣ; Свѣча).

Въ потьмахъ родится, съ огнемъ (въ огнѣ) помираетъ (Свѣча).

Черненька коровка, рожки желѣзны, тѣмъ и полѣзна: зимній день по дважды, лѣтній однажды, на камешекъ доитъ: межмолокъ не-ходитъ (Огниво).

Полонъ шестикъ воробышковъ (Каймa сарафана съ пуговками).

Маленькій Данилко въ петелку удавился (Пуговка).

Маленька кутафьюшка въ тѣсномъ мѣстѣ сидитъ (Пуговица).

У кого двѣ кожи на ногахъ? (Кто въ сапогахъ).

Стою̀ ли я надъ головою—прямо стою̀: стою ли я подъ ногами—прямо стою̀ (Гвоздь въ сапогѣ).

Хожу на головѣ, хотя и на погахъ; хожу босикомъ, хотя и въ сапогахъ (Гвоздь въ сапогѣ).

Мутовка мясна, квашня кожаная (Нога въ сапогѣ).

Въ липовомъ корытцѣ живое мясцо шевелится (Нога въ лаптѣ).

Въ лѣсъ идетъ, клѣтки кладетъ; изъ лѣсу идетъ—перекладываетъ (Лапотный слѣдъ).

Два бурава (крота), четыре хвоста (Лапти).

Два хвоста — елоза проста (Лапти).

Въ лѣсъ иду, двѣ мѣты кладу; изъ лѣсу иду—двѣ другія кладу (Лыжи).

Выдерну мохнушку, заткну голышомъ (Рукавица и рука).

Безъ мяса, безъ костей, а все таки пять пальцевъ (Перчатки).

Размахну (разойму) мохнушку, воткну голышка (Рукавица).

Въ пяти колодчикахъ сидятъ пять молодчиковъ (Пальцы въ перчаткахъ).

Всякому мальчику по чуланчику (Перчатки).

Ни глазъ, ни ушей, а слѣпцовъ водитъ (Палка).

Днемъ какъ обручъ, ночью какъ ужъ, кто отгадаетъ—будетъ мой мужъ (Поясъ).

Футка да фатка, футунди, футундакъ, да двѣ футеницы (Шапка, шуба, зипунъ, кушакъ, рукавицы).

Въ лѣсъ идетъ, изъ лѣсу глядитъ; изъ лѣсу идетъ, въ лѣсъ глядитъ (Котомка за спиной)

Подъ лѣсомъ-лѣсомъ колесы висятъ (Серги въ ушахъ).

Около кола золотая трава (Кольцо).

Безъ начала, безъ конца, а не Богъ (Кольцо).

Шило мотовило подъ небеса подходило, по ниточкѣ говорило (Змѣй). Шило мотовило, подъ небеса уходило, по Нѣмецки говорило (Журавль).

Маленькій, горбатенькій, зубастенькій, повадился въ луга утятъ таскать, а ему еще спасибо (Гребень).

Слѣпой Демидъ въ чащу ходилъ, поросятъ давилъ (Гребень).

Сухой Гаврилко вскочилъ въ лядинку, разогналъ всю скотинку (Гребень, голова).

Свое — чужое.

Всякъ себѣ хорошъ. Всякъ самъ себѣ — заглядѣнье.

Здравствуй я, да еще милость моя!

Своя рука только къ себѣ тянетъ. Всякая рука къ себѣ загребаетъ.

Всякая птичка своимъ носкомъ клюетъ (свой зобокъ набиваетъ).

Бравши, рука не устанетъ (не приберется, не притупѣетъ, не оскудѣетъ).

Людской Семенъ, какъ лукъ зеленъ: а нашъ Семенъ, изъ грязи сваленъ (т. е., по людскимъ толкамъ таковъ).

Какъ пирогъ съ грибами, такъ всѣ съ зубами; а какъ кнутъ съ узломъ — такъ прочь съ кузломъ.

Всякій старецъ въ свой ставецъ. Всякой Демидъ себѣ норовитъ.

Чей день завтра, а нашъ нонѣ.

Своя работа первый барышъ.

Всякій мастеръ про себя маслитъ (иля: свою плѣшь маслитъ).

У всякаго Ермишки свои дѣлишки.

Всякъ самъ на себя хлѣба добываетъ.

Ты бай на свой пай, а я говорю на свою сторону.

Кто о чемъ, а мы о своемъ. Кто по комъ, а мы по себѣ.

Сова о совѣ, а всякъ о себѣ (тужи, заботься).

Спитъ сова (лиса), да видитъ курицу.

Всякій хлопочетъ, себѣ добра хочетъ.

Знаетъ сорока, гдѣ зима(у) зимовать.

Всякъ самъ себѣ дороже. Всякому свое дороже.

И хохуля (выхухоль) себя не хулитъ, даромъ, что воняетъ.

Людей продать — почемъ ни взять; а на себя, и цѣны нѣтъ.

Кто самъ себѣ врагъ, кто злодѣй? Тотъ дуракъ, кто самъ себѣ врагъ.

Отруби ту руку по локоть, которая добра себѣ не желаетъ (которая къ себѣ не волочитъ).

И лиса около своей норы смирно живетъ.

Свой хлѣбъ сытнѣе. Собинка всего дороже.

Не постою ни за что, постою только за себя.

Нашъ атласъ не отходи отъ насъ (т. е., оставайся наше при насъ;

Нашъ атласъ не отходитъ отъ насъ, жалоба: не отстаетъ, не развяжешься).

Что дома есть, за тѣмъ къ сосѣду не ходить.

Начхаю богачу, коли свой снопъ (свою рожь) молочу.

Себѣ кусочекъ, съ коровій носочекъ, другому ломоть — положить нечего въ ротъ.

Мнѣ что до кого? Было бъ намъ хорошо.

Спаси меня, Богородица, и помилуй, деревни Виткулова самый крайній домъ (а прочихъ, какъ знаешь)!

Свѣтилъ бы мнѣ ясный мѣсяцъ, а по частымъ звѣздамъ коломъ бью.

А по насъ (послѣ насъ), хоть трава не расти.

На себя работать не стыдно (не скучно).

Радъ (радѣетъ) скомрахъ о своихъ домрахъ (о гудкѣ).

Въ своей сермяжкѣ никому не тяжко.

И всякъ, какъ мышка, лѣзетъ на вышку.

Рыба ищетъ глубже (гдѣ глубже), человѣкъ лучше (гдѣ лучше).

Всякъ свое хвалитъ. Всякій купецъ свой товаръ хвалитъ.

Всякому свое мило (любо и дорого).

Всякій бояринъ свою милость хвалитъ. Всякому своя честь дорога.

Всякая лиса свой хвостъ хвалитъ (бережетъ).

У лисицы хвостъ дологъ, а на свой не сядетъ.

Ни какая сорока въ свое гнѣздо не гадитъ (не накоститъ).

Всякъ куликъ свое болото хвалитъ.

Всякая птица свое гнѣздо любитъ (хвалитъ).

Нѣтъ пѣвчаго для воро̂ны супротивъ роднаго вороненка.

Всякому мужу своя жена милѣе (больнѣе).

Княгинѣ княжа, кошкѣ котя, а Катеринѣ своя дитя (милѣе).

Дитя хоть и криво (хило), да отцу, матери мило.

Хоть и воръ, да мой, такъ и жалко.

На людей закащикъ, на себя потворщикъ.

Хоть дерево гнило, да благо намъ мило.

У всякаго свой сынъ по локоть въ золотѣ, по поясъ въ серебрѣ: во лбу ясный мѣсяцъ, въ затылкѣ часты звѣзды.

Твое, хоть дороже (краснѣе, бѣлѣе), а свое мнѣ милѣе.

Малый вертепъ мой лучше Синайскія горы.

Въ нашей дести листовъ по двѣсти.

Всякому свое и не мыто бѣло. Сурово не бѣлье, свое рукодѣлье.

Ваши рѣчи въ Евангеліе, а наши и въ азбуку (и въ Татарскій Прологъ, т. е., въ Коранъ) не годятся.

Наша собинка малинкой, ваша собинка вонюгой поросла.

У васъ дѣвушки растрепушки, молодушки воропушки, ребятушки галченятушки, старушечки горбушечки.

Самъ бей, а другимъ бить не давай!

Людямъ скоромно, а намъ на здоровье.

Не дѣлай свое хорошее, дѣлай мое худое (т. е., слушайся, не умничай)!

У всякаго плута свой расчетъ. У всякаго свой варъ у сердца.

Всякому своя слеза ѣдка (солона).

Боръ сожгли, а соловушекъ по гнѣздышку плачетъ.

Каково кому на дому — невѣдомо ни кому (таково и самому).

Всякъ понимаетъ свою бѣду. Всякому своя обида горька.

Кому до чего, а кузнецу до наковальни.

Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ.

Зачѣмъ въ люди по печаль, коли дома плачутъ.

Не до чужой печали, и своей еще съ плечъ не скачали.

Что припекло, то и наболѣло. У кого болитъ, тотъ и кричитъ.

У кого не болитъ, у того и не свербитъ.

Каждому своя болѣзнь тяжела. Всякому своя худоба не кажется.

Своя болячка — великъ желвакъ. Всякому своя рана больна.

Боленъ зубъ у себя во рту. За чужой щекой зубъ не болитъ.

Что къ огню ближе, то жарче; что къ сердцу ближе, то больнѣе.

Тебѣ смѣшно, а мнѣ къ сердцу дошло.

Вамъ смѣхъ, а намъ и полсмѣха нѣтъ.

Чужія руки легки, да не къ сердцу.

За чужое пиво принимать похмелье. На чужомъ пиру съ похмелья.

Здорово живешь — голову на плаху не кладутъ.

Кому отъ чужихъ, а намъ отъ своихъ.

Гложи меня собака, да чужая (да не своя; да невѣдомая).
Я, такъ я, а не кто другой; а не я, такъ и Богъ съ тобой!
Наше мѣсто свято; чуръ насъ; чуръ меня (когда поминаютъ недоброе)!
Люблю тебя (люблю шабра), да не какъ себя.
Радъ другу, да не какъ себѣ. Жаль друга, да не какъ себя.
Своя душа не холопъ (т. е., самъ себя пожалѣешь).
Своя рубашка къ тѣлу ближе. Рубаха кафтана къ тѣлу ближе.
Своя подоплека къ сердцу ближе. Не съ поля вихорь (свой, родня).
Не портки продать, да тебѣ отдать.
Всякъ самъ себѣ ближе. У всякаго Гришки свои дѣлишки.
Жалѣть коня — истомить себя. Либо коня жалѣть, либо себя.
Не закрывать стать чужой прорѣхи своимъ рукавомъ.
Свой своему поневолѣ другъ (братъ).
Кожа кожѣ споровитъ (свой своему, кровному).
Баринъ за барина, мужикъ за мужика (стоитъ).
Свой своему—и ногою пнетъ, поможетъ. Свой своему лежа помогаетъ.
Всякъ за своихъ стоитъ (а одинъ Богъ за всѣхъ).
Всякая сосна своему бору шумитъ.
Не мѣшаются Жиды съ Самарянами, а холопы съ дворянами.
Лычко съ ремешкомъ не вяжись: оборвется.
Всѣ люди свои, да всякъ любитъ себя.
Вся семья своя, да всякъ любитъ себя.
Родъ да племя близки, а свой ротъ ближе.
Не до дружка, до своего брюшка.
Свиньѣ не до поросятъ, коли самое на огонь тащатъ (коли матку палятъ; коли самоё смолятъ).
Въ другѣ стрѣла, какъ во пнѣ; а въ себѣ, какъ въ сердцѣ.
Не смотри, чтобъ другимъ осталось, а смотри, чтобъ тебѣ досталось.
Чужимъ всякъ тароватъ. Дешева рыба на чужомъ блюдѣ.
Изъ чужаго кармана платить легко.
Изъ чужой мошны платить не тяга.
Изъ чужой мошны не жаль и подать (милостыню).
Чужой мѣшокъ, хоть выворотить, да отрясти.

Свой котелъ припаси, да какъ хошь тряси.

Чужимъ обѣдомъ гостей потчивать не убыточно.

Чужимъ добромъ — подноси ведромъ.

Чужое вино—и пилъ бы, и лилъ бы, и искупаться попросилъ бы.

Изъ чужой спины ремешки кроить.

По чужимъ ранамъ, да чужимъ саломъ мазать не убыточно.

Легко чужими руками жаръ загребать.

Бить кого чужою рукою. Кто бьетъ, тому не больно.

Рука легка, была бы шея крѣпка.

Чужая шкура не болитъ. По чужой шкурѣ не больно.

Чужая вина не прощеная Нашъ грѣхъ больше всѣхъ.

Вчужѣ хороши смѣшки. Покелѣ до сердца не дойдетъ, все смѣшно.

Чужому смѣху (т. е., бѣдѣ) хорошо смѣяться: посмѣйся своему!

Кричитъ смѣло, какъ не пришло до него дѣло.

До кого не дойдетъ, того не сожжетъ.

Хорошо съ берегу на гребцовъ смотрѣть.

Барченокъ гóря не вкуситъ, пока своя вошь не укуситъ.

Попри-ка самъ, да и скажешь намъ (такъ повѣришь и намъ).

Всякую болячку къ себѣ примѣняй. Оглянись, коза, на свои на рога!

Чужую печаль и съ хлѣбомъ съѣшь, а своя, и съ калачемъ въ горло не йдетъ.

Чужую бѣду не посоля уплету, а свою, и посахаривъ, не проглочу.

Какъ чужую бѣду — я водой разведу; а на свою на бѣду — сижу, да гляжу.

Чужую бѣду руками (бобами, на бобахъ) разведу, а къ своей и ума не приложу.

Нашу проторь, ни проѣсть, ни проспать.

Чужое горе оханьемъ пройдетъ. Легкá пóбыть нá людѣ (Арханг.).

На чужой спинѣ легко. Чужая бѣда за сахаръ.

Кому не больно, тому и не тошно.

Вали на сѣраго, сѣрый все снесетъ (на волка; на прим., пропажу скотины).

Вали на солдата (коли что пропало), солдатъ въ походъ уйдетъ, все унесетъ.

Чужая болѣсть дастъ поѣсть, а про свою бѣду и сказать не могу.

Чужая слеза — вода (что съ гуся вода).

Не плачь, рыбка: дай крючекъ изъ жабры вынуть.

Чужой сынъ дуракъ—смѣхъ, а свой сынъ дуракъ—смерть (стыдъ).

Чужой дуракъ — ха, ха! а свой дуракъ — охъ, охъ!

Чужой дуракъ — веселье, а свой — безчестье.

Свое дѣтище — варъ у̀ сердца. Чужаго стыдно, а своего жаль.

Чужимъ уродомъ коришь, надъ своимъ, казнишься.

Надъ людскимъ дуракомъ не нахѐешься, надъ своимъ не накаешься.

Чужая бѣда — смѣхъ (помо̀ра). Сытый по голодномъ не плачетъ.

Людской стыдъ (позоръ) — смѣхъ, а свой — смерть.

Сытый по голодномъ, а теплый по холодномъ не плачутъ.

По сытому брюху — хоть обухомъ.

Мнѣ что до тебя! Я знаю себя. Хоть ты себѣ на огнѣ гори!

Надъ чужой работой не надсаживайся!

Чужую курочку щипли, а свою за крылышко держи!

Чужую курицу какъ хошь дери, а свою за хохолъ держи!

Ѣшь чужіе пироги, а свои (а свой хлѣбъ) впередъ береги!

Чужимъ добромъ похваляется, а свое подъ лавку хоронитъ.

Своя кожа рубахи дороже. Своя рогожа чужой рожи дороже.

На мнѣ шкура и не чернаго соболя, да своя, такъ и хороша.

Не вымѣняешь у свиньи шкуры ни за куній мѣхъ.

Ладно со своей ложкой, да по чужимъ обѣдамъ.

Кукушка своего гнѣзда не вьетъ.

Хорошо ѣздить, у кого свой кнутъ — на чужихъ коней.

Конь не свой, погоняй, не стой!

Лошади чужіе, хомутъ не свой — погоняй, не стой!

Своего коня шлепкомъ, чужаго коня круглякомъ.

Нашихъ да вашихъ, а боярскихъ взашей.

По мнѣ, Богъ съ тобой, хоть волкомъ вой!

Дивиться нечему, дай Богъ всякому (говор., коли кто глумится надъ чужою бѣдою).

Господь съ вами, а богамъ молитесь сами!

Съ недруга хоть шапка долой. На чужой спинѣ беремя легко.

Братъ брату — полоса мяса. На̀ людяхъ и смерть красна.

Усо̀пшему миръ, а лѣкарю пиръ.

Кому мертвецъ, а намъ товарецъ (говор. попы да гробовщики).

Чортъ возми сосѣда, жги огнемъ деревню!

Пропади мой лихой, не изведчи меня; а изведчи меня, хоть три вѣка живи!

Послѣ насъ, хоть волкъ траву ѣшь!

Послѣ меня, хоть трава не рости! По мнѣ хоть и трава не рости!

Что мнѣ до чужихъ? Да пропадай хоть и свои!

По мнѣ — хоть его на сковородѣ изжарь!

Мнѣ, хоть весь свѣтъ гори, только бы я живъ былъ.

Коли конь, да не мой — такъ волкъ его ѣшь!

Чужая корова, что выдоена, что высосана — все равно.

Чужая свинья, да въ чужомъ огородѣ—волкъ ее рѣжь, и съ огородомъ-то!

Не моя недѣля, полсема дня въ ней.

Не нашу тысячу рубятъ, Агеевскую (историч.).

Это не нашего прихода (квартала, говор. городовой).

Бей: не нашего стада скотина.

Что у тебя болитъ, то у друга не свербитъ.

Что у меня болитъ, то у нѐдруга не свербитъ.

Всякому своя обида (лодыга) дорога̀.

Больно — жена, земля, да холопъ (т. е., семья да имущество).

Чужая ноша не тянетъ (т. е., не заботитъ). Своя ноша не тянетъ— не тяготитъ, о своемъ позабочусь).

Кому не горячо, тому и не болячо.

Ты ложись на крайку̀, у Бога въ райку, а я къ стѣнкѣ, къ золотой пѣнкѣ.

Дай Богъ умереть, да не намъ напередъ.

Дай Богъ умереть хоть сегодня, только не намъ.

Дай Богъ ему быть полковникомъ, только не въ нашемъ полку.

Хоть въ аду ликуй, только насъ минуй!

Дай Богъ вамъ когти, только бъ не насъ драть.

Толчитесь, бѣсы, да не въ нашемъ лѣсѣ!

Рѣжь волкъ чужую кобылу, да моей овцы не тронь!

Хватайся самъ за доску, пускай другой тонетъ.

Тони, кому охота, а мы на песочекъ.

Вы топись, а мы къ берегу гребись (за колышки держись).

Удавись, гдѣ хочешь, только бы не въ нашемъ дворѣ.

Что мнѣ до другихъ, былъ бы я сытъ (живъ).

Перенеси, Богъ, меня, а вы какъ себѣ знаете.

Господи, Господи, не бей нашей поскони, а льны да конопли хоть всѣ примни (говор. баба; посконь принадлежитъ бабамъ, по обычаю)!

На погорѣлое лучше отдать, чѣмъ собирать.

Мужикъ онъ добрый, а попроси бороды на припыжку—не дастъ.

Добръ то добръ, а попроси шкурки на выдѣлку (на голенища).— умретъ, а не дастъ.

Вино пьешь? Въ людяхъ пью (какъ поднесутъ, такъ выпью).

На чужіе деньги запоемъ пьемъ.

Свое добро въ горсточку собирай, чужое добро, сѣй, разсѣвай!

Чужое беречи, не свое травить.

Чужой грѣхъ прикрыть, не себя оголить.

Эта капѣль не на нашу плѣшь.

За чужой головой, поливай какъ водой (т. е., чужаго беречь нечего)!

Жнетъ, гдѣ не сѣялъ, а собираетъ, гдѣ не расточалъ.

Жнетъ не сѣетъ, ѣстъ не вѣетъ.

Вы, братцы, помолотите, а мы поѣдимъ.

Дома прикусница, а въ гостяхъ въ накладку.

Съ мужемъ въ приглядку (пьемъ чай), сама въ прикуску, а въ гостяхъ въ накладку.

Параша-та ваша, да рубашка на ней наша.

Ѣду къ обѣду, а къ ужину домой пріѣду.

Любилъ дѣдъ чужой обѣдъ. Чужой и хлѣбъ слаще калача.

Кабы знатье, что у кума питье, то бы и ребятишекъ привелъ.

Приходи въ гости ко мнѣ: у шабра (сосѣда) какое пиво!

Сперва къ тебѣ, отъ тебя—да къ вамъ, а отъ васъ къ тебѣ же.

За чужимъ кануномъ своихъ родителей (покойниковъ) поминаетъ.

Что не мило, то попу въ кадило.

Что попу не мило, то дьячку въ кадилю.

Сытъ пономарь, и попу подаетъ.

Передать изъ рукъ въ руки (съ рукъ на руки, изъ полы въ полу).

Въ чужихъ рукахъ ломоть великъ (крома велика).

Свой хлѣбъ пріѣдчивъ. Чужой ломоть лакомъ.

На чужое добро руки чешутся. Чужое завистливо.

Краденое яичко школьнику слаще.

Краденый конь не въ примѣръ дешевле купленаго обойдется (сказалъ Цыганъ).

Даровое лычко краше купленаго ремешка.

Видитъ и кривой, на комъ кафтанъ чужой.

Журавль межи не знаетъ, а черезъ ступаетъ (шагаетъ).

Тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ. То и завидно, чего нѣтъ.

Въ людяхъ, дураки-то заглядѣнье каки; а наши дураки — нѐвѣсть каки.

Къ нашему берегу не привалитъ хорошее дерево.

Не насытится око зрѣніемъ, а умъ богатствомъ.

Чужой таланъ скоро растетъ, а нашъ ни ползетъ, ни лѣзетъ.

Въ чужой рукѣ кусъ и дольше и толще.

Чужихъ нѣтъ, а своихъ мало. Что наше, того намъ и не надо.

Свиное яйцо, да и то не свое. Много въ людяхъ, да дома нѣтъ.

Кумушка, дай щецъ, да и хлѣбецъ-отъ твой.

Дай — такъ не слышитъ; а на — такъ услыхалъ.

Людскіе заимодавцы, какъ свѣчки гаснутъ, а на нашихъ и смерти нѣтъ.

Хороша рыба, да на чужомъ она блюдѣ.

Хорошо Хорóшево (подмосковное село), да не наше, царево.

Хорошá Маша, да не наша. Не дери глазъ на чужой квасъ!

Хороша шла, да не поклонилась; давалъ грошъ, не воротилась.

Не дери (не выголяй) глазъ на чужой квасъ, а по раньше вставай, да свой затирай (затѣвай)!

На чужой коровай рта не розѣвай, а пораньше вставай, да свой затѣвай (затирай)!

На чужой кусокъ не пяль ротокъ, а свой припаси, да и въ ротъ понеси!

На чужую кучу нечего глаза пучить.

Считай деньги въ своемъ карманѣ!

Не засаливай усъ на чужой кусъ! Не точи зубки на чужи куски!

На чужое пиво не надуешь рыла Надувшись, не выпьешь.

Прося — не напиться, а дадутъ — не залиться.

Съ голоднымъ брюхомъ, да по добрымъ людямъ.

Чужимъ хлѣбомъ вѣку не прожить.

Чужимъ хлѣбомъ, да чужимъ умомъ, не долго проживешь (не много наживешь).

Не надѣйся, дѣдъ, на чужой на обѣдъ!

Чужой обѣдъ сладокъ, да не споръ.

Чужое не споро, пропадетъ скоро; а свое держи, такъ какъ хошь теребя.

Сытенъ чужой обѣдъ, а все только на одни сутки.

Отъ чужихъ нажитковъ не нажить пожитковъ.

Чужимъ богатъ не будешъ. Чужое добро не впрокъ.

Чужимъ и большимъ (т. е., и многимъ), не нажиться.

Чужимъ добромъ не расживешься. Чужая пожива не расжива.

На чужомъ жиру (т. е., добрѣ) не далеко уѣдешь.

На чужомъ гумнѣ нѣтъ корысти мнѣ. На чужой кусъ, не дую въ усъ.

На чужой лошадкѣ не наѣздишься. Чужая одежа не надежа.

Чужая одежа не надежа, чужой мужъ не кормилецъ.

Вольная (чужая) скотина — не животина.

Чужой умъ до порога. Чужой умъ не попутчикъ.

Наказаннымъ умомъ до порога жить, а переступишь, не купишь.

Не рожденъ — не сынъ, а не купленъ — не холопъ.

Живи людямъ себѣ (т. е., живи на себя такъ, чтобъ и людямъ хорошо было).

Чужой сынъ — не дѣтище. Чужой разумъ — не разумъ.

Не садись подъ чужой заборъ, а хоть въ крапивку, да подъ свой.

На чужое надѣйся, а свое паси!

На чужое богатство не надѣйся, свое береги!

Чужой мужъ милъ, да не жить мнѣ съ нимъ; а свой постылъ, волочиться съ нимъ.

Чужой медъ горекъ. Чужіе хлѣбы прiѣдчивы.

Въ чужомъ платьѣ не накрасоваться.

Не труни на чужой пролуби: свою протяпай, да какъ хо'шь ляпай!

Не рушь бабьихъ грушъ: самъ потряси, да бабѣ поднеси!

Не надѣйся попадья на попа: держи своего казака (батрака)!

Не разводи усокъ на чужой кусокъ.

Чужое веретенце бери, да и свое припаси!

На чужую кашу надѣйся, а своя бы въ печи была.

Не свое, такъ въ людяхъ выпрошено.

Засѣчено въ ледку, да въ чужомъ погребку.

На мой счетъ, на твои деньги.

Давай жить собща: ты купишь, а мы ѣсть станемъ.

Станемъ заводить артельщину: работа ваша, харчи ваши, а наше брюхо да ложка.

Не надѣйся, Романъ, на чужой карманъ!

Не деньги, что у баушки, а деньги, что въ запазушкѣ.

Приданымъ животомъ, да наказанымъ умомъ не долго поживешь.

Прогнали Варвару изъ чужаго анбару.

Пошелъ было по хлѣбъ къ Варварѣ, да нашелъ у себя въ анбарѣ.

Свое потерявъ (т. е., промотавъ), чужаго не ищутъ.

Много ногъ подъ столомъ, а по домамъ пойдутъ — всѣ разберутъ.

Чужимъ умомъ не скопить домъ.

На свой умъ не надѣйся, а за чужой не держись!

Домашняя копейка лучше заѣзжаго (захожаго) рубля.

Свой сухарь лучше чужихъ пироговъ.

Чужое, и хорошее постыло; а свое, и худое, да мило.

Чужое не прочно и большое, а свое и малое, да правое.

Свистанымъ вѣтромъ не вѣютъ, наказанымъ умомъ не живутъ.

На чужой дворъ вилами не указывай (не порочь людей)!

Во чужой прудокъ не кидай неводокъ!

Передъ неводомъ рыбы не ловятъ (т. е., той, которая уже поймана).

Чужая душа загадка. Чужая душа — потемки.

Въ чужую душу не залѣзешь. Чужая душа — дремучій боръ.

Чужая душа не гумно: не заглянешь.

Въ чужой мошнѣ — не въ своей квашнѣ: не смекнешь, есть ли тѣсто, аль пусто мѣсто.

Братъ онъ мой, а умъ у него свой. Я на умѣ у него не бывалъ.

Богъ съ вами, а о грѣхахъ молитесь сами!

Не наше дѣло колёса дѣлать, наше дѣло ступицы сверлить.

Гостья, Өедосья! Сиди на печи, да жуй калачи!

Не тронь котятъ, какъ себѣ хотятъ.

Свой уголокъ всего краше. Своя ухитка, свое скрывище.

Чужой хлѣбъ горекъ. Чужимъ кусомъ подавишься.

Чужой хлѣбъ ротъ деретъ. Чужой кусъ въ ротъ не йдетъ.

Чужой хлѣбъ въ горлѣ пѣтухомъ поетъ.

Не радостенъ чужой обѣдъ, какъ своего дома нѣтъ.

Дадутъ ломоть, да заставятъ недѣлю молоть.

Только и свѣту, что въ вашемъ окошкѣ.

Друга потѣшить — себя надсадить.

Возьми свое, а до моего дѣ́ла нѣтъ.

Отдай мое, а со своимъ, какъ хочешь (а своимъ, хоть подавись).

Хоть чорта взнуздай, да меня не замай!

Братъ, не братъ, да кафтанъ-этъ тебѣ не братъ.

Сватъ, не сватъ, а въ горохъ не лѣзь (а денежки не родня)!

Братъ братомъ, сватъ сватомъ, а денежки не сосватаны.

Кумушка, кума, купи себѣ ума — да на свои денежки!

Кабы денежки родня, такъ и всѣ бъ мы въ роднѣ.

Своими счесться, а денежками расчесться.

Родню считай, денегъ не поминай; деньги считай, родни не поминай!

Хлѣбъ-соль (ушица) вмѣстѣ, а рыбка въ дѣль.

Хлѣбъ-соль вмѣстѣ, а табачокъ врознь (пополамъ).

Ты мнѣ опричина, да я тебѣ не земщина.

Тише пыли́: не твои бобыли.

Видишь, да не вырвешь; покажу, да не возмешь.

Все Богъ показалъ, да всего не далъ (да не все далъ).

Я вѣдь не безъ имени овца. Я не краденая овца.

Этотъ кусъ не твоихъ устъ. Этотъ мосолъ не для твоихъ сусалъ.

Пришелъ, какъ на положенное (какъ на готовое; какъ на свое).

Свое добро теряетъ, а чужаго желаетъ.

Чужаго не желай, а своего не теряй (т. е., не мотай)!

Чужаго не хватай, своего не бросай!

Свое добро — сѣю вѣю, чужое жну, пожинаю.

Не шевель' чужой щавель, а свой набери, да какъ хо'шь шевели!

Чужаго не бери, своего не давай!

Чужія деньги свои съѣдаютъ (о рѳстахъ).

Въ чужое спасенье не вкупайся (о молебнахъ)!

Ищи себѣ прибыли, а другому не желай гибели!

Чужое добро страхомъ огорожено. На чужое самъ не свой.

Пожалѣешь чужое — Богъ дастъ свое.

Пожалѣй чужое, Богъ свое пошлетъ.

Не береги свое, береги чужое. Чужое береги, а свое, бережется само̀.

Береги чужое, а свое, какъ знаешь.

Я — послѣднее слово въ азбукѣ (отвѣтъ: да азъ первое).

Изза своего добра сквозь пальцы смотри, а чужое придерживай!

Пьянъ, а объ уголъ головой не ударится (себя и свое помнитъ).

Своего не забывай, а чужаго не замай!

Люби собинку (свое), люби и оскобинку (т. е., огражденное скобкой, чужое).

Радъ бы душой, да хлѣбъ-этъ чужой.

Ссужёнаго не посужати (древняя).

Изъ чужаго обѣда не стыдно не ѣвши встать.

Отъ чужихъ воротъ не стыдно ни съ чѣмъ отойти.

Отъ чужихъ воротъ живетъ и поворотъ.

Чужое отдать — своимъ доплатить (не бѣда заплатить).

Съ чужаго коня середь грязи долой.

Каждой свиньѣ особый хлѣвокъ. Знай, свинка, свой хлѣвокъ!

Въ чужой огородъ не пустятъ козла полоть.

Что поднялъ (нашелъ), то не отъ земли выросло.

За чужимъ добромъ, не гоняйся съ багромъ!

Въ чужую часть не ворогушей пасть.

Самолюбъ всякому не любъ. Самолюбъ никому не любъ.

Всякъ о себѣ (заботится), а кто жъ обо мнѣ?

Тебѣ на здоровье, да и намъ не скоромно.

Ловитъ волкъ, а какъ волка-то поймаютъ?

Ловитъ волкъ, ловятъ и волка.

Чего въ другомъ не любишь, того и самъ не дѣлай!

Не все для себя, ино мѣсто и для другихъ (и для людей).

Лучше свое отдать, нежели чужое взять.

Овца руно роститъ не про себя.

Самъ въ своемъ дѣлѣ никто не судья.

Не ждетъ Мартынъ чужихъ полтинъ; стоитъ Мартынъ за свой алтынъ.

За шутку не сердися, а въ обиду не вдавайся!

Сердитый волкъ, въ капканѣ, самъ себѣ лапу отъѣстъ, а въ руки не дастся.

Ѣду не свищу, а наѣду (а кто наѣдетъ) — не спущу (сказочн.).

Самъ не дерусь, семерыхъ не боюсь.

Коли у поля сталъ (въ судебн. поединкѣ), такъ бей на повалъ.

Нѣтъ грѣха бодливому сломать рога.

Солощавому оскомина, бодливому комолина.

Я самъ дешево не отдамся. Дешево они его не возмутъ.

Его не проглотишь: въ глоткѣ драйкомъ (кляпомъ) повернется.

Онъ не дастъ наступить себѣ на ногу. Ему на хвостъ не наступишь.

За насъ голыми руками не берись!

Ощетинился, какъ ежъ (какъ ершъ; какъ дикобразъ).

Всякъ своимъ умомъ живетъ. Своя рука — владыка.

На чужой ротокъ не накинешь платокъ. Чье поле, того и воля.

Чей дворъ, того и хоромы; чей берегъ, того и рыба; чей конь, того и возъ; чья земля, того и сѣно.

Въ полѣ двѣ воли (старин. поле, поединокъ).

Въ полѣ двѣ воли — чья возметъ (чья сильнѣе; или: чья правѣе, та и сильнѣе).

Въ полѣ съѣзжаются, родомъ не считаются (отъ мѣстничества).

За свое постою, а чужаго не возьму.

За свое вступайся, а за чужое не хватайся!

Зовутъ меня Ѳомой, а живу я собой (т. е., своимъ умомъ).

Не кланяюсь богачу, свои денежки плачу (свою рожь молочу).

Купи, да и лупи! Когда купишь, тогда и облупишь.

Заступи, да кожи не слупи (да не задуши)!

Не пеняй на Макара: сори изъ своего кармана!

Хоть грошъ, да свой. Всякъ въ своемъ добрѣ воленъ.

Вольно и чорту въ своемъ болотѣ орать.

Въ своемъ болотѣ и лягушка поетъ.

Жаба квахчетъ — свой недугъ тѣшитъ.

И пѣтухъ (и курица) на своемъ пепелищѣ бьетъ (храберъ.)

Своя рубаха — свой просторъ, своя и тѣснота.

Ни купецъ, ни дворянинъ, а своему дому (дѣлу) господинъ.

Въ своемъ ломтѣ — своя воля. Свой сукрой — какъ ни крой.

Въ своихъ углахъ не староста указщикъ.

Въ своемъ дому, хоть болячкой сяду, нѣтъ дѣла никому.

Въ своемъ гнѣздѣ и ворона коршуну глаза выклюетъ.

Своя рука (свой глазъ) не солжетъ.

Онъ глядитъ чужими глазами, слушаетъ чужими ушами.

Свой хлѣбъ, хошь ночью ѣшь!

На своейклячѣ, куда хочу, туда и скачу.

На своей клячѣ и передъ царя пячу.

Мое добро: хочу, съ кашей ѣмъ, хочу, масло пахтаю.

Стригу овцу, такъ шерсть моя; шкуру сниму, такъ и мясо съѣмъ.

Гдѣ свое добро ни нашелъ, тамъ его и взялъ.

Не учи печи, не указывай подмазывать!

Азъ не безъ глазъ, по (про) себя вижу.

Всякая слѣпая про себя смекаетъ. Всякъ Еремѣй про себя разумѣй!

Не пой курица пѣтухомъ (не владай баба мужикомъ)!

Мерину пригонье (?), коню ступанье, иноходцу иода, красной дѣвицѣ комната.

Колоколъ въ церковь людей зоветъ, а самъ никогда не бываетъ.

Слѣпой невидущему глаза колетъ.

Слѣпой слѣпца водитъ, а оба зги не видятъ.

У людей въ глазу сучекъ видишь, а у себя и бревна не видишь.

Подъ лѣсомъ соломенку видитъ, а подъ носомъ бревна не видитъ.

Людей хулитъ, а самъ лыкомъ шитъ.

Не нашелъ въ себѣ — не ищи и въ другихъ.

Говоритъ про тебя, забывъ себя.

Какъ про кого говорятъ, себя не помнятъ.

Не смѣйся, вода, сама молода. Нѣмой нѣмаго передразниваетъ.

Уложенье читаетъ, а дѣла не знаетъ.

Не осуждай, да не осужденъ будешь.

Извощику мало (выручки), да лошади-то довольно.

Кому красное словцо, кому присказку.

Не все мѣряй на свой аршинъ! Чужаго на свой аршинъ не мѣряй!

Кому до чего, а стрѣлку до лука.

Большому кораблю большое и плаваніе. Большому большая дорога.

Потопъ кораблямъ, песокъ журавлямъ.

По росту одежку прибирай (по головѣ шапку)!

Хотѣлъ задомъ два стула захватить, да и сѣлъ — промежъ двухъ, на голѣ.

Всякій попъ по своему поетъ. У всякаго попа по своему поютъ.

Чья горница, тѣмъ она и кормится.

Во всякомъ подворьѣ свое повѣрье.

Знай, сорòка, сорòку, а ворòна ворòну (См. другъ, товарищъ свой)!

Знай себя, и того будетъ съ тебя! Знай себя, и будетъ съ тебя!

Людей лѣчитъ, а самъ изъ болятковъ не йдетъ.

Знай свою руку (отъ ѣзды, гдѣ всякій держитъ правѣе)!

Знай, сверчокъ, свой шестокъ! Знай себя, указывай въ своемъ домѣ!

Знай, баба, свое кривое веретено! Знала бъ рогатую прялку!

Братъ сестрѣ не указъ въ стряпнѣ.

Знай, чеботарь, свое кривое голенище (а въ закройщики не суйся)!

Не за свой кусъ принимаешься. Не въ свои сани не садись!

Знай, кошка, свое лукошко! Знай, кошурка, свою печурку!

Знай, свинья, свое стойло (свою закуту)! Знай, телокъ, свой хлѣвокъ!

Не своимъ товаромъ ты сталъ торговать.

Не твоя печаль дѣтей качать. Не твоя печаль, кому дѣтей качать.

Не твоя чаша, не тебѣ и пить.

Брось, Емеля, не твоя недѣля (у крест. бабы чередуются понедѣльно, въ хозяйскихъ работахъ).

Песъ косматъ, ему тепло, а мужикъ богатъ, ему жь добро.

Въ чужой мошнѣ, не въ своей квашнѣ: не угадаешъ, есть ли тѣсто, аль пусто мѣсто.

Чья душа во грѣхѣ, та и въ отвѣтѣ.

У кого свербитъ, тотъ и почешись!

Найдетъ своробъ ногти. Найдетъ свóробъ (зудъ), найдутся и ногти.

Ты бай на свой пай, а я раскину на свою половину

Не плачутъ въ Рязани по Псковскому недороду.

Что мнѣ до чего — было бъ жить (было бъ намъ) хорошо.

Мое дѣло сторона. Моя хата съ краю, я ничего не знаю.

Мое дѣло сторона, а мужъ мой правъ.

Не мой возъ, не мнѣ его и везть.

Не нашъ конь, не нашъ и возъ.

Это знать тому, кто знаетъ Ѳому.

Не наше дѣло, попово: не нашего попа, чужаго.

Не наше дѣло попа каять: на то есть другой попъ.

Не наше дѣло попа учить, пусть его чортъ учитъ.

Про то знаютъ старшіе, у кого бóроды пошире.

Не наше было, не къ намъ и пришло. Не намъ небеса приказаны.

На кого (кому) кадятъ, тотъ и кланяйся!

Не наша ѣда лимоны. Не въ нашу честь, не намъ и ѣсть.

Журавль не каша, ѣда не наша (журавль встарь почитался лакомствомъ).

Каша наша, а щи поповы.

Чего не знаю, по тому и не скучаю (про то и не баю).

Что (чего) не видишь, тѣмъ и не бредишь.
Сижу подлѣ печи, да грѣю плечи.
Сижу у печи, да слушаю людскія рѣчи.
Говори дѣду, а я сзади ѣду. Сказывай вожаку, а я въ хвостѣ.
Далеко глядитъ, а подъ носомъ не видитъ.
Гляди, налетъ, на свой на полетъ!
Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ. И не нуженъ, да досуженъ.
Тебя только здѣсь не доставало. Безъ тебя дѣло не обойдется.
Безъ него и кутья не святится. Гдѣ тѣсно, тутъ тебѣ и мѣсто.
Кому доли нѣтъ, того не принимаютъ въ совѣтъ.
Указщикъ, Ерема, указывай дома!
Пришелъ съ боку, а беретъ въ строку.
Чортъ ли Варварѣ домъ поручилъ (приказалъ)?
Замѣшалась, какъ овца межъ козъ (какъ пестъ въ ложкахъ).
Коня куютъ, а жаба лапы подставляетъ.
Кто впередъ суется, того и собаки ѣдятъ.
Указщика въ ящикъ, по самый хрящикъ. Указщику, чирій за щеку.
Я не на выучкѣ, а ты не закройщикъ.
Чужу пашню пашетъ, а своя въ залежи.
Чужую пашенку пахать — семена терять.
Чужую рожь вѣять — глаза порошить.
Взять соломку, да пойти (да отойти) въ сторонку.
Чужую траву коситъ, а своя въ ветоши.
Чужое сѣно катаетъ, свое гноитъ.
Не твоя (не наша) печаль, чужихъ дѣтей качать.
Акулина Өедосевна — до чужихъ ребятъ милосерда.
Тетушка Мосѐвна, до всего села милосерда, а дома не ѣвши сидятъ.
Все намъ печаль по чужимъ печамъ, а своя, словно яловая.
Полно чужихъ козъ считать: вѣдь не сказку писать (не ревизію).
Чужая печаль съ ума свела, а по своей, потужить некому.
Не плачь (не тужи), мати, по чужому дитяти!
Голоси всякъ по своему покойнику (а плакуша, по всѣмъ).
Какъ кто хочетъ, такъ по своей женѣ и плачетъ.

Другихъ не суди, на себя погляди! Обери сперва съ себя репьи.
Загати напередъ въ своихъ воротахъ.
Стой у печи, да не приставай къ чужой рѣчи!
Считалъ бы у себя во рту зубы.
Что кому за дѣло, что кума съ кумомъ (что дѣвка съ парнемъ) сидѣла?
Что кому до насъ, коли праздничекъ у насъ?
Что кому за дѣло, до чужаго дѣда (до чужаго тѣ́ла)?
Кому до чего, а кумѣ до всего.
Вамъ бы кричать, а намъ вѣкъ молчать.
Не круговая порука, я за все село не отвѣтчикъ.
Не будь въ людяхъ примѣтливъ, а будь у себя привѣтливъ!
Нѣтъ до̀ма Лукерьи, нѣтъ дѣла до кельи.
Игумену дѣло, а братіи — зась!
Маремьяна старица о всемъ мірѣ печалится (на весь міръ печальница, старальщица).
Старица Софья о всемъ мірѣ сохнетъ, ни кто объ ней не вздо̀хнетъ.
Еремеевы слезы о чужемъ пивѣ льются.
Перемѣрялъ журавль десятину, говоритъ: вѣрно.
Въ чужомъ огородѣ капусту садить (о чужихъ дѣлахъ заботиться).
Коли полоть, такъ въ своемъ огородѣ.
Чѣмъ чужое одонье утаптывать, свое бы, хоть какъ нибудь, уложилъ.
Не наше дѣло пахать, наше дѣло огрѣхи считать.
Не наше дѣло, сдѣлать дѣло; а наше — пересудачить.
Въ чужой сорочкѣ блохъ искать. Держись, вошь, своего тулупа!
Въ чужой загородѣ скота не наплодишь.
Нѣтъ тебѣ дѣла, Ѳедосья, обирать чужіе колосья!
Не садись, чортъ, въ боярскіе сани! Не въ свои сани сѣлъ.
Кто собою не управитъ, тотъ и другаго на разумъ не наставитъ.
Превысокое владѣтельство собою владѣетъ!
Не мѣшайся въ совѣтъ, пока кто не позоветъ.
На чужой совѣтъ до зову не ходи!
Не спрашиваютъ Варвару на расправу.
Не за свое дѣло не берись! Не про̀шено хвататься — ожечься.

Не летать было воронѣ въ высокія (въ боярскія) хоромы.

Не суйся въ волки съ телячьимъ хвостомъ!

Зашелъ въ чужую клѣть молебенъ пѣть.

Не путайся въ чужое лыко! Не суйся, Оленка, гдѣ не спрашиваютъ!

Съ худой головой не суйся въ чадъ!

Руби дерево по себѣ. Не смѣтя силы, не подымай на вилы!

Не твоему здоровью пьютъ, не отзывайся спасибомъ!

Когда не попъ, такъ и не мыкайся въ ризы!

Не наше дѣло, что пора звонить приспѣла: есть на то пономари.

Не конь, такъ не лѣзь въ хомутъ! Не корова, такъ и не мычи!

Записался въ прихвостни, такъ впередъ не забѣгай!

Сидѣть на ряду — не говорить: не могу (т. е., управлять, вести ряду).

Взялся за гужъ, такъ будь дюжъ (такъ не говори, что не дюжъ)!

Ѣшь (рушай) варено, слушай говорено!

Садись на (въ) кутъ, да и все тутъ (или: ступай въ кутъ, гдѣ мухи ткутъ, т. е., за бабью перегородку, въ стряпную).

Не тронь (не вороши), такъ и не воняетъ.

Свои собаки грызутся, чужая не приставай!

Двѣ собаки грызутся, а третья не приставай (не впрядывай)!

Свой со своимъ бранись, а чужой не вяжись (не мѣшайся, не ввязывайся!

Свой со своимъ считайся, а чужой не вступайся!

Третій (пятый) игрокъ подъ столъ.

Что кому за дѣло, что жена моя не бѣла: я и самъ не хорошъ.

Двумъ любо, третій не суйся (а третьему — зась)!

Крой свою крышу, а сквозь чужую не замочить.

Чужую крышу кроетъ, а своя течетъ (а своя каплетъ, а подъ своею капѐль).

Въ чужомъ хлѣву овецъ не считаютъ.

Свои волосы какъ хо'шь ерошь, а моихъ не ворошь.

Не смѣйся, квасъ, не лучше насъ! Не смѣйся, квасъ: не первая водица (или: не перваго наливу, т. е., жидокъ, плохъ).

Самъ въ грязи лежитъ, а кричитъ: не брызгай!

Насмѣялась бы верша болоту, да сама тамъ.

Калмыкъ Татарина маханиной (кониньимъ мясомъ) коритъ.

Совокъ, да не ловокъ. Не вороши, когда руки не хороши!

Долго постился, да на средохрестной сбился.

Скоръ, да не угодливъ: что сунѐтся, то и окунѐтся.

Читай себѣ по субботамъ! Погляди-ко самъ на себя!

Поглядѣлъ бы ты въ воду, на свою уроду!

Ахалъ бы дядя, на себя глядя.

Отойдемъ, да поглядимъ, каково-то мы сидимъ.

Стриги (мыль) свою бороду, чеши свою голову, ходи въ баню по субботамъ!

Считай (паси́) всякъ пастырь свое стадо!

Ковыряй всякъ въ своемъ свищѣ (въ своемъ носу)!

Оглянись назадъ, не горитъ ли посадъ!

Мети всякъ передъ своими воротами! Держи крѣпче свой карманъ!

Не сохни, не боли, не твои пироги (сапоги)!

Знай, баба, гребень, да кривое веретено!

Ерема, Ерема! сидѣлъ бы ты дома, да точилъ веретѐна!

Всякому зерну своя борозда (своя лунка).

Муха до уха, сорóка до ока, оса до носа (Западн.).

Знаетъ (знай) свинья свое пороса. Обихаживай (ухичай), ворóна, свое гнѣздо!

Каждая лиса свой хвость береги (отъ сказки, гдѣ лиса выставила хвостъ собакамъ)!

Подбери, волкъ, хвостъ: котъ крадется (отъ сказки: медвѣдь съ волкомъ пошли смотрѣть закинутаго въ лѣсъ кота; котъ кинулся на кончикъ хвоста волка, залегшаго подъ хворостъ; волкъ съ трескомъ вскочилъ, котъ кинулся на дерево, съ котораго мишка, испугавшись, упалъ и убился).

Потужи о себѣ, а тамъ и о другихъ (и о Ѳомѣ)!

Ищи, Ѳома, чтобъ полна была сума; ищи, Еремѣй, чтобъ не растрясти своей!

Денисъ, ступай на низъ; а ты, Фока, гляди съ боку!

Это не твоего ума дѣло (т. е., не берись, не сдѣлаешь).

Торгуй, мужикъ, пшеницей, баба чечевицей!

Живи всякъ своимъ добромъ (своимъ умомъ), да своимъ горбомъ!

———

Докука.

Рѣдкое свиданье — пріятный гость. Милому гостю домой пора.

Гдѣ любятъ, тамъ не учащай, а гдѣ не любятъ, туда ни по ногу (ни ногой)!

И ладаномъ не выкуришь. Не беретъ его ни крестъ, ни пестъ.

Не беретъ его ни подкуръ (ни отваръ), ни присыпка.

Отъ него ни отмолиться, ни отчураться.

Нашъ атласъ не йдетъ отъ насъ.

Неужто тебѣ это чучело не надокучило?

Кому первоучина, а иному и наскучило.

Намучится — научится. Что мучитъ, то и учитъ.

Что надокучитъ, то и научитъ. Что вымучитъ, то и выучитъ.

Что скоро скучитъ, то скоро научитъ.

Мертвецъ у воротъ не стои́тъ, а свое возметъ.

Надоѣла намъ эта пѣсня. Надоѣлъ, какъ горькая рѣдька.

Далась тебѣ эта пѣсня. Хоть бы худое, да другое (да иное).

Полно тебѣ докучную сказку сказывать (одно и тоже, безъ конца).

Наладила пѣсню, такъ хоть тресни.

Говоритъ три дни, а все про злыдни.

Дьяконъ, дьяконъ, не все бы ты вякалъ!

Старые дрожди перебираешь трожди.

Про одни дрожди не говорятъ трожди.

Знай свое наладилъ; знай одно да одно.

Ужъ ты у меня давно вотъ гдѣ (на загривкѣ) сидишь.

Сидѣть у кого на плечахъ.

Я его съ плечъ долой, а онъ на руки.

Стряхни его съ плечъ, а онъ на руки лѣзетъ.

Пріѣлся, какъ сухой ячмень беззубой кобылѣ.

Носится, какъ дурень съ писаною торбой.

Надоѣдши людямъ, и Богу надоѣдаетъ.

Прокричатъ (протрубить) уши. На уши оскомину набить.

Бухъ, да бухъ, что семина на плесу (что выпь на болотѣ).
Хоть отрѣжь, да покончи (порѣши)!
Не отвязчивъ (мулитъ), какъ гвоздь въ сапогѣ.
Неотвязчивъ, какъ муха. Какъ муха къ меду льнетъ.
Наянливъ, что муха, и стыда во лбу нѣтъ.
Пристаетъ, какъ муха на сонъ грядущій.
Присталъ, какъ слѣпой къ тѣсту (какъ пьяный къ тыну).
Какъ Филиппъ, къ тѣсту прилипъ. Присталъ, какъ локоть къ боку.
Забился, какъ колосъ въ волосъ (что репей въ шерсть).
Прибился, что придорожный пень.
Бить не бьетъ, и прочь не йдетъ.
Пусть бы (хоть бы) подрался, да отвязался!
Льнетъ, какъ сѣра (смола) къ сучку (къ стѣнѣ).
Липнетъ, какъ смола. Пристаетъ, какъ варъ (смола).
Словно песья трава лѣзетъ въ глаза.
Присталъ, какъ банный листъ къ спинѣ (къ тѣлу).
Привязался, словно Польскій солдатъ.
Не стой надо мной, какъ чортъ надъ душой!
Чужая докука злая мука. Будь другъ, отойти прочь!
Ужъ онъ мнѣ (у меня) въ зубахъ навязъ (надоѣлъ).
Онъ у меня какъ кость въ горлѣ. Коломъ въ глоткѣ стоитъ.
Такъ въ назерку за мной и ходитъ.
Всѣ закоблучья ему стопталъ. Каблуки оттопталъ.
Обить, отоптать пороги (ходить куда безпрестанно).
На что за тѣмъ гоняться, кто не хочетъ знаться?
Какъ мерзлую кочку ворона носомъ долбитъ.
Лѣзетъ въ глаза, какъ тенетникъ. Какъ оса лѣзетъ въ глаза.
Деревянной пилой кого пилить. Ѣстъ, какъ ржа желѣзо.
Гайтанъ съ шеи отдамъ тебѣ, только удавись на немъ!
Съ себя шкуру отдамъ, только пропади ты съ нею!
Азъ-алашки, буки-бабашки (барашки), вѣди-валяжки, глаголь голяшки, (т. е., долгая, скучная, всѣмъ извѣстная пѣсня).
Жилъ былъ журавль, да овца, накосили они стожокъ сѣнца —

не сказать ли опять съ конца (докучливая сказка)?

Былъ себѣ Яшка, на немъ сѣрая рубашка, на головѣ шапка, под ногами тряпка; хороша ли моя сказка (и опять съ начала)?

Ты скажи, я скажи — не сказать ли тебѣ про бѣлаго бычка? Я скажи! ты скажи.... и пр. (опять сначала).

Своеобычіе.

Всякій попъ по своему поетъ (свое поетъ).
Всякій попъ свою (по своему) обѣдню служитъ.
Попъ свое, а чортъ свое.
Всякій молодецъ на свой образецъ.
Всякій портной на свой покрой.
Кто какъ умѣетъ, такъ и кроитъ (и брѣетъ).
Какъ знаю, такъ и тачаю. Какъ умѣю, такъ и брѣю.
Какъ хочу, такъ и строчу. Всякій гадъ на свой ладъ.
У всякой пташки свои замашки.
Всякая птица своимъ перомъ красуется.
Каждая собака въ своей шерсти ходитъ.
Всякая птица (всякъ) своимъ голосомъ (свои пѣсни) поетъ.
У всякой пичужки свой голосокъ.
У каждой пташки своя свирѣлка (свои колѣнца).
Всякъ своему нраву работаетъ.
Умъ на умъ не приходится. Что голова, то умъ (разумъ).
Другъ (сынъ, братъ) онъ мой, а умъ у него свой.
Ты, кума, про себя умна; а и мы кумились, съ умомъ не простились.
Сколько головъ, столько умовъ. Сто головъ, сто умовъ.
Всякъ своимъ умомъ живетъ. Всякъ на себя уменъ.
Своимъ горбкомъ, своимъ домкомъ, да своимъ умкомъ (жить).
Кому гнило, а мнѣ мило. Вамъ гнило, да намъ мило.
Кому не годилось, а намъ полюбилось.
Кто какъ хочетъ, а я по своему (а я какъ изволю).

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

ПУТЬШАСТВІЄ

КЪ ГРАДУ ІЄРУСАЛИМУ

ІЄРОѲЕЯ, ІЄРОМОНАХА РАЧАНИНСКАГО,

ВЪ ЛѢТО ОТЪ БЫТІЯ ҂ЗСВІ, А ОТЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА ҂АѰД, МЕСЕЦА ІЮЛІА З.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Путешествіе въ Іерусалимъ Іероѳея, Іеромонаха монастыря Рачи (на рѣкѣ того же имени, въ округжіи Ужицкомъ), въ нынѣшнемъ Княжествѣ Сербскомъ, принадлежитъ къ небольшому числу памятниковъ, составляющихъ попытку писать языкомъ народа. Разумѣется, въ памятникахъ такого рода нельзя ожидать языка совершенно безукоризненнаго; важно уже и то, если перевѣсъ остается на сторонѣ рѣчи народной. Въ этомъ отношеніи Путешествіе Іероѳея имѣетъ свое значеніе для Сербовъ. Оно имѣетъ значеніе и во взглядѣ путешественника на предметы, привлекавшіе его вниманіе во время странствованія, при всей скупости паломника на слова; кромѣ того, описаніе богослуженія въ Іерусалимѣ, совершавшагося за полтора вѣка передъ симъ, не лишено занимательности, для сличенія онаго съ нынѣшнимъ тамъ же и въ прочихъ земляхъ Православнаго исповѣданія.

Путешествуя по Славянскимъ землямъ, я, между прочимъ, посѣтилъ и Карловцы въ Сремѣ (зимой 1840 года), въ коихъ въ ту пору пребывалъ Православный Митрополитъ Сербскаго и Валахійскаго народовъ Австрійской Имперіи, нынѣ, какъ извѣстно, съ 1848-го года Патріархъ. При обозрѣніи разныхъ рукописей и книгъ, находящихся въ этомъ мѣстѣ, мнѣ встрѣтился сборникъ, содержащіи въ себѣ это «Путьшаствіе къ граду Іерусалиму.» Въ концѣ Сборника замѣчено именно, что «Путьшаствіе сіе списа се въ лѣто Господне ,аѱкз (1727), ва подкрилію Фрушке горе, ва монастыру Ремети храма святаго и славнаго великомученика Димитрія Мѵроточиваго.» Фрушка же гора составляетъ цѣпь горъ, которая тянется по правому берегу Дуная къ Петроварадину, и по обѣимъ сторонамъ которой раскинуты 12-ть обителей Православныхъ Сербовъ; по такому числу эта гора нерѣдко величается въ устахъ народа Сербскимъ

Аѳономъ. Названіе ея—отъ Франковъ, которые, по изгнаніи Византійскихъ Грековъ изъ Италіи, ворвались и въ Савскую Паннонію, присоединили ее къ своимъ владѣніямъ и поставили въ зависимость отъ Маркграфа Фріульскаго; самая крайняя стража ихъ находилась въ Сирміи или Сремѣ на Дунаѣ, въ окрестностяхъ этого хребта, получившихъ съ тѣхъ поръ названіе Φραγγοχώριον (Francochorium), передѣланнаго Сербами въ Фрушка гора, т. е., Франкская (по древнему правописанію Славянскаго языка Франкъ есть Фрѫгъ, откуда уже въ Сербскомъ Фрушкій, Фрушка и т. д., ѫ въ оу, ү, у насъ Фругъ, чаще Фрѧгъ, Фрягъ (ѫ въ ѧ, я).

Іеромонахъ Іероѳей, кончивъ описаніе своего Путешествія, присоединилъ еще къ нему нѣсколько выписокъ изъ книги, найденной имъ въ Синайской обители и составленной нашимъ Іоанникіемъ Галятовскимъ въ 1669-мъ году, подъ названіемъ: «Месія Правдивый.» Кіевъ (въ 4-ку, 18 + 429 + 5 листовъ): «Сіе обрѣтохъ у Синаю, у книгы, що се зове Праведній Мессія» Выписки этѣ содержатъ въ себѣ свѣдѣнія о томъ, что Ява называлась Іопія, Дамаскъ—Шамъ, Багдатъ—Вавилонъ, Мойсей—Немелхія, отецъ его—Авраамъ, а мать — Офемфора; далѣе толкованіе имени Антихристова Иринеемъ, Ипполитомъ, Зонарой и, напослѣдокъ, перечисленіе по имени Пророковъ, начиная съ Моисея и кончая Іоанномъ Крестителемъ: «Мойси, Аронъ, Давидъ, Соломонъ, Ілія, Елисей, Ездра, Атонъ, Ісайя, Іеремія, Варухъ, Езекѵль, Даніилъ, Іосія, Іоиль, Аммосъ, Авдія, Іона, Мехея, Наумъ, Авакумъ, Софоніе, Аггей, Захарія, Малахія, Іоанъ Креститель.»

По просьбѣ моей, списокъ съ этого Путешествія былъ сдѣланъ г. Милошемъ Поповичемъ, въ то время еще слушателемъ Богословія въ Карловицкой Семинаріи, а потомъ издателемъ «Сербскихъ народныхъ Новинъ» (Вѣдомостей) въ Сербскомъ Княжествѣ и д. т.»

О. Бодянскій.

Ноября 21-го дня,
1861 г.
Москва.

ПУТЬШАСТВІЕ КЪ ГРАДУ ІЕРУСАЛИМУ

ІЕРОѲЕЯ ІЕРОМОНАХА РАЧАНИНСКАГО,

въ лѣто отъ бытія 7212, а отъ Рож. Христова 1704, мѣсяца Іюліа 7.

Пойдосмо из Бѣлиграда, и дойдосмо у монастырь Раковицу на првій конакъ, и ту се частисмо 3 дны, и из монастыра оттолѣ пойдоше Григоріе Іеромонахъ, и Висаріонъ Іеромонахъ, и Салаћій из Бѣлиграда пођe, и Станое, и из Ирига Іованъ Параносић и жена му Неда, и из Бѣлиграда Дулђерина синъ Павао, седам нас купно пойдосмо Вторій конакъ у Гроцкой, и ту данивасмо трій дный, и умало ту Турчинъ не udари Григоріа сѣкиромъ, защо чтія часовѣ на чардаку. 3 конак Хасанпашина паланка. 4 конак Батичина. 5 конак на Морави, на ћупріи Ягодинской, и проідосмо Параћинь рано, и дођосмо на ужину у Ражанъ. 6 конак на пандуре, код Алексинаца, и дойдосмо на ужину на Нишаву, и ту слависмо Святаго Пророка Илію под великом тополомъ, славни Мия кирацia нас части лѣпо, и вина писмо доволно, Богъ да прости, и пойдосмо мало уз Нишаву. 7 конак Нишава на зеленой трави, и вечерасмо и писмо, и оттолѣ дойдосмо у Нишъ на ужину и паки 8 конак на Бугарску Мораву под Курвинъ градъ, и ту се побунисмо от полунощи, него, хвала Богу не би щете нища, него здраво и мирно устасмо, и дойдосмо под Лѣсковацъ на ужину код камените цркве, пак дойдоисмо до 9-га конака на Лѣсковачку клисуру, пак устасмо рано и уђосмо у клисуру, и падосмо на ужину у клисури, у страни, како коза на малю, и ту помилише зміе, и жабе и гущери, и корњаче, мало у воду не поскакасмо от страха, и паки падосмо на 10 конак под монастырь Решитски, на измак Вранске клисуре, и ту наловисмо рака за вечеру, и ту обретосмо чловѣка, и кажу, да му є 120 лѣта, проседе браде, и три му се пут зуби мѣняли, пак нарасли како у дѣтета, и 2 пут брада опадала, пак нарасла, и има сына сѣђа

от отца, и казиваше, да ніє тай старацъ Турчина виђѣо, ни харач дао, ни вина ніо, него пасао овце на горахъ, и ту видисмо чловѣка и дѣвойку те се окаменили, те казива старацъ тай, да є кум с кумомъ сатворіо блудъ, тога ради се окаменили. И оттолѣ устасмо рано, и дойдосмо у Враню на 11 конак, и из Вранье дойдосмо на 12 конак у Кощуне, недомакъ 40 цркві; ту є прежде велика варошъ била за Србског господства, и сад по Турски зову кркъ клиса, и видох ту корита каменна око бунара много множаство велми голѣмо за дивленіє, и чудисмо се, и над той вароши видѣсмо три холма велми висока, Богомъ саздана, а на врху равна, и от єдне стране може чловѣкъ попѣти, а от ине не може, и то зову шаторища Марка Кралѣвића, и Милоша Кобилића, и Релѣ Омуђевића, и Новака Дебелића; и ту се у ютру згоди принесеніє мощій святыє Петки Трновскіє єдне те цркве храмъ, и пазаръ се купій, и ту обретосмо обиліє хлѣба и вина, и славы Висаріонъ нашъ другъ. И дойдосмо на 13 конак у Горобинцѣ, на Овчеє Полѣ, и туду видѣхъ красну землю, лѣпа поля и жита, и винограды, и овощія многоразлично, и лѣпе рѣке теку из планина, и источницы студени и чести, и градови се виђу и села, и ту на ужини съ єдного мѣста, ща се види, набройсмо цркві 14, великій бѣли се каменъ, Србы правили, а сад све пусто; и ту нам казиваше, кад су напре Србы из преко мора прѣшли от Србске, и потом се Србы и назвали по рѣци тоє иза Троя града, те су напре на Овче Полѣ палы, и ту кажу сковали от бакра гумно, а веле, не умѣли врћи на земли, и кажу и до данасъ стои засуто землею, и веле, да хоће велико крвопролитіє ту быти от Турака на после, и ту се велми чудисмо красоти земли и обилію плодовъ. И паки дойдосмо на 14 конак у Велез градъ Бугарскый, а Турци зову Тюприлія. и ту падосмо от полудне, и ту рече рѣка, зову є Вардаръ, врло голѣма, и ту біяху Турцы много, и ту на мосту ћюмрукџіа, и господа многа, и кадія, и варошь голѣма, и Христіяна има много, и куће и авлія и све от камена, и плочомъ каменномъ све куће покривене от мала до велика, и цркве камене многе имаю пописане, али пусте. И ту у граду, на святаго Пантелеимона видѣх гроздіє носе у котарица на магарци много, Турци купую, а Христіяни не до Преображенія, зато питасмо и чудисмо се доброму дѣлу ихъ. И око тога града то тіихъ землях видѣхъ ниве многе посѣяне памукомъ, и чудих се, прежде

іе видіо, и 'туд' люди мало жита сѣю, него све памукъ; и прейдосмо Вардаръ, и пойдосмо от града и изійдосмо на полѣ, гдѣ у Турци Нѣмце разбили и натраг погнали, кад су Нѣмци Бѣлиградъ узели в лѣто от бытія 7196, мѣсяца Августа 19, пакъ тѣрали Турке до тога града Велеза, паки Нѣмци стали на том полю, а быле кише и зло врѣме, а Турци изійду сухи из града, га и разбію, и мало по мало дотѣраю опѣт до Бѣлиграда, и до године 2 узели Бѣлиградъ. И оттолѣ дойдосмо на 15 конак у Тиквешъ, и паки сутра дойдосмо на 16 конак у Грчище, и ту видисмо, како врху жито с коли на волови, учинѣна даска колико врата, пак оздо набієна пуна каменя (кременя), те онай каменъ тре сламу, пак саспе у куће те скотом дае у торбах; и ту на Вардару стѣне високе до облакъ, и ту є просѣченъ каменъ те начинѣнъ путъ, зове се Демиркапіа Марка Кралѣвића, и ту се подписао високо у камену, усѣчена слова веќа него прсти; и ту срѣтосмо камиле чрвене, те се уплашише коньи подъ Іованомъ и под Недомъ, мало не поскакаше у Вардаръ. И въ той данъ дойдосмо на 17 конак у Псенску варошь и градъ, Турски зову Абретъ Исаръ; и сутра данъ дойдосмо на 18 конак, у градъ Селаникъ, и ту бисмо 7 дней, и ходисмо око града и по граду, и у куће и чаршіє, и улазисмо у цркву святаго Димитріа, красна и велика зѣло, и Турци у ньой кланяю, оловом покривена, олтарски сводъ бѣше пао, и како є пао, тако и стаяху стѣне неизнете, четвори диреци єдни на други, и 4 ћемери и многе цркве горѣ по ћемери, 4 ката дирека мермерны, и у свакомъ кату по 17 дирека обли, како да су на стругъ стругати, и єданъ дирекъ близу двери, из нѣга мνро тече, и мы се мазасмо. Каза нам Турчинъ, кой ту перетише, те вели, тако изійде кано проха на нѣке годове, и код тога дирека на патосу уписато: от сего дирека петый, и тамо гробница святаго Димитріа, и тако обретосмо гробницу и цѣловасмо, и ту єсть святый Димитріє и до данасъ; и по выше у духару повысоко от землѣ гробница подписана єдна нѣкіє отроковицѣ, и у припрати на углу привѣзана, и ис цркве слова у камену ископана, єдна врста Србскій, а другая Грчкый; повѣдує мощи ту лежеще, святый Савва, Царыградскій Патріархъ, и Павалъ исповедникъ; и казива Турчинъ, кадъ су Турцы ктѣли да улѣзу у та врата ко тимъ мощемъ, те изишао пламен те й пожегао, тада и зазидали та вратца, тако и данас

стоє зазидана, и мы гледасмо. И по иній церквахъ идосмо и поклањасмо се, и на врхъ града, зову га Чаушь монастыръ, и біяше калуђера много, и ту видѣхъ еще ідолску кумирницу, и из нутръ чудно зданіе, на нѣка окна све своћено, мнит ми се, има дебео духар за 10 аршина, а висине Богъ зна; ту онай Апостолъ отметнусе Димась, що га Апостолъ Павалъ пише, и былъ іерей ідолскій, и то є све из нутаръ мусіомъ пописано, еще за ідола писано, лозе, и цвѣтія, и древа, а чловѣчій образа не йма, него из тога храма ідолъ стои на земли поврженъ сврха; има, мнит ми се 10 аршина широкъ, и толико высокъ, єданъ битеви камень еще има кажу толико отбієнъ, и наоколо све образи истукани изсѣчени, и съ єдну страну лѣствице изсѣчене, и то су были наши у нутаръ призидали олтаръ и учинили црквуу. Паки Турцы у олтару призидали Хоџи мѣсто, и садъ є џаміа, то се види и познає. И ту по средъ града имаю сводови высоко отсадна кућа, виде се и преко сокака, и видѣ се горе образи изсѣчени, мучитель судища и престоли градскій, и кажу, да є ту мучитель сѣдіо, кад є Несторъ Лія низложіо на нѣкои даскахъ. И долѣ къ мору видисмо цркву велми голѣму, що є нѣкій царъ правіо по подобію св. Софіе, чудни дирецы и сводови, не може се чловѣкъ нагледати, ни на умъ узети; и ту намъ Турчинъ казива, кадъ су ту Турцы улѣзли, те су нашли єднога калуђера на єдномъ пиргу под врхомъ, те га ту посѣкли, и пао на прозорацъ, и ударила крвъ на полѣ низ духаръ, и види се, и мы гледасмо, крвъ низ духаръ, и каже Турчинъ, то су, вели, Турцы много пута стругали и замазивали кречем, и не могли нища. И пойдосмо изъ Солуна мѣсяца Августа 7 данъ на море у галію, и дойдосмо другій данъ под Платамону град, и ту има над градомъ планина, именує се Бабкина планина, и близ те ина планина, именує се Саргаръ, и има у ніой монастырь святаго великомученика Димитріа дивна и градъ око монастыра, и ћеліа има 200. И пак дойдосмо у Загорѣ на премо Святой Горы, и преко мора идосмо 11 дни, и ту у Загорю сѣдисмо 9 дны, и ходисмо по горы, и обрѣтосмо монастыре и цркве много, и грозліе и овощіе различно, а црквы числомъ 100, и кућа 5 тысућь, све Христіяни. И ту има люди, те не знаю, на чему жито расте, и ту видисмо цркву Преображенія, скоро сограждена, голѣма и красна зѣло, олтара 3, и яя ноєвы 30, и 95 кандила ужегоше сребрны, и златни, и предъ

цркввомъ 2 источника цѣлабна, и около гора борова; и у цркву С. Николѣ свакій дань идосмо на вечерню, на утреню, и сваки дань пою литургію. И оттолѣ пойдосмо, и другій дань под Кассадру дойдосмо, и ту бысмо 5 дны, докле дрва товарише, и страхъ имасмо от курсана, и ту видисмо градъ Тиронъ, ту су святаго мученика Ѳеодора Ѳирона мучили, из бедена метнули у море, и садъ стои пустъ. И туд идуħи видисмо едну маску нисіицу, и кажу, у ніой нища не йма, него дивокозе, близъ Святе Горе, и дойдосмо под Аѳонъ, вѣтръ дотера. и не хотѣħи, и видисмо монастырь Святы Павль и святу Анну, и види се виноградъ, и меħе у камену улитицы. И оттолѣ пойдосмо къ великому морю, и дойдосмо подъ планину, Юръ зовому, третій дань, идѣже святый Аѳанасіе молитвами бѣсове заключи, и до донас тамо стоеть, и ту замркосмо на мору, и егда бысть вторый часъ нощи, уста буря на морю, и волни силни, наче корабль волна морска преливати и извртати сѣмо и овамо, и бысть страх великъ и плачь горькій зрещимъ бурю морску и смерть люту, и ту се едни пращаю, а инiи исповѣдую се другъ другу. Бѣше же корабленика 75, а Турака 11, и апсіа 15; и егда бысть о полунощи, наче корабль изврлати се, и крмчіе сметоше се, паде облакъ чернъ на море, тогда се живота очаясмо, крученіе и гласи великіи изхождаху, призивающе Пречистую Богородицу и святаго Отца Николу, и правитель вѣтриломъ позна градъ Ливно, и ту прибѣгосмо, и стаясмо 32 часа, и оттолѣ на Усѣкновеніе пройдосмо Самотрак, и Бокчу, и Линдру, и Ибро, и идосмо до Измирскаго богаза, и паки изійде другій вѣтаръ те занесе под Милитин. И у томъ Милитинскомъ острову има 300 села и 4 монастыра, Архаггела и Крестителя Іоанна, и оттолѣ пройдосмо Балукъ аду и богаз Саказскій, и дойдосмо у Саказ градъ, преħе се звао у Апостолъ Хія, 30 дне Августа, и ту у Саказу проходисмо цркве многе, има цркві соборни 70, а мали 600 цркввы, и кажу 2000 попова мірскіи, и видисмо цркву святыя Троицы новосаграждену, на ньой пенџера 55, и дирека от мермера 67 и гробница 47, и ина красота и ядияри невозможно сказати, и туде бисмо 2 дни. И от Сака пойдосмо, и пройдосмо Сусамски богаз, и въ ту нощь освануемо на Самсонову борищу съ женою нѣкоею, тако кажу, да е чуо Самсон яку жену, те понео голем каменъ из Анатоліе, и она понела запрегу каменя, а кад се видили, та и метнуо

стоє зазидана, и мы гледасмо. И по иній церквахъ идосмо и поклонясмо се, и на врхъ града, зову га Чаушь монастыръ, и біаше калуђера много, и ту видѣхъ еще ідолску кумирницу, и из нутръ чудно зданіе, на нѣка окна све своѣено, мнит ми се, има дебео духар за 10 аршина, а висине Богъ зна; ту онай Апостолъ отметнусе Димась, що га Апостолъ Павалъ пише, и былъ іерей ідолскій, и то є све из нутаръ мусіомъ пописано, еще за ідола писано, лозе, и цвѣтія, и древа, а чловѣчій образа не йма, него иза тога храма ідолъ стои на земли поврженъ сврха; има, мнит ми се, 10 аршина широкъ, и толико высокъ, еданъ битеви камень еще има кажу толико отбіенъ, и наоколо све образи истукани изсѣчени, и съ едну страну лѣствице изсѣчене, и то су были наши у нутаръ призидали олтаръ и учинили цркву. Паки Турцы у олтару призидали Хоџи мѣсто, и садъ є џаміа, то се види и познас. И ту по средъ града имаю сводови высоко отсадна куħа, виде се и преко сокака, и видѣ се горе образи изсѣчени, мучитель судища и престоли градскій, и кажу, да є ту мучитель сѣдіо, кад є Несторъ Лія низложіо на нѣкои даскахъ. И долѣ къ мору видисмо цркву велми голѣму, що є нѣкій царъ правіо по подобію св. Софіе, чудни дирецы и сводови, не може се чловѣкъ нагледати, ни на умъ узети; и ту намъ Турчинъ казива, кадъ су ту Турцы улѣзли, те су нашли едногa калуђера на едномъ пиргу под врхомъ, те га ту посѣкли, и пао на прозорацъ, и ударила крвъ на полѣ низ духаръ, и види се, и мы гледасмо, крвъ низ духаръ, и каже Турчинъ, то су, вели, Турцы много пута стругали и замазивали кречем, и не могли нища. И пойдосмо изъ Солуна мѣсяца Августа 7 данъ на море у галію, и дойдосмо другій данъ под Платамону град, и ту има над градомъ планина, именує се Бабкина планина, и близ те ина планина, именує се Саргаръ, и има у ніой монастырь святаго великомученика Димитріа дивна и градъ око монастыра, и ħеліа има 200. И пак дойдосмо у Загорѣ на премо Святой Горы, и преко мора идосмо 11 дни, и ту у Загорю сѣдисмо 9 дны, и ходисмо по горы, и обрѣтосмо монастыре и цркве много, и гроздіе и овощіе различно, а црквы числомъ 100, и куħа 5 тысуħь, све Христіяни. И ту има люди, те не знаю, на чему жито расте, и ту видисмо цркву Преображенія, скоро сограждена, голѣма и красна зѣло, олтара 3, и яя ноевы 30, и 95 кандила ужегоше сребрны, и златни, и предъ

црквомъ 2 источника цѣлабна, и около гора борова; и у цркву С. Николѣ свакій дань идосмо на вечерню, на утреню, и сваки дань пою литургію. И оттолѣ пойдосмо, и другій дань под Касадру дойдосмо, и ту бысмо 5 дны, докле дрва товарише, и страхъ имасмо от курсана, и ту видисмо градъ Тиронъ, ту су святаго мученика Ѳеодора Ѳирона мучили, из бедена метнули у море, и садъ стои пустъ. И туд идући видисмо єдну маску нисінцу, и кажу, у ніой нища не йма, него дивокозе, близъ Святе Горе, и дойдосмо под Аѳонъ, вѣтръ дотера. и не хотѣћи, и видисмо монастырь Святы Павль и святу Анну, и види се виноградъ, и меће у камену улитицы. И оттолѣ пойдосмо къ великому морю, и дойдосмо подъ планину, Юръ зовому, третій дань, идѣже святый Аѳанасіє молитвами бѣсове заключи, и до донас тамо стоєтъ, и ту замркосмо на мору, и єгда бысть вторый часъ нощи, уста буря на морю, и волни силни, наче корабль волна морска преливати и изврта̀ти сѣмо и овамо, и бысть страх великъ и плачь горькій зрещимъ бурю морску и смерть люту, и ту се єдни пращаю, а иніи исповѣдую се другъ другу. Бѣше же корабленика 75, а Турака 11, и апсіа 15; и єгда бысть о полунощи, наче корабль изврта̀ти се, и крмчіє сметоше се, паде облакъ чернъ на море, тогда се живота очаясмо, криченіє и гласи великіи изхождаху, призивающе Пречистую Богородицу и святаго Отца Николу, и правитель вѣтриломъ позна градъ Ливно, и ту прибѣгосмо, и стаясмо 32 часа, и оттолѣ на Усѣкновеніє пройдосмо Самотрак, и Бокчу, и Линдру, и Ибро, и идосмо до Измирскаго богаза, и паки изійде другій вѣтаръ те занесе под Милитин. И у томъ Милйтинскомъ острову има 300 села и 4 монастыра, Архаггела и Крестителя Іоанна, и оттолѣ пройдосмо Балукъ аду и богаз Саказскій, и дойдосмо у Саказ градъ, пређе се звао у Апостолъ Хія, 30 дне Августа, и ту у Саказу проходисмо црквe многе, има црквы соборни 70, а мали 600 црквы, и кажу 2000 попова мірскіи, и видисмо црква святыя Троицы новосаграждену, на ньой пенџера 55, и дирека от мермера 67 и гробница 47, и ина красота и ядияри невозможно сказати, и туде бисмо 2 дни. И от Сака пойдосмо, и пройдосмо Сусамски богаз, и въ ту нощь осванусмо на Самсонову борищу съ женою нѣкоєю, тако кажу, да є чуо Самсон яку жену, те понео голем каменъ из Анатоліє, и она понела запрегу каменя, а кад се видили, та и метнуо

Самсонъ каменъ у море скрая, и видила се, колико голема кућа, тако и она сасула из запреге на сухо, и сад се види громила голѣма и веће се не били; то є от Саказа 80 миля. И въ той данъ дойдосмо у Хистанђое, пређе се за Апостола звало Коннниту, и обретосмо обиліє хлѣба, вина и гроздія. И ту видисмо у граду єдно древо чудно неудобъ сказати, у деблу дебело 12 аршина, обзидано у корену каменомъ и подслонѣно столповы, камени дирека 42 и древени дирека 34, и от мермера дирека 8, и ты сви дирецы држе гране того древа, и подъ тимъ древомъ има єданъ шидрванъ, и две чесме, и два бунара, и два чардака, и 6 кревета, и 4 кафане, и 1 дућанъ трговачки, и 1 џамія, и 2 касапнице, и 1 лѣбарница, и 4 захода, и ту подъ тымъ древомъ има у свако време по 200, или по 300, люди, у хладу сѣде; и ту видѣхъ діяконію, щоєгодь за єло стои по мейдану, нит кто чува даньомъ, ни ноћомъ, нит се покрыва, нит чува, и чудисмо се. И оттуду пойдосмо 2 дни, и дойдосмо у градъ Родость, и обидосмо по црквахъ, и видисмо украшенія многа; и тай су градъ градили Малтези, таке красоте и тврђе нигдѣ не има; ту є єдно диво, гдѣ є кумиръ стаяо єдномъ ногомъ на єдной кули, а другомъ на другой кули, има удалеко колико пушка може быти, и ту изчекасмо се 14 дній. Паки пойдосмо изъ Родоса мѣсяца Септ. 18, на велику пучину Адріанскую, 18 лађи, и 2 галуна; и вторый часъ нощи уста бура, и волни на морю зѣло страшніи, и въ ту нощь великій страхъ имасмо, и єгда данъ бысть, наче се корабль погрузивати и преливати бурею морскою, и въ той дань не видисмо иного корабла от грядущихъ съ нами, ни видисмо солнца, ни мѣсеца, ни неба, ни землѣ, ни птице летуще, кромѣ буре и облака, и бурѣ различне, бѣли и зелени, и црни, и плаветни, и єдиныє яко варъ кипаху, иніи яко молнія. И въ той данъ исповѣдує се другъ другу, и сви се живота отчаясмо, и гласъ исхождаше великъ єдиногласно вопіяху къ Богу, и поминаху чудеса святаго Николы, и призываху на помощъ; и єгда бысть пол дне, наче се кораблъ преваливати сѣмо и тамо, и погрузи се кораблъ, да сниде низу мора, тогда гортанъ изнеможе, гласъ пресече се, а воздыханіє омалѣ и духъ въ насъ, єзыкъ пресхану, бысть гласъ токмо, и умилѣнима очима взираше другъ на друга, и нѣкои сплели главу съ ногами и скржещуще зубы своими, видѣще горкую смертъ. И воздвигоше

крамолу на ирекза, и обричемо, колико кои може дати, да изпразни корабъ у море, и въ той часъ начеше празнити, и турати достояніє свое у море, и егда опраздни се до полъ кораба, тогда прилѣжа силнѣйшій вѣтръ, и раздраше се вѣтрила от вышняго края до нижняго, и работна ужа попущаше, и катарка велика погрузи се у море. и вазимаше то вышнѣ древо воду морскую. И ва време заходещу солнцу погрузи се корабъ. и восташе волны силнѣйшіи, якоже горы высокіє, и облацы и молнія силніи и различніи. И вси падохомъ яко мертви, работати и направляти не вазмогохомъ ничтоже, токмо другъ на друга умилѣнима очима вазираше, нѣцы же поминаху Бога и Богородицу и Светце, а иніи отца и матерь, и братію и сестре, и сроднике и знаеме своє, и жены и дѣти своя, и єдиніи трзающе ризы своє, а иніи сакрывающе очи своє, да не видѣтъ грозную смерть, а иніи и сполумртви быше, гортанъ изнеможе, и єзыкъ пресуши се, гласъ премлкну. За 2 дни и за 3 нощи от свихъ насъ ни єдинъ хлѣба не вкуси. ни воде, ни ти другъ другу проговори, нити може кои устати, ни коракъ корачити, яко мртви лежеще. И ту видѣхъ, како кораблъ брзо иде, како и стрѣла, одакле стрѣлу пусти, онде и паде стрѣла; и ту корабникъ єданъ каже: 40 лѣтъ, како ходимъ прѣко мора, и таке буре не видѣхъ. И въ третій день узрѣсмо птицу от полудне, и велми се возрадовасмо, рекоше, быће нѣгдѣ край близу, и бура малко утоли; тогда воспоменусмо се о смерти, и благодареніє воздасмо Богу, а єдни въ 4 день єзыкомъ проговорише, и хлѣба и воде вкусише, а иніи въ 5 день водомъ єзыкъ сквасише. И въ той 5 день узрѣсмо єданъ кораблъ от нашега друштва, и єданъ злій кораблъ видисмо, и утекосмо 6 день, али вѣтръ натрагъ. и въ 7 день дойдосмо на богазъ Решитскій, у Нілъ рѣку, подъ Решитъ градъ, зову га малый Мисиръ, прежде се звало Раитъ. И ту видисмо многу причу, люди ту живуще, нити кто носи гаћа, ни чакшира, ни клашана, ни калчина ни на єдномъ, господа и боляри носе от платна и от свиле альине, али цѣви голе, нища, кромѣ папуча, а єдни ходе нагіи яко от майке роћени. По чаршія и мужко и женско точію у самой кошули, и пію тутунь и каву, и мужко и женско, великіи и маліи. И видисмо, како се нараста финиковъ цвѣтъ рода ради, да одржи родъ. И видѣсмо древо, на кому памукъ растѣ. И от 4 руке смоковницу, 1 смоква, на кою

се Адамъ прелести, расти на три моуне, и сладость єє умъ чловѣческъ сказати не можетъ, на многіє сладости доводи, насъ 7 єдну куписмо, и сви єдосмо за 3 дни, паки отметнусмо, и не могосмо є изѣсти от сладости, а чини ми се не йма полъ оке у ньой; и друга, от коєє листвіє набрао, има листвіє дуго 9 педи, а широко 4 педи; трећа смоква, що є проклята, и плодъ єє ясти се не може; четврта смоква, що има по всей земли. И ту видѣхъ птицу ноя, голѣмо, єдва доватимъ рукомъ по хрпту, и милова га, ходе по чаршіи и поредъ лађи, по бунищу, купи, щоща те се храни, и ту пребысмо 6 дни. И паки пойдосмо Ніломъ рѣкомъ, и та рѣка из рая иде, и видисмо око те рѣке много села и вароши съ обою страну рѣке, и чловѣцы сви наго, и жена и дѣте, и сви голіи, и да речетъ от сто люди, да има кошулицу, и имаю жене нѣка те нѣка спредъ запрегу, а ино нищо; а дѣце по 50, или по 100 око рѣке чуваю марву, и веће безпослено, када насъ види, виче, проси, а мы метнемо по єданъ пексиметъ, а нихъ заплива по 20, а кои ухвати, онай изеде, тако насъ све прате от села до села. И ту видѣсмо шећеръ, посѣю ниве велике, и онакоє кано кукурузъ стаблика и листъ, и изъ оне стаблике ваде срчику те пече шећеръ. И дойдосмо у Мисиръ великій 6 дань, т. е., Егvпатъ, Фараоново царство. Големину кто можетъ сказати, нити може прећи, ни края видити, а от множаства люди не можъ на сокакъ да изидешъ. Ту єсу дворови прекраснаго Іосифа, мусіомъ пописати, посред' града на чудной высины, и ту му єсть диванхана голѣма зѣло, 34 велика дирека, по два чловѣка єднога да обувате, толико су дебели, обли и глаткіи, како да су на стругъ стругати, а высокіи Богъ вѣсть, и ты сви су дирецы от мермера, има ихъ 300, коє мало, коє голѣмо, а чини ми се, има высине 50 аршина, пакъ на нима горе сводови, а садъ стои пусто, и гдѣ кои дућанић сиромашкій долѣ око дирека, и ту є бунаръ Іосифовъ, и сада ту воду ваде, и мы улазисмо до другій волова, пакъ се препадосмо те се вратисмо. На 3 места што волови воду ваде, басамака има 444 дублине до воде, у самотвору камену све сѣчено, и ту 18 волова воду ваде. И у томъ Єгvпту бѣше Папа и Патріархъ, именемъ Герасимъ, и идосмо къ нему, и исповѣдасмо се, и чита намъ молитву, и благословеніє пріємо, и видисмо у єдну неделю літургіа, и метну на себе два петрахіля, и два омфора, и по літургіи сѣде, те чини придику за много

тако подъ свимъ одеждами, и ту видѣсмо Патріарха Коптскога (Копти есть великъ вилаетъ и єзыкъ краю узъ Нілъ рѣку), и идосмо у старый Египтъ, али є весь пустъ, мало гдѣкои човекъ. Ту видисмо хамбаре Іосифове: кто да може измѣрити и величаство казати! И ту у старомъ Мисру црковь Іоанна Милостиваго, то є была Архієпіскупія, и садъ калуђерице стоє ту, и ту имаю цркве големе и красне велми много множаство, Царска зданія, и у две цркве 2 иконе чудотворне, Богородице и святаго Георгія, и то кажу, кадъ су Турцы узели, нѣ су се дале съ мѣста дигнути, и садъ на томъ мѣсту стоє, а цркве пусте и пале око нихъ. Святаго Георгія ні є голема, има 4 аршина дуга, а стои на мегдану высоко от землье, како не може чловѣкъ рукомъ доватити. И ту има црквица скровница Христова, кад є побѣгао от Ирода, и у земли 10 басамака глубока, от мермера сограждена, и иза трапезе у духару кано пещь, те кажу, ту є Христа Богородица крыла, и ту преко те цркве была єдна греда от ковчега Ноєва, а сада мало теке уатула; и ту се у старомъ Мисиру новцы и садъ кую. И виде се премо великому Мисиру Фараонова тепета, то є єдно чудо на свѣту, двоє изидано от камена кано камаре две, и толика є голѣмина и высина, от 3 дана хода може се видѣти. И ту єсть близу великаго Мисира гора, що є зову дурдагъ Христіянски, ради молитвъ пошла у Нілъ рѣку. И ту сѣдисмо у великомъ Египту 22 дни, у хану Сінаяца калуђера, и ту свāща доста євтино, по 8 сомунића за єдну пару, а єдна пара 8 мангура, и ту узимахъ за єдну пару 74 лимуна, а віна и ракіє да дукатъ даєшъ, за єдну оку не бы нашао.

И пойдосмо изъ Мисира къ Сінаю око 211 дань, и ходисмо 3 дна до Аћруда, не видисмо ни чловѣка, ни древа, ни травке, ни птице, ни воде, кромѣ камена и песка, и ту у Аћруду видисмо нѣке невиђене люде и птице, и 2 мишца бѣла, и въ той дань дойдосмо у Сувеизъ градъ на Индіиску скелу, на Црвенога моря отоку, и ту у Сувеизу узесмо воду, и обрѣтосмо єднога Христіянина Халила, тако му име, и нощевасмо на святаго Нестора, и рано устасмо и дойдосмо на 12 источникъ Мойсеови, идѣже раздѣли море и потопи Фараона съ колѣсницами; и ту бѣше нѣколико финика, и вазесмо воду от тихъ источника у мехове, и оттолѣ дойдосмо за 3 дни на Карандулъ, и ту обрѣтосмо воду, и нѣколико врановъ, и 50 древъ финиковыхъ. Пакъ ходисмо два дни и обрѣтосмо єданъ бунаръ воде лѣпе, и

ту видисмо два врана и нѣке птице красне зѣло, и гласъ диванъ поютъ, и ту ноћисмо, пакъ ходисмо два дни, не видисмо ни чловѣка, ни птице, ни древа, ни траве, кромѣ тѣне до облакъ протегле се, и 11 данъ хода от Египта видисмо нѣколико коза, и неке човѣке странне видѣніемъ, како диви. О братіе, тѣсна и прискорбна пута и неволна живота на той земли! И ту видисмо дивіе любенице и откусисмо, горча е пелена. И сутра данъ дойдосмо у Святый Сінай, у монастырь, Ноемвріа 3, на обновленіе храма Святаго Георгіа, на літургію, и въ то време бяше у Сінаю Дикей Неофитъ Іеро. и Ананіа Іеро. и Анаѳоліе Іеро. и Герасимъ Іеро и Ћесаріе Іеро. и Діакони Давидъ, Діонисіе, Іоаникіе, Паисей, Іоасавъ, а по путу Богъ вѣсть колико е, кажу, да има единимъ по 20 лѣта, нѣсу у монастырь дошли. Слава Богу, сподобившему насъ узрѣти святая сія мѣста и поклонити се, и узрѣти дивную красоту. У Сінаю монастырю велика црква красна зѣло, 12 дирека велики и на нима сводови, и среда оловомъ покрывена, и 100 мертецы древни. Патос олтара савъ мермеръ пегазтъ, бѣо, шаренъ, зѣленъ, из около око трапезе духаръ, на олтару мермеръ и иная красота, кконе, хоро, и кандила, и крестови и Евангеліа окована красна множество, а едно Евангеліе Царя Ѳеодосія све златомъ писано от края до края, 20 Евангеліа, що свагда стое по честныхъ трапезахъ, и олтар мусіомъ каменомъ исписано и темно дивно позлащено, и святая трапеза, и проскомидія, и на лонѣ зѣло украшено. У дужину црква велика, от двери до препрате 43 аршина, а ширине 16, и олтаръ дулине 11 аршина, а ширине 9, а предня препрата дужине 8 аршина, а пенџера 53, врата велика от бакра, и двоя мала, и та црква вели есть храмъ Преображеніе. И святая Неопалимая Купина, црква сва зеленымъ мермеромъ патосата, и на около све лаџувертъ. И у великой цркви 10 олтара, гдѣ се служи, и особни цркви 15 у нутаръ града тое, и градъ ширине 108 аршина, а дужине 128, и имаю два бунара студеніе воде у граду; ту е Моvсей Рагуилу овце напоіо. и градска врата зазидана, не отвора се, него на витао валазе и излазе. И ту почивасмо 4 дна, паки пойдосмо на святый врхъ, и дойдосмо пре полдне у цркву, зову Панагіа Пресвятыя Богородицы, и ту поклонисмо се, и пройдосмо крозъ два ћемера, и дойдосмо на ноћище до цркве святаго Иліе, ту е святый Иліа от Езавели побѣгао: то есть Хоривъ гора, и ту е постіо святый

Иліа, и ту вечерню читасмо, и сутра от полнощи пойдосмо на святый врхъ, идѣже Моvсей пости се двареdъ по 40 дни, и прими скрижали от Бога, и ту есть пещера 4 басамака долѣ подъ камен, и ту є една црква наша, и една Римска, и една џамія, и ту чатисмо утреню, и служисмо святую литургію; и ту есть мѣсто иза цркве, гдѣ се Моvсей подъ камень сакрыо и Божія задняя видѣо, и утопила се међа у каменъ, како у снѣгъ. Паки се повратисмо на святаго Илію, и видисмо на пути каменъ, що є Аггелъ мачемъ разсѣкао, те пао каменъ на путь предъ святаго Илію, и рекао Иліи: Моvсей ні є изишао на землю обѣтованную, а ты не ћешъ на святый врхъ, те се вратіо опетъ къ Іерусалиму; и ту є ити от монастыра на святый врхъ 14,000 басамака, све сечено о свемъ, що є онако ходити. И от святаго Иліє цркве ходисмо до цркве святаго Іоанна Лѣствичника, и ту есть пещера, гдѣ є лѣствицу писао, и ту є близу црква святаго Пантелеимона, и ту има вода лѣпа, и ту имаю пещере, гдѣ су пустынницы стали многи, а ћеліє зидане от суха камена, безъ вара и безъ креча, и паки снидосмо на святыхъ 40 мучениковъ црkву, и имаю ћеліє многе, и ту нощевасмо. И паки рано от полнощи пойдосмо на гору высоку, идѣже Аггели положили тѣло Єкатерине, и лежало 300 лѣтъ, и егда изыдосмо на врхъ, раждающусе солнцу, поклонисмо се и цѣливасмо мѣсто; и пойдосмо ко цркви святаго Оноврія пустинника, и ту му є пещера, гдѣ є пребывао, и ту есть близу мало пониже каменъ, иже удари Моvсей, и источи 12 источникъ воды, и садъ рупе стоє празне. И паки дойдосмо цркви святыхъ Апостолъ, и имаю ћеліє и монастыръ обычанъ, баще и овощіє, и студенацъ, и поле велико, гдѣ є Исраилскій родъ стаяо, кадъ є Моvсей законъ писао, и ту близу есть телацъ, комъ су се Іераилтяне покланяли, и ту есть калупъ, у комъ є саливенъ, и ту близу црква Аронова, ту є Моvсей скрижали найпре донео, и выше те цркве къ монастырю покрай пута каменъ, по нѣму слова писана, а нико чтити не може, и кажу кивотъ Завѣта Аггелъ донео изъ Іерусалима, те подъ тай каменъ укопао, да стои до страшнаго суда. И паки дойдосмо у монастыръ у градъ, и ту пребысмо 31 данъ, и поклонясмо се по святыхъ мѣстѣхъ и црквахъ: егда есть коєй празникъ, и святые мощи цѣливасмо; и ту су мощи Єкатерине мученице, и у томъ монастыру у духари видѣхъ мѣсто, гдѣ є зей-

тинъ текао изъ духара. И сподобисмо се благословенія от святыхъ отецъ и общаго собора, паки прощеніє пріємше пойдохомъ вспять въ Египтъ мѣсяца Декем. 4 день.

И оттуду пойдосмо къ Ієрусалиму съ Пашиномъ войскомъ, и дойдосмо у Газу на конакъ, и ту данивасмо, и ту бяше градъ големъ, то є было храбраго Сампсона царство, и ту є побіо костію ослѣю иноплеменикъ 3,000, и ту му є столпъ и чардакъ, що є послѣпъ оборіо. И оттолѣ идосмо два дни, и пройдосмо Лиду, и внѣ града къ мору есть црква святаго Георгіа голѣма и красна, тако глаголема Лида, близъ Яфе, и ту святый Георгіє порази змію копіємъ; и ту є пропастъ велика, отдакле змія исхождаше, и ту мучи Діоклиціанъ святаго Георгіа, и ту му є гробъ у той цркви. И въ ньой є столпъ, иже принесе святый и жена вдовица, егда се црква здааше, тогда желаше вдовица приложити въ црковь столпъ, и вазе каменъ єдинъ, и не возможе принести, и моли корабу началника, да принесетъ съ своими столпови, и не восхотѣ, и поче жена плакати, и пріиде святый Георгіє, и рече жени, возми каменъ, и вазе съ єдного края святый Георгіє, а съ другаго края жена, и внесоша на море въ єдинъ часъ, и принесе до цркве, и зна се, гдѣ святый Георгіє держаше руками. И дойдосмо у Ревню, и ту дановасмо, пакъ устасмо въ време, за шадшу солнцу, на святаго Іоанна Крестителя Саборъ, и ходисмо цѣлу нощъ безъ покоя, токмо въ Еммаусу отсѣдосмо, и писмо кафу, и дойдосмо за нощи до святаго града Ієрусалима, на порту Пророка и Царя Давіда, и не ктеше намъ оттворити, докле свану.

И улѣзосмо у Єрусалимъ мѣсяца Ян. 8 данъ. И пріимише насъ и гостише, и ногѣ омыше и паруссію дадосмо Питропу монастыра, црква храмъ цара Константіна и Єлены, и дадоше намъ конакъ у монастыру, зовомъ святый Савва, Србскій монастыръ, храмъ святаго Архаггела, и ту се молисмо Богу и ходисмо по святымъ церквамъ катадневно и покланясмо се. И идосмо на святу порту, на всякій данъ по два редъ, и уодисмо живоносному гробу въ лѣто 1705, Февраля 3 данъ, поклонисмо се гробу живоносному, и нощевасмо ту у церкви, и благодарисмо Бога, сподобившаго насъ узрѣти то желаніє, єже вазджеласмо, и видисмо многа чудеса. И у великой цркви Воскресенія Христова икона голѣма, 8 педи дульине и 5 ширине, Христосъ у Архі-

рейской одежды уписанъ, и око Христа 4 Єvангелиста, и подъ иконом до патоса уписанъ Христосъ уснуо; и кодъ нѣга левъ, ій рече: яко левъ спѣ, и до Христове иконе икона, уписанъ гробъ и 2 Аггела въ бѣлыхъ ризахъ, кои су отвалили каменъ от гроба, и мvроносице. И Христосъ кадъ є рекао: Не прикасай се мнѣ, не у бо взидохъ къ отцу моему; и под' врхъ Єлеонска гора, и Вазнесеніє, и под том икономъ Воскресенія уписанъ Пророкъ Іона, како су га метнули у море, и како га є китъ прождерао, и како га є изметнуо, и до те иконе врата кано и двери, и на ними брава те се заключава, и иза врата Предтеча Іоаннъ уписанъ; и надъ сви трію врати позлаћене лозе, а образа не йма, и Богородица такожде голѣма, и младенца држи на лѣвой руцы, и 4 пророка око нѣ, и подъ икономъ уписана купина неопалима; до Богородице икона соборъ Архаггелскій, 20 образа Аггела, и Христосъ у округао на среди, еще херувіми око Христа, и многоочити много, и подъ икономъ чудо Архаггела, и сѣверна врата кано и двери, и на нима брава, и иза врата Константінъ и Єлена. И предъ иконами око двери врстомъ 27 кандила сребрны, и над двери 3 от злата, и 4 свѣщника голѣма от туча, и на свакомъ по єдна свѣща гори, и до њи цветъ виси, трое гране на нѣму, и до цвѣта на ужу кандила 41, то єсть до Патріархова стола и до налоня, и выше тога форо, и на нѣму 23 кандила, и толико яя ноєвы, и на яю по икона, и по 16 ћемера на фору, и на свакомъ ћемеру по 4 свѣщи (и све ужегу у єданъ путь), и то форо єсть от туча; и выше двери лозе позлаћене има от аршина, пакъ иконе праздника 16, и паки лозе, и выше тога крестъ, и око креста 9 кандила, и предъ сваким праздникомъ выше двери по кандило, и до владични столова са сваке стране по 10 кандила, и от владични столова горе са стране по 25 кандила, предъ трапезомъ 9 кандила (3 от злата, и горе высоко свудъ на около савъ олтаръ кандило до кандила, выше от 100 кандила сребрни, а све Србскій), и предъ проскомидіомъ 3 кандила, и предъ горнимъ сѣдалищи єдно, еще премо нѣму. У Патріарха Іерусалимскаго столъ 6 степеній, и у столу Христова икона, на нѣму Архієрейска одежда до пояса, и колико столъ широкъ, толико є и она, и над столомъ у шатору улази, на около изваяно у древету; на среди молѣніє, и око нихъ 12 Апостола (и на врхъ стола орелъ от 2 главе), еще другій Патріарха три стола,

у сваки по 4 басамака. Свѣщницы дугіи 9 педій, от свѣщника до свѣщника 11 педій, на два свѣщника по 7 чутура, и стои на 3 лва, и горе тепсія и 12 шиляка съ чашами, и 13 у среды, и на друга два свѣщника 4 чутуре, и на два свода и три ноге, и горе 12 чирака и на среди 1; и кадъ ні є праздникъ све скину и оставе, и иконе покрыю, и кандила скину, и врата сва троя покрыю, и цвѣтъ и хоро, и свѣщнике покрыю. И поредъ икона не горе кандила, него око двери по два, и иза врата по єдно, и надъ двери єдно, и предъ крстомъ єдно, и подъ форомъ 1, предъ трапезомъ єдно; то ти свеча у великой цркви. И видѣхъ єдно кандило предъ крестомъ 3 аршина дуго, и у нѣму 7 маньи кандила гору (те све от туча, и съ єднога мѣста наброи 310 кандила, и у той цркви 700 и вышше има теке Православни кандила), и има средни кандила, стало бы 12 ока воде, и на среди цркве єдно, на нѣму 17 кандила (дуго 4 аршина, а широко 2; а єдно предъ Христовымъ гробомъ има 24 кандила, и 25 Аггела, и свакій Аггелъ држи у руцы по кандило, а средне држе два Аггела), у среднѣ бы кандило стало 20 ока воде, дуго $3^1/_2$ аршина; и подъ форомъ єдно дуго $4^1/_2$ аршина, а широко 3, 6 грана, що свеће на нѣму горе, а насреди кандило могло бы 30 ока воде стати. И изъ велике цркве на Голготу 18 степеній, а гдѣ се крестъ нашао 42 басамака; и подъ Голготомъ єсть пещера желѣзомъ замрежена, гдѣ є была Адамова глава, и кадъ су Христа горѣ на Голготи распели, те каменъ пукао, те крвь текла на Адамову главу, и та пукотина, и садъ єсть замрежена, и благоуханіє велико има. И на лѣву страну єсть мѣсто, гдѣ су Христа у кладе метали. Трапеза у великой цркви от земле висока 4 педій и полъ, от мермера, дуга къ престолу 6 педій, а упреко 12, а горе высоко кубе, я станемъ на патосъ и пропнем се на прсте, пак горе прстима докоснем се кубету, гдѣ є найнъже, а проскомидіа от патоса $4^1/_2$ педій, а широка и дуга по 4 педій. Широка єсть црква Соборна 47 педій, а дугачка 20 столова, а свакіи сто по 3 педій манѣ 3 прста, єще от столова Патріаршескій до двери 30 педій, от двери олтаръ дугъ до степеній 21 педій, и у седамъ степеній 9 педій (то єсть, у средъ цркве Соборне, а друге су свудъ наоколо, и гробъ особъ предъ томъ церквомъ).

На Православну Неделю на литіи свакомъ хаџіи дадоше по икону окована Московску, а на Крестопоклонѣну Неделю свакомъ

по крестъ окованъ; а на Цвѣти свакомъ по финикову грану, и маслице другу; а кадъ носе литію око гроба, пођу изъ олтара на сѣверну страну, напредъ иде 6 баряка, и предъ свакимъ баряконъ по 1 свѣща дебела безъ чирака, и по томъ попови, напред млађіи и по нихъ две свеће, и еданъ барякъ, и една щака, и ту владика, или 1, или 2, напорѣдо, и око нихъ діякони по 5, по 6, или колико има, и по 40, или 50 попова, и до владики монаси и простіи люди; и обуче се по 20 клиріка дѣце, те они носе свѣще, баряке и щаке, и крестъ, и по 12 рипида съ барячићи. На литургіи на входъ и преносъ клирицы напредъ носе крестъ еданъ, али напредъ свѣще, по томъ 10, или 12, рипида, потомъ колико владика служе, толико и щака, по томъ свѣща една, и діяконъ иде натрагъ, кадећи агнацъ. а инъ діяконъ носи трићеле предъ агнцемъ, а по аганцу 1 свѣща, діяконъ носи, и паки другіе трићеле, и начелный попъ носи чашу, и надъ чашомъ діяконъ трепеће рипидомъ, тако и надъ агнцемъ рипида, діяконъ от трагу иде, и око чаше и агнца ту сви діякони иду, колико ихъ има; и на преносу 1 діяконъ возгласи найпре: И всѣхъ васъ да помянетъ, а прочи діякони нища не говоре, и по діякону сви священницы реку то, що и діяконъ: Всѣхъ васъ и проч., и нища выше, ни Патріарха, ни Цара; и сви священницы носе путире от билюра запечатлѣни; у нима мощи многе, и подписано, кое е що. И свакогъ праздника тако носе; а на Воскресеніе не носише, него начелній чашу, а другій ложицу, а третій копіе, а прочи нища, него спустили фелоне, те онако иду; 40 попова были, и 4 владике, и 7 діякона. 21 клирика, то на Воскресеніе. И на Великій Четвртакъ сазваше све харіе предъ ћеліями на полю, да свете масло, и поставише едну свѣщу, и на налоню метнуше икону и Евагтеліе, и метнуше тетраподъ, и на тетраподъ кандило, у нѣму еданъ жижакъ упаленъ те гори, више нища, и у едной чашицы пшенице, у пшеницу забодоше 7 палица, обвіенни памукомъ, и ста 5 владика съ омфори и 5 попова съ петрахиломъ, и отпояше канонъ, и рекоше отпустъ, потомъ начелній владика рече: Благословено царство, и еданъ діяконъ, облеченъ въ одежду, рече діяконство, потомъ рекоше редомъ молитву; потомъ діяконъ очита Апостолъ, и владике редомъ Евагтеліа; и діяконъ діяконство: Помилуй насъ, Боже; даскали триредъ: Господи, помилуй; потомъ редній

попъ дигне Єваггеліє, те держи у руцы, а люди сви поклоне главе, 5 владика очтише по Єваггеліє, и молитве, и рекоше отпустъ; и узеше 7 палица, и сташе редомъ, и людіє иду редомъ, те свакіи мироноше, а діяконъ приноси кандило къ свакомъ, мажу на челу, на браду, или на устѣхъ, на образу, и на обе руке съ обою страну, и креста на маслу не бы. И на Великій Петакъ улѣзосмо у цркву, и у субботу на утрени очтише найпре канонъ, пакъ изнеше аеръ насредъ цркве, поставише ноге на десну страну, и двѣ свѣще у главѣ и двѣ у ногу, и насреди єдно Єваггеліє, и по два цѣливаю найпре Єваггеліе, пакъ Христа; и кадъ начеше опело после канона, и выше от 30 попова обучени сви редомъ, кадише по два заєдно, покадише первѣє владике 2 заєдно, пакъ попови, а діякони додаю кадилнице, найпре поклоне се къ владикамъ, пакъ по 3 редъ ману озго заєдно, пакъ десни проће от десну страну, а лѣви от лѣву страну (нити каде икона ни владыка, ни люде, и са сваке стране ману по трипутъ кадилницомъ, а више ніє, нити крсте), пакъ проће десни оздо, а лѣвый озго натрагъ, пакъ десни от лѣву страну, а лѣви от десну страну, пакъ оба стану озго, и по томъ отдаду кадилнице, и поклоне се владикамъ, и иду на мѣсто своє. И кадъ попови покадише, онда и діякони кадише по два редомъ, а кадъ владике кадише, діякони предъ нима триђеле носише, и кадъ савршише славословіє, онда понеше ноге напредъ на врата южне стране, те око олтара и око гроба обнеше, пакъ на положеніє положише, и ту чатише, и оттолѣ понеше на она врата, гдѣ су изишли, те у олтаръ, и свудъ на дасцы носише, пакъ даску оставише предъ олтаремъ, те онако на главахъ четворица унеше, и око трапезе не обнеше, него спредъ положише, главу къ проскомидіи, и рекоше отпустъ, и тай часъ свише и оставише, извезено златомъ, Христосъ положенъ, и єще образа и бисера много. И у Субботу собра се множество людій въ црковь, и въ 5-й часъ дне чекау и гледау Духа Святаго, и погасише сва кандила по цркви и свѣще; на гробу сами Турцы погасише кандила, и врата запечатише на гробу (и сви людіє по иныхъ црквахъ метанишу, и моле се Богу и плачу). И чтише часы и паримеє, и єгда сaврши се 8 сатъ дне, тогда Турцы отпечатише врата и внидоше, и не обрѣтоше, не бѣше єще сашалъ, и паки запечатише, и у то време наши поћоше се облачити на літургію, тогда паки (деветога часа) отпечатише и внидоше Турчинъ, Єпитропъ и калугеръ,

наћоше на гробу кандило важегло се, и важегоше от нѣго свѣщи, изнеше народу, и бысть гласъ от народа великъ (мнит се, небо землю паде). И паримее на вечерни не чтише, и сврши се лиргіа на 1 сатъ прежде нощи, и сѣдисмо въ церкви, и дѣянія чтише, и въ полнощи клепаше, и очтише канонъ и отустъ, и облекоше се въ одежди, има ихъ више от 50, и подоше поюще: «Воскресеніе твое, Христе Спасе», и обидоше око гроба три редъ, и сташе предъ гробомъ и метнуше налоню на реди, и очиташе Єvаггелія воскресна 2, и бѣху изнели 4 Єvаггеліа, а друго ница, и по свѣщу свакій држи, две владике и 2 попа по Єvаггеліе држе, и ту пояше «Христосъ воскресе» са стиови, и внидоше предъ двери, и 2 Єvаггелія съ едне стране двери, а 2 съ друге. и начеше цѣливати сва 4 редомъ; и от лѣве стране сташе Священницы редомъ, и цѣлую се у оба рамена, лаголюще: «Христосъ анести»; и егда првіи цѣливаше, тогда владыка начелній сѣде у столъ съ еднимъ Єvаггеліемъ, и цѣлива народъ, а прочіи внидоше у олтаръ, и заключише сва врата от народа, и бысть велика тѣскота от народа. и подъ Христовомъ икономъ една даска пуче, и паде от тѣскоте; и егда пояху «Святый Боже», тогда видѣхъ на пенџере, и позна се зора, и чтише Єvаггеліе осморица, единъ владика на трапези прво, и по ньемъ діяконъ выше темна, и потомъ предъ дверма попъ Србски (Григорій Раковичкій) и прочи попови, и по нихъ діякони до врата, и на свакой сроцы по еданпутъ у тасъ удари, а найпосле мало тасъ покуца (кано и мы), и егда изыдоше съ літургіе, бысть 3 часъ дне изишло. На воскресеніе у вече доће владика, и метну омфоръ, и наче вечерню, и на входъ облекоше се 2 попа, и по входу вниде владика въ олтаръ, и начеше чтити Єvаггеліе на 4 мѣста, на сроке кано и на літургіи на воскресеніе. И тако да знашъ, на воскресеніе на утрени и на литургіи и на вечерни, и прочее дни по воскресенію первѣе владика, или попъ отпое «Христосъ воскресе» трередъ, и иза тога не пою ликови, Христосъ воскресе, него попъ рече стихъ, пакъ отпое друга страна «Христосъ воскресе» еданредъ, и тако све стіхове рече, и славу и нынѣ, а они по еданпутъ пою «Христосъ воскресе», и ликови: «гробнимъ животъ дарова»; потомъ діяконство, и тако све чине, и по заамвоной молитвѣ триредъ отпою «Христосъ воскресе», и потомъ слава и нынѣ, и реку отпусть, и потомъ пою «Христосъ воскресе»

много, докле се анафора раздѣли. И у очи Ѳомине неделѣ предъ Архіепископомъ Сінайскимъ литію носе, напредъ двое деце свѣще носе, и 4 попа 4 Євангеліа носе, два едномъ страномъ, а два другомъ, и два діякона каде, илуђи на трашке, и дойдоше на около, и поклони се Архіепископъ трипредъ пак прекрсти народъ на 3 стране; и кадъ владика народъ благослови, попови отидоше у олтаръ, а діякони рекоше діяконство, пакъ на около у олтаръ, е попъ изнутръ на двери рече отпустъ, потомъ клепаше, и изыдоше еданъ попъ и 2 діякона на около, и сотворише къ дверма 1 метанію велику, пакъ иде се Патріархову столу метанію велику, пакъ на лѣву страну къ Архіепископу, и цѣловаше у руку, и паки метанишу, и отидоше у олтаръ, и тако свагда чине. И егда начеше пояти: «Положи, Господи, храненіе», тогда ђакони пойдоше 2 кадити, носе кивоте, и предъ нима еданъ чловѣкъ носи свѣщу, и первѣе окадише трапезу съ 4 стране, а веће другога никога, и оба заедно изыдоше на проскомидиска врата, и сташе на околу, и съ еднога мѣста окадише двери, и двѣ иконе око двери, пакъ покадише къ народу, трипредъ мануше, пакъ на десно столъ Патріарховъ, пакъ на лѣво Архіепископовъ трипредъ, тако редомъ и друге владике; потомъ другіи каде гробъ и Голготу и положеніе, и паки возврате се у велику цркву, и у олтару кога нађу, покаде на около, а трапезе не ће. И на литію изыдоше попова много, сваки носи по свѣщу, старіи напредъ, и діякони найпосле изыдоше те сташе до свѣщника. два говорише діяконство, а 2 нища, и кадъ литію свршише, сви внидоше въ олтаръ, и свлекоше се, а 2 діякона осташе кодъ свѣщника, и по стиховной изыде попъ единъ съ кадилницомъ кадити хлѣбове, и кадъ окади, отда кадилницу, и владика молитву рече, а попъ еданъ хлѣбъ са свѣщами дигао, те држи, и кадъ благослови, понесе къ владики тай единъ хлѣбъ, и истрча калугеръ, и вазе изъ хлѣба 4 свѣще, а средня оста, и владика рукама превати тай хлѣбъ, и цѣлова у край, и дойде инъ служитель, и вазе тай хлѣбъ от владике съ свѣщомъ, и прочее хлѣбы раздробише и разделише по залогай, а не видѣхъ никада поученія или слова да чтише (а придике много чинише). И кадъ на входъ излазе и на преносъ, діякони иду напредъ по два напоредо, а попови по еданъ редомъ, а на литію на двѣ врсте чине и свѣще и баряке, и попови двѣма врстомъ иду до средe пространно, напредъ млађіи, а старіи

.о владике, найпосле владика посреди, и око нѣга діякони. И ıачеше утреню, «Христосъ воскресе» владика трıредь, потомъ «Святый Боже,» и за «Пріидите» трıредъ» «Христосъ воскресе.» и «Помоıим се» рече попъ подъ петрахилемъ; и ту «Христосъ воскресе» не ›екоше, него «Святый Боже», и не кадише, защо пре почела діяıони кадили и попъ изыде надъ двери, кадъ рекоше Аллилуіа, ı Архіепископъ изъ книзе чти Шестопсалміє, и по діяконству Богъ Господь,» нити рече попъ, нити діяконъ, него пѣвцы начеıе «Богъ Господь» пояти; и каөисмы на средъ црקве чту, и редıій попъ говори Аллилуіа на каөисмахъ, тако свагда, и на полиıей ужгоше свѣще по фору све и цвѣтови; и діякона два у одежıахъ кадише и носе кивоте, а друго нища діякони не износе; а ıа входъ не носе кивотъ, него кадилнице, а другіи иду празни. И на третіой песми рече Архіепископъ придику без книге. И кадъ се пращаю, найпре се прости попъ у діяконъ, то є на литургіи, те проскомидишу, пакъ прочи попови по два излазе наколо, те сътворе і метанію велику къ дверма, и другу къ игумнову столу, пакъ къ владики на лѣву страну, те цѣливау руку, пакъ метанію, онда у олтаръ, ни ти чту що, ни ти цѣливау икона, ни каде, а діякони после попова такожде, и у олтаръ како улазе, тако се и облаче, не иду предъ трапезу. И що є годъ свиѣе изыћи на двери наколо, кои що носи владикине одежде, колико ихъ има, и діякони облаче ихъ по чину, и кадъ облаче, єдинъ діяконъ кади скола, и држи триѣеле, и ту сви стоє докле реку: «Во царстви си,» и ту поповомъ по пуне ковине книга изнесу, и свакомъ попу дару по єдну, и све носе у руку, не може стати по трапезы от другіи красота. И кадъ хоѣе Єуаггеліє чтити діяконъ, носи предъ нимъ щаку клирикъ. И на великомъ входу носе полудіякони рипиде до двери, а у олтаръ не улазе, и двери стоє отворене на своїі литургіи, и на причастной стои отворено, и кадъ очту «Вѣрую,» узму два діякона 2 рипиде от полудіякона, те унесу у олтаръ, те єданъ трепеще надъ агнцемъ, а другій надъ чашомъ, докъ реку: «Тебе поємъ, тебе благословимъ,» и тада опетъ изнесу на двери, те даду полудіякономъ, и кадъ буде малый преносъ, онда оставе рипиде. И по «Достойно» иде діяконъ на двери, те стане предъ Христовомъ икономъ, а другій предъ Богородице икономъ; и рече првый діяконъ: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны,» и поє владика предъ

трапезомъ тако. Потомъ другій діяконъ рече: «Господи, спаси»..., таже десный ликъ пое: «Господи, спаси благочестивыя», паки десни діяконъ: «Господи, спаси благочестивыя» и пое лѣвый ликъ: «Господи, спаси»... Потомъ помене діяконъ Патріарха Іерусалимскаго сама и по семъ помене три Патріарха заедно, и потомъ иду діякони у олтаръ, и по 40 попова сваки ће редомъ реће: «Перви помяни, Господи, Патріарха Іерусалимскаго,» а веће другогъ никога, и тако всегда творе, и попови, како се пречесте, скидаю одежде, не читаю отпуста; и діякономъ дае владика и тѣло пресвятое, и кровію частною панои изъ чаше своіомъ рукомъ, а попови сами узымаю и тѣло и кровь, и сви чекаю до найпослѣднѣга И Богородице честь мећу едни от проскомидіе, а другіи мећу откуду и чинови. И на литургіи отпусть рече: «Воскресъ изъ мертвыхъ,» пакъ помене Іакова, перваго Єпископа, кои е писао службу, пакъ Константина и Елену, пакъ Златоуста, пакъ Іоакима и Анну, и всѣхъ Святыхъ. И литургію пою кадъ що хите, и пре свануħа, а кадъ не хите, онда начну служити, кадъ се поħе зора познавати; а када поħе на входъ съ 4 стране, каде трапезу, и обиду око трапезе сви. И у великой цркви не видѣхъ никада, да другій редъ трапезу каде, него теке кади оне, кои стое по олтару, и остави кадилницу. И на отпусту попъ свагда говори: «Пресвятая Богородице, спаси насъ,» и «Слава тебѣ упованіе наше, слава тебѣ,» и по Воскресенію до Вознесенія каѳизма навече не чате, кромѣ у очи недѣлѣ и полунощнице. И от Воскресенія до Вознесенія пре отпуста «Христосъ воскресе» не говоре, него кадъ рече отпустъ, онда рекне попъ «Христосъ воскресе,» трипути, и сви отговоре: «Воистину воскресе.» Тако све до Вознесенія говоре, и на почелу «Христосъ воскресе,» а «Пріидите» на «Благослови, душе,» не говоре, него «Христосъ воскресе.» «Воскресеніе Христово» кромѣ недѣлѣ, не говоре, и то единощи; а на «Хвалите» када има, пою, нити «Хвалите» чту, ни на стиховно говоре, него оставляю (веле, тое мещо онога); и кадъ е годъ было поліелей, вече каѳисма не чту, него после начну пояти: «Хвалите имя Господне.» И на Лазареву Субботу идосмо на гробъ Лазаревъ въ Виѳанію, пакъ на Єлеонску гору, одакле се Христосъ вазнео; око оне стопе има кубе, а око кубета была црква врло голѣма, дуга на истокъ съ олтаремъ 83 стопе, а у преко 114 стопа, и кубе широко и дуго 18 стопа; и гдѣ е святая трапеза была, стои нико-

лико зида, и надъ тѣмъ распеше шаторъ, и святише водицу, и пояше литургію, и проскомидисаше єдно до другога. И въ Великій Понедѣлникъ пойдосмо на Іорданъ от полнощи, и самъ Паша пойде, и сва Пашина войска да насъ прате и рецы чуваю Отъ Іерусалима на истокъ Гетсиманіи на ђедарски потокъ, пакъ на Виѳанію све преко сухи стѣна низъ брдо на Содомско море, и на конакъ падосмо кодъ рѣке, що иде исподъ Єрихона, и виде се куће Закеове, и съ те є воде Єлисей се изцѣліо. И заутра пойдосмо на Іорданъ тек се солнце помила, и писмо и купасмо се. Іорданъ єсть вода сладка зѣло и дубока врло, газити се не може, єдни пливаше, и ту бѣше гора, що зову Єрмонъ, ту се є и Христосъ крестіо, и выше насъ виђаше се монастырь Предтечевъ, и ту се Маріа Єгуптенина причестила, що пише у слову великогъ канона, и ниже насъ види се монастырь Герасимовъ, ємуже лавъ служаше, и близу насъ види се море Содомско, и туд су красна поля. И пак се вазвратисмо от Іордана, и на путу бѣше єданъ источникъ воде, великій святый Герасимъ молитвою извео, и у полъ дне сяхаше на полураву, запеше сѣти, и узеше от свакогъ харіе по 5 гроша, що насъ чува и прати; и паки на тай конакъ дойдосмо подъ Єрихонъ градъ, и на ту рѣку, и вышше тога конака види се градъ Єрихонъ пустъ; и исподъ планине єдна красна поля я садъ села сѣде, и ту близу конака у камену високу єсть пещера, гдѣ се Христосъ постіо 40 дни, и врло прискорбно єсть къ ньой пріити. И паки нападе страхъ великъ на насъ, не смѣсмо поћити, него пойдосмо заходещу солнцу: цѣлу нощь ходисмо преко планина, како кому конь може, и дойдосмо у Іерусалимъ у велику среду у полъ дне, и всего града люди бѣху изишли предъ харіє, све до Виѳаніє съ обою страну пути чловѣкъ до чловѣка стао неизчатено много множаство, и жене, и буле, и дѣца, Турцы и Чифути, и што є годъ вѣра на свету све изишло. И мѣсяца Ян. 20 идосмо у монастырь святаго Єѵѳѵміа на вечерню, и чинише литію, и попова 5 обуче се на входъ, и єданъ діяконъ брадатъ просѣдъ, и тако сви изыдоше на литію съ чалмами на главахъ, и свакій носи по свѣщу, док се литіа отпоя, пакъ свакій свою угаси и носи са собомъ; и иза свѣща изнеше воду от цвѣтія, и свему народу усуше по мало у руке, те се потрше по образу, и по брады, потомъ пронеше тепсію, те браше аспре, и метнуше 5 просфоры

врло голѣми, у сваку забодена по єдна свѣща, и гори, и тако всегда имаю обычай. И кадъ савршише вечерню, даше по 1 чашу вина ту у цркви, зане на полю иђаше врло снѣгъ, и за недѣлю дана и даньом и ноћомъ не преста; и кадъ пођосмо излазити, стало и дѣте предъ врати, те дае по залогай леба свакомъ у руку от пѣто хлѣбнице, а друго стои подалѣ, те držи коливо, те свакій узима по шаку, пакъ иду дома Тако и на срѣтеніє идосмо у другій монастырь, Сретеніє зову, и тако и ту бысмо себичне недѣлѣ, и то єсть у граду; и првый путъ изыдосмо из града ходити на врата кодъ Давідовы куђа, и мало пониже от Давидовы кућа президана єдна долина са свію страна, а оздо хоросан, и тако кажу дае градіо Соломонъ, те быо єзеро начиніо, те се возіо по воды, и играо се съ дѣвойкама, и докле є брдо Сіонъ, що є прежде градъ быо, а садъ сію жито, и много гробля има Христіанско. И томъ долиномъ отидосмо на Іоавовъ бунаръ, и тай бунаръ кажу 40 аршина дубокъ, пакъ и тада изъ нѣга тече рѣка, две бы воденице на поредо млеле, и мало пониже єще ключа вода оздо изъ землѣ, и васъ градъ ти дана и жене и дѣца ту идоше, носе халине те перу, и мало повише тога Іоавова бунара єсть село скуделниче. И ту гледасмо чудне пещере, изсѣчена куће бѣле, и гледасмо пещеру, гдѣ мећу, що пише въ погребаніє страннымъ И от того Іоавова бунара пойдосмо узъ другій потокъ сухій Кѣдарски подъ градъ Сіонъ, и видисмо мѣсто, гдѣ су Пророка Ісаію претрли, ту садъ стои голѣма гомила каменя, и ту є повыше подъ землю изведена вода от Силоама; и оттолѣ пойдосмо напредъ узъ потокъ далеко, не знамъ бы ли могла пушка дометнути до Силоама. И той бунаръ Солоамъ єсть изсѣченъ у здравъ камень у землю, и ніє управо сѣчено, него положито, има широко 5 аршина, и сврха 26 басамака. И оттолѣ пойдосмо узъ брдо, и дойдосмо подъ градъ Ієрусалимъ. И дойдосмо по краю бедена града Ієрусалима на мѣсту, идѣже єсть быо градъ святый Сіонъ, а садъ не йма града, него посѣяно жито, токмо на среди велика црковь, и куће колико за два голема монастыра, и ту Турцы Христіанину улѣсти не даду; и ту є тайна вечера была, и ту є се Петръ отвргао, и ту є пѣтлъ возгласіо, и садъ ту єсть пѣталъ уписатъ, и каменъ, гдѣ су Христа посадили; и ту є сошаствіє Святаго Духа было. И паки у Субботу на задушнице изыдосмо на градска врата

на святый Сіонъ, и ту чтише молитву на гроблю, пакъ снидосмо низъ брдо святый Сіонъ, те дойдосмо на село Скуделниче, а ту има церковь подъ земліомъ, и отпояше литургію, и изыдоше надъ гробницу, и док се гробницы врата отворише, и литургіа се отпоя, и паки затворише, и чтише коливо озго над гробницы, и на коливу каѳисма не чтише, него канонъ, и на свакой пѣсни діяконство рекоше, и редомъ на свакогъ попа по една молитва и возглашеніе бысть, а владика найпре, и дадоше пшеницe и по залогай хлѣба, и по чашу вина, пакъ дома. И пакъ дойдосмо у бѣлу Субботу заутра на Єлеонску гору, и то есть према граду, и пойдосмо от гроба Христова, и видисмо. гди су биле пређе Христова распетія града врата, и садъ стое, и отъ толѣ могао бы лѧготе два путъ из праще дометнути каменомъ, и от ти врата све дућани ћемерли, има 100 дућана, све пусто, токмо гной и боклукъ, и кажу кадъ су Христа пропели на распетіе, те му су се ту дућанџіе насмеяли, те и е Христосъ проклео, за то су пусти. И идући преко града, видѣхъ мѣсто на камену, гдѣ е Христосъ сѣо, или реку посрнуо, кадъ є крестъ носіо, и то е премо кућа оногъ богатогъ, щоно Христосъ у Єvaггелію пише, що му не ће имена да помене, а име му е Навалъ, и то е Христосъ премо тому приказомъ посрнуо, и отдатле су дали понести крестъ Сνмону Кνринею, и то есть средъ града. И пойдосмо колико бы два путъ каменомъ изъ руке дометнуо, отдатле е Христосъ крестъ понео; ту су были Пилатови дворови, и садъ има сводъ преко сокака одъ они кућа; и оттолѣ пойдосмо кући Іоана Богослова Отца, що е продао, пакъ купіо на святомъ Сіону, и оттолѣ велика црква была, що е Соломонъ правіо 40 лѣтъ, а садъ една црква, що е зову Соломонія, а другая Святая Святыхъ на томъ мѣсту, а удалена стои међдан и духарови, и Христіянину улѣзти не ладу, и чини ми се колика е дужина, пушкомъ два путъ бы ли могао дометнути, а прѣмо тому а ширина, и предъ тимъ мѣстомъ има ровъ голѣмъ, едва бы каменомъ изъ руке добаціо преко нѣга, тако е и ширина и дужина; ту су Пророка Іеремію убили, и садъ рупетина се види голема. И предъ тимъ преко сокака видисмо куће Іоакима и Анне, и ту есть црква голема, и мали много цркви, и ту подъ црквомъ пещере многе; ту кажу, да се Богородица родила, и међу црквомъ и кућами баща има за 15 аршина дуга и широка,

и имаю садъ 3 неранђа, поне бѣху ружица, єще єрѣвія 4 и 5; ту, кажу, кадъ се Анна молила Богу, те видила птичіє гниздо, а сада то затвора Турчинъ, теке стои пусто, и близъ ту видисмо бунаръ, овчую купѣлъ, що пише. И оттолѣ изыдосмо из града на врата, що иду на Єлеонъ, и на ти врати унутра нѣко чудо кажу: Аггелъ притискао рукомъ каменъ, и садъ се види, и ту цѣливасмо, и испредъ града пойдосмо низ брдо, и ту видисмо мѣсто, гдѣ су святаго М. Стефана каменіємъ побили, и ту поклонисмо се и цѣливасмо, и дойдосмо на потокъ Кедарскій. И ту є была весь Гетсиманія, и садъ има црковъ голѣма, и на средъ цркве гробъ Богородице, и кубе око гроба, и вратца на кубету двоя, и у ту є цркву у землю сиђи 65 басамака, а горе равна со землiомъ, и ту 3 олтара, и ту є вода святая у цркви, и вадише, и писмо, и умывасмо се, и ту су гробови Іоакима и Анне, и ту сваке субботе у великій постъ доходисмо на литургію поємо, и цѣливасмо Богородице гробъ, и поклонисмо се. И мало пониже предъ томъ црквомъ видисмо рупу подъ землю, те веле отдатле ће огнана рѣка потеђи, и єдни загледаше, али я не хтеде; и ту посредъ те цркве єсть пещера голема подъ землю широка, що пише вртоградъ, гдѣ су Христа ухватили, и кудъ су се Апостоли крыли, и видѣхъ ту мѣсто, гдѣ су Апостоли спавали, и Христосъ отишао яко вржєніє камена, и рекао: «Отче, аще возможно» и проч., и помоліо се, и ту цѣливасмо, и повыше има мѣсто, гдѣ є смоковницу Христосъ проклео, и ту подалѣ видѣхъ, гдѣ є поясъ съ Богородице пао. И изыдосмо на Єленску гору, ту видѣхъ, отдакле се Христосъ вазнесао, и има єдна стопа десна у камену утопила се, а другу кажу, да су Римляни отнели, и ту Арапи чуваю, и Турцы изыдали тулбе надъ стопомъ, и пониже има мечитъ, и они затвораю, и отдатле видисмо Іорданъ, и Содомско море, и пониже има єданъ брегъ, те се на нѣмъ види громила каменя, и ту веле, да є Соломонъ быо кумира метнуо. И выше Єлеонске горе има друго брдо голѣмо, те веле, то се є звала Галилея Іудейска, и тудъ се покланясмо, и паки се возвратисмо въ Іерусалимъ 22 Февр. И у Чистый Четвртакъ изыдосмо изъ града доломъ, що се зове юдоль плачевна, и дойдосмо у монастырь святаго Савве Освященнаго, у юдоль плачевну, у литицы прелеплѣно кано ластавиче гнѣздо, има градъ наоколо, и єдна кула унутра, а друга ванъ. И испредъ

цркве до куле 9, 90 басамака, и узъ кулу 51, и у кулы увѣкъ сѣди єдинъ чрнецъ, чува стражу, а изъ куле уже привезано предъ црквомъ, и на ужу 4 звонца, и кадъ кога види, гласъ дає; а црква высока на ћемеръ, и труло на цркви, пенџера 20, црква дуга 120 педіи съ олтаремъ, и у олтару до трапезе 13 педіи, а иза трапезе 16 педіи, а пѣвница не іима, а широка є црква 35 педіи. До Христове иконе Архаггелъ Гавріилъ, пакъ врата, и на врати уписанъ Христосъ на трапезы, и Петръ Александрійскій: «Кто ти, Спасе, ризу раздра?» и надъ врати на ћемеру Таіна Вечера, а иза врата Святый Савва, и надъ дверма снѣтіє Христово съ креста, и надъ проскомидискими врати Авраамово гощеніє, а надъ другими врати два канона Творца, и Святый Николає, єще єдинъ Святитель, и врата 2 ката, и на врати брава, и надъ двери изнутръ ключаоница, и до Богородице иконе Архаггелъ Михаилъ, и иза врата проскомидійскіи Предтеча Іоаннъ, и надъ икономъ Рождество и Усѣкновеніє. И видѣхъ пещеру Іоанна и Аркадія; и ту є въ юдоль плачевну съ обею страну безчисленно множество пещера замакло се Содомскомъ мору, и тудъ се покланясмо, и паки возвратисмо въ Іерусалимъ.

И у подне 2 недѣлѣ поста пойдосмо у Виѳлеємъ Святый, и первѣє видисмо на пути каменъ, и надъ нимъ смоква, и веле, ту є Богородица сѣла, кадъ є шила трудна у Виѳлеємъ. И мало оттолѣ пойдосмо, и видѣхъ бунаръ на путу, и одатле су се возвратили волсви инымъ путемъ въ землю свою. Єще мало пойдосмо на обрѣжакъ, и ту єсть мѣсто у камену подъ смречіємъ, гдѣ є святый Иліа заспао, пакъ га Аггелъ пробудіо и рекао: «Востани, яждь, яко далекъ ти єсть путь 40 дній и 40 нощій», и одатле є отишао на Синайску гору, и удалило се мѣсто у камену, гдѣ є лежао, и премо тога єсть монастырь Святаго Пророка Иліє врло готѣмъ. И ту има єдна икона чудотворна, и ту нѣкакове вериге стоє, те се крозъ ни промеђемо, свето то држе. И оттолѣ пойдосмо, и видисмо каменъ, гдѣ є Богородица съ Христомъ скрыла се. И оттолѣ подалѣ видисмо око пута каменице као похуть, вели, учинила се каменъ одъ похута; рекао Христосъ: «Шта сѣешь, человѣче?» а онъ рекне: «Каменъ;» тада рекао Христосъ: «Каменъ ти и было!» Єще пойдосмо и видисмо гробъ Рахиле, матере Іосифа прекраснаго. И ту премо гробу видѣхъ домъ Еуфрамовъ, и садъ села зову: види се 7 кула стари, и градъ наоколо. И дойдосмо во Виѳлеємъ, и

ту, гдѣ се Христосъ родіо, есть велика црковь, пѣвнице широке 156 педій, а от олтаря къ владычну столу 70 педій, а от владична стола у дулину до преднѣ препрате 132 педій, и у той средной препрати 112 педій, и у ніой дирека мермерни 48, и 20 пенџера, и сва была пописана мусіомъ, и садъ има нѣколико образа, али е много покварено; препрата е дуга 30 педій, и наоколо ћемеръ свудъ, а среда рогови дрвени, и оловомъ покрывенно, и едно труло предъ олтаремъ; и паки изъ обію пѣвница басамацы у пещеру подъ олтаръ велики. Изъ едне 16 басамака, а изъ друге 13: ту е мѣсто, гдѣ се Христосъ родіо, подъ каменъ пещера, т. е., вертепъ, и ту мѣста окована сребромъ, ту гдѣ се родіо, има кандила много, и има 4, или 5, аршина обративши се на западъ, ясли пониже 3 басамака, и ту гору кандила много, и посредъ тога есть мѣсто, гдѣ су волсви стали, кадъ су Христа видили, и ту горе кандила; и по той пещери озго комашомъ по камену прострто, а патосъ мермеремъ, и ясли мермеремъ. И ту мало по далѣ, рецы 10 аршина, мѣсто, гдѣ су воду просули, кадъ су Христа окупали, и ту кандило горе, и мало проћи на врата, те има мѣсто замржено гвоздіемъ, гдѣ су младенце за Христа заклали у пещеры, и ту кандило горе, и има предъ томъ великомъ црквомъ мѣсто као предворіе 60 аршина дуго, а широко 40, и садъ е патосъ, и мѣсто наоколо, кудъ су сѣдили, кадъ изыду изъ цркве, и има бунаръ истеранъ и крестителница много голема от камена. И ту е быо монастыръ, и садъ стое калуђери, и ту види се близъ планиница Сигоръ, гдѣ е Лотъ от Содома побѣгао, и дошао до Сигора, и видисмо мѣсто и планину, що зову Авраамъ, гдѣ е Авраамъ Святую Троицу учредіо, и садъ есть дубъ зеленъ, и близъ есть Виѳлеема, не знамъ, имали сатъ хода, и веле, от Виѳлеема до Іерусалима 2 сата хода. И идосмо на поле, гдѣ е Давидъ Голіата побѣдіо, и то поле есть големо, и на томъ полу пещера, гдѣ су были пастыри, кадъ су Аггели пояли: «Слава въ вышнихъ Богу».

И от Виѳлеема пойдосмо на Крестъ монастыръ, и ту видѣхъ мѣсто подъ святомъ трапезомъ, гдѣ е древо усѣченно честный крестъ, и има благоуханіе велико, и замржено гвозђемъ, и есть олтаръ дугъ 33 педій, а широкъ 30 педій, и есть проскомидіа, башка от олтара, и у дулину от олтара 60 педій, а у ширину 60 педій, а препрата 20 педій, едно труло на церкви, сва е на сводъ, и двѣ иконе Христове, и до нихъ Аггелъ,

і 2 Богородице до нихъ. И у темну 12 Апостолъ, и на среди ·юленіе, и горѣ крестъ, и око двери духаръ, исподъ иконе Светцы по духару пописани. И ту есть патосъ ситанъ, колико малый юкатъ, и многоразлично, бѣло яко снѣгъ, жуто, зелено, чрно, злаветно, чрвено угасито, плаво, све лозе сплетене свакояке, по нихъ звѣрови, птице, рыбе, зміе, чудити се есть, кое е много украшеніе въ той цркви. И ту есу три цркве, Архаггелъ, Успеніе, Николае, и градъ наоколо, и ту поклонисмо се и частно древо цѣливасмо; и то есть близъ Іерусалима полъ сата хода. И поидохъ от Креста монастыра къ Іерусалиму, и видихъ на пути, гдѣ хотяху Іудеи побити каменіемъ жену блудницу, и рекоше Христу: «Что ты о ней глаголеши?» ту Христосъ писа прстомъ на камену: «Кто не йма грѣха, тай првѣ да вржетъ каменъ на ню;» и не обрѣте се човѣкъ безъ грѣха; и ту цѣливасмо писмо Христово, и дойдосмо у Іерусалимъ.

И вторе неделѣ поста у четвртакъ пойдосмо изъ Іерусалима, и пойдосмо, що зову Богородице вода, и паки мало подалѣ дойдосмо, що зову Филипова вода, гдѣ е Филипъ каженника крестіо, и оттолѣ пойдосмо преко страна и каменя, и дойдосмо, гдѣ е Елисаветъ, кадъ е лежала, рекла: «Горо, пріими матерь съ чедомъ,» и расѣо се каменъ, и пріиміо, и ту зна се, гди Предтеча рукомъ вазео каменъ, и садъ 5 прста у камену, и ту истиче вода лѣпа, и пихъ и умых се, и ту су зидине бѣле цркве много, и ту есть вода обличенія близу, гдѣ напои Захаріа Богородицу и Іосифа, да обличи водою, откуду заче Богородица дѣвица, и не возможе обличити, зане побѣже вода въ землю, и ту пихъ и умых се, бунарић и садъ. И паки дойдосмо на мѣсто, гдѣ се Предтеча Іоаннъ родіо, идѣ же во горняя съ тщаніемъ въ градъ Іудовъ, и вниде у домъ Захаріинъ, и ту есть велика црква, а садъ Вренцы поновили и држе. И есть у той великой цркви поредъ олтара на сѣверну страну у землю 7 басамака подъ каменъ у пещеру, ту се е Іоаннъ родіо, и ту кандила гору много, и мермеромъ све украшено, и остало мѣсто, како може рука улѣзти, и то сребромъ оковано, и ту цѣливасмо, и тудъ ходећи на два мѣста, хоћаху насъ Харапи па каменемъ побити, док се парами не заязише. И оттолѣ пойдосмо на Крестъ монастыръ, и паки въ Іерусалимъ. И паки пойдосмо изъ града на врата, що су се пређе звала Дамаскова врата, и садъ зову Шамска врата, и дойдосмо у пещеру, гдѣ е Варухъ спавао 62 лѣта,

и то єсть близъ града, мало не може се каменомъ довћи до града. И паки пойдосмо изъ града на врата, що су на Іорданъ и ту ниже пута єсть гробъ Авесалома, сына Давидова, и надъ гробомъ тулбе лѣпо, и ту су стари пророчеви гробови много, и мало повыше того Авесаломова гроба єсть мѣсто на камену, гдѣ є Христосъ бреніє сотворіо и помазао очи слѣпорожденному. И дойдосмо у Виѳанію, и ту улазисмо у гробъ Лазаревъ, има 30 басамака, и ту є была црковь голѣма, пакъ Турцы учинили мечитъ, пакъ садъ пусто и развалено; и идосмо на каменъ, гдѣ є Христосъ сѣдіо, кадъ є изышла сестра Лазарева, кадъ є ишао воздвигнути Лазара, и каменъ тай помасчакъ, и ні є како то око нѣга каменѣ, него каменъ тврдъ преко нѣга плаветне стреке, и има далеко от гроба Лазарева, у два бы путь пушкомъ дохитіо, и паки дойдосмо у градъ пре часова. И паки инъ день поведоше насъ у градъ по монастыри, и первѣє изъ монастыра Архаггела у монастыра Святаго Димитріа, пакъ у монастыра Святаго Николи Мурлиѣнскаго, пакъ у монастыра Богородичанъ, отдатле є, вели, гледала Богородица, кадъ су Христа распиняли. Пакъ у монастыра Сретеніє, пакъ у монастыра святе Екатерине, и Святаго Георгіа, 2 монастыра; рекоше, коє у граду, коє око града, 20 цркви има. И на 26 места насъ воде, и на свакомъ мѣсту милостыню ищу. И има монастыръ, зову Авраамъ, црква маска, и на средъ цркве єсть мѣсте, гдѣ є Авраамъ хтео сына заклати (и ту пониже єсть древо, гдѣ є быо ованъ привезанъ), и то єсть до онога мѣста, гдѣ су Христа распели, не знамъ, имали 8 аршина, духаръ раставіо, и єсть предъ врати велике цркве мѣсто пространно широко 94 стопе, а у дулину 77 стопа, было пређе на сводъ, а садъ се оборило, то є была препрата, али ні є затворато, него онако стаяло, и садъ стои от допрека темель, що су пређе были сводови. И у той препрати от врата велики на истокъ кубе красно: ту є Маріа Египтянска Богородице видила образъ, що є къ ніой бесѣдіо, а садъ є то зазидано те учинена црква, и до те цркве єсть дирекъ, и на тай дирекъ Святый Духъ стао, кадъ є на Патріарха сишао, и то єсть, на десну страну врата велики, а на лѣвой страни врата єсть, дирекъ посреди пукао, гдѣ є Святый Духъ от гроба изашао, и ту су врата врло голема, 5 дирека на среди, а по 5 на два края, теке є полакъ сада зазидано, а полакъ и садъ служи 2 каната,

свакій канатъ по 12 педій широкъ, и висину измѣрити не могохъ, и надъ врати чудна красота, лозе изваяне у камену; и ту свакій день цѣливасмо. И ту има єдинъ каменъ, кадъ є рекла Богородица, да ми є, да видимъ Сінайску гору, те є донео Аггелъ два камена и рекао: «Ако желишь Сінайску гору видити, то єсть каменъ Сінайске горе, те се нагледай;» єдинъ стои ту, а другій у другой цркви, и гори надъ нимъ кандило всегда. И до те цркве єсть црква Іакова брата Божія. И идосмо у две куће, гледасмо, гдѣ є Псалтиръ писао, єсть пенџеръ, и ту гори кандило всегда, Турцы жегу; и єсть на пенџеру мѣсто у камену удолито, и то, веле, да се є Давидъ наслоніо, кадъ є Псалтиръ написао, те се лакатъ утопіо у каменъ као у снегъ, и ту цѣлуємо, и то є замрежено донекле желѣзомъ, те се преко гвозђа пребисажимо, докъ цѣливамо. И идосмо у монастырь Святаго Георгіа, и прійдосмо въ село Бежалу, и ту се родило 12 пророкъ, и ту црковь Святаго Николая, и поклонисмо се ту. И аще хощеши разумѣти о вратіихъ града Ієрусалима: 1 Виѳлеємска, 2 Сіонска, 3 Идумейска, 4 Рантска, та су зазидана, та су на великой цркви Соломоновой, ту є Христосъ улѣзао на цвѣтоносія, и кадъ су Турцы узели градъ, пакъ кой годъ ту улѣзао на та врата, свакій пао мртавъ, та и зазидали; 5-я врата Гетсиманиска, 6-я Шамска. У Ієрусалимски устави црковни литургію съ ютреньомъ пою, не растаяю, и безъ поста и у посте, кромѣ преждесвященне, кадъ виде, да се поће зора познавати, ютреню не савршую, него проскомидише, а овамо чту утреню, и кадъ не буде доспео, чату када 1 часъ и она 2, и попъ предъ частномъ трапезомъ «Царю Небесный» не чти, него како проскомидише, кади олтаръ и око двери иконе, и кой є чтіо часе, рече «Достойно,» и попъ рече отпустъ малый, никога не поминѣ, ни дневи ни светца, а на проскомидіи отпустъ не говоре, тако чине всегда; и док рекну: «Миромъ Господу помолимся,» не затвораю двери никадъ, и кадъ говоре: «Помилуй насъ, Боже,» двери не затвораю, или на литургіи, или на вечерни, или на утрени, кадъ попъ у олтару говори, двери отворене стое, и на томъ діяконство поменуће 50 или 100 имена, ієромонаха и монаха и єреа, именую, кто є кога чина, а простимъ теке имена броє, а веће ниңа не говоре, и усопша имена после живыхъ поминю, пакъ возглашеніє: «Яко милостивъ,» а ставе коливо предъ Христовомъ икономъ на земли, и попъ кадилницомъ

кади и говори діяконство, и имена поминѣ, потомъ и молитву велегласно кано и діяконство, и на молитвы имена поминѣ, и возгласъ, потомъ рече отпустъ вечерни, и изнесу предъ врата, и како кой излази, тако и узима шакомъ, како кой може, проспу и по земли; тако и на литургіи у субботу. И люди носе по єдну просфору, и колико годъ свечара, или усопшіи, от сваке ће метнути честь на дискосъ, изъ слова не вади, него отреже от сваке по ускраякъ, те метне у нафорницу; изъ єднога ускрайка извади Богородичанъ изъ проста мѣста, а ні є изъ слова, и чинове меће изъ ускрайка по єдну честь, или по две, или по 3, како има просфори, како ће изъ сваке извадити, а оне двѣ врсте не меће, него узму ускраякъ, те от нѣго мрви на єдну громилицу много, и поминѣ много и мртве и живе, и чинове изъ проста хлѣба, а ні є изъ печата съ лица просфуре, а ні є изъ нутаръ. И предъ великій входъ, кадъ хоће попъ поминати, дигне покровацъ съ агнца, пакъ донесе онай ускраякъ, те от нѣга мрви, а звѣзде не диже, и поминѣ, кой годъ хоће, кано и напрѣ, пакъ покріє те носе на входъ; тако и владике поминаніє творе, каде служе. Кадъ ваде агнацъ за преждесвященну, на сваки агнацъ башка крести вино и воду, и сипа у путиръ на сваки агнацъ редомъ, и єдни осталяю у субботу 2 агнца за среду и пѣтакъ, а у недѣлю не осталяю, а другіи у субботу не осталяю, него метну у недѣлю по 6 аганцевъ, те свакій день пою преждеосвященную. На преждесвященной на преносу попъ лѣвомъ рукомъ држи агнецъ, и пройде близъ свѣщника, а не йде наколо, а двери стоє оттворене, и попъ стане предъ трапезомъ, кадилницею кади и поє: «Да исправится молитва моя,» и свѣщеносацъ стане сазади трапезе премо попу, држи свѣщу, и како отпоє: «Да исправится,» и стихъ очти, а не поє; пакъ поє десный ликъ, а попъ проће от южне стране, а свѣща премо нѣму зрѣ на западъ, и ту кадъ очте святыхъ, паки поє лѣвый ликъ, а попъ проће за трапезу, зрѣ на западъ, а свѣщеносацъ премо нѣму, и ту кадећи очти стихъ, пакъ попъ проће на северну страну, а свѣщеносацъ премо нѣму, и ликъ поє, и ту попъ кадећи очти Славу и нынѣ, и пак попъ стане предъ частномъ трапезомъ, зрѣ на истокъ, и свѣщеное за трапезомъ, и ту пак попъ поє: «Да исправится,» до полакъ, и оба лика заєдно: «Воздержаніє руку моєю,» а попъ умукне, а метаніє ни єдно. И при-

ика по црквахъ видихъ и говоре; едну говорише на Святаго Евміа, другу на Сретеніе, треħо на Ђетсиманіи Архіепископъ Сінайсій, 4-ту у великой цркви на живоносномъ гробу; въ неделю рестопоклонѣну све по лѣтургіи, и на Цвѣтоносія на утрени. И монастыру Святаго Саввы, Србски монастырь, трапеза широка 5 едій, а дуга 4 педій, и высоко кубе. Висока трапеза от земѣ 4 педій и 3 прста, премо тамъ и проскомидія, и на живоноомъ гробу от велике цркве до велики врата до среднѣ цркве 8 стопа, и има преграде 1 аршинъ, то е одесну страну до игумова стола, а от лѣве стране до захода 51 стопа, и захода есть 12, г преграде до гроба 38 стопа, то све у папуча. Кубе надъ громъ дуго, сій рече, на истокъ и на западъ 36 стопа, и иза гроа до свода 22 стопе, и ту иза гроба Христова гробъ Іосифа и Никодима, и за великаго олтара 14 стопа, и мали олтари по 14 гопа. И от двери 18 стопа далѣко діяконъ стои, кадъ діяконтво говори одатле и кадѣ иконе око двери, никадъ ближе не ду, и све надсвѣщнике иду. И на отпусту діяконъ кадъ рече: Премудрость», на колу рече, или наближе проскомидій, пакъ иде а проскомидіиска врата, и кадъ хоще попъ, да чти Євангеліе у лтару на утрни, діяконъ изийде на коло те рече: «Господу поолимся,» «И осподобитисе,» и «Премудрость прости», пакъ иде у лтарь на около И види ровъ, гдѣ братія навргоше Іосифа прекраснаго. И ту сѣдисмо 98 дній, и ходисмо на свакій день по вятыхъ црквахъ, и покланясмо се, и на живоносни гробъ ухожасмо на сваки праздникъ, по день и нощь унутрь у цркви пребывасмо, молеще и благодареще Бога. И ката день праздника, угоцеваху насъ и частъ твораху намъ іеромонаси. И благословенія се сподобисмо от Отецъ Святыхъ, и прощеніе и даръ пріесмо.

И пойдосмо изъ святаго Іерусалима 17 Априлія съ радостію и страхомъ многіимъ, славеще и хвалеще Бога, сподобившаго насъ толицѣй части и славы недостойніе, найпаче и богопомазанія от непреподобни Харапа, и до Яве за два дни доста быхъ и кравви глава. Пойдосмо ва вторникъ велми заутра по святомъ Ѳомы, и пройдосмо село Добри Яковъ, тако се зове, и паки пройдосмо Еммаусъ, и еще многа села и гради пройдосмо, и дойдосмо на конакъ у Ренье, и оттолѣ заутра пойдосмо, и дойдосмо у Яву у полъ дне, и пройдосмо Ђесарію Филиппову, и Кармилску гору, и Акру, и монастырь святаго Иліе, и Тиръ, и Сидонъ, а близу е Яве

види се покрай мора. И видѣхъ единъ монастырь пустъ и градище пусто, и многе планине пройдосмо, и ту видисмо планину Хоривъ, гдѣ се є святый Иліа постіо; 5 лађи насъ бѣше пошло заедно, и 5 Маіа заутра у петакъ видисмо острово Ћипарско, и ва вторый сахать нощи араксаше у краю, и кадъ месецъ изиде, пойдосмо по краю. И заутра 2 сата дне видисмо 2 шайке курсана Вренски, и вратисмо се на море, побѣгосмо, и то бѣше подъ градомъ Ћупромъ, и того ради не могосмо доћи у Ћупръ градъ, гдѣ є Святый Лазаръ. И пройдосмо многе планине, и дойдосмо у градъ, що садъ зову Павлъ, ту су Апостола Павла били, що пише у Апостолу, палицею біенъ бысть 40 кратъ, развѣ единою; и садъ стои дирекъ каменни, за кои су га били везали те били. И то є біо градъ голѣмъ, пакъ су га Вренци разметнули, било 390 црквы, а садъ разорено, и помалу пусто, и има ту Турака и краю Грци. И кажу у томъ Ћупромъ острову има 40 хиляда села и ту бысмо на Богослова, и тогда пойдосмо на велико море и на пренесеніе мощей Святаго Отца Николи, и заутра насъ тѣра една шайтія, и даде Богъ утекосмо, и у полдне галунъ, и от того и окренусмо се на ину страну. И у петакъ еще дѣли день и нощь 11 Маіа. узрѣсмо противну шайтію, и окренусмо на ину страну, и узрѣсмо предъ нами галунъ Малтезски, и оцѣненѣсмо от страха, и возописмо къ Богу вси, и не бѣ помогающаго, бѣху бо превозмогли грѣси наши, и посуше Турцы яко градъ, и бысмо се изсѣкосмо, и все вазеше Малтези, и еданъ од Малтеза паде мртавъ, и два се раннше, и от наши 4 се раннше, и све съ насъ скидоше и кошулѣ, него теке наге и босе изметнуше на край на пѣсакъ, и единимъ дадоше свое раздрте кошуле и алине, що невалія, и біяху с нами 4 Чивутина, и нихъ разбише и отнесе и у свою землю и нашу лађу отнесе. И то быхъ подъ градомъ, що зову Финићіа, и дойдосмо голи и боси по тернію и по остромъ каменію у Яцію подъ градъ Финикъ, и ту подъ градомъ закопасмо се у иверѣ, те тако преноћисмо, и ту нађосмо 3 лађе нашега друштва хаџіа, и подѣлише намъ що ща, комъ кошулю, комъ гаће, комъ капу, комъ мараму; біяше насъ оплѣнѣни хаџіа 65, а онѣ друге хаџіе веће не смеше пћи моремъ, него отидоше сухомъ, Анатоліомъ сухомъ Цариграду, а насъ оплѣнени 34 найдосмо капкъ да сь отнесе у Родостъ. И прву нощь пойдосмо подъ градъ Мvръ, и кадъ се разсвану, видисмо галуна на богазу предъ нами, и ту

чекасмо 3 нощи и 2 дны, докле се галунъ уклони. И еще много градова и села пройдосмо за 18 дни до Родоста града, и Родостъ есть у ади, и тай градъ есть чуднъ, тврдъ и красанъ, а градили га Малтези, и премо нѣму есть другій градъ у Анатоліи, Малтезски біо прежде, а садъ Турцы у нѣму. И оттолѣ дойдосмо у Станћое, и то есть градъ и варошъ, и воденице многе вѣтреннѣ, и дойдосмо у Саказъ градъ у той ади Саказской, или рецы вилаету; има, кажу, 390 цркви, то е прежде звато Хія. И оттолѣ дойдосмо подъ Трой градъ велики, и велми се чудисмо толикомъ величаству, и есть у Анадолиской страни покрай мора. Види се и садъ зидови, нѣгдѣ те нѣгдѣ пусто и раскопато, види се покрай нѣга воденице многе, Турцы от нѣга и садъ носе и зидаю градове. И дойдосмо на Калиполъ, сій рече, добрый градъ, ту су Турцы напрѣ море прешли, ні е шире мало выше за два Дунава, ту су прешли на Србску землю, и ту имаю са обою страну градови и вароши, и поля красна равна съ обою страну. И дойдосмо подъ варошъ Мармару, и то есть у ады, и ту нощевасмо; и выше те аде есть мѣсто на мору, кадъ су Латини носили святу трапезу изъ Софіе, те е ту пропала изъ лађе, и садъ от нѣ мνро на мору излази, и кадъ е тихо море, могу люди купити, и види се по мору мνро.

И дойдосмо у Цариградъ мѣсеца Іуніа 12 данъ, ту видисмо великій градъ, прегледати се не може, мнит ми се, да и на земли таковаго голѣма не йма, и ту видѣхъ велику црковь Софію. И пойдохъ въ неделю съ Григоріемъ заутра къ Патріарху Цариградскому, и бысмо на утрени и на литургіи, и отидосмо на конакъ. И ту видѣхъ кодъ Патріарха, найпре поминю Цариградскогъ, пакъ Іерусалимскаго. И пойдосмо изъ Цариграда мѣсяца Іюліа 2, и 3 дни идосмо покрай мора на Солунску страну све, и ту видѣхъ 1 мостъ, има миля хода преко нѣга от мора, и тудъ су лѣпа поля; и дойдосмо на 9 конакъ у Филиба, варошь велми голѣма, и градъ се зна, кудъ е быо, и кажу, да е тай град изъ темеля зидао Филипъ Драгиловићь, и ту дановасмо: и ту пакъ десетый конакъ у Пазарџикъ, 6 сати хода от Филибе, и ту дановасмо; туд су планине и овце стое много по планины, а зимѣ иду к мору. Оттолѣ послѣ великогъ пута дойдосмо у Софію, и то есть варошъ голѣма, а градъ не йма, ні е ни было, у равну полю голѣму, има Христіяна много, и ту у

єдной цркви Краль Милутинъ Сербскій цѣлокупанъ. И заутра пройдосмо велике планине, що се зову гора Ежевица, и дойдосмо на Мораву на мостъ, и ту се превозисмо на лађи, и заутра пройдосмо, що зову Нова Паланка, плотъ улеплѣнъ, Турцы зову: Деве багрданъ, сій рече, Камиля рѣка, буде зла те не могу Камиле прећи, него се разчеплюю. И потомъ дойдосмо у Батучину, паланка, плотъ улѣпленъ и ханъ голѣмъ. Конакъ 19 у Асанпашиной паланки, варошъ и плотъ улѣпленъ, и пройдосмо Коларе, и ту паланка улѣплена, и идущіихъ видѣхъ с планине, градъ Смедерево по край Дунава от Бѣлиградске стране, ниже Гроцке. И конакъ 20 у Гроцкой, и ту варошъ и ханъ, и паланка улѣплена, и Турцы зову Исарџикъ. И конакъ 21 у Бѣлиградъ. От Ниша до Бѣлиграда 44 сата хода, а от Ниша до Ягодине 20 сата хода.

ОБЪЯСНЕНІЕ НЕПОНЯТНЫХЪ СЛОВЪ

Ада, островъ.
Авлія, aula, дворъ.
Али, ἀλλὰ, но.
Алина, халина, одежда, платье.
Апсія, хапсія, узникъ; ἀψίς, узы.
Аспре, деньги.
Бакаръ, мѣдь.
Барякъ, знамя.
Басамакъ, ступень лѣстницы.
Бацити, бросить, кинуть; добацити, добросить, докинуть.
Башка, оссбенно, отдѣльно.
Башча, огородъ, садъ.
Бедемъ, беденъ, каменная стѣна.
Безпослено, безъ занятія.
Билюръ, хрусталь.
Богазъ, проливъ.
Брава, замокъ.
Брдо, гора.
Брегъ, холмъ, берегъ; обрежакъ, холмикъ, возвышенность.
Брой, счетъ; броити, считать; наброити, насчитать.
Була, женщина, жена Турка.
Бунаръ, источникъ, колодецъ.
Буна, возмущеніе; бунити, возмущать; побунити, возмутить.
Буниште, мѣсто для сора.
Бѣла субота, сыропустная суббота.
Вадити, брать откуда; извадити, вынимать.
Ванъ, вонъ, внѣ, извнѣ.

Варошъ, городъ.
Веће, већъ, више, больше; еще; уже; и; но.
Већи, большій.
Велимъ, велю, велишъ, веле, вели, говорю, и т. д.
Верста, рядъ; ровня.
Вилаетъ, область, страна, земля.
Витао, колесцо, rhombus.
Воденица, водяная мельница.
Врло, очень.
Вренци, Франки.
Газити, бродить въ водѣ; прегазити, перебрести.
Галія, галунъ, галера.
Гаће, штаны.
Гвожђе, желѣзо.
Година, годъ.
Големъ, большой, огромный.
Гомила, громила, куча, множество, толпа; могила.
Градъ, крѣпость, твердыня, за̀мокъ.
Грана, вѣтвь.
Греда, перекладина; бревно; брусъ.
Гробле, кладбище.
Гроздъ, виноградная вѣтвь.
Гуштеръ, ящерица.
Данасъ, днесь, сегодня, теперь, нынѣ.
Дебло, стволъ, стебель; пень, кряжъ; корень.
Джамія, мечеть, Турецкій храмъ.
Дигнути, двинуть; поднять.
Дирекъ, бревно, брусъ.
Довући, привлечь, притянуть; привозить, довести.
Докъ, дока, пока.
Дубокъ, глубокъ; дублина, глубина.
Дугъ, долгій, длинный; дужина, дулина, должина, длина.
Дућанъ, торговая лавка.
Духаръ, каменная стѣна.
Дяконія, угощеніе; лакомство.
Євтино, дешево.
Жито, хлѣбъ вообще; пшеница (въ Воеводинѣ); просо (въ Хорватіи).

Жижакъ, ночникъ, свѣтильникъ.
Жутъ, желтый.
Задушнице, поминовеніе умершихъ въ Рождественскій мясоѣдъ, рѣже въ Троицкій; собственно же задушнице въ мясопустное воскресенье, почему и называется задушна недѣля.
Залогай, кусокъ, ломоть хлѣба.
Замакнутисе, погрузиться, потонуть.
Замркнути, быть застигнуту мракомъ, вечеромъ, ночью, овечерѣть.
Запрега, передникъ; ноша; большая тяжесть.
Засуђи, засыпать, завалить.
Заязити, запрудить; удовольствовать.
Згодитисе, случиться; згода, случай.
Зейтинъ, деревянное масло.
Зидъ, стѣна; зидати, созидать, строить; зазидати, замуровать.
Иверъ, стружки.
Ископати, выдолбить, вырѣзать.
Истогодъ, что ни есть.
Кадія, судья.
Кава(фа), кофе; кав(ф)ана, кофейня.
Каикъ, лодка.
Калуђеръ, чернецъ.
Калупъ, форма, модель, образецъ.
Калчине, чулки, онучи.
Кано, какъ.
Капа, шапка.
Касапница, мясная лавка; касапъ, мясникъ.
Катъ, ярусъ, этажъ.
Кираджія, сонаемщикъ, сокварширантъ.
Киша, дождь.
Клашня, чулокъ.
Клисура, горній проходъ, тѣснина.
Конакъ, дневка; день пути; домъ; дворъ.
Коракъ, шагъ; корачити, шагать.
Корнячa, черепаха.
Котарица, кошница.
Кошуля, рубашка, сорочка.
Кренути, вертѣть, воротить, поворотить; окренути, поворотить.
Кречъ, известь.

Кубе, куполъ.
Кула, башня.
Купити, собирать.
Курсанъ, морской разбойникъ, corsaro.
Кутя, хижина, изба, домъ, куща.
Куцати, бить, ударять.
Лубеница, арбузъ.
Лѣбарница, хлѣбня.
Магарацъ, оселъ.
Маекъ, маленекъ; помаэкъ, маленькій.
Майка, мать.
Маль, долбня, баба.
Мангура, деньги.
Манути, махнуть; двигаться; отказаться.
Марама, платокъ.
Марва, скотъ.
Медя, межа; кустъ, купина; ограда.
Мейданъ, площадь; поединокъ.
Мермеръ, мраморъ.
Метанисати, повергаться на земь съ сокрушеніемъ; μετανοέω.
Метаніе, поверженіе на землю, низкій поклонъ.
Моуна, мохуна, махуна, струкъ; шелуха.
Мрва, крошка.
Наизмакъ, наконецъ, на концу.
Напоредо, одинъ возлѣ другаго, рядомъ, вподрядъ.
Натрагъ, натрашки, назадъ, пятясь.
Неволя, нужда, необходимость; неволянъ, принуждаемый, непріятный.
Неваля, ничего не стóитъ.
Него, но.
Недомакъ, не доходя.
Неранђа, померанецъ (дерево и плодъ).
Нико, никто.
Новци, деньги.
Ной, струсъ, строфокамилъ.
Обала, берегъ.
Обалъ, обла, обло, круглый.
Оборити, низвергнуть, повалить; выстрѣлить.

Обуѣи, одѣть.
Одакле, оттуда.
Озго, сверху.
Оздо, снизу.
Ока, мѣра.
Опело, опѣваніе, отпѣваніе.
Отокъ, островъ; отокъ, опухоль.
Отока, рукавъ рѣки.
Пакъ, па, и.
Паланка, городокъ, мѣстечко.
Памукъ, хлопчатая бумага.
Папуча, пантофель, туфля.
Пара, деньги.
Парусія, вкладъ для поминовенія.
Патосъ, πάτος, полъ.
Пегастъ, крапчатый.
Пеленъ, полынь.
Пексимотъ, сухарь.
Пенджеръ, окно.
Пнтропъ, ἐπίτροπος, надзиратель, настоятель, смотритель.
Пиргъ, πύργος, башня.
Плаветанъ, голубой.
Планина, гора, лѣсомъ покрытая.
Плотъ, плетень, тынъ, частоколъ, ограда.
Плоча, листъ, плита, доска.
Полакъ, половина; наполовину.
Помилати, показываться, являться.
Помилити, ползать, пресмыкаться.
Посрнутисе, поскользнуться, оступиться.
Посуѣи, усѣять, посѣять.
Порта, porta, ворота, врата, двери.
Пратити, проводить, допроводить, сопровождать.
Пребисажитисе, перевѣситься какъ котомка, сумка.
Пре, пређе, прежде; первѣе.
Преко, поперекъ, черезъ.
Премо, прямо.
Препадатисе, испугаться.
Препрата, отдѣленіе для женщинъ въ церкви.

Прича, притча, разсказъ; диво.
Прозоръ, окно.
Проседъ, сѣдоватъ.
Проспати, пролить; просыпать.
Просуһи, пролить.
Проха, просо.
Пукати, треснуть; пукотина, трещина.
Путиръ, чаша.
Пунъ, полный.
Путъ, разъ.
Пушка, ружье.
Ракія, водка.
Ружица, роза.
Рупа, яма, дыра, трещина.
Сатъ, сахатъ, часъ.
Савъ, сва, све, весь, вся, все.
Садъ, сада, саде, нынѣ, теперь.
Свакъ, всякъ.
Свanути, разсвѣтать; осванути, тоже; свануһе, разсвѣтъ.
Свудъ, свуда, всюду.
Сирома, сиромаха, бѣднякъ.
Сирчика, сокъ.
Ситанъ, мелкій.
Сиһи, сойти.
Скела, перевозъ, переѣздъ.
Скваснти, промочить.
Смречіе, можжевельникъ.
Сокакъ, улица.
Сомунъ, сайка, булка.
Страна, сторона, страна; часть; гора.
Стрека, полоса; прутъ.
Стѣна, скала.
Съяхати, сойти съ лошади.
Теке, текъ, именно; только; едва.
Темель, основаніе.
Темно, иконостасъ.
Тепсія, мѣдный тазъ.
Терати, гнать; дотерати, догнать; протерати, прогнать.

Ѳемеръ, сводъ.
Ѳижакъ, родъ ночника, свѣчника.
Ѳоварити, навьючивать, нагружать.
Ѳрчати, бѣжать, спѣшить.
Ѳрудна, беременна.
Ѳрудо, куполъ.
Ѳулба, накрышка, покрышка; сѣнь.
Ѳурати, гнать; бросать, кидать, метать.
Ѳучъ, бронза, колокольная мѣдь.
Ћю, ћешъ, ће, хочу, и т. д. при неокончательномъ означаетъ будущее время: ћерећи, рећиће, скажетъ.
Ћумрюкџія, таможенный чиновникъ.
Ћупрія, мостъ.
Угаситъ, темноватый.
Уже, веревка.
Узъ, возъ; вверхъ; возлѣ, подлѣ; между, въ продолженіе.
Улазити, входить; излазить, выходить.
Умукнути, замолчать.
Уочи, наканунѣ, свечера.
Уплашитисе, испугаться.
Ускраякъ, кусочекъ.
Учредити, угощать, принимать.
Ханъ, постоялый, въѣзжій домъ, корчма.
Харачъ, дань, подать; харчъ.
Хитати, хватать; спѣшить.
Хоџа, Турецкій священникъ.
Цѣви, голени.
Цѣлокупанъ, нетронутъ, невредимъ.
Чакшире, штаны, портки.
Чардакъ, сторожа, сторожка, вышка.
Чаршія, торговая площадь, базаръ.
Частити, честь дѣлать, честить, угощать; частъ, честь; частный, честный.
Чатити, читать.
Чекати, ждать, ожидать.
Чесма, колодецъ, источникъ.
Честъ, часть.
Честъ, частый.

Чив(ф)утъ, Еврей.
Чиракъ, подсвѣчникъ.
Чувати, охранять, беречь.
Чутура, деревянный сосудъ для вина въ дорогѣ.
Шайка, Малоросс. чайка, лодка, судно.
Шайтія, см. шайка.
Шака, ладонь; горсть.
Шаренъ, пестрый.
Ше(и)дерванъ, водометъ, фонтанъ, бьющій ключъ.
Шеѣеръ, сахаръ.
Шилякъ, деревянная игла.
Штака, посохъ, палка, костыль.
Штета, вредъ, убытокъ.
Штогодъ, что либо.
Ѣло, пища.
Якъ, крѣпкій, сильный, здоровый.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

ПУТЕШЕСТВІЯ МАРКА ПОЛО.

Книга первая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1. Да будетъ извѣстно читателю, что въ то время, когда Балдуинъ II былъ Императоромъ въ Константинополѣ, [1] гдѣ находился Намѣстникъ Венеціянскаго Дожа, [2] въ 1250 году отъ Рождества нашего

[1] Балдуинъ II, Графъ Фландрскій и двоюродный братъ Людовика IX Французскаго, былъ послѣдній Латинскій Императоръ въ Константинополѣ.

[2] Въ Латинскихъ переводахъ М. Поло нѣтъ одного мѣста, находящагося въ текстѣ Рамузіо: «dove all' hora soleva stare un Podestà di Venetia, per nome di Messer lo Doge;» объ этомъ мѣстѣ Рамузіо написалъ особенное разсужденіе; вѣроятно, переводчики, сокращавшіе во многихъ мѣстахъ подлинникъ, сочли его излишнимъ. Но для существенной оцѣнки положенія этого высокаго правительственнаго лица или Намѣстника Венеціянскихъ Дожей, въ этихъ словахъ болѣе значенія, нежели какое они по видимому имѣютъ сначала.

Городъ Константинополь и Греческія области въ 1204 году завоеваны были соединеннымъ оружіемъ Французовъ и Венеціянъ: послѣдними лично начальствовалъ Дожъ ихъ, знаменитый Генрихъ Дандоло. При раздѣлѣ земель и огромной добычи, имъ доставшейся, Республикѣ назначена большая доля (къ которой принадлежали и Лизипповы славные бронзовые кони), нежели избранному при этомъ случаѣ Императору, и послѣдній Дожъ, самъ уклонившись отъ Императорскаго сана и принявъ только титулъ Князя Романіи, удержалъ независимое судопроизводство въ трехъ изъ восьми частей города съ особеннымъ судилищемъ, и кончилъ жизнь въ главѣ войска, осаждавшаго Адріанополь. Сомнительно, чтобы кто нибудь изъ его преемниковъ въ высокомъ званіи верховнаго лица Республики имѣлъ своимъ мѣстопребываніемъ Константинополь. «Дожу, рабу Государства, говоритъ Гиббонъ, рѣдко дозволялось удаляться отъ кормила Республики: на его мѣсто былъ

Господа, прибыли было въ этотъ городъ, съ богатымъ грузомъ товаровъ на кораблѣ, Николо Поло, отецъ Марка и Маффіо (или Маттео), братъ Николо, Венеціянцы изъ благороднаго семейства, почтенные и хорошо образованные люди. Пообдумавъ хорошенько, что имъ начать потомъ, они рѣшились, для умноженія, сколько можно, своего торговаго капитала, продолжать путешествіе черезъ Эвксинъ или Черное море. Съ этою цѣлью они накупили множество прекрасныхъ и драгоцѣнныхъ камней, покинули Константинополь и отправились Чернымъ моремъ въ пристань, [5] по имени Сольдадію, откуда ѣхали сухимъ

поставляемъ такъ называемый Байло или правитель (Despoto), завѣдывавшій высшимъ правительствомъ въ Венеціянской колоніи.» Таковъ былъ Подеста, иногда называемый Байло или Деспото, и объ его-то правленіи въ то время идетъ здѣсь рѣчь; его политическое значеніе въ упадающемъ состояніи Имперіи было не много менѣе Балдуинова, но въ глазахъ семейства Поло, какъ Венеціянскихъ гражданъ, оно, вѣроятно, казалось гораздо больше. Имя лица во время ихъ прибытія исправлявшаго эту должность было, по рукописи Соренцо: Misier Ponte de Veniexia, а въ 1261 году, когда Имперія или, лучше сказать, городъ, опять отнятъ былъ у Латинянъ, былъ Подестою Марко Градениго. Послѣ того Генуэзцы, всегда вступавшіеся за дѣло Грековъ и помогавшіе имъ въ этой побѣдѣ, поселились въ Перѣ или Галатѣ, также имѣли своихъ Подестъ, но не въ томъ независимомъ положеніи, какъ у ихъ соперниковъ (Венеціянъ) въ прежнія царствованія. Хотя и дозволялось имъ пользоваться ихъ законами и управленіемъ, однако жь они владѣли Галатою, какъ леною, и до вступленія Генуэзскаго Намѣстника въ должность, онъ долженъ былъ принести присягу въ вѣрности и покорности. Марсденъ.

[5] Сольдая (изъ которой въ текстѣ Рамузіо вышло ошибкою «Сольдада» и нѣсколько прежде его въ Латинскомъ Сольдада) въ среднихъ вѣкахъ назывался (Тавро-Скиѳская гавань древнихъ) нынѣшній Судакъ, лежащій на южномъ берегу Крыма или Таврическаго Херсонеса. Названіе «Сольдая» является на картахъ, приложенныхъ къ изданію Птоломея (Венеція 1652 г.). Рамузіо говоритъ, что это Согдатъ на Крымскомъ полуостровѣ. Абульфеда называетъ городъ Судакъ и описываетъ его такъ: «Est in pede montis in solo saxoso: urbs cinta muro, Moslemis infesta, ad litus Maris Krimensis; emporium mercatorum. Fere aequat Caffa.» Въ началѣ путешествія Вильгельма Рубруквиса положеніе этого города, относительно Синопа на южномъ противоположномъ берегу Понта Эвксинскаго, описывается слѣдующимъ образомъ: «Въ срединѣ названной области на югѣ, какъ будто бы въ косомъ углу, находится городъ, по имени Сольдая, прямо противъ Синополя. Туда заходятъ всѣ Турецкіе купцы, отправляющіеся для торговли въ Сѣверныя

путемъ до тѣхъ поръ, пока достигли двора сильнаго Государя западныхъ Татаръ, по имени Барка, [4] имѣвшаго свое мѣстопребываніе въ городахъ Болгарѣ и Ассарѣ, [5] и пользовавшагося славою самаго щедраго и образованнаго Князя, какіе только были извѣстны между племенами Татаріи. Онъ былъ радъ ихъ пріѣзду и принялъ ихъ съ отличіемъ. Разложивъ передъ нимъ драгоцѣнности, и замѣтивъ, что онѣ ему очень нравятся, путешественники предложили ихъ въ подарокъ ему. Ханъ удивился щедрой вѣжливости обоихъ братьевъ, но не хотѣлъ

страны, также и желающіе воротиться изъ Россіи и сѣверныхъ странъ на ихъ родину, Турцію». Подъ Турціею надобно разумѣть Малую Азію, которою тогда владѣли Сельджуки или Туркоманскіе Татары, о чемъ подробнѣе скажемъ мы послѣ.

[4] Этотъ Татарскій Князь обыкновенно называется Берекe, преемникъ и братъ Батыя, сына Чучи, старшаго сына Чингисъ-Ханова. Батый получилъ на свою наслѣдственную долю изъ земель своего дѣда Западныя страны (хоть и не съ полными самодержавными правами) Катпчакъ или Кипчакъ, земли Славянъ, Алановъ, Русскихъ и Булгаръ, и умеръ въ 1265 году. «Когда Ханъ Батый умеръ, говоритъ Petis de la Croix, ему наслѣдовалъ братъ и сдѣлался Магометаниномъ. Онъ велъ кровопролитную войну съ Гулаку, сыномъ Тули, и умеръ, послѣ десятилѣтняго царствованія, въ 1266 г.» Однако жь, Абульфеда называетъ его Barkah и внукомъ Чучи, полагая, что онъ сынъ, а не братъ Батыя. М.

[5] Болгаръ, Булгаръ, Bulghar, о которомъ идетъ рѣчь, не должно смѣшивать съ областью Булгаріей, на южномъ берегу Дуная. Первое название города и обширнаго округа въ Татаріи, лежащаго на восточной сторонѣ Волги и нынѣ населяемаго Башкирами. Отъ Дунайской онъ различается иногда названіемъ Великой Булгаріи. У Кипчацкихъ Хановъ, какъ и у всѣхъ Татарскихъ Государей, было по два мѣстопребыванія (резиденціи): лѣтнею былъ Болгаръ, а зимнею Сарай. «Боларъ, говоритъ Абульфеда, называемый у Арабовъ Болгаръ, городъ на самомъ крайнемъ обитаемомъ Сѣверѣ, неподалеку отъ р. Атоль (Волги), въ сѣверо-западномъ отъ нея направленіи, какъ и Сарай, отъ котораго онъ отстоитъ на 20 дней пути.» Geographia (Büsching. p. 265). Развалины Булгара, теперь называемыя Бряхимовъ, описалъ знаменитый Палласъ (Voy. de Russie, t. I, p. 215): «Тамъ видны развалины мечетей, Арабскія надписи, могилы купцовъ изъ Шамахи и Ширвана. Это мѣсто лежитъ въ 90 верстахъ къ сѣверу отъ Симбирска, при впаденіи Камы въ Волгу. Весьма правильно замѣчаетъ Форстеръ, что Ассара, которой развалины видны близъ Царицына, на восточномъ рукавѣ Волги, то же, что и Сарай. Марко Поло, часто соединяющій членъ съ именемъ, называетъ его

уступать имъ въ великодушіи, и велѣлъ заплатить имъ не только цѣну дорогихъ камней, но прибавилъ еще къ тому разные богатые подарки. [6]

Проживъ годъ въ земляхъ этого Государя, они пожелали вернуться на родину; но этому мѣшала война, вспыхнувшая между ихъ покровителемъ и другимъ Ханомъ, по имени Алау, повелителемъ Восточныхъ Татаръ. [7] Въ битвѣ между обоими Ханами, послѣдній

Ассара. Астрахань, упоминаемая Пеголетти, находилась не на томъ мѣстѣ. гдѣ лежитъ нынѣшній, соименный ей, городъ. Старая Астрахань, вмѣстѣ съ Сараемъ, разрушена Императоромъ Тимуромъ зимою 1395 года. Сарай лежалъ почти близъ старой Астрахани. Абульфеда описываетъ его такъ: Сарай — большой городъ, мѣстопребываніе Сѣверныхъ Татарскихъ Хановъ, нынѣ называемыхъ Узбеками, лежитъ въ равнинѣ. Отъ Каспійскаго моря онъ почти въ двухъ дняхъ пути: оно лежитъ отъ него къ юго-востоку. Мимо его протекаетъ рѣка Атоль, съ сѣверо-запада къ юго-востоку, и наконецъ впадаетъ въ Черное море (?). На сѣверномъ берегу ея находится Сарай, гдѣ большой базаръ для Турецкихъ купцовъ.» Марсденъ и Бальделли Бони.

[6] О Берекѣ или Баркѣ говоритъ Дегинь: «Его имя стало такъ славно въ сихъ земляхъ, что съ этихъ поръ называли ихъ «Дешт-Береке,» равнина Береке. Онъ велѣлъ построить Сарай на одномъ изъ рукавовъ Этеля или Волги, сдѣлавшійся съ того времени очень большимъ и населеннымъ городомъ; со всѣхъ сторонъ приходили туда самые знаменитые ученые, для передачи образованности этимъ грубымъ и варварскимъ народамъ, и получали богатыя награды отъ Хана.» Эта похвала оправдываетъ то выгодное понятіе, которое оба Венеціянца получили о характерѣ Хана.

[7] Эти Восточные Татары, какъ называютъ ихъ относительно другихъ Татаръ. хотя земля ихъ простиралась къ востоку не далѣе областей Персіи и Хорозана, получили такое названіе, для отличія отъ Западныхъ (или правильнѣе Сѣверо-Западныхъ) Татаръ, занимавшихъ сосѣднія съ Волгою страны, простиравшіяся до предѣловъ, и даже за предѣлы, Европы. Ханъ ихъ, названный здѣсь Ала-у или Гала-у, знаменитый Гулагу, сынъ Тулуя, и, вмѣстѣ съ Батыемъ, Мангу и Кублаемъ (послѣдніе были ему братья), внукъ Чингисъ-Хана. Получивъ отъ брата, Мангу, управленіе южными областями, онъ покинулъ Каракорумъ, незадолго до посѣщенія этого Татарскаго города Рубруквисомъ, и перешелъ съ большимъ войскомъ Гигонъ или Оксусъ въ 1255 г. На слѣдующій годъ онъ истребилъ племя или секту Измаилитовъ, носившихъ также имя Малагидетовъ, и обратилъ свое оружіе на Багдадъ, который и взялъ въ 1258 году, и велѣлъ казнить Мостасем-Биллага, послѣдняго изъ Аббасидскихъ Калифовъ. По смерти Мангу, въ 1259 г., Гулагу сдѣлался настоя-

держалъ побѣду, и войска Барки потерпѣли совершенное пораже-
е. По случаю этого происшествія, дороги сдѣлались небезопасны
ія путешественниковъ, и у нашихъ Венеціянъ не доставало смѣлости
озвращаться тѣмъ же путемъ, которымъ пришли; имъ предлагали
дно только возможное средство добраться до Константинополя, то
сть, выбрать восточную, мало посѣщаемую, дорогу, чтобы не вы-
одить изъ предѣловъ Барковой области. Для того они направили
уть въ городъ Укакъ, [8] лежащій на предѣлахъ Государства Запад-
ыхъ Татаръ. [9] Покинувъ это мѣсто и путешествуя далѣе, они пере-
равились черезъ р. Тигръ, одну изъ четырехъ рѣкъ рая, и прибыли
ъ степь, простиравшуюся на семнацать дней пути. [10] Тамъ не
ашли они ни городовъ, ни замковъ, ни собственно строеній, а толь-
о Татаръ съ ихъ стадами, кочевавшихъ подъ палатками, или на
ткрытомъ полѣ. Прошедши эту степь, они достигли, наконецъ, хо-
юшо выстроеннаго города, по имени Бохара, [11] въ области того же

щимъ повелителемъ Персидскаго и Вавилонскаго Ирака съ Хоразаномъ; хоть больше по имени только, однако жь онъ сохранялъ почтительную преданность къ брату Кублаю, признанному главою рода Могулъ и царствовавшему въ Китаѣ. Онъ умеръ въ своей столицѣ, Таврисѣ или Табрисѣ, въ 1265 году.

Абульфеда такъ описываетъ этотъ городъ: «Окакъ — небольшой городъ на западномъ Атолѣ, почти въ срединѣ между Сараемъ и Боларомъ. До Окака, а недалѣе, простирается Государство Татарскаго Хана Берка». Geogr. Lat. Mundi Septent. p. 363. И нашъ путешественникъ тоже говоритъ, что этотъ небольшой городъ былъ пограничное мѣсто области Барки. Окакъ, называемый также Увекъ, означенъ на Средневѣковой картѣ Форстера, приложенной къ выше названному сочиненію. Б.

[9] Большая рѣка, которую переплывали наши пушешественники и по величинѣ сочли за одну изъ рѣкъ рая, вѣроятно, была Сигонъ, также называемая и Сирръ. Они по ошибкѣ назвали ее Тигромъ (однако жь, эта ошибка небольше Александровой, когда онъ туже рѣку счелъ Танаисомъ или Дономъ): это, должно быть, произошло отъ смѣшенія понятій о Сигонѣ или Оксусѣ, и внесено однимъ изъ первыхъ переписчиковъ, не смотрѣвшимъ на Географическую правильность. М.

[10] Степь, упоминаемая здѣсь, есть Каракъ, сосѣдняя съ Сигономъ: ее необходимо должны были проходить путники, идущіе съ сѣвера, по дорогѣ въ Бохару. М.

[11] Объ этотъ славномъ городѣ, котораго имя не было испорчено писцами, не можетъ быть никакихъ недоразумѣній. Такъ какъ Поло подвигались

имени; она принадлежала къ Персидскому Царству, но находилась подъ властію Хана, по имени Барака. [12]

Но случилось такъ, что въ это время въ Бохарѣ явился человѣкъ, весьма значительный и съ необыкновенными способностями. Онъ отправленъ былъ отъ упомянутаго Гулагу посломъ къ Великому Хану, верховному владыкѣ всѣхъ Татаръ, по имени Кублаю Каану. [13] Его столица была на самомъ крайнемъ предѣлѣ твердой земли, въ направленіи между сѣверо-востокомъ и востокомъ. Посолъ, при всемъ его желаніи, до сихъ поръ не имѣлъ еще случая видѣть людей изъ Итальянской земли, и потому былъ оченъ радъ встрѣчѣ и бесѣдѣ съ нашими путешественниками, которые теперь уже нѣсколько понаучились говорить по Татарски. Проведя въ ихъ обществѣ нѣсколько дней и полюбивъ ихъ нравы, онъ предложилъ имъ проводить его къ Великому Хану, который, не видавши еще никого изъ ихъ земли, очень радъ будетъ ихъ появленію при его Дворѣ, и увѣрялъ, что ихъ ожидаетъ почетный пріемъ и очень богатые подарки. Въ томъ убѣжденіи, что, рѣшившись вернуться на родину, они подвер-

---

впередъ въ сѣверную сторону отъ Крыма, то могли дойти до Бохары только послѣ переправы черезъ разныя рѣки, впадающія въ сѣверную часть Каспійскаго моря.

[12] Petis de la Croix называетъ этого Князя Берракъ-Ханомъ, а Д'Эрбело Баракъ-Ханомъ, правнукомъ Джагатая, втораго сына Чинхисъ-Ханова, получившимъ Заоксанію или страну, которою въ это время владѣли Узбеки. Подтвержденіе тому находимъ у Д'Осона, который говоритъ, что Боракъ, какъ онъ называетъ его, былъ сынъ Иссун-Туа, сына Моа-Тугана, а отцомъ этого былъ Джагатай. Онъ долго велъ войны съ перемѣнчивымъ успѣхомъ и большимъ коварствомъ съ Абакой, сыномъ Гулагу, у котораго хотѣлъ отнять Хоразанское Государство; наконецъ былъ имъ такъ разбитъ, что только съ небольшимъ отрядомъ войска успѣлъ вернуться въ Бохару, и, озабоченный войною съ своимъ родственникомъ и прежнимъ союзникомъ, Кайду, онъ умеръ въ 1270 г., когда этотъ окружилъ его со всѣмъ его войскомъ и хотѣлъ сдѣлать плѣнникомъ. Такъ слѣдуетъ исправить примѣчаніе Марсдена и Бальделли, которыхъ д'Эрбело, Дегинь и другіе историки справедливо обвиняютъ въ ошибкахъ относительно этого Принца: первый показываетъ смерть его еще въ 1240 г., а послѣдній въ 1260 г., однако жь* и сами ничего не рѣшаютъ положительно.

[13] Кублай-Каанъ, Царь Китая и Татаріи, былъ сынъ Тули, четвертаго сына Чингисъ-Ханова, наслѣдовалъ своему старшему брату, Мангу-Каану, въ 1260 г. Онъ пятый Царь этого Монгольскаго или Монголо-Татарскаго Дома.

гнутся большимъ опасностямъ, путешественики согласились на его предложеніе; поручивъ себя защитѣ Всевышняго, они продолжали путешествіе въ поѣздѣ посла и въ сопровожденіи многихъ Христіанскихъ служителей, которыхъ взяли съ собою въ Венеціи. Направленіе, котораго они держались, было среднее между сѣверо-востокомъ и сѣверомъ. Прошелъ цѣлый годъ, прежде нежели они добрались до Царской столицы, по случаю большихъ остановокъ изъ за снѣговъ да разлитія рѣкъ; они принуждены были дожидаться, пока стаютъ снѣга и вода убудетъ. Много чудныхъ вещей видѣли они въ дорогѣ, но о нихъ мы не скажемъ здѣсь, потому что по порядку (Географическому), принятому Маркомъ Поло, они будутъ описаны въ слѣдующихъ книгахъ.

II. Когда путешественники представились Великому Хану, онъ принялъ ихъ благосклонно и привѣтливо: такое обращеніе было въ его характерѣ: они первые изъ Итальянцевъ явились въ эту землю, отъ того-то для нихъ даны были праздники; также отличали ихъ и другимъ образомъ. Ханъ дружески бесѣдовалъ съ ними, распрашивалъ о Западныхъ странахъ міра, о Римскомъ Императорѣ и другихъ Христіянскихъ Короляхъ и Князьяхъ. Онъ велѣлъ разсказыватъ себѣ объ ихъ могуществѣ, о пространствѣ ихъ земель, какъ смотрятъ они за правосудіемъ въ своихъ различныхъ Государствахъ и Княжествахъ, о военномъ искуствѣ, а больше всего и предпочтительно спрашивалъ о Папѣ, церковныхъ дѣлахъ, богослуженіи и святомъ ученіи Христіянъ. Хорошо образованные и скромные люди, они отвѣчали ему, сколько можно лучше, обо всѣхъ этихъ предметахъ, и, вполнѣ ознакомившись съ Татарскимъ языкомъ (Монгольскимъ), объяснялись въ такихъ приличныхъ выраженіяхъ, что Великій Ханъ, у котораго они были въ высокомъ почетѣ, часто призывалъ ихъ къ себѣ.

Получивъ свѣдѣнія обо всемъ, о чемъ такъ разумно разсказывали ему братья, онъ объявилъ, что очень доволенъ ими; мысленно онъ рѣшилъ уже употребить ихъ въ качествѣ посланниковъ къ Папѣ, держалъ о томъ совѣтъ съ своими Министрами, и потомъ дружески предложилъ путешественникамъ сопровождать его чиновника, по имени Когатала, въ посольствѣ къ Римскому Престолу. Онъ рѣшился, сказалъ онъ имъ, просить Его Святѣйшество прислать ему сотню ученыхъ мужей, сверхъ того хорошо знающихъ правила Христіянской вѣры, и семь наукъ: они должны умѣть убѣдить ученыхъ его царства разумными и правильными доводами, что вѣра, исповѣдуемая

Христіянами, выше и основанія ея истиннѣе всякой другой, что боги Татаръ и идолы, которымъ они покланяются въ своихъ домахъ, не что иное, какъ злые духи, и что, признавая ихъ за божество, они заблуждаются со всѣми Восточными народами. Какъ было бы ему пріятно, продолжалъ онъ, если бъ они, по возвращеніи, принесли съ собою сколько нибудь священнаго масла изъ лампады, горящей надъ гробомъ Господа нашего Іисуса Христа: къ Нему питаетъ онъ великое уваженіе и признаетъ Его Истиннымъ Богомъ. Услышавъ отъ Великаго Хана эти приказанія, они упали къ его ногамъ и изъявили свою, немедленную готовность и самое горячее усердіе, чтобы исполнить порученія Его Величества, не щадя для того своихъ силъ. Онъ приказалъ потомъ изготовить отъ своего имени письма къ Папѣ на Татарскомъ языкѣ и вручить ихъ путешественникамъ. Такъ же велѣлъ имъ дать золотую дощечку, съ вырѣзаннымъ на ней Царскимъ знакомъ, по обычаю, введенному этимъ Ханомъ: тотъ, кому дана такая дощечка, со всѣми его спутниками, получаетъ, для безопасности, провожатыхъ отъ начальниковъ всѣхъ мѣстъ въ Императорскихъ земляхъ, отъ одного роздыха до другаго, и въ бытность его во всякомъ городѣ, замкѣ, или дворѣ, имѣетъ право на полученіе съѣстныхъ припасовъ и всего нужнаго для его удобства.[14]

Принявъ такое почетное порученіе, они простились съ Великимъ Ханомъ и начали свое путешествіе. Но едва отошли на 20 дней пути, какъ чиновникъ, ихъ спутникъ, опасно занемогъ. Въ такомъ непріятномъ положеніи, они, по общему совѣту всѣхъ, съ ними бывшихъ, и съ согласія самаго больнаго, рѣшились оставить его. Въ продолженіи путешествія имъ очень пригодилась Царская дощечка, которую взяли съ собою: вездѣ, куда ни приходили,

[14] Китайскія сочиненія часто упоминаютъ о Tschi-kuei или почетной дощечкѣ, которая дается высшимъ сановникамъ при ихъ опредѣленіи къ должностямъ: на ней написаны золотыми буквами ихъ титулы, и съ нею соединены великія преимущества для этихъ сановниковъ въ ихъ путешествіяхъ. Та, о которой говорится здѣсь, была, статься можетъ, подобнаго рода. Въ простонародномъ Европейскомъ нарѣчіи Кантона она называется Царскою «Grand chop», слово для выраженія печати, знака, полномочія, письменнаго вида. «Однако жь на всемъ Востокѣ въ употребленіи обычай писать на золотыхъ дощечкахъ приказы и предписанія. Въ Дрезденской Библіотекѣ находится письмо, написанное Малайскими буквами на золотомъ листочкѣ однимъ раджою къ Голландскому Губернатору Батавіи. М.

она доставляла имъ самый лучшій пріемъ: имъ давали безъ платы все нужное, также проводника и стражу, Не смотря, однако жь, на всѣ эти удобства, они могли только медленно подвигаться впередъ: такъ велики были естественныя затрудненія, которыя надобно было устранять: необыкновенный холодъ, снѣга льды и разлитія рѣкъ. Прошли три года, пока они добрались до морской пристани въ Малой Арменіи, по имени Giazza. [15] Оттуда они поѣхали моремъ, и въ Апрѣлѣ 1269 года прибыли въ Акру. Къ немалому для себя страху, они тамъ узнали, что Папа Климентъ IV недавно умеръ. [16] Въ то время въ Акрѣ находился Легатъ, поставленный покойнымъ Папою, по имени Тебальдо де Висконти ди Піаченца: они увѣдомили его, какія порученія возложены на нихъ Великимъ Ханомъ Татаріи. Легатъ совѣтовалъ имъ, не смотря ни на какія обстоятельства, дожидаться новаго выбора, и когда онъ состоится, достигнуть у Папы цѣли своего посольства. Находя такой совѣтъ хорошимъ, они рѣшились употребить промежуточное время на посѣщеніе своего семейства. Сѣвши на корабль, плывшій въ Негропонтъ, отправились оттуда въ Венецію, гдѣ Николо Поло нашелъ, что жена его, которую онъ при отъѣздѣ оставилъ беременною, скончалась, подаривъ его сыномъ, получившимъ имя Марко и имѣвшимъ тогда уже 19-ть лѣтъ отъ роду. Онъ-то самый и написалъ эту книгу и сообщилъ извѣстія обо всѣхъ предметахъ, которыя видѣлъ самъ.

III. Межъ тѣмъ выборъ Папы замедляло столько препятствій, что путешественники два года оставались въ Венеціи, все въ ожиданіи онаго; наконецъ, озабоченные тѣмъ, что Великому Хану не по-

---

[15] «Giazza», древній Иссъ, гдѣ Александръ разбилъ Дарія: въ нашихъ новѣйшихъ Географіяхъ онъ имѣетъ разныя названія: Лаяццо, Аяццо, Аяссо, Л'Аясъ, Лаясса. На картѣ Азіи Данвиля онъ называется Лаясъ. «Алая, пишетъ Абульфеда, небольшой городокъ на Средиземномъ морѣ, одно изъ торговыхъ мѣстъ въ тѣхъ странахъ» (Geogr. p. 302). Голій разсказывая о народахъ Малой Арменіи, говоритъ: «Гавань ея былъ тотъ самый, прежде называемый Аясъ, откуда обыкновенно плавали въ Кипръ и другія Христіанскія земли. Марко Поло и другіе, писавшіе около времени Крестовыхъ походовъ, сдѣлали изъ имени Аясъ Giazza, по Итальянскому произношенію, точно такъ же, какъ изъ Іоаннъ Джіованни; нѣкоторые пишутъ Layace, приставляя къ этому слову нѣчто въ родѣ члена.» Объ обѣихъ Арменіяхъ будетъ сказано послѣ. M.

[16] Этотъ Папа умеръ въ Витербо, 23-го Ноября, 1268 года.

нравится ихъ долгая мѣшкатность, или что онъ можетъ подумать, будто у нихъ нѣтъ и мысли о возвращеніи въ его землю, они сочли полезнымъ вернуться въ Акру. При этомъ случаѣ они взяли съ собою и молодаго Марка Поло. Съ формальнымъ видомъ отъ Легата, они посѣтили Іерусалимъ и запаслись небольшимъ сосудомъ масла изъ лампады Св. Гроба, по приказанію Великаго Хана. Потомъ получили письмо Легата къ этому Государю: въ письмѣ засвидѣтельствовано ихъ усердіе, съ какимъ они старались объ исполненіи его порученій, и объявлено, что верховный глава Христіянской Церкви до сихъ подъ еще не выбранъ. Они отправились дальше въ упомянутую пристань Giazza Но едва только уѣхали, какъ Легатъ получилъ изъ Италіи гонца отъ Коллегіи Кардиналовъ, съ извѣстіемъ, что онъ возведенъ на Папскій престолъ, почему и принялъ имя Григорія X. [17]

[17] Папскій престолъ оставался почти три года незанятымъ, по причинѣ коварныхъ происковъ въ священной Коллегіи Кардиналовъ; наконецъ положено было поручить назначеніе Папы шести Кардиналамъ, которые 6-го Сентября, 1271 г., выбрали Тебальдо Піаченцкаго. Во избѣжаніе на будущее время вреда и соблазна отъ такого замедленія, учрежденъ былъ Конклавъ (на тѣхъ же началахъ, какъ и установленіе Англійскихъ жюри или присяжныхъ). Объ этомъ избраніи Мураторн разсказываетъ слѣдующее (Annali d'Ital. an. 1271). «Они (всѣ Кардиналы священной Коллегіи) 2-го Сентября поставили рѣшителями выбора шестерыхъ Кардиналовъ, которые, не теряя времени, выбрали Тедальдо или Тебальдо, изъ благороднаго Дома Висконти изъ Піаченцы; онъ не былъ ни Кардиналомъ, ни Епископомъ, а только Архидіякономъ Литтихскимъ, но отличался чистотою нравовъ и находился въ то время въ Акконѣ, гдѣ подвизался на служеніе Христіянству. Этотъ выборъ казался чудеснымъ, потому что Тебальдъ не былъ знакомъ никому изъ Кардиналовъ, и, однако жь, они всѣ согласились и очень обрадовались тому: такъ удачно совершился выборъ этого достойнаго преемника на престолѣ Петра. Священная Коллегія отправила посольство къ нему въ Анкону съ извѣстіемъ объ избраніи его въ Папы. Онъ согласился и назвался потомъ Григоріемъ X.» Cod. Ricc. говоритъ тоже о Висконти изъ Піаченцы (T. I, p. 4). Григорій X-й былъ замѣчательный Папа. На Ліонскомъ Соборѣ онъ старался возбудить остывающую страсть къ Крестовымъ походамъ, убѣдилъ Нѣмецкихъ Князей выбрать въ Императоры Рудольфа Габсбургскаго, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому Рудольфъ обѣщалъ не тревожить Церковь и ея подручниковъ, старался примирить партіи Гвельфовъ и Гибеллиновъ; боясь могущества Карла Анжуйскаго, призналъ Греческимъ Императоромъ Михаила Палеолога, потому что Карлъ Анжуйскій, по договору съ Балдуиномъ II, имѣлъ права на Греческій престолъ, отъ имени своей дочери, Беатриксы. При этомъ

Здумавъ, что онъ теперь самъ въ состояніи удовлетворять вполнѣ же лнія Татарскаго Монарха, онъ поспѣшилъ послать письма къ Коолю Арменіи, [18] въ которыхъ увѣдомлялъ его о своемъ выборѣ и росилъ, чтобъ въ томъ случаѣ, если оба посла, на пути ко Двору еликаго Хана, еще не оставили Арменіи, онъ велѣлъ бы имъ тотзсъ же воротиться назадъ. Эти письма застали ихъ еще въ Армеіи: съ радостною поспѣшностію они повиновались приглашенію пять прибыть въ Акру; для того Король далъ имъ галону, и въ о же время отправилъ отъ себя пословъ съ поздравленіями къ верховному главѣ Христіянства.

Его Святѣйшество принялъ ихъ съ великимъ отличіемъ, изготоилъ какъ можно скорѣе Папскія грамоты и далъ имъ двухъ монаовъ изъ Ордена Проповѣдниковъ, находившихся тамъ случайно: это ыли люди столь же ученые и свѣдущіе, какъ и глубокіе богословы. Одного звали Фра Николо да Виченца, другаго Фра Гвельмо да Трииоли. Имъ далъ онъ свободу и полномочіе на поставленіе Священиковъ, посвященіе Епископовъ и разрѣшеніе грѣховъ, сколько самъ южетъ. Также вручилъ имъ дорогіе подарки и въ числѣ ихъ разные прекрасные сосуды изъ хрусталя, которые они должны передать Хану отъ его имени и съ его благословеніемъ. Они распростились и опять направили путь къ пристани Giazza, прибыли туда и отправились дальше въ Арменію. Здѣсь они узнали, что Вавилонскій Солданъ, [19] по имени Бундокдари, [20] съ многочисленнымъ вой-

---

случаѣ Михаилъ обѣщалъ Папѣ присоединеніе Восточной Церкви къ Римской: его послы три раза повторили по Гречески, что Духъ Св. происходитъ отъ Отца и Сына. (Прим. Переводч.) Gaillardin L'Hist. d. M. a.

[18] Въ это время въ Малой Арменіи царствовалъ Левъ или Ливонъ III; столицею ея былъ Сисъ, а главною пристанью Аясъ или Аяццо. Отецъ Льва, котораго мы называемъ Гайтономъ, а Арабскіе писатели Гатемомъ, игралъ важную роль въ послѣднихъ переворотахъ; онъ провожалъ Гулагу отъ Двора Мангу въ Персію и пособлялъ ему въ войнахъ съ Мусульманами. М.

[19] Бабилоніею или Бамбеллоніею назывался Каиръ во время Султановъ и Крестовыхъ походовъ. «Et haec mea sententia, ex Babylonia Aegypti comportantur: Cairum appellant.» (Aloysi Cadam. nav. nov. orb. Grynaei, p. 51).

[20] Этотъ Султанъ былъ Бейбаръ, по прозванію Бундокдари, Мамелюцкій Султанъ Египта, который завоевалъ большую часть Сиріи, вторгнулся уже (въ 1266) въ Арменію и разграбилъ города Сисъ и Аясъ. Въ 1279 году онъ

скомъ напалъ на Армянскую землю, овладѣлъ ею и разорилъ на далекое растояніе. Оба монаха перепугались и, въ страхѣ за свою жизнь, положили не ходить дальше. Они передали Венеціянцамъ письма и подарки, ввѣренные имъ Папою, а сами отдались подъ защиту начальника Храмовниковъ и тотчасъ же вернулись, вмѣстѣ съ нимъ, на берегъ. Но Николо Маффіо и Марко безстрашно пошли на встрѣчу опасностей и препятствій, къ которымъ давно привыкли; переправившись за предѣлы Арменіи, они продолжали свое путешествіе далѣе. Прошедши степь во многіе дни пути и коснувшись нѣкоторыхъ опасныхъ мѣстѣ, они такъ далеко зашли по направленію къ сѣверо-востоку и сѣверу, что, наконецъ, получили вѣсть о Великомъ Ханѣ, который тогда имѣлъ свое мѣстопребываніе въ одномъ большомъ и великолѣпномъ городѣ, по имени Кле-мен-фу. [21] Все путешест-

---

овладѣлъ Антіохіею, отчасти избилъ всѣхъ Христіянскихъ жителей, отчасти сдѣлалъ ихъ плѣнниками и разрушилъ ихъ церкви, самыя великолѣпныя и славныя на Востокѣ. Это, должно быть, случилось около 1273 года, когда наши путешественники прибыли въ Арменію, гдѣ Бейбаръ 20 Іюля сдѣлалъ вторженіе въ Малую Арменію, занялъ Кинукъ, явился предъ Сисомъ и ограбилъ Тарсъ. Онъ и еще нѣсколько разъ ходилъ въ Арменію и былъ въ открытой войнѣ съ Монгольскимъ Ханомъ Абакою, призваннымъ на помощь Царемъ Арменіи и Сиріійцами. Большое сраженіе произошло вблизи Гемса или Эмессы въ 1281 г. и кончилось пораженіемъ Монгольскаго Хана, Абаки, и его союзника или подручника, Царя Армянскаго.

[21] Клеменфу и Клеменсу (Cod. Ricc. t. I, p. 6) или еще правильнѣе Clemen-fu. Всѣ объяснители Марка Поло не узнавали этого, показаннаго у него, города, потому что уклонялись отъ пути, избраннаго этимъ путешественникомъ. Надобно принять въ соображеніе, что, покинувъ съ отцомъ и дядею Арменію и обратившись на сѣверъ и сѣверо-востокъ, онъ услышалъ, что Великій Ханъ проживалъ въ Клеменфу. Въ Древне-Италъянскомъ текстѣ, сообщенномъ Бальделли Бони, въ первой книгѣ, сказано, что когда путешественники прибыли въ этотъ городъ, они отправились въ Maestro Palagio, т. е., въ Королевскій дворецъ. Это тотъ самый городъ, который Кублай-Ханъ велѣлъ построить въ Татаріи въ 1256 г., назначая его для своего лѣтняго мѣстопребыванія, за 700 ли, или за 70 Итальянскихъ миль отъ Пекина; онъ далъ ему имя Keipim-fu и потомъ еще титулъ Хам-ту, т. е., Царскій городъ (Visdelou Suppl. a Herb. p. 9). Когда патеръ Гербильонъ, въ 1691 году, ѣздилъ съ Царемъ въ Татарію, онъ видѣлъ только развалины этого города на рѣкѣ тогоже имени, и говоритъ, что правители династіи Ивенъ или Монгольской жили тамъ лѣтомъ (Du Hald. t. IV, p. 258). Утверждаемъ

е ихъ до этого мѣста продолжалось не менѣе трехъ съ половиною тъ, потому что въ зимніе мѣсяцы они проходили только незначильныя разстоянія. Когда же Царь узналъ, что они идутъ и услыалъ, какъ много они потерпѣли, онъ отправилъ пословъ къ нимъ в встрѣчу, за 40 дней пути разстоянія, [22] и приказалъ во всѣхъ мѣахъ, которыми будутъ проходить, заготовить все нужное для ихъ юбства. Такъ, съ благословеніемъ Божіимъ, они приведены были безопасности къ Ханскому Двору.

это тѣмъ основательнѣе, что Марко Пало и самъ приводитъ этотъ городъ также подъ именемъ Ciandu или Chantu (Cod. Ricc. t. I, p. 39); при чемъ и здѣсь, какъ и вездѣ, надобно принять въ уваженіе, что Хе, Ханъ или Тхенъ— Восточныя слова, произносимыя всегда по Французски такъ, какъ бы они были написаны на Итальянскомъ языкѣ Cie, или Cien, или Tchen, а на Нѣмецкомъ Tsche или Tschen. Марко Поло разсказываетъ, что велѣлъ построить этотъ городъ Кублай-Ханъ, и представляетъ описаніе великолѣпнаго Двора, окоторомъ мы упомянули выше. Этою главою заключается первая книга, гдѣ описываются земли, которыя проходилъ онъ съ отцомъ и дядею въ путешествіи къ Двору Великаго Хана. И наше увѣреніе подтверждается еще больше новыми объясненіями, подаренными литтературѣ знаменитымъ Падре Цурлой (потомъ Кардиналомъ), который указываетъ намъ, что карта, находящаяся въ залѣ щита (sala dello Scudo), въ Герцогскомъ Дворѣ въ Венеціи, изображаетъ путешествія Марка Поло. «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, подвигаясь впередъ къ Востоку, замѣчаютъ на ней перемѣны, предпринятыя, по случаю ветхости прежде существовавшей и срисованной карты; однако жь, видна дорога въ Кампалу, идущая чрезъ Камбіонъ, Тендукъ, Cianganor и Ксанду или Ciandu, въ томъ постепенномъ порядкѣ, въ какомъ Марко Поло слѣдовалъ самъ по его извѣстіямъ». (Di Marco Polo, pag. 131). Поло разсказываетъ также въ 1-й главѣ 2-й книги о Кублай-Ханѣ и его дѣлахъ, потомъ говоритъ о городѣ Камбалу, который оставляетъ для описанія во 2-й книгѣ своихъ путешествій, по случаю посольствъ, возложенныхъ на него Великимъ Ханомъ. Не должно удивляться, что онъ не показываетъ ни одного промежуточнаго города, лежащаго отъ Канду до Камбалу, потому что это дорога въ Татарію, не заслуживающая ни какого вниманія, какъ можно видѣть изъ Дневника Отца Гербильона (Du Hald. I, c). Б.

[22] Полагаю, что Великій Ханъ послалъ своихъ гостей въ Кампіонъ, а лучше въ Кампитіонъ (Cod. Ricc.) или Кан-чеу, потому что сказано, что Марко Поло, вмѣстѣ съ отцемъ и дядей, оставался цѣлый годъ въ этомъ городѣ по своимъ дѣламъ. Вѣроятно, они останавливались тамъ для увѣдомленія Кублай-Хана о своемъ приходѣ, и онъ самъ послалъ туда за ними. Б.

IV. По прибытіи путешественниковъ, Великій Ханъ принялъ ихъ съ почетомъ и милостью въ полномъ собраніи Татарскихъ Князей и Господъ; приблизившись къ нему, они, въ знакъ своего почтенія, при входѣ поклонились ему въ ноги. Онъ тотчасъ же велѣлъ имъ встать и разсказывать ему подробности своего путешествія и все, случившееся во время ихъ бесѣды съ его Святѣйшествомъ. Они разсказали происшествія въ добромъ порядкѣ. Царь слушалъ ихъ съ особеннымъ вниманіемъ. Передъ нимъ разложены были письма и подарки Папы Григорія: прочитавъ письма, онъ хвалилъ вѣрность, усердіе и стараніе его пословъ; а принявъ съ должнымъ почтеніемъ масло отъ Св. Гроба, онъ приказалъ хранить его съ благоговѣйнымъ стараніемъ. Замѣтивъ Марка Поло, Ханъ спросилъ, кто онъ? Николо Поло отвѣчалъ, что это его сынъ и слуга Его Величества. Тогда Великій Ханъ соизволилъ принять его подъ свое особенное покровительство и назначилъ въ свою почетную свиту. Отъ того всѣ, принадлежавшіе ко Двору, обращались съ Маркомъ съ большимъ уваженіемъ и достоинствомъ. Въ короткое время онъ ознакомился съ нравами Татаръ, умѣлъ усвоить ихъ и узналъ разныя Татарскія нарѣчія, такъ что не только понималъ ихъ, но и могъ читать и писать.[23] Нашедши его такимъ даровитымъ, Государь хотѣлъ испытать, какъ онъ покажетъ себя въ дѣлахъ, и отправилъ его, по одному важному Государственному дѣлу, въ городъ, по имени Karazan, разстояніемъ на шесть мѣсяцевъ пути отъ Царскаго мѣстопребыванія. При этомъ случаѣ Марко велъ себя такъ умно и осторожно, что милость къ

---

[23] По мнѣнію Марсдена, это, вѣроятно, языки Монгольскій, Игурійскій и Китайскій. но мы болѣе согласны съ Бальделли: онъ полагаетъ, что это Арабскій языкъ, которому Марко Поло могъ научиться въ бытность свою въ Арменіи, потому что собралъ у Арабовъ много Географическихъ замѣчаній, и его правописаніе Географическихъ именъ болѣе сходно съ Арабскимъ; потомъ Турецкій, который могъ изучить во время трехлѣтняго пребыванія въ Бадакшанѣ; въ третьихъ Татарскій или Монгольскій, и въ четвертыхъ Китайскій, какъ ни труденъ онъ для иностранца; но что онъ понималъ его, это видно изъ его собственнаго показанія. Говоря о доходахъ Квинсая, онъ прибавляетъ: «Такъ Царю платится подать со всѣхъ земныхъ произведеній, со скота, съ растительныхъ произведеній земли и съ шелка. Я, Марко Поло, лично присутствовалъ при счетахъ и имѣлъ случай получить доходы Его Величества,» и т. д. Онъ занималъ должность по финансовой части, и не могъ бы исправлять ее безъ основательнаго знанія языка.

нему Царя стала еще болѣе. Замѣтивъ, съ своей стороны, что Великій Ханъ обнаруживалъ большое удовольствіе, слушая его извѣстія обо всемъ новомъ для него относительно народныхъ нравовъ и обычаевъ, также о разныхъ особенностяхъ отдаленныхъ странъ, онъ старался, куда ни приходилъ, собирать точныя свѣдѣнія объ этихъ предметахъ, и составлялъ для себя записки обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ, для удовлетворенія живаго любопытства Царя. Коротко сказать, въ семнадцать лѣтъ, проведенныхъ имъ на его службѣ, онъ оказался очень полезнымъ: ему поручались самыя довѣренныя посольства во всѣ предѣлы Царства; иногда же онъ ѣздилъ и по своимъ собственнымъ дѣламъ, но всегда съ согласія и разрѣшенія Великаго Хана. При такихъ обстоятельствахъ Марко Поло самъ собою и по разсказамъ другихъ имѣлъ случай собрать свѣдѣнія о множествѣ такихъ вещей въ Восточной части свѣта, которыя до него были не извѣстны: онъ старательно и правильно записывалъ ихъ, что видно будетъ въ слѣдующихъ главахъ.

Наши Венеціяне прожили много лѣтъ при Царскомъ Дворѣ; въ это время накопили себѣ много богатства въ драгоцѣнныхъ камняхъ и золотѣ и чувствовали большое стремленіе на родину. Это чувство было у нихъ сильнѣе всякихъ другихъ, хоть и жили въ великомъ почетѣ у Хана. Они твердо рѣшились на то, разсуждая, что Ханъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ: если же онъ умретъ до ихъ отъѣзда, они лишатся открытаго пособія, на которое только и могутъ расчитывать, для одолѣнія безчисленныхъ трудностей такого дальняго странствованія и безопаснаго возвращенія на родину, межъ тѣмъ какъ при жизни Хана, благодаря его благосклонности, они имѣли полное право надѣяться на исполненіе этого намѣренія. Для того Николо Поло, нашедши однажды Хана ласковѣе обыкновеннаго, выбралъ случай броситься къ его ногамъ и просить за себя и семейство, чтобы Его Величество, по своей милости, дозволилъ имъ ѣхать. Ханъ вовсе нерасположенъ былъ согласиться на ихъ просьбу, казался недовольнымъ и спросилъ, откуда взялась у нихъ такая охота подвергаться всѣмъ неудобствамъ и опасностямъ путешествія, въ которомъ легко могутъ лишиться жизни? Если они ищутъ корысти, пусть скажутъ: онъ готовъ подарить имъ вдвое противъ того, что у нихъ есть, и наградитъ такими почестями, какихъ только хотятъ, но изъ привязанности къ нимъ, долженъ отказать на отрѣзъ въ ихъ просьбѣ.

Около этого времени умерла Царица, по имени Болгара, супруга Аргона,[24] Царя Индійскаго: въ своей послѣдней просьбѣ, оставленной ею въ письменномъ завѣщаніи, она заклинала мужа, чтобы никто другая не могла занять ея мѣста на его престолѣ и въ его чувствахъ, кромѣ Княжны, происходившей изъ ихъ собственнаго семейства, которое живетъ въ Китайской землѣ, [25] гдѣ царствуетъ Великій Ханъ. Желая исполнить эту торжественную просьбу, Аргонъ отправилъ троихъ своихъ дворянъ, людей надежныхъ, по имени Улатая, Апуску и Гоцу, съ многочисленною свитою, въ качествѣ посланниковъ къ Великому Хану, съ просьбою отдать ему въ супруги

---

[24] Аргонъ, сынъ Абаки и внукъ Гулагу, наслѣдовалъ своему дядѣ, Адмет-Хан-Никодару на престолѣ Персіи, Хоразана и другихъ сосѣднихъ странъ въ 1284 г. Кончина его супруги, должно быть, случилась около 1287 г., а самъ онъ умеръ въ 1291 г. (см. объ Аргонѣ или Аргунѣ, по правописанію Д'Оссона, его Исторію Моголовъ, Hist. des Mong. IV, 1 и 2). Если Персія была собственно мѣстомъ его царствованія, зачѣмъ же онъ называется здѣсь Царемъ Индійскимъ? Этотъ вопросъ задаетъ Марсденъ, но неумѣетъ правильно рѣшить его; самъ Бальделли не предлагаетъ никакихъ объясненій. Попробуемъ сдѣлать это въ короткихъ словахъ: Индія считалась самою прекрасною и богатѣйшею страною въ мірѣ; подъ именемъ Индіи Европеецъ разумѣлъ обильный сокровищами, знаменитый Востокъ, Сѣверную Азію, великолѣпный Югъ; Монголы, хотѣвшіе сдѣлаться владыками свѣта и считавшіе себя такими, старались завоевать Индію; Царь Персіи, самаго южнаго Монгольскаго царства, пограничнаго съ Индіею, въ составъ котораго вошли уже причисляемый къ этой послѣдней Афганистанъ и сѣверныя страны Индустана, охотно могъ называть себя Царемъ всей этой прекрасной страны, считался и писался Государемъ области, которую навѣрное только еще собирался покорить.

[25] Подъ общимъ именемъ «Катая, Катай» надобно разумѣть не особенный округъ сѣвернаго Китая, по мнѣнію Марсдена и другихъ историковъ, а далекую Восточную страну, верхнюю Азію, Китай; точно также какъ прежде южныя страны Азіи разумѣлись подъ общимъ названіемъ Индіи, только что за послѣднею это имя сохранилось и утвердилось до нашего времени. Названіе Китай, по Риттеру, должно производить отъ Монголо-Тунгузскаго народа Китанъ (Kithan), Китатъ (Kithat) (во множ. у А. Ремюза), который еще до Монгольскаго времени съ 10 вѣка давалъ Государей Сѣверному Китаю и Тангуту на западѣ: онъ достигъ великаго могущества въ высокой задней Азіи; но Западные народы всегда смѣшивали его и считали за одно съ Китайцами, съ которыми онъ замѣтно слился потомъ въ одинъ народъ, благодаря Монголамъ.

вушку изъ родственницъ умершей Царицы. Великій Ханъ принялъ ъ ласково: по распоряженію Его Величества, выбрана молодая госпожа 17-ти лѣтъ, очень красивая и статная, по имени Когатинъ; показали посламъ, и она понравилась имъ чрезвычайно. Всѣ приготовленія къ ея отъѣзду были покончены; для почета будущей супруги Царя Аргона назначена многочисленная свита, и Великій Ханъ отпустилъ пословъ очень милостиво. Они отправились съ Княжною мъ же путемъ, какъ и пришли. Уже восемь мѣсяцевъ они были дорогѣ, когда новыя войны, вспыхнувшія между Татарскими Князьями, преградили имъ дальнѣйшіе путешествіе: всѣ дороги были отрѣзаны.[26] Вовсе противъ желанія, они принуждены опять вернуться въ мѣстопребываніе Великаго Хана, и разсказали ему, что случилось съ ними въ дорогѣ.

Въ это же самое время, когда они явились опять, случилось такъ, что и Марко Поло воротился изъ путешествія, которое сдѣлалъ на нѣсколькихъ корабляхъ подъ своимъ начальствомъ въ разныя мѣста Восточной Индіи; онъ разсказалъ Великому Хану о странахъ, посѣщенныхъ имъ и о подробностяхъ своего странствованія, въ которомъ, по словамъ его, не встрѣтилось ничего опаснаго. Это послѣднее замѣчаніе дошло до троихъ посланниковъ: они очень желали воротиться въ свои края, которые оставили уже три года, и отыскали нашихъ Венеціянъ, чтобы поговорить съ ними. Послѣднимъ тоже сильно хотѣлось видѣть себя на родинѣ; они вмѣстѣ условились такъ, чтобы послы просили пріема у Великаго Хана и представили ему, какъ удобно и безопасно можно совершить ихъ обратное путешествіе въ Царство ихъ Государя: моремъ оно будетъ гораздо дешевле и короче по времени, по собственному опыту Марка Поло, недавно плававшаго въ тѣ края. Если Его Величество окажется готовымъ согласиться на это, послы должны настойчиво просить, чтобы онъ позволилъ проводить ихъ въ земли короля Аргона тремъ Европейцамъ, людямъ очень искуснымъ въ мореплаваніи. Когда Ханъ

---

[26] Эти войны должны были происходить около 1289 г. и, вѣроятно, въ землѣ Моваральнарѣ или Заоксаніи, между потомками Джагатая, которыхъ исторія особенно темна; но есть основаніе, что они (подобно всѣмъ другимъ Монгольскимъ Государямъ) рѣдко жили въ покоѣ. Мятежи вблизи Китая поднималъ даже и младшій братъ Кублая, старавшійся оспорить у него право Царской власти. М.

услыхалъ эту просьбу, то по его движеніямъ было видно, что она ему не по сердцу: ему не хотѣлось, чтобы Венеціяне уѣхали. Но чувствуя, что не согласиться было нельзя, онъ уступилъ ихъ просьбамъ. Если бы онъ не видѣлъ себя принужденнымъ къ тому крайностію и важностію такого особеннаго случая, никогда бы они не добились отъ него позволенія оставить его службу. Онъ послалъ однако жь, за ними и бесѣдовалъ очень снисходительно и ласково, увѣрялъ ихъ въ своей благосклонности и требовалъ обѣщанія, что они опять воротятся къ нему, проведя нѣсколько времени въ Европѣ съ своимъ семействомъ. Потомъ велѣлъ для нихъ изготовить золотую доску, съ вырѣзаннымъ на ней приказомъ, чтобы ихъ свободно и безопасно принимали во всѣхъ областяхъ его Царства и снабжали всѣмъ нужнымъ, какъ ихъ самихъ, такъ и провожатыхъ. Онъ также уполномочилъ ихъ, въ качествѣ своихъ пословъ, на переговоры съ Папою и Королями Французскимъ и Испанскимъ.

Въ тоже время хлопотали о снаряженія 14 судовъ, изъ которыхъ каждое имѣло мачту и ходило о 9-ти парусахъ: постройка и расположеніе ихъ потребовали бы долгаго описанія, но, во избѣжаніе многословія, теперь не станемъ говорить о томъ. Въ числѣ этихъ судовъ по крайней мѣрѣ, 4. или 5, имѣли по 250, или 260, человѣкъ экипажа. Послы, подъ защитою которыхъ была Царица, сѣли на суда. вмѣстѣ съ Николо, Маффіо и Маркомъ Поло простившимися съ Великимъ Ханомъ, который подарилъ имъ множество рубиновъ и другихъ драгоцѣнностей высокаго достоинства, и приказалъ снабдить суда на два года съѣстными припасами.

VI. Послѣ трехмѣсячнаго почти плаванія, они прибыли на одинъ островъ, лежавшій въ южномъ направленіи и называвшійся Ява: тамъ много было замѣчательныхъ предметовъ, о которыхъ говорено будетъ въ продолженіи этого сочиненія. Оттуда поплыли они дальше и пробыли 18 мѣсяцевъ въ Индійскихъ моряхъ, прежде нежели могли плыть къ мѣсту своего назначенія, въ землю Царя Аргона. Въ этой половинѣ ихъ путешествія имъ также случилось наблюдать много предметовъ, о чемъ также сообщено будетъ послѣ. Здѣсь надобно замѣтить только, что со дня ихъ отъѣзда до прибытія въ Индію, они лишились почти 600 человѣкъ умершихъ матросовъ и другихъ людей, ѣхавшихъ съ ними: изъ пословъ пережилъ путешествіе только одинъ, по имени Гоца, а изъ всѣхъ госпожъ и служанокъ умерла только одна. По пріѣздѣ они узнали, что король Аргонъ за нѣсколько

ремени до того кончилъ жизнь, и что правленіе въ рукахъ его сына-амѣстника, еще очень молодаго человѣка, по имени Кіа-като. [27] Они братились къ нему за распоряженіями, относительно содержанія няжны, привезенной сюда по просьбѣ послѣдняго Государя. Онъ отвѣчалъ, чтобы они передали ее сыну Аргона, Казану, [28] находившемуся въ то время на границахъ Персіи, въ странѣ, которая называлась, по имени сухаго дерева, «Arbor Secco», и гдѣ собрано было 60,000 человѣкъ войска, для охраненія отъ непріятеля нѣкоторыхъ

---

[27] Лицо, названное здѣсь Кіа-като и показанное Правителемъ страны отъ имени сына послѣдняго Государя, былъ Кай-кату, второй сынъ Абаки и, слѣдовательно, братъ Аргона, по смерти котораго онъ и владѣлъ верховною властію, хоть, можетъ быть, только въ качествѣ Правителя или опекуна, во вредъ правамъ племянника, тогда еще несовершеннолѣтняго. См. о немъ Д'Оссона, который пишетъ его: Gaikhatou (Liv. VI, ch. 3).

[28] Князь, котораго имя пишется здѣсь Казанъ или Casan, а у Дегиня Cazan, былъ Газанъ (Ghazan), старшій сынъ Аргона. Онъ взошелъ на Персидскій престолъ только въ исходѣ 1295 г., почти пять лѣтъ спустя по смерти отца, назначившаго мѣстопребываніемъ ему Хоразанъ, и подъ опекою Атабека или Губернатора, по имени Ну-роза (Nu-roz); по убѣжденіямъ этого лица, онъ въ послѣдствіи принялъ Магометанскую вѣру и имя Махмуда. Не видно, чтобы въ этой области безпокоилъ его дядя Кай-кату, и приказаніе отвезти къ нему пріѣзжую Княжну, какъ къ Намѣстнику его отца, показываетъ, что они еще не были въ настоящей и явной враждѣ. Это ясно еще изъ того обстоятельства, что когда, по убіеніи Кай-кату, правленіе перешло въ руки Байду (внука Гулагу въ другой линіи; см. D'Osson VI, 4) и Газанъ пошелъ съ войскомъ въ Рей, для обезпеченія своихъ наслѣдственныхъ правъ, его первое требованіе состояло въ томъ, чтобы выдали ему убійцъ дяди. Послѣ сомнительной войны, продолжавшейся восемь мѣсяцевъ, измѣна главныхъ вождей привела къ гибели похитителя верховной власти: Газанъ взошелъ на Персидскій престолъ, спустя два года по пріѣздѣ Княжны, о которой ничего больше не упоминается. Этотъ Государь нашелъ прекраснаго историка въ своемъ Визирѣ Рашидѣ, который подробно описываетъ его характеръ и дѣла и выставляетъ его образцомъ Государей. Газанъ отмѣнилъ безчисленныя злоупотребленія, вкравшіяся въ странѣ при его предшественникахъ, избавилъ народъ отъ многихъ тягостей и ввелъ порядокъ и правильность во всѣ отрасли управленія. Дѣйствуя вполнѣ въ духѣ народа, покореннаго оружіемъ его Монгольскихъ предковъ, Газанъ принялъ вѣру Магомета. См. D'Osson, Hist. des Mong. liv. VI, ch. 5 — 9.

проходовъ. [29] Такъ они и поступили, но вернулись потомъ въ мѣстопребываніе Кіа-като, потому что дорога, которую хотѣли итти далѣе, лежала въ этомъ направленіи; но тамъ они отдыхали цѣлые 9-ть мѣсяцевъ. При прощаніи, Кіа-като далъ имъ 4 золотыя доски, каждая въ полъ локтя длины и пять вершковъ ширины, а вѣсомъ три, или четыре, золотыя марки. На нихъ было написано, что властію вѣчнаго Бога, имя Великаго Хана вездѣ должно быть почитаемо и хвалимо, и всякой, оказавшійся ослушникомъ того, подвергается смерти, а его имѣніе отбирается на Хана. Потомъ было написано, чтобы три Посланника, какъ его Намѣстники, во всей землѣ принимались съ должною почестію, доставлялось бы имъ все нужное и давались необходимые провожатые. Все это исполнено въ точности: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ провожало ихъ до 200 человѣкъ стражи; да безъ нея они и не ушли бы далеко, потому что правленія Кіа-като не любили, а въ народѣ было расположеніе къ позорной брани и насильствамъ, о чемъ не смѣли бы и подумать въ царствованіе своего законнаго Государя. [30] Въ продолженіи путешествія они узнали, что Великій Ханъ (Кублай) кончилъ жизнь: это лишило ихъ всякой надежды

---

[29] Этѣ важные проходы, извѣстные древнимъ подъ именемъ Portae и Pylae Caspiae или Каспійскія дороги (для различія отъ Дербентскихъ и Рудбарскихъ), у Восточныхъ географовъ называются тѣснины Коваръ или Каваръ, отъ того ли, что это слово означаетъ долину между двумя горами, или отъ имени городка, у восточнаго входа, также называемаго Каваръ. По близости этихъ тѣснинъ лежитъ земля, которую Поло называетъ Arbor Secco: о ней особенно говоритъ онъ въ 20 главѣ, упоминая о ней не одинъ разъ, потому что тамъ раздѣлялись дороги, по которымъ онъ ѣхалъ въ Китай и обратно. См. о томъ Риттера VIII, стр. 417—507, гдѣ подробно описаны разные пути, которые избирали новѣйшіе путешественники для изслѣдованія этихъ, до того мало посѣщенныхъ, странъ, и особливо объ этомъ Каварскомъ проходѣ см. 451 и слѣд.

[30] Въ этомъ описанномъ поступкѣ находимъ доказательство общаго сомнѣнія относительно права Каї-кату на престолъ, хотя Монгольскіе вельможи и считали это право зависимымъ отъ ихъ выбора. Всѣ историки согласны въ томъ, что онъ велъ постыдную и распутную жизнь: вельможи, наскучивъ имѣть Царемъ такого испорченнаго Князя, сколько ненавидимаго подданными, столько же презираемаго иноземцами, рѣшились низвергнуть его и предложили вѣнецъ не Газану, котораго могли считать еще очень молодымъ и незрѣ-

опять увидать тѣ страны. Наконецъ дошли они до города Требизонда, откуда поплыли въ Константинополь, потомъ къ Негропонту [31] и напослѣдокъ въ Венецію, куда и прибыли, бодрые и здоровые, съ великими богатствами, въ 1295 г. [32] По этому случаю они принесли

лымъ, а Байду, внуку Гулагу и племяннику умершаго Царя, тогдашнему Намѣстнику въ Багдадѣ. Дѣло дошло до сраженія: Кай-кату, лично храбрый, только по особенной измѣнѣ начальника одного крыла его войска, былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и повѣшенъ. Мы уже говорили выше, что между нимъ и племянникомъ, Газаномъ, не было никакой непріязни. Замѣчательно, что всего больше побудила Монгольскихъ вельможъ къ мятежу противъ этого Государя попытка его ввести въ Государствѣ бумажныя деньги, какія обыкновенно ходили въ Китаѣ. Hist. des Huns XVII, p. 267. Жаль, что Дегинь не указываетъ источника этого замѣчательнаго событія; но если это было дѣйствительно такъ, то мы не усомнимся приписать ему всѣ тѣ трудности, которыя наши путешественники претерпѣли въ Персіи и ихъ долгое пребываніе въ Табризѣ. См. кн. 2, гл. 18 о бумажныхъ деньгахъ, пущенныхъ въ обращеніе Царемъ въ Пекинѣ. М.

Введеніе бумажныхъ денегъ въ Персіи въ царствованіе Кай-кату подтверждаетъ и Д'Оссонъ въ Hist. des Mong. IV, стр. 100 и слѣд., который приводитъ свѣдѣтельства историковъ Рашида и Вассафа. Казна расточительнаго Государя вся была истрачена: одинъ негодяй, по имени Иццуддинъ Моцафферъ, далъ первому Визирю несчастный совѣтъ пособить горю выпускомъ бумажныхъ денегъ.

[31] Самая прямая дорога изъ Табриза (принимая его за пребываніе Кай-кату) была бы черезъ Бедлисъ въ Курдистанѣ въ Алеппо; но на ту пору Египетскіе Султаны, съ которыми Цари Персидскіе находились въ безпрестанныхъ войнахъ, овладѣли всѣми пристанями Сиріи и не уважили бы письменныхъ видовъ нашихъ путешественниковъ. Дорога изъ Грузіи въ Требизондъ, на Черномъ морѣ, дѣлала ихъ сухопутное путешествіе короче и безопаснѣе: тамъ оставались они подъ защитою Христіянскаго Государя, котораго Домъ царствовалъ въ независимомъ небольшомъ Требизондскомъ царствѣ съ 1204 по 1462 годъ, когда оно поглощено было Имперіею Оттомановъ; изъ Требизонда же въ Константинополь, Негропонтъ или Эвбею, и напослѣдокъ въ Венецію они могли ѣхать моремъ, вѣроятно, на корабляхъ своихъ земляковъ. М.

[32] Поло разсказываетъ, что онъ, для достиженія Суматры, употребилъ три мѣсяца, считая отъ его выхода въ море въ Цейтунѣ. Тамъ, по словамъ его, онъ оставался пять мѣсяцевъ изъ за дурной погоды (кн. III); на переѣздъ

благодарность Богу, Который избавилъ ихъ отъ столькихъ безпокойствъ, напряженныхъ трудовъ и безчисленныхъ опасностей, и довелъ ихъ до цѣли. Этотъ разсказъ можетъ считаться вступительною главою: его назначеніе ознакомить читателя съ случаями, встрѣчавшимися Марку Поло при собираніи свѣдѣній о предметахъ, которые онъ описывалъ во время долголѣтняго пребыванія на Востокѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О Малой Арменіи, о пристани Giazza, и предѣлахъ этой страны.

Начиная описаніе странъ, посѣщенныхъ Маркомъ Поло въ Азіи, и замѣчательныхъ предметовъ, которые онъ тамъ видѣлъ, необходимо замѣтить, что мы различаемъ двѣ Арменіи, Великую и Малую. [55]

изъ Суматры въ Ормусъ употреблено имъ 18 мѣсяцевъ. Прибывъ въ Таврисъ, онъ отправился въ «Arbor Secco», для сопровожденія невѣсты Аргона, и провелъ 9-ть мѣсяцевъ въ Таврисѣ для отдыха. Такимъ образомъ и выходитъ у него 35 мѣсяцевъ, употребленныхъ для этого путешествія. Если причесть къ тому время, необходимое на переѣздъ изъ Ормуса въ Таврисъ и на возвращеніе оттуда въ Венецію, то выйдетъ, что онъ $3^1/_2$ года провелъ въ путешествіи изъ Китая въ отечество; это подтверждаетъ отъѣздъ его изъ сего Государства, который приходится въ 1292 году, такъ что на службѣ Великаго Хана онъ находился 17 лѣтъ, а 26 лѣтъ на Востокѣ. Б. Б.

55 Это раздѣленіе Арменіи на Великую и Малую согласно съ тѣмъ, что находимъ у Птолемея и средневѣковыхъ географовъ, хотя были и другія раздѣленія съ тѣхъ поръ, какъ эта часть Азіи стала подвластною Оттоманской Имперіи. По Бюшингу, Малая Арменія заключаетъ часть Каппадокіи и Киликіи, лежащей на западной сторонѣ Великой Арменіи и также съ западной стороны Евфрата. Во время Гайтона она простиралась на югъ отъ Тавра и вмѣщала Киликію (Cilicia campestris), чего не было въ древнѣйшее время: въ подтвержденіе того, мы имѣемъ неоспоримый авторитетъ этого историка, который разсказываетъ подвиги своего отца и дѣда, бывшихъ Царями въ этой странѣ, и приводитъ свои особенныя причины къ отреченію отъ престолонаслѣдія. Въ извѣстіи о частяхъ и границахъ Сиріи онъ говоритъ: «Къ востоку граничитъ она съ Месопотаміею, къ сѣверу съ Малою Арменіею и отчасти съ Турецкимъ Государствомъ.» Начало ея, какъ особеннаго Государства, Дегинь описываетъ въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: «Въ царствованіе Алексѣя Комнина, одинъ Армянскій Вельможа, по имени Kaghic, изъ славнаго дома

Король Малой Арменіи живетъ въ городѣ, по имени Севастосъ, [34] и правитъ хорошо и правосудно. Въ землѣ много городовъ, крѣпостей и замковъ, и нѣтъ недостатка ни въ чемъ, необходмомъ для пищи и удобства людей. Тамъ довольно дичи, состоящей въ птицахъ и звѣряхъ. [35] Но должно замѣтить, что воздухъ страны не совсѣмъ здоровъ. Въ прежнія времена жители ея считались храбрыми и опытными воинами, но теперь они женственны и изнѣжены, любятъ ѣсть, пить, роскошничать, да ничего не дѣлать. На морскомъ берегу лежитъ городъ, по имени Giazza, важное торговое мѣсто. Пристань его посѣщается множествомъ купцовъ изъ разныхъ странъ, также изъ Венеціи и Генуи, которые покупаютъ пряныя коренья и ароматическія травы, шелковые и шерстяные товары и другія дорогія вещи. Кто хочетъ ѣхать внутрь Леванта, [36] обыкновенно долженъ сначала

потомковъ Пакрата, умѣлъ овладѣть Армянскимъ Государствомъ. Онъ принялъ Царскій титулъ и покорилъ Киликію съ частію Каппадокіи. Онъ него ведутъ родъ Цари Малой Арменіи, правившіе въ XII (и въ XIII) столѣтіи. Столицею ихъ былъ Сисъ.» Hist. gen. des Huns. VII, 432. — М. Поло проѣзжалъ Малую Арменію на пути въ Китай, а Великую, возвращаясь оттуда, по дорогѣ изъ Табриса въ Требизондъ, чтобы сѣсть тамъ на корабль.

[34] По названнымъ выше знаменитымъ писателямъ, также и по другимъ, столицею Малой Арменіи былъ Сисъ въ царствованіе Льва и Гайтона; по нашему мнѣнію, упоминаемый здѣсь Севастосъ было древнее имя этой столицы, или другаго города, имѣвшаго тоже положеніе. Изъ Географіи Птолемея видно, что въ Asia Minor было много городовъ съ именемъ Севастія, Севасте и Севастополь (кромѣ одного въ Сиріи); въ его же исчисленіи Киликійскихъ городовъ находимъ Севасте, къ которому въ Латинскомъ переводѣ прибавлено прилагат. augusta: на этомъ основаніи, городъ могъ построить Левъ I-й (по имени котораго земля называется у Арабовъ Беладъ-Леонъ, также и Беладъ-Сисъ), и Греческое названіе его еще преобладало. М.

[35] М. Поло при своихъ описаніяхъ не упускаетъ ни одного случая упомянуть объ удовольствіяхъ, доставляемыхъ охотой, особенно соколиной. Въ его время охота была предметомъ болѣе важнаго занятія для сановитыхъ людей, нежели стала въ новѣйшее время, и Монгольскіе Государи, въ службѣ которыхъ онъ былъ воспитанъ, считали ее дѣломъ, уступавшимъ, по своей важности, только одной войнѣ. М.

[36] Левантъ составляетъ переводъ слова Анатолія или Анадоли, отъ Греческаго ἀνατολή, означающаго землю къ востоку отъ Греціи. Нашъ писатель употребляетъ его для Малой Азіи: въ обширнѣйшемъ объемѣ это будетъ Востокъ.

войти въ эту пристань. Границы страны: къ югу Земля Обѣтованная, теперь во владѣніи Сарацинъ, къ сѣверу Караманія, населяемая Туркоманами, къ сѣверо-востоку города Кесарія, Севаста и многіе другіе, подвластные Татарамъ, а къ западу она омывается моремъ, по которому плаваютъ въ Христіянскія земли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О землѣ Туркоманіи, гдѣ города Когни, Kaisanah и Севаста, и о торговлѣ ихъ.

Жителей Туркоманіи [37] можно раздѣлить на три отдѣла. Туркоманы,

---

[37] Подъ Туркоманіею обыкновенно разумѣемъ владѣнія Великой Сельджуцкой Династіи въ Малой Азіи, простиравшіяся къ югу отъ Киликіи и Памфиліи, по берегамъ Чернаго моря, и къ западу отъ Писидіи и Мизіи къ границамъ Малой Арменіи, и заключавшія въ себѣ большую часть Фригіи и Каппадокіи съ Понтомъ, а особливо теперешнія области Караманію и Rumiyah или землю Румъ. Главнымъ городомъ первой, т. е., Караманіи, былъ Иконія, названіе. искаженное Восточными писателями въ Kuniyah, а писателями Крестовыхъ походовъ въ Когни, послѣдней же Севасте или Севастополь, обращенный въ Сивасъ. «Государство Turquia, говоритъ Гайтонъ, разумѣвшій подъ нимъ землю, которую нашъ писатель называетъ Туркоманіей, очень велико: къ востоку оно граничитъ съ Великою Арменіей и отчасти съ Государствомъ Грузіей; къ западу простирается до Государства (страны) Анатоліи, лежащаго за Греческимъ моремъ; къ сѣверу оно не граничитъ съ сушею, а простирается вдоль береговъ Чернаго моря; къ югу же сопредѣльно отчасти съ Малою Арменіею, отчасти, съ Киликіей, а отчасти доходитъ до самаго Греческаго моря, напротивъ острова Кипра.» Hist. orient. cap. XIII.—«Сельджуками, говоритъ Поттингеръ, я называю Туркомановъ, согласно съ туземными писателями, съ которыми я справлялся.» Государь, отъ котораго велъ свое начало Домъ Сельджуковъ, былъ родомъ Туркоманъ изъ Туркестана, на сѣверовосточной сторонѣ рѣки Сигона или Яксарта, но въ службѣ Козарскаго Государя на Волгѣ, откуда бѣжалъ и искалъ счастія за Оксомъ, точно такъ. какъ нѣкоторые изъ его Дома искали его въ Хоразанѣ. Они пріобрѣли великую славу и наконецъ, съ помощію Туркоманскихъ племенъ, соединившихся подъ ихъ знаменами, основали Государство, котораго столица находилась въ Персіи. Другая отрасль ихъ отняла около 1080 г. у Греческихъ Императоровъ прекрасныя области Малой Азіи и образовала то Государство, о которомъ

чущіе Магомета и слѣдующіе его закону, грубый народъ и безъ всякой образованности. Они живутъ въ горахъ и въ мѣстахъ, съ трудомъ доступныхъ, гдѣ находятъ хорошія пастьбища для своего скота, которымъ только и живутъ. Здѣсь есть превосходная порода лошадей, называемыхъ Турки, и красивые мулы, продающіеся высокою цѣною. [38] Другіе отдѣлы — Греки и Армяне, живущіе въ городахъ и укрѣпленныхъ мѣстахъ и получающіе пропитаніе отъ ремеслъ и торговли. Тутъ ткутся самые лучшіе и красивые ковры и шелковыя ткани краснаго и другихъ яркихъ цвѣтовъ. Къ знатнѣйшимъ городамъ принадлежатъ: Когни, Кесарія и Севаста; изъ нихъ въ послѣднемъ Св. Власій сподобился славнаго мученическаго вѣнца. Всѣ они въ зависимости Великаго Хана, Царя Восточныхъ Татаръ, который опредѣляетъ надъ ними Намѣстника. [39] Теперь поговоримъ о Великой Арменіи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О Великой Арменіи, гдѣ города Arzingan, Аргиронъ и Darziz; о замкѣ Пайпуртѣ; о горѣ, на которой остановился Ноевъ ковчегъ; о границахъ страны и замѣчательномъ масляномъ источникѣ.

Великая Арменія — обширная область: при входѣ въ нее лежитъ

теперь рѣчь. Черезъ эту страну нѣсколько разъ пролагали себѣ путь Христіянскіе Государи въ своихъ первыхъ походахъ въ Обѣтованную Землю: по исчисленію историковъ, не менѣе 600,000 человѣкъ погибло въ этихъ предварительныхъ походахъ. Наконецъ, могущество Сельджуковъ уступило превозмогающему вліянію Чингисъ-Ханова Дома, и во время Марка Поло было уже незначительно; но изъ развалинъ его возникло Государство Оттомановъ, основатель котораго находился въ службѣ одного изъ послѣднихъ Иконійскихъ Султановъ. М.

[38] Пастушескіе обычаи Туркоманскихъ Татаръ сохранились до нынѣшняго времени; также существуетъ еще и различіе ихъ племенъ. Порода Туркскихъ лошадей цѣнится на всемъ Востокѣ, какъ особенно смѣлая и сильная. М.

[39] Домъ Гулагу и племена, слѣдовавшія за его знаменемъ, называются всегда у Марка Поло Восточными Татарами, для отличія отъ потомковъ Батыя, которые поселились на Волгѣ, на сѣверозападной сторонѣ Каспійскаго моря

городъ Arzingan, [40] гдѣ находится фабрика тонкой хлопчатобумажной ткани, называемой бомбазинъ, [41] и много другихъ замѣчательныхъ фабрикъ, исчисленіе которыхъ было бы слишкомъ подробно. Здѣсь есть прекраснѣйшіе теплые ключи и самыя цѣлительныя воды, какія только можно найти. Жители по большой части Армяне, но подъ Татарскою властію. Въ этой странѣ много городовъ, но Arzingan самый главный и мѣстопребываніе Архіепископа. Послѣ него важ-

---

и распространяли свои завоеванія въ Европѣ, между тѣмъ какъ тѣ потянулись отъ Заоксаніи и Хоразана къ востоку въ Персію. М.

[40] Arzingan, тогдашняя столица Великой Арменіи, которая въ тоже время является замѣчательнымъ фабричнымъ городомъ, еще и теперь называется Erzingan и лежитъ въ дикой романической мѣстности, окруженная плодоносною страною, на разстояніи 20 географ. миль къ сѣверозападу отъ нынѣшней столицы Арменіи, Эрзерума, къ югу отъ Кара-су или большаго западнаго рукава Евфрата.

Eriza или Erez у Армянъ, Arzengan у Персовъ, а у Арабовъ, не имѣющихъ буквы g, Arzendjan, въ Дохристіянское время былъ весьма древній городъ, славный множествомъ языческихъ храмовъ, которыми обязанъ въ I-мъ столѣтіи Тиграну II. Но послѣ, въ IV вѣкѣ, эти храмы Анагидъ были разрушены Св. просвѣтителемъ Григоріемъ. Благодаря этому великому Апостолу, ко гробу котораго ходятъ сюда на богомолье, страна сдѣлалась классическою средою Арменіи и мѣстопребываніемъ Епископа, перенесеннымъ въ послѣдствіи оттуда въ младшій по времени Эрзерумъ. Подъ владычествомъ Сельджуковъ и Монголовъ въ Персіи, при которыхъ видѣлъ этотъ городъ Марко Поло, и которые покорили его въ 1242 году, въ немъ весьма процвѣтали промышленность и торговля; но о тамошнихъ теплыхъ ключахъ никто изъ новѣйшихъ наблюдателей не сообщаетъ намъ ни какого извѣстія: мы почти догадываемся, что М. Поло смѣшалъ ихъ съ ключами Эліи близъ Эрзерума, городка, весьма часто разрушаемаго землетрясеніями. Англійскій Консулъ Брантъ, посѣщавшій Арзинганъ въ 1835 году, насчитываетъ въ немъ 3,000 домовъ и большею частію Турецкихъ жителей, между которыми до 800 Армянскихъ семействъ. Ritter's Erdkunde, X, 270.

[41] Очень красивая бумажная ткань, Бухерамъ по Il Mill, или Bocassini di Bombaggio по тексту Рамузіо; эти Бомбасины лучше всякихъ другихъ. Изданіе Cotgrave, напечатанное въ 1611 году, замѣчаетъ, что боккасинъ, родъ бухарки или полосатой ткани, похожъ на тафту и въ большомъ употребленіи для бѣлья, такъ же и на калиманку. Vocabulario della Crusca говоритъ о buckerame bianchissima и buckeramo bombagino.

чѣйшіе Аргиронъ и Darziz. [42] Лѣтомъ приходитъ въ страну военный отрядъ Восточныхъ Татаръ съ ихъ стадами, по причинѣ хорошихъ здѣшнихъ луговъ, но при наступленіи зимы они удаляются, потому что снѣгу такъ много падаетъ, что лошади не находятъ для себя ни какого корма. Отъ того Татары, ради тепла, уходятъ съ стадами на югъ. Тутъ же есть замокъ, по имени Пайпуртъ, [43] мимо

---

42 Аргиронъ, испорченное имя нынѣшняго Арзерума, Эрзерума, правильнѣе, по Арабскому названію, Arzen er rum, т. е., Арзенъ, городъ Римлянъ, потому что онъ послѣдній, принадлежавшій Римлянамъ городъ Арменіи, въ противоположность съ сосѣднимъ городомъ Арзеномъ, лежащимъ восточнѣе, который былъ богатый рынокъ Сиро-Армянъ, но еще въ 1049 г. разоренъ Сельджуками и остался въ развалинахъ. Тогда жители его переселились въ Римскій городъ Арзенъ, который былъ до того только военнымъ мѣстомъ, но съ этого времени поднялся по населенію и богатству. Его древнѣйшее туземное имя Гаринъ, въ той же области, называвшейся у Армянъ также Гаринъ, только въ началѣ V вѣка перешло на построенную на его мѣстѣ крѣпость, главную въ Арменіи и названную Θеодосіополемъ. Какъ Византійско-Христіянскій городъ, крѣпость эта удерживала такое имя многія столѣтія, пока въ XI столѣтіи не было оно вытѣснено Арабскимъ названіемъ. Марко Поло засталъ его въ искаженномъ видѣ у Персовъ, но оно и до сихъ поръ уцѣлѣло и находится въ общемъ употребленіи въ названіи Эрзерума. См. Риттера X, стр. 270 — 271. Городъ, приводимый подъ искаженнымъ именемъ Darziz, не иное что, какъ Арсисса, нынѣшній Арджишъ, на озерѣ Ванъ.

43 Это древняя крѣпость, построенная еще Императоромъ Юстиніяномъ на утесѣ значительной высоты и называемая Baeberdon, Paiperth или Papert древнѣйшихъ Армянъ, Байбуртъ и Байбутъ у Арабовъ и Турокъ, на сѣверозападъ отъ Эрзерума, на рѣкѣ Джорокѣ или Чурукѣ, текущей отъ этого мѣста къ сѣверо-востоку черезъ Исперу (Hispiratis) въ Черное море. Въ самой близи Байбурта неизвѣстно ни одного серебрянаго рудника, но недалеко отъ него, по дорогѣ въ Эрзерумъ, лежатъ мѣдные рудники, Хальваръ, которыхъ, однако жь, нельзя разумѣть здѣсь. Вся окрестность, кажется, богата металлическими жилами. Есть и серебряные рудники, только они лежатъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города, одинъ на сѣверо-востокъ, въ долинѣ Чуруцкой, къ Исперѣ, на половинѣ дороги туда, въ 18 часахъ пути, вблизи Армянскаго монастыря Сипъ-Ованесъ: но теперь они не разработываются и мало извѣстны. Другіе лежатъ на противоположной сторонѣ, къ сѣверо-западу отъ Байбурта, въ долинѣ рѣки Гумискана, въ отдаленіи на 14 часовъ пути; они дали даже названіе этой рѣкѣ, потому что горнозаводскій городъ, выстроенный на гранитномъ хребтѣ Gumish

котораго лежитъ дорога ѣдущимъ изъ Требизонда въ Тавризъ; въ немъ есть богатый серебряный рудникъ. Въ средней части Арменіи находится очень большая и высокая гора, на которой, какъ говорятъ, остановился послѣ потопа Ноевъ ковчегъ. [44] При подошвѣ можно обойти ее кругомъ не менѣе какъ въ два дня. Всходъ на нее невозможенъ, по причинѣ снѣговъ на ея вершинѣ, которые никогда не таютъ, но еще умножаются съ каждымъ выпавшимъ снѣгомъ. Но въ низменной части, по направленію къ равнинѣ, почва дѣлается плодоноснѣе отъ тающаго снѣга. Тамъ такая роскошная растительность, что весь скотъ, сгоняемый туда изъ сосѣдственныхъ странъ, находитъ самый обильный кормъ. Къ югозападу съ Арменіею граничатъ земли Мосулъ и Марединъ, которыя будутъ описаны послѣ, и многія другія, такъ многочисленныя, что нельзя разсказывать о нихъ подробно. Къ сѣверу лежитъ Zorzania; [45] тамъ, на границѣ, есть большой колодезь съ масломъ, которымъ можно навьючить много верблюдовъ. Это масло употребляютъ не для кушанья, а только вмѣсто мази, для излѣченія

Dagh (Серебряной горы), называется Gumiskhana (Серебряной домъ). Ясно, что ихъ разумѣетъ здѣсь Марко Поло, такъ какъ они разработываются съ давнихъ поръ и все еще считаются не только богатѣйшими серебряными рудниками, не смотря на ихъ плохую разработку, но и высшимъ училищемъ горнаго и руднаго дѣла для всей Малой Азіи и Турецкой Имперіи. М.

[44] Это не Сирійскій, а Армянскій Араратъ, Mazis туземныхъ Армянъ. Ознакомившись съ Св. Писаніемъ, они считали его Араратомъ Моисеевыхъ книгъ, получившимъ у нихъ также имя Agherh или Dagher-dagh. По замѣчанію Гаммера, правильнѣе называть его Arghidagh или Arghitagh (какъ въ Dshihannuma Турковъ), такъ какъ это слово указываетъ на имя Arca, въ Библіи 70 толковниковъ, и названное по нему Arche Нѣмецкой Библіи, чему любопытнымъ подтвержденіемъ служитъ извѣстіе Марка Поло. О немъ подробности см. у Риттера X, 356 и слѣд.

[45] Подъ Zorzania надобно разумѣть здѣсь Грузинское Царство, сопредѣльное съ Арменіей и имѣющее столицею Тифлисъ: z вм. мягкаго g принадлежитъ старинному Венеціянскому нарѣчію, на которомъ, по всему вѣроятію, писанъ подлинникъ нашего сочиненія, и это правописаніе сохранилось, какъ въ Латинскомъ, такъ и въ обыкновенныхъ Итальянскихъ переводахъ. Такъ въ словаряхъ находимъ zampa вмѣсто gamba, mazor вмѣсто maggior и zoia вм. gioia. М.

ть накожныхъ болѣзней у людей и скота, равно какъ и въ другихъ недугахъ; можно также употреблять его съ пользою и для освѣщенія. Въ окрестности другаго и не держатъ для свѣтильниковъ, и приходятъ за нимъ издалека.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О землѣ Zorzania, ея границахъ; о тѣснинѣ, въ которой Александръ построилъ желѣзныя ворота, и о чудесномъ ключѣ близъ Тифлиса.

Въ Zorzania Царь обыкновенно называется Давидъ Меликъ, что по нашему значитъ Царь Давидъ. Одна часть земли подвластна Татарамъ, другая же, по причинѣ сильныхъ крѣпостей ея, находится во власти своего природнаго Государя. Она лежитъ между двумя морями, изъ которыхъ одно, съ сѣверо-западной стороны, называется Великое море (Эвксинское), а другое, съ восточной, называется море Абаку (Каспійское море). [46] Послѣднее имѣетъ 2800 миль въ окружности и походитъ на озеро, потому что не соединяется ни съ какимъ другимъ моремъ. На немъ разные острова съ прекрасными городами и замками. Нѣкоторые изъ нихъ населены народомъ, который бѣжалъ отъ Великаго Татарскаго Хана, опустошавшаго его страну, и искалъ убѣжища на этихъ островахъ, или въ дикихъ горахъ, [47] другіе же острова необитаемы. При устьяхъ

---

[46] Каспійское море у Восточныхъ писателей обыкновенно называется Козарскимъ озеромъ, а у Персидскихъ озеромъ Баку: подъ этимъ именемъ оно является на картѣ въ Венеціянскомъ изданіи Птолемея 1562 г. Это названіе происходитъ отъ Баку, знаменитой пристани на юго-западномъ берегу его. Вблизи его находится гора, выбрасывающая черное, весьма непріятнаго запаха, масло: это сѣрное смолянистое вещество называется каменнымъ масломъ. Его употребляютъ по ночамъ въ свѣтильняхъ, также мажутъ имъ верблюдовъ, для предохраненія отъ паршей. Геродотъ говоритъ о Каспійскомъ морѣ почти тѣми же словами, какъ и М. Поло. См. Bürck Allg. Gesch. d. Reisen. Bd. I, S. 191.

[47] Это относится къ завоеванію и разоренію Персіи войсками Чингисъ-Хана въ 1221 г. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что нѣкоторые изъ ея несчастныхъ жителей искали себѣ убѣжища на островахъ, нынѣ необитаемыхъ, или же посѣщаемыхъ одними лишь рыболовами.

рѣкъ Каспійское море изобилуетъ рыбою, особливо семгою и осетрами. [48] Въ этой землѣ всѣ лѣса наполнены буковыми деревьями. [49] Мнѣ сказывали, что въ старину Цари этой страны раждались съ знакомъ орла на правомъ плечѣ. Жители статны, смѣлые моряки, превосходные стрѣлки и храбрые воины въ битвѣ. Они Христіяне по обряду Греческой Церкви и носятъ короткіе волосы, какъ у Западнаго Духовенства. Это та самая земля, въ которую Александръ Великій хотѣлъ проникнуть съ сѣверной стороны, однако жь дошелъ недалеко, повстрѣчавъ какой-то трудный и тѣсный проходъ, омываемый, съ одной стороны, моремъ, а съ другой загороженный высокими горами и лѣсами, длиною въ 4 (Итальянскія) мили, такъ что небольшой отрядъ могъ бы защищать эту тѣснину отъ всего свѣта. Когда эта попытка не удалась Александру Великому, онъ велѣлъ построить высокую стѣну при входѣ въ тѣснину и укрѣпилъ ее башнями, чтобы живущіе по ту сторону стѣны не могли дѣлать

---

[48] Рыболовство на Каспійскомъ морѣ, особливо же въ устьяхъ Волги, всегда было очень значительно. «Въ числѣ чрезвычайно разнообразныхъ рыбъ, водящихся въ безчисленномъ множествѣ въ этой рѣкѣ, говоритъ P. H. Bruce, осетръ не послѣдней важности; яица его доставляютъ то, что Русскіе называютъ икрою (ikari), а мы кавьяромъ. Слѣдуетъ также упомянуть и о бѣлугѣ или бѣлой рыбѣ: она попадается въ 6 Англ. локтей въ длину и соразмѣрной тому толщины. Кромѣ ихъ, рѣка доставляетъ и осетрину (Брюсъ, кажется, подъ именемъ осетрины разумѣетъ особенную рыбу, отличную отъ Stör, тоже, что и осетръ: не сома ли, или севрюгу, онъ хотѣлъ сказать своею осетриною?), другую очень большую породу рыбъ, очень жирную и вкусную. Волга изобилуетъ также семгою, стерлядью (Strelitz), весьма пріятнаго вкуса, и множествомъ другихъ породъ, о которыхъ упоминать было бы слишкомъ подробно.» Memoirs p. 236. Страленбергъ упоминаетъ также о бѣлугѣ, какъ о самой большой въ свѣтѣ изъ употребляемыхъ въ пищу рыбъ, и говоритъ, что онъ видалъ ее въ 56 футовъ длины и въ 18 въ объемѣ. Стр. 337.

[49] Новѣйшіе путешественники считаютъ буковое дерево въ числѣ растительныхъ произведеній земли, однако жь не прибавляя замѣчанія, что оно преобладаетъ надъ всѣми другими родами деревъ; впрочемъ, Амвросій Кантарено, путешественникъ XV вѣка, выставляетъ его особенно предъ всѣми другими. «Era in detta pianura (говоритъ онъ, разсказывая о Мингреліи) di molti arbori in modo maggiori.» P. 65, 12-mo.

ему вреда. По чрезвычайной своей твердости, проходъ этотъ получилъ имя желѣзныхъ воротъ, и разнесся слухъ, что Александръ заперъ Татаръ между двумя горами. [50] Однако жь неправильно называютъ этотъ народъ Татарами: тамъ въ то время жили не они, а Куманы, съ примѣсью изъ другихъ народовъ. [51] Въ этой странѣ много городовъ

[50] Это знаменитый проходъ между Кавказомъ и Каспійскимъ моремъ, гдѣ лежитъ небольшой, но крѣпкій, городъ Дербентъ, называемый у Арабовъ Bab-al-abuab, ворота воротъ, у Турокъ Demir-capi, желѣзныя ворота, а у Персовъ Derbend, великій оплотъ: онъ находится между Грузіей и областью Ширванъ. «Жители обыкновенно того мнѣнія (говоритъ П. Г. Брюсъ), что городъ Дербентъ построенъ Александромъ Великимъ, и что длинная стѣна, доходившая до Евксина, воздвигнута, по его приказанію, для охраненія Персіи отъ Скиѳскихъ вторженій.» Memoirs, p. 284. Стѣна, должно быть, построена Ездегердомъ II, царствовавшимъ около половины V вѣка, и потомъ возстановлена Нуширваномъ, изъ его же дома, умершимъ въ 529 году. Саффердинъ говоритъ, что она имѣла 300 аршинъ (cubiti) въ вышину и построена Нуширваномъ. Ее разрушилъ Тимурленкъ. См. Байера Dissertatio de muro Caucaso; Commentar. Petrop. I, 245, и Rennell, Geography of Herodotus illustrated, p. 112.

[51] Наши свѣдѣнія о народѣ Куманахъ вообще темны и неточны, но, кажется, что въ XIII вѣкѣ Куманы населяли земли на сѣверо-западной сторонѣ Каспійскаго моря, отъ Волги до Чернаго моря; ихъ потомъ покорили и выгнали Кипчацкіе Татары. «Куманы, говоритъ Гиббонъ, была Татарская или Туркоманская Орда, кочевавшая въ XI и XII столѣтіяхъ на предѣлахъ Молдавіи. Большая часть ихъ были язычники, только немногіе Магометане; вся эта Орда обращена въ Христіянство Людовикомъ Угорскимъ (1370 г.)» Decline and Fall of the Roman Empire. VI, 185, примѣч. — По Тавернье, Куманія къ востоку граничила съ Каспійскимъ моремъ, къ западу съ горами, идущими изъ Черкеской земли, къ сѣверу съ Россіею и къ югу съ Грузіею. Но Cartwright, въ «Preacher Travels», говоритъ: «Арменія на сѣверѣ имѣетъ своими крайними предѣлами: Колхиду, Иверію и Албанію, называемыя нынѣ у Татаръ Команіею»; а въ Исторіи Арменіи Гайтона Куманы и Черкесы — одно и то же. Нашъ писатель, очевидно, говоритъ о нихъ, какъ о народѣ, жившемъ непосредственно на сѣверѣ у Дербентскаго прохода, гдѣ на нашихъ картахъ поставлены Лезгины. Впрочемъ, мракъ, покрывающій извѣстія объ этомъ народѣ, нѣсколько проясняетъ одно мѣсто въ «Gesta Dei per Francos» Бонгарсія. Оно показываетъ, что имя Comani не что иное, какъ сокращеніе изъ Turcomani, а это названіе намъ извѣстнѣе. Вотъ его слова: «Ab his autem septentrionalibus Saracenis, qui

и крѣпостей, изобиліе во всемъ, нужномъ для жизни; много родится шелка, изъ котораго дѣлаются матеріи, протканныя золотомъ. Здѣсь встрѣчаются и необыкновенной величины коршуны (кречеты) изъ породы, называемой Авиги. Жители вообще получаютъ содержаніе отъ торговли и рукодѣлій. Гористая мѣстность страны съ ея узкими и твердыми тѣснинами помѣшала Татарамъ покорить ее совсѣмъ. При одномъ мужскомъ монастырѣ, посвященномъ Св. Леонарду, происходятъ слѣдующія чудныя вещи. Тамъ есть озеро съ соленою водою, 4 дня пути въ окружности, на берегу его стоитъ церковь. Рыба въ немъ показывается не прежде перваго весенняго дня, и съ этого времени до навечерія Пасхи водится въ чрезвычайномъ множествѣ; за то о Пасхѣ и во все остальное время года ее совсѣмъ не видно. Озеро называется Gelughalat. [52] А въ названное выше озеро

Comani nuncupantur, principium et originem hi, qui Turcomani dicuntur, et in terra Turcorum inhabitant, traxisse creduntur. Unde nomine composito a Turcis et Comanis appellantur Turcomani. De Turcis siquidem ex antiquis Orientalium historiis certum habemus, quod ex septentrionali regione exeuntes, Persarum fines ingressi, non solum regionem illam, sed universas fere orientales provincias armata manu occupaverunt violenter.» T. II, p. 1061. Въ этомъ описаніи узнаемъ династіи Туркоманскихъ Татаръ, извѣстныхъ подъ именемъ Сельджуковъ: одна изъ нихъ покорила Иранъ или Персію, а другая (см. примѣч. 37) владѣла большею частію Малой Азіи. «Les Turcs, говоритъ Дегинь, съ отношеніемъ къ предъидущему, que Zonare appelle Hongres et Cedren Huns, ont possédé tous les pays, qui sont depuis la Syrie jusqu'à Kaschgar.» T. I, p. 241. Ихъ значеніе упало къ половинѣ XII вѣка, однако долго еще жили они на сѣверныхъ берегахъ Каспійскаго моря. См. Бальделли II, not. 63.

[52] Это озеро (Lago di Geluchalat), западное въ Арменіи (его не должно смѣшивать съ соименнымъ ему въ Атропатене, или Урміею) и называется у Страбона Mantiane, у Птолемея Arsene (Arsissa), въ позднѣйшее время озеро Арджишъ, теперь Ванъ. «Есть и большія озера въ Арменіи, говоритъ Страбонъ: одно называется Mantiane или Kyaneane, т. е., синее какъ море; послѣ Palus Maeotis оно самое большое изъ соленыхъ озеръ и простирается до Атропатіи; на немъ есть также соловарни.» Названіе Geluchalat, которое даетъ ему Марко Поло, озеро это получило отъ города Келата (Khelat), лежащаго къ сѣверо-востоку отъ онаго; у Армянъ онъ называется Ghelath', у Арабовъ и Турокъ Challath, Akhlath, Abhlath; подъ властію Сельджуцкихъ Князей городъ этотъ находился въ цвѣтущемъ состояніи; Шахъ-Арманъ, Царь

Абаку, окруженное горами, впадаютъ большія рѣки: Гердилъ, [53] Гигонъ, Куръ и Араксъ и много другихъ. Недавно стали плавать по немъ Генуэзскіе купцы и привозить оттуда родъ шелковой ткани, подъ названіемъ ghellie. [54] Въ этой землѣ есть прекрасный городъ, по имени Тифлисъ, окруженный предмѣстіями и множествомъ твердынь. [55] Жители — Армяне и Грузины Христіяне, также нѣсколько Магометанъ и Жидовъ, но послѣднихъ очень немного. Тамъ выдѣлываются шелковыя и многія другія ткани. Жители подвластны Великому Царю

Армянскій, основалъ въ немъ свое мѣстопребываніе около 1100 г.; теперь этотъ городъ въ развалинахъ, но недалеко отън его выстроенъ новый Akhlath. Новѣйшее названіе Ванъ озеро получило отъ города Ванъ, на южномъ его берегу; въ этомъ городѣ отъ 10 до. 12 тысячь домовъ и до 40,000 жителей. Риттеръ называетъ эти оба Альпійскія озера (Ванъ и Урмію) главною средою образованности въ Адербиджанѣ. Озеро Ванъ недавно посѣщено было многими, именно Жоберомъ и Шульцомъ, но подробнѣе всѣхъ изслѣдовалъ его въ 1838 г. Брантъ, Англійскій Генералъ-Консулъ въ Эрзерумѣ: онъ помогъ намъ составить полное о немъ понятіе. См. Риттера IX, стр. 763. 784; § 27, стр. 972 — 1009, и X, 286 — 335.

[53] Отъ Арабовъ и Турокъ Волга получила имя Этель, искаженное здѣсь въ Гердилъ. По Ибн-Гаукалу, эта рѣка выходитъ изъ земель Русь и Булгаръ, и въ то время года, когда вода ея въ полномъ сборѣ, она должна быть больше рѣки Гигона или Джигуна, и съ такимъ сильнымъ теченіемъ, что ея волны, кажется, хотятъ завоевать Каспійское море. Имена Жигунъ или Оксъ, Куръ или Киръ, и Арасъ или Араксъ не требуютъ никакихъ особенныхъ замѣчаній. М.

[54] Такъ какъ земля Ghilan (также al-Ghil) при Каспійскомъ морѣ славна по торговлѣ шелкомъ, мы едва можемъ сомнѣваться, что названіе ghellie или gilli, дано было ткани, точно также, какъ флорентинъ, родъ шелка, получилъ свое имя отъ города Флоренціи. О красномъ Гиланскомъ шелкѣ упоминаетъ Нибуръ, а Эльфинстонъ, разсказывая о торговлѣ Кабула съ Персіею, говоритъ: «Въ Геланъ и Рештъ привозятся шелкъ и шелковыя ткани, выдѣлываемыя въ Ездѣ и Кашаунѣ». М. См. о Гиланѣ Риттера VIII, 425 — 433.

[55] Дорога нашего писателя изъ Тавриса въ Требизондъ не могла привести его въ этотъ городъ, слишкомъ теперь извѣстный, такъ что намъ и не нужно входить ни въ какія объясненія. Отъ того есть причина полагать, что онъ только со словъ другихъ сообщаетъ о немъ нѣсколько свѣдѣній.

Татаръ. Хотя мы говоримъ только о немногихъ главныхъ городахъ, слѣдуетъ, однако жь, знать, что тамъ много и другихъ, о которыхъ не приходится распространяться отдѣльно, если въ нихъ нѣтъ ничего замѣчательнаго; при случаѣ и они будутъ описаны послѣ. Сказавъ о земляхъ, граничащихъ съ Арменіею къ сѣверу, поговоримъ теперь о тѣхъ, которыя лежатъ къ югу и востоку.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О землѣ Мосулъ и ея разныхъ обитателяхъ; о народѣ Курдахъ, и о торговлѣ этой земли.

Мосулъ — [56] земля, населяемая разнымъ народомъ: одни изъ жителей исповѣдуютъ Магомета и называются Арабами, другіе исповѣдуютъ Христіанскую вѣру, но не по законамъ Римской Церкви, отъ которой отступаютъ во многомъ и называются Несторіянами, Яковитами и Армянами. У нихъ есть Патріярхъ, по ихъ названію Яколитъ: онъ посвящаетъ Архіепископовъ, Епископовъ и Игуменовъ, и точно такъ же, какъ Папа Римской Церкви, посылаетъ ихъ во всѣ страны Индіи, въ Каиръ, Багдадъ и во всѣ мѣста, обитаемыя Христіянами. [57] Всѣ золотыя и шелковыя ткани,

---

[56] Городъ Мосулъ, или по Арабскому произношенію Mausil, прежде главный городъ Месопотаміи, а теперь соименнаго съ нимъ Турецкаго пашалыка, лежитъ на правомъ или западномъ берегу Тигра, противъ мѣста древней Ниневіи, съ которымъ соединяется пловучимъ мостомъ. Абульфеда и всѣ Восточные географы описываютъ его однимъ изъ превосходнѣйшихъ городовъ, подвластныхъ Магометанамъ. Въ Нибуровомъ Путешествіи по Аравіи (ч. II, с. 289) читатель найдетъ удовлетворительное описаніе его новѣйшаго состоянія. Хотя писатель нашъ называетъ его областью, однако жь описываетъ скорѣе городъ, нежели область; самый округъ Арабы называютъ Diyar Mausil, также Diyaral-Iezirah.

[57] Эти различныя секты и нынѣ существуютъ точно такъ, какъ были въ XIII вѣкѣ и гораздо ранѣе: онѣ до сихъ поръ изображаютъ собою въ Мосулѣ состояніе раскола въ Христіянской Церкви, которое, кажется, очень бросилось въ глаза Венеціянцу въ его время; также есть онѣ въ сѣверномъ Курдистанѣ, на Забѣ, Тигрѣ и Евфратѣ. Когда Дюпре (1809) посѣщалъ Мосулъ, на 50,000 его жителей считалось до 2500 Сирійскихъ Католиковъ, 2600 Яковитовъ, 5000 Несторіянъ, 750 Жидовъ; прочіе жители были Турки, Курды, Арабы; Армянъ здѣсь нѣтъ: они живутъ разбросанно въ большей части городовъ этихъ областей.

азываемыя нами Муслины (кисея) выдѣлываются въ Мосулѣ; изъ этой тороны приходятъ всѣ большіе купцы, которые называются Мосуины, [58] и перевозятъ изъ одного мѣста въ другое въ большомъ коичествѣ пряности и благовонія. Въ тамошнихъ гористыхъ мѣстахъ киветъ племя, по имени Курды: одни изъ нихъ Христіяне Несторіянской и Яковитской секты, а другіе Магометане. Всѣ они безаконные разбойники, которыхъ занятіе грабить купцовъ. Возлѣ этой емли лежатъ еще другія, по имени Мусъ и Марединъ, гдѣ родится въ большомъ количествѣ хлопчатая бумага, изъ которой выдѣлываютя ткани, по имени «боккассини» и многія другія фабричныя произведенія. [59] Жители фабриканты и купцы, и всѣ они подданные Татарскаго Царя. Послѣ этого поговоримъ о городѣ Балдахѣ.

---

[58] Купцы, такъ называемые, снабжавшіе въ то время товарами Востока пристани Леванта для Венеціянъ, Генуэзцевъ, Пизанъ и т. д., были, безъ сомнѣнія, Мослемы, Муслиманы, Музульманы, но едва ли вѣроятно, чтобы всѣ они были родомъ изъ Мосула, а потому, конечно, Марко Поло смѣшалъ ихъ названія. Ткани изъ тонкой, прозрачной, бѣлой хлопчатой бумаги, похожія на нынѣшнія Индійскія матеріи подъ этимъ именемъ и на бомбасинъ, выдѣлываемыя на фабрикахъ Арзингана, получили въ слѣдующихъ столѣтіяхъ названіе муселиновъ, но не тѣ шелковыя, вытканныя съ золотомъ, парчи и названныя по имени Балдака, т. е., Багдада, какъ, на пр., нарядные штофы, балдакины, хоть, можетъ быть, ихъ и дѣлали въ Мосулѣ, подали поводъ къ ложному объясненію названія Муслина, потому что это имя, должно быть, давалось и золотымъ парчамъ, какъ Мосульскимъ товарамъ. Р.

[59] Изъ этого видимъ ясно, что въ тѣ времена туземная мануфактурная промышленность и торговля въ этихъ Восточныхъ областяхъ была значительнѣе, нежели нынѣ; теперь торговля оживляется почти одними иностранцами, да и самый Мосулъ не можетъ больше указать никакихъ собственныхъ фабрикъ муслиновыхъ, или другихъ матерій, кромѣ только красиленъ да набиваленъ для тканей, привозимыхъ изъ Басры. Но нынѣшній Мосулъ составляетъ только третью часть прежняго города и вездѣ окруженъ развалинами. Въ Мусѣ же теперь нѣтъ ни одной значительной фабрики, ни торговли; хоть и много занимаются тамъ превосходнымъ винодѣліемъ, однако, кажется, нѣтъ болѣе никакихъ слѣдовъ хлопчатобумажнаго производства. Нибуръ хвалитъ еще въ Мардинѣ (въ 1766) хорошія фабрики, полотняныя и хлопчатобумажныя, да и Г. А. Оливеръ, превосходный натуралистъ, прожившій тамъ пять дней, также подтверждаетъ хорошее хлопчатобумажное производство въ плодоносномъ округѣ Мардина и выдѣлку многихъ хорошихъ бумажныхъ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О великомъ городѣ Балдахѣ или Багадетѣ, прежде называемомъ Вавилономъ; о плаваніи оттуда въ Балсору, лежащую въ морѣ, хоть и Индійскомъ по имени, но собственно Персидскомъ заливѣ, и о различныхъ наукахъ, изучаемыхъ въ этомъ городѣ.

Балдахъ — [60] могущественный городъ, гдѣ прежде жилъ Калифъ или Папа всѣхъ Сарацинъ. По срединѣ его протекаетъ большая рѣка, по

тканей въ самомъ городѣ и окрестныхъ деревняхъ, снабжающихъ этими товарами Алеппскій рынокъ. Впрочемъ торговля ничтожна. Уже и тогда, во время М. Поло, какъ и теперь, окрестностямъ Мосула постоянно угрожали дикія племена Курдовъ, съ ближайшихъ горъ Курдистана: это хищныя орды, нападавшія на купеческіе караваны.

[60] Въ землѣ, расположенной уступами, въ рѣчной системѣ Тигра и Евфрата, Багдадъ становится для среднихъ вѣковъ срединнымъ мѣстомъ, соединявшимъ въ себѣ все, чѣмъ прежде порознь владѣли Ниневія, Вавилонъ, Селевкія, Ктезифонъ, Madain и Куфа: болѣе полустолѣтія онъ былъ мѣстопребываніемъ Калифовъ, столицею Магометанской всемірной Имперіи; ни Мекка, ни Куфа, ни Анбаръ, ни Haschemiach, не годились быть всегдашнею средою сильнаго Царства Калифовъ; напослѣдокъ второй изъ Аббассидскихъ Калифовъ, Абу Джафаръ аль Мансуръ (753—775 по Р. Х.) былъ такъ счастливъ, что нашелъ настоящее мѣсто, удовлетворявшее всѣмъ потребностямъ, какъ срединной области (Халдеи или Ассиріи), именно Ирака, которую еще Омаръ Завоеватель, въ его первомъ донесеніи, называлъ «сердцемъ земли, ключемъ Востока, путемъ свѣта, доставлявшимъ всѣ пріятности жизни», такъ и цѣлой Имперіи. Это былъ Багдадъ, средоточіе торговли, вновь процвѣтшихъ искуствъ, учености, наукъ, до тѣхъ поръ, когда, съ разрушеніемъ Калифата Монголами, при Ханѣ Гулагу, въ 1258 г. по Р. Х., онъ лишился прежняго блеска и почти всѣхъ жителей, и обращенъ былъ въ груду пепла. Позднѣйшій, опять явившійся, Турецкій Багдадъ, на восточной сторонѣ Тигра, былъ только слабымъ подобіемъ того города, который прежде, подъ именемъ города Калифовъ, раскинувшись по обоимъ берегамъ Тигра, при совершенно другихъ историческихъ обстоятельствахъ, получилъ значеніе первой столицы въ свѣтѣ. Уже Ибн-Гаукалъ сравнивалъ его только съ Константинополемъ въ Европѣ, Кануджемъ въ Индіи и Гамданомъ въ Китаѣ. Р. — Нравы и образъ мыслей жителей знакомы намъ по несравненнымъ разсказамъ Тысячи и Одной Ночи.

которой купцы перевозятъ свое добро въ Индійское море и обратно. [61] Разстояніе до него показываютъ въ 17-ть дней пути, по причинѣ излучинъ въ руслѣ рѣки. Отправляющіеся въ путешествіе, покинувъ рѣку, прибываютъ въ мѣсто, по имени Кизи, [62] откуда и выѣзжаютъ въ море; но еще до входа въ него проходятъ мимо города, по имени Балсара, [63] въ сосѣдствѣ котораго есть пальмовыя рощи, дающія лучшіе финики въ свѣтѣ. Въ Балдахѣ ткутся шелковыя ткани съ золотомъ, также атласъ и бархатъ, съ изображеніями разныхъ звѣрей. Почти весь жемчугъ, привозимый изъ Индіи въ Европу, ловится и прокалывается въ этомъ мѣстѣ. Магометанскій законъ изучается здѣсь ученымъ образомъ, равно какъ Магія, Физика, Астрономія, Геоманція и Физіогномія. [64] Это самый лучшій и обширнѣйшій городъ, какой только находится въ этой части свѣта.

---

[61] Эта рѣка Тигръ, у Арабовъ Dileh, впадающая въ Евфратъ; потомъ обѣ соединенныя рѣки получаютъ имя Шат-эль-Арабъ и изливаются въ Персидскій заливъ. Новѣйшій городъ Багдадъ находится на восточномъ берегу и соединенъ пловучимъ мостомъ съ предмѣстіемъ на западномъ берегу рѣки. На этой же сторонѣ находятся и развалины зданій, принадлежавшихъ къ древнему городу Калифовъ. Нашъ писатель представляетъ ихъ совершенно раздѣленными рѣкой въ его время. Абульфеда говоритъ, что онъ занимаетъ оба берега Тигра. М.

[62] Кизи или, по Итальянскому правописанію, Chisi, маленькій островъ на восточной сторонѣ Персидскаго залива, по имени Кисъ (Kis) или Кесъ (Kês). Торговля Сирафа, пристани на сосѣдней твердой землѣ, весьма прославленной у Восточныхъ географовъ, перешла на этотъ островъ, должно думать, по причинѣ войнъ въ той странѣ и вреда, переносимаго купцами. Никакіе слѣды не обозначаютъ теперь точнаго положенія Сирафа, и замѣчательно, что Нибуръ опускаетъ его безъ дальнѣйшихъ замѣчаній, хоть онъ имѣетъ такую важность въ исторіи средневѣковой торговли съ Индіею, особенно съ Китаемъ.

[63] Балсара, по обыкновенному правописанію Балсора, собственно же Basrah, городъ очень важный въ торговомъ отношеніи; онъ лежитъ на югозападномъ берегу Шат-эль-Араба, почти на полудорогѣ между мѣстомъ сліянія Евфрата и Тигра и Персидскимъ заливомъ. Нибуръ говоритъ, что «не много мѣстъ въ мірѣ, гдѣ бы находилось столько разныхъ породъ финиковой пальмы, какъ въ Басрѣ.»

[64] Славный по наукамъ, Багдадъ былъ нѣкогда главнымъ мѣстомъ Арабской мудрости. Но мнимыя искуства, о которыхъ говоритъ Поло, принадлежали

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Разсказъ о взятіи въ плѣнъ и смерти Балдахскаго Калифа. и чудѣ, какъ гора была переставлена съ одного мѣста на другое.

Калифъ, о которомъ упомянули мы выше, скопилъ столько сокровищъ, сколько едва ли когда нибудь имѣлъ другой Государь, и погибъ бѣдственно слѣдующимъ образомъ. Въ то время, когда Татарскіе Князья начинали распространять свою власть, между ними было четыре брата, изъ которыхъ старшій назывался Мангу и царствовалъ въ родовомъ городѣ Царскаго семейства. По завоеваніи земли Катаи и другихъ округовъ въ той странѣ, имъ захотѣлось владѣній еще обширнѣе: они ухватились за мысль о великомъ общемъ Государствѣ и рѣшились раздѣлить между собою свѣтъ. Для этой цѣли положили, чтобы одинъ изъ нихъ двинулся на востокъ. другой покорялъ на югѣ, а два другіе распространяли свои завоеванія въ прочихъ странахъ. Южная часть досталась Улау, который собралъ сильное войско и, покоривъ земли, лежавшія на пути его, двинулся, въ 1250 году, для нападенія на городъ Балдахъ. Но замѣтивъ, что это городъ крѣпкій и съ огромнымъ населеніемъ, рѣшился употребить лучше хитрость, нежели силу для его покоренія. Чтобы ввести непріятеля въ заблужденіе относительно числа своего войска, состоявшаго изо 100 тысячъ всадниковъ, онъ поставилъ на всякой сторонѣ передъ городомъ по отряду, подъ прикрытіемъ лѣса, а самъ принялъ начальство надъ третьимъ и смѣло двинулся впередъ, такъ что только небольшое пространство отдѣляло его отъ воротъ города. Калифъ слишкомъ мало обратилъ вниманія на такое, по видимому, незначительное войско, и, положившись на силу обычной молитвы къ Магомету, считалъ самымъ легкимъ дѣломъ совершенное истре-

---

къ ложнымъ знаніямъ предвѣщателей. Черное искуство (negromanzia) было предвѣщаніе посредствомъ мертвыхъ; Физика могла быть Естественная Исторія; что же касается до Астрономіи, то я думаю, что подъ этимъ словомъ разумѣли не науку о небесной системѣ и теченіи звѣздъ, но ложное ученіе, какъ узнавать судьбу по небеснымъ тѣламъ. Геоманція была искуство вопрошать судьбу по земнымъ тѣламъ. Физіогномія учила узнавать природу человѣка по чертамъ лица—знаніе, сдѣлавшееся моднымъ и въ наше время. Б. Б.

бленіе непріятеля. Итакъ онъ двинулся изъ города съ своею стражею. Лишь только увидѣлъ его приближеніе, Улау притворился, что отступаетъ передъ нимъ, и это продолжалъ до тѣхъ поръ, пока не заманилъ его въ лѣсъ, гдѣ разставлены были другіе отряды. Теперь они сомкнулись съ обѣихъ сторонъ: войско Калифа было окружено и уничтожено, самъ онъ взятъ въ плѣнъ, а городъ сдался завоевателю. Вступивши въ Багдадъ, Улау, къ великому своему удивленію, открылъ башню, полную золота. Онъ позвалъ къ себѣ Калифа, упрекалъ его въ скупости, мѣшавшей ему употребить свои сокровища на образованіе войска, которое защитило бы городъ отъ нападенія, грозившаго ему давно, и велѣлъ запереть Калифа безъ пищи въ этой башнѣ: тамъ, среди своихъ богатствъ, Калифъ и окончилъ плачевную жизнь. [65]

Вѣрю, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ такъ соизволилъ воздать за несправедливости къ вѣрнымъ его Христіянамъ, бывшимъ въ такомъ пренебреженіи у этого Калифа. Съ самаго восшествія на престолъ въ 1225 году, днемъ и ночью занимала его мысль, какъ бы обратить въ свою вѣру всѣхъ жителей своего Государства, а въ случаѣ ихъ упорства, имѣть предлогъ для ихъ казни. Для того онъ совѣтовался съ учеными, и они нашли одно мѣсто въ Евангеліи, слѣдующаго содержанія: «Аще имате вѣру, яко зерно горушно, и речете горѣ сей: прейди отсюду тамо, и прейдетъ, и ничто же невозможно будетъ вамъ (съ молитвою, обращенною для того къ величеству Божію).» Обрадовавшись открытію, и въ увѣренности, что это дѣло совсѣмъ невозможное, онъ приказалъ собраться всѣмъ Несторіянскимъ и Яковитскимъ Христіянамъ, жившимъ въ Багдадѣ въ великомъ числѣ. Имъ предложенъ вопросъ: «Вѣрятъ ли они, что все, сказанное въ Евангеліи, правда, или нѣтъ?» Они отвѣчали, что все правда. «Ну, сказалъ Калифъ, если все правда, такъ посмотримъ, кто изъ васъ представитъ доказательство своей вѣры; потому что, если изъ васъ не сыщется ни одного такого,

---

[65] Mostasem Billah, послѣдній изъ Аббассидскихъ Калифовъ Багдада, началъ царствовать съ 1242 года и былъ казненъ въ 1258 году. Это былъ слабый, безпечный, чувственный и при томъ скупой Государь, пренебрегавшій обязанностями правленія и возлагавшій ихъ на безчестнаго министра, который наконецъ выдалъ своего повелителя смертельному его врагу.

который имѣлъ бы вѣры въ своего Господа не болѣе, какъ на горчичное зерно, то ужь конечно я буду правъ въ томъ, что считаю васъ народомъ испорченнымъ, дурнымъ и вѣроломнымъ. Даю вамъ 10-ть дней: до истеченія этого срока, силою Того, Кого обожаете, вы или удалите стоящую передъ вами гору, или должны будете принять законъ нашего пророка: въ обоихъ случаяхъ вы безопасны; но если не сдѣлаете того, приготовляйтесь къ самой мучительной смерти. Христіяне, зная, что нельзя ждать ни какой милости, и что ему сильно хочется взять себѣ ихъ имущество, трепетали за свою жизнь при его словахъ, однако жь, не смотря на то, возложили упованіе на своего Спасителя, что Онъ избавитъ ихъ отъ опасности; держали собраніе и совѣтовались, къ чему имъ прибѣгнуть Не представлялось ничего другаго, какъ призвать Всемогущество Божіе, чтобы оно посѣтило ихъ своею помощію. Всѣ вмѣстѣ, большіе и малые, днемъ и ночью, повергшись на землю, проливали слезы, ничего не дѣлали больше, какъ только молились Богу. Такъ провели 8 дней; наконецъ одинъ добродѣтельный Епископъ получилъ Божественное откровеніе во снѣ: оно указало ему отыскать одного башмачника (имя его неизвѣстно), у котораго былъ только одинъ глазъ, и позвать его къ горѣ; онъ можетъ передвинуть ее съ Божіей помощью. Когда онъ нашелъ башмачника и далъ знать ему объ откровеніи, тотъ возразилъ, что онъ не чувствуетъ себя достойнымъ для этой задачи; заслуги его не таковы, чтобы могли давать ему право на такую милость. Однако жь бѣдные, испуганные Христіяне упросили его наконецъ: онъ согласился. Надобно знать, что онъ былъ человѣкъ твердыхъ правилъ и богобоязливъ въ рѣчахъ, обращалъ къ Богу свое чистое и преданное чувство, никогда не забывалъ посѣщать обѣденную службу и исполнять другія благочестивыя дѣла, былъ усерденъ къ дѣламъ милосердія и строго соблюдалъ посты. Разъ случилось, что въ лавку къ нему зашла молодая и красивая женщина примѣрять для себя пару туфлей: она протянула ему и нѣсколько обнажила ногу, которой красота возбудила въ немъ минутное желаніе; однако жь онъ быстро опомнился, тотчасъ же отпустилъ и вспомнилъ слѣдующія Евангельскія слова: «Аще око твое десное соблажняетъ тя, изми и верзи е отъ себе; уне бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ удъ твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну огненную.» Въ ту же минуту

онъ схватилъ одинъ изъ башмачныхъ инструментовъ и выкололъ себѣ правый глазъ. Тѣмъ онъ доказалъ, выше всякихъ сомнѣній, истину своей вѣры.

Назначенный день насталъ: отслужили раннюю обѣдню, и торжественный ходъ двинулся въ равнину, гдѣ стояла гора; впереди несли святый крестъ. Калифъ, въ той увѣренности, что Христіяне представятъ ему одну пустую обрядность, хотѣлъ лично быть тамъ, въ сопровожденіи нѣкотораго числа стражи, для истребленія Христіянъ, если ихъ попытка не будетъ имѣть успѣха. Благочестивый ремесленникъ преклонилъ колѣна предъ крестомъ, поднялъ руки къ небу, и молилъ Творца, чтобы Онъ милостиво воззрѣлъ на землю и, къ похвалѣ и прославленію Своего имени, помогъ своему народу въ разрѣшеніи задачи, да узнаютъ Его могущество поносители Его вѣры. Окончивъ молитву, онъ вскричалъ громкимъ голосомъ: «Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа повелѣваю тебѣ, гора, подвинься съ этого мѣста!» Едва были произнесены эти слова, гора двинулась, земля въ то же время затряслась чудеснымъ и страннымъ образомъ. Калифъ и всѣ его окружавшіе, объятые ужасомъ, долго не могли прійти въ себя отъ удивленія. Многіе изъ нихъ обратились въ Христіянство; даже Калифъ принялъ его тайно и всегда носилъ крестъ, спрятанный у него подъ платьемъ. Этотъ крестъ нашли у него по кончинѣ, потому и не похоронили его въ погребальномъ склепѣ его предшественниковъ. Въ воспоминаніе особенной милости, посланной для нихъ Богомъ, всѣ Христіяне, Несторіяне и Яковиты, совершаютъ крестный ходъ въ тотъ день, когда случилось это чудо.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О знаменитомъ городѣ Таврисѣ въ Иракѣ и его купцахъ и другихъ жителяхъ.

Таврисъ —[66] большой городъ, принадлежащій къ области Ираку, въ которой много другихъ городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, но этотъ

[66] Городъ Таврисъ, у Персовъ и другихъ Восточныхъ народовъ Табрисъ, находился въ области Адербиджанѣ, граничившей съ областью Ал-Жебалъ или Персидскимъ Иракомъ и составлявшей съ нею древнее Царство Ми-

всѣхъ лучше и населеннѣе. Жители занимаются преимущественно торговлею и фабричными издѣліями: послѣднія состоятъ въ разныхъ шелковыхъ матеріяхъ, изъ которыхъ иныя ткутся съ золотомъ и продаются очень дорого. Мѣстоположеніе города очень выгодно для торговли, такъ что сюда пріѣзжаютъ купцы изъ Индіи, Балдаха, Мосула, Кремессора [67] и изъ разныхъ странъ Европы, для закупки и продажи множества товаровъ. Здѣсь можно въ изобиліи получать драгоцѣнные камни и жемчугъ. Купцы, занимающіеся иностранною торговлею, наживаютъ большія богатства, но жители вообще бѣдны.

дію. Во всѣ времена онъ былъ весьма важнымъ мѣстомъ. По завоеваніи Персіи Монголами, около 1255 г., онъ былъ главнымъ мѣстопребываніемъ Гулагу и его преемниковъ, до построенія Султаніи (Sultoniyah) въ началѣ XIV вѣка. Въ исходѣ этого столѣтія онъ взятъ былъ Тамерланомъ, а въ царствованіе дома Сефи бывалъ часто ограбленъ Турками, но всегда возвращался опять подъ власть Персовъ. Chardin, посѣтившій его въ 1673 году, сообщаетъ блестящее описаніе его караванъсерая, базаровъ и большой торговой площади, перещеголявшей обширностію Испаганскую. Табрисъ недавно получилъ извѣстность, какъ мѣстопребываніе принца Аббаса Мирзы, также и въ войнѣ Персовъ съ Русскими. См. Ритт. IX, 852—884.

[67] Марсденъ думаетъ, что этотъ Кремессоръ—Ормусъ. Я не раздѣляю его мнѣнія, потому что объ Ормусѣ онъ говоритъ и называетъ его настоящимъ его именемъ (гл. 11). Полагаю, что онъ хочетъ сказать о землѣ Гермасиръ, области у Персидскаго залива, простирающейся отъ устьевъ Шатэль-Араба до Ларистана (см. Ритт. VIII, 723 и слѣд.). Ему разсказывали, что лошадей посылаютъ въ теплую страну Гермасиръ, для доставки оттуда въ Индію, точно такъ же, какъ мы говоримъ, что отправляемъ товары на морской берегъ; Нубійскій географъ помѣщаетъ Czermasin въ числѣ городовъ Караманіи, на разстояніи трехъ станцій отъ Ормуса (pag. 129): это, кажется, и есть Кремессоръ Поло въ этой землѣ. Б. Б.

Риттеръ, слѣдя за путешествіемъ Поло изъ Кермана въ Ормусъ, говоритъ: «Отъ Реобарле (Рудбара) ѣдутъ пять дней по другому спуску (discesa), очень опасному по причинѣ разбойниковъ (Карауновъ), дѣлавшихъ набѣги до этого мѣста; этотъ спускъ тянется на 20 миль до окраины Ормускаго берега (Gurmasir) и т. д., гдѣ растутъ финики и водятся попугаи; оттуда, въ два дня, по солончаковой, песчаной почвѣ, достигаютъ пристани острова Ормуса (Гомбрунъ), теперь Бендеръ-Абасси, откуда отправляются въ Индію.» (VIII, 726). Этѣмъ можно было бы согласить показанія Бальделли Бони съ извѣстіями Марсдена.

Они состоятъ изъ смѣси разныхъ народовъ и сектъ: Несторіянъ, Армянъ, Яковитовъ, Грузинъ, Персовъ и поклонниковъ Магомета, составляющихъ большинство, подъ названіемъ собственно Таврисцевъ. У каждаго рода жителей свой особенный языкъ. Городъ окруженъ прекрасными садами, доставляющими превосходные плоды. Магометанскіе жители вѣроломны и склонны къ измѣнѣ. По ихъ ученію, всякое похищеніе чего бы то ни было у приверженцовъ другой вѣры дѣло совершенно справедливое и не есть воровство, или преступленіе, между тѣмъ какъ люди, переносящіе обиды, или смерть, отъ руки Христіянъ, считаются мучениками. Отъ того-то, если бы имъ не мѣшала, или не удерживала, власть ихъ нынѣшнихъ Государей, они надѣлали бы много ужасовъ. Эти правила общи всѣмъ Сарацинамъ. Когда они близки къ смерти, ихъ ожидаетъ священникъ ихъ и спрашиваетъ, вѣрятъ ли они, что Магометъ истинный пророкъ Божій? Если отвѣчаютъ, что вѣрятъ, имъ обѣщается блаженство: легкость разрѣшенія отъ грѣховъ, дающаго полную волю на всякое послѣднее дѣло, пособила Магометанамъ обратить въ свою вѣру большую часть Татаръ, потому что Татары считаютъ разрѣшеніе освобождающимъ отъ всякой помѣхи при совершеніи преступныхъ дѣлъ. Отъ Тавриса 12 дней пути до Персіи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О монастырѣ Св. Барзамо вблизи Тавриса.

Неподалеку отъ Тавриса есть монастырь, получившій свое имя отъ Св. Барзамо, и прекрасный по его богослуженію. Тамъ есть Настоятель и много монаховъ, похожихъ, по покрою своего платья, на Кармелитовъ. Чтобы не вести праздной жизни, они постоянно занимаются тканьемъ поясовъ, которые во время богослуженія кладутъ на алтарь своего Святаго. А обходя сосѣднія страны за милостыней, (такимъ же образомъ, какъ Братья Ордена Св. Духа), они дарятъ свои рукодѣлья друзьямъ и знатнымъ людямъ: эти пояса считаются хорошимъ средствомъ отъ подагрической боли; отъ того-то съ набожнымъ усердіемъ и спрашиваютъ ихъ люди всякаго сословія.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. [68]

О землѣ Персіи и осьми ея государствахъ, такъ же о тамошнихъ лошадяхъ и ослахъ.

Въ Персіи, весьма великой и пространной землѣ, есть много Государствъ, которыхъ имена слѣдующія: Первое, куда приходятъ тот-

[68] Въ Италіянскихъ извлеченіяхъ въ этомъ мѣстѣ встрѣчаются двѣ главы, непомѣщенныя въ другихъ изданіяхъ. Въ первой упоминается объ одномъ Персидскомъ городѣ, по имени Саба, изъ котораго пришли три волхва или мага на поклоненіе Младенцу Христу въ Виѳлеемъ, и гдѣ они погребены въ великолѣпныхъ гробницахъ; но Поло не въ состояніи былъ получить удовлетворительное извѣстіе объ этихъ трехъ Царственныхъ лицахъ. Во второй главѣ говорится о замкѣ, Каласата-Периста, т. е., замокъ огнепоклонниковъ, и что жители о происхожденіи такого поклоненія разсказывали пустую и неосновательную басню. Они говорили, что когда три Царя хотѣли воротиться изъ Жидовской земли, въ которую ходили для принесенія жертвы недавно родившемуся Пророку, Предвѣчный Младенецъ подарилъ имъ коробочку (bussola); открывъ на дорогѣ, они нашли въ ней только камень, который и бросили съ презрѣніемъ въ ручей. Этотъ же невѣрный народъ дальше разсказываетъ, что въ ту же минуту пламя сошло съ небесъ и наполнило весь ручей. Каждый изъ трехъ Царей взялъ и принесъ на родину немного этого огня, которому и стали тамъ покланяться; прибавляютъ еще, что если онъ случайно погаснетъ въ одномъ мѣстѣ, то ищутъ его у другаго народа: такъ ходятъ за пять, за восемь и даже за одиннадцать миль для зажиганія своихъ свѣтильниковъ; если же не могутъ достать ближе, то ходятъ за нимъ на горящій ключъ. Всѣ эти подробности онъ узналъ отъ обитателей замка.

Какъ ни маловаженъ этотъ разсказъ относительно событія, но въ самомъ себѣ имѣетъ сильное внутреннее доказательство своей подлинности, въ той мѣрѣ, въ какой она касается нашего писателя, который сообщаетъ только то, что ему разсказывали, а самъ не даетъ никакого вѣса этой сказкѣ. Мысль о ключѣ, зажженномъ небеснымъ огнемъ, очевидно, имѣетъ свое начало въ существованіи горящихъ источниковъ или пещеръ въ разныхъ частяхъ Азіи, особливо въ Баку на Каспійскомъ морѣ, о которомъ мы уже говорили, и на берегахъ Караманіи, гдѣ видѣлъ эти ключи Капитанъ Beaufort. Для человѣка, знакомаго съ Персидскимъ языкомъ, названіе мѣста служитъ самымъ вѣрнымъ признакомъ истины, потому что онъ хорошо пойметъ, что слова

часъ при въѣздѣ въ страну, Касибинъ; [69] второе, лежащее къ югу, Курдистанъ; [70] третье Лоръ; [71] четвертое, лежащее на сѣверѣ, Суоли-

---

Kala sata-perinsta переиначены изъ Kalàt perestân, или, можетъ быть, Kalah âtish perestân, буквально: Замокъ огнепоклонниковъ. Имя Саба, которое по сю пору еще неоткрыто въ числѣ Персидскихъ городовъ, могло быть поставлено относительно вѣры Сабаизма, который въ такой тѣсной связи съ ученіемъ огнепоклонниковъ (Гебровъ).

[69] Когда входятъ въ Персидскій Иранъ со стороны Тавриса, первый большой городъ является Касбинъ или правильнѣе Казвинъ (Sultaniyah еще не былъ построенъ въ то время); слѣдуя по дорогѣ, ведущей изъ Тавриса въ Китай, М. Поло долженъ былъ прійти въ Казвинъ, гдѣ останавливался на пути туда и обратно, и откуда началъ описывать Персію. Казвинъ долженъ быть построенъ Шапуромъ (Shahpur, Сапоромъ II); въ древности онъ не былъ такимъ славнымъ, какимъ сдѣлалъ его Магометъ, называвшій его воротами въ рай. Противъ Дилемитовъ, замѣчаетъ уже Ибн-Гаукалъ, а еще больше противъ Ассассиновъ, онъ былъ пограничными воротами ихъ земли замковъ, много терпѣвшей отъ своихъ кровожадныхъ сосѣдей. Отъ того и между самыми Касвинцами всегда бывали раздоры и убійства. Нѣсколько времени этотъ городъ былъ мѣстопребываніемъ Монгольскихъ Государей въ Персіи, чѣмъ особенно прославился, равно какъ и во время Шаха Аббаса. Р.—При исчисленіи этихъ восьми Государствъ, нашъ писатель приводитъ иногда имя столицы, на пр., въ этомъ случаѣ, а иногда имя области, или округа, на пр., въ непосредственно затѣмъ слѣдующихъ. Кажется, что онъ писалъ или сказывалъ названія, какъ они приходили ему на память, безъ всякой связи и не обращая большаго вниманія на ихъ порядокъ. Онъ не могъ справляться съ книгами объ этомъ предметѣ, которыми потомъ пользовались всѣ путешественники, потому что такихъ книгъ еще не существовало тогда въ Европѣ. М.

[70] Мы никакъ не ожидали встрѣтить Курдистанъ, принадлежавшій къ древней Ассиріи, въ числѣ частей Персіи, хоть и многіе изъ его жителей по временамъ приводимы были подъ власть этой Монархіи; не ожидали также, что въ случаѣ причисленія его къ ней, говориться будетъ о немъ, какъ о южной области. Можно полагать, что Марко Поло разумѣетъ здѣсь Куристанъ (который часто писался Кузистанъ), древнюю Сузіану, лежавшую повыше Персидскаго залива, слѣдовательно, къ югу отъ Казвина, а не Курдистанъ, лежащій на западѣ. «Хурестанъ, говоритъ Эль-Муштарекъ, также называется и Хузестанъ. Это обширная область со многими городами, между Басрою и Персіею.» Abulfedae Geographia. М.—Этотъ Кугестанъ въ тѣснѣй-

станъ; [72] пятое Спаанъ; [73] шестое Сирасъ; [74] седьмое Сонкара: [75]

шемъ смыслѣ—высокая плоскость между Хорасаномъ на востокѣ и Иракаджемъ на западѣ, съ юга примыкающая къ Зедшестану, а къ сѣверу къ Кумису и Таберистану, обязанъ своимъ Персидскимъ именемъ «Горная страна» такому же качеству своей природы, какъ и западный Иракъ своимъ Арабскимъ именемъ «Джебалъ», означающимъ тоже самое. Хотя обѣ онѣ находились въ средніе вѣки во владѣніи Ассассиновъ, но надобно различать ихъ, какъ горныя области; потому что восточная область, по замѣчанію Гаммера, была пріорствомъ этого ордена убійцъ, среда могущества коего находилась въ сѣверной горной странѣ. Иракаджемѣ, въ Рудбарскомъ округѣ. Р.

[71] Если подъ Курдистаномъ разумѣть Куристанъ, то съ вѣрностію можно полагать, что Lôr или Lûr, лежитъ къ сѣверу отъ него, хотя, вообще сравнивая его съ Казвиномъ и Персіею, онъ южная область. Д'Эрбело говоритъ: «Землю Лоръ не должно смѣшивать съ землею Ларъ или Ларистаномъ, лежащей вдоль Персидскаго залива. Земля Лоръ или Луръ гориста и прежде принадлежала къ области Кузистанъ, древней Сузіанѣ.» Bibliot. Orient. M. — Лористанъ или Луристанъ и нынче мало извѣстная страна. Ролинсонъ былъ первый Европеецъ, проживавшій у Луровъ. Ибн-Гаукалъ въ X-мъ вѣкѣ называетъ этотъ народъ именемъ Луръ, также и ихъ горныя жилища въ Джебалѣ (гористой землѣ), между Хузистаномъ, Испаганью и Гамаданомъ, и знаетъ, что тутъ же, на дорогѣ изъ Негавенда и Коррамабада (Shabur Khaschmur?) на югъ отъ Jondi Shapur, простирается на 26 или 27 географ. миль земля Луристанъ; тамъ нѣтъ ни деревень, ни мѣстъ для отдыха, что также испыталъ и самъ Ролинсонъ. Неудивительно по тому, что почти всѣ послѣдующіе Восточные географы хранятъ глубое молчаніе о такой странѣ, а всѣмъ новѣйшимъ вовсе негдѣ взять свѣдѣній объ ея жителяхъ, извѣстныхъ во всѣхъ столѣтіяхъ только какъ хищные горцы. Хоть Луристанъ простирается еще и дальше на западъ отъ Коррамабада, но большею частью онъ тянется на востокъ отъ него и также на востокъ отъ р. Диэфуля до Іераги и Зендеруда (Zendehrud) при Куги Зердѣ, близъ Испагани, откуда поднимается на сѣверъ до дороги изъ Испагани къ Негавенду и къ Эльвенду при Гамаданѣ. На западѣ границу его составляетъ р. Керка (Kerkha). С. Риттера IX, 208—219.

[72] Сулистанъ или Cielstan есть Seistan, заключающій часть древней Аріаны. «У теперешнихъ обитателей Ирана Sejestan — родина ихъ богатыря Рустана и поприще его подвиговъ, которые воспѣты, какъ героическое время, Новоперсидскимъ поэтомъ Фирдуси (около 1000 г. по Р. X.), а Рустанъ освободитель этой страны, родины своихъ предковъ, отъ нападеній непріятелей изъ

сьмое Тимокаинъ, [76] находящееся на самыхъ крайнихъ предѣлахъ

Турана. Главныя лица его дома вездѣ въ древнѣйшихъ разсказахъ являются повелителями этой высокой страны. Но пора славы прошла: теперь видны только развалины прежней образованности да разбойническія орды.» Риттеръ VIII, 180. Абульфеда называетъ эту область Segestan.

[3] Спаанъ, Спаганъ или Испаганъ, у Арабовъ называемый Исфаганью, находился въ южной части Персидскаго Ирака и хорошо извѣстенъ, какъ великолѣпная столица Царей изъ рода Сефи, особливо въ правленіе Шаха Аббаса II-го, превосходившая блескомъ и обширностію найбольшую часть Азіятскихъ городовъ. Она подпала власти Монголовъ въ 1221 г. и была покорена, ограблена и почти разрушена Тамерланомъ въ 1387 г. См. объ этомъ городѣ Риттера IX, 40 — 56.

[4] Шпразъ, знаменитая столица Фарса, слишкомъ извѣстенъ по описанію путешественниковъ, такъ что намъ нечего распространяться о немъ. Его очень нѣжно воспѣлъ Гафизъ, Анакреонъ Востока.

[5] Сонкара, подъ тѣмъ же именемъ и у Риччардино. Марсденъ догадывается, что это область, называемыя у Восточныхъ народовъ Корканъ или Гурканъ, на сѣверъ отъ Кумиса, на восточномъ берегу Чернаго моря; но это мнѣніе противно нашему тексту, который послѣ нея ставитъ область Тимокаинъ, на концѣ Персіи. Если Сонкара одно и тоже, что Гурканъ, то она была бы область на сѣверѣ отъ Дамгана, какъ называетъ Марко Поло Тимокаинъ. Такимъ образомъ полагаютъ, что Сонкара была горная страна Sinjar, гдѣ еще нынѣ находится крѣпость Сангара, называемая у Абулфарага Sengiara. Владѣніе ею было весьма важно во времена Поло для воинственныхъ предпріятій Турокъ, Арабовъ и Монголовъ (см. Abulpharg. vox Senjara). Городъ лежитъ къ сѣверо-западу отъ Мосула на рѣкѣ Гермасъ, впадающей въ Евфратъ. Эта гористая, трудно доступная страна, населена народомъ Іезеди, потомками Іезида, смертельными врагами Турокъ, которые никогда не могли совершенно покорить ихъ (Kinn, p. 262). Б. Б.

[76] Какъ ни кажется отдаленнымъ сходство именъ, однако жь подъ именемъ Тимокаина (Timocain), безъ сомнѣнія, разумѣется Дамганъ (Damghan), столица небольшой области Кумисъ, въ сѣверной части Персіи. Іосафатъ Барбаро, Венеціянскій Посланникъ при этомъ Дворѣ, называетъ ее Тремиганъ, а Ѳома Гербертъ—Діургументъ. На мѣстѣ нынѣшняго Дамгана, по Реннелю и другимъ, находился Гекатомпилонъ, древняя столица Парѳіи, бывшая въ цвѣтущемъ состояніи во время Антіоха Великаго: она должна была лежать въ 133-хъ Персид. миляхъ отъ Каспійскихъ проходовъ. Эти обѣ мѣстности (Дамганъ и Каспійскіе

Персіи. Всѣ эти Государства лежатъ къ югу, кромѣ Тимокаина, потому что онъ лежитъ на сѣверѣ, вблизи мѣста, называемаго Arbor secco (при сухомъ деревѣ). [77] Страна замѣчательна чрезвычайно красивыми лошадьми, которыхъ много выводится въ Индію и продается высокою цѣною, не менѣе какъ по 200 Туринскихъ фунтовъ. Тамъ водятся также самые большие и красивые въ свѣтѣ ослы, которые часто продаются дороже лошадей, потому что дешевле для содержанія, носятъ большія тяжести и въ одинъ день уходятъ рысью дальше лошадей и муловъ, которые не въ состояніи переносить такихъ лишеній. Купцы, странствующие изъ одной области въ другую, принуждены бываютъ переѣзжать песчаныя степи и обширныя пустыни,

---

проходы), по пребыванію тамъ Александра Великаго, сдѣлались у Римлянъ и Македонянъ замѣчательными центральными пунктами въ ихъ Азіятскихъ дорожникахъ и путевыхъ измѣреніяхъ. См. Риттера 463 и слѣд.

[77] Земля, называемая у Марка Поло «Arbor Secco,» есть то мѣсто, съ котораго онъ начинаетъ водить читателей съ сѣвера Персіи до Ормуса. Такъ какъ не обратили вниманія на то, что М. Поло не дѣлалъ этого путешествія (не смотря на увѣреніе предисловія, что онъ прибылъ въ Ормусъ, отвелъ Когатину къ Кай-кату, проживавшему въ Таврисѣ, потомъ, по приказанію его, доставилъ ее къ супругу, бывшему вблизи «Arbor Secco», для охраненія какихъ-то проходовъ (Khaver), то по этому обстоятельству толкователи М. Поло и потеряли настоящее направленіе его путешествія. Что онъ въ то время не дѣлалъ этой дороги, заключаютъ изъ его разсказа въ предисловіи; изъ этого разсказа открывается, что по отъѣздѣ Поло съ дядею и отцомъ изъ Арменіи, они отправились къ Великому Хану, проѣзжали много пустынь и дурныхъ дорогъ, слѣдуя все впередъ къ сѣверо-востоку, до тѣхъ поръ, пока узнали, что Великій Ханъ въ Клеменфу. Если бы онъ изъ Arbor secco направился въ Ормусъ, то не могъ бы сказать, что направленіе его пути всегда было сѣверо-восточное. Конечно, такое заключеніе извинительно, потому что онъ въ описаніи круто сворачиваетъ къ югу и ведетъ читателя по дорогѣ изъ Іезда въ Ормусъ, а оттуда назадъ въ Тимокаинъ или Дамганъ и Arbor secco (гл. 20), и разсказавъ происшествіе со старцемъ горы, принимаетъ прежнее направленіе изъ Балка и Бадакшана. Слѣдовательно, мѣсто, гдѣ пересѣкаются оба пути, по которымъ онъ шелъ туда и обратно, былъ Казвинъ: возвращаясь для отведенія невѣсты Аргона въ Каверъ, онъ умолчалъ объ этомъ небольшомъ путешествіи, сдѣланномъ имъ уже прежде, когда ѣхалъ въ этотъ же Каверъ изъ Тавриса. Б. Б.

тѣ едва можно найти траву и, по отдаленности колодцевъ и другихъ водохранилищъ, дѣлаютъ большіе переѣзды въ день: отъ того они очень стараются достать ословъ, которые легче двигаются съ мѣста и гораздо меньше требуютъ корма. [78] Здѣсь пользуются и верблюдами, которые также носятъ большіе грузы и содержаніе ихъ недорого, но они не такъ скоро ходятъ, какъ ослы. Торговые люди тихъ странъ водятъ лошадей въ Кизи, Ормусъ и другія мѣста на берегу Индійскаго моря, гдѣ и продаютъ ихъ въ Индію. Но тамъ онѣ живутъ недолго, по причинѣ большихъ жаровъ, будучи урожденки болѣе умѣреннаго климата. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ жители дики и кровожадны: у нихъ только и дѣла, что ранить да убивать другъ друга. Они причинили бы много зла купцамъ и путешественникамъ, если бы не боялись своихъ восточныхъ владыкъ, которые за то наказываютъ ихъ строго: сдѣлано распоряженіе, чтобы на всѣхъ дорогахъ, гдѣ есть опасность, жители страны, по требованію купцовъ, давали имъ сильныхъ и надежныхъ людей для сопровожденія и безопасности, отъ одного округа до другаго, и за это проводникамъ платятъ, смотря по дальности, по 2, или по 3, гроша (grossi) на каждое вьючное животное. Жители—поклонники Магометанской вѣры. Въ городахъ есть купцы и много ремесленниковъ, выдѣлывающихъ разныя матеріи изъ золота и шелка. Въ этой странѣ родится въ изобиліи хлопчатая бумага, также пшеница, ячмень, просо и разные другіе роды хлѣба, много винограда и всякихъ плодовъ. Если бы кто нибудь сказалъ, что Сарацины не пьютъ вина, запрещеннаго для нихъ закономъ, тому можно возразить, что они успокоиваютъ совѣсть свою въ этомъ отношеніи, убѣждая себя, что если для предосторожности вскипятить вино на огнѣ, отъ чего оно не много испарится и сдѣлается слаще, то можно пить его, не нарушая закона; съ перемѣною вкуса они даютъ ему и другое имя и не называютъ ужъ виномъ, хоть въ сущности все тоже вино.

---

[78] О разведеніи Персидскихъ ословъ Шарденъ говоритъ слѣдующее: «Кромѣ муловъ, есть у нихъ и ослы, которыхъ двѣ породы въ Персіи: туземные, медленные и неповоротливые, какъ и у насъ, употребляемые только для ношенія тяжестей, и Арабскіе, очень красивые и самые лучшіе въ свѣтѣ.... Ими пользуются только для ѣзды.... Есть ослы въ 400 франковъ цѣною, да и вообще дешевле 45 пистолей нельзя имѣть хорошаго осла.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

О городѣ Язди и его промыслахъ, и о звѣряхъ, водящихся въ странѣ въ этомъ мѣстѣ и въ Керманѣ.

Язди —[79] значительный городъ на границахъ Персіи, въ которомъ большая торговля. Родъ шелковой матеріи, тамъ выдѣлываемой,

[79] Іездъ, Yezd, Jesd (Yesdan, т. е., свѣтъ, Ормуздъ, Іезданперестъ обожатели свѣта): это мѣсто было мало посѣщаемо Европейцами; уже Ибн-Гаукалъ причисляетъ его къ области Istakhar (т. е., Персеполю, или Фарсу, собственной Персіи), хотя оно прежде принадлежало къ Керману, а по недавнимъ извѣстіямъ Б. Фразера, къ Хоразану; безспорно, что оно не принадлежитъ собственно ни къ одной изъ всѣхъ этихъ областей, по своему отдѣльному положенію въ степи, и есть само по себѣ островъ, оазъ. Городъ (по увѣренію Фразера) лежитъ на большой песчаной равнинѣ, окруженной горами. Онъ очень великъ, хорошо укрѣпленъ, обведенъ валомъ и рвомъ, и имѣетъ четверы ворота, отъ 6000 до 8000 домовъ, прекрасный базаръ, внутреннюю стражу и 2 мечети. Внѣ этой укрѣпленной части находится внѣшній городъ безъ стѣнъ, а на четверть часа оттуда къ сѣверу лежитъ другое укрѣпленіе, Naringe Kallah, съ немногими жителями. Населеніе всего города простирается до 50,000 человѣкъ и 3,000 семействъ Гебровъ, живущихъ въ особенной части города. Положеніе на краю степи дѣлаетъ Іездъ хорошимъ мѣстомъ отдохновенія каравановъ, которые ходятъ между Керманомъ, Гератомъ, Мешедомъ, Испаганью и провозятъ на западъ товары Индіи, Кашмира, Кабула, Бохары; здѣсь собираются купцы изъ Испагани, Шираза, Кашана, Теграна, Герата. Сравнительно съ Кандагаромъ, Кабуломъ, Балкомъ, Гератомъ, Іездъ всегда былъ гораздо безопаснѣе по своему положенію, отдаленному отъ всякихъ военныхъ дорогъ и завоевательныхъ походовъ, и этой безопасности онъ обязанъ своимъ благосостояніемъ. Славны шелковыя фабрики Іезда: издѣлія ихъ подъ Персидскихъ названіемъ Alidjah и Cassub для исподняго платья (панталонъ) развозятся повсюду, такъ же какъ Derei для длиннаго мужескаго одѣянія, а Tufteh (Персидское слово, по нашему тафта), Mukhych и другія для женскихъ нарядовъ; впрочемъ, большая часть употребляемаго на здѣшнихъ фабрикахъ шелка выдѣлывается не здѣсь, а привозится изъ Гилана. — «Кромѣ шелковыхъ матерій, говоритъ Дюпре, которыхъ красивѣйшіе сорта называются Sundus, а протканные золотомъ и серебромъ Deraji, самыми лучшими слывутъ по всей Персіи ковры (Numud) изъ Бафта (или Тафта, по Киннейру), деревни, въ трехъ часахъ пути отъ города.» См. Риттера Азію VIII, стр. 265—270. — Д'Эрбело замѣчаетъ, что шелковыя матерія, тамъ выдѣлываемыя и

звѣстенъ подъ именемъ Язди и развозится оттуда купцами по всѣмъ гранамъ свѣта. Жители привержены къ Магометанской вѣрѣ. Путеиественники изъ этого города употребляютъ восемь дней на проѣздъ авнины, въ которой только три мѣста, гдѣ можно ночевать. Дорога детъ обширными финиковыми лѣсами, изобилующими всякимъ звѣемъ и птицей, и путники, находящіе удовольствіе въ охотѣ, могутъ утъ очень весело поохотиться. Здѣсь есть и дикіе ослы. [80] Попроиествіи 8 дней приходятъ въ Государство Керманъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

) Государствѣ Керманъ, называемомъ у древнихъ Караіаніею, о его минералахъ и рудахъ, ремеслахъ, соколахъ и ›есьма покатой мѣстности его, которую замѣчаютъ при выходѣ изъ этой страны.

Керманъ—[81] Государство на восточныхъ предѣлахъ Персіи, которое ірежде управлялось своими собственными Государями въ наслѣдствен-

по Персидски и Турецки называемыя comashe Yezdi, чрезвычайно оживляютъ торговлю города. Въ дневникѣ Абдул-Куррима читаемъ о подаркѣ, сдѣланномъ Надиръ-Шахомъ одному Посланнику и состоявшемъ изъ 25 кусковъ тамошней парчи.

[80] Читаемъ о дикихъ ослахъ, которые давались Шахомъ-Аббасомъ и другими Персидскими Царями въ подарокъ, слѣдовательно, въ видѣ рѣдкости. Реннель замѣчаетъ, что дикіе ослы, упоминаемые Ксенофонтомъ по ихъ скорости, и нынѣ сохраняютъ почти такія же качества. Тексейра видѣлъ въ 1606 году стада ихъ въ Аравійской пустыни, сопредѣльной съ пустыней Месопотаміи, именно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и Ксенофонтъ видѣлъ ихъ. См. Риттера VIII. 722 и слѣд.

[81] Керманъ, Персидская область, лежащая на юговосточной границѣ этого Государства. Столица ея обыкновенно носитъ то же имя, однако жъ извѣстна и подъ названіемъ Сирганъ. «Область эта, говоритъ Поттингеръ, посѣтившій ее въ 1810 г., граничитъ на востокѣ съ частію Сеистана и Белуджистана, на западѣ съ областью Фарсъ, на югѣ съ частями Ларистана и Мукрана и Персидскимъ заливомъ, а на сѣверѣ съ Babaкомъ и Хоразаномъ. Она изстари раздѣлялась на населенныя и пустынныя страны.»—Керманъ, Хирджанъ (Chirdjan) или Сирганъ у Эдризи и Ибн-Гаукала, лежитъ на западномъ концѣ большой равнины, называемой житницею, по ея плодородію; на сѣверѣ находится входъ въ Керманскую степь. Нѣкогда Керманъ былъ средоточіемъ богатства и

номъ порядкѣ, но со времени покоренія его Татарами, этотъ народъ поставляетъ въ немъ намѣстниковъ по своему усмотрѣнію. Въ горахъ этой страны находятся превосходные камни, называемые у насъ бирюзою; [82] тамъ есть и сталь [83] и анданиковыя жилы въ

роскоши, вторымъ городомъ Персидскаго Царства, великимъ рынкомъ между Индійскимъ и Арабскимъ Океаномъ, по своему положенію на самой прямой и кратчайшей дорогѣ въ Сеестанъ, Хоразанъ, Балкъ, Бохару, Маваральнагаръ, слѣдовательно, между Ираномъ, Тураномъ и проходною землею въ Индостанъ. На эту дорогу, навѣрное, сворачивалъ древній путь изъ Гармозіи (нынѣ Мираба), куда присталъ Неархъ и встрѣтилъ нечаянно Александра внутри страны, въ пяти дняхъ пути отъ берега (см. Bürk's Allg. Gesch. d. Reisen und Entdeckun. I, S. 414 ff). Земля славилась утонченною образованностью и огромными виноградными гроздами, но такъ же, какъ и нынѣ, по ея пустынямъ, тѣснинамъ и хищнымъ кочевникамъ, была опасна для путешествія. Этимъ древнимъ торговымъ путемъ Марко Поло спустился изъ Кермана чрезъ Реобарле (землю тѣснинъ) въ Ормускую равнину, противъ острова Ормуса.» Ритт. VIII, 726 и слѣд.

Можетъ показаться, что нашъ писатель считалъ Керманъ въ то время не принадлежащимъ къ Персіи, потому что не причисляетъ его къ 8-ми областямъ или Государствамъ; такъ думаетъ о Керманѣ и Эдризи, писавшій въ XII вѣкѣ. «А земля Карманъ лежитъ между Персіею и Мекраномъ.»

82 «Самыя богатыя Персидскія рудокопни, говоритъ Шарденъ, суть бирюзовыя: онѣ находятся въ двухъ мѣстахъ: Нишапурскія въ Карассонѣ и въ горѣ, лежащей между Гирканіей и Пароіей, въ 4-хъ дняхъ пути отъ Каспійскаго моря, и называемой Фирус-ку.» T. II, p. 24.—«Къ особеннымъ замѣчательностямъ Нишапура принадлежатъ славные бирюзовые пріиски въ сосѣднихъ съ этою страною сѣверозападныхъ горахъ, въ 16-ти часахъ пути отъ города. Онѣ, съ незапамятныхъ временъ, особенно и исключительно доставляли на весь міръ настоящую Восточную бирюзу (по Персидск. правописанію Piruzeh, по Арабски Firuzeh или Firuzedje. Нѣмецкое названіе Türkis, конечно, искаженіе этого слова), потому что Западная бирюза, какъ доказалъ это г. Фишеръ (въ Gilb. Annal. 1819, Bd. 62, S. 335), совсѣмъ другаго рода, не смотря на то, что ихъ часто смѣшивали: послѣдняя находится около Міяса на Уралѣ и въ Олонецкой губерніи, такъ же во Франціи, Силезіи, Чехіи и Тургау; ея составныя части—окаменѣлости, большею частію зубы исчезнувшихъ звѣрей, на пр., Мастодона и Мегатерія, проникнутыя и окрашенныя мѣдно-кислымъ соединеніемъ. Западная бирюза отличается слоистою внутренностію и полосоватостію, обличающими ея костеобразный составъ: она не принимаетъ такого блестящаго лоска, какъ Восточная, теряетъ свой

никомъ множествѣ. Здѣсь выдѣлываютъ съ большимъ совершенствомъ всѣ вещи, нужныя для военнаго вооруженія, какъ то: сѣдла, ды, шпоры, мечи, луки, колчаны и вообще всѣ роды оружія, употребительнаго у этихъ народовъ. Женщины и молодыя дѣвушки занимаются вышиваньемъ шелкомъ и золотомъ различныхъ цвѣтовъ и оровъ, изображающихъ всякаго рода звѣрей и другія пріятныя украшенія. Такое шитье назначается для занавѣсокъ, одѣялъ и подушекъ на постели богатыхъ людей: въ этихъ работахъ много удиви-

цвѣтъ въ уксусной кислотѣ и разрушается селитреною, чего не бываетъ съ настоящею Восточною бирюзою, которую г. Фишеръ и назвалъ для отличія Калаитомъ, прекраснымъ камнемъ. Такихъ калаитовъ (или Восточной бирюзы) этотъ писатель различаетъ, по собраніямъ, три породы, называя ихъ Калаитомъ, Агафитомъ и Іонитомъ: послѣдняя порода, кварцовая бирюза, зеленовато-синяго цвѣта, съ раковиннымъ изломомъ и стекляннымъ блескомъ, чрезвычайно рѣдка; двѣ же первыя достаются въ Хоразанскихъ копяхъ, близъ Нишапура, изъ, такъ называемой, расплавленной горы. Первая, окрашенная мѣднокислымъ соединеніемъ, густая глина, рѣдко идущая для торговли; вторая, агафитъ, блѣдносиняго и самаго темнолазореваго цвѣта, но такого же вида, лежитъ, какъ скорлупа, въ глинистомъ желѣзнякѣ и встрѣчается въ тѣхъ же копяхъ, какъ и первая, въ чрезвычайномъ разнообразіи, въ расходящихся разными отраслями горныхъ жилахъ, но рѣдко больше горошины. Здѣсь говорится только объ этихъ двухъ породахъ въ этомъ мѣстѣ Нишапура, хотя, по извѣстіямъ Восточныхъ писателей, онѣ попадаются и въ другихъ странахъ Азіи, но тамъ копи этѣ едва разработаны и не описаны ни однимъ путешественникомъ. Juaher Nameh, Восточная рукопись о драгоцѣнныхъ камняхъ, говоритъ про Нишапурскія бирюзовыя копи, что онѣ съ древняго времени доставляютъ знаменитую бирюзу называемую Абу Ишаки. Она достойна быть украшеніемъ сокровищницы Князей и Государей: потому что отвращаетъ бѣды отъ тѣхъ, кто носитъ ее, снискиваетъ Царскую милость, умножаетъ богатство, сохраняетъ острое зрѣніе, даетъ вѣрную побѣду надъ непріятелемъ и прогоняетъ дурныя сновидѣнія. Древніе мудрецы, увѣряетъ рукопись, обыкновенно, послѣ наблюденія надъ новымъ мѣсяцемъ, тотчасъ начинали пристально глядѣть на бирюзу (Firuzeh).» См. Риттера Азію VIII, стр. 325—330.

[53] Желѣзныя рудокопни, по словамъ Шардена, есть въ Гирканіи, въ Сѣверной Мидіи, въ землѣ Пароовъ и Бактріанѣ. Стальныя въ тѣхъ же странахъ съ богатою прибылью. Стр. 23. Далѣе описываетъ особенныя свойства этой стали и сравниваетъ ее съ Индійскою.—Марсденъ, вмѣсто Andanicum читаетъ Antimonum. См. примѣчаніе 104.

тельнаго вкуса и искуства. Въ горахъ встрѣчаются самые благороднѣйшіе соколы, какіе только гдѣ либо летаютъ. Они меньше перелетныхъ соколовъ, съ красными перьями на груди, на тѣлѣ и подъ хвостомъ, а летаютъ такъ быстро, что ни одна птица не ускользнетъ отъ нихъ. Покинувъ Керманъ, ѣдутъ 8-мь дней весьма пріятною дорожкою черезъ равнину, гдѣ много рябчиковъ и другой дичи, равно какъ встрѣчается довольно городовъ, замковъ и разсѣянныхъ жилищъ, и наконецъ пріѣзжаютъ къ значительному горному склону, съ котораго спускаются два дня. Тамъ изобиліе въ плодовитыхъ деревьяхъ; но эта страна, прежде очень населенная, теперь безъ жителей: только и видишь пастуховъ, пасущихъ свой скотъ. Въ той части страны, которую проходятъ еще до горнаго спуска, такой жестокой холодъ, что путникъ только съ трудомъ защищается отъ него многими платьями да шубою. [84]

---

[84] Дорога изъ города Кермана къ Персидскому заливу, здѣсь описываемому, вѣроятно, проходила чрезъ городъ Бамъ или Буммъ, вблизи пограничной линіи, между, такъ называемыми, холоднымъ и теплымъ поясами Кермана. «Область Нурмаршская, говоритъ Поттингеръ, начинается у степи, отдѣляющей ее отъ Белуджистана при городѣ Буммѣ. Западную ея границу составляетъ область Кирманъ, къ которой, по моему мнѣнію, она теперь принадлежитъ; восточную, какъ упомянули мы, степь, а сѣверную и южную двѣ горныя цѣпи, изъ которыхъ послѣдняя гораздо выше, и мнѣ кажется, во всякое время года покрыта снѣгомъ, какъ и въ ту пору, когда я видѣлъ ее, между тѣмъ какъ въ низкой равнинѣ было чрезвычайно жарко.» Стр. 199. Это, кажется, были горы Маренъ, принадлежащія къ холодному поясу Кирмана: «на нихъ, по словамъ Ибн-Гаукала, лежитъ снѣгъ.» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что, достигнувъ города по дорогѣ въ Бамъ, сворачиваютъ вправо, чтобы итти въ Jireft, не далеко отъ Ормуса, гдѣ жители въ одно и тоже время пользуются произведеніями теплаго и холоднаго климата.» Что касается до сильнаго холода, который, по словамъ М. Поло, надобно выдержать на этой дорогѣ, то его можно отнести только къ ощущенію людей, привыкшихъ къ чрезвычайнымъ жарамъ. — «На югѣ отъ большой горной цѣпи, описанной мною выше, прибавляетъ Поттингеръ, между ея подошвою и моремъ, находится Gurmseer или жаркая земля. Въ предѣлахъ Кирмана эта страна состоитъ почти изъ одного солончаковатаго песку, и климатъ особенно нездоровъ. Она не производитъ ничего другаго, кромѣ очень мелкихъ финиковъ, а потому почти совсѣмъ безлюдна.» М.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАЦАТАЯ.

О городѣ Каманду и землѣ Реобарле; о нѣкоторыхъ птицахъ, тамъ водящихся, объ особенной породѣ воловъ и о хищномъ племени Караунахъ.

Прошедши горную покатость, о которой было говорено, входятъ въ равнину, простирающуюся въ южномъ направленіи на пять дней пути. Тотчасъ при ея началѣ находится городъ, по имени Каманду, [85] великое и очень значительное мѣсто въ прежнее время, но не въ теперешнее, потому что оно нѣсколько разъ разорялось и опустошалось Татарами. Сосѣдняя область называется Реобарле; [86] воздухъ въ ней очень теплый; она приноситъ пшеницу, рисъ и другой хлѣбъ. Въ той части, которая ближе къ горамъ, растутъ гранатовыя яблоки, айвы и разные другіе плоды: одна порода ихъ называется Адамовы яблоки, неизвѣстныя въ нашемъ климатѣ. Горлицы здѣсь въ необыкно-

---

[85] Географія страны, лежащей между столицею Кирманской области и Персидскимъ заливомъ, почти совсѣмъ неизвѣстна: отъ того и трудно опредѣлить, что за мѣсто разумѣетъ М. Поло подъ Каманду, даже если бы и теперь существовалъ еще такой городъ, утратившій значеніе со временъ нашего писателя. Можетъ быть, это Мемаунъ на картѣ Д' Анвиля, или Koumin Ибн-Гаукала.

[86] Подъ именемъ Реобарле, очевидно, разумѣется Рудбаръ (Rud-bâr) одно изъ описательныхъ названій, какія въ многочисленныхъ случаяхъ употребляются для городовъ и округовъ Персіи и сосѣдственныхъ странъ. Оно означаетъ «рѣку въ долинѣ, ложе рѣки и также мѣсто, гдѣ течетъ много рѣкъ»; и округъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, согласно съ такимъ описаніемъ, по всѣмъ обстоятельствамъ, кажется, занималъ рѣчной берегъ, по имени Div-Rud на картахъ Д' Анвиля и Малькольма: его надобно проходить по дорогѣ изъ Кермана въ Ормусъ. Дневникъ Капитана Христи упоминаетъ о Родбарѣ, вполнѣ отвѣчающемъ описательному мѣстному названію; но этотъ Родбаръ лежитъ слишкомъ далеко отъ Персидскаго залива, а потому и не можетъ быть тѣмъ, о которомъ здѣсь говорится. М. — Я согласенъ съ Марсденомъ, но Бальделли неправильно принимаетъ за Реобарле небольшой городокъ Робатъ, упоминаемый Поттингеромъ въ его путешествіи изъ Кермана въ Ширазъ, и совсѣмъ опускаетъ изъ вида, что Марко Поло говоритъ о большой области, къ которой, кромѣ большаго сходства въ названіи, подходятъ еще мѣстность и природа Рудбара. Риттеръ принялъ объясненіе Марсдена. См. о Рудбарѣ дальше примѣч. къ 21 гл.

венномъ множествѣ, по изобилію въ небольшихъ плодахъ, служащихъ имъ пищею, и еще по тому, что Магометане, для которыхъ онѣ отвратительны, не ѣдятъ ихъ. Много также фазановъ и тетеревовъ. [87] Послѣдніе не похожи на нашихъ: цвѣта краснаго, смѣшаннаго съ бѣлымъ, клювъ и ноги тоже красные. Есть также необыкновенная порода скота, особливо большіе бѣлые волы съ гладкою шерстью, чему причиною жаркій климатъ, съ короткими, толстыми тупыми рогами; между плечами у нихъ похожее на горбъ возвышеніе или наростъ, вышиною почти въ двѣ пяди: это очень красивыя животныя, по ихъ силѣ способныя переносить большія тяжести. Когда хотятъ навьючивать ихъ, они падаютъ на колѣни, подобно верблюдамъ, и потомъ опять поднимаются съ грузомъ. [88] Тамъ есть и овцы, такія же большія, какъ ослы; у нихъ длинные и толстые хвосты, вѣсомъ въ 30 фунтовъ и больше, жирные и очень вкусные для пищи. [89] Въ этой

---

[87] «Tetrao francolinus» или Восточный тетеревъ имѣетъ красныя ноги и красный клювъ, какъ описывается и здѣсь. Докт. Россель назвалъ его francolinus olinae, извѣстный у Французовъ подъ именемъ gélinotte.

[88] Порода воловъ, въ Суратѣ и другихъ мѣстахъ на западномъ берегу Индіи, обыкновенно употребляемая дла возки телѣгъ, называемыхъ Hakkrie, вѣроятно, оттуда разведена была въ восточныхъ Персидскихъ областяхъ. Масуди (въ X-мъ столѣтіи) видѣлъ въ Rai воловъ, «пріученныхъ падать на колѣни, подобно верблюдамъ, когда надобно было ихъ навьючивать.»

[89] Эта особенная порода овецъ (ovis laticaudata) встрѣчается въ разныхъ частяхъ Азіи и Африки и была описана много разъ. Въ Естественной Исторіи Алеппо сообщено слѣдующее подробное описаніе этой породы. «Въ сосѣдствѣ Алеппо, говоритъ Россель, есть овцы двоякаго рода: однѣ называются Бедуинскія овцы и ни чѣмъ не отличаются отъ овецъ большой породы въ Англіи, кромѣ того, что хвосты у нихъ нѣсколько длиннѣе и толще; о другихъ часто упоминали путешественники, по причинѣ ихъ необыкновенныхъ хвостовъ: эта порода самая многочисленная. Хвостъ очень широкъ и длиненъ и оканчивается маленькимъ хвостикомъ, загнутымъ въ видѣ крючка къ хвосту. Вещество, изъ котораго онъ состоитъ, среднее между жиромъ и мозгомъ и не только идетъ въ пищу, но, смѣшанное съ сухимъ мясомъ, употребляется вмѣсто масла. Обыкновенная овца этой породы вѣситъ почти 12 или 14 Алеппскихъ Ротоле (каждый въ 5 фунтовъ), безъ головы, ногъ, кожи и внутренностей; одинъ хвостъ обыкновенно въ три ротоле, или больше; а въ хорошемъ хозяйствѣ самыя жирныя бываютъ вѣсомъ за 30 ротоле, а хвосты у нихъ въ 10-ть (или 50 фунтовъ):

странѣ много городовъ, обнесенныхъ толстыми земляными стѣнами, для защиты жителей отъ вторженія Караундовъ, которые рыщутъ по странѣ и грабятъ все, что только могутъ захватить. [90] Чтобы позна-

это, кажется, едва вѣроятнымъ. Эти огромныя овцы, содержимыя около Алеппо въ особыхъ овчарняхъ, не могутъ повредить своихъ хвостовъ; но въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ пасутся на поляхъ, пастухи принуждены прикрѣплять у нихъ подъ хвостомъ тоненькую дощечку для защищенія его отъ кустарниковъ, репейника и т. под., а у другихъ маленькія колесца, чтобы имъ легче было таскать доску съ такою тяжестью: отсюда, съ небольшимъ преувеличеніемъ, ведетъ свое начало исторія о тележкахъ у этихъ овецъ, для возки ихъ хвостовъ.» P. 37, ed. I. Разсказъ Шардена о «moutons à grosse queue» въ Персіи вполнѣ согласенъ съ этимъ разсказомъ. Палласъ думаетъ, что тучность ихъ хвостовъ происходитъ отъ солянистаго свойства почвы, на которой онѣ пасутся, и разсказываетъ, что когда привозятъ туда овецъ изъ другихъ краевъ, онѣ точно также жирѣютъ, какъ и эти.

90 Кераунами или Караунами можемъ считать жителей Мекрана (Mecrân), небольшой земли, простирающейся отъ окрестностей р. Инда до Персидскаго залива: имя ея производятъ отъ Санскрит. слова karâna, означающаго берегъ рѣчной или морской. Karâna означаетъ также и людей смѣшанной крови. Если они потомки смѣшаннаго племени, то надобно полагать, что негодные искатели счастія, приведенные Никодаромъ въ Индію, не поселились тамъ, а опять ушли оттуда съ женами и дѣтьми и разсѣялись въ области Мекранъ, гдѣ они и потомки ихъ очень естественно составили разбойническое поселеніе. Карауны, кажется, очень мало отличаются отъ сосѣдняго народа въ Белуджистанѣ, если только они въ самомъ дѣлѣ не одинъ и тотъ же народъ; извѣстія о нихъ нашего писателя—вѣрная картина разбойническихъ обычаевъ, которые приписывались послѣднимъ. М.—Не въ связи ли съ этими ордами кочевники Лури, также часто бродящіе въ Мекранѣ, и многочисленные обитатели южнаго берега Иранской равнины? Поттингеръ ознакомился съ ними и здѣсь, въ Мекранѣ, гдѣ они прославились своими разбоями и считаются самыми хладнокровными и жестокими убійцами. Этихъ Луровъ, бродягъ безъ отечества, Англійскій путешественникъ считаетъ племенемъ, близко родственнымъ Цыганамъ, которыхъ происхожденіе изъ Индіи еще не вполнѣ разъяснено. Каждая изъ Лурскихъ ордъ въ Мекранѣ имѣетъ своего вождя (Царя), живетъ грабежемъ и разбоемъ, водитъ вездѣ съ собою обезьянъ и медвѣдей, занимается пьянствомъ, пляскою, пѣніемъ; во всякой ватагѣ есть вѣщуны, очень свѣдущіе въ искуствѣ Румлъ (песокъ, по Поттингеру) и Куруа (жребій); они говорятъ своимъ языкомъ, называютъ себя Магометанами, ни мало не заботясь о вѣрѣ, и утвер-

комить читателя съ этимъ народомъ, надобно упомянуть, что былъ Князь, по имени Нугодаръ, племянникъ Джагатая, брата Великаго Хана, Октая, царствовавшаго въ Туркестанѣ. [91] Этотъ Нугодаръ жилъ

ждаютъ, что человѣкъ рожденъ для того, чтобы жить, умереть, истлѣть и быть забытымъ. Риттеръ, Азія VIII, 733).

[91] Ни одинъ изъ историковъ, сообщающихъ извѣстія о Татарахъ, не упоминаетъ объ этомъ Нугодарѣ: есть упоминаніе только о Нугодарѣ изъ рода Гулагу, Персидскомъ Государѣ, но онъ не можетъ быть тотъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь. Джагатай, внукъ Чингисъ-Хана и братъ Октая, властвовалъ надъ частію срединной Азіи или Великой Турціей; это имя дано ей для отличія отъ той земли, которую Турки завоевали въ Малой Азіи и смежныхъ странахъ и называли своимъ именемъ. Столица той страны былъ Биш-Балигъ (Bisch Baligh. Deguign. I, p. 285). По нашему писателю, искатель счастія, Нугодаръ, внукъ Джагатая, лишилъ земли Делійскаго Государя, по имени Асидина. Дегинь хоть и приложилъ хронологическую таблицу Государей Дели, но весьма запутанную. Кажется, что Асидинъ Поло былъ Государь, называвшійся Шамседдинъ, умершій 1233 г. (ibid. p. 415). Въ событіи сомнѣваться нельзя, и за истину свидѣтельствуетъ путь Нугодара, предпринятый, по словамъ Поло, чрезъ земли Бадакшанъ и Кашмиръ, о чемъ никто не могъ знать изъ Европейцевъ въ томъ вѣкѣ, кромѣ М. Поло. Но нашъ писатель, кажется, ошибается, говоря, что, «наконецъ, онъ вторгнулся въ землю Малабаръ и взялъ силою городъ Дели», какъ будто этотъ городъ находился въ Малабарѣ, отъ котораго, однако жь, онъ очень далеко. Но очень вѣроятно, что Нугодаръ ограбилъ весь Малабаръ, потомъ, на возвратномъ пути, подошелъ къ берегамъ Ганга и покорилъ Дели. Б. Б.—Марсденъ относитъ Малабаръ къ Лагору, который назывался сперва Лагаваръ. Онъ считаетъ нелѣпостью думать здѣсь о Малабарѣ, и говоритъ далѣе: «Можно спросить, гдѣ и у кого изъ Восточныхъ историковъ читаемъ объ этомъ завоеваніи Дели Монголами до вторженія Тамерлана?» Опредѣленно и подробно нигдѣ, однако жь встрѣчаемъ такое сближеніе событій, что не можемъ принимать такъ легко разсказъ нашего писателя: онъ могъ слышать его отъ людей, которые только однимъ поколѣніемъ отдѣлялись отъ участниковъ событія. Событіе это должно происходить за нѣсколько лѣтъ прежде, или послѣ, кончины Джагатая (1240). Въ Исторіи Индостана, въ переводѣ Доу, по тексту Феристы, мы видимъ, что у Моаццэддинъ Бирамъ Шаха, Царя Дели, правившаго съ 1239 по 1242 г., были важныя недоразумѣнія съ его Великимъ Визиремъ и первымъ Омра (Эмиромъ), произведшія мятежъ въ его войскахъ. Въ это опасное время пришла вѣсть, что «Монголы Великаго Цингиса двинулись къ Лагору, что Малекъ, Вице-Король этого мѣста, когда войска отказали ему въ повино-

и Дворѣ Загатая: снѣдаемый честолюбивымъ желаніемъ сдѣлаться
сударемъ и слыша, что въ Индіи есть земля, по имени Мала-
ръ, въ то время управляемая Царемъ, котораго звали Ас эдинъ, и
це неподвластная Татарамъ, набралъ онъ тайкомъ десятитысячное
іско изъ самой отчаянной сволочи, какую могъ найти, и раз-
алея съ дядею, не сказавъ ему ничего о своихъ намѣреніяхъ, дви-
лся чрезъ Балашанъ въ Царство Кесмуръ, гдѣ, по трудности и
охому состоянію дорогъ, потерялъ много людей и скота, и ворвал-
потомъ въ землю Малабаръ. Нагрянувъ на Ас-эдина врасплохъ,
іъ силою взялъ его городъ, по имени Дели, и много другихъ въ той
ранѣ, и сталъ царствовать тамъ. Татары, приведенные имъ съ со-
ю, люди свѣтлаго цвѣта, переженились на смуглыхъ Индійскихъ жен-
инахъ и произвели породу, которой дано имя Карауны, означающее
тамошнемъ языкѣ смѣшанный народъ. Съ того времени этотъ народъ
нимается разбойническими набѣгами, не только въ землѣ Реобарле,
и въ другихъ, куда только можетъ добраться. Въ Индіи они узнали
лшебныя и демонскія хитрости, съ помощію которыхъ могутъ на-
дить такую темноту, отъ которой дневной свѣтъ меркнетъ и люди
видятъ другъ друга въ самомъ близкомъ разстояніи. Собираясь въ
он разбойническіе наѣзды, они пользуются этѣмъ искуствомъ, и
оиближеніе ихъ дѣлается незамѣтнымъ. Эта страна часто бываетъ
оприщемъ ихъ злодѣйствъ, потому что купцы, собирающіеся въ
рмусѣ изъ разныхъ странъ, въ ожиданіи другихъ купцовъ, еще
ущихъ изъ Индіи, отсылаютъ зимою и своихъ лошадей, и муловъ,
знуренныхъ дальнею дорогою, на Реобарльскіе луга, гдѣ они на-
дятъ изобильный кормъ и жирѣютъ. Только что узнавъ о томъ,
арауны пользуются случаемъ сдѣлать большой набѣгъ и обращаютъ

новеніи, вынужденъ былъ ночью бѣжать, и теперь на дорогѣ въ Дели, и что Лагоръ ограбленъ непріятелями, а несчастные жители увлечены въ плѣнъ.» «Визирь тотчасъ двинулся къ столицѣ, которую осаждалъ 3 мѣсяца съ половиною. Городъ былъ взятъ въ 1241 г., когда мятежъ вспыхнулъ и между жителями. Бирамъ брошенъ въ тюрьму, гдѣ нашелъ жалкую кончину въ нѣсколько дней. Монголы, по разореніи области на Пятирѣчьѣ Инда (въ Пятирѣчьѣ), вернулись въ Ghizni.» Такъ видимъ, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Монгольское войско вторгнулось въ земли, подвластныя Государю Дели, и ограбило пограничные города его, а мятежные его подданные, воспользовавшись ужасомъ, наведеннымъ чуждыми, ворвавшимися племенами, низложили правительство и убили своего Государя.

въ рабство людей, провожающихъ скотъ, если эти не дадутъ за себя выкупа. Самъ Марко Поло попалъ было въ такой волшебный мракъ, [92] но спасся изъ него въ замокъ Консальми. [93] А нѣкоторые изъ его товарищей были плѣнены и проданы, другіе же пали подъ мечами враговъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

О городѣ Ормусѣ, лежащемъ на небольшомъ островѣ въ Индійскомъ морѣ, недалеко отъ твердой земли, о важности его въ торговлѣ, и о знойномъ вѣтрѣ, тамъ дующемъ.

При концѣ упомянутой равнины, простирающейся въ южномъ направленіи на 5 дней пути, есть спускъ въ двадцат Итальянскихъ

---

[92] Въ Латинскомъ переводѣ М. Поло говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ (ego Marcus, qui haec scribo), какъ будто думаетъ, что необходимъ весь вѣсъ его личнаго значенія, чтобы повѣрили его извѣстію; но исторія можетъ сдѣлать только тотъ выводъ, что эти разбойники, гнѣздившіеся въ сосѣднихъ горахъ, пользовались густымъ туманомъ, для болѣе безопасныхъ нападеній на караваны, межъ тѣмъ какъ знаніе мѣстности помогало имъ занимать тѣсные проходы, черезъ которые должны были итти путешественники. М. — Волшебныя хитрости: что касается до такихъ извѣстій, то М. Поло бралъ ихъ не слишкомъ разборчиво: это было въ природѣ тогдашняго простодушнаго вѣка. Всѣ Азіятскіе народы пристрастны къ такимъ сказкамъ. особливо Персы (Chard. Vog. III, 204). Подобные разсказы, во времена М. Поло, были всеобщими на Востокѣ, особливо о какомъ-то плутѣ Махмудѣ Тараби, который своими ложными чудесами обманывалъ жителей Бохары и окрестной страны. Онъ возмутился противъ Джагатая: когда же Монголы хотѣли воевать съ нимъ, ихъ покрыла такая пыль, что они, сочтя темноту, происшедшую отъ того, чудеснымъ затмѣніемъ, не осмѣливались напасть на него. Обманщикъ былъ убитъ, но по случаю темноты это не было замѣчено ни Монголами, ни его людьми. Первые были разбиты. Послѣ побѣды. приверженцы Махмуда распустили молву, что онъ на нѣсколько времени сдѣлался невидимкою, отъ того и боялся ихъ даже родной братъ Махмуда; этѣхъ бродягъ называли по имени вождя ихъ Тарабіанцами (Гербело о Джагатаѣ). Находятъ большое сходство между разсказаму Поло о Караунахъ и Тарабіанцахъ Гербело. Б. Б.

[93] Этотъ замокъ Консальми или, по другому способу чтенія, Каносалимъ, не находится на нашихъ картахъ; можно замѣтить, что Персидскія слова:

ыль. очень опасный, по множеству разбойниковъ, которые постоян-о нападаютъ на путешественниковъ и грабятъ ихъ. Этотъ спускъ едетъ въ другую равнину, чрезвычайно пріятную, при ея появле-ін, шириною въ два дня пути и называемую Ормускою равниною. дѣсь переходятъ много красивыхъ рѣкъ и ручьевъ, видятъ землю, окрытую финиковыми деревьями, на которыхъ встрѣчаютъ тетере-овъ, попугаевъ и много другихъ птицъ, незнакомыхъ нашему кли-ату. Наконецъ приходятъ къ Океану морю, гдѣ на островѣ, непода-еку отъ берега, находится городъ, по имени Ормусъ; [94] это при-

«Khanah-al-salam» означаюмъ «домъ безопасности или мира.» — «На этой дорогѣ (черезъ степь), говоритъ Эльфинстонъ, мы видѣли небольшую, но красивую, башню: намъ сказали, что это убѣжище для путешественниковъ отъ разбойническихъ ордъ, грозы каравановъ.»

[94] Собственно древній городъ Ормусъ или Гормусъ (у Птолемея Ἁρμοῦζα πόλις, у Латинянъ Армуза и Армузія, у Португальцевъ Ormaz, а Арабы и Персы ставятъ первымъ словомъ придыханіе и пишутъ Гормусъ) лежалъ на восточномъ берегу Персидскаго залива, въ области Могостанъ, въ Керманскомъ Государствѣ. Ибн-Гаукалъ, писавшій въ исходѣ X вѣка, говоритъ объ этомъ городѣ: «Гормузъ торговое мѣсто купцовъ въ Кирманѣ и первая морская пристань; въ немъ есть мечети и площади, а въ предмѣстіяхъ живутъ купцы.» Онъ былъ разрушенъ однимъ изъ Государей Сельджукидовъ, царствовавшихъ въ Керманѣ, а по другимъ извѣстіямъ — Монголами. Время, когда это случилось, не опредѣлено удовлетворительно. Въ этомъ случаѣ жители, съ своими лучшими пожитками, ушли на сосѣдній островъ Джерунъ, за 13 географ. миль отъ прежняго города: тамъ основанъ былъ городъ Гормузъ или Ормусъ, достигшій еще большей извѣстности, нежели прежній, хоть и при невыгодныхъ обстоятельствахъ, по недостатку въ водѣ и на почвѣ, пропитанной сѣрою и солью. Абульфеда, жившій въ первой половинѣ XIV вѣка, современникъ Марка Поло, описываетъ островной городъ и говоритъ: «Одинъ человѣкъ, видѣвшій его въ наше теперешнее время, разсказывалъ мнѣ, что давній Гормузъ разрушенъ напавшими на него Татарами, и что его жители перешли на островъ, по имени Zarun, неподалеку отъ берега, на западъ отъ древняго Ормуза.» Этотъ островъ отняли у туземнаго Государя Португальцы подъ начальствомъ знаменитаго Альбукерка, въ 1507 г. «Въ ихъ рукахъ, говоритъ Робертсонъ, Ормусъ сталъ великимъ рынкомъ, снабжавшимъ произведеніями Индіи Персію и всѣ, на западъ отъ нея лежащія, Азіятскія области, и городъ, построенный ими на тощемъ островѣ, лишенномъ всякой воды, сдѣлался однимъ изъ главныхъ

стань, посѣщаемая купцами изо всѣхъ странъ Индіи: они привозятъ благовонія и пряности, драгоцѣнные камни, жемчугъ, золотыя и шелковыя ткани, слоновые зубы и много другихъ товаровъ. Этѣ товары они сбываютъ разнымъ торговцамъ, которые развозятъ ихъ по всему свѣту. Названный городъ значительное торговое мѣсто, имѣетъ въ своей зависимости города и замки, и считается главнымъ городомъ Керманскаго Царства. Нынѣшній владѣтель его называется Рукмединъ Ахомакъ, управляющій имъ неограниченно, но въ то же время признаетъ верховную власть надъ собою Царя Керманскаго. [95]

мѣстъ богатства, блеска и роскоши въ Восточномъ мірѣ.» Histor. Disq. p. 140. У Альбукерка отнялъ его Шах-Аббасъ, въ 1622 г., съ помощію Англійской эскадры. Его укрѣпленія и другія общественныя зданія были срыты завоевателемъ, а торговля переведена въ одно мѣсто на сосѣднемъ берегу, Гамбрунъ, переименованный Аббасомъ въ Бендер-Аббасси. Но между этимъ временемъ, открытіе морскаго пути изъ Европы вкругъ мыса Доброй Надежды повело главную торговлю новымъ воднымъ путемъ, и торговля, производившаяся гаванями Персидскаго моря, быстро упала. Во время посѣщенія этой страны Нибуромъ, въ 1765 г., одинъ морякъ, служившій у Шах-Надира, владѣлъ островомъ, на которомъ находился Гормузъ, и это мѣсто было весьма неважнымъ. М. — Риттеръ, прослѣдивъ путь М. Поло (уже показанный въ примѣч. 67) изъ Кермана въ Ормусъ, продолжаетъ: «Эту дорогу, вѣроятно, выбрали Гебры, принужденные бѣжать изъ отечества, въ ихъ плаваніи изъ Іезда въ Керманъ черезъ Ормусъ въ Дивъ.» (См. Азіи IV, стр. 615). Дорожникъ одного туземца, сообщенный Британскимъ Посольствомъ, называетъ мѣсто спуска «Bagh-Gulnar» и говоритъ, что онъ тянется 23 географ. мили (38 фарсанговъ). Это старинная дорога, сдѣлавшаяся нынче негостепріимною пустынею, съ немногими бѣдными деревнями, межъ тѣмъ какъ во время Аббасса Великаго, на всякой станціи былъ построенъ прекрасный караванъсерай и торговые люди ѣздили взадъ и впередъ. Надъ Бендеръ-Аббасси, нѣкогда имѣвшемъ до 20,000 жителей, давно уже взялъ перевѣсъ Абушеръ, какъ пристань. Городъ Керманъ былъ давно разрушенъ; съ 1794 г. онъ опять потерпѣлъ разореніе; въ немъ до 30,000 жителей, лежитъ среди развалинъ, простирающихся на многія мили въ окрестности, все еще имѣетъ базаръ и самую важную ярмарку шерстью; потому что здѣсь получается самая нѣжная шерсть, изъ которой ткутся шали, похожія на кашемировыя.» VIII, 726.

[95] Дегинь говоритъ: «Сельджуки (которыхъ могущество въ этѣхъ странахъ прекратилось въ 1181 году) своими вторженіями принудили жителей ула-

Если здѣсь умираетъ чужеземный купецъ, онъ беретъ и причисляетъ къ своей казнѣ все его добро. Лѣтомъ жители не остаются въ городѣ, по случаю великаго зноя, дѣлающаго воздухъ нездоровымъ; они удаляются въ свои сады на морскомъ берегу, или на рѣчные острова, гдѣ строятъ надъ водою себѣ хижины, нѣсколько похожія на ивовыя корзинки, обгораживаютъ ихъ тыномъ, идущимъ съ одного конца въ воду, а съ другаго на прибрежную землю, и для защиты отъ солнца, покрываютъ ихъ листьями. Тутъ и живутъ они. Тамъ каждый день, съ девятаго часа до вечера, дуетъ вѣтеръ съ твердой земли, такой удушливо знойный, что захватываетъ дыханіе, и люди, подвергшіеся его дуновенію, должны задохнуться. Никто, застигнутый такимъ вѣтромъ въ песчаной равнинѣ, [96] не можетъ избѣжать его гибельнаго дѣйствія. Лишь только жители замѣтятъ приближеніе этого вѣтра, тотчасъ опускаются въ воду до подбородка и остаются въ такомъ поло-

---

литься на сосѣдственный островъ, лежавшій при входѣ въ Персидскій заливъ, гдѣ и построили городъ, еще и нынѣ сохраняющій свое имя». Liv. V, p. 345.

[96] Путешественники часто описывали этотъ знойный вѣтеръ, извѣстный въ Италіи подъ именемъ il sirocco, а въ Африкѣ подъ названіемъ Гарматанъ. Въ степяхъ южной Персіи его дѣйствія, можетъ быть, еще сильнѣе, что можно видѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ, поразительно подтверждающихъ нашего писателя: «Воздухъ, говоритъ Шарденъ, зноенъ и сухъ по всему Персидскому заливу, отъ Караманіи до Индіи, и есть мѣста въ этѣхъ странахъ, гдѣ жары удушливы и невыносимы даже для тамошнихъ уроженцевъ. Этѣ люди покидаютъ свои дома на 4-ре жаркіе мѣсяца въ году и удаляются въ горы. Тогда путешественники, къ ихъ несчастію, принужденные странствовать въ этѣхъ палящихъ земляхъ, находятъ деревни совсѣмъ покинутыми, кромѣ, можетъ быть, нѣсколькихъ бѣдныхъ и жалкихъ существъ, которыя оставлены для присмотра за деревней. Мѣста, куда уходятъ жители — долины, горы да финиковые лѣса». Далѣе онъ говоритъ: «Этотъ смертоносный вѣтеръ называютъ bad-samum (bâdi-samûm). Онъ дуетъ только между 15-мъ Іюня и 15 Августа: это пора несносныхъ жаровъ по всему протяженію залива; вѣтеръ бушуетъ съ сильнымъ шумомъ, кажется краснымъ и горящимъ, а если налетитъ на людей, задушаетъ ихъ, особливо въ дневную пору.» Т. II, стр. 7 и 9. — «Вѣтры въ этой степи, говоритъ Поттингеръ, часто такъ знойны (въ жаркіе мѣсяцы съ Іюня до Сентября), что умерщвляютъ все живое, звѣрей и растенія, доступныхъ ихъ дѣйствію, и дорога, которою я ѣхалъ, считалась тогда совсѣмъ безжизненною. Вездѣ въ Белуджистанѣ называютъ этотъ вѣтеръ разными именами: Julot или Julo, пламя, и Bade sumum, смертоностный вѣтеръ. Онъ страшно пронзителенъ по своей природѣ, такъ что

женіи до тѣхъ поръ, пока онъ не перестанетъ. [97] Въ доказательство чрезвычайныхъ здѣшнихъ жаровъ, М. Поло разсказываетъ, что ему привелось быть въ этой странѣ во время слѣдующаго происшествія. Когда владѣтель Ормуса какъ-то не заплатилъ дани Керманскому Царю, этотъ задумалъ захватить его въ такое время, когда знатнѣйшіе горожане живутъ внѣ города, на твердой землѣ: онъ послалъ войско, изъ 1600 всадниковъ и 5000 пѣшихъ, для занятія земли Реобарле. Проводники его, сбившись съ дороги, прежде сумерекъ не могли добраться до назначеннаго мѣста, и остановились отдохнуть въ рощѣ, недалеко отъ Ормуса. Когда же на другое утро стали продолжать походъ, ихъ настигъ тотъ убійственный вѣтеръ и задушилъ всѣхъ: не уцѣлѣлъ ни одинъ, для доставленія несчастной вѣсти своему Государю. Ормускіе жители, узнавъ объ этомъ происшествіи, хотѣли похоронить трупы, чтобы отъ нихъ не заразился воздухъ: они нашли ихъ въ такомъ состояніи отъ страшнаго жара, что, когда начали поднимать, члены отдѣлялись отъ туловищъ, и нужно было копать могилы вблизи того мѣста, гдѣ лежали умершіе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

О судахъ, употребляемыхъ въ Ормусѣ; о порѣ поспѣванія плодовъ; объ образѣ жизни и нравахъ жителей.

Суда, которыя строятся въ Ормусѣ, очень плохи и опасны для плаванія. Недостатокъ ихъ отъ того, что тамъ не употребляютъ гвоздей для ихъ сплачиванія, потому что дерево очень твердо, легко осы-

---

убиваетъ верблюдовъ и другихъ сносливыхъ животныхъ: очевидцы описывали мнѣ его дѣйствія на человѣка въ такихъ ужасныхъ чертахъ, какъ только можно себѣ представить: мускулы несчастныхъ цѣпенѣютъ и сжимаются, кожа сморщивается, судорожное ощущеніе, какъ будто бы человѣкъ былъ въ огнѣ, охватываетъ все ихъ тѣло; напослѣдокъ, тѣло трескается глубокими язвинами, изъ которыхъ выступаетъ кровь, и тѣмъ быстро оканчивается такое бѣдственное состояніе. М.

[97] Швабской путешественникъ, Шиллингеръ, посѣтившій этѣ страны въ 1700 году и оставившій дѣльное описаніе Гормуза и Гомбруна, говоритъ: «Когда настаютъ сильные жары, жители по цѣлымъ днямъ лежатъ въ очень удобныхъ для того корытахъ съ водою, или стоятъ въ наполненныхъ водою бочкахъ по самую шею, чтобы отдохнуть и укрыться отъ нестерпимаго зноя». Persianische Reise, S 279.

пается и трескается, словно глиняный товаръ. Когда стараются вколотить гвоздь, дерево не пускаетъ его, отъ чего онъ и ломается. Доски на концахъ просверливаютъ желѣзнымъ буравомъ, сколько можно осторожнѣе, и потомъ уже вбиваютъ въ этѣ диры деревянные гвозди и клинья: такъ и сшиваютъ ихъ (въ передней и задней части). Послѣ того ихъ связываютъ или лучше сшиваютъ паклею, добываемой изъ скорлуны Индійскихъ (кокосовыхъ) орѣховъ, очень большихъ и покрытыхъ нитеобразнымъ веществомъ, похожимъ на конскій волосъ. Ихъ держатъ въ водѣ до тѣхъ поръ, пока нѣжныя части сгніютъ, а нити или веревочки отдѣлятся: изъ нихъ-то и дѣлаютъ веровки для сшиванія досокъ, очень долго выдерживающіе воду.[98] Смолы не употребляютъ для прочности дна у судовъ, но смазываютъ ихъ масломъ, приготовляемымъ изъ рыбьяго жира, и потомъ конопатятъ паклею. На суднѣ одна мачта, руль[99] и палуба. Нагрузивъ его, покрываютъ кожами, на которыхъ ставятъ лошадей, отвозимыхъ въ Индію. У нихъ нѣтъ желѣзныхъ якорей, замѣняемыхъ другаго рода орудіями: отъ того-то этѣ суда въ дурную погоду часто пригоняются къ берегу и погибаютъ; здѣшнія же моря очень бурны.[100]

Жители темнаго цвѣта, Магометане. Они сѣютъ пшеницу, рисъ и другой хлѣбъ въ Ноябрѣ, а жнутъ въ Мартѣ. Въ этомъ же мѣсяцѣ снимаютъ и плоды, кромѣ финиковъ, которые собираются въ Маѣ. Изъ нихъ, съ разною другою примѣсью, выдѣлываютъ хорошій родъ

---

[98] Нибуръ и Ле Жентиль такимъ же образомъ описываютъ суда этѣхъ странъ.

[99] Излишнимъ казалось замѣчаніе, что судно имѣетъ одинъ руль; но надобно взять въ соображеніе, что безчисленные praws, покрывающіе моря далекаго Востока, снабжены, обыкновенно, двумя веслами или kamûdis, и что Поло видѣлъ такія суда въ свою поѣздку въ Малакскій проливъ. М.

[100] И на Малайскихъ судахъ обыкновенно нѣтъ желѣзныхъ якорей: по моему мнѣнію, это надобно разумѣть изъ словъ ferri di sorzer, хоть этого выраженія нѣтъ ни въ обыкновенныхъ, ни въ морскихъ словаряхъ. Ихъ якори дѣлаются изъ твердаго и тяжелаго дерева, съ одною только ручкою и опускаются на дно съ помощію тяжелыхъ камней, но при сношеніяхъ этѣхъ народовъ съ Европейцами и при денежныхъ на то средствахъ, они стараются доставать желѣзные якоря. Шлюпки, на которыхъ производится Нью-Фундлендское судоходство, имѣютъ деревянные якори съ каменными грузилами.» М.

вина.[101] Но если пьютъ его люди, не привыкшіе къ такому напитку, онъ въ ту же минуту производитъ плохія послѣдствія: когда же оправятся отъ этихъ первыхъ его дѣйствій, онъ оказывается благодѣтельнымъ: съ него даже толстѣютъ. Пища туземцевъ отлична отъ нашей: если бы они захотѣли ѣсть пшеничный хлѣбъ и мясо, то здоровье ихъ пострадало бы отъ того. Они питаются предпочтительно финиками и соленою рыбою, такъ же цеполями (cepola lania), тунцами, и другими, въ полезности которыхъ увѣрены. Кромѣ низменныхъ мѣстъ, почва этой земли не покрывается травою отъ чрезвычайныхъ жаровъ, которые все сожигаютъ. По смерти значительнаго лица, женщины громко оплакиваютъ его ежедневно по одному разу въ теченіи 4 недѣль сряду. Здѣсь есть люди, дѣлающіе ремесло изъ такого гореванья: имъ платятъ за то, что они плачутъ и вопятъ надъ тѣлами чьихъ нибудь родныхъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

О землѣ, по которой проходятъ, вышедши изъ Ормуса и возвращаясь въ Керманъ, другою дорогой; о горечи въ хлѣбѣ, происходящей отъ качества воды.

Поговоривъ объ Ормусѣ, я отлагаю разсказъ объ Индіи, который будетъ предметомъ особой книги, и возвращаюсь теперь въ Керманъ въ сѣверномъ направленіи. Если, покинувъ Ормусъ, отправиться въ эту страну другою дорогою, то прійдемъ въ прекрасную равнину, приносящую въ изобиліи всякіе плоды; но хлѣба, приготовленнаго изъ

---

[101] Обыкновенно называемое пальмовое вино есть сокъ, добываемый изъ деревьевъ, принадлежащихъ къ роду пальмъ: у нихъ отрѣзываютъ плодотворительныя вѣтки и въ томъ мѣстѣ, гдѣ они отрѣзаны у дерева, прикрѣпляютъ сосудъ, въ который и каплетъ сокъ; но такъ же читаемъ объ одномъ опьяняющемъ напиткѣ, приготовляемомъ изъ зрѣлыхъ фиников: ихъ держатъ въ теплой водѣ до тѣхъ поръ, пока они придутъ въ броженіе, подобное вину. Поттингеръ, разсказывая о народѣ Мекрана (области, сосѣдней съ Керманомъ), говоритъ: «Они очень много пьютъ одуряющаго напитка изъ финиковъ, пришедшихъ въ состояніе броженія: онъ чрезвычайно вреденъ по его дѣйствіямъ». Стр. 306. Въ «Ксенофонтовомъ Анавазисѣ» говорится объ этомъ напиткѣ, видѣнномъ Греками въ деревняхъ Вавилоніи; въ объясненіяхъ къ этому сочиненію Маіора Реннеля (стр. 118) можно найти подробныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ.

шней пшеницы, нельзя ѣсть съ непривычки: онъ горекъ, и
отъ воды, горькой и солоноватой. Куда ни взглянешь, видны
лые цѣлительные ключи, которыми можно пользоваться отъ на-
жныхъ болѣзней и другихъ тѣлесныхъ недуговъ; много также фи-
ковъ и другихъ плодовъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

О пустынной землѣ между Керманомъ и Кобинамомъ и горькой тамошней водѣ.

Покинувъ Керманъ, послѣ трехдневнаго странствованія, приходятъ въ степь, простирающуюся на семь дней пути, и прошедши ее, достигаютъ Кобинама.[102] Въ первые три дня изъ тѣхъ семи дней встрѣчаютъ мало воды, да и та смѣшана съ солью, зеленая, словно трава, и такого противнаго вкуса, что нельзя и пить. Если же хоть немного отвѣдаешь ея, тотчасъ станетъ слабить; тоже дѣйствіе

---

[102] Кобинамъ есть Кабисъ Д'Анвилля, Хабисъ Эдризи, Кебисъ, Кебейсъ и Кубейсъ Ибн-Гаукала, Кубесъ Поттингера. «Кебейсъ, говоритъ Ибн-Гаукалъ, городъ на границахъ этой степи, съ ключами и финиковыми деревьями. Отсюда до Дурака находится Merileh, и въ продолженіи этой станціи, на сколько видятъ глаза, все передъ ними имѣетъ видъ пустыни и смерти, потому что со всѣмъ нѣтъ воды.» Ouseley's translation», стр. 199. — «Прежде онъ процвѣталъ, говоритъ Поттингеръ, и былъ мѣстопребываніемъ Беглербега, вмѣсто Государя Сейстанскаго, но теперь жалкое, обѣднѣвшее мѣстечко, а жители— извѣстные разбойники, которые только тѣмъ и живутъ, что осаждаютъ дороги изъ Хорасана и Персіи и грабятъ караваны». Стр. 229. М.—Югозападная часть степи, самая неизвѣстная, и теперь посѣщается только караванами Авганцевъ и Белуджей изъ Сеестана въ Керманъ. Она солончаковая, песчаная и необитаемая, однако жь проходитъ по ней дорога, съ юга на сѣверъ, изъ Кермана въ Гератъ, которую гонцы проѣзжаютъ на верблюдахъ въ 18 дней, хотя и съ великою опасностью. Почти по срединѣ ея лежитъ оазъ Кубисъ (подъ 32° 20 сѣвер. шир.), зеленый и богатый овощный садъ; въ самой срединѣ соименный ему городъ, въ одинаковомъ разстояніи отъ Персіи, Сеестана, Кермана, безъ всякихъ растеній, въ самой пустой степи, служащей для него оградою. За милю въ окрестности должны течь самые свѣжіе ручьи. Онъ — мѣсто убѣжища и поселеніе, теперь — пребываніе хищной орды, которую никто не можетъ преслѣдовать и отыскать въ ея дикихъ пустыняхъ.» Риттеръ, Азія VIII, 727 — 728; срав. также 469.

имѣетъ и соль, приготовляемая изъ нея. [103] Потому путешественники по этой степи должны запасаться водою. Скотъ, находя эту воду, отъ сильной жажды пьетъ ее, но за тѣмъ тотчасъ же слѣдуетъ поносъ. Въ продолженіе этѣхъ трехъ дней совсѣмъ невидно никакого жилья. Вездѣ сушь и пустота. Скота нельзя и встрѣтить, потому что для него нѣтъ никакого корма. На другой день приходятъ къ рѣкѣ съ свѣжею водой, которая далѣе продолжаетъ путь подъ землею, но мѣстами на поверхности земли есть отверстія пробитыя силою теченія: черезъ нихъ видна рѣка, и тогда воды вдоволь. Тутъ останавливается усталый странникъ, для освѣженія себя и своего животнаго, послѣ трудностей прежняго дня. Три последующіе дня похожи на три первыхъ, наконецъ приходятъ къ городу Кобинаму.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

О городѣ Кобинамѣ и его промыслахъ.

Кобинамъ — большой городъ, котораго жители послѣдователи Магометова закона. Они выдѣлываютъ зеркала изъ превосходной полированной стали, чрезвычайно большія и красивыя. Въ этой странѣ находится много антимонія или цинка, и жители дѣлаютъ тутію т. е., сѣрый и бѣлый шпіаутеръ, очень пріятную для глазъ, также сподій или шпіаутерову сажу, и притомъ слѣдующимъ образомъ. Въ странѣ есть рудникъ, гдѣ они копаютъ землю, которую и жарятъ въ плавильной печи; надъ печью положена желѣзная рѣшетка, принимающая паръ, который садится на ней и, остывая, твердѣетъ.

---

[103] Соленые ключи и усыпанныя солью равнины, найденныя Поттингеромъ въ Керманѣ и сосѣднихъ странахъ, описываются такъ: «Мы переправлялись черезъ ручей съ текучею солью, достававшею до колѣнъ моей лошади; поверхность земли во многія сотни ярдовъ была по обѣимъ сторонамъ покрыта толстою соляною корою, похожею на замерзшій снѣговый покровъ, хрустѣвшій подъ копытами лошади.» Стр. 237. Всѣ этѣ горы (Користанскія) богаты минералами; въ разныхъ мѣстахъ есть ручьи, текущіе солью, да озеры покрытыя пѣною, похожею на нефть или земляную смолу, находимую у Каспійскаго моря.» Стр. 312. «На высокой дорогѣ изъ Келата въ Кучъ-Гундава есть цѣпь холмовъ, изъ которыхъ добывается родъ соли, совершенно краснаго цвѣта и весьма сильнаго слабящаго свойства. Тамъ находятъ также сѣру и квасцы.» Стр. 323. М.

Это туція (цинковая окись), а грубая и тяжелая часть, которая не поднимается къ верху, остается въ печи, въ видѣ перегорѣвшаго угля, и дѣлается сподіемъ (шпіаутерова сажа). [104]

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

О путешествіи изъ Кобинама въ землю Тимокаинъ, къ сѣвернымъ предѣламъ Персіи, и особенной породѣ деревьевъ.

Оставивъ Кобинамъ, приходятъ въ степь длиною въ 8 дней пути: тамъ страшная сушь; ни деревьевъ, ни плодовъ, да и вода, какая есть, горькая. Отъ того путешественники должны брать съ собою припасы, сколько ихъ нужно для прокормленія. Скотъ, томимый жаждою, безъ сомнѣнія, пьетъ и такую воду, посылаемую ему степью, и его хозяева стараются сдѣлать ее, сколько можно, вкуснѣе, подмѣшивая въ нее цвѣтовъ. Въ восемь дней достигаютъ страны Тимокаинъ, лежащей къ сѣверу на Персидскихъ границахъ; въ ней много городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ. Тамъ есть очень большая

---

104 Подъ словомъ Andanicum Марсденъ, кажется, разумѣлъ Антимоній, котораго, по Шардену и другимъ, много находится въ упоминаемой здѣсь Персидской странѣ; «но, говоритъ онъ въ примѣчаніи къ этой главѣ, по способу приготовленія шпіаутера и сподія, какъ онъ описанъ здѣсь, по видимому, скорѣе надобно полагать, что lapis calaminaris или цинкъ, тотъ минералъ, которому даетъ то названіе нашъ писатель, или, наоборотъ, слово andanico, испорченное изъ этого. Бальделли приглашаетъ къ примѣчанію Cap. 27. Di Gobiam (S. 24) Bd. I. въ Testo di lingua del sec. XIII, но сообщаетъ въ немъ только отступающіе способы чтенія andanico, и потомъ говоритъ о сподіи: «Эта глава приводится цѣликомъ въ Словарѣ подъ названіемъ «Spodio.» По Флорентинской фармацевтической книгѣ, сподій (называемый также цинковая зола и ядовитая сажа) находится въ мѣдеплавильныхъ печахъ, гдѣ попадается и цинковая окись, у Арабовъ Tutia, образующаяся при горѣніи металловъ. Сподій образуется изъ болѣе грубыхъ частей и находится въ кухонныхъ трубахъ. Изъ Ост-Индіи приходитъ настоящій сподій, называемый «La Tabaxir» (Ricett. Fior. 1696, p. 60). О «Tutia» онъ говоритъ, что это «Cadmia» (Galmei) древнихъ, которая образуется на подъемѣ печи, въ видѣ кистей, или вокругъ желѣзныхъ прутьевъ, прикрѣпляемыхъ для того въ печи, или къ стѣнѣ. Въ мѣдныхъ рудникахъ находятъ также ея породу, похожую на камень. По Галену, это самородная Cadmia, называемая у Химиковъ «Giallamina» (Galmei), которой нѣсколько бросаютъ въ мѣдно-

поляна, замѣчательная растеніемъ, которое называется солнечнымъ деревомъ, а у Христіянъ «Arbor Secco», сухое или безплодное дерево. Его природа и свойства слѣдующія: оно высокое съ толстымъ стеблемъ; листья зеленые, верхняя сторона коихъ бѣлая или сѣроватая. Оно приноситъ стручки или мѣшечки, похожіе на тѣ, въ которыхъ родятся Грецкіе орѣхи, но плода въ нихъ нѣтъ. [105] Древесина у него твердая, желтоватаго цвѣта, какъ у буковаго дерева. На сто миль въ окружности не растетъ другихъ деревьевъ, развѣ только съ одной стороны, гдѣ за десять миль разстоянія есть разныя деревья. Жители разсказываютъ, что тамъ происходило сраженіе у Александра съ

плавильную печь и приготовляютъ «Pomfolyx» (бѣлую галмею), сподій и искуственную (цинковую окись или цинковую известь), туцію (Тамъ же, стр. 64); объ этихъ послѣднихъ и говоритъ М. Поло. Изъ цинковой окиси дѣлаютъ глазную мазь. Менинскій упоминаетъ о двухъ породахъ туціи: самородка, блестящаго, свѣтлоголубаго цвѣта который привозится изъ Индіи и есть самый лучшій; искуственно приготовляемая, какова въ Керманѣ (гдѣ городъ «Кобинамъ» Поло), бѣлая съ зелеными пятнами (Thes. Ling: Orient. t. II, p. 237). Лангле (Collect. de pet. Voy. t. III, p. 218) приводитъ одно мѣсто изъ Персидскаго географа, который разсказываетъ, что въ Персепольскомъ дворцѣ находили Индійскую туцію. Думаютъ, что Авиценна (славный врачъ и философъ при Дворѣ Махмуда Газнавида) употреблялъ это слово для означенія Гальмеи. По словамъ Лангле, Персы подъ словомъ Tuzia разумѣютъ минералъ, похожій на «Lapis lazuli» (Тамъ же, стр. 212). По словамъ одного Голландскаго путешественника, «сподій» — древесная зола одного дерева съ Зондскихъ острововъ, очищающая кожу (Hist. gen. des Voy. t. VIII, p. 53): это растительный сподій; о немъ говоритъ и приведенная выше Фармацевтика, какъ объ экстрактѣ изъ сожженныхъ въ печахъ корней бирючины или дикой маслины.

[105] Дерево, называемое «Arbor Secco», кажется, изъ породы fagus, и со всѣми свойствами каштановаго дерева; однако жь имѣемъ вѣрное основаніе думать, что оно выродокъ платановъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста. Прилагательное secco кажется, указываетъ только на то, что видъ стручка, обѣщая годный въ пищу плодъ, соблазняетъ всякаго, незнакомаго съ нимъ, сорвать его, хоть этотъ и не найдетъ въ немъ никакого питательнаго зерна, а только тощія, безвкусныя сѣмена. «Мое второе наблюденіе, говоритъ Сильвестръ де Саси, относится къ мнимому безплодію платановъ, о которомъ говоритъ Касвини, хоть въ другомъ мѣстѣ онъ самъ противорѣчитъ себѣ, упоминая о плодѣ этого дерева. Не знаю, безплодны ли

ларіемъ.[106] Города снабжены всѣмъ, что служитъ для нужды и добства жизни, климатъ умѣренный: нѣтъ ни большихъ жаровъ, ни злишняго холода. Народъ привержeнъ къ Магометанской вѣрѣ. Вобще, красивое племя, особливо женщины, по моему мнѣнію, лучшія красавицы въ свѣтѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

О Старцѣ Горы, его дворцѣ и садахъ, его плѣнѣ и смерти.

Поговоривъ объ этой землѣ, слѣдуетъ упомянуть о Старцѣ Горы. Область, гдѣ находилась его столица, получила названіе Мулегетъ, (Mulehet), означающее на языкѣ Сарациновъ мѣсто еретиковъ, а народъ имя Мулегетитовъ или исповѣдниковъ раскольнической вѣры, точно такъ же, какъ мы употребляемъ названіе Патарены для нѣкогорыхъ еретиковъ между Христіянами. Марко Поло увѣряетъ, что онъ слышалъ отъ разныхъ лицъ слѣдующій разсказъ объ этомъ Государѣ.

въ самомъ дѣлѣ платаны подъ нѣкоторыми широтами, но, кажется, безплодіе ихъ вошло въ пословицу у нѣкоторыхъ Восточныхъ народовъ, потому что въ собраніи разныхъ нравственныхъ правилъ Сабеевъ или Христіянъ Св. Іоанна, находятъ слѣдующее: «Пустой самохвалъ похожъ на красивый развѣсистый платанъ, ничего не производящій и не дающій никакого плода своему хозяину.» Смыслъ этой поговорки, можетъ быть, тотъ, что плодъ платановъ ни къ чему негоденъ. Лорсбахъ, издавшій этѣ изреченія, замѣчаетъ при этомъ случаѣ, что въ нѣкоторыхъ словаряхъ Сирійское названіе платановъ переводится каштановымъ деревомъ, не знаю, на какомъ основаніи.» Relation de l'Egypte. Notes, p. 81. M.

[106] Послѣднее сраженіе у Александра съ Даріемъ было при Арбелѣ (Арбиль), въ Курдистанѣ, неподалеку отъ р. Тигра, но при послѣдующихъ военныхъ дѣйствіяхъ побѣжденный Персидскій Царь былъ преслѣдуемъ отъ Экбатаны (Гамадана) чрезъ Каспійскія ворота или проходъ Коварскій, пройденный безпрепятственно Александровыми войсками, до области Комусине (Кумисъ), которой столица былъ Гекатомпилосъ (Дамганъ). Это преслѣдованіе кончилось только съ убіеніемъ несчастнаго Государя его собственнымъ сановникомъ, неподалеку отъ послѣдняго города. Самъ Александръ двинулся впередъ ближайшею дорогою, но степью, въ которой нельзя было достать воды. Въ этой части страны ходитъ множество преданій о Македонскомъ завоевателѣ, примѣры которыхъ мы представимъ въ послѣдствіи. М.

Его звали Ало-эддинъ; вѣра его была Магометанская. [107] Въ красивой долинѣ, окруженной двумя высокими горами, онъ велѣлъ развести прекраснѣйшій садъ, въ которомъ расли самые вкусные плоды и душистые цвѣты, какіе только можно себѣ представить. На этомъ веселомъ мѣстѣ были построены въ разныхъ террасахъ, одинъ на другомъ, дворцы, различные видомъ и величиною, украшенные золотыми картинами, живописью и богатыми шелковыми тканями. Въ этѣхъ зданіяхъ можно было видѣть много водометовъ, бьющихъ свѣтлою и свѣжею водою; въ другихъ мѣстахъ текли ручейки съ виномъ, молокомъ и медомъ. Въ дворцахъ жили дѣвушки и женщины чудной красоты: онѣ превосходно пѣли, умѣли играть на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ, чудно плясали и могли доставлять пріятныя развлеченія. Видно было, что онѣ, одѣтыя въ богатыя платья, жили постоянно весело; и садъ, и павильоны оглашались ихъ весельемъ и рѣзвостью; ихъ надзирательницы скрывались внутри зданія и не могли

---

[107] Крестоносцы въ Обѣтованной Землѣ не только много наслышались о Шейхѣ аль Джебалѣ (см. Гаммера Исторію Ассассиновъ), т. е., Старцѣ или Владыкѣ въ горахъ, именно въ Ливанонѣ, въ Сиріи, и о его убійцахъ, страшныхъ для Мусульманъ и Христіянъ, но и сами имъ подвергались, на прим., Раймундъ, Графъ Трипольскій въ 1149, Конрадъ, Маркграфъ Монферратскій и Тирскій и другіе, погибли подъ ихъ кинжалами. Но для нихъ осталось неизвѣстнымъ, что этотъ «Старецъ Горы» былъ начальникомъ одного только западнаго пріорства своего Ордена, котораго глава, подъ такимъ же именемъ, царствовалъ въ Рудбарѣ (т. е., рѣчной землѣ) Эльбурса, а также и въ Кугестанѣ на востокѣ, въ Каинѣ, имѣлъ помощниковъ своихъ злодѣйствъ. Отсюда-то Марко Поло, возвращаясь на родину изъ Китая чрезъ Персію на Дамганъ, гдѣ долженъ былъ пожить при Монгольскомъ Дворѣ, принесъ въ Европу первые чудные разсказы про этѣхъ, какъ называетъ онъ, Мулегетитовъ (т. е., еретиковъ); этѣ разсказы доставили также и Арабамъ довольно содержанія для сказокъ «Тысяча и Одна Ночь»; но въ ихъ истинной исторической связи сдѣлались собственностью Исторіи, благодаря только «Миркондову Rouzat al Sefa (т. е., Садъ чистоты)». Риттеръ, Азія VIII, S. 577. — Подъ именемъ Ало-эддина Поло разумѣетъ Рокн-эддина, сына Ало-эддинова, послѣдняго Государя Ассассиновъ, побѣжденнаго Ханомъ Гулагу въ 1256 году, а не въ 1262, какъ говоритъ М. Поло. Этотъ неразумный и трусливый Государь только съ недавняго времени наслѣдовалъ своему убитому отцу, и ихъ обоихъ легко могли смѣшать Венеціяне, проѣзжавшіе тамъ нѣсколько позднѣе.

быть видимы. Но цѣль, съ какою Государь развелъ такой очаровательный садъ, была такова: всѣмъ, соблюдающимъ его заповѣди, Магометъ обѣщалъ удовольствія рая, въ которомъ они находили всякаго рода чувственныя наслажденія въ обществѣ прекрасныхъ женщинъ: и этотъ Государь хотѣлъ внушить своимъ приверженцамъ вѣру въ себя, какъ въ пророка, подобнаго Магомету, что онъ также имѣетъ власть вводить въ рай тѣхъ, которые у него въ милости. Чтобы никто безъ его позволенія не могъ найти дорогу въ эту пріятную долину, онъ велѣлъ построить, при входѣ въ нее, крѣпкій, неодолимый замокъ, черезъ который можно было дойти до нея только потаеннымъ путемъ. При Дворѣ Государь держалъ также нѣкоторое число юношей отъ 12 до 20 лѣтъ, выбирая для того между сосѣдними горцами такихъ, которые обнаруживали способность къ военному дѣлу, а также смѣлость и отвагу. Каждый день онъ бесѣдовалъ съ ними о раѣ, обѣщанномъ пророкомъ, и о своей власти ввести ихъ въ этотъ рай; по временамъ онъ приказывалъ давать усыпляющее питье 10, или 12, юношамъ, и когда они засыпали глубокимъ сномъ, велѣлъ относить ихъ въ разныя комнаты садоваго дворца. Только что они просыпались отъ этого глубокаго сна, чувства ихъ приходили въ упоеніе отъ разныхъ восхитительныхъ предметовъ, описанныхъ имъ еще прежде: каждый видѣлъ вокругъ себя прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя пѣли, играли, обращали не себя его вниманіе самыми очаровательными ласками, угощали его вкусными кушаньями и славнымъ виномъ, такъ что, наконецъ, въ полномъ забвеніи отъ такого избытка наслажденій, среди настоящихъ ручьевъ молока и вина, онъ въ самомъ дѣлѣ воображалъ себя въ раю и не хотѣлъ разставаться съ этѣми удовольствіями. Когда проходило четыре, или пять, дней такихъ, ихъ снова приводили въ глубокій сонъ и уносили изъ сада. Потомъ представляли ихъ Государю, и на вопросъ его: Гдѣ они были?—«Въ раю, отвѣчали они, милостію Вашего Величества», потомъ разсказывали всему Двору про чудеса, которыя тамъ видѣли и испытали. Ихъ слушали съ изумленіемъ и любопытствомъ. Обратившись къ нимъ, Государь говорилъ: «Насъ увѣряетъ нашъ пророкъ, что защитникъ своего Государя будетъ въ раю: васъ ожидаетъ счастливая доля, если соблюдете мои предписанія и будете слушаться моихъ приказаній.» Въ восторгѣ отъ такихъ словъ, всѣ они считали себя счастливыми, если получали порученія отъ Государя и рвались умереть на его службѣ. Отъ того и случалось,

что если какой сосѣдній Князь, или кто бы то ни было, навлекалъ на себя непріязнь Старца Горы, этотъ послѣдній приказывалъ убивать его воспитаннымъ у себя убійцамъ. Никто не боялся отваживать жизнь, которою они дорожили не много, только бы удалось исполнить приказанія ихъ владыки. Отъ того-то по всѣмъ окрестнымъ землямъ боялись его тиранніи. У него было и двое посланниковъ или намѣстниковъ: одинъ имѣлъ пребываніе неподалеку Дамаска, другой въ Курдистанѣ.[108] Этѣ также слѣдовали плану, предписанному Старцемъ Горы, и воспитывали юношей въ безусловномъ повиновеніи. Не было еще такого сильнаго лица, которое избѣжало бы смерти отъ руки убійцы, навлекши на себя непріязнь Старца Горы. Его земля находилась въ Царствѣ Улау (Гулагу), брата Великаго Хана (Мангу): узнавъ объ ужасныхъ его дѣлахъ, также и о томъ, что онъ поставилъ людей для грабежа путешественниковъ, проходившихъ по его землѣ, Улау послалъ, въ 1262 г., одно изъ своихъ войскъ осадить злаго Государя въ его замкѣ. Но замокъ имѣлъ такія оборонительныя средства, что держался три года, до тѣхъ поръ, пока голодъ заставилъ сдаться Старца Горы: его взяли въ плѣнъ и казнили. Замокъ былъ срытъ,[109] а райскій садъ разоренъ.

---

[108] Въ текстѣ у Рамузія ошибочно поставлено Курдистана, потому что въ Курдистанѣ ничего не знали объ его власти, а въ Кугистанѣ было пріорство; см. выше примѣч. къ 8 Государствамъ Персіи. Впрочемъ, этого мѣста нѣтъ въ Латинскомъ текстѣ у А. Мюллера, ни въ Testo di lingua у Бальделли Бони; въ этѣхъ обоихъ изданіяхъ, вмѣсто Курдистана, поставлено «Mulehet», объясненное въ дѣльной выноскѣ въ текстѣ Рамузія; у Бальдели Бони «Milice,» въ Парижскихъ codd. «Mulecte,» у А. М. «Mulete,» а это послѣднее І. Р. Форстеръ при сличеніи принялъ за замокъ Аламутъ, но, кажется, едва ли основательно. Ритт. VIII, 579.

[109] Въ такихъ словахъ состоитъ извѣстіе М. Поло, такъ долго считавшееся баснею, справедливое въ главномъ дѣлѣ и подтвержденное Исторіею Кондемира: изъ этой послѣдней мы наконецъ точнѣе узнаемъ мѣстности; ихъ географическое указаніе, которымъ до сихъ поръ пренебрегали, будетъ здѣсь нашею особенною задачею. Оно окажется само собою изъ связнаго разсказа Исторіи, потому что всѣ мѣста исчезли и только слабое воспоминаніе соединено съ ихъ, едва замѣтными, развалинами. Для того необходимъ слѣдующій разсказъ.

Въ Египтѣ одна часть Мусульманъ держалась ученія Измаилитовъ, такъ называвшихся по имени Измаиля бен Джяфара аль Садека, внука Али и

V

СМѢСЬ

РЕЕСТРЪ

КОЗАЦКИХЪ ДѢЛЪ

ВЪ ПОЛЬСКОЙ МЕТРИКѢ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

ПРИ 3-МЪ ДЕПАРТАМЕНТѢ СЕНАТА,

въ листъ съ надписью: «Kozackie.»

связка 1-я.

1626 г.

ѣъ обозъ у Курукова на медвѣжьихъ кожахъ . . . . . списокъ становленія порядка отъ Комисаровъ Короля Сигизмунда III и Іольской Республики между Запорожскими Козаками: 1. Обѣщаись Королю и Республикѣ имѣть всю вѣрность и повиновеніе и ротивъ Турокъ не воевать ни сушею, ни моремъ, безъ позволенія тъ Короля и Республики Польской. 2. Оные войска Запорожскія зъ 6000 ч. будутъ вѣрно служить Королю и Республикѣ, за то озволено людямъ, военную службу отправляющимъ, торговать, ловить рыбу и звѣрей, не дѣлая никакой преграды Старостиннымъ выодамъ, и оставили бы язы и ухожеи. . . . . издавна Старостамъ ринадлежащія. Сему войску положено жалованье получать въ день Св. Иліи (Русской) по 600,000 въ году, въ Кіевѣ. Старостѣ * . . .

---

* Точки и пропуски, къ сожалѣнію, находятся въ самомъ спискѣ, съ котораго этотъ реестръ напечатанъ.

. . . . всего войска . . . . въ годъ 600 злот., Обозному 100 злот., 2-мъ Асавуламъ, каждому по 150 зл., Писарю 100, 6-ти Полковникомъ по 10 . . . . . изъ Сотниковъ каждому по . . . . . должны жить на Низѣ . . . . . за порогами, и нести обыкновенныя повинности, увѣдомляя о непріятелѣ, не допуская его къ переправамъ и удерживая сего . . . . . отдавать Республикѣ. 3. Какъ изъ Польскихъ обывателей никому не будетъ обидъ отъ сего войска, ... ни въ духовныя дѣла не входить. 4. На морѣ, ни по Днѣпру, и ни по какимъ рѣкамъ, смежнымъ съ Республикой, не будутъ плавать . . . . договоровъ съ Турціею, ни начинать войну ни сушею, ни водою съ сосѣдами Республики безъ воли Короля и оной, а морскія лодки . . . . . чолны тотчасъ при свидѣтеляхъ, коихъ Гетманъ пошлетъ, сожгутъ и подъ строгимъ наказаніемъ другихъ не дѣлать. 5. Чтобъ договоровъ ни съ какою сосѣдственною державою не заключать, и никакихъ пословъ отъ чужихъ владѣній не принимать, ниже осмѣлились бы въ военную службу иностранную.

1649 г.

Списокъ трактата съ Козаками и Ханомъ Татарскимъ, заключеннаго подъ Зборовымъ. 1. Король оставляетъ войску Запорожскому всѣ давнія свободы. 2. Ободряя оное къ услугамъ Республикѣ, позволяетъ ему быть изъ 40,000. съ тѣмъ . . . чтобъ по достоинству, кто бы былъ къ тому способенъ, въ Шляхетскихъ имѣніяхъ, вписать Козаковъ въ реестръ, какъ и въ имѣніяхъ Короля, такимъ описаніемъ городовъ, начиная отъ Днѣпра съ этой стороны . . . въ Димирѣ, Горностайполѣ, Користейзовѣ, Паволочи, Погребищахъ, Прилукѣ, Винницѣ, Брацлавѣ, оттоль за Брацлавъ въ Ямполѣ къ Днѣстру, отъ него къ Днѣпру, разумѣется, Козаки должны приниматься въ реестръ. А съ другой стороны Днѣпра въ Острѣ, Черниговѣ, Нѣжинѣ, Ромнѣ до Россійской границы и Днѣпра, а касательно дальнихъ мѣстъ Королевскихъ и дворянскихъ за . . . . . . предѣлы, означенные въ сихъ статьяхъ, не должны быть Козаки. 3. Чигиринъ, какъ есть въ своихъ границахъ . . . . . остается навсегда при благ. . . . . . Богданѣ Хмельницкомъ, Гетманѣ Запорожскомъ. 4. Все, учиненное во время смятенія, предается забвенію. 5. Жидамъ не быть державцами, арендаторами и жителями въ Украинскихъ городахъ, гдѣ стоятъ Козачьи полки. 6. Касательно

уничтоженія Уніи въ Коронѣ и въ Княжествѣ Литовскомъ, отложить къ будущему Сейму. Король же готовъ, чтобъ всякъ пользовался своими правами и свободами, и позволялось Кіевскому Митрополиту имѣть мѣсто въ Сенатѣ. 7. Дигнитарства и уряды воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго должны даваться дворянству Греческой вѣры. 8. Въ городѣ Кіевѣ поелику имѣютъ привилегіи Русскія школы, то Езуитамъ тамъ не основываться . . . . Сіи статьи должны были быть одобренными будущимъ Сеймомъ. При сихъ же статьяхъ есть. . . . . . списокъ привилегій Короля Казиміра, данный Запорожскимъ Козакамъ, о сохраненіи ихъ давнихъ вольностей и привилегій.

1656 г., 11 Генваря.

Изъ Чигирина письмо Ивана Выговскаго къ Іерониму Радзѣёвскому, Подканцлеру Коронному, въ коемъ извѣщаетъ, что Хмельницкій въ Чигиринѣ съ войскомъ находится, и часто къ нему приходятъ эстафеты отъ Хана. Присягу же войско Хана предъ Гетманомъ въ вѣрности учинило. и послѣ оной начались разныя сношенія . . . . о походѣ на назначенное мѣсто

11 Генваря.

Оттуда жъ письмо отъ Богдана Хмельницкаго къ тому жъ Радзѣёвскому, чтобъ пріѣхалъ для установленія порядка между войсками, и о жалованьи для войска.

11 Генваря.

Оттуда жъ письмо къ Королю Шведскому Густаву отъ Ивана Выговскаго. Генеральнаго Писаря войска Запорожскаго, о неразрывной дружбѣ между Ханомъ Крымскимъ и Запорожскимъ Гетманомъ Хмельницкимъ, утвержденной присягою. Посолъ же Шведскій принятъ хорошо Запорожскимъ Гетманомъ (къ коему присланъ), и во всемъбудетъ его слушать.

16 Іюня.

Изъ Маріенбурга письмо отъ Шведскаго Короля къ Мурату Башѣ Визирю, о полученіи письма отъ Мустафы Аги; а что о способѣ начатія войны — скажетъ изустно оный посолъ.

При томъ 3 письма такого же содержанія.

30 Іюня.

Изъ Новаго Двора при Вислѣ и Бугѣ. Письмо отъ Шведскаго Короля къ Хмельницкому, что Бранденбургскій Курфирстъ идетъ къ нему со всею силою (войска), гдѣ вмѣстѣ соединясь, пойдутъ съ войскомъ на непріятеля, Польскаго Короля.

19 Іюля.

Изъ Прейсмурга (Preushmurg) письмо отъ Канцлера Шведскаго Короля къ Визирю . . . что какъ Польскій Король Іоаннъ Казимиръ объявилъ его Государю войну, то проситъ помощи войска отъ Турецкой Имперіи.

16 Августа.

Изъ Радома письмо Радзѣёвскаго, Канцлера Великаго Короннаго, къ Выговскому, что Шведскій Король, какъ отзывался въ письмахъ къ Гетману Хмельницкому, хотѣлъ выслать Комисаровъ, но по невозможности переѣздовъ, старается нынѣ о Императорскихъ пашпортахъ, съ коими Король отправитъ Комисаровъ къ Гетману для заключенія неразрывной лиги (союза) съ Королемъ, коего покровительство ко всему и всегда пригодится Запорожскому войску.

1656 г., 16 Августа.

Изъ Радома Канцлера Великаго Короннаго къ Хмельницкому, Гетману Запорожскаго войска, что Король, для заключенія контракта съ войскомъ Запорожскимъ, не можетъ отправить Комисаровъ, ради безпутицы . . . . разве получивъ пашпорты отъ Императора, чтобъ могли ѣхать чрезъ Силезскія границы.

Оттуда жъ открытое письмо Радзѣёвскаго къ Хмельницкому, чтобъ посланный съ письмомъ имѣлъ свободный пропускъ.

Оттуда жъ письмо Іеронима Радзѣёвскаго къ Ивану Выговскому, что будутъ посланы Комисары къ Запорожскому войску, если бы имъ была доставлена безопасность (securitas), для договоровъ о трактатахъ и Богеміи.

1657 г., Апрѣля 18.

Изъ Чигирина письмо отъ Выговскаго къ Канцлеру В. К. чрезъ нарочнаго. . . . . . что споры между войсками доселѣ не пресѣчены.

Оттуда жъ письмо отъ Хмельницкаго къ Королю Іоанну Казимиру, чтобъ не вѣрилъ людскимъ наговорамъ . . . . что онъ вѣрно служилъ и не престанетъ служить со всѣмъ войскомъ, о чемъ посланный устно пространнѣе скажетъ

Іюня 13.

Наказъ. . . . . отъ Короля и Республики Казимиру Бѣнѣвскому, послу къ Богдану Хмельницкому, Гетману войска Запорожскаго. . . . . по совѣту Сената, въ Данковѣ данный. 1. Король и всѣ чины Республики обѣщаютъ истинно съ нимъ, Гетманомъ, и всѣми Запорожцами соединиться, если они вѣрно и нелукаво будутъ служить Республикѣ. 2. Посолъ найпаче долженъ наблюдать, чтобы то, о чемъ Король трактуетъ съ войскомъ, не было ни съ какимъ обманомъ; ибо вѣрно, что Порта съ Татарами хочетъ ускромить Седмиградскаго Князя, Волошскаго и Молдавскаго Господарей, а наконецъ и самыхъ Козаковъ; это доказывается тѣмъ, что уже Хмельницкій не имѣетъ отъ Россіи довѣрія. 3. Чтобъ статьи, договоренныя съ Запорожскимъ войскомъ, были подписаны, а Посолъ отправленный взялъ бы одинъ подлинникъ съ собою (и привезъ), а другой отдалъ къ войску.

1658 г., Генваря 1.

Въ Чигиринѣ . . . . . Украинской Коммисіи, писано Комисаромъ Короля, что Запорожскіе Козаки не хотятъ договору (Układu) съ Татарами, а лучше желаютъ остаться за Польшею, въ противномъ же случаѣ за Россіею.

Изъ Полотскаго письмо Коммисара Бѣнѣвскаго къ Канцлеру Корыциньскому, что залоги Козацкія заняли. . . всю Волынь и Подолію, о чемъ уже донесъ Выговскому, дабы велѣлъ Козакамъ вступить на квартиры, соблюдая силу перемирія. . . . . и въ обозѣ подъ Гадячемъ, подлинникъ. . . . . пактовъ (договоровъ) подписанъ рукою Выговскаго и за его печатью.

Изъ табора (Taboru). . . . . . Выговскаго, Запорожскаго Гетмана, къ . . . . Пражмовскому, Канцлеру В. К., что отправилъ онъ войско за . . . . для усмиренія непріятеля.

Декабря 17.

Изъ Ржищова письмо. . . . Выговскаго къ Пражмовскому, Канцлеру В. К., проситъ, чтобъ привилегія на Кіевское Подкомор-

ство Георгію Немиричу, была утверждена печатью княжествъ Русскихъ, и на печати сей долженъ быть вырѣзанъ св. Георгій, и титулъ Короля вырѣзанъ Русскими буквами, и . . . . что Царь Московскій двинулся изъ столицы съ великою силою, противу коего выйдетъ съ войскомъ за границу и Королевское войско съ Обознымъ, приступитъ къ Днѣпру за недѣлю. . . . . и прежде недѣли.

1659 г., Генваря 16.

Изъ Переяслава письмо Выговскаго къ Королю, доноситъ о выигранномъ сраженіи, что однихъ непріятелей положилъ на мѣстѣ, другихъ взялъ живыхъ, также что съ Запорожскимъ войскомъ изъ Переяслава, взявъ съ собою въ помощь Обознаго, идетъ къ Лохвицѣ, гдѣ стоитъ непріятель.

Доношеніе . . . . о присланныхъ изъ Украины извѣстіяхъ; описывается въ немъ состояніе Выговскаго въ худомъ положеніи у Московскаго Царя; доказывается, что Барабашенко, будучи старшимъ у Запорожскихъ Козаковъ, желая прислужиться Царю, переняла пословъ, отправленныхъ отъ Выговскаго къ Хану съ письмами, и потопилъ. Въ сихъ письмахъ изображается, что Выговскій съ Царемъ поступаетъ невѣрно . . . . а когда сіи послы отъ Царя возвратились, то Выговскій, поймавъ ихъ, велѣлъ погубить.

1659 г., Марта 3.

Изъ табору письмо Выговскаго къ. . . . В. К., препоручаетъ въ Королевскую милость войска Запорожского Обознаго Носача.

1659 г., Марта 9.

Оттуда жъ письмо, отъ него жъ, Выговскаго къ Королю Іоанну Казимиру, проситъ, чтобъ пакты дотолѣ не дѣлать на Сеймѣ, пока не прибудутъ высланные полномочные отъ Запорожского войска.

Апрѣля 26.

Изъ Чигирина письмо отъ Запорожскаго Гетмана Выговскаго къ Королю, проситъ о утвержденіи Гадяцкой Коммисіи на Сеймѣ, чтобъ при ней оставаться.

Августа 4.

Изъ обоза надъ Рудкою письмо отъ Потоцкаго къ Королю, доноситъ о погибели Ромодановскаго, Трубецкій едва оборонною

рукою ушелъ съ таборомъ къ Путивлю. Запорожскій Гетманъ обратился на тѣ города, кои были. . . . . . со стороны Россіи . . . . какъ то: Роменъ (Rumno), Лохвицу, Полтаву, и г. Роменъ . . . . уже сдался Гетману. Россіяне. . . . . . перешли Днѣпръ, чтобъ опять взять Борисополь, а селы около Гоголева пограбили и пожгли и къ городу (do Horoda) возвратились.

Отвѣтъ Короля Іоанна Казимира на статьи, поданныя отъ Ивана Выговскаго, Генеральнаго Воеводы Кіевскаго, Гетмана земель Русскихъ. . . . данныя отправленнымъ отъ него посламъ: 1. Король обѣщаетъ Выговскому свои милости и благосклонность. 2. Пособія . . . . войску его въ точности. . . . будутъ. 3. Чтобъ Выговскій, обязанный присягою, не искалъ покровительства чужихъ дворовъ. 4. Поручаетъ Король посламъ, чтобъ Гетманъ старался у Князя Львова, нельзя ли чрезъ него освободить изъ плѣна. . . . Подскарбія В. К. Литовскаго. 5. Чтобъ Выговскій часто переписывался и сносился съ Каштеляномъ Волынскимъ.

1659 г., Августа 26.

Письмо Выговскаго, Воеводы Кіевскаго, къ Королю, проситъ помощи . . . . войска Короннаго.

Сентября 29.

Изъ обоза надъ Котельнею письмо Выговскаго къ Краковскому Воеводѣ Потоцкому, что по ненависти. . . Козацкой принужденъ сложить чинъ Гетмана для . . . Юрія Хмельницкаго, который, помня учиненную присягу, предъ полученіемъ Гетманскаго званія, вѣрности Королю и Республикѣ ни въ чемъ не хочетъ нарушить.

Оттуда жъ (изъ обоза подъ Котельнею) письмо Выговскаго къ Королю о томъ же, что Гетманство сложилъ для Юрія Хмельницкаго, дабы не произошло между простолюдствомъ замѣшательства. . . . а самъ съ малою горстью войска пошелъ подъ Котельню. Остерегаетъ въ ономъ же письмѣ, что какъ еще не испытана. . . . . вѣрность Хмельницкаго къ Королю и Республикѣ, дабы, по внушенію нѣкоторыхъ непостоянныхъ въ ономъ войскѣ людей, не преклонился на сторону Россіи.

Изъ Котельни письмо отъ Выговскаго къ Потоцкому того же содержанія, какъ выше.

Октября 10.

Изъ Котельни письмо Выговскаго къ Королю, что какъ Гетманъ Хмельницкій отъ юности своей преклоненъ къ . . . . Россіи, вѣрно къ ней пристанетъ, но старшіе въ войскѣ вѣрны Его Королевскому Величеству.

Октября 17.

Изъ Котельни отъ Андрея Потоцкаго, Короннаго Обознаго, къ Гетману Коронному, что Гетманъ Хмельницкій явно (publice) присягнулъ Московскому Царю, но Полковники до нѣкотораго времени остались вѣрны Королю, а потому нужно для подкрѣпленія прислать въ помощь Коронное войско.

Изъ Котельни письмо Выговскаго къ Пражмовскому, Коронному Канцлеру, что Гетманъ Хмельницкій имѣетъ частыя сношенія съ Московскими послами, о чемъ онъ уже получилъ точное и непремѣнное извѣстіе чрезъ Г. Мазепу, что онъ же Хмельницкій присоединится къ Россіи.

Октября 25.

Изъ Котельни письмо Г. Потоцкаго къ Гетману. В. К., что Россійскаго войска 40,000 стоитъ подъ Переяславомъ, дабы противъ сей силы прислалъ пѣхоту и пушки . . . . какъ можно скорѣе; присовокупляетъ, что Гетманъ Хмельницкій привязанъ къ Московскому Царю и присягнулъ ему, но не пишетъ, въ какихъ статьяхъ.

Оттуда жъ письмо къ Королю отъ Короннаго Обознаго Потоцкаго того жъ содержанія (о принятіи Хмельницкимъ и войскомъ 40 тысячь Россіянъ).

Оттуда жъ (изъ Котельни) отъ него жъ Королю, доноситъ о сдѣлкѣ. . . . . между Хмельницкимъ и Выговскимъ, что 1-е, принявъ званіе Гетмана, спрашивалъ Запорожское войско, кого хочетъ признать Государемъ (Pana), Короля Польскаго, или Царя Московскаго, и на то всѣ отозвались единогласно . . . . старшіе и солдаты . . . . что лучше хотятъ Польскаго Короля имѣть отцемъ, нежели отчима.

1659 г., Октября 4.

Изъ Табору. . . . письмо Юрія Хмельницкаго, Запорожскаго Гетмана къ Королю, что Запорожское войско по многимъ причинамъ

удаливъ Ив. Выговскаго отъ Гетманскаго званія, избрало его на сіе мѣсто, и проситъ Короля сохранить сіе войско по привилегіямъ.

Ноября 2.

Изъ обоза подъ Хмельникомъ письмо отъ Выговскаго, Кіевскаго Воеводы, къ Королю. Извиняется, что не онъ причиною бунта между Козаками, а что Король не скоро доставилъ помощь; ибо хотя по счастію непріятель былъ выгнанъ изъ владѣній Республики, но бунтовщики, видя, что нѣтъ ея войска, опять нарушивъ присягу, ищутъ покровительства другихъ Государей и уже присягнули всѣ Россіи, забывъ о Богѣ и присягѣ.

Въ Декабрѣ изъ Полоннаго письмо отъ Выговскаго къ Королю, что крѣпость Чигиринская со всею артиллеріею взята непріятелемъ.

11. Изъ Дубна письмо Кіевскаго Воеводы, Выговскаго, Королю, что Шереметевъ съ великою силою Россійскою наступаетъ для разоренія Польши, по поводу Козаковъ, когда, вторгнувшись въ Полѣсье и Баръ, посылаетъ подъѣзды въ Польскія области, желая преклонить къ себѣ простой народъ. И такъ, чтобъ Король прислалъ Воеводу Русскаго съ войскомъ для отнятія Чигирина, въ коемъ находится Козацкая артиллерія.

1659 г., Декабря 17.

Изъ Полоннаго письмо Кіевскаго Воеводы, Выговскаго, къ Пражмовскому, Канцлеру Великому Коронному, доноситъ о битвѣ съ Шереметевымъ подъ Хмельникомъ.

1659 г., Декабря 29.

Изъ Полоннаго письмо отъ Выговскаго къ Королю, что Ханъ совѣтуетъ въ зимнее время соединиться съ Коороннымъ войскомъ противу Россіи и Козаковъ, а потому, чтобы Г. Краковскій Воевода за времени приближался къ Украйнѣ съ войскомъ.

Краткое извѣстіе о единствѣ Греческой Вѣры съ Римскою Церковью подано на Сеймѣ.

1660 г., Генваря 15.

Изъ Степанца письмо Кіевскаго Воеводы, Выговскаго, къ Королю: доноситъ о изгнаніи Россіянъ изъ Барской крѣпости, которую Г. Проскура отнялъ съ нѣсколькими сотнями людей.

Февраля 1.

Изъ Дубна письмо отъ Кіевскаго Воеводы, Выговскаго, къ Королю: доноситъ, что съ войскомъ находится за Заславомъ и оттуда охотно идетъ съ нимъ въ Украину, надѣясь въ бою побѣдить непріятеля.

1660 г., Февраля 5.

Изъ Чигирина письмо о Запорожскомъ войскѣ Гетмана Хмельницкаго Г. Каштеляну Волынскому, что однажды уже присягнувъ Царю Московскому и отдавъ Украину, не думаетъ вторично уклоняться, и жалуется на Выговскаго, что не умѣлъ поступать (обходиться) съ Войсковою Старшиною.

Марта 13.

Изъ Чигирина. Копія письма отъ Гетмана Хмельницкаго Кіевскому Митрополиту, что Московскій Царь не жаждетъ кровопролитія, какъ и Запорожское войско, и не желаетъ входить съ Польскимъ Королемъ въ ненужныя распри, лишь бы Король и Республика Польская не посылали въ городы его (Царя) Украинскіе, неправедно Королями и. . . . . . отнятые у Россійскихъ Князей и изъ рукъ исторгнутые; ибо мы, однажды выбившись изъ Польши, будемъ всегда вѣрно служить Царю, какъ Православному Государю; проситъ, чтобъ Митрополитъ прибылъ въ осиротѣвшую паству; а касательно его содержанія, если для него будетъ недостаточно имѣнія, то Царь ему еще пожалуетъ имѣніе.

Декабря 15.

Изъ Корсуня письмо Юрія Хмельницкаго, Гетмана войска Запорожскаго, къ Королю: благодаритъ за пожалованіе булавы: проситъ, чтобъ Король оставилъ Козаковъ при . . . . . статьяхъ (пактахъ) и дарованныхъ привилегіяхъ.

Донесеніе отъ Воеводы Черниговскаго, присланное изъ Украины; описываются успѣхи Хмельницкаго, что дѣлаетъ съ Запорожскимъ войскомъ.

Въ Чигиринѣ наказъ отъ Гетмана Запорожскаго Хмельницкаго посламъ, отъ сего войска къ Королю отправленнымъ: 1) чтобъ честно отдали Королю поклонъ; 2) ходатайствовали о пожалованіи обезпеченія порознь. . . . . что на будущемъ Сеймѣ Варшавскомъ не только статьи будутъ утверждены,

но и о чемъ сверхъ того будетъ просьба Запорожскаго войска, по обѣщанію Короля, будетъ исполнено. Также чтобъ Епископіи, церкви Дизунитовъ, отобранныя отъ Унитовъ, въ Коронѣ и Литвѣ, были возвращены; 3) послы представятъ Королю, что Запорожское войско идетъ не съ тѣмъ, чтобъ, соединясь съ Шереметевымъ, истреблять Коронное войско, но чтобъ съ Гетманомъ трактовать о мирѣ; 4) просить Короля, чтобъ Козаки на Украинѣ не были; ибо за Днѣпромъ Московскіе бунты и факціи не престаютъ; 5) чтобъ послы Печатарямъ (хранителямъ печати) Короннымъ и Литовскимъ умѣли низко кланяться; ибо отъ ихъ благосклонности много зависитъ; 6) о грамотахъ рекомендаціонныхъ къ Королю послы должны просить Г. Маршала; 7) просили Короля, чтобъ Митрополитъ съ позволеніемъ прибылъ къ войску, какъ пастырь къ своему стаду; 8) чтобъ Воевода Черниговскій заблаговременно предъ Сеймомъ прибылъ для установленія статей, нужныхъ Запорожскому войску; 9) чтобъ Гетманъ, Сенаторы и Печатники дали на себя обезпеченіе, что на будущемъ Сеймѣ утвердятся статьи, заключенныя при . . . . , а иначе Запорожское войско присоединится къ Россіи (Moskowii).

1660 г.

Условія, поданныя Шереметеву подъ Чудновымъ, касательно отдачи . . . . находящихся Гетмановъ Коронн. и трактатовъ, на сіе заключенныхъ съ Козаками (чтобъ отдали).

1661 г., Марта 6.

Списокъ съ письма Юрія Хмельницкаго, Гетмана Запорожскаго: проситъ, чтобъ кого либо изъ Воеводъ выслалъ за Днѣпръ къ Запорожскому войску, которое безъ начальства и проѣзжимъ людямъ дѣлаетъ большія насилія.

Списокъ съ письма отъ Сеферъ-Аги Визиря къ тому жъ Гетману, что съ Ордою спѣшитъ прежде Маія на Украину, побуждая и его, чтобъ съ войскомъ, для соединенія съ Ханомъ, поспѣшилъ, и такъ усмирены будутъ Козаки, буде имъ не позволять имѣть поверхности.

Марта 8.

Изъ Бакчисарая. Списокъ съ письма отъ Татарскаго Хана къ Хмельницкому, чтобъ запретилъ Запорожскимъ Козакамъ затѣвать бунты; ибо они часто, впадая на земли Орды, причиняютъ великія обиды; естьли же отъ того не удержатся — велитъ ловить.

1661 г., Августа 16.

Изъ Чигирина письмо Хмельницкаго къ Пражмовскому, Канцлеру Великому, что Крымскій Ханъ съ великою силою вторгнулся въ Украину и несносно грабитъ имущество; проситъ о ускореніи съ войскомъ на помощь противъ непріятеля.

Мая 14.

Изъ Корсуня письмо Хмельницкаго къ Королю: проситъ не имѣть на него никакого подозрѣнія; ибо хотя онъ послалъ войско за Днѣпръ, но только для удержанія непріятеля отъ вторженія въ Польскіе предѣлы.

Сентября 7.

Подъ Ставищами. Списокъ желаній Запорожскаго войска отъ Крымскаго Хана, кои Ханъ обязался сдержать вѣрно: 1) когда станетъ подъ Германовкою съ Ордою, обязался наблюдать, чтобъ Запорожское войско не имѣло отъ Орды никакой зацѣпки. 2) Орда не будетъ брать никакой живности, а только по за Днѣпромъ. 3) Не будетъ Заднѣпровскимъ городамъ никакой обиды отъ Орды. 4) Долженъ съ Ордою ждать или по за Днѣпромъ Коронныхъ войскъ, или въ иномъ мѣстѣ. 5) Орда дотолѣ не удалится въ Крымъ, пока не соберутся Коронныя войска и, соединясь вмѣстѣ, ударятъ на непріятеля, который, если, по милости Божіей, преклонится и будетъ просить мира, то сего не учинять безъ вѣдома Польскаго Короля, уже увѣдомленнаго чрезъ гонца.

1661 г., Октября 8.

Изъ табора, наказъ и наставленіе посламъ, отправленнымъ къ Королю, Запорожскаго Гетмана Хмельницкаго: 1) Отдать обыкновенный поклонъ Королю отъ Запорожскаго войска. 2) Поблагодарить ему и Республикѣ, что Запорожское войско довольно дипломомъ, утвержденнымъ на Сеймѣ, обязуясь быть вѣрнымъ Королю и во всемъ ему повиноваться 3) Чтобъ Коронныя войска поспѣшали за Днѣпръ и соединились съ Запорожскимъ войскомъ противу непріятеля. 4) Чтобъ назначены были Комисары для отдачи Епископіи церквей и духовныхъ имуществъ отъ Унитовъ. 5) Чтобъ дипломы, жалованные на Сеймѣ Запорожскому войску, были написаны на пергаментѣ подъ Сеймовою . . . и утверждены Коронною печатью,

1661 г.

Въ обозѣ изъ Росавы письмо отъ Запорожскаго Гетмана Хмельницкаго къ Королю Іоанну Казимиру: благодаритъ именемъ всего войска за конституцію, постановленную на прошедшемъ Сеймѣ, и что идетъ съ войскомъ за Днѣпръ съ Ханомъ, по договору подъ Ставищами. Проситъ, чтобъ къ нему прибыло на помощь и Коронное войско.

Изъ табора, изъ подъ Переяслава, письмо Запорожскаго Гетмана Хмельницкаго къ Королю, въ которомъ остерегаетъ, что Ханъ хочетъ привлечь роды къ себѣ Запорожскаго войска и совѣтуетъ замириться съ Московскимъ Царемъ.

Ноября 8.

Изъ Переяслава письмо Хмельницкаго къ Королю, что уже съ Ханомъ сталъ за Днѣпромъ съ войскомъ; извиняется, что по повелѣнію его (Короля) не можетъ послать въ Литву нѣсколько полковъ Запорожскаго войска; ибо непріятель въ нѣсколькихъ крѣпостяхъ стоитъ, готовый къ битвѣ (in armis).

(Безъ означенія числа) письмо Хмельницкаго, Запорожскаго Гетмана, къ Королю, что Ханъ съ Ордою въ Украинѣ пришелъ къ Тарговицѣ и Орды близъ Уманя, Корсуня, Бѣлой Церкви и Чигирина поставилъ, кои причиняютъ жителямъ убытки и берутъ людей въ плѣнъ, для того, чтобъ на помощь людямъ прибыло Коронное войско.

1662 г., Февраля 8.

Наказъ Господину Тетерѣ, Полоцкому Стольнику, послу, отправленному къ Запорожскому Гетману, Хмельницкому, отъ Короля, данъ въ Варшавѣ: 1) По прибытіи къ Запорожскому войску провѣдать, отъ чего между людьми возникли смятенія? 2) Поговорить съ Хмельницкимъ, почему онъ по своей присягѣ не отвращаетъ возникающихъ смятеній? 3) Узнавать, въ какихъ статьяхъ сдѣланы условія между имъ, Хмельницкимъ, и Ханомъ Крымскимъ? 4) Распросить, переписывается ли и сносится старшина Запорожскаго войска съ Россіею? 5) Провѣдывать, съ какимъ намѣреніемъ Царь (Московскій) дотолѣ держитъ пословъ Императора Христіанскаго, и знаетъ ли Хмельницкій, что Христіанскій Императоръ препятствуетъ заключать миръ съ Россіею? 6) Какія посольства происходятъ между Царемъ Московскимъ и Турецкою Имперіею (Султаномъ)? 7) Должны

ли Польскія войска итти къ Украинѣ, или удержаться до нѣкотораго времени? 8) Провѣдать, возвела ли Порта другаго Хана Крымскаго, или нѣтъ?

Марта 4.

Изъ Чигирина письмо Хмельницкаго къ Королю: во исполніене воли Его Величества, посылаетъ военныхъ Комисаровъ для отобранія Катедръ, Епископствъ, Архимандрій и имѣній духовныхъ, неправильно Коронѣ и Литвѣ Унитами забранныхъ, до утвержденія присягой статей и конституціи Сеймовой прошлаго года.

Въ Чигиринѣ. Списокъ наказа посламъ, отъ Хмельницкаго къ Королю отправленнымъ данный: 1) Поклонъ должный отъ Запорожскаго войска Королю. 2) Чтобъ Епископства, Архимандритства, Игуменства и имѣнія въ Коронѣ и Литвѣ, забранныя неправильно Унитами, были возвращены. 3) Проситъ о возвращеніи: а) Епископіи Владимирской, съ принадлежащими къ ней имѣніями, также Хелмской, Бендской и Перемышльской; б) Архимандріи Жидичинской, Дерманской, Дорогобужской; в) монастырей: Дубинскаго, Бучацкаго, Перегинскаго и проч., церквей и имѣній, къ нимъ слѣдующихъ. 4) Чтобы возможно скорѣе прислана была помощь войску. 5) Чтобъ Король прислалъ Тетеру быть при Хмельницкомъ свидѣтелемъ, какъ онъ вѣрно и нелицемѣрно служитъ Королю.

1662 г.

Изъ Корсуня письмо Діонисія Балабана, Кіевскаго Митрополита. Екзарха Константинопольскаго, къ Королю Іоанну Казимиру: проситъ объ отдачѣ Дизунитамъ по Гадяцкому договору Епископій, монастырей и церквей съ ихъ имѣніями, по отобраніи отъ Унитовъ.

Списокъ наказа отъ Хмельницкаго, Запорожскаго Гетмана, послу, отправленному на Сеймъ, того жъ содержанія, что выше.

Апрѣля 4.

Изъ Украины (не означено числа) Универсалъ Хмельницкаго. Запорожскаго Гетмана, разосланный въ войскѣ его, чтобъ вышло изъ Украины.

Августа 3.

Изъ Чигирина письмо Хмельницкаго къ Королю, что съ войскомъ перешелъ на ту сторону Днѣпра подъ Переяславъ, ожидая Польскаго войска въ помощь.

Оттуда жъ письмо его жъ, Хмельницкаго, къ Королю, что стѣсненъ отовсюду и не можетъ дать ни отпору непріятелю, ни возвратиться въ Польшу, и паче для спасенія себя остается ему удалиться въ Крымъ.

Оттуда жъ письмо его жъ къ Королю, что подъ Крыловымъ 3,000 Русскихъ положены на мѣстѣ, а вторично 3 Августа лучшаго Россійскаго войска 10,000 погибло подъ Бузымомъ и взялъ 7 пушекъ, а Россійскій командующій, Ромодановскій, едва ушелъ съ нѣсколькими тысячами.

Сентября 13.

Изъ Росавы списокъ письма Запорожскаго Гетмана, Хмельницкаго къ Королю (на означено содержанія, ни нумера).

Въ обозѣ на Росавѣ письмо отъ Тетери, Полоцкаго Стольника, къ Королю, о неповиновеніи Запорожскаго войска Гетмана.

Изъ Росавы списокъ письма отъ Тетери къ Королю, чтобъ прислалъ сколько нибудь Польскаго войска на помощь Козакамъ.

Донесеніе Грицька Лѣсницкаго о Хмельницкомъ къ Королю: 1) что Запорожскій Гетманъ хотѣлъ бы оставить булаву, по причинѣ собранныхъ на милліонъ подарковъ отъ непріятеля; 2) что Татаръ около 60,000 есть въ Украинѣ.

Октября 20.

Изъ Корсуня письмо отъ Тетери къ Королю, что Запорожскій Гетманъ Хмельницкій, не могши дождаться Польскаго войска на помощь, повелъ за собою Орду и хочетъ пойти за Кіевъ.

Ноября 20.

Оттуда жъ письмо того жъ къ Королю: доноситъ, что Орда очень хочетъ владѣть Украиною.

Декабря 10.

Изъ Чигирина увѣдомленіе отъ Г. Тетери, присланное къ Королю, въ коемъ описываетъ поступки Запорожскаго войска, которое хочетъ свергнуть Хмельницкаго, а вмѣсто его избрать другаго Гетмана.

Оттуда жъ письмо отъ него жъ, Тетеры, къ Королю, о утратѣ взаимной привязанности Запорожскаго войска къ Гетману, который еще съ частію войска остается въ утвержденной присягою вѣрности и доброжеланіи.

1662 г.

На Сеймѣ Варшавскомъ списокъ обезпеченія Воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго: 1) что и дворянскія имѣнія, розданныя Козакамъ Запорожскаго войска, возвращены будутъ; 2) чтобъ въ конституціи 1661 статья войску Запорожскому, прибавленная въ Гадяцкомъ договорѣ, касательно отдачи имѣній и церквей, не имѣла никакой силы; 3) . . . . . на прошломъ Сеймѣ отданный въ архивъ и конституціею утвержденный, на коемъ много Воеводствамъ Кіевскому, Брацлавскому и Черниговскому, что по многимъ причинамъ на нынѣшнемъ Сеймѣ не былъ читанъ и въ книги, какъ слѣдовало, не внесенъ, остается до будущаго Сейма въ той же силѣ.

1663 г., Генваря 17.

Изъ Канева письмо Хмельницкаго къ Королю: доноситъ, что, по причинѣ неприсылки помощи, принужденъ оставить булаву (т. е., Гетманство).

Наказъ отъ Запорожскаго войска Гетмана Тетери послу, отправленному къ Королю: 1) что онъ, Тетеря, получивъ Гетманскую булаву, обязанъ присягою стараться объ отдачѣ церквей въ Коронѣ и Литвѣ Дизунитамъ, забраннымъ Унитами; 2) чтобъ Катедра и Епископія Перемышльская и имѣнія, къ нимъ принадлежащія, забранныя К. Хмѣлевскимъ, отданы были Дизунитамъ; 3) проситъ Г. Гуляницкій, посолъ Короля, чтобъ привилегію, Кіевскому Митрополиту Неуниту данную, утвердить по общему закону, а Архіерей Львовскій въ право ктиторства и представленіе другаго на оную Митрополію не вмѣшивался, также чтобъ село Перегинское, отъ Князей Русскихъ данное Катедрѣ Львовской и нынѣ неправильно отобранное Г. Яблоновскимъ, было возвращено; 4) чтобъ Запорожскому войску Король оставилъ давнія привилегіи и свободы; 5) чтобъ староство Лисянское навсегда. . . . . 6) чтобъ Король не почиталъ себѣ противнымъ, что Гетманъ Запорожскій съ Ханомъ Гиреемъ Султаномъ возобновилъ дружбу и утвердилъ тѣлесною присягою, и сіе учинилъ ради Заднѣпрскаго непріятеля, наступающаго на Запорожское войско; 7) проситъ Запорожское войско, дабы Г. Богунъ, оскорбившій Величество, былъ выпущенъ со всѣмъ имуществомъ его и освобожденъ,

и вмѣстѣ съ Г. Гуляницкимъ, посломъ, возвратился къ Запорожскому войску, а онъ, по доказательству, естьли что окажется на немъ, получитъ строгое наказаніе безъ всякаго послабленія.

1663 г., Генваря 22.

Изъ Корсуня письмо Запорожскаго Гетмана, Тетери, къ Королю, что по добровольному Юрія Хмельницкаго, а нынѣ въ Бозѣ Велебнаго, сложенію Гетманства, по согласному выбору отъ войска Запорожскаго, получилъ Гетманскую булаву.

Февраля 13.

Въ Чигиринѣ. Наказъ отъ Павла Тетери, по волѣ всего Запорожскаго войска, Г. Сѣльницкому, послу къ Королю: 1. Посолъ засвидѣтельствуетъ Королю отъ всего Запорожскаго войска вѣрноподданство и донесетъ объ обидахъ, терпимыхъ войскомъ симъ отъ Орды. 2. Чтобъ Король на помощь прислалъ войска 10,000 на Украину, не дожидая весны. 3. Чтобы Король велѣлъ милостиво, написать обезпеченіе Запорожцамъ, удостовѣряя ихъ, что останутся при всѣхъ свободахъ.

Оттуда жъ также письмо Тетери къ Королю: проситъ, не ожидая весны, прислать на помощь 10,000 войска.

Оттуда жъ письмо его, Тетери, Гетмана къ Королю: проситъ о присылкѣ Польскаго войска на помощь Запорожскому; ибо Татары очень разоряютъ жителей, а Запорожское войско не можетъ имъ воспротивиться.

1663 г., Марта 2.

Въ Львовѣ отвѣтъ Короля Павлу Тетерѣ, Полоцкому Стольнику, Запорожскому Гетману, присланный съ Г. Гуляницкимъ.

Изъ Чигирина письмо отъ Г. Тетери къ Королю: проситъ на помощь Короннаго войска.

1663 г., Апрѣля 29.

Изъ Чигирина письмо Запорожскаго Гетмана, Тетери, къ Королю: что Мазепа видно безъ вѣдома Его Королевскаго Величества хочетъ отдавать Гетманскія регаліи, и какъ сей человѣкъ низкаго происхожденія, то Запорожское Войско тѣмъ недовольно.

Марта 17.

Изъ Субботова (въ Регист. Польскомъ написано ошибкою Sułoowa) письмо отъ Гетмана Тетери къ Королю: проситъ о присылкѣ

ему своего войска на помощь, для заблаговременной осторожности, ибо Орда въ Кременчугѣ на Украинѣ расположилась, и увѣряетъ при томъ, что онъ на Запорожское войско, подъ его начальствомъ находящееся, не надѣется (nie dufa).

Маія 12.

Изъ Чигирина письмо его же къ Королю, что Россіяне сильно вооружаются, а Ханъ съ своими Ордами двинулся (куда?).

Оттуда жъ, отъ него жъ къ Королю, что Россіяне идутъ къ Днѣпру для покоренія Украины, а противъ нихъ послалъ онъ Запорожскія войска.

Изъ Бакчисарая списокъ письма отъ Сеферъ-Кази-Аги, Визира Орды, къ Гетману Запорожскому, Тетерѣ, что охотно удовлетворитъ его надобности, чрезъ нѣсколько дней пошлетъ Селимъ-Гирея съ войскомъ, и если потребуется, то и самъ поспѣшитъ.

Оттуда же списокъ письма Хана Мехмета-Гирея къ Тетерѣ, касательно войска противъ непріятеля: посылается 20,000 подъ начальствомъ Муртазы-Бея на помощь Запорожскому войску.

Іюня 15.

Изъ Чигирина письмо Запорожскаго Гетмана, Тетери къ Королю, что отправилъ нарочнаго къ Хану съ просьбою, чтобъ самъ двинулся изъ Крыма съ войскомъ, какъ обѣщалъ, и Муравскими полями простирался бы на Заднѣпріе.

1663 г., Іюня 26.

Письмо Запорожскаго Гетмана, Тетери, къ Королю, что великая сила войскъ Русскихъ съ Заднѣпрскими идетъ къ Кременчугу, чтобъ сперва оный атаковать, и взявъ, обратиться къ Запорожскому войску и развѣдаться оружіемъ (experiri armis); а когда о семъ узнала Орда, то на сію сторону Днѣпра, обремененная добычею и плѣномъ (jassyrem), переправилась и Запорожское войско, расположеное лагеремъ (presidio), встревожила; а потому, если бы непріятель взялъ силою крѣпость, то Татары, взявъ за свое и насъ оставивъ, возвратятся въ Крымъ, и это неминуемо случится, если какъ можно скорѣе Коронное войско не прибудетъ на помощь Запорожскому войску.

Іюля 7.

Изъ Чигирина письмо отъ Гетмана Венславскаго (Węsławski) къ Королю, что 1. Бруховскій (Bruchowski) несноснѣйшій (infestissimus) для народа Польскаго Самченка (Samczęko), коего уже большая часть Козаковъ избрала было Гетманомъ, оковалъ и держитъ въ заключеніи, а самъ, державъ булаву съ помощію черни и вмѣстѣ съ Долгорукимъ, обѣщаннымъ отъ Царя на Украину, обѣщается итти къ Кіеву. 2. Что Калмыки опять появились на Поляковъ, что явно (constat) отъ Татаръ, кои рады были бы, какъ можно скорѣе, возвратиться въ Крымъ; но видя себя безсильными противу Калмыкокъ, тамъ страхомъ, а здѣсь деньгами, обратно (retracte) съ таборомъ своимъ съ поля сперлись (zamknęli się) подъ городъ Чигиринъ, боясь и тѣни Калмыковъ.

1663 г., Іюля 15.

Оттуда же письмо отъ Запорожскаго Гетмана, Тетери, къ Королю: 1. О никогда небываломъ нападеніи (inkursyi) на Украину Калмыковъ съ своевольными Запорожцами. 2. Неискреннее и хитрое Самченка письменное о возвращеніи обѣщаніе; ибо иное писалъ Его Королевскому Величеству, а здѣсь иное затѣвалъ (moliebatur) тайными происками (fakcyami), раздувая пожаръ между полками, подъ начальствомъ его, Гетмана Тетери, находящимися.

Изъ Чигирина письмо отъ него жъ, Запорожскаго Гетмана, Тетери, къ Королю: проситъ о присланіи тотчасъ войска на помощь съ хорошимъ начальникомъ (regimentarzem), а иначе принужденъ будетъ оставить булаву (Гетманство).

Наказъ (instrument) отъ Запорожскаго Гетмана Павла Тетери, посламъ, отправленнымъ къ Королю: 1. благодарить за присылку войска на помощь, которое стало на Украинѣ. 2. Что нарочитымъ (znacznym) бунтамъ (fakcyam), Русскимъ и Заднѣпрскимъ, безпрестанно чрезъ тайныхъ лазутчиковъ (delegatos occultos), производимыхъ на сей сторонѣ, постоянно (gruntownie) нельзя воспротивиться, развѣ въ присутствіи Его Королевскаго Величества; ибо тогда солдаты должны быть склоннѣе къ послушанію и службѣ. 3. Наружному (malowanemu) усердію Татаръ нельзя вѣрить, ибо они отвращаютъ Запорожское войско отъ должнаго повиновенія Королю, а съ ними бы имѣли тѣсный военный союзъ. 4. Чтобъ Король, какъ Государь своей земли (Supremus Dominus państwa) и Запорожскаго

войска, видѣлъ порядокъ и воинскій снарядъ (amunicyę), также совершенно вѣря, что нѣтъ недостатка въ упомянутыхъ Русскихъ и Татарскихъ возмущеніяхъ, завременно произвелъ бы въ Запорожскіе Гетманы кого либо такого, котораго не могли бы одолѣть Русскіе происками своими (fakcye Moskiewskie).

1663 г., Іюля 25.

Изъ Чигирина письмо Тетери къ Королю, что Ромодановскій идетъ на помощь Заднѣпрскимъ, и Калмыки опять, соединясь съ Запорожцами, намѣрены (intendunt) или сами ударить на Запорожское войско, или съ Ромодановскимъ соединить силы, но сіе намѣреніе уничтожится, если бы Королевское войско приведено было въ повиновеніе (ad obsequium przyszły).

СВЯЗКА 2.

1663 г., Іюля 28.

Изъ Чигирина письмо отъ Запорожскаго Гетмана, Тетери, къ Королю: проситъ самаго Короля поспѣшить съ войскомъ противу непріятеля. Въ P. S. (Postscript.) что Ромадановскій съ 15,000 Русскихъ, кромѣ Козаковъ, идетъ къ Днѣпру.

Октября 8.

Изъ обоза подъ Гадячемъ письмо его жъ, Гетмана, къ Королю, что переправясь за Днѣпръ, сверхъ чаянія Заднѣпрскіе города принудилъ къ вѣрноподданству Его Королевскому Величеству.

Въ Гадячѣ. Универсалъ Ивана Брюховскаго, Гетмана Царя Московскаго: ободряетъ войско опять къ сраженію съ Поляками.

Ноября 6.

Изъ Корсуня письмо Запорожскаго Гетмана, Тетери, къ Коронному Канцлеру Пражмовкому: проситъ, чтобы Король утвердилъ (approbować) Тукальскаго, Епископа Бѣлорусскаго, избраннаго въ Кіевскаго Митрополита.

Изъ обоза письмо его жъ, Гетмана Запорожскаго, къ Королю, чтобъ изъ Коронной Канцеляріи безъ затрудненія выдана была привилегія на Кіевскую Митрополію отцу Тукальскому, коего себѣ избрало какъ Запорожское войско, такъ и духовенство.

(Неозначеннаго числа). Письмо (скриптъ) отъ К. Залиборскаго ;aliborsky), Львовскаго Епископа, данный листъ въ засвидѣтель-·вованіе вѣрности (in vim assecurationis fidei).

(Безъ означенія). Изъ Канцеляріи В. К. наказъ (iustrukcya) Ма-эпѣ, комнатному Его Королевскаго Величества, данный къ Запо-эжскому Гетману Тетерѣ, отправленному съ регаліями на Гетман-гво, прося о помощи противъ бунтовъ.

1664 г., Марта 12.

Изъ подъ Ольхова письмо отъ Запорожскаго Гетмана, Тетери, ь Пражмовскому, Канцлеру В. К., о Козацкихъ бунтахъ.

Въ Переяславѣ, списокъ Универсала Ивана Брюховскаго, Гет-ана Царя Московскаго, къ Запорожскому войску и народу, прекло-яя ихъ притти подъ покровительство Россіи.

Маія 2.

Изъ обоза при Ольшанкѣ письмо отъ Запорожскаго Гетмана, Те-ери, къ Королю, что на помощь Запорожскому войску Орда подо-пѣла изъ нѣсколькихъ тысячъ.

Изъ табора подъ Каневомъ письмо Тетери къ Пражмовско-ıу, что Брюховскій же, взбунтовавъ чернь на Короля, ведетъ войну.

Изъ Бѣлой Церкви письмо его жъ, Запорожскаго Гетмана, къ Ко-›олю: совѣтуетъ Королю заключить миръ съ Россіею, для отвращенія іаступающей пагубы; а если не будетъ мира, то вся Украина безъ :омнѣнія отъ Короны отторгнута будетъ.

Оттуда же письмо его жъ, Тетери къ Королю: доноситъ, что эть Султана прибылъ посланецъ и выговаривалъ, яко бы сообщилъ гайно одному великому въ Коронномъ войскѣ человѣку о недобро-желательствѣ къ Королю и Республикѣ, а теперь Султанъ болѣе прогнѣвался на Тетеру, и потому проситъ, чтобъ на время уда-лилъ съ глазъ его, также предавая на уваженіе, что не слѣдовало Королю за усердіе его объявлять сей тайны, о чемъ и просилъ.

1664 г., Маія 30.

Оттуда же наказъ отъ Запорожскаго Гетмана, Тетери, Г. Бе-резецкому, послу къ Королю: 1. засвидѣтельствовать Королю отъ Запорожскаго войска усердіе престолу; 2. донесть, что простой на-

родъ преклонился къ Россіи и хочетъ отложиться отъ подданства Королю; 3. что Татары неискренны къ Королю, если намѣрены покорить Украину.

Іюня 28.

Въ обозѣ подъ Насташкою наказъ отправленному отъ Запорожскаго войска послу, Куриленку: 1. представить Королю и Сенату о тяжкихъ бунтахъ въ Украинѣ, коимъ содѣйствуетъ Россія; 2. чтобъ Козаки ненарушимо оставлены были при имѣніяхъ; 3. извѣстить о множествѣ Татаръ, на Украинѣ сущихъ, кои только Запорожское войско истребляютъ и города Короля опустошаютъ.

Іюля 5.

Въ обозѣ подъ Ставищами письмо Запорожскаго Гетмана, Тетери, къ Королю: проситъ прислать войска пѣшаго противу Россіи.

Изъ обоза подъ Ставищами письмо его жъ къ Королю: доноситъ объ опустошеніи непріятелемъ городовъ Чигирина, Корсуня, Бѣлой Церкви и Черкасъ.

Августа 3.

Димитрія Сулимы, покойнаго Г. Выговскаго бывшаго инструментомъ до возбужденныхъ на Украинѣ бунтовъ, прислушанное, кажется, за свидѣтельство въ обозѣ подъ Ставищами, отъ Запорожскаго войска: 1. Свободно сознался, что Выговскій былъ зачинщикомъ бунтовъ на Украинѣ. 2. Что онъ, Выговскій, выслалъ Козака Федора изъ Балабановки къ Сѣрку, чтобъ былъ ему братомъ, обѣщая быть отцемъ Украины. Отвѣтъ отъ Сѣрка данъ, что не по нашимъ силамъ возставать противъ Польскаго Короля. 3. Вторично прислалъ Балабановскаго Козака, чтобъ изъ Запорожья выходили, «что я за васъ, какъ отецъ за дѣтей, берусь», о чемъ войско, желая удостовѣриться, посылало Козака Мирона Нагорецкаго, оставивъ при себѣ Ерему, естьли то правда, и онъ ему присягнулъ, то чтобъ отъ Сѣрка пріѣхали знатнѣйшіе люди, а между тѣмъ пріѣхалъ Сулимка, Павло Мотовиленко зъ Бабаны (z Babany); оный же Миронъ Нагорецкій и проч., назначена имъ квартира. . . . . имѣли аудіенціи и приняты были. 4. Присяга была на томъ, что «я васъ, какъ отецъ, не оставлю, и за васъ и за Православную вѣру берусь на Евангеліи и саблѣ», и пятерымъ давалъ цѣловать и образъ Пресвятыя Богородицы, потомъ обѣщалъ воевать Ляховъ, съ тѣмъ только, чтобъ

его не выдали Москвѣ. 5. Обѣщалъ и то, что въ семъ случаѣ, «пока въ Россіи что начнете, я, чтобъ имѣть вѣру у Ляховъ, отзовусь подъѣздомъ подъ Кіевомъ». 6. Сказалъ, что «вы только овладѣйте арматою (оружіемъ), а я къ вамъ стану», и 7.- Лейбенка послали изъ Звѣнигородки, давая знать, что начали бунтъ, и велѣлъ къ себѣ итти, а самъ былъ въ Фастовѣ.

1664 г., Августа 6.

Изъ Ставищъ письмо отъ Запорожскаго Гетмана, Тетеры, къ Королю: доноситъ о разбитіи Козаковъ Заднѣпрскихъ, и что Украина приходитъ въ лучшее состояніе противъ прежняго, съ помощію Короннаго войска.

Сентября 6.

Письмо оттуда же отъ него же къ Королю, о усмиреніи бунтовщиковъ въ Украинѣ.

Изъ Могилева письмо Ев. Гоголя къ Коронному Гетману Потоцкому: оправдывается, что никакихъ бунтовъ не начиналъ на Украинѣ, а готовъ былъ усмирить ихъ, но не могъ.

Ноября 30.

Въ обозѣ подъ Лисянкою, наказъ на Сеймъ вальный (Генеральный) Варшавскій отъ Гетмана Тетери и Запорожскаго войска отправленнымъ посламъ: 1 и 2 донесть, что покойнный Выговскій, Кіевскій Воевода, вышедши изъ Бара и скитаясь по городамъ Украинскимъ, затѣялъ бунты, какъ пространно о томъ значится въ Конфессатѣ измѣнника Сулимки. 3. Чтобъ Греческая вѣра, не въ Уніи сущая, сохранена была по древнимъ правамъ и привилегіямъ, и возвращены были монастыри и церкви Унитами, въ Коронѣ и Литвѣ забранныя. 4. Чтобъ Республика назначила 4-хъ Комисаровъ, 2 изъ Короны и 2 изъ Литвы, т. е., для отобранія церквей и монастырей отъ Унитовъ и для отдачи . . . . 5. Чтобъ Кіевскій Митрополитъ Неунитъ былъ подъ началомъ Константинопольскаго Патріарха, а не подъ Римскимъ престоломъ, сего жъ Перем., принадлежащій къ Львовской катедрѣ, чтобъ былъ отданъ. 6. Чтобъ Кіевскій Митрополитъ былъ избираемъ на сей Архипастырскій санъ отъ Гетмана, Обознаго, Писаря, Судей и Полковниковъ Запорожскаго войска. 7. Чтобъ прудовъ и рѣкъ, до монастырей Кіевскихъ принадлежащихъ, никто не

смѣлъ отъ нихъ отбирать. 8. Чтобъ Академія и школы Кіевскія были отличены правомъ Академій, въ Королевсствѣ служащихъ и въ ней были бы Профессорами Неуниты, а Езуиты не ставили бы тамъ школъ. 9. Чтобъ при Академіи бурсы и Семинарію на студентовъ вольно было фундовать. 10. Чтобъ также въ Литвѣ для Неунитскаго юношества Академія со всѣми сими прерогативами, какъ въ Кіевѣ, основана была, а равно и въ Могилевѣ. 11. Чтобъ церкви Люблинскія, Коммисіею Неунитамъ отданныя. . . чтобъ оная же Коммисія подписана была Королемъ. 12. Чтобъ духовные Неуниты были изъяты отъ всѣхъ военныхъ требованій Конституціею. 13. Чтобъ О. Балабанъ Митрополитъ 30 взятыхъ послѣ покойнаго О. Коссова . . . . отданы были въ церковь С. Софіи. 14. Чтобъ духовенство Неунитское пользовалось своими правами. 15. Чтобъ войско Запорожское всегда оставалось при правахъ и вольностяхъ, дарованныхъ имъ Королями. 16. Чтобъ домы, хуторы, данные Козакамъ, были сравнены съ дворянскими, и солдатъ, который осмѣлился бы стать у Козака, судимъ былъ за . . . . 17. Если бы Шляхтичь убилъ Козака, чтобъ на смерть судимъ былъ уголовно. 18. Чтобъ Трибуналъ Гродскимъ декретомъ въ Козацкихъ дѣлахъ не смѣлъ уничтожать. 19 и 20. Тоже въ Гражданскихъ имѣлъ бы ту же силу, какъ и въ Трибуналѣ. 21. Вдовы Козацкія по давнимъ правамъ свободны были бы отъ военнаго постоя. 22. Въ Козацкіе суды не мѣшалась бы никакая иная власть. 23. Чтобъ Запорожскій Гетманъ отъ Сейма до Сейма не былъ низлагаемъ, но послѣ Сейма Комисаръ, присланный отъ Короля вмѣстѣ съ войскомъ, былъ иной избранъ; 24. чтобъ пребываніе Гетманское не было въ Чигиринѣ, но въ Бѣлой Церкви, какъ въ срединѣ Украины; 25, 26, 27 и 28. Шляхта Бѣлоцерковская, принадлежавшая издревле къ юрисдикціи (вѣдомству) замка Бѣлоцерковскаго, а именно: Настанска, Скоржевка, Мизенинцы, Керданы и другія, чтобъ принадлежали Гетману; 29. чтобъ Староство Бѣлоцерковское, находящееся въ державѣ Белзенскаго Воеводы Вишневецкаго, было дано Запорожскому Гетману, въ замѣнъ Чигиринскаго. 30. Полковники по волѣ Гетмана были бы жалованы. 31. Число Запорожскаго войска было бы не болѣе 12,000 человѣкъ, раздѣленное на 4 полка. 32 и 33. Чтобъ оное Запорожское войско имѣло квартиры какъ въ Королевскихъ, такъ и въ Земскихъ имѣніяхъ, исключая только Кіевъ и Черниговъ; 34 и 35. Писарямъ и Асауламъ, при Полковникахъ для публичныхъ дѣлъ

находящимся, даны были бы по двѣ мельницы; 36. Духовныя имѣнія всѣ вообще уволнены были бы отъ военнаго постоя; 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43 и 44. о пожалованіи дворянства Козакамъ Запорожскимъ и о назначеніи сему же войску военныхъ квартиръ въ Украинскихъ Воеводствахъ; 45 до 50. число аммуниціи войска Запорожскаго въ каковомъ навсегда должно оставаться; 51 до 53. благодаритъ Гетманъ и Запорожское войско за милости Короля и Республики, имъ оказанныя; 54. чтобъ Король и Республика Гетману Павлу Тетерѣ, въ награду за его вѣрность, присоединили къ булавѣ Староство Бѣлоцерковское; 55 до 67. просятъ Запорожское войско и Гетманъ, чтобъ убытки, въ имѣніяхъ ихъ сдѣланные непріятелемъ, были вознаграждены; 68 до 75. проситъ Запорожское войско за сыномъ Кіевскаго Воеводы Выговскаго, поелику отецъ, какъ бунтовщикъ, лишился Бару и Любомли, то чтобъ сынъ могъ остаться хотя при купленныхъ имѣніяхъ, Рудѣ и Бронловѣ, кои были бы изключены изъ подъ права выморочнаго; таковая же просьба и за другихъ Козаковъ.

1665 г.

Наказъ Г. Василію Искрицкому отъ Запорожскаго Гетмана Тетери къ Пражмовскому, Канцлеру К. В. данный: 1. просить, чтобъ Хмельницкій былъ уволенъ изъ неволи, также отецъ Тукальскій, находящійся въ Мальборку (Магдебургской крѣпости), чтобъ былъ присланъ въ Пинскъ, сложа сперва привилегію, полученную на Кіевскую Митрополію; 2. чтобъ Чигиринская аренда Ликворовъ принадлежала Гетману, и проситъ на то привилегій; 3. чтобъ сеймъ для утвержденія дару купли имѣнія Стеблева отъ г. Федора, Выговскаго человѣка пріобрѣтеннаго, также имѣнія Ольхова отъ Демидова Литвиновымъ правомъ отъ Короля наданныхъ, проситъ для Гетмана Тетери.

Февраля 23.

Письмо отъ Г. Стакурскаго къ Канцлеру Великому Коронному, чтобъ Король пожаловалъ сукна на мундиры Запорожскому войску.

Марта 3.

Изъ Браулова, письмо Запорожскаго Гетмана Тетери къ Королю: проситъ именемъ всего войска, чтобъ тѣ статьи, кои на минувшемъ разорванномъ сеймѣ изображены въ инструкціи и не утверждены, получили силу на другомъ сеймѣ.

1665 г. Марта 17.

Въ обозѣ подъ Кислякомъ письмо отъ Запорожскаго Гетмана Тетери къ Королю: доноситъ, что П. Опара пойманъ, возбуждавшій бунты на Украинѣ, имѣя шайку дворянъ въ 4,000, взятъ въ неволю.

Изъ Браулова письмо его же, Тетери, къ Королю: проситъ, чтобъ Гетманскую булаву, которую онъ имѣетъ, далъ иному, по слабости здоровья его и частой болѣзни, т. е., проситъ отставки.

Мая 16.

Изъ Павловичъ письмо отъ Стакурскаго къ К. Канцлеру, въ коемъ доноситъ о разбитіи непріятеля подъ г. Константиновымъ Воеводою Русскимъ.

Изъ обоза подъ Юрковкою письмо отъ Запорожскаго Гетмана, Тетери, къ Канцлеру: проситъ, чтобъ Хмельницкій, братъ жены его, и отецъ Тукальскій, находящіися въ арестѣ въ Мальборкѣ, были уволены.

Іюня 24.

Изъ Бѣлой Церкви письмо Г. Стакурскаго къ Канцлеру В. К.: доносить о сраженіяхъ съ Русскими.

1665 г.

(Неозначено числа) Краткое показаніе, какіе катедры и монастыри не предъ самою войною Козацкою имѣли Униты въ Коронѣ.

Іюня 24.

Въ полѣ подъ Жуковомъ письмо отъ Запорожскаго Гетмана Тетери къ Королю: доноситъ, что подъ Бѣлою Церквою пѣхота Серденятъ и Бѣлоцерковская знатно разбила Русскихъ и Брюховецкаго, такъ что онъ принужденъ податься къ своей границѣ.

Въ полѣ по Юрковкою письмо отъ Запорожскаго Гетмана Тетери къ Королю: проситъ, чтобъ Хмельницкій и Тукальскій, содержимые въ Мальборкѣ, были уволены.

Іюля 7.

Изъ Бѣлой Церкви письмо отъ Г. Стакурскаго къ Королю: доноситъ о побѣдѣ, одержанной подъ Бѣлою Церквою надъ Брюховецкимъ; также что Опара сводитъ свое войско надъ рѣкою Росавою, желая тамъ избрать Гетмана, гдѣ ожидаетъ и Орду.

Сентября 15.

Изъ Бѣлой Церкви письмо его жъ, Стакурскаго, къ Канцлеру, что Опара, врагъ Республики, сдѣлавъ совѣтъ съ военными, хотѣлъ непремѣнно Польскія границы отъ Случа уменьшить, а потомъ отъ войска Запорожскаго пойманъ, а по немъ взялъ Гетманство Г. Дорошенко, человѣкъ очень доброжелательный Королю.

Ноября 20.

Изъ Уманя письмо Запорожскаго Гетмана, Петра Дорошенка, къ Королю, что избранъ онъ Гетманомъ отъ Запорожскаго войска; за сіе благодаритъ Короля и проситъ о назначеніи Комисаровъ для утвержденія его въ ономъ чинѣ.

Изъ Чигирина письмо его жъ къ Королю, чтобъ Запорожское войско могло получить нѣкоторое облегченіе отъ провіантовъ; имъ оказываны несносныя обиды и разоренія.

Ноября 26.

Тамъ же инструкція, посланная отъ Запорожскаго войска къ Королю: 1. чтобъ войска на Зибучи по Днѣпръ находящіяся, отъ войскъ Коронныхъ имѣли доставку провіанта: 2. чтобъ Чигиринское поведено было на иное мѣсто. 3. доходъ Староства Чигиринскаго шелъ бы на нужды Запорожскаго войска; 4. чтобъ От. Хмельницкій и Г. Гуляницкій были уволнены изъ заключенія.

Августа 15.

Изъ Бѣлой Церкви письмо отъ Г. Стакурскаго къ Канцлеру В. К., что Русскихъ 50,000 подъ командою Воеводы стало надъ Днѣпромъ.

1666 г., Генваря 4.

Изъ Чигирина письмо отъ Запорожскаго Гетмана, Тетери, къ Королю: доноситъ о поимкѣ Сулимки, затѣвающаго бунтъ въ Брацлавскомъ, и проситъ, чтобъ Король вступился за братію его, находящуюся въ Московской столицѣ подъ стражею.

Инструкція посламъ, отъ Запорожскаго войска къ Королю назначеннымъ: 1. Запорожское войско отъ военнаго постоя въ Украинѣ было бы уволено; 2. О. Тукальскій и Хмельницкій, также Г. Гуляницкій, были бы уволены изъ ареста въ Малборкѣ; 3. чтобы Король Дорошенка, Запорожскаго Гетмана, утвердилъ своею грамотою также отвѣтъ на пункты Короля.

Въ Чигиринѣ наставленіе Г. Петроновскому, отъ Г. Дорошенка къ Королю посланному, что онъ съ Ханомъ не имѣлъ ни какого согласія во вредъ Республикѣ, но къ пользѣ.

Генваря 20.

Изъ Жаботина письмо отъ Мидз. . . . . Полковника Запорожскаго войска къ Королю: проситъ о присылкѣ суконъ на мундиры войску.

Февраля 3.

Изъ Чигирина отъ Г. Зебровскаго, Коменданта Чигирина: проситъ о присылкѣ провіанта; ибо Гетманъ опасается приказать мужикамъ дать оный, отъ чего могли бы произойти бунты опять.

Изъ Бѣлой Церкви письмо отъ Г. Стакурскаго къ Канцлеру В. К., что Брюховецкій изъ Москвы (Россіи) съ удовольствіемъ въ Гадячь возвратился и Универсаломъ своимъ сочинялъ бунты, желая отклонить къ себѣ вѣрноподданныхъ Короля.

Марта 20.

Изъ Чигирина письмо Запорожскаго Гетмана, Дорошенка къ Королю: проситъ дать грамоту Неуниту на Перемышльскую Епископію.

(Неозначено числа) Инструкція посламъ отъ войска Запорожскаго на Сеймъ: 1. чтобъ Унитскіе Епископы, церкви, монастыри и имѣнія, забранныя отъ Унитовъ, имъ возвратили и никакого гоненія не дѣлали; 2. чтобъ на Митрополію Кіевскую вольно было имъ избирать Неунита, по давнимъ правамъ; 3. чтобъ Митрополитъ Кіевскій и Епископы Неунитскіе засѣдали въ Сенатѣ; 4 чтобъ Республика Запорожское войско оставила при всѣхъ вольностяхъ Зборовскихъ, и оныя статьи.

Мая 21.

Изъ Чигирина письмо Г. Зебровскаго, Коменданта Чигиринскаго, къ Пражмовскому: проситъ прислать помощь для гарнизона его и иныхъ Козаковъ, кои если не получатъ, то будутъ себѣ искать иного покровительства.

Списокъ письма Дорошенка, Запорожскаго Гетмана, къ Стакурскому: доноситъ, что 1. Османъ Ага Визирь прислалъ къ нему пословъ, обѣщая свою дружбу; 2-е. что Запорожцы хотятъ соединиться съ Запорожскимъ войскомъ и уже противъ Россіи дѣйствуетъ: ибо сколько было Русскихъ на Сѣчи, всѣхъ выгнали.

1666 г.

(Неозначено числа) Списокъ съ письма отъ него жъ, Дорошенка, ъ Стакурскому, что Орда, утвердивъ присягою искреннюю пріязнь ъ Запорожскимъ войскомъ въ пятокъ, за Днѣпръ въ 20.000 двинуись, при коей онъ также послалъ часть Запорожскаго войска.

Іюня 2.

Изъ Чигирина письмо отъ Зебровскаго, Чигиринскаго Коменанта, къ Пражмовскому, Канцлеру В. К.: проситъ прислать денегъ ля его гарнизона, не имѣющаго вовсе провіанта.

Списокъ съ письма Дорошенка къ Стакурскому, что Русскіе ізъ подъ Бѣлой Церкви съ великомъ стыдомъ должны были отступить, ібо Козаки отняли у нихъ все оружіе, какое имѣли при себѣ.

Іюня 21.

Изъ Бѣлой Церкви письмо Г. Стакурскаго къ Пражмовскому, Канцлеру В. К., что Ханъ Крымскій, соединясь съ Козаками, хорошо дѣйствуетъ

Іюля 26.

Подъ Черкасами. Списокъ съ письма Запорожскаго Гетмана къ Г. Стакурскому, что Старшина Заднѣпрская, бывшая подъ началомъ Брюховецкаго бунтовщика, на вѣки утвердила вѣрность къ Королю присягою.

Іюля 26.

Изъ подъ Чигирина письмо Запорожскаго Гетмана, Дорошенка, къ Королю, что онъ ежедневно Русскихъ, состоящихъ на Заднѣпрьѣ, безпокоитъ подъѣздами, Ордою и своимъ войскомъ.

Изъ Бѣлой Церкви письмо Стакурскаго къ Пражмовскому, К. В. К.: рекомендуетъ вѣрность Запорожскаго Гетмана и спрашиваетъ, долго ли будетъ начатое перемиріе съ Русскими?

Августа 4.

Оттуда же письмо его жъ къ тому же, что Заднѣпрскіе полки, возненавидя власть Русскую, нѣсколько сотъ ихъ въ Переяславѣ вырубили, а Русскіе, выскоча изъ замка, сожгли городъ.

Списокъ письма отъ Кіевскаго Воеводы къ Г. Стакурскому: вступается за мѣстечка, принадлежащія къ Кіеву, кои Гетманъ Дорошенко себѣ покорилъ.

Изъ обоза подъ Орловымъ письмо Запорожскаго Гетмана, Дорошенка, къ Королю, что Переяславскій полкъ, отставъ отъ Русскихъ, поддался Королю, и что 5 мѣстечекъ за Днѣпромъ занялъ, а Ханъ Татарскій проситъ 2,000 кожуховъ и помощи.

Изъ Бѣлой Церкви письмо Стакурскаго къ В. К. Канцлеру, что мѣстечки за Днѣпромъ уступлены въ подданство Короля, хотяк аждое было атаковано Русскими, но они. не могши ихъ взять, отступили.

Августа 26.

Оттуда же письмо его жъ къ Гетману Коронному въ той же силѣ.

Въ таборѣ. Присяга, учиненная, отъ всего войска Запорожскаго предъ Запорожскимъ Гетманомъ, Петромъ Дорошенкомъ, что будутъ вѣрно служить Его Величеству, Польскому Королю.

Сентября 6.

Изъ Чигирина письмо Гетмана Дорошенка, Запорожскаго Гетмана, къ Стакурскому, Администратору Украинскихъ гарнизоновъ: приказываетъ дѣлать, что должно противу Россіи, когда Бояринъ нарушилъ перемиріе; а какъ военные съ начала очень угнѣтаютъ Козаковъ, проситъ, чтобъ сего не допустилъ Хорунжій, а иначе Козаки потеряютъ охоту къ войнѣ.

Изъ Бѣлой Церкви. Списокъ письма Г. Стакурскаго къ Г. Хорунжему Коронному въ той же силѣ.

Оттуда же письмо его, Стакурскаго, къ Замойскому, Региментарю Королевскихъ войскъ: проситъ какъ можно скорѣе съ своимъ войскомъ поспѣшить на Днѣпръ подъ Корсунь.

Сентября 29.

Изъ Чигирина копія письма Гетмана Дорошенка къ Стакурскому, что Нурадинъ Султанъ прибылъ съ знатнымъ числомъ войска за двѣ мили подъ Чигиринъ, и потому проситъ о снабдѣніи сего войска хлѣбомъ.

Октября 1.

Оттуда же, изъ Чигирина письмо Запорожскаго Гетмана, Дорошенка, къ Королю, что Дедешъ-Ага, имѣющій съ собою нѣсколько тысячь Орды, ведетъ оное съ собою [illegible]
варивается, опасаясь, чтобъ опять н[illegible]
отъ непріятеля на Украинѣ послѣ его [illegible]
шенія Короля.

Октября 14.

Письмо Г. Стакурскаго къ Королю о томъ, что за Днѣпромъ подданные города еще доселѣ крѣпки Его Величеству, хотя Русскіе часто ихъ осаждали.

1666 г.

Изъ Бѣлой Церкви письмо Г. Стакурскаго къ Краковскому Воеводѣ, что городъ Корсунь и Чигиринъ, не имѣя провіянта, нуждаются въ доставкѣ онаго отъ него, Воеводы, ибо онъ самъ не можетъ ихъ удовольствовать.

Ноября 3.

Списокъ письма Чигиринскаго Коменданта Г. Стакурскаго, что Татаринъ такъ долго лежа подъ Чигириномъ, ни чѣмъ болѣе на занимается, какъ побудить Козаковъ на Поляковъ, а Козаки, по своему обычаю, почти всѣ на то согласились.

Изъ Бѣлой Церкви письмо Г. Стакурскаго къ Пражмовскому, Канцлеру В. К., что 40 Мурзъ взбунтовались и въ Черкасахъ засѣли.

Ноября.

Изъ Бѣлой Церкви письмо Г. Стакурскаго къ В. К. Канцлеру: прошеніе о присылкѣ денегъ для его гарнизона въ Бѣлой Церкви, кои задержаны всѣ въ казнѣ.

(Неозначено числа). Инструкція Г. Стакурскаго: 1. крѣпость Корсунская, которая доселѣ живностью вспомогаема была изъ Бѣлой Церкви, не можетъ долѣе держаться; ибо крѣпость Бѣлоцерковская должна была бы потерпѣть убытокъ безъ провіанта; 2. чтобъ въ крѣпости Чигринской было болѣе; ибо тамъ находится всякой военный снарядъ, стража, apparat, о коемъ мужики вздыхаютъ отъ жалости; 3. что простой народъ не желаетъ бытности Гетмана Тетери и презираетъ его, развѣ бы съ позволенія Короля пришелъ съ Коронным войскомъ.

Ноября 28.

Изъ Бѣлой Церкви письмо Г. Стакурскаго къ Канцлеру Великому коронному, что Татары по селамъ около Бѣлой Церкви расположились постоемъ и состоятъ числомъ 10,000 человѣкъ.

Октября 11.

Изъ Кіева письмо Отца Тукальскаго, Кіевскаго Митрополита, къ Королю: жалуется на угнѣтенія Дизунитамъ отъ Унитовъ причиняемыя, и чтобъ Архимандрія Лещинская и церкви въ Соколѣ и Белжѣ, забранные Унитами, были отданы.

Октября 29.

Въ Сребіевѣ письмо Запорожскаго Гетмана, Дорошенка, къ Королю Михаилу: извиняется, что никакого согласія съ Туркомъ не имѣетъ и имѣть не старается; при томъ рекомендуетъ пословъ на Сеймъ, отправленныхъ отъ Запорожскаго войска, чтобъ выслушаны были ихъ инструкціи.

Инструкція отъ Дорошенка, Гетмана и всего Запорожскаго войска, посламъ, Ивану Демиденку и Савѣ Ковельскому, отправленнымъ въ Краковъ: 1. Унія съ Короной и В. К. Литовскимъ по Гадяцкому договору вовсе была бы уничтожена, т. е., чтобъ Униты вовсе присоединились къ Римскому престолу, или, оставивъ Унію, приклонились бы опять къ Дизунитамъ; 2. чтобъ всѣ чины и достоинства церковные, кои имѣютъ Униты, также, Полоцкое и Витебское Мстиславское, Оршанское и Могилевское были возвращены Неунитамъ, а Катедры съ церквами въ Вильнѣ, Новгогородкѣ и Минскѣ, нынѣ Унитскаго Митрополита находящіяся, отцу Митрополиту Неуниту были возвращены; 3. чтобъ особый Трибуналъ для Дизунитовъ въ дѣлахъ духовныхъ и свѣтскихъ былъ учрежденъ; 4. регаліи Митрополичьи, въ Бѣлой Церкви положенныя, Г. Стакурскимъ забранныя, были бъ возвращены Митрополиту; 5. вольно было бы основатъ Академію въ Кіевѣ для Дизунитовъ; 6. Митрополія Кіевская, Епископства, Архимандріи Печерская, Виленская, Городенская, Жидичинская, Лещинская, Полоцкая, Мстиславская, Супрасльская, Дерманская, Дубинская, Черенская, Уніевская, Слуцкая и прочіе монастыри въ Коронѣ и Литвѣ, никому отъ Короля, кромѣ Дизунитовъ, не были бы жалованы; 7. чтобы сочиненія (писанія), на уничтоженіе истинной Гадяцкой Коммисіи сдѣланныя и выдуманныя, и. . . вѣрѣ Дизунитовъ могли бы потому причинить какую либо заразу, были уничтожены и истреблены; 8. даваны были бы Дизунитамъ Сенаторскія мѣста (достоинства).

1670 г., Октября 7.

Изъ Чигирина письмо отъ Запорожскаго Гетмана къ Королю Михаилу: жалуется на Бѣлоцерковскаго Коменданта, что онъ. напавъ на село Ольшанку, до 400 душъ невинно изрубилъ, а село сжегъ, также Дизунитскимъ церквамъ дѣлаетъ утѣсненія.

Изъ Коша письмо Запорожскаго Гетмана, Ханенка, къ Королю: извѣщаетъ, чтобъ Король былъ въ готовности съ войскомъ; ибо Дорошенко, забывъ о Богѣ, вознамѣрился не быть подъ властію ни Короля Польскаго, ни Россіи, а подъ Татарскою. О томъ же доноситъ и въ письмѣ къ Гетману В. Коронному.

Ноярбя 18.

Въ Варшавѣ: Универсалъ отъ Короля Михаила на Запорожье, чтобъ Коммисаръ присягу отъ Гетмана и старшинъ и всего Запорожскаго войска и военные знамена въ отдачу принялъ.

Октября 2.

Инструкція отъ Дорошенка, Гетмана войска Запорожскаго, посламъ къ Королю: 1. Вольно было бы Дизунитамъ церкви и монастыри фундовать; а какіе монастыри и церкви забраны Унитами, были Дизунитамъ же отданы. 2. Духовные Римской вѣры не присвояли бы никакой власти надъ Унитами. 3. Въ Кіевскомъ Воеводствѣ достоинства Сенаторскія и Земскія не были бы даваны Римской вѣры людямъ, а только Дизунитамъ, а въ воеводствахъ Черниговскомъ и Брацлавскомъ Сенаторскія достоинства попеременно были бы даваны. 4. Въ городахъ Кіевѣ и Могилевѣ вольно было бы фундовать Академіи 5. Имѣнія и хутора, данныя Запорожскимъ Козакамъ, были бы освобождены отъ всякихъ податей.

Декабря 23.

Въ Варшавѣ: отвѣтъ на приведенную инструкцію Козацкую, отъ Короля Михаила, подписанный Королевскою рукою, и меньшею Коронною печатью утвержденный.

Письмо Запорожскаго Гетмана Дорошенка къ Г. Собіевскому, Коронному Гетману, изъ Чигирина, о увѣдомленіи его, получило ли Запорожское войско отъ Короля желаемое рѣшеніе на свои требованія по инструкціи, данной Запорожскимъ посламъ?

(Не означено времени). Статьи отъ пословъ Михайла Ханенка, Гетмана Запорожскаго, присланыя: 1. Митрополитъ и Епископы Дизуниты засѣдали бы въ Сенатѣ. 2. Имѣнія Козаковъ и Духовныхъ были бы свободны отъ всякихъ военныхъ требованій.

(Не означено числа). Письмо Ханенка, Гетмана Запорожскаго, къ Тетерѣ, Старостѣ Брацлавскому: проситъ, чтобъ послы его имѣли голосъ въ Коммисіи.

1671 г., Февраля 22.

Письмо Г. Березецкаго, Судьи войска Запорожскаго, къ Королю: благодаритъ его за пожалованіе своей грамоты Запорожскому войску о предоставленіи имъ всѣхъ давнихъ правъ.

Февраля 22.

Изъ Корсуня письмо Г. Дорошенка, Запорожскаго Гетмана, къ Королю: проситъ, чтобъ дипломъ или декларація на Сеймѣ Варшавскомъ для Запорожскаго войска городоваго была съ подписью прислана въ подлинникѣ.

Февраля 26.

Изъ подъ Ладыжина письмо отъ Михайла Ханенка, Запорожскаго Гетмана, къ Королю, объ одержанной побѣдѣ надъ непріятелемъ св. Креста, у коего отняты Поднѣстрье, Рашковъ, Могилевъ, Брацлавъ, Витци, Ладыжинъ и иныя части Украины, въ коихъ онъ расположилъ свои и Королевскія войска; увѣряетъ Короля, что вся старшина и его войска усердно преданы и присягой утвержденной вѣрности не нарушатъ.

Октября 5.

Писемъ, числомъ 18, отъ полковниковъ, судей, городовыхъ и сѣчевыхъ къ Королю, по Русски писанныхъ, въ коихъ изображаютъ искреннюю и истинную вѣрность къ престолу, о коей не сомнѣвался бы онъ.

Октября 27.

Присяга Гетмана Михайла Ханенка и войска Запорожскаго, учиненная при Коммисарахъ въ вѣрности, усердіи и послушаніи Королю Польскому и его преемникамъ; отрѣшаясь исканія всякой чужой протекціи, согласія съ чужими имѣть не будутъ.

Ноября 4.

Изъ Ладыжина письмо Запорожскаго Гетмана, Ханенка, къ Королю, что вся старшина по договору, заключенному въ Острогѣ, учинила присягу въ повиновеніи Королю при Коммисарахъ.

Въ Ладыжинѣ инструкція отъ Гетмана, Михайла Ханенка, и Запорожскаго войска посламъ къ Королю.

(Неозначено числа). Списокъ инструкціи отъ П. Дорошенка, Гетмана Запорожскаго, посламъ, отправленнымъ къ Королю: 1. Привилегіи городамъ Украинскимъ чтобъ въ Канцеляріи Коронной были выданы. 2. Если Коммисія между Польскою Короною и Запорожскимъ войскомъ назначена, то когда и гдѣ будетъ имѣть дѣйствіе? 3. Чтобъ помощь для Заднѣпрскихъ полковъ заблаговремено была приготовлена, до приближенія къ нимъ непріятеля.

1672 г.

Мнѣніе нѣкотораго патріота о способѣ, какъ успокоитъ Украину.

Генваря 26.

Изъ Ладыжина инструкція Гетмана, Михайла Ханенка, и войска Запорожскаго, посламъ на сеймъ, который рушился, объ отдачѣ церквей и имѣній Дизунитамъ, забранныхъ Унитами.

Іюля 3.

Реверсъ или . . . . города Уманя . . . . . . и полка . . . . . . на вѣрность и послушаніе Королю учиненная.

1672 г., Февраля 8.

Изъ Ладыжина письмо отъ Запорожскаго Гетмана, Ханенка, къ Королю: благодаритъ за присылку одѣянія для Запорожскаго войска.

Марта 9.

Письмо отъ земли Волошской къ Канцлеру, чтобъ принялъ ихъ подъ свой покровъ; ибо имъ ненавистно стало подданство Туркамъ, и не хотятъ болѣе быть во власти невѣрныхъ.

Апрѣля 20.

Изъ Кіева письмо отъ Тукальскаго, Печерскаго Архимандрита, къ Запорожскому Гетману, Ханенку: проситъ, чтобъ снестись

съ Г. Дорошенкомъ, уволилъ ихъ монастырь Печерскій отъ провіантовъ, непрестанно получаемыхъ отъ нихъ Бѣлоцерковскимъ Комендантомъ.

Апрѣля 20.

Изъ Коша письмо отъ Козаковъ Низовыхъ Запорожскихъ къ Королю: жалуются на Гетмана Дорошенка, что онъ, снесшись съ Ханомъ Крымскимъ, много отягощаетъ ихъ, и просятъ на помощь прислать Коронное войско.

Мая 14.

Изъ обоза подъ Ольховымъ письмо отъ Запорожскаго Гетмана, Ханенка, къ Королю: проситъ объ Архимандритѣ Печерскомъ, чтобъ онъ болѣе не имѣлъ притѣсненія отъ Бѣлоцерковскаго Коменданта, который, напавъ на Кіевскій монастырь, забралъ церковные образа и серебро, мѣстечко разорилъ и пожегъ, а монаховъ къ тачкамъ и другимъ неприличнымъ работамъ принуждаетъ. При ономъ приложены письма Архимандрита въ той же силѣ.

1693 г., Апрѣля 16.

Изъ Хвастова письмо Семена Палѣя, Полковника войска Запорожскаго, къ Королю: доноситъ о разбитіи Турецкаго войска и Орды нѣсколькихъ тысячь; послѣ сей битвы взялъ въ плѣнъ 5 Агъ и много Турокъ.

Мая 2.

Изъ Брацлава письмо отъ Абазина, Полковника Запорожскаго войска, къ Королю, что подъѣзды Козаковъ его хорошо разбили Татаръ и 1 Агу вмѣстѣ съ Татариномъ взялъ въ плѣнъ, коего посылаетъ для развѣдыванія непріятельскихъ замысловъ.

1693 г., Іюля 13.

Изъ Ильиницы (Ilinice) письмо отъ Семена Палѣя, Полковника Запорожскаго войска, къ Королю: проситъ ординансъ (повелѣнія), естьли его полкъ можетъ итти къ Сороцку противъ непріятеля Турка.

Іюля 3.

Изъ Винницы письмо Г. Самуся, Наказнаго Гетмана войска Запорожскаго, къ Королю: проситъ о присылкѣ сукна на мундиры Козакамъ.

1698 г., Сентября 8.

Изъ Уманя письмо къ Королю отъ Семена Палѣя, Полковника войска Запорожскаго: доноситъ, что къ счастію Его Величества положилъ труповъ непріятеля на нѣсколько миль и много забралъ добычи отъ него.

Распросы пойманныхъ языковъ: 1. что въ Крымѣ Голда Султанъ на мѣстѣ Ханскомъ съ Крымскими ордами находится, ожидая сильныхъ войскъ Христіанскихъ подъ Перекопъ. 2. На помощь Крымцамъ присланы сверхъ того Баши отъ царя Турецкаго съ 12,000 Турокъ. 3. Въ Крыму имѣютъ извѣстіе, что Король хочетъ зимовать въ Ясахъ. 4. Царь Турецкій противъ Цесаря самъ не шелъ, а только послалъ Визиря съ Ханомъ.

1699 г., Іюля 15.

Изъ Богуславля письмо къ Королю отъ Самуся, Запорожскаго Гетмана: жалуется на Г. Искру, что онъ дѣлаетъ великія притѣсненія Козакамъ его на квартирахъ.

Просьбы Козаковъ Запорожскихъ, чтобъ Гадяцкія статьи были исполнены, по коимъ Республика имѣнія, Уніатами у Дизунитовъ отнятыя, велѣла возвратить и оставить ихъ при давнихъ правахъ.

1699 г.

Статьи Краковскому Воеводѣ отъ Запорожскаго войска поданныя, по какимъ причинамъ не хотятъ имѣть Гетманомъ Запорожскимъ г. Гетмана Выговскаго.

(Всѣ слѣдующія безъ означенія числа.) Мысли о реформѣ Украины и учрежденіи въ ней урядовъ по примѣру, какъ въ В. К. Литовскомъ.

Извлеченія разговоровъ Запорожскаго Гетмана Тетери съ Дедешемъ Агою, посломъ Крымскимъ, чтобъ съ войскомъ своимъ присоединился къ Турецкому войску.

Записки Г. Яцковскому, пос у отъ Г. Запорожскаго Гетмана Тетери, къ Крымскому Хану отправленному, данныя: 1. Что сохранитъ дружбу съ Ханомъ, утвержденную присягой. 2. Чтобъ не болѣе 20,000 Орды прислалъ ему на помощь. 3. Извѣстить Хана, что недавно Козаки Запорожцы, соединясь съ Калмыками, нечаянно ударили на Орду и не мало положили на мѣстѣ, а за тѣмъ, чтобъ самъ Ханъ съ войскомъ пришелъ на Украину.

Три письма, вмѣстѣ связанныя и запечатанныя, писанныя по Гречески.

Письмо по Русски отъ Запорожскаго Гетмана Дорошенка къ Ахметъ Пашѣ, Турецкому Визирю: жалуется на Крымскаго Султана, что онъ, вмѣсто обороны на Украинѣ, стоя съ Ордою, разоряетъ сей край, жжетъ города и села; проситъ чтобъ Императоромъ Турецкимъ дано было строгое повелѣніе Ордѣ не дѣлать впредь обидъ Украинскимъ жителямъ.

Письмо Запорожскаго Гетмана, Петра Дорошенка, писанное по Русски, къ Турецкому Императору: проситъ о запрещеніи Ордамъ, подъ строгимъ наказаніемъ, не раззорять Украинскихъ имѣній и не дѣлать людямъ насилій.

Подписано:

«По сему Реестру принялъ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Кирило Іозефовичъ.»

Подъ онымъ подписомъ тотчасъ, на той же страницѣ, рукою нынѣшняго Метриканта (въ Спб.), Г. Мозелла (отъ кого взялъ сей Реестръ) подписано по Польски.

СВЯЗКА 3-я.

Содержитъ 10 писемъ Крымскаго Хана, къ Королю Іоанну Казимиру и Канцлеру Корыциньскому писанныхъ.

СВЯЗКА 4-я.

Содержитъ 7 Россійскихъ грамотъ Царя Алексѣя Михайловича, данныхъ Сухотину и Суличимъ (?), ѣдущимъ къ Гетману Хмельницкому, и донесеніе Сухотина о Запорожскомъ войскѣ 1659 и 1660 годовъ.

СВЯЗКА 5-я.

Содержитъ три декларацій къ Запорожскому войску, чтобъ оно приклонилось на сторону Царскаго Величества, также объясненіе Тетери о избранномъ Кіевскомъ Митрополитѣ Тукальскомъ.

Подлинный Реестръ писанъ на $13^1/_2$ листахъ кругомъ.

Списано съ перев. 22 Апрѣля, 1816 года.

АКТЫ,

РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ИСТОРІИ ОТНОСЯЩІЯСЯ, ВЪ НѢКОТОРЫХЪ АРХИВАХЪ ШВЕЦІИ.

РУКОПИСИ, ХРАНЯЩІЯСЯ ВЪ СКУКЛОСТЕРѢ, ИМѢНІИ ГРАФА БРАГЕ (Brahe) БЛИЗЪ УПСАЛЫ.

Сеймъ вольный Варшавскій 1611 г., по взятіи Смоленска и Мо-вы (Польск.).

Инструкція отъ всего рыцарства, находящагося въ Москвѣ, дан-я посламъ къ Его Величеству: П. Гаевскому и Р. Г. Млодзянов-ому, 11 Іюля, 1611 г. (Польск.).

Отвѣтъ Его Величества на то рыцарству изъ Вильны 20 Авґуста, ;11 г. (Польск.).

Инструкція для вольнаго коронного сейма въ Варшавѣ, созваннаго . 26 Сентября, отъ всего рыцарства, въ Москвѣ находящагося, дан-я 19 Сентября, 1611 г. (Польск.).

Овѣтъ на то (Польск.).

Протестація Великаго Княжества Литовскаго, касательно продолже-я войны съ Москвою (Польск.).

На это отвѣтъ отъ рыцарства (Латин.).

Отвѣтъ и оборона кровавыхъ заслугъ рыцарства во время Москов-:ой экспедиціи (Польск.).

Посольство Лифляндскаго рыцарства, отправившееся въ Москву , Гетманомъ Литовскимъ (Польск.).

Посольство къ Сенатору Мнишку (Польск.).

Инструкція, данная посламъ или комисарамъ, посланнымъ для пе-:говоровъ съ Думными Боярами и всѣми чинами Московскаго Го-'дарства; дана на сеймѣ Варшавскомъ 1615 г. 26 Марта. (Польск.).

Письмо къ Королю отъ тѣхъ комисаровъ изъ Смоленска 8 Ноября, ;15 г. (Польск.).

Письмо Лисовскаго къ Канцлеру Литовскому объ ограбленныхъ въ :млѣ Московской (многое и о Пожарскомъ) 1615 и 1616 г. (Польск).

Письмо къ Турецкому Султану и отвѣтъ о дѣлахъ Московскихъ нваря 1616 г. (Польск.).

Письмо Императора Матѳія къ Сигизмунду III, 6 Ноября, о мирѣ съ Москвою (Лат.)

Договорные пункты Посольства Московскаго, присланные съ Княземъ Трубецкимъ, Солтыкомъ и Василіемъ Осиповичемъ (Польск.).

Письмо изъ Москвы о переговорахъ отъ Гетмана Литовскаго (Польск.).

Прошеніе о договорѣ пословъ Московскихъ къ Гг. Сенаторамъ (Польск.).

Письмо къ Его Королевскому Величеству отъ Бояръ Московскихъ изъ подъ Андронова (Польск.).

Просьба плѣнныхъ изъ Валахіи къ Воеводѣ Русскому (Польск.).

Письмо Шуйскаго къ Сигизмунду III изъ Москвы Іюля 1616 г. (Польск.).

Краткое изложеніе о веденіи войны съ Москвою, для Его Королевскаго Величества, составлено Яномъ Петромъ Сапѣгою (Польск.).

Князю Мстиславскому письмо 18 Октября, 1610.

Путевой дневникъ отъ Москвы.

Совѣщательная форма, посланная къ Боярамъ.

Пункты мира Столбовскаго (на $2^1/_2$ листахъ) (Лат.).

Отвѣтъ пословъ Польскихъ и Литовскихъ посламъ Московскимъ 27 Ноября, 1615 г. (Польск.).

Отвѣтъ Боярамъ Московскимъ въ Москвѣ, на словахъ данный (Польск.).

На то возраженіе (Польск.).

О Самозванцахъ (Польск.).

Протестація Польскихъ Коммисаровъ Посламъ въ Москву предъ Посломъ Цесарскимъ, 12 Января, 1616 г. (Польск.).

Универсалъ Владислава, избраннаго Царя Московскаго, къ Государству Московскому (Польск.).

Письмо къ Коммисарамъ (Польскимъ) отъ Бояръ изъ столицы во Вязьму, 15 Декабря, 1617 г. (Польск.).

Инструкція Коммисарамъ (Польскимъ), отправленнымъ при Владиславѣ къ Боярамъ Думнымъ въ Москвѣ, изъ Вязьмы, 29 Декабря, 1617 г. (Польск.).

Письмо отъ Бояръ къ Панамъ Радамъ 1622 г., Іюля 12 (Польск.)

Письмо отъ Бояръ Московскихъ къ Польскимъ Коммисарамъ черезъ гонца ихъ, Степана Лещукова, въ Вязьмѣ отданное 12 Мая, 1618 г. (Польск.)

Копія съ перемирнаго листа отъ Коммиссаровъ Московскихъ 1618 г. (Польск.).

Письмо Пословъ Московскихъ къ Митрополиту Филарету 3 Апрѣля, 1619 г.

Содержаніе письма Чиновъ Московскихъ къ Панамъ Радамъ 1619 г.

Письмо Михаила Ѳедоровича и Патріарха Филарета къ войску Запорожскому 7139 г., Января 23 дня (Руск.).

Мирныя статьи для Коммиссаровъ (на 5 листахъ) 7142 г. (Руск.).

Письмо отъ Бояръ Думныхъ къ Панамъ Радамъ черезъ Горихвостова присланъ (Польск.).

Письмо отъ Пановъ Рады къ Боярамъ 1654 г., Января 4 (Польск.).

На него отвѣтъ (Польск.).

Опасная грамота, данная Сенаторами К. П. Коммиссарамъ 1634 г. 4 Марта (Польск.).

Кондиціи всему Московскому войску, которое съ Шеиномъ и товарищами его подъ Смоленскомъ обложено, отъ Кристофа Радзивила, 24 Февраля, 1634 г.

На это отвѣтъ отъ Бояръ, 27 Марта (Польск.).

Условія мира вѣчнаго, съ Москвою заключеннаго 14 Января, 1634 г.

Вѣрительная грамота Посламъ Владислава IV къ Михаилу Ѳедоровичу 1635 г.

Извѣстіе о переговорахъ съ Послами Московскими, А. Львовымъ, С. Пушкинымъ, Дьякомъ Иваномъ Воложанинымъ, 1644 г. въ Краковѣ зачатые, а въ Варшавѣ оконченные 1645 г. (Польск.).

На это отвѣтъ.

Посольство отъ Рыцарства, подъ Москвою находящагося, къ Его Королевскому-Величеству подъ Смоленскъ присланное.

Кондиціи, поданныя Его Королевскому Величеству Рыцарствомъ, находящимся подъ Москою (Польск.).

Краткое повѣствованіе о Москвѣ, ея торговлѣ, нравахъ и пр., составленное Секретаремъ Канцлера въ бытность его въ Москвѣ (Польск.).

Листъ Посла Царскаго къ Боярамъ 1616 г. (Русск.).

Отвѣтъ Пановъ Рады на письмо Посланниковъ Московскихъ, Шаховскаго и Нечаева (Польск.).

Отъ Матѳія, Императора Римскаго, къ Сигизмунду III о дѣлахъ Московскихъ (Русск.).

О посольствѣ Московскомъ, которое Королевича на Государство звало.

Восхваленіе славы Московской для привлеченія Королевича на Государство ихъ (Польск.).

Обсужденіе кондицій, поданныхъ съ Москвы (Польск.).

Справедливъ и законенъ ли предлогъ къ удержанію Московской земли?

Причины и польза Московскаго похода (Польск.).

Перемиріе между Московскими Боярами и Гетманомъ Жолкевскимъ (Польск.).

Торжествованіе (тріумфъ) избранія Владислава на Царство Московское (Польск.).

Письмо Старосты Хмельницкаго (?) Царицѣ Московской (Польск.).

Письмо отъ Салтыкова изъ Ладоги Февраля 6 дня (Польск.).

Грамота Михаила Өедоровича къ Владиславу (Русск.).

Воеводы, которые одинъ за другимъ были побиты народомъ въ разныхъ городахъ Московскихъ послѣ измѣны Димитрію (Польск.).

Письмо Гетмана надъ войскомъ Литовскимъ Димитрію Іоанновичу (Руск.).

Списокъ знатныхъ особъ Польскихъ, побитыхъ на Москвѣ (Польск.).

Декларація Короля Польскаго касательно Московской экспедиціи (Польск.).

Переписка Короля Польскаго съ Турецкимъ Султаномъ и Крымскимъ Ханомъ (Польск.).

Циркуляръ войску, чтобы поспѣшало въ Москву (Польск.).

Донесенія Воеводъ съ театра войны (Польск.).

Отъ Царя Шуйскаго къ Воеводѣ Смоленскому, и обратно отъ Старосты и посадскихъ людей Смоленскихъ къ Шуйскому (Польск.).

Копія съ письма важной особы изъ Москвы къ Коронному Подкоморому Октября 8 дня, 1613 г., и отвѣтъ его (Польск.).

Копія съ достовѣрнаго письма изъ подъ Москвы къ извѣстной особѣ 28 Ноября.

Инструкція разнымъ лицамъ отъ Короля; къ ней секретное прибавленіе (Полск. и Латин.).

Письма, и отвѣтъ на нихъ, отъ Рыцарства изъ подъ Москвы къ Его Королевскому Величеству подъ Смоленскомъ (Польск.).

Письмо Марины (Царицы) къ Пану Пржилускому 10 Ноября, 1609 г. (Польск.).

Вѣдомость изъ подъ Москвы послѣ прибытія Пословъ въ [illegible] Декабря (Польск.).

Реляція посольства по возвращеніи его изъ обоза, подъ Москвою находящагося.

Отвѣтъ Патріарха Филарета, Бояръ, Думныхъ людей и Дворянъ изъ Москвы (Польск.).

Отвѣтъ, данный именемъ Его Королевскаго Величества изъ подъ Смоленска на просьбы Московскихъ Бояръ (Польск.).

Инструкція Польскому Рыцарству и людямъ Московскимъ, данная подъ Смоленскомъ 18 Апрѣля, 1610 г.

Отъ Сергія, Архіепископа Смоленскаго, къ Шуйскому.

Отъ Воеводы Смоленскаго къ Шуйскому.

Отъ Посадскихъ людей Смоленскихъ къ Шуйскому.

Отъ Воеводъ Смоленскихъ, Шеина и Горчакова, къ Князю Дмитрію Івановичу Шуйскому.

Отъ Сергія, Архіепископа Смоленскаго, къ Патріарху Гермогену.

Письма Гетмана Жолкевскаго къ Королю, изъ разныхъ мѣстъ.

Письмо Князя Мстиславскаго и иныхъ на Москвѣ Бояръ, 18 іюля, изъ подъ Можайска.

Извлеченіе изъ письма Гетмана въ столицу, на счетъ Шуйскаго писаннаго.

Отвѣтъ ему отъ Бояръ (Польск.).

Отъ Царицы Марины, 28 Іюня, 1660 (Польск.).

Письма разныхъ особъ, относящіяся къ временамъ междуцарствія.

Отъ Гетмана, по отобраніи присяги отъ Бояръ (Польск.).

Замиреніе между Гетманомъ и Боярами Московскими (Польск.).

Добавочныя условія, съ которыми послали Бояре къ Его Королевскому Величеству Голицына и иныхъ подъ Смоленскъ (Польск.).

Присяга Гетмана и всего Рыцарства людямъ Московскимъ подъ Царевымъ Займищемъ (Польск.).

Условія отъ Лжедимитрія и войска его, и посольство отъ его войска, присланныя подъ Смоленскъ 22 Августа, 1610 г.

Переговоры Сенаторовъ съ посольствомъ Лжедимитрія.

Обѣщанія Лжедимитрія войску своему и народамъ Польскому и Литовскому, 20 Февраля, 1609 г.

Обѣщанія Царицы Марины тому же войску 1609 г.

Посольство Московское Князя Василія Васильевича Голицына 22 Октября (Польск.).

Письмо Патріарха Московскаго изъ столицы къ Митрополиту Ростовскому (Польск.).

Отвѣтъ Боярамъ на Посольство Голицына.

Копія съ письма къ Его Королевскому Величеству отъ Бояръ изъ столицы, привезеннаго Иваномъ Безобразовымъ 8 Февраля (Польск.).

Отъ Князя Мстиславскаго и другихъ Бояръ къ Его Королевскому Величеству (Польск.).

Циркуляръ Ляпунова.

Рѣчь о томъ: дать ли Королевича на Государство Московское? (Пол.)

Изслѣдованіе измѣны на Москвѣ 7119 г., 8 Октября (Польск.).

Смерть Лжедимитрія подъ Калугой 27 Декабря, 1610 г. (Польск.)

Челобитная Его Королевскому Величеству Пословъ Московскихъ.

Письмо Салтыкова и Бояръ изъ столицы къ Его Королевскому Величеству (Польск.).

Реляція П. Коморскаго (?) о пожарѣ Московскомъ и объ измѣнѣ тамошнихъ Бояръ (Польск.).

О взятіи Смоленска (Польск.).

Отвѣтъ обывателямъ Новгородскимъ.

Отъ Намѣстника Смоленскаго Ивана Семеновича Куракина къ Сапѣгѣ 7115 г.

Отъ Короля Жигмонта III Московскаго Государства Боярамъ и всѣмъ сословіямъ отвѣтъ на статьи и просьбы ихъ 1610 г., 4 Февраля (Польск.)

Посольство Московское отъ Шуйскаго 3 Января, 1607 г.

О границахъ Московскихъ.

Рѣчи Пословъ къ Царю.

Письмо Михаила Ѳедоровича къ своему отцу (съ красною печатью. Русск.).

Паспортъ Сигизмунда III до Москвы 1597 г.

Дневникъ, въ которомъ содержится описаніе пути Марины до Москвы, рѣчи Пословъ и Димитрія, обѣдъ, убіеніе Лжедимитрія (подробный разсказъ) и побіеніе Поляковъ 27 Мая, 1606 г.

Дневникъ, въ которомъ описывается война съ Самозванцами; многое о Маринѣ, сынѣ ея и Заруцкомъ.

Письмо отъ Ивана Ивановича Шуйскаго къ Пану Николаю Мархоцкому.

Русское Письмо къ Ѳедору Ивановичу Мстиславскому.

Дневникъ съ 1609 г. 3, Января, гдѣ говорится о Скопинѣ Шуйскомъ.

Письмо отъ Бояръ къ Посламъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича.

Дневникъ Московской экспедиціи 1633 г., 26 Августа.

Постановленіе между Поляками, въ Москвѣ находящимися, и Думными Боярами, 1610 г., 7 Ноября.

Ѳ Посольствѣ Алексѣя Михайловича 1644 г., въ Августѣ.

Письмо Михаила Ѳедоровича къ Сигизмунду III.

Инструкція Посламъ въ Москву 1634 г., 19 Декабря.

Русская переписка между Капитаномъ Дорогобужскимъ и Москвою.

Письмо къ Королю отъ Гетмана изъ Москвы 1611 г., Января 21.

Постановленіе вѣчнаго мира между Владиславомъ IV и Михаиломъ Ѳедоровичемъ.

Стихотвореніе (Польск.) о войнѣ съ Великимъ Княземъ Московскимъ Василіемъ 1606 г.

Письмо съ собственноручною подписью Лждемитрія изъ подъ Москвы въ Январѣ и Мартѣ.

Рѣчь Посланника Московскаго и отвѣтъ Пановъ Радъ на письмо его.

Письмо (Русское) Сигизмунда въ Москву.

Отъ Бояръ (времени Михаила Ѳедоровича) въ Польшу, тетрадь безъ начала.

Разсужденія Бояръ Думныхъ съ Польскими Послами (времени Михаила Ѳедоровича).

Тетрадь Русская, начинающаяся словами: «По приказанію Боярина М. Б. Шеина».

Тоже о войнѣ 1611 г.

Мирные переговоры въ слѣдствіе посольства Горохвастова

Русскія записочки, письма къ частнымъ лицамъ, челобитныя къ Лжемитріямъ (около 300).

Списокъ Стрѣльцамъ (Русск.).

Запись купца о продажѣ.

Описаніе торжественнаго пріема Великаго Русскаго Посла въ Стокгольмѣ 1662 Августа г., 22 (Швед.).

Описаніе мятежа, поднятаго Сенькою Разинымъ. (Швед.).

О Русскомъ Государствѣ (краткое Обозрѣніе царствованія Ивана IV, Ѳедора Ивановича, Бориса Годунова, Михаила Ѳедоровича, Алексѣя Михайловича) (Швед.).

Экспедиція въ Россію 1545 г. (Швед.).

Старый договоръ между Россіею и Швеціею (Швед.).

Исторія Иванна Грознаго (безъ начала) (Швед.).

нника Лоренца Гагена

Союзный договоръ между Швеціею и Россіею 22 Февраля, 1724 г. (Швед.).

Донесеніе Королевскихъ Министровъ изъ Россіи 21 Октября, 1676 г. (Швед).

Протоколъ слѣдствія надъ Русскимъ Секретаремъ Соловьевымъ 1727 г. (Швед.).

Табель о рангахъ Петра I 1722 г. (Швед.).

Капитуляція города Ревеля 1710 г. (Швед.).

Резолюція Петра I Лифляндскому дворянству 1 Марта, 1712 г.

Резолюція Меншикова на вопросы фискала (Нѣм.).

Прошеніе Германа Баадера къ Петру I 1724 г.

Празднества, бывшія въ Петербургѣ въ 1725 г. (Нѣм.).

Изчисленіе городовъ, заводовъ и селъ, выжженныхъ Русскими въ Швеціи въ 1721 г.

Касательно Посла Долгорукова 1727 г.

Описаніе Посольскаго путешествія въ Москву 1684 г.

Указъ Императрицы касательно Долгорукихъ 12 Ноября, 1739 г.

Списокъ 12 семействамъ, казненнымъ въ Новгородѣ.

Краткое извѣстіе о Карлѣ XII послѣ Полтавской битвы 1709 г. (Швед.).

Подробности касательно большой казни въ Россіи въ 1739 г.

Извлеченіе изъ Манифеста касательно казни Волынскаго и его сообщниковъ.

Извлеченіе изъ письма одного Офицера, служащаго въ Россіи, касательно заговора (Франц.).

Разсказъ о Полтавскій битвѣ.

Договоръ между Царемъ и Королемъ Шведскимъ 30 Іюня, 1709 г.

Списокъ плѣнныхъ подъ Полтавою.

Историческое описаніе Швеціи и ея войнъ съ сосѣдними державами 1606 г. (Швед.).

Разсказъ объ опустошеніяхъ, произведенныхъ Русскими на берегахъ Швеціи 1721 г. (Швед.).

Празднество по случаю Ништадскаго мира, бывшее въ С.-Петербургѣ 1721 г.

Меморіялъ 3 Ноября, 1722 г., касательно предпринятаго Царемъ похода на Востокъ.

Копія съ Русскаго письма къ Флемингу о сдачѣ Кексгольма 22 Апрѣля, 1597 г.

Синклера разсказъ о сдачѣ Вильманстранда 29 Августа, 1741 г.
Памятная записка о взятіи Шведскими галерами 9 или 13 Русскихъ ерsuccessfully ъ (Швед.).
Манифестъ Графа Ѳедора Апраксина 14 Іюля, 1717 г.
Меморіяль Седергельма касающійся посольства въ Россію (Швед.).
Замѣчаніе на счетъ возобновленія Русскаго союза (Швед.).
Мнѣніе Тайной Коммиссіи Королевской Канцеляріи касательно возновленія съ Россіею охранительнаго союза (Швед.).
Мнѣніе о предлагаемыхъ Франціею конвенціяхъ касательно связи Россіею (Швед.).
Слѣдствія союза, заключеннаго между Портою и Швеціею.
Переводъ мирнаго договора между Оттоманскою Портою и Россіею.
Союзъ Россіи съ Франціею.
Жалоба Русскаго Генерала Кейца на Левенгаупта, командовавшаго Финляндіи, и отвѣтъ его.
Рѣчь о Русской арміи, причины къ войнѣ съ Россіею и планъ спедиціи (Швед.).
Молитва Русскихъ къ Св. Николаю противъ Шведовъ послѣ Нарвкаго сраженія.
Табель Е. И. В. регулярнымъ войскамъ, на Нѣмецкой ногѣ надящимся.
Майора Сейленберга разсказъ о его плѣнѣ въ Россіи.
Письмо Карла XII къ Ульрикѣ Елеонорѣ изъ Бендеръ, Демотики Стральзунда.
Письмо къ Густаву Адольфу отъ Андерсона изъ Новгорода 27 арта, 1615 г. (Швед.).
Копія съ письма Воеводы Новгородскаго къ Намѣстнику Лифляндому 1684 г. (Швед.).
Письма Круза изъ Новгорода 1619 — 1621.
Письма изъ разныхъ городовъ Остъ-Зейскихъ о томъ, что дѣется въ Россіи, 1649—1659 (Швед.).
Письма Делагарди о войнѣ Русской 1655—1658 (Швед.).
Письма Флеминга, Посланника въ Россіи 1637—1645 (Швед.).
Письма Гельмфельда изъ Нарвы 1660—1672 г., содержащія свѣнія о Россіи (Швед.).
Письма Мернера, Президента въ Дерптѣ, 1649 — 1650 о томъ е (Шв.).
Письма Эбершильда изъ Новгорода и Москвы 1650, 1673 (Швед.).

Письма Крузебіорна изъ Москвы 1642 — 1644 (Швед.).

Письма Резидента Лиліенталя изъ Москвы 1664 — 1665 г.

Письма Номерена изъ Москвы 1649 г. (Швед.).

Письма Драке Губератора Нарвы, о Россіи 1646 — 1650 (Швед.).

Письма Русскаго Священника Іакима Терентьева 1642 (Швед.).

Письма Лофельда изъ Москвы 1645 (Швед.).

Письма Оберъ-Гофмаршала Каленберга изъ Москвы 1671 — 1662 * (Швед.).

Князя Молдавскаго претензіи на Князя Московскаго (Лат.).

Договорные пункты между Его Царскимъ Величествомъ и Королемъ Польскимъ 1667 г. (Нѣм.).

Мирный трактатъ между Швеціею и Россіею 1666 г. (Швед.).

Инструкція Шведскому Посланнику въ Ништадъ 1721 (Швед.).

Разговоръ между Русскою саблею, Шведскимъ мечемъ и Татарскимъ лукомъ въ Петербургскомъ Арсеналѣ (Швед.).

Русская Грамота на пергаментѣ къ Старостѣ Великомирскому въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Адама Брунова меморіялъ о войнѣ въ Финляндіи.

Адмирала Риддерстольпе мнѣніе о Русскомъ военномъ флотѣ и крѣпостяхъ въ отношеніи къ начинающейся войнѣ (Швед.).

Кенига поѣздка въ Украину въ 1658 г. (Швед.).

Извлеченіе изъ Русскихъ списковъ о дворянахъ и всѣхъ военнослужащихъ въ Новгородѣ (Швед.).

II. РУКОПИСИ, ХРАНЯЩІЯСЯ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ АРХИВѢ ВЪ СТОКГОЛЬМѢ.

Грамота Михаила Θеодоровича къ Королевѣ Христинѣ, въ отвѣтъ на ея письмо 3 Марта, 1644 г. (Руск.).

Письмо Христины къ Алексѣю Михайловичу (Швед.).

Алексѣя Мрхайловича любительное поздравленіе къ Григорію Гавриловичу Пушкину и другіе (Руск.).

Грамота Алексѣя Михайловича къ Христинѣ (о торговыхъ людяхъ, что проживаютъ долго въ Россіи) (Руск.).

Грамота отъ него же къ ней же.

---

* Большая часть этихъ писемъ писана къ Государственному Канцлеру [illegible].

Грамота Алексѣя Михайловича для проѣзда Болтина и Пушкина.

Около 20 писемъ Ивана Шувалова 1723 (Русскихъ) къ разнымъ лицамъ.

Собраніе актовъ о границахъ Русскихъ (Швед.).

Касательно владѣній на Русской границѣ (Швед.).

Касательно отправленія Басевича къ Русскому Двору 1713 г. (Швед.).

Перемирныя грамоты между Псковомъ и Геермейстеромъ В. Ф. Плеттенбергомъ въ правленіе Василья Иванновича, въ Новгородѣ 1509 г. (Швед.).

Тоже 18 Іюня 1554 года.

Списокъ Русскимъ грамотамъ и дѣламъ, касающимся до войнъ въ Россіи въ царствованія Королей Карла IX и Густава Адольфа; особенно же Герцога Карла Филиппа.

12 дѣлъ касательно призванія Новгородскими Чинами на Русское Царство Принца Карла Филиппа и отправленія его въ Россію (Швед.).

Грамота Московскихъ людей къ Чинамъ Новгородскимъ о побѣдѣ надъ Поляками и ихъ бѣгствѣ изъ Москвы 15 Ноября, 7121 г. (Швед.).

Грамоты Фельдмаршала Горна къ Новгородскимъ сословіямъ изъ Або (Швед.).

Извѣстіе о мятежѣ въ Новгородѣ. Выборгъ, 5 Марта, 1614 г. (Швед.).

Эверта Горна рѣчь дворянамъ и другимъ людямъ Новгородскимъ о томъ, желаютъ ли они быть съ Москвою, или Его Величествомъ, Королемъ Шведскимъ? Новгородъ, 27 Мая, 7123 (1615 г.) (Швед.).

2 отвѣта Новгородскихъ Чиновъ Фельдмаршалу Горну (Швед.).

Форма присяги Русскихъ людей на вѣрность Королю Густаву Адольфу (Швед.).

Письмо Густава Адольфа къ Новгородскимъ Чинамъ. Нарва, 28 Сентября, 1614 г. (Швед.).

Грамота Секретаря въ Новгородѣ Семена Лутчина къ Воеводѣ въ Осташковъ о свободномъ пропускѣ въ Москву дворянина Христофора Вальдека съ письмомъ къ Англійскому Посланнику, Лорду Мерику. Новгородъ, 1616.

О Государственныхъ обрядахъ (церемоніяхъ), сочиненіе Русскаго Секретаря (подъячаго) Ягана Александра Склитскаго (Селицкаго?) 1667 г. на Шведскомъ языкѣ, содержитъ о боярахъ, послахъ, приказахъ, воедводствахъ, войскѣ, купечествѣ, о монастыряхъ, торговлѣ и прочее.

Замѣчанія, касающіяся Русскихъ фабрикъ и торговли, войска морскаго и сухопутнаго, и прочее. Годовъ 1710, 11, 12 и 13 (Швед.).

Записки Королевскаго Посольства въ Москву, составилъ Польквистъ 1674 г., съ планами Москвы, Новгорода, Твери, Рязани и другихъ городовъ, съ картою Сибири, Каспійскаго моря, съ изображеніемъ знаменоносцевъ, колокола, пушекъ, наказанія кнутомъ, спискомъ иностраннымъ офицерамъ въ Россіи, и проч.

Дѣла Московскія отъ 1340 по 1661.

Различные акты Московскіе отъ 1501 по 1710.

Дѣла Польско-Русскія 1609 — 1636.

Акты и Протоколъ Столбовскаго мира, въ 6 томахъ, 1617 г.

Его Королевскаго Величества письмо къ Великому Князю 1623 г.

Акты Русскаго Посольства 1633 г.

Русское Посольство 1646 г.

Дѣла о границахъ Русскихъ, 6 томовъ, 1652 — 53 г.

Переводъ Русскихъ писемъ, 1 томъ. 1645 — 57 г.

Русскіе трактаты, 3 тома, 1613 г.

Царскія оригинальныя письма съ отвѣтами, 5 томовъ, 1632 — 84.

Дѣло о Горнѣ 1718 — 1719 г.

Дѣла Ништадскаго мира 1721 г., 8 томовъ.

Дѣла Абовскаго мира 1743, 3 тома.

Грамота Царей Ивана и Петра, 28 Мая, 1683 г. (Швед.).

Грамота Царя Петра, Москва, 4 Февраля, 1699 г. (Швед.).

Связка писемъ съ извѣстіями о Русской арміи и финансахъ.

Польская корреспонденція, касающаяся Сѣверной войны 1700—1718 г.

Болѣе 50 писемъ отъ Шведскихъ Пословъ и Резидентовъ въ Россіи, царствованія Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Петра I (Швед.).

Нѣсколько томовъ дѣлъ о границахъ, изъ тѣхъ же временъ.

Письмо Богдана Хмельницкаго, Гетмана.

Письмо Махметъ-Гирея (Крымскаго Хана) къ С. Потоцкому.

Описаніе Посольства Польскаго въ Россію 1667 г. (Лат.).

Условія мира между Польшею и Россіею 1634 г.

Письма о войнѣ Русской въ Польшѣ, Русскаго Полковника Шульца (Франц.).

Письмо Матвѣева изъ Парижа къ Вице-Адмиралу Крюйсу въ Москву 1706 г. (Нѣм.).

Письмо его же къ Головкину въ Москву (Нѣм.).

Письмо его же къ Англійскому Министру Г. Гарле. Лондонъ, 3 Января, 1708 г. (Нѣм.).

Сообщилъ Соревнователь **А. Чумиковъ**.

ЗАПИСКИ

(МЕМУАРЫ) РУССКИХЪ ЛЮДЕИ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ УКАЗАНІЯ. *

АКСАКОВЪ **Сергѣй Тимофеевичъ (р. 1791, у. 1859).**

1. Семейная хроника и воспоминанія С. Аксакова. М. ъ тип. А Степановой. 1856, 8, 565 стр. и оглавленіе.

Второе изданіе, въ 2 ч., съ прибавленіемъ двухъ отрыв-овъ Семейной хроники. Тамъ же, 1856, 8, 285 и 420 стр.

Кромѣ воспоминаній о собственной жизни извѣстнаго писателя, ѣсь находятся статьи: 1) объ актерѣ Я. Е. Шушеринѣ; 2) объ А. . Шишковѣ, и 3) разсказъ о знакомствѣ съ Державинымъ.

Отрывки изъ этихъ записокъ были помѣщены въ Москвитянинѣ 854 и 1855, въ Рус. Вѣстникѣ 1856, N 1, и въ Русской Бесѣдѣ 856, N. 2.

Нѣмецкій переводъ С. Рачинскаго изданъ въ Лейпцигѣ въ 1858 ду.

2. Дѣтскіе годы Багрова внука, служащіе продолженіемъ емейной хроники С. Аксакова. М. 1858. Въ тип. Каткова Ко, 8, VIII и 520 стр.

Отрывокъ былъ помѣщенъ въ Русской Бесѣдѣ 1857 г., кн. IV.

---

* Этотъ указатель — опытъ, который предлагаемъ для справокъ и свѣдѣній занимающимся Русскою Исторіею, прося ихъ дополнять и исправлять его. Записки иностранцевъ, бывшихъ и жившихъ въ Россіи, войдутъ въ особый, дополнительный списокъ, который составляется.

3. Литературныя и театральныя воспоминанія С. Т. Аксакова, въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., кн. 4, и 1858, кн. 1, 2 и 3.

4. Воспоминанія о Дмитріи Борисовичѣ Мертваго, въ Руск. Вѣстникѣ 1857, N. 5.

5. Разныя сочиненія С. Аксакова. М. Въ тип. Степановой, 1858, 8, 410 стр.

Сюда вошли лит. и театральныя его воспоминанія и другія статьи, между прочими нѣкоторыя по содержанію связанныя съ записками, именно: статьи о М. Н. Загоскинѣ, о М. С. Щепкинѣ, о Д. Б. Мертваго, и о заслугахъ Князя Шаховскаго въ драмат. словесности.

АЛЕКСАНДРОВЪ (Дурова Надежда Васильевна).

1. Кавалеристъ-дѣвица. Происшествіе въ Россіи. Издалъ Иванъ Бутовскій. Спб. 1836. Въ военной тип. 2 ч., 8, 289 и 292 стр.

2. Записки Александрова (Дуровой). Добавленіе къ Дѣвицѣ-кавалеристъ. М. 1839. Въ тип. Николая Степанова, 8, 362 стр.

БАШИЛОВЪ А. А. (умеръ въ сороковыхъ годахъ Сенаторомъ въ Москвѣ).

Екатерининскій Пажъ, отрывокъ изъ его записокъ, относящійся къ 1793 — 1797 г , напечатанъ въ Альманахѣ, изданномъ М. П. Погодинымъ при Москвитянинѣ, подъ названіемъ: На новый годъ (М. 1850, 12), на стр. 53—75.

Записки Башилова находились у М. П. Погодина и поступили въ И. Публичную Библіотеку; см. Отчетъ ея за 1852 г., стр. 52.

БОЛЛАРТЪ.

«Генералъ Боллартъ, сподвижникъ Петра I, дѣйствовавшій подъ Полтавою, велъ днедникъ, находившійся въ рукахъ Барона фонъ-Кампенгаузена; этимъ дневникомъ пользовался Бергманъ при составленіи Исторіи Петра Великаго.» (Изъ Москвитянина 1842 г., N. I, стр. 76).

БОЛОТОВЪ (р. 1738, у. 1833).

Записки Андрея Тимофѣевича Болотова. Т. I части I, II, III и IV. Спб. Въ тип. И. Глазунова и Комп. 1854, 8, 316 стр.

Это оттиски въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, записокъ, писанныхъ въ Петербургѣ. въ Пруссіи, во время похода Русскихъ при Елисаветѣ, и въ деревнѣ, изъ Отеч. Записокъ Т. 69 — 78 (1850 г.). Остальныя части (до 8) находятся тамъ же, Т. 74 — 76 (1850). Еще прежде отрывки были напечатаны въ Сынѣ Отечества 1839 г., N. 4 и 5. Новые отрывки, имѣющіе болѣе историческій интересъ, появлялись въ Библіотекѣ для чтенія 1857 — 1860 года.

О Болотовѣ, кромѣ записокъ его и словаря М. Евгенія и Снегирева и Энциклопедическаго, находимъ біографич. свѣдѣнія въ Земед. Газетѣ 1838, кн. 5-я, и въ Москвитянинѣ 1843 г., N. 5.

БУЛГАКОВЪ Алексѣй Яковлевичъ.

1. Воспоминаніе его о 1812 годѣ. по поводу статьи его же въ Сынѣ Отечества 1814 г. подъ заглавіемъ: Разговоры Неаполитанскаго Короля съ Гр. Милорадовичемъ на аванпостахъ. Окт. 1843 и N. 2, стр. 499 — 520, и отд.

2. Отрывокъ изъ Записокъ стараго дипломата Спб. 1857, 12. 23 стр. (Изъ Спб. Вѣдомостей N. 260).

Вторично съ дополненіями перепечатано въ Библіографическихъ Запискахъ ч. II (1858 г., N. 10 и 11), и въ отдѣльныхъ оттискахъ.

БУЛГАРИНЪ Ѳаддей Венедиктовичъ (р. 1789, у. 1855).

Воспоминанія Ѳаддея Булгарина. Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни, 6 ч. Спб. 1846 — 1849. Въ тип. Э. Праца и К. Крайя. Въ 12 дол., ч. 1-я XXIV и 336; 2 356 и листокъ нотъ; 3) 16 неп. и 414 стр. и карта Финляндіи; 4) IV и 392 стр.; 5 10 неп. и 344 стр.; 6 VIII и 326 стр.

Первыя три части изданы М. Д. Ольхинымъ; остальныя были напечатаны въ Библіотекѣ для чтенія т. 86 — 95 (1848 и 1849 г.).

Въ первыхъ двухъ частяхъ авторъ разсказываетъ о своемъ дѣтствѣ и воспитаніи въ 1 Кад. Корпусѣ, о Петербургѣ при Имп. Павлѣ и Александрѣ, о первой войнѣ съ Наполеономъ и войнѣ 1806, въ 4 и 5 Финляндская война 1808 и 1809.

Нѣмецкій переводъ (von E. V. Lemthal u. H. Clemenz) вышелъ въ Лейпцигѣ и Іенѣ въ 1859 г., въ 2 ч., 8.

Въ сочиненіяхъ его есть тоже статьи, имѣющія автобіографическій характеръ, на примѣръ: Встрѣча съ Карамзинымъ и другія.

ВИГЕЛЬ Филипъ Филиповичъ (сконч. въ Москвѣ, въ 1856 г., 70 лѣтъ).

Записки его о Петербургской его жизни, съ характеристиками современниковъ, поступили, по смерти его, 1856 г., въ Императорскую Публичную Библіотеку.

Письма его о Москвѣ напечатаны въ книгѣ Н. В. Сушкова: Московскій Унив. Пансіонъ (М. 1858, 4), стр. 8 — 25.

ВЕЛЬЯШЕВЪ-ВОЛЫЦЕВЪ Дмитрій Ивановичъ, математикъ и писатель (у. 1818 г.).

По свидѣтельству И. М. Снегирева, * «велъ подробный журналъ всѣмъ событіямъ современнымъ, содержащій въ себѣ много важнаго и любопытнаго.» Но гдѣ этотъ журналъ?

ВИСТИЦКІЙ (Свитскій Генералъ-Маіоръ).

Подробное описаніе расположенія дѣйствій и движеній корпуса Императорскихъ Россійскихъ войскъ подъ командою Генерала Римскаго-Корсакова въ Швейцаріи, составленное Свиты Его Импер. Величества по Квартирмейстерской части Генералъ-Маіоромъ Вистицкимъ 2-мъ въ 1803 году.

Изд. А. И. Хмельницкимъ въ Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древн. Россійскихъ, 1846, кн. 2, отд. II, стр. 1 — 42; VI, 42 и прилож. 43 — 66., и отдѣльно. Это, собственно, записки поденныя или журналъ.

ГАДЕБУШЪ Фридрихъ (р. 1719, у. 1788).

«Собственноручный журналъ (на Нѣмецкомъ языкѣ), веденный извѣстнымъ Лифляндскимъ историкомъ Гадебушемъ, съ 7-го Іюня по 21-го Ноября 1767-го года, во время пребыванія его въ Москвѣ, куда онъ былъ отправленъ депутатомъ отъ города Дерпта въ Коммиссію, для составленія новаго Уложенія.»

Находится въ И. Публ. Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ и упомянутъ въ Отчетѣ ея за 1853 г. (Спб. 1854), на стр. 44-й, въ числѣ приношеній Библіотекѣ частными лицами.

---

* См. его Воспоминаніе о В — вѣ въ Трудахъ Общества любителей Росс. Слов. 1822 г. ч. I, и его же Словарь Русск. писателей (М. 1838), стр. 175.

ГЛИНКА Сергѣй Николаевичъ (р. 1775, у. 1847).

1. Воспоминаніе. Изъ записокъ издателя «Русскаго Чтенія» Сергѣя Глинки. Спб. Въ тип. Штаба Отд. Корпуса внутр. стражи 1846, 8, 20 стр.

Отрывокъ, гдѣ говорится о знакомствѣ автора съ Херасковымъ, объ Гр. А. Орловѣ и проч.

2. Русское Чтеніе, издаваемое С. Глинкою. Отечеств. историческіе памятники XVIII и XIX столѣтій. Четыре выпуска. Спб. Въ тип. Штаба Отд. корпуса вн. стражи 1845, 8.

Воспоминанія его о видѣнномъ и слышанномъ, преданія о царствованіи Императрицы Екатерины.

3. Корпусныя воспоминанія. Въ Литерат. прибавленіяхъ къ Журналу Мин. Нар. Пр. 1843, стр. 4.

4. Добро отъ слова: ты, и бѣда отъ денегъ и отъ порученій (Воспоминанія изъ моихъ частныхъ и историч. записокъ). Статья С. Глинки въ Русск. Вѣстникѣ 1841, т. 3.

5. Екатерина Вторая на родинѣ моихъ отцовъ (Оттуда же). Рус. Вѣстникъ 1841, N. 8.

6. Записки о 1812 годѣ Сергѣя Глинки, перваго ратника Московскаго ополченія. Спб. Въ тип. Росс. Академіи 1836, 8.

ГНѢДИЧЪ Николай Ивановичъ (р. 1784, у. 1833).

Оставилъ записки, изъ которыхъ извлеченія сообщены Лобановымъ въ его статьѣ о немъ, въ Сынѣ Отеч. 1842, кн. 11, стр. 1 — 32.

ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ Логгинъ Ивановичъ (р. 1769, у. 1845).

«Собственноручный дневникъ, на Французскомъ языкѣ, Логгина Ивановича Голенищева-Кутузова за годы 1806 — 1820, 1823 — 1828 и 1831 — 1843, всего 34 книги, въ 12 д. л. Генералъ-Лейтенантъ Г.-К., умершій въ 1845 году въ глубокой старости, былъ, какъ извѣстно, одинъ изъ образованнѣйшихъ и остроумнѣйшихъ людей своего времени, и живя постоянно въ самомъ высшемъ кругу, имѣлъ возможность, по своимъ многочисленнымъ родственнымъ и дружественнымъ отношеніямъ, слѣдить за всѣми современными событіями и узнавать тайную ихъ связь и пружины. Дѣйствительно, дневникъ его, наполненный портретами болѣе или менѣе замѣчательныхъ

лицъ, анекдотами и наблюденіями, сколько острыми, столько же глубокими, представляетъ живой дагерротипъ почти сорокалѣтняго періода времени. Къ сожалѣнію, все это писано такимъ неразборчивымъ почеркомъ, скорѣе представляющимъ іероглифы, нежели обыкновенное письмо, что только долговременное изученіе и большой навыкъ могутъ дать нѣкоторый ключъ къ симъ загадочнымъ начертаніямъ.» Изъ Отчета И. Пуб. Библіотеки за 1854 годъ (Спб. 1855, стр. 58 — 57, въ извѣстіи о частныхъ приношеніяхъ. Записки эти подарены Е. Н. Ковядаевымъ).

Г.-К. былъ 2 сынъ Фельдмаршала, членъ Адмиральтействъ-Коллегіи, Предсѣдатель ученаго комитета Морскаго Министерства (съ 1827), членъ Рус. Академіи и писатель.

ГОЛИЦЫНЪ КНЯЗЬ Александръ Николаевичъ (р. 1773, у. 1842).

Загробныя записки Князя Николая Сергѣевича Голицына, изъ сказаній дяди его, Князя Алексадра Николаевича Голицына. Спб. Печатано въ Военной тип. 1859, 8, [illegible] стр. (Изъ Русс. Инвалида, N. 143 — 145).

Это оставшіяся послѣ Князя А. Н. Голицына (бывшаго Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, Д. Т. Сов.) неоконченныя краткія записки о его жизни; въ концѣ перепечатана (?) некрологія его, изъ періодич. изданій.

ГРЕЙГЪ Самуилъ Карловичъ (р. 1736, у. 1788).

1. Собственноручный журналъ Капитанъ-Командора (въ послѣдствіи Адмирала) С. К. Грейга въ Чесменскій походъ. Спб. Въ морской тип. 1850, 8, 72 стр.

2. Журналъ о подвигахъ Русскаго флота противъ Шведовъ 1788 года. Въ Сѣв. Архивѣ, ч. 8, N. 23 и 24 (1823 г.).

ДАВЫДОВЪ Денисъ Васильевичъ (р. 1784, у. 1839 г.).

Отрывки изъ его военныхъ записокъ о войнѣ съ Наполеономъ въ сочиненіяхъ его, изд. Смирдинымъ (Спб. 1848). Тутъ же и автобіографическій очеркъ, подписанный буквами О. О. Эти отрывки были напечатаны прежде въ журналахъ, особенно въ Библіотекѣ для чтенія, но есть еще неизданные. Новое изданіе его сочиненій, пополненное, напечано сыномъ его въ Москвѣ, въ 1860 г.

ДАНИЛОВЪ (р. 1722, у. 1790 г.).

Записки артиллерiи Маiора М. В. Данилова, написанныя имъ въ 1771 году, изд. П. Строевъ. М. 1842, 8, IV и 131 стр.

Относятся ко времени Императрицъ Анны и Елисаветы и любопытны для исторiи нравовъ.

ДАШКОВА Княгиня Екатерина Романовна (р. 1743, у. 1810).

1. Memoirs of the princess Daschkow, lady of honour to Catherine II, written by herself, comprising letters of the impress and other correspondence. In two volumes. London. 1840.

Нѣмецкiй переводъ Hamburg. 1857, 2 th., 8°.

Французскiй Paris 1860, 4 voll., 16, въ Bibliotheque Russe-Polonaise, изд. Франкомъ.

Прежде еще обѣщанъ былъ Французскiй переводъ редакцiею сборника: Revue Francoslave, котораго вышла только одна книжка (Paris. 1857, 8°).

Два отрывка на Русскомъ, переведенные г. Калайдовичемъ, помѣщены были въ Москвитянинѣ 1842 г. кн. I и II. Въ нихъ говорится о ея молодости и придворной жизни и путешествiи по Европѣ.

Другой отрывокъ этихъ записокъ, относящiйся до Академiи Наукъ, былъ сообщенъ Я. Гротомъ въ Современникѣ (г. Плетнева) 1845 г., N. 1.

Полнѣйшее извлеченiе и отчасти переводъ этихъ записокъ напечатанъ Д. И. Иловайскимъ въ бiографич. статьѣ о Дашковой въ Отеч. Запискахъ т. 126 и 127 (1859, N. 9 — 12). Еще прежде онъ напечаталъ въ Моск. Вѣдомостяхъ 1859, N. 52 статью: «Кн. Дашкова, Директоръ Академiи.»

П. И. Бартеневъ въ своемъ Указателѣ къ Москвитянину (при Временникѣ Имп. Общества Ист. и Др. Росс., кн 21), на стр. 29 замѣчаетъ: «Въ 1760 г., когда старшiй братъ Дашковой, въ послѣдствiи (1802) Госуд. Канцлеръ, ѣздилъ въ Парижъ и Мадритъ, она постоянно писала для него и пересылала ему журналъ всѣхъ новостей двора, города и войска.» (Неизвѣстно, сохранился ли этотъ драгоцѣнный журналъ).

8

ДЕРЖАВИНЪ Гавріилъ Романовичъ (р. 1743, у. 1816).

Записки Гавріила Романовича Державина 1743 — 1812. Съ литературными и историческими примѣчаніями П. И. Бартенева. Изданіе Русской Бесѣды. М. Въ тип. А. Семена 1860. 8, VI и 502. Съ снимкомъ (Изъ Русск. Бесѣды).

Писаны, когда ему было 70 лѣтъ, по памяти и заключаютъ въ себѣ его автобіографію и изображаютъ его какъ человѣка и чиновника и только немногими мѣстами какъ писателя. Въ примѣчаніяхъ опредѣлена хронологія его стихотвореній.

ДМИТРІЕВЪ Иванъ Ивановичъ (р. 1760, у. 1837).

Записки его извѣстны только по отрывкамъ, напечатаннымъ въ Москвитянинѣ:

1. Державинъ. Въ Москвит. 1842, I, 109 — 164.

2. Отрывокъ изъ записокъ И. И. Дмитріева (О Херасковѣ и супругѣ его. О своей болѣзни. О Карамзинѣ и началѣ Исторіи Государства Россійскаго; о преобразованіи, ею произведенномъ въ Русской Словесности, и о пріемѣ ея у насъ и за границею. О своихъ сочиненіяхъ. Въ Москвит 1844, I, 251 — 261. См. Указатель Бартенева, стр. 54).

3. Знакомство Дмитріева съ Карамзинымъ. Москвит. 1841, I, 31 — 38.

4. Въ Словарѣ Достоп. людей Бантышъ-Каменскаго, ч. II (Спб. 1847) сообщена біографія Карамзина «изъ разсказовъ и записокъ, сообщенныхъ другомъ его, И. И. Дмитріевымъ.»

5. Отрывокъ, относящійся ко времени восшествія на престолъ Императора Алексаандра I, находится въ статьѣ А. Н. Аѳанасьева въ Русск. Вѣстникѣ 1860 г., N. 1.

ДОЛГОРУКАЯ Княгиня Наталія Борисовна (р. 1714, у. монахинею въ 1771).

Урожденная Кн. Шереметева, въ замужствѣ за Княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ (ум. 1739).

Въ статьѣ П. Пекарскаго: «Русскіе мемуары XVIII вѣка», въ Современникѣ т. 50 (1855, N. 4), на стр. 67 сказано: «Записки, сставленныя ею, въ первый разъ напечатаны въ 1810 году въ январской книжкѣ «Друга Юношества.» Въ концѣ ихъ прибавлено

нѣсколько словъ о послѣдующей судьбѣ ея и между прочимъ сообщенъ извѣстный анекдотъ объ обручальномъ кольцѣ, брошенномъ ею наканунѣ смерти въ Днѣпръ.

«Издатель Друга Юношества, Невзоровъ, увѣряетъ, что внукъ ея, Кн. Ив. Мих. Долгорукой, прислалъ къ нему самую вѣрную копію съ хранящагося у него подлинника, тогда какъ авторъ «Сказаній о родѣ Кн. Долгорукихъ,» именно говоритъ, что, къ сожалѣнію, должно замѣтить, что слогъ записокъ исправленъ былъ Княземъ Ив. Михайловичемъ.» Теперь подлинныя записки хранятся у правнука сочинительницы, Князя Дм. Ив. Долгорукова. Въ Другѣ Юношества журналъ Княгини заключаетъ описаніе ея молодости до пріѣзда съ мужемъ въ Березовъ.»

О Княгинѣ Долгоруковой есть еще извѣстія въ книгахъ: 1) Плутархъ для прекраснаго пола, ч. 6 и 7 (М. 1819), стр. 95—128; 2) К. Арсеньева, Царствованіе Петра II, стр. 130, 148; 3) Автобіографія Князя Ив. М. Долгорукова, въ Москвитянинѣ 1844, N. 11; 4) Сказаніе о родѣ Князей Долгоруковыхъ, гдѣ перепечатаны записки изъ Друга Юношества.

ДОЛГОРУКІЙ Князь Иванъ Михайловичъ (р. 1764, у. 1823).

1. Записки Князя И. М. Долгорукова (1775— 1778) въ Москвитянинѣ 1845, N 2, стр. 21 — 43, доставлены Кн. П. И. Долгоруковымъ. Они любопытны подробностями о Моск. Университетѣ; окончанія ихъ еще не издано; а начало съ 1764 г.: «Автобіографія отца моего,» находится въ Москвит. 1844 г., N. 11. Объ этихъ запискахъ см. замѣчанія П. П. Пекарскаго въ Современникѣ т. 50 (1855 г., N. 4), отд. II, стр. 79 — 80. Отрывокъ въ сочиненіяхъ Князя, изданныхъ Смирдинымъ (Спб. 1849), т. II, стр. 485. Еще отрывки помѣщены въ книгѣ:

2. Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой и его сочиненія. Статья первая. Его жизнь и характеръ, мои воспоминанія, Мих. Дмитріева. М. 1851, 8 (Изъ Москвит. 1851 г., N. 3). На стр. 277 сказано: «Съ 1788 Князь Долгорукой началъ собирать свои стихи, которые писалъ съ осмнадцатилѣтняго возраста, и въ томъ же году началъ писать исторію своей жизни или свои записки; ибо онъ съ самой молодости каждый, немного для себя важный, случай вносилъ въ записную книжку.»

ДОЛГОРУКІЙ Князь Юрій Владиміровичъ (р. 1738. у. 1830, Членъ Госуд. Совѣта).

Записки Князя Юрія Владиміровича Долгорукова съ собственноручнымъ его свидѣтельствомъ. Рукопись, упомянутая въ исчисленіи пріобрѣтеній Императорской Публичной Библіотеки отъ М. П. Погодина, въ Отчетѣ Библіотеки за 1852 г. (Спб. 1853), стр. 52

П. Пекарскій въ статьѣ: «Русскіе мемуары XVIII вѣка,» въ Современникѣ, т. 50 (1855, N. 4), отд. II, на стр. 77, указываетъ. что подлинникъ записокъ хранится у Кн. П. В. Долгорукова, который и напечаталъ изъ нихъ отрывки въ Сказаніяхъ о родѣ Князя П. Долгорукова (стр. 287 — 337), а въ Публичной Библіотекѣ копія.

Кромѣ этихъ записокъ, въ Публичной же Библіотекѣ, какъ видно изъ замѣчанія П. Пекарскаго, въ Современникѣ, т. 50 (1855, N 4, на стр. 77) есть также рукопись: «Журнальныя записки произшествіямъ во время экспедиціи Его Сіятельства Кн. Ю. В. Долгорукова отъ арміи Генералъ Маіора, въ Черную Гору, для учиненія оттуда въ Албаніи и Босніи непріятелю диверсіи.» Рукопись эта (на 39 л., по Каталогу Публичной Библіотеки, отд. IV, Q. N. 40) имѣетъ много любопытнаго въ историческомъ отношеніи.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ Иванъ Аѳанасьевичъ (р. 1638, у. 17..).

Записки его (1792—1709). писанныя въ видѣ дневника, изданы:

1. Туманскимъ, въ его Собраніи разныхъ записокъ и сочиненій для жизни Петра Великаго, ч. VII, стр. 88 — 290.

2. Дм Языковымъ: Записки Желябужскаго съ 1682 по 2 Іюля 1709. Спб. 1840 (См. Рецензію въ Отеч. Запискахъ, т. X 1840, отд. V стр. 62 — 70).

3. И Сахаровымъ, въ книгѣ: Записки Русскихъ людей. Спб. 1841.

Объ немъ и его запискахъ см. Пекарскаго статью: «Русскіе мемуары XVIII вѣка,» въ Современникѣ, т. 51 (1855 г., N. 5), отд II, стр. 50 — 57.

ЖИХАРЕВЪ Степанъ Петровичъ (у. 1860).

Записки современника съ 1805 по 1819 годъ. Часть I: Дневникъ студента. Спб. 1859, 12, II и 400 стр.

Печатались въ Москвитянинѣ, съ 1853 года (т. III — V (кн. I и V). Въ 1-й части, веденной въ Москвѣ съ 1

Іюля 1806, описывается Московская жизнь и лѣто въ Липецкѣ автора, бывшаго тогда студентомъ и занятаго въ особенности театромъ, которому и относятся преимущественно эти записки. Продолженіе, «Дневникъ чиновника,» веденный Жихаревымъ въ Петербургѣ въ 1807 году, печатался въ Отеч. Запискахъ 1855 (т. 110—02, гдѣ также помѣщены его же «Воспоминанія стараго театрала (1854 г, N. 10 и 11).

ИЗМАЙЛОВЪ Владиміръ Васильевичъ (р. 1773, у. 1830).

Измайловъ, писатель Карамзинской эпохи, велъ дневникъ, который, говорятъ, находится у писателя Бор. Ник. Ѳедорова.

КОНОВНИЦЫНЪ Графъ Петръ Петровичъ (ум. 1822), Генералъ отъ Инфантеріи.

О существованіи его записокъ есть указаніе Григ. Алексан Милорадовича въ N. 19 Библіографическихъ Записокъ 1858, стр. 443.

КОНОНОВЪ Александръ Акинѳіевичъ.

1. Изъ Записокъ его отрывокъ въ Библіографическихъ Запискахъ, т. II (1859, N. 10), стр. 305 — 312, перепечатанный въ Моск. Вѣдомостяхъ.

Здѣсь говорится о Кн. Шаховскомъ, В. А. Пушкинѣ, Хмельницкомъ и С. Н. Глинкѣ.

2. Захарьинъ. Изъ записокъ его, въ Моск. Вѣдомостяхъ 1859 г., N. 190.

3. Ѳедоръ Ивановичъ Линденеръ, и На ординарцахъ у Суворова въ Прагѣ. Въ Русск. Бесѣдѣ, кн. 19 (1860, N. 1), стр. 61—80.

4. По поводу статьи о Полевомъ въ Русск. Вѣстникѣ. Въ Русск. Словѣ 1860, N. 8, смѣсь, стр. 76 (Анекдоты о С. Н. Глинкѣ).

Воспоминанія о 1812 и 1813 годахъ. Въ Чтеніяхъ въ Импер. Общ. Истор. и Древ. Росс. 1860, кн. 3, смѣсь, стр. 223 — 237.

КОРЖЪ Никита Леонтьевичъ (р. 1734, у. 1835).

Устное повѣствованіе бывшаго Запорожца, жителя Екатеринославской губерніи и уѣзда, селенія Михайловки, Никиты Леонтьевчича Коржа. Одесса. Въ городской тип. 1842, 8, 6 (непомѣченныхъ) и 94 стр. Записано и издано Гавріиломъ, Архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ, со словъ Н. Л Коржа Запорожца, жителя Екатеринославскаго уѣзда, села Михайловки.

Содержаніе этихъ любопытныхъ записокъ слѣдующее: 1. Предисловіе издателя. О жизни Коржа. О началѣ села Михайловки. Права Запорожскія и законы. О смертныхъ казняхъ преступниковъ. О Запорожскихъ обычаяхъ и обрядахъ. Объ атакованіи Сѣчи. О началѣ г. Екатеринослава. О путешествіи Екатерины II. О редутахъ и фигурахъ Запорожскихъ. О стародревнихъ Запорожскихъ селеніяхъ, бывшихъ еще до атакованія Сѣчи.

КРЕКШИНЪ Петръ Никифоровичъ (р. 1784. у. 1763).

Объ немъ и сказаніи его о Петрѣ Великомъ говорится въ статьѣ П. Пекарскаго: «Русскіе мемуары XVIII вѣка», въ Современникѣ, т. 51 (1855. N. 5), отд. II, на стр 29 — 38. Смотри также въ 1-мъ томѣ Исторіи царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова, стр. XL. Первая часть его записокъ, отъ рожденія Петра до Сентября 1694. напечатана въ «Запискахъ Русскихъ людей», издан. И. Сахаровымъ (Спб. 1841).

КУРБСКІЙ Князь Андрей Михайловичъ.

Исторія Князя Великаго Московскаго (Іоанна IV) о дѣлѣхъ. яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима, въ «Сказаніяхъ Князя Курбскаго.» изданныхъ Н. Г. Устряловымъ въ 1833 г. (въ двухъ томахъ, 8, Спб., вторично въ 1842 г. (въ одномъ томѣ, въ больш. 8 д. л, изданіе исправленное и дополненное, Спб., въ типографіи Императ. Академіи Наукъ, съ портретомъ Грознаго).

ЛАНЖЕРОНЪ Графъ Людовикъ (Александръ Өедоровичъ. р. 1763. у. 1831).

Біографія Графа, родомъ Швейцарца, служившаго въ Россіи съ 1790 по 1831, въ «Словарѣ Достоп. людей Бантышъ Каменскаго,» ч. II (Спб. 1847), составлена по Запискамъ Графа, изъ которыхъ мѣстами сообщены отрывки. Въ концѣ біографіи (стр. 263) сказано, что бумаги Графа были сообщены автору г-мъ Полковникомъ Андро.

ЛЕВЕНШТЕРНЪ.

Въ книгѣ Милютина: «Исторія войны Россіи съ Франціею въ ц. Императора Павла I, въ томѣ 4-мъ, въ числѣ источниковъ (стр. 425). находимъ: «Записки (Мемуары) Г. М. Левенштерна. Хотя

записки эти не предназначены для публики, однако же беру смѣлость упомянуть о нихъ; ибо читатели найдутъ ссылки на этотъ источникъ въ нѣкоторыхъ главахъ моего сочиненія. Почтенный авторъ имѣлъ благосклонность дозволить мнѣ прочесть ту часть рукописи своей, гдѣ разсказываетъ онъ событія 1799 года. Служивъ въ то время молодымъ еще офицеромъ въ Кирасирскомъ полку Воинова (Стародубскомъ), г. Левенштернъ былъ очевидцемъ отступленія корпуса Римскаго-Корсакова отъ Цюриха и послѣдующихъ дѣйстій его; а потому показанія его весьма важны, какъ человѣка наблюдательнаго и образованнаго.»

Подробностей о Левенштернѣ и его запискахъ болѣе не находимъ въ этой книгѣ. Онъ только упомянутъ въ разсказѣ о сраженіи 26-го Сентября при Дисенгофѣ (гл. 64).

Вѣроятно, эти записки изданы на Нѣмецкомъ: D. Löwenstern's Waldemar. Denkwürdigkeiten eines Livländers. Aus den Jahren 1790—1815. Herausg. von Smitt. Leipzig u. Heidelberg. 2 Bd. 1858, 8°.

ЛИВЕНЪ Баронесса Дарья Христіановна, урожденная Бенкендорфъ.

Въ Мѣсяцословѣ 1858 годъ (стр. 261) сказано, что она оставила записки о своей жизни.

ЛОПУХИНЪ Иванъ Владиміровичъ (р. 1756, у. 1816).

Объ его запискахъ упомянулъ Митрополитъ Евгеній въ своемъ «Словарѣ Свѣтскихъ Писателей» (II, 36), и привелъ отрывки Бантышъ Каменскій въ «Словарѣ достоп. людей», т. III (М. 1836) стр 210 и сл. Записки эти любопытны свѣдѣніями о Новиковѣ и его дѣлѣ и разсказомъ о слѣдствіи надъ Духоборцами. Изъ нихъ также заимствованы свѣдѣнія о Лопухинѣ въ статьѣ Воейкова: «Воспоминанія о селѣ Савинскомъ и о добродѣтельномъ его хозяинѣ,» въ Новостяхъ литерат. 1825, Май, стр. 65—90, и сообщены выписки въ статьяхъ о Новиковѣ А. М. Лазаревскаго въ Сборникѣ, изд. Спб. студентами (Спб. 1857), I, 324, и А. Н. Аѳанасьева въ Библіографическихъ Запискахъ, т. I (1858, N. 6). Настоящее заглавіе ихъ:

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Д. Т. Сов. и Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. Въ 2-хъ частяхъ. Напечатаны въ Чтеніяхъ въ Импер. Общ. Исторіи и Древн. Росс, въ Москвѣ, 1860 г., кн. 2-й 3-й, и особо,

О. М. Бодянскимъ, съ собственноручнаго подлинника, присланнаго сочинителемъ въ Декабрѣ 1810 г. въ Архивъ Государственной Коллегіи (нынѣ Московскій Архивъ Министерства) Иностранныхъ Дѣлъ «Изъ нихъ ни одно мѣсто, ни одно выраженіе. даже слово не исключены, но все въ нихъ именно въ томъ самомъ видѣ, какъ въ подлинникѣ,» оказано въ предисловіи издателемъ оныхъ.

Біографія Лопухина. А. Н. Аѳанасьева, въ Архивѣ Калачова 1860 года.

МАРКОВИЧЪ Яковъ Андревичъ (р. 1696, у. 1770).

Дневныя записки съ 1716 по 1768 годъ Малороссійскаго Подскарбія Генеральнаго Якова Марковича. Изданіе Александра Марковича. 2 ч. М. 1859, 8, XIV, 520 и 415 стр., съ портретами Я. А. Марковича и Н. М Скоропадской, супруги Гетмана.

Марковичъ, воспитанникъ Кіевской Академіи, занималъ довольно значительныя должности въ Малороссіи, записывалъ большею частію, мелочныя обстоятельства. переписывалъ указы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оставилъ намъ много указаній о разныхъ лицахъ и случаяхъ, черты нравовъ, хронологическія данныя и цѣнный матеріялъ для Исторіи Малороссіи. Впрочемъ, записки эти изданы не въ подлинномъ ихъ видѣ

Статья объ этой книгѣ: 1) М. Семевскаго, въ Библіотекѣ для чтенія, т. 158 (1860, N. 4); 2) въ Современникѣ, т. 81 (1860. N. 5).

МАТВѢЕВЪ Графъ Андрей Артамоновичъ (р.1766, у. 1728).

Объ немъ и его запискахъ см. въ статьѣ П. Пекарскаго въ Современникѣ, т. 51 (1855, N. 5), II, 38—50. Объ нихъ также сообщены свѣдѣнія въ книгахъ: 1) Труды Общества Исторіи и Др. Росс. (статья Малиновскаго), ч. 6, стр. 33—99 и 261—275; 2) Терещенка Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностран. дѣлами въ Россіи, ч. I (Спб. (1837), стр. 71—121 и 237—252; 3) Исторія о невинномъ заточеніи боярина Артамона С Матвѣева, стр. 392—397; 4) Бантыша-Каменскаго Словарь, ч. 3 (М. 1836), стр. 287 — 300; 5) С. Н. Глинки Русскій Вѣстникъ, 1808, N. 1, и 1809, N. 5.

Записки его о Стрѣлецкомъ бунтѣ напечатаны были: 1) Туманскимъ въ Собраніи разныхъ записокъ и сочиненій о Петрѣ Великомъ, ч. I. (Спб. 1787), стр. 110 — 229, и ч. VI; 2) Сахаровымъ въ книгѣ: Записки Русскихъ людей, Спб. 1841. и 3) въ журналѣ Маякъ ч. XIV и XV (1841 г), безъ имени автора.

МЕДВѢДЕВЪ Сильвестръ, монахъ (у. 1690).

Записки его, относящіяся до Стрѣлецкаго бунта, напечатаны Сахаровымъ въ книгѣ, изданной въ 1841 въ Петербургѣ подъ заглавіемъ: Записки Русскихъ людей. Событія временъ Петра Великаго, въ тип. Сахарова, 8. Есть списки болѣе полные, нежели напечатанный.

МЕНШИКОВЪ Князь Александръ Даниловичъ (р. 1673, у. 1729).

Въ Отеч. Запискахъ, Свиньина, т. 6 (1821), стр. 364 сказано: «Въ Моск. Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ хранится въ оригиналѣ журналъ Князя А. Д. Меньщикова, веденный разными приближенными къ нему особами, какъ то можно полагать по разности рукъ, въ немъ примѣчаемыхъ. Онъ состоитъ изъ осьми большихъ книгъ, начатъ въ 1716 году и продолжается до 8 числа Августа 1727 года, т. е., оставленъ только за мѣсяцъ до паденія сего знаменитаго вельможи.»

Для образчика сообщена выписка изъ трехъ послѣднихъ дней журнала, стр. 365—366.

МИНИХЪ Баронъ Бурхардтъ Христофоръ (р. 1683, у. 1766).

Въ Раутѣ, кн. 3 я, сборникѣ, изд. Н. В. Сушковымъ (М. 1854, стр. 201—203), изъ бумагъ Храповицкаго напечатана выписка, сдѣланная имъ для И. Екатерины, о содержаніи или главнѣйшихъ предметахъ дневника, веденнаго Минихомъ съ 1-го Генваря 1733 по 1741. Изъ этого краткаго перечня видно, что эти записки очень важны и любопытны. Но гдѣ онѣ теперь?

Дневникъ его похода въ Крымъ въ 1735 — 1736 г. изданъ подъ его именемъ въ книгѣ: Beiträge zur Geschichte des Russ. Reichs, von Hermann, Leipzig, 1843, 8. Если это точно дневникъ Миниха, на что нѣтъ положительныхъ указаній, то это, можетъ быть, часть рукописи, указанной въ Раутѣ. По извѣстію же, сообщенному мнѣ Академикомъ А. А. Куникомъ, дневникъ этотъ веденъ былъ Юнкеромъ, членомъ Спб. Академіи Наукъ.

МИНИХЪ Графъ Іоаннъ Эрнестъ Д. Т. Сов. (р. 1707, у. 1788).

Записки Графа Миниха, сына Фельдмаршала; писанныя имъ для дѣтей своихъ. Спб. 1817. Въ тип. Н. Греча, 8, 233 стр.

МУСИНЪ-ПУШКИНЪ Алексѣй Ивановичъ (р. 1744, у. 1817 г.).

Графъ, служившій въ молодости въ военной службѣ, потомъ при Дворѣ Церемоніймейстеромъ, бывшій Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода (съ 1791 г.), Президентомъ Академіи (1796), Сенаторомъ, извѣстный собиратель древностей, издатель нѣсколькихъ историческихъ памятниковъ, по указанію К. Ѳ. Калайдовича, велъ дневникъ. Вотъ это указаніе: *

«Со времени увольненія его въ чужіе краи, то есть, съ 1772 года, началъ онъ повседневную записку о всемъ, гдѣ былъ и что любопытнаго замѣтилъ, а особливо касательно художествъ, которую и продолжалъ до возвращенія своего въ отечество Потомъ вторично началъ со вступленія его къ Высочайшему Двору въ должность Церемоніймейстера, то есть, съ 1775 года, вносилъ въ оную всѣ, до свѣдѣнія его доходившія, историческія и политическія происшествія и анекдоты.»

Собраніе рукописей и книгъ Графа почти все сгорѣло въ 1812 году, въ Москвѣ. Въ статьѣ Калайдовича ничего не сказано о судьбѣ его записокъ.

НАЩОКИНЪ Василій Александровичъ (р. 1707, у. 1761).

Записки В. А. Нащокина (1712—1759). Спб. Въ тип. Академіи Наукъ, 1842, 8, 384 стр.

Издалъ Д. Языковъ, писаны оффиціальнымъ тономъ, лаконически; въ нихъ находимъ подробности о семействѣ Нащокина, извѣстія иностранныя, реляціи о движеніяхъ войскъ. Въ приложеніяхъ нѣсколько актовъ и любопытныхъ примѣчаній издателя.

МОРДВИНОВЪ Семенъ Ив. Адмиралъ (р. 1700, у. 1777).

Оставилъ Записки о своей жизни и службѣ, хранящіяся въ Библіотекѣ Гидрографическаго Департамента подъ N. 10,792. Это указано въ Запискахъ Департамента ч. 6, стр. 429, въ біографіи Мордвинова.

---

* Изъ статьи: Записки для біографіи Графа М. П. въ Вѣстникѣ Европы. ч. 72, (1813 г. N. 21 и 22), стр. 77.

НЕВЗОРОВЪ Максимъ Ивановичъ (р. 1762 или 1763, у. 1827).

Отрывокъ Записокъ его (1817 года), по О. А. Поздѣеву, о Московскомъ масонствѣ и опровerженіе книги Блуменека о свободн. каменщичествѣ, напечатанъ былъ въ Библіографическихъ Запискахъ, т. I, (1858 г. N. 21), стр. 643 и слѣд. Подробная біографія Невзорова сообщена П. А. Безсоновымъ въ Русск. Бесѣдѣ, т. III (1856 г.).

НЕПЛЮЕВЪ Иванъ Ивановичъ (р. 1693, у. 1773).

Записки Неплюева о Петрѣ Великомъ напечатаны: 1) въ Дѣяніяхъ Петра Великаго, Голикова, изд. 2-е, т. XV, стр. 248—270) сокращенно, и 2) Свиньимъ въ Отеч. Запискахъ части XV, XVI, XIX, XX, XXI, XXII, XXIV и XXV (1823 — 1826 годовъ).

Объ нихъ говоритъ Пекарскій въ статьѣ: «Русскіе мемуары XVIII вѣка», въ Современникѣ, т. 50 (1855, N. 4), отд. II, стр. 63—66. На стр. 65 онъ замѣчаетъ: «Не смотря на увѣреніе Свиньина, что онъ напечаталъ ихъ безъ перемѣнъ, можно сомнѣваться въ этомъ, какъ по тому, что нѣкоторыя мѣста, помѣщенныя у Голикова, не сходны по складу и манерѣ съ тѣми, которые читаемъ въ Отеч. Запискахъ, такъ и по тому, что языкъ записокъ у Свиньина, за исключеніемъ немногихъ Славянскихъ словъ и нѣкоторыхъ выраженій, мало напоминаетъ время, въ которое жилъ ихъ авторъ.»

ПЕТРОВЪ М. М.

1. Черта изъ войны 1812 года. Изъ записокъ М. М. Петрова Въ Москвитянинѣ 1844, т. I, стр. 269 — 270.

2. Разсказы стараго воина о его службѣ (Извлеченіе изъ записокъ Воронежскаго дворянина М. Петрова). Въ Москвитянинѣ 1843 г. (ч. III), кн. V, стр. 126 — 160, и кн. VI, стр. 442 — 500.

П. И Бартеневъ, въ своемъ Указателѣ къ Москвитянину (во Временникѣ Общества Ист. и Др. Росс., кн. 21, 1855 года), такъ обозначаетъ содержаніе записокъ: «О службѣ предковъ и родственниковъ. Подробности о Генералѣ Львѣ Антиповичѣ Тургеневѣ (1828), о Лейбъ-Медикѣ Вилье, объ Александрѣ Яковлевичѣ Сукинѣ, Комендантѣ Спб. крѣпости, о Денисѣ Васил. Давыдовѣ, о Генералѣ Карпенковѣ и проч.»

И. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Журналъ или поденная записка блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго съ 1698 года даже до заключенія Нейштатскаго мира. Напечатанъ съ обрѣтающихся въ Кабинетной архивѣ списковъ, правленныхъ собственною рукою Е. И. Величества. Спб. въ тип. И. Акад. Наукъ. Ч. I (1770) неполн. и 430 стр., ч. II (1772), 191 стр. и «Приложенія или оправдательныя 3 письма,» съ предувѣдомленіемъ до 763 стр. Объ нихъ см. Пекарскаго статью: «Русскіе мемуары XVIII вѣка», въ Современникѣ. т. 51 (1855, N. 5), отд. II, стр. 57 — 62; на стр. 54 читаемъ: «По повелѣнію Государя, Кабинетъ-Секретарь Макаровъ составилъ изъ черновыхъ записокъ Государя и доставленныхъ отъ разныхъ лицъ документовъ, Сборникъ извѣстій о войнѣ съ Швеціею, и поднесъ его на разсмотрѣніе Петра. Шесть разъ трудъ Макарова подвергался собственноручнымъ передѣлкамъ Императора и въ такомъ видѣ остался въ бумагахъ послѣ смерти его. При Екатеринѣ I одна часть Журнала, обнимающая событія съ 1698 по 1715 г. приготовлялась къ печати, но, неизвѣстно по чему, не была издана. Наконецъ Щербатовъ, по порученію Екатерины II, разобралъ бумаги въ Кабинетѣ покойнаго Государя и издалъ какъ эту часть, такъ и вторую, съ прибавленіями, съ 1715 г. до Нейштатскаго мира, т. е., 1721 года.» Смотри объ этомъ весьма важномъ историческомъ источникѣ въ 1 т. Исторіи царствованія Петра Великаго, Устрялова. Въ статьѣ его же объ историч. трудахъ Петра Великаго, помѣщенной въ книгѣ: «Годичный актъ въ И. Спб. Университетѣ, бывшій 8 Февраля, 1845,» стр. 41 — 60.

ПЛАТОНЪ Митрополитъ (р. 1737, у. 1812).

1. Записки Митрополита Платона находились у М. П. Погодина и поступили въ И. Публичную Библіотеку. См. Отчетъ за 1852 г., стр. 52.

2. Въ Москвитянинѣ 1849 года, книга IV, стр. 27 — 40; XIII, 1 — 24. XVIII, 31 — 41; XXIV, 69 — 79 напечатана: Жизнь Платона, Митрополита Московскаго. Это есть собственныя его записки, начинающіяся съ рожденія и до 25 марта 1799 года.

3. Путешествіе Высокопреосвященнѣйшаго Платона, Митрополита Московскаго и разныхъ орденовъ Кавалера, въ Кіевъ и по другимъ Россійскимъ городамъ въ 1804 году,

собственною рукою съ замѣчаніями его писанное. Иждивеніемъ бывшаго при особѣ его Кол. Секретаря и Кавалера Г. Новосильскаго. Спб. въ Медиц. тип. 1813, 8, 76 стр.

ПОРОШИНЪ Семенъ Андреевичъ (р. 1741, у. 1769).

Семена Порошина Записки, служащія къ Исторіи Его Императорскаго Высочества Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, Наслѣдника Престола Россійскаго. Спб. Въ тип. К. Крайя 1844, 8, 563 и XVIII стр., съ портретомъ автора, спискомъ съ автографа Павла Петровича и двухъ писемъ Митрополита Платона.

Семенъ Андреевичъ Порошинъ, Дворянинъ, уроженецъ Кунгура, воспитанникъ Кадетскаго Корпуса, Флигель-Адъютантъ И. Петра III-го, 28 Іюня, 1762, назначенъ былъ Кавалеромъ или Дядькою при В. К. Павлѣ Петровичѣ, и, намѣреваясь писать біографію Государя, велъ краткій дневникъ съ 20 сент. 1764 по 13 Генв. 1766 года. Въ 1768 году онъ былъ назначенъ Командиромъ Старооскольскскаго пѣхотнаго полка и на походѣ въ Турцію умеръ на 29 году жизни.

Отрывокъ изъ его записокъ былъ въ Вѣстникѣ Европы ч. 52, (1810 г., N. 15), стр. 193.

Записки изданы В. Порошинымъ, Профессоромъ Спб. Университета и писателемъ (Спб. Въ т. Крайя 1844, 8), съ немногими пропусками, если сравнить ихъ съ рукописью, хранящеюся въ Московскомъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.

ПУЩИНЪ Иванъ Ивановичъ (р. 1798, у. 1859).

Въ Библіографическихъ Запискахъ, т. II (1859 г., N. 8), стр. 251 Е. Якушкинъ впервые повѣстилъ, что «послѣ покойнаго остались записки, большая часть которыхъ посвящена воспоминаніямъ о Лицеѣ и о Пушкинѣ. Симпатическая личность автора, его трагическая судьба, безпристрастіе и теплота разсказа, даютъ этимъ запискамъ особенное значеніе.»

Отрывокъ изъ нихъ, о дружественныхъ связяхъ его съ Пушкинымъ, былъ напечатанъ въ Атенеѣ 1859 г., т. II, стр. 500—537.

РАСТОПЧИНЪ Графъ Ѳедоръ Васильевичъ (р. 1765, у. 1826).

Путешествіе по Пруссіи, отрывокъ изъ Записокъ, напечатанъ въ Москвитянинѣ 1849, N. 1, 10, 13, 15. Въ сочиненіяхъ Графа, изд. А. Смирдинымъ, нѣтъ его.

Подлинникъ находится въ числѣ рукописей И. Публичной Библіотеки (См. Отчетъ ея 1852, стр. 52).

По свидѣтельству А. Я. Булгакова, * Графъ оставилъ Записки о своей жизни. Можетъ быть, извѣстіе о смерти И. Екатерины II, напечатанное въ Лейпцигѣ и въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Истор. и Древ Росс. 1860 года, отд. V, стр. 165 — 166, кн. 3 «подъ заглавіемъ: «Послѣдній день Императрицы Екатерины II-й и первый день царствованія Императора Павла 1-го,» есть отрывокъ изъ нихъ.

ТАРАКАНОВА.

Въ краткой описи предметовъ, составляющихъ Русскій музей П. Свиньина (въ его Отеч. Запискахъ, т. 39-й, 1829 г. N. 111) на стр. 68 упомянуты:

Записки такъ называвшейся Принцессы Таракановой.

Это, вѣроятно, не что иное, какъ извѣстія о ней, взятыя изъ иностранныхъ печатныхъ источниковъ и хранившіяся во многихъ собраніяхъ рукописей. Въ Русск. Бесѣдѣ 1859 г., кн. 6-я, напечатана записка и письма объ ней Графа Орлова, а за тѣмъ статья о ней М. Н. Лонгинова въ Русск. Вѣстникѣ 1860, N. 2.

ТАТИЩЕВЪ.

Въ Отеч. Запискахъ, П. Свиньина, ч. 39 (1829 г.), стр. 65, сказано о Запискахъ Капитанъ-Командора Татищева, временъ Анны Ивановны, которыя были въ музеѣ Свиньина. Куда они дѣвались?

Это могли быть записки Алексѣя Даниловича Татищева (1760), бывшаго при Аннѣ Ивановнѣ Д. Каммергеромъ и устроивавшаго памятный ледяной домъ, а при Елисаветѣ Петровнѣ назначеннаго Генералъ-Поручикомъ и Генералъ-Полиціймейстеромъ и наконецъ Генералъ-Аншефомъ (См. Словарь Бантышъ-Каменскаго, Петерб. изданія, ч. III, стр. 394).

ТИМКОВСКІЙ Илья Өедоровичъ.

Мое опредѣленіе въ службу. Въ Москвитянинѣ 1852 года.

«Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны драгоцѣнныя во всѣхъ отношеніяхъ, и особенно для Исторій нашего просвѣщенія, Записки Директора Новгородъ-Сѣверской Гимназіи, Ст. Сов. Ильи Өед. Тим-

* См. Отеч. Записки, т. 26 (1826 г.), стр. 79.

ковскаго. Они состоятъ изъ трехъ частей. Въ 1-ой описано первоначальное дѣтство и ученіе въ Переяславской Семинаріи; во 2-й пребываніе въ Кіевской Академіи и въ Моск. Университетѣ; въ 3-й поступленіе на службу въ С. Петербургѣ, при посредствѣ И. И. Шувалова. Въ послѣдней части изложены подробности о частной жизни Шувалова. Разсказы Шувалова о Ломоносовѣ, о Моск. Университетѣ, о пребываніи своемъ за границею, о Екатеринѣ и пр. и объ его обществѣ (Державинъ). Дмитріевъ, Козодавлевъ, Шишковъ, Оленинъ и друг.). Каждое слово тутъ драгоцѣнно, какъ чистое историческое золото. Записки писаны справедливо и ясно, прекраснымъ стариннымъ слогомъ. Авторъ, недавно умершій, писалъ ихъ уже въ преклонной старости, въ 1850 и 1857 годахъ, въ Малороссійской деревнѣ своей, Турановкѣ. Въ дополненіе къ 3 части (самой любопытной) находится особая замѣтка объ Александрѣ Борисовичѣ Куракинѣ, при которомъ авторъ служилъ Секретаремъ.» Записки помѣщены въ Москвит. 1852, кн. XVII, стр. 1—26 и XVIII, 27—69. Изъ Указателя къ Москвитянину, изданному П. И. Бартеневымъ при Временникѣ Общества Ист. и Др. Росс. т. 21, на стр. 42). Памятникъ Ивану Ивановичу Шувалову, основателю и первому Куратору Импер. Моск. Университета. Въ Москвитянинѣ 1851 г., кн. 9 и 10 (Май), стр. 1—49). Разсказы о Моск. Профессорахъ и Университетѣ, продолженіе записокъ Ильи Ѳ. Тимковскаго.

ФОНЪ-ВИЗИНЪ Денисъ Ивановичъ (р. 1744, у. 1792).

Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ. Въ его сочиненіяхъ, изд. Смирдина. Спб. 1846, стр. 479—516.

Прежде было напечатано въ Спб. Журналѣ 1798 г.

ХАНЕНКО Николай Даниловичъ, Генеральный Хоружій (у. 1760 г.).

Извѣстіе о семейномъ Архивѣ Господъ Ханенковъ, въ Москвит. 1852 г., N. XIX, стр. 96. Здѣсь говорится о Дневникѣ Николая Даниловича Ханенка, который оставилъ собственно два Дневника; одинъ изъ нихъ:

Діаріушъ или Журналъ, т. е., повседневная записка случающихся при дворѣ Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра Гетмана Іоанна Скоропадскаго, оказій и церемоній, съ Генваря 1722 по 6 Іюня того же года, веденный Войсковой

Канцеляріи Старшимъ Канцеляристомъ Николаемъ Ханенкомъ, напечатанъ въ 1 кн. Чтеній въ Импер. Общ. Исторіи и Древн. Россійск. 1858 г., въ V отд. (и отдѣльно), съ Историч. свѣдѣніемъ о сочинителѣ издателя (О. М. Бодянскаго), XXI и 74 стр. О другомъ Діаріушѣ или Журналѣ, веденномъ подъ именемъ Партикулярнаго Журнала или для памяти повседневной записки съ 9-го Ноября 1719 по 29 Генваря 1754 г., сказано въ этомъ же свѣдѣніи, что онъ содержитъ въ себѣ много чрезвычайно любопытныхъ извѣстій, хотя и меньше обработанъ перваго Діаріуша, и приготовляется къ печатанію въ Чтеніяхъ тѣмъ же самимъ издателемъ.

ХРАПОВИЦКІЙ Александръ Васильевичъ (р. 1749, у. 1801).

Его Записки (съ 18 Генваря 1782 по 1 Августа, 1786), писанныя имъ, когда онъ былъ Статсъ-Секретаремъ при И. Екатеринѣ II, помѣщены въ Отечественныхъ Запискахъ, П. Свиньина, 1821 — 1828 годовъ, части 7, 18, 20, 21, 24, 27, 31 и 33.

Записки эти напечатаны невполнѣ.

Въ предисловіи помѣщено краткое біографич. извѣстіе о Храповицкомъ. Біографія его есть также въ Словарѣ достоп. людей Бантыша-Каменскаго, т. III (1849); кромѣ того статья о немъ, съ отрывками изъ его бумагъ (стихи и проза). писанная его племянникомъ, Н. В. Сушковымъ, напечатана въ изданномъ имъ сборникѣ: Раутъ, книга III (М. 1854), стр. 125 — 162. Въ Москвитянинѣ 1844 г., N. 11, помѣщено извѣстіе о сохранившихся у Н В. Сушкова бумагахъ Храповицкаго. О напечатанныхъ запискахъ Храповицкаго см. также Указатель статей въ Отечеств. Запискахъ, составл А. Н. Аѳанасьевымъ, въ Архивѣ, изд. Калачовымъ, книга II, половина II (М. 1854), приложеніе II, стр. 35 — 37. Старчевскій, въ своемъ Очеркѣ литературы Русской Исторіи (Спб. 1845), на стр. 258, пишетъ, что подлинныя записки Храповицкаго, въ 2 ч., поднесены были Н. В. Сушковымъ Государю Наслѣднику. Списки ихъ находятся у многихъ, но вѣрнѣйшіе, по увѣренію самаго Сушкова, были у А. И. Тургенева и у Свиньина. Этому послѣднему онѣ доставлены И. И. Дмитріевымъ, получившимъ ихъ въ подарокъ отъ Храповицкаго.

Копіи съ этихъ записокъ есть у А. Д. Черткова (См. его Всеобщая Библіотека Россіи, прибавленіе 2-е, N. 1845), стр. 438, и въ библіотекѣ Графа А. С. Уварова Изъ послѣдняго списка нѣсколько

мѣстъ сообщены въ Атенеѣ 1858, N. 26, въ Библіографич. Запискахъ т. II (1859, N. 5 и 19), въ Русской Рѣчи 1861 г. N. 39, стр. 565 — 568.

ЧИЧАГОВЪ Василій Яковлевичъ, Адмиралъ.

Военныя дѣйствія Россійскаго флота противъ Шведскаго, въ 1788, 89 и 90 годахъ, почерпнутыя изъ дневныхъ записокъ и донесеній Главноначальствовавшаго надъ онымъ, Адмирала Чичагова. Издалъ съ примѣчаніями своими А. Ш. (А. С. Шишковъ). Спб. 1826, 8, 291 стр.

Издатель говоритъ въ началѣ книги, что, по неимѣнію никакихъ подробныхъ о первой кампаніи (1788) свѣдѣній, я опишу оную кратко. Вторая почерпнута изъ записокъ Адмирала Чичагова. Третья тоже, но съ подробнѣйшими обстоятельствами, поелику въ оной былъ я самъ дѣйствующимъ лицемъ и свидѣтелемъ всѣхъ проишествій. Подъ заглавіемъ: Дѣйствіе Россійскаго корабельнаго флота, во время трехъ военныхъ кампаній противъ Шведскаго. Эти записки были напечатаны П. Свиньинымъ, въ его Отеч. Записк. ч. 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24 и 25 въ N. 46, 1824 года, а конецъ въ N. 69 1826 года).

ЧИЧАГОВЪ Павелъ Васильевичъ (у. въ Парижѣ 1 сентября 1849 г., 84 лѣтъ).

1. Relation du passage de la Bérésina par un officier présent à l'affaire l'écrite d'abord en anglais et tratuite en français par un anonyme 1814, in 8°; см. Quérard, France litt. t. 9, p. 589. Tzitchagoff. Изъ Bibliotheque russe-anglaise, С. Д. Полторацкаго I, стр. 19.

2. Inedited memoirs of the admiral Chichagoff, въ Foreign quarterly Review. N. 53, Апрѣль, 1841, vol. 27, стр. 38 — 56.

Отрывокъ на Французскомъ въ Esprit des Revues anglaises, redigé à Paris par Constantin. N. 1, Juiellet 1841. I (8). p. 12 — 21.

L'Incendie de Moscou et le comte Rostopschine, par l'amiral Tchitschagoff (Extrait de l'Histoire inédite de la campagne de Russie). D'Athenaeum Français. de 1855, N. 1.

4. Les mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff. Campagne de la Russie en 1812 contre la Turquie, l'Autriche et la France. Publiés par M. Ch. du Bouzet. Dans la Revue contemporaine. C. XVIII (15 et 31 Mars, 1855).

Перепечатано въ Лейпцигѣ отдѣльною брошюрою.

ШАХОВСКОЙ Князь Яковъ Петровичъ (р. 1705, у. 1777).

Записки Князя Якова Петровича Шаховскаго, писанныя имъ самимъ. 2 ч. М. Въ Т. Всеволожскаго 1810, 8, 259 и 251 стр.; 2 изданіе 2 ч. Спб. Въ Т. И. Глазунова 1821, 8, 183 и 187 стр. съ портретомъ.

Изданы Ник. Серг. Всеволожскимъ. Есть также жизнь Кн. Я. П. Шаховскаго. М. Въ тип Селивановскаго, 1810, въ 12 д. л., съ портретомъ. Изданіе Матушкина. Въ Каталогѣ Черткова, I (М. 1838) стр. 50 сказано, что это сочиненіе Радищева.

ШИШКОВЪ Александръ Семеновичъ (у. въ 1841 году, 87 лѣтъ).

Краткія записки Адмирала А. Шишкова, веденныя имъ во время пребыванія его при блаженной памяти Государѣ И. Александрѣ Первомъ въ бывшую съ Французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну. Изданіе второе. Спб. въ тип. Росс. Академіи, 1832, 8, 12 неп., 299 и II стр.

1 изд. тамъ же, 1831, 8.

Нѣмецкій переводъ: Memoiren des Admirals Chichkoff.... aus dem russ. von Karl Goldhammer. Leipzig. 1832, 8.

«Пятнадцать памятныхъ тетрадей А. С. Шишкова» неизвѣстнаго содержанія, упомянуты въ числѣ пріобрѣтеній И. Публичной Библіотеки, въ Отчетѣ ея за 1852 г., стр. 53.

ЩЕРБАТОВЪ Князь Михайло Михайловичъ (р. 1733. у. 1790).

Оставшіяся отъ извѣстнаго нашего историка бумаги, между которыми были разныя статьи о Россіи и историческія записки его (о поврежденіи нравовъ въ Россіи), открыты были и частію изданы М. П. Заблоцкимъ (у. 1859 г.). Нѣкоторыя изъ этихъ статей напечатаны въ Библіографич. Запискахъ, т. I (1858, N. 13) и II (1859, N. 12 — 15), въ Отеч. Запискахъ 1859 (N. 12), выписки въ статьѣ М. П. Щепкина, въ Моск Вѣдом. 1859, N. 142, 143, 154, 172 и 177, также въ статьѣ С. В. Ешевскаго, въ Атенеѣ 1858, N 3; но полнѣе всего, именно, почти всѣ его неизданныя сочиненія, напечатаны. съ предисловіемъ, О. М. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древн. Россійск. 1860, кн. 3, отд. II: Статистика въ разсужденіи Россіи, стр. 96, и 1860, кн. I, отд. II: Разныя сочиненія

Кн. М. М. Щербатова (10-ть), 140 стр., и отдѣльно оттуда же; неизданными осталось только два, изъ коихъ одно, говорятъ, напечатано гдѣ-то за границей.

По указанію Князя П. В. Долгорукова, въ его Росс. родосл. книгѣ (I, 119), Князь Щербатовъ «собранные имъ документы и бумаги оставилъ зятю своему, Сенатору Матвѣю Григорьевичу Спиридову.»

ЭНГЕЛЬГАРДТЪ Левъ Николаевичъ (р. 1766, у. 1836).

Записки Льва Николаевича Энгельгардта. М. Въ тип. Каткова и К. 1860. 8, II и 180 стр. (Изъ Русскаго Вѣстника).

Авторъ этихъ записокъ, Смоленскій дворянинъ, Курляндскаго рода, служилъ въ Преображенскомъ полку Адъютантомъ у Потемкина (съ 1783 г.), Секундъ-Майоромъ въ иррегулярныхъ войскахъ (1785), участвовалъ въ походѣ въ Турцію и въ Польской кампаніи 1792, въ 1798 пожалованъ въ Полковники, въ 1799 въ Генералъ-Маіоры и вышелъ въ отставку; въ 1806 служилъ въ ополченіи. Записки его, въ которыхъ онъ разсказываетъ не только свою жизнь, но и отгадываетъ современныя ему происшествія и лица, особенно интересны съ 1779 до царствованія Павла Петровича. Особенно весьма любопытны разсказы о Потемкинѣ и Турецкой войнѣ.

Открылъ и издалъ ихъ Н. В. Путята, съ объяснительными примѣчаніями М. Н. Лонгинова.

ЯЗЫКОВЪ Дмитрій Ивановичъ Академикъ (р. 1773, у. 1845).

П. Пекарскій, въ своей статьѣ: «Русскіе Мемуары XVIII вѣка,» въ Современникѣ, т. 50 (1855 г., N. 4), отд. II, на стр. 82 говоритъ:

«Бантышъ-Каменскій, въ біографіи Дмитрія Ивановича Языкова (Словарь достоп. людей, т. 3 (Спб. 1847), стр. 574—603), приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ Записокъ покойнаго Академика, веденныхъ имъ съ 1839 по 1844 годъ.» (Гдѣ теперь эти записки, и какое будетъ сдѣлано изъ нихъ употребленіе, къ сожалѣнію, неизвѣстно).

ЯКОВЛЕВЪ А. А.

Походный журналъ 1711 года, съ описаніемъ сраженія подъ Прутомъ, въ Отеч. Запискахъ Свиньина, ч. XIX, XX и XXIII.

СБОРНИКЪ.

Записки Русскихъ людей. Событія временъ Петра Великаго. Спб. Въ тип. И. Сахарова, 1841, 8, неп. VIII, 94, 128, 116, VIII и 126 стр.:

1. Записки гр. Андрея Артамоновича Матвѣева (р. 1666, у. 1728) о первомъ Стрѣлецкомъ бунтѣ 1682.

2. Записки Петра Никифоровича Крекшина (р. 1684, у. 1763), первая часть, отъ рожденія Петра до сент. 1694 года.

3. Записки Ивана Аѳанасьевича Желябужскаго (р. 1638, у....) о времени отъ 1682 по 2 Іюля 1709 г.

4. Записки монаха Сильвестра Медвѣдева (у. 1690).

5. Записки Петра Ивановича Гордона (р. 1638, у. 1699) — отрывокъ 1684 и 1685 г, февраля 28, переведенный съ копіи подлинныхъ записокъ.

Кромѣ записокъ Крекшина, все это было напечатано Ѳ. Тумансккмъ въ его Собраніи записокъ... но И. П. Сахаровъ передалъ ихъ по другимъ спискамъ и снабдилъ біографическими свѣдѣніями, примѣчаніями, указателями и приложеніями.

Дѣльную рецензію на этотъ сборникъ см. въ Отеч. Запискахъ т. X (1840 г), отд. V.

Соревн. **Г. Геннади.**

ДВА АКТА

О СПОРѢ ШУЯНЪ СЪ КРЕСТЬЯНАМИ СЕЛЪ ИВАНОВА И ВАСИЛЬЕВСКАГО О ПЕРЕЕМНЫХЪ ПОШЛИННЫХЪ ДЕНЬГАХЪ ЗА РАЗНЫЕ ТОВАРЫ И ПРОДУКТЫ ВЪ 1666 ГОДУ.

Представляемые при семъ акты, какъ единственно рѣдкіе остатки старинныхъ торговыхъ свѣдѣній о селѣ Ивановѣ, Шуйскаго уѣзда, я съ своей стороны нахожу интересными по тому, что они указываютъ намъ торговое и промышленное значеніе въ старину селъ Васильевскаго и въ особенности Иванова, въ которомъ въ настоящее время значительно развита торговля и мануфактурно-ситцевое производство. Споръ Ивановцевъ съ Шуянами за торговые и промышленные интересы, продолжавшійся за двѣсти лѣтъ до сего времени, повторился нынѣ вновь и продолжается съ большею силою и настойчивостью. Враждебныя отношенія Иванова къ Шуѣ, а особливо ко вновь возникшему Вознесенскому посаду, и обратно, извѣстны читающей и торговой публикѣ изъ разныхъ газетъ и журналовъ, особенно видно изъ перваго нумера «Промышленнаго Вѣстника» за 1860 годъ.

АКТЫ.

1.

Государю Князю Якову Куденетовичу (Черкаскому) холопъ твой Лучка Ялагинъ * челомъ бьетъ. Нынѣшняго, Государь, 174 году Іюня

* Составитель сей отписки, Лука Ялагинъ, по всей вѣроятности, былъ управляющимъ Ивановскимъ Князя Черкаскаго крестьянами; таковое жъ лице представляетъ и Борисъ Шалыевъ надъ крестьянами с. Васильевскаго, какъ видно изъ словъ акта. Въ настоящее время село Васильевское въ числѣ промышленныхъ селъ Шуйскаго уѣзда занимаетъ послѣ Иванова непослѣднее мѣсто,

въ 14 день прислана ко мнѣ, холопу твоему, твоя, Государева, грамота, по челобитью Шуянъ, посадскихъ людей, Ивана Лисина да Гаврила Карпова съ товарищи, а въ грамотѣ написано, что писалъ къ тебѣ, Государю, къ Москвѣ Борисъ Шалыевъ села Васильевскаго и деревень крестьянъ челобитную на Шуянъ, посадскихъ людей, на него, Ивана Лисина, да на Петра Зубкова и на всѣхъ посадскихъ людей, въ переемныхъ пошлинныхъ деньгахъ, да въ помѣрномъ въ улишномъ хлѣбѣ, да во брани и въ побоѣхъ. И по твоему, Государеву, челобитью, прислана Великаго Государя грамота зазывная въ Шую, къ Воеводѣ Семену Степановичу Ушакову; велѣно ему Суздальскихъ твоихъ, Государевыхъ, вотчинъ, села Васильевскаго и села Иванова про разоренье и про обиды сыскать большимъ повальнымъ обыскомъ, а изъ Шуянъ, посадскихъ людей, выбравъ одного человѣка, ково они излюбятъ, въ твоемъ Государевѣ иску, въ двухстахъ семидесятъ рублехъ, давъ на поруку съ записью, велѣно выслать къ Великому Государю, къ Москвѣ, къ суду, къ отвѣту. И на Москвѣ тебѣ, Государю, Шуяне, посадскіе люди, Иванъ Лисинъ да Гаврило Карповъ и всѣ посадскіе люди, били челомъ, чтобъ ты, Государь, велѣлъ въ тѣхъ обидахъ своимъ, Государевымъ, крестьяномъ съ ними, посадскими людьми, сыскаться домашнимъ сыскомъ, и которые твои, Государевы, крестьяне въ томъ на нихъ будутъ челобитчики, чтобъ имъ дали съ ними очную ставку, и съ очныхъ ставокъ раздѣлка учинить, и раздѣлався, принести бъ въ Шую, въ съѣзжную избу, мировую челобитную, и мнѣ бъ, холопу твоему, свѣстясь съ Борисомъ Шалыевымъ, ѣхать въ Шую и говорить Шуяномъ, посадскимъ людямъ, чтобъ они въ обидахъ твоихъ, Государевыхъ, крестьянъ села Иванова и села Васильевскаго сыскались въ правду и во всемъ раздѣлались. Да буде Шуяня, посадскіе люди, сыщутся въ правду и твоимъ, Государевымъ крестьяномъ убытки заплатятъ, и мнѣ, холопу твоему, написать мировую челобитную и подать въ съѣзжей избѣ, и на чомъ Шуяня посадскіе люди, и съ твоими, Государевыми, крестьяны раздѣлаются и каковы мировые челобитные подадутъ, и о томъ бы мнѣ, холопу твоему, отписать къ тебѣ, Государю, къ Москвѣ. И по твоему, Государеву, указу и по грамотѣ сказывалъ я, холопъ твой, села Иванова и деревень пашеннымъ и непашеннымъ крестьяномъ, и которые почасту въ Шую съ торженцомъ волочатца не на одинъ сходъ, что если кому отъ Шуянъ, посадскихъ людей, въ переемныхъ пошлинныхъ деньгахъ и въ помѣрномъ хлѣбѣ, и брани и побояхъ, и

какая въ томъ обида и налога, и мнѣ, Государь, холопу твоему, села Иванова и деревень крестьяня, старосты и цѣловальники и всѣ крестьяня, и которые съ товаренкомъ * въ Шую почасту таскаются, сказывали на сходахъ, что отъ Шуянъ, де, посадскихъ людей, имъ, крестьянамъ, обиды и налоги нѣтъ, и никово не бранивали и не бивали, и въ таможнѣ, де, пошлину съ нихъ емлютъ пососѣдски, и лишнева ничево не емлютъ, и съ людьми, де, ихъ сторонними не верстаютъ, для ради твоего, Государева, имени и на нихъ, де, на Шуянъ, посадскихъ людей, въ обидахъ и въ переемныхъ пошлинахъ тебѣ, Государю, не били челомъ, и Борису Шалыеву про обиды на Шуянъ, посадскихъ людей, не говаривали, и жалобы, де, къ нему отъ нихъ не бывало. А что до села Васильевскаго и деревень крестьяномъ отъ Шуянъ, посадскихъ людей, какая обида и налоги есть ли, или нѣтъ, того, де, они не вѣдаютъ и не слыхали. И я, холопъ твой, по твоему, Государеву, указу, свѣстясь съ Борисомъ Шалыевымъ, въ Шую ѣздилъ, и Борисъ Шалыевъ въ Шуѣ при мнѣ, холопѣ твоемъ, съ Шуяны, съ посадскими людьми, села Васильевскаго крестьянъ къ очной ставкѣ никово не ставилъ, и Шуяномъ объ роздѣлкѣ ничего не говорилъ, и впредь онъ, Борисъ Шалыевъ, поставилъ ли ково къ очной ставкѣ исцовъ, или нѣтъ, того я, холопъ твой, не вѣдаю. А мнѣ, Государь холопу твоему, съ посадскими людьми сдѣлка чинить было не въ чемъ, потому что твоихъ, Государевыхъ, крестьянъ исцовъ ни въ какомъ дѣлѣ на Шуянъ, посадскихъ людей, нѣтъ, и я, холопъ твой, въ Шуѣ въ съѣзжей избѣ села Иванова и деревень отъ крестьянъ подалъ челобитную въ томъ, что твои, Государевы, села Иванова крестьяня на Шуянъ, посадскихъ людей, не челобитчики; а какову, Государь, я, холопъ твой, въ Шуѣ въ съѣзжей избѣ подалъ челобитную, и съ той челобитной списокъ слово въ слово послалъ къ тебѣ, Государю, къ Москвѣ, подъ сею отпискою Іюня въ 24 день.

2.

Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу бьютъ челомъ сироты

---

* Изъ одной челобитной 1691 года, хранящейся у меня, крестьянина села Иванова Трифона Григорьева, видно, что родъ промысла его былъ продажа въ Холую холстовъ.

твои Суздальскаго уѣзду, вотчины Боярина Князя Якова Куденетовича Черкаскаго, села Иванова крестьянишки, старостишко Андрюшка Игнатьевъ, да цѣловальничишко Климко Левонтьевъ крестьянишка Игошка Панфиловъ, Андрюшка Ѳедоровъ, Ивашко Самсоновъ, Якушка Акинеьевъ, Елька Ивановъ, Митька Купріяновъ, Ивашко Исаковъ, Трошка Ивановъ, Ивашко Кормиловъ, Логинко Лукьяновъ, Ивашко Андреевъ, Лучка Ѳедотовъ, Сенька Анкиндиновъ, Андрюшка Антипьевъ, Васька Антоновъ, Емелька Еремеевъ, Игошка Семеновъ, и всѣ крестьяне села Иванова и деревень. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 174 году, Марта въ 5 день, по челобитью Государя нашего, Князя Якова Куденетовича, прислана твоя, Великаго Государя, грамота зазывная въ Шую, къ Воеводѣ къ Семену Степановичу Ушакову, по Шуянъ, посадскихъ людей, по Ивана Лисина съ товарищи, что велѣно ихъ выслать къ тебѣ, Великому Государю, къ Москвѣ, въ нашихъ общихъ и въ переемныхъ пошлинныхъ деньгахъ и въ улишномъ помѣрномъ хлѣбѣ, и въ брани, и въ побоѣхъ къ суду, къ отвѣту въ иску въ двухъ стахъ семедесяти рубляхъ. И мы, сироты, съ ними, Шуяны, посадскими людьми, въ ссорахъ своихъ сыскались, что намъ, сиротамъ твоимъ, отъ нихъ, отъ Шуянъ, посадскихъ людей, большихъ обидъ нѣтъ, и нынѣ мы, сироты твои, тебѣ, Великому Государю, на нихъ, Шуянъ, посадскихъ людей, не челобитчики и не истцы. А буде, Государь, намъ, сиротамъ, отъ нихъ, Шуянъ, посадскихъ людей, какая въ чемъ обида и налога будетъ, тогда тебѣ, Великому Государю, и челобитьишко наше будетъ. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожалуй, Государь, насъ, сиротъ, вели челобитьишко наше въ Шуѣ, въ съѣзжей избѣ, принять и записать; Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

А позади подлинной челобитной:

Села Иванова Воздвиженской попъ Михайло, по ихъ мірскому велѣнью, сиротъ и крестьянъ, руку приложилъ.

174 году въ 25 день записано челобитье.

Оба подлинные акта (списки) писаны на столбцахъ и хранятся у меня.

Соревн. **Влад. Борисовъ.**

ОПЫТЪ
ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ
И ОТНОШЕНІЕ ЕГО КЪ БЫТУ И ЯЗЫКУ
РУССКАГО НАРОДА. [1]

Эту пѣснь мы хлѣбу поемъ,
Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь отдаемъ,
Слава!

Первоначальная, полудикая жизнь почти всякаго народа раздѣляется на два главные періода, быта кочеваго и пастушьяго и быта осѣдлаго, земледѣльческаго, и эти два періода оставляютъ слѣды свои не только въ филологическомъ изученіи языковъ, но и въ языческихъ вѣрованіяхъ всѣхъ народовъ. Къ первой эпохѣ относятся обоготворенія неба и свѣтилъ, по преимуществу; извѣстно, что первыми нашими Астрономическими свѣдѣніями мы одолжены пастухамъ.

[1] Главными основами къ этой статьѣ послужили: V глава Исторіи Нѣмец. языка Гримма и статья Профессора Бѣляева: «Нѣсколько словъ о земледѣліи въ древней Россіи» (Временникъ кн. 22). Въ филологическомъ же отношеніи пользовался: Русск. и вообще Слав. язык. Словарями Рейфа, Шимкевича, Алексѣева, древ. Словар. Нѣмец. въ Сказан. Русск. народа, Словаремъ Областныхъ нарѣчій, Сербск. Словар. Вука Стефановича и Вольтиджи, Французск. Boiste, Лат.-Франц. чсать, Латышск. Stender, Нѣмец. Heise и 10-ю первыми выпусками Словаря Братьевъ Гриммовъ.

Съ введеніемъ хлѣбопашества, обоготвореніе земли, какъ матери кормилицы, беретъ верхъ надъ богами неба, или сливается съ ними въ символическомъ всеоплодотворяющемъ бракѣ, творческой силы мужа (неба) и производительной силы женщины (земли).

Всѣ народы почитали хлѣбъ Божіимъ даромъ; Нѣмцы называютъ его gottes gave, gottes gabe. Какъ у насъ Божій хлѣбъ и [1] богатство, имѣвшіе, вѣроятно, смыслъ, подобно Чешскому zboží, хлѣбное изобиліе, урожай, почему у насъ и пословицы: «У кого хлѣбъ родится, тому и веселиться (тому и жениться); все добро за хлѣбомъ: дорогой товаръ изъ земли растетъ; животинка водится, гдѣ хлѣбъ родится,» и проч., указывающія всѣ на то, что въ хлѣбѣ и богатство. При жатвѣ хлѣба оставлялось въ Германіи нѣсколько колосьевъ въ честь Frau Gode (или gute Frau), и тотъ же обычай повторяется въ Литвѣ въ честь Ругія баба (Ругія, рожь), а у насъ въ честь Волота или Волоса. [2] У южныхъ Славянъ сохранились донынѣ дѣвичьи пляски и игры, при наступленіи жатвы, гдѣ одна дѣвушка, убранная колосьями и полевыми цвѣтами, разыгрываетъ роль какой-то царицы, или богини земныхъ плодовъ; ее зовутъ Додола, Драгайка, Пополуга (Плуга?).

У насъ, въ Россіи соотвѣтствуетъ сему обычаю обрядъ — украшать послѣдній снопъ, такъ называемымъ, имянинникомъ, разноцвѣтными лентами, или наряжать въ сарафанъ и кокошникъ, и носить такимъ образомъ съ плясками по деревнѣ, или на господскій дворъ, съ поздравленіемъ объ оконченной жатвѣ. [3]

Кромѣ сего обычая, не встрѣчается на Руси особыхъ жатвенныхъ празднествъ; но вѣроятно, что они перешли вмѣстѣ съ Новымъ Годомъ и осеннимъ праздникомъ Овсена на Васильевъ день и слились съ Колядами. Такъ встрѣчается 1-го Января обрядное вареніе первой гречневой каши изъ новыхъ крупъ, съ приговорами и замѣчаніями на будущій урожай; въ этотъ же день въ Великой и Малой Руси обрядъ обсыпанія яровымъ хлѣбомъ: дѣти ходятъ по избамъ съ поздравленіями и обсыпаютъ избы и самихъ хозяевъ зерновымъ хлѣбомъ съ пѣснями и приговорками:

---

1 Journal de Savants 1824, page 467.

2 Grimm, Mithologie, S. 1211.

3 Снегирева, Русс. Празд. IV, стр. 84.

Ходить Илья
На Василья,
Носить пугу
Житяную:
Де замахне —
Жито росте;
Роди, Боже,
Жито, пшеницю
Всяку пашницю,
Въ полѣ ядро,
А въ домѣ добро!

Хозяйки бережливо сохраняютъ эти разбросанныя зерна на будущій засѣвъ. Тотъ же обрядъ совершается и у Южныхъ Славянъ полажайникомъ въ Бадный вечеръ (канунъ Рожд. Хр.); при чемъ замѣчательно, что когда у насъ предвѣщается хозяину одно хлѣбное изобиліе, у Сербовъ, отъ пастушьяго періода, сохранилось и предвѣщаніе на изобиліе скота; и именно: полажайникъ, взявши кочергу, бьетъ ею чурбанъ догорающаго въ печи бадняка, такъ, чтобы искры летѣли, и, исчисляя всѣ роды скота домашняго, предвѣщаетъ хозяину ихъ по стольку, по скольку искръ съ бадняка по каждомъ ударѣ. Въ нашихъ свадебныхъ обрядахъ осыпаютъ также деньгами и хлѣбомъ новобрачныхъ, а также кладутъ ихъ на ржаные снопы, въ знакъ богатства и плодородія: «и постели слать, какъ завелось изстари, брать ржаныхъ сноповъ тридевять (Свадьба Василія Ивановича). Самый обычай поднесенія хлѣба-соли, какъ и разныя обычныя печенія хлѣбовъ и караваевъ, имѣютъ, вѣроятно, всѣ одинакое символическое значеніе, хотя временемъ оно частію вовсе утратилось.

Мы сказали выше о гречневой кашѣ 1-го Января; тотъ же обычай встрѣчается и въ, такъ называемыя, овинныя имянины, въ день Ѳеклы Заревницы: когда начинаютъ молотьбу новаго хлѣба, молотильщики угощаются въ овинѣ [1] новой кашей: «Хозяину хлѣба ворошокъ, молотильщикамъ каши горшокъ.

[1] У язычниковъ служили овины мѣстомъ молитвы: «и огневи молятся подъ овиномъ»; или же: «молятся подъ овиномъ.» Откуда, вѣроятно, и пословица: «Церковь не овинъ.» Но эти факты скорѣе относятся къ обоготворенію огнища и очага, чѣмъ къ земледѣльческому значенію овина, ибо овинъ не что иное, какъ печь, и въ происхожденіи своемъ имѣетъ близкое сродство съ Нѣмец. owen или Ofen, печь. См. ст. Бусл. о Русск. послов., стр. 26.

Какъ прежде, такъ и донынѣ, Русскій человѣкъ не любитъ опредѣленное астрономическое времяисчисленіе, и скорѣе означаетъ разныя времена года явленіями природы, или церковными праздниками и постами. Замѣчательно при этомъ то, что пожинки, дожинки или спожинки, т. е., жатва, падая у насъ на Успенскій постъ, приняла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ честь Богоматери́, названіе Госпожинки.

Такъ, вѣроятно, и Древне-Славянскія названія мѣсяцовъ относились не столько къ тому или другому мѣсяцу, какъ къ извѣстному времени года, время травъ, цвѣтовъ, жатвы, посѣва ихъ, что объясняется тѣмъ, что, на пр., имена: травенъ, цвѣтенъ, серпенъ относятся къ двумъ мѣсяцамъ, и по сему должны были различаться въ послѣдствіи прилагательнымъ малъ, или великъ травенъ, или серпенъ. Точно также и нынѣ нашъ крестьянинъ время малаго и великаго серпена, называетъ страдой или спожинками, время наибольшаго труда (страданія) и жатвы. Точно также принялъ у насъ Сентябрь имя бабьяго лѣта, праздника бабьихъ работъ, потому что съ этимъ мѣсяцемъ оканчиваются отчасти земледѣльческія работы мужчинъ, а начинаются работы женскія: заготовленіе льна, пряжи, рубка капусты, вареніе пива, соленье и прочія приготовленія зимнихъ припасовъ, возлагаемыхъ на дѣятельность домохозяйки.

Почти каждое занятіе имѣетъ, въ нашемъ сельскомъ быту, свои опредѣленные дни, и какъ для болѣе удобной памяти означается частію церковными праздниками, а частію и самими сельскими работами, то отъ этого въ народѣ многіе дни соединяютъ въ себѣ имя Святаго Угодника Православной Церкви съ наименованіемъ чисто земледѣльческаго происхожденія; такъ, на примѣръ:

Алёна — льяница.

Іеремія — запрягальникъ или запашникъ (запрягаютъ соху и начанаютъ пашню).

Ѳеодосія — колосница (начинаютъ хлѣба колоситься).

Акилина — гречишница (посѣвъ гречи).

Наталья — овсянница (поспѣваетъ овесъ).

Ѳекла — заревница (начало молотьбы и топка овиновъ).

Вообще, нѣтъ дня въ году нашего земледѣльца, съ которымъ бы не связывались разныя примѣты, замѣчанія и суевѣрія относительно хлѣбовъ и урожая, и наши народныя приговорки и пословицы, если намъ дозволено такъ выразиться, содержатъ въ себѣ полный курсъ

сельскаго хозяйства, съ совѣтами и предостереженіями, обрѣтенными долгимъ опытомъ и выраженными въ эпической формѣ простонароднаго поэтическаго и вѣрнаго взгляда Русскаго человѣка на природу. [1]

Первое свидѣтельство о земледѣліи въ Россіи встрѣчаемъ мы у Нестора, при осадѣ Древлянскаго города Коростеня, гдѣ Ольга говоритъ осажденнымъ Древлянамъ: «а вси грады ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя, а вы хочете измрети гладомъ.»

---

[1] «На Благовѣщенье дождь, родится рожь.
Идетъ дождь, несетъ рожь.
Пришелъ бы на Егорья морозъ, то будетъ просо и овесъ. Коли на Егорьевъ день морозъ, то и подъ кустомъ овесъ.
Коли Мартъ сухъ, да мокръ Май, будетъ каша и коровай.
Майская трава и голоднаго кормитъ.
Сѣй два тягла послѣ Егорья, а другой сѣй послѣ Іеремія.
Раннее яровое сѣй, когда вода сойдетъ, а позднее, когда калина въ цвѣтъ взойдетъ.
Лягушка квачетъ, овесъ скачетъ.
Соха ябедница, а борона праведница.
Когда яровое сѣю, тогда съ отдышкою и на стороны погляжу, а ржаной хлѣбъ сѣю, шапка съ головы свалится и той не подыму.
Сѣй подъ погоду, будешь хлѣбъ ѣсть годъ отъ году.
Сѣй хоть въ ненастье, а сбирай въ ведро.
Кто сѣетъ рожь на Флоровъ день, тому родятся флорки.
Овесъ говоритъ: топчи меня въ грязь, и я буду Князь.
Сѣй овесъ, когда дубъ развернется въ заячье ухо.
Не сѣй пшеницы прежде дубоваго листа.
Сѣй пшеницу въ день Симона Зилота, родится она яко злато.
Въ день Св. Алены принимайся и за лёны.
Рожь двѣ недѣли зеленѣетъ, двѣ колосится, двѣ отцвѣтаетъ, двѣ наливаетъ и двѣ засыхаетъ.
Въ день Ѳеодосьи Колосницы и рожь колосится.
Если на Петровъ день просо въ ложку, то будетъ и на ложку.
Красное лѣто — зеленый покосъ.
Одна пора сѣно косить.
Гречиху сѣй, когда рожь хороша.
Сударыня гречиха ходитъ барыней, а какъ хватитъ морозу, вели на колечій дворъ.
Не вѣрь гречихѣ по цвѣту, а вѣрь по закрому.

По всей вѣроятности, въ Россіи, какъ и въ прочей Европѣ, въ первыя времена земледѣльческаго періода, земли было много и хлѣбопашецъ завоевывалъ, такъ сказать, шагъ за шагомъ подъ нивы свои землю дикихъ лѣсовъ и степей и, не дорожа землею, поднималъ нови почти ежегодно.

Позднѣе человѣкъ сталъ болѣе цѣнить свой трудъ, и по мѣрѣ, какъ земледѣліе болѣе и болѣе распространялось, онъ уже не рѣшался навсегда покидать распаханныя поля, но, давъ имъ отдохнуть нѣсколько лѣтъ, снова возвращался на нихъ съ плугомъ и сохою, а наконецъ уже при недостаткѣ земли сократилъ этотъ срокъ перелога на одинъ годъ, и сталъ искуственнымъ удобреніемъ замѣнять долгій отдыхъ прежняго времени. Вотъ почему древнѣйшія названія отдыхающаго поля [1] носять въ себѣ смыслъ труда, ломки, чистки при подъемѣ новыхъ починокъ, какъ, на пр.: Нѣмец. brachfeld, отъ brechen (ломать), Француз. terre en friche, отъ Латинск. frangere, и наше древнее притерба или притереба; быть можетъ,

---

Овесъ въ кафтанѣ, а на гречихѣ рубахи нѣтъ.
До Ильина дня дождь — въ закромъ, а послѣ Ильина — изъ закрома.
Послѣ Петрова дня сѣно черное, хлѣбъ бѣлый (мокрое время).
Что посѣешь, то и пожнешь.
Мужики работаютъ плачучи, а хлѣбъ сбираютъ скачучи.
Не топоръ кормитъ мужика, а Іюльская работа.
Не поле кормитъ, а нива.
Тамъ и хлѣбъ не родится, гдѣ кто въ полѣ не трудится.
Горька работа, да сладокъ хлѣбъ.
Агей — пшеницу сѣй, у Ипата широка лопата.
Арсенія ждать съ дорогимъ горохомъ.
Жатва поспѣла и серпъ изостренъ.
Цѣпъ въ рукахъ, такъ и хлѣбъ въ зубахъ.
Новый хлѣбъ на Ильинъ день.
Ильинская соломка — деревенская перинка.
Батюшка Августъ крушитъ, да поле тѣшитъ.
Овсы и льны къ Натальину дню смотри.
Стогъ глубокъ, а хлѣбъ хорошъ.
См. Послов. Снегирева и Приб. къ нимъ Буслаева, въ Архивѣ Калачова.

[1] Наше выраженіе паръ и соотвѣтствующее ему Чешское auhor и úhor принадлежатъ уже позднѣйшему времени плодоперемѣннаго хозяйства, которое, по словамъ г. Бѣляева, является у насъ на Руси не ранѣе XV вѣка.

сюда относится и самое слово пахать. [1] Всѣ эти выраженія носятъ въ себѣ смыслъ трудной работы, а земледѣліе есть работа по преимуществу; не даромъ зоветъ нашъ крестьянинъ время земледѣльческой работы страдой, временемъ страданія и труда, откуда и пословицы: «Не топоръ кормитъ мужика, а Іюльская работа. Горька работа, а сладокъ хлѣбъ. Тамъ и хлѣбъ не родится, гдѣ кто въ полѣ не трудится. Батюшка Августъ крушитъ (работой также, какъ и жаромъ), а поле тѣшитъ.» Французск. laboure (паханіе) прямо указываетъ на labore, работа; Древне-Норманское же ar означаетъ и работу и хлѣбопашество; Нѣмец. Arbeit, Erbeit (Готск. arbeips-aropeit) употреблялось прежде въ томъ же смыслѣ: «Wenn du deine erbeit ein gesamlet hast vom felde.» Здѣсь должно замѣтить, что слова arbeit, labor, работа, принадлежатъ одному и тому же корню ar, [2] быть можетъ, отъ Санскр. ira, земля, откуда и Нѣмец. erde (Готск. airpa), [3] какъ обработка земли, откуда, съ одной стороны, понятіе владѣнія и наслѣдства въ Готскомъ arbia, Древне-Сакс. arfi (heres, filius), Нѣмец. Erbe (наслѣдникъ), а съ другой стороны понятіе рабства, въ Русскомъ рабъ, работа, въ смыслѣ господской работы — барщины, работы по преимуществу земледѣльческой; на то указываетъ и самое наше прозвище крестьянъ, называемыхъ древле ролейными закупами, соотвѣтствующее Чешскому ратай (работникъ, хлѣбопашецъ, pacht-knecht). Древнѣе, чѣмъ пахать и пашня, глаголъ орать: роля (ролня), орало (плугъ); его встрѣчаемъ мы не только во всѣхъ другихъ Славянскихъ языкахъ, но несомнѣнно узнаемъ его и въ Древне-Нѣмецкомъ, [4] Финскихъ и Литовскихъ нарѣчіяхъ; въ Латинскомъ соотвѣтствуютъ этимъ словамъ aratio, aratrum и arare; въ Нѣмец. языкѣ исчезъ древній корень, за исключеніемъ сложныхъ словъ artacker artfeld, т. е., запаханное поле.

Кромѣ имени роли, засѣянная земля называется и Несторомъ уже нивой. Это слово хотя и встрѣчается во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ,

---

[1] Гриммъ утверждаетъ, что Русск. пахать имѣетъ смыслъ arare — laborare.

[2] Deut. Wört. Братьевъ Гриммовъ, часть I, 538 стр.

[3] Гримма Deut. Mithol. 229 стр.

[4] Древ. Норм. ar-art-aratio-arton-arare, Готск. arjan-arida. Древ.-Нѣм. erida-arta, Литовск. arti, Латышск. arkes-art-arrajs-arkls; Ирланд. ar-arach; Валійс. arad-ara-

однаго вездѣ находится въ совершенномъ одиночествѣ и филологическомъ сиротствѣ, если такъ можно выразиться, за исключеніемъ двухъ или трехъ прямыхъ производныхъ словъ, какъ, на пр., ниварь у Беринды поселянинъ. Также нельзя и въ прочихъ Европейскихъ языкахъ отыскать никакого родства съ словомъ нива. Большею частію на всѣхъ Европейскихъ языкахъ перенесено на понятіе нивы древнѣйшее выраженіе пастушьяго періода, означающаго собственно безлѣсное, травяное пространство, пастьбище, поле.

Дѣйствительно, наше слово поле содержитъ въ себѣ понятіе обширнаго, открытаго пространства, въ противоположность лѣса, и только въ переносномъ смыслѣ означаетъ ниву; доказательство тому выраженіе поляны, поле битвы, полевые цвѣты, и эпитеты: широкое или чистое, придаваемые полю нашими сказками и пѣснями. Въ грамотахъ же выраженіе—польскіе города, въ смыслѣ степныхъ городовъ. Наконецъ рѣшаютъ дѣло пословицы: «Не поле кормитъ, а нива;» и: «Плугъ кормитъ, а лугъ портитъ,» гдѣ эти два понятія поставляются въ явномъ противорѣчіи другъ къ другу. Этому понятію поля соотвѣтствуетъ не только филологически тождественное ему Нѣмецк. feld, но и Латин. [1] campus и ager, [2] Франц. champ и acre, Нѣмец. acker, akker, наконецъ Нѣмец. todesacker, поле смерти, т. е., кладбище, явно указываетъ, что acker въ точномъ смыслѣ своемъ ни сколько не нива, и нуждается, какъ и feld, для точнаго опредѣленія пашни, прибавленія древняго затеряннаго названія нивы art въ сложныхъ выраженіяхъ artfeld, artacker. Такой же смыслъ пастьбища или поля имѣютъ, по самому происхожденію именъ своихъ, Литовско-Латышскія названія нивъ laukas—lauks, явно Латинск. lucus, Русскій лугъ. Наконецъ, если принять въ соображеніе, что по Сербски и Малорусски паша означаетъ пастьбище, то и самое наше Русское пашня и пахать не произошли ли отъ понятій пасти и пастьбище, отъ быта пастушьяго къ быту земледѣль-

---

dar; Эстон. adder-ahra, aura (плугъ); Финск. atra; Польск. orać-oracz-radlo-rolnik-rataj (хлѣбопашный работникъ); Серб. оратар-ратар-ралина (плугъ,-оранье и пр.

[1] Русск. поле, Финск. peldo, Эстонск. pöld, Латыш. päldo, Валаш. holda. Древне-Сакс. folda, Англо-Сакс. folde, Древ.-Нѣм. fold.

[2] Готск. akrs, Древне-Нѣмецк. achar-akr, Англо-Сак. äcer, Швед. åker.

скому? Такое, при первомъ взглядѣ, странное предположеніе могло
ı, однако же, найти отчасти свое подтвержденіе въ томъ, что, какъ
идимъ дальше, самая мысль обработыванія земли подана человѣку
отомъ: въ Египтѣ, на пр., послѣ посѣва пускался на поля [1], еще
›крытыя мягкою грязью отъ наводненія, всякій мелкій скотъ, для
го, чтобы ногами глубже втоптать въ землю разсѣянныя по ней
рна.

Важнѣйшее изъ всѣхъ орудій земледѣльчества есть то, которое упо-
ебляетъ человѣкъ для подъема и распашки земли подъ хлѣбный
сѣвъ, какова бы ни была его форма, устройство и названіе. Это
›удіе встрѣчается у всѣхъ народовъ древняго и новаго міра, и у
ıсъ, на Руси, названіе плуга упоминается уже въ Русской Правдѣ:
алъ ему господинъ плугъ и борону;» имя же сохи не встрѣчается
›ежде XIV века, также находимъ мы въ древности слова рола, ора-
а и рогали въ смыслѣ плуга или сохи. Геродотъ расказываетъ о
киѳахъ, что, по ихъ преданію, золотой, еще горячій, плугъ упалъ
ь неба; младшій изъ сыновей царскихъ одинъ въ силахъ былъ под-
ять его, почему и наслѣдовалъ всему Скиѳскому царству, а плугъ
дѣлался принадлежностью Царской власти. Точно также и въ Египет-
кихъ іероглифахъ въ рукахъ боговъ и царей встрѣчается плугъ, и
ь Древне-Французскомъ романѣ представленъ Король Угонъ (Hu-
on) своеручно пашущимъ золотымъ плугомъ. Когда вождь при-
ывается народомъ на диктаторство, послы находятъ его пашущимъ
вое поле; такъ, на пр., Римскій Цинциннатъ, [2] такъ Чешскій Пре-
ыслъ, и Марко Королевичъ въ Сербской пѣснѣ вѣшаетъ плугъ на
воздь, отправляясь на войну: «Узе Марко рало за крчало.»

Въ древнемъ Нѣмецкомъ правѣ означалась граница владѣнія бро-
аніемъ плуга, или топора: также испытывалась правда въ Божіихъ
удахъ хожденіемъ по раскаленнымъ углямъ; у насъ соотвѣтствуетъ
ему обычаю наше юридическое выраженіе для обозначенія какого
ибудь владѣнія: «Куда топоръ, коса и соха ходили по старинѣ.» [3]

Henri, Egypt. Pharaonig. tom. 2, pag. 91.

[2] Plin. 18, 4. «Aranti quatuor sua jugera in Vaticano, quae Prata Quinctia appellantur, Cincinnato viator attulit dictaturam, et quidem, ut traditur, nudo plenoque pulveris etiamnum ore.»

Liv. 3, 26. Quinctius ab aratro ad dictaturam arcessitus.

[3] Относительно значенія плуга, для обозначенія границы, замѣчательно народное преданіе о Троянскомъ валу: Огненный змѣй (постоянное олицетвореніе въ на-

Замѣчательно также, что у насъ, на Руси, встрѣчается какое-то миѳическое существо Плуги: кликали наканунѣ Богоявленія. «На вечери Рождества Христова и Богоявленія Коледъ, Плугъ и Усеній (Овсенъ) не кликати:» а въ другомъ мѣстѣ: «На вечери Богоявленія кликали Плугу.» [1]

Первую мысль о плугѣ подала человѣку, по словамъ Плутарха, свинья, роющая землю [2] рыломъ своимъ, а быть можетъ и другія животныя, копавшія землю то лапами, то рогами. Санскритское названіе волка vrka означаютъ раздирателя, а плугъ godârana, землераздиратель. Нѣмецкія сказки упоминаютъ о землероющемъ боровѣ; въ Сербскихъ о пашущей свиньѣ, во Французскихъ преданіяхъ о лисицѣ (roman de renard) встрѣчается пашущій волкъ; у Латышей есть загадка про плугъ: «медвѣдь сидитъ на полѣ въ желѣзныхъ башмакахъ» (копытахъ); наконецъ, въ Малороссіи загадка о плугѣ, гдѣ представляется онъ съ ногами: «стоитъ на дорозѣ, розложивъ обѣ нозѣ.» Латинское porca, борозда, явно совпадаетъ съ porcus, porca боровъ, свинья, какъ и Русское борозда, быть можетъ, имѣетъ отношеніе съ боровомъ. Въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ Германіи называется легкій плугъ (соха) Schweinsnase, по Англійски pigs-nose.

У насъ существовало древле-земледѣльческое орудіе—рогаліе: «азъ же пристроихъ 7 дній рогаліе, ими же копати землю» (говоритъ Несторъ). Въ Нѣмец. сагѣ встрѣчаемъ выраженіе: dem pfluoc begrifen

шихъ сказкахъ набѣговъ и враждебной силы всѣхъ Нехристовъ вообще) наложилъ дань на мирныхъ Задунайскихъ жителей, состоящую изъ живыхъ жертвъ, которыхъ приводили къ границѣ. Очередь напала разъ на молодаго Царевича, который, ожидая на назначенномъ мѣстѣ грознаго врага, обливался горючими слезами; по прохожая старушка, сжалившаяся надъ нимъ, дала ему совѣтъ бѣжать отъ змѣя, беспрестанно читая громко молитву Господню. Царевичъ, конечно, послушалъ совѣта, но уже ноги его стали подкашиваться и голосъ его задыхался, и чувствовалъ онъ уже палящій жаръ змѣиной пасти, когда узрѣлъ вдали кузницу и благополучно скрылся въ ней отъ преслѣдующаго врага; въ этой кузницѣ ковали Борисъ и Глѣбъ огромный плугъ; взявши Царевича подъ свое покровительство, они полонили змѣя, припрягли его еще къ горячему плугу и заставили провести
рую, съ тѣхъ поръ, никаı

1 Прибавл. къ II т. Соловье

2 Сравни слова рыть и ры

bi dein horn:» наконецъ, самое Латинское слово arator было въ первоначальномъ смыслѣ своемъ не что иное, какъ taurus, быкъ.

Рогъ, а отъ него и всякій рогатый скотъ, былъ во всѣхъ космогоніяхъ древности постояннымъ символомъ свѣта и его плодотворной силы, а позднѣе и земледѣлія; въ особенности получила корова это миѳическое олицетвореніе не только самаго материка земли, но и ея произрастительной силы.

Санск. go (сохранившееся въ Русскомъ говяда), въ тоже время обозначаетъ и корову и землю; всѣ богини земли и хлѣбопашества имѣютъ въ своихъ принадлежностяхъ и корову: такъ Египетская Изида представляется нерѣдко съ коровьей головой. Быкъ или, точнѣе сказать, волъ, встрѣчается также какъ аллегорическое изображеніе земледѣлія; такъ, на пр., Вакхъ представляется иногда съ бычачьей ногой, какъ изобрѣтатель хлѣбопашества; Варронъ называетъ вола вѣрнымъ спутникомъ земледѣльца, и во всѣхъ іероглифическихъ изображеніяхъ хлѣбопашества въ Египтѣ встрѣчаются и волы возлѣ изображенія Египетскаго плуга, houe. [1] Наконецъ, намъ нечего напоминать здѣсь о пользѣ воловъ и скота вообще въ дѣлѣ хлѣбопашества, но это объясняетъ отчасти, почему у насъ на Руси богъ скота, Волосъ, въ періодѣ земледѣлія, принялъ, по видимому, и покровительство надъ хлѣбами, если судить по обычаю завивать Волоткѣ бородку, или оставлять въ полѣ нѣсколько несжатыхъ колосьевъ Волотку на бородку. Замѣчательно, что древле человѣкъ нашелъ какое-то сродство въ понятіяхъ плуга и корабля; оба врѣзываются и пересѣкаютъ они землю, или воду, обоимъ присвоиваются принадлежности носа, хвоста и прочихъ частей животныхъ, и, вѣроятно, подобно Норманнскимъ кораблямъ, и древніе плуги украшались иногда изображеніями животныхъ. Поэты и донынѣ сравниваютъ нивы съ морскими волнами, и самая стихія воды и влаги имѣютъ въ себѣ плодотворное вліяніе на земную произрастительность (на прим., наводненіе Нила въ Египтѣ). Наши древнія пѣсни выразили эту мысль въ эпическомъ названіи «мать-сыра земля,» которое подтверждается не только Малоруской поговоркой: «Де мокру, тамъ росте,» т. е., «гдѣ мокренько, тамъ и растетъ,» но и многими нашими пословицами, какъ, на пр.: «Овесъ говоритъ: сѣй въ воду и въ пору,» или: «Сѣй меня въ грязь, и я буду Князь.» Наконецъ, на-

---

[1] Recherches sur le culte de Bacchus.

ходимъ мы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, вмѣсто обще-Европейскаго суевѣрнаго обряда, опахиванія полей и селъ отъ заразы и засухи, — обычай обвозить (вмѣсто плуга) вокругъ селъ и городовъ корабли и лодки. Тоже сближеніе корабля съ плугомъ замѣчаетъ Гриммъ и въ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ податяхъ и даняхъ, платившихся серебряными корабликами и плужками.

Теперь намъ отчасти и понятно будетъ, почему самое слово плугъ,[1] Нѣмец. Pflug, имѣетъ свое начало отъ Санскр. plava, корабль, и связывается, такимъ образомъ, происхожденіемъ своимъ съ глаголомъ плавать, плыть, подобно какъ по Латыни sulcus, борозда, и sulcare плавать.

Понятіе сѣмени и посѣва во всѣхъ языкахъ Европы имѣютъ общее однозвучное происхожденіе semen-saat-semer и проч. У Краинцовъ называется время посѣва Сейвиной, т. е., именемъ языческой богини хлѣбопашества Sieva;[2] въ Санскр.ситія есть жито, откуда и Сита, Индійская богиня хлѣбопашества, и Греческ. σῖτος въ тоже время и жито и прозвище Деметры. Хлѣбное сѣмя—зерно, Нѣмец. korn (Готск. kaurn), Латинск. granum въ Литовско-Латышск. нарѣчіяхъ žirnis, sirns переходитъ въ значеніе гороха, и точно также, какъ Латинское pisum (горохъ) сродственно съ понятіемъ pinso — piso — толочь, молоть, откуда и pinsor — хлѣбникъ, также и Литовск. žirnis, Славянск. зерно, Нѣмецк. Korn и Романск. grain переходитъ въ понятіе ручныхъ мельницъ (mola), въ выраженіяхъ Литовск. girna (множеств. girnos), Славянск. жорна (жорновъ), Нѣм. gvörn и Англосакс. gridon молоть;[3] въ Санскр. džrî значитъ молотъ, откуда-и слово džirna, терка (tritus), которое, по видимому, осталось не безъ вліянія на образованіе Славянск. жорна и Литовск. girna. Какъ зерно въ тоже время и плодъ хлѣбнаго растенія, то Нѣм. korn, Француз. grain, Итал. grano (въ особенности во множествен. числѣ), какъ плодъ, значеніе еще не моло-

---

1 Готское pfluoc, древне-Нѣм. pluge, Шведск. plog, Датс. plough, Англо-Сакс. plou.

2 Ie во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, соотвѣтствующее Русскому ѣ, у Краинцевъ переходитъ часто въ ie.

3 Чеш. žerna, Польс. žerna, Литовск. girna, Готск. qairnus, Древне-Нѣм. quirn, Древе-Сакс. quern, Англо-Сакс. cveorn, Англ. quern, Древ.-Сѣв. quörn. Шведск. quarn.

ченнаго, на полѣ стоящаго, какъ и сжатаго хлѣба, словомъ, вообще хлѣбъ или жито; подобно Нѣмец. traide-getreide (Древне-Нѣм. getragidi), отъ tragan, tragen, носить, т. е., приносъ, приплодъ; Латинск. frumentum имѣетъ свое начало отъ frux, плодъ, а Итал. biada и Французс. bled, blé, также не что иное, какъ плодъ (Англо-Сакс. bloed). Не относится ли сюда и Нѣмец. Brod или Brotd, получившее понятіе печенаго хлѣба, хотя Гриммъ производитъ его отъ brechen, ломать; но при постоянномъ переходѣ l въ r и r въ l легко также могло brod или prod образоваться изъ bloed, плодъ, подобно какъ Санскр. vrkas переходитъ у насъ въ волкъ, или lab-or въ работа.

У всѣхъ народовъ вообще почитали хлѣбъ Божьею благодатью и лучшимъ благомъ земли, отъ чего и выраженіе, какъ видѣли выше, «Божій хлѣбъ,» Gottes gave и das liebe brot, Чешское zboží, обиліе, и наша пословица: «Все добро за хлѣбомъ,» и эпитетъ честный, придаваемый хлѣбу, въ особенности овсу, Латышское labbiba (жито), отъ labs, добро. Наконецъ, Славянск. жито (отъ Санскр. дживъ, джива на, живу — жизнь) и хлѣбъ, Готск. hlaib. Нѣм. laib, laibbrot, (печеный хлѣбъ), носятъ въ себѣ понятіе жизнь, и Славянск. жито, животъ и жизнь, совершенно соотвѣтствуютъ Нѣмец. словамъ laib, leib и leben, и наше Русское слово хлѣбъ, созвучное съ hlaib, является точнымъ синонимомъ жита.

Съ понятіями Божьяго дара, добра, богатства и жизни соединяются въ названіяхъ пшеницы, какъ хлѣба по преимуществу, и сродныя имъ понятія чистоты и свѣта. На всѣхъ Нѣмецкихъ и Литовскихъ нарѣчіяхъ зовется пшеница hweiteis–hwait, wezen. отъ Санскр. šveta, бѣлый (наше свѣтъ), Древне-Нѣм. hweits, Нѣмец. weiss; [1] тому же понятію соотвѣтствуетъ и наше народное эпическое вы-

---

[1] Хлѣбъ у Грековъ назывался золотыми дарами Цереры, и у насъ эпитетъ золотой часто приписывается ячменю; у Чеховъ же pýř—и горячій уголъ и пырей, (вѣроятно, прежде болѣе благородное хлѣбное растеніе, судя по родству съ Латыш. puhri, озимая пшеница, и пыра, — жито, або просо, у Павды Беринды), откуда и нашъ пирогъ, самое Латинск. названіе пырея triticum repens, указываетъ на нѣкоторое сродство его съ frumentum triticum, т. е., пшеницей и, такимъ образомъ, другое значеніе Чешскаго pýř, можетъ легко сойтись съ значеніемъ эпитета пшеницы — яровая. Сюда же принадлежитъ, по видимому, Сербская пословица: «рало и мотика свѣтъ корми,» т. е., соха и заступъ кормятъ свѣтъ.

раженіе: «бѣлая ярица и ярая пшеница». [1] Здѣсь явно, что слово ярая, ярица не принимается только въ смыслѣ весенней, ибо тогда и всѣ прочіе яровые хлѣба имѣли бы право на это выраженіе, присвоенное единственно пшеницѣ, въ смыслѣ свѣта, отъ древняго яръ — жаръ, названіе бога — весенняго солнца и производительной силы земли Яра, Яровита (Harowit) или Ярилы.

Пшеница по самому своему свойству, преимущественно бѣлый хлѣбъ, чистый хлѣбъ, какъ называетъ его Несторъ въ житіи Ѳеодосія Печерскаго: «Потрудившимся (инокамъ) въ ту недѣлю, тѣмъ уставлено бысть Преподобнымъ Отцемъ Нашимъ Ѳеодосіемъ, въ пятокъ тоя недѣли (первой Великаго Поста), да бываютъ имъ хлѣбы чисты зѣло.» Это мѣсто показываетъ намъ, что въ то время пшеница на Руси была еще рѣдкимъ лакомствомъ: такъ говоритъ и пословица: «Матушка рожь кормитъ всѣхъ дураковъ, а пшеничка по выбору.» И дѣйствительно, ея имена и свойства явно указываютъ намъ, что ярица растеніе юга: вотъ чѣмъ, можетъ быть, и объясняется чужеземное происхожденіе слова пшеницы, въ которомъ Рейфъ и Гриммъ видятъ отголосокъ Латинское panicum, Древне-Нѣм. penick, fenich, fench, т. е., хлѣбъ вообще, подобно какъ Латинск. frumentum, хлѣбъ, перешло въ Франц. froment въ имя пшеницы, какъ хлѣба по преимуществу. Чисто Русскимъ сѣвернымъ хлѣбомъ является, напротивъ, наша рожь; такъ въ томъ же житіи Ѳеодосія говорится про скудную пищу первыхъ иноковъ Печерскихъ: «и ядь ихъ бѣ ржанъ хлѣбъ токмо и вода.» Самое названіе этого рода хлѣба, перешедшее къ Нѣмецкимъ, Финскимъ и Литовскимъ племенамъ (rocken-rog-rhyg-ruggei) [2] осмысляется въ одномъ Славянск. рожь, отъ корня родъ (родить, рожать, урожай), Латинск. secula, Франц. seigle, а другія, связанныя съ ними, названія ржи Южныхъ народовъ происходятъ отъ secare, рѣзать, очень неопредѣлительное названіе, относящееся ко всякому роду хлѣба, и приложенное, вѣроятно, къ обозначенію ржи, когда ее узнали въ Римѣ, что было довольно поздно, и гдѣ она очень мало употреблялась.

---

[1] Древне-Нѣм. hweizi, Старо-Сакс. huėt, Англо-Сакс. hwaete, Древне-Нѣм. hweiti, Древ.-Сѣв. waizen, Англ. wheat, Датск. hwede.

[2] Древне-Нѣм. rocco, roggo, Англо-Сакс. ryge, Англ. rye, Древ.-Сѣв. rugr., Шведск. rog, rag, Датск. rug, Литовск. ruggei, Русск. рожь, Чеш. rež, gen. rži, Польск. reż, rży, Венг. rozs, Финск. ruis, ruvis, rügg, arõa.

Послѣ пшеницы и ржи занимаетъ первое мѣсто въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ овесъ, но сѣется уже не для пропитанія человѣка, а для кормленія домашнихъ животныхъ (такъ въ одномъ Сербскомъ преданіи упоминается о сѣменахъ людскомъ и скотскомъ), въ особенности лошадей и птицъ, въ Швеціи овесъ называется hesta-korn, лошадиное зерно.

Замѣчательно, что, кромѣ сего названія, овесъ находится въ постоянномъ филологическомъ сродствѣ съ козломъ и бараномъ; Нѣмецкая пословица говоритъ: «Den bock auf die haberkiste setzen,» [1] какъ будто бы къ кормленію этой породы животныхъ по преимуществу относился посѣвъ овса. Сербское названіе овса зобъ, откуда зобанье, зобати, зобленье, кормъ, кормить, и зоблица, овсяный мѣшокъ) [2] означало не только овесъ, но и всякій зернистый кормъ, даваемый лошадямъ. По Русски соотвѣтствуетъ тому же слову птичій зобъ и зобать, клевать кормъ (о птицахъ), но въ областныхъ нарѣчіяхъ зобня встрѣчается въ смыслѣ торбы, и глаголъ зобать, ѣсть что нибудь мелкое разсыпающееся, на пр., ягоды, горохъ и проч. Изъ всѣхъ этихъ словъ принимаетъ Сербское зобъ значеніе всякаго мелкаго зерна, почему это слово и приложено по преимуществу къ овсу, какъ главный кормъ лошадей и птицъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно и въ Латинскомъ языкѣ сходство avena (овесъ) и avis (птица).

Значительное мѣсто въ нашемъ хозяйствѣ занимаетъ греча, гречиха, хотя объ ней до XV вѣка нигдѣ не упоминается и, вѣроятно, что, подобно рису (Сарачинское пшено) и кукурузѣ, она явилась весьма поздно, не только у насъ, но и во всей Европѣ: какъ растительное ея свойство, такъ и названіе, указываютъ намъ на Восточное ея происхожденіе.

---

[1] Древне-Нѣм. haparo, Нѣмецк. hafer-haber-howaro-hafri и проч., соотвѣтствуютъ не только Древне-Нѣм. hafer и hapar, но и Латин. caper и capra, Финск. kauris, козелъ, haura, овесъ, Эстон. kara, козелъ, kaev, овесъ, Ирланд. kaor, овца, coirce, овесъ, Литов. awizos, овесъ, awis, овца, Латышск. ausas, овесъ, aus, овца, Латин. avena, овесъ, avis, птица, Славян. овесъ, овенъ (баранъ, овца), Санскр. avis, овца.

[2] Имена овса имѣютъ почти на всѣхъ языкахъ одинъ и тотъ же слогъ av или ov, ows, и Нѣмецк. названіе овса habr, hafr, havr, не дѣлаютъ здѣсь исключенія. Но переходъ отъ avena къ haparo указываютъ Франц. avoine и averon. Замѣчательно также Франц. havre-sac, явно происшедшее отъ Нѣмец. имени овса.

Въ Европу она, вѣроятно, занесена изъ Аравіи и зовется по Французски blé sarrasin. а по Нѣмецки Heidekorn, Heidenkraut (отъ Heide, язычникъ), откуда и Сербское ее имя хайда или хайдина, подобно какъ кукуруза носитъ имя Турецкаго хлѣба, blé de Turquie, Türkischkorn, и рисъ въ Древне-Нѣмецкомъ языкѣ называется arawes, arawez (собственно горохъ).

Замѣчательно также, что какъ первый юго-восточный хлѣбъ, пришедшій въ Европу, есть пшеница, то и при появленіи другихъ зернистыхъ растеній того же края постоянно придавалось имя пшена, какъ прозвище всѣхъ полуденныхъ растеній; такъ наше Русское: Сарачинское пшено (рисъ), и Малороссійская пшеничка (кукуруза), и Нѣм. araweiz, рисъ, Buchweizen, греча, и Türkischweizen (кукуруза), Латышск. Turky kweeshi.

Русское греча, гречиха (Латышское grikki) прямо указываетъ на то, что это растеніе принесено къ намъ изъ Греціи, почему и въ народномъ приговорѣ о гречи упоминается о Царѣградѣ: «звали, позывали, нашу гречу во Царьградъ побывать со Князьями, со Боярами, съ честнымъ овсомъ, съ золотымъ ячменемъ.» По другому народному преданію вывезена она изъ Татарскаго полона: «Крупеничка Княжна убогой старушкой подъ оборотомъ крупичетаго зерна, и то зерно схоронила старуха на святой земли Русской, на широкомъ полѣ привольномъ, и учало то зернышко въ ростъ итти, и уродилась отъ него греча въ 77 зернахъ, повѣяли вѣтры буйны со всѣхъ 4-хъ сторонъ и разнесли тѣ 77 зерень на 77 полей, и съ той поры на святой Руси распространилась греча.» [1]

Въ изученіи нашихъ отечественныхъ древностей, тамъ, гдѣ Историческія свѣдѣнія скудны и недостаточны, является намъ на помощь народное преданіе и исторія языка. Такъ въ Исторіи Русскаго земледѣлія историческіе акты сообщаютъ намъ самыя скудныя извѣстія о томъ, что у Древлянъ были нивы, и что въ такомъ-то вѣкѣ сѣялись такіе-то хлѣба, когда, напротивъ, путемъ филологическимъ мы видимъ постепенное развитіе земледѣльческаго быта и связанныхъ съ нимъ, или изъ него истекающихъ, понятій права, собственности, богатства и честнаго труда.

---

[1] См. Сказанія Рус. народа, у Сахарова, въ Народ. Дневникѣ.

Съ появленіемъ хлѣбопашества разомъ измѣняется и направленіе всей народной промышленности, если можно назвать этимъ словомъ скудные способы пропитанія и обогащенія дикихъ кочующихъ племенъ. Первая основа новаго быта есть добываніе себѣ пищи собственноручнымъ, честнымъ и, слѣдовательно, безгрѣшнымъ трудомъ, благословеннымъ Богомъ, въ противоположность грабежа и звѣроловства кочеваго быта. Въ представленіяхъ добра и богатства хлѣбъ занимаетъ первое мѣсто: «Все добро отъ хлѣба,» и скотоводство является уже на второмъ планѣ: «Скотинушка водится, гдѣ хлѣбъ родится.» Самое слово товаръ [1] (отъ Лат. taurus), означавшее и по нынѣ въ областныхъ нарѣчіяхъ гуртъ скота, изъ земли родится, т. е., означаетъ хлѣбъ.

И какъ земледѣліе содержитъ въ себѣ зерна развитія всѣхъ промысловъ и ремеслъ, то и слова, выражающія трудъ земледѣльца (работа, arbeit) и, главное его вспомогательное средство, орало (оралло), переходитъ въ обозначеніе труда и инструмента (работы и орудія) всѣхъ ручныхъ ремеслъ вообще.

Съ осѣдлостію появляется и понятіе собственности въ болѣе широкомъ смыслѣ землевладѣнія, и опредѣляется граница—межа, раздѣляющая земли одного владѣтеля отъ другаго; Домовой геній семейнаго очага, дѣдушка Чуръ или Пращуръ (панъ-чуръ) переходитъ въ пограничный столбъ (чурбанъ), и въ словѣ черезъ-чуръ явно становится синонимомъ межи.

Какъ символъ владѣнія, плугъ, переходитъ и въ обозначеніе границы, какъ далеко человѣкъ въ силахъ забросить плугъ, или куда топоръ, коса и соха ходятъ, до того мѣста распространяется и владѣніе; почему и въ старину земля дѣлилась на плуги и сохи, точно также, какъ на Западѣ она дѣлилась на запаханныя поля (Латинск. ager, Нѣмецк. Acker, Французск. acre, мѣра земли). Появленіе топора возлѣ сохи указываетъ на постоянное завоеваніе земледѣлія надъ дикой лѣсной природой, почему и появляется границей владѣнія лѣсъ; въ немъ, какъ въ рамѣ, помѣщается пашня, почему отъ раменье (лѣсъ) зараменье — граница и самая рама.

При первомъ появленіи земледѣлія раздѣляется общество на владѣющихъ и невладѣющихъ землей, и послѣдніе дѣлаются рабами,

[1] Гуртъ рогатаго скота въ областныхъ нарѣчіяхъ Воронежской, Орловской и Курской губерній, гдѣ живутъ Малороссіяне, или ихъ потомки, донынѣ зовется товаромъ.

работниками (въ первоначальномъ смыслѣ сего слова), ролейными закупами землевладѣтелей, и юридическій актъ закупа совершается въ передачѣ работнику господскаго плуга и бороны: «еже далъ ему господинъ плугъ и борону, отъ него же купу емлетъ, то ему погубивше платити.»

Слово рабство, имѣя одно коренное значеніе труда, работы, стоитъ уже въ земледѣльческомъ трудѣ ступенью выше того рабства кочеваго періода, гдѣ холопъ считался личной принадлежностью его побѣдителя, какъ будто физическими узами привязанный къ своему господину, въ знакъ чего и носили на Западѣ рабы кольца и ошейники, подобно домашнимъ животнымъ.

Съ другой стороны плугъ становится принадлежностью землевладѣльца, господина, слѣдовательно, и цѣлаго племени покорителей, племени Царскаго, владѣющаго землей, почему плугъ бываетъ символомъ Царства: Чехи выбираютъ себѣ въ Государи того, кто обѣдаетъ на желѣзномъ столѣ (плугѣ), Цинциннатъ покидаетъ плугъ свой на диктаторство и побѣды.

Соревн. **Д. Шеппингъ.**

ЗАПИСКИ

О КИЗЛЯРѢ.

За Моздокомъ, по пути къ Кизляру, Кавказскія степи примѣтно склоняются къ Каспійскому морю и принимаютъ видъ болѣе дикій и пустынный. На лѣво отъ дороги мелькаютъ вышки кордонныхъ Козаковъ съ часовыми при маякахъ, [1] а на право, въ синей дали, идутъ грядами Кавказскія горы, которыхъ снѣжныя вершины бѣлѣютъ на горизонтѣ, какъ облака, озаренные солнцемъ.

Въ Наурѣ почтовая дорога расходится на двѣ стороны: на юго-востокъ вьется она по прибрежнымъ станицамъ до Амиръ-Аджіюртовской переправы, [2] а на сѣверовостокъ идетъ къ Кизляру, касаясь песчаныхъ степей «Буруновъ». Солончаки, такъ называемыя глубокія, облѣпленныя солью, ямы, разбросаны по степи, какъ будто бы пустыя чаши. Желтынникъ, бурьянъ и сѣдой ковыль пестрѣютъ по сторонамъ дороги, а вдали чернѣютъ дымящіяся кибитки Караногайцевъ. Лѣтній зной въ безводныхъ пустыняхъ, комары и другія насѣкомыя дѣлаютъ дорогу по пескамъ чрезмѣрно

---

[1] Такъ называютъ высокій шестъ, на которомъ навязанъ смоляной боченокъ, или солома, упитанная дегтемъ, или же пукъ сухаго хвороста. Сторожевой Козакъ, завидя хищниковъ, зажигаетъ маякъ. Этотъ сигналъ передается быстро отъ пикета къ пикету, и Козаки спѣшатъ на защиту къ пункту тревоги.

[2] По этой дорогѣ, учрежденной со времени послѣдняго возмущенія въ Чечнѣ, въ 1838 году, происходитъ сообщеніе съ отрядными войсками нашими, находящимися на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи. Станціи содержатся на счетъ казны. Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ вмѣнено въ обязанность Областному Начальству закрыть ихъ, когда, по военнымъ обстоятельствамъ, не будетъ въ нихъ надобности.

утомительную. Съ приведеніемъ въ настоящее время въ большее устройство почтовыхъ станцій, по крайней мѣрѣ проѣзжающіе не встрѣчаютъ, говорятъ, тѣхъ остановокъ, какія случались тамъ прежде. Бывало, арканомъ въ степи поймавъ дикихъ бѣгуновъ, Ногаецъ поспѣшно запрягаетъ ихъ подъ проѣзжающаго. Въ это время толпа Ногайцевъ становится передъ лошадьми и держитъ ихъ за гривы. Потомъ, когда почтарь и путникъ сядутъ по мѣстамъ, толпа расступится въ стороны, и лошади мчатъ цѣликомъ по бугристой степи. Ногаецъ ни мало ихъ не удерживаетъ, кричитъ «гайда!» и свищитъ, стараясь править къ дорогѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ ту сторону, гдѣ слѣдующая станція. Такъ пробѣжавъ нѣсколько верстъ по песку, въ жаркій полдень, лошади падали, или, усталыя, доходили медленнымъ шагомъ до мѣста. Были случаи, что отъ подобной ѣзды ломались, опрокидывались экипажи, и проѣзжающихъ поднимали замертво, засыпанныхъ пескомъ, покрытыхъ насѣкомыми знойной степи.

У Карагаглинки, Грузинской деревни, въ 9-ти верстахъ отъ Кизляра, устроена паромная переправа черезъ Прорву. [1] Обиліе и разнообразіе произведеній южной природы очень замѣтно за этимъ широкимъ и быстрымъ рукавомъ Терека. Тучныя стада рогатаго скота и овецъ покрываютъ сочныя долины, рисные посѣвы, «чалтуки», и виноградники зеленѣютъ повсюду. Огнистые фазаны и тяжелые стрепеты летятъ къ вамъ на встрѣчу; куропатки выбѣгаютъ на дорогу; дикими голубями и куликами разныхъ видовъ покрыты прибрежья; журавли и цапли бродятъ стаями по болотамъ, лебеди плаваютъ по заливамъ; простыя дикія утки и красныя утки, «гагары», красныя чапуры, дикіе гуси, каравайки, колпицы, чайки, жаровонки съ чернымъ ошейникомъ и другія птицы и птички, крикомъ наполняя воздухъ, летаютъ передъ вами, надъ вами. Люди различныхъ племенъ и поколѣній, черные, бѣлые, оливковые, въ буркахъ, пестрыхъ халатахъ, чухахъ, ергакахъ, черкескахъ, тулупахъ, съ такимъ же разнообразіемъ шапокъ, встрѣчаются вамъ, ежеминутно, то верхомъ, то пѣшіе, то въ арбахъ.

[1] Изъ Терека, въ 7-ми верстахъ выше Кизляра, прорыли канаву для напоенія сѣверныхъ городскихъ садовъ и полей. Канава эта, сильнымъ въ нее стремленіемъ водъ Терека, образовала рѣку Борозду, изъ которой въ 1813 году вырвался, въ направленіи къ сѣверу, быстрый и большой потокъ, который впалъ въ Каспійское море. Потокъ этотъ назвали Прорвою.

За 7 верстъ отъ Кизляра начинаются сады. Это не дорога, это узкая ароматная аллея, отѣненная по обѣимъ сторонамъ высокими стройными раинами и орошаемая глубокими, проведенными изъ Терека «татаулами», канавами, изъ которыхъ вода съ шумомъ разливается по садамъ и виноградникамъ. Персики, абрикосы, винныя ягоды, бѣлыя сливы, грецкіе орѣхи, между тутовыми и черешневыми деревьями выглядываютъ изъ за колючей ограды.

Выѣхавъ изъ этой превосходнѣйшей аллеи, минувъ Грузинское кладбище, вы видите вдали Кизляръ, раскинувшійся на широкой равнинѣ, по лѣвую сторону Терека, въ дельтѣ между Бороздою и Терекомъ. Винная, душная атмосфера начинаетъ обдавать васъ, когда вы подъѣзжаете къ городу; скворцы поднимаются съ дороги въ такомъ множествѣ, что затмѣваютъ надъ вами свѣтъ солнца.

Кизляръ составляютъ: городъ, крѣпость, солдатскаа слобода и Полевое строеніе, называемое Татарами Кирды-аулъ. Кизляръ въ недавнее время обведенъ землянымъ валомъ съ глубокимъ рвомъ.

Городъ составляютъ: 1. Армянское отдѣленіе или слобода, «Арментиръ»; 2. Грузинская слобода, «Курце-аулъ», 3. Станица Терскихъ Козаковъ; 4. Новокрещенцы, «Кристи-аулъ»; 5. Татарское отдѣленіе, населенное Персіянами, «Тезикъ-аулъ», Ногайцами и Кумыками, «Окочиръ», и Казанскими Татарами, «Казантс-аулъ».

Земляные валы крѣпости возвышаются уединенно на широкой равнинѣ, между солдатскою слободою и городомъ. Въ ней помѣщаются, кромѣ казармъ и другихъ военныхъ принадлежностей, окружное казначейство, острогъ, провіантскій и соляной магазины. Внутренній и наружный видъ крѣпости наводитъ уныніе: пустота и неизмѣняемая однообразность. Каменная соборная церковь, во имя Казанской Божіей Матери, бѣлѣетъ по срединѣ площади; подлѣ глубокій колодезь, осѣненный двумя ивами, по времени почти ровесницами крѣпостнымъ валамъ. Сѣверныя и южныя ворота крѣпости забиты на глухо, а прочія подъемными мостами на чугунныхъ цѣпяхъ напоминаютъ времена, когда пароль и лозунгъ были въ Кизлярской крѣпости не простымъ повтореніемъ военнаго артикула. Чугунныя пушки, не стрѣлявшія со временъ нашествія на Кизляръ Шихъ-Мансура до набѣга Казы-Муллы, лежатъ на стѣнахъ многія безъ лафетовъ; вода кругомъ крѣпости подернулась зеленью, заросла камышемъ, въ которомъ раздается по ночамъ пронзительный крикъ кулика и дикой утки, когда часовые заведутъ свое протяжное «Слушай»!

Солдатская слобода, «Слободка», лежитъ не далеко отъ крѣпости, на западъ. Отставные и служащіе, военные и гражданскіе чиновники, приказные присутственныхъ мѣстъ, инвалиды и жены солдатскія и многіе мѣщане живутъ въ этой отдаленной части города. Русскіе и проѣзжающіе имѣютъ пріютъ по большой части въ слободкѣ, потому что Армяне и Грузины, да и прочіе жители Кизляра, выключая, разумѣется, Русскихъ, по непринятому обыкновенію, инородца, особенно Русскаго, пускаютъ неохотно къ себѣ въ домъ на квартиру. Въ Слободкѣ помѣщается наймомъ Почтовая Контора со станціей.

Кирды-юлеръ широкимъ пустыремъ отдѣленъ отъ всего города. Тамъ множество виноградниковъ, садовъ и огородовъ, принадлежащихъ разнымъ жителямъ Кизляра.

Церквей Православныхъ въ Кизлярѣ 5: Соборъ въ крѣпости, Крестовоздвиженскій мужской монастырь, Грузинская церковь живоноснаго Источника, Станичная и Кладбищенская «Николы». Двѣ первыя изъ нихъ каменныя.

Армянскихъ церквей 4: одна во имя Апостоловъ Петра и Павла, каменная и замѣчательна по своей величинѣ и богатству; другая во имя Успенія Божіей Матери, самая древняя въ Кизлярѣ; остальная Кладбищенская.

Въ Грузинской церкви служба совершается на Славянскомъ языкѣ, а Евангеліе читается на Грузинскомъ. Грузинки занимаютъ въ церкви мѣсто назади.

У бывшаго Станичнаго Атамана, Мещерякова, хранилась копія съ челобитной Терскихъ Козаковъ о построеніи у нихъ храма. По своему изложенію и древности, она достойна замѣчанія. Вотъ списокъ съ этой копіи:

«Государю, Преосвященному Иларіону, Астраханскому и Терскому, Пензенскому, Саратовскому, Тамбовскому, Козловскому и Корсунскому, бьютъ челомъ холопи и сироты Великаго Государя, Терскіе Козаки: Спирька Топоръ, Ивашка Сапунъ, Егорка Нечаевъ, Гришка Носъ, Сидорка Ивановъ, и всѣ Козаки, холопи и сироты Великаго Государя. Въ прошломъ, Государь, въ 1740 году, напали на насъ, холопей и сиротъ Великаго Государя, бусурмане Татары, сожгли св. церковь, увели у насъ, холопей и сиротъ Великаго Государя, Попа Лавра и великое разореніе причинили. Великій Господинъ, Преосвященный Иларіонъ, Астраханскій и Терскій, Пензенскій, Саратов-

скій, Тамбовскій, Козловскій, Корсунскій! пожалуй насъ, холопей и сиротъ Великаго Государя, вели церковь новую во имя Николая Чудотворца построить, и пришли намъ, холопамъ и сиротамъ Великаго Государя, другаго попа за Лавра. Вели, Государь, смилуйся и пожалуй!»

Въ Армянскихъ храмахъ, во время священнодѣйствія, многіе молящіеся предстоятъ въ шапкахъ, особенно старики; нѣкоторые сидятъ на полу, поджавъ подъ себя ноги и перебирая въ рукахъ четки, женщины, закутанныя въ чадры, [1] изъ подъ которыхъ виденъ только ихъ носъ и свѣтятся черные глаза, сидятъ на заднемъ фасѣ церкви.

Старыя Армянки богомольны, молодыя напротивъ. Очень не многія изъ нихъ грамотны. Есть Армянки въ Кизлярѣ, которыя не бываютъ даже никогда въ церкви, и имѣютъ объ ней понятіе лишь по наслышкѣ отъ другихъ. Причины такому жалкому ихъ состоянію ревность мущинъ и невѣжество духовенства, которое, занимаясь своими чалтуками и виноградниками, мало радитъ о паствѣ: алчность къ пріобрѣтенію, если не у всѣхъ, то у многихъ изъ нихъ нестерпима и отвратительна.

Мечетей Татарскихъ, «мечгидъ,» въ Кизлярѣ 5: всѣ деревянныя. Крикъ муллъ протяжнымъ напѣвомъ раздается утромъ и вечеромъ съ минаретовъ. Положа голову на лѣвую ладонь, они кричатъ во все горло: «Проснитесь, вставайте, Правовѣрные! Молитва лучше сна. Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, Мугамедъ Его пророкъ. Проснитесь, вставайте»! . .

Сдѣлавъ дома умовеніе, скинувъ туфли или чевяки у дверей мечети, Мусульманинъ робко вступаетъ въ сей домъ молитвы. Съ трубкой въ зубахъ, въ косматой шапкѣ, сидитъ онъ на полу мечети, тяжело вздыхая въ сокрушеньи сердечномъ и, порою, звучно ударяя себя въ грудь ладонью. Не можно равнодушно смотрѣть на дикаго Кумыка, когда онъ, простершись на голомъ полу, болѣе получаса лежитъ безмолвенъ и слезы ручемъ текутъ въ щели помоста изъ закрытыхъ глазъ его. Сердечная исповѣдь и мольбы его незагодочны. Онъ не подалъ милостыни; ему хочется коня, который уносилъ бы его отъ пули Русскаго солдата, отъ тоски сидѣть

---

[1] Бѣлое покрывало, окутывающее Армянокъ и Грузинокъ съ головы до ногъ.

долго дома; у него не умираетъ слѣпой отецъ, томяся долготою жизни; онъ боится, чтобъ лицо любимой его жены не пришла испортить злая оспа. А то, что онъ у сосѣда укралъ вчера лошадь, увелъ Армянина за Терекъ и тамъ его продалъ, или зарѣзалъ, «буякшлыкъ аллага», это добрыя Богу вѣсти.

При мечетяхъ заведены школы, гдѣ дѣти Магометанъ съ утра до вечера читаютъ на распѣвъ «Коранъ» [1] и выписываютъ отъ правой руки къ лѣвой тростниковымъ перомъ, обмакиваемымъ въ тушь, Арабскія буквы ا ب ت ث алифъ, би, ти, си, и проч. Муллы, занимающіе въ этомъ случаѣ мѣста учителей, получаютъ за труды отъ родителей учащихся довольно значительную плату. Говорятъ, что въ одной изъ Кизлярскихъ мечетей училъ дѣтей извѣстный въ послѣдствіи своими разбоями Казы-Мулла.

Большая часть Магометанъ Кизлярскихъ Шіиты. [2] Принимая, такъ какъ и Сунни, въ основныя начала вѣры: ученіе о Богѣ, «Марифитула», вѣря въ правосудіе Божіе, «адалетула», въ пророчество. «небюветъ», въ воскресеніе, «меадъ», въ намѣстниковъ пророка, «иманетъ», и кромѣ этого принимая, за одно съ Сунни, умовенія, милостыню, поклоненіе Меккѣ, «намазъ», ежедневную молитву, «джуму», празднованіе пятницы и постъ Ремезанъ, они имѣютъ свой «навръузъ», новый годъ, 9 Марта, при равноденствіи, и празднуютъ начальные дни «мухарема», своего луннаго года, когда происходила мученическая смерть сына Аліева.

Подражая Дагестанцамъ, Кизлярскіе Шіиты очень вѣрятъ талисманамъ, приписывая имъ разныя цѣлебныя свойства. Это стихи Корана, зашитые въ шелковые мѣшочки, или земля съ могилъ дер-

---

[1] Коранъ у Магометанъ составляетъ каноническую книгу, въ которой находятся и правила вѣры, и богослуженія, и законы гражданскіе, и правила нравственности. Кораномъ назвалъ эту книгу Абубекеръ, вотчимъ Магомета. Коранъ значитъ: «читай». Онъ раздѣленъ на 114 главъ. Есть главы болѣе 60-ти страницъ, а другіе не болѣе 4 строкъ. Главы стоятъ подъ странными названіями, на примѣръ: муха, корова, паукъ, милосердіе, желѣзо и проч.

[2] Алій, зять и двоюродный братъ Мугамеда, и Абубекеръ, вотчимъ его, спорили за преемничество власти пророка, толкуя при томъ ученіе его по своему. По смерти Абубекера и единомышленниковъ его, Омара и Османа, всѣ признали власть Алія. Признающіе Мугамедовыми н
называются Сунни, а послѣдователи

вишей, прославившихся на Востокѣ. Земля съ могилы Сайгара лечитъ, будто бы, отъ тоски, съ могилы Дадагната лечитъ сумасшедшихъ, съ могилы Сафгямида отъ укушенія змѣй. Есть талисманы для рогатаго скота и для лошадей. Мѣшечекъ со стихами Корана зашиваютъ въ одежду на спину, или на грудь, а землю пьютъ съ водою, окуриваются ею и также зашиваютъ въ одежду.

Въ Кизрярѣ, выключая казенныхъ каменныхъ зданій въ крѣпости, нѣтъ ни одного каменнаго дома; деревянныхъ же на каменномъ фундаментѣ очень много, и есть даже большіе и красивые. Домъ Арешевыхъ со львами на воротахъ, Калустова, Калантарова, Серебрякова, Баяндурова, Ходжаева, Буржалова, Авакова и проч., не устыдились бы стать на ряду съ хорошими домами городовъ губернскихъ.

Домы богатыхъ Армянъ построены, по большей части, съ двумя на дворъ крыльцами, соединенными галереею съ большимъ навѣсомъ. Одну половину дома занимаетъ женское отдѣленіе, которое по наружности отличается отъ мужскаго окнами съ желѣзными рѣшетками краснаго цвѣта. Эти рѣшетки на окнахъ въ настоящее время дѣлаются, кажется, въ предосторожность отъ воровъ. Ворота во всякое время на замкѣ. Для прислуги, бытъ которой ожидаетъ особеннаго вниманія Правительства, поставлены сакли по обѣ стороны широкаго двора, гдѣ также помѣщается домашній скотъ, птицы, амбары и проч.; четвертую сторону квадрата занимаетъ огромное деревянное строеніе, водочный заводъ, изъ за котораго выглядываетъ суковатый цеберъ колодезя. Заводъ при домѣ не во многихъ. За заводомъ слѣдуетъ виноградный садъ, разрѣзываемый во многихъ мѣстахъ ручьями изъ Татаула, проведеннаго въ городъ изъ Терека, для напоенія виноградниковъ. Аллеи сада приводятъ къ двухъ-этажной бесѣдкѣ, осѣненной абрикосовыми и тутовыми деревьями. Въ отдаленныхъ углахъ двора стоятъ пустыя бочки, иногда казгири и другія садовыя орудія, послѣ работы еще не прибранныя въ сакли.

Домы бѣдныхъ жителей, которыхъ первостатейные заводчики называютъ презрительно «парцацъ», что, по буквальному переводу, значитъ «чистый», строятся изъ плетня, обмазаннаго глиною, смѣшанною съ рубленою соломою и шелухой, или кладутся изъ нежженаго крупнаго кирпича; или же для стѣнъ ставятъ два плетня и набиваютъ пространство между ними землею и пескомъ. Крыши плоскія,

земляныя, поросшія травой. Они служатъ лѣтомъ убѣжищемъ отъ духоты, а иногда на нихъ пасутся козы и овцы. Жилища изъ нежженаго кирпича извѣстны подъ названіемъ турлучныхъ строеній, а дѣлаемыя изъ плетня, подъ названіемъ саклей. Какъ тѣ, такъ и другія непрочны, и по сырой почвѣ земли вредны для здоровья.

Большая улица въ Кизлярѣ одна. Начинаясь отъ площади, окружающей крѣпость, она идетъ прямою линіею до площади каменной Армянской церкви, откуда поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ направо, и далеко тянется въ направленіи къ Тереку до Татарскаго базара. Чистота на улицахъ, особенно глухихъ, совершенно Азіатская. Лѣтомъ отъ сору, выносимаго изъ домовъ и со дворовъ, нѣтъ свободнаго проходу, а весною и осенью ни прохода, ни проѣзда отъ грязи, которая въ Декабрѣ и Генварѣ замерзаетъ волнами. Горе неопытному, если онъ, не предузнавъ оттепели, пойдетъ чрезъ улицу. Часто случается, что арбы, встрѣтившись въ переулкахъ Арментира, не могутъ, по тѣснотѣ и глубокой грязи, разъѣхаться, загрузаютъ и остаются такъ до весны, или до самаго лѣта. Татаулы, какъ называютъ въ Кизлярѣ узкія канавы, проведенныя изъ Терека въ сады, проходя въ нѣсколькихъ мѣстахъ по городу, не принимаютъ стоковъ уличныхъ, что необходимо должно было бы устроить для пользы города. Если бъ провести изъ Терека еще одинъ татаулъ и соединить его поперечно съ прочими канавами, тогда можно было бъ ожидать большей опрятности въ многолюдномъ городѣ и свѣжести воздуха среди нестерпимыхъ лѣтнихъ жаровъ. Кромѣ неопрятности и грязи, «чапра» (дрожжи съ водочныхъ заводовъ), которою наполнены глубокіе рвы, заражаетъ гнилостью воздухъ. Вотъ причины упорныхъ болѣзней и большой смертности въ Кизлярѣ, прибавляя къ тому обжорство незрѣлыми плодами, усобенно персиками, абрикосами, виноградомъ, дынями и проч. Окрестныя болота, убразуемыя разливами Терека, также имѣютъ вліяніе на климатъ Кизлярскій.

Лавки, при значительной торговлѣ Кизляра, находятся въ жалкомъ положеніи. Ихъ два отдѣленія: красныя лавки съ суконами и разными матеріями и лавки овощныя. Галантерейныя вещи, стекло, фарфоръ, железо и проч. находятся въ овощныхъ лавкахъ. Запрашиваютъ на товарахъ очень мало. Дукановъ, какъ называютъ тамъ лавочки, множество: они разсѣяны по всѣмъ частямъ города, болѣе въ кварталахъ Татарскихъ и Армянскихъ. Въ одномъ изъ такихъ

кановъ продается «чихирь», красное вино, въ другомъ, кромѣ чи-
ря, сѣрныя спички, Персидскій табакъ и махорка, со всѣми при-
длежностями куренія, и тутъ же рядомъ, на отворенномъ окнѣ
кана, хлѣбъ и кислое молоко.

Вся торговля такого дукана идетъ не болѣе какъ на 30 руб. се-
бромъ. Лѣнь и праздность, по туземной дешевизнѣ жизненныхъ
требностей, довольствуется и этимъ, и кафтанъ изъ горскаго сук-
, «чуха», испещренная кожаными заплатами, не имѣетъ моды. Пар-
цъ не знаетъ приличія, по которому у насъ стыдно Русскому му-
ичку «выйти въ люди» безъ пояса, или купцу въ кучерской шапкѣ.

Кромѣ означенныхъ лавокъ и дукановъ, находятся въ Кизлярѣ,
городомъ, лавки и балаганы для ярмарки, которая собирается тамъ
день Троицы и 12 Октября.

Базаровъ два: Татарскій и Армянскій. Первый помѣщается у боль-
ой мечети, въ сосѣдствѣ Терецкихъ дукановъ, а другой отъ овощ-
ихъ лавокъ и Терека идетъ вдоль по татаулу, занимая площадь
отивъ крѣпости. Армянскій базаръ разнохарактерностію своею и
ѣшеніемъ языковъ напоминаетъ священное преданіе о Вавилон-
омъ столпотвореніи.

Въ осеннее время, когда бываетъ рѣзка винограда, весною при
ркалахъ и лѣтомъ при зеленой подвязкѣ, [1] вся площадь между го-
домъ и крѣпостью усѣяна толпами горцевъ, которые изъ своихъ
ловъ приходятъ толпами въ Кизляръ на работу. Каждое племя
сполагается на площади отдѣльнымъ кружкомъ, сидитъ на но-
хъ, въ зубахъ съ коротенькими трубками, большая часть безъ ру-
ихъ, закрывая черную грудь лоскутомъ косматой бурки. По овчин-
ымъ шапкамъ разныхъ покроевъ назовешь имена и мѣста ауловъ,
куда пришли дикари. Въ ожиданіи нанимателя, они говорятъ,
и, выражаясь по тамошнему, «лапочутъ» безъ умолку, скаля бѣлые
бы. Воровство, разбой, пшеничный хлѣбъ и порохъ, хлѣбъ, какъ
личайшее ихъ лакомство, а порохъ, какъ вся надежда будущно-
ти, составляютъ предметъ ихъ разговоровъ. Смѣхъ порою карика-

---

[1] Весною вынимаютъ виноградныя лозы изъ грядъ, куда онѣ бываютъ зарываемы на зиму, для сбжереженія отъ морозовъ, и ставятъ при каждой лозѣ топкіе колья, которые называются торкалами. Потомъ, когда лозы поднимутся и разовьются, подвязываютъ ихъ на тѣхъ же торкалахъ, что дѣлается нѣсколько разъ въ лѣто и называется зеленою подвязкою.

турить ихъ усатыя лица, на которыхъ ясно выраженъ смыслъ души каждаго. Кто всматривался въ эти лица внимательно, тотъ читалъ на нихъ: «Дай хлѣба мнѣ сего дня; я голоденъ . . послѣдній листъ положилъ въ трубку . . . жена босыя ноги разрѣзала о камни. . . а завтра, гяуръ, не попадайся мнѣ на встрѣчу за Терекомъ.»

Эти полулюди извѣстны въ Кизлярѣ подъ общимъ именемъ Горцевъ или Тавлинцевъ, т. е., горныхъ жителей, принимая, что слово «тау», по переводу съ Татарскаго, значитъ гора. Кумыки разныхъ колѣнъ, Кисты, Чеченцы, Осетинцы, Лезгины и другія племена идутъ въ названіи подъ одну категорію, а въ самой сущности похожи одинъ на другаго, какъ арбузъ на огурецъ. У каждаго свой обликъ, свои обычаи, свои преданія, свои повѣрья. Но объ этомъ послѣ.

Между толпами, сидящими, стоящими, колеблющимися, бродящими по площади, вы видите Осетина, продающаго сыръ и бурки, Черкеса съ зелеными сотами дикихъ пчелъ, Лезгина съ мѣдною посудой, Киста и Чеченца съ ружьями и шашками, Караногайца съ овцами, козами, Калмыцкими тулупами, ергаками, мерлушками, а Терскаго Козака съ оружіемъ и рыбой. Костюковскій Кумыкъ привезъ дрова и торкалы, Аксаевецъ кожи и овечью шерсть и проч. Армяне и Грузины предлагаютъ ягоды, овощи, фрукты. А тамъ, ближе къ Тереку, румяныя Козачки Дубовской, Червленной, Наурской и другихъ станицъ Терскихъ, сидятъ на арбахъ, навьюченныхъ арбузами, дынями, огурцами, свеклой, капустой и проч. Солдатъ вынесъ своей работы сапоги, стрѣляныхъ дрофъ, стрепетовъ и фазановъ. Слободская солдатка кричитъ о бубликахъ; подлѣ Армянинъ хвалитъ чуреки, [1] патржаны и каперсы, а Русскій торговецъ отвѣшиваетъ пшеничный хлѣбъ отъ пудовой ковриги. Ржаной хлѣбъ за диковинку тамъ. Верблюды, качая Трухменца на двугорбыхъ навьюченныхъ хребтахъ своихъ, возвышаются между толпами. Послушные продѣтой сквозь ноздрю волосяной веревкѣ, они покорно

[1] Пшеничныя тонкія небольшія лепешки. Въ Азіи нашихъ хлѣбовъ не умѣютъ дѣлать. Армяне пекутъ и такіе чуреки, которые бываютъ болѣе двухъ аршинъ въ поперечникѣ. Они не скоро портятся и довольно вкусны. Патржаны (solanum melongena) имѣютъ цвѣтъ фіолетовой, переходящій въ зеленой, а формою похожи на огурецъ. Эти плоды составляютъ любимое кушанье Армянъ. Ихъ маренуютъ, варятъ въ сахарѣ и въ мясныхъ похлебкахъ. Въ послѣднемъ случаѣ употребляютъ несозрѣвшими.

ожатся на землю, подгибая подъ себя ноги, чтобъ опустить чело-ѣка съ хребта, или снова поднять его на себя. Вершники уви-аются въ народѣ, повторяя безпрестанно Татарское слово «качь», ѣги, или «тай», посторонись! По сторонамъ базара, за татауломъ, уканы, изъ которыхъ въ однихъ продаютъ чихирь, въ другихъ .еготь; въ иныхъ дуканахъ куютъ оружіе, жарятъ шишлыкъ, шьютъ папки и чевяки, работаютъ пояса, седла, уздечки, и проч., и проч. ˛абаки и харчевни, по малочисленности своей, едва замѣтны на пло-цади. У первыхъ толпятся въ особенности Татары, большіе охот-ики до «Русской араки,» какъ они называютъ хлѣбное вино, и юндари; а послѣднія, т. е., харчевни, посѣщаютъ лишь любители двѣнадцати паръ чаю» и солянки со ржавой осетриной. Говоръ, рикъ, стукъ, дѣлаютъ этотъ базаръ шумнѣе берега Каспійскаго моря.

Говоря о базарахъ Кизлярскихъ, невольно вспоминаешь разсказы о ясырь-базарѣ, который, за нѣсколько десятковъ лѣтъ, помѣщался на этой же площади. Сюда Горцы выводили своихъ плѣнниковъ вся-каго пола и возраста, изъ Русскихъ, Горцевъ барантовыхъ, [1] Гру-зинъ, а болѣе изъ Армянъ.

Блѣдные, желтые, тощіе, покрытые грязными лохмотьями, боси-комъ, бывало стоятъ плѣнники, жалобно смотря на проходящихъ и сами напрашиваясь на купцовъ. Часто здѣсь сынъ находилъ отца подъ лоскутами бурки и въ женскихъ шалварахъ; мужъ встрѣчалъ свою жену, наряженную въ солдатскіе рейтузы, закрывающую во-лосами остальныя части тѣла; мать узнавала ребенка, который тутъ же въ толпѣ выглядывалъ изъ стараго сапога Русскаго извощика.

Когда, по покореніи Джаръ, затруднилось сообщеніе Горцевъ въ Анапою, куда Турки пріѣзжали для покупки людей, то торгъ плѣнниками преимущественно оставался въ Андреевской Кумыцкой деревнѣ, находящейся за Терекомъ, въ 90 верстахъ отъ Кизляра, и въ самомъ Кизлярѣ. Торгъ этотъ допустило Правительство, чтобъ облегчить освобожденіе Христіанъ изъ плѣна. Андреевцы получали большія выгоды. Вымѣнявъ плѣнныхъ у Чеченцевъ, Лезгинъ и дру-гихъ горцевъ, по большой части на порохъ, хлѣбъ, соль, рѣдко на деньги, они, за продажею ихъ въ своей деревнѣ, гдѣ славился ясырь-базаръ на всѣ угорья и удолья Кавказскіе, остальныхъ приводили

---

[1] Барантою называется между Горцами похищеніе людей и скота за подобное же похищеніе. Баранта переходитъ иногда изъ рода въ родъ; убійства и пожары сопровождаютъ нерѣдко это удальство.

въ Кизляръ. Кизлярецъ, осмотрѣвъ «двуногій товаръ,» покупалъ плѣнниковъ на деньги. Не уводя плѣнника съ базара домой, онъ долженъ былъ прежде записать въ Полицію свое и его имя и объявить число заплаченныхъ за него денегъ. Обыкновенно за простаго плѣнника платили до 60 цѣлковыхъ. Другой монеты Горцы и теперь не принимаютъ. Но случалось (дѣло прошлое), что заплативъ 30 цѣлковыхъ, объявляли 50 и болѣе, для того, чтобъ отдалить день свободы плѣнника, которую получалъ онъ по заработкѣ заплаченнаго за него выкупа. Положено было зачитать въ годъ 24 руб. на асс., съ пищей и одеждой отъ хозяина.

Много жалкихъ анекдотовъ разсказываютъ про этихъ несчастныхъ страдальцевъ. Не одинъ изъ нихъ, доживая послѣдній годъ до своей свободы, умеръ съ кацгаремъ въ рукахъ, на грядахъ виноградниковъ. Нѣкоторые сварились на водочныхъ заводахъ, а другіе изныли въ тоскѣ. У одного плѣнника вырѣзали сердце, для лѣкарства какой-то больной старой Армянки. Это преданіе подтверждено въ послѣдствіи подобнымъ злодѣйствомъ надъ мертвымъ рабомъ.

Окрестности Кизляра очаровательны. Съ двухъ сторонъ сады, съ третей Топольская роща, съ четвертой Терекъ, и за нимъ дѣвственныя степи.

Топольская роща осѣняетъ лѣвый берегъ Терека на пространствѣ около 19 верстъ. Отъ Астрахани до Кизляра и далѣе вверхъ по Тереку нѣтъ другаго лѣса. Многіе Ногайцы, кочуя всю свою жизнь въ песчаныхъ степяхъ, не видали лѣса. Эти номады, пріѣзжая въ первый разъ въ Кизляръ, съ невольною робостью подходятъ къ Топольской рощѣ, дивяся на нее, какъ на чудо.

Дѣйствительно роща прекрасная. Съ незапамятныхъ Кизлярцами временъ она дремлетъ въ первобытной простотѣ своей. Названіе получила, вѣроятно, отъ тополей, которые когда-то росли въ ней. Теперь же изъ деревьевъ растутъ тамъ преимущественно ивы, вязы, ясени, бѣлая и черная шелковица, а изъ кустарниковъ кизилъ, баярышникъ, крушина и проч. Отъ чащи деревьевъ и кустарниковъ, перевитыхъ цвѣтами и травами, въ глубинѣ рощи иногда бываетъ такъ тихо, что слышно, какъ гусеница ѣстъ шелковицу, между тѣмъ какъ вокругъ горлицы воркуютъ, жалобно поетъ иволга и шумно плещется волнами Терекъ.

На одномъ концѣ рощи, къ берегу, находится небольшая, но красивая, Армянская церковь во имя Побѣдоносца Георгія, съ вино-

граднымъ садомъ при ней. По воскреснымъ днямъ, съ ранняго утра и до ночи, народъ толпится у дверей церкви. Не только Христіане, но даже Кизлярскіе Тезики, «Деджидъ», приходятъ въ нее съ приношеніями. Армяне служатъ частые молебны и не далеко отъ церкви «приносятъ жертвы», зарѣзывая, по обѣщанію, коровъ и барановъ. Эту «жертву», раздѣливъ на части, они раздаютъ, «по обѣщанію», нищимъ, оставляя лучшую часть себѣ на «шишлыкъ», который, посыпавъ перцомъ и сжаривъ на деревянномъ вертелѣ, съѣдаютъ въ рощѣ, запивая чихиремъ, съ обычными своими тостами: «Алла верды! яхшіолъ»! По «обѣщанію», Армянки ходятъ долгое время вокругъ церкви, другія же ползаютъ на колѣнахъ, дѣлая по 10, 30 и болѣе круговъ; многія приходятъ изъ домовъ своихъ въ рощу босикомъ, что дѣлаютъ Армянки даже въ зимнее время. На святыхъ Буграхъ, какъ называютъ близъ церкви находящіеся могильные холмы какихъ-то Армянскихъ праведниковъ, ставятъ въ землю восковыя свѣчи. Въ темные вечера эти могилы кажутся облитыми пламенемъ.

На другомъ концѣ Топольской рощи стоитъ ветхая Русская часовня, съ образомъ Пророка Иліи. 21 іюля въ часовнѣ служатъ молебны. Стеченіе народа бываетъ болѣе отъ Солдатской слободки и Станицы.

Кизлярскіе жители, съ дѣтьми, женами и рабами, въ Топольской рощѣ встрѣчаютъ весну, провожаютъ лѣто. Тогда въ рощѣ шумная оргія кипитъ до поздней ночи. Пѣсни и пляски Грузинскія, Татарскія, Армянскія, Русскія, хлопанье въ ладоши, крики и выстрѣлы оглашаютъ лѣсъ. Подъ однимъ деревомъ гудитъ скрипка, подъ другимъ играетъ сазъ, [1] далѣе стучитъ бубенъ, между тѣмъ какъ на полянахъ происходитъ борьба, джигитованье и бѣганье въ запуски, на коняхъ и пѣшкомъ. Одинъ Армянинъ кувыркается, а другой удивляетъ своихъ, перекатываясь черезъ дорогу въ видѣ бревна. Эти штуки имъ нравятся не безъ причины. Были случаи, что многіе Армяне такимъ способомъ ускользали отъ Чеченскаго плѣна, когда, на походномъ ночлегѣ, въ глухой степи, хищники, отправляясь за другою добычей, оставляли ихъ однихъ, связавъ арканомъ руки и ноги. Преданіе часто повторяетъ подвигъ одного

[1] Музыкальный инструментъ на подобіе торбана. На сазѣ играютъ не пальцами, а тоненькою тросточкою, сдѣланною на подобіе пищика въ кларнетѣ.

Моздоцкаго Армянина, Хачатура Тавакалова, которой въ лѣтнюю ночь прокатился отъ собачьяго болота до Лащуринскаго карантина, что составитъ, глазомѣрно, около двухъ верстъ. Часовой на валу карантинномъ, принявъ Армянина за крадущагося хищника, выстрѣлилъ по немъ. Счастіе, что часовой въ утреннемъ туманѣ далъ промахъ и тревога скоро подняла съ постели Коммисара, знавшаго по Армянски, а то бъ Русскій штыкъ навѣки лишилъ Хачатура удовольствія разсказывать про необыкновенное свое путешествіе.

Прекрасны и дики виды береговъ Терека, этого благодѣтеля Кавказской области. Онъ досыта поитъ сады города, быстротою движетъ крыла мельницъ и приноситъ съ Черныхъ горъ дубовые плоты прибережнымъ питомцамъ своимъ. Осетры, севрюги, лососи, шемая, сазаны, карпы, щуки, судаки, усачи и другія большія и малыя рыбы, живутъ и множатся въ его глубокихъ омутахъ. Зимою Терекъ извилистымъ ручьемъ пробирается отъ берега къ берегу по широкому руслу. Сайгакъ тогда перепрыгиваетъ его и Чеченецъ съ арканомъ идетъ въ Кизляръ за добычей. За то весною, когда солнце растопитъ снѣга родимыхъ его горъ, онъ мчится выше береговъ. «Каюки», длинныя лодки рыболововъ, снуютъ по его сѣдой, вьющейся кольцами поверхности, пестрыя толпы гуляющихъ съ берега любуются его быстрымъ, величественнымъ токомъ, который тогда бываетъ выше площади города. Въ послѣднемъ случаѣ лишь фашинники и земляные валы лѣваго берега, идущіе на большое пространство, спасаютъ Кизляръ отъ потопленія. Вода въ Терекѣ мутна, но отстоянная, чиста и легка.

Говоря о Терекѣ въ смыслѣ торговомъ, нельзя не пожалѣть, что онъ не судоходенъ. Судоходство по этой большой рѣкѣ принесетъ значительную пользу для Кавказскаго края.

При судоходствѣ Терека, Кизлярцы, сообщая Россіи свои произведенія сплавомъ къ устью Терека, а оттуда моремъ до Астрахани, избавились бы неудобства доставлять ихъ до моря на арбахъ. Тогда и товары, получаемые Армянами въ Нижегородской ярмаркѣ для себя и для торгу съ Кавказскими народами и частью съ Персіей, шли бы въ Кизляръ воднымъ путемъ, а не по пустыннымъ и песчанымъ степямъ Каспійскимъ. При томъ полученіе отъ моря строеваго лѣсу, перевозка котораго на арбахъ отъ Шендруковской пристани нынѣ обходится очень дорого, произведетъ реформу въ построеніи домовъ въ Кизлярѣ, и тѣмъ уничтожитъ безобразіе въ

городѣ и уменьшитъ болѣзни, развиваемыя сырыми турлучными строеніями и саклями. Наконецъ, судоходство это вполнѣ уничтожило бы: во 1-хъ, большую половину издержекъ казны по доставкѣ провіанта для продовольствія войскъ Кавказскихъ, который въ прежнее время отправлялся моремъ изъ Астрахани до пристани Шендруковской, лежащей отъ Кизляра въ 60 верстахъ, а нынѣ, по признаніи этой пристани неудобною, отправляется къ пристани Серебряковской, отстоящей отъ Кизляра около 150 верстъ и тоже признаваемой неудобною; во 2-хъ, злоупотребленія по сей операціи, и въ 3-хъ, самую пристань, содержаніе которой требуетъ отъ казны значительныхъ суммъ.

Для сдѣланія Терека судоходнымъ, стоило бы только углубить немного какое нибудь русло рукавовъ его. Въ настоящее время, при дѣйствіи Грауертова водоотводнаго крыла, [1] искуственное углубленіе рукава Терека, при которомъ находится Кизляръ, представляетъ болѣе удобства для инженера и пользы для жителей города. Что же касается до издержекъ на этотъ предметъ, то, во 1-хъ, денежный единовременный сборъ съ Ногайцевъ. на повинности которыхъ лежитъ тяжесть перевозки низоваго хлѣба отъ пристани по многимъ магазинамъ Кавказской Линіи; во 2-хъ, срочная раскладка по торговымъ производствамъ и ремесламъ Кизлярскихъ жителей, простирающимся ежегодно на сумму около 590 т. рублей серебромъ, достаточны были бы на приведеніе въ исполненіе этого предположенія.

О названіи Кизляра нѣтъ историческихъ свѣдѣній, а живетъ о томъ въ народѣ два преданія.

Какой-то Персидскій Шахъ, услышавъ, что бунтовщики выхваляютъ его брата, созвалъ на пиръ враждебныхъ Хановъ. По окончаніи пира, Шахъ приказалъ ослѣпить гостей, на которыхъ падали его подозрѣнія. Увидѣвъ поднесенныя къ нему на золотомъ блюдѣ глаза брата, онъ облилъ ихъ слезами и засыпалъ червонцами, говоря: «Несчастный братъ, я буду любить тебя . . . ты Шаху больше не соперникъ!» Но слѣпецъ не остался на родинѣ, а пошелъ

---

[1] Въ 1834 году, подъ надзоромъ чиновника Корпуса Путей сообщенія, Грауерта, устроено водоотводное крыло, для удержанія водъ Терека, которыя, сильно стремясь изъ него въ рукавъ Бороздy и вытекающую изъ оной Прорву, наводняли прибрежныя поля и виноградники. Дѣйствіемъ этого крыла вода замѣтно устремляется въ Терекъ и быстротою очищаетъ его русло, засоренное иломъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ.

молить Кумыковъ о мщеніи. Кумыцкій Ханъ, его «кунакъ», другъ, созвалъ Горцевъ на жестокаго Шаха. Берега Терека уже стонали отъ съѣхавшихся къ набѣгу панцырниковъ. Уздени Чечни, Кабарды и Башилбая, Кумыки, Казы-Кумыки, дѣлили заранѣе Персію, оставляя слѣпцу, по желанію его, глаза брата. Вдругъ мстителя не стало. За чашкою шафраннаго плову съ фазаномъ страдалецъ скончался въ мученіяхъ. Не сомнѣвались, что Шахъ подослалъ отравить брата, что подтверждалось бѣгствомъ одного изъ нукеровъ, служившихъ при столѣ слѣпцу въ часъ его смерти. Вѣрные нукеры, похоронивъ своего «падишаха» на берегу Терека, подлѣ Кумыцкаго аула, сами не возвратились въ Персію, страшась преслѣдованія Шаха. Они раздѣлили сокровища покойника поровну и занялись торговлей, поселившись подлѣ той же самой Кумыцкой деревни, гдѣ схоронили слѣпца. Съ тѣхъ поръ, будто бы, мѣсто это называлось отъ Кумыковъ кызылларъ и кюзларъ. [1] Первое названіе, означая по переводу съ Кумыцкаго красные, имѣетъ основаніемъ красныя бороды Персіянъ, а второе, означая глаза, по переводу съ того же языка, имѣетъ основаніемъ страшную память о слѣпомъ братѣ Персидскаго Шаха.

Преданіе не помнитъ именъ этихъ братьевъ-враговъ. Изъ исторіи Персидской видно, что Фетъ-Али Шахъ приказалъ вынуть глаза своему брату, Гуссейнъ-Хану. Преданіе это очень близко къ извѣстіямъ о Кизлярскихъ Тезикахъ, которые считаются давними жителями города и нѣкогда бывшими богатыми купцами.

Другое преданіе о названіи Кизляра говоритъ, что въ рукавъ Терека, при которомъ стоитъ городъ, бросились двѣ Русскихъ дѣвушки, плѣнницы какого-то Хана Кумыцкаго, предпочитая смерть неволѣ быть женами Татарина. Съ того времени, будто бы, мѣсто гибели красавицъ названо Кумыками кызларъ. По переводу съ Татарскаго на Русскій, кызларъ значитъ дѣвки. Преданіе, описывая красоту одной изъ этихъ плѣнницъ, украденныхъ Кумыкомъ изъ «Сары-тау», Саратова, говоритъ, что она имѣла волосы на головѣ длиннѣе своего роста.

По низовью Терека живетъ съ незапамятныхъ дней народъ Татарскаго поколѣнія, называемый Кумыками, Казы-Кумыками, Ку-

---

[1] Ларъ прибавляется къ словамъ Татарскаго языка, для образованія множественнаго числа, на прим.: кюзъ, глазъ, кюзларъ, глаза; башъ, голова, башларъ, головы.

мыками. Ни исторія, ни народныя преданія не означаютъ опредѣлительно этого времени. Птоломей, въ свое время, писалъ, что по приморскимъ рукавамъ Терека живетъ народъ Ками или Каманъ. Кумыки называютъ себя дѣтьми Золотой Орды, «Кипчакъ-аулъ», что очень вѣроятно, судя по употребляемому ими Татарскому языку, отличному отъ Ногайскаго нарѣчія.

Обращаясь ко временамъ поселенія на Терекѣ Татаръ, т. е., Кумыковъ, можно видѣть, что у мыса Аграханскаго былъ Греческій городъ Ставрополь, жители котораго, Христіане, по вторженіи Исламизма въ страны Каспійскія, были истреблены, или удалились добровольно. Дѣйствительность существованія въ давнія времена этого города доказывается тѣмъ, что мѣста у Аграханскаго мыса и теперь называются тамошними жителями Хутъ и Учь, что значитъ крестъ, и что Епископы Астраханскіе, около 1716 года, назывались вмѣстѣ и Ставропольскими. Нынѣшній же Ставрополь, областной городъ Кавкаской области, не могъ въ то время входить въ составъ Астраханской Епархіи, потому что основаніе его относится къ 1777 году, времени учрежденія Кавказской Линіи.

Поселенія Русскихъ по низовью Терека начались послѣ завоеванія Астрахани, въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго. Когда Волжскіе разбойники, страшась наказанія Царя, разбѣжались «по всѣмъ концамъ», великая дума повела Ермака въ Сибирь, а атаманъ Андрей съ многочисленнѣйшею шайкою удалился по Каспійскому морю къ Кавказскимъ горамъ, гдѣ онъ «засѣлъ» на Сунджѣ, въ одномъ укрѣпленномъ городкѣ, вырѣзавъ, въ кровопролитномъ рукопашномъ бою, всѣхъ его жителей. Здѣсь долго управлялся онъ огнемъ и мечемъ съ Горцами и Татарскими мурзами, не хотѣвшими, по отдачѣ Астрахани, покориться Россіи и блуждавшими въ Заволжьѣ и степяхъ Терскихъ. Въ награду за такіе подвиги, Царь простилъ Козакамъ прежніе разбои по Волгѣ и, стараясь усилить народонаселеніемъ и защитою Каспійскій край, перевелъ ихъ съ Сунджи на устье Терека, гдѣ былъ уже Кумыцкій городокъ Терки, съ деревянными стѣнами и башнями. Оставленное же Козаками укрѣпленіе на Сунджѣ и понынѣ называется Андреевою деревней, по имени ихъ удалаго атамана. Въ смутныя времена Россіи, при Самозванцахъ, Терскіе Козаки, въ соединеніи съ Волжскими и Донскими, помогали Самозванцамъ. Принимая охотно къ себѣ всякаго, приходившаго къ нимъ на удалое житье, Терскіе Козаки вскорѣ такъ раз-

множились, что городъ Терки, заселенный прежде Кумыками, Армянскими купцами, небольшимъ числомъ Московскихъ Стрѣльцовъ и другихъ Русскихъ, сдѣлался большимъ городомъ, далеко растилавшимся надъ самымъ моремъ.

Въ царствованіе Годунова Русскіе строили крѣпости въ Ендери, на Койсу рѣкѣ, около Тарковъ, но, отбиваемые Горцами, болѣе Тарковскими Дагестанцами, не имѣли успѣха. Въ 1722 году, Петръ Великій, возвращаясь изъ Персіи, на земляхъ Шамхала Тарковскаго, давшаго присягу на вѣрноподданничество Россіи, построилъ около рѣки Сулаки, въ 35-ти верстахъ отъ моря, правильную крѣпость Св. Креста. Онъ назвалъ ее такъ въ память древняго Греческаго города Ставрополя, находившагося по теченію той же рѣки. Для защиты же этой крѣпости, называемой въ просторѣчіи Сулаками, онъ перевелъ въ нее Козаковъ и гарнизонъ изъ Терковъ, въ которыхъ, вскорѣ послѣ сего, мстительными Дагестанцами срыты были до основанія всѣ башни и укрѣпленія, а море потопило и самое мѣсто, гдѣ, въ ежедневной брани съ Дагестаномъ, Кумыками и Ногайцами, кипѣла жизнь буйной вольницы.

Въ 1725 году Шамхалъ Тарковскій, Адиль-Гирей, по внушенію «Стамбула», съ 30,000 Горцевъ напалъ на новую крѣпость, но, разбитый Генералъ Маіоромъ Кропотовымъ, былъ взятъ въ плѣнъ и за измѣну отправленъ въ Колу, въ заточеніе, а Тарки, его резиденція, разорены до основанія. Чеченцы и Кисты, возвращаясь домой изъ подъ крѣпости безъ славы, и не получа обѣщанной Адиль-Гиреемъ добычи, разграбили и сожгли Кизляръ, это торговое поселеніе Персіянъ и Армянъ, слившееся въ одно съ Кумыцкою деревнею, подлѣ которой, по преданію, похороненъ слѣпецъ и утонули Русскія дѣвицы. Торговля этой колоніи съ Горцами, съ Персіею, съ Тифлисомъ и сношеніе ея съ Астраханью, не могли укрыться отъ дальновидныхъ взоровъ Петра I. Жалѣя о разореніи Кизляра, онъ, въ защиту его на будущее время, повелѣлъ подлѣ него строить крѣпость, что было исполнено въ 1730 году, откуда и должно считать время настоящаго основанія Кизляра. Смертность отъ нездороваго климата въ крѣпости Св. Креста, а главное мирный и союзный трактатъ, заключенный въ 1735 году при Ганжѣ съ Персіею, были поводомъ, что гарнизонъ изъ нея переведенъ въ Кизлярскую крѣпость, а Терскіе Козаки поселены подлѣ Кизляра. Съ этого времени городъ началъ распространяться.

Выгодный торгъ съ Кумыками, Ногайцами и другими народами, рыбныя ловли по Тереку и Каспійскому морю и близкое сосѣдство крѣпости, въ которой, при набѣгахъ хищниковъ, можно было скрыаться съ своимъ, по крайней мѣрѣ, цѣннымъ имуществомъ, все это въ скоромъ времени умножило городъ новыми поселенцами и сдѣлало его складочнымъ мѣстомъ товаровъ для торговли съ Кавказкими народами и Персіею. Армяне и Грузины селились въ немъ преимущественно, убѣгая непостоянства и деспотства властителей Ирана. Казанскіе Татары пришли послѣ чумы, постигшей ихъ городъ. Окочирцы, Черкесы и другіе Горцы, привлекаемые базарами Кизлярскими, селились одинъ за другимъ въ сосѣдствѣ съ Армянами. При томъ еще съ давнихъ временъ Персіяне и Индѣйцы, не говоря уже объ Армянахъ, прокладывали себѣ по степенямъ Терскимъ дорогу въ торговую Астрахань, гдѣ богатѣла тогда извѣстная Востоку и Западу Джульфинская Компанія. [1] Увлекаемые большими выгодами, они охотно оставались въ Россіи. Русское Правительство, дозволяя имъ селиться въ Кизлярѣ и Астрахани, дало, въ послѣдствіи, секретное повелѣніе о склоненіи ихъ къ принятію вѣрноподданничества. Садоводство, винодѣліе, шелководство, оружейничество, скорнячество и другія рукодѣлія и ремесла, кромѣ торговли и рыболовства, сдѣлались привычными занятіями поселенцовъ. Кромѣ торговыхъ оборотовъ на Джульфинской Компаніи, многіе Кизлярцы участвовали въ Персидской торговой Компаніи, [2] которая учрежденіемъ своимъ оживила мысль Преобразователя Россіи о нашей Восточной торговлѣ. По таможеннымъ выводамъ видно, что въ 1760 году, при существованіи этой Компаніи, привозъ и отпускъ въ Астрахани и Кизлярѣ цѣнился до 390 т. рублей на ассигнаціи. Льготы Петра I и Екатерины II, дававшіяся вообще Армянамъ, селившимся въ Россіи, и заключающіяся, между прочимъ, въ малыхъ пошлинахъ по торговлѣ, и даже безпошлинности во многихъ случаяхъ, и наконецъ долговременная безподатность Кизляра, [3] рѣшительнѣй объясняютъ быстрое распространеніе этого разноплеменнаго и разнохарактернаго города.

---

[1] Торговое Армянское общество, основавшееся въ Астрахани около 1672 года.

[2] Общество, учрежденное около 1755 года въ Астрахани, для поддержанія Русской промышленности.

[3] Въ 28 день Октября, 1799 года, дарованы грамоты Армянамъ: 1-я, города Григоріополя, 2-я, Общества Дербентскаго и Маскурскаго, 3-я, города Стараго

Крѣпость Кизлярская не всегда могла защищать горожанъ отъ нападеній Горцевъ, тѣмъ болѣе, что набѣги были, по большой части, нечаянные. Въ 1770 году Кисты напали на Кизляръ во время самой рабочей поры въ садахъ, и увели въ плѣнъ много Армянъ и

Крыма, 4-я, городовъ: Астрахани, Кизляра и Моздока. Въ первыхъ трехъ грамотахъ изображено между прочимъ: «Всемилостивѣйше увольняемъ всѣхъ Армянъ отъ Государственныхъ податей и службъ, какого бы они званія ни были, на 10 лѣтъ.» Подобнаго содержанія привилегія утверждена за Армянами Нахичеванскими. Въ грамотѣ же, дарованной Армянамъ Кизлярскимъ, Моздоцкимъ и Астраханскимъ, срока льготы не опредѣлялось, почему они и не были обложены никакимъ окладомъ ни по мѣщанскому, ни по поселенному званіямъ, тогда какъ прочіе Армяне, по окончаніи срока ихъ льготамъ, вносили въ казну подати, на основаніи указовъ, приведенныхъ Свода Законовъ т. V устава о податяхъ въ ст. 533, 536, 538 и 540.

Главноуправлявшіе Грузіею, Генералъ Ермоловъ и Князь Варшавскій, Графъ Паскевичъ Эриванскій, представляли Министерству Финансовъ о необходимости прекратить преимущества, доставленныя Армянамъ Кавказской Области и Астраханской Губерніи, прибавляя въ своихъ представленіяхъ то обстоятельство, что Армяне Грузинскіе и областей, присоединенныхъ отъ Персіи къ Россіи, не пользуются никакими исключительными привилегіями.

Министръ Финансовъ представлялъ объ этомъ Комитету Гг. Министровъ, на журналъ котораго, въ 29 день Марта 1827 года, послѣдовало собственноручное Высочайшее повелѣніе: «Дѣло объ Армянахъ передать въ Государственный Совѣтъ съ тѣмъ, чтобъ рѣшенъ былъ вопросъ: справедливо ли дать пришельцамъ вѣчныя преимущества предъ коренными Русскими?»

Государственный Совѣтъ мнѣніемъ, Высочайше конфирмованнымъ 17 Февраля, 1828 года, призналъ, что никакія привилегіи безсрочными быть не могутъ.

Въ послѣдствіе этого Комитетомъ Гг. Министровъ, Высочайше утвержденнымъ 2 Іюня, 1831 года, постановлено: предоставить, на основаніи грамоты 1799 года, льготу тѣмъ изъ Кизлярскихъ, Моздоцкихъ и Астраханскихъ Армянъ, которые, во время состоянія той грамоты, находились въ своихъ городахъ: Кизлярѣ, Моздокѣ и Астрахани, и также не распространяя на ихъ потомство. Всѣмъ же прочимъ Армянамъ, считающимся какъ въ Кизлярскомъ, такъ Моздоцкомъ и Астраханскомъ обществахъ, пользующимся льготою, предоставлено на волю, или въ теченіи шести мѣсяцевъ вступить въ вѣчное подданство Россіи, на общемъ основаніи, или быть въ качествѣ не торгующихъ иностранцевъ. Потомъ Армяне Кавказской области и Астраханскіе, исключенные изъ привилегіи 1799 года, признаны Россійскими подданными, и наконецъ, по Высочайшему указу Правительствующаго Сената, отъ 21 Мая, 1836 года, въ которомъ указѣ основаны 536 и 540 ст. Продолженія Свод. Зак. том. V о податяхъ, они уравниваются постепенно въ платежѣ Государственныхъ податей съ прочими Россійскими подданными, съ которыми пользуются одинакими выгодами.

женщинъ. Наказанные нашимъ отрядомъ, Кисты возвратили часть плѣнныхъ, «замирились», и дали въ Кизлярскую крѣпость аманатовъ. Но спустя годъ, аманаты бѣжали изъ крѣпости, и новое нападеніе Кистовъ на Кизляръ было ужаснѣе, потому что они, забирая достояніе жителей, не брали ихъ въ плѣнъ, а убивали, не щадя ни пола, ни возраста. Въ 1773 году, Аксайской Кумыцкій Князь Али-Султанъ, переправясь осенью черезъ Терекъ, ниже Кизляра, на разсвѣтѣ ударилъ на городъ. Пока распространилась тревога и помощь Терскаго войска и крѣпости пришли на защиту, крайняя часть Арментира пылала, и половина хищниковъ, обремененныхъ плѣнными и добычею, успѣла переправиться за Терекъ. Въ 1777 году Чеченцы отъ Сунджи, переправясь черезъ Терекъ, тоже ниже Кизляра, сдѣлали подобное опустошеніе въ кварталѣ Кизлярскихъ Тезиковъ. Въ 1785 году былъ набѣгъ Чеченцовъ, памятный не столько по разоренію, сколько по ужасу, наведенному на Кизляръ и его окрестности. Много подробностей разсказываютъ въ Кизлярѣ объ этомъ набѣгѣ.

Около 1785 года явился между Чеченцами нѣкто Шихъ-Мансуръ. Неизвѣстно достовѣрно, былъ ли онъ Турокъ, подосланный враждебною тогда намъ Портою, для утвержденія въ Кавказскихъ горахъ Корана и поднятія ихъ на Русскихъ, или онъ былъ, по преданію, Чеченскій пастухъ. Но какъ бы то ни было, а Горцы признали его пророкомъ, вооружались по его призыву и шли за нимъ, какъ кровавый хвостъ за своею кометой. Онъ до того успѣлъ зажечь фанатизмъ въ дикихъ сынахъ горъ, что одно слово его, одно мановеніе, заставляло ихъ безъ сопротивленія, безъ ропота, бросаться на желѣзныя стѣны Русскихъ штыковъ и подъ картечнымъ градомъ устилать трупами поля жестокихъ битвъ. Для примѣра силы вѣрованія въ этого необыкновеннаго человѣка, довольно привесть слѣдующій случай. По разгромленіи одной станицы на Терекѣ, нѣсколько Башилбайцевъ утаили часть добычи, которую они должны были послѣ набѣга принесть къ Шихъ-Мансуру, въ ожиданіи общаго дѣлежа. Шихъ-Мансуръ сказалъ имъ, будто бы, слѣдующую фразу: «Смерть за ложь пророку, или идите въ свои горы стругать кинжалами палочку.» Башилбайцы, эти разбойники, славящіеся на Кавказѣ воровствомъ и варварствомъ, молча, сложили къ ногамъ Мансура солдатскіе патроны и мѣдную посуду, и, вышедъ изъ толпы, застрѣлились одинъ за другимъ.

Окруженный грозными тысячами такихъ послушныхъ воиновъ, Шихъ-Мансуръ приближался къ Кизляру, въ намѣреніи сдѣлать его жителей Магометанами, или, истребивъ ихъ, въ случаѣ сопротивленія, сравнять городъ и крѣпость съ степями. Недалеко отъ Кизляра, за Терекомъ, остановился лжепророкъ шумнымъ станомъ.

Вотъ рукопись очевидца «О нашествіи Чеченскаго пастуха-волка, Шиха,» сложенная какимъ-то Грузиномъ. Брань и проклятія на а пастуха-волка Шиха» встрѣчаются на каждой страницѣ. Здѣсь выписывается главное содержаніе рукописи, которое, сколько помнится, заключалось въ слѣдующемъ:

Кизлярцы трепетали, какъ листъ на шелковицѣ. Всякъ, кто только могъ вооружиться и сѣсть на коня, вызывался на защиту. Стариковъ, женъ и дѣтей приняли въ крѣпость, куда помѣстили Присутственныя Мѣста и казенныя вещи. Чиновники гражданскіе вооружались. Армяне, Грузины, Персіяне и другіе жители зарывали все цѣнное въ землю. Не зная пункта нападенія, Терскіе Козаки, Русскіе, Грузины, Армяне, Окочирцы, Кристіаульцы и прочіе жители Кизляра, собирались вооруженными толпами къ Тереку въ разныхъ мѣстахъ. Въ крѣпости подняли мосты. Фитили дымились у пушекъ. Съ большою осторожностію впускали въ крѣпость, еще съ съ большею выпускали. По часто вкатываемымъ въ крѣпость арбамъ съ виномъ, печеньмъ хлѣбомъ и баранами, можно было догадываться, что Комендантъ замышлялъ долгую оборону.

Въ этомъ мѣстѣ сказанія, Грузинъ, упоминая о чихирѣ, взятомъ въ крѣпость изъ его бочекъ, такъ озлобился на «Чеченскаго пастуха-волка,» что даже называлъ его сыномъ собаки и мыши.

По ночамъ виднѣлись пожары окрестныхъ деревень и станицъ, слышались выстрѣлы и пѣсни бузаира, [1] приносимые по вѣтру быстрымъ токомъ вѣтвистаго Терека. Внимая этимъ звукамъ, крѣпость принимала оборонительное положеніе, боясь нечаяннаго на-

[1] Бражная пѣсня. Буза значитъ, по переводу, просо, изъ котораго Горцы приготовляютъ хмѣльную брагу, а иръ — пѣсня. Сваренная съ Башилбайскимъ медомъ дикихъ пчелъ, имѣющимъ сильное одуревающее свойство, буза считается лучшею. Отправляясь въ набѣгъ и на безопасныхъ привалахъ, Горцы пьютъ съ излишествомъ бузу, стрѣляя изъ ружей и распѣвая перекликающимися хорами бузаиръ, котораго напѣвъ дикъ и протяженъ, а содержаніе, по большой части, подвиги какого нибудь удальца и разбойника.

паденія. При пробѣ крѣпостныхъ орудій, Армянки отъ страха падали десятками, и въ этой суматохѣ открылось, что подъ женской чадрой пришелъ въ крѣпость мужчина. Опасаясь измѣны, Комендантъ сдѣлалъ смотръ. Женщины, молодыя и старыя, проходили мимо его безъ чадръ, вопреки обычаямъ Востока. Въ слѣдствіе этого смотра, болѣе десяти молодыхъ Армянъ, скрывшихся подъ женскими чадрами, принуждены были оставить убѣжище, огражденное стѣнами и обставленное пушками.

Утромъ рано, на другой день ожиданія, тучи пыли взвились за Терекомъ. Крѣпость ощетинилась, Козаки переправлялись за рѣку на встрѣчу врагу, заклиная другъ друга не выдать аркану и шашкѣ женъ и дѣтей, не дать огню саклей родныхъ и падать «спиною въ Терекъ,» если не одолѣютъ «пастуха-волка.» Татары, Кристіаульцы и Окочирцы стали стѣной на нашемъ берегу. Всѣ прочіе залегли въ Топольской рощѣ. Комендантъ, бѣгая съ Плацъ-Маіоромъ по валамъ крѣпости, смотрѣлъ въ подзорную трубку. Женщины плакали, дѣти кричали, старики молились. Священники Русскіе и Армянскіе, ходя съ образами по стѣнамъ, пѣли молитвы и кропили Христіанъ святою водой. Все суетилось, шумѣло и бѣгало. Одни Русскіе солдаты, молча, стояли рядами, посматривая на ружья свои и привинчивая покрѣпче штыки.

Безъ пищи и чихиря весь день дожидали «пастуха-волка», всю ночь безъ сна, и потомъ разошлись по домамъ, не дождавшись Шиха, который, ограбивши двѣ станицы на Терекѣ и сжегши нѣсколько деревень, внезапно отъ Кизляра бѣжалъ въ горы. Наконецъ сочинитель досадуетъ, что всѣ военныя приготовленія Кизлярцевъ кончились «пфей», ничѣмъ, и изъ пушекъ Комендантъ выстрѣлилъ только одинъ разъ.

Но этотъ очевидецъ нашествія на Кизляръ Шихъ-Мансура, вѣроятно, забылъ сказать, что авангардъ Шиха, или отдѣльная толпа его скопищъ, переправилась черезъ Терекъ далеко ниже Кизляра, разграбила и сожгла сакли на виноградникахъ, гдѣ нынѣ находится садъ Тавакелова, и что при этомъ случаѣ одинъ Армянинъ, уходя отъ Горцевъ изъ садовъ въ городъ, упалъ съ лошади и умеръ, какъ говоритъ Армянское преданіе, на дорогѣ, со страху.

О Шихъ-Мансурѣ, объясняя внезапное его отступленіе отъ Кизляра, расказываютъ въ народѣ, будто бы всѣ Горцы, подходившіе съ нимъ къ городу, потонули въ болотахъ Затерскихъ, которыхъ

высокіе камыши показались ночью разбойникамъ за Кизляръ, и что каждая камышина издавала голосъ человѣческій и, наклоняясь въ стороны, забивала въ трясину храбрыхъ панцырниковъ. Оружіемъ, будто бы, шлемами и башлыками были послѣ наутро покрыты болота за Терекомъ.

Объясняя эту сказку естественнымъ ходомъ вещей, можно думать, что белатъ,[1] подводя толпы къ городу скрытнымъ путемъ, чтобъ ударить съ неожиданной стороны, былъ обманутъ своею памятью и темною ночью. Легко могло случиться, что онъ зашелъ въ болота, часто непроходимыя при разлитіи Терека, который, при таяніи льдовъ и снѣговъ Кавказскихъ, не однажды въ годъ выходитъ изъ береговъ своихъ, образуя въ степяхъ озера и топи. Въ 1768 году Генералъ Потаповъ, для защищенія Кизляра отъ нападенія Черкесовъ, нарочно пустилъ воду изъ Терека, разрушивъ плотину, удерживавшую стремленіе рѣки въ каналъ Борозду, сдѣланный для напоенія чалтуковъ и виноградниковъ. Но, вѣроятнѣе, внезапное и быстрое отступленіе Шихъ-Мансура объясняется полученнымъ извѣстіемъ о прибытіи на Сунджу Полковника Перси съ трехъ-тысячнымъ отрядомъ. Горцы должны были бѣжать отъ Кизляра на защиту своихъ ауловъ. Нѣсколько Горцевъ могли и утонуть въ болотахъ, а оружіе этихъ разбойниковъ, находимое послѣ за Терекомъ, могло быть потеряно, или даже брошено, въ поспѣшномъ ихъ обратномъ слѣдованіи.

Полковникъ Перси, завлеченный въ лѣсистыя дефилеи, погибъ со всѣмъ своимъ отрядомъ въ жестокой сѣчѣ съ Горцами. Турція увлекла потомъ Шиха на защиту Анапы, гдѣ онъ былъ взятъ Русскими въ плѣнъ и отправленъ, по повелѣнію Екатерины II, въ Соловецкій монастырь. Между Чеченцами ходитъ преданіе, что Шихъ-Мансуръ возвратился въ горы: но то, вѣроятно, былъ или самозванецъ, или подобный фанатикъ.

Въ 1831 году Кизляръ очень пострадалъ отъ другаго фанатика, Казы-Муллы. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, подъ предводительствомъ его, толпы Горцевъ переправились въ одно время въ трехъ мѣстахъ черезъ Терекъ. Одна толпа устремилась на Татарскую, другая на городъ, а третья на Топольскую рощу, гдѣ тогда ходило много гуляющихъ. самъ же Казы-Мулла съ главными силами оставался за Терекомъ.

[1] Вожатый. Отъ опытности его и расторопности зависитъ успѣхъ набѣга. Онъ всегда впереди, то на конѣ, то пѣшій. Удача набѣга даетъ ему двѣ доли добычи.

Это было въ Воскресенье. Спокойно возвращались домой Армяне изъ церквей отъ обѣдни, а Терскіе Козаки и Кристіаульцы, въ приходѣ которыхъ литургія оканчивается ранѣе прочихъ церквей, сидѣли за обѣдомъ. Ружейная пальба и гиканье Горцевъ вдругъ раздались въ Кизлярѣ и смѣшались съ отчаяннымъ воплемъ испуганныхъ жителей. Все встревожилось, бросилось къ оружію, закипѣло въ рукопашномъ бою. На улицахъ и въ домахъ забирали въ плѣнъ безоружныхъ, дѣтей и женщинъ. Въ ближнихъ къ Тереку сакляхъ многіе не успѣвали встать отъ обѣда, и падали съ наръ подъ шашками хищниковъ. Одинъ несовершеннолѣтній Козакъ, отстрѣливаясь въ саклѣ, убилъ шесть Горцевъ, пока его успѣли «достать». Подобный отпоръ былъ общій въ станицѣ. Жители, бросая домы и имущество, бѣжали въ крѣпость. Священникъ и Діаконъ Успенской Армянской церкви, выходившіе послѣдними изъ храма, были встрѣчены кинжалами. Священникъ, сѣдой старичекъ, послѣ тревоги былъ найденъ стоящимъ у стѣны на паперти.

Не болѣе двухъ часовъ продолжался этотъ набѣгъ. Хищники ограбили Русскій монастырь, двѣ Армянскія церкви, Успенскую въ городѣ и Георгіевскую въ Топольской рощѣ, многія лавки и дома, и, обремененные добычею, плѣнниками и убитыми своими товарищами, которыхъ Горцы, по обычаю, уносятъ съ собою, шумно переправились за Терекъ. Многіе изъ Кизлярцевъ и до сихъ поръ находятся въ плѣну.

Пожара не было. Грузинская слобода и вообще части города, отдаленныя отъ Терека, не потерпѣли вреда. Набѣгъ былъ такъ неожиданъ, рѣшителенъ и скоръ, что Кизлярцы до вечера не могли опомниться отъ испуга, и только трупы въ домахъ и по улицамъ, и слѣды ужасной суматохи, разувѣряли ихъ въ томъ, что это было не страшный сонъ, не видѣніе. Число хищниковъ одни полагаютъ до 800, а другіе до 2,000. Въ маѣ мѣсяцѣ того же года, при нападеніи на Тарки и крѣпость Бурную, отстоящія отъ Кизляра не болѣе, какъ на 120 верстъ, съ Казы-Муллою было 8,000 Горцевъ.

Хищничества въ маломъ видѣ, состоящія въ уводѣ двухъ, трехъ человѣкъ, въ угонѣ скота, происходили въ Кизлярѣ очень часто, особенно въ прежнія времена, когда Линія была менѣе устроена въ военномъ отношеніи.

Вотъ для примѣра одинъ изъ множества подобныхъ случаевъ, живущихъ въ памяти Кизлярцевъ и расказываемыхъ ими вмѣсто анекдотовъ.

Въ одномъ саду, которыми окруженъ Кизляръ на нѣсколько верстъ, Армянинъ, по прозванью Сокуръ, позднимъ вечеромъ дожидалъ своего пріятеля къ ужину. Предъ нимъ на нарахъ, покрытыхъ худымъ коврикомъ, въ длинной тыквѣ стоялъ чихирь, между деревянными чашками съ чурекомъ и бишлякомъ. [1] Послышавъ стукъ у дверей, которыя для предосторожности были заперты изнутри деревяннымъ засовомъ, Сокуръ посмотрѣлъ въ желѣзное окно, и спросилъ: «Ты, Аствацатуръ?» Услышавъ голосъ пріятеля, онъ поспѣшилъ отодвинуть засовъ. Дверь со стукомъ отворилась. Въ саклю вошли два Чеченца и за ними на арканѣ, съ распоркою въ зубахъ, «тыль», и со связанными назадъ руками, Аствацатуръ, котораго они, рыская по садамъ, взяли недалеко отъ Сокурова жилища. Одинъ Чеченецъ бросился снимать оружіе, висѣвшее на стѣнѣ, а другой накинулъ арканъ на шею хозяина, связалъ руки и, чтобъ скорѣе прервать отчаянный крикъ его, заложилъ ему распоркою ротъ. Безмолвные мольбы Армянъ и слезы ихъ не тронули Горцевъ. Хищники ограбили саклю, потушили въ ней огонь и повели плѣнниковъ въ сосѣдній садъ. Подъ деревами стояли уединенно двѣ сакли, а въ одной свѣтился огонекъ. Хищники тихо подошли къ мерцавшему во тмѣ окошку и, устремивъ обнаженные кинжалы на своихъ плѣнниковъ, шопотомъ предложили имъ на выборъ: или умереть въ ту же минуту, или вызвать сосѣда изъ сакли. Тогда разбойники освободили ихъ зубы отъ распорки и снова угрожали. Животолюбивые пріятели предпочли предательство смерти. Сосѣдъ, какъ они, попалъ на арканъ; жилище его было разграблено. Окольною тропой потащили Чеченцы троихъ къ Тереку, вѣшая на плечи имъ тяжелую добычу. У берега смирно стояли сбатованные кони хищниковъ. Посадя съ собою позади сѣдла по одному Армянину, а остальнаго привязавъ къ хвосту лошади, Чеченцы переплыли быстрый Терекъ. Сокуръ. потерявши балансъ подъ тяжестью мѣдныхъ кувшиновъ, нацѣпленныхъ на него вмѣстѣ съ боченкомъ кизлярки, свалился съ коня и канулъ въ Терекъ. Остальные плѣнники отданы на Андреевскомъ базарѣ за соль и порохъ. Долго переходя изъ рукъ въ руки, они попали на Русской Мѣновой Дворъ, гдѣ куплены были знакомыми Моздоцкими Армянами за полшапки серебра.

Въ настоящее время подобныя произшествія въ Кизлярѣ бываютъ очень рѣдки.

---

[1] Бишлякомъ называютъ Кизлярцы горской сыръ. Осетинскій почитается лучшимъ.

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КНЯЖЕСТВЪ

МОЛДАВІИ И ВАЛАХІИ,

ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНИИ, ОТЪ ОБРАЗОВАНІЯ ОНЫХЪ ВЪ КНЯЖЕСТВА ДО ПОЛОВИНЫ 1831 ГОДА.

Первое время Княжествъ.

Съ того самаго времени, когда Молдавія и Валахія, образовавшись въ Княжества, и подъ симъ именемъ содѣлались извѣстными, хотя и имѣли Князей или Господарей своихъ, но никогда не пользовались въ политическомъ отношеніи отдѣльною самостоятельностію своею. Географическое положеніе оныхъ, можетъ быть, было одною изъ главныхъ причинъ сему: находясь между Россіею, Гетманами, Польшею, Австріею, Венгріею, Сербіею, Турками, положившими завоеваніями своими твердое основаніе въ Болгаріи, и наконецъ Татарами, послѣ Чигринской битвы поселившимися въ Буджакѣ, оба Княжества сіи служили, можно сказать, сборнымъ мѣстомъ, на которое стекались различные племена и народы, чтобъ рѣшать распри свои кровопролитными битвами.

Въ продолженіи безпрерывныхъ раздоровъ сихъ, Молдавія и Валахія, по необходимости, должны были принимать ту или другую сторону и, не будучи въ состояніи, иногда по причинѣ взаимныхъ и внутреннихъ безпорядковъ, твердо воспротивиться частымъ вторженіямъ симъ, безпрестанно переходили отъ союза однихъ подъ покровительство другихъ. Венгрія, Сербія и Польша, въ первыя времена сіи, взаимно раздѣляли и распространяли владычественное

вліяніе надъ обоими Княжествами сими. Но, не взирая на то, конечно, время сіе было одною изъ блистательнѣйшихъ эпохъ самостоятельности обоихъ Княжествъ, имѣвшихъ тогда собственную вооруженную силу свою.

Счастливые успѣхи Турецкаго оружія въ Европѣ, смиривъ однихъ, покоривъ другихъ, и постепенно пріобрѣтая владычесгво надъ обытателями праваго берега Дуная, скоро распространили оное и на лѣвый берегъ рѣки сей. Опустошительныя вторженія Турковъ въ началѣ уподоблялись таковымъ Гуновъ. Молдавія и Валахія, содѣлавшись сосѣдственными съ сими грозными завоевателями, и не будучи во время и достаточно вспомоществуемы союзниками, или владыками своими, Венгерцами и Поляками, устрашились и поспѣшили искать покровительства Турецкой Имперіи, а въ слѣдъ за симъ вступили и въ подданство оной.

Покореніе Княжествъ Турками.

Въ первое время Турки ограничивались взиманіемъ ничтожной дани и построеніемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ паланокъ, но вскорѣ нѣкоторые изъ Господарей, или движимые религіею, или обольщенные сосѣдями и изъ собственныхъ видовъ своихъ, начали временами ополчаться противъ Оттоманской Имперіи. Хотя скорое, жестокое и достойное наказаніе и было всегда плодами вѣроломства ихъ, Княжества сохранили прежнюю тѣнь самостоятельности, а народъ подъ тяжкимъ игомъ Турковъ, утвердившихся уже въ крѣпостяхъ на Дунаѣ, пользовался дикою свободою своею; но народная вооруженная сила Княжествъ съ сего самаго времени постепенно начала искореняться, а за симъ естественно послѣдовала постепенная утрата и воинственнаго духа. Не взирая, однако, на сіе, мы видимъ въ послѣднее уже время существованія Господарей сихъ, Бранкована и Кантемира, въ головѣ народнаго и довольно еще сильнаго ополченія своего.

Назначеніе Фанаріотовъ въ Господари.

Назначеніе Господарей изъ Фанаріотовъ нанесло рѣшительный ударъ обоимъ Княжествамъ во всѣхъ совершенно отношеніяхъ, преимущественно же нравственности, болѣе или менѣе вообще всѣхъ классовъ.

Господарь Фанаріотъ, какъ откупщикъ богатаго и заселеннаго края, на нѣкоторое время преданнаго ненасытимой алчности его,

являлся въ оный съ многочисленной стаей голодныхъ и голыхъ родственниковъ, долженствовавшихъ занимать мѣста подъ владычествомъ его. Въ предначертанной цѣли своей, онъ не могъ полагаться на искреннюю къ себѣ преданность, особенно народной массы; и посему, сначала для личной своей безопасности, а потомъ для приведенія корыстолюбивыхъ своихъ видовъ въ дѣйство, окружалъ себя (сверхъ нѣкотораго числа въ началѣ приводимыхъ съ собою Турковъ), наемною стражею, извѣстною въ землѣ подъ общимъ наименованіемъ Арнаутъ, составленныхъ изъ Суліотовъ, Албанцевъ, Грековъ, Македонскихъ и другихъ нагорныхъ Болгаръ, Сербовъ и проч. [1]

При вступленіи Фанаріотовъ на княженіе, имъ необходимо было усыпить или обольстить Бояръ и обуздать народъ. Въ отношеніи къ первымъ, они, съ одной стороны, истощали коварство, ехидство, самые адскіе козни и всѣ отличительныя черты характера своего; съ другой, съ знатнѣйшими и богатѣйшими вступали въ родство, и связями сими взаимно угнѣтали и преслѣдовали прочихъ, до того, что Бояры обоихъ Княжествъ, прежде уже перемѣшанные связями родства съ Венгерцами и Поляками, а многіе были и происхожденія сего, окончательно слились съ Фанаріютами и другими Греками, въ продолженіе болѣе вѣка владычества сихъ Князей, такъ что имена Раковицъ, Дабижей и другихъ славныхъ древнихъ Бояръ, едва нынѣ извѣстны, и слѣды ихъ должно отыскивать въ классѣ Мазилъ, куда были низринуты съ множествомъ другихъ игомъ, наложеннымъ новыми пришельцами и связями родства съ губительными властелинами своими, Фанаріотами. [2] И потому нынѣ несравненно большая часть

[1] Сіе послѣднее обстоятельство составляетъ предметъ нашего разсужденія, и о чемъ мы будемъ говорить далѣе.

[2] Сіе-то и есть истинная причина безконечныхъ тяжбъ, въ Княжествахъ и самой Бессарабіи попынѣ существующихъ. Ибо Бояры сіи, насильственно овладѣвъ имуществами сихъ, нынѣ въ классѣ бѣднѣйшихъ Мазилъ находящихся, снабжались новыми документами отъ Господарей, тогда какъ настоящія оставались въ рукахъ истинныхъ владѣтелей, но по бѣдности и угнѣтенію не допускаемыхъ предъявить законныя права свои. Не только въ Молдавіи и Валахіи, но и въ Бессарабіи, гдѣ также еще земли не размежеваны, нѣтъ ни одного помѣщика, который бы не имѣлъ споровъ о границахъ, или о самыхъ помѣстьяхъ, которыя переходятъ изъ рукъ въ руки, такъ что одинъ не успѣваетъ доказать свои мнимыя права на имѣніе, какъ другой вновь оспариваетъ у него владѣніе, и потомъ самъ теряетъ оное въ тяжбѣ съ третьимъ, и такъ далѣе. Конечно, въ

первоклассныхъ Бояръ Молдавіи и Валахіи суть происхожденія иноземнаго, преимущественно Греческаго, Венгерскаго и частію Польскаго и Сербскаго: **Бранкованы, Стурдзы, Балши, Гики** (обоихъ Княжествъ), **Россеты** (Разнованы), [1] **Кантакузины** (Пашканы), [2] **Канты, Филипески, Филипы, Романети, Башоты, Маврокордаты, Баланески, Василики, Бѣло, Суцы, Палади, Гречаны, Балачаны, Конаки, Бельдеманы, Вилары, Ралеты Мано,** и пр. и пр. служатъ сему примѣромъ. [3]

Второй разрядъ Бояръ, менѣе перемѣшанный съ иноземцами, особенно съ Греками, казался въ началѣ также опаснымъ для Фанаріотовъ, ибо классъ сей занималъ большую часть должностей по цынутамъ (уѣздамъ) и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Главнаго Управленія. Что касается до сихъ послѣднихъ, то Фанаріоты не встрѣчали большаго труда, подъ разными предлогами, смѣщать и замѣнять ихъ своими родственниками и другими Греками. Со властями же въ уѣздахъ они поступали ухищреннѣе и осторожнѣе: сначала къ Исправникамъ назначали по одному помощнику изъ Грековъ, потомъ назвали сихъ послѣднихъ товарищами, чрезъ нѣсколько времени дали имъ титулъ вторыхъ Исправниковъ, а наконецъ и оба Исправники назначались изъ Грековъ.

Чтобы болѣе еще усыпить и прекратить начинавшійся ропотъ, [4] по причинѣ удаленія туземныхъ отъ должностей, Фанаріоты при-

---

отношеніи Бессарабіи, если Правительство обратитъ на сіе вниманіе, то или большая часть помѣстьевъ будетъ возвращена и утверждена у законныхъ владѣльцевъ, или поступитъ въ казну, особенно въ Хотинскомъ цынутѣ, гдѣ нѣтъ почти документовъ, и большая часть онаго по всему праву принадлежитъ казнѣ, какъ существовавшая рая. Буджакъ представляетъ сему примѣръ, и пр. и проч.

1 Часть фамиліи Россетовъ именуется съ недавняго времени Разнованами, отъ имени помѣстья Разнова, купленнаго отъ Князей Морузи. Съ 1821 года нѣкоторые изъ Россетовъ, производятъ фамилію свою отъ Розети, но это ложно. Фамилія Россетовъ слишкомъ извѣстна въ обоихъ Княжествахъ.

2 Нѣкоторые изъ Кантакузиныхъ именуются Пашканами отъ имени помѣстья Пашканъ.

3 Въ Молдавіи фамилія Морузи, а въ Валахіи Караджи, издавна имѣютъ огромныя помѣстья и суть нынѣ Боярами Княжествъ, нося ихъ чины.

4 Нѣсколько разъ приносима была отъ нихъ жалоба Портѣ, но всѣ ихъ домогательства были тщетны. Все подавлялось мѣшками золота въ Константинополѣ, а на мѣстѣ въ Консулатахъ.

скали способъ, въ послѣдствіи нанесшій рѣшительный ударъ благосостоянію края: въ обоихъ Княжествахъ, каждое мѣсто имѣло большее или меньшее число приписанныхъ поселянъ къ оному, извѣстныхъ подъ названіемъ Сокотельниковъ, Бреслашей и Служей; Бояръ, оставляя должность, терялъ и право пользоваться оными; Господари-Фанаріоты придумали оставлять Сокотельниковъ и прочимъ Боярамъ, которыхъ удаляли отъ мѣстъ, а заступающимъ назначать другихъ. Отъ сего-то произошли и чины, ибо прежде Бояръ, напримѣръ, въ званіи Ворника, Гетмана и пр., пользовался титуломъ только до тѣхъ поръ, доколѣ онъ занималъ должность, оставляя же оную, самъ онъ назывался Мазиломъ, — которые въ послѣдствіи составили многочисленный классъ, нынѣ подъ симъ именемъ и извѣстный. Сіе злоупотребленіе власти въ послѣднее время не имѣло уже болѣе границъ — и возрастающее число Сокотельниковъ, Бреслашей и Служей, ежедневно размножаясь, обременяло налогами другую часть народа, долженствовавшую нести всѣ повинности. [1]

Вотъ вкратцѣ способъ, употребленный Фанаріотами къ совершенному преобразованію нравственности сего класса обитателей. Методическое и постоянное ихъ дѣйствіе, въ продолженіи не съ большимъ одного вѣка, сдѣлало необыкновенно быстрые успѣхи, переродивъ въ основаніи своемъ Бояръ обоихъ Княжествъ въ Фанаріотовъ: робость заступила мѣсто мужества; козни, пронырство, лицемѣріе и происки—прямодушіе; ехидство и ухищреніе—великодушія; самоприверженность, тщеславіе и корыстолюбіе—чистоты нравовъ и пр. и пр.

Господарь Фанаріотъ, при назначеніи своемъ, въѣзжалъ въ Княжество, окруженный наемной стражей, состоящей, какъ мы упомя-

---

[1] Сверхъ того, что всѣ приписанные поселяне избавлялись отъ всякой общественной повинности, но и за каждаго таковаго въ Молдавіи Бояръ взималъ извѣстную сумму, ежемѣсячно взыскиваемую съ тѣхъ, кои не были ни къ кому приписаны. Нѣкоторые изъ Князей произвели изъ сего гнусную торговлю и раздавали Сокотельниковъ не только вдовамъ, но и людямъ, никогда не служившимъ, и иностраннымъ подданнымъ: нѣкоторые Консулы-Пероты имѣли низость пользоваться также сими выгодами. Словомъ, по заключеніи Букарестскаго мира, Молдавія имѣла не болѣе 12-ти т. Сокотельниковъ и проч. При открытіи же кампаніи въ 1828 году, таковыхъ было около 50-ти т. ,т. е., почти половина всего населенія Княжества, считая одни только семейства поселянъ, именуемыхъ въ землѣ Царанами.

нули выше, изъ людей, извѣстныхъ подъ общимъ наименованіемъ Арнаутъ. Вначалѣ главнѣйшая цѣль состояла въ обезпеченіи лично себя отъ могущаго быть какого либо покушенія со стороны народа, еще недавно оставившаго оружіе. Остатки казармъ, для помѣщенія отъ пяти до восьми сотъ тѣлохранителей сихъ, и понынѣ видны еще при разрушенныхъ дворцахъ Греческихъ Господарей обоихъ Княжествъ. Своекорыстные виды ихъ требовали и соотвѣтственнаго сему предначертанію управленія; стража сія въ первое время служила имъ, вмѣстѣ съ предназначеніемъ своимъ защищать стѣны дворцовъ, и единственной исполнительной властью, съ помощію коей они и приступили къ преобразованію, или разоренію, края, которой новыми введеніями постепенно лишая древнихъ правъ своихъ, уничтожали и народный воинственный духъ. Въ достиженіи сей послѣдней цѣли не мало способствовало и умноженіе (какъ упомянуто выше) Сокотельниковъ, что, раздѣливъ выгоды народной массы, [1] ввело и установило необходимое равновѣсіе между порывами страстей и другихъ внутреннихъ побужденій.

Такимъ образомъ, мало по малу Господари, съ назначеніемъ въ уѣзды товарищей или вторыхъ Исправниковъ изъ Грековъ, первоначально давали имъ по нѣскольку человѣкъ изъ стражи своей съ однимъ Капитаномъ, предназначая ихъ для поимки разбойниковъ. Но скоро послѣ Капитаніи сіи были увеличены, и тогда они исполняли уже власть полицейскую въ городахъ и мѣстечкахъ, какъ равно на нихъ возлагалась и экзекуція по селеніямъ. Въ слѣдъ за симъ въ Букарестѣ и Яссахъ, Спатарія, Гетманія и Хаджіи исключительно составились изъ сихъ же Арнаутъ. Предоставляемыя выгоды, хорошая плата и проч. скоро наполнила оба Княжества большимъ количествомъ различныхъ воинственныхъ народовъ. По духу и образу управленія Фанаріотовъ, люди сіи пользовались большею довѣренностію противъ коренныхъ жителей края, и постепенно заняли вообще всѣ исполнительной власти мѣста; изъ нихъ назначались Булюкъ-Баши, Капитаны де Тыргъ (родъ Полиціймейстеровъ по мѣстечкамъ и уѣзднымъ городамъ); на границѣ, при мостахъ, на почтахъ, на дорогахъ для поимки разбойниковъ и проч., каждый изъ таковыхъ Капитановъ могъ имѣть отъ 20 до 50 Арнаутъ, или собранныхъ имъ самимъ, или присланныхъ властью, отъ которой онъ зависѣлъ.

---

[1] О семъ слишкомъ бы пространно было разсуждать здѣсь.

Большая часть людей сихъ въ Княжествахъ вступали въ родство и селились тамъ; другіе, нажившись, брали поссессіи, держали откупа, занимались торговлею и разными другими промыслами, какъ то: завели большое число кофеенъ, шинковъ, оружейнымъ и другими мастерствами, множество служило у Бояръ ѣздовыми лакеями для экипажей, [1] привратниками и пр. и проч. Полуосѣдлая жизнь сія не мѣшала имъ, въ случаѣ нужды, браться опять за оружіе, что и переходило отъ отца къ сыну.

Такимъ образомъ Фанаріоты, въ продолженіи не съ большимъ вѣка владычества своего въ Княжествахъ, нечувствительно передавъ всѣ отличительныя черты характера своего Боярамъ, а народъ совершенно лишивъ воинственнаго духа, изгладивъ изъ самой памяти онаго о существованіи собственнаго ополченія своего, вручили всю исполнительную власть наемникамъ, составленнымъ изъ разныхъ воинственныхъ племенъ и народовъ. Въ послѣднее время количество ихъ было весьма велико, преимущественно же въ Валахіи во время Княженія Караджи и въ Молдавіи Калимахи. На сихъ-то самыхъ людей въ 1821 году Князь Александръ Ипсиланти, предначертавъ смѣлое предпріятіе свое, полагалъ всѣ надежды.

Обычай стражи сей соблюдаемъ былъ по необходимости Гикой въ Букарестѣ, а Стурдзою въ Яссахъ, до 1828 года. При вступленіи нашихъ войскъ въ Княжества, порядокъ сей не могъ измѣниться и, исключая собственной стражи Господарей, всѣ прочія остались при мѣстахъ своихъ. Малая же часть Плаяшей, коренныхъ жителей Княжествъ и живущихъ въ горахъ по границѣ съ Австріею, хотя и предназначены къ содержанію сей линіи, но также находятся въ Валахіи, въ вѣдѣніи Спатаря, а въ Молдавіи Гетмана, которые назначаютъ отъ себя во всѣ Плаи и другія мѣста Капитановъ изъ Арнаутъ, на коихъ и возлагается поимка разбойниковъ и проч. Служиторы же (также коренные жители) въ обоихъ Княжествахъ не вооружены; они служатъ по Исправничествамъ для разноса приказаній по селеніямъ; они состоятъ также подъ начальствомъ Арнаутскихъ Капитановъ, находящихся при Исправникахъ; одна Малая Валахія имѣетъ часть своихъ жителей вооруженными, кои и извѣстны подъ именемъ Пандуръ.

---

[1] И понынѣ они существуютъ въ полномъ вооруженіи въ сихъ должностяхъ и именуются общимъ своимъ именемъ Арнаутами.

Пандуры сіи, преимущественно живущіе въ цынутахъ: Горжевскомъ, Мегединскомъ и Вильченскомъ, большею частію вооружены и вообще имѣютъ къ сему способность. Они обязаны въ семъ (сверхъ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ) какъ мѣстоположенію своему, такъ и тому, что въ первые времена владычества Фанаріотовъ, они, будучи управляемы Банами, имѣвшими пребываніе свое въ Краіовѣ, не разъ возставали подъ предводительствомъ ихъ противъ Господарей. Когда же сіи послѣдніе успѣли отдалить Бана изъ Краіовы, назначивъ ему предсѣдательствовать въ Верховномъ Диванѣ всего Княжества, не отнимая отъ него званія Бана Краіовскаго, а на мѣсто его, для управленія Малой Валахіею, назначали Каймакана, всегда изъ Грековъ, то и тогда народъ не разъ покушался, подъ предводительствомъ частныхъ своихъ начальниковъ, поколебать иго, на ихъ налагаемое. Сверхъ сего Пандуры, во время сосѣдственныхъ войнъ, служили при Арміяхъ Россійскихъ, Австрійскихъ, самихъ Турецкихъ и проч. и проч.; все сіе и способствовало имъ къ сохраненію нѣкотораго воинственнаго духа въ томъ родѣ войны, къ которому они пріобыкли. Но и тутъ необходимо замѣтить, что и самые Пандуры всегда почти находились по частямъ въ командѣ Арнаутскихъ Капитановъ, которыхъ назначали имъ или Верховное ихъ Управленіе, или они сами себѣ избирали таковыхъ, какъ болѣе храбрыхъ и отважнѣйшихъ и пользовавшихся молвою. Сверхъ всего этого, при каждомъ ополченіи Пандуръ, всегда находился особенный отрядъ Арнаутъ, и обыкновенно при самомъ начальникѣ ополченія. Отрядъ сей, вмѣстѣ съ предназначеніемъ своимъ, быть первымъ всегда въ бою, служилъ ему и исполнительной силой, для побужденія къ повиновенію ослушающихся Пандурскихъ Капитаній. Въ такомъ составѣ и состояніи Пандуры извлекали иногда предполагаемую пользу, и съ успѣхомъ были употребляемы. Отдѣльно же, одни, не заслуживаютъ (кромѣ разбоя) никакого вниманія. Въ чемъ не только я самъ сіе не разъ испыталъ въ 1829 году, но могъ бы привести и безчисленное множество примѣровъ.

И такъ изъ всего сего явствуетъ, что, по стеченію обстоятельствъ и по духу управленія, въ продолженіи болѣе вѣка въ Княжествахъ существовавшаго, народный воинственный духъ совершенно исчезъ, а вся сила и слѣпая довѣренность народа въ какихъ либо обстоятельствахъ, находится совершенно въ рукахъ сихъ Арнаутскихъ Капитановъ и имъ подобныхъ, сдѣлавшихся уже осѣдлыми жителями

обоихъ Княжествъ, и коихъ мнѣніе и дѣйствіе имѣетъ необъяснимое вліяніе на главную массу народа, пріобыкшаго въ каждомъ изъ нихъ видѣть непобѣдимаго героя.

Чтобъ яснѣе достигнуть до предначертанной нами цѣли въ семъ краткомъ изложеніи, мы слегка упомянемъ въ особенности о всѣхъ состояніяхъ, въ Княжествѣ находящихся, о настоящемъ оныхъ положеніи, расположеніи политическихъ и другихъ вліяній и проч.

Новый Регламентъ Княжествъ.

Прежде чѣмъ приступимъ къ сему, необходимо упомянуть вкратцѣ о нововведенномъ Регламентѣ или образованіи Княжествъ.

По существующему порядку вещей въ обоихъ Княжествахъ, по духу обитателей оныхъ и по степени ихъ просвѣщенія, новый Регламентъ сей представляетъ нѣкоторыя выгоды единственно однимъ Боярамъ перваго класса, но и то только тѣмъ, которые имѣютъ большія помѣстья. Что же касается до прочихъ состояній, то во всѣхъ почти отношеніяхъ онъ имъ предосудителенъ. Конечно, введеніе подобныхъ уложеній въ землѣ, болѣе просвѣщенной, пріобыкшей хотя къ тѣни основательнаго законодательства, общество могло бы пріобрѣсть отъ того пользу. Но здѣсь совсѣмъ противное: народъ пользовался и управлялся обычаями, превратившимися въ послѣдствіи въ законы, дополненные (особенно въ тяжбахъ) нѣкоторыми уложеніями Римскихъ Императоровъ, преимущественно Юстиніановыми. Обычаи сіи, къ которымъ народъ пріобыкъ, были просты и во многихъ отношеніяхъ, въ основаніи своемъ, весьма хороши. Верховная власть Господаря и Митрополита, какъ предсѣдателя общаго собранія Дивана, во многихъ случаяхъ была свыше всякаго закона: двѣ спорящія стороны, въ присутствіи ихъ, доказывали каждая свои права; — тутъ же, на основаніи существующихъ обычаевъ, отдавали справедливость одной и обвиняли другую; тяжбы сіи не подвергались долголѣтнимъ процессамъ, не истощали издержками, не давали повода къ кляузамъ, къ криводушію судей и пр., и пр. Словомъ, сей образъ судопроизводства и управленія вполнѣ соотвѣтствовалъ степени просвѣщенія всѣхъ классовъ, [1] тѣмъ болѣе

---

[1] Несоотвѣтственная всеобщему народному просвѣщенію, конституція, данная Грекамъ, представляетъ разительный примѣръ и урокъ для тѣхъ, кои, будучи дви-

что въ землѣ, подобной Княжествамъ, благоразуміе и воля одного чаще приноситъ болѣе пользы, чѣмъ плоды многочисленнаго Дивана, составленнаго изъ людей большею частію невѣждъ, безъ правилъ, и въ коемъ большинство голосовъ невѣжественныхъ, пристрастныхъ и своекорыстныхъ Бояръ, возметъ всегда перевѣсъ противъ несоразмѣрно меньшаго числа благоразумныхъ и безпристрастныхъ, если бы таковыхъ и можно было найти въ обоихъ Княжествахъ сихъ.

Нѣкоторые только изъ злоупотребленій были иногда тягостными поселянамъ въ существовавшемъ прежде порядкѣ вещей; но кто можетъ ручаться, чтобы и новый Регламентъ сей не былъ искаженъ оными, тогда, какъ и гораздо совершеннѣйшіе законы бываютъ во зло употребляемы тѣми, которые имѣютъ въ рукахъ исполненіе по онымъ? Хорошими Уложеніями стараются по возможности отнимать средства къ злоупотребленіямъ, но искоренить оныхъ не возможно, доколѣ представлены къ онымъ всѣ способы. Такъ и въ Княжествахъ всѣ злоупотребленія происходили отъ принятаго Фанаріотами правила, смѣщать ежегодно всѣхъ чиновниковъ и замѣнять ихъ новыми, правила, имѣвшія одну только пагубную для края цѣль: своекорыстіе сихъ откупщиковъ Господарей, которые раздавали на годъ мѣста за большую или меньшую сумму. [1] Слѣдственно, Бояръ, получившій какое либо мѣсто, всячески старался въ продолженіи года выбрать съ барышемъ сумму, заплаченную имъ за оное; насильственное средство, часто симъ послѣднимъ употребляемое, должно было быть терпимо Правительствомъ, извлекавшимъ изъ сего личныя выгоды свои.

Что же касается до ограниченія симъ новымъ Регламентомъ самоуправства Господаря, то врядъ ли онъ будетъ болѣе обузданъ Княжескимъ своимъ Диваномъ, имѣющимъ однѣ съ нимъ выгоды — раззореніе народа, какъ былъ онъ прежде сего ограниченъ въ своевольствѣ трактатами и личными блюстителями оныхъ, Консулами

жимы духомъ нынѣшняго времени, мечтаютъ вводить то усовершенствованіе нравственныхъ законовъ въ народѣ, еще не готовомъ принять таковые, которое должно предоставлять одному только времени.

[1] Въ послѣднее время Гетманія и Вистіарія продавались болѣе, какъ за 4000 червонцевъ; Михалаки Стурдза давалъ за послѣднюю сію сумму, но не могъ получить таковой, ибо она была продана дороже другому.

нациями, которые въ семъ отношеніи уподоблялись болѣе Прокурорамъ, чѣмъ носящему ими званію. Память о Северинѣ, Малиновскомъ, Жерве и Балкановѣ, до сихъ поръ благословляется въ краѣ: они были истинными и достойными представителями Державы, покровительствующей оба Княжества сіи. Но послѣ Букарестскаго мира, когда Пероты заступили мѣста Консуловъ и Драгомановъ, тогда все измѣнилось. Родившись Турецкими же подданными и получивъ воспитаніе и образованіе, свойственное духу Фанаріотовъ, они, часто прежде назначенія своего еще въ Константинополѣ, уже тѣсно соединенные или узами родства, или интригъ и интереса съ княжившими фамиліями Фанара, могли ли потому, Пероты сіи, основываясь на трактатахъ (особенно на Букарестскомъ, послѣ котораго они исключительно занимали мѣста сіи), обуздывать алчность Фанаріотовъ, съ коими они дѣлились? При томъ же ихъ имущество, ихъ родственники, ихъ друзья, связи, все находилось въ Константинополѣ; благосостояніе ихъ зависѣло болѣе отъ благосостоянія Турецкой Имперіи, чѣмъ отъ той Державы, которая помѣщала ихъ въ сіе званіе для отклоненія угнѣтеній и пр. и пр. Словомъ, пребываніе сихъ Консуловъ-Перотовъ въ Княжествахъ имѣло самыя пагубныя послѣдствія, о коихъ здѣсь нѣтъ мѣста распространяться.

Не позволяя себѣ разбирать въ подробности выгоды и неудобства Регламента, я замѣчу только то, что одна весьма малая часть первоклассныхъ Бояръ равнодушно сноситъ введеніе онаго, но вообще всѣ классы остаются недовольными; онъ поставилъ ихъ въ положеніе, совершенно противоположное прежнему—ощущеніе новое и для нихъ непостижимое. Послѣдствія, отъ сего произойти могущія, заслуживаютъ особеннаго вниманія, какъ въ политическомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Первоклассные Бояры.

Вредное и недостойное поведеніе Консуловъ-Перотовъ, по заключеніи Букарестскаго мира, не могло не только усилить преданность сего класса къ Россіи, но и сохранить существовавшую прежде сего. Агенты и Консулы Австрійской Имперіи, лучше постигая цѣль и намѣренія своего Правительства, воспользовавшись симъ, начали различными средствами уловлять въ сѣти Бояръ обоихъ Княжествъ и, дѣйствуя благоразумно и постоянно въ семъ духѣ въ продолженіи 18 лѣтъ, успѣли тонко и нечувствительно отклонить къ себѣ весь

классъ сей. Предметъ обширный къ объясненію какъ поведенія Консуловъ-Перотовъ, такъ и всѣхъ средствъ, употребленныхъ Австрійскими Агентами и коимъ частію я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ.[1]

Отклоненію сему Бояръ много способствовало и присоединеніе къ Россіи Бессарабіи. Въ области сей Бояры не могли сохранить нѣкоторыхъ правъ, которыми гордятся они въ отечествѣ своемъ, но которые противны были благоустройству Государства нашего. Вообще, по свойству Бояръ сихъ, каждое Правительство, силящееся ввести хотя тѣнь какого либо порядка, кажется губительнымъ въ глазахъ ихъ. Они чужды всѣхъ благородныхъ понятій просвѣщеннаго разсудка, всѣмъ постояннымъ правиламъ чистой нравственности: добродѣтель, совѣсть, честь, стыдъ и добрая молва для нихъ слова безъ значенія: только физическій страхъ обуздываетъ ихъ страсти. Словомъ, они привыкли къ духу Турецкаго Правительства, они любятъ его, они достойны онаго.

Конечно, расположеніе мнѣній и искренняя преданность обоихъ Княжествъ къ Россіи, не заслуживаетъ вниманія; но это разсужденіе многихъ можетъ быть только допущено въ отношеніи одной физической силы, ибо во всѣхъ другихъ оно особенно важно. Не говоря уже о томъ, что по обстоятельствамъ (о коихъ упомянемъ въ другомъ мѣстѣ) они составляютъ ключъ къ мнѣніямъ всѣхъ сосѣднихъ имъ Славянскихъ народовъ, видимо отъ насъ въ семъ отношеніи похищаемыхъ, но и съ небольшимъ двадцать лѣтъ тому назадъ, какъ Бояры обоихъ Княжествъ, полагали еще всѣ надежды свои на Россію, изъявляли свою довѣренность, при угрожающихъ буряхъ удалялись на время или навсегда въ оную, отсылали собираемый капиталъ къ намъ, многіе въ предѣлахъ нашихъ покупали имѣнія; дѣти ихъ воспитывались въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ и проч. и проч. Теперь все противуположно: Бояры предпочитаютъ уже искать личнаго покровительства въ Австрійской Имперіи;[2] тамъ по-

---

[1] Во время Етеріи, находясь въ Бессарабіи, я не только имѣлъ случай быть въ частыхъ сношеніяхъ съ Боярами, удалившимися въ сію область, но и бывая въ Черновцахъ (въ Буковинѣ), мнѣ всѣ подробности многихъ обстоятельствъ были тогда уже извѣстны; предъ открытіемъ же кампаніи, во время отсутствія посланниковъ изъ Константинополя, я, будучи въ Княжествахъ, могъ вникнуть во все съ подробностію, но о чемъ здѣсь нѣтъ мѣста распространяться.

[2] Поведеніе Бояръ обоихъ Княжествъ, во время емигрантства ихъ съ 1821 по 1827, по случаю Етеріи, въ подробностяхъ своихъ представляетъ любопытнѣйшую эпоху для наблюдателей характеровъ и проч. и проч.

купаютъ помѣстья; тамъ воспитываютъ всѣхъ дѣтей своихъ; драгоцѣнныя вещи, при малѣйшемъ переворотѣ, отправляють въ Австрію; всѣ капиталы Бояръ обоихъ Княжествъ находятся въ рукахъ Австрійскихъ Банкировъ; между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ, имѣя помѣстья въ Бессарабіи, извлекаютъ изъ оной милліоны звонкой монеты и проживаютъ оную въ Княжествахъ, или отсылаютъ на сохраненіе въ Австрію же; стараются продавать имѣнія въ области сей, и покупаютъ таковые въ Буковинѣ и Трансильваніи и проч. и проч.

Сверхъ всего сего, предъ открытіемъ послѣдней съ Турками кампаніи, съ какими трудностями сопряжено было полученіе нѣкоторыхъ необходимыхъ свѣдѣній, отъ малаго числа бывшихъ тогда еще преданными Россіи! Какія для сего надо было употреблять средства къ обольщенію ихъ обѣщаніями! Нѣкоторые будучи уловлены оными, или по внутреннему убѣжденію, предались къ пользѣ нашей и подверглись всѣмъ видимымъ опасностямъ, въ тогда существовавшихъ обстоятельствахъ, и способствовали намъ во всемъ. Но едва кампанія открылась, не только что обѣщанія сіи были не выполнены, но и сами они были забыты, какъ болѣе уже не нужные, и должны были уступить предъ интригами и людьми вредными, дѣйствовавшими предъ открытіемъ кампаніи противу выгодъ Россіи, а при началѣ оной умѣвшими снискать различными средствами къ себѣ вниманіе и проч. Такимъ образомъ теряется довѣренность въ краѣ, и теряется безвозвратно, или, по крайней мѣрѣ, на долгое время. Наконецъ, какъ робко дѣйствовали и какъ неохотно споспѣшествовали вообще первокласные Бояры обоихъ Княжествъ, преимущественно въ Валахіи, въ продолженіи всей войны сей по предмету распоряженій и заготовленій! Холодное участіе, ими принимаемое, набрасывало тѣнь сомнѣнія на самую благонамѣренность ихъ расположенія и наводило подозрѣніе на постороннее ихъ соучастіе и проч.

Введеніе Регламента открыло Боярамъ сего класса новое и пространное поприще къ интригамъ: они всѣ имѣютъ цѣль—происками достичь въ Господари; Яссы и Букарестъ обращены въ гнѣздо пронырствъ и ухищреній; всякое средство, всякое преступленіе, кажется позволительнымъ въ глазахъ искателей-соперниковъ, алчущихъ сего достоинства. Михалаки Стурдза въ Молдавіи, а Георгій Филипеско въ Валахіи, особенно отличаются отъ прочихъ преступными и пронырливыми дѣйствіями своими.

Прочіе Бояры сего класса, особенно тѣ, которые, по состоянію своему и другимъ отношеніямъ, не имѣютъ основательныхъ надеждъ быть избранными въ Княжеское достоинство, искреннѣе желаютъ продолженія хаоса, прежде или даже нынѣ существующаго, чѣмъ видѣть одного изъ своихъ соотечественниковъ повелителемъ своимъ, и быть принужденными пресмыкаться и цѣловать его кафтанъ и руку, хотя все сіе всегда охотно выполняютъ, преимущественно съ иноземцами, отъ коихъ льстятся получить иногда одну только надежду къ минутной личной выгодѣ: нѣтъ жертвы, которая бы не приносилась въ такомъ случаѣ.

Вообще сей классъ Бояръ, даже и тѣ, которые пріобрѣтаютъ какія либо выгоды отъ Регламента (исключая только преимущества нѣкоторыхъ быть избранными въ Господари), недовольны онымъ. Они истощаютъ всѣ возможныя интриги (о чемъ упомянуто будетъ въ другомъ мѣстѣ) и, криво толкуя многіе статьи онаго, вселяютъ въ низшихъ Боярахъ, а сіи еще легче въ народѣ, вредныя мнѣнія о неудобствахъ сего новаго введенія.

Время пребыванія Консуловъ-Перотовъ для первоклассныхъ и богатѣйшихъ Бояръ было временемъ, достопамятнѣйшимъ и благопріятнымъ; ибо за деньги они могли давать полное стремленіе всѣмъ ухищреніямъ въ кругу своемъ, и легко достигать своихъ видовъ и при Дворѣ Князя, и у Консуловъ сихъ. Слѣдственно, классъ сей Бояръ только и былъ предосудителенъ благосостоянію края; и сей-то самый классъ съ новымъ Регламентомъ получилъ еще многія другія преимущества!

Бояры втораго класса.

Бояры втораго разряда были болѣе равнодушными къ преданности Россіи; они охотно пользовались ея покровительствомъ, но искренно страшились ея вліянія, угрожавшаго имъ участью Бессарабіи. Они всѣ безъ изъятія преданы были всегда Турецкому Правительству, и съ отчаяніемъ соболѣзнуютъ объ измѣненіи существовавшаго порядка вещей, вспоминая объономъ, какъ о дняхъ блаженства своего. Введеніе лучшаго устройства въ управленіе, ясное истолкованіе правъ и обычаевъ, не можетъ никогда согласоваться съ личными видами самоприверженности, тщеславія, корыстолюбія и самоуправства, которое они раздѣляли съ Боярами перваго класса.

Второклассные Бояры обоихъ Княжествъ, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и не пользовались тѣми же преимуществами, которыя, такъ сказать, исключительно принадлежали Боярамъ перваго разряда; какъ равно и власть ихъ нѣсколько ограничивалась, но они также надѣялись рано или поздно достигнуть первой степени, т. е., безотвѣтственнаго права утѣснять и разорять, въ свою очередь, тѣхъ, которые достанутся въ удѣлъ имъ. По врожденнымъ свойствамъ, по воспитанію и по самой привычкѣ, они отнюдь не великодушнѣе первыхъ — и слишкомъ убѣждены, что никогда столько не пріобрѣтутъ отъ защиты прямаго закона, сколько утратятъ свободы къ злоупотребленіямъ, въ смыслѣ просвѣщенныхъ народовъ; ибо то, что у другихъ называется симъ именемъ, въ Княжествахъ часто есть обычай, который весьма равнодушно и безъ ропота сносится всѣми. Кривенисала или право на незаконное пріобрѣтеніе, которымъ пользовались нѣкоторые изъ первоклассныхъ Бояръ, прельщаетъ всякаго. Тотъ, кто получалъ оную, гордился симъ преимуществомъ и почитался другими сильнымъ и могущественнымъ при Дворѣ.

Вообще всѣ Бояры, принадлежащіе къ сему второму классу, противны введенію Регламента, который нѣкоторыми положеніями отдѣляетъ ихъ еще болѣе отъ первостепенныхъ Бояръ. Сверхъ сего, они лишаются и нѣкоторыхъ старинныхъ своихъ преимуществъ, которыя первоклассные не только что сохраняютъ, но богатѣйшіе пріобрѣтаютъ еще и новыя.

Итакъ преданность къ Туркамъ всего сего класса утвердилась еще болѣе: новый Регламентъ усилилъ врожденную взаимную ихъ зависть; поселилъ негодованіе къ Правительству, подъ руководствомъ коего люди недостойные совершили его въ предосудительность своимъ соотечественникамъ.

Бояры третьяго разряда и Чокои.

Третьяго разряда Бояры и такъ называемые Чокои есть классъ, служащій во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, у всѣхъ Бояръ въ должностяхъ Секретарей, Логофетовъ (писарей), Ватавовъ (управителей) и тому подобныхъ. Они обыкновенно управляютъ не только всѣми дѣлами ихъ, но, имѣя неограниченное вліяніе, даютъ направленіе самымъ умамъ и дѣйствіямъ большой части первоклассныхъ Бояръ. Чтобъ убѣдиться въ семъ и постигнуть сіе послѣднее об-

стоятельство, надо находиться долгое время въ Княжествахъ и быть въ частыхъ сношеніяхъ, наблюдая необыкновенный образъ жизни Бояръ сихъ.

Въ послѣднія 20 лѣтъ классъ сей много усовершенствовалъ себя въ способностяхъ разнаго рода и справедливо почесться можетъ за Тіерсъ-Эта обоихъ Княжествъ. Онъ есть одинъ, на которомъ лежитъ вся тягость общественныхъ дѣлъ; ибо никто, кромѣ ихъ, не имѣетъ точнаго понятія объ отечествѣ своемъ и вообще о всѣхъ дѣлахъ, до онаго относящихся. Люди сіи пользуются большимъ вліяніемъ на поселянъ, къ которымъ они ближе и съ которыми, по различнымъ занятіямъ своимъ, имѣютъ болѣе случаевъ обращаться, имѣть сношенія и связи; они сутъ единственные путеводители и всѣхъ мнѣній поселянъ, которымъ часто передаютъ справедливо и ложно мысли неблагонамѣренныхъ и боязливыхъ Бояръ, къ домамъ коихъ принадлежатъ. [1] Дробные мѣстные откупа исключительно содержались ими и были однимъ изъ главнѣйшихъ способовъ ихъ существованія. [2]

Весь классъ сей Бояръ и Чокоевъ большею частію, будучи всегда преданнымъ Туркамъ, но находясь подъ покровительствомъ Россіи, могъ прибѣгать подъ защиту Консулата, въ случаѣ, если бъ кто изъ онаго претерпѣвалъ частныя гоненія, и потому дорожилъ всегда онымъ. Но нынѣ они всѣ безъ изъятія недовольны Регламентомъ, который лишаетъ ихъ въ существѣ болѣе другихъ всѣхъ преимуществъ, способа существованія и проч. и, отымая всѣ надежды, обращаетъ нѣкоторымъ образомъ въ совершенное ничтожество.

Конечно въ благоустроенномъ Государствѣ общественная польза должна предпочитаться частнымъ выгодамъ, но не въ Княжествахъ, еще не созрѣвшихъ и не готовыхъ принять Европейское

---

[1] Въ Княжествахъ каждый первоклассный Бояръ имѣетъ болѣе или менѣе подобныхъ людей, коимъ онъ или предки его доставили чины; почему всѣ таковые и называются принадлежащими къ тому дому и пр.

[2] Княжества не имѣютъ ни одного Банка, въ которой можно бы класть капиталы; съ другой стороны ограниченность торговли и другія неудобства, не позволяютъ дѣлать никакихъ оборотовъ тѣмъ, кто имѣетъ какой либо капиталъ. Поссессіи, а преимущественно сей откупъ, былъ единственное средство къ обороту наличныхъ денегъ. Регламентомъ все сіе прекращается.

учрежденіе, которое, при всей благости своей, будетъ болѣе отяготительнымъ и несноснымъ, преимущественно для нижнихъ классовъ, какъ нѣкоторые и изъ самыхъ злоупотребленій. При томъ же и въ отношеніи знатнаго числа таковыхъ, особенно въ Молдавіи, составляющихъ едва ль не двадцатую часть всего народонаселенія, ихъ личныя способности, способь существованія, вліяніе и проч. должно было обратить особенное на себя вниманіе законодателей, если они хотѣли приспособить оные къ порядку вещей, образу мыслей и къ другимъ отношеніямъ, которые неотмѣнно должны входить въ основаніе хорошихъ и прочныхъ узаконеній; но, къ несчастію, они руководимы были или совершеннымъ незнаніемъ собственнаго своего отечества, или личными выгодами и видами, въ многосложныхъ отношеніяхъ... преступными.

Весь классъ сей нынѣ находится въ взволнованномъ броженіи умовъ. Будучи подстрекаемы Боярами втораго разряда и многими изъ первыхъ классовъ, даже и самыми участниками въ составленіи Регламента, которые, или увидѣвъ ошибку, ими сдѣланную, или справедливо опасаясь послѣдствій и желая сохранить каждый въ свою пользу избирательное сословіе, лицемѣрнымъ, боязливымъ и бездушнымъ поведеніемъ своимъ способствуютъ еще болѣе утвердить и усилить негодованіе сихъ классовъ къ Россіи. Съ одной стороны, пользуясь довѣренностію начальства, преклоняющаго слухъ къ обманчивымъ увѣреніямъ ихъ, они представляютъ все, сюда относящееся, въ превратномъ видѣ, . . . приписывая всеобщее неудовольствіе и негодованіе малой части неблагонамѣренныхъ. Съ другой, въ глазахъ сихъ недовольныхъ соотечественниковъ своихъ стараются оправдываться въ упрекахъ, имъ дѣлаемыхъ, и сложить съ себя всю отвѣтственность предъ народомъ, имъ приписываемую. Они дерзко распускаютъ слухъ и утверждаютъ въ кругу, имъ преданныхъ, что всѣ статьи Регламента составлены были въ Петербургѣ, а они не что иное были, какъ переводчики на свой языкъ; что и самый переводъ сей совершался подъ предсѣдательствомъ Русскихъ и проч.

Михалаки Стурдза, по свойствамъ своимъ, болѣе всѣхъ распространяетъ сіе преступное и вредное впечатлѣніе. Алчущій Княжескаго достоинства, и узнавъ о намѣреніи всѣхъ классовъ (исключая нѣкоторыхъ изъ первыхъ), вступить съ прошеніемъ, за общею ихъ подписью, на счетъ нѣкоторыхъ статей Регламента, онъ всячески

старался отклонить ихъ, представляя, что такъ какъ Регламентъ долженъ будетъ быть препровожденъ въ общее собраніе на разбирательство, то гораздо легче исправить можно все сіе въ ономъ. Когда же Регламентъ прямо потребованъ былъ въ С.-Петербургъ, тогда хитрый интригантъ сей взялся передѣлать все, относящееся къ сему классу въ С.-Петербургѣ: онъ тайно принималъ Депутатовъ къ себѣ отъ всѣхъ почти уѣздовъ и успѣлъ усыпить однихъ обольщеніями, другихъ угрозами послѣдствій и проч.

По возвращеніи изъ Столицы, онъ опять прибѣгъ къ средствамъ, весьма обыкновеннымъ въ тѣхъ краяхъ: онъ говорилъ, что, не успѣвъ ничего измѣнить въ ихъ пользу, и долженствуя съ Регламентомъ отправиться въ Константинополь, ручается за успѣхъ. Но въ сей разъ онъ былъ не такъ счастливъ, какъ прежде: онъ въ глазахъ самыхъ даже Молдаванъ открылся, и всѣ постигли замыслы его, и потому соединились препятствовать избранію его въ Господари. Дѣло Сіона въ началѣ 1831 года въ Яссахъ и общее броженіе умовъ сего класса по Цынутамъ, было плодами его лицемѣрнаго поведенія вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ его сообщниковъ.

Кто близко не знаетъ Молдаванъ и Валаховъ, тотъ никогда представить себѣ не можетъ духъ интригъ, пронырствъ и ухищреній, приводимыхъ въ подобныхъ случаяхъ въ дѣйство; это все отличается особеннымъ характеромъ, свойственнымъ исключительно только нѣкоторымъ изъ первоклассныхъ Бояръ обоихъ Княжествъ. М. Стурдза, Алеко и Георгій Филипеско, конечно, занимаютъ первое мѣсто на семъ поприщѣ.

Между тѣмъ М. Стурдза не поѣхалъ въ Константинополь. Но мысль его о возможности передѣлать Регламентъ въ сей столицѣ Оттомановъ, быстро сообщилась и оживила недовольныхъ. Въ Февралѣ 1831 года, они отправили въ Константинополь, къ сыну бывшаго Господаря, Стурдзы, [1] подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ, прося его войти въ положеніе ихъ. [2] Слухъ носился, что таковая же просьба отдана была Аріеъ-Агѣ, находившемуся

---

1 Сынъ Господаря сего, въ продолженіи всего княженія отца своего, находился въ Константинополѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ; по открытіи кампаніи хотя онъ и получилъ свободу выѣхать, но оставался тамъ, и нынѣ есть тайный представитель и ходатай недовольныхъ и проч.

2 Просьба сія послана была чрезъ нѣкоего монаха, Искавта.

тогда въ Яссахъ; но достовѣрно есть то, что многіе Бояры, особенно втораго и третьяго классовъ, гласно изъявляли ему свое негодованіе, и когда Турокъ сей изъ Бухареста проѣзжалъ чрезъ Бакеу и Романъ въ Яссы, всѣ спѣшили быть у него. [1] М. Стурдза имѣлъ многія съ нимъ тайныя свиданія въ домѣ Георгія Ассаки и сдѣлалъ ему значительные подарки. [2] Въ концѣ сего года М. Стурдза назначенъ Вистіаромъ, предметъ всегдашнихъ желаній сего корыстолюбивѣйшаго изъ всѣхъ Молдаванъ, но до чего онъ никогда во время самыхъ Господарей достигнуть не могъ, не взирая на знатныя суммы, за сіе мѣсто имъ предлагаемыя: сами Фанаріоты и Господарь Стурдза не хотѣли подвергнуть совершенному разграбленію Княжества ненавидимому всѣми вообще классами, ухищренному сребролюбцу сему.

Все вышеписанное, происшествія Генваря и Февраля 1831 года въ Яссахъ, и многія другія обстоятельства, ясно изображаютъ всеобщее волненіе умовъ противъ Регламента и даютъ заключать, какихъ послѣдствій и какихъ ужасовъ должно будетъ ожидать съ выступленіемъ нашихъ войскъ, единственно только ихъ и обуздывающихъ.

Поселяне.

Одно изъ главнѣйшихъ отягощеній поселянина въ Княжествахъ состояло въ неопредѣленіи точныхъ его обязанностей въ отношеніи къ помѣщику, на землѣ котораго онъ имѣетъ осѣдлость свою. Сіе, можно сказать, умышленное законодательство, или обычай, совершенно въ пользу помѣщиковъ соблюдаемый, давалъ естественно каждому изъ сихъ послѣднихъ преимущество, чаще выигрывать безпрерывные процессы съ поселянами своими, къ сему уже привыкшими. Сей родъ управленія, конечно, во всѣхъ другихъ земляхъ нестерпимый, былъ, такъ сказать, врожденный поселянамъ Кня-

1 Я составилъ для Генералъ-Адъютанта Киселева подробную о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ записку, и въ Мартѣ изъ Скулянскаго карантина отправилъ.

2 Около сего же времени перехвачено было письмо отъ Маріалы Стурдзы, жены сына Господаря, находящагося понынѣ въ Константинополѣ, къ Секретарю Испанскаго Посланника; въ письмѣ семъ она спрашиваетъ скорѣйшаго увѣдомленія, черезъ кого можно ходатайствовать объ назначеніи М. Стурдзы въ Господари, и что для сего можно располагать 20 т. червонцевъ. Нужно замѣтить, что письмо было сочинено самымъ М. Стурдзою, съ коимъ она находится въ связи.

жествъ, которые полагали себя уже и тогда счастливыми, когда могли съ Боярами вести тяжбу и отнюдь не отчаявались въ худомъ оборотѣ оной. Другой предметъ, столь же отяготительный, состоялъ въ притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ чиновниками Исправничествъ, во время какихъ либо нарядовъ или поборовъ. Но гдѣ, въ подобныхъ случаяхъ, не бываетъ оныхъ? И настоящій Регламентъ не только не въ силахъ истребить, а съ пріумноженіемъ властей, конечно, еще болѣе увеличитъ ихъ.

Всѣ выгоды сіи замѣнялись дикою свободою, которою пользовались поселяне въ Княжествахъ, и совершенно соотвѣтствующею его нравственнымъ и умственнымъ способностямъ, несложная простота въ управленіи, свободная торговля и проч., соединяясь съ счастливымъ положеніемъ ихъ края, лежащаго между треия Имперіями, и во всѣхъ отношеніяхъ богатаго природою, легко возводило его въ цвѣтущее состояніе и скоро заставляло забывать опустошенія, коихъ безпрерывно, и преимущественно въ продолженіи послѣднихъ 25 лѣтъ, онъ былъ свидѣтелемъ.

Сей образъ управленія, столь свойственный поселянамъ обоихъ Княжествъ, столь приспособленный къ степени ихъ просвѣщенія, съ ихъ нуждами, привычками и обычаями, еще на долгое время останется для нихъ удобнѣйшимъ. Истина сія оправдывается тѣмъ, что изъ Бессарабіи, гдѣ поселянинъ болѣе обезпеченъ отъ личныхъ притязаній, множество таковыхъ перебѣгали на правый берегъ Прута, между тѣмъ какъ, не взирая на всѣ угнѣтенія (въ нашемъ смыслѣ), имъ дѣлаемыя въ Княжествахъ, трудно найти и нѣсколько противныхъ сему примѣровъ. Итакъ одно только искорененіе нѣкоторыхъ своевольствъ Правительства, и точное опредѣленіе обязанностей поселянъ, содѣлало бы ихъ счастливѣйшими въ цѣлой Европѣ. [1]

---

[1] Пусть узнаютъ отъ поселянъ и другихъ классовъ (исключая нѣкоторыхъ первоклассныхъ Бояръ) въ Валахіи о благоденствіи, которымъ они пользовались при послѣднемъ Господарѣ Гикѣ, не взирая на всѣ затруднительныя тогда, во всѣхъ отношеніяхъ, обстоятельства: твердость Господаря и строжайшее блюденіе за справедливостію, обузданіе своевольствъ первостепенныхъ Бояръ (единственная причина ихъ негодованія), не измѣняя коренныхъ и свойственныхъ общей массѣ узаконеній; всѣ почитали себя счастливѣйшими, о чемъ и понынѣ не престаютъ соболѣзновать, какъ о счастливѣйшемъ для нихъ времени.

Поселяне обохъ Княжествъ (исключая Пандуръ) свойствами своими совершенно отличаются отъ Бояръ и другихъ классовъ. Валашской и Молдавской мужикъ робокъ и безпеченъ, но покоренъ, терпѣливъ, кротокъ и отнюдь несроденъ къ злодѣянію. Доказательствомъ и сему можетъ служить Бессарабія; въ ней уголовныя преступленія между Молдаванами столь рѣдки, что если сравнить число подсудимыхъ простолюдиновъ съ числомъ Молдавско-Бессарабскихъ Дворянъ, едва ли количество послѣднихъ не превзойдетъ.

Нововведенный Регламентъ въ нѣкоторыхъ основаніяхъ своихъ имѣетъ самую благонамѣренную цѣль въ отношеніи къ поселянамъ, и кто не знаетъ въ совершенствѣ всего, относящагося къ существу сихъ послѣднихъ въ Молдавіи и Валахіи, тотъ будетъ полагать, что мужикъ въ обоихъ Княжествахъ сихъ достигнетъ до точки своего благоденствія. Но, напротивъ, уничтоженіе Сокотельниковъ есть только идеальное; они существуютъ, но не подъ симъ, а подъ другимъ, именемъ; правда, количество оныхъ въ общей сложности болѣе ограничено (преимущественно въ Молдавіи), но за то изъ ограниченія сего пріобрѣтаютъ пользу исключительно одни только богатѣйшіе, а бѣдные Бояры и Чокои, существовавшіе ими, лишаются оныхъ. Уничтоженіе разныхъ сборовъ, какъ то: съ овецъ, ульевъ, вина и проч., и проч., имѣетъ самый благовидный предлогъ, потому что способъ, употребляемый для частныхъ сборовъ сихъ, сопровождался злоупотребленіями и взыскивалась четвертая, а иногда и третья, часть (подъ разными предлогами), болѣе въ пользу мелкихъ сборщиковъ; но это неудобство измѣнялось также, смотря по правиламъ Господарей; оно могло бы быть приведено въ большой порядокъ, не уничтожая сего кореннаго обычая, къ которому мужикъ уже привыкъ и который еще долго останется свойственнымъ образу его существованія и проч.

Десятина (Дижма). Сборъ сей отдавался казною на откупъ, и потому выручаемая за сіе сумма, будучи взятою изъ сложности нѣсколькихъ лѣтъ среднею, распредѣлена была составителями Регламента на поселянъ, т. е., на Биръ, или прямую ихъ подать. Бѣднѣйшій мужикъ [1] платитъ прибавку, на его наложенную, за овецъ, сады и прочее имущество, принадлежащее не ему, а Боярамъ, помѣщикамъ, поссессорамъ и богатѣйшимъ поселянамъ.

[1] Въ Княжествахъ мужики по числу плуговъ только раздѣляются на три класса.

Ибо прежде сіи первые классы не были изъяты отъ платежа десятины сей, какъ равно подвергались и всѣмъ сборамъ; слѣдственно, каждый вносилъ въ казну извѣстную часть съ сихъ предметовъ; тотъ же, кто, кромѣ плуговъ своихъ, ничего болѣе не имѣлъ, избавленъ отъ платежа за овецъ, ульи, вино и проч.

Въ замѣнъ отнятыхъ отъ Бояръ Сокотельниковъ, сверхъ того, что изъ принадлежащихъ имъ помѣстьевъ нѣкоторая часть мужиковъ, какъ сказано выше, подъ другимъ только названіемъ, назначается новымъ Регламентомъ въ подобную же первымъ обязанность, [1] каждый мужикъ еще обязанъ ему работать болѣе прежняго. И самая обязанность сія столь же въ новомъ Регламентѣ неопредѣленна и неясна, какъ было въ законахъ и обычаяхъ, и прежде существовавшихъ; почему и притязанія помѣщиковъ къ мужикамъ удвоются; и сей послѣдній никогда не найдетъ справедливости, ибо это подлежать будетъ разбирательству помѣщиковъ же, составляющихъ почти всѣ нижнія власти, а исключительно Верховный Княжескій Диванъ. Въ прежнемъ родѣ управленія находятъ много примѣровъ, гдѣ Господари, вмѣщая въ себѣ верховную власть, не прибѣгали въ подобныхъ дѣлахъ къ Княжескому своему Дивану, а имѣли право обвинять сихъ Бояръ притѣснителей и отдавать справедливость поселянамъ; и до сего въ тѣхъ краяхъ не иначе можно достигнуть, какъ средствами, употребляемыми въ сихъ случаяхъ Турецкимъ Правительствомъ, а не общимъ совѣщаніемъ Помѣщиковъ-Судей, имѣющихъ одни взаимныя между собою выгоды, основанныя на раззореніи поселянъ.

Благосостояніе поселянина въ Княжествахъ обезпечено было самымъ Адріанопольскимъ трактатомъ, въ силу котораго Турки потеряли всѣ частныя права на оные: Раи уничтожены; пребываніе Турецкихъ Чиновниковъ воспрещено; безпрерывные сборы различныхъ продуктовъ и проч., взимаемые съ поселянъ въ видѣ реквизиціи, которую они должны были и свозить въ различныя крѣпости, въ силу помянутаго же договора, теперь срытыя, слѣдственно, и утомительная работа и безпрестанной нарядъ поселянъ,

[1] Вообще всѣ первоклассные Бояры имѣли право только на 80 Сокотельниковъ. Нынѣ же, такъ какъ они богатѣйшіе, то по числу поселянъ, въ ихъ помѣстьяхъ находящихся, число назначенныхъ имъ въ обязанность Сокотельниковъ, у нѣкоторыхъ простирается до трехъ и четырехъ сотъ, вмѣсто 80-ти.

для поправки оныхъ прекратились. [1] Адріанопольской же трактатъ совершенно уничтожилъ подать въ натурѣ, извѣстную подъ названіемъ Бейлика, какъ равно различныя другія преимущества, которыя Порта сохраняла на счетъ торговли, и всѣмъ другимъ поборамъ положенъ рѣшительный конецъ.

Слѣдственно, неруководимымъ личными выгодами сочинителямъ Регламента, надо было только обратить вниманіе на образованіе порядка вещей, отъ совершеннаго измѣненія политическихъ обстоятельствъ воспослѣдовавшихъ, и на ограниченіе нѣкоторыхъ частныхъ злоупотребленій, и не помышляя, кромѣ какъ о благоденствіи своего отечества, составить Уложенія, которыя бы были сообразны съ настоящимъ порядкомъ вещей, и тѣмъ сохранили бы и спокойствіе въ краѣ, который, будучи вообще недоволенъ, по ограниченности умственныхъ способностей обитателей своихъ, подстрекаемыхъ различными посторонними вліяніями, приписываетъ все сіе дѣйствію Россіи и ропщетъ на оную. Но затѣйливость, своекорыстные виды, непостоянство, надменная самонадѣянность, готовая на все необъяснимое, и неблагодарность, исключительно составляютъ основаніе правъ вообще всѣхъ Бояръ, а преимущественно въ частности составлявшихъ Регламентъ сей; они предпочитаютъ всегда неотложное исполненіе своекорыстныхъ видовъ своихъ въ настоящемъ, незаботясь объ отдаленной личной пользѣ въ будущемъ, и никогда не помышляя объ общемъ благѣ ихъ отечества и проч.

Симъ же трактатомъ предположено въ Княжествахъ составить собственную народную стражу. Мѣра необходимая, чтобъ со временемъ упрочить внутреннее благосостояніе и замѣнить наемниковъ, которые хоть и немного стоили Правительству, но могли угрожать оному подобнымъ 1821 года происшествіемъ. Регламентъ долженъ былъ положить правила, коими долженствовало собрать опре-

---

[1] Хотя и большая часть сборовъ и нарядовъ сихъ были противны уже и предшествовавшимъ Адріанопольскому трактатамъ, но тутъ Господарь извлекалъ свою пользу, и потому всѣ таковые совершались по тайнымъ самаго его предложеніямъ Портѣ, подъ видомъ искренней преданности своей; ему не представлялось большаго затрудненія усыпить вниманіе Консуловъ-Перотовъ, могущихъ воспротивиться сему. Такимъ образомъ и многія статьи, ясно уничтоженныя Букарестскимъ трактатомъ, взыскивались иногда вдвое, но подъ другими только названіями и проч.

дѣленное для сего число людей: тутъ, вмѣсто того, чтобъ поступить съ тою осмотрительностію и съ тою осторожностію, которая была необходима, дабы новымъ симъ введеніемъ, столь ужаснымъ для народовъ непросвѣщенныхъ, не сдѣлать перваго непріятнаго впечатлѣнія, которое въ послѣдствіи весьма трудно, а чаще и невозможно истребить, приняты были мѣры необдуманныя и ложныя, и будучи сопутствуемы различными слухами, распускаемыми недовольными, возстановили жителей противъ онаго: слово рекруты, наборъ и тому подобное, не могло никакъ согласоваться съ ихъ понятіемъ; благонамѣренность цѣли не была имъ растолкована и проч. Правительство, убѣдясь въ неправильности предписаннаго къ сему порядка, отмѣнило оный и издало другой; подстрекаемый невѣжественный народъ, приписывая это своему сопротивленію, или по крайней мѣрѣ слабости Правительства, ободрился, почему и сіе второе распоряженіе не могло быть приведено въ дѣйство; и такъ какъ оно сопряжено было также съ большими или меньшими неудобствами, то и было причиной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опять сопротивленія, оказаннаго Правительству жителями. Наконецъ, прибѣгли къ третьему средству, но и оное не было удачнѣе первыхъ: непріобыкшій къ сему поселянинъ ужасался одной мысли надѣть мундиръ, ходить мѣрными шагами и проч. Къ тому же распущенъ былъ слухъ, что войско сіе, по сформированіи, поступитъ въ составъ Русскихъ полковъ и проч. — нелѣпость, которую до сихъ поръ нелья разрушить. Строгость, съ каковою поступали съ новобранцами, для выправки ихъ совершенно на образецъ Русскаго солдата, подтвердила это и довершила остальное.

Между тѣмъ недовольные введеніемъ новаго Регламента, продолжали распускать различные слухи въ народѣ, всегда и вездѣ расположенномъ и готовомъ приклонить слухъ къ обманчивымъ увѣреніямъ неблагонамѣренныхъ; толковали оному всѣ статьи Регламента въ противную сторону, указывали двусмысленности, заключающіяся въ ономъ и т. п. Словомъ, нетрудно было имъ пробудить сперва его подозрительность, а между Боярами зависть другъ къ другу, потомъ посѣять всеобщее и взаимное неудовольствіе между ними, и наконецъ породить и негодованіе противъ существующаго Правительства.

Около сего же времени, или нѣсколько прежде (въ началѣ 1830 года), учреждены были многія Коммиссіи, составленныя изъ избран-

ныхъ Полномочнымъ Предсѣдателемъ Бояръ и по одному при каждой изъ нихъ Русскому чиновнику въ званіи Прокурора. Главнѣйшая цѣль Коммиссій сихъ состояла въ открытіи злоупотребленій предшествующихъ управленій. Каждая изъ сихъ Коммиссій, разъѣзжая по Уѣздамъ, ей назначеннымъ, распрашивала поселянъ объ угнѣтеніяхъ, имъ чинимыхъ частнымъ начальствомъ, незаконныхъ поборахъ, съ нихъ сдѣланныхъ и т. п. Въ многихъ мѣстахъ, Коммиссіи сіи, снабженныя большею властію, смѣняли Исправниковъ, отдавали ихъ и другихъ чиновниковъ подъ судъ, заставляли многихъ самыхъ мелкихъ чиновниковъ (Зобчіи), родъ нашихъ Бессарабскихъ Олокашей, платить, въ присутствіи, мужикамъ (по ихъ только показанію) за самые съѣстные припасы, ими съѣденные, во время проѣзда чрезъ селеніе и проч. Обстоятельство сіе представило пространное поле къ доносамъ всякаго рода, къ удовлетворенію личностямъ, къ услажденію въ мести, и наконецъ произвело всеобщее волненіе. Мелкіе чиновники сначала опасались послѣдствій и уплачивали безпрекословно требуемое поселянами; чиновники изъ Бояръ и нѣсколько возвышенные, имѣли или связи родства, или другими средствами избавлялись всякой отвѣтственности. Поселянинъ, который всегда былъ покоренъ власти, открылъ невѣжественные глаза свои и началъ разсуждать по своему о правѣ властей и несправедливостяхъ; симъ непостижимымъ для его впечатлѣніемъ предоставленъ былъ ему способъ предъявлять ничтожныя свои претензіи за угнѣтенія, которыя съ незапамятныхъ временъ въ обычаѣ существовали, и если были и неправильными, то, по крайней мѣрѣ, всегда терпимыми. Сверхъ сего, подстрекаемый людьми безпокойными, возмечталъ о всегдашнемъ правѣ сопротивляться, по мнѣнію его, противузаконностямъ. Между тѣмъ чиновники, на коихъ они приносили жалобы, многіе оставались на мѣстѣ, или на время только были удаляемы, а чаще всего перемѣщались. Сіи послѣдніе, видя опасность только на бумагѣ и строгость дѣйствія Коммиссій постепенно уменьшающеюся, въ отмщеніе начали брать вдвое, притязаться къ тѣмъ, кого полагали главнѣйшими обвинителями и проч.

Такимъ образомъ Коммиссіи сіи, не открывъ совершенно ничего, заслуживающаго малѣйшаго вниманія, [1] развѣ только то,

---

[1] Одна изъ сихъ Коммиссій, составленная и дѣйствовавшая въ духѣ Инструкціи со всею строгостію, нашла въ Фокшанскомъ, Бузевскомъ и другихъ Цы-

что и прежде оныхъ можно было сказать циркулярно, и вообще были поводомъ безчисленныхъ интригъ и личностей, а поселянъ научили клеветѣ, руководимой местью и завистью, кляузамъ и разсужденію о законномъ и незаконномъ дѣйствіи чиновниковъ, которымъ, при малѣйшемъ исполненіи ихъ должности, угрожали. Словомъ, слѣдственныя Коммиссіи сіи, поселивъ въ нижній, совершенно необразованный, классъ ложное понятіе о правахъ своихъ, открыли поселянамъ то, что бы, по степени просвѣщенія ихъ, по самому образу долженствовавшагося учредиться управленія, и даже по политическимъ отношеніямъ, надо было предоставить времени... Пагубное впечатлѣніе сіе глубоко врѣзалось въ безразсудную необразованность людей, почти полудикихъ, могущихъ легко быть увлеченными и поставленными въ остервененное состояніе.

Народъ обоихъ Княжествъ всегда былъ преданъ Россіи, не столько по единству закона, сколько по упованіямъ на защиту отъ Турковъ и отъ алчности Фанаріотовъ, обуздываемыхъ Консулами нашими. Сверхъ всего, многіе еще помнятъ кампаніи Потемкина, а нѣкоторые и Румянцова, которые, вмѣсто истощенія края, всегда почти неразлучнаго съ войною, благоразумнымъ управленіемъ обогативъ оный, умѣли привлечь къ себѣ мнѣніе и любовь жителей, изъ коихъ многіе послѣдовали за войсками; селенія ихъ понынѣ существуютъ по большей части на берегахъ Днѣстра, въ Херсонской, Подольской, а также и Екатеринославской Губерніяхъ. [1]

Кампанія 1806 и 1812 годовъ не столь была благопріятна для нихъ, но по роду тогда существовавшаго управленія, они болѣе приписываютъ собственнымъ своимъ Боярамъ угнѣтеніе и раззореніе, имъ причиненныя. Пребываніе Консуловъ-Перотовъ и нѣ-

---

нутахъ, которые болѣе имѣли возможности, по обстоятельствамъ дѣлать злоупотребленія, всего только около 30 т. левовъ въ самомъ большемъ (12 т. руб.) въ два года; въ числѣ сихъ злоупотребленій были и съѣстные припасы, съѣденные разъѣзжавшими чиновниками. Что же это тамъ, гдѣ, безъ всякихъ формъ, въ царствующемъ хаосѣ, взято было, можетъ быть, на 500 т. въ два года продуктовъ, подводъ, квартированія и проч.? Другія же Коммиссіи большею частію ничего не нашли, и стоили больше.

[1] Конечно, обстоятельства нынѣ измѣнились, и самые Турки, столь страшные опустошеніями своими въ тѣ времена, уже не тѣ нынѣ: что доказано происшествіемъ 1821 года и въ 1828 году въ Малой Валахіи.

которыя происшествія въ Валахіи, во время коихъ всегдашняя готовность Австрійскихъ Консулатовъ выискивать и хвататься за случаи, чтобъ оказывать покровительство, въ которомъ отказывалъ Консулъ-Перотъ, начало охлаждать Поселянъ къ Россійскому Консулату. Присоединеніе Бессарабіи, въ которой они лишались той дикой свободы своей, которая не можетъ быть терпима въ благоустроенномъ Государствѣ, и столь прельщаетъ поселянъ обоихъ Княжествъ, начало устрашать ихъ.

Послѣдняя кампанія по обстоятельствамъ (о коихъ здѣсь нѣтъ мѣста распространяться) была разрушительна для поселянъ обоихъ Княжествъ, особенно въ первый годъ; но, не взирая на раззорительное изнеможеніе, подъ хаосомъ, тогда существовавшимъ, и на частныя злоупотребленія, это ни въ чемъ не измѣняло существовавшей до сего расположенности ихъ еще къ Россіи. [1]

По окончаніи кампаніи, хотя всѣ почти требованія для войскъ прекратились, но народъ содѣлался недовольнымъ. Причина весьма видимая: поселянъ обоихъ Княжествъ не могутъ столько устрашить дѣлаемые съ нихъ поборы, изнуреніе и тому подобное: они пріобыкли къ сему со временъ Турковъ и Фанаріотовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и избалованы богатой почвою и другими неистощимыми выгодами отечества своего. Но ихъ устрашаютъ новыя введенія, искорененіе ихъ обычаевъ; карантины для нихъ несносны; обязанность вступать въ регулярное войско, строгостію своею напугавшее ихъ съ самаго начала, и проч. Будучи близкими сосѣдями Турковъ и подъ игомъ ихъ, они заняли характерическую черту всѣхъ Восточныхъ: — недовѣрчивость, и мнительность, которыми воспользовались неблагонамѣренные и недовольные Регламентомъ, дали имъ мѣсто распустить слухи и взволновать головы поселянъ. Въ слѣдъ же за симъ присоединились Коммиссіи (о коихъ было упомянуто выше), и

---

[1] На слѣдующій годъ, во время управленія Генералъ-Лейтенанта Желтухина, который, не взирая на всѣ трудности, представлявшіяся отъ совершеннаго раззоренія, преимущественно большей части Валахіи, на чуму и необходимость въ самое короткое время доставить всѣ потребности для арміи, изготовлявшейся снова къ открытію военныхъ дѣйствій, успѣлъ, къ удивленію всѣхъ, извлечь достаточное изъ совершенно истощеннаго края, сохранивъ при всемъ томъ поселянъ благоразумными, безпристрастными и строгими мѣрами своими.

въ семъ-то расположеніи необразованныхъ умовъ и полудикихъ нравовъ и обычаевъ, предоставили и открыли имъ средства, къ гласному обнаруженію своихъ неудовольствій.

Между тѣмъ, верховное управленіе дѣйствовало, не принаравливаясь къ духу и обычаямъ края, учредило множество Комитетовъ, слѣдственныхъ, разбирательныхъ и другихъ Коммиссій, большое количество чиновниковъ по особымъ порученіямъ, подъ разными наименованіями и проч., и проч., словомъ, все, что необходимо было для управленія образованнымъ во всѣхъ отношеніяхъ краемъ, гдѣ всякая вещь разсматривается не однимъ, и гдѣ начальникъ складываетъ съ себя отвѣтственность, быть и разбирателемъ и судьею вмѣстѣ. Но въ Княжествахъ это неудобоисполнительно, потому что прежде не существовало и не было введено никакого на сей предметъ предварительнаго учрежденія, необходимаго для основанія, на которомъ бы Комитеты и Коммиссіи могли дѣйствовать, и потому послѣдствіемъ сего была только одна исправность канцелярскихъ дѣлъ и соблюденіе формъ. Къ сему присоединились также частныя вниманія и покровительства, и потому происки и интриги, коимъ болѣе всѣхъ способствовали два Фанаріота, находившіеся при Полномочномъ Предсѣдателѣ, [1] ни кѣмъ нетерпимые и всѣмъ въ краѣ издавна извѣстные вредными правилами своими, во зло употребляя довѣренность начальства, въ кругу лицемѣрныхъ и ухищренныхъ Бояръ и проч. Нѣкоторые другіе чиновники, пользующіеся полною довѣренностію въ важнѣйшихъ дѣлахъ, дающихъ направленіе умамъ, по неопытности, по характеру и по другимъ видамъ своимъ, были главнѣйшей причиной происшествій въ Мартѣ 1831 года, въ Яссахъ, и вреднымъ дѣйствіемъ своимъ, возбудившихъ опасеніе и подозрительность всѣхъ классовъ. Словомъ, изъ самаго легкаго и простаго управленія содѣлали хаосъ, отозвавшійся болѣе всего на поселянахъ.

---

[1] Коллежскій Совѣтникъ Маврасъ и Коллежскій Ассесоръ Суццо, получившіе чины сіи прямо, не имѣвши никакого; онъ представленъ былъ, какъ Ага Молдавскій, къ переименованію, но онъ никогда не имѣлъ сего чина. Первый изъ сихъ Фанаріотовъ опасенъ въ отношеніи къ Портѣ, другой къ Австріи, по связямъ и взаимному родству ихъ, равно какъ и по связямъ родственнымъ же и другимъ, въ Княжествѣ находящимся. Правила обоихъ Фанаріотовъ сихъ слишкомъ извѣстны во многихъ Европейскихъ Государствахъ и проч.

Утвержденіе Регламента довершило все и поставило поселянъ въ возмутительное состояніе; подстрекаемые высшими классами и, въ свою очередь, неосторожнымъ дѣйствіемъ, они поставлены въ сомнительное положеніе. На нѣкоторыхъ возложено было тайно узнать мнѣнія Молдавскихъ Бояръ о Регламентѣ, дабы составить общее собраніе изъ таковыхъ, которые бы не дѣлали никакихъ возраженій на оный, но тайна сія была скоро гласною для всѣхъ и возбудила неосторожнымъ дѣйствіемъ опасеніе; мнительность породила новыя интриги и какъ будто давала понимать, что и само Правительство сомнѣвается въ возможности ввести новый Регламентъ, и должно было прибѣгнуть къ дѣйствію, оказывающему слабость онаго и проч. [1] Неблагонамѣренные толковали поселянамъ о рекрутахъ, о прибавленныхъ дняхъ работы, о прибавкѣ Бира, о раскладкѣ на нихъ подати съ овецъ, садовъ и проч. принадлежащихъ не имъ, а богатымъ Сокотельникамъ; говорили, что они лишились защиты Бояръ, къ коимъ были приписаны; другимъ толковали, что они назначены, какъ подданные, для работы Боярамъ; представляли неудобства размноженія властей и проч. и проч., изъясняя все сіе въ превратномъ видѣ, не отымали отъ нихъ надеждъ къ исправленію всего сего.

Въ началѣ 1831 года слухъ распространился въ невѣжественныхъ классахъ сихъ, что Султанъ не утверждаетъ Регламента, потому что народъ и большая часть Бояръ не желаютъ сего; пророчили за сіе новую войну и, воспользовавшись проѣздомъ Бимъ-Баши Ариѳъ-Аги чрезъ Букарестъ въ Яссы, [2] гдѣ предъ кампаніей онъ былъ Башъ-Бешли-Агой и имѣлъ множество знакомыхъ, что будто онъ посланъ былъ Портою удостовѣриться, въ какомъ положеніи на-

[1] Въ составленной запискѣ о происшествіи въ Мартѣ 1831 г., въ Молдавіи, посланной мною изъ карантина Генералъ-Адъютанту Киселеву, подробно изложены многія изъ сихъ обстоятельствъ.

[2] Ариѳъ Ага, тонкій и пронырливый Турокъ, чисто говорящій по-Молдавански, проѣздомъ изъ Букареста, поворотилъ на Бакеу и Романъ, гдѣ тотчасъ всѣ мелкіе Бояры поспѣшили къ нему. Хотя сія и неумышленная поѣздка его, но по духу обитателей, изъ оной выведены были большія послѣдствія. Я писалъ о семъ подробно Генералъ-Адъютанту Киселеву изъ Скулянскаго карантина. Ариѳъ-Ага сей есть тотъ самый, который, при вступленіи моемъ въ Яссы въ 1828 году, съ 60-ю Турками ускакалъ и вступилъ въ Австрію, откуда отправленъ въ отечество. Въ 1829 году онъ командовалъ аванпостами изъ Шумлы: я хорошо зналъ его лично, до открытія кампаніи и послѣ.

ходятся ея вѣрноподданные и довольны ли Регламентомъ и проч. и проч. Они прибѣгали ко всѣмъ средствамъ, свойственнымъ краю, чтобъ глубоко поселить сѣмена взаимнаго раздора и негодованія на Правительство и на первоклассныхъ Бояръ, которымъ не разъ подбрасываемыми насквилями угрожали истребленіемъ. Весною же многіе Цынуты отказались дать рекрутъ: ихъ брали насильно; но едва доводили до Яссъ, какъ они опять исчезали; нагорные Цынуты сдѣлали болѣе: они не только изгнали отъ себя чиновниковъ, но совершили многіе смертоубійства, убивали Козаковъ нашихъ, посылаемыхъ съ разными Офицерами и Арнаутами, для введенія порядка. Остервененіе ихъ и упорство дошло, наконецъ, до того, что должно было послать противъ нихъ Козачій, а изъ Букареста пѣхотный полки, для прекращенія безпорядковъ.

Не есть ли это необыкновенное политическое явленіе? Кроткій и робкій Молдавскій мужикъ, съ отдаленнаго времени управлявшійся однимъ невооруженнымъ Калорашемъ, спокойно являвшимся въ селеніе и вытягивавшій (еще съ небольшимъ три года тому назадъ), вмѣстѣ съ имуществомъ, и душу его, мужикъ, позволившій десяти, или двадцати, Етеристамъ, въ удобное къ сопротивленію время, грабять цѣлые Цынуты; словомъ, поселяне, которые и понынѣ въ числѣ 50 человѣкъ не рѣшаются напасть на одного разбойника и проч., и сіи-то самые люди, не только что оказали упорство въ ослушаніи и неповиновеніи Правительству, постановленному надъ ними Державой, всегда покровительствовавшей ихъ, но и отважились вступить въ перестрѣлку съ пѣхотою и Козаками побѣдоносной арміи, смирившей притѣснителей ихъ, и не только что навсегда освободившей оба Княжества отъ тяжелаго ига иновѣрныхъ, но блистательными побѣдами своими исторгшей изъ мрака забвенія ихъ древнія права, своихъ Господарей и народную стражу?

Стража.

Собранное нынѣ войско или стража въ обоихъ Княжествахъ [illegible] искиваетъ случая къ побѣгу. Выправка и строгость дисц[illegible] можетъ еще согласоваться съ обычаями поселянъ. Пре[illegible] зываемое Офицерамъ первыми классами во всѣхъ пуб[illegible] селеніяхъ, и непріемъ ихъ въ дома свои, поселяетъ [illegible] дованіе, желаніе мести, столь свойственной нижни[illegible] тивъ высшихъ и проч., чему уже были при[illegible]

1831 года, въ Яссахъ: все это даетъ заключать, что вооруженная сила сія, если она и не обратится вся противъ Бояръ, то разбредется по домамъ и увеличитъ неминуемый безпорядокъ, котораго оба Княжества неотмѣнно должны ожидать скоро послѣ выступленія нашихъ войскъ.

Заключеніе.

Таковы были плоды неосторожнаго и худо обдуманнаго дѣйствія въ управленіи Княжествами, послѣ Адріанопольскаго мира, управленія, не обратившаго никакого вниманія ни на расположеніе умовъ, ни на политическія отношенія въ будущности, ни на сохраненіе мнѣній, хотя одного класса въ пользу Россіи, которая была руководима чистѣйшими намѣреніями къ благосостоянію всѣхъ народовъ, коихъ участь зависѣла отъ ея вліянія и высокаго покровительства.

Уложеніе, сообразное съ обстоятельствами, соотвѣтствующее степени просвѣщенія, принаровленное къ нравамъ и обычаямъ, согласное съ нуждами и предоставляющее способъ промышленности и существованія каждому сословію, сохраняя при томъ и частныя взаимныя отношенія и обязанности, Уложеніе, которое вразумительнымъ, чистымъ и для каждаго удобопонятнымъ изложеніемъ своимъ, опредѣляетъ какъ общую, такъ и частную пользу, пріобрѣтаемую каждымъ отъ нововводимаго порядка, ниспровергающаго древнія законы и обычаи, такое Уложеніе было бы спасительно для Княжествъ. Но и въ такомъ случаѣ, для сохраненія спокойствія и предостереженія отъ замысловъ и ухищреній, которые могутъ быть приведены въ дѣйство неблагонамѣренными, необходима та прозорливая осторожность, безъ которой и самыя простыя измѣненія могутъ быть пагубными. Тогда, конечно, малая часть лишившихся личныхъ выгодъ своихъ, никогда не могла быть въ силахъ противо-

омнѣн-

іствіемъ

всегда

нтъ не

ждастъ

стояніи

о; одно

настоящее служитъ основаніемъ всего, и гдѣ, не взирая на всѣ претерпѣнныя бѣдствія, прошедшее считается временемъ блаженства, по обыкновенному расположенію болѣе или менѣе каждаго человѣка. Словомъ, тамъ, гдѣ ни одинъ классъ не созрѣлъ принять какое либо Европейское учрежденіе, хотя бы съ самыми благотворными его предначертаніями, и гдѣ власть одного долго еще останется необходимою, для содержанія всеобщаго спокойствія, въ необузданномъ сословіи совершенно всѣхъ классовъ, въ такой землѣ, конечно, трудно и почти невозможно, безъ необыкновенныхъ усилій, ввести подобное учрежденіе, а еще труднѣе упрочить оное навсегда. Не служитъ ли сему примѣромъ Греція, получившая Конституцію образованныхъ Швейцарцевъ? Плоды мечтаній сихъ видимы. Неосторожное дѣйствіе заставило большую часть народа жалѣть о прежнемъ Правительствѣ своемъ, противу варварства коего они, въ продолженіи болѣе семи лѣтъ, боролись, и нынѣ начинаютъ обращаться частями опять къ оному и проч. и проч. Молдавія и Валахія, коихъ внутреннее благосостояніе нынѣ тѣсно связано съ политическими отношеніями, можетъ повлечь за собою послѣдствія особенной важности . . . . . и гораздо сложнѣе.

Зная совершенно оба Княжества, людей всѣхъ классовъ, ихъ расположеніе умовъ и постороннія вліянія и надежды и имѣя связи и проч., я утвердительно могу сказать, что Регламентъ сей, вводимый частнымъ соблазномъ обольщенія, внушеніемъ страха ссылки въ Силистрію, и поддерживаемый силою оружія, можетъ существовать до тѣхъ только поръ, доколѣ онъ сопутствуемъ подобными убѣжденіями. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что едва Княжества будутъ оставлены нашими войсками, какъ они превратятся въ позорища, еще ужаснѣйшія, нежели тѣ, коимъ были свидѣтелями во время Тодора Владимиреска и Етеристовъ, въ 1821 году. Если же до сихъ поръ въ Валахіи не было никакого гласнаго безпорядка, то единственно по причинѣ квартированія тамъ Дивизіи. Молдавія же, едва оставленная пѣхотою, и въ недальнемъ отъ оной разстояніи еще находившеюся, какъ мы видѣли выше, подняла было уже знамя бунта.

10 Августа, 1831.

Тульчинъ.

МНѢНІЕ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО СТАТСКАГО СОВѢТНИКА МАГНИЦКАГО,

о Наукѣ Естественнаго Права.

Оставаясь при моемъ мнѣніи противъ общаго заключенія Главнаго Правленія Училищъ, въ разсужденіи необходимости пріостановленія во всѣхъ нашихъ Университетахъ преподаванія Естественнаго Права, доколь разсмотрятся требуемыя отъ нихъ тетради онаго и составится наука сія не на правилахъ разрушительныхъ, но согласныхъ съ ученіемъ Евангельскимъ, я почитаю себя обязаннымъ объявить причины, къ сему упорству въ моемъ мнѣніи меня принуждающія; онѣ суть слѣдующія: 1. Наука Естественнаго Права, безъ которой обходился древній Римъ, будучи Королевствомъ, Республикою и Имперію, и не менѣе того оставившій намъ образцы совершеннѣйшаго гражданскаго законоположенія, безъ которой обходилась Франція въ теченіи 800 лѣтъ, безъ которой обходятся и нынѣ всѣ Университеты Англіи и Италіи, и которые, однако жь, славятся отличнѣйшими Юристами; наука Естественнаго Права, сія метафизика правъ, несопредѣльная къ народному, публичному и положительному праву, есть изобрѣтеніе невѣрія новѣйшихъ временъ Сѣверной Германіи. 2. Она всегда была опасна; но когда Кантъ посадилъ въ преторы, такъ называемый, чистый разумъ, который вопросилъ истину Божію: что есть истина? и вышелъ вонъ, тогда наука Права Естественнаго сдѣлалась умозрительною и полною системою всего того, что мы видѣли въ революціи Французской на самомъ дѣлѣ, опаснѣйшимъ подмѣномъ Евангельскаго Откровенія, ибо не опровергаетъ его, но преходитъ въ молчаніи, начинается съ предложенія, что его никогда не было, исторгаетъ изъ руки Божіей на-

чальное звено златой цѣпи законодательства и бросаетъ его въ хаосъ своихъ лжемудрствованій, и наконецъ, опровергнувъ олтарь Христовъ, наноситъ святотатственные удары престоламъ Царей, властямъ и таинству супружескаго союза, подпиливаетъ въ основаніи сіи три столба, на коихъ лежитъ сводъ общественнаго зданія. 3. Опасность Науки Естественнаго Права доказана во вчерашнемъ, незабвенномъ въ исторіи нашей, засѣданіи Главнаго Правленія Училищъ: а. Христіянскими сильными и, какъ свѣтъ, ясными мнѣніями Гг. Членовъ Правленія; б. Разсмотрѣніемъ и осужденіемъ разрушительной системы Професора Куницына и самаго лица его; в. Сильнѣйшею рѣчью Г. Ректора здѣшняго Университета, который съ извѣстнымъ его благочестіемъ, съ обширнымъ просвѣщеніемъ, съ красворѣчіемъ мужа ученаго, свободно излагая, при общемъ молчаніи въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, систему того Естественнаго Права, которое, по мнѣнію его, можетъ преподаваться безвредно, не могъ уладить сей науки съ вѣрою Христіянскою и долженъ былъ признаться, что а. Она не предполагаетъ Откровенія, ибо преподается въ началахъ, цѣлому человѣческому роду общихъ, т. е., Христіянину, Брамину и идолопоклоннику; б. Она не предполагаетъ паденія; в. Она не предполагаетъ власти Царской отъ Бога, но почитаетъ ее ввѣренною одному лицу, для безопасности общественной; г. Она полагатъ бракъ договоромъ.

Я осмѣливаюсь вопросить и съ сей лучшей стороны: можетъ ли быть сія наука безвредною? Можно ли согласить ее съ наставленіемъ, Ученому Комитету даннымъ, въ коемъ именно сіи начала воспрещаются? Можно ли опасаться пріостановить повсемѣстное ея преподаваніе, когда безъ всякаго опасенія утвердить можно, что ни въ одномъ изъ нашихъ Университетовъ не выбраны изъ ста и болѣе классическихъ ея авторовъ ни Мартини, ни Бурламаки, сочинители, ежели не совершенно Христіянскіе, то, по крайней мѣрѣ, упоминающіе о Евангеліи, и изъ которыхъ первый, по имянному повелѣнію Императора, исключительно допускается въ Австрійскихъ Университетахъ? Должно ли опасаться, что Университеты наши не могутъ обойтись безъ сей науки, положимъ годъ, когда жили безъ нея и обходились древній Римъ 500, а Франція 800 лѣтъ? Наконецъ, признаюсь, что я трепещу предъ всякимъ систематическимъ невѣріемъ Философіи, сколько по непобѣдимому внутреннему къ нему отвращенію, столько и особенно по тому, что въ исторіи XVII и XVIII

столѣтій, ясно и кровавыми литерами читаю, что сначала поколебалась вѣра, потомъ взволновались мнѣнія перемѣною значенія и подмѣною словъ, и отъ сего непремѣннаго и какъ бы литературнанаго подкопа, алтарь Христовъ и тысящелѣтній тронъ древнихъ Государей взорваны! Кровавая шапка свободы оскверняетъ главу помазанника Божія и вскорѣ повергаетъ ее на плаху! Вотъ ходъ того, что называли тогда только Философіею и Литературою, и что называется нынѣ уже Либерализмомъ.

РѢЧЬ

КЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ КАЗАНСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПОПЕЧИТЕЛЕМЪ ОНАГО МАГНИЦКИМЪ,

15 Сентября, 1825 года. *

Послѣ краткаго вступленія, Попечитель представляетъ картину ученаго состоянія Казанскаго Университета и, обращаясь къ Членамъ, говоритъ:

«Въ то самое время, какъ лжеимянная Философія, отравляя всѣ Науки и даже Словесность и самыя Искуства тлетворнымъ своимъ ядомъ, бѣснуетъ умы на Бога и Царей, въ Университетѣ нашемъ самый ядъ сей претворяется въ цѣлительное средство противъ буйной гордости разума. Воспитанники Ваши, путеводимые благочестивымъ Несторомъ Вашего сословія, твердо изучили всѣ возраженія на нелѣпыя положенія Естественнаго Права и, съ улыбкою презрѣнія къ возмутительнымъ его бреднямъ, изощряютъ природное свое остроуміе на счетъ славнѣйшихъ его апостоловъ.

Вмѣсто тѣхъ буйныхъ мечтаній нѣкоторыхъ Германцевъ, кои возникли съ своевольствомъ Лютеровой реформы, и такъ лживо называются нынѣ Философіею, мечтаній, въ углу Сѣверной Германіи распространенныхъ такими людьми, коихъ и именъ на другомъ краю Европы никто не знаетъ, вмѣсто сихъ мечтаній принята у Васъ та здравая, истинная, беззатѣйная Философія, которая прямитъ и изощряетъ умы, съ которою жили счастливо отцы наши, вѣрные Богу и Царямъ, въ которой воспитаны и образовались отличнѣйшіе мужи нашего Отечества, Свѣтила нашей Церкви.

---

* Рѣчь сія была уже напечатана въ М. Т. 1826, N 6, III, стр. 142—143, и здѣсь помѣщается снова по связи съ предыдущимъ.

Въ преподаваніи Исторіи Всеобщей былъ я обрадованъ тѣмъ, чего всегда желалъ, не предвидя возможности исполненія, чего даже не смѣлъ и надѣяться. Извѣстная Рѣчь Боссюэта, безсмертный памятникъ сего Христіянскаго генія, удивленіе потомства, представляя общій взглядъ ума необыкновеннаго, взирающаго съ неба на судьбы, движеніе и паденіе царствъ земныхъ, была дана въ руководство преподавателю Всеобщей Исторіи; но что онъ сдѣлалъ съ нею? Онъ изъ простаго очерченія Боссюэтова сдѣлалъ картину всемірныхъ происшествій, освѣтилъ ее тѣмъ незаходимымъ свѣтомъ, внѣ котораго всякое просвѣщеніе человѣческое тьма густая. Онъ исполнилъ въ преподаваніи своемъ то, что въ Высочайше утвержденной Инструкціи Ректору нашего Университета предписано; онъ смѣлою рукою свергнулъ тѣ идолы языческаго величія, предъ коими весь ученый міръ, преклоня колѣна, стоитъ уже двѣ тысячи лѣтъ. Въ житіяхъ Святыхъ Церкви Православной показалъ онъ тѣ высокіе примѣры всѣхъ добродѣтелей, предъ коими меркнетъ и исчезаетъ, какъ тѣнь, слава Брутовъ и Лукрецій. Онъ сорвалъ вѣнцы съ гордаго чела героевъ языческой древности и почтительно положилъ ихъ на окровавленномъ прахѣ Колизея, къ стопамъ Святыхъ Мученическихъ ликовъ.»

ОТНОШЕНІЕ

ПОПЕЧИТЕЛЯ КАЗАНСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА КЪ МИТРОПОЛИТУ НОВГОРОДСКОМУ, С.-ПЕТЕРБУРСКОМУ, ЭСТЛЯНДСКОМУ И ФИНЛЯНДСКОМУ,

от 24 Мая, 1824 года.

Ваше Высокопреосвященство изволите, я думаю, припомнить, что въ засѣданіяхъ Библейскаго Комитета два раза была рѣчь о богохульномъ выраженіи, поставленномъ въ Персидскомъ переводѣ Новаго Завѣта, котораго не смѣю и произнесть. Въ первый разъ просилъ я, чтобы важное дѣло сіе было основательно изслѣдовано, а во второй, чтобы всѣ оставшіеся экземпляры сего перевода были сожжены.

Первое мнѣніе мое оставлено безъ вниманія; не знаю, той же ли участи подвержено и второе; но знаю то, что чѣмъ болѣе воспоминаю страшное дѣло сіе, тѣмъ сильнѣе тревожитъ меня совѣсть слѣдующими разсужденіями:

1. Заключающій въ себѣ богохульное выраженіе, Персидскій переводъ распространенъ въ Персіи и офиціально поднесенъ Шаху. Какъ увѣрить теперь Персіянъ, что въ подлинникѣ выраженія сего нѣтъ, а въ переводѣ ошибка?

2. Ежели въ преложеніи на Персидскій языкъ, одинъ изъ классическихъ Восточныхъ, могло проскользнуть, по ошибкѣ, богохульство, то чего не можетъ быть въ тѣхъ торопливыхъ переводахъ на многіе языки дикихъ, у коихъ нѣтъ еще и письменъ?

3. Послѣ сего, величайшаго на землѣ несчастія для Библейскаго Общества, можно ли еще думать, чтобы на дѣлѣ его было Божіе благословеніе?

4. Каждый Членъ Общества не будетъ ли отвѣчать предъ Богомъ за всѣ дѣла его, участвуя въ нихъ и деньгами и согласіемъ?

По всѣмъ симъ неоспоримымъ, по чувству моему, уваженіямъ обличающей меня совѣсти, готовился я просить увольненія меня отъ Библейскаго Общества, но удержанъ былъ тѣмъ только, что надѣялся видѣть скорое его паденіе отъ другихъ причинъ.

Нынѣ Правленіе Императорскаго Казанскаго Университета, представляя мнѣ о раздачѣ книгъ Св. Писанія ученикамъ, въ награду за успѣхи, упоминаетъ и о Евангеліи на Персидскомъ языкѣ, изъ чего вижу я, что книга сія не только не уничтожена, но еще и распространяется Библейскими Отдѣленіями.

Почитая сей случай вызовомъ меня, согласно съ чувствомъ совѣсти моей, на то дѣствіе, отъ котораго одно благоприличіе доселѣ меня удерживало, пріемлю я смѣлость покорнѣйше просить Ваше Высокопреосвященство принять торжественное отреченіе мое отъ всѣхъ богопротивныхъ, по моему разумѣнію, дѣйствій Библейскаго Общества, и благоволить исходатайствовать мнѣ совершенное отъ онаго увольненіе.

ПИСЬМО

АДМИРАЛА МОРДВИНОВА КЪ СТАТСЪ-СЕКРЕТАРЮ ОЛЕНИНУ,

отъ 21 Мая, 1823 года.

Ваше Превосходительство, пріѣхавъ ко мнѣ сегодня прямо отъ Князя А. Б. Куракина, показывали полученное Вами Отношеніе и Записку, для внесенія въ Журналъ Общаго Собранія Государственнаго Совѣта, по дѣлу Графа Каменскаго съ поваромъ его, Французомъ Кароиомъ; при томъ Вы спрашивали у меня, не будетъ ли съ моей стороны какого либо дополнительнаго заключенія по сему дѣлу, для помѣщенія онаго въ Журналъ, который составляется къ будущему засѣданію Общаго Собранія Государственнаго Совѣта.

Подписавъ Журналъ Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ по сему предмету, и имѣя на моей сторонѣ всѣхъ Членовъ Общаго Собранія, кромѣ Предсѣдательствующаго и Графа Моркова, я не нахожу инаго дополненія нужнымъ, какъ только то, что не могутъ существовать два рода правосудія: одно, для повара Карона, другое для Графа Каменскаго; что побочныя обстоятельства къ сужденію дѣлъ законами воспрещены; что судья не можетъ быть ни доносителемъ, ни свидѣтелемъ; что оскорбительныя слова не совмѣстны съ равнодушіемъ праведнаго судьи; что они тѣмъ менѣе дозволительны, когда отнесены могутъ быть къ судьямъ противнаго мнѣнія; ибо когда дѣло Графа Каменскаго гнусно, то единогласное рѣшеніе Правительствующаго Сената, мнѣніе какъ Департамента, такъ и Общаго Собранія Государственнаго Совѣта, подходитъ подъ то же наименованіе; что приговоръ Палаты основанъ на ложномъ

толкованіи закона, требующаго доказательствъ отъ истца, а не отъ отвѣтчика; что, допустивъ въ Государственномъ Совѣтѣ таковое искаженіе закона, откроется слѣдъ ко всѣмъ обманамъ и несправедливымъ требованіямъ и не будетъ въ Россіи законовъ.

За тѣмъ, какъ я вижу изъ Отношенія къ Вашему Превосходительству, что Князь Алексѣй Борисовичъ оскорбился, въ лицѣ Предсѣдателя, замѣчаніемъ моимъ, что онъ напрасно назвалъ дѣло Графа Каменскаго гнуснымъ, когда въ дѣлѣ, предлежащемъ сужденію, никакія обстоятельства не изображаютъ его въ семъ видѣ, честь имѣю объяснить:

Государственный Совѣтъ есть, въ моемъ разумѣ, не что иное, какъ совѣщаніе людей Государственныхъ, опредѣленныхъ, по особой Высочайшей волѣ, дабы дѣла, расмотрѣнію сего сословія поручаемыя, въ истинномъ ихъ достоинствѣ Государю Императору представлены были.

Никакое совѣщаніе по дѣламъ безъ взаимныхъ примѣчаній въ разсужденіяхъ, по обстоятельствамъ оныхъ, существовать не можетъ.

Ни мало не желая оскорбить Господина Предсѣдательствующаго и будучи въ чистомъ благонамѣреніи, я старался замѣчаніемъ моимъ обратить вниманіе Его Сіятельства на то токмо извѣстное и признанное общее правило, что въ дѣлахъ, къ сужденію предложенныхъ, не возможно назвать дѣло гнуснымъ, когда обстоятельства онаго такимъ его не открываютъ, и что самое выраженіе сіе, могущее оскорбить тѣхъ, которые были противнаго мнѣнія, не позволительно въ Верховномъ Собраніи. Личное же убѣжденіе Господина Предсѣдательствующаго, что извѣстный ему родъ жизни Графа Каменскаго невыгоденъ въ его мнѣніи, не перемѣняетъ, смѣю сказать, существа дѣла, а обнаруживаетъ только обстоятельство, которое вовсе дѣлу непричастно.

Позвольте повторить Вашему Превосходительству, что, по совѣсти моей, ни какого намѣренія къ оскорбленію Господина Предсѣдательствующаго не имѣлъ я, и въ доказательство того, самое замѣчаніе мое сдѣлалъ со всею скромностію, произнеся оное весьма тихо, такъ, что мои слова едва ли кому были слышны.

Впрочемъ, руководствуясь Высочайшимъ Образованіемъ Государственнаго Совѣта, я не вижу той статьи, которая бы запрещала Члену сего Верховнаго Сословія прибѣгнуть къ приличному замѣчанію, для обращенія вниманія Предсѣдателя Государственнаго Совѣта на

истинное положеніе дѣла, потому болѣе, что въ § 10 сего Образованія именно повелѣвается: «Всѣ разсужденія Членовъ обращать къ лицу Председателя.»

Въ заключеніе сего моего объясненія, я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, въ случаѣ нужды, довести сіе Отношеніе до свѣдѣнія Государя Императора, предъ которымъ всегда открыта душа моя.

П. П. Я долженъ въ заключеніе сего повторить, что я отнюдь не возражалъ на мнѣніе Кн. А. Б. Куракина, но единственно ему замѣтилъ, изъ уваженія къ Его Сіятельству, что слово гнусное не можетъ быть употреблено безъ ясныхъ на то доказательствъ.

О ГРАФѢ Ѳ. В. РАСТОПЧИНѢ

И О СОБЫТІЯХЪ

1812 ГОДА ВЪ МОСКВѢ.

Свѣдѣнія о событіяхъ 1812 г. въ Москвѣ и о дѣйствіяхъ Графа Ѳ. . Растопчина, помѣщенныя во II-й кн. «Чтеній» («Разсказъ Москви», неизвѣстнаго, статья Бестужева-Рюмина и другія, какъ въ этой, ікъ и въ другихъ книгахъ «Чтеній»), вызвали нѣсколько указаній ь повременныхъ изданіяхъ на происшествія и лица того времени. а главное же тогда лице въ Москвѣ, на Растопчина, страшная твсюду поднялась буря.

Съ нѣкотораго времени въ нашей полугласной, порой смѣлой, орой робкой, и такъ далѣе, Литературѣ господствуетъ духъ всеотицанія и всепорицанія, какъ прежде, и не очень еще давно, въ ей преобладалъ духъ всевосхваленія и всеумиленія. И та и другая райность, затмѣвая истину, никогда не доведетъ никакую задачу о справедливаго разрѣшенія. Пусть патріоты-Демокриты на все лядятъ съ веселой улыбкой, а патріоты-Гераклиты сквозь слезы; усть одни всему радуются, или надо всѣмъ смѣются, а другіе обо семъ плачутъ или на все негодуютъ; мы постараемся пройти между ними середнею чертою. Не поднимая никого на пьедесталъ кумиромъ, и не бросая ни въ кого грязью, мы будемъ говорить спокойно и безпристрастно. Начинаю.

«Разсказъ Москвича» (неизвѣстнаго), какъ и «Воспоминанія о 1812 1813 г., Кононова (кн. III «Чтеній» 1860) не лишенъ, въ связи съ

прочими статьями, нѣкоторой занимательности, но въ сущности это элегическія воспоминанія какого-то страдальца: «Дщерь несчастія! богиня плача и рыданія! пріиди и устрой гласъ мой, подкрѣпи меня, слабаго и пораженнаго печалію, да. . . . и т. д.» Разсказы Бестужева-Рюмина несравненно любопытнѣе. Они обнимаютъ все теченіе времени, отъ увольненія Фельдмаршала Графа Гудовича (25 Мая, 1812 г.) и назначенія, вмѣсто его, Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ Графа Растопчина (29 Мая), до выхода непріятеля изъ Москвы.[1]

А. Д. Бестужевъ Рюминъ служилъ въ Вотчинномъ Департаментѣ Ассессоромъ, подъ начальствомъ Графа М. А. Дмитріева-Мамонова, который устроилъ, въ 1812 г., собственными средствами, конный полкъ и перешелъ въ военную службу. Патріотъ-жертвователь много лѣтъ уже томится, лишенный разсудка, въ своей Подмосковной. Передъ занятіемъ города Французами, всѣ товарищи Бестужева успѣли удалиться изъ Москвы: оставаясь, при нѣсколькихъ чиновникахъ, старшимъ и, просто сказать, единственнымъ Членомъ Департамента, онъ не рѣшился воспользоваться бывшимъ у него въ рукахъ отпускомъ, полагая священнымъ долгомъ своимъ охранять дѣла Архива и казенныя суммы. Съ этой цѣлью онъ обратился къ Наполеону—и почти всѣ дѣла сбережены. Между тѣмъ воинъ-деспотъ учредилъ «Отеческое городовое правленіе» (municipalité paternelle), въ которое опредѣлилъ его (21 Сентября) Членомъ, съ званіемъ помощника Мера Московской общины (adjoint du maire de la commune de Moscou). Муниципальный Совѣтъ обязанъ былъ защищать обывателей отъ обидъ, грабежа, насилій, и т. п. Бестужеву велѣно было носить на лѣвой рукѣ красную узкую ленточку и красную же перевязь съ

[1] Странно, какъ иногда совпадаютъ на разстояніи вѣковъ знаменательные дни или числа: 29 Мая 1737 г. пожаръ, называемый Троицкимъ, потому что случился въ Троицынъ день, почти опустошилъ Москву; 29 Мая 1812 г., Москва поручена Растопчину, виновнику историческаго въ ней пожара (Снегиревъ). Еще страннѣе, какъ порой встрѣчаются событія, такъ сказать, одного настроенія, одно на другомъ отражающееся, одно отъ другаго зависящее, словно по сочувствію, по влеченію одного къ другому. Такъ, на примѣръ, въ томъ же 1737 г., въ Москвѣ упалъ колоколъ (въ 12 т. пуд.) съ Ивана Великаго, и въ тоже время въ Петербургѣ треснула, на колокольнѣ Воскресенской церкви двѣнадцатипудовая модель его (Рубанъ).

праваго плеча. Это было знакомъ права его заступаться за Русскихъ на улицахъ. Въ домѣ Румянцева, на Покровкѣ, гдѣ помѣщался Муниципальный Совѣтъ, отысканъ въ послѣдствіи именной списокъ всѣхъ Русскихъ, бывшихъ на службѣ у непріятеля. Гдѣ теперь этотъ списокъ, въ какомъ архивѣ искать его? А любопытно бы узнать, кто куда изъ нихъ тогда попалъ, волею, неволею, какія были обязанности того, или другаго, чѣмъ кончилась судьба каждаго, остался ли еще кто изъ нихъ въ живыхъ? Подвиги Бестужева увѣнчались причисленіемъ его къ Герольдіи. Оскорбленный такимъ распоряженіемъ начальства, онъ, въ смѣломъ письмѣ своемъ къ Министру-Поэту, отъ 10 Іюля, 1813 г., между прочимъ, сказалъ Ивану Ивановичу: «Въ поруганіи чести и имени моего Вы непремѣнно должны сказать причину такого поступка Вашего.» Но причина ему не объявлена, а объявлено, чрезъ Управу Благочинія, чтобъ впредь, въ сношеніяхъ своихъ съ начальствомъ, былъ «осторожнѣе въ выраженіяхъ и наблюдалъ должное почтеніе». Въ заключеніи этого письма онъ намекаетъ на одинъ непріятный случай въ жизни самаго И. И. Дмитріева. Сколько знаю изъ разсказовъ одного почтеннаго и краснорѣчиваго повѣствователя о старинѣ (Гр. Д. Н. Б.), вотъ это какой былъ случай: Дмитріевъ, покинувъ гвардію, помѣстился въ одномъ домѣ съ Лихачовымъ, родственникомъ, или пріятелемъ, своимъ, также отставнымъ гвардейцемъ. Почти каждый вечеръ, одни, или съ двумя, тремя посѣтителями, посвящали они задушевнымъ разговорамъ, чтенію, преніямъ. Бесѣды ихъ продолжались иногда за полночь. Кто-то изъ домашней прислуги (не Дмитріева, а его пріятеля), въ надеждѣ ли получить увольненіе отъ крѣпостной зависимости, или же въ мечтахъ (въ тѣ времена часто сбыточныхъ) выйти въ большіе люди, подалъ доносъ, въ такомъ смыслѣ, что его господинъ и Дмитріевъ, запираясь по ночамъ, замышляютъ заговоръ противъ Императора. Послѣдствія понятны: тревожно-гнѣвное состояніе души оскорбленнаго, заточеніе обвиняемыхъ, распросы и розыски о всей ихъ жизни, сборъ гвардіи и объявленіе ей о мнимомъ заговорѣ. Дружный отзывъ гвардейцевъ, что они не измѣнятъ присягѣ и готовы на смерть за Государя, утишили сбиравшуюся бурю. Между тѣмъ, собранныя свѣдѣнія объ оклеветанныхъ обнаружили ихъ невинность. Павелъ Петровичъ призвалъ ихъ къ себѣ, разговоръ съ Дмитріевымъ расположилъ его къ нему и узникъ, Штабъ-Офицеръ, сталъ Оберъ-Прокуроръ Сената.

Вѣрнѣйшія подробности этого происшествія должны быть извѣстны племяннику его (также бывшему Сенатскимъ Оберъ-Прокуроромъ и также писателю) М. А. Дмитріеву. Можетъ быть, онъ и напечатаетъ когда нибудь вполнѣ Записки своего дяди.

Нелюбовь Бестужева къ Дмитріеву понятна; но жаль, что она обнаруживается пристрастными о немъ сужденіями. Не отыскавъ ничего такого, чѣмъ бы можно было упрекнуть Министра, онъ поставилъ ему въ укоръ опредѣленіе за Оберъ-Прокурорскій Столъ своего роднаго брата, Д. И. Дмитріева, переименованіе его изъ отставныхъ Маіоровъ Коллежскимъ Ассессоромъ и повышеніе, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ чинъ Надворнаго Совѣтника. Хорошо было бы на бѣломъ свѣтѣ, если бы только такіе упреки падали на сильныхъ міра сего! Счастливъ Государственный Сановникъ, когда ему только и можно поставить въ вину, что родство его съ подчиненнымъ, которому, впрочемъ, не дано имъ ни силы, ни значенія, ни видной должности! Числиться за Оберъ-Прокурорскимъ Столомъ почти тоже, что и числиться при Герольдіи. Вся разница въ томъ, что тутъ нѣтъ жалованья, а тамъ положенъ окладъ, довольно скудный, особенно 49 лѣтъ назадъ.

Такъ, усиливаясь опрокинуть народное, преданіемъ, исторически составившееся, мнѣніе о Растопчинѣ, Бестужевъ, при описаніи всего, съ нимъ лично случившагося въ Москвѣ, порицаетъ всѣ его дѣйствія, безъ изъятія.

«Сердце облилось у меня кровью (восклицаетъ онъ, узнавъ о назначеніи Растопчина) въ ожиданіи чего-то очень непріятнаго!...» И вотъ откуда этотъ ужасъ: Графъ Ѳедоръ Васильевичъ, будучи въ царствованіе Павла I Вице-Канцлеромъ, исключилъ изъ службы какого-то пріятеля его, П. П. Дубровскаго, который, по возвращеніи своемъ изъ за границы, былъ высланъ изъ Петербурга. Обвинить человѣка въ несправедливости, во лжи, въ жестокости, и не молвить словца о томъ, въ чемъ и какъ было дѣло, это и несправедливо и жестоко.

Я отнюдь не приписываю Растопчину папской непогрѣшимости: но нельзя же признать его и за сына погибели. Историкъ, прежде всего, долженъ вооружиться безпристрастіемъ и спокойствіемъ: какъ ненависть, такъ и любовь, затемняетъ истину. Разсмотримъ же все порицаемое (не однимъ уже Бестужевымъ) по порядку: не отвергая и не утверждая ничего собственными сужденіями, я постараюсь

выводы мои извлечь изъ самыхъ событій; съ этой цѣлью разскажу все, что я видѣлъ, слышалъ, читалъ тогда и позже о 1812 годѣ, о Московскихъ происшествіяхъ, о Растопчинѣ и т. д.

1. Растопчинскія афиши.

«Это (какъ сказано въ Историч. Статист. и Географ. Журналѣ 1812 г., издававшемся Профессоромъ М. Г. Гавриловымъ) — бесѣды Градоначальника съ обывателями Москвы; дружескія посланія Главнокомандующаго къ жителямъ.» — «Его афиши, говоритъ Н. С. Тихонравовъ, брошенныя среди разгара политическихъ событій, должны были имѣть къ массѣ читателей особенно живое отношеніе, затрогивать въ ней самые дорогіе интересы и приводить къ результатамъ чисто-практическимъ.» Вотъ какъ смотрѣли, за полвѣка почти до насъ, на «грамотки Растопчина, и какъ еще недавно, въ 1854 г., взглянулъ на нихъ г. Профессоръ Тихонравовъ, чуждый по лѣтамъ своимъ тому времени и, стало быть, свободный отъ вліянія личныхъ впечатлѣній и воспоминаній. Въ афишахъ не всегда сказана правда, какъ не всегда и изъ арміи доставлялись вѣрныя свѣдѣнія. Много въ нихъ хвастовства, пересоленаго патріотизма, замѣтна въ нихъ и поблажка простонародью: но здѣсь должно имѣть въ виду цѣль, вполнѣ достигнутую, цѣль ободрить робкіе и успокоить взволнованные умы, поддержать въ народѣ вѣру и управлять стремленіями духа его, удовлетворять всеобщему любопытству извѣстіями о военныхъ дѣйствіяхъ и обуздывать самоуправство ожесточенной толпы, при ея столкновеніяхъ съ Нѣмцами (собственно Французы и подданные Франціи были удалены изъ Москвы), обуздывать не страхомъ наказанія, что усилило бы злобу Русскихъ на иностранцевъ вообще, а насмѣшкой, острымъ словцомъ, что такъ любятъ наши простолюдины. Шутками да прибаутками, пословицами да поговорками, удержанъ народъ отъ буйства, неизбѣжнаго при его намѣреніи никого не выпускать изъ Москвы. Здѣсь сила не имѣла бы силы; тутъ сильно было убѣжденіе, а не приказъ: народъ почуялъ свою собственную физическую силу, и нужно было осторожно ладить съ нимъ, чтобъ онъ не освирѣпѣлъ на торопливо покидавшихъ городъ купцовъ, дворянъ, чиновниковъ, съ женами и дѣтьми; сдержанный до поры до времени, онъ сбросилъ съ себя узду, какъ только разнеслась вѣсть о скорой сдачѣ Москвы Наполеону, и пустился грабить кабаки. «31 ч. (Августа,

вечеромъ, получилъ я (Тутолминъ) рапортъ, что скотный дворъ нашими передовыми Козачьими войсками разграбленъ..... 1 Сентября наши войска, вошедши въ городъ, разбили нѣсколько питейныхъ домовъ, изъ которыхъ рабочіе люди обоего пола и караульщики тащили вино ведрами, горшками и кувшинами и перепились...» Такъ сказано въ «Донесеніи отъ 11 Ноября, 1812 г., Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ Главнаго Надзирателя Воспитательнаго Дома, И. А. Тутолмина,» который, оставшись въ Москвѣ, сохранилъ ввѣренныхъ ему сиротъ отъ грабежа, пожара, голода. Донесеніе почтеннаго Ивана Акинфіевича (имя его должно остаться въ Исторіи) помѣщено во II кн. «Чтеній» 1860 въ слѣдъ за «Исторіей Императорскихъ Воспитательныхъ Домовъ», Исторіей одного изъ тѣхъ безчисленныхъ памятниковъ, которые воздвигла себѣ Екатерина II въ столькихъ учрежденіяхъ, узаконеніяхъ, изреченіяхъ. Сколько добра принесли благотворительныя заведенія Воспитательныхъ Домовъ, отъ основанія своего, съ 1763 (второй годъ по воцареніи Императрицы)!

Либералъ, когда еще не знали слова либерализмъ, гуманный, когда еще не заимствовали изъ Латинскаго языка этого слова, Иванъ Ивановичъ Бецкій, пламенный, восторженный, неутомимый, всею душею предался высоко Христіанскому дѣлу. По его соображеніямъ все здѣсь возникло и развивалось. Въ «Исторіи» указаны удачи и неудачи, добро и худо. Много должно быть любопытнаго въ бумагахъ послѣ Бецкаго. Переписку его съ Екатериной и разными лицами И. Е. Б. пожертвовалъ Опекунскому Совѣту Московскаго Воспитательнаго Дома. Долго ли то она пролежитъ подъ спудомъ?

Возвращаюсь къ Растопчинскимъ афишамъ. Бестужевъ смѣется надъ ихъ содержаніемъ, находя слогъ Растопчина пошлымъ и площаднымъ. Слогъ, литературные пріемы, убѣжденія и юморъ его давно были знакомы неученому люду, какъ изъ тетрадки, еще въ 1807 г. напечатанной: «Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ,» такъ и изъ комедіи: «Вѣсти или убитый живой.» Здѣсь вопросъ въ томъ. достигъ ли онъ предположенной цѣли? Отвѣтъ коротокъ: народъ былъ спокоенъ, послушенъ и готовъ на смерть за матушку Москву. Притомъ, благодатное вліяніе Растопчинскихъ афишъ (первый опытъ гласности на Руси) отражалось на всѣхъ концахъ Государства. Вездѣ, съ каждой почтой, ожидали ихъ, читали съ довѣріемъ, затверживали наизусть, вездѣ списки съ нихъ ходили по рукамъ. Послѣдняя была отъ 20 Октября, 1812, уже не собственно къ Москви-

чамъ, а къ крестьянамъ, похищавшимъ, что ни попадалось на пепелищѣ, и грабившимъ домы помѣщиковъ по деревнямъ. Первое, чуть ли не полное, собраніе этихъ важныхъ для Исторіи матеріаловъ, приложено къ соч. И. М. Снегирева: «Очерки жизни Московскаго Архіепископа Августина.» Отсюда они перешли въ Смирдинское изданіе «Соч. Графа Растопчина.»

Итакъ, своевременное и историческое значеніе его афишъ или грамотокъ неоспоримо, худо ли, хорошо ли онѣ писаны, на сколько въ нихъ правды и прикрасъ, по достоинству ли своему, или по предубѣжденію читателей, онѣ высоко цѣнились тогда и менѣе уважаются нынѣ.

2. Жестокости Графа Растопчина.

Бываютъ, къ несчастію рода человѣческаго, времена диктаторскія, времена безотвѣтственной силы и безнаказанности властителей, времена ужаса и кары. Таково могло быть время въ 1812 г. Наполеонъ вступилъ въ Россію. Нашъ Фабій-Медлитель отступаетъ. Народъ, да и не народъ, не понимаетъ оправданныхъ послѣдствіями намѣреній и видовъ Барклая де Толли. Въ героѣ, полномъ самоотверженія и любви къ отечеству, всѣ видятъ измѣнника. Въ Москвѣ жили не одни патріоты и храбрецы. Были въ ней и малодушные, и легковѣрные люди, и себялюбы, готовые поклониться въ поясъ побѣдителю, лишь бы сберечь свое достояніе и свою безполезную жизнь; были въ ней и надѣявшіеся, по пристрастію своему къ чужестранцамъ, всего лучшаго для себя, при завоеваніи Россіи Французами. Въ народѣ ходили всевозможные толки и слухи. Однихъ они приводили въ трепетъ, другихъ въ искушеніе. Графъ Растопчинъ хорошо зналъ и доброе и худое настроеніе умовъ въ Москвѣ. Потому-то, когда была пущена по рукамъ одна возмутительная рукопись, онъ распорядился немедленнымъ розыскомъ: откуда она взялась, и при этомъ открылъ переводчика двухъ Наполеоновыхъ бумагъ. Это былъ сынъ купца-пивовара, Верещагинъ. Какъ онъ, такъ и переписывавшій его переводы, Губернскій Секретарь Мѣшковъ, были преданы суду, вѣроятно, военному. Объявленіе о такомъ распоряженіи отняло охоту у вѣстовщиковъ распространять такія и подобныя рукописи. Между тѣмъ, какъ выходки Наполеона противъ «Варваровъ, презирающихъ его дружбу», противъ «потомковъ Чингисъ-Хана», получены были

изъ за границы по почтѣ, а Почтъ-Директоръ не удержалъ ихъ и онѣ, по неосторожности его, стали извѣстны Москвичамъ, среди которыхъ встрѣчались и явные Бонапартисты, Растопчинъ рѣшился отправить его (Почтъ-Директора) въ Воронежъ. Тогда и самъ Императоръ, также по какимъ-то недоразумѣніямъ, удалилъ изъ Петербурга М. М. Сперанскаго и М. Л. Магницкаго. Бестужевъ негодуетъ на то, что поручено арестовать Ѳ. П. Ключарева Полицiймейстеру Брокеру, а не другому. Причина его негодованія здѣсь та, что Брокеръ, съ давнихъ лѣтъ приверженный къ Графу Растопчину, и самый короткой человѣкъ въ его домѣ, служилъ, до назначенія его Полицiймейстеромъ, въ Почтамтѣ, и такъ недавно еще былъ подчиненнымъ почтеннаго старца (одного изъ Членовъ Дружескаго Общества). Кромѣ того, что кому бы ни было это поручено, отвѣтственность за распоряженіе начальства не падаетъ на исполнителя, не Брокеръ арестовалъ Ключарева, а Оберъ-Полицiймейстеръ Ивашкинъ (Моск. Вѣд 1860, N. 28).

Но оставимъ мелочи. Вотъ уже тяжкое обвиненіе въ свирѣпости, которую невозможно извинить даже и диктаторствомъ.

2 Сентября (день вступленія въ Москву непріятельскихъ войскъ) привели Верещагина изъ временной тюрьмы (ямы) и Графъ, «взявъ его за руку, вскричалъ народу (толпившемуся на его дворѣ): «Онъ измѣнникъ! отъ него погибаетъ Москва!» Тутъ ординарецъ Бурдаевъ «ударилъ его саблею въ лице: несчастный палъ, испуская стоны: народъ сталъ терзать его и таскать по улицамъ.» Ужасно! и тѣмъ еще ужаснѣе и отвратительнѣе, что, по словамъ Бестужева, «Растопчинъ, воспользовавшись этимъ смятеніямъ, сошелъ съ крыльца и въ заднія ворота дому своего выѣхалъ изъ Москвы на дрожкахъ.» Въ «Русской Старинѣ» (годъ III, изданіе 1852) И. М. Снегиревъ вотъ какъ упоминаетъ объ этомъ происшествіи: «Тамъ, на дворѣ (Растопчинскаго дома), при стеченіи народа, собиравшагося въ ожиданіи Графа на Три Горы, произнесенъ и конченъ судъ надъ сыномъ пивовара, переводившимъ и распространявшимъ прокламаціи Наполеона». Далѣе, о выѣздѣ Растопчина изъ Москвы: «Когда чернь устремилась за виновнымъ, тогда, въ 10 часовъ утра достопамятнаго понедѣльника, Растопчинъ выѣзжаетъ верхомъ (а не спасается на дрожкахъ) изъ своего дома; у Яузскаго моста встрѣчается съ Фельдмаршаломъ Кутузовымъ, который отвѣчалъ на вопросы его молчаніемъ.»

Слова: «произнесенъ и конченъ судъ» конечно, указываютъ на что-то трагическое, Чингисъ-Ханское; но авторъ не приводитъ источниковъ, изъ которыхъ почерпнулъ это неясное свѣдѣніе. Вѣроятно, онъ былъ стѣсненъ препятствіями, отъ него не зависѣвшими, чтобы выразиться рѣшительнѣе. А онъ многое знаетъ, какъ пріятель Правителя Генералъ-Губернаторской Канцеляріи, А. П. Рунича, и жившаго въ домѣ Графа Растопчина, А. П. Павлова, который въ послѣдствіи служилъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ. Чуть ли не проходили порой и самыя афиши черезъ его рецензію. По крайней мѣрѣ, Руничъ и Павловъ показывали ему ихъ иногда до обнародованія. Притомъ, онъ былъ и лично извѣстенъ Растопчину. Въ послѣдній разъ онъ былъ у Графа, не задолго до кончины его, для врученія ему Диплома на званіе Почетнаго Члена Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Дождемся же достовѣрныхъ фактовъ, подлиннаго дѣлопроизводства Слѣдственной Коммиссіи и Уголовнаго, или Военнаго, Суда, что рано ли, поздно ли, выйдетъ же изъ тьмы Архивной на Божій свѣтъ, дождемся какихъ нибудь еще записокъ о томъ времени, безпристрастнаго голоса очевидцевъ ужаснаго событія. Тогда только, по раскрытіи и соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, всѣхъ подробностей дѣла, всѣхъ данныхъ къ смягченію, или къ усиленію, приговора, Исторія можетъ произнести свой судъ надъ тѣмъ и другимъ, не останавливаясь на разсказахъ, подобныхъ помѣщенному въ Моск. Вѣд. (2 Окт., 1852, N. 234, изъ Allgemeine Zeitung). Варнгагенъ фонъ Энзе, между прочимъ, произвелъ Верещагина въ Капитаны, а отца его переселилъ въ какое-то Польское мѣстечко, куда привелъ и Императора Александра (чтобы устроить драматическую сцену). Но слова, выписанныя М. А. Дмитріевымъ изъ письма къ И. И. Дмитріеву Графа Растопчина (Моск. Вѣд., N. 258), тяжело лягутъ на вѣсахъ правосудія: «Преступникъ преданъ мною народу, который сдѣлалъ изъ него жертву справедливой своей ярости.» Это уже собственное сознаніе. Чему же приписать такой поступокъ Градоначальника? Не ужь ли онъ хотѣлъ, передъ вступленіемъ непріятеля въ покидаемую имъ Москву, дать пищу мести народной, воспалить ненависть къ врагу въ ожесточенныхъ толпахъ, вызвать со дна души звѣрскія въ человѣкѣ стремленія и, какъ стаи дикихъ звѣрей, выпустить остававшихся въ городѣ на борьбу съ войсками всѣми средствами злобы и отчаянія?

3. Воздушный шаръ и пожары.

На дачѣ «Воронцово» было устроено заведеніе для приготовленія зажигательныхъ снарядовъ. Чтобъ скрыть до времени намѣреніе, предать ее огню, въ случаѣ занятія Наполеономъ Москвы, Растопчинъ объявилъ, что въ Воронцовѣ строятъ воздушный шаръ, который поднимется съ людьми надъ вражьими войсками и истребитъ ихъ. Шаръ съ зажигательной машиной, дѣйствительно, строился. Это развлекало и ободряло простой народъ. Объ этомъ упомянуто и въ слѣдствіи, по распоряженію Наполеона произведенномъ о зажигательствахъ, и въ Донесеніи Тутолмина: «Какой шаръ (спросилъ его Наполеонъ) Англичанинъ Шмитъ дѣлалъ на пагубу его арміи и его самаго? Такое варварство просвѣщенному народу непростительно.» Эти слова, если онѣ такъ были сказаны, очень забавны: не вѣрившій силѣ вседвижущихъ паровъ, повѣрилъ губительности воздушнаго шара.

Что до пожаровъ, то ихъ было два: Растопчинскій и Наполеоновскій. Первый возникъ при вступленіи «Двадесяти языкъ» въ древнюю столицу, послѣдній при выступленіи ихъ изъ нея. Растопчинъ отрекся отъ этого подвига, но его «Правда о Московскомъ пожарѣ» оказывается неправдой: она опровергается собственными распоряженіями и письмами его къ Александру I и Кн. Багратіону, повѣствованіями Михайловскаго-Данилевскаго и Бутурлина, наконецъ Слѣдственнымъ Дѣломъ. Дѣло это напечатано въ «Москвитянинѣ» 1843 г. на Французскомъ и Русскомъ языкахъ, но не вполнѣ. Издатель, видно, забылъ, что оно помѣщено въ «Московскомъ Телеграфѣ» еще въ 1820 г. (Декабрь, N. 27, ч. XXIV, стр. 385—408). Статья, въ которой оно приведено: «Историческія извѣстія о пожарѣ Московскомъ 1812 г.,» тогда же напечатана и отдѣльной тетрадкой.

Растопчинъ сжегъ и своихъ два дома, чтобъ не достались врагу; одинъ на дачѣ (нѣкогда Брюсовой, Катишкѣ), другой въ селѣ Вороновѣ. Московскій же домъ его спасли помѣщавшіеся въ немъ Французы, повыкидавъ открытый ими порохъ изъ печей, съ чердака и т. д. Чтобы Бестужевъ ни говорилъ, я помню, какъ тогда превозносили этотъ подвигъ! Въ немъ видѣли что-то великое Римское, и вообще въ ту пору величали Растопчина Римляниномъ. «Предпріятіе это (сожженіе Москвы), достойное древняго Римлянина, приведено имъ въ дѣйство съ совершеннымъ искуствомъ» (Бутурлинъ).

Теперь трудно рѣшить, на сколько было правды и увлеченія въ судѣ и впечатлѣніяхъ современниковъ. Между ими и нами почти полстолѣтіе, историческая почва еще колеблется подъ ногами писателей, еще не всѣ источники открыты, не всѣ дѣла на лице.

Вотъ все, что мы могли сказать и разсказать согласно или несогласно съ повѣствованіемъ Бестужева. Теперь обсудимъ вновь недавно возникшія, съ легкой руки его, на Растопчина обвиненія.

Въ 1809 г., въ Вильнѣ появилось сочиненіе Графа Валеріяна Стройновскаго (въ переводѣ съ Польскаго В. Анастасевича): «О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами.» Прекрасный по цѣли трудъ, въ которомъ изложены предположенія касательно освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, надѣлалъ шуму и возбудилъ въ комъ сочувствіе къ сочинителю, а въ комъ негодованіе на него. Въ III кн. «Чтеній» за 1859 г., напечатано «Возраженіе Графа Растопчина на книгу, сочиненную Графомъ Стройновскимъ: «О условіяхъ съ крестьянами.» Въ слѣдъ за этимъ возраженіемъ помѣщены: «Отвѣтъ сочинителю рѣчи о защищеніи права Дворянъ на владѣніе крестьянами», и два Мнѣнія (1818 и 1833) Графа Мордвинова: «Одна изъ мѣръ освобожденія крестьянъ отъ зависимости», и «По рабству крестьянъ.»

Чтобы судить объ этихъ двухъ «Мнѣніяхъ», нужно указать на третье, его же Мнѣніе: «О продажѣ людей безъ земли.» (кн. II «Чтеній» 1860). Всѣ они проникнуты однимъ духомъ. Связь между ими очевидна. Поборникъ правосудія и врагъ произвола, при возникшемъ вопросѣ «О продажѣ людей», взглянулъ на крѣпостное состояніе, увы! идиллически: «Предъ законами нашими крестьяне, въ отношеніи помѣщиковъ ихъ, суть домочадцы. Никакого уязвленія, никакого нравственнаго оскорбленія дѣлать имъ недозволительно. Жалобамъ ихъ открыты суды; чиновники гражданскіе поставлены имъ покровителями, и за поступки, противные благоправію, за нерадѣніе о ихъ благосостояніи, помѣщикъ лишается права власти надъ подчиненными ему крестьянами.»—«Скажутъ, что мы продаемъ и даримъ человѣка, равнымъ образомъ, какъ и вещь... Но продажа или дарованіе человѣка другому не даютъ купившему онаго, или получившему въ даръ, иныхъ правъ, какъ тѣ только, коими продавецъ пользовался... Самое благосостояніе продаваемыхъ требуетъ (иногда) продажи ихъ.» Опираясь на то, что «въ Англіи дѣти зависятъ отъ родителей своихъ до 21 года, жены зависятъ отъ мужей своихъ по смерть ихъ; мужъ можетъ наказывать жену свою, но «безъ пре-

ломленія костей ея: можетъ ее продать, но на рынкѣ, въ торговый день и съ веревкою на шеѣ;» а что все таки «жена не признается собственностію мужа, но именуется зависимою отъ мужа», почтенный законовѣдъ углубляется въ разсужденія о правѣ собственности и о правѣ владѣнія, о неограниченномъ правѣ владѣльца на вещи и объ ограниченномъ правѣ на людей. Отсюда выводитъ онъ различіе въ сущности значенія словъ: собственность и зависимость, и находитъ, что у насъ «зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ должна быть для общаго благосостоянія, въ высшей мѣрѣ, нежели существуетъ она въ Англіи, Швейцаріи, Италіи!...»

Непонятно, какъ могъ такой человѣкъ, какъ Мордвиновъ, не найти ничего предосудительнаго въ продажѣ людей, съ землей, или безъ земли, количественно, или по одиначкѣ! И тѣмъ непонятнѣе его заблужденія, что этотъ вопросъ возникъ уже въ 1820 г., послѣ учрежденія въ Россіи вольныхъ хлѣбопашцевъ — первый шагъ къ освобожденію крестьянъ, покуда еще только помѣщичьихъ, и къ улучшенію ихъ быта.

Въ 1818 г. въ Мнѣніи: «Одна изъ мѣръ освобожденія крестьянъ отъ зависимости», Мордвиновъ соглашался хоть на постепенное освобожденіе крестьянъ, посредствомъ выкупа, полагая, впрочемъ, цѣны невозможныя: отъ 100 р. до 2000 асс. Но легко ли было бы выкупать по этой лѣстницѣ людей отъ 2 до 60 лѣтъ? Въ этомъ мнѣніи онъ не принимаетъ и слова рабъ въ его дѣйствительномъ смыслѣ, видя въ немъ сокращеніе слова работникъ: «Переходъ съ мѣста на мѣсто работниковъ (или, по краткому изреченію, рабовъ) не можетъ быть безъ вреда и растройства сельскихъ хозяйствъ.»

Всего же удивительнѣе, что онъ, уже въ 1833, ссылаясь на Мнѣнія свои въ 1818 и 1820, оттягиваетъ уничтоженіе крѣпостнаго права до перерожденія, такъ сказать, Россіи. Вотъ какъ трудно иногда и необыкновенному даже человѣку вполнѣ отрѣшиться отъ понятій, всосанныхъ съ молокомъ кормилицы, отъ обычаевъ своего времени, отъ господствующихъ правилъ, нравовъ, порядка и т. д.

Не то бы заговорилъ теперь Графъ Мордвиновъ въ наше многообѣщающее время движенія, надеждъ, преобразованій. Правда, въ сущности еще мало сдѣлано; еще многіе вопросы только на очереди; еще нѣкоторые колеблются между да и нѣтъ, между за и противъ; даже главнѣйшій, альфа и омега, хоть нынѣ окончательно

рѣшенъ, да все же не вполнѣ разъясненъ, не взирая на всѣ толки, изысканія, предложенія ученыхъ и литераторовъ, помѣщиковъ и чиновниковъ, мечтателей и Государственныхъ людей.

Жаль, что Рѣчь защитника Дворянскихъ правъ не предпослана Отвѣту Россіянина (отъ 4 Апрѣля, 1818 г.) «древнему Россійскому Дворянину, старцу, служившему въ войскѣ и судѣ, вѣрноподданному Государя». Этотъ Отвѣтъ возбуждаетъ вопросъ: не Растопчинъ ли, если не Мордвиновъ, сказалъ ту недостойную рѣчь?

Въ V кн. Русскаго Вѣстника за 1860 г., Графъ А. Ѳ. Растопчинъ, опровергая приписанное отцу его письмо къ Императору Александру I противъ Сперанскаго (Р. В. кн. 19 и 20, въ статьѣ М. Н. Лонгинова: «Графъ Сперанскій»), утверждаетъ, что не имъ писано и возраженіе на книгу Стройновскаго. Во II кн. «Чтеній» 1860 г. А. Н. Аѳанасьевъ, въ своей замѣткѣ, наводитъ еще и сомнѣніе въ искренности политическихъ и соціальныхъ убѣжденій его: досelѣ онъ былъ извѣстенъ черезъ чуръ патріотическими, строго Православными и отчасти Славянофильскими, стремленіями; но вотъ въ 1859 появилась въ Парижѣ книга непреклоннаго поборника Іезуитовъ, Графа Местра: «Quatre chapitres sur la Russie» и въ ней приведены мнѣнія Графа Р., не сообразныя съ понятіемъ, какое составилось у насъ о Графѣ Ѳедорѣ Васильевичѣ понынѣ. Г. Аѳанасьевъ спрашиваетъ: «Кого здѣсь разумѣть подъ буквой Р?» Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1860, N. 159 и N. 205, г. Лонгиновъ и Николай Книжникъ доказываютъ, что подъ нею скрывается имя Графа А. К. Разумовскаго (Министра Народнаго Просвѣщенія), а не Растопчина. Въ слѣдъ за замѣткой Г. Аѳанасьева помѣщены: «Возраженіе» неизвѣстнаго, и «Замѣчаніе Графа Растопчина на книгу Стройновскаго». Далѣе, въ той же II кн. «Чтеній» 1860 г. напечатано «Мнѣніе одного Украинскаго помѣщика, выраженное послѣ бесѣды съ своими собратіями о Указѣ 23 Мая, 1816 г., и объ Эстляндскихъ постановленіяхъ.» Это полу-либеральное, полу-патріархальное мнѣніе, столько же обнаруживающее въ сочинителѣ передоваго человѣка, сколько и охранителя существующаго порядка (консерватора), подписано В. Н. Каразинымъ.

Итакъ намъ остается обсудить три вопроса: 1. Писалъ ли Графъ Растопчинъ противъ Графа Сперанскаго, и былъ ли онъ одинъ изъ виновниковъ его опалы? 2. Можно ли подъ буквой Р. въ книгѣ Местра разумѣть Растопчина? и 3. Имъ ли написано одно изъ возраженій на книгу Стройновскаго?

1. О письмѣ къ Государю и о паденіи Сперанскаго.

Существовало ли еще это письмо, и если существовало, то въ какой силѣ оно написано, въ духѣ ли личной вражды сочинителя къ обличаемому, или въ спокойномъ желаніи патріота (не рьянаго, конечно, нововводителя, но, однако жь, и не старовѣра) противопоставить свой образъ мнѣній стремленіямъ, несогласнымъ съ его взлядами? Здѣсь недостаточно указанія на Словарь Бантыша-Каменскаго, ни даже какого нибудь списка; здѣсь нужно подлинное письмо, черновое ли, почерка сочинителя, или поданное, за его подписью, въ собственныя руки Императора. Послѣднее, вѣроятно, отыщется когда нибудь въ дѣлахъ и бумагахъ, подлежавшихъ тайнѣ.

Что до ссылки Сперанскаго, то покуда нѣтъ еще данныхъ къ положительному заключенію: былъ ли онъ жертвой политики? былъ ли заподозрѣнъ въ направленіи, вредномъ для Россіи? былъ ли онъ, словомъ, правъ, или виноватъ?

Что у него были завистники, враги, клеветники, это понятно: да столько же понятно и то, что были же люди, говорившіе, писавшіе, дѣйствовавшіе честно, по своимъ понятіямъ, не лично противъ и, еще меньше, на пагубу Сперанскаго, а собственно противъ его мнѣній, видовъ, стремленій; таковы: Карамзинъ, Трощинскій и другіе. Довольно уже несогласія съ нимъ этихъ двухъ, чтобъ не поставить въ упрекъ Растопчину его несочувствіе къ нововводителю.

2. Его ли мнѣнія приведены въ книгѣ Местра?

Сверхъ замѣтокъ Лонгинова и Книжника, прочтите все, что когда либо было написано и сказано Растопчинымъ и о Растопчинѣ: его «Путешествіе по Пруссіи, Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ», комедію: «Вѣсти или убитый живой», его «Я», переведенное на нѣсколько языковъ, и проч., прочтите все, выраженное въ похвалу и порицаніе ему въ журналахъ, прочтите Михайловскаго-Данилевскаго и Бутурлина, біографическія о немъ статьи А. Я. Булгакова и Профессора Тихонравова, переписку Растопчина съ разными лицами, особенно съ Суворовымъ Италійскимъ, и вы убѣдитесь, что не его имя скрывается подъ буквою Р. у Местра.

3. О замѣчаніяхъ на книгу Графа Стройновскаго.

Не вхожу въ разборъ приведенныхъ изъ «Чтеній» статей въ порицаніе и въ защиту крѣпостнаго права. Въ каждой изъ нихъ есть своя доля правды и неправды. А «что есть истина?» Нѣтъ задачи въ жизни народовъ, которая не разрѣшалась бы на всѣ лады и каждымъ по своему, доколѣ не разсмотрится со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ точекъ. Нѣтъ и справедливости осуждать людей за ихъ мнѣнія, убѣжденія, направленія. Можно, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ должно, опровергать ихъ, а не позорить. Въ настоящемъ вопросѣ мы видимъ, на примѣръ, что передовой человѣкъ, Мордвиновъ, былъ не за освобожденіе крестьянъ, Карамзинъ тоже. Каразинъ и самъ Сперанскій предлагали на первый разъ только полуосвобожденіе. Наконецъ Лопухинъ, желавшій, чтобы не было въ Русской землѣ ни одного не свободнаго человѣка, если бъ только го безъ вреда для нея возможно было» («Записки И. В. Л.») поддерживалъ, не скажу права, а произволъ помѣщика, до такой степени, что возставалъ противъ благодѣтельнаго Указа Павла I, которымъ предоставлено крестьянамъ три дни въ недѣлю работать на господина, а три дни на себя. Нападая на этотъ Указъ, какъ ограничивающій власть помѣщиковъ, онъ сказалъ, что будто бы «въ Россіи ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе самаго нашествія непріятельскаго и не въ настоящемъ положеніи вещей» («Чтенія» к. III, 1860).

Возраженіе Стройновскому, приписанное Растопчину въ книгѣ III «Чтеній» за 1859 г., въ кн. II за 1860 отнесено уже къ неизвѣстному. Въ послѣднемъ, второй редакціи, прибавлено только одно примѣчаніе, да въ концѣ нѣсколько отдѣльныхъ опроверженій на нѣкоторыя мѣста въ трудѣ Стройновскаго. Г. Аѳанасьевъ не сказалъ, кто же сочинитель возраженія обѣихъ редакцій, Растопчинъ, или неизвѣстный? За то ужь третья статья: «Замѣчаніе Гр. Ѳ. В. Растопчина на книгу Г. Стройновскаго,» дѣйствительно и безъ малѣйшаго сомнѣнія имъ написана:» Въ сосѣдствѣ моемъ (сказано въ ней), въ деревняхъ Графа Остермана, я самъ видѣлъ и проч. у своячины моей, Княгини Голицыной и проч.» По старой Калужской дорогѣ, за Пахрой (имѣніе Князей Дадьяновыхъ), и къ сторонѣ отъ Чирикова (село Каковинскаго, нынѣ Кн. Урусовыхъ), гдѣ были стычки въ 1812 г. нашихъ отрядовъ съ непріятелемъ, находится извѣстное

«Вороново» въ сосѣдствѣ съ «Покровскимъ», принадлежавшимъ Остерману. Княгиня же Голицына (по рожденію Протасова), родная сестра Графини Растопчиной, свояченица Графа Ѳедора Васильевича.

Г. Аѳанасьевъ заключилъ свою замѣтку такъ: «Мы глубоко убѣждены, что многія изъ современныхъ записокъ, безобразно отсталаго направленія, хоть авторы ихъ, не токмо не скрываются, но, съ торжествомъ героевъ, сами указываютъ на себя, лѣтъ черезъ 50 будутъ заподозрѣны и отвергнуты, какъ что-то нечистое и оскорбительное. сынами и внуками тѣхъ самыхъ, чье перо трудилось надъ ихъ сочиненіемъ.»

Мы скажемъ на это, что мнѣнія, убѣжденія, направленія, какъ въ человѣкѣ (съ лѣтами и обстоятельствами), такъ и въ народахъ, съ вѣками и событіями, не рѣдко измѣняются; что все въ свое время кстати; что жизнь и нужды поколѣнія выработываютъ современныя мысли и стремленія; что кажущаяся истина въ одну пору признается заблужденіемъ въ другую, и наоборотъ. Давно ли, на прим., были въ ходу соціалисты, коммунисты, фаланстеры? Теперь о нихъ и не заботятся. А религіозныя истины, ученія, пренія между всѣми Христіанскими вѣроисповѣданіями? Нѣтъ, несправедливо было бы метать камнями въ людей за ихъ взгляды, понятія, сужденія, лишь бы источникъ ихъ былъ чистъ и цѣль была честная, человѣчная, безкорыстная.

РѢЧЬ ДАШКОВА,

ЧИТАННАЯ ВЪ БЕСѢДѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ,

14 марта, 1812 года.

(Извлечено изъ дѣлъ Общества.)

Нынѣшній день пребудетъ всегда незабвеннымъ въ лѣтописяхъ нашего Общества. Нынѣ въ первый разъ возсѣдаетъ съ нами краса и честь Россійскаго Парнасса, счастливой любимецъ Аонидъ и Феба, геній, единственный по быстрому своему паренію и по разнообразію многочисленныхъ произведеній. Тщетно мрачныя облака скрывали на время сіяніе солнца. Оно расторгнуло ихъ и снова озарило землю. Такъ и зависть, тщетно старалась помрачить блистательный полетъ почтеннѣйшаго сочлена нашего, Его Сіятельства Графа Д. И. Хвостова. Труды его необъятны. Единый взоръ на нихъ утомляетъ память и воображеніе; а знаменія побѣдъ его изумляютъ насъ, поражаютъ. Онъ вознесся превыше Пиндара, унизилъ Горація, посрамилъ Лафонтена, побѣдилъ Моліера, уничтожилъ Расина. При чтеніи драматическихъ его произведеній, смѣхъ и жалость попеременно наполняютъ душу читателей, и справедливый успѣхъ оныхъ на сценѣ ни мало не зависѣлъ отъ игры превосходной актрисы. Пусть весьма не многіе изъ нашихъ писателей, стремясь за безсмертіемъ, получаютъ его въ награду за произведенія, обработанныя съ величайшимъ тщаніемъ и содѣлавшіяся образцами точности въ мысляхъ, красоты слога и силы выраженій. Но почтеннѣйшій сочленъ нашъ

и кромѣ того увѣнчанъ зарею безсмертія, единымъ блескомъ природныхъ своихъ дарованій. Пусть другіе снискиваютъ себѣ имя въ Словесности происками и услаждаются наемными рукоплесканіями: но его путеводителями были всегда скромность и униженіе самаго себя. Академія Россійская, Московскій, Харьковскій и Виленскій Университеты, Вольное Экономическое Общество, Бесѣда Любителей Россійскаго Слова, наконецъ и наше Общество, гордятся его именемъ; а хранилища Россійскихъ книгопродавцевъ, наполненныя безцѣнными его твореній, служатъ основаніемъ его славы. Таковъ, любезные сочлены, мужъ, избранный нами въ Почетные Члены сего Общества. Всей Россіи, что говорю я? Всей ученой Европѣ извѣстны его заслуги, но, къ стыду нашему, никто еще не воздвигнулъ ему достойнаго литературнаго памятника изданіемъ его твореній съ приличными замѣчаніями, между тѣмъ, какъ Французы имѣютъ множество коментаріевъ на Расина, столь униженнаго переводами почтеннѣйшаго Графа. Сколько бы новыхъ красотъ, неизвѣстныхъ Аристотелю, открылись глазамъ внимательнаго читателя! Сколько бы усмотрѣлъ онъ новыхъ изображеній, новыхъ картинъ, коими одолжены мы генію нашего поэта! Въ его твореніяхъ самыя простыя описанія оживлены волшебною кистію воображенія и превышаютъ всѣ возможныя описанія другихъ стихотворцевъ. Раскроемъ ли неподражаемыя его притчи: разумъ нашъ пораженъ прелестями басенъ: Ботъ, Двое плѣшивыхъ, Старикъ и трое молодыхъ, Два голубя и проч. [1] Какая кисть, какія описанія...... какая простота!. Раскроемъ ли громкія его оды, эклоги, посланія? Вездѣ видимъ пламенный восторгъ, возносящійся надъ предѣлами видимаго міра и часто изчезающій отъ глазъ въ неизмѣримомъ пространствѣ; либо изліяніе нѣжныхъ чувствованій при гробѣ друга, ближняго, или знаменитаго вельможи, изліянія, преисполненныя глубочайшей, таинственной философіи. Вдругъ шумная радость заступаетъ мѣсто унынія, невольная улыбка прогоняетъ вздохи и мы вмѣстѣ съ Греками храбрецами вкушаемъ пѣнящееся Шампанское изъ огромной бутылки! О сила поэзіи! о могущество воображенія!

---

[1] Въ сей послѣдней басни Русской Лафонтенъ очевидно превзошелъ Француза, надѣливъ своего голубка острыми зубками для разгрызенія сѣтей, въ которыхъ онъ запутался. Вотъ истинная Поэзія, творящая новый міръ, новую природу!

Кто изчислитъ всѣ мастерскія произведенія почтеннѣйшаго поэта? Кто покажетъ намъ все ихъ достоинство? Вотъ, любезные сочлены, обширное поприще, которое осмѣливаюсь я въ сей достопамятный день предложить для вашихъ занятій. Трудъ сей неизмѣримъ, но за то какую славу оный вамъ обѣщаетъ! Вы обогатите Словесность нашу превосходными сочиненіями, принесете вѣчное, никогда неувядаемое, удовольствіе читателямъ и соорудите знаменитому нашему сочлену достойный его памятникъ. Естьли Обществу угодно будетъ принять мое предложеніе, естьли рвеніе мое заслужитъ одобреніе ваше, то я за величайшее счастіе поставляю себѣ быть соучастникомъ вашимъ въ трудахъ, толико похвальныхъ, и заранѣе беру на себя часть драматическую. Я здѣлаю по возможности эстетической, граматической и даже критической разборъ каждаго дѣйствія, каждаго явленія; обращу вниманіе читателей на всѣ образцовые стихи въ ролѣ прекрасно-трогательной Андромахи, и докажу неоспоримо, сколь много почтеннѣйшій переводчикъ отличился передъ Расиномъ: но при всемъ томъ, я буду безпристрастенъ, естьли токмо возможно удержаться отъ внезапнаго энтузіазма при чтеніи его твореній. Я покажу и немногія его ошибки, разсѣянныя между необъятными его красотами, и тѣмъ надѣюсь еще болѣе доказать пламенное усердіе мое къ его славѣ. На примѣръ, въ третьемъ явленіи, въ 4 дѣйствіи, слова Герміоны къ Оресту:

. . . . Постой! куда Орестъ спѣшитъ,
Не мыслю далеко такихъ нести обидъ,
И я ль, вѣнчая здѣсь всю наглость вражьей мести,
Рѣшусь въ другихъ мѣстахъ медлительной ждать вѣсти?
Предамся ль дерзостно я жребію побѣдъ,
Которой, можетъ быть, мнѣ месть не принесетъ?
Отстрочка малая въ отказъ мнѣ обратится,
За Герміону месть чрезъ часъ должна свершиться.
Коль я отправлюся, пусть стонетъ весь Эпиръ,
Лети во храмъ; хочу чтобъ въ храмѣ палъ.

Орестъ.

Кто?

Герміона.

Пирръ.

Орестъ.

Какъ Пирръ? и проч.

Стихи сіи, говорю я, при всей ихъ красотѣ и силѣ, не много темны и неправильны! Во 2 выраженіи: *Далеко нести такіе обиды*, не совсѣмъ хорошо; въ 3 и 4 *вѣнчая здѣсь всю наглость вражьей мести, рѣшусь въ другихъ мѣстахъ медлительной ждать вѣсти*, слишкомъ сбивчиво, и при томъ сіи стихи тяжелы для произношенія; *предаться жребію побѣдъ*, сказано не хорошо и т. д; но что значатъ сіи маловажныя ошибки предъ неизмѣримостью красотъ сего перевода, ясно показывающаго намъ единственный, неподражаемый геній поэта? Такимъ образомъ, занимаясь каждое засѣданіе разборомъ нѣсколькихъ страницъ изъ Андромахи, и сравнивая переводъ съ подлинникомъ, мы откроемъ, можетъ быть, глаза многимъ изъ соотечественниковъ нашихъ, которые до сихъ поръ имѣютъ слабость предпочитать Расина Русскому переводчику, потому только, что первый писалъ по Французски.

СЕЛО НИКОЛО-ГОСТУНСКОЕ

СЪ ЕГО ДРЕВНОСТЯМИ.

Еще въ 1840 годахъ, въ одномъ изъ журналовъ, при чтеніи статьи нашего извѣстнаго Археолога И. П. Сахарова, о родномъ его городѣ, Бѣлевѣ, обратили мое вниманіе слѣдующія слова: «Южная часть города, — пишетъ онъ, — примыкаетъ къ полямъ, за которыми начинается граница Орловской губерніи, гдѣ находится забытый археологами памятникъ Царя Михаила Ѳедоровича и матери его, инокини Марѳы Ивановны, село Николо-Гостунское * съ своими древностями.»

Съ тѣхъ поръ родилось во мнѣ желаніе посѣтить Гостунь, но по пословицѣ: «Человѣкъ располагаетъ, а Богъ опредѣляетъ,» лишь въ нынѣшнемъ 1861 году, 5 Мая, удалось исполнить давнее мое намѣреніе. Простоявъ около ¼ часа на берегу Оки, въ ожиданіи, пока подали съ того берега расшиву, я имѣлъ довольно времени полюбоваться красивымъ мѣстоположеніемъ села, привольно раскинувшагося на правомъ нагорномъ берегу красавицы Оки; съ правой и съ лѣвой сторонъ села, какъ два крыла, виднѣлся сосновой лѣсъ, а въ центрѣ самаго селенія выстроился храмъ во имя Святителя Николая, съ шатровою колокольней.

Переѣхавъ на Гостунскій берегъ, и оставя заботу о переправѣ лошадей на паромѣ (который, по отзыву перевощика, будетъ готовъ «черезъ часъ мѣста») своему возницѣ, я, въ сопровожденіи одного изъ перевощиковъ, направился къ храму.

По дорогѣ мой проводникъ успѣлъ разсказать мнѣ, что у нихъ строятся балаганы къ имѣющей быть 9 числа, въ день праздника

* Это очевидно ошибка, ибо село Гостунь находится на сѣверо-востокъ отъ Бѣлева, въ 17 верстахъ отъ него вверхъ по теченію Оки, и отъ Лихвина въ 18 вер. внизъ по теченію той же рѣки.

перенесенія мощей Св. Николая, ярмаркѣ; что старая теплая церковь, по ветхости, недавно разобрана, и будетъ строиться новая; что старинные каменные ворота (означающіе крайнюю границу церковной земли съ запада) тоже починяются, и, наконецъ, что батюшка ихъ, отецъ Стефанъ, человѣкъ хорошій, въ чемъ я скоро убѣдился и самъ.

И такъ, вотъ онъ, думалъ я, смотря на храмъ Св. Николая, этотъ забытый, по словамъ И. П. Сахарова, археологическій памятникъ временъ Михаила Θеодоровича и его матери, великой инокини, Марθы Ивановны, и почти первымъ моимъ вопросомъ, послѣ знакомства съ отцемъ Протоіереемъ Стефаномъ, было: «Когда построенъ храмъ?» — «Положительно не извѣстно, — отвѣчалъ онъ, — но мѣстное преданіе относитъ построеніе его ко времени Царя Ивана Васильевича Грознаго.»—«А бывшій теплый храмъ кѣмъ построенъ?» вопросилъ я у отца Стефана, и получилъ въ отвѣтъ: «Первоначально теплая церковь была построена коштомъ матери Михаила Θеодоровича, великой инокини Марθы Ивановны, * а каменная, недавно разобранная по ветхости, какъ можно съ достовѣрностію полагать, построена ея сыномъ (Михаиломъ Θеодоровичемъ, или внукомъ, Алексѣемъ Михайловичемъ)». Не смотря на увѣренія отца Стефана, что въ сломанной церкви не было ничего древняго, кромѣ стѣнъ, я не могъ не сожалѣть, что не пришлось взглянуть самому на этотъ памятникъ временъ Михаила Θеодоровича, и, въ утѣшеніе себѣ, поспѣшилъ осмотрѣть, счастливо пережившій его, памятникъ Царя Ивана Грознаго, соборъ Никольскій, радуясь мысленно, что найду хотя здѣсь древности, «забытыя археологами». Храмъ этотъ, по своей Византійско-Русской архитектурѣ, походитъ на многіе древніе храмы XV и XVI столѣтій. Квадратъ его съ двухъ сторонъ (съ сѣверной и южной) раздѣленъ лопатками на четыре части; соединеніе лопатокъ образуетъ вверху три арки, выемки между коими, очевидно, были назначены

* Въ выписи изъ Бѣлевскихъ Писцовыхъ Книгъ 136, 137 и 138 (1628, 28 и 30) годовъ значится: «Въ Бѣлевскомъ уѣздѣ соборная церковь каменная великаго Чудотворца Николы, да церковь теплая Преподобныхъ Отецъ Афанасія и Кирилла Александрійскихъ, и Преподобнаго Отца Онуфрія Великаго древяна клѣцки, а строилъ тое церковь Никольскій Протопопъ Андрей Артемьевъ, по приказу Великія Государыни иноки Марθы Ивановны, Ея Великія Государыни казною; а въ церкви образа, и свѣчи, и книги, и ризы и все церковное строеніе Великія Государыни иноки Марθы Ивановны».

для священныхъ изображеній; подъ карнизомъ тянется вокругъ всего зданія широкой поясъ или платбантъ съ сухариками, зубчиками и поясками. Кровля, желѣзная на четыре ската, увѣнчана пятью сердцевидными главами на трибунахъ; осьмиконечные кресты имѣютъ у подножія полулунія и прикрѣплены къ главамъ цѣпями. Окна въ два свѣта, по четыре на каждую изъ двухъ сторонъ (сѣверную и южную): верхнія узкія и длинныя, а нижнія, по обѣимъ сторонамъ боковыхъ дверей, почти квадратныя; тѣ и другія съ дугообразными перемычками и такими же сандриками и съ колонками по сторонамъ.

По вступленіи въ трапезу, отецъ Стефанъ объявилъ мнѣ, что она построена въ началѣ текущаго столѣтія (въ 1805 году). Въ иконостасѣ, прислоненномъ къ стѣнѣ, отдѣляющей трапезу отъ настоящей церкви, помѣщена одна изъ трехъ иконъ Св. Николая, большаго размѣра, не стараго, но довольно искуснаго, письма (безъ оклада); на поляхъ изображены чудеса его. Настоящая церковь во имя Св. Николая: въ ея-то иконостасѣ, противъ праваго клироса, въ особомъ кіотѣ, помѣщается явленная икона Чудотворца Святителя Николая, собственно такъ называемая Гостунская. Мѣстное преданіе, относя явленіе иконы Святителя Николая къ глубокой древности, говоритъ о немъ двояко: по словамъ, однихъ, икона эта явилась первоначально на рѣчкѣ Гостункѣ, протекающей близъ деревни и Мощонъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ села Николо-Гостуни, гдѣ будто бы и была первоначально деревянная церковь, построенная по сему случаю; а другое преданіе повѣствуетъ, что икона эта явилась на озерѣ, находящемся близъ теперешней церкви (на восточной сторонѣ), близъ усадьбы Священно-служителей. Икона эта была столько извѣстна въ древнія времена, по причинѣ истекавшихъ отъ нея съ вѣрою приходящимъ чудесъ, что Великій Князь Василій Ивановичъ, въ началѣ своего царствованія, пожелалъ перенести ее въ царствующій градъ Москву, гдѣ построилъ съ сею цѣлью каменную церковь въ Кремлѣ. Извѣстіе это записано современными * лѣтописцами; въ документахъ бывшаго Московскаго Николо-Гостунскаго Собора оно читается такъ:

«Лѣта 7014 (1506), повелѣніемъ Великаго Князя Василія Іоанновича всея Россіи, въ градѣ Москвѣ заложиша церковь кирпичную

* См. первую Соф. Лѣтоп. П. С. Р. Л., стр. 58; Кар. VII томъ, прим. 366.

перенесенія мощей Св. Николая, яр...
ковь, по ветхости, недавно разобрана...
старинные каменные ворота (озна...
ковной земли съ запада) тоже по...
тюшка ихъ, отецъ Стефанъ, челов...
дился и самъ.

И такъ, вотъ онъ, думалъ я, ...
забытый, по словамъ И. П. Са...
временъ Михаила Θедоровича и ...
Ивановны, и почти первымъ ...
отцемъ Протоіереемъ Стефаном...
— «Положительно не извѣстн...
ніе относитъ построеніе его ...
наго.»—«А бывшій теплый х...
Стефана, и получилъ въ отв...
построена коштомъ матери...
Марθы Ивановны, * а ка...
какъ можно съ достовѣ...
(Михаиломъ Θедоровичем...
Не смотря на увѣренія ...
не было ничего древн...
что не пришлось взгля...
хаила Θедоровича, и...
счастливо пережившій...
Никольскій, радуясь...
«забытыя археологам...
архитектурѣ, поход...
лѣтій. Квадратъ ег...
дѣленъ лопатками ...
вверху три арки, ...

...гарнизомъ тянется вокругъ ...
...тъ съ сухариками, зубча...
...тыре ската, увѣнчана г...
...осьмиконечные кресты на...
...къ главамъ цѣпями. Окна въ
...въ двухъ сторонъ (сѣверной и
...шнія, по обѣимъ сторонамъ
...и другія съ дугообразными
...съ колонками по сторонамъ.
...мнѣ объявилъ мнѣ, что она
...въ 1805 году). Въ иконо-
...й трапезу отъ настоящей
...а Св. Николая, большаго
...письма (безъ оклада); на
...церковь во имя Св. Ни-
...о клироса, въ особомъ
...на Святителя Николая,
...мѣстное преданіе, от-
...глубокой древности,
...ъ, икона эта явилась
... близъ деревни и
...Николо-Гостуни, гдѣ
...церковь, построенная
...что икона эта яви-
...церкви (на восточ-
...Икона эта была
...истекавшихъ отъ
...князь Василій Ива-
...перенести ее въ
...ълью каменную
...ными * лѣтопи-
...ло-Гостунскаго
...силія Іоанно-
...кирпичную

* Въ выписи изъ Б... головъ значится: ... Чудотворца Нико... Александрійских... строилъ тое це... ликія Государы... въ церкви об... Государыни ... ...пра... ...ое вре... ...чудотворца... ...время Никол... образа простыл... руками и ногам... ...единъ часъ стал... ...ротопопъ Никольск... ...ъ къ Митрополиту... ...го чудо, збывшееся Б... ..., истиннаго Христа н... оставляетъ рабовъ свои... ...ретиковъ злѣ посрамиша.»

...рхи. 366.

...Исторіи и Древностей Россійск... ...сильевича Грознаго, В. Н. Татищева.

...ду, а черезъ два года (какъ записано ... мѣсяца Октября въ 7-й день, послѣ ..., священа бысть Церковь вели... ...каго того же ради, что подпи... ...требами церковными, а священа ...ь всея Россіи. Бѣ же на освященіи ...икій Князь Иванъ Васильевичъ всея ..., съ Княземъ Юріемъ, и съ Боляры и

..., что мѣстное преданіе относитъ построеніе ...о въ селѣ Николо-Гостуни собора ко време... ...ича Грознаго; нѣтъ ничего неправдоподобнаго ...рамъ этотъ обратилъ на себя вниманье Царя въ ...докъ по своей отчинѣ (опричинѣ). Въ Синодикѣ ...еремышльскаго Успенскаго Шаровкина монастыря ...нъ ѣздилъ въ Бѣлевъ (къ уѣзду котораго тогда село Николо-Гостунское) въ 7053 (1564) году, а на... крестъ (о которомъ будетъ упомянуто ниже), относя... ...адписямъ, къ 1562 году, подтверждаетъ предположеніе, ... села Николо-Гостунскаго построенъ именно въ 1560 г. ...я храмовая, также знаменоносная, икона сельскаго Николо... ...каго собора есть, по всѣмъ вѣроятіямъ, точная копія съ ...й, поставленная въ здѣшней Церкви, при взятіи изъ нея ...ника въ Москву, въ 1506 году. Она мѣрою въ длину 1 ...инъ 12 вершковъ, написана на липовой доскѣ древнимъ Гре... ...кимъ пошибомъ. Ликъ Чудотворца выразителенъ и величественъ.

Смотр. тамъ же, стр. 418. Московскій Гостунскій соборъ сломанъ, по повелѣнію Императора Александра Павловича, въ 1816 году, а часть мощей Св. Николая, хранившаяся въ немъ съ 1714 года, иконы и утварь перенесены на колокольню Ивана Великаго въ Николаевскую церковь, обращенную тогда изъ древняго собора Рождества Христова. Гостунскій храмъ былъ издревле предметомъ особаго благоговѣнія невѣстъ и жениховъ Русскихъ: отцы и матери приходили сюда съ дочерьми своими послѣ сговора и, по совершеніи молебствія предъ иконою Чудотворца, записывали имена невѣсты и жениха въ книгу, хранившуюся подъ названіемъ Синодика въ церкви, какъ бы поручая черезъ то новообрученныхъ ходатайству и заступленію великаго Угодника. При этой церкви, въ концѣ XV вѣка, былъ Дьякономъ Иванъ Ѳедоровъ, первый Московскій типографщикъ.

святаго и великаго Чудотворца Николая Гостунскаго, идѣже стояла церковь деревянная старая Николая Чудотворца, по реклу Николая Льнянаго, и совершиша тоя церковь кирпичную въ девятую недѣлю 7015 года, Октомврія, въ 1 день, а освящена бысть церковь святая во имя великаго Чудотворца Николая во градѣ Москвѣ Преосвященнымъ Симономъ, Митрополитомъ Московскимъ и всея Россіи, въ царство Благочестиваго и Христолюбиваго Великаго Князя Василія Ивановича всея Россіи, въ первое лѣто Государства его, и постави Князь Великій Василій Ивановичь въ ту церковь икону святаго и великаго Чудотворца Николая Гостунскаго, которая принесена съ Гостунки рѣчки, и украсивъ ю каменіемъ драгимъ, отъ нея же много исцѣленія тогда быша, и бываютъ и донынѣ съ вѣрою приходящимъ». Одно изъ этихъ чудесъ записано лѣтописцами по слѣдующему частному случаю. «Въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго, въ 1553 году, когда объявилась на Москвѣ ересь Матюшки Семенова сына Башкина и его единомысленниковь, бывшаго Игумена Тройцкаго Артемія и Перфила Малаго въ Савашахъ и иныхъ. Царь же Великій Князь и Митрополитъ сыскали про нихъ и отъ ихъ устъ слышали, что всѣхъ Чудотворцевъ, вѣрующихъ во Христа и чудеса творящихъ, похулили, а правила всѣ церковныя и Соборы въ басни вмѣняли, и осудиша ихъ неисходимыми быти, да не сѣютъ злобы своея роду человѣческому, и утвердиша истинный законъ Христіанскій, изъясня Святымъ Евангеліемъ и Апостоломъ правилы Св. Апостолъ, а прелестныхъ посрамиша. И въ которое время у Митрополита (Макарія) истязалися съ Перфиломъ о Чудотворцахъ, еже глаголютъ святаго Николу проста мужа, и въ то время Никола Гостунскій Чудотворецъ въ храмѣ своемъ у своего образа простилъ (т. е., исцѣлилъ) сына Боярскаго, разслабленна руками и ногами, Тулянина, Григорія Сухотина, на молебнѣ: во единъ часъ сталъ здравъ, яко же ничимъ вредимъ, и пріиде Протопопъ Никольскій Аммосъ, и того Григорья прощеннаго привелъ къ Митрополиту на Соборъ, и увѣдавъ все отъ самаго прощеннаго чудо, збывшееся Богомъ и Его Угодникомъ, и прославиша Бога, истиннаго Христа нашего, и Угодника Его, Николу, иже не оставляетъ рабовъ своихъ, уповающихъ на Бога, и богохульныхъ еретиковъ злѣ посрамиша.»*

---

* См. «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, годъ 3-й, N. 9, Царствованіе Ивана Васильевича Грознаго, В. Н. Татищева,» стр. 389 и 930.

Это случилось въ 1553 году, а черезъ два года (какъ записано змъ же), т. е., «въ 1555 году, мѣсяца Октября въ 7-й день, послѣ озвращенія изъ Казанскаго похода, священа бысть Церковь великаго Чудотворца Николая Голстунскаго того же ради, что подпиаша ю и украсиша всякими потребами церковными, а священа ысть Макаріемъ, Митрополитомъ всея Россіи. Бѣ же на освященіи у Благовѣрный Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея уси. и съ братомъ своимъ, съ Княземъ Юріемъ, и съ Боляры и ножествомъ народа.» *

Выше было замѣчено, что мѣстное преданіе относитъ построеніе нынѣ существующаго въ селѣ Николо-Гостуни собора ко временамъ Ивана Васильевича Грознаго; нѣтъ ничего неправдоподобнаго редположить, что храмъ этотъ обратилъ на себя вниманье Царя въ дну изъ его поѣздокъ по своей отчинѣ (опричинѣ). Въ Синодикѣ праздненнаго Перемышльскаго Успенскаго Шаровкина монастыря аписано, что онъ ѣздилъ въ Бѣлевъ (къ уѣзду котораго тогда ринадлежало село Николо-Гостунское) въ 7053 (1564) году, а напрестольный крестъ (о которомъ будетъ упомянуто ниже), относящійся, по надписямъ, къ 1562 году, подтверждаетъ предположеніе, что соборъ села Николо-Гостунскаго построенъ именно въ 1560 г.

Мѣстная храмовая, также знаменоносная, икона сельскаго Николо-Гостунскаго собора есть, по всѣмъ вѣроятіямъ, точная копія съ явленной, поставленная въ здѣшней Церкви, при взятіи изъ нея подлинника въ Москву, въ 1506 году. Она мѣрою въ длину 1 аршинъ 12 вершковъ, написана на липовой дскѣ древнимъ Греческимъ пошибомъ. Ликъ Чудотворца выразителенъ и величественъ.

* Смотр. тамъ же, стр. 418. Московскій Гостунскій соборъ сломанъ, по повелѣнію Императора Александра Павловича, въ 1816 году, а часть мощей Св. Николая, хранившаяся въ немъ съ 1714 года, иконы и утварь перенесены на колокольню Ивана Великаго въ Николаевскую церковь, обращенную тогда изъ древняго собора Рождества Христова. Гостунскій храмъ былъ издревле предметомъ особаго благоговѣнія невѣстъ и жениховъ Русскихъ: отцы и матери приходили сюда съ дочерьми своими послѣ сговора и, по совершеніи молебствія предъ иконою Чудотворца, записывали имена невѣсты и жениха въ книгу, хранившуюся подъ названіемъ Синодика въ церкви, какъ бы поручая черезъ то новообрученныхъ ходатайству и заступленію великаго Угодника. При этой церкви, въ концѣ XV вѣка, былъ Дьякономъ Иванъ Ѳедоровъ, первый Московскій типографщикъ.

На иконѣ сребропозлащенная чеканная риза съ травами. Надпись въ клеймѣ: «Сдѣлана сія риза 1769 года мѣсяца Генваря въ Бѣлевской уѣздъ, въ Соборъ Николая Чудотворца Гостунскаго, при Протопопѣ Алексѣи Андреевѣ;» вѣсу серебра 20 фунтовъ 32 золотника; вѣнецъ съ короною низанъ жемчугомъ среднимъ и мелкимъ по фольгѣ и убранъ простыми разноцвѣтными камушками. На поляхъ, по сторонамъ, изображены вверху Спаситель и Божія Матерь, ниже Богоотцы Іоакимъ и Анна. Эту ризу дѣлалъ Калужской серебреникъ Н. М. Золотаревъ, въ послѣдствіи извѣстный богачъ. Разсказъ о бывшемъ съ нимъ при этомъ событіи, характеризуетъ достаточно ту эпоху. Я слышалъ его отъ Козельскаго Протопопа В. О. Сахарова, племянника бывшаго Гостунскаго Протоіерея Алексѣя Андреева, при которомъ сдѣлана риза на икону Святителя. Дорога, идущая черезъ Гостунь въ Лихвинъ, еще въ половинѣ прошедшаго столѣтія, была небезопасна: въ ней гнѣздилась шайка разбойниковъ, и если рѣдко убивали, то весьма не рѣдко обирали проѣзжихъ. Дѣло было въ 1763 году; разбойники, узнавъ, что Калужскому серебренику И. М. Золотареву заказана риза на Гостунскую икону Св. Николая, сколько дано ему задатку, и сколько по счету слѣдуетъ получить денегъ, и когда именно будетъ возвращаться изъ Гостуни, остановили Золотарева въ упомянутомъ лѣсу, отобрали деньги и накрѣпко запретили ему, подъ угрозою преслѣдованія и смерти, сказывать кому либо о семъ происшествіи, а въ особенности помѣщику ближняго села Кипети, черезъ которое пролегаетъ дорога въ Калугу. Эта предосторожность основана была на извѣстномъ имъ усердіи владѣльца села Кипети къ Гостунскому собору и его Протоіерею Алексѣю Андрееву, котораго всѣ крестьяне села Гостуни и окрестныхъ деревень уважали и боялись, какъ недавняго своего владѣльца (ибо Гостунь и нѣсколько окрестныхъ деревень до 1764 года принадлежали къ собору) и строгаго карателя зла. Но Зоротаревъ, добравшись до Кипети, разсказалъ о случившемся съ нимъ тамошнему помѣщику, и тотъ немедленно подъ конвоемъ препроводилъ его обратно въ Гостунь къ отцу Протоіерею. Начались негласные розыски, велѣно было задерживать всѣхъ подозрительныхъ людей. Однажды, когда народъ находился въ полѣ, замѣтили неизвѣстнаго человѣка, пробиравшагося стороною изъ лѣса. Условившись между собою, крестьяне составили родъ облавы, и тѣмъ отрѣзавъ

доброму молодцу дорогу къ лѣсу, успѣли схватить его. Къ судамъ и тогда не любили обращаться безъ крайней необходимости, а потому начали дѣло съ домашняго дознанія, состоявшаго въ томъ, что пойманному придорожнику окрутили вокругъ головы бичевку и начали стягивать ее, побуждая сказать «сущую правду» о его товарищахъ; такимъ домашнимъ средствомъ скоро дознались, что онъ точно принадлежитъ къ шайкѣ разбойниковъ, укрывшихся въ ближайшемъ лѣсу, что ихъ болѣе 50 человѣкъ, что они ограбили И. М. Золотарева; въ заключеніе разбойникъ, подъ угрозою смерти, обѣщалъ молча довести крестьянъ до самаго притона своихъ товарищей. Подъ предводительствомъ самаго отца Протоіерея, крестьяне, слѣдуя по указанію связаннаго разбойника, добрались до страшнаго и глубокаго лѣснаго оврага и сквозь чащу лѣса замѣтили въ немъ огоньки; но когда стали окружать притонъ, разбойники всполошились; однако успѣли переловить до 30 человѣкъ, остальные разбѣжались. Удачный поискъ былъ приписанъ особому заступленію Святителя и Чудотворца Николая. Пойманные были преданы въ руки правосудія и, грабительства въ Гостунскомъ лѣсу съ тѣхъ поръ прекратились. Сыщики и всѣ участвовавшіе въ этомъ похожденіи были награждены богатою добычею, найденною въ лѣсномъ притонѣ Между жителями села Гостуни и доселѣ сохранилась память о безстрашномъ и строгомъ Протоіереѣ Алексѣѣ Андреевѣ, а самъ разсказщикъ этого событія въ малолѣтствѣ видѣлъ у своего дяди часть отобранныхъ во время оно отъ разбойниковъ бердышей.

Иконостасъ настоящей церкви, столярной работы XVIII столѣтія, по бѣлому полю украшенъ позлащенной рѣзбой; остальныя мѣстныя иконы Спасителя, Ѳеодоровской Божіей Матери и Св. Троицы * въ серебренныхъ окладахъ. За лѣвымъ клиросомъ, на особомъ аналоѣ, поставлена другая, также мѣстночтимая, икона Св. Николая Чудотворца; писана на липовой декѣ длиною 10, шириною $7^1/_2$ вершковъ, стараго Русскаго письма на празелени. По преданію, она была походною иконою Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича, и пожалована имъ въ сію Церковь въ память побѣды, одержанной на семъ мѣстѣ надъ Литовцами. На поляхъ сей иконы изображены, на правой

* Риза на сію икону сдѣлана изъ привѣсовъ съ добавкою серебра и платою за работу помѣщика Бѣлевскаго уѣзда сельца Иванова, Н. Д. Кавелина.

25

сторонѣ: Святители Василій Великій и Григорій Богословъ; на лѣвой Іоаннъ Предтеча и Іоаннъ Златоустъ, вверху: Апостолъ Петръ Великомученикъ Георгій, Пресвятая Троица, Великомученикъ Димитрій Апостолъ Павелъ; внизу: Великомученикъ Никита, Мученикъ Мина Апостолъ Іаковъ, Преподобномученица Евдокія, Святитель Кириллъ Александрійскій, Святитель Леонтій и Св. Андроникъ. Икона обложена сребропозлащеннымъ окладомъ, закрывающимъ лишь поля между изображеніями. На створцахъ (дверцахъ), которыя, судя по письму, придѣланы позже, изображены нѣкоторыя черты изъ житія и Святителя Николая и пять святыхъ лицъ: Благовѣрные Князья Борисъ и Глѣбъ, Св. Мученица Марія, Св. Мученикъ Θеодоръ, Св. Θеодоръ Стратилатъ и Пр. Ксенія. Это, очевидно, изображенія ангеловъ семейства Бориса Θедоровича Годунова, почему и можно съ достовѣрностію предположить, что створцы, также обложенные по просвѣтамъ и полямъ окладами, пожертвованы симъ Государемъ. При обѣихъ сихъ иконахъ было не мало привѣсовъ, кои в разныя времена употреблены на оклады мѣстныхъ иконъ. Въ числѣ этихъ привѣсовъ были три деревянныхъ рѣзныхъ креста, шесть каменныхъ и одинъ стеклянный, обдѣланные серебромъ, которые, въ 1814 году, были представлены къ бывшему тогда Архіерею Преосвященному Евгенію, Калужскому и Боровскому, но обратно въ церковь не поступали.

Крестъ напрестольный осьмиконечный Русскаго дѣла, изъ липоваго дерева, обложенный серебромъ: лицевая сторона вызолочена къ ней прикрѣплено серебряное, литое съ позолотою, распятіе; вверху онаго нерукотворенный образъ и два херувима литые, обращенные къ распятію, по сторонамъ распятія предстоящіе Божія Матерь и Іоаннъ Богословъ, а внизу Святитель и Чудотворецъ Николай. На концахъ креста вдѣланы въ гнѣздахъ семь разноцвѣтныхъ камней (достокановъ); какъ лицевая, такъ и задняя сторона исписаны, первая рельефными, а вторая рѣзными въ глубь Славянскими надписями, заключающими въ себѣ разные тропари и церковныя пѣсни въ похвалу честному и животворящему Кресту Господню. Въ концѣ надписи, съ задней стороны, находятся слова, означающія время построенія сего креста: «Сіе древо, честный крестъ, сдѣланъ лѣта 7070 года (1562 г.) Мая въ 1 день, при Царѣ Государѣ Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всея Россіи, при Владимірскомъ, при

Московскомъ, и Новогородскомъ, и Псковскомъ, Тверскомъ, и Смоленскомъ, и Югорскомъ, и Болгарскомъ, и при благовѣрныхъ Царевичахъ, Князѣ Иванѣ и Өеодорѣ, и при благовѣрныхъ Князьяхъ Георгіи и Владимірѣ, при Преосвященномъ Архіепископѣ Митрополитѣ Макаріи Московскомъ и всея Россіи, и Тимофѣѣ Сарскомъ и Подонскомъ, и произволеніемъ и замышленіемъ Священныхъ Іереевъ Святаго Николы Гостунскаго Попа Афонасія Петровича и Попа Филимона и Дьякона....»

Сосуды служебные серебряные, мѣстами позлащенные, вѣсомъ въ 2 фунта; на поддонѣ потира надпись: «Повелѣніемъ Благовѣрныя Государыни Царицы Великой Княгини Евдокіи Лукіяновны сдѣланы сіи сосуды; дала по дщери своей, благовѣрной Царевнѣ и Великой Княжнѣ Иринѣ Михайловнѣ въ Бѣлевской уѣздъ, къ церкви Чудотворца Николая Гостунскаго, лѣта 7150 (1642 г.).

Ковшъ для теплоты серебряный, внутри позолоченный, вѣсомъ въ 56 золотниковъ; на немъ надпись по краямъ: «Повелѣніемъ Великаго Государя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, сдѣлана сія чарка въ соборную Церковь Николая Чудотворца Гостунскаго, что въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, въ лѣто 7177 (1669 года) Сентября въ 1 день.»

Евангеліе напрестольное листовое, Московской печати 1681 года: Верхняя дска обложена вся сребро-позлащеннымъ окладомъ. На срединѣ укрѣплено сребро-позлащенное изображеніе Воскресенія Христова, а по угламъ Евангелисты съ ихъ символическими знаками. На задней дскѣ наугольники сребро-позлащенные безъ жуковъ. Застежки литыя съ изображеніемъ херувимовъ. Кругомъ дски сдѣлана рѣзными словами слѣдующая надпись. «Лѣта 7193 года (1685) Генваря въ 28 день, при Державѣ Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей, Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, и при Святѣйшемъ Іоакимѣ Патріархѣ Московскомъ и всея Россіи, и Преосвященномъ Варсонофіи Митрополитѣ Сарскомъ и Подонскомъ, построено сіе Евангеліе въ Бѣлевской уѣздъ, въ Соборную Церковь Николая Чудотворца Гостунскаго, изъ мѣлкихъ мірскихъ прикладовъ, тоя жь Соборныя Церкви отъ Чудотворнаго образа Николая Чудотворца; а строилъ сіе Евангеліе Николаевской Пратопопъ Іоаннъ Өеодоровъ съ братіею, по благословенію Преосвященнаго Варсонофія Митрополита Сарскаг

Въ церкви, какъ видно изъ одного документа, принадлежащаго къ 1814 году, хранились прежде три старыхъ антиминса съ слѣдующими надписями: 1) «Освятися олтарь Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ церкви лѣта 7177 (1669), мѣсяца Мая въ 4-й день, при Благовѣрномъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Алексѣи Михаиловичѣ всей Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и при Великомъ Господинѣ Святѣйшемъ Іоасафѣ Патріархѣ Московскомъ и всея Россіи, и при Митрополитѣ Павлѣ Сарскомъ и Подонскомъ.» 2) «Освятися олтарь Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ церкви лѣта 7178 (1670) мѣсяца Ноемврія въ 14 день, при Благовѣрномъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Алексѣи Михаиловичѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и при Великомъ Господинѣ Святѣйшемъ Іоасафѣ Патріархѣ Московскомъ и всея Россіи, и при Митрополитѣ Павлѣ Сарскомъ и Подонскомъ;» и 3) «Сей антиминсъ, си есть трапеза священная на приношеніе безкровныя жертвы въ Божественной Литургіи, освятися благодатію пресвятаго и животворящаго Духа, сего ради имѣетъ власть священнодѣйствовати во храмѣ Николая Чудотворца, повелѣніемъ Благочестивѣйшія, Самодержавнѣйшія, Великія Государыни Нашей Императрицы Елизаветы Петровны всея Россіи, и благословеніемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода; священнодѣйствованъ Преосвященнымъ Платономъ Епископомъ Сарскимъ и Подонскимъ, лѣта міроздания 7250, отъ Рождества же Христова 1742, Индикта (не показано) мѣсяца (не показано) въ день (не показано).»

Книгъ богослужебныхъ древнихъ нѣтъ, а есть Синодикъ XVII столѣтія въ листъ, писанъ полууставомъ.

Въ общемъ поминовеніи упоминаются между прочимъ: иже побиты отъ Татаръ и отъ Литвы и отъ Нѣмецъ и отъ всякихъ языкъ иновѣрныхъ, побитыхъ Православныхъ Христіянъ, частные роды: 1) Родъ Старицы Мароы Ивановны (матери Царя Михаила Өеодоровича), Царицы Маріи, Царевны Пелагіи, Царевны Софіи, Царевны Евдокіи, Царевны Мароы, монахини Мароы; 2) Родъ именитыхъ Господъ Бароновъ Строгоновыхъ; 3) Родъ Князей Юрія Юрьевича и Князя Ивана Юрьевича Трубецкихъ; 4) Князя Ивана Андреевича Львова; 5) Маіора Афонасія Никифоровича Юшкова; 6) Князя Волконскаго; 7) Стольника Петра Ивановича Восйкова; 8) Заводчицы Пелагіи Ивановны дочери Истомина; 9) Москвитина купецкаго человѣка Кудашевской слободы Ивана Дорофѣевича Мамонтова; 10) Ни-

олаевскаго Священника Василія Дмитріева; 11) Села Дѣдинова рестьянина Шустова; 12) Родъ Николаевскаго Попа Ѳеодора Алекѣева; 13) Ѳеодора Дементьевича Воейкова; 14) Родъ Григорія Сапонова; 15) Родъ Артемія Осиповича Тевяшевыхъ; 16) Родъ Сомоыхъ. что въ селѣ Князищевѣ; 17) Родъ Василія Желябужскаго; 8) Ѳеодора Щепотева; 19) Димитрія Полонскаго; 20) села Сныова, Кондыревыхъ; 21) Наума Никифоровича Мельгунова; 22) ндрея Аристова; 23) Дьяка Андрея Галкина; 24) Никиты Гоовцева: 25) Симсона Сухотина; 26) Никифора Алексѣевича Давыдоа; 27) Спафарьева; 28) Родъ Зыбиныхъ; 29) Афанасія Ивановича Іевщина; 30) Родъ Григорія Матфѣевича Кирѣевскаго; 31) Некраса Іавровича Кирѣевскаго; 32) Князя Юрія Михайловича Сонцева; 33) Княгини Ульяны Васильевны Троекуровой и Прозоровской; 34) Иваіа Ивановича Чичерина; 35) Стольника.... Прокофьевича Щербаіева и нѣкоторыхъ другихъ.

Бывшую теплую церковь, какъ выше было замѣчено, сломали не задолго до моего пріѣзда; я засталъ уже, какъ рыли рвы для закладки фундамента новой. На вопросъ мой у работниковъ, не попадалось ли имъ въ землѣ старыхъ монетъ, одинъ отвѣтилъ: «Въ кабакѣ равно принимаютъ старыя и новыя.» А дьячекъ принесъ найденную копѣйку 1756 года; но какъ это не составляетъ особой рѣдкости, то я и возвратилъ ему оную обратно.

Колокольня, къ которой примыкала теплая церковь, стоитъ пока одиноко: низъ ея квадратный; второй этажъ, гдѣ помѣщаются колокола, осмерикъ съ пролетами, накрытъ шатровымъ верхомъ съ голосниками.

Кругомъ церкви ограды нѣтъ, но на западной сторонѣ цѣлы каменные тяжелые ворота, показывающіе предѣлъ церковной земли; они тоже починяются и будетъ строится ограда. На восточной сторонѣ домики и усадьбы Священника и церковно-служителей; тутъ же и небольшое озеро, на которомъ, по преданію, явилась икона Святителя Николая. 9 Мая издревле бываетъ довольное стеченіе богомольцевъ къ празднику Святителя и около церкви устроивается ярмарка, на которую пріѣзжаютъ мѣстные купцы (краснорядцы) изъ Бѣлева и Лихвина, а окрестные помѣщики и крестьяне присылаютъ и приводятъ лошадей.

Торговые балаганы строятся на церковной счетъ и поземельныя деньги поступаютъ въ церковную сумму.

Изъ всего сказаннаго видно, что соборъ Николо-Гостунскій въ настоящемъ своемъ видѣ служитъ болѣе памятникомъ временъ Царя Ивана Васильевича Грознаго, нежели Михаила Өедоровича Романова. Осмотрѣвъ все, въ немъ заключающееся, самымъ тщательнымъ образомъ, надѣемся, что послѣ нашего описанія уже не будетъ никому повода сказать, что это памятникъ, «забытый археололамп.»

I. Л.

9 Мая, 1861 года.

ДѢЛО
О ПРОФЕССОРѢ МЕЛЬМАНѢ.

Читано въ Засѣданіи Общества 4-го Ноября.

Дневная записка объ исключеніи Мельмана изъ Университета, 31 Генваря 1795 года.

«Иоганъ Мельманъ, Экстраординарный Профессоръ и Ректоръ Греческихъ и Латинскихъ классовъ въ Университетской Гимназіи, предъ недавнымъ временемъ въ бытность свою у Его Высокопреосвященства Московскаго Митрополита Платона, обнаружилъ хульныя нѣкія и оскорбительныя свои мысли противъ Христіянской Религіи; а какъ по поводу сего его отзыва, дошедшаго по общему слуху до свѣдѣнія господина Куратора, Михаила Матвѣевича Хераскова, призванъ былъ онъ приватно къ Его Превосходительству, для испытанія его системы и образа мыслей, и въ присутствіи старшихъ четырехъ Профессоровъ не только явно обнаружилъ развратныя свои мысли противъ самаго основанія Откровенной Религіи, но даже торжественно сказалъ, что онъ долгомъ своимъ считаетъ сообщать сіе и другимъ, то въ предупрежденіе всякаго, могущаго изъ того произойти, разврата для обучающагося у него, Мельмана, юношества, господа Кураторы приказали Мельмана изъ Университета исключить немедленно.»

Донесеніе (по запросу) Митрополита Платона Генералъ-Прокурору Графу Самойлову о Мельманѣ, 10 Марта 1795.

«Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивой Государь! Полученнымъ мною Вашего Сіятельства писаніемъ изволите требовать, чтобъ я доставилъ Вашему Сіятельству свѣдѣніе о бывомъ въ Университетѣ Профессорѣ Мельманѣ, какія, въ бывшихъ двухъ его меня посѣщеніяхъ, были его отношенія ко мнѣ о Христіянской Религіи, и какія точно были его о семъ мысли и выраженія. На сіе Вашему Сіятельству имѣю донесть. Оный Мельманъ до нынѣшняго году былъ мнѣ совсѣмъ неизвѣстенъ. Въ прошедшемъ Генварѣ мѣсяцѣ былъ онъ у меня въ домѣ по случаю. Я принялъ ево, какъ человѣка ученаго: и по многихъ, бывшихъ между нами двумя о разныхъ обыкновенныхъ матеріяхъ, разговорахъ, по случаю дошло слово до Религіи Христіянской. Мельманъ на сіе вызвался, что Религія Христіянская должн

основываться на разсудкѣ человѣческомъ и на философіи: я, напротивъ, не опровергая разсудокъ человѣческій, утверждалъ, что паче, или единственно, надлежитъ утверждаться на словѣ Божіемъ. Но Мельманъ, напротивъ, хотя не казался совсѣмъ отвергать слово Божіе, однако не иначе, какъ естьли оно сходно съ разсудкомъ и философіею, при чемъ утверждалъ, что просвѣщенія къ нравоученію можно болѣе почерпнуть изъ языческихъ писателей, нежели изъ Церковныхъ Учителей. И симъ нѣкотораго рода диспутомъ, яко чрезъ часъ между нами двумя только продолжавшимся, по многихъ взаимныхъ возраженіяхъ и рѣшеніяхъ, разговоръ сей кончился. И при отъѣздѣ ево отъ меня, не оставилъ я ему напомянуть, чтобъ онъ о Религіи старался мыслить и разсуждать съ лучшимъ основаніемъ. Послѣ сего, какъ чрезъ недѣлю, прислалъ ко мнѣ оный Мельманъ письмо, коимъ объявляетъ, что ему отказываетъ Университетъ продолжать болѣе свою должность, развѣ съ условіемъ, чтобъ онъ до правовъ и Религіи нимало не касался; но что онъ таковаго условія принять не можетъ, развѣ съ нѣкоторыми ограничиваніями: притомъ, въ бывшемъ между нами разговорѣ, ежели въ чемъ онъ меня оскорбилъ, испрашиваетъ прощенія, и чтобы все то причесть его неблагоразумію, невѣдѣнію и младости. А сверхъ всего того проситъ, чтобъ исходатайствовать у Университета, дабы онъ оставленъ былъ при должности по прежнему. По полученіи мною таковаго письма, скоро и самъ Мельманъ ко мнѣ явился, и началъ свой разговоръ тѣмъ же самымъ, что въ письмѣ ево было. Я на сіе ему отвѣтствовалъ, что условіе, Университетомъ предлагаемое, есть справедливо, и что ему надлежитъ на принятіе его согласиться, доказывая то возможнымъ образомъ. Но Мельманъ ни какъ на сіе не согласился. Съ чѣмъ я его и отпустилъ, соболѣзнуя о ево жребіи, и признавая ево человѣкомъ сожалѣнія и снисходительнаго исправленія достойнымъ. Въ семъ состояло все мое съ Мельманомъ дѣло.»

Въ Тайной Экспедиціи Мельманъ объявилъ, что онъ Кантистъ и въ преподаваніи древнихъ писателей не можетъ не касаться нравственности и Религіи. Съ нимъ говорилъ Митрополитъ Евгеній и отозвался, что по Гречески знаетъ онъ недостаточно, а по Латыни очень хорошо. Рѣшено: «выслать за границу, за рѣку Мемель.» Мельманъ выѣхалъ изъ Россіи въ сильнѣйшей меланхоліи и величайшей слабости, и умеръ въ городѣ Георгенбургѣ, въ 10 миляхъ отъ Кенигсберга.

Сообщилъ Д. Ч. С. **Соловьевъ**.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

1861 года, ~~*Апрѣля 15-го дня*~~. Мая 27-го дня

1861 года, Мая 27-го дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Вукола Михайловича Ундольскаго, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ Графа М. В. Толстаго, И. Е. Забѣлина, А. Н. Аѳанасьева и Секретаря Общества Д. Чл. О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное свое засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи протокола послѣдняго засѣданія Общества 15-го Апрѣля, 1861 года, происходило слѣдующее. Читаны были

А. Отношенія:

1. Конторы Университетской Типографіи отъ 8-го Ноября, 1860 года, за № 7344, коимъ извѣщаетъ Общество о полученіи въ уплату: 1) за напечатаніе 4-хъ книхъ «Чтеній» 1859 года 1873 руб. 1¼ коп.; 2) 10-го Марта, 1861 года, за № 2024, за напечатаніе въ 1853 году дипломовъ на 26 руб., и въ 1856-мъ бланковъ на 8 руб. 90 коп., всего же 1907 руб. 91¼ коп. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

2. Прокурора Московской Синодальной Конторы, отъ 18-го Мая, пол. 20-го, № 482, объ отсрочкѣ возвращенія двухъ рукописей подъ №№ 997 и 216 до Октября текущаго года. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

Б. Предложенія:

3. Д. Чл. А. П. Зернина, отъ 9-го Апрѣля, получ. 15-го, письмо къ Секретарю Общества о спискѣ съ одной Малороссійской лѣтописи, принесенной въ даръ библіотекѣ Харьковскаго Университета Профессоромъ онаго Калиниченкомъ. Лѣтопись эта находится въ одномъ сборникѣ, писанномъ въ прошломъ столѣтіи и принадлежавшемъ Генеральному Подскарбію Якубовичу; этотъ сборникъ кромѣ того заключаетъ въ себѣ еще нѣсколько Малороссійскихъ бумагъ. Опредѣлено: снестись съ Харьковскимъ Университетскимъ Начальствомъ.

В. Приношенія

а. Матеріялами:

4. Профессора Московскаго Университета Н. А. Попова, 28-го Апрѣля: «Хронологіонъ Бѣжецкаго Верха, писанный Петромъ Воиновымъ въ половинѣ XVIII-го вѣка».

5. Соревнователя П. И. Бартенева, 14-го Мая: «Письма Царя Алексѣя Михайловича къ П. С. Хомякову, 1656—1657».

6. П. К. Щебальскаго, при письмѣ къ Д. Чл. и Секретарю Бодянскому, пол. 22-го Мая: «Дѣло о Биронѣ». Опредѣлено: означенныя въ §§ 4, 5 и 6 рукописи передать г. Бодянскому для разсмотрѣнія.

б. Статьями:

7. В. В. Мстиславскаго, отъ 14-го Мая, статья: «Что такое Славно? Топографическая замѣтка изъ исторіи древняго Новагорода».

8. А. Х—ва, получ. 22-го Мая: «Характеристика Русскихъ богатырей по былинамъ». Возвращена для пополненія.

9. Профессора Харьковскаго Университета, П. А. Лавровскаго, отъ 9-го Мая, 1861 г., пол. 15-го: «Стихотвореніе Хорватскаго поэта, Павла Витезовича, о Петрѣ Великомъ».

10. И. Е. Бецкаго: «Рѣчь Дашкова, читанная въ Бесѣдѣ любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, 14-го Марта, 1812 года; получ. 15-го. Опредѣлено: передать означенныя въ §§ 7, 8, 9 и 10 статьи г. Д. Ч. Бодянскому для разсмотрѣнія.

в. Книгами:

11. Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, отъ 9-го Апрѣля, получ. 21-го, изданія его: 1. «Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества. Томъ 2-й. Спб. 1859—61», и 2) «Сказанія о Святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ, по Сильвестровскому списку XIV вѣка. Спб. 1860».

12. Управленія Императорской Публичной Библіотеки, отъ 15-го Апрѣля, № 409, пол. 21-го: «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1860 годъ. Спб.»

13. Соревнователя К. Тихонравова, отъ 14-го Апрѣля, пол. 21-го, особый оттискъ изъ № 14-го неофиціальной части Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1861 года: «Наперсный каменный образъ въ Суздальскомъ Рождественскомъ соборѣ», на одной страницѣ.

14. Ректора С.-Петербургскаго Университета, отъ 13-го Мая, пол. 20-го: 1) «Актъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ по истеченіи 1860 года. Спб. 1861, и 2) Объявленіе о публичномъ преподаваніи наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ на 1860—61 годъ. Спб. 1861.»

15. Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ, пол. 20-го Мая: «Mémoires de l'Academie Impériale des sciences de S.-Pétersbourg, VII serie, tome III, №№ 1—9. S.-Pétersbourg 1860.»

16. Д. Чл. С. М. Соловьева: «Исторія Россіи. Томъ XI. Спб. 1861.» Пол. 23-го Мая.

17. Сгорѣльскаго (Герлицкаго) Общества Наукъ въ Верхнихъ Лужицахъ, отъ 16-го Сентября, 1860 г. н. ст. «Neues Lausitzisches Magazin, 37 Band, 1—2 Doppelheft. Görlitz, 1860.» Пол. 26-го Мая, 1861 года.

18. Сербской Матицы въ Будинѣ: «Сербскій лѣтописъ 1860 г.» Пол. 10-го Мая.

19. Коммиссіи печатанія Государственныхъ грамотъ и договоровъ, отъ 25-го Мая, 1861 г., № 200, получ. 26-го, изданныя ею: «Письма Русскихъ Государей и другихъ особъ Царскаго семейства. I. Переписка Петра I съ Екатериною Алексѣевною. II. Переписка Царицы Прасковьи Өедоровны и дочерей ея, Екатерины и Прасковьи М. 1861.»

20. Д. Чл. Графа М. В. Толстаго: «Святыни и древности Пскова. М. 1861» Пол. 27-го Мая.

21. Дм. П. Сонцева, отъ 26-го Мая, пол. 27-го, его сочиненіе: «Деньги и пулы древней Руси и пр. М. 1860». Опредѣлено: всѣ, поименованныя въ §§ 11—21, книги и брошюры сдать въ библіотеку Общества.

г. Вещами:

22. Кандидата коммерціи Николая Онисимовича Никулина, изъ Углича, отъ 26-го Апрѣля, письмо къ Д. Члену А. Ѳ. Вельтману: въ немъ посылаетъ для Общества въ даръ 7-мь Русскихъ старинныхъ ассигнацій, изъ коихъ 6-ть пятирублевыхъ (№ 707725, 1793 г.; 1205600, 1797 г.; 765877, 1804 г.; 1324396, 1807 г.; 5300606, 1810 г.; 1636645, 1811 г.) и одна 25 рублевая (№ 2686241, 1809 г.), да Финляндскаго Банка въ 50 коп. (№ 85995, 1839 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщаетъ изъ своего собранія монетъ Китайскихъ, Татарскихъ, Римскихъ и Русскихъ, выслать замѣчательнѣйшія изъ Русскихъ, на прим.: полуполушку, серебряную Псковскую деньгу и разныя серебряныя и мѣдныя, также жетоны и медали. Пол. 14-го Мая. Опредѣлено: благодарить.

23. Д. Членъ и Секретарь Общества О. М. Бодянскій, на основаніи Устава Общества, предложилъ въ Дѣйствительные Члены Его Превосходительство, г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, Николая Васильевича Исакова. Предложеніе было одобрено единогласно. Затѣмъ Его Превосходительство, Н. В. Исаковъ, былъ избранъ единогласно же въ Вице-Президенты Общества. Опредѣлено: вновь избранному Члену изготовить дипломъ на сіе званіе и просить его представить г. Министру Народнаго Просвѣщенія на утвержденіе избраніе его въ Вице-Президенты, на основаніи § 58 Устава Общества.

Въ концѣ засѣданія Общества Секретарь онаго представилъ только что отпечатанную 2-ую книгу «Чтеній» на сей 1861 годъ. Содержаніе оной слѣдующее:

I. Изслѣдованія. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи; VIII, IX, X; соч. Вл. Милютина. (Окончаніе.) II. Матеріялы Отечественные. Пословицы Русскаго народа. Сборникъ Вл. И. Даля. III. Матеріялы Славянскіе. Обозрѣніе древнихъ руко-

писей и книгъ церковныхъ въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, Д. Ч. Архим. Макарія. IV. Матеріялы Иностранные. Записки Англійскаго Резидента Рондо о нѣкоторыхъ Вельможахъ Русскаго Двора въ 1730 году, Ю. Толстаго. V. Смѣсь. Описи дѣламъ по Секретной Коллегіи относительно Принца и Принцессы Браунштейгъ-Люнебургскихъ и ихъ семейства. Мнѣніе Ген.-Аншефа, Малороссійскаго Генералъ-Губернатора и К. Графа Румянцева, о скуплѣ въ Малой Россіи Козачьихъ имѣній и проч. Краткое изложеніе предметовъ, взятое изъ правъ, въ Малой Россіи употребляемыхъ, по которому слѣдуетъ изобразить тѣ права, согласно праву, Высочайше конфирмованному. Мнѣніе, на какомъ бы основаніи завести порядокъ въ дачѣ чиновъ Армейскихъ Малороссійскимъ Старшинамъ. Записка изъ дѣла, произведеннаго въ Комитетѣ, Высочайше утвержденномъ при Правительствующемъ Сенатѣ, касательно правъ на дворянство бывшихъ Малороссійскихъ чиновъ. Мнѣніе Князя А. Б. Куракина по поставкѣ вина въ откупное содержаніе. Голосъ Сенатора И. П. Елагина о раздѣлѣ имѣнія Графовъ Воронцовыхъ съ ихъ невѣсткою, Графинею Анною Карловною Воронцовою жъ, урожденною Скавронскою. Мнѣніе Сенатора И. С. Захарова по дѣлу Англичанина Гоя, въ выпискѣ изъ за моря запрещенныхъ товаровъ. О цѣли предполагаемаго Общества вспоможенія Гражданскимъ чинамъ. Мнѣніе о истребленіи въ Москвѣ нищихъ. Графъ Ржевускій и его вопросы для рѣшенія. Лампада Царя Бориса Өедоровича Годунова въ Ревелѣ, со снимкомъ, Д. Чл. Н. В. Закревскаго. О бракосочетаніи Петра Великаго съ Екатериною, сообщ. Соревн. Вл. Борисовъ. Письмо Адмирала Мордвинова къ Государю Императору объ увольненіи. Дозволеніе одной запрещенной книги. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 15-го Апрѣля, 1861 года. Опредѣлено: 2-ую книгу «Чтеній» раздать Г. Членамъ присутствующимъ и разослать отсутствующимъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

V

СМѢСЬ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОПРАВКА.

Въ статьѣ: «Село Николо-Гостунское съ его древностями», на стр. 191, строк. 21 и слѣд. сказано: «Мѣстная храмовая, также знаменоносная, икона сельскаго Николо-Гостунскаго собора есть, по всѣмъ вѣроятіямъ, точная копія съ явленной, поставленная въ здѣшней церкви, при взятіи изъ нея подлинника въ Москву, въ 1506 году». Это надобно исправить такъ: «Жители села Гостуни, по взятіи въ Москву ихъ родной святыни, перенесли чествованіе свое оной иконы на другую икону того же святителя, бывшую въ ихъ храмѣ. Икона эта носитъ на себѣ признаки глубокой древности, а письмо лучше Московской. Существенная разница въ изображеніяхъ на этихъ двухъ иконахъ состоитъ въ томъ, что въ Московской явленной на поляхъ изображены въ клѣткахъ чудеса изъ жизни Святителя, а на Гостунской Чудотворной (находящейся въ селѣ Гостуни) на поляхъ изображены по сторонамъ: Спаситель, Божія Матерь и Богоотецъ Іоакимъ и Анна».

ѣтописное повѣствованіе о малой россіи, соч. А. Ригельмана,) рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., пер. за 4 ф.

сторія россійская, В. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г., 50 к. сер., перес. за 4 ф.

ортретъ Кіевскаго Митрополита **Евгенія**, со снимкомъ почерка его руки 854 г., цѣна безъ пересылки 50 к.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

ъ 2-й: Цѣна
9-ти книгъ, каждая 2 р. 50 к.
всѣ, безъ пересылки 22 р. 50
съ пересылкой . . . . 25 р. сер.
дъ 3-й, тоже изъ 9-ти
нигъ, каждая по . . . 1 р. 50 к.
да 4-го кн. I. . . . . . 1 р. 50 к.

И того безъ пересылки... 37 р. 50 к
съ пересылкой. . . . . . . 44 р. сер
Годъ 1858-й, 1859-й, 1860 и 1861 годъ, по 4-ре книги въ годъ, безъ перес. каждый. 5 р. с.
съ пересылкой. . . . . . . 6 —
За всѣ годы, безъ пересылки. 57 р. 50 к.
съ пересылкой же. . . . . 68 р. сер.

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

съ 1849 по 1858 г.

книгъ, каждая по 1 р. 50 к.
а за всѣ безъ
пересылки. . . . 37 р. 50 к.
съ пересылкой. . 45 — —

На пересылку всякой книги «Чтеній» и «Временника» безъ различія за 4 фунта.

Изданія Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ можно учать: 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуарія Дмитрія Ивановича Штейнберга, Моховой, въ зданіи Университета, и 2) у Коммиссіонера Общества, Ивана Васьевича Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, противъ Унисситетской Типографіи.

Тамъ же можно получать:

Славянскія древности, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Чешскаго Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848, ц. 6. р. сер., перес. за 10 ф.

О времени происхожденія славянскихъ письменъ, соч. О. Бонскаго. М. 1855, ц. 2 руб. серебр., съ перес. 3 р.

Исторія руссовъ или малой россіи, соч. Преосвящен. Георгія онисскаго. М. 1846 г., ц. 5 р. сер. безъ пересылки.

Гусъ и Лютеръ. Критическое изслѣдованіе Е. Новикова. М. 1859 г., а тома. Цѣна 3 р. сер., съ пересылкой 4 р. сер.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы . Т. Сов. и Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860, ц. 1 р. ъ перес. 1 р. 25 к. сер.

О происхожденіи и родинѣ глаголитизма; соч. П. І. Шафарика; ерев. съ Нѣмецкаго А. Шемякина. М. 1861, ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

Походы викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ кандинавовъ, соч. А. М. Стриннгольма, пер. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к. сер., съ пересылкою 3 р.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ и въ 1862-мъ году будутъ выходить, какъ повременное изданіе, четыре раза въ годъ, по одной книгѣ отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ сжатаго набора, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содержаніе каждой книги составляютъ: I. Изслѣдованія II. Матеріялы Отечественные, III. Славянскіе, IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Подписка годовая—пять рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкой въ другія мѣста — шесть. Съ требованіями обращаться въ самое Общество, или къ Московскому книгопродавцу, Коммиссіонеру Общества, И. В. Базунову, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, противъ Университетской Типографіи.